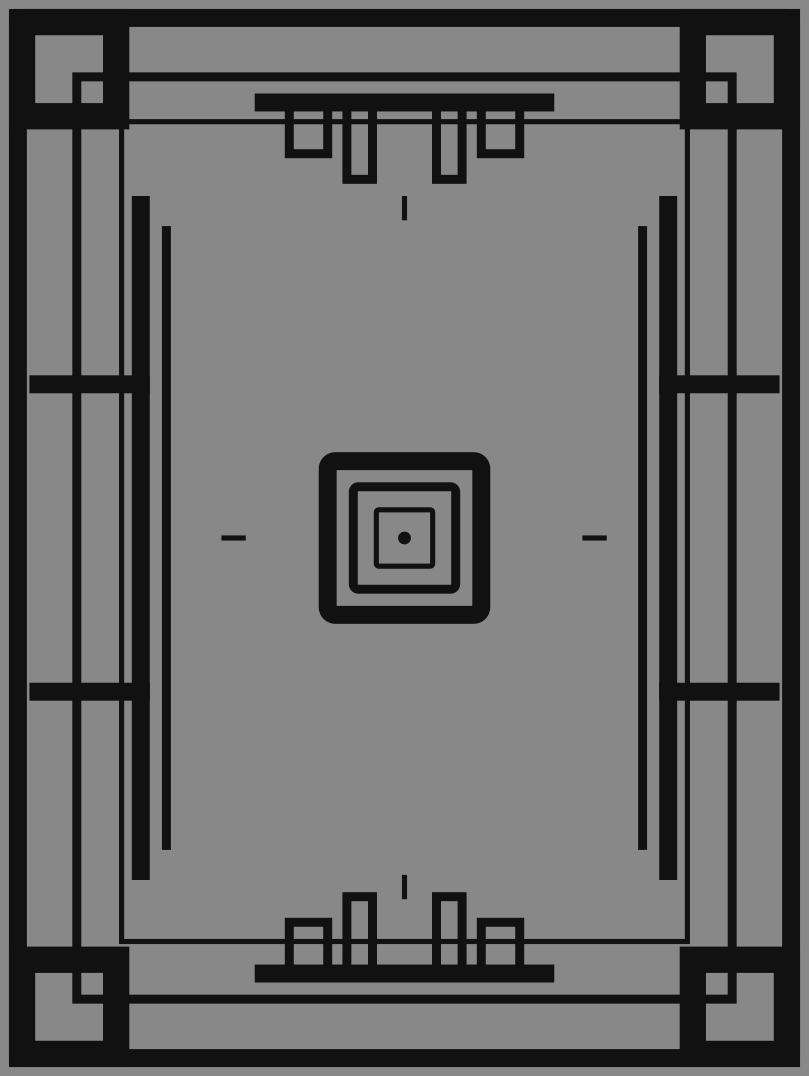

По ком звонит колокол - английский и русский параллельные тексты

Эрнест Миллер Хемингуэй

Аннотация

Аннотация

В одном из лучших своих романов «По ком звонит колокол», написанном по впечатлениям от пережитого в Испании в годы Гражданской войны, классик литературы XX века Эрнест Хемингуэй остался верен главной теме своего творчества — теме любви и смерти, ответственности человека за все, что происходит в мире. Сменив мирный труд преподавателя на опасное занятие подрывника, американец Роберт Джордан сражается с франкистами в Испании и обретает свою подлинную любовь.

Эрнест Хемингуэй.
По ком звонит колокол

For Whom The Bell Tolls	По ком звонит колокол
Ernest Hemingway	Эрнест Хемингуэй
1	1
He lay flat on the brown, pine-needled floor of the forest, his chin on his folded arms, and high overhead the wind blew in the tops of the pine trees.	Он лежал на устланной сосновыми иглами бурой земле, уткнув подбородок в скрещенные руки, а ветер шевелил над ним верхушки высоких сосен.
The mountainside sloped gently where he lay; but below it was steep and he could see the dark of the oiled road winding through the pass.	Склон в этом месте был некрутой, но дальше обрывался почти отвесно, и видно было, как черной полосой вьется по ущелью дорога.

There was a stream alongside the road and far down the pass he saw a mill beside the stream and the falling water of the dam, white in the summer sunlight.	Она шла берегом реки, а в дальнем конце ущелья виднелась лесопилка и белеющий на солнце водоскат у плотины.
"Is that the mill?" he asked.	- Вот эта лесопилка? - спросил он.
"Yes."	-Да.
"I do not remember it."	-Я ее не помню.
"It was built since you were here.	- Ее выстроили уже после тебя.
The old mill is farther down; much below the pass."	Старая лесопилка не здесь; она ниже по ущелью.

He spread the photostated military map out on the forest floor and looked at it carefully.	Он разложил на земле карту и внимательно вгляделся в нее.
The old man looked over his shoulder.	Старик смотрел через его плечо.
He was a short and solid old man in a black peasant's smock and gray iron-stiff trousers and he wore rope-soled shoes.	Это был невысокий, коренастый старик в черной крестьянской блузе и серых штанах из грубой ткани; на ногах у него были сандалии на веревочной подошве.
He was breathing heavily from the climb and his hand rested on one of the two heavy packs they had been carrying.	Он еще не отдышался после подъема и стоял, положив руку на один из двух тяжелых рюкзаков.

"Then you cannot see the bridge from here."	- Значит, моста отсюда не видно?
"No," the old man said.	- Нет, - сказал старик.
"This is the easy country of the pass where the stream flows gently.	- Тут место ровное, и река течет спокойно.
Below, where the road turns out of sight in the trees, it drops suddenly and there is a steep gorge--"	Дальше, за поворотом, где дорога уходит за деревья, сразу будет глубокая теснина...
"I remember."	- Я помню.
"Across this gorge is the bridge."	- Вот через теснину и перекинут мост.
"And where are their posts?"	- А где у них посты?
"There is a post at the mill that you see there."	- Один - вон там, на этой самой лесопилке.

The young man, who was studying the country, took his glasses from the pocket of his faded, khaki flannel shirt, wiped the lenses with a handkerchief, screwed the eyepieces around until the boards of the mill showed suddenly clearly and he saw the wooden bench beside the door; the huge pile of sawdust that rose behind the open shed where the circular saw was, and a stretch of the flume that brought the logs down from the mountainside on the other bank of the stream.	Молодой человек, изучавший местность, достал бинокль из кармана линялой фланелевой рубашки цвета хаки, протер платком стекла и стал подкручивать окуляры, пока все очертания не сделались вдруг четкими, и тогда он увидел деревянную скамью у дверей лесопилки, большую кучу опилок за дисковой пилой, укрытой под навесом, и часть желоба на противоположном склоне, по которому спускали вниз бревна.

The stream showed clear and smooth-looking in the glasses and, below the curl of the falling water, the spray from the dam was blowing in the wind.	Река отсюда казалась спокойной и тихой, и в бинокль было видно, как над прядями водо-ската разлетаются по ветру брызги.
"There is no sentry."	- Часового нет.
"There is smoke coming from the millhouse," the old man said.	- Из трубы идет дым, - сказал старик.
"There are also clothes hanging on a line."	- И белье развешено на веревке.
"I see them but I do not see any sentry."	- Это я вижу, но я не вижу часового.

"Perhaps he is in the shade," the old man explained.	- Должно быть, он укрылся в тени, - пояснил старик.
"It is hot there now.	- Сейчас еще жарко.
He would be in the shadow at the end we do not see."	Он, наверно, с той стороны, где тень, отсюда нам не видно.
"Probably.	- Возможно.
Where is the next post?"	А где следующий пост?
"Below the bridge.	- За мостом.
It is at the roadmender's hut at kilometer five from the top of the pass."	В домике дорожного мастера, на пятом километре.
"How many men are here?"	- Сколько здесь солдат?

He pointed at the mill.	- Он указал на лесопилку.
"Perhaps four and a corporal."	- Не больше четырех и капрал.
"And below?"	- А там, в домике?
"More.	-Там больше.
I will find out."	Я проверю.
"And at the bridge?"	-А на мосту?
"Always two.	- Всегда двое.
One at each end."	По одному на каждом конце.
"We will need a certain number of men," he said.	- Нам нужны будут люди, - сказал он.
"How many men can you get?"	- Сколько человек ты можешь дать?

"I can bring as many men as you wish," the old man said.	- Можно привести сколько угодно, - сказал старик.

"There are many men now here in the hills."	- Тут, в горах, теперь людей много.
"How many?"	- Сколько?
"There are more than a hundred.	- Больше сотни.
But they are in small bands.	Но они все разбиты на маленькие отряды.
How many men will you need?"	Сколько человек тебе понадобится?
"I will let you know when we have studied the bridge."	- Это я скажу, когда осмотрю мост.
"Do you wish to study it now?"	-Ты хочешь осмотреть его сейчас?

"No.	- Нет.
Now I wish to go to where we will hide this explosive until it is time.	Сейчас я хочу идти туда, где можно спрятать динамит.
I would like to have it hidden in utmost security at a distance no greater than half an hour from the bridge, if that is possible."	Его нужно спрятать в надежном месте и, если возможно, не дальше чем в получасе ходьбы от моста.
"That is simple," the old man said.	- Это нетрудно, - сказал старик.
"From where we are going, it will all be downhill to the bridge.	- От того места, куда мы идем, прямая дорога вниз, к мосту.

But now we must climb a little in seriousness to get there.	Только чтоб туда добраться, надо еще поднатужиться немного.
Are you hungry?"	Ты не голоден?
"Yes," the young man said.	- Голоден, - сказал молодой.
"But we will eat later.	- Но мы поедим после.
How are you called?	Как тебя зовут?
I have forgotten."	Я забыл.
It was a bad sign to him that he had forgotten.	- Он подумал, что это дурной знак, то, что он забыл.
"Anselmo," the old man said.	- Ансельмо, - сказал старик.
"I am called Anselmo and I come from Barco de Avila.	- Меня зовут Ансельмо, я из Барко-де-Авила.

Let me help you with that pack."	Давай я помогу тебе поднять мешок.
The young man, who was tall and thin, with sun-streaked fair hair, and a wind- and sun-burned face, who wore the sun-faded flannel shirt, a pair of peasant's trousers and rope-soled shoes, leaned over, put his arm through one of the leather pack straps and swung the heavy pack up onto his shoulders.	Молодой - он был высокий и худощавый, с выгоревшими, светлыми волосами, с обветренным и загорелым лицом, в линялой фланелевой рубашке, крестьянских штанах и сандалиях на веревочной подошве - нагнулся, просунул руку в ременную лямку и взвалил тяжелый рюкзак на плечи.
He worked his arm through the other strap and settled the weight of the pack against his back.	Потом надел другую лямку и поправил рюкзак, чтобы тяжесть пришлась на всю спину.

His shirt was still wet from where the pack had rested.	Рубашка на спине еще не просохла после подъема на гору.

"I have it up now," he said.	- Ну, я готов, - сказал он.
"How do we go?"	- Куда идти?
"We climb," Anselmo said.	- Вверх, - сказал Ансельмо.
Bending under the weight of the packs, sweating, they climbed steadily in the pine forest that covered the mountainside.	Согнувшись под тяжестью рюкзаков, обливаясь потом, они стали взбираться по склону, густо поросшему сосняком.

There was no trail that the young man could see, but they were working up and around the face of the mountain and now they crossed a small stream and the old man went steadily on ahead up the edge of the rocky stream bed.	Тропинки не было видно, но они все поднимались и поднимались, то прямо, то в обход, потом вышли к неширокому ручью, и старик, не останавливаясь, полез дальше, вдоль каменистого русла.
The climbing now was steeper and more difficult, until finally the stream seemed to drop down over the edge of a smooth granite ledge that rose above them and the old man waited at the foot of the ledge for the young man to come up to him.	Теперь подъем стал круче и труднее, и наконец впереди выросла гладкая гранитная скала, откуда ручей срывался вниз, и здесь старик остановился и подождал молодого.

"How are you making it?"	- Ну, как ты?
"All right," the young man said.	- Ничего, - сказал молодой.
He was sweating heavily and his thigh muscles were twitchy from the steepness of the climb.	Но он весь взмок, и у него сводило икры от напряжения при подъеме.
"Wait here now for me.	- Подожди меня здесь.
I go ahead to warn them.	Я пойду предупрежу.
You do not want to be shot at carrying that stuff."	С такой ношей не годится попадать под обстрел.
"Not even in a joke," the young man said.	- Да, тут шутки плохи, - сказал молодой.
"Is it far?"	- А далеко еще?

"It is very close.	- Совсем близко.
How do they call thee?"	Как тебя зовут?
"Roberto," the young man answered.	- Роберто, - ответил молодой.
He had slipped the pack off and lowered it gently down between two boulders by the stream bed.	Он спустил рюкзак с плеч и осторожно поставил его между двух валунов у ручья.
"Wait here, then, Roberto, and I will return for you."	- Так вот, Роберто, подожди здесь, я вернусь за тобой.
"Good," the young man said.	- Хорошо, - ответил молодой.
"But do you plan to go down this way to the bridge?"	- А скажи, к мосту ведет эта же дорога?
"No.	- Нет.

When we go to the bridge it will be by another way.	К мосту мы пойдем другой дорогой.
Shorter and easier."	Там ближе и спуск легче.
"I do not want this material to be stored too far from the bridge."	- Мне нужно, чтобы материал был сложен не слишком далеко от моста.
"You will see.	- Посмотришь.

If you are not satisfied, we will take another place."	Если тебе не понравится, мы выберем другое место.
"We will see," the young man said.	- Посмотрим, - сказал молодой.
He sat by the packs and watched the old man climb the ledge.	Он сел возле рюкзаков и стал глядеть, как старик взбирается на скалу.

It was not hard to climb and from the way he found hand-holds without searching for them the young man could see that he had climbed it many times before.	Взбирался он без труда, и по тому, как он быстро, почти не глядя, находил места для упора, ясно было, что он проделывал этот путь уже много раз.
Yet whoever was above had been very careful not to leave any trail.	Но жившие там, наверху, заботились, чтобы не было никакой тропы.
The young man, whose name was Robert Jordan, was extremely hungry and he was worried.	Роберт Джордан - так звали молодого -мучительно хотел есть, и на душе у него было тревожно.

He was often hungry but he was not usually worried because he did not give any importance to what happened to himself and he knew from experience how simple it was to move behind the enemy lines in all this country.	Чувство голода было для него привычным, но тревогу ему не часто приходилось испытывать, так как он не придавал значения тому, что может с ним случиться, а кроме того, знал по опыту, как просто передвигаться в тылу противника в этой стране.
It was as simple to move behind them as it was to cross through them, if you had a good guide.	Передвигаться в тылу было так же просто, как переходить линию фронта, был бы только хороший проводник.

It was only giving importance to what happened to you if you were caught that made it difficult; that and deciding whom to trust.	Все лишь тогда становится трудным, когда придаешь значение тому, что может случиться с тобой, если поймают, да еще трудно решать, кому можно довериться.
You had to trust the people you worked with completely or not at all, and you had to make decisions about the trusting.	Людям, с которыми работаешь вместе, нужно доверять до конца или совсем не доверять, вот и приходится решать, кто заслуживает доверия.
He was not worried about any of that.	Но это все не тревожило его.
But there were other things.	Тревожило другое.

This Anselmo had been a good guide and he could travel wonderfully in the mountains.	Ансельмо был хорошим проводником и умел ходить в горах.
Robert Jordan could walk well enough himself and he knew from following him since before daylight that the old man could walk him to death.	Роберт Джордан и сам был неплохой ходок, но за несколько часов пути - они вышли еще до рассвета - он убедился в том, что старик может загнать его насмерть.
Robert Jordan trusted the man, Anselmo, so far, in everything except judgment.	До сих пор Роберт Джордан доверял Ансельмо во всем - кроме его суждений.

He had not yet had an opportunity to test his judgment, and, anyway, the judgment was his own responsibility.	Не было пока случая испытать правильность его суждений, и в конце концов за свои суждения каждый отвечает сам.
No, he did not worry about Anselmo and the problem of the bridge was no more difficult than many other problems.	Да, Ансельмо его не тревожил, и задача с мостом была не труднее многих других задач.

He knew how to blow any sort of bridge that you could name and he had blown them of all sizes and constructions.	Нет такого моста, которого он не сумел бы взорвать, и ему уже приходилось взрывать мосты всяких размеров и конструкций.

There was enough explosive and all equipment in the two packs to blow this bridge properly even if it were twice as big as Anselmo reported it, as he remembered it when he had walked over it on his way to La Granja on a walking trip in 1933, and as Golz had read him the description of it night before last in that upstairs room in the house outside of the Escorial.	В рюкзаках было до- статочно динамита и всего, что необходи- мо, чтобы взорвать этот мост по всем пра- вилам, даже если он вдвое больше, чем го- ворит Ансельмо, и чем запомнилось ему са- мому еще с 1933 года, когда, он, путешествуя в этих местах, перехо- дил его на пути в Ла-Г ранху, и чем сказано в описании, которое Гольц читал ему поза- вчера вечером в одной из верхних комнат до- ма близ Эскуриала.

"To blow the bridge is nothing," Golz had said, the lamplight on his scarred, shaved head, pointing with a pencil on the big map.	- Взорвать мост - это еще не все, - сказал тогда Гольц, водя карандашом по большой карте, и его бритая, вся в шрамах голова заблестела при свете лампы.
"You understand?"	- Вы понимаете?
"Yes, I understand."	- Да, я понимаю.
"Absolutely nothing.	- Это почти что ничего.
Merely to blow the bridge is a failure."	Просто взять и взорвать мост - это равносильно провалу.
"Yes, Comrade General."	- Да, товарищ генерал.

"To blow the bridge at a stated hour based on the time set for the attack is how it should be done.	- Взорвать мост в точно указанный час, сообразуясь с временем, назначенным для наступления, - вот что нужно.
You see that naturally.	Вы понимаете?
That is your right and how it should be done."	Вот что нужно, и вот что от вас требуется.
Golz looked at the pencil, then tapped his teeth with it.	Гольц посмотрел на карандаш и постучал им по зубам.
Robert Jordan had said nothing.	Роберт Джордан ничего не ответил.
"You understand that is your right and how it should be done," Golz went on, looking at him and nodding his head.	- Вы понимаете? Вот что нужно, и вот что от вас требуется, - повторил Гольц, глядя на него и кивая головой.

He tapped on the map now with the pencil.	Теперь он постукивал карандашом по карте.
"That is how I should do it.	- Вот что сделал бы я.
That is what we cannot have."	И вот на что нечего и рассчитывать.
"Why, Comrade General?"	- Почему, товарищ генерал?
"Why?" Golz said, angrily.	- Почему? - сердито сказал Гольц.
"How many attacks have you seen and you ask me why?	- Мало вы наступлений видели, если спрашиваете меня почему.
What is to guarantee that my orders are not changed?	Кто поручится, что мои приказы не будут изменены?

What is to guarantee that the attack is not annulled?	Кто поручится, что наступление не будет отменено?
What is to guarantee that the attack is not postponed?	Кто поручится, что наступление не будет отложено?
What is to guarantee that it starts within six hours of when it should start?	Кто поручится, что оно начнется хотя бы через шесть часов после назначенного срока?
Has any attack ever been as it should?"	Был ли когда-нибудь случай, чтобы наступление шло так, как оно должно идти?
"It will start on time if it is your attack," Robert Jordan said.	- Если наступлением руководите вы, оно начнется вовремя, - сказал тогда Роберт Джордан.
"They are never my attacks," Golz said.	- Я никогда не руковожу наступлением, - сказал Гольц.

"I make them.	- Я наступаю.
But they are not mine.	Но я не руковожу наступлением.
The artillery is not mine.	Артиллерия мне не подчинена.
I must put in for it.	Я должен выпрашивать ее.
I have never been given what I ask for even when they have it to give.	Мне никогда не дают то, чего я прошу, даже когда можно было бы дать.
That is the least of it.	Но это еще полбеды.
There are other things.	Есть и многое другое.
You know how those people are.	Вы знаете, что это за люди.
It is not necessary to go into all of it.	Не стоит вдаваться в подробности.

Always there is something.	Что-нибудь всегда найдется.
Always some one will interfere.	Кто-нибудь всегда вмешается некстати.
So now be sure you understand."	Теперь, надеюсь, вы понимаете?
"So when is the bridge to be blown?" Robert Jordan had asked.	- Так когда же должен быть взорван мост? - спросил Роберт Джордан.
"After the attack starts.	- Когда наступление начнется.
As soon as the attack has started and not before.	Как только наступление начнется, но не раньше.
So that no reinforcements will come up over that road."	Так, чтобы по этой дороге не могли подойти подкрепления.

He pointed with his pencil.	- Он показал карандашом.
"I must know that nothing will come up over that road."	- Я должен знать, что эта дорога отрезана.
"And when is the attack?"	-А на когда назначено наступление?
"I will tell you.	- Сейчас скажу.
But you are to use the date and hour only as an indication of a probability.	Но день и час должны служить вам только приблизительным указанием.
You must be ready for that time.	К этому, времени вы должны быть готовы.

You will blow the bridge after the attack has started.	Вы взорвете мост тогда, когда наступление начнется.

You see?" he indicated with the pencil.	Смотрите. - Он указал карандашом.
"That is the only road on which they can bring up reinforcements.	- Это единственная дорога, по которой можно подвести подкрепления.
That is the only road on which they can get up tanks, or artillery, or even move a truck toward the pass which I attack.	Это единственная дорога, по которой танки артиллерия или хотя бы грузовики могут пройти к ущелью, где я буду наступать.
I must know that bridge is gone.	Я должен знать, что мост взорван.
Not before, so it can be repaired if the attack is postponed.	Нельзя взорвать его заранее, потому что тогда его успеют починить, если наступление будет отложено.

No. It must go when the attack starts and I must know it is gone.	Нет, он должен быть взорван, когда наступление начнется, и я должен знать, что его уже нет.
There are only two sentries.	Там всего двое часовых.
The man who will go with you has just come from there.	Человек, который вас поведет, только что пришел оттуда.
He is a very reliable man, they say.	Говорят, на него вполне можно положиться.
You will see.	Вы увидите.
He has people in the mountains.	У него есть люди в горах.
Get as many men as you need.	Возьмите столько людей, сколько вам потребуется.

Use as few as possible, but use enough.	Постарайтесь взять как можно меньше, но чтобы их было достаточно.
I do not have to tell you these things."	Да мне вас учить нечего.
"And how do I determine that the attack has started?"	- А как я узнаю, что наступление началось?
"It is to be made with a full division.	- В нем примет участие целая дивизия.
There will be an aerial bombardment as preparation.	Будет подготовка с воздуха.
You are not deaf, are you?"	Вы, кажется, глухотой не страдаете?
"Then I may take it that when the planes unload, the attack has started?"	- Значит, если я услышу бомбежку, можно считать, что наступление началось?

"You could not always take it like that," Golz said and shook his head.	- Это не всегда так бывает, - сказал Гольц и покачал головой.
"But in this case, you may.	- Но в данном случае это так.
It is my attack."	Наступать буду я.
"I understand it," Robert Jordan had said.	- Ясно, - сказал тогда Роберт Джордан.
"I do not say I like it very much."	- Ясно, хотя не очень приятно.
"Neither do I like it very much.	- Мне самому не очень приятно.
If you do not want to undertake it, say so now.	Если вы не хотите за это браться, говорите сейчас.

If you think you cannot do it, say so now."	Если вы думаете, что не справитесь, говорите сейчас.
"I will do it," Robert Jordan had said.	- Я справлюсь, - сказал Роберт Джордан.
"I will do it all right."	- Я сделаю все как нужно.
"That is all I have to know," Golz said.	- Я должен знать только одно, - сказал Гольц.
"That nothing comes up over that bridge.	- Что моста нет и дорога отрезана.
That is absolute."	Это мне необходимо.
"I understand."	- Понятно.
"I do not like to ask people to do such things and in such a way," Golz went on.	- Я не люблю посылать людей на такие дела и в такой обстановке, - продолжал Гольц.

"I could not order you to do it.	- Я не мог бы приказать вам это сделать.
I understand what you may be forced to do through my putting such conditions.	Я понимаю, к чему могут принудить вас те условия, которые я ставлю.
I explain very carefully so that you understand and that you understand all of the possible difficulties and the importance."	Я все подробно стараюсь объяснить, чтобы вы поняли и чтобы вам были ясны все возможные трудности и все значение этого дела.
"And how will you advance on La Granja if that bridge is blown?"	- А как же вы продвинетесь к Ла-Гранхе, если мост будет взорван?

"We go forward prepared to repair it after we have stormed the pass.	- У нас будет с собой все, чтобы восстановить его, как только мы займем ущелье.
It is a very complicated and beautiful operation.	Это очень сложная и очень красивая операция.
As complicated and as beautiful as always.	Сложная и красивая, как всегда.
The plan has been manufactured in Madrid.	План был сработан в Мадриде.
It is another of Vicente Rojo, the unsuccessful professor's, masterpieces.	Это очередное творение Висенте Рохо, шедевр незадачливого профессора.
I make the attack and I make it, as always, not in sufficient force.	Наступать буду я, и, как всегда, с недостаточными силами.

It is a very possible operation, in spite of that.	И все-таки эта операция осуществима.
I am much happier about it than usual.	Я за нее спокойнее, чем обычно.
It can be successful with that bridge eliminated.	Если удастся разрушить мост, она может быть успешной.
We can take Segovia.	Мы можем взять Сеговию.
Look, I show you how it goes.	Смотрите, я сейчас покажу вам весь план.
You see?	Видите?
It is not the top of the pass where we attack.	Мы начинаем не у входа в ущелье.
We hold that.	Там мы уже закрепились.

It is much beyond.	Мы начинаем гораздо дальше.
Look-- Here-- Like this--"	Вот, смотрите, отсюда.
"I would rather not know," Robert Jordan said.	-Я не хочу знать, - сказал Роберт Джордан.

"Good," said Golz.	- Правильно, - сказал Гольц.
"It is less of baggage to carry with you on the other side, yes?"	- Когда идешь за линию фронта, лучше брать с собой поменьше багажа, да?
"I would always rather not know.	- Я всегда предпочитаю не знать.
Then, no matter what can happen, it was not me that talked."	Тогда, если что случится, не я выдал.

"It is better not to know," Golz stroked his forehead with the pencil.	- Да, не знать лучше, - сказал Г ольц, поглаживая лоб карандашом.
"Many times I wish I did not know myself.	- Иногда я и сам рад был бы не знать.
But you do know the one thing you must know about the bridge?"	Но то, что вам нужно знать про мост, вы знаете?
"Yes.	-Да.
I know that."	Это я знаю.
"I believe you do," Golz said.	- Я тоже так думаю, - сказал Гольц.
"I will not make you any little speech.	- Ну, я не буду произносить напутственные речи.
Let us now have a drink.	Давайте выпьем.

So much talking makes me very thirsty, Comrade Hordan.	Когда я много говорю, мне всегда очень хочет- ся пить, товарищ Хор- дан.
You have a funny name in Spanish, Comrade Hordown."	Смешно звучит ваше имя по-испански, това- рищ Хордан.
"How do you say Golz in Spanish, Comrade General?"	- А как звучит по-испан- ски Г ольц, товарищ ге- нерал?
"Hotze," said Golz grinning, making the sound deep in his throat as though hawking with a bad cold.	- Хоце, - сказал Г ольц и ухмыльнулся. "Х" он произносил с глубоким придыханием, как будто отхаркивал мокроту.
"Hotze," he croaked.	- Хоце, - прохрипел он.
"Comrade Heneral Khotze.	- Камарада хенераль Хо- це.

If I had known how they pronounced Golz in Spanish I would pick me out a better name before I come to war here.	Если б я знал, как испанцы произносят Гольц, я бы себе выбрал имя получше, когда ехал сюда.
When I think I come to command a division and I can pick out any name I want and I pick out Hotze.	Подумать только - человек едет командовать дивизией, может выбрать любое имя и выбирает Хоце.
Heneral Hotze.	Хенераль Хоце.
Now it is too late to change.	Но теперь уже поздно менять.
How do you like _partizan_ work?"	Как вам нравится партизанская война?
It was the Russian term for guerilla work behind the lines.	- Это было русское название действий в тылу противника.

"Very much," Robert Jordan said.	- Очень нравится, - сказал Роберт Джордан.
He grinned.	Он широко улыбнулся.

"It is very healthy in the open air."	- Все время на воздухе, очень полезно для здоровья.
"I like it very much when I was your age, too," Golz said.	- Мне она тоже нравилась, когда я был в вашем возрасте, - сказал Гольц.
"They tell me you blow bridges very well.	- Я слыхал, что вы мастерски взрываете мосты.
Very scientific.	По всем правилам науки.
It is only hearsay.	Но это только слухи.
I have never seen you do anything myself.	Ведь я никогда не видел вашей работы.

Maybe nothing ever happens really.	Может быть, на самом деле вы ничего не умеете?
You really blow them?" he was teasing now.	Вы в самом деле умеете взрывать мосты? - Он теперь поддразнивал Роберта Джордана.
"Drink this," he handed the glass of Spanish brandy to Robert Jordan.	- Выпейте. - Он налил ему испанского коньяку.
"You really blow them?"	- Вам и в самом деле это удается?
"Sometimes."	- Иногда.
"You better not have any sometimes on this bridge.	- Смотрите, с этим мостом не должно быть никаких "иногда".
No, let us not talk any more about this bridge.	Нет, хватит разговоров про этот мост.

You understand enough now about that bridge.	Вы уже достаточно знаете про этот мост.
We are very serious so we can make very strong jokes.	Мы серьезные люди и потому умеем крепко пошутить.
Look, do you have many girls on the other side of the lines?"	Признайтесь, много у вас девушек по ту сторону фронта?
"No, there is no time for girls."	- Нет, на девушек времени не хватает.
"I do not agree.	- Не согласен.
The more irregular the service, the more irregular the life.	Чем безалабернее служба, тем безалабернее жизнь.
You have very irregular service.	Ваша служба очень безалаберная.

Also you need a haircut."	Кроме того, у вас слишком длинные волосы.
"I have my hair cut as it needs it," Robert Jordan said.	- Мне они не мешают, - сказал Роберт Джордан.
He would be damned if he would have his head shaved like Golz.	Недоставало еще ему обрить голову, как Гольц.
"I have enough to think about without girls," he said sullenly.	- У меня и без девушек есть о чем думать, - сказал он хмуро.
"What sort of uniform am I supposed to wear?" Robert Jordan asked.	- Какую мне надеть форму?
"None," Golz said.	- Формы не надо, - сказал Гольц.
"Your haircut is all right.	- И можете не стричься.

I tease you.	Я просто поддразнил вас.

You are very different from me," Golz had said and filled up the glasses again.	Мы с вами очень разные люди, - сказал Гольц и снова налил ему и себе тоже.
"You never think about only girls.	- Вы думаете не только о девушках, а и о многом другом.
I never think at all.	А я вообще ни о чем таком не думаю.
Why should I? I am _General Sovietique_. I never think. Do not try to trap me into thinking."	На что мне?

Some one on his staff, sitting on a chair working over a map on a drawing board, growled at him in the language Robert Jordan did not understand.	Один из штабных офицеров, склонившийся над картой, приколотой к чертежной доске, проворчал что-то на языке, которого Роберт Джордан не понимал.
"Shut up," Golz had said, in English.	- Отстань, - ответил Гольц по-английски.
"I joke if I want.	- Хочу шутить и шучу.
I am so serious is why I can joke.	Я такой серьезный, что мне можно шутить.
Now drink this and then go.	Ну, выпейте и ступайте.
You understand, huh?"	Вы все поняли, да?
"Yes," Robert Jordan had said.	- Да, - сказал Роберт Джордан.
"I understand."	- Я все понял.

They had shaken hands and he had saluted and gone out to the staff car where the old man was waiting asleep and in that car they had ridden over the road past Guadarrama, the old man still asleep, and up the Navacerrada road to the Alpine Club hut where he, Robert Jordan, slept for three hours before they started.	Они пожали друг другу руки, он отдал честь и пошел к штабной машине, где старик, дожидаясь его, уснул на сиденье, и в этой машине они поехали по шоссе на Гвадарраму, причем старик так и не проснулся, а потом свернули на Навасеррадскую дорогу и добрались до альпинистской базы, и Роберт Джордан часа три поспал там, перед тем как тронуться в путь.

That was the last he had seen of Golz with his strange white face that never tanned, his hawk eyes, the big nose and thin lips and the shaven head crossed with wrinkles and with scars.	Он тогда последний раз видел Гольца, его странное белое лицо, которое не брал загар, ястребиные глаза, большой нос, и тонкие губы, и бритую голову, изборожденную морщинами и шрамами.

Tomorrow night they would be outside the Escorial in the dark along the road; the long lines of trucks loading the infantry in the darkness; the men, heavy loaded, climbing up into the trucks; the machine-gun sections lifting their guns into the trucks; the tanks being run up on the skids onto the long-bodied tank trucks; pulling the Division out to move them in the night for the attack on the pass.	Завтра ночью, в темноте начнется движение на дороге перед Эскуриалом; длинные вереницы грузовиков, и на них в темноте рассаживается пехота; бойцы в тяжелой амуниции взбираются на грузовики; пулеметчики втаскивают пулеметы на грузовики; на длинные автоплатформы вкатывают цистерны с горючим; дивизия выступает в ночной поход, готовясь к наступлению в ущелье.
He would not think about that.	Нечего ему думать об этом.
That was not his business.	Это не его дело.

That was Golz's business.	Это дело Гольца.

He had only one thing to do and that was what he should think about and he must think it out clearly and take everything as it came along, and not worry.	У него есть своя задача, и о ней он должен думать, и должен продумать все до полной ясности, и быть готовым ко всему, и ни о чем не тревожиться.
To worry was as bad as to be afraid.	Тревога не лучше страха.
It simply made things more difficult.	От нее только труднней.
He sat now by the stream watching the clear water flowing between the rocks and, across the stream, he noticed there was a thick bed of watercress.	Он сидел у ручья, глядя, как прозрачные струйки бегут между камнями, и вдруг на том берегу увидел густую поросль дикого кресс-салата.

He crossed the stream, picked a double handful, washed the muddy roots clean in the current and then sat down again beside his pack and ate the clean, cool green leaves and the crisp, peppery-tasting stalks.	Он перешел ручей, вырвал сразу целый пучок, смыл в воде землю с корней, потом снова сел возле своего рюкзака и стал жевать чистую, холодную зелень и хрусткие, горьковатые стебли.
He knelt by the stream and, pushing his automatic pistol around on his belt to the small of his back so that it would not be wet, he lowered himself with a hand on each of two boulders and drank from the stream.	Потом он встал на колени, передвинул револьвер, висевший на поясе, за спину, чтобы не замочить его, пригнулся, упираясь руками в камни, и напился из ручья.
The water was achingly cold.	От холодной воды заломило зубы.

Pushing himself up on his hands he turned his head and saw the old man coming down the ledge.	Он оттолкнулся руками, повернул голову и увидел спускавшегося со скалы старика.
With him was another man, also in a black peasant's smock and the dark gray trousers that were almost a uniform in that province, wearing rope-soled shoes and with a carbine slung over his back.	С ним шел еще один человек, тоже в черной крестьянской блузе и серых штанах, которые в этой местности носили почти как форму; на ногах у него-были сандалии на веревочной подошве, а за спиной висел карабин.
This man was bareheaded.	Он был без шляпы.
The two of them came scrambling down the rock like goats.	Оба прыгали по кручам, как горные козлы.

They came up to him and Robert Jordan got to his feet.	Они подошли к нему, и Роберт Джордан поднялся на ноги.
"_Salud, Camarada_," he said to the man with the carbine and smiled.	- Salud, camarada, - сказал он человеку с карабином и улыбнулся.
"_Salud_," the other said, grudgingly.	- Salud, - хмуро пробурчал тот.
Robert Jordan looked at the man's heavy, beard-stubbled face.	Роберт Джордан посмотрел в его массивное, обросшее щетиной лицо.
It was almost round and his head was round and set close on his shoulders.	Оно было почти круглое, и голова тоже была круглая и плотно сидела на плечах.
His eyes were small and set too wide apart and his ears were small and set close to his head.	Глаза были маленькие и слишком широко расставлены, а уши маленькие и плотно прижатые к голове.

He was a heavy man about five feet ten inches tall and his hands and feet were large.	Это был человек пяти с лишним футов, росту, массивного сложения, с большими руками и ногами.

His nose had been broken and his mouth was cut at one corner and the line of the scar across the upper lip and lower jaw showed through the growth of beard over his face.	Нос у него был переломлен, верхнюю губу у самого угла пересекал шрам, который тянулся через всю нижнюю челюсть и был виден даже сквозь щетину на подбородке.
The old man nodded his head at this man and smiled.	Старик кивнул на него и улыбнулся.

"He is the boss here," he grinned, then flexed his arms as though to make the muscles stand out and looked at the man with the carbine in a half-mocking admiration.	- Он тут хозяин, - подмигнул он, потом согнул обе руки в локтях, как будто показывая мускулы, и поглядел на своего спутника с полунасмешливым восхищением.
"A very strong man."	- Силач.
"I can see it," Robert Jordan said and smiled again.	- Это видно, - сказал Роберт Джордан и опять улыбнулся.
He did not like the look of this man and inside himself he was not smiling at all.	Человек не понравился ему, и внутренне он вовсе не улыбался.

"What have you to justify your identity?" asked the man with the carbine.	- А чем ты удостоверишь свою личность? -спросил человек с карабином.
Robert Jordan unpinned a safety pin that ran through his pocket flap and took a folded paper out of the left breast pocket of his flannel shirt and handed it to the man, who opened it, looked at it doubtfully and turned it in his hands.	Роберт Джордан отстегнул английскую булавку, которой был заколот левый нагрудный карман его фланелевой рубашки, вынул сложенную бумагу и протянул человеку с карабином; тот развернул ее и, глядя недоверчиво, повертел в пальцах.
So he cannot read, Robert Jordan noted.	Читать не умеет, отметил про себя Роберт Джордан.

"Look at the seal," he said.	- Посмотри на печать, - сказал он.
The old man pointed to the seal and the man with the carbine studied it, turning it in his fingers.	Старик указал пальцем, и человек с карабином еще повертел бумагу, разглядывая печать.
"What seal is that?"	- Что это за печать?
"Have you never seen it?"	-Ты ее не знаешь?
"No."	- Нет.
"There are two," said Robert Jordan.	- Их тут две, - сказал Роберт Джордан.
"One is S. I. M., the service of the military intelligence.	- Вот эта СВР - Службы военной разведки.

The other is the General Staff."	А эта - Генерального штаба.
"Yes, I have seen that seal before.	- Да, эту печать я знаю.
But here no one commands but me," the other said sullenly.	Но здесь начальник я, и больше никто, - угрюмо сказал человек с карабином.
"What have you in the packs?"	- Что у вас в мешках?
"Dynamite," the old man said proudly.	- Динамит, - с гордостью сказал старик.
"Last night we crossed the lines in the dark and all day we have carried this dynamite over the mountain."	- Вчера ночью мы перешли фронт и весь день тащим эти мешки в гору.

"I can use dynamite," said the man with the carbine.	- Динамит мне пригодится, - сказал человек с карабином.

He handed back the paper to Robert Jordan and looked him over.	Он вернул бумажку Роберту Джордану и смерил его взглядом.
"Yes.	- Да
I have use for dynamite.	Динамит мне пригодится.
How much have you brought me?"	Сколько вы мне тут принесли?
"I have brought you no dynamite," Robert Jordan said to him evenly.	- Тебе мы ничего не принесли, - сказал Роберт Джордан ровным голосом.

"The dynamite is for another purpose.	- Этот динамит для другой цели.
What is your name?"	Как тебя зовут?
"What is that to you?"	- А тебе что?
"He is Pablo," said the old man.	- Это Пабло, - сказал старик.
The man with the carbine looked at them both sullenly.	Человек с карабином угрюмо посмотрел на них обоих.
"Good.	- Хорошо.
I have heard much good of you," said Robert Jordan.	Я о тебе слышал много хорошего, - сказал Роберт Джордан.
"What have you heard of me?" asked Pablo.	- Что же ты обо мне слышал? - спросил Пабло.

"I have heard that you are an excellent guerilla leader, that you are loyal to the republic and prove your loyalty through your acts, and that you are a man both serious and valiant.	- Я слышал, что ты отличный партизанский командир, что ты верен Республике и доказываешь это на деле и что ты человек серьезный и отважный.
I bring you greetings from the General Staff."	Генеральный штаб поручил мне передать тебе привет.
"Where did you hear all this?" asked Pablo.	-Где же ты все это слышал? - спросил Пабло.
Robert Jordan registered that he was not taking any of the flattery.	Роберт Джордан отметил про себя, что лесть на него не подействовала.

"I heard it from Buitrago to the Escorial," he said, naming all the stretch of country on the other side of the lines.	- Об этом говорят от Буитраго до Эскуриала, - сказал он, называя весь район по ту сторону фронта.
"I know no one in Buitrago nor in Escorial," Pablo told him.	- Я не знаю никого ни в Буитраго, ни в Эскуриале, - сказал ему Пабло.
"There are many people on the other side of the mountains who were not there before.	- По ту сторону гор теперь много людей, которые раньше там не жили.
Where are you from?"	Ты откуда родом?
"Avila.	- Из Авилы.

What are you going to do with the dynamite?"	Что ты будешь делать с динамитом?
"Blow up a bridge."	- Взорву мост.
"What bridge?"	- Какой мост?
"That is my business."	- Это мое дело.
"If it is in this territory, it is my business.	- Если он в этих краях, тогда это мое дело.

You cannot blow bridges close to where you live.	Нельзя взрывать мосты вблизи от тех мест, где живешь.
You must live in one place and operate in another.	Жить надо в одном месте, а действовать в другом.
I know my business.	Я свое дело знаю.

One who is alive, now, after a year, knows his business."	Кто прожил этот год и остался цел, тот свое дело знает.
"This is my business," Robert Jordan said.	- Это мое дело, - сказал Роберт Джордан.
"We can discuss it together.	- Но мы можем обсудить его вместе.
Do you wish to help us with the sacks?"	Ты поможешь нам дотащить мешки?
"No," said Pablo and shook his head.	- Нет, - сказал Пабло и мотнул головой.
The old man turned toward him suddenly and spoke rapidly and furiously in a dialect that Robert Jordan could just follow.	Старик вдруг повернулся к нему и заговорил яростно и быстро на диалекте, который Роберт Джордан понимал с трудом.
It was like reading Quevedo.	Это было так, словно он читал Кеведо.

Anselmo was speaking old Castilian and it went something like this,	Ансельмо говорил на старом кастильском наречии, и смысл его слов был приблизительно такой:
"Art thou a brute?	"Ты животное?
Yes.	Да.
Art thou a beast?	Ты скотина?
Yes, many times Hast thou a brain?	Да, и еще какая. Голова у тебя есть на плечах?
Nay.	Нет.
None.	Не похоже.

Now we come for something of consummate importance and thee, with thy dwelling place to be undisturbed, puts thy fox-hole before the interests of humanity.	Люди пришли с делом первейшей важности, а ты заботишься о том, как бы не тронули твое жилье, твоя лисья нора для тебя важнее, чем нужды всех людей.
Before the interests of thy people.	Важнее, чем нужды твоего народа.
I this and that in the this and that of thy father.	Так, так и перетак твоего отца.
I this and that and that in thy this. _Pick up that bag_."	Так и перетак тебя самого. Бери мешок!"
Pablo looked down.	Пабло опустил глаза.

"Every one has to do what he can do according to how it can be truly done," he said.	- Каждый должен делать, что может, и делать так, чтоб это было правильно, - сказал он.
"I live here and I operate beyond Segovia.	- Мой дом здесь, а действую я за Сеговией.
If you make a disturbance here, we will be hunted out of these mountains.	Если ты здесь устроишь переполох, нас выкурят из этих мест.
It is only by doing nothing here that we are able to live in these mountains.	Мы только потому и держимся в этих местах, что ничего здесь не затеваем.
It is the principle of the fox."	Это правило лисицы.

"Yes," said Anselmo bitterly.	- Да, - с горечью сказал Ансельмо.
"It is the principle of the fox when we need the wolf."	- Это правило лисицы, а нам нужен волк.
"I am more wolf than thee," Pablo said and Robert Jordan knew that he would pick up the sack.	- Скорей я волк, чем ты, - сказал Пабло, и Роберт Джордан понял, что он понесет мешок.
"Hi.	-Хо!
Ho. . . ," Anselmo looked at him.	Хо! - Ансельмо поглядел на него.
"Thou art more wolf than me and I am sixty-eight years old."	- Ты скорей волк, чем я, а мне шестьдесят восемь лет.
He spat on the ground and shook his head.	Он сплюнул и покачал головой.

"You have that many years?" Robert Jordan asked, seeing that now, for the moment, it would be all right and trying to make it go easier.	- Неужели тебе так много лет? - спросил Роберт Джордан, видя, что все пока улаживается, и желая этому помочь.
"Sixty-eight in the month of July."	- Шестьдесят восемь будет в июле.
"If we should ever see that month," said Pablo.	- Если мы доживем до июля, - сказал Пабло.
"Let me help you with the pack," he said to Robert Jordan.	- Давай я помогу тебе дотащить мешок, - сказал он Роберту Джордану.
"Leave the other to the old man."	- Второй оставь старику.
He spoke, not sullenly, but almost sadly now.	- Он говорил теперь уже не угрюмо, но скорей печально.

"He is an old man of great strength."	- У старика сил много.
"I will carry the pack," Robert Jordan said.	- Я свой мешок понесу сам, - сказал Роберт Джордан.
"Nay," said the old man.	- Нет, - сказал старик.
"Leave it to this other strong man."	- Дай этому силачу.
"I will take it," Pablo told him, and in his sullenness there was a sadness that was disturbing to Robert Jordan.	- Я понесу, - сказал Пабло, и печаль, которая теперь слышалась в его голосе, заставила насторожиться Роберта Джордана.
He knew that sadness and to see it here worried him.	Он знал эту печаль, и то, что он почувствовал ее в этом человеке, встревожило его.

"Give me the carbine then," he said and when Pablo handed it to him, he slung it over his back and, with the two men climbing ahead of him, they went heavily, pulling and climbing up the granite shelf and over its upper edge to where there was a green clearing in the forest.	- Тогда дай мне карабин, - сказал он, и когда Пабло протянул ему карабин, он перекинул его за спину, и они двинулись вверх, старик и Пабло впереди, он за ними, карабкаясь, подтягиваясь, цепляясь за выступы гранитной скалы, и наконец, перебравшись через нее, они очутились на зеленой прогалине среди леса.

They skirted the edge of the little meadow and Robert Jordan, striding easily now without the pack, the carbine pleasantly rigid over his shoulder after the heavy, sweating pack weight, noticed that the grass was cropped down in several places and signs that picket pins had been driven into the earth.	Они пошли стороной, огибая этот зеленый лужок, и Роберт Джордан, который теперь, без ноши, шагал легко, с удовольствием ощущая за плечами прямизну карабина вместо изнурительной и неудобной тяжести рюкзака, заметил, что трава местами выщипана и в земле остались ямки от кольев коновязи.

He could see a trail through the grass where horses had been led to the stream to drink and there was the fresh manure of several horses.	Дальше виднелась тропка, протоптанная там, где лошадей водили на водопой, и кое-где лежали кучки свежего навоза.
They picket them here to feed at night and keep them out of sight in the timber in the daytime, he thought.	На ночь они пускают сюда лошадей пастись, а днем держат в чаще, чтобы их не могли увидеть, подумал он.
I wonder how many horses this Pablo has?	Любопытно, много ли лошадей у этого Пабло.
He remembered now noticing, without realizing it, that Pablo's trousers were worn soapy shiny in the knees and thighs.	Ему вспомнилось, что штаны у Пабло вытерты до блеска на коленях и с внутренней стороны ляжек, он заметил это сразу, но как-то не придал значения.

I wonder if he has a pair of boots or if he rides in those _alpargatas_, he thought.	Любопытно, есть ли у него сапоги, или он так и ездит в этих альпаргатах, подумал Роберт Джордан.
He must have quite an outfit.	Наверно, у него полная экипировка есть.
But I don't like that sadness, he thought.	Но мне не нравится в нем эта печаль, подумал он.
That sadness is bad.	Это нехорошая печаль.
That's the sadness they get before they quit or before they betray.	Так печальны бывают люди перед тем, как дезертировать или изменить.
That is the sadness that comes before the sell-out.	Так печален бывает тот, кто завтра станет предателем.

Ahead of them a horse whinnied in the timber and then, through the brown trunks of the pine trees, only a little sunlight coming down through their thick, almost-touching tops, he saw the corral made by roping around the tree trunks.	Заржала лошадь впереди, в чаще, куда солнце едва проникало сквозь густые, почти сомкнутые верхушки сосен, и тогда между коричневыми стволами он увидел огороженный веревкой загон.
The horses had their heads pointed toward the men as they approached, and at the foot of a tree, outside the corral, the saddles were piled together and covered with a tarpaulin.	Лошади стояли, повернув головы в сторону приближавшихся людей, а по эту сторону веревки, под деревом, лежали кучей седла, прикрытые брезентом.

As they came up, the two men with the packs stopped, and Robert Jordan knew it was for him to admire the horses.	Когда они подошли совсем близко, старик и Пабло остановились, и Роберт Джордан понял, что он должен повосхищаться лошадьми.
"Yes," he said.	- Да, - сказал он.
"They are beautiful."	- Просто красавцы.
He turned to Pablo.	- Он повернулся к Пабло.
"You have your cavalry and all."	- У тебя тут своя кавалерия.
There were five horses in the rope corral, three bays, a sorrel, and a buckskin.	В загоне было всего пять лошадей - три гнедых, одна буланая и одна пегая.

Sorting them out carefully with his eyes after he had seen them first together, Robert Jordan looked them over individually.	Роберт Джордан окинул взглядом их всех и затем стал присматриваться к каждой в отдельности.

Pablo and Anselmo knew how good they were and while Pablo stood now proud and less sad-looking, watching them lovingly, the old man acted as though they were some great surprise that he had produced, suddenly, himself.	Пабло и Ансельмо знали им цену, и Пабло стоял рядом, гордый и уже не такой печальный, и любовно глядел на них, а у старика был такой вид, словно это он преподнес Роберту Джордану неожиданный сюрприз.
"How do they look to you?" he asked.	- Что, нравятся? - спросил он.

"All these I have taken," Pablo said and Robert Jordan was pleased to hear him speak proudly.	- Все - моя добыча, - сказал Пабло, и Роберту Джордану приятно было, что в голосе у него звучит гордость.
"That," said Robert Jordan, pointing to one of the bays, a big stallion with a white blaze on his forehead and a single white foot, the near front, "is much horse."	- Вот этот хорош, - сказал Роберт Джордан, указывая на одного из гнедых, крупного жеребца с белой отметиной на лбу и белой левой передней ногой.
He was a beautiful horse that looked as though he had come out of a painting by Velasquez.	Это был красавец конь, словно сошедший с картины Веласкеса.
"They are all good," said Pablo.	- Они все хороши, - сказал Пабло.
"You know horses?"	- Ты знаешь толк в лошадях?

"Yes."	-Да.
"Less bad," said Pablo.	-Тем лучше, - сказал Пабло.
"Do you see a defect in one of these?"	- Видишь ты у них какие-нибудь недостатки?
Robert Jordan knew that now his papers were being examined by the man who could not read.	Роберт Джордан понял; это проверка его документов человеком, который не умеет читать.
The horses all still had their heads up looking at the man.	Лошади по-прежнему стояли, подняв головы, и смотрели на Пабло.

Robert Jordan slipped through between the double rope of the corral and slapped the buckskin on the haunch.	Роберт Джордан пролез под веревкой и хлопнул пегую по крупу.
He leaned back against the ropes of the enclosure and watched the horses circle the corral, stood watching them a minute more, as they stood still, then leaned down and came out through the ropes.	Прислонившись к дереву, он внимательно смотрел, как лошади кружат по загону, еще раз оглядел их, когда они остановились, потом нагнулся и вылез.

"The sorrel is lame in the off hind foot," he said to Pablo, not looking at him.	- Буланая прихрамывает на правую заднюю, -сказал он Пабло, не глядя на него.
"The hoof is split and although it might not get worse soon if shod properly, she could break down if she travels over much hard ground."	- У нее в копыте трещина. Правда, если подковать как следует, это дальше не пойдет, но долго скакать по твердому грунту ей нельзя, копыто не выдержит.
"The hoof was like that when we took her," Pablo said.	- Мы ее так и взяли, с трещиной в копыте, - сказал Пабло.
"The best horse that you have, the white-faced bay stallion, has a swelling on the upper part of the cannon bone that I do not like."	- У самой лучшей твоей лошади, у гнедого с белой звездой, на бабке оплыв, который мне не нравится.

"It is nothing," said Pablo.	- Это пустяки, - ответил Пабло.
"He knocked it three days ago.	- Он зашиб ногу три дня назад.

If it were to be anything it would have become so already."	Было бы что-нибудь серьезное - уже сказалось бы.
He pulled back the tarpaulin and showed the saddles.	Он откинул брезент и показал седла.

There were two ordinary vaquero's or herdsman's saddles, like American stock saddles, one very ornate vaquero's saddle, with hand-tooled leather and heavy, hooded stirrups, and two military saddles in black leather.	Два седла были простые, пастушеские, похожие на седла американских ковбоев, одно очень нарядное, с цветным тиснением и тяжелыми закрытыми стременами, и два - военные, черной кожи.
"We killed a pair of _guardia civil_," he said, explaining the military saddles.	- Мы убили двух guardia civil, - сказал он, объясняя происхождение военных седел.

"That is big game."	- Это серьезное дело.
"They had dismounted on the road between Segovia and Santa Maria del Real.	- Они спешились на дороге между Сеговией и Санта-Мария-дель-Реаль.
They had dismounted to ask papers of the driver of a cart.	Они спешились, чтобы проверить документы у крестьянина, который ехал на телеге.
We were able to kill them without injuring the horses."	Вот нам и удалось убить их так, что лошади остались целы.

"Have you killed many civil guards?" Robert Jordan asked.	- И много патрульных вы убили? - спросил Роберт Джордан.
"Several," Pablo said.	- Несколько человек, - ответил Пабло.
"But only these two without injury to the horses."	- Но так, чтоб лошади остались целы, только этих двух.
"It was Pablo who blew up the train at Arevalo," Anselmo said.	- Это Пабло взорвал воинский эшелон у Аревало, - сказал Ансельмо.
"That was Pablo."	- Он взорвал, Пабло.

"There was a foreigner with us who made the explosion," Pablo said.	- С нами был один иностранец, он закладывал динамит, - сказал Пабло.
"Do you know him?"	- Ты знаешь его?
"What is he called?"	- Как его зовут?
"I do not remember.	- Не помню.
It was a very rare name."	Чудное такое имя.
"What did he look like?"	- Какой он из себя?

"He was fair, as you are, but not as tall and with large hands and a broken nose."	- Светлый, как и ты, но не такой высокий, большие руки и нос перебит.
"Kashkin," Robert Jordan said.	- Кашкин, - сказал Роберт Джордан.
"That would be Kashkin."	- Наверно, Кашкин.
"Yes," said Pablo.	- Да, - сказал Пабло.
"It was a very rare name.	- Чудное такое имя.
Something like that.	Похоже на то, что ты назвал.
What has become of him?"	Где он теперь?

"He is dead since April."	- Умер в апреле.
"That is what happens to everybody," Pablo said, gloomily.	- И этот тоже, - мрачно сказал Пабло.
"That is the way we will all finish."	- Все мы так кончим.
"That is the way all men end," Anselmo said.	-Так все люди кончают, - сказал Ансельмо.
"That is the way men have always ended.	- И всегда так кончали.
What is the matter with you, man?	Что это с тобой, приятель?
What hast thou in the stomach?"	Что это на тебя нашло?
"They are very strong," Pablo said.	- У них сила большая, - сказал Пабло.

It was as though he were talking to himself.	Казалось, он говорит сам с собой.
He looked at the horses gloomily.	Он мрачно оглядел лошадей.
"You do not realize how strong they are.	- Вы никто и не знаете, какая у них сила.
I see them always stronget always better armed.	У них раз от разу все больше силы, все лучше вооружение.
Always with more material.	Все больше боеприпасов.
Here am I with horses like these.	Сам видишь, какие у меня лошади.
And what can I look forward to?	А чего мне ждать?
To be hunted and to die.	Изловят и убьют.

Nothing more."	Вот и все.
"You hunt as much as you are hunted," Anselmo said.	- Бывает, что и ты ловишь, не только тебя, - сказал Ансельмо.
"No," said Pablo.	- Нет, - сказал Пабло.
"Not any more.	- Теперь не бывает.
And if we leave these mountains now, where can we go?	А если мы уйдем отсюда, куда нам податься?
Answer me that?	Отвечай, ну!
Where now?"	Куда?
"In Spain there are many mountains.	- Мало ли гор в Испании.
There are the Sierra de Gredos if one leaves here."	Чем плохо в Сьерра-де-Гредос, если уж придется уходить отсюда?

"Not for me," Pablo said.	- Для меня плохо, - сказал Пабло.
"I am tired of being hunted.	- Мне надоела травля.
Here we are all right.	Здесь нам спокойно.
Now if you blow a bridge here, we will be hunted.	А если ты взорвешь этот мост, нас начнут ловить.
If they know we are here and hunt for us with planes, they will find us.	Если узнают, что мы здесь, и выпустят на нас самолеты, они нас выследят.
If they send Moors to hunt us out, they will find us and we must go.	Если пошлют марокканцев ловить нас, они нас выследят, и придется уходить.

I am tired of all this.	Надоело мне это все.

You hear?"	Слышишь?
He turned to Robert Jordan.	- Он повернулся к Роберту Джордану.
"What right have you, a foreigner, to come to me and tell me what I must do?"	- Какое право имеешь ты, иностранец, указывать мне, что я должен делать?
"I have not told you anything you must do," Robert Jordan said to him.	- Я не указываю тебе, что ты должен делать, -сказал Роберт Джордан.
"You will though," Pablo said.	- Ну так будешь указывать, - сказал Пабло.
"There.	- Вот.
There is the badness."	Вот оно, зло.

He pointed at the two heavy packs that they had lowered to the ground while they had watched the horses.	Он показал на тяжелые рюкзаки, которые они опустили на землю, когда остановились полюбоваться лошадьми.
Seeing the horses had seemed to bring this all to a head in him and seeing that Robert Jordan knew horses had seemed to loosen his tongue.	При виде лошадей все как будто всколыхнулось в нем, а от того что Роберт Джордан знал толк в лошадях, у него как будто развязался язык.
The three of them stood now by the rope corral and the patchy sunlight shone on the coat of the bay stallion.	Все трое стояли теперь у веревок загона, на спине гнедого жеребца играли солнечные блики.
Pablo looked at him and then pushed with his foot against the heavy pack.	Пабло посмотрел на него и потом пнул ногой тяжелый рюкзак.

"There is the badness."	-Вот оно, зло.
"I come only for my duty," Robert Jordan told him.	- Я пришел, чтобы исполнить свой долг, - сказал ему Роберт Джордан.
"I come under orders from those who are conducting the war.	- Я пришел по приказу тех, кто руководит в этой войне.
If I ask you to help me, you can refuse and I will find others who will help me.	Если я попрошу тебя помочь мне, ты волен отказаться, и я найду других, которые помогут.
I have not even asked you for help yet.	Но я еще не просил у тебя помощи.
I have to do what I am ordered to do and I can promise you of its importance.	Я должен делать то, что мне приказано, и я могу поручиться, что это очень важно.

That I am a foreigner is not my fault.	Не моя вина, что я иностранец.
I would rather have been born here."	Я и сам хотел бы лучше родиться здесь.
"To me, now, the most important is that we be not disturbed here," Pablo said.	- Для меня самое важное - это чтобы нас тут не трогали, - сказал Пабло.
"To me, now, my duty is to those who are with me and to myself."	- Для меня долг в том, чтобы заботиться о своих и о себе.
"Thyself.	- О себе.
Yes," Anselmo said.	Да, - сказал Ансельмо.
"Thyself now since a long time.	- Ты давно уже заботишься только о себе.
Thyself and thy horses.	О себе и о своих лошадях.

Until thou hadst horses thou wert with us.	Пока у тебя не было лошадей, ты был вместе с нами.
Now thou art another capitalist more."	А теперь ты самый настоящий капиталист.
"That is unjust," said Pablo.	- Это неверно, - сказал Пабло.
"I expose the horses all the time for the cause."	- Я все время рискую лошадьми ради общего дела.
"Very little," said Anselmo scornfully.	- Очень мало рискуешь, - с презрением сказал Ансельмо.
"Very little in my judgment.	- Как я погляжу, очень мало.
To steal, yes.	Воровать - это ты готов.
To eat well, yes.	Хорошо поесть - пожалуйста.

To murder, yes.	Убивать - сколько угодно.
To fight, no."	Но драться - нет.
"You are an old man who will make himself trouble with his mouth."	- Смотри, такие, как ты, рано или поздно платятся за свой язык.
"I am an old man who is afraid of no one," Anselmo told him.	- Такие, как я, никого не боятся, - ответил Ансельмо.
"Also I am an old man without horses."	- И у таких, как я, не бывает лошадей.
"You are an old man who may not live long."	- Такие, как ты, долго не живут.
"I am an old man who will live until I die," Anselmo said.	- Такие, как я, живут до самого дня своей смерти, - сказал Ансельмо.

"And I am not afraid of foxes."	- И такие, как я, не боятся лисиц.
Pablo said nothing but picked up the pack.	Пабло промолчал и поднял с земли рюкзак.
"Nor of wolves either," Anselmo said, picking up the other pack.	- И волков не боятся, - сказал Ансельмо, поднимая второй рюкзак.
"If thou art a wolf."	- Если ты правда волк.
"Shut thy mouth," Pablo said to him.	- Замолчи, - сказал ему Пабло.
"Thou art an old man who always talks too much."	- Ты всегда разговариваешь слишком много.

"And would do whatever he said he would do," Anselmo said, bent under the pack.	- И всегда делаю то, что говорю, - сказал Ансельмо, согнувшись под тяжестью рюкзака.
"And who now is hungry.	- А сейчас я хочу есть.
And thirsty.	Я хочу пить.
Go on, guerilla leader with the sad face.	Иди, иди, партизанский вожак с унылым лицом.
Lead us to something to eat."	Веди нас туда, где можно чего-нибудь поесть.
It is starting badly enough, Robert Jordan thought.	Начало неважное, подумал Роберт Джордан.
But Anselmo's a man.	Но Ансельмо настоящий человек.

They are wonderful when they are good, he thought.	Когда они на верном пути, это просто замечательные люди, подумал он.

There is no people like them when they are good and when they go bad there is no people that is worse.	Нет лучше их, когда они на верном пути, но когда они собьются с пути, нет хуже их.
Anselmo must have known what he was doing when he brought us here.	Вероятно, Ансельмо знал, что делал, когда вел меня сюда.
But I don't like it.	Но мне это не нравится.
I don't like any of it.	Мне это совсем не нравится.

The only good sign was that Pablo was carrying the pack and that he had given him the carbine.	Единственный добрый знак - это что Пабло несет рюкзак и отдал ему свой карабин.
Perhaps he is always like that, Robert Jordan thought.	Может быть, он всегда такой, подумал Роберт Джордан.
Maybe he is just one of the gloomy ones.	Может быть, это просто порода такая мрачная.
No, he said to himself, don't fool yourself.	Нет, сказал он себе, нечего себя обманывать.
You do not know how he was before; but you do know that he is going bad fast and without hiding it.	Ты не знаешь, какой он был раньше; но ты знаешь, что он начал сбиваться с пути и не скрывает этого.
When he starts to hide it he will have made a decision.	А если станет скрывать - значит, он принял решение.

Remember that, he told himself.	Помни это, сказал он себе.
The first friendly thing he does, he will have made a decision.	Первая услуга, которую он тебе окажет, будет означать, что он принял решение.
They are awfully good horses, though, he thought, beautiful horses.	А лошади верно хороши, подумал он, чудесные лошади.
I wonder what could make me feel the way those horses make Pablo feel.	Любопытно, что могло бы сделать меня таким, каким эти лошади сделали Пабло?
The old man was right.	Старик прав.
The horses made him rich and as soon as he was rich he wanted to enjoy life.	С лошадьми он стал богатым, а как только он стал богатым, ему захотелось наслаждаться жизнью.

Pretty soon he'll feel bad because he can't join the Jockey Club, I guess, he thought.	Еще немного, и он начнет страдать, что не может быть членом "Жокей-клуба", подумал он.
Pauvre Pablo.	Pauvre. Пабло.
Il a manque son Jockey.	Il a manque son "Jockey Club".
That idea made him feel better.	Эта мысль развеселила его.
He grinned, looking at the two bent backs and the big packs ahead of him moving through the trees.	Он улыбнулся, глядя на согнутые спины и большие рюкзаки, маячившие впереди между деревьями.
He had not made any jokes with himself all day and now that he had made one he felt much better.	Он ни разу мысленно не пошутил за весь день и теперь, пошутив, сразу почувствовал себя лучше.

You're getting to be as all the rest of them, he told himself.	Ты и сам становишься таким, как они, сказал он себе.
You're getting gloomy, too.	Ты и сам становишься мрачным.
He'd certainly been solemn and gloomy with Golz.	Конечно, он был серьезен и мрачен, когда Гольц говорил с ним.

The job had overwhelmed him a little.	Задание немного ошеломило его.
Slightly overwhelmed, he thought.	Чуть-чуть ошеломило, подумал он.
Plenty overwhelmed.	Порядком ошеломило.

Golz was gay and he had wanted him to be gay too before he left, but he hadn't been.	Гольц был веселый и хотел, чтобы и он был веселый перед отъездом, но это не получилось.
All the best ones, when you thought it over, were gay.	Все они, если подумать, все самые хорошие были веселыми.
It was much better to be gay and it was a sign of something too.	Так гораздо лучше, и потом, в этом есть свой смысл.
It was like having immortality while you were still alive.	Как будто обретаешь бессмертие, когда ты еще жив.
That was a complicated one.	Сложно завернуто.
There were not many of them left though.	Но их уже немного осталось.

No, there were not many of the gay ones left.	Да, веселых теперь осталось совсем немного.
There were very damned few of them left.	Черт знает, как их мало осталось.
And if you keep on thinking like that, my boy, you won't be left either.	И если ты, голубчик, не бросишь думать, то и тебя среди оставшихся не будет.
Turn off the thinking now, old timer, old comrade.	Брось думать, старик, старый дружище.
You're a bridge-blower now.	Твое дело теперь - взрывать мосты.
Not a thinker.	А не философствовать.
Man, I'm hungry, he thought.	Фу, до чего есть хочется, подумал он.
I hope Pablo eats well.	Надеюсь, у Пабло едят досыта.

2	2
They had come through the heavy timber to the cup-shaped upper end of the little valley and he saw where the camp must be under the rim-rock that rose ahead of them through the trees.	Они вышли из густого леса к небольшой, круглой, как чаша, долине, и он сразу догадался, что лагерь здесь - вон под той скалой, впереди, за деревьями.
That was the camp all right and it was a good camp.	Да, это лагерь, и место для него выбрано хорошее.
You did not see it at all until you were up to it and Robert Jordan knew it could not be spotted from the air.	Такой лагерь заметишь, только когда подойдешь к нему вплотную, и Роберт Джордан подумал о том, что с воздуха его тоже заметить нельзя.

Nothing would show from above.	Сверху ничего не увидишь.
It was as well hidden as a bear's den.	Точно медвежья берлога - никаких следов.
But it seemed to be little better guarded.	Но и охрана тут, видимо, не лучше.
He looked at it carefully as they came up.	Он внимательно приглядывался к лагерю, по мере того как они подходили все ближе и ближе.
There was a large cave in the rim-rock formation and beside the opening a man sat with his back against the rock, his legs stretched out on the ground and his carbine leaning against the rock.	В скале была большая пещера, а у входа в нее, прислонившись спиной к скале и вытянув вперед ноги - его карабин стоял рядом, - сидел человек.

He was cutting away on a stick with a knife and he stared at them as they came up, then went on whittling.	Человек строгал палку ножом, и, увидев подходивших, посмотрел на них, потом снова принялся строгать.
"_Hola_," said the seated man.	- Hola, - сказал он.
"What is this that comes?"	- Кто это к нам идет?
"The old man and a dynamiter," Pablo told him and lowered the pack inside the entrance to the cave.	- Старик и с ним динамитчик, - ответил Пабло и опустил рюкзак у самого входа в пещеру.
Anselmo lowered his pack, too, and Robert Jordan unslung the rifle and leaned it against the rock.	Ансельмо тоже опустил свой рюкзак, а Роберт Джордан снял с плеча карабин и приставил его к скале.

"Don't leave it so close to the cave," the whittling man, who had blue eyes in a dark, good-looking lazy gypsy face, the color of smoked leather, said.	- Убери подальше от пещеры, - сказал человек, строгавший палку. У него были голубые глаза на темном, цвета прокопченной кожи, красивом цыганском лице.
"There's a fire in there."	- Там горит огонь.
"Get up and put it away thyself," Pablo said.	- Встань и убери: сам, - сказал Пабло.
"Put it by that tree."	- Отнеси вон к тому дереву.
The gypsy did not move but said something unprintable, then,	Цыган не двинулся с места и сказал что-то непечатное, потом лениво добавил:
"Leave it there.	- Ладно, оставь здесь.

Blow thyself up," he said lazily.	Взлетишь на воздух.
"Twill cure thy diseases."	Сразу вылечишься от всех своих болезней.
"What do you make?"	- Что это ты делаешь?
Robert Jordan sat down by the gypsy.	- Роберт Джордан сел рядом с цыганом.
The gypsy showed him.	Цыган показал ему палку, которую строгал.
It was a figure four trap and he was whittling the crossbar for it.	Это была поперечина к лежавшему тут же капкану в форме четверки.
"For foxes," he said.	- На лисиц, - пояснил он.
"With a log for a deadfall. It breaks their backs."	- Вот эта деревянная дуга ломает им хребет.

He grinned at Jordan.	- Он ухмыльнулся, взглянув на Джордана.
"Like this, see?"	- Вот так - понятно?
He made a motion of the framework of the trap collapsing, the log falling, then shook his head, drew in his hand, and spread his arms to show the fox with a broken back.	- Он жестом показал, как действует капкан, потом замотал головой, отдернул пальцы и вытянул руки, изображая лису с перебитым хребтом.
"Very practical," he explained.	- Очень удобно, - сказал он.
"He catches rabbits," Anselmo said.	- Он ловит зайцев, - сказал Ансельмо.
"He is a gypsy. So if he catches rabbits he says it is foxes.	- Он же цыган: поймает зайца, а всем говорит, что лису.

If he catches a fox he would say it was an elephant."	А если поймает лису, скажет, что попался слон.

"And if I catch an elephant?" the gypsy asked and showed his white teeth again and winked at Robert Jordan.	- А если поймаю слона? - спросил цыган и снова показал все свои белые зубы и подмигнул Роберту Джордану.
"You'd say it was a tank," Anselmo told him.	- Тогда скажешь - танк, - ответил Ансельмо.
"I'll get a tank," the gypsy told him.	- Поймаю и танк, - сказал цыган.
"I will get a tank.	- И танк будет.
And you can say it is what you please."	Тогда говори все, что тебе угодно.

"Gypsies talk much and kill little," Anselmo told him.	- Цыгане не столько убивают, сколько болтают об этом, - сказал Ансельмо.
The gypsy winked at Robert Jordan and went on whittling.	Цыган подмигнул Роберту Джордану и снова принялся строгать палку.
Pablo had gone in out of sight in the cave. Robert Jordan hoped he had gone for food.	Пабло не было видно, он ушел в пещеру - Роберт Джордан надеялся, что за едой.
He sat on the ground by the gypsy and the afternoon sunlight came down through the tree tops and was warm on his outstretched legs.	Он сидел на земле рядом с цыганом, и солнце, проглядывая сквозь верхушки деревьев, пригревало его вытянутые ноги.

He could smell food now in the cave, the smell of oil and of onions and of meat frying and his stomach moved with hunger inside of him.	Из пещеры доносился запах оливкового масла, лука и жареного мяса, и у него подводило желудок от голода.
"We can get a tank," he said to the gypsy.	- Танк можно подорвать, - сказал он цыгану.
"It is not too difficult."	- Это не очень трудно.
"With this?" the gypsy pointed toward the two sacks.	- Вот этим? - Цыган показал на рюкзаки.
"Yes," Robert Jordan told him.	- Да, - ответил ему Роберт Джордан.
"I will teach you.	- Я тебя научу.
You make a trap.	Делается нечто вроде капкана.
It is not too difficult."	Это не очень трудно.

"You and me?"	- И мы с тобой подорвем танк?
"Sure," said Robert Jordan.	- Конечно, - сказал Роберт Джордан.
"Why not?"	- А что тут такого?
"Hey," the gypsy said to Anselmo.	- Эй! - крикнул цыган, обращаясь к Ансельмо.
"Move those two sacks to where they will be safe, will you?	- Поставь мешки в надежное место. Слышишь?
They're valuable."	Это ценная вещь.
Anselmo grunted.	Ансельмо хмыкнул.
"I am going for wine," he told Robert Jordan.	- Пойду за вином, - сказал он Роберту Джордану.

Robert Jordan got up and lifted the sacks away from the cave entrance and leaned them, one on each side of a tree trunk.	Роберт Джордан встал, оттащил рюкзаки от входа и прислонил их к дереву с разных сторон.
He knew what was in them and he never liked to see them close together.	Он знал, что в этих рюкзаках, и предпочитал держать их подальше один от другого.

"Bring a cup for me," the gypsy told him.	- Принеси и мне кружку, - сказал цыган.
"Is there wine?" Robert Jordan asked, sitting down again by the gypsy.	- А тут есть вино? - спросил Роберт Джордан, опять усаживаясь рядом с цыганом.
"Wine?	- Вино?
Why not?	А как же!
A whole skinful.	Целый бурдюк.

Half a skinful, anyway."	Уж за полбурдюка ручаюсь.
"And what to eat?"	- И чем закусить - тоже?
"Everything, man," the gypsy said.	- Все есть, друг, - сказал цыган.
"We eat like generals."	- Мы едим, как генералы.
"And what do gypsies do in the war?" Robert Jordan asked him.	- А что цыгане делают на войне? - спросил его Роберт Джордан.
"They keep on being gypsies."	-Так и остаются цыганами.
"That's a good job."	- Хорошее дело.
"The best," the gypsy said.	- Самое лучшее, - сказал цыган.
"How do they call thee?"	- Как тебя зовут?
"Roberto.	- Роберто.

And thee?"	А тебя?
"Rafael.	- Рафаэль.
And this of the tank is serious?"	А про танк это ты всерьез?
"Surely.	- Конечно!
Why not?"	Что же тут такого?
Anselmo came out of the mouth of the cave with a deep stone basin full of red wine and with his fingers through the handles of three cups.	Ансельмо вынес из пещеры глубокую каменную миску, полную красного вина, а на пальцах у него были нанизаны три кружки.
"Look," he said.	- Смотри, - сказал он.
"They have cups and all."	- У них даже кружки нашлись.
Pablo came out behind them.	- Следом за ним вышел Пабло.

"There is food soon," he said.	- Скоро и мясо будет готово, - сказал он.
"Do you have tobacco?"	- Покурить у тебя есть?
Robert Jordan went over to the packs and opening one, felt inside an inner pocket and brought out one of the flat boxes of Russian cigarettes he had gotten at Golz's headquarters.	Роберт Джордан подошел к рюкзакам, развязал один, нащупал внутренний карман и вынул оттуда плоскую коробку русских папирос, из тех, что ему дали в штабе Гольца.
He ran his thumbnail around the edge of the box and, opening the lid, handed them to Pablo who took half a dozen.	Он провел ногтем большого пальца вдоль узкой грани коробки и, открыв крышку, протянул папиросы Пабло.

Pablo, holding them in one of his huge hands, picked one up and looked at it against the light.	Тот взял штук шесть и, зажав их в своей огромной ручище, выбрал одну и посмотрел ее на свет.

They were long narrow cigarettes with pasteboard cylinders for mouthpieces.	Папиросы были как сигареты, но длиннее и с мундштуком в виде картонной трубочки.
"Much air and little tobacco," he said.	- Воздуху много, а табака мало, - сказал Пабло.
"I know these.	- Я их знаю.
The other with the rare name had them."	Такие курил тот, прежний, у которого чудное имя.

"Kashkin," Robert Jordan said and offered the cigarettes to the gypsy and Anselmo, who each took one.	- Кашкин, - сказал Роберт Джордан и угостил папиросами цыгана и Ансельмо, которые взяли по одной.
"Take more," he said and they each took another.	- Берите больше, - сказал он, и они взяли еще по одной.
He gave them each four more, they making a double nod with the hand holding the cigarettes so that the cigarette dipped its end as a man salutes with a sword, to thank him.	Он прибавил каждому по четыре штуки, и они поблагодарили его, взмахнув два раза кулаком с зажатыми папиросами, так что папиросы нырнули вниз и снова поднялись кверху, точно шпага, которой отдают салют.
"Yes," Pablo said.	- Да, - сказал Пабло.
"It was a rare name."	- Чудное имя.

"Here is the wine."	- Что ж, выпьем.
Anselmo dipped a cup out of the bowl and handed it to Robert Jordan, then dipped for himself and the gyp^{s}y.	- Ансельмо зачерпнул вина из миски и подал кружку Роберту Джордану, потом зачерпнул себе и цыгану.
"Is there no wine for me?" Pablo asked.	- А мне не надо? - спросил Пабло.
They were all sitting together by the cave entrance.	Они сидели вчетвером у входа в пещеру.
Anselmo handed him his cup and went into the cave for another.	Ансельмо отдал ему свою кружку и пошел в пещеру за четвертой.
Coming out he leaned over the bowl and dipped the cup full and they all touched cup edges.	Вернувшись, он наклонился над миской, зачерпнул себе полную кружку вина, и все чокнулись.

The wine was good, tasting faintly resinous from the wineskin, but excellent, light and clean on his tongue.	Вино было хорошее, с чуть смолистым привкусом от бурдюка, прекрасное вино, легкое и чистое.
Robert Jordan drank it slowly, feeling it spread warmly through his tiredness.	Роберт Джордан пил его медленно, чувствуя сквозь усталость, как оно разливается теплом по всему телу.
"The food comes shortly," Pablo said.	- Сейчас будет мясо, - сказал Пабло.
"And this foreigner with the rare name, how did he die?"	- А этот иностранец с чудным именем - как он умер?
"He was captured and he killed himself."	- Его окружили, и он застрелился.
"How did that happen?"	- Как же это случилось?

"He was wounded and he did not wish to be a prisoner."	- Он был ранен и не хотел сдаваться в плен.
"What were the details?"	- А подробности известны?

"I don't know," he lied. He knew the details very well and he knew they would not make good talking now.	- Нет, - солгал Роберт Джордан, Он прекрасно знал подробности и знал также, что говорить об этом сейчас не следует.
"He made us promise to shoot him in case he were wounded at the business of the train and should be unable to get away," Pablo said.	- Он все уговаривался с нами, что мы его пристрелим, если он будет ранен во время того дела, с поездом, и не сможет уйти, - сказал Пабло.
"He spoke in a very rare manner."	- Он очень чудно говорил.

He must have been jumpy even then, Robert Jordan thought.	Ему и тогда это не давало покоя, подумал Роберт Джордан.
Poor old Kashkin.	Бедный Кашкин.
"He had a prejudice against killing himself," Pablo said.	- Но он был против самоубийства, - сказал Пабло.
"He told me that.	- Мы с ним говорили об этом.
Also he had a great fear of being tortured."	И еще он очень боялся, что его будут пытать.
"Did he tell you that, too?" Robert Jordan asked him.	- Об этом он тоже говорил?- спросил Роберт Джордан.
"Yes," the gypsy said.	- Да, - сказал цыган.
"He spoke like that to all of us."	- Об этом он всем нам говорил.

"Were you at the train, too?"	- А ты был, когда взрывали поезд?
"Yes.	-Да.
All of us were at the train."	Мы все там были.
"He spoke in a very rare manner," Pablo said.	- Он очень чудно говорил, - сказал Пабло.
"But he was very brave."	- Но человек был смелый.
Poor old Kashkin, Robert Jordan thought.	Бедный Кашкин, думал Роберт Джордан.
He must have been doing more harm than good around here.	От него: здесь, наверно, было больше вреда, чем пользы.
I wish I would have known he was that jumpy as far back as then.	Жаль, я не знал, что это уже тогда не давало ему покоя.

They should have Pulled him out.	Надо было убрать его отсюда.
You can't have people around doing this sort of Work and talking like that.	Людей, которые ведут такие разговоры, нельзя и близко подпускать к нашей работе.
That is no way to talk.	Таких разговоров вести нельзя.
Even if they accomplish their mission they are doing more harm than good, talking that sort of stuff.	От этих людей, даже если они выполняют задание, все равно больше вреда, чем пользы.
"He was a little strange," Robert Jordan said.	- Он был какой-то странный, - сказал Роберт Джордан.
"I think he was a little crazy."	- Немножко тронутый.

"But very dexterous at producing explosions," the gypsy said.	- А взрывы устраивал ловко, - сказал цыган.

"And very brave."	- И человек был смелый.
"But crazy," Robert Jordan said.	- А все-таки тронутый, - сказал Роберт Джордан.
"In this you have to have very much head and be very cold in the head.	- Когда берешься за такое дело, надо иметь голову на плечах и чтобы она работала как следует.
That was no way to talk."	Все эти разговоры ни к чему.
"And you," Pablo said.	- А ты? - спросил Пабло.

"If you are wounded in such a thing as this bridge, you would be willing to be left behind?"	- Если тебя ранят у этого моста, захочешь ты, чтобы тебя оставили?
"Listen," Robert Jordan said and, leaning forward, he dipped himself another cup of the wine.	- Слушай, - сказал Роберт Джордан и, наклонившись, зачерпнул себе еще кружку вина.
"Listen to me clearly.	- Слушай внимательно.
If ever I should have any little favors to ask of any man, I will ask him at the time."	Если мне когда-нибудь понадобится попросить человека об одолжении, так я тогда и попрошу.

"Good," said the gypsy approvingly.	- Хорошо, - одобрительно сказал цыган.
"In this way speak the good ones.	- Это правильный разговор.
Ah!	Ага!
Here it comes."	Вот и мясо!
"You have eaten," said Pablo.	-Ты уже ел, - сказал Пабло.
"And I can eat twice more," the gypsy told him.	- Я еще два раза могу поесть, - ответил цыган.
"Look now who brings it."	- А посмотрите, кто несет!

The girl stooped as she came out of the cave mouth carrying the big iron cooking platter and Robert Jordan saw her face turned at an angle and at the same time saw the strange thing about her.	Девушка нагнулась, выходя из пещеры с большой железной сковородой, и Роберт Джордан увидел ее лицо вполоборота и сразу же заметил то, что делало ее такой странной.
She smiled and said, "_Hola_, Comrade," and Robert Jordan said, "_Salud_," and was careful not to stare and not to look away.	Она улыбнулась и сказала: - Hola, camarada. И Роберт Джордан сказал: - Salud, - и принудил себя не смотреть на нее в упор и не отводить глаз в сторону.

She set down the flat iron platter in front of him and he noticed her handsome brown hands.	Она поставила железную сковороду на землю перед ним, и он увидел, какие у нее красивые смуглые руки.
Now she looked him full in the face and smiled.	Теперь она смотрела ему прямо в лицо и улыбалась.
Her teeth were white in her brown face and her skin and her eyes were the same golden tawny brown.	Ее зубы поблескивали белизной на смуглом лице, кожа и глаза были одинакового золотисто-каштанового оттенка.
She had high cheekbones, merry eyes and a straight mouth with full lips.	Скулы у нее были широкие, глаза веселые, губы полные, линия рта прямая.

Her hair was the golden brown of a grain field that has been burned dark in the sun but it was cut short all over her head so that it was but little longer than the fur on a beaver pelt.	Каштановые волосы золотились, как спелая пшеница, сожженная солнцем, но они были подстрижены совсем коротко - чуть длиннее меха на бобровой шкурке.

She smiled in Robert Jordan's face and put her brown hand up and ran it over her head, flattening the hair which rose again as her hand passed.	Она улыбнулась, глядя Роберту Джордану в лицо, подняла руку и провела ладонью по голове, приглаживая волосы, но они тут же снова поднялись ежиком.

She has a beautiful face, Robert Jordan thought.	У нее очень красивое лицо, подумал Роберт Джордан.
She'd be beautiful if they hadn't cropped her hair.	Она была бы очень красивая, если б не стриженые волосы.
"That is the way I comb it," she said to Robert Jordan and laughed.	- Вот так и причесываюсь, без гребешка, - сказала она Роберту Джордану и засмеялась.
"Go ahead and eat.	- Ну, ешь.
Don't stare at me.	Не надо меня разглядывать.
They gave me this haircut in Valladolid.	Это мне в Вальядолиде такую прическу сделали.
It's almost grown out now."	Теперь уже начинают отрастать.

She sat down opposite him and looked at him.	Она села напротив и посмотрела на него.
He looked back at her and she smiled and folded her hands together over her knees.	Он тоже посмотрел на нее. Она улыбнулась и обхватила руками колени.
Her legs slanted long and clean from the open cuffs of the trousers as she sat with her hands across her knees and he could see the shape of her small up-tilted breasts under the gray shirt.	Когда она села так, штаны у нее вздернулись кверху у щиколоток, открывая прямые длинные ноги. Он видел ее высокие маленькие груди, обтянутые серой рубашкой.

Every time Robert Jordan looked at her he could feel a thickness in his throat.	И при каждом взгляде на нее Роберт Джордан чувствовал, как у него что-то подступает к горлу.
"There are no plates," Anselmo said.	- Тарелок нет, - сказал Ансельмо.
"Use your own knife."	- И ножей тоже. Режь своим.
The girl had leaned four forks, tines down, against the sides of the iron dish.	- Четыре вилки девушка прислонила к краям железной сковороды зубцами вниз.
They were all eating out of the platter, not speaking, as is the Spanish custom.	Они ели прямо со сковороды, по испанскому обычаю - молча.

It was rabbit cooked with onions and green peppers and there were chick peas in the red wine sauce.	Мясо было заячье, поджаренное с луком и зеленым перцем, и к нему - соус из красного вина, в котором плавал мелкий горошек.
It was well cooked, the rabbit meat flaked off the bones, and the sauce was delicious.	Хорошо прожаренная зайчатина легко отделялась от костей, а соус был просто великолепный.
Robert Jordan drank another cup of wine while he ate.	За едой Роберт Джордан выпил еще кружку вина.
The girl watched him all through the meal.	Пока он ел, девушка все время смотрела на него.
Every one else was watching his food and eating.	Остальные смотрели только на мясо и ели.

Robert Jordan wiped up the last of the sauce in front of him with a piece of bread, piled the rabbit bones to one side, wiped the spot where they had been for sauce, then wiped his fork clean with the bread, wiped his knife and put it away and ate the bread.	Роберт Джордан подобрал куском хлеба соус, оставшийся на его части сковороды, сдвинул косточки в сторонку, подобрал соус на том месте, где они лежали, потом начисто вытер хлебом вилку, вытер нож, спрятал его и доел хлеб.

He leaned over and dipped his cup full of wine and the girl still watched him.	Нагнувшись над миской, он зачерпнул себе полную кружку вина, а девушка все сидела, обхватив руками колени, и смотрела на него.

Robert Jordan drank half the cup of wine but the thickness still came in his throat when he spoke to the girl.	Роберт Джордан отпил полкружки, но когда он заговорил с девушкой, у него опять что-то подступило к горлу.
"How art thou called?" he asked.	- Как тебя зовут? - спросил он.
Pablo looked at him quickly when he heard the tone of his voice.	Пабло быстро взглянул на него, услышав, как он сказал это.
Then he got up and walked away.	Потом встал и ушел.
"Maria.	- Мария.
And thee?"	А тебя?
"Roberto.	- Роберто.
Have you been long in the mountains?"	Ты давно здесь, в горах?
"Three months."	-Три месяца.

"Three months?"	-Три месяца?
He looked at her hair, that was as thick and short and rippling when she passed her hand over it, now in embarrassment, as a grain field in the wind on a hillside.	Она снова провела рукой по голове, на этот раз смущенно, а он смотрел на ее волосы, короткие, густые и переливающиеся волной, точно пшеница под ветром на склоне холма.
"It was shaved," she said.	- Меня обрили, - сказала она.
"They shaved it regularly in the prison at Valladolid.	- Нас постоянно брили - в тюрьме, в Вальядолиде.
It has taken three months to grow to this.	За три месяца всего вот на столько отросли.
I was on the train.	Я с того поезда.

They were taking me to the south.	Нас везли на юг.
Many of the prisoners were caught after the train was blown up but I was not.	После взрыва многих арестованных опять поймали, а меня нет.
I came With these."	Я пришла сюда с ними.
"I found her hidden in the rocks," the gypsy said.	- Это я ее нашел, перед тем как нам уходить, - сказал цыган.
"It was when we were leaving.	- Она забилась между камнями.
Man, but this one was ugly.	Вот была уродина!
We took her along but many times I thought we would have to leave her."	Мы взяли ее с собой, но дорогой думали, что придется ее бросить.

"And the other one who was with them at the train?" asked Maria.	- А тот, что тогда был вместе с ними? - спросила Мария.
"The other blond one.	- Такой же светлый, как ты.
The foreigner.	Иностранец.
Where is he?"	Где он?
"Dead," Robert Jordan said.	- Умер, - сказал Роберт Джордан.

"In April."	- В апреле.
"In April?	- В апреле?
The train was in April."	Поезд тоже был в апреле.
"Yes," Robert Jordan said.	- Да, - сказал Роберт Джордан.

"He died ten days after the train."	- Он умер через десять дней после этого.
"Poor man," she said.	- Бедный, - сказала Мария.
"He was very brave.	- Он был очень смелый.
And you do that same business?"	А ты тоже этим занимаешься?
"Yes."	-Да.
"You have done trains, too?"	- И поезда тоже взрывал?
"Yes.	-Да.
Three trains."	Три поезда.
"Here?"	- Здесь?
"In Estremadura," he said.	- В Эстремадуре, - сказал он.

"I was in Estremadura before I came here.	- Перед тем как перебраться сюда, я был в Эстремадуре.
We do very much in Estremadura.	В Эстремадуре таких, как я, много.
There are many of us working in Estremadura."	Там для нас дела хватает.
"And why do you come to these mountains now?"	- А зачем ты пришел сюда, в горы?
"I take the place of the other blond one.	- Меня прислали вместо того, который был здесь раньше.
Also I know this country from before the movement."	А потом, я давно знаю эти места. Еще до войны знал.
"You know it well?"	- Хорошо знаешь?

"No, not really well. But I learn fast.	- Не так чтобы очень, но я быстро освоюсь.
I have a good map and I have a good guide."	У меня хорошая карта и проводник хороший.
"The old man," she nodded.	- Старик. - Она кивнула.
"The old man is very good."	- Старик, он очень хороший.
"Thank you," Anselmo said to her and Robert Jordan realized suddenly that he and the girl were not alone and he realized too that it was hard for him to look at her because it made his voice change so.	- Спасибо, - сказал ей Ансельмо, и Роберт Джордан вдруг понял, что они с девушкой не одни здесь, и он понял еще, что ему трудно смотреть на нее, потому что, когда он на нее смотрит, у него даже голос меняется.

He was violating the second rule of the two rules for getting on well with people that speak Spanish; give the men tobacco and leave the women alone; and he realized, very suddenly, that he did not care.	Он нарушил второе правило из тех двух, которые следует соблюдать, чтобы ладить с людьми, говорящими по-испански: угощать мужчин табаком, а женщин не трогать. Но он вдруг понял, что ему нечего считаться с этим.

There were so many things that he had not to care about, why should he care about that?	Мало ли есть такого на свете, с чем он совершенно не считается, зачем же считаться с этим?
"You have a very beautiful face," he said to Maria.	- У тебя очень красивое лицо, - сказал он Марии.

"I wish I would have had the luck to see you before your hair was cut."	- Как жалко, что я не видел тебя с длинными волосами.
"It will grow out," she said.	- Они отрастут, - сказала она.
"In six months it will be long enough."	- Через полгода будут длинные.
"You should have seen her when we brought her from the train.	- Ты бы посмотрел, какая она была, когда мы привели ее сюда.
She was so ugly it would make you sick."	Вот уродина! Глядеть тошно было.
"Whose woman are you?" Robert Jordan asked, trying not to pull out of it.	- А ты здесь с кем? - спросил Роберт Джордан, пытаясь овладеть собой.
"Are you Pablo's?"	- Ты с Пабло?

She looked at him and laughed, then slapped him on the knee.	Она глянула на него и засмеялась, потом хлопнула его по коленке.
"Of Pablo?	- С Пабло?
You have seen Pablo?"	Ты разве не видел Пабло?
"Well, then, of Rafael.	- Ну, тогда с Рафаэлем.
I have seen Rafael."	Я видел Рафаэля.
"Of Rafael neither."	-И не с Рафаэлем.
"Of no one," the gypsy said.	- Она ни с кем, - сказал цыган.
"This is a very strange woman.	- Чудная какая-то.
Is of no one.	Ни с кем.
But she cooks well."	А стряпает хорошо.

"Really of no one?" Robert Jordan asked her.	- Правда, ни с кем? - спросил ее Роберт Джордан.
"Of no one.	- Ни с кем.
No one.	Никогда и ни с кем.
Neither in joke nor in seriousness.	Ни для забавы, ни по-настоящему.
Nor of thee either."	И с тобой не буду.
"No?" Robert Jordan said and he could feel the thickness coming in his throat again.	- Нет? - сказал Роберт Джордан и почувствовал, как что-то снова подступило у него к горлу.
"Good.	- Это хорошо.
I have no time for any woman. That is true."	У меня нет времени на женщин, что правда, то правда.

"Not fifteen minutes?" the gypsy asked teasingly.	- И пятнадцати минут нет?- поддразнил его цыган.
"Not a quarter of an hour?"	- И четверти часика?

Robert Jordan did not answer.	Роберт Джордан смолчал.
He looked at the girl, Maria, and his throat felt too thick for him to trust himself to speak.	Он смотрел на эту девушку, Марию, и у него так сдавило горло, что он не решался заговорить.
Maria looked at him and laughed, then blushed suddenly but kept on looking at him.	Мария взглянула на него и засмеялась, потом вдруг покраснела, но глаз не отвела.

"You are blushing," Robert Jordan said to her.	-Ты покраснела, - сказал ей Роберт Джордан.
"Do you blush much?"	- Ты часто краснеешь?
"Never."	- Нет, никогда.
"You are blushing now."	- А сейчас покраснела.
"Then I will go into the cave."	- Тогда я уйду в пещеру.
"Stay here, Maria."	- Не уходи, Мария.
"No," she said and did not smile at him.	- Уйду, - сказала она и не улыбнулась.
"I will go into the cave now."	- Сейчас уйду в пещеру.
She picked up the iron plate they had eaten from and the four forks.	- Она подняла с земли железную сковороду, с которой они ели, и все четыре вилки.

She moved awkwardly as a colt moves, but with that same grace as of a young animal.	Движения у нее были угловатые, как у жеребенка, и такие же грациозные.
"Do you want the cups?" she asked.	- Кружки вам нужны? - спросила она.
Robert Jordan was still looking at her and she blushed again.	Роберт Джордан все еще смотрел на нее, и она опять покраснела.
"Don't make me do that," she said.	- Не надо так, - сказала она.
"I do not like to do that."	- Мне это неприятно.
"Leave them," they gypsy said to her.	- Уходи от них, - сказал ей цыган.

"Here," he dipped into the stone bowl and handed the full cup to Robert Jordan who Watched the girl duck her head and go into the cave carrying the heavy iron dish.	- На. - Он зачерпнул из каменной миски и протянул полную кружку Роберту Джордану, следившему взглядом за девушкой, пока та, пригнув голову у низкого входа, не скрылась в пещере с тяжелой сковородой.
"Thank you," Robert Jordan said.	- Спасибо, - сказал Роберт Джордан.
His voice was all right again, now that she was gone.	Теперь, когда она ушла, голос его звучал как обычно.
"This is the last one.	- Но больше не нужно.
We've had enough of this."	Мы уж и так много выпили.
"We will finish the bowl," the gypsy said.	- Надо прикончить, - сказал цыган.

"There is over half a skin.	- Там еще полбурдюка.
We packed it in on one of the horses."	Мы одну лошадь навьючили вином.
"That was the last raid of Pablo," Anselmo said.	- Это было в последнюю вылазку Пабло, - сказал Ансельмо.
"Since then he has done nothing."	- С тех пор он так и сидит здесь без дела.

"How many are you?" Robert Jordan asked.	- Сколько вас здесь? - спросил Роберт Джордан.
"We are seven and there are two women."	- Семеро и две женщины.
"Two?"	-Две?
"Yes.	-Да.

The mujer of Pablo."	Еще mujer самого Пабло.
"And she?"	- А где она?
"In the cave.	- В пещере.
The girl can cook a little.	Девушка стряпает плохо.
I said she cooks well to please her.	Я похвалил, только чтобы доставить ей удовольствие.
But mostly she helps the _mujer_ of Pablo."	Она больше помогает mujer Пабло.
"And how is she, the _mujer_ of Pablo?"	- А какая она, эта mujer Пабло?
"Something barbarous," the gypsy grinned.	- Ведьма, - усмехнулся цыган.
"Something very barbarous.	- Настоящая ведьма.

If you think Pablo is ugly you should see his woman.	Если, по-твоему, Пабло урод, так ты посмотри на его женщину.
But brave.	Зато смелая.
A hundred times braver than Pablo.	Во сто раз смелее Пабло.
But something barbarous."	Но уж ведьма - сил нет!
"Pablo was brave in the beginning," Anselmo said.	- Пабло раньше тоже был смелый, - сказал Ансельмо.
"Pablo was something serious in the beginning."	- Раньше он был настоящий человек, Пабло.
"He killed more people than the cholera," the gypsy said.	- Он столько народу убил, больше, чем холера, -сказал цыган.

"At the start of the movement, Pablo killed more people than the typhoid fever."	- В начале войны Пабло убил больше народу, чем тиф.
"But since a long time he is _muy flojo_," Anselmo said.	-Но он уже давно сделался muy flojo, - сказал Ансельмо.
"He is very flaccid.	- Совсем сдал.
He is very much afraid to die."	Смерти боится.
"It is possible that it is because he has killed so many at the beginning," the gypsy said philosophically.	- Это, наверно, потому, что он стольких сам убил в начале войны, - философически заметил цыган.
"Pablo killed more than the bubonic plague."	- Пабло убил больше народу, чем бубонная чума.

"That and the riches," Anselmo said.	- Да, и к тому же разбогател, - сказал Ансельмо.
"Also he drinks very much.	- И еще он пьет.
Now he would like to retire like a _matador de toros_.	Теперь он хотел бы уйти на покой, как matador de toros.
Like a bullfighter.	Как матадор.

But he cannot retire."	А уйти нельзя.
"If he crosses to the other side of the lines they will take his horses and make him go in the army," the gypsy said.	- Если он перейдет линию фронта, лошадей у него отнимут, а его самого заберут в армию, - сказал цыган.
"In me there is no love for being in the army either."	- Я бы в армию тоже не очень торопился.

"Nor is there in any other gypsy," Anselmo said.	- Какой цыган любит армию! - сказал Ансельмо.
"Why should there be?" the gypsy asked.	-А за что ее любить? - спросил цыган.
"Who wants to be in an army?	- Кому охота идти в армию?
Do we make the revolution to be in an army?	Для того мы делали революцию, чтобы служить в армии?
I am willing to fight but not to be in an army."	Я воевать не отказываюсь, а служить не хочу.
"Where are the others?" asked Robert Jordan.	- А где остальные? - спросил Роберт Джордан.

He felt comfortable and sleepy now from the wine and lying back on the floor of the forest he saw through the tree tops the small afternoon clouds of the mountains moving slowly in the high Spanish sky.	Его клонило ко сну после выпитого вина; он растянулся на земле, и сквозь верхушки деревьев ему были видны маленькие предвечерние облака, медленно плывущие над горами в высоком испанском небе.
"There are two asleep in the cave," the gypsy said.	- Двое спят в пещере, - сказал цыган.
"Two are on guard above where we have the gun.	- Двое на посту выше, в горах, где у нас стоит пулемет.
One is on guard below.	Один на посту внизу.
They are probably all asleep."	Да они, наверно, все спят.
Robert Jordan rolled over on his side.	Роберт Джордан перевернулся на бок.

"What kind of a gun is it?"	- Какой у вас пулемет?
"A very rare name," the gypsy said.	- Называется как-то по-чудному, - сказал цыган.
"It has gone away from me for the moment.	- Вот ведь, вылетело из головы!
It is a machine gun." It must be an automatic rifle, Robert Jordan thought.	Должно быть, ручной пулемет, подумал Роберт Джордан.
"How much does it weigh?" he asked.	- А какой у него вес? - спросил он.
"One man can carry it but it is heavy. It has three legs that fold.	- Снести и одному можно, но очень тяжелый, с тремя складными ножками.
We got it in the last serious raid.	Мы раздобыли его в нашу последнюю серьезную вылазку.

The one before the wine."	Еще до вина.
"How many rounds have you for it?"	- А патронов к нему сколько?
"An infinity," the gypsy said.	- Гибель, - сказал цыган.
"One whole case of an unbelievable heaviness."	- Целый ящик, такой, что с места не сдвинешь.
Sounds like about five hundred rounds, Robert Jordan thought.	Наверно, пачек пятьсот, подумал Роберт Джордан.
"Does it feed from a pan or a belt?"	- А как он заряжается - диском или лентой?

"From round iron cans on the top of the gun."	- Круглыми жестянками, они вставляются сверху.

Hell, it's a Lewis gun, Robert Jordan thought.	Да, конечно, "льюис", подумал Роберт Джордан.
"Do you know anything about a machine gun?" he asked the old man.	- Ты что-нибудь понимаешь в пулеметах? -спросил он старика.
"Nada," said Anselmo.	- Nada, - сказал Ансельмо.
"Nothing."	- Ничего.
"And thou?" to the gypsy.	- А ты? - обратился он к цыгану.
"That they fire with much rapidity and become so hot the barrel burns the hand that touches it," the gypsy said proudly.	- Я знаю, что они стреляют очень быстро, а ствол так накаляется, что рука не терпит, - гордо ответил цыган.
"Every one knows that," Anselmo said with contempt.	- Это все знают, - презрительно сказал Ансельмо.

"Perhaps," the gypsy said.	- Может, и знают, - сказал цыган.
"But he asked me to tell what I know about a _maquina_ and I told him."	- Он меня спросил, понимаю ли я что-нибудь в такой maquina, вот я и говорю.
Then he added, "Also, unlike an ordinary rifle, they continue to fire as long as you exert pressure on the trigger."	- Потом добавил: - А стреляют они до тех пор, пока не снимешь палец со спуска, не то что простая винтовка.
"Unless they jam, run out of ammunition or get so hot they melt," Robert Jordan said in English.	- Если только не заест, или не расстреляешь все патроны, или ствол не раскалится так, что начнет плавиться, - сказал Роберт Джордан по-английски.
"What do you say?" Anselmo asked him.	-Ты что говоришь? - спросил Ансельмо.

"Nothing," Robert Jordan said.	- Так, ничего, - сказал Роберт Джордан.
"I was only looking into the future in English."	- Это я пытаю будущее по-английски.
"That is something truly rare," the gypsy said.	- Вот чудно, - сказал цыган.
"Looking into the future in _Ingles_.	- Пытать будущее по-английски.
Can you read in the palm of the hand?"	А гадать по руке ты умеешь?
"No," Robert Jordan said and he dipped another cup of wine.	- Нет, - сказал Роберт Джордан и зачерпнул еще кружку вина.

"But if thou canst I wish thee would read in the palm of my hand and tell me what is going to pass in the next three days."	- Но если ты сам умеешь, то погадай мне и скажи, что будет в ближайшие три дня.
"The _mujer_ of Pablo reads in the hands," the gypsy said.	-Mujer Пабло умеет гадать по руке,- сказал цыган.
"But she is so irritable and of such a barbarousness that I do not know if she will do it."	- Но она такая злющая, прямо ведьма. Уж не знаю, согласится ли.
Robert Jordan sat up now and took a swallow of the wine.	Роберт Джордан сел и отпил вина из кружки.
"Let us see the _mujer_ of Pablo now," he said.	- Покажите вы мне эту mujer Пабло, - сказал он.

"If it is that bad let us get it over with."	- Если она действительно такая страшная, так уж чем скорее, тем лучше.
"I would not disturb her," Rafael said.	-Я ее беспокоить не стану, - сказал Рафаэль.

"She has a strong hatred for me."	- Она меня терпеть не может.
"Why?"	- Почему?
"She treats me as a time waster."	- Говорит, что я бездельник.
"What injustice," Anselmo taunted.	- Вот уж неправда! - съязвил Ансельмо.
"She is against gypsies."	- Она не любит цыган.
"What an error," Anselmo said.	- Вот уж придирки! - сказал Ансельмо.

"She has gypsy blood," Rafael said.	- В ней самой цыганская кровь, - сказал Рафаэль.
"She knows of what she speaks."	- Она знает, что говорит.
He grinned.	- Он ухмыльнулся.
"But she has a tongue that scalds and that bites like a bull whip.	- Но язык у нее такой, что только держись. Как бичом хлещет.
With this tongue she takes the hide from any one.	С кого угодно шкуру сдерет.
In strips.	Прямо лентами.
She is of an unbelievable barbarousness."	Настоящая ведьма.
"How does she get along with the girl, Maria?" Robert Jordan asked.	- А как она ладит с девушкой, с Марией? -спросил Роберт Джордан.

"Good.	- Хорошо.
She likes the girl.	Она ее любит.
But let any one come near her seriously--" He shook his head and clucked with his tongue.	Но стоит только кому-нибудь подойти к той поближе... - Он покачал головой и прищелкнул языком.
"She is very good with the girl," Anselmo said.	- С девушкой она очень хорошо обращается, - сказал Ансельмо.
"She takes good care of her."	- Заботится о ней.
"When we picked the girl up at the time of the train she was very strange," Rafael said.	- Когда мы подобрали эту девушку там, около поезда, она была как дурная, - сказал Рафаэль.

"She would not speak and she cried all the time and if any one touched her she would shiver like a wet dog.	- Молчала и все время плакала, а чуть ее кто-нибудь тронет - дрожала, как мокрая собачонка.
Only lately has she been better.	Вот только за последнее время отошла.
Lately she has been much better.	За последнее время стала гораздо лучше.
Today she was fine.	А сегодня совсем ничего.
Just now, talking to you, she was very good.	Когда с тобой разговаривала, так и вовсе хоть куда.
We would have left her after the train.	Мы ее тогда чуть не бросили.

Certainly it was not worth being delayed by something so sad and ugly and apparently worthless.	Сам посуди, стоило нам задерживаться из-за такой уродины, которая только и знала, что плакать!

But the old woman tied a rope to her and when the girl thought she could not go further, the old woman beat her with the end of the rope to make her go.	А старуха привязала ее на веревку, и как только девчонка остановится, так она давай ее стегать другим концом.
Then when she could not really go further, the old woman carried her over her shoulder.	Потом уж видим - ее в самом деле ноги не держат, и тогда старуха взвалила ее себе на плечи.

When the old woman could not carry her, I carried her.	Старуха устанет - я несу.
We were going up that hill breast high in the gorse and heather.	Мы лезли в гору, а там дрок и вереск по самую грудь.
And when I could no longer carry her, Pablo carried her.	Я устану - Пабло несет.
But what the old woman had to say to us to make us do it!"	Но какими только словами старуха нас не обзывала, чтобы заставить нести!
He shook his head at the memory.	- Он покачал головой при этом воспоминании.

"It is true that the girl is long in the legs but is not heavy.	- Правда, девчонка не тяжелая, хоть и длинноногая.
The bones are light and she weighs little.	Кости - они легкие, весу в ней немного.

But she weighs enough when we had to carry her and stop to fire and then carry her again with the old woman lashing at Pablo with the rope and carrying his rifle, putting it in his hand when he would drop the girl, making him pick her up again and loading the gun for him while she cursed him; taking the shells from his pouches and shoving them down into the magazine and cursing him.	Но все-таки чувствуется, особенно когда несешь-несешь, а потом станешь и отстреливаешься, потом опять тащишь дальше, а старуха несет за Пабло ружье и знай стегает его веревкой, как только он бросит девчонку, мигом ружье ему в руки, а потом опять заставляет тащить, а сама тем временем перезаряжает ему ружье и кроет последними словами, достает патроны у него из сумки, сует их в магазин и последними словами кроет.

The dusk was coming well on then and when the night came it was all right.	Но скоро стемнело, а там и ночь пришла, и совсем стало хорошо.
But it was lucky that they had no cavalry."	Наше счастье, что у них не было конных.
"It must have been very hard at the train," Anselmo said.	- Трудно им, наверно, пришлось с этим поездом, -сказал Ансельмо.
"I was not there," he explained to Robert Jordan.	- Меня там не было, - пояснил он Роберту Джордану.
"There was the band of Pablo, of El Sordo, whom we will see tonight, and two other bands of these mountains.	- В деле был отряд Пабло, отряд Эль Сордо, Глухого, - мы его сегодня увидим, - и еще два отряда, все здешние, с гор.

I had gone to the other side of the lines."	Я в то время уходил на ту сторону.
"In addition to the blond one with the rare name--" the gypsy said.	- Еще был тот, светлый, у которого имя такое чудное, - сказал цыган.
"Kashkin."	- Кашкин.
"Yes.	-Да.
It is a name I can never dominate.	Никак не запомню.
We had two with a machine gun.	И еще двое с пулеметом.

They were sent also by the army.	Их тоже прислали из армии.

They could not get the gun away and lost it.	Они не смогли тащить за собой пулемет и бросили его.
Certainly it weighed no more than that girl and if the old woman had been over them they would have gotten it away."	Уж наверно, он весил меньше девчонки, будь старуха рядом, им бы от него не отделаться.
He shook his head remembering, then went on. "Never in my life have I seen such a thing as when the explosion Was produced.	- Он покачал головой, вспоминая все это, потом продолжал: - Я в жизни ничего такого не видел, как этот взрыв.
The train was coming steadily.	Идет поезд.
We saw it far away.	Мы его еще издали увидели.

And I had an excitement so great that I cannot tell it.	Тут со мной такое сделалось, что я даже рассказать не могу.
We saw steam from it and then later came the noise of the whistle.	Видим, пускает пары, потом и свисток донесся.

Then it came chu-chu-chu-chu-chu-chu steadily larger and larger and then, at the moment of the explosion, the front wheels of the engine rose up and all of the earth seemed to rise in a great cloud of blackness and a roar and the engine rose high in the cloud of dirt and of the Wooden ties rising in the air as in a dream and then it fell onto its side like a great wounded animal and there was an explosion of white steam before the clods of the other explosion had ceased to fall on us and the _maquina_ commenced to speak ta-tat-tat-ta!" went the gypsy shaking his two clenched fists up and down in front of him, thumbs up, on an imaginary machine	Потом - чу-чу-чу-чу-чу-чу, и поезд все ближе и ближе, а потом вдруг взрыв, и паровоз будто на дыбы встал, а кругом грохот и дым черной тучей, и кажется, вся земля встала дыбом, и потом паровоз взлетел на воздух вместе с песком и шпалами. Ну, как во сне! А потом грохнулся на бок, точно подбитый зверь, и на нас еще сыплются комья после первого взрыва, а тут второй взрыв, и белый пар так и повалил, а потом maquina как застрекочет - та-тат-тат-та! -Выставив большие пальцы, он за-

"Ta!	- Та!
Ta!	Та!
Tat!	Тат!
Tat! Tat!	Тат!
Ta!" he exulted.	Та! - захлебывался он.
"Never in my life have I seen such a thing, with the troops running from the train and the _maquina_ speaking into them and the men falling.	- В жизни такого не видал! Из вагонов посыпали солдаты, а maquina прямо по ним, и они падают наземь.
It was then that I put my hand on the _maquina_ in my excitement and discovered that the barrel burned and at that moment the old woman slapped me on the side of the face and said,	Я тогда себя не помнил, случайно задел рукой maquina, а ствол у нее - ну прямо огонь, а тут старуха как залепит мне пощечину и кричит:

'Shoot, you fool!	"Стреляй, болван!
Shoot or I will kick your brains in!'	Стреляй, или я тебе голову размозжу!"
Then I commenced to shoot but it was very hard to hold my gun steady and the troops were running up the far hill.	Тогда я стал стрелять и никак не слажу с ружьем, чтобы не дрожало, а солдаты уже бегут вверх по дальнему холму.

Later, after we had been down at the train to see what there was to take, an officer forced some troops back toward us at the point of a pistol.	Потом мы подошли к вагонам посмотреть, есть ли там чем поживиться, а один офицер заставил своих солдат повернуть на нас - грозил им: расстреляю на месте.

He kept waving the pistol and shouting at them and we were all shooting at him but no one hit him.	Размахивает револьвером, кричит на них, а мы стреляем в него - и все мимо.
Then some troops lay down and commenced firing and the officer walked up and down behind them with his pistol and still we could not hit him and the _maquina_ could not fire on him because of the position of the train.	Потом солдаты залегли и открыли огонь, а офицер бегает позади с револьвером, но мы и тут никак в него не попадем, потому что из maquina стрелять нельзя - поезд загораживает.

This officer shot two men as they lay and still they would not get up and he was cursing them and finally they got up, one two and three at a time and came running toward us and the train.	Офицер пристрелил двоих солдат, пока они там лежали, а остальные все равно не идут. Он еще пуще ругается, и наконец они поднялись, сначала один, потом по двое, по трое, и побежали на нас и к поезду.
Then they lay flat again and fired.	Потом опять залегли и опять открыли огонь.
Then we left, with the _maquina_ still speaking over us as we left.	Потом мы стали отступать - отступаем, maquina все стреляет через наши головы.
It was then I found the girl where she had run from the train to the rocks and she ran with us.	Вот тогда-то я и нашел эту девчонку среди камней, где она спряталась, и мы взяли ее с собой.

It was those troops who hunted us until that night."	А солдаты до самой ночи за нами гнались.
"It must have been something very hard," Anselmo said.	- Да, там, должно быть, нелегко пришлось, - сказал Ансельмо.
"Of much emotion."	- Есть что вспомнить.
"It was the only good thing we have done," said a deep voice.	- Это было единственное настоящее дело, которое мы сделали, - сказал чей-то низкий голос.
"What are you doing now, you lazy drunken obscene unsayable son of an unnameable unmarried gypsy obscenity?	- А что ты сейчас делаешь, ленивый пьянчуга, непотребное отродье цыганской шлюхи?
What are you doing?"	Что ты делаешь сейчас?

Robert Jordan saw a woman of about fifty almost as big as Pablo, almost as wide as she was tall, in black peasant skirt and waist, with heavy wool socks on heavy legs, black rope-soled shoes and a brown face like a model for a granite monument.	Роберт Джордан увидел женщину лет пятидесяти, почти одного роста с Пабло, почти квадратную, в черной крестьянской юбке и кофте, с толстыми ногами в толстых шерстяных чулках, в черных сандалиях на веревочной подошве, со смуглым лицом, которое могло бы служить моделью для гранитной скульптуры.
She had big but nice-looking hands and her thick curly black hair was twisted into a knot on her neck.	Руки у нее были большие, но хорошей формы, а густые, волнистые, черные волосы узлом лежали на затылке.

"Answer me," she said to the gypsy, ignoring the others.	- Ну, отвечай, - сказала она цыгану, не обращая внимания на остальных.
"I was talking to these comrades.	- Я разговариваю с товарищами.
This one comes as a dynamiter."	Вот это динамитчик, к нам прислан.

"I know all that," the _mujer_ of Pablo said.	- Знаю, - сказала женщина.
"Get out of here now and relieve Andres who is on guard at the top."	- Ну, марш отсюда, иди смени Андерса, он наверху.
"_Me voy_," the gypsy said.	- Me voy, - сказал цыган.
"I go."	- Иду!

He turned to Robert Jordan.	- Он повернулся к Роберту Джордану.
"I will see thee at the hour of eating."	- За ужином увидимся.
"Not even in a joke," said the woman to him.	- Будет шутить, - сказала ему женщина.
"Three times you have eaten today according to my count.	- Ты сегодня уже три раза ел, я считала.
Go now and send me Andres.	Иди и пошли ко мне Андерса.
"_Hola_," she said to Robert Jordan and put out her hand and smiled.	- Hola! - сказала она Роберту Джордану, протянула руку и улыбнулась.
"How are you and how is everything in the Republic?"	- Ну, как твои дела и как дела Республики?

"Good," he said and returned her strong hand grip.	- Хороши, - сказал он и ответил на ее крепкое рукопожатие.
"Both with me and with the Republic."	- И у меня и у Республики.
"I am happy," she told him.	- Рада это слышать, - сказала женщина.
She was looking into his face and smiling and he noticed she had fine gray eyes.	Она смотрела ему прямо в лицо и улыбалась, и он заметил, что у нее красивые серые глаза.
"Do you come for us to do another train?"	- Зачем ты пришел, опять будем взрывать поезд?
"No," said Robert Jordan, trusting her instantly.	- Нет, - ответил Роберт Джордан, сразу же почувствовав к ней доверие.
"For a bridge."	- Не поезд, а мост.

"_No es nada_," she said.	- No es nada.
"A bridge is nothing.	Мост - пустяки.
When do we do another train now that we have horses?"	Ты лучше скажи, когда мы будем еще взрывать поезд? Ведь теперь у нас есть лошади.
"Later.	- Как-нибудь в другой раз.
This bridge is of great importance."	Мост - это очень важно.
"The girl told me your comrade who was with us at the train is dead."	- Девушка сказала мне, что твой товарищ умер, тот, который был вместе с нами в том деле с поездом.
"Yes."	-Да.
"What a pity.	- Какая жалость.

Never have I seen such an explosion.	Я такого взрыва еще никогда не видела.
He was a man of talent.	Твой товарищ знал свое дело.
He pleased me very much.	Он мне очень нравился.

It is not possible to do another train now?	А разве нельзя взорвать еще один поезд?
There are many men here now in the hills.	Теперь в горах много людей.
Too many.	Слишком много.
It is already hard to get food.	С едой стало трудно.
It would be better to get out.	Лучше бы уйти отсюда.
And we have horses."	У нас есть лошади.

"We have to do this bridge."	- Сначала надо взорвать мост.
"Where is it?"	- А где это?
"Quite close."	- Совсем близко.
"All the better," the _mujer_ of Pablo said.	-Тем лучше, - сказала женщина.
"Let us blow all the bridges there are here and get out.	- Давай взорвем все мосты, какие тут есть, и выберемся отсюда.
I am sick of this place.	Мне здесь надоело.
Here is too much concentration of people.	Слишком много народу.
No good can come of it.	Это к добру не приведет.
Here is a stagnation that is repugnant."	Обленились все - вот что меня злит.

She sighted Pablo through the trees.	Вдали за деревьями она увидела Пабло.
" Borracho! " she called to him.	- Borracho! - крикнула она ему.
"Drunkard.	- Пьянчуга!
Rotten drunkard!"	Пьянчуга несчастный!
She turned back to Robert Jordan cheerfully.	- Она весело взглянула на Роберта Джордана.
"He's taken a leather wine bottle to drink alone in the woods," she said.	- Сунул в карман кожаную флягу и теперь отправится в лес и будет там пить один.
"He's drinking all the time.	Совсем спился.
This life is ruining him.	Такая жизнь для него погибель.

Young man, I am very content that you have come."	Ну, я очень рада, что ты к нам пришел.
She clapped him on the back.	- Она хлопнула его по спине.
"Ah," she said.	- Эге!
"You're bigger than you look," and ran her hand over his shoulder, feeling the muscle under the flannel shirt.	А с виду тощий! - Она провела рукой по его плечу, прощупывая мускулатуру под фланелевой рубашкой.
"Good.	- Ну, так.
I am very content that you have come."	Я очень рада, что ты пришел.
"And I equally."	- Я тоже.
"We will understand each other," she said.	- Мы столкуемся, - сказала она.
"Have a cup of wine."	- Выпей вина.

"We have already had some," Robert Jordan said.	- Мы уже пили, - сказал Роберт Джордан.

"But, will you?"	- Может, ты выпьешь?
"Not until dinner," she said.	- Нет, до обеда не стану.
"It gives me heartburn."	А то изжога будет.
Then she sighted Pablo again. "_Borracho!_" she shouted.	- Она опять увидела Пабло. - Borracho! - крикнула она.
"Drunkard!"	- Пьянчуга!
She turned to Robert Jordan and shook her head.	- И, обернувшись к Роберту Джордану, покачала головой.
"He was a very good man," she told him.	- Ведь был настоящий человек!

"But now he is terminated.	А теперь спета его песенка!
And listen to me about another thing.	И вот что я еще хочу тебе сказать - слушай.
Be very good and careful about the girl.	Не обижай девушку, с ней надо поосторожнее.
The Maria.	Я о Марии.
She has had a bad time.	Ей много чего пришлось вытерпеть.
Understandest thou?"	Понимаешь?
"Yes.	-Да.
Why do you say this?"	А почему ты это говоришь?
"I saw how she was from seeing thee when she came into the cave.	- Я видела, какая она вернулась в пещеру после встречи с тобой.

I saw her watching thee before she came out."	Я видела, как она смотрела на тебя, прежде чем выйти.
"I joked with her a little."	- Я немного пошутил с ней.
"She was in a very bad state," the woman of Pablo said.	- Она у нас была совсем плоха, - сказала жена Пабло.
"Now she is better, she ought to get out of here."	- Теперь начинает отходить, и ее надо увести отсюда.
"Clearly, she can be sent through the lines with Anselmo."	- Что ж, Ансельмо может проводить ее через линию фронта.
"You and the Anselmo can take her when this terminates."	- Вот кончишь свое дело, и тогда вы с Ансельмо возьмете ее с собой.

Robert Jordan felt the ache in his throat and his voice thickening.	Роберт Джордан почувствовал, что у него опять сдавило горло и что голос его звучит глухо.
"That might be done," he said.	- Можно и так, - сказал он.
The _mujer_ of Pablo looked at him and shook her head.	Женщина взглянула на него и покачала головой.
"Ayee.	- Да-а.
Ayee," she said.	Да-а, - протянула она.
"Are all men like that?"	- Все вы, мужчины, на один лад!
"I said nothing.	- А что я такого сказал?

She is beautiful, you know that."	Ты же сама знаешь - она красивая.

"No she is not beautiful.	- Нет, она не красивая.
But she begins to be beautiful, you mean," the woman of Pablo said.	Но ты хочешь сказать, что она скоро будет красивая, - ответила mujer Пабло.
"Men.	- Мужчины!
It is a shame to us women that we make them.	Позор нам, женщинам, что мы вас рожаем.
No.	Нет!
In seriousness.	Давай без шуток.
Are there not homes to care for such as her under the Republic?"	Разве теперь, при Республике, нет специальных мест, куда берут таких, у кого родных не осталось?
"Yes," said Robert Jordan.	- Есть, - сказал Роберт Джордан.

"Good places.	- Есть хорошие дома.
On the coast near Valencia.	На побережье около Валенсии.
In other places too.	И в других местах.
There they will treat her well and she can work with children.	Там о ней позаботятся, и она будет ухаживать за детьми.
There are the children from evacuated villages.	Там живут дети, эвакуированные из деревень.
They will teach her the work."	Ее выучат ходить за детьми.
"That is what I want," the _mujer_ of Pablo said.	- Вот этого я и хочу, - сказала женщина.
"Pablo has a sickness for her already.	- А то Пабло уже сам не свой от нее.
It is another thing which destroys him.	И это тоже для него плохо.

It lies on him like a sickness when he sees her.	Увидит, прямо сам не свой.
It is best that she goes now."	Ей надо уйти отсюда, так будет лучше.
"We can take her after this is over."	- Мы можем взять ее с собой, когда кончим здесь.
"And you will be careful of her now if I trust you?	- А ты не станешь ее обижать, если я положусь на тебя?
I speak to you as though I knew you for a long time."	Я так с тобой говорю, будто целый век тебя знаю.
"It is like that," Robert Jordan said, "when people understand one another."	- Так всегда бывает, - сказал Роберт Джордан, -если люди понимают друг друга.

"Sit down," the woman of Pablo said.	- Сядь, - сказала женщина.
"I do not ask any promise because what will happen, will happen.	- Слова я с тебя брать не хочу, потому что чему быть, того не миновать.
Only if you will not take her out, then I ask a promise."	Но если ты не возьмешь ее с собой, тогда дай слово.
"Why if I would not take her?"	- Почему - если не возьму с собой?
"Because I do not want her crazy here after you will g°-	- Потому что я не хочу, чтобы она тут сходила с ума, когда тебя не будет.

I have had her crazy before and I have enough without that."	Я же знаю, каково с нею, когда она сумасшедшая, а у меня и без того забот много.

"We will take her after the bridge," Robert Jordan said.	- Мы возьмем ее, когда кончим с мостом, - сказал Роберт Джордан.
"If we are alive after the bridge, we will take her."	- Если останемся живы после того моста, тогда возьмем.
"I do not like to hear you speak in that manner.	- Мне не нравится, как ты говоришь.
That manner of speaking never brings luck."	Такие разговоры удачи не приносят.
"I spoke in that manner only to make a promise," Robert Jordan said.	- Это я только так, чтобы не обещать зря, - сказал Роберт Джордан.
"I am not of those who speak gloomily."	- Я не из тех, кто любит каркать.

"Let me see thy hand," the woman said.	- Дай я взгляну на твою руку, - сказала женщина.
Robert Jordan put his hand out and the woman opened it, held it in her own big hand, rubbed her thumb over it and looked at it, carefully, then dropped it. She stood up.	Роберт Джордан протянул руку, и женщина, повернув ее вверх ладонью, подержала в своей ручище, потерла большим пальцем, внимательно вгляделась в нее, потом отпустила и встала.
He got up too and she looked at him without smiling.	Он тоже поднялся с земли, и она посмотрела на него без улыбки.
"What did you see in it?" Robert Jordan asked her.	- Что же ты там увидела? - спросил Роберт Джордан.
"I don't believe in it.	- Я в такие вещи не верю.

You won't scare me."	Так что меня не запугаешь.
"Nothing," she told him.	- Ничего, - сказала она.
"I saw nothing in it."	- Я ничего не увидела.
"Yes you did.	- Нет, увидела.
I am only curious.	Мне просто любопытно.
I do not believe in such things."	Я в это не верю.
"In what do you believe?"	-А во что ты веришь?
"In many things but not in that."	- Во многое верю, только не в это.
"In what?"	-А во что?
"In my work."	- В свою работу.
"Yes, I saw that."	- Да, это я видела.

"Tell me what else you saw."	- А еще что ты увидела? Говори.
"I saw nothing else," she said bitterly.	- Больше ничего, - сказала она сердито.
"The bridge is very difficult you said?"	- Так ты говоришь, что мост - это очень трудно?
"No. I said it is very important."	- Я сказал, что это очень важно.
"But it can be difficult?"	- А может случиться так, что будет трудно?
"Yes.	-Да.

And now I go down to look at it.	А теперь я пойду посмотрю на него.
How many men have you here?"	Сколько у вас здесь людей?

"Five that are any good.	- Стоящих пятеро.
The gypsy is worthless although his intentions are good.	От цыгана проку мало, хотя вообще-то он неплохой.
He has a good heart.	У него сердце доброе.
Pablo I no longer trust."	Пабло я больше не доверяю.
"How many men has El Sordo that are good?"	- А сколько у Эль Сордо таких - стоящих?
"Perhaps eight.	- Человек восемь.
We will see tonight.	Сегодня вечером посмотрим.
He is coming here.	Он придет сюда.
He is a very practical man. He also has some dynamite.	Он очень дельный, и у него тоже есть динамит.

Not very much, though.	Правда, не очень много.
You will speak with him."	Ну, да ты сам с ним поговоришь.
"Have you sent for him?"	-Ты посылала за ним?
"He comes every night.	- Он всегда приходит по вечерам.
He is a neighbor.	Ведь мы соседи.
Also a friend as well as a comrade."	И он нам не только товарищ, но и друг.
"What do you think of him?"	- А какого ты о нем мнения?
"He is a very good man.	- Он настоящий человек.
Also very practical.	И очень дельный.

In the business of the train he was enormous."	Когда взрывали поезд, он просто чудеса творил.
"And in the other bands?"	- А как в других отрядах?
"Advising them in time, it should be possible to unite fifty rifles of a certain dependability."	- Если вовремя известить, то человек пятьдесят наберешь, на которых все-таки можно положиться.
"How dependable?"	- Действительно можно?
"Dependable within the gravity of the situation."	- Это смотря как обернется дело.
"And how many cartridges per rifle?"	- А сколько патронов на каждую винтовку?
"Perhaps twenty.	- Штук двадцать.

Depending how many they would bring for this business.	Смотря сколько они принесут.
If they would come for this business.	Если пойдут на это дело.

Remember thee that in this of a bridge there is no money and no loot and in thy reservations of talking, much danger, and that afterwards there must be a moving from these mountains. Many will oppose this of the bridge."	Ты не забывай, что тут мост, а не поезд, значит, ни денег, ни поживы и опасность большая, раз ты об этом молчишь. И после такого дела всем придется уходить отсюда, Эта затея с мостом многим не понравится.
"Clearly."	- Понятно.
"In this way it is better not to speak of it unnecessarily."	-Так что чем меньше говорить, тем лучше.

"I am in accord."	- Правильно.
"Then after thou hast studied thy bridge we will talk tonight with El Sordo."	- Ну, иди, погляди на свой мост, а вечером мы потолкуем с Эль Сордо.
"I go down now with Anselmo."	- Я пойду с Ансельмо.
"Wake him then," she said.	- Тогда разбуди его, - сказала она.
"Do you want a carbine?"	- Карабин тебе нужен?
"Thank you," he told her.	- Спасибо, - ответил он.
"It is good to have but I will not use it.	- Карабин вещь хорошая, но мне он не понадобится.
I go to look, not to make disturbances.	Я иду только посмотреть место, а не поднимать шум раньше времени.

Thank you for what you have told me.	Спасибо за все, что ты мне сказала.
I like very much your way of speaking."	Мне нравится такой разговор.
"I try to speak frankly."	- Я стараюсь говорить начистоту.
"Then tell me what you saw in the hand."	- Тогда скажи, что ты увидела у меня на руке.
"No," she said and shook her head.	- Нет. - Она покачала головой.
"I saw nothing.	- Я ничего не увидела.
Go now to thy bridge.	Ну, ступай к своему мосту.
I will look after thy equipment."	Я пригляжу за твоими мешками.
"Cover it and that no one should touch it.	- Прикрой их и смотри, чтобы никто ничего не трогал.

It is better there than in the cave."	Пусть так и лежат - тут лучше, чем в пещере.
"It shall be covered and no one shall touch it," the woman of Pablo said.	- Будут прикрыты, и никто их не тронет, - сказала женщина.
"Go now to thy bridge."	- Ну, ступай к своему мосту.
"Anselmo," Robert Jordan said, putting his hand on the shoulder of the old man who lay sleeping, his head on his arms.	- Ансельмо, - сказал Роберт Джордан, кладя руку на плечо старика, который спал, положив голову на локоть.
The old man looked up.	Старик открыл глаза.
"Yes," he said.	- Да, - сказал он.
"Of course.	- Сейчас.
Let us go."	Сейчас пойдем.

3	3
They came down the last two hundred yards, moving carefully from tree to tree in the shadows and now, through the last pines of the steep hillside, the bridge was only fifty yards away.	Последние двести ярдов спуска они прошли, держась в тени деревьев, осторожно перебегая от одного к другому, и остановились тогда, когда до моста, видневшегося за последними соснами крутого склона, осталось не более пятидесяти ярдов.
The late afternoon sun that still came over the brown shoulder of the mountain showed the bridge dark against the steep emptiness of the gorge.	Солнце еще не спряталось за вершиной горы, и мост в его лучах казался черным над пустотой провала.

It was a steel bridge of a single span and there was a sentry box at each end.	Мост был стальной, однопролетный, у обоих концов его стояли будки часовых.
It was wide enough for two motor cars to pass and it spanned, in solid-flung metal grace, a deep gorge at the bottom of which, far below, a brook leaped in white water through rocks and boulders down to the main stream of the pass.	Он был настолько широк, что на нем свободно могли разойтись два автомобиля, и его прочная и изящная металлическая арка перетягивала глубокую теснину, на дне которой, белый от пены, бежал по камням ручей, стремясь к реке, протекавшей в ущелье.
The sun was in Robert Jordan's eyes and the bridge showed only in outline.	Роберту Джордану приходилось смотреть против солнца, и он видел только силуэт моста.

Then the sun lessened and was gone and looking up through the trees at the brown, rounded height that it had gone behind, he saw, now, that he no longer looked into the glare, that the mountain slope was a delicate new green and that there were patches of old snow under the crest.	Но солнце садилось и скоро совсем зашло, и теперь, когда свет уже не бил в глаза, он глянул сквозь деревья на бурую округлую гору, за которой оно скрылось, и увидел, что склон ее порос нежной молодой зеленью, а у самого гребня лежат еще полосы нестаявшего снега.
Then he was watching the bridge again in the sudden short trueness of the little light that would be left, and studying its construction.	Потом он снова перевел глаза на мост, спеша использовать внезапно наступившие короткие минуты нужного ему освещения, чтобы разглядеть конструкцию моста.

The problem of its demolition was not difficult.	Подорвать его будет нетрудно.
As he watched he took out a notebook from his breast pocket and made several quick line sketches.	Продолжая свои наблюдения, он вынул из нагрудного кармана записную книжку и беглыми штрихами набросал чертеж.
As he made the drawings he did not figure the charges.	Заряд он при этом вычислять не стал.
He would do that later.	Успеется после.
Now he was noting the points where the explosive should be placed in order to cut the support of the span and drop a section of it into the gorge.	Он только отмечал те точки, куда нужно заложить динамит, чтоб при взрыве мост сразу лишился опоры и середина его рухнула в провал.

It could be done unhurriedly, scientifically and correctly with a half dozen charges laid and braced to explode simultaneously; or it could be done roughly with two big ones.	Это можно было выполнить не торопясь, по всем правилам науки, безошибочно, заложив полдюжины шашек и соединив их так, чтобы взрыв произошел одновременно; можно было также сделать все скорее и проще, заложив два больших заряда.

They would need to be very big ones, on opposite sides and should go at the same time.	Но тогда заряды должны быть очень большими, заложить их надо на противоположных концах моста и взрывать одновременно.

He sketched quickly and happily; glad at last to have the problem under his hand; glad at last actually to be engaged upon it.	Он чертил быстро и с удовольствием: приятно было, что наконец-то задача ясна, приятно наконец приступить к ее выполнению.
Then he shut his notebook, pushed the pencil into its leather holder in the edge of the flap, put the notebook in his pocket and buttoned the pocket.	Он закрыл книжку, вставил карандаш в кожаную петлю, положил книжку в карман и застегнул его на пуговицу.
While he had sketched, Anselmo had been watching the road, the bridge and the sentry boxes.	Пока он чертил, Ансельмо наблюдал за дорогой, мостом и будками часовых.

He thought they had come too close to the bridge for safety and when the sketching was finished, he was relieved.	Он считал, что они подошли к мосту слишком близко, и потому облегченно вздохнул, когда Роберт Джордан кончил рисовать.
As Robert Jordan buttoned the flap of his pocket and then lay flat behind the pine trunk, looking out from behind it, Anselmo put his hand on his elbow and pointed with one finger.	Застегнув карман на пуговицу, Роберт Джордан вытянулся на земле и осторожно выглянул из-за сосны, и тогда Ансельмо тронул его за локоть и указал пальцем в сторону моста.

In the sentry box that faced toward them up the road, the sentry was sitting holding his rifle, the bayonet fixed, between his knees. He was smoking a cigarette and he wore a knitted cap and blanket style cape.	В будке у ближнего конца моста, лицом к дороге, сидел часовой, поставив между колен винтовку с примкнутым штыком, и курил сигарету; на нем была вязаная шапочка и плащ, похожий на одеяло.
At fifty yards, you could not see anything about his face.	На расстоянии пятидесяти ярдов лица нельзя было разглядеть.

Robert Jordan put up his field glasses, shading the lenses carefully with his cupped hands even though there was now no sun to make a glint, and there was the rail of the bridge as clear as though you could reach out and touch it and there was the face of the senty so clear he could see the sunken cheeks, the ash on the cigarette and the greasy shine of the bayonet.	Роберт Джордан поднял к глазам полевой бинокль, тщательно прикрывая сверху ладонями стекла, хотя солнца уже не было и заблестеть они не могли, и сразу перила моста придвинулись так близко, что казалось, стоит протянуть руку - и коснешься их, и лицо часового придвинулось так близко, что видны стали впалые щеки, и пепел на кончике сигареты, и маслянистый блеск штыка.

It was a peasant's face, the cheeks hollow under the high cheekbones, the beard stubbled, the eyes shaded by the heavy brows, big hands holding the rifle, heavy boots showing beneath the folds of the blanket cape.	Это было лицо крестьянина - худые щеки под выдающимися скулами, щетина на подбородке, мохнатые, нависшие брови; большие руки держали винтовку, из-под складок плаща выглядывали тяжелые сапоги.
There was a worn, blackened leather wine bottle on the wall of the sentry box, there were some newspapers and there was no telephone.	В будке висела на стене старая, почерневшая кожаная фляга, лежали газеты, а телефона не было.

There could, of course, be a telephone on the side he could not see; but there were no wires running from the box that were visible. A telephone line ran along the road and its wires were carried over the bridge.	Можно было, конечно, предположить, что телефон с другой стороны, но вокруг будки нигде не было видно проводов, хотя вдоль дороги шли телефонные столбы, и провода тянулись над мостом.

There was a charcoal brazier outside the sentry box, made from an old petrol tin with the top cut off and holes punched in it, which rested on two stones; but he held no fire.	У самой будки на двух камнях стояла самодельная жаровня - старый бидон из-под керосина с отломанной крышкой и проверченными в боках дырками; но огня в ней не было.

There were some fire-blackened empty tins in the ashes under it.	Под жаровней в куче золы валялись закопченные пустые жестянки.
Robert Jordan handed the glasses to Anselmo who lay flat beside him.	Роберт Джордан передал бинокль Ансельмо, вытянувшемуся рядом с ним на земле.
The old man grinned and shook his head.	Старик усмехнулся и покачал головой.
He tapped his skull beside his eye with one finger.	Он постучал себя пальцем по виску, возле глаза.
"_Ya lo veo_," he said in Spanish.	-Ya lo veo, - сказал он по-испански.

"I have seen him," speaking from the front of his mouth with almost no movement of his lips in the way that is quieter than any whisper.	- Я его вижу. Он говорил, почти не шевеля губами, и это выходило тише самого тихого шепота.
He looked at the sentry as Robert Jordan smiled at him and, pointing with one finger, drew the other across his throat.	Когда Роберт Джордан улыбнулся ему, он посмотрел на часового и, указав на него пальцем одной руки, провел другой по своей шее.
Robert Jordan nodded but he did not smile.	Роберт Джордан кивнул, но улыбаться перестал.

The sentry box at the far end of the bridge faced away from them and down the road and they could not see into it.	Будка второго часового, у дальнего конца дороги, была повернута к ним задней стороной, и они не могли видеть, что делается внутри.
The road, which was broad and oiled and well constructed, made a turn to the left at the far end of the bridge and then swung out of sight around a curve to the right.	Гудронированная дорога, широкая и ровная, за мостом сворачивала влево и потом уходила за выступ горы.

At this point it was enlarged from the old road to its present width by cutting into the solid bastion of the rock on the far side of the gorge; and its left or western edge, looking down from the pass and the bridge, was marked and protected by a line of upright cut blocks of stone where its edge fell sheer away to the gorge.	Прежняя дорога была гораздо уже, и, чтобы расширить ее в этом месте, пришлось стесать часть гранитной скалы, на уступе которой она была проложена; со стороны обрыва - слева, если смотреть от моста и ущелья, - ее огораживал ряд вытесанных из камня тумб; они отмечали край дороги и служили парапетом.
The gorge was almost a canyon here, where the brook, that the bridge was flung over, merged with the main stream of the pass.	Теснина здесь была очень глубокая и узкая, особенно там, где ручей, над которым висел мост, впадал в реку.

"And the other post?" Robert Jordan asked Anselmo.	- А второй пост где? - спросил Роберт Джордан старика.
"Five hundred meters below that turn.	- Пятьсот метров от того поворота.
In the roadmender's hut that is built into the side of the rock."	В домике дорожного мастера, у самой скалы.
"How many men?" Robert Jordan asked.	- Сколько там людей? - спросил Роберт Джордан.
He was watching the sentry again with his glasses.	Он снова навел бинокль на часового.

The sentry rubbed his cigarette out on the plank wall of the box, then took a leather tobacco pouch from his pocket, opened the paper of the dead cigarette and emptied the remnant of used tobacco into the pouch.	Часовой потушил сигарету о дощатую стену будки, потом вытащил из кармана кожаный кисет, надорвал бумагу на погасшей сигарете и вытряхнул в кисет остатки табаку.
The sentry stood up, leaned his rifle against the wall of the box and stretched, then picked up his rifle, slung it over his shoulder and walked out onto the bridge.	Часовой встал, прислонил винтовку к стене и потянулся, потом снова взял ее, перекинул через плечо и вышел на мост.

Anselmo flattened on the ground and Robert Jordan slipped his glasses into his shirt pocket and put his head well behind the pine tree.	Ансельмо вплотную припал к земле, а Роберт Джордан сунул бинокль в нагрудный карман и спрятал голову за ствол сосны.
"There are seven men and a corporal," Anselmo said close to his ear.	- Семеро солдат и капрал, - сказал Ансельмо в самое его ухо.
"I informed myself from the gypsy."	- Я узнавал у цыгана.
"We will go now as soon as he is quiet," Robert Jordan said.	- Пусть он отойдет подальше, тогда мы двинемся, - сказал Роберт Джордан.
"We are too close."	- Мы слишком близко.
"Hast thou seen what thou needest?"	-Ты все рассмотрел, что тебе нужно?

"Yes.	-Да.
All that I need."	Все, что мне нужно.
It was getting cold quickly now with the sun down and the light was failing as the afterglow from the last sunlight on the mountains behind them faded.	После захода солнца сразу стало холоднее, позади, на вершинах гор, меркли последние отсветы солнечных лучей, и кругом быстро темнело.
"How does it look to thee?" Anselmo said softly as they watched the sentry walk across the bridge toward the other box, his bayonet bright in the last of the afterglow, his figure unshapely in the blanket coat.	- Ну, как тебе кажется? - тихо спросил Ансельмо, не спуская глаз с часового, который шагал по мосту ко второй будке; его штык поблескивал в последних лучах, фигура казалась бесформенной от неуклюжего плаща.

"Very good," Robert Jordan said.	- Все очень хорошо, - сказал Роберт Джордан.
"Very, very good."	- Очень, очень хорошо.
"I am glad," Anselmo said.	- Рад слышать, - сказал Ансельмо.
"Should we go?	- Что ж, пойдем.
Now there is no chance that he sees us."	Теперь он нас не может увидеть.
The sentry was standing, his back toward them, at the far end of the bridge.	Часовой стоял спиной к ним у дальнего конца моста.
From the gorge came the noise of the stream in the boulders.	Из теснины доносился шум воды, бегущей по камням.

Then through this noise came another noise, a steady, racketing drone and they saw the sentry looking up, his knitted cap slanted back, and turning their heads and looking up they saw, high in the evening sky, three monoplanes in V formation, showing minute and silvery at that height where there still was sun, passing unbelievably quickly across the sky, their motors now throbbing steadily.	Потом сквозь этот шум донесся другой шум - мерный, нарастающий рокот, и они увидели, что часовой поднял голову и смотрит вверх, так что его вязаная шапочка съехала на затылок; и, тоже подняв головы, они увидели в высоком вечернем небе три самолета, летевшие клином; крохотные и серебряные на этой высоте, где еще светило солнце, самолеты с невероятной быстротой неслись по небу под мерный гул моторов.
"Ours?" Anselmo asked.	- Наши? - спросил Ансельмо.

"They seem so," Robert Jordan said but knew that at that height you never could be sure.	- Как будто да, - сказал Роберт Джордан, но он знал, что на такой высоте никогда нельзя определить точно.
They could be an evening patrol of either side.	Это вечерняя разведка, а чья - неизвестно.
But you always said pursuit planes were ours because it made people feel better.	Но когда видишь летящие истребители, всегда говоришь - наши, потому что от этого людям спокойнее.
Bombers were another matter.	Бомбардировщики - другое дело.
Anselmo evidently felt the same.	Ансельмо, видимо, думал о том же.

"They are ours," he said.	- Это наши, - сказал он.
"I recognize them.	- Я узнаю их.
They are _Moscas_."	Это Moscas.
"Good," said Robert Jordan.	- Пожалуй, - сказал Роберт Джордан.
"They seem to me to be _Moscas_, too."	- Мне тоже кажется, что это Moscas.
"They are _Moscas_," Anselmo said.	- Да, Moscas, - сказал Ансельмо.
Robert Jordan could have put the glasses on them and been sure instantly but he preferred not to.	Можно было навести бинокль и сразу все выяснить, но Роберту Джордану не хотелось этого делать.

It made no difference to him who they were tonight and if it pleased the old man to have them be ours, he did not want to take them away.	Сегодня вечером ему все равно, чьи они, и если старику приятно думать, что они наши, не нужно отнимать их у него.
Now, as they moved out of sight toward Segovia, they did not look to be the green, red wing-tipped, low wing Russian conversion of the Boeing P32 that the Spaniards called _Moscas_.	Впрочем, когда самолеты ушли в сторону Сеговии, он подумал, что они совсем не похожи на те зеленые с красной каймой самолеты с низко посаженным крылом, русский вариант модели "боинг Р-32", которые испанцы называли Moscas.
You could not see the colors but the cut was wrong.	Цвет нельзя было различить, но силуэт был другой.
No.	Нет.

It was a Fascist Patrol coming home.	Это возвращается фашистская разведка.
The sentry was still standing at the far box with his back turned.	Часовой все еще стоял у дальнего конца моста спиной к ним.
"Let us go," Robert Jordan said.	- Пойдем, - сказал Роберт Джордан.

He started up the hill, moving carefully and taking advantage of the cover until they were out of sight.	Он стал подниматься в гору, ступая осторожно и стараясь держаться под прикрытием сосен, пока не отошел настолько, что его нельзя было увидеть с моста.
Anselmo followed him at a hundred yards distance.	Ансельмо следовал за ним на расстоянии сотни ярдов.

When they were well out of sight of the bridge, he stopped and the old man came up and went into the lead and climbed steadily through the pass, up the steep slope in the dark.	Когда они отошли достаточно далеко, Роберт Джордан остановился, подождал старика, пропустил его вперед, и они полезли в темноте дальше по крутому склону.
"We have a formidable aviation," the old man said happily.	- У нас сильная авиация, - довольным тоном сказал старик.
"Yes."	-Да.
"And we will win."	- И мы победим.
"We have to win."	- Мы должны победить.
"Yes.	-Да.
And after we have won you must come to hunt."	А тогда, после победы, ты приезжай поохотиться.
"To hunt what?"	- На кого?

"The boar, the bear, the wolf, the ibex--"	- На кабана, на медведя, на волка, на горного козла.
"You like to hunt?"	-Ты любишь охоту?
"Yes, man.	- Ох, люблю.
More than anything.	Ничего так не люблю.
We all hunt in my village.	У нас в деревне все охотники.
You do not like to hunt?"	А ты не любишь?
"No," said Robert Jordan.	- Нет, - сказал Роберт Джордан.
"I do not like to kill animals."	- Я не люблю убивать животных.
"With me it is the opposite," the old man said.	-А я наоборот, - сказал старик.

"I do not like to kill men."	- Я не люблю убивать людей.
"Nobody does except those who are disturbed in the head," Robert Jordan said.	- Этого никто не любит, разве те, у кого в голове неладно, - сказал Роберт Джордан.
"But I feel nothing against it when it is necessary.	- Но я не против, когда это необходимо.
When it is for the cause."	Когда это надо ради общего дела.
"It is a different thing, though," Anselmo said.	- Все-таки это совсем другое, - сказал Ансельмо.
"In my house, when I had a house, and now I have no house, there were the tusks of boar I had shot in the lower forest.	- В моем доме, когда у меня был дом, - теперь у меня нет дома, - висели клыки кабана, которого я подстрелил в предгорье.

There were the hides of wolves I had shot.	Шкуры волчьи лежали.
In the winter, hunting them in the snow.	Волков я подстрелил зимой, гнался за ними по снегу.

One very big one, I killed at dusk in the outskirts of the village on my way home one night in November.	Одного, самого большого, я убил за деревней как-то в ноябре, под вечер, возвращаясь из лесу.
There were four wolf hides on the floor of my house.	Четыре волчьи шкуры лежали на полу в моем доме.
They were worn by stepping on them but they were wolf hides.	Они были истоптаны до того, что совсем облезли, но все-таки это были волчьи шкуры.

There were the horns of ibex that I had killed in the high Sierra, and there was an eagle stuffed by an embalmer of birds of Avila, with his wings spread, and eyes as yellow and real as the eyes of an eagle alive.	Были у меня рога горного козла, которого я подстрелил в Сьерре, и еще было чучело орла -его мне набил чучельник в Авиле, - крылья у него были раскрыты и глаза желтые, точь-в-точь как у живого.
It was a very beautiful thing and all of those things gave me great pleasure to contemplate."	Очень красивая была вещь, и на все это мне было приятно смотреть.
"Yes," said Robert Jordan.	- Да, - сказал Роберт Джордан.

"On the door of the church of my village was nailed the paw of a bear that I killed in the spring, finding him on a hillside in the snow, overturning a log with this same paw."	- На дверях нашей деревенской церкви была прибита медвежья лапа; этого медведя я убил весной, встретил его на склоне горы, он ворочал бревно на снегу этой самой лапой.
"When was this?"	- Когда это было?
"Six years ago.	- Шесть лет назад.
And every time I saw that paw, like the hand of a man, but with those long claws, dried and nailed through the palm to the door of the church, I received a pleasure."	Ее высушили и прибили гвоздем к дверям церкви, и когда я, бывало, ни посмотрю на эту лапу, -совсем как у человека, только с когтями, - всегда мне становилось приятно.
"Of pride?"	-Ты гордился?

"Of pride of remembrance of the encounter with the bear on that hillside in the early spring.	- Гордился, потому что вспоминал ту встречу с медведем ранней весной на склоне горы.
But of the killing of a man, who is a man as we are, there is nothing good that remains."	А вот если убил человека, такого же, как и ты сам, ничего хорошего в памяти не остается.
"You can't nail his paw to the church," Robert Jordan said.	- Да, человечью лапу к дверям церкви не прибьешь, - сказал Роберт Джордан.
"No.	- Еще бы.
Such a barbarity is unthinkable.	Кому же придет в голову такое.
Yet the hand of a man is like the paw of a bear."	А все-таки человечья рука очень похожа на медвежью лапу.

"So is the chest of a man like the chest of a bear," Robert Jordan said.	- И туловище человека очень похоже на медвежье, - сказал Роберт Джордан.
"With the hide removed from the bear, there are many similarities in the muscles."	- Если с медведя снять шкуру, видно, что мускулатура почти такая же.
"Yes," Anselmo said.	- Да, - сказал Ансельмо.
"The gypsies believe the bear to be a brother of man."	- Цыгане верят, что медведь - брат человека.
"So do the Indians in America," Robert Jordan said.	- Американские индейцы тоже, - сказал Роберт Джордан.

"And when they kill a bear they apologize to him and ask his pardon.	- Они, когда убьют медведя, кланяются ему и просят прошенья.

They put his skull in a tree and they ask him to forgive them before they leave it."	Вешают его череп на дерево и, прежде чем уйти, просят, чтобы он не сердился на них.
"The gypsies believe the bear to be a brother to man because he has the same body beneath his hide, because he drinks beer, because he enjoys music and because he likes to dance."	- Цыгане верят, что медведь - брат человека, потому что у него под шкурой такое же тело, и он пьет пиво, и любит музыку, и умеет плясать.
"So also believe the Indians."	- Индейцы тоже в это верят.
"Are the Indians then gypsies?"	- Значит, индейцы все равно что цыгане?
"No.	- Нет.

But they believe alike about the bear."	Но про медведя они думают так же.
"Clearly.	- Понятно.
The gypsies also believe he is a brother because he steals for pleasure."	Цыгане еще потому так думают, что медведь красть любит.
"Have you gypsy blood?"	- В тебе есть цыганская кровь?
"No.	- Нет.
But I have seen much of them and clearly, since the movement, more.	Но я много водился с цыганами, а с тех пор, как началась война, понятно, еще больше.
There are many in the hills.	В горах их много.
To them it is not a sin to kill outside the tribe.	У них не считается за грех убить иноплеменника.

They deny this but it is true."	Они в этом не признаются, но это так.
"Like the Moors."	- У марокканцев тоже так.
"Yes.	-Да.
But the gypsies have many laws they do not admit to having.	У цыган много таких законов, в которых они не признаются.
In the war many gypsies have become bad again as they were in olden times."	Во время войны многие цыгане опять стали пошаливать.
"They do not understand why the war is made.	- Они не понимают, ради чего ведется эта война.
They do not know for what we fight."	Они не знают, за что мы деремся.
"No," Anselmo said.	- Верно, - сказал Ансельмо.

"They only know now there is a war and people may kill again as in the olden times without a surety of punishment."	- Они только знают, что идет война и можно, как в старину, убивать, не боясь наказания.
"You have killed?" Robert Jordan asked in the intimacy of the dark and of their day together.	- Тебе случалось убивать?- спросил Роберт Джордан, как будто роднящая темнота вокруг и прожитый вместе день дали ему право на этот вопрос.
"Yes.	-Да.
Several times.	Несколько раз.

But not with pleasure.	Но без всякой охоты.
To me it is a sin to kill a man.	По-моему, людей убивать грех.

Even Fascists whom we must kill.	Даже если это фашисты, которых мы должны убивать.
To me there is a great difference between the bear and the man and I do not believe the wizardry of the gypsies about the brotherhood with animals.	По-моему, медведь одно, а человек совсем другое. Я не верю в цыганские россказни насчет того, что зверь человеку брат.
No.	Нет.
I am against all killing of men."	Я против того, чтоб убивать людей.
"Yet you have killed."	- Но ты убивал.
"Yes.	-Да.
And will again.	И буду убивать.

But if I live later, I will try to live in such a way, doing no harm to any one, that it will be forgiven."	Но если я еще поживу потом, то постараюсь жить тихо, никому не делая зла, и это все мне простится.
"By whom?"	- Кем простится?
"Who knows?	- Не знаю.
Since we do not have God here any more, neither His Son nor the Holy Ghost, who forgives?	Теперь ведь у нас бога нет, ни сына божия, ни святого духа, так кто же должен прощать?
I do not know."	Я не знаю.
"You have not God any more?"	- А бога нет?
"No. Man.	- Нет, друг.
Certainly not.	Конечно, нет.

If there were God, never would He have permitted what I have seen with my eyes.	Если б он был, разве он допустил бы то, что я видел своими глазами?
Let _them_ have God."	Пусть уж у них будет бог.
"They claim Him."	- Они и говорят, что он с ними.
"Clearly I miss Him, having been brought up in religion.	- Понятно, мне его недостает потому что я с детства привык верить.
But now a man must be responsible to himself."	Но теперь человек перед самим собой должен быть в ответе.
"Then it is thyself who will forgive thee for killing."	- Значит, ты сам себе и убийство простишь?
"I believe so," Anselmo said.	- Должно быть, - сказал Ансельмо.

"Since you put it clearly in that way I believe that must be it.	- Раз оно так понятно выходит по-твоему, значит, так и должно быть.
But with or without God, I think it is a sin to kill.	Но все равно, есть ли бог, нет ли, а убивать - грех.
To take the life of another is to me very grave.	Отнять жизнь у другого человека - это дело нешуточное.
I will do it whenever necessary but I am not of the race of Pablo."	Я не отступлю перед этим, когда понадобится, но я не той породы, что Пабло.

"To win a war we must kill our enemies.	- Чтоб выиграть войну, нужно убивать врагов.
That has always been true."	Это старая истина.
"Clearly.	- Верно.

In war we must kill.	На войне нужно убивать.
But I have very rare ideas," Anselmo said.	Но, знаешь, какие у меня чудные мысли есть, -сказал Ансельмо.
They were walking now close together in the dark and he spoke softly, sometimes turning his head as he climbed.	Они теперь шли совсем рядом в темноте, и он говорил вполголоса, время от времени оглядываясь на ходу.
"I would not kill even a Bishop.	- Я бы даже епископа не стал убивать.
I would not kill a proprietor of any kind.	Я бы не стал убивать ни помещика, ни другого какого хозяина.

I would make them work each day as we have worked in the fields and as we work in the mountains with the timbet all of the rest of their lives.	Я бы только заставил их всю жизнь изо дня в день работать так, как мы работаем в поле или в горах, на поруб-ке леса.
So they would see what man is born to.	Чтобы они узнали, для чего рожден человек.
That they should sleep where we sleep.	Пусть спят, как мы спим.
That they should eat as we eat.	Пусть едят то, что мы едим.
But above all that they should work.	А самое главное - пусть работают.
Thus they would learn."	Это им будет наука.
"And they would survive to enslave thee again."	- Что ж, они оправятся и опять тебя скрутят.

"To kill them teaches nothing," Anselmo said.	- Если их убивать - это никого ничему не научит, -сказал Ансельмо.
"You cannot exterminate them because from their seed comes more with greater hatred.	- Всех не перебьешь, а молодые подрастут - еще больше ненавидеть будут.
Prison is nothing.	От тюрьмы тоже проку мало.
Prison only makes hatred.	В тюрьме только сильнее ненависть.
That all our enemies should learn."	Нет, лучше пусть всем нашим врагам будет наука.
"But still thou hast killed."	- Но все-таки ты ведь убивал?
"Yes," Anselmo said.	- Да, - сказал Ансельмо.

"Many times and will again.	- Много раз убивал и еще буду убивать.
But not with pleasure and regarding it as a sin."	Но без всякой охоты и помня, что это грех.
"And the sentry.	- А часовой?
You joked of killing the sentry."	Ты шутил, что убьешь часового.
"That was in joke.	-Так ведь это шутка.
I would kill the sentry.	Я бы и убил часового.
Yes.	Да.

Certainly and with a clear heart considering our task.	Не раздумывая и с легким сердцем, потому что это нужно для дела.
But not with pleasure."	Но без всякой охоты.

"We will leave them to those who enjoy it," Robert Jordan said.	- Ну, пусть убивают те, кто это любит, - сказал Роберт Джордан.
"There are eight and five.	- Там восемь да здесь пятеро.
That is thirteen for those who enjoy it."	Всего тринадцать для тех, кто это любит.
"There are many of those who enjoy it," Anselmo said in the dark.	- Таких много, которые это любят, - сказал Ансельмо в темноте.
"We have many of those.	- И у нас их много.
More of those than of men who would serve for a battle."	Больше, чем таких, которые годились бы в бою.
"Hast thou ever been in a battle?"	-Ты когда-нибудь бывал в бою?
"Nay," the old man said.	- Нет, - сказал старик.

"We fought in Segovia at the start of the movement but we were beaten and we ran.	- Мы дрались в Сеговии в самом начале войны, но нас разбили, и мы побежали.
I ran with the others.	Я тоже бежал вместе с другими.
We did not truly understand what we were doing, nor how it should be done.	Мы не очень хорошо понимали то, что делали, и не знали, как это надо делать.
Also I had only a shotgun with cartridges of large buckshot and the _guardia civil_ had Mausers.	А потом у меня был только дробовик, заряженный крупной дробью, а у guardia civil были маузеры.

I could not hit them with buckshot at a hundred yards, and at three hundred yards they shot us as they wished as though we were rabbits.	Я своим дробовиком их и за сто ярдов достать не мог, а они с трехсот били нас, как зайцев.
They shot much and well and we were like sheep before them."	Они стреляли много и хорошо стреляли, а мы перед ними были как стадо овец.
He was silent.	- Он помолчал.
Then asked, "Thinkest thou there will be a battle at the bridge?"	Потом спросил: - Ты думаешь, у моста будет бой?
"There is a chance."	- Может быть.
"I have never seen a battle without running," Anselmo said.	- Я еще никогда не видел боя так, чтобы не бежать, - сказал Ансельмо.

"I do not know how I would comport myself.	- Не знаю, как я себя буду вести в бою.
I am an old man and I have wondered."	Я человек старый, вот я и подумал об этом.
"I will respond for thee," Robert Jordan told him.	- Я тебе помогу, - ответил ему Роберт Джордан.
"And hast thou been in many battles?"	- А ты часто бывал в боях?
"Several."	- Несколько раз.
"And what thinkest thou of this of the bridge?"	- Что же ты думаешь, как там все будет, у моста?
"First I think of the bridge.	- Я прежде всего думаю о мосте.
That is my business.	Это мое дело.

It is not difficult to destroy the bridge.	Подорвать мост нетрудно.
Then we will make the dispositions for the rest.	Но мы подумаем и об остальном.
For the preliminaries.	О подготовке.
It will all be written."	Все будет написано, чтобы каждый знал.
"Very few of these people read," Anselmo said.	- У нас мало кто умеет читать, - сказал Ансельмо.
"It will be written for every one's knowledge so that all know, but also it will be clearly explained."	- Все будет написано, но, кроме того, еще всем будет разъяснено на словах.
"I will do that to which I am assigned," Anselmo said.	- Я сделаю все, что от меня потребуется, - сказал Ансельмо.

"But remembering the shooting in Segovia, if there is to be a battle or even much exchanging of shots, I would wish to have it very clear what I must do under all circumstances to avoid running.	- Но я помню, как было в Сеговии, и если будет бой или хотя бы перестрелка, я хотел бы знать точно, что мне делать, чтобы не побежать.
I remember that I had a great tendency to run at Segovia."	Я помню, в Сеговии меня так и подмывало побежать.
"We will be together," Robert Jordan told him.	- Мы будем вместе, - ответил ему Роберт Джордан.
"I will tell you what there is to do at all times."	- Я тебе всякий раз буду говорить, что нужно делать.
"Then there is no problem," Anselmo said.	- Тогда все очень просто, - сказал Ансельмо.

"I can do anything that I am ordered."	- Что мне прикажут, я все сделаю.
"For us will be the bridge and the battle, should there be one," Robert Jordan said and saying it in the dark, he felt a little theatrical but it sounded well in Spanish.	- Наше дело - мост и бой, если бой завяжется, -сказал Роберт Джордан, и эти слова в темноте показались ему немножко напыщенными, но по-испански они звучали хорошо.

"It should be of the highest interest," Anselmo said and hearing him say it honestly and clearly and with no pose, neither the English pose of understatement nor any Latin bravado, Robert Jordan thought he was very lucky to have this old man and having seen the bridge and worked out and simplified the problem it would have been to surprise the posts and blow it in a normal way, he resented Golz's orders, and the necessity for them.	- Это очень интересное дело, - сказал Ансельмо, и, услышав, как он произнес это, просто, искренне и без малейшей рисовки, не преуменьшая опасности, как сделал бы англичанин, и не бравируя ею на романский лад, Роберт Джордан порадовался, что у него такой помощник, и хотя он уже осмотрел мост и все продумал и упростил задачу, отказавшись от плана захватить оба поста, а тогда уже взрывать мост как обычно, -внутренне он противился приказу Гольца и тому, чем был вызван такой приказ.

He resented them for what they could do to him and for what they could do to this old man.	Он пожалел потому, что подумал, чем это может кончиться для него и чем это может кончиться для старика.
They were bad orders all right for those who would have to carry them out.	Ничего хорошего не сулит этот приказ тем, кому придется его выполнять.
And that is not the way to think, he told himself, and there is not you, and there are no people that things must not happen to.	Стыдно так думать, сказал он себе, разве ты какой-нибудь особенный, разве есть вообще особенные люди, с которыми ничего не должно случаться?

Neither you nor this old man is anything.	И ты ничто, и старик ничто.

You are instruments to do your duty.	Вы только орудия, которые должны делать свое дело.
There are necessary orders that are no fault of yours and there is a bridge and that bridge can be the point on which the future of the human race can turn.	Дан приказ, приказ необходимый, и не тобой он выдуман, и есть мост, и этот мост может оказаться стержнем, вокруг которого повернется судьба человечества.
As it can turn on everything that happens in this war.	И все, что происходит в эту войну, может оказаться таким стержнем.
You have only one thing to do and you must do it.	У тебя есть одна задача, и ее ты должен выполнить.

Only one thing, hell, he thought.	Ха, как бы не так, одна задача, подумал он.
If it were one thing it was easy.	Если бы дело было только в ней, все было бы просто.
Stop worrying, you windy bastard, he said to himself.	Довольно ныть, болтливое ничтожество, сказал он себе.
Think about something else.	Подумай о чем-нибудь другом.

So he thought about the girl Maria, with her skin, the hair and the eyes all the same golden tawny brown, the hair a little darker than the rest but it would be lighter as her skin tanned deeper, the smooth skin, pale gold on the surface with a darkness underneath.	И он стал думать о девушке Марии, у которой и кожа, и волосы, и глаза одинакового золотисто-каштанового оттенка, только волосы чуть потемнее, но они будут казаться более светлыми, когда кожа сильнее загорит на солнце, ее гладкая кожа, смуглота которой как будто просвечивает сквозь бледно-золотистый верхний покров.

Smooth it would be, all of her body smooth, and she moved awkwardly as though there were something of her and about her that embarrassed her as though it were visible, though it was not, but only in her mind.	Наверно, кожа у нее очень гладкая и все тело гладкое, а движения неловкие, как будто что-то такое есть в ней или с ней, что ее смущает, и ей кажется, что это всем видно, хотя на самом деле этого не видно, это только у нее в мыслях.

And she blushed with he looked at her, and she sitting, her hands clasped around her knees and the shirt open at the throat, the cup of her breasts uptilted against the shirt, and as he thought of her, his throat was choky and there was a difficulty in walking and he and Anselmo spoke no more until the old man said,	И она покраснела, когда он смотрел на нее; вот так она сидела, обхватив руками колени, ворот рубашки распахнут, и груди круглятся, натягивая серую ткань, и когда он подумал о ней, ему сдавило горло и стало трудно шагать, и они шли молча, пока старик не сказал:
"Now we go down through these rocks and to the camp."	- Вот теперь пройти через эту расселину, а там и лагерь.

As they came through the rocks in the dark, a man spoke to them,	Когда они подошли к расселине, раздался окрик:
"Halt.	"Стой!
Who goes?"	Кто идет?"
They heard a rifle bolt snick as it was drawn back and then the knock against the wood as it was pushed forward and down on the stock.	Они услышали, как щелкнул отодвигаемый затвор, и рукоятка глухо стукнула о ложу.

"Comrades," Anselmo said.	- Товарищи, - сказал Ансельмо.

"What comrades?"	- Что еще за товарищи?
"Comrades of Pablo," the old man told him.	- Товарищи Пабло, - ответил ему старик.
"Dost thou not know us?"	- Что ты, не знаешь нас?
"Yes," the voice said.	- Знаю, - сказал голос.
"But it is an order.	- Но у меня есть приказ.
Have you the password?"	Пароль знаете?
"No.	- Нет.
We come from below."	Мы идем снизу.
"I know," the man said in the dark.	- Тоже знаю, - сказал человек в темноте.
"You come from the bridge.	- Вы идете от моста.
I know all of that.	Я все знаю.

The order is not mine.	Но приказ давал не я.
You must know the second half of a password."	Вы должны сказать вторую половину пароля.
"What is the first half then?" Robert Jordan said.	- А какая первая половина?- спросил Роберт Джордан.
"I have forgotten it," the man said in the dark and laughed.	- Забыл, - сказал человек в темноте и засмеялся.
"Go then unprintably to the campfire with thy obscene dynamite."	- Ладно, туда твою душу, иди в лагерь со своим дерьмовым динамитом.
"That is called guerilla discipline," Anselmo said.	- Это называется партизанская дисциплина, -сказал Ансельмо.
"Uncock thy piece."	- Спусти курок у своей игрушки.

"It is uncocked," the man said in the dark.	- Уже, - сказал человек в темноте.
"I let it down with my thumb and forefinger."	- Я его спустил потихоньку двумя пальцами, большим и указательным.
"Thou wilt do that with a Mauser sometime which has no knurl on the bolt and it will fire."	- Вот когда-нибудь попадет тебе в руки маузер, а у него курок без насечки, начнешь так спускать, он и выстрелит.
"This is a Mauser," the man said.	- Это маузер и есть, - сказал человек.
"But I have a grip of thumb and forefinger beyond description.	- Но ты не знаешь, какая у меня сила в пальцах.
Always I let it down that way."	Я всегда так спускаю курок.

"Where is the rifle pointed?" asked Anselmo into the dark.	- Куда он у тебя дулом смотрит? - спросил Ансельмо в темноте.
"At thee," the man said, "all the time that I descended the bolt.	- На тебя, - сказал человек. - И когда я спускал курок, тоже на тебя смотрел.

And when thou comest to the camp, order that some one should relieve me because I have indescribable and unprintable hunger and I have forgotten the password."	Придешь в лагерь - скажи, чтоб меня сменили, потому что я, так вас и растак, зверски голоден и забыл пароль.
"How art thou called?" Robert Jordan asked.	- Как тебя зовут? - спросил Роберт Джордан.
"Agustin," the man said.	- Агустин, - сказал человек.

"I am called Agustin and I am dying with boredom in this spot."	- Меня зовут Агустин, и я дохну с тоски в этой дыре.
"We will take the message," Robert Jordan said and he thought how the word _aburmiento_ which means boredom in Spanish was a word no peasant would use in any other language.	- Мы передадим твою просьбу, - сказал Роберт Джордан и подумал, что ни на каком другом языке крестьянин не употребил бы такого слова, как aburmiento, что по-испански значит "тоска".
Yet it is one of the most common words in the mouth of a Spaniard of any class.	А здесь это обычное слово в устах человека любого класса.
"Listen to me," Agustin said, and coming close he put his hand on Robert Jordan's shoulder.	- Слушай, - сказал Агустин и, подойдя ближе, положил руку на плечо Роберту Джордану.

Then striking a flint and steel together he held it up and blowing on the end of the cork, looked at the young man's face in its glow.	Потом он чиркнул кремнем об огниво, зажег трут, подул на него и, приподняв повыше, заглянул в лицо молодому человеку.
"You look like the other one," he said.	- Ты похож на того, что с нами раньше был, - сказал он.
"But something different.	- Но не совсем.
Listen," he put the lighter down and stood holding his rifle.	Слушай. - Он опустил трут и оперся на винтовку.
"Tell me this. Is it true about the bridge?"	- Ты мне вот что скажи: это правда, насчет моста?
"What about the bridge?"	- Что насчет моста?

"That we blow up an obscene bridge and then have to obscenely well obscenity ourselves off out of these mountains?"	- Что мы должны взорвать этот самый паскудный мост и потом катиться отсюда подальше.
"I know not."	- Не знаю.
"_You_ know not," Agustin said.	- Ты не знаешь! - сказал Агустин.
"What a barbarity!	- Вот здорово!
Whose then is the dynamite?"	А чей же это динамит?
"Mine."	- Мой.
"And knowest thou not what it is for?	- И ты не знаешь, для чего он?
Don't tell me tales."	Будет сказки рассказывать!

"I know what it is for and so will you in time," Robert Jordan said.	- Я знаю, для чего он, и ты тоже узнаешь, когда надо будет, - сказал Роберт Джордан.
"But now we go to the camp."	- А сейчас мы идем в лагерь.
"Go to the unprintable," Agustin said.	- Иди знаешь куда! - сказал Агустин.
"And unprint thyself.	- Так тебя и растак!

But do you want me to tell you something of service to you?"	А хочешь, я тебе скажу одну вещь, которую тебе полезно узнать?
"Yes," said Robert Jordan.	- Хочу, - сказал Роберт Джордан.

"If it is not unprintable," naming the principal obscenity that had larded the conversation.	- Если только это не какая-нибудь похабщина, вроде... - И он повторил самое грубое ругательство из тех, которыми был сдобрен предыдущий разговор.
The man, Agustin, spoke so obscenely, coupling an obscenity to every noun as an adjective, using the same obscenity as a verb, that Robert Jordan wondered if he could speak a straight sentence.	Этот человек, Агустин, сквернословил непрерывно, и Роберт Джордан усомнился, может ли он произнести хоть одну фразу, не пересыпая ее ругательствами.
Agustin laughed in the dark when he heard the word.	Агустин засмеялся в темноте, когда Роберт Джордан повторил его выражение.
"It is a way of speaking I have.	- Такая уж у меня привычка.

Maybe it is ugly.	Может, это и некрасиво.
Who knows?	Кто его знает.
Each one speaks according to his manner.	Каждый разговаривает по-своему.
Listen to me.	Так вот, слушай.
The bridge is nothing to me.	Мне этого моста не жалко.
As well the bridge as another thing.	Мне вообще ничего не жалко.
Also I have a boredom in these mountains.	А потом еще я тут с тоски пропадаю, в этих горах.
That we should go if it is needed.	Надо уходить - уйдем!
These mountains say nothing to me.	Я на эти горы плевать хотел.

That we should leave them.	Надо менять место - переменим.
But I would say one thing.	Но я тебе одно скажу.
Guard well thy explosive."	Динамит свой береги.
"Thank you," Robert Jordan said.	- Спасибо, - сказал Роберт Джордан.
"From thee?"	- От тебя беречь?
"No," Agustin said.	- Нет, - сказал Агустин.
"From people less unprintably equipped than I."	- От людей, у которых, так их растак, на языке меньше всякой похабщины, чем у меня.
"So?" asked Robert Jordan.	- А все-таки? - спросил Роберт Джордан.

"You understand Spanish," Agustin said seriously now.	- Ты по-испански понимаешь? - сказал Агустин на этот раз серьезно.
"Care well for thy unprintable explosive."	- Смотри хорошенько за своим растаким динамитом.
"Thank you."	- Спасибо.
"No. Don't thank me.	- Мне твое спасибо не нужно.
Look after thy stuff."	А за материалом поглядывай.

"Has anything happened to it?"	- Кто-нибудь его трогал?
"No, or I would not waste thy time talking in this fashion."	- Нет. Я бы тогда не тратил времени на пустые разговоры.

"Thank you all the same.	- Все-таки спасибо тебе.
We go now to camp."	Ну, мы пошли в лагерь!
"Good," said Agustin, "and that they send some one here who knows the password."	- Ладно, - сказал Агустин. - И пусть пришлют кого-нибудь, кто помнит пароль.
"Will we see you at the camp?"	- Мы увидимся в лагере?
"Yes, man.	- А как же!
And shortly."	И очень скоро.
"Come on," Robert Jordan said to Anselmo.	- Пойдем, - сказал Роберт Джордан старику.
They were walking down the edge of the meadow now and there was a gray mist.	Теперь они шли краем лужайки, и вокруг стлался серый туман.

The grass was lush underfoot after the pineneedle floor of the forest and the dew on the grass wet through their canvas rope-soled shoes.	По траве было мягко ступать после земли, устланной сосновыми иглами, парусиновые сандалии на веревочной подошве намокли от росы.
Ahead, through the trees, Robert Jordan Could see a light where he knew the mouth of the cave must be.	Впереди за деревьями виднелся огонек, и Роберт Джордан знал, что там вход в пещеру.
"Agustin is a very good man," Anselmo said.	- Агустин хороший человек, - сказал Ансельмо.
"He speaks very filthily and always in jokes but he is a very serious man."	- Он сквернослов и балагур, но человек он дельный.
"You know him well?"	-Ты его хорошо знаешь?

"Yes.	-Да.
For a long time.	Я его знаю давно.
I have much confidence in him."	Я ему очень верю.
"And what he says?"	- И его словам тоже?
"Yes, man.	- Да друг
This Pablo is bad now, as you could see."	Пабло теперь ненадежен, ты сам видел.
"And the best thing to do?"	- Что же делать?
"One shall guard it at all times."	- Сторожить. Будем меняться.
"Who?"	- Кто?
"You.	- Ты.
Me.	Я.

The woman and Agustin.	Женщина и Агустин.
Since he sees the danger."	Раз он сам видит опас- ность.
"Did you think things were as bad as they are here?"	-Ты этого ждал?
"No," Anselmo said.	- Нет, - сказал Ансель- мо.

"They have gone bad very fast.	- Я не думал, что уже так далеко зашло.
But it was necessary to come here.	Но все равно мы долж- ны были прийти.
This is the country of Pablo and of El Sordo.	В этих краях два хозяи- на - Пабло и Эль Сордо.

In their country we must deal with them unless it is something that can be done alone."	Нужно обращаться к ним, раз одни мы не можем справиться.
"And El Sordo?"	- А Эль Сордо как?
"Good," Anselmo said.	- Хорош, - сказал Ансельмо.
"As good as the other is bad."	- Насколько тот плох, настолько этот хорош.
"You believe now that he is truly bad?"	- Ты, значит, думаешь, что Пабло совсем уж никуда?
"All afternoon I have thought of it and since we have heard what we have heard, I think now, yes. Truly."	- Я весь вечер думал об этом, и мне кажется, что так. Вспомни все, что мы слышали.

"It would not be better to leave, speaking of another bridge, and obtain men from other bands?"	- Может быть, уйти, сказать, что мы раздумали взрывать этот мост, и набрать людей в других отрядах?
"No," Anselmo said.	- Нет, - сказал Ансельмо.
"This is his country.	- Он тут хозяин.
You could not move that he would not know it.	Ты шагу не ступишь, чтобы он не знал.
But one must move with much precautions."	Но только ступать надо осторожно.
4	4

They came down to the mouth of the cave, where a light shone out from the edge of a blanket that hung over the opening.	Они подошли ко входу в пещеру, навешенному попоной, из-под края которой пробивалась полоска света.
The two packs were at the foot of the tree covered with a canvas and Robert Jordan knelt down and felt the canvas wet and stiff over them.	Оба рюкзака стояли у дерева, прикрытые брезентом, и Роберт Джордан опустился на колени и пощупал сырой топорщившийся брезент.
In the dark he felt under the canvas in the outside pocket of one of the packs and took out a leather-covered flask and slipped it in his pocket.	Он сунул под него руку в темноте, нашарил на одном рюкзаке наружный карман, вынул оттуда кожаную флягу и положил ее в карман брюк.

Unlocking the long barred padlocks that passed through the grommet that closed the opening of the mouth of the packs, and untying the drawstring at the top of each pack, he felt inside them and verified their contents with his hands.	Отперев замки, продетые в кольца, и развязав тесемки, стягивавшие края рюкзаков, он на ощупь проверил их содержимое.

Deep in one pack he felt the bundled blocks in the sacks, the sacks wrapped in the sleeping robe, and tying the strings of that and pushing the lock shut again, he put his hands into the other and felt the sharp wood outline of the box of the old exploder, the cigar box with the caps, each little cylinder wrapped round and round with its two wires (the lot of them packed as carefully as he had packed his collection of wild bird eggs when he was a boy), the stock of the submachine gun, disconnected from the barrel and wrapped in his leather jacket, the two pans and five	В одном рюкзаке, почти на самом дне, лежали бруски, завернутые в холстину, а потом в спальный мешок; снова затянув тесемки и щелкнув замком, он сунул обе руки в другой рюкзак и нащупал там острые края деревянного ящика со старым детонатором, коробку из-под сигар с капсюлями (каждый маленький цилиндрик обмотан двумя проволоками, и все это уложено с той же тщательностью, с какой он укладывал свою коллекцию птичьих яиц в детстве), ложу автомата, отделенную от ствола и завернутую в кожаную куртку, в одном внутреннем кармане большого рюкзака два диска и пять магазинов, а в

In the pocket with the wire he felt his pliers and the two wooden awls for making holes in the end of the blocks and then, from the last inside pocket, he took a big box of the Russian cigarettes of the lot he had from Golz's headquarters and tying the mouth of the pack shut, he pushed the lock in, buckled the flaps down and again covered both packs with the canvas.	В том же кармане, где была проволока, лежали плоскогубцы и два шила, чтобы проделать дырки в брусках, и, наконец, из последнего кармана он вынул большую коробку русских папирос, из тех, что ему дали в штабе Гольца, и, затянув тесемки, щелкнул замком, застегнул клапаны и опять покрыл оба рюкзака брезентом.
Anselmo had gone on into the cave.	Ансельмо поблизости не было, он ушел в пещеру.

Robert Jordan stood up to follow him, then reconsidered and, lifting the canvas off the two packs, picked them up, one in each hand, and started with them, just able to carry them, for the mouth of the cave.	Роберт Джордан хотел было последовать за ним, потом передумал и, скинув брезент с обоих рюкзаков, взял их, по одному в каждую руку, и, еле справляясь с тяжелой ношей, двинулся к пещере.
He laid one pack down and lifted the blanket aside, then with his head stooped and with a pack in each hand, carrying by the leather shoulder straps, he went into the cave.	Он опустил один рюкзак на землю, откинул попону, потом наклонил голову и, держа оба рюкзака за ременные лямки, нырнул в пещеру.
It was warm and smoky in the cave.	В пещере было тепло и дымно.

There was a table along one wall with a tallow candle stuck in a bottle on it and at the table were seated Pablo, three men he did not know, and the gypsy, Rafael.	У стены стоял стол, на нем бутылка с воткнутой в горлышко сальной свечой, а за столом сидели Пабло, еще трое незнакомых мужчин и цыган Рафаэль.
The candle made shadows on the wall behind the men and Anselmo stood where he had come in to the right of the table.	Свеча отбрасывала тени на стену позади сидевших и на Ансельмо, который еще не успел сесть и стоял справа от стола.
The wife of Pablo was standing over the charcoal fire on the open fire hearth in the corner of the cave.	Жена Пабло склонилась над очагом в дальнем конце пещеры и раздувала мехами тлеющие угли.

The girl knelt by her stirring in an iron pot.	Девушка, опустившись на колени рядом с ней, помешивала деревянной ложкой в чугунном котелке.

She lifted the wooden spoon out and looked at Robert Jordan as he stood there in the doorway and he saw, in the glow from the fire the woman was blowing with a bellows, the girl's face, her arm and the drops running down from the spoon and dropping into the iron pot.	Она подняла ложку и взглянула на Роберта Джордана, и он с порога увидел ее лицо, освещенное вспышками огня, увидел ее руку и капли, падавшие с ложки прямо в чугунный котелок.
"What do you carry?" Pablo said.	- Что это ты принес? - спросил Пабло.

"My things," Robert Jordan said and set the two packs down a little way apart where the cave opened out on the side away from the table.	- Это мои вещи, - сказал Роберт Джордан и поставил оба рюкзака на небольшом расстоянии друг от друга подальше от стола, там, где пещера расширялась.
"Are they not well outside?" Pablo asked.	- А чем снаружи плохо? - спросил Пабло.
"Some one might trip over them in the dark," Robert Jordan said and walked over to the table and laid the box of cigarettes on it.	- Можно споткнуться о них в темноте, - сказал Роберт Джордан, подошел к столу и положил на него коробку папирос.
"I do not like to have dynamite here in the cave," Pablo said.	- Зачем же держать динамит в пещере - это совсем ни к чему, - сказал Пабло.

"It is far from the fire," Robert Jordan said.	- От огня далеко, - сказал Роберт Джордан.
"Take some cigarettes."	- Бери папиросы.
He ran his thumbnail along the side of the paper box with the big colored figure of a warship on the cover and pushed the box toward Pablo.	- Он провел ногтем большого пальца по узкой грани картонной коробки с цветным броненосцем на крышке и пододвинул коробку к Пабло.
Anselmo brought him a rawhide-covered stool and he sat down at the table.	Ансельмо поставил ему табурет, обитый сыромятной кожей, и он сел к столу.
Pablo looked at him as though he were going to speak again, then reached for the cigarettes.	Пабло посмотрел на него, видимо, собираясь сказать что-то, но промолчал и потянулся к папиросам.

Robert Jordan pushed them toward the others.	Роберт Джордан по-додвинул коробку и остальным.
He was not looking at them yet.	Он еще не смотрел на них.
But he noted one man took cigarettes and two did not.	Но он заметил, что один взял несколько папирос, а двое других не взяли ни одной.
All of his concentration was on Pablo.	Все его внимание было устремлено на Пабло.
"How goes it, gypsy?" he said to Rafael.	- Ну, как дела, цыган? - спросил он Рафаэля.
"Good," the gypsy said.	- Хороши, - сказал цыган.

Robert Jordan could tell they had been talking about him when he came in.	Роберт Джордан понял, что до его прихода говорили о нем.
Even the gypsy was not at ease.	Даже цыгану явно было не по себе.
"She is going to let you eat again?" Robert Jordan asked the gypsy.	- Даст она тебе поесть еще раз? - спросил Роберт Джордан цыгана.
"Yes.	- Даст.
Why not?" the gypsy said.	А то как же? - сказал цыган.

It was a long way from the friendly joking they had together in the afternoon.	Это было совсем непохоже на те дружелюбные шутки, которыми они обменивались раньше.

The woman of Pablo said nothing and went on blowing up the coals of the fire.	Жена Пабло не говорила ни слова и все раздувала мехами огонь в очаге.
"One called Agustin says he dies of boredom above," Robert Jordan said.	- Человек по имени Агустин, там, наверху, говорит, что он дохнет с тоски, - сказал Роберт Джордан.
"That doesn't kill," Pablo said.	- Ничего, не сдохнет, - сказал Пабло.
"Let him die a little."	- Пусть немножко потоскует.
"Is there wine?" Robert Jordan asked the table at large, leaning forward, his hands on the table.	- Вино есть? - спросил Роберт Джордан, обращаясь ко всем, и наклонился вперед, положив руки на край стола.

"There is little left," Pablo said sullenly.	- Там уже немного осталось, - угрюмо сказал Пабло.
Robert Jordan decided he had better look at the other three and try to see where he stood.	Роберт Джордан решил, что пора заняться остальными и нащупать здесь почву.
"In that case, let me have a cup of water.	- Тогда дайте мне воды.
Thou," he called to the girl.	Эй! - крикнул он девушке.
"Bring me a cup of water."	- Принеси мне кружку воды.

The girl looked at the woman, who said nothing, and gave no sign of having heard, then she went to a kettle containing water and dipped a cup full. She brought it to the table and put it down before him.	Девушка посмотрела на жену Пабло, но та ничего не сказала ей и даже не подала вида, что слышит; тогда она зачерпнула полную кружку из котелка с водой и, подойдя к столу, поставила ее перед Робертом Джорданом.
Robert Jordan smiled at her.	Он улыбнулся ей.
At the same time he sucked in on his stomach muscles and swung a little to the left on his stool so that his pistol slipped around on his belt closer to where he wanted it.	В то же самое время он втянул живот и чуть качнулся влево, так чтобы револьвер скользнул вдоль пояса поближе к бедру.

He reached his hand down toward his hip pocket and Pablo watched him.	Потом он опустил руку в задний карман. Пабло следил за ним.
He knew they all were watching him, too, but he watched only Pablo.	Он знал, что за ним следят все, но сам следил только за Пабло.
His hand came up from the hip pocket with the leather-covered flask and he unscrewed the top and then, lifting the cup, drank half the water and poured very Slowly from the flask into the cup.	Он вытащил руку из заднего кармана, держа в ней кожаную флягу, и отвинтил пробку; потом, взяв кружку, отпил до половины и стал медленно переливать в оставшуюся воду содержимое фляги.
"It is too strong for thee or I would give thee some," he said to the girl and smiled at her again.	- Слишком крепкое, а то бы я тебя угостил, -сказал он девушке и опять улыбнулся ей.

"There is little left or I would offer some to thee," he said to Pablo.	- Совсем немного осталось, а то бы я предложил тебе, - сказал он Пабло.
"I do not like anis," Pablo said.	-Я не люблю анисовую, - сказал Пабло.
The acrid smell had carried across the table and he had picked out the one familiar component.	Острый запах разнесся над столом, и Пабло уловил в нем то, что показалось знакомым.

"Good," said Robert Jordan.	- Вот и хорошо, - сказал Роберт Джордан.
"Because there is very little left."	- А то совсем мало осталось.
"What drink is that?" the gypsy asked.	- Что это за штука? - спросил цыган.
"A medicine," Robert Jordan said.	- Лекарство такое, - сказал Роберт Джордан.

"Do you want to taste it?"	- Хочешь попробовать?
"What is it for?"	- От чего оно?
"For everything," Robert Jordan said.	- От всего, - сказал Роберт Джордан.
"It cures everything.	- Все болезни вылечивает.
If you have anything wrong this will cure it."	Если у тебя что не в порядке, сразу вылечит.
"Let me taste it," the gypsy said.	- Дай попробую, - сказал цыган.
Robert Jordan pushed the cup toward him.	Роберт Джордан пододвинул к нему кружку.
It was a milky yellow now with the water and he hoped the gypsy would not take more than a swallow.	Смешавшись с водой, жидкость стала желтовато-молочного цвета, и он надеялся, что цыган не сделает больше одного глотка.

There was very little of it left and one cup of it took the place of the evening papers, of all the old evenings in cafes, of all chestnut trees that would be in bloom now in this month, of the great slow horses of the outer boulevards, of book shops, of kiosques, and of galleries, of the Parc Montsouris, of the Stade Buffalo, and of the Butte Chaumont, of the Guaranty Trust Company and the Ile de la Cite, of Foyot's old hotel, and of being able to read and relax in the evening; of all the things he had enjoyed and forgotten and	Оставалось совсем мало, а одна та- кая кружка заменяла собой все вечерние газе- ты, все вечера в парижс- ких кафе, все каштаны, которые, наверно, уже сейчас цветут, больших медлительных битю- гов на внешних буль- варах, книжные лавки, киоски и картинные га- лереи, парк Монсури, стадион Буффало и Бют- Шомон, "Гаранти траст компани", остров Ситэ, издавна знакомый отель "Фойо" и возможность почитать и отдохнуть вечером, - заменяла все то, что он любил когда- то и мало-помалу забыл, все то, что возвраща- лось к нему, когда он потягивал это мутнова-

The gypsy made a face and handed the cup back.	Цыган скорчил гримасу и вернул ему кружку.
"It smells of anis but it is bitter as gall," he said.	- Пахнет анисом, а горько - будто желчь пьешь, -сказал он.
"It is better to be sick than have that medicine."	- Уж лучше хворать, чем лечиться таким лекарством.
"That's the wormwood," Robert Jordan told him.	- Это от полыни, - сказал Роберт Джордан.
"In this, the real absinthe, there is wormwood.	- В настоящем абсенте - а это абсент - всегда есть полынь.
It's supposed to rot your brain out but I don't believe it.	Говорят, что от него мозги сохнут, но я не верю.

It only changes the ideas.	Начинаешь по-другому смотреть на жизнь, вот и все.
You should pour water into it very slowly, a few drops at a time.	В абсент надо наливать воду медленно и по нескольку капель.

But I poured it into the water."	А я сделал наоборот - в воду налил абсент.
"What are you saying?" Pablo said angrily, feeling the mockery.	- О чем это ты? - сердито спросил Пабло, чувствуя насмешку в его тоне.
"Explaining the medicine," Robert Jordan told him and grinned.	- Объясняю, что это за лекарство, - ответил ему Роберт Джордан и усмехнулся.
"I bought it in Madrid.	- Я купил его в Мадриде.

It was the last bottle and it's lasted me three weeks."	Последнюю бутылку взял, и мне хватило ее почти на три недели.
He took a big swallow of it and felt it coasting over his tongue in delicate anxsthesia.	- Он сделал большой глоток и почувствовал, как абсент обволакивает язык, чуть-чуть примораживая его.
He looked at Pablo and grinned again.	Потом взглянул на Пабло и опять усмехнулся.
"How's business?" he asked.	- Как дела? - спросил он.
Pablo did not answer and Robert Jordan looked carefully at the other three men at the table.	Пабло промолчал, и Роберт Джордан внимательно посмотрел на незнакомых мужчин, сидевших за столом.

One had a large flat face, flat and brown as a Serrano ham with a nose flattened and broken, and the long thin Russian cigarette, projecting at an angle, made the face look even flatter.	У одного из них было широкое, плоское лицо - плоское и темное, как серранский окорок, с приплюснутым, сломанным носом, и от того, что изо рта у этого человека торчала под углом длинная русская папироса, его лицо казалось еще более плоским.
This man had short gray hair and a gray stubble of beard and wore the usual black smock buttoned at the neck.	Волосы у него были коротко подстриженные, с проседью, щетина на подбородке тоже седая; ворот крестьянской черной блузы был застегнут.
He looked down at the table when Robert Jordan looked at him but his eyes were steady and they did not blink.	Когда Роберт Джордан посмотрел на него, он сидел, опустив глаза, но взгляд этих глаз был твердый, немигающий.

The other two were evidently brothers.	Двое других были, очевидно, братья.
They looked much alike and were both short, heavily built, dark haired, their hair growing low on their foreheads, dark-eyed and brown.	Они очень походили друг на друга - оба небольшого роста, коренастые, темноволосые, с низко заросшими лбами, темноглазые и смуглые.
One had a scar across his forehead above his left eye and as he looked at them, they looked back at him steadily.	У одного виднелся шрам на лбу, над левым глазом; когда Роберт Джордан посмотрел на них, они твердо встретили его взгляд.
One looked to be about twenty-six or -eight, the other perhaps two years older.	Одному было на вид лет двадцать шесть -двадцать восемь, другому - года на два больше.

"What are you looking at?" one brother, the one with the scar, asked.	- На что это ты так смотришь? - спросил тот, у которого был шрам.
"Thee," Robert Jordan said.	- На тебя, - сказал Роберт Джордан.
"Do you see anything rare?"	- Ну, и что ты во мне углядел?
"No," said Robert Jordan.	- Ничего не углядел, - сказал Роберт Джордан.
"Have a cigarette?"	- Хочешь папиросу?

"Why not?" the brother said.	- Не откажусь, - сказал старший брат.
He had not taken any before.	Он еще не брал папирос.

"These are like the other had. He of the train."	- Это такие же, как были у того, который взорвал поезд.
"Were you at the train?"	- А ты тоже там был?
"We were all at the train," the brother said quietly.	- Мы все там были, - спокойно ответил он.
"All except the old man."	- Все, кроме старика.
"That is what we should do now," Pablo said.	- Вот бы нам что теперь надо, - сказал Пабло.
"Another train."	- Взорвать еще один поезд.
"We can do that," Robert Jordan said.	- Это можно, - сказал Роберт Джордан.
"After the bridge."	- После моста.

He could see that the wife of Pablo had turned now from the fire and was listening.	Он видел, что жена Пабло отвернулась от огня и прислушивается к разговору.
When he said the word "bridge" every one was quiet.	Как только он произнес слово "мост", все притихли.
"After the bridge," he said again deliberately and took a sip of the absinthe.	- После моста, - повторил Роберт Джордан твердо и отпил абсента из кружки.
I might as well bring it on, he thought.	Говорить так говорить, подумал он.
It's coming anyWay.	Все равно дело идет к этому.
"I do not go for the bridge," Pablo said, looking down at the table.	- Не стану я связываться с твоим мостом, - сказал Пабло, не глядя ни на кого.

"Neither me nor my people."	- Я не стану, и мои люди тоже не станут.
Robert Jordan said nothing.	Роберт Джордан промолчал.
He looked at Anselmo and raised the cup.	Потом взглянул на Ансельмо и поднял кружку.
"Then we shall do it alone, old one," he said and smiled.	- Тогда мы сделаем это вдвоем, старик, - сказал он и улыбнулся.
"Without this coward," Anselmo said.	- Один, без этого труса, - сказал Ансельмо.
"What did you say?" Pablo spoke to the old man.	- Что ты говоришь? - спросил старика Пабло.
"Nothing for thee.	- Не твое дело.

I did not speak to thee," Anselmo told him.	Это я не тебе, - ответил ему Ансельмо.
Robert Jordan now looked past the table to where the wife of Pablo was standing by the fire.	Роберт Джордан перевел глаза туда, где стояла жена Пабло.
She had said nothing yet, nor given any sign.	До сих пор она молчала и никак не откликалась на их разговор.
But now she said something he could not hear to the girl and the girl rose from the cooking fire, slipped along the wall, opened the blanket that hung over the mouth of the cave and went out.	Но сейчас она что-то сказала девушке, чего он не расслышал, и девушка поднялась от очага, скользнула вдоль стены, приподняла попону, закрывавшую вход в пещеру, и вышла.

I think it is going to come now, Robert Jordan thought.	Ну, вот оно, подумал Роберт Джордан.

I believe this is it.	Начинается.
I did not want it to be this way but this seems to be the way it is.	Я не хотел, чтобы это получилось именно так, но теперь, видно, ничего не поделаешь.
"Then we will do the bridge without thy aid," Robert Jordan said to Pablo.	- Тогда мы обойдемся без твоей помощи, - сказал Роберт Джордан, обращаясь к Пабло.
"No," Pablo said, and Robert Jordan watched his face sweat.	- Нет, - сказал Пабло, и Роберт Джордан увидел, как лицо у него покрылось капельками пота.
"Thou wilt blow no bridge here."	- Никаких мостов ты здесь взрывать не будешь!

"No?"	-Вот как?
"Thou wilt blow no bridge," Pablo said heavily.	- Никаких мостов ты взрывать не будешь, -тяжело выговорил Пабло.
"And thou?" Robert Jordan spoke to the wife of Pablo who was standing, still and huge, by the fire.	- А ты что скажешь? - спросил Роберт Джордан жену Пабло, которая стояла у очага - безмолвная, огромная.
She turned toward them and said,	Она повернулась к ним и сказала:
"I am for the bridge."	-Я - за мост!
Her face was lit by the fire and it was flushed and it shone warm and dark and handsome now in the firelight as it was meant to be.	- Отсветы огня падали на ее лицо, и оно зарумянилось и потеплело, стало смуглое и красивое - такое, каким ему и следовало быть.

"What do you say?" Pablo said to her and Robert Jordan saw the betrayed look on his face and the sweat on his forehead as he turned his head.	- Что ты говоришь? - спросил ее Пабло, и когда он повернулся к ней, Роберт Джордан подметил его взгляд - взгляд человека, которого предали, и опять поглядел на его взмокший лоб.
"I am for the bridge and against thee," the wife of Pablo said.	-Я за мост и против тебя, - сказала жена Пабло.
"Nothing more."	- Только и всего.
"I am also for the bridge," the man with the flat face and the broken nose said, crushing the end of the cigarette on the table.	- Я тоже за мост, - сказал плосколицый со сломанным носом и погасил папиросу о стол.
"To me the bridge means nothing," one of the brothers said.	- Мне до моста дела нет, - сказал один из братьев.

"I am for the mujer of Pablo."	- Я за mujer Пабло.
"Equally," said the other brother.	-И я тоже, - сказал другой брат.
"Equally," the gypsy said.	-И я тоже, - сказал цыган.

Robert
Jordan
watched Pablo and
as he watched, letting
his right hand hang
lower
and lower, ready if it
should
be necessary, half
hoping it would be
(feeling perhaps that
were the simplest
and easiest yet not
wishing to spoil what
had gone so well,
knowing how quickly
all of a family, all of
a clan, all of a band,
can turn against a
stranger in a quarrel,
yet thinking what
could be done with
the hand were the
simplest and best and
surgically the most
sound now that this
had happened), saw
also the wife of Pablo
standing there and

Роберт Джордан наблюдал за Пабло и, наблюдая, опускал правую руку все ниже и ниже, готовый на все, если понадобится, почти надеясь, что это понадобится, может быть, чувствуя, что так будет проще всего и легче всего, и вместе с тем не желая портить дело, которое, казалось, пошло на лад, и зная, как быстро семья, клан, отряд ополчаются при малейшей ссоре против чужака, и все же думая, что то, что можно сделать движением руки, будет самым простым, самым лучшим и самым здравым хирургическим решением вопроса, раз дело приняло такой оборот. Наблюдая за Пабло, он наблюдал и за женой Пабло, которая стояла у очага, и видел, что, при-

"I am for the Republic," the woman of Pablo said happily.	- Я за Республику, - радостно сказала жена Пабло.
"And the Republic is the bridge.	- А мост - это для Республики.
Afterwards we will have time for other projects."	Другими делами можно заниматься после моста.
"And thou," Pablo said bitterly.	-Эх ты! - с горечью сказал Пабло.
"With your head of a seed bull and your heart of a whore.	- У тебя мозги племенного быка и сердце шлюхи!
Thou thinkest there will be an afterwards from this bridge?	Ты надеешься на "после".
Thou hast an idea of that which will pass?"	Ты имеешь какое-нибудь понятие о том, что это будет?

"That which must pass," the woman of Pablo said.	-То, что должно быть, - сказала жена Пабло.
"That which must pass, will pass."	- Что должно быть, то и будет.
"And it means nothing to thee to be hunted then like a beast after this thing from which we derive no profit?	- И тебе все равно, если на нас станут охотиться, как на диких зверей, после этой затеи, которая не сулит нам никакой выгоды?
Nor to die in it?"	А если погибнем, тебе тоже все равно?
"Nothing," the woman of Pablo said.	- Все равно, - сказала женщина.
"And do not try to frighten me, coward."	- И нечего меня запугивать, трус!

"Coward," Pablo said bitterly.	- Трус, - с горечью сказал Пабло.
"You treat a man as coward because he has a tactical sense.	- Ты считаешь человека трусом только потому, что он понимает в тактике.
Because he can see the results of an idiocy in advance.	Потому, что он наперед видит, к чему приведет безрассудство.
It is not cowardly to know what is foolish."	Разбираться в том, кто умен, а кто глуп, - это не трусость.

"Neither is it foolish to know what is cowardly," said Anselmo, unable to resist making the phrase.	- А разбираться в том, кто смел и кто труслив, -это не глупость, - сказал Ансельмо, не удержавшись от язвительного словца.

"Do you want to die?" Pablo said to him seriously and Robert Jordan saw how unrhetorical was the question.	- Ты хочешь умереть? - строго спросил Пабло старика, и Роберт Джордан почувствовал, как далек от риторики этот вопрос.
"No."	- Нет.
"Then watch thy mouth.	- Тогда помолчи.
You talk too much about things you do not understand.	Не говори о том, чего не знаешь.
Don't you see that this is serious?" he said almost pitifully.	Неужели тебе не понятно, какое это серьезное дело? - почти жалобно сказал он.
"Am I the only one who sees the seriousness of this?"	- Неужели только я один и понимаю, насколько это серьезно?

I believe so, Robert Jordan thought.	Наверно, так оно и есть, подумал Роберт Джордан.
Old Pablo, old boy, I believe so.	Так оно и есть, Пабло, друг.
Except me.	Ты да я.
You can see it and I see it and the woman read it in my hand but she doesn't see it, yet.	Мы понимаем это, и женщина прочла это по моей руке, но пока что она не понимает.
Not yet she doesn't see it.	Она еще не понимает этого.
"Am I a leader for nothing?" Pablo asked.	- Вожак я ваш или нет? - спросил Пабло.
"I know what I speak of.	- Я знаю, о чем говорю.
You others do not know.	А вы никто не знаете.

This old man talks nonsense.	Старик несет вздор.
He is an old man who is nothing but a messenger and a guide for foreigners.	Этот старик только и годится быть на посылках и ходить проводником с иностранцами.
This foreigner comes here to do a thing for the good of the foreigners.	Иностранец пришел сюда и хочет сделать то, что пойдет на пользу иностранцам.
For his good we must be sacrificed.	А расплачиваться придется нам.
I am for the good and the safety of all."	Я за то, что пойдет на пользу нам всем, я за нашу безопасность.
"Safety," the wife of Pablo said.	- Безопасность! - сказала жена Пабло.
"There is no such thing as safety.	- Где она есть, твоя безопасность?

There are so many seeking safety here now that they make a great danger.	Сейчас столько народу ее здесь ищет, что это уж само по себе опасно.
In seeking safety now you lose all."	Тот, кто ищет безопасность, теряет все.
She stood now by the table with the big spoon in her hand.	Теперь она стояла у стола с большой ложкой в руках.
"There is safety," Pablo said.	- Нет, безопасность можно найти, - сказал Пабло.

"Within the danger there is the safety of knowing what chances to take.	- Безопасность - это если знаешь, как увернуться от опасности.

It is like the bullfighter who knowing what he is doing, takes no chances and is safe."	Матадор тоже знает, что делает, когда не хочет рисковать зря и увертывается от опасности.
"Until he is gored," the woman said bitterly.	- Пока не напорется на рог, - с горечью сказала женщина.
"How many times have I heard matadors talk like that before they took a goring.	- Сколько раз я слышала от матадоров такие слова, перед тем как им напороться на рог.
How often have I heard Finito say that it is all knowledge and that the bull never gored the man; rather the man gored himself on the horn of the bull.	Сколько раз Финито говорил, что тут все дело в уменье и что бык никогда не пропорет рогом человека, если человек сам не полезет к нему на рога.

Always do they talk that way in their arrogance before a goring.	Они всегда хвалятся, а конец один.
Afterwards we visit them in the clinic."	И потом мы ходим навещать их в больницу.
Now she was mimicking a visit to a bedside,	- Она заговорила другим голосом, изображая сцену у постели больного, она загудела: -
"Hello, old timer.	"Здравствуй, герой!
Hello," she boomed. Then, "_Buenas, Compadre_.	Здравствуй!" - Потом, передразнивая слабый голос раненого матадора: - "Buenos, comadre.
How goes it, Pilar?" imitating the weak voice of the wounded bullfighter.	Как живешь, Пилар?" - И опять своим обычным раскатистым голосом: -

"How did this happen, Finito, Chico, how did this dirty accident occur to thee?" booming it out in her own voice. Then talking weak and small,	"Как же это так вышло, Финито, chico? Как же это с тобой случилась такая напасть?" - Потом тихо и тоненько: -
"It is nothing, woman.	"Пустяки, женщина.
Pilar, it is nothing.	Пустяки, Пилар.
It shouldn't have happened.	Это вышло случайно.
I killed him very well, you understand.	Я убил его очень хорошо, ты же знаешь.
Nobody could have killed him better.	Лучше меня никто бы не убил.

Then having killed him exactly as I should and him absolutely dead, swaying on his legs, and ready to fall of his own weight, I walked away from him with a certain amount of arrogance and much style and from the back he throws me this horn between the cheeks of my buttocks and it comes out of my liver."	Я убил его по всем правилам, и он уже зашатался, издыхая, и готов был рухнуть под собственной тяжестью, и тогда я пошел к барьеру и шел красиво, гордо, и вдруг он всадил в меня рог сзади, между ягодицами, и рог прошел до самой печени".

She commenced to laugh, dropping the imitation of the almost effeminate bullfighter's voice and booming again now. "You and your safety!	- Она рассмеялась и продолжала уже не писклявым голосом матадора, а своим, раскатистым: - Ты мне поговори о безопасности!
Did I live nine years with three of the worst paid matadors in the world not to learn about fear and about safety?	Я-то знаю, что такое страх и что такое безопасность, - недаром я прожила девять лет с тремя самыми незадачливыми матадорами на свете.
Speak to me of anything but safety.	О чем угодно говори, только не о безопасности.

And thee.	Эх ты!

What illusions I put in thee and how they have turned out!	Ведь я на тебя надеялась, и вот как обернулись мои надежды!
From one year of war thou has become lazy, a drunkard and a coward."	Один год войны, а что с тобой стало! Лентяй, пьяница, трус.
"In that way thou hast no right to speak," Pablo said.	- Ты не имеешь права так говорить, - сказал Пабло.
"And less even before the people and a stranger."	- Особенно перед ними и перед иностранцем.
"In that way will I speak," the wife of Pablo went on.	- Нет, я буду так говорить, - продолжала жена Пабло.
"Have you not heard?	- Ты разве ничего не слышал?

Do you still believe that you command here?"	Ты все еще считаешь себя командиром?
"Yes," Pablo said.	- Да, - сказал Пабло.
"Here I command."	- Я здесь командир.
"Not in joke," the woman said.	- Брось шутить, - сказала женщина.
"Here I command!	- Командир здесь я!
Haven't you heard _la gente?_ Here no one commands but me.	Разве ты не слышал, что они сказали? Здесь никто не будет командовать, кроме меня.
You can stay if you wish and eat of the food and drink of the wine, but not too bloody much, and share in the work if thee wishes.	Оставайся с нами, если хочешь, ешь хлеб, пей вино, только смотри, знай меру. И если хочешь, работай вместе с нами.
But here I command."	Но командую здесь я.

"I should shoot thee and the foreigner both," Pablo said suilenly.	- Я застрелю вас обоих - и тебя, и твоего иностранца, - угрюмо сказал Пабло.
"Try it," the woman said.	- Попробуй, - сказала женщина.
"And see what happens."	- Увидишь, что из этого получится.
"A cup of water for me," Robert Jordan said, not taking his eyes from the man with his sullen heavy head and the woman standing proudly and confidently holding the big spoon as authoritatively as though it were a baton.	- Дайте мне воды, - сказал Роберт Джордан, не отводя глаз от мужчины с мрачным, тяжелым лицом и от женщины, которая стояла гордая, уверенная в себе и властно держала в руках ложку, точно это был маршальский жезл.

"Maria," called the woman of Pablo and when the girl came in the door she said, "Water for this comrade."	- Мария! - крикнула жена Пабло, и когда девушка вошла в пещеру, она сказала: - Дай воды этому товарищу.
Robert Jordan reached for his flask and, bringing the flask out, as he brought it he loosened the pistol in the holster and swung it on top of his thigh.	Роберт Джордан полез в карман за флягой и, вынимая флягу, расстегнул кобуру и передвинул револьвер на бедро.
He poured a second absinthe into his cup and took the cup of water the girl brought him and commenced to drip it into the cup, a little at a time.	Он налил абсента в пустую кружку, взял ту, которую девушка подала ему, и стал понемножку подливать воду в абсент.
The girl stood at his elbow, watching him.	Девушка стояла рядом и смотрела.

"Outside," the woman of Pablo said to her, gesturing with the spoon.	- Уходи, - сказала ей жена Пабло, показав на дверь ложкой.
"It is cold outside," the girl said, her cheek close to Robert Jordan's, watching what was happening in the cup where the liquor was clouding.	- Там холодно, - сказала девушка и низко нагнулась к Роберту Джордану - щекой к щеке, глядя в кружку, где мутнел абсент.
"Maybe," the woman of Pablo said.	- Ну что ж, что холодно, - сказала жена Пабло.
"But in here it is too hot."	- Зато здесь слишком жарко.
Then she said, kindly, "It is not for long."	- Потом ласково добавила: - Скоро позову.
The girl shook her head and went out.	Девушка покачала головой и вышла.

I don't think he is going to take this much more, Robert Jordan thought to himself.	Вряд ли у него надолго хватит терпения, думал Роберт Джордан.
He held the cup in one hand and his other hand rested, frankly now, on the pistol.	Он держал кружку в одной руке, а другая, теперь уже открыто, лежала на револьвере.
He had slipped the safety catch and he felt the worn comfort of the checked grip chafed almost smooth and touched the round, cool companionship of the trigger guard.	Он опустил предохранитель и чувствовал под пальцами успокоительную гладкую, почти стершуюся от времени насечку на рукоятке и дружественный холодок круглой спусковой скобы.
Pablo no longer looked at him but only at the woman.	Пабло смотрел теперь не на него, а только на женщину.
She went on,	Она снова заговорила:

"Listen to me, drunkard.	- Слушай меня, пьянчуга.
You understand who commands here?"	Ты понимаешь, кто здесь командует?
"I command."	- Я командую.
"No.	- Нет.
Listen.	Слушай меня.
Take the wax from thy hairy ears. Listen well.	Прочисти свои волосатые уши, слушай внимательно.
I command."	Командую я!
Pablo looked at her and you could tell nothing of what he was thinking by his face.	Пабло смотрел на нее, и по его лицу нельзя было догадаться, о чем он думает.

He looked at her quite deliberately and then he looked across the table at Robert Jordan.	Он смотрел на нее совсем спокойно, а потом взглянул через стол на Роберта Джордана.
He looked at him a long time contemplatively and then he looked back at the woman, again.	Он смотрел на него долго и задумчиво, потом снова перевел взгляд на женщину.
"All right.	- Хорошо.
You command," he said.	Командуй ты, - сказал он.
"And if you want he can command too.	- Пусть даже он командует, если тебе так хочется.
And the two of you can go to hell."	И пропадите вы оба пропадом!

He was looking the woman straight in the face and he was neither dominated by her nor seemed to be much affected by her.	- Он смотрел женщине прямо в лицо, и в его взгляде не было ни приниженности, ни страха.
"It is possible that I am lazy and that I drink too much.	- Может, я в самом деле обленился и слишком много пью.
You may consider me a coward but there you are mistaken.	Считай меня трусом, хоть это и неверно.
But I am not stupid."	Но я не дурак.
He paused.	- Он помолчал.
"That you should command and that you should like it.	- Командуй, и пусть это доставит тебе удовольствие.

Now if you are a woman as well as a commander, that we should have something to eat."	Но если ты не только командир, а еще и женщина, так хоть покорми нас чем-нибудь.
"Maria," the woman of Pablo called.	- Мария! - крикнула жена Пабло.
The girl put her head inside the blanket across the cave mouth.	Девушка высунула голову из-за попоны, закрывавшей вход в пещеру.
"Enter now and serve the supper."	- Теперь войди и собери нам поужинать.

The girl came in and walked across to the low table by the hearth and picked up the enameled-ware bowls and brought them to the table.	Девушка прошла к низенькому столику у очага, взяла эмалированные миски и поставила их на стол.
"There is wine enough for all," the woman of Pablo said to Robert Jordan.	- Вина хватит на всех, - сказала Роберту Джордану жена Пабло.
"Pay no attention to what that drunkard says.	- Не слушай этого пьянчугу.
When this is finished we will get more.	А выпьем - еще достанем.
Finish that rare thing thou art drinking and take a cup of wine."	Кончай свое чудное вино и налей себе нашего.

Robert Jordan swallowed down the last of the absinthe, feeling it, gulped that way, making a warm, small, fume-rising, wet, chemicalchange-producing heat in him and passed the cup for wine.	Роберт Джордан допил кружку одним глотком и, чувствуя, как выпитый залпом абсент разогревает его еле заметным, влажным, внутренним, как от химической реакции, теплом винных паров, двинул свою кружку по столу.
The girl dipped it full for him and smiled.	Девушка зачерпнула ею вина и улыбнулась ему.
"Well, did you see the bridge?" the gypsy asked.	- Ну что ж, видел ты этот мост? - спросил цыган.

The others, who had not opened their mouths after the change of allegiance, were all leaning forward to listen now.	Остальные, все еще молчавшие после отреченья от Пабло, подались вперед, приготовясь слушать.
"Yes," Robert Jordan said.	- Да, - сказал Роберт Джордан.
"It is something easy to do.	- Это будет нетрудно.
Would you like me to show you?"	Хотите, покажу?
"Yes, man.	- Да друг
With much interest."	Нам это интересно.

Robert Jordan took out the notebook from his shirt pocket and showed them the sketches.	Роберт Джордан вынул из нагрудного кармана записную книжку и показал свои наброски.
"Look how it seems," the flat-faced man, who was named Primitivo, said.	- Смотри, как похоже, - сказал плосколицый, которого называли Примитиво.
"It is the bridge itself."	- Тот самый мост.
Robert Jordan with the point of the pencil explained how the bridge should be blown and the reason for the placing of the charges.	Водя по бумаге кончиком карандаша, Роберт Джордан объяснил, как надо будет взрывать мост и где будут заложены шашки.
"What simplicity," the scarred-faced brother, who was called Andres, said.	- До чего просто! - сказал один из братьев, тот, что со шрамом, его звали Андрес.

"And how do you explode them?"	- А как их взрывают?
Robert Jordan explained that too and, as he showed them, he felt the girl's arm resting on his shoulder as she looked.	Роберт Джордан объяснил и это и, объясняя, почувствовал, что девушка, заглядывая в его записную книжку, оперлась на его плечо.
The woman of Pablo was watching too.	Жена Пабло тоже смотрела.
Only Pablo took no interest, sitting by himself with a cup of wine that he replenished by dipping into the big bowl Maria had filled from the wineskin that hung to the left of the entrance to the cave.	Только Пабло не проявлял никакого интереса; он сидел один со своей кружкой и то и дело черпал себе вина, которое Мария налила в большую миску из бурдюка, висевшего на стене левее входа в пещеру.

"Hast thou done much of this?" the girl asked Robert Jordan softly.	- Тебе часто приходилось делать это? - тихо спросила девушка Роберта Джордана.
"Yes."	- Часто.
"And can we see the doing of it?"	- А мы увидим, как это будет?
"Yes.	-Да.
Why not?"	Обязательно.
"You will see it," Pablo said from his end of the table.	- Обязательно увидишь, - сказал Пабло со своего места у стола.
"I believe that you will see it."	- Еще как увидишь!

"Shut up," the woman of Pablo said to him and suddenly remembering what she had seen in the hand in the afternoon she was wildly, unreasonably angry.	- Замолчи, - сказала ему женщина и, вспомнив вдруг, что она прочла днем на руке Роберта Джордана, загорелась дикой, безрассудной злобой.
"Shut up, coward.	- Замолчи, трус!
Shut up, bad luck bird.	Перестань каркать, стервятник!
Shut up, murderer."	Замолчи, убийца!
"Good," Pablo said.	- Хорошо, - сказал Паб-ло.
"I shut up.	- Я молчу.

It is thou who commands now and you should continue to look at the pretty pictures.	Здесь командуешь ты, ну и рассматривай, какие там нарисованы картинки.
But remember that I am not stupid."	Только не забывай, что я не дурак.

The woman of Pablo could feel her rage changing to sorrow and to a feeling of the thwarting of all hope and promise.	Жена Пабло почувствовала, как ее гнев уступает место печали и предчувствию гибели всех надежд и всех обещаний.
She knew this feeling from when she was a girl and she knew the things that caused it all through her life.	Это чувство было знакомо ей еще с детства, и она хорошо знала, когда и почему оно появляется.

It came now suddenly and she put it away from her and would not let it touch her, neither her nor the Republic, and she said,	Сейчас оно пришло неожиданно, и, стараясь отогнать его, не позволяя ему касаться себя, не позволяя ему касаться ни себя, ни Республики, она сказала:
"Now we will eat.	- Ну, давайте ужинать.
Serve the bowls from the pot, Maria."	Мария, разложи мясо по мискам.
5	5

Robert Jordan pushed aside the saddle blanket that hung over the mouth of the cave and, stepping out, took a deep breath of the cold night air.	Роберт Джордан откинул попону, закрывавшую вход, и, выйдя из пещеры, глубоко вдохнул прохладный ночной воздух.
The mist had cleared away and the stars were out.	Туман рассеялся, и показались звезды.

There was no wind, and, outside now of the warm air of the cave, heavy with smoke of both tobacco and charcoal, with the odor of cooked rice and meat, saffron, pimentos, and oil, the tarry, wine- spilled smell of the big skin hung beside the door, hung by the neck and the four legs extended, wine drawn from a plug fitted in one leg, wine that spilled a little onto the earth of the floor, settling the dust smell; out now from the odors of different herbs	Ветра не было, и после спертого воздуха пещеры, в котором смешивались табачный дым и дым оча- га, запахи жареного мяса и риса, шафрана, перца и оливкового масла, винно- смолистый дух от больше- го бурдюка, подвешенно- го у входа за шею, так что все четыре ноги торчали в стороны, а из той, откуда цедили вино, капли па- дали на землю, прибивая пыль, после пряного аро- мата каких-то неведомых ему трав, которые пучка- ми свешивались с потолка

Dew had fallen heavily since the wind had dropped, but, as he stood there, he thought there would be frost by morning.	Роса была обильная, потому что ветер улегся, но Роберт Джордан решил, что к утру подморозит.
As he stood breathing deep and then listening to the night, he heard first, firing far away, and then he heard an owl cry in the timber below, where the horse corral was slung.	Он стоял перед входом в пещеру, стараясь надышаться, и вслушивался в звуки ночи. Он услышал отдаленный раскат выстрела, потом крик совы в нижнем лесу, там, где был загон для лошадей.

Then inside the cave he could hear the gypsy starting to sing and the soft chording of a guitar.	Потом из пещеры донеслось пение цыгана и мягкие переборы гитары.
" I had an inheritance from my father ," the artificially hardened voice rose harshly and hung there. Then went on:	"Наследство мне оставил отец", - вывел нарочито гортанный голос, немного задержался на высокой ноте и продолжал:

"_It was the moon and the sun_	Месяц, звезды и солнечный свет,
"_And though I roam all over the world_	Никак его не истрачу я,
"_The spending of it's never done_."	А скитаюсь уж сколько лет!

The guitar thudded with chorded applause for the singer.	Гитара забренчала быстрыми аккордами в знак одобрения певцу.
"Good," Robert Jordan heard some one say.	- Хорошо поешь, - услышал Роберт Джордан чей-то голос.
"Give us the Catalan, gypsy."	- Теперь каталонскую, цыган.
"No."	- Не хочу.
"Yes.	- Давай.
Yes.	Давай.
The Catalan."	Каталонскую.
"All right," the gypsy said and sang mournfully,	- Ну, ладно, - сказал цыган и затянул уныло:
"_My nose is flat_.	Черна моя кожа,
"_My face is black_.	Приплюснут нос,

"_But still I am a man_."	Но я человек все же.
"Ole!" some one said.	- Ole! - крикнул кто-то.
"Go on, gypsy!"	- Давай, давай, цыган!
The gypsy's voice rose tragically and mockingly.	Г олос певца окреп и зазвучал печально и насмешливо:
"_Thank God I am a Negro_.	Я негром, а не каталонцем рожден,
"_And not a Catalan!_"	За это хвала тебе, боже.
"There is much noise," Pablo's voice said.	- Ну, расшумелись, - сказал голос Пабло.
"Shut up, gypsy."	- Уймись, цыган!
"Yes," he heard the woman's voice.	- Да, - подхватил голос женщины.
"There is too much noise.	- Глотка у тебя здоровая.

You could call the _guardia civil_ with that voice and still it has no quality."	Таким пением ты всех окрестных guardia civil соберешь, а слушать все-таки противно.
"I know another verse," the gypsy said and the guitar commenced	- Я еще песенку знаю, - сказал цыган, и гитара начала вступление.
"Save it," the woman told him.	- Держи ее при себе, - ответила ему женщина.
The guitar stopped.	Гитара смолкла.
"I am not good in voice tonight.	- Я сегодня не в голосе.
So there is no loss," the gypsy said and pushing the blanket aside he came out into the dark.	Потеря, значит, невелика, - сказал цыган и, откинув попону, вышел в темноту.

Robert Jordan watched him walk over to a tree and then come toward him.	Видно было, как он постоял у дерева, потом направился к Роберту Джордану.
"Roberto," the gypsy said softly.	- Роберто, - тихо сказал цыган.

"Yes, Rafael," he said.	- Да, Рафаэль, - откликнулся Роберт Джордан.
He knew the gypsy had been affected by the wine from his voice.	По голосу цыгана он сразу понял, что вино на него подействовало.

He himself had drunk the two absinthes and some wine but his head was clear and cold from the strain of the difficulty with Pablo.	Сам он тоже выпил немало - две кружки абсента и еще вино, но голова у него оставалась холодной и ясной, потому что сложность, возникшая из-за Пабло, все время держала его в напряжении.
"Why didst thou not kill Pablo?" the gypsy said very softly.	- Почему ты не убил Пабло? - спросил цыган совсем тихо.
"Why kill him?"	- А зачем его убивать?
"You have to kill him sooner or later.	- Рано или поздно все равно придется.
Why did you not approve of the moment?"	Почему ты не воспользовался случаем?
"Do you speak seriously?"	-Ты это серьезно?

"What do you think they all waited for?	- А как ты думаешь, чего ждали все?
What do you think the woman sent the girl away for?	Как ты думаешь, зачем Пилар услала девушку?
Do you believe that it is possible to continue after what has been said?"	По-твоему, после таких разговоров все может остаться как было?
"That you all should kill him."	- Что ж вы сами его не убили?
"_Que va_," the gypsy said quietly.	- Que va, - сказал цыган спокойно.
"That is your business.	- Это твое дело.
Three or four times we waited for you to kill him.	Три или четыре раза нам казалось, что вот сейчас ты его убьешь.
Pablo has no friends."	У Пабло нет друзей.

"I had the idea," Robert Jordan said.	- Мне приходила такая мысль, - сказал Роберт Джордан.
"But I left it."	- Но я от нее отказался.
"Surely all could see that.	- Это было каждому ясно.
Every one noted your preparations.	Все видели, что ты готовишься.
Why didn't you do it?"	Почему ты этого не сделал?
"I thought it might molest you others or the woman."	- Я боялся, что это будет неприятно вам или женщине.
"_Que va_.	- Que va!
And the woman waiting as a whore waits for the flight of the big bird.	Женщина сама ждала этого, как шлюха ждет взлета большой птицы.

Thou art younger than thou appearest."	Ты моложе, чем кажешься.
"It is possible."	- Может быть.
"Kill him now," the gypsy urged.	- Убей его сейчас, - настаивал цыган.
"That is to assassinate."	- Это будет убийство из-за угла.
"Even better," the gypsy said very softly.	-Тем лучше, - сказал цыган совсем тихо.

"Less danger.	- Риску меньше.
Go on.	Ну?
Kill him now."	Убей его.
"I cannot in that way.	- Я так не могу.

It is repugnant to me and it is not how one should act for the cause."	Это подло, а тем, кто борется за наше общее дело, подлость не к лицу.
"Provoke him then," the gypsy said.	- Ну, вызови его на ссору, - сказал цыган.
"But you have to kill him.	- Все равно ты должен его убить.
There is no remedy."	Ничего другого не остается.
As they spoke, the owl flew between the trees with the softness of all silence, dropping past them, then rising, the wings beating quickly, but with no noise of feathers moving as the bird hunted.	В эту минуту, не спугнув тишины, из-за деревьев вылетела сова, ринулась вниз, на добычу, потом снова взмыла, хлопая крыльями быстро, но бесшумно.

"Look at him," the gypsy said in the dark.	- Вот смотри, - сказал в темноте цыган.
"Thus should men move."	- Так должны бы двигаться люди.
"And in the day, blind in a tree with crows around him," Robert Jordan said.	- И так же слепнуть днем, сидеть на дереве и ждать, когда вороны заклюют? - спросил Роберт Джордан.
"Rarely," said the gypsy.	- Это бывает не часто, - сказал цыган.
"And then by hazard.	- И то разве случайно.
Kill him," he went on.	Убей его, - продолжал он.
"Do not let it become difficult."	- Смотри, потом трудней будет.
"Now the moment is passed."	- Все равно момент уже упущен.

"Provoke it," the gypsy said.	- Вызови его на ссору, - сказал цыган.
"Or take advantage of the quiet."	- Или сделай это тишком.
The blanket that closed the cave door opened and light came out.	Попона, которой был завешен вход, приподнялась, пропуская свет.
Some one came toward where they stood.	Кто-то вышел из пещеры и подошел к ним.
"It is a beautiful night," the man said in a heavy, dull voice.	- Ночь ясная, - сказал глухой, тусклый голос.
"We will have good weather."	- Завтра будет хорошая погода.
It was Pablo.	Это был Пабло.

He was smoking one of the Russian cigarettes and in the glow, as he drew on the cigarette, his round face showed.	Он курил русскую папиросу, и когда затягивался, огонек, разгораясь, освещал его круглое лицо.
They could see his heavy, long-armed body in the starlight.	При свете звезд можно было различить его массивное туловище и длинные руки.
"Do not pay any attention to the woman," he said to Robert Jordan.	- Не обращай внимания на Пилар, - сказал он Роберту Джордану.

In the dark the cigarette glowed bright, then showed in his hand as he lowered it.	Папироса вдруг вспыхнула ярче и на миг стала видна в его руке.

"She is difficult sometimes.	- На нее иногда находит.
She is a good woman.	Но она хорошая женщина.
Very loyal to the Republic."	Она предана Республике.
The light of the cigarette jerked slightly now as he spoke.	- Теперь огонек папиросы подрагивал в воздухе при каждом его слове.
He must be talking with it in the corner of his mouth, Robert Jordan thought.	Говорит с папиросой во рту, подумал Роберт Джордан.
"We should have no difficulties.	- Нам с тобой ссориться ни к чему.
We are of accord.	Мы во всем согласны.
I am glad you have come."	Я рад, что ты пришел к нам.

The cigarette glowed brightly.	- Папироса опять вспыхнула.
"Pay no attention to arguments," he said.	- Споров ты не слушай, - сказал он.
"You are very welcome here.	- Мы все тебе рады.
"Excuse me now," he said.	А теперь ты меня извини.
"I go to see how they have picketed the horses."	Я пойду взгляну, как там привязали лошадей.
He went off through the trees to the edge of the meadow and they heard a horse nicker from below.	Он скрылся в чаще по направлению к поляне, и сейчас же снизу донеслось лошадиное ржанье.
"You see?" the gypsy said.	- Видишь, - сказал цыган.
"Now you see?	- Теперь видишь?

In this way has the moment escaped."	Вот и упустил случай.
Robert Jordan said nothing.	Роберт Джордан молчал.
"I go down there," the gypsy said angrily.	- Пойду тоже туда, - сердито сказал цыган.
"To do what?"	- Зачем?
"_Que va_, to do what.	- Que va, зачем.
At least to prevent him leaving."	Посмотрю хоть, чтоб он не сбежал.
"Can he leave with a horse from below?"	-А он может взять лошадь и уйти понизу?
"No."	- Нет.
"Then go to the spot where you can prevent him."	- Тогда иди туда, где его можно задержать.
"Agustin is there."	-Там Агустин.

"Go then and speak with Agustin.	- Вот и ступай поговори с Агустином.
Tell him that which has happened."	Расскажи ему, что тут у нас вышло.
"Agustin will kill him with pleasure."	- Агустин его с радостью убьет.
"Less bad," Robert Jordan said.	-Тем лучше, - сказал Роберт Джордан.
"Go then above and tell him all as it happened."	- Вот ступай и расскажи ему все, как было.
"And then?"	- А потом?

"I go to look below in the meadow."	- Я спущусь вниз, на поляну.
"Good.	- Хорошо.
Man.	Вот это хорошо.

Good," he could not see Rafael's face in the dark but he could feel him smiling.	- В темноте Роберт Джордан не видел лица Рафаэля, но угадывал на нем улыбку.
"Now you have tightened your garters," the gypsy said approvingly.	- Вот теперь я вижу, что ты подтянул штаны, -сказал цыган одобрительно.
"Go to Agustin," Robert Jordan said to him.	- Ступай к Агустину, - сказал ему Роберт Джордан.
"Yes, Roberto, yes," said the gypsy.	- Иду, Роберто, иду, - сказал цыган.
Robert Jordan walked through the pines, feeling his way from tree to tree to the edge of the meadow.	Роберт Джордан вошел в чащу и стал пробираться к поляне, ощупью находя дорогу между деревьями.

Looking across it in the darkness, lighter here in the open from the starlight, he saw the dark bulks of the picketed horses.	На открытом месте тьма была не такая густая, и, дойдя до опушки, он разглядел темные силуэты лошадей, бродивших на привязи по поляне.
He counted them where they were scattered between him and the stream.	Он сосчитал их при свете звезд.
There were five.	Их было пять.
Robert Jordan sat down at the foot of a pine tree and looked out across the meadow.	Роберт Джордан сел под сосной лицом к реке и стал думать.
I am tired, he thought, and perhaps my judgment is not good.	Я устал, думал он, и, может быть, я рассуждаю неправильно.

But my obligation is the bridge and to fulfill that, I must take no useless risk of myself until I complete that duty.	Но моя задача - мост, и я не смею попусту рисковать собой, пока не выполню эту задачу.
Of course it is sometimes more of a risk not to accept chances which are necessary to take but I have done this so far, trying to let the situation take its own course.	Конечно, иногда бывает так, что не рискнуть там, где нужно рискнуть, еще хуже, но до сих пор я старался не мешать естественному ходу событий.
If it is true, as the gypsy says, that they expected me to kill Pablo then I should have done that.	Если цыган говорит правду и от меня действительно ждали, что я убью Пабло, я должен был его убить.

But it was never clear to me that they did expect that.	Но я не был уверен в том, что от меня этого ждут.
For a stranger to kill where he must work with the people afterwards is very bad.	Нехорошо чужому убивать одного из тех, с кем приходится работать.
It may be done in action, and it may be done if backed by sufficient discipline, but in this case I think it would be very bad, although it was a temptation and seemed a short and simple way.	Можно убить в бою, можно убить, подчиняясь дисциплине, но здесь, я думаю, это вышло бы очень нехорошо, хотя соблазн был так велик и казалось, это самое простое и ясное решение.

But I do not believe anything is that short nor that simple in this country and, while I trust the woman absolutely, I could not tell how she would react to such a drastic thing.	Но в этой стране нет ничего ясного и простого, и хотя жена Пабло внушает мне полное доверие, трудно сказать, как бы она отнеслась к столь крутой мере.

One dying in such a place can be very ugly, dirty and repugnant.	Смерть в таком месте может показаться чем-то очень мерзким, безобразным и страшным.
You could not tell how she would react.	Не знаю, не знаю, как бы она отнеслась.
Without the woman there is no organization nor any discipline here and with the woman it can be very good.	Без этой женщины здесь не жди ни дисциплины, ни порядка, а при ней все может еще наладиться очень хорошо.

It would be ideal if she would kill him, or if the gypsy would (but he will not) or if the sentry, Agustin, would.	Лучше всего было бы, если б она сама его убила, или цыган (только он не убьет), или часовой Агустин.
Anselmo will if I ask it, though he says he is against all killing.	Ансельмо сделает это, если я скажу, что так нужно, хоть он и говорит, что не любит убивать.
He hates him, I believe, and he already trusts me and believes in me as a representative of what he believes in.	По-моему, он ненавидит Пабло, а мне он доверяет и видит во мне представителя того дела, в которое верит.
Only he and the woman really believe in the Republic as far as I can see; but it is too early to know that yet.	Тут только он да эта женщина и верят в Республику по-настоящему; впрочем, об этом еще рано говорить.

As his eyes became used to the starlight he could see that Pablo was standing by one of the horses.	Когда его глаза привыкли к свету звезд, он увидел, что возле одной из лошадей стоит Пабло.
The horse lifted his head from grazing; then dropped it impatiently.	Лошадь вдруг подняла голову, потом нетерпеливо мотнула ею и снова принялась щипать траву.
Pablo was standing by the horse, leaning against him, moving with him as he swung with the length of the picket rope and patting him on the neck.	Пабло стоял возле лошади, прислонившись к ее боку, покачиваясь вместе с ней, когда она натягивала веревку, похлопывая ее по шее.
The horse was impatient at the tenderness while he was feeding.	Его ласка раздражала лошадь, мешая ей пастись спокойно.

Robert Jordan could not see what Pablo was doing, nor hear what he was saying to the horse, but he could see that he was neither unpicketing nor saddling.	Роберт Джордан не видел, что делал Пабло, и не слышал, что он говорил лошади, но видел, что он не отвязывает ее и не седлает.
He sat watching him, trying to think his problem out clearly.	Он сидел и наблюдал за Пабло, стараясь прийти к какому-нибудь решению.
"Thou my big good little pony," Pablo was saying to the horse in the dark; it was the big bay stallion he was speaking to.	- Ты моя большая хорошая лошадка, - говорил в темноте Пабло гнедому жеребцу с белой отметиной.
"Thou lovely white-faced big beauty.	- Ты мой белолобый красавчик.

Thou with the big neck arching like the viaduct of my pueblo," he stopped.	У тебя шея выгнута, как виадук в моем городе. -Он сделал паузу.
"But arching more and much finer."	- Нет, выгнута круче и еще красивее.
The horse was snatching grass, swinging his head sideways as he pulled, annoyed by the man and his talking.	- Лошадь щипала траву, то и дело отводя голову в сторону, потому что человек своей болтовней раздражал ее.
"Thou art no woman nor a fool," Pablo told the bay horse.	- Ты не то что какой-нибудь дурак или женщина, -говорил Пабло гнедому жеребцу.
"Thou, oh, thou, thee, thee, my big little pony.	- Ты, ты, ах ты, моя большая лошадка.

Thou art no woman like a rock that is burning.	Ты не то что женщина, похожая на раскаленную каменную глыбу.
Thou art no colt of a girl with cropped head and the movement of a foal still wet from its mother.	Или девчонка со стриженой головой, неуклюжая, как только что народившийся жеребенок.
Thou dost not insult nor lie nor not understand.	Ты не оскорбишь, и не солжешь, и все понимаешь.
Thou, oh, thee, oh my good big little pony."	Ты, ах ты, моя хорошая большая лошадка!

It would have been very interesting for Robert Jordan to have heard Pablo speaking to the bay horse but he did not hear him because now, convinced that Pablo was only down checking on his horses, and having decided that it was not a practical move to kill him at this time, he stood up and walked back to the cave.	Роберту Джордану было бы очень интересно услышать, о чем говорил Пабло с гнедым жеребцом, но услышать ему не пришлось, так как, убедившись, что Пабло пришел сюда только проверить, все ли в порядке, и решив, что убивать его сейчас было бы неправильно и неразумно, он встал и пошел назад, к пещере.
Pablo stayed in the meadow talking to the horse for a long time.	Пабло еще долго оставался на поляне, разговаривая с лошадью.

The horse understood nothing that he said; only, from the tone of the voice, that they were endearments and he had been in the corral all day and was hungry now, grazing impatiently at the limits of his picket rope, and the man annoyed him.	Лошадь не понимала его слов и только по тону чувствовала, что это слова ласки, но она целый день провела в загоне, была голодна, ей не терпелось поскорей общипать всю траву кругом, насколько хватало веревки, и человек раздражал ее.
Pablo shifted the picket pin finally and stood by the horse, not talking now.	Наконец Пабло перенес колышек в другое место и снова стал возле лошади, но теперь уже молча.
The horse went on grazing and was relieved now that the man did not bother him.	Лошадь продолжала пастись, довольная, что человек больше не докучает ей.
6	6

Inside the cave, Robert Jordan sat on one of the rawhide stools in a corner by the fire listening to the woman.	Роберт Джордан сидел у очага на табурете, обитом сыромятной кожей, и слушал, что говорит женщина.
She was washing the dishes and the girl, Maria, was drying them and putting them away, kneeling to place them in the hollow dug in the wall that was used as a shelf.	Она мыла посуду, а девушка, Мария, вытирала ее и потом, опустившись на колени, ставила в углубление в стене, заменявшее полку.
"It is strange," she said.	- Странно, - сказала женщина.
"That El Sordo has not come.	- Почему Эль Сордо не пришел?
He should have been here an hour ago."	Ему уже с час как пора быть здесь.

"Did you advise him to come?"	-Ты посылала за ним?
"No.	- Нет.
He comes each night."	Но он всегда приходит по вечерам.
"Perhaps he is doing something.	- Может быть, он занят?
Some work."	Какое-нибудь дело?
"It is possible," she said.	- Может быть, - сказала она.

"If he does not come we must go to see him tomorrow."	- Если не придет, надо будет завтра пойти к нему.
"Yes.	-Да.
Is it far from here?"	А это далеко?
"No.	- Нет.

It will be a good trip.	Прогуляемся.
I lack exercise."	Мне это не мешает, я засиделась.
"Can I go?" Maria asked.	- Можно, я тоже пойду? - спросила Мария.
"May I go too, Pilar?"	- Можно, Пилар?
"Yes, beautiful," the woman said, then turning her big face,	- Да, красавица, - сказала женщина, потом повернула к Роберту Джордану свое широкое лицо.
"Isn't she pretty?" she asked Robert Jordan.	- Правда, она хорошенькая? - спросила она Роберта Джордана.
"How does she seem to thee?	- Как на твой вкус?
A little thin?"	Немножко тоща, пожалуй?

"To me she seems very well," Robert Jordan said.	- На мой вкус, хороша, - сказал Роберт Джордан.
Maria filled his cup with wine.	Мария зачерпнула ему кружкой вина.
"Drink that," she said.	- Выпей, - сказала она.
"It will make me seem even better.	- Тогда я покажусь тебе еще лучше.
It is necessary to drink much of that for me to seem beautiful."	Надо выпить много вина, чтобы я казалась красивой.
"Then I had better stop," Robert Jordan said.	- Тогда я больше не буду пить, - сказал Роберт Джордан.
"Already thou seemest beautiful and more."	- Ты и так красивая, и не только красивая.
"That's the way to talk," the woman said.	- Вот как надо говорить, - сказала женщина.

"You talk like the good ones.	- Ты говоришь, как настоящий мужчина.
What more does she seem?"	А какая же она еще?
"Intelligent," Robert Jordan said lamely.	- Умная, - нерешительно сказал Роберт Джордан.
Maria giggled and the woman shook her head sadly.	Мария фыркнула, а женщина грустно покачала головой.
"How well you begin and how it ends, Don Roberto."	- Как ты хорошо начал, дон Роберто, и чем ты кончил!
"Don't call me Don Roberto."	- Не зови меня дон Роберто.
"It is a joke.	- Это я в шутку.
Here we say Don Pablo for a joke.	Мы и Пабло шутя зовем дон Пабло.

As we say the Senorita Maria for a joke."	И Марию сеньоритой - тоже в шутку.

"I don't joke that way," Robert Jordan said.	- Я не люблю таких шуток, - сказал Роберт Джордан.
"Camarada to me is what all should be called with seriousness in this war.	- Во время войны все мы должны называть друг друга по-серьезному - camarada.
In the joking commences a rottenness."	С таких шуток начинается разложение.
"Thou art very religious about thy politics," the woman teased him.	- Для тебя политика вроде бога, - поддразнила его женщина.

"Thou makest no jokes?"	- И ты никогда не шутишь?
"Yes.	- Нет, почему.
I care much for jokes but not in the form of address.	Я очень люблю пошутить. Но обращение к человеку - с этим шутить нельзя.
It is like a flag."	Это все равно что флаг.
"I could make jokes about a flag.	-А я и над флагом могу подшутить.
Any flag," the woman laughed.	Чей бы он ни был, - засмеялась женщина.
"To me no one can joke of anything.	- По-моему, шутить можно надо всем.
The old flag of yellow and gold we called pus and blood.	Старый флаг, желтый с красным, мы называли кровь с гноем.

The flag of the Republic with the purple added we call blood, pus and permanganate.	А республиканский, в который добавили лилового, называем кровь, гной и марганцовка.
It is a joke."	Так у нас шутят.
"He is a Communist," Maria said.	- Он коммунист, - сказала Мария.
"They are very serious _gente_."	- Они все очень серьезные.
"Are you a Communist?"	-Ты коммунист?
"No I am an anti-fascist."	- Нет, я антифашист.
"For a long time?"	- С каких пор?
"Since I have understood fascism."	- С тех пор как понял, что такое фашизм.
"How long is that?"	- А давно это?

"For nearly ten years."	- Уже лет десять.
"That is not much time," the woman said.	- Не так уж много, - сказала женщина.
"I have been a Republican for twenty years."	- Я двадцать лет республиканка.
"My father was a Republican all his life," Maria said.	- Мой отец был республиканцем всю свою жизнь, - сказала Мария.
"It was for that they shot him."	- За это его и расстреляли.
"My father was also a Republican all his life.	- И мой отец был республиканцем всю свою жизнь.
Also my grandfather," Robert Jordan said.	И дед тоже, - сказал Роберт Джордан.
"In what country?"	- В какой стране?

"The United States."	- В Соединенных Штатах.

"Did they shoot them?" the woman asked.	- Их расстреляли? - спросила женщина.
"_Que va_," Maria said.	- Que va, - сказала Мария.
"The United States is a country of Republicans.	- Соединенные Штаты - республиканская страна.
They don't shoot you for being a Republican there."	Там за это не расстреливают.

"All the same it is a good thing to have a grandfather who was a Republican," the woman said.	- Все равно хорошо иметь дедушку-республиканца, - сказала женщина.
"It shows a good blood."	- Это значит, порода хорошая.
"My grandfather was on the Republican national committee," Robert Jordan said.	- Мой дед был членом Национального комитета республиканской партии, - сказал Роберт Джордан.
That impressed even Maria.	Это произвело впечатление даже на Марию.

"And is thy father still active in the Republic?" Pilar asked.	- А твой отец все еще служит Республике? -спросила Пилар.
"No.	- Нет.
He is dead."	Он умер.
"Can one ask how he died?"	- Можно спросить, отчего он умер?
"He shot himself."	- Он застрелился.
"To avoid being tortured?" the woman asked.	- Чтобы не пытали? - спросила женщина.
"Yes," Robert Jordan said.	- Да, - сказал Роберт Джордан.
"To avoid being tortured."	- Чтобы не пытали.

Maria looked at him with tears in her eyes.	Мария смотрела на него со слезами на глазах.
"My father," she said, "could not obtain a weapon.	- У моего отца, - сказала она, - не было оружия.
Oh, I am very glad that your father had the good fortune to obtain a weapon."	Как я рада, что твоему отцу посчастливилось достать оружие.
"Yes.	-Да.
It was pretty lucky," Robert Jordan said.	Ему повезло, - сказал Роберт Джордан.
"Should we talk about something else?"	- Может, поговорим о чем-нибудь другом?

"Then you and me we are the same," Maria said.	- Значит, у нас с тобой одинаковая судьба, -сказала Мария.
She put her hand on his arm and looked in his face.	Она дотронулась до его руки и посмотрела ему в лицо.
He looked at her brown face and at the eyes that, since he had seen them, had never been as young as the rest of her face but that now were suddenly hungry and young and wanting.	Он тоже смотрел в ее смуглое лицо и в глаза, которые до сих пор казались ему не такими юными, как ее лицо, а теперь вдруг стали и голодными, и юными, и жадными.

"You could be brother and sister by the look," the woman said.	- Вас можно принять за брата и сестру, - сказала женщина.
"But I believe it is fortunate that you are not."	- Но, пожалуй, ваше счастье, что вы не брат и сестра.

"Now I know why I have felt as I have," Maria said.	- Теперь я знаю, что такое со мной, - сказала Мария.
"Now it is clear."	- Теперь мне все стало понятно.
"_Que va_," Robert Jordan said and reaching over, he ran his hand over the top of her head.	- Que va, - сказал Роберт Джордан и, протянув руку, погладил ее по голове.

He had been wanting to do that all day and now he did it, he could feel his throat swelling.	Весь день ему хотелось сделать это, но теперь, когда он это сделал, что-то сдавило ему горло.
She moved her head under his hand and smiled up at him and he felt the thick but silky roughness of the cropped head rippling between his fingers.	Она повела головой и улыбнулась, подняв на него глаза, и он чувствовал под пальцами густую и в то же время шелковистую щеточку ее стриженых волос.
Then his hand was on her neck and then he dropped it.	Потом пальцы скользнули с затылка на шею, и он отнял руку.
"Do it again," she said.	- Еще, - сказала она.
"I wanted you to do that all day."	- Мне весь день хотелось, чтобы ты так сделал.

"Later," Robert Jordan said and his voice was thick.	- В другой раз, - сказал Роберт Джордан, и его голос прозвучал глухо.
"And me," the woman of Pablo said in her booming voice.	-А я? - загудела жена Пабло.
"I am expected to watch all this?	- Прикажете мне сидеть и смотреть на вас?
I am expected not to be moved?	Что же я, по-вашему, совсем бесчувственная, что ли?
One cannot.	Нет, ошибаетесь.
For fault of anything better; that Pablo should come back."	Хоть бы Пабло вернулся, на худой конец и он сойдет.

Maria took no notice of her now, nor of the others playing cards at the table by the candlelight.	Мария уже не обращала внимания ни на нее, ни на остальных, которые при свете играли за столом в карты.
"Do you want another cup of wine, Roberto?" she asked.	- Хочешь вина, Роберто? - спросила она.
"Yes," he said.	- Да, - сказал он.
"Why not?"	- Почему не выпить?
"You're going to have a drunkard like I have," the woman of Pablo said.	- Вот и будет у тебя такой же пьянчуга, как и у меня, - сказала жена Пабло.
"With that rare thing he drank in the cup and all.	- И вино-то он пьет какое-то чудное.

Listen to me, _Ingles_."	Слушай-ка, Ingles.
"Not _Ingles_.	- Не Ingles.
American."	Американец.
"Listen, then, American.	- Хорошо. Слушай, американец.
Where do you plan to sleep?"	Где ты будешь спать?
"Outside.	- На воздухе.

I have a sleeping robe."	У меня спальный мешок.
"Good," she said.	- Ну что ж, - сказала она.
"The night is clear?"	- Ночь ясная.
"And will be cold."	- Да, будет холодно.

"Outside then," she said.	- Значит, на воздухе, - сказала она.
"Sleep thee outside.	- Ну, спи на воздухе.
And thy materials can sleep with me."	А твои тюки пусть спят здесь, со мной.
"Good," said Robert Jordan.	- Хорошо, - сказал Роберт Джордан.
"Leave us for a moment," Robert Jordan said to the girl and put his hand on her shoulder.	- Оставь нас на минуту, - сказал он девушке и положил ей руку на плечо.
"Why?"	- Зачем?
"I wish to speak to Pilar."	- Я хочу поговорить с Пилар.
"Must I go?"	- Мне непременно надо уйти?
"Yes."	-Да.

"What is it?" the woman of Pablo said when the girl had gone over to the mouth of the cave where she stood by the big wineskin, watching the card players.	- Ну что? - спросила жена Пабло, когда девушка отошла в угол, где висел бурдюк, и стала там, глядя на играющих в карты.
"The gypsy said I should have--" he began.	- Цыган сказал, что я должен был... - начал он.
"No," the woman interrupted.	- Нет, - перебила его женщина.
"He is mistaken."	- Он не прав.
"If it is necessary that I--" Robert Jordan said quietly but with difficulty.	- Если это нужно... - спокойно и все-таки с трудом проговорил Роберт Джордан.

"Thee would have done it, I believe," the woman said.	-Ты бы это сделал, я знаю, - сказала женщина.
"Nay, it is not necessary.	- Нет, это не нужно.
I was watching thee.	Я следила за тобой.
But thy judgment was good."	Ты рассудил правильно.
"But if it is needful--"	- Но если это понадобится...
"No," the woman said.	- Нет, - сказала женщина.
"I tell you it is not needful.	- Говорю тебе, это не понадобится.
The mind of the gypsy is corrupt."	У цыгана мозги набекрень.

"But in weakness a man can be a great danger."	- Но слабый человек - опасный человек.
"No.	- Нет.
Thou dost not understand.	Ты не понимаешь.
Out of this one has passed all capacity for danger."	Он человек конченый, и никакой опасности от него быть не может.
"I do not understand."	- Не понимаю.
"Thou art very young still," she said.	-Ты еще очень молод, - сказала она.

"You will understand."	- Когда-нибудь поймешь.
Then, to the girl, "Come, Maria.	- Потом девушке: - Иди сюда, Мария.

We are not talking more."	Мы уже поговорили.
The girl came over and Robert Jordan reached his hand out and patted her head.	Девушка подошла к ним, и Роберт Джордан протянул руку и погладил ее по волосам.
She stroked under his hand like a kitten.	Она повела головой, точно котенок.
Then he thought that she was going to cry.	Потом ему показалось, что она сейчас заплачет.
But her lips drew up again and she looked at him and smiled.	Но она тотчас же подобрала губы и с улыбкой взглянула на него.
"Thee would do well to go to bed now," the woman said to Robert Jordan.	- Спать, спать тебе пора, - сказала женщина Роберту Джордану.

"Thou hast had a long journey."	- Ты проделал большой путь за сегодняшний день.
"Good," said Robert Jordan.	- Хорошо, - сказал Роберт Джордан.
"I will get my things."	- Пойду достану свой спальный мешок.
7	7
He was asleep in the robe and he had been asleep, he thought, for a long time.	Он спал в мешке, и когда он проснулся, ему почудилось, что он спит уже очень давно.

The robe was spread on the forest floor in the lee of the rocks beyond the cave mouth and as he slept, he turned, and turning rolled on his pistol which was fastened by a lanyard to one wrist and had been by his side under the cover when he went to sleep, shoulder and back weary, leg-tired, his muscles pulled with tiredness so that the ground was soft, and simply stretching in the robe against the flannel lining was voluptuous with fatigue.	Он разложил свой мешок недалеко от входа в пещеру, у подножия скалы, защищавшей его от ветра; когда он лег, все мышцы у него сводило от усталости, ноги болели, спину и плечи ломило так, что лесная земля показалась ему мягкой, и томительно-сладко было вытянуться в теплом, подбитом фланелью мешке; но он заворочался во сне и, ворочаясь, наткнулся на револьвер, который был привязан шнуром к его руке и лежал рядом с ним.

Waking, he wondered where he was, knew, and then shifted the pistol from under his side and settled happily to stretch back into sleep, his hand on the pillow of his clothing that was bundled neatly around his rope-soled shoes. He had one arm around the pillow.	Проснувшись, он не сразу понял, где он, потом вспомнил, вытащил револьвер из-под бока и, чтобы опять заснуть, устроился поудобнее, обхватив рукой подушку, сооруженную из аккуратно свернутой одежды, в которую были засунуты его сандалии на веревочной подошве.
Then he felt her hand on his shoulder and turned quickly, his right hand holding the pistol under the robe.	Тут он почувствовал прикосновение к своему плечу и быстро обернулся, правой рукой схватившись за револьвер.

"Oh, it is thee," he said and dropping the pistol he reached both arms up and pulled her down.	- Это ты, - сказал он и, отпустив револьвер, выпростал обе руки из мешка и притянул ее к себе.
With his arms around her he could feel her shivering.	Обнимая ее, он почувствовал, как она дрожит.
"Get in," he said softly.	- Забирайся в мешок, - сказал он тихо.
"It is cold out there."	- Тебе же холодно там.
"No.	- Нет.

I must not."	Не надо.
"Get in," he said.	- Забирайся, - сказал он.

"And we can talk about it later."	- Потом поговорим.
She was trembling and he held her wrist now with one hand and held her lightly with the other arm.	Она вся дрожала, и он одной рукой взял ее за руку, а другой опять ле-гонько обнял.
She had turned her head away.	Она отвернула голову.
"Get in, little rabbit," he said and kissed her on the back of the neck.	- Иди сюда, зайчонок, - сказал он и поцеловал ее в затылок.
"I am afraid."	- Я боюсь.
"No.	- Нет.
Do not be afraid.	Не надо бояться.
Get in."	Иди сюда.
"How?"	- А как?

"Just slip in.	- Просто влезай.
There is much room.	Места хватит.
Do you want me to help you?"	Хочешь, я тебе помогу?
"No," she said and then she was in the robe and he was holding her tight to him and trying to kiss her lips and she was pressing her face against the pillow of clothing but holding her arms close around his neck.	- Нет, - сказала она, и вот она уже в мешке, и он крепко прижал ее к себе и хотел поцеловать в губы, но она спрятала лицо в его подушку и только крепко обхватила руками его шею.
Then he felt her arms relax and she was shivering again as he held her.	Потом он почувствовал, что ее руки разжались и она опять вся дрожит.
"No," he said and laughed.	- Нет, - сказал он и засмеялся.

"Do not be afraid.	- Не бойся.
That is the pistol."	Это револьвер.
He lifted it and slipped it behind him.	- Он взял его и перело-жил себе за спину.
"I am ashamed," she said, her face away from him.	- Мне стыдно, - сказала она, не поворачивая го-ловы.
"No. You must not be.	- Нет, тебе не должно быть стыдно.
Here.	Ну?
Now."	Ну что?
"No, I must not.	- Нет, не надо.
I am ashamed and frightened."	Мне стыдно, и я боюсь.
"No.	- Нет.
My rabbit.	Зайчонок мой.

Please."	Ну прошу тебя.
"I must not.	- Не надо.
If thou dost not love me."	Раз ты меня не любишь.

"I love thee."	- Я люблю тебя.
"I love thee.	- Я люблю тебя.
Oh, I love thee.	Я так люблю тебя.
Put thy hand on my head," she said away from him, her face still in the pillow.	Положи мне руку на голову, - сказала она, все еще пряча лицо в подушку.

He put his hand on her head and stroked it and then suddenly her face was away from the pillow and she was in his arms, pressed close against him, and her face was against his and she was crying.	Он положил ей руку на голову и погладил, и вдруг она подняла лицо с подушки и крепко прижалась к нему, и теперь ее лицо было рядом с его лицом, и он обнимал ее, и она плакала.
He held her still and close, feeling the long length of the young body, and he stroked her head and kissed the wet saltiness of her eyes, and as she cried he could feel the rounded, firm-pointed breasts touching through the shirt she wore.	Он держал ее крепко и бережно, ощущая всю длину ее молодого тела, и гладил ее по голове, и целовал соленую влагу на ее глазах, и когда она всхлипывала, он чувствовал, как вздрагивают под рубашкой ее маленькие круглые груди.
"I cannot kiss," she said.	-Я не могу поцеловать тебя, - сказала она.

"I do not know how."	- Я не умею.
"There is no need to kiss."	- Совсем это и не нужно.
"Yes.	- Нет.
I must kiss.	Я хочу тебя поцеловать.
I must do everything."	Я все хочу делать.
"There is no need to do anything.	- Совсем не нужно что-нибудь делать.
We are all right.	Нам и так хорошо.
But thou hast many clothes."	Только на тебе слишком много надето.
"What should I do?"	- Как же быть?
"I will help you."	- Я помогу тебе.
"Is that better?"	- Теперь лучше?
"Yes.	-Да.

Much.	Гораздо.
It is not better to thee?"	А тебе разве не лучше?
"Yes.	-Да.
Much better.	Гораздо лучше.
And I can go with thee as Pilar said?"	И я поеду с тобой, как сказала Пилар.
"Yes."	-Да.
"But not to a home.	- Только не в приют.
With thee."	Я хочу с тобой.
"No, to a home."	- Нет, в приют.
"No.	- Нет.
No.	Нет.

No.	Нет.

With thee and I will be thy woman."	С тобой, и я буду твоя жена.
Now as they lay all that before had been shielded was unshielded.	Они лежали рядом, и все, что было защище-но, теперь осталось без защиты.

Where there had been roughness of fabric all was smooth with a smoothness and firm rounded pressing and a long warm coolness, cool outside and warm within, long and light and closely holding, closely held, lonely, hollow-making with contours, happymaking, young and loving and now all warmly smooth with a hollowing, chest-aching, tight-held loneliness that was such that Robert Jordan felt he could not stand it and he said,	Где раньше была шершавая ткань, все стало гладко чудесной гладкостью, и круглилось, и льнуло, и вздрагивало, и вытягивалось, длинное и легкое, теплое и прохладное, прохладное снаружи и теплое внутри, и крепко прижималось, и замирало, и томило болью, и дарило радость, жалобное, молодое и любящее, и теперь уже все было теплое и гладкое и полное щемящей, острой, жалобной тоски, такой тоски, что Роберт Джордан не мог больше выносить это и спросил:
"Hast thou loved others?"	-Ты уже любила кого-нибудь?

"Never."	- Никогда.
Then suddenly, going dead in his arms,	Потом вдруг сникнув, вся помертвев в его объятиях:
"But things were done to me."	- Но со мной делали нехорошее.
"By whom?"	- Кто?
"By various."	- Разные люди.
Now she lay perfectly quietly and as though her body were dead and turned her head away from him.	Теперь она лежала неподвижно, застывшая, точно труп, отвернув голову.
"Now you will not love me."	- Теперь ты не захочешь меня любить.
"I love you," he said.	- Я тебя люблю, - сказал он.

But something had happened to him and she knew it.	Но что-то произошло в нем, и она это знала.
"No," she said and her voice had gone dead and flat.	- Нет, - сказала она, и голос у нее был тусклый и безжизненный.
"Thou wilt not love me.	- Ты меня не будешь любить.
But perhaps thou wilt take me to the home.	Но, может быть, ты отвезешь меня в приют.
And I will go to the home and I will never be thy woman nor anything."	И я буду жить в приюте, и никогда не буду твоей женой, и ничего вообще не будет.
"I love thee, Maria."	- Я тебя люблю, Мария.
"No.	- Нет.
It is not true," she said.	Это неправда, - сказала она.

Then as a last thing pitifully and hopefully. "But I have never kissed any man."	Потом жалобно и с надеждой, словно цепляясь за последнее: - Но я никогда никого не целовала.
"Then kiss me now."	-Так поцелуй меня.
"I wanted to," she said.	- Я хотела тебя поцеловать, - сказала она.
"But I know not how.	- Но я не умею.

Where things were done to me I fought until I could not see.	Когда со мной это делали, я дралась так, что ничего не видела.
I fought until-- until-- until one sat upon my head--and I bit him--and then they tied my mouth and held my arms behind my head--and others did things to me."	Я сопротивлялась, пока... пока один не сел мне на голову, а я его укусила, - и тогда они завязали мне рот и закинули руки за голову, а остальные делали со мной нехорошее.

"I love thee, Maria," he said.	- Я тебя люблю, Мария, - сказал он.
"And no one has done anything to thee.	- И никто ничего с тобой не делал.
Thee, they cannot touch.	Тебя никто не смеет тронуть и не может.
No one has touched thee, little rabbit."	Никто тебя не трогал, зайчонок.
"You believe that?"	-Ты правда так думаешь?
"I know it."	-Я не думаю, я знаю.
"And you can love me?" warm again against him now.	- И ты меня не разлюбил? - Она опять стала теплая рядом с ним.
"I can love thee more."	- Я тебя люблю еще больше.
"I will try to kiss thee very well."	- Я постараюсь поцеловать тебя очень крепко.

"Kiss me a little."	- Поцелуй меня чуть-чуть.
"I do not know how."	-Я не умею.
"Just kiss me."	- Ну просто поцелуй.
She kissed him on the cheek.	Она целовала его в щеку.
"No."	- Не так.
"Where do the noses go?	- А куда же нос?
I always wondered where the noses would go."	Я всегда про это думала - куда нос?

"Look, turn thy head," and then their mouths were tight together and she lay close pressed against him and her mouth opened a little gradually and then, suddenly, holding her against him, he was happier than he had ever been, lightly, lovingly, exultingly, innerly happy and unthinking and untired and unworried and only feeling a great delight and he said, "My little rabbit.	- Ты поверни голову, вот. - И тогда их губы сошлись тесно-тесно, и она лежала совсем вплотную к нему, и понемногу ее губы раскрылись, и вдруг, прижимая ее к себе, он почувствовал, что никогда еще не был так счастлив, так легко, любовно, ликующе счастлив, без мысли, без тревоги, без усталости, полный только огромного наслаждения, и он сказал: - Мой маленький зайчонок.
My darling. My sweet.	Моя любимая.

My long lovely."	Моя длинноногая радость.
"What do you say?" she said as though from a great distance away.	- Как ты сказал? - спросила она как будто откуда-то издалека.
"My lovely one," he said.	- Моя радость, - сказал он.
They lay there and he felt her heart beating against his and with the side of his foot he stroked very lightly against the side of hers.	Так они лежали, и он чувствовал, как ее сердце бьется около его сердца, и своей ногой легонько поглаживал ее ногу.
"Thee came barefooted," he said.	-Ты пришла босиком, - сказал он.

"Yes."	-Да.

"Then thee knew thou wert coming to the bed."	- Значит, ты знала, что ляжешь тут?
"Yes."	-Да.
"And you had no fear."	-И не боялась?
"Yes.	- Боялась.
Much.	Очень.
But more fear of how it would be to take my shoes off."	Но еще больше боялась, как это будет, если снимать башмаки.
"And what time is it now? _lo sabes?_"	- Который теперь час, ты не знаешь?
"No.	- Нет.
Thou hast no watch?"	А разве у тебя нет часов?
"Yes.	- Есть.

But it is behind thy back."	Но они за твоей спиной.
"Take it from there."	- Достань их.
"No."	- Не хочу.
"Then look over my shoulder."	-Так посмотри через мое плечо.
It was one o'clock.	Было ровно час.
The dial showed bright in the darkness that the robe made.	Циферблат ярко светился в темноте мешка.
"Thy chin scratches my shoulder."	- У тебя подбородок колется.
"Pardon it.	- Прости.
I have no tools to shave."	Мне нечем побриться.
"I like it.	- Мне нравится так.
Is thy beard blond?"	У тебя борода светлая?

"Yes."	-Да.
"And will it be long?"	- И она вырастет длинная?
"Not before the bridge.	- Не успеет до моста.
Maria, listen.	Мария, слушай.
Dost thou--?"	Ты...
"Do I what?"	- Что я?
"Dost thou wish?"	-Ты хочешь?
"Yes.	-Да.
Everything.	Все.
Please.	Я хочу все.
And if we do everything together, the other maybe never will have been."	Если у нас с тобой будет все, может быть, станет так, как будто того, другого, не было.

"Did you think of that?"	- Это ты сама надумала?
"No.	- Нет.
I think it in myself but Pilar told me."	Я думала, но это Пилар мне так сказала.
"She is very wise."	- Она мудрая.
"And another thing," Maria said softly.	- И еще одно, - совсем тихо проговорила Мария.
"She said for me to tell you that I am not sick.	- Она велела мне сказать тебе, что я не больна.
She knows about such things and she said to tell you that."	Она понимает во всем этом, и она велела сказать тебе.
"She told you to tell me?"	- Она велела сказать мне?
"Yes.	-Да.

I spoke to her and told her that I love you.	Я с ней говорила и сказала, что я тебя люблю.
I loved you when I saw you today and I loved you always but I never saw you before and I told Pilar and she said if I ever told you anything about anything, to tell you that I was not sick.	Я тебя полюбила, как только увидела сегодня, я тебя всегда любила, еще до того, как встретила, и я сказала Пилар, и она сказала, если только я когда-нибудь буду говорить с тобой обо всем, что было, я должна сказать тебе, что я не больна.
The other thing she told me long ago.	А про то, другое, она мне уже давно сказала.
Soon after the train."	Вскоре после поезда.
"What did she say?"	- Что же она сказала?

"She said that nothing is done to oneself that one does not accept and that if I loved some one it would take it all away.	- Она сказала, что человеку ничего нельзя сделать, если его душа против, и что, если я кого полюблю, будет так, как будто того вовсе не было.
I wished to die, you see."	Понимаешь, мне тогда хотелось умереть.
"What she said is true."	-То, что она сказала, - правда.
"And now I am happy that I did not die.	- А теперь я рада, что не умерла.
I am so happy that I did not die.	Я так рада, что я не умерла.
And you can love me?"	Ты будешь меня любить?
"Yes.	-Да.
I love you now."	Я и теперь тебя люблю.

"And I can be thy woman?"	-И я буду твоя жена?
"I cannot have a woman doing what I ao.	- Когда занимаешься таким делом, нельзя иметь жену.
But thou art my woman now."	Но сейчас ты моя жена.
"If once I am, then I will keep on.	- Раз сейчас, значит, и всегда так будет.
Am I thy woman now?"	Сейчас я твоя жена?
"Yes, Maria.	- Да, Мария.
Yes, my little rabbit."	Да, мой зайчонок.

She held herself tight to him and her lips looked for his and then found them and were against them and he felt her, fresh, new and smooth and young and lovely with the warm, scalding coolness and unbelievable to be there in the robe that was as familiar as his clothes, or his shoes, or his duty and then she said, frightenedly,	Она прижалась к нему еще теснее, и ее губы стали искать его губы, и нашли, и приникли к ним, и он почувствовал ее, свежую, и гладкую, и молодую, и совсем новую, и чудесную своей обжигающей прохладой, и непонятно откуда взявшуюся здесь, в этом мешке, знакомом и привычном, как одежда, как башмаки, как его долг, и она сказала несмело:
"And now let us do quickly what it is we do so that the other is all gone."	- Давай теперь скорее сделаем так, чтобы то все ушло.
"You want?"	-Ты хочешь?

"Yes," she said almost fiercely.	- Да, - сказала она почти исступленно.
"Yes.	- Да
Yes.	Да.
Yes."	Да.
8	8
It was cold in the night and Robert Jordan slept heavily.	Ночь была холодная, и Роберт Джордан спал крепко.

Once he woke and, stretching, realized that the girl was there, curled far down in the robe, breathing lightly and regularly, and in the dark, bringing his head in from the cold, the sky hard and sharp with stars, the air cold in his nostrils, he put his head under the warmth of the robe and kissed her smooth shoulder.	Один раз он проснулся и, пошевелившись, почувствовал, что девушка рядом свернулась комочком, спиной к нему, и дышит легко и ровно; и, втянув голову в мешок, подальше от ночного холода и твердого, утыканного звездами неба и студеного воздуха, забиравшегося в ноздри, он поцеловал в темноте ее гладкое плечо.

She did not wake and he rolled onto his side away from her and with his head out of the robe in the cold again, lay awake a moment feeling the long, seeping luxury of his fatigue and then the smooth tactile happiness of their two bodies touching and then, as he pushed his legs out deep as they would go in the robe, he slipped down steeply into sleep.	Она не проснулась, и он перевернулся на другой бок и, высунув голову снова на холод, с минуту полежал еще, наслаждаясь тягучей, разнежи-вающей усталостью и теплым, радостным ка-санием двух тел, а потом вытянул ноги во всю длину мешка и тут же снова скатился в сон.
He woke at first daylight and the girl was gone.	Он проснулся опять, ко-гда забрезжил день и девушки уже не было с ним.

He knew it as he woke and, putting out his arm, he felt the robe warm where she had been.	Он понял это, как только проснулся, и, протянув руку, нащупал место, согретое ее телом.
He looked at the mouth of the cave where the blanket showed frost-rimmed and saw the thin gray smoke from the crack in the rocks that meant the kitchen fire was lighted.	Он посмотрел на пещеру: попона над входом заиндевела за ночь, а из трещины в скале шел легкий серый дымок, означавший, что в очаге развели огонь.
A man came out of the timber, a blanket worn over his head like a poncho Robert Jordan saw it was Pablo and that he was smoking a cigarette.	Из лесу вышел человек в одеяле, накинутом на голову на манер пончо. Во рту у него была папироса, и Роберт Джордан узнал Пабло.

He's been down corralling the horses, he thought.	Должно быть, лошадей в загон ставил.
Pablo pulled open the blanket and went into the cave without looking toward Robert Jordan.	Пабло откинул попону и вошел в пещеру, не взглянув на Роберта Джордана.

Robert Jordan felt with his hand the light frost that lay on the worn, spotted green balloon silk outer covering of the five-year-old down robe, then settled into it again. _Bueno_, he said to himself, feeling the familiar caress of the flannel lining as he spread his legs wide, then drew them together and then turned on his side so that his head would be away from the direction where he knew the sun would come. _Que mas da_, I might as well sleep some more.	Роберт Джордан погладил рукой шершавую от инея, старую, пятнисто-зеленую, сделанную из парашютного щелка покрышку спального мешка, прослужившего ему добрых пять лет, потом снова спрятался в него до подбородка. "Bueno", - сказал он себе, почувствовав знакомый уют фланелевой подкладки, и, стараясь поудобнее улечься, сначала широко раскинул ноги, потом сдвинул их, потом перевернулся на бок, затылком в ту сторону, откуда должно было появиться солнце. "Que mas da , я еще могу поспать немножко".

He slept until the sound of airplane motors woke him.	Он спал, пока его не разбудил шум самолетов.
Lying on his back, he saw them, a fascist patrol of three Fiats, tiny, bright, fast-moving across the mountain sky, headed in the direction from which Anselmo and he had come yesterday.	Перекатившись на спину, он сразу увидел их: фашистский патруль из трех маленьких, блестевших на солнце "фиатов" быстро скользил по сжатому горами небу в ту сторону, откуда он вчера пришел с Ансельмо.
The three passed and then came nine more, flying much higher in the minute, pointed formations of threes, threes and threes.	Они пролетели и скрылись, но за ними появились еще девять, летевших на большой высоте тремя крошечными острыми косячками: три, три и три.

Pablo and the gypsy were standing at the cave mouth, in the shadow, watching the sky and as Robert Jordan lay still, the sky now full of the high hammering roar of motors, there was a new droning roar and three more planes came over at less than a thousand feet above the clearing.	Пабло и цыган стояли в тени у входа в пещеру, подняв головы к небу, а Роберт Джордан лежал и не двигался; теперь все небо грохотало мерным гулом моторов, но вдруг к нему примешался зудящий звук, и еще три самолета появились над самой прогалиной, на высоте менее тысячи футов.
These three were Heinkel one-elevens, twin-motor bombers.	Это были двухмоторные бомбардировщики "хейнкель-111".

Robert Jordan, his head in the shadow of the rocks, knew they would not see him, and that it did not matter if they did.	У Роберта Джордана голова была в тени, и он знал, что его не могут заметить, а если и заметят, это не имеет значения.
He knew they could possibly see the horses in the corral if they were looking for anything in these mountains.	Вот лошадей в загоне они, пожалуй, легко заметят, если ищут что-нибудь здесь, в горах.
If they were not looking for anything they might still see them but would naturally take them for some of their own cavalry mounts.	Если же не ищут, то, даже заметив, не догадаются ни о чем, а просто примут их за один из своих кавалерийских разъездов.

Then came a new and louder droning roar and three more Heinkel one-elevens showed coming steeply, stiffly, lower yet, crossing in rigid formation, their pounding roar approaching in crescendo to an absolute of noise and then receding as they passed the clearing.	Тут снова послышался зудящий звук, и показались еще три "хейнкеля-111", они летели еще ниже, стремительно, неуклонно, железным строем, их рев нарастал в непрерывном crescendo, переходя в сплошной оглушительный грохот, и потом, когда они миновали прогалину, стал затихать.
Robert Jordan unrolled the bundle of clothing that made his pillow and pulled on his shirt.	Роберт Джордан развернул сверток одежды, служивший ему подушкой, и стал надевать рубаху.

It was over his head and he was pulling it down when he heard the next planes coming and he pulled his trousers on under the robe and lay still as three more of the Heinkel bimotor bombers came over.	Он еще не успел просунуть голову в ворот, как услышал приближение новой эскадрильи и, не вылезая из мешка, поспешно натянул брюки и замер.

Before they were gone over the shoulder of the mountain, he had buckled on his pistol, rolled the robe and placed it against the rocks and sat now, close against the rocks, tying his rope-soled shoes when the approaching droning turned to a greater clattering roar than ever before and nine more Heinkel light bombers came in echelons; hammering the sky apart as they went over.	Еще три двухмоторных бомбардировщика появились в небе. Они пролетели и скрылись за ближайшей вершиной, а он в это время уже пристегнул револьвер к поясу, скатал свой мешок и положил его между камнями, но, пока, прислонясь спиною к скале, он завязывал башмаки, вновь возникшее жужжание моторов разрослось в громовой, оглушительный рев, и девять легких "хейнкелей" пронеслись над его головой, раскалывая пополам небо.

Robert Jordan slipped along the rocks to the mouth of the cave where one of the brothers, Pablo, the gypsy, Anselmo, Agustin and the woman stood in the mouth looking out.	Роберт Джордан скользнул вдоль скалы ко входу в пещеру, где один из братьев, Пабло, цыган, Ансельмо, Агустин и женщина стояли и смотрели в небо.
"Have there been planes like this before?" he asked.	- Летали здесь раньше такие самолеты? - спросил он.
"Never," said Pablo.	- Никогда, - сказал Пабло.
"Get in.	- Входи.
They will see thee."	Они увидят тебя.

The sun had not yet hit the mouth of the cave.	- Солнце еще не добралось до входа в пещеру.
It was just now shining on the meadow by the stream and Robert Jordan knew they could not be seen in the dark, early morning shadow of the trees and the solid shade the rocks made, but he went in the cave in order not to make them nervous.	Сейчас оно освещало поляну у ручья, и Роберт Джордан знал, что в темной утренней тени деревьев и густой тени, падавшей от скалы, разглядеть кого-нибудь трудно, но для их спокойствия он вошел в пещеру.
"They are many," the woman said.	- Много их, - сказала женщина.
"And there will be more," Robert Jordan said.	- Будет еще больше, - сказал Роберт-Джордан.

"How do you know?" Pablo asked suspiciously.	- Откуда ты знаешь? - подозрительно спросил Пабло.
"Those, just now, will have pursuit planes with them."	- За такими всегда летят истребители.
Just then they heard them, the higher, whining drone, and as they passed at about five thousand feet, Robert Jordan counted fifteen Fiats in echelon of echelons like a wild-goose flight of the V-shaped threes.	И тотчас же послышался тонкий, подвывающий гул, и Роберт Джордан насчитал пятнадцать "фиатов", летевших на высоте пяти тысяч футов, растянувшись клином из маленьких клинышков по три, точно стая диких гусей в полете.
In the cave entrance their faces all looked very sober and Robert Jordan said,	Лица у всех были серьезные, и Роберт Джордан спросил:

"You have not seen this many planes?"	- Вы никогда не видели столько самолетов сразу?
"Never," said Pablo.	- Никогда, - сказал Пабло.
"There are not many at Segovia?"	- В Сеговии их немного?

"Never has there been, we have seen three usually.	- Там никогда много не было, больше трех сразу не увидишь.
Sometimes six of the chasers.	Ну, еще истребители, тех иногда бывает по шестерке.
Perhaps three Junkers, the big ones with the three motors, with the chasers with them.	Или три "юнкерса", больших, трехмоторных и с каждым по истребителю.
Never have we seen planes like this."	А таких мы никогда не видали.

It is bad, Robert Jordan thought.	Скверно, подумал Роберт Джордан.
This is really bad.	Совсем скверно.
Here is a concentration of planes which means something very bad.	Не зря сюда гонят такое количество самолетов.
I must listen for them to unload.	Надо послушать, не началась ли бомбежка.
But no, they cannot have brought up the troops yet for the attack.	Но нет, наши еще не могли подтянуть сюда войска для наступления.
Certainly not before tonight or tomorrow night, certainly not yet.	Конечно, они начнут только сегодня вечером или завтра, не раньше.

Certainly they will not be moving anything at this hour.	Пока там, конечно, ничего не началось.
He could still hear the receding drone.	Гул постепенно затихал вдалеке.
He looked at his watch.	Роберт Джордан взглянул на часы.
By now they should be over the lines, the first ones anyway.	Сейчас они уже перелетели линию фронта, первые - во всяком случае.
He Pushed the knob that set the second hand to clicking and watched it move around.	Он включил секундомер и смотрел, как стрелка обегает циферблат.
No, perhaps not yet.	Нет, пожалуй, еще нет.
By now.	Вот теперь.
Yes.	Да.

Well over by now.	Теперь уже наверное.
Two hundred and fifty miles an hour for those one-elevens anyway.	Эти "111" делают двести пятьдесят миль в час.
Five minutes would carry them there.	Тут им лету пять минут, не больше.

By now they're well beyond the pass with Castile all yellow and tawny beneath them now in the morning, the yellow crossed by white roads and spotted with the small villages and the shadows of the Heinkels moving over the land as the shadows of sharks pass over a sandy floor of the ocean.	Сейчас они уже давно миновали ущелье и летят над Кастилией; в свете утреннего солнца она расстилается под ними, красновато-желтая, исчерченная белыми полосками дорог и пятнами деревушек, и тени "хейнкелей" скользят по земле, как тени больших акул по песчаному дну океана.
There was no bump, bump, bumping thud of bombs.	Глухих ударов бомб, бум-бум-бум, не было слышно.
His watch ticked on.	Только тикали часы в тишине.

They're going on to Colmenar, to Escorial, or to the flying field at Manzanares el Real, he thought, with the old castle above the lake with the ducks in the reeds and the fake airfield just behind the real field with the dummy planes, not quite hidden, their props turning in the wind.	Они полетели на Кольменар, к Эскуриалу, а может быть, к аэродрому в Монсанарес-эль-Реаль, подумал он, туда, где над озером стоит старый замок и в камышах водятся утки, а чуть подальше настоящего аэродрома устроен ложный аэродром с бутафорскими самолетами, у которых пропеллеры вертятся на ветру.
That's where they must be headed.	Вот туда они скорей всего и полетели.

They can't know about the attack, he told himself and something in him said, why can't they?	Но ведь они не могут знать про наступление, сказал он себе, и сейчас же что-то в нем возразило - а почему не могут?
They've known about all the others.	Знали же они про все прежние наступления.
"Do you think they saw the horses?" Pablo asked.	- Как ты думаешь, видели они лошадей? - спросил Пабло.
"Those weren't looking for horses," Robert Jordan said.	- Они не лошадей искали, - сказал Роберт Джордан.
"But did they see them?"	- Но они их видели?

"Not unless they were asked to look for them."	- Разве только если им было поручено их искать.
"Could they see them?"	- Но они могли их увидеть?
"Probably not," Robert Jordan said.	- Едва ли, - сказал Роберт Джордан.
"Unless the sun were on the trees."	- Разве если верхушки деревьев уже освещало солнце.
"It is on them very early," Pablo said miserably.	- Там с самого утра солнце, - горестно сказал Пабло.
"I think they have other things to think of besides thy horses," Robert Jordan said.	- У них есть дела поважнее, чем высматривать твоих лошадей, - сказал Роберт Джордан.

It was eight minutes since he had pushed the lever on the stop watch and there was still no sound of bombing.	Уже восемь минут прошло с тех пор, как он засек время, а бомбежки все не было слышно.
"What do you do with the watch?" the woman asked.	- Что ты все смотришь на часы? - спросила женщина.
"I listen where they have gone."	- Слушаю, куда полетели самолеты.
"Oh," she said.	-О! - сказала она.

At ten minutes he stopped looking at the watch knowing it would be too far away to hear, now, even allowing a minute for the sound to travel, and said to Anselmo,	Когда прошло десять минут, он перестал смотреть на часы, зная, что теперь уже слишком далеко и ничего услышать нельзя, даже если положить минуту на прохождение звука. Он повернулся к Ансельмо и сказал:
"I would speak to thee."	- Мне нужно поговорить с тобой.
Anselmo came out of the cave mouth and they walked a little way from the entrance and stood beside a pine tree.	Они с Ансельмо отошли на несколько шагов от пещеры и остановились под сосной.

"_Que tal?_" Robert Jordan asked him.	- Que tal? - спросил его Роберт Джордан.

"How goes it?"	- Как дела?
"All right."	- Хороши.
"Hast thou eaten?"	-Ты уже поел?
"No.	- Нет.
No one has eaten."	Никто еще не ел.
"Eat then and take something to eat at midday.	- Тогда поешь и чего-нибудь захвати с собой.
I want you to go to watch the road.	Мне нужно установить наблюдение за дорогой.

Make a note of everything that passes both up and down the road."	Ты пойдешь и будешь отмечать все, что проходит и проезжает по дороге в ту сторону и в эту.
"I do not write."	-Я не умею писать.
"There is no need to," Robert Jordan took out two leaves from his notebook and with his knife cut an inch from the end of his pencil.	- И не нужно. - Роберт Джордан вырвал из записной книжки два листка бумаги и ножом отрезал кусочек от своего карандаша, с дюйм длиной.
"Take this and make a mark for tanks thus," he drew a slanted tank, "and then a mark for each one and when there are four, cross the four strokes for the fifth."	- Вот смотри, это будут танки. - Он нарисовал нечто вроде танка. - Теперь на каждый танк ставь под этим палочку, а когда поставишь четыре рядом, пятую ставь поперек, вот так.

"In this way we count also."	- У нас тоже так считают.
"Good.	- И прекрасно.
Make another mark, two wheels and a box, for trucks.	Теперь смотри: квадратик и два колеса - это будут грузовики.
If they are empty make a circle.	Если пустые, ставь кружочек.
If they are full of troops make a straight mark.	Если с людьми, ставь черточку.
Mark for guns.	Отмечай все орудия.
Big ones, thus.	Большие - так.
Small ones, thus.	Маленькие - так.
Mark for cars. Mark for ambulances.	Отмечай легковые машины и отдельно санитарные.
Thus, two wheels and a box with a cross on it.	Вот так, два колеса и квадрат с крестиком.

Mark for troops on foot by companies, like this, see?	Пехоту отмечай по ротам, вот так, видишь?
A little square and then mark beside it.	Маленький квадратик и рядом значок.
Mark for cavalry, like this, you see?	Кавалерию отмечай вот так, смотри.
Like a horse.	Как будто лошадь.
A box with four legs.	Квадрат на четырех ножках.
That is a troop of twenty horse.	Это будет отряд в двадцать человек.
You understand?	Понятно?
Each troop a mark."	На каждый отряд - палочку.

"Yes.	-Да.

It is ingenious."	Это ты ловко придумал.
"Now," he drew two large wheels with circles around them and a short line for a gun barrel.	- Смотри дальше. - Он нарисовал два больших колеса, обведя их дважды, и ствол в виде короткой черточки.
"These are anti-tanks.	- Это противотанковые пушки.
They have rubber tires.	Они на резиновом ходу.
Mark for them.	Тоже отмечай.
These are anti-aircraft," two wheels with the gun barrel slanted up.	Это зенитные. - Он нарисовал два колеса и ствол, торчащий кверху.
"Mark for them also.	- Тоже отмечай.
Do you understand?	Понятно?

Have you seen such guns?"	Ты такие пушки видел?
"Yes," Anselmo said.	- Да, - сказал Ансельмо.
"Of course.	- Чего тут не понять.
It is clear."	Все ясно.
"Take the gypsy with you that he will know from what point you will be watching so you may be relieved.	- Возьми с тобой цыгана, пусть он посмотрит, где ты будешь сидеть, чтобы можно было потом сменить тебя.
Pick a place that is safe, not too close and from where you can see well and comfortably.	Выбери хорошее, безопасное место, не слишком близко, но так, чтобы тебе было удобно и хорошо видно.
Stay until you are relieved."	Сиди там, пока тебя не сменят.
"I understand."	- Понятно.
"Good.	- Ну вот.

And that when you come back, I should know everything that moved upon the road.	И когда ты придешь, я буду знать обо всех передвижениях по дороге.
One paper is for movement up. One is for movement down the road."	На этом листке отмечай то, что идет туда, а на этом - то, что идет оттуда.
They walked over toward the cave.	Они вернулись к пещере.
"Send Rafael to me," Robert Jordan said and waited by the tree.	- Пошли сюда Рафаэля, - сказал Роберт Джордан и стал у дерева, ожидая.
He watched Anselmo go into the cave, the blanket falling behind him.	Он видел, как Ансельмо вошел в пещеру и как упала за ним попона.

The gypsy sauntered out, wiping his mouth with his hand.	Через минуту из пещеры выскочил цыган, отирая рукой губы.
"_Que tal?_" the gypsy said.	- Ну как? - спросил цыган.
"Did you divert yourself last night?"	- Повеселился сегодня ночью?
"I slept."	- Ночью я спал.
"Less bad," the gypsy said and grinned.	-Тем лучше, - сказал цыган и ухмыльнулся.

"Have you a cigarette?"	- Папиросы есть?
"Listen," Robert Jordan said and felt in his pocket for the cigarettes.	- Слушай, - сказал Роберт Джордан, опуская руку в карман за папиросами.

"I wish you to go with Anselmo to a place from which he will observe the road.	- Я хочу, чтобы ты вместе с Ансельмо отправился к посту, откуда он будет наблюдать за дорогой.
There you will leave him, noting the place in order that you may guide me to it or guide whoever will relieve him later.	Там ты его оставишь, хорошенько заметив место, так чтобы ты мог проводить туда меня или того, кто пойдет ему на смену.
You will then go to where you can observe the saw mill and note if there are any changes in the post there."	Потом ты выйдешь на склон, с которого видна лесопилка, и посмотришь, нет ли там перемен.
"What changes?"	- Каких перемен?
"How many men are there now?"	- Сколько там сейчас людей?
"Eight.	- Восемь.

The last I knew."	Так было, когда я последний раз смотрел.
"See how many are there now.	- Ну вот, посмотришь, сколько сейчас.
See at what intervals the guard is relieved at that bridge."	И проследи, через какой интервал сменяются часовые у моста.
"Intervals?"	- Интервал?
"How many hours the guard stays on and at what time a change is made."	- Ну, сколько времени часовой проводит на посту и когда происходит смена.
"I have no watch."	-А у меня часов нет.
"Take mine."	- Возьми мои.
He unstrapped it.	- Он отстегнул ремешок.
"What a watch," Rafael said admiringly.	- Вот так часы! - сказал-Рафаэль восхищенно.

"Look at what complications.	- Чего тут только нет.
Such a watch should be able to read and write.	Такие часы, верно, сами читать-писать умеют.
Look at what complications of numbers.	Сколько тут разных цифр.
It's a watch to end watches."	Это всем часам часы.
"Don't fool with it," Robert Jordan said.	- Не балуйся с ними, - сказал Роберт Джордан.
"Can you tell time?"	- Ты время узнавать умеешь?
"Why not?	- А как же!
Twelve o'clock midday. Hunger.	Двенадцать часов дня - это когда есть хочется.

Twelve o'clock midnight. Sleep.	Двенадцать часов ночи - это когда спать хочется.
Six o'clock in the morning, hunger.	Шесть часов утра - это когда опять есть хочется.
Six o'clock at night, drunk.	Шесть часов вечера - это когда пить хочется.
With luck.	Если повезет, то и напьешься.
Ten o'clock at night--"	Десять часов вечера - это когда...

"Shut up," Robert Jordan said.	- Заткнись, - сказал Роберт Джордан.
"You don't need to be a clown.	- Нечего балагурить.

I want you to check on the guard at the big bridge and the post on the road below in the same manner as the post and the guard at the saw mill and the small bridge."	Я хочу, чтобы ты проверил, когда сменяются часовые не только на лесопилке и у маленького моста, но и у большого моста, и в домике дорожного мастера.
"It is much work," the gypsy smiled.	- Это что-то очень много, - засмеялся цыган.
"You are sure there is no one you would rather send than me?"	- Может, ты лучше кого другого пошлешь?
"No, Rafael.	- Нет, Рафаэль.
It is very important.	Это очень важно.
That you should do it very carefully and keeping out of sight with care."	Ты должен сделать все очень осторожно и постараться, чтоб тебя не заметили.

"I believe I will keep out of sight," the gypsy said.	- Еще бы мне не стараться, - сказал цыган.
"Why do you tell me to keep out of sight?	- Зачем ты мне это говоришь, чтоб я старался?
You think I want to be shot?"	Думаешь, мне жизнь надоела?
"Take things a little seriously," Robert Jordan said.	- Будь хоть немножко посерьезнее, - сказал Роберт Джордан.
"This is serious."	- Это ведь серьезное дело.
"Thou askest me to take things seriously?	-Ты меня просишь быть посерьезнее?
After what thou didst last night?	После того как ты себя показал этой ночью?
When thou needest to kill a man and instead did what you did?	Ты должен был убить человека, а ты чем занялся?

You were supposed to kill one, not make one!	Вместо того чтобы сделать одним человеком меньше, ты решил сделать одним больше.
When we have just seen the sky full of airplanes of a quantity to kill us back to our grandfathers and forward to all unborn grandsons including all cats, goats and bedbugs.	И это когда мы видели столько самолетов, что им ничего не стоит перебить нас всех с дедами и прадедами и нерожденными внучатами на сто лет вперед, а заодно и всех коз, кошек и клопов.
Airplanes making a noise to curdle the milk in your mother's breasts as they pass over darkening the sky and roaring like lions and you ask me to take things seriously.	Полное небо самолетов, и они ревут так, что от их рева у твоей матери молоко бы в грудях свернулось, - а ты меня просишь быть посерьезнее?

I take them too seriously already."	Я даже слишком серьезен.
"All right," said Robert Jordan and laughed and put his hand on the gypsy's shoulder. "_Don't_ take them too seriously then.	- Ну ладно, - сказал Роберт Джордан и, засмеявшись, положил цыгану руку на плечо. - Слишком серьезным тоже быть не надо.
Now finish your breakfast and go."	Иди кончай свой завтрак и отправляйся.
"And thou?" the gypsy asked.	- А ты? - спросил цыган.
"What do you do?"	- Что ты будешь делать?
"I go to see El Sordo."	- Я пойду к Глухому.

"After those airplanes it is very possible that thou wilt find nobody in the whole mountains," the gypsy said.	- После этих самолетов ты тут во всей округе живой души не встретишь, - сказал цыган.
"There must have been many people sweating the big drop this morning when those passed."	- Многих, должно быть, в пот бросило, когда они пролетали.
"Those have other work than hunting guerillas."	- У них есть дела поважнее, чем выслеживать партизан.
"Yes," the gypsy said.	- Так-то так, - сказал цыган.
Then shook his head.	Потом покачал головой.

"But when they care to undertake that work."	- А если они и этим не по-гнушаются?
"_Que va_," Robert Jordan said.	- Que va, - сказал Роберт Джордан.
"Those are the best of the German light bombers.	- Это лучшие немецкие легкие бомбардировщики.
They do not send those after gypsies."	Такие за цыганами не охо-тятся.
"They give me a horror," Rafael said.	- У меня от них мурашки по телу, - сказал Рафаэль.
"Of such things, yes, I am frightened."	- Да, да, я этих штук боюсь.

"They go to bomb an airfield," Robert Jordan told him as they went into the cave.	- Они полетели бомбить аэродром, - ответил ему Роберт Джордан, вместе с ним входя в пещеру.
"I am almost sure they go for that."	- Я уверен, что они за этим полетели.
"What do you say?" the woman of Pablo asked.	-Ты что там говоришь? - спросила жена Пабло.
She poured him a bowl of coffee and handed him a can of condensed milk.	Она налила Роберту Джордану кружку кофе и протянула банку сгущенного молока.
"There is milk?	- Даже молоко!
What luxury!"	Чего только у вас нет!
"There is everything," she said.	- У нас всего много, - сказала она.

"And since the planes there is much fear.	- А особенно страху после этих самолетов.
Where did you say they went?"	Как ты сказал, куда они полетели?
Robert Jordan dripped some of the thick milk into his coffee from the slit cut in the can, wiped the can on the rim of the cup, and stirred the coffee until it was light brown.	Роберт Джордан нацедил себе в кружку молока из щели, прорезанной в банке, обтер банку о край кружки и стал помешивать кофе, пока он не принял светло-коричневый оттенок.
"They go to bomb an airfield I believe.	- Я думаю, что они полетели бомбить аэродром.

They might go to Escorial and Colmenar. Perhaps a!! three."	А может быть, и туда и сюда.
"That they should go a long way and keep away from here," Pablo said.	- Пусть бы летели подальше и сюда не возвращались, - сказал Пабло.
"And why are they here now?" the woman asked.	- А почему они залетели сюда? - спросила женщина.
"What brings them now?	- Откуда они взялись?
Never have we seen such planes.	Мы никогда не видели таких самолетов.
Nor in such quantity.	И так много.

Do they prepare an attack?"	Может быть, это подготовка к наступлению?
"What movement was there on the road last night?" Robert Jordan asked.	- Какие передвижения были вчера на дороге? -спросил Роберт Джордан.
The girl Maria was close to him but he did not look at her.	Девушка Мария была рядом, но он не смотрел на нее.
"You," the woman said. "Fernando.	- Эй, Фернандо, - сказала женщина.
You were in La Granja last night.	- Ты вчера был в Ла-Гранхе.
What movement was there?"	Какие там были передвижения?

"Nothing," a short, open-faced man of about thirty-five with a cast in one eye, whom Robert Jordan had not seen before, answered.	- Никаких, - ответил приземистый, простодушный на вид человек лет тридцати пяти, которого Роберт Джордан раньше не видел. Он косил на один глаз.
"A few camions as usual.	- Несколько грузовиков, как всегда.
Some cars.	Две-три легковые машины.
No movement of troops while I was there."	Войска при мне не проходили.
"You go into La Granja every night?" Robert Jordan asked him.	-Ты каждый вечер ходишь в Ла-Гранху?-спросил его Роберт Джордан.

"I or another," Fernando said.	- Не я, так другой, - сказал Фернандо.
"Some one goes."	- Кто-нибудь всегда ходит.
"They go for the news. For tobacco.	- Ходят узнавать новости и за табаком.
For small things," the woman said.	И за всякой всячиной, - сказала женщина.
"We have people there?"	-Там есть наши?
"Yes.	- Есть.
Why not?	А как же?
Those who work the power plant.	Рабочие на электростан-ции.
Some others."	И еще есть.
"What was the news?"	- Какие же новости ты слыхал вчера?

"_Pues nada_.	- Pues nada.
There was nothing.	Никаких.
It still goes badly in the north.	На севере дела плохи.
That is not news.	Это не новость.
In the north it has gone badly now since the beginning."	На севере с самого начала плохи дела.
"Did you hear anything from Segovia?"	- А про Сеговию ничего не слыхал?
"No, hombre .	- Нет, hombre.
I did not ask."	Я не спрашивал.
"Do you go into Segovia?"	-Ты и в Сеговию ходишь?
"Sometimes," Fernando said.	- Иногда, - сказал Фернан-до.

"But there is danger.	- Но там опасно.
There are controls where they ask for your papers."	Там всюду патрули, спрашивают бумаги.
"Do you know the airfield?"	-Ты знаешь там аэродром?
"No, hombre .	- Нет, hombre.
I know where it is but I was never close to it.	Где он - я знаю, только близко не подходил никогда.
There, there is much asking for papers."	Там сразу бумаги спрашивают.
"No one spoke about these planes last night?"	- Вчера не было разговоров про эти самолеты?
"In La Gnanja?	- В Ла-Гранхе?
Nobody.	Нет.

But they will talk about them tonight certainly.	Зато уж сегодня наверняка будут.
They talked about the broadcast of Quiepo de Llano.	Вчера все говорили про речь Кейпо де Льяно по радио.
Nothing more.	А больше ничего.
Oh, yes.	Ах да.
It seems that the Republic is preparing an offensive."	Еще толковали, будто Республика готовит наступление.
"That what?"	- Что, что?
"That the Republic is preparing an offensive."	- Будто Республика готовит наступление.
"Where?"	-Где?
"It is not certain.	- Этого никто не знает.

Perhaps here.	Может быть, здесь.
Perhaps for another pant of the Sierra.	Может быть, в другой части Сьерры.
Hast thou heard of it?"	А ты слыхал про это?
"They say this in La Granja?"	-Так говорили в Ла-Гранхе?
"Yes, _hombre_.	- Да, hombre.
I had forgotten it.	Я и забыл совсем.
But there is a!ways much talk of offensives."	Но подобные толки часто ходят.
"Where does this talk come from?"	- Откуда же они берутся?
"Where?	- Откуда?
Why from different people.	От разных людей.

The officers speak in the cafes in Segovia and Avila and the waiters note it.	Зайдут два офицера в кафе в Сеговии или в Авиле, поговорят между собой, а официант услышит.
The rumors come running.	Вот и пошел слух.
Since some time they speak of an offensive by the Republic in these parts."	Теперь вот стали говорить, что будет наступление в наших местах.
"By the Republic or by the Fascists?"	- Чье наступление - Республики или фашистов?

"By the Republic.	- Республики.
If it were by the Fascists all would know of it.	Если бы фашистов, тогда бы уж все точно знали.

No, this is an offensive of quite some size.	Нет, это будет большое наступление!
Some say there are two.	Кто говорит - даже два.
One here and the other over the Alto del Leon near the Escorial.	Одно здесь, а другое за Альто-дель-Леон, около Эскуриала.
Have you heard aught of this?"	Ты про это ничего не слышал?
"What else did you hear?"	- А еще что говорят?
"_Nada, hombre_.	- Nada, hombre.
Nothing.	Ничего.
Oh, yes.	Ах да.

There was some talk that the Republicans would try to blow up the bridges, if there was to be an offensive.	Еще говорят, что республиканцы собираются взорвать мосты в горах, если будет наступление.
But the bridges are guarded."	Да ведь там везде охрана.
"Art thou joking?" Robert Jordan said, sipping his coffee.	- Ты что, шутишь? - сказал Роберт Джордан, потягивая кофе.
"No, _hombre_," said Fernando.	- Нет, зачем же, - сказал Фернандо.
"This one doesn't joke," the woman said.	- Этот никогда не шутит, - сказала женщина.
"Bad luck that he doesn't."	- И жаль, что он не шутит.
"Then," said Robert Jordan.	-Так, - сказал Роберт Джордан.

"Thank you for all the news.	- Ну, спасибо за новости.
Did you hear nothing more?"	Больше ты ничего не слышал?
"No.	- Нет.
They talk, as always, of troops to be sent to clear out these mountains.	Говорят, как всегда, будто скоро пошлют войска очистить эти горы.
There is some talk that they are on the way.	Будто даже они уж и выступили.
That they Rave been sent already from Valladolid.	Будто их послали из Вальядолида.
But they always talk in that Way.	Но это всегда говорят.
It is not to give any importance to."	Не стоит и прислушиваться.

"And thou," the woman of Pablo said to Pablo almost viciously.	- Слыхал? - сказала женщина, обращаясь к Пабло, почти злорадно.
"With thy talk of safety."	- Вот тебе твои разговоры о безопасности.
Pablo looked at her reflectively and scratched his chin.	- Пабло посмотрел на нее задумчиво и почесал подбородок.
"Thou," he said.	- А ты слыхала? - сказал он.
"And thy bridges."	- Вот тебе твои мосты.
"What bridges?" asked Fernando cheerfully.	- Какие мосты? - весело спросил Фернандо.

"Stupid," the woman said to him.	- Тупица, - сказала ему женщина.

"Thick head. Tonto .	- Медный лоб. Tonto.
Take another cup of coffee and try to remember more news."	Налей себе еще кофе и постарайся припомнить остальные новости.
"Don't be angry, Pilar," Fernando said calmly and cheerfully.	- Не злись, Пилар, - сказал Фернандо спокойно и весело.
"Neither should one become alarmed at rumors.	- Из-за слухов не стоит тревожиться.
I have told thee and this comrade all that I remember."	Я сказал тебе и этому товарищу все, что мог вспомнить.
"You don't remember anything more?" Robert Jordan asked.	- Ты верно ничего больше не помнишь? - спросил Роберт Джордан.
"No," Fernando said with dignity.	- Верно, - с важностью отвечал Фернандо.

"And I am fortunate to remember this because, since it was but rumors, I paid no attention to any of it."	- Хорошо еще, что я и столько запомнил, потому что, раз уж я знаю, что все это пустые слухи, я и не стараюсь обращать на них внимание.
"Then there may have been more?"	- Значит, там еще что-то говорили?
"Yes. It is possible.	- Да, очень возможно.
But I paid no attention.	Только я не обращал внимания.
For a year I have heard nothing but rumors."	Вот уж год, как все, о чем ни говорят, - пустые слухи.
Robert Jordan heard a quick, control-breaking sniff of laughter from the girl, Maria, who was standing behind him.	Роберт Джордан услышал, как стоявшая позади него Мария прыснула со смеху:

"Tell us one more rumor, Fernandito," she said and then her shoulders shook again.	- Расскажи нам еще про какие-нибудь слухи, Фернандито, - сказала она, и плечи у нее опять затряслись.
"If I could remember, I would not," Fernando said.	- Даже если бы вспомнил, и то не стал бы рассказывать, - сказал Фернандо.
"It is beneath a man's dignity to listen and give importance to rumors."	- Не к лицу человеку обращать внимание на слухи.
"And with this we will save the Republic," the woman said.	- И вот такие будут спасать Республику! - сказала женщина.
"No. _You_ will save it by blowing bridges," Pablo told her.	- Нет, ты ее спасешь, взрывая мосты, - ответил ей Пабло.

"Go," said Robert Jordan to Anselmo and Rafael.	- Идите, - сказал Роберт Джордан Рафаэлю и Ансельмо.
"If you have eaten."	- Если вы уже поели.
"We go now," the old man said and the two of them stood up.	- Мы идем, - сказал старик, и они оба встали.
Robert Jordan felt a hand on his shoulder.	Чья-то рука легла Роберту Джордану на плечо.
It was Maria.	Это была Мария.

"Thou shouldst eat," she said and let her hand rest there.	- Ешь, - сказала она, не снимая руки.
"Eat well so that thy stomach can support more rumors."	- Ешь побольше, чтобы твой желудок легче переваривал слухи.

"The rumors have taken the place of the appetite."	- От этих слухов у меня аппетит пропал.
"No.	- Нет.
It should not be so.	Так не должно быть.
Eat this now before more rumors come."	Поешь, пока не дошли до нас новые слухи.
She put the bowl before him.	- Она поставила перед ним миску.
"Do not make a joke of me," Fernando said to her.	- Не подшучивай надо мной, - сказал Фернандо.
"I am thy good friend, Maria."	- Я ведь тебе друг, Мария.
"I do not joke at thee, Fernando.	- Я над тобой не подшучиваю, Фернандо.

I only joke with him and he should eat or he will be hungry."	Это я с ним шучу, чтоб он ел, а то останется голодным.
"We should all eat," Fernando said.	- Нам всем есть пора, - сказал Фернандо.
"Pilar, what passes that we are not served?"	- Пилар, что такое случилось, что нам не подают?
"Nothing, man," the woman of Pablo said and filled his bowl with the meat stew.	- Ничего, друг, - сказала жена Пабло и положила ему в миску тушеного мяса.
"Eat.	- Ешь.
Yes, that's what you _can_ do.	Хоть это ты умеешь.
Eat now."	Ешь, ешь!
"It is very good, Pilar," Fernando said, all dignity intact.	- Очень вкусное мясо, Пилар, - сказал Фернандо, не теряя своей важности.

"Thank you," said the woman.	- Спасибо, - сказала женщина.
"Thank you and thank you again."	- Спасибо и еще раз спасибо.
"Are you angry at me?" Fernando asked.	-Ты злишься на меня? - спросил Фернандо.
"No.	- Нет.
Eat.	Ешь.
Go ahead and eat."	Почему ты не ешь?
"I will," said Fernando.	- Я ем, - сказал Фернандо.
"Thank you."	- Спасибо.
Robert Jordan looked at Maria and her shoulders started shaking again and she looked away.	Роберт Джордан увидел, что у Марии опять затряслись плечи и она отвернулась в сторону.

Fernando ate steadily, a proud and dignified expression on his face, the dignity of which could not be affected even by the huge spoon that he was using or the slight dripping of juice from the stew which ran from the corners of his mouth.	Фернандо ел методично, с лица его не сходило важное и горделивое выражение; этой важности не нарушал даже вид огромной ложки, которой он орудовал, и струйки соуса, бежавшие по его подбородку.

"Do you like the food?" the woman of Pablo asked him.	- Так тебе нравится мясо? - спросила его жена Пабло.
"Yes, Pilar," he said with his mouth full.	- Да, Пилар, - сказал он с полным ртом.
"It is the same as usual."	- Оно такое, как всегда.

Robert Jordan felt Maria's hand on his arm and felt her fingers tighten with delight.	Рука Марии легла на локоть Роберта Джордана, и он почувствовал, что у нее даже пальцы дрожат от удовольствия.
"It is for _that_ that you like it?" the woman asked Fernando.	- Верно, потому оно тебе и нравится? - спросила у Фернандо женщина.
"Yes," she said.	- Да, - продолжала она.
"I see.	- Ну конечно.
The stew; as usual. Como siempre.	Мясо, как всегда, como siempre.
Things are bad in the north; as usual.	На севере дела плохи, как всегда.
An offensive here; as usual.	Наступление готовится, как всегда.
That troops come to hunt us out; as usual.	Солдаты идут гнать нас отсюда, как всегда.

You could serve as a monument to as usual."	Тебя бы памятником поставить на площади и написать: как всегда.
"But the last two are only rumors, Pilar."	- Да ведь это же только слухи, Пилар.
"Spain," the woman of Pablo said bitterly.	- Испания, - с горечью сказала жена Пабло.
Then turned to Robert Jordan. "Do they have people such as this in other countries?"	Потом повернулась к Роберту Джордану: - Есть такие люди в другой какой-нибудь стране?
"There are no other countries like Spain," Robert Jordan said politely.	- Нет другой такой страны, как Испания, -вежливо сказал Роберт Джордан.
"You are right," Fernando said.	-Ты прав, - сказал Фернандо.

"There is no other country in the world like Spain."	- Во всем свете нет другой такой страны.
"Hast thou ever seen any other country?" the woman asked him.	- А ты бывал в других странах? - спросила его женщина.
"Nay," said Fernando.	- Нет, - сказал Фернандо.
"Nor do I wish to."	- Не бывал и не хочу.
"You see?" the woman of Pablo said to Robert Jordan.	- Слыхал? - сказала женщина Роберту Джордану.
"Fernandito," Maria said to him. "Tell us of the time thee went to Valencia"	- Фернандито, - сказала Мария, - расскажи нам, как ты ездил в Валенсию.
"I did not like Valencia."	- Не понравилась мне Валенсия.

"Why?" Maria asked and pressed Robert Jordan's arm again.	- Почему? - спросила Мария и опять сжала локоть Роберта Джордана.
"Why did thee not like it?"	- Почему же она тебе не понравилась?
"The people had no manners and I could not understand them.	- Люди там невоспитанные и говорят так, что их не поймешь.
All they did was shout _che_ at one another."	Только и знают, что орут друг другу: che?

"Could they understand thee?" Maria asked.	- А они тебя понимали? - спросила Мария.
"They pretended not to," Fernando said.	- Понимали, только притворялись, что не понимают, - сказал Фернандо.
"And what did thee there?"	- Что же ты там делал, в Валенсии?

"I left without even seeing the sea," Fernando said.	- А я сразу и уехал, даже моря не посмотрел, -сказал Фернандо.
"I did not like the people."	- Люди мне там не понравились.
"Oh, get out of here, you old maid," the woman of Pablo said.	- Вон с моих глаз, ты, старая дева, - сказала ему жена Пабло.
"Get out of here before you make me sick.	- Вон, а то меня сейчас стошнит от тебя.
In Valencia I had the best time of my life. _Vamos!_ Valencia.	В Валенсии я провела самые прекрасные дни моей жизни. Vamos, Валенсия!
Don't talk to me of Valencia."	Не говорите мне о Валенсии.

"What did thee there?" Maria asked.	- А что ты там делала? - спросила Мария.
The woman of Pablo sat down at the table with a bowl of coffee, a piece of bread and a bowl of the stew.	Жена Пабло уселась за стол и поставила перед собой кружку кофе, хлеб и миску с мясом.
"_Que?_ what did we there.	- Que? Ты спроси, что мы там делали?
I was there when Finito had a contract for three fights at the Feria.	Я ездила туда с Финито, у него был контракт на три боя во время ярмарки.
Never have I seen so many people.	В жизни я не видела столько народу.
Never have I seen cafes so crowded.	В жизни не видела таких переполненных кафе.

For hours it would be impossible to get a seat and it was impossible to board the tram cars.	Часами надо было дожидаться столика, а в трамвай и вовсе не сядешь.
In Valencia there was movement all day and all night."	День и ночь там все кипело ключом, в Валенсии.
"But what did you do?" Maria asked.	- А что же ты там делала? - спросила Мария.
"All things," the woman said.	- Мало ли что, - сказала женщина.
"We went to the beach and lay in the water and boats with sails were hauled up out of the sea by oxen.	- Мы ходили на пляж, и лежали в воде, и смотрели, как быки вытаскивают из моря большие парусные лодки.

The oxen driven to the water until they must swim; then harnessed to the boats, and, when they found their feet, staggering up the sand.	Быков загоняют в море на большую глубину и там впрягают в лодки; и они спешат назад, на берег, сначала вплавь, а потом, как почуют дно под ногами, так чуть не бегом бегут.
Ten yokes of oxen dragging a boat with sails out of the sea in the morning with the line of the small waves breaking on the beach.	Утро, и маленькие волны бьются о берег, и десять пар быков тянут из моря лодку под всеми парусами.
That is Valencia."	Вот это и есть Валенсия.
"But what did thee besides watch oxen?"	- Что же ты еще делала, когда не смотрела на быков?
"We ate in pavilions on the sand.	- Мы завтракали в павильонах на пляже.

Pastries made of cooked and shredded fish and red and green peppers and small nuts like grains of rice.	Пирожки с жареной и мелкорубленой рыбой, и перцем, красным и зеленым, и маленькими орешками, похожими на зерна риса.
Pastries delicate and flaky and the fish of a richness that was incredible.	Тесто нежное и рассыпчатое, а рыба так и тает во р^{т}у.
Prawns fresh from the sea sprinkled with lime juice.	Креветки только что из воды, политые лимонным соком.
They were pink and sweet and there were four bites to a prawn.	Розовые и сладкие и такие крупные - раза четыре куснешь.
Of those we ate many.	Мы много их ели.

Then we ate _paella_ with fresh sea food, clams in their shells, mussels, crayfish, and small eels.	А еще мы ели paella из риса со всякой морской мелочью - рачками, моллюсками, ракушками, маленькими угрями.
Then we ate even smaller eels alone cooked in oil and as tiny as bean sprouts and curled in all directions and so tender they disappeared in the mouth without chewing.	Угрей мы еще ели отдельно, жаренных в масле, их не надо было даже разжевывать.
All the time drinking a white wine, cold, light and good at thirty centimos the bottle.	И пили мы при этом белое вино, холодное, легкое и очень вкусное, по тридцать сантимо бутылка.
And for an end, melon.	А на закуску - дыня.

That is the home of the melon."	Там ведь родина дынь.
"The melon of Castile is better," Fernando said.	- Кастильские дыни лучше, - сказал Фернандо.
"_Que va_," said the woman of Pablo.	- Que va, - сказала жена Пабло.
"The melon of Castile is for self abuse.	- Кастильские дыни - это только срам один.
The melon of Valencia for eating.	Если хочешь знать вкус дыни, возьми валенсийскую.
When I think of those melons long as one's arm, green like the sea and crisp and juicy to cut and sweeter than the early morning in summer.	Как вспомню эти дыни, длинные, точно рука от кисти до плеча, зеленые, точно море, и сочные, и хрустящие под ножом, а на вкус - слаще, чем летнее утро.

Aye, when I think of those smallest eels, tiny, delicate and in mounds on the plate.	А как вспомню этих угрей - крошечные, нежные, сложенные горкой на тарелке.
Also the beer in pitchers all through the afternoon, the beer sweating in its coldness in pitchers the size of water jugs."	Или пиво, которое мы пили с самого полудня из кружек с добрый кувшин величиной, такое холодное, что стекло всегда запотевало.
"And what did thee when not eating nor drinking?"	- А что ты делала, когда не пила и не ела?

"We made love in the room with the strip wood blinds hanging over the balcony and a breeze through the opening of the top of the door which turned on hinges.	- Мы любили друг друга в комнате, где на окнах висели шторы из тонких деревянных планок, а верхняя рама балконной двери откидывалась на петлях, и в комнату задувал легкий ветер.

We made love there, the room dark in the day time from the hanging blinds, and from the streets there was the scent of the flower market and the smell of burned powder from the firecrackers of the _traca_ that ran though the streets exploding each noon during the Feria.	Мы любили друг друга в этой комнате, где даже днем было темно от опущенных штор и, пахло цветами, потому что внизу был цветочный рынок, и еще пахло жженым порохом от шутих, которые то и дело взрывались во все время ярмарки.

It was a line of fireworks that ran through all the city, the firecrackers linked together and the explosions running along on poles and wires of the tramways, exploding with great noise and a jumping from pole to pole with a sharpness and a cracking of explosion you could not believe.	По всему городу тянулась traca - целая сеть фейерверочных петард, они все были соединены друг с другом и зажигались от трамвайных искр, и тогда по всем улицам стоял такой треск и грохот, что трудно даже представить себе.

"We made love and then sent for another pitcher of beer with the drops of its coldness on the glass and when the girl brought it, I took it from the door and I placed the coldness of the pitcher against the back of Finito as he lay, now, asleep, not having wakened when the beer was brought, and he said,	Мы любили друг друга, а потом опять посылали за пивом; служанка принесет запотевшие от холода кружки, а я приму их от нее в дверях и приложу холодное стекло к спине Финито, а тот спит и не слышит, как принесли пиво, и сквозь сон говорит:
'No, Pilar.	"Ну-у, Пилар.
No, woman, let me sleep.'	Ну-у, женщина, дай поспать".
And I said,	А я говорю:

'No, wake up and drink this to see how cold,' and he drank without opening his eyes and went to sleep again and I lay with my back against a pillow at the foot of the bed and watched him sleep, brown and dark-haired and young and quiet in his sleep, and drank the whole pitcher, listening now to the music of a band that was passing.	"Нет, ты проснись и выпей, посмотри, какое оно холодное", - и он выпьет, не раскрывая глаз, и опять заснет, а я сижу, прислонившись к подушке в ногах кровати, и смотрю, как он спит, смуглый и черноволосый, и молодой, и такой спокойный во сне, и одна выпиваю все пиво, слушая, как играет оркестр, проходящий по улице.
You," she said to Pablo.	А ты что? - сказала она Пабло.
"Do you know aught of such things?"	- Разве ты можешь это понимать?

"We have done things together," Pablo said.	- У нас с тобой тоже есть что вспомнить, - ответил Пабло.
"Yes," the woman said.	- Да, - сказала женщина.
"Why not?	- Да, конечно.
And thou wert more man than Finito in your time.	В свое время ты был даже больше мужчиной, чем Финито.
But never did we go to Valencia.	Но мы с тобой никогда не ездили в Валенсию.
Never did we lie in bed together and hear a band pass in Valencia."	Никогда мы не ложились в постель под звуки оркестра, проходящего по улицам Валенсии.
"It was impossible," Pablo told her.	- Мы не могли, - сказал ей Пабло.
"We have had no opportunity to go to Valencia.	- У нас не было случая поехать в Валенсию.

Thou knowest that if thou wilt be reasonable.	Ты сама это знаешь, только не хочешь подумать об этом.
But, with Finito, neither did thee blow up any train."	А зато с Финито тебе ни разу не случалось пустить под откос поезд.

"No," said the woman.	- Да, - сказала женщина.
"That is what is left to us.	- Только это нам теперь и осталось.
The train.	Поезд.
Yes.	Да.
Always the train.	Поезд, это верно.
No one can speak against that.	Против этого ничего не скажешь.

That remains of all the laziness, sloth and failure.	При всей лени, никчемности и слюнтяйстве.
That remains of the cowardice of this moment.	При всей теперешней трусости.
There were many other things before too. I do not want to be unjust.	Я не хочу быть несправедливой.
But no one can speak against Valencia either.	Но против Валенсии тоже ничего не скажешь.
You hear me?"	Слышите, что я говорю?
"I did not like it," Fernando said quietly.	- Мне она не понравилась, - невозмутимо сказал Фернандо.

"I did not like Valencia."	- Мне не понравилась Валенсия.
"Yet they speak of the mule as stubborn," the woman said.	- А еще говорят, мулы упрямы, - сказала женщина.
"Clean up, Maria, that we may go."	- Убирай посуду, Мария. Пора идти.
As she said this they heard the first sound of the planes returning.	И тут они услышали шум возвращающихся самолетов.
9	9
They stood in the mouth of the cave and watched them.	Они столпились у выхода из пещеры и следили за ними.

The bombers were high now in fast, ugly arrow-heads beating the sky apart with the noise of their motors.	Звенья бомбардировщиков, напоминавшие грозные разлатые наконечники стрел, шли теперь высоко и быстро, раздирая небо ревом своих моторов.
They _are_ shaped like sharks, Robert Jordan thought, the wide-finned, sharp-nosed sharks of the Gulf Stream.	Они, правда, похожи на акул, подумал Роберт Джордан, на акул Гольфстрима - остроносых, с широкими плавниками.
But these, wide-finned in silver, roaring, the light mist of their propellers in the sun, these do not move like sharks.	Но движутся они, сверкая на солнце серебром широких плавников и легкой дымкой пропеллеров, - эти движутся совсем по-другому, чем акулы.

They move like no thing there has ever been.	Их движение не похоже ни на что на свете.
They move like mechanized doom.	Они как механизированный рок.
You ought to write, he told himself.	Тебе надо писать, сказал он себе.
Maybe you will again some time.	Что ж, может быть, когда-нибудь опять примешься за это.
He felt Maria holding to his arm.	Он почувствовал, как Мария взяла его за локоть.

She was looking up and he said to her,	Она смотрела в небо, и он сказал ей:
"What do they look like to you, _guapa?_"	- Как по-твоему, guapa, на что они похожи?

"I don't know," she said.	- Не знаю, - сказала она.
"Death, I think."	- Должно быть, на смерть.
"They look like planes to me," the woman of Pablo said. "'Where are the little ones?"	- А по-моему, просто на самолеты, - сказала жена Пабло. - Куда же девались те, маленькие?
"They may be crossing at another part," Robert Jordan said.	- Наверно, перелетают через горы в другом месте, - сказал Роберт Джордан.
"Those bombers are too fast to have to wait for them and have come back alone.	- У бомбардировщиков скорость больше, поэтому они не ждут тех и возвращаются назад одни.
We never follow them across the lines to fight.	Мы их никогда не преследуем за линию фронта.

There aren't enough planes to risk it."	Машин мало, рисковать нельзя.
Just then three Heinkel fighters in V formation came low over the clearing coming toward them, just over the tree tops, like clattering, wing- tilting, pinch-nosed ugly toys, to enlarge suddenly, fearfully to their actual size; pouring past in a whining roar.	В эту минуту три истребителя типа "хейнкель", держа курс прямо на них, показались, покачивая крыльями, над самой прогалиной, чуть повыше деревьев, точно стрекочущие, тупоносые, уродливые игрушки, и вдруг с грозной стремительностью выросли до своей настоящей величины и умчались в подвывающем реве моторов.

They were so low that from the cave mouth all of them could see the pilots, helmeted, goggled, a scarf blowing back from behind the patrol leader's head.	Они прошли так низко, что все, кто стоял у входа в пещеру, увидели летчиков в очках и кожаных шлемах, увидели даже шарф, развевающийся за спиной у ведущего.
"_Those_ can see the horses," Pablo said.	- Эти могут заметить лошадей, - сказал Пабло.
"Those can see thy cigarette butts," the woman said.	- Эти и огонек твоей сигареты заметят, - сказала женщина.
"Let fall the blanket."	- Опустите попону.
No more planes came over.	Больше самолетов не было.

The others must have crossed farther up the range and when the droning was gone they went out of the cave into the open.	Остальные, должно быть, перелетели через горы в другом месте, и когда гул затих, все вышли из пещеры.
The sky was empty now and high and blue and clear.	Небо было теперь пустое, высокое, синее и чистое.
"It seems as though they were a dream that you wake from," Maria said to Robert Jordan.	- Как сон, от которого очнешься среди ночи, -сказала Мария Роберту Джордану.

There was not even the last almost unheard hum that comes like a finger faintly touching and leaving and touching again after the sound is gone almost past hearing.	Больше ничего не было слышно, даже того почти неуловимого жужжания, которое иногда остается, когда звук уже замер вдали, - будто кто-то слегка зажимает тебе пальцем ухо и отпускает, зажимает и снова отпускает.
"They are no dream and you go in and clean up," Pilar said to her.	- Никакой это не сон, и ты лучше пойди убери посуду, - сказала ей Пилар.

"What about it?" she turned to Robert Jordan.	- Ну как? - Она повернулась к Роберту Джордану.
"Should we ride or walk?"	- Поедем или пойдем пешком?

Pablo looked at her and grunted.	Пабло взглянул на нее и что-то буркнул.
"As you will," Robert Jordan said.	- Как хочешь, - сказал Роберт Джордан.
"Then let us walk," she said.	- Тогда пешком, - сказала она.
"I would like it for the liver."	- Это полезно для моей печени.
"Riding is good for the liver."	- Верховая езда тоже полезна для печени.
"Yes, but hard on the buttocks.	- Для печени полезна, а для зада вредна.
We will walk and thou--" She turned to Pablo. "Go down and count thy beasts and see they have not flown away with any."	Мы пойдем пешком, а ты... - она повернулась к Пабло, - сходи пересчитай своих кляч, не улетела ли какая.

"Do you want a horse to ride?" Pablo asked Robert Jordan.	- Дать тебе верховую лошадь? - спросил Пабло Роберта Джордана.
"No.	- Нет.
Many thanks.	Большое спасибо.
What about the girl?"	А как быть с девушкой?
"Better for her to walk," Pilar said.	- Ей тоже лучше прогуляться, - сказала Пилар.
"She'll get stiff in too many places and serve for nothing."	- А то натрудит себе всякие места и никуда не будет годиться.
Robert Jordan felt his face reddening.	Роберт Джордан почувствовал, что краснеет.
"Did you sleep well?" Pilar asked.	- Как ты спал, хорошо? - спросила Пилар.

Then said, "It is true that there is no sickness.	Потом сказала: - Болезней никаких нет - это верно.
There could have been.	А могли бы быть.
I know not why there wasn't.	Даже удивительно, как так получилось.
There probably still is God after all, although we have abolished Him.	Наверно, бог все-таки есть, хоть мы его и отменили.
Go on," she said to Pablo.	Ступай, ступай, - сказала она Пабло.
"This does not concern thee.	- Тебя это не касается.
This is of people younger than thee.	Это касается тех, кто помоложе.

Made of other material.	Кто из другого, чем ты, теста.
Get on."	Ступай!
Then to Robert Jordan, "Agustin is looking after thy things.	- Потом Роберту Джордану: - За твоими вещами присмотрит Агустин.
We go when he comes."	Он вернется, тогда мы пойдем.
It was a clear, bright day and warm now in the sun.	День был ясный, безоблачный, и солнце уже пригревало.

Robert Jordan looked at the big, brown-faced woman with her kind, widely set eyes and her square, heavy face, lined and pleasantly ugly, the eyes merry, but the face sad until the lips moved.	Роберт Джордан посмотрел на высокую смуглую женщину, на ее массивное, морщинистое и приятно некрасивое лицо, в ее добрые, широко расставленные глаза, - глаза веселые, а лицо печальное, когда губы не двигаются.
He looked at her and then at the man, heavy and stolid, moving off through the trees toward the corral.	Он посмотрел на нее, потом на Пабло, который шагал, коренастый, грузный, между деревьями к загону.
The woman, too, was looking after him.	Женщина тоже смотрела ему вслед.
"Did you make love?" the woman said.	- Ну, слюбились? - спросила женщина.
"What did she say?"	- А что она тебе сказала?

"She would not tell me."	- Она ничего не сказала.
"I neither."	- Я тоже не скажу.
"Then you made love," the woman said.	- Значит, слюбились.
"Be as careful with her as you can."	Ты береги ее.
"What if she has a baby?"	- А что, если будет ребенок?
"That will do no harm," the woman said.	- Это не беда, - сказала женщина.
"That will do less harm."	- Это еще не беда.
"This is no place for that."	- Здесь для этого не место.
"She will not stay here.	- Она здесь не останется.

She will go with you."	Она пойдет с тобой.
"And where will I go?	- А куда я пойду?
I can't take a woman where I go."	Туда, куда я пойду, женщину брать нельзя.
"Who knows?	- Как знать.
You may take two where you go."	Может быть, туда, куда ты пойдешь, можно и двух взять.
"That is no way to talk."	- Не надо так говорить.
"Listen," the woman said.	- Слушай, - сказала женщина.
"I am no coward, but I see things very clearly in the early morning and I think there are many that we know that are alive now who will never see another Sunday."	- Я не трусиха, но по утрам я все вижу ясно, вот мне и думается, что многие из тех, кто сейчас жив, не дождутся следующего воскресенья.

"In what day are we?"	- А какой сегодня день?
"Sunday."	- Воскресенье.
"_Que va_," said Robert Jordan.	- Que va, - сказал Роберт Джордан.
"Another Sunday is very far.	- До следующего воскресенья еще долго.
If we see Wednesday we are all right.	Если среды дождемся, и то хорошо.
But I do not like to hear thee talk like this."	Но мне не нравится, что ты так говоришь.

"Every one needs to talk to some one," the woman said.	- Нужно же человеку иногда поговорить, - сказала женщина.
"Before we had religion and other nonsense.	- Раньше у нас была религия и прочие глупости.

Now for every one there should be some one to whom one can speak frankly, for all the valor that one could have one becomes very alone."	А теперь надо, чтобы у каждого был кто-нибудь, с кем можно поговорить по душам, потому что отвага отвагой, а одиночество свое все-таки чувствуешь.
"We are not alone.	- У нас нет одиноких.
We are all together."	Мы все вместе.
"The sight of those machines does things to one," the woman said.	- Когда видишь такие машины, это даром не проходит, - сказала женщина.
"We are nothing against such machines."	- Что мы против таких машин!
"Yet we can beat them."	- А все-таки мы их бьем.

"Look," the woman said.	- Слушай, - сказала женщина.
"I confess a sadness to you, but do not think I lack resolution.	- Я призналась тебе в своих печальных мыслях, но ты не думай, что у меня не хватит решимости.
Nothing has happened to my resolution."	Моя решимость как была, так и осталась.
"The sadness will dissipate as the sun rises. It is like a mist."	- Печальные мысли - как туман. Взошло солнце -и они рассеялись.
"Clearly," the woman said.	- Ладно, - сказала женщина.
"If you want it that way.	- Пусть будет по-твоему.

Perhaps it came from talking that foolishness about Valencia.	Может быть, это у меня от того, что я наговорила всякой чепухи про Валенсию.
And that failure of a man who has gone to look at his horses.	Или вон тот меня довел, - вон тот, конченый, что торопится посмотреть на своих лошадей.
I wounded him much with the story.	Я его очень обидела своими россказнями.
Kill him, yes.	Убить его можно.
Curse him, yes.	Обругать можно.
But wound him, no."	Но обижать нельзя.
"How came you to be with him?"	- Как это случилось, что вы вместе?
"How is one with any one?	- А как это всегда случается?

In the first days of the movement and before too, he was something. Something serious.	До войны и в первые дни войны он был человеком, настоящим человеком.
But now he is finished.	А теперь его песенка спета.
The plug has been drawn and the wine has all run out of the skin."	Затычку вынули, и все вино вытекло из бурдюка.
"I do not like him."	- Мне он не нравится.
"Nor does he like you, and with reason.	-Ты ему тоже не нравишься, и не зря.
Last night I slept with him."	Я ночью спала с ним.

She smiled now and shook her head. " _Vamos a ver_," she said.	- Она улыбнулась и покачала головой. - Vamos a ver, - сказала она.

"I said to him,	- Я говорю ему:
'Pablo, why did you not kill the foreigner?'	"Пабло, почему ты не убил этого иностранца?"
"'He's a good boy, Pilar,' he said.	А Пабло мне: "Он неплохой, Пилар.
'He's a good boy.'	Он малый неплохой".
"So I said,	А я ему говорю:
' You understand now that I command?'	"Ты теперь понимаешь, что командую я?" -
"'Yes, Pilar.	"Да. Пилар.
Yes,' he said.	Да".
Later in the night I hear him awake and he is crying.	Потом среди ночи слышу - он не спит и плачет.

He is crying in a short and ugly manner as a man cries when it is as though there is an animal inside that is shaking him.	Некрасиво плачет, весь дергается. Мужчины всегда так, точно у них какой-то зверь сидит внутри и трясет их.
"'What passes with thee, Pablo?' I said to him and I took hold of him and held him.	Я спрашиваю: "Что с тобой, Пабло?" Взяла его за плечи и повернула к себе.
"'Nothing, Pilar. Nothing.'	"Ничего, Пилар... Ничего". -
"'Yes. Something passes with thee.'	"Неправда. Что-то с тобой случилось". -
"'The people,' he said. 'The way they left me. The _gente_.'	"Люди, говорит, gente . Они все от меня отступились".
"'Yes, but they are with me,' I said, 'and I am thy woman.'	Я говорю: "Но ведь они со мной. А я твоя жена". -

"'Pilar,' he said, 'remember the train.'	"Пилар, говорит, не забывай про поезд".
Then he said,	Потом:
'May God aid thee, Pilar.'	"Да поможет тебе господь, Пилар".
"'What are you talking of God for?' I said to him. 'What way is that to speak?'	Я ему говорю: "Что это еще за разговоры? Разве можно бога поминать?" -
"'Yes,' he said.	"Можно, - говорит.
' God and the Virgen.'	- Да поможет тебе господь и пресвятая дева".
"'_Que va_, God and the _Virgen_,' I said to him.	Я говорю: "А ну их, и твою пресвятую деву, и бога!
' Is that any way to talk?'	Что это за разговоры?" -

"'I am afraid to die, Pilar,' he said. '_Tengo miedo de morir .	"Я боюсь умереть, Пилар. Tengo miedo de morir.
Dost thou understand?'	Понимаешь? Боюсь!" Я говорю:
"'Then get out of bed,' I said to him.	"Тогда вылезай отсюда.
'There is not room in one bed for me and thee and thy fear all together.'	Тут нам места не хватит, в одной постели. Мне, тебе да еще твоему страху".

"Then he was ashamed and was quiet and I went to sleep but, man, he's a ruin."	Тогда ему стало стыдно, и он замолчал, а я заснула, но его дело кончено, друг, кончено.
Robert Jordan said nothing.	Роберт Джордан молчал.

"All my life I have had this sadness at intervals," the woman said.	- Вот так у меня всю жизнь - нет-нет и вдруг станет грустно, - сказала женщина.
"But it is not like the sadness of Pablo.	- Но это не такая грусть, как у Пабло.
It does not affect my resolution."	Мою решимость она не задевает.
"I believe that."	-Я в тебе не сомневаюсь.
"It may be it is like the times of a woman," she said.	- Может быть, это как у всех, женщин в известное время, - сказала она.
"It may be it is nothing," she paused, then went on.	- А может быть, так - пустяки. - Она помолчала, потом заговорила снова.
"I put great illusion in the Republic.	- Я многого жду от Республики.

I believe firmly in the Republic and I have faith.	Я твердо верю в Республику, вера во мне есть.
I believe in it with fervor as those who have religious faith believe in the mysteries."	Я верю в нее горячо, как набожные люди верят в чудеса.
"I believe you."	-Я в тебе не сомневаюсь.
"And you have this same faith?"	- А ты сам веришь?
"In the Republic?"	- В Республику?
"Yes."	-Да.
"Yes," he said, hoping it was true.	- Да, - сказал он, надеясь, что это правда.
"I am happy," the woman said.	- Я рада это слышать, - сказала женщина.

"And you have no fear?"	- А страха в тебе нет?
"Not to die," he said truly.	- Смерти я не боюсь, - сказал он, и это была правда.
"But other fears?"	- А чего ты боишься?
"Only of not doing my duty as I should."	- Боюсь, что я не выполню своего долга так, как его следует выполнить.
"Not of capture, as the other had?"	- А того не боишься, чего тот, другой, боялся? Плена.
"No," he said truly.	- Нет, - сказал он совсем искренне.
"Fearing that, one would be so preoccupied as to be useless."	- Если этого бояться, так больше ни о чем не сможешь думать и никакой пользы от тебя не будет.

"You are a very cold boy."	- Холодный ты человек.
"No," he said.	- Нет, - сказал он.
"I do not think so."	- Думаю, что нет.
"No.	-Да.
In the head you are very cold."	Голова у тебя очень холодная.

"It is that I am very preoccupied with my work."	- Это потому, что я много думаю о своей работе.
"But you do not like the things of life?"	- А все другое, что есть в жизни, ты разве не любишь?
"Yes.	- Люблю.
Very much.	Даже очень.

But not to interfere with my work."	Только чтобы это не мешало работе.
"You like to drink, I know.	- Пить ты любишь, я знаю.
I have seen."	Я видела.
"Yes.	-Да.
Very much.	Очень люблю.
But not to interfere with my work."	Только чтобы это не мешало работе.
"And women?"	- А женщин?
"I like them very much, but I have not given them much importance."	- Женщин я очень люблю, но это никогда не было самым главным.
"You do not care for them?"	- Они для тебя ничего не значат?
"Yes.	- Нет, значат.

But I have not found one that moved me as they say they should move you."	Но я еще не встречал такой женщины, которая захватила бы меня целиком, а говорят, это бывает.
"I think you lie."	- По-моему, ты лжешь.
"Maybe a little."	- Может быть - немножко.
"But you care for Maria."	- Но ведь Марию ты полюбил?
"Yes.	-Да.
Suddenly and very much."	Сразу и очень крепко.
"I, too.	-Я ее тоже люблю.
I care for her very much.	Очень люблю.
Yes.	Да.
Much."	Очень.

"I, too," said Robert Jordan, and could feel his voice thickening.	- Я тоже, - сказал Роберт Джордан и почувствовал, что голос у него звучит глухо.
"I, too.	- Да
Yes."	Я тоже.
It gave him pleasure to say it and he said it quite formally in Spanish. "I care for her very much."	- Ему было приятно говорить это, и он еще раз произнес эту фразу, такую церемонную по-испански: - Я ее очень сильно люблю.
"I will leave you alone with her after we have seen El Sordo."	- Я оставлю вас вдвоем, после того как мы побываем у Эль Сордо.
Robert Jordan said nothing.	Роберт Джордан помолчал.
Then he said,	Потом ответил:

"That is not necessary."	- Это не нужно.
"Yes, man.	- Нет, друг.
It is necessary.	Нужно.
There is not much time."	Времени осталось немного!
"Did you see that in the hand?" he asked.	-Ты прочитала это у меня на руке? - спросил он.
"No.	- Нет.
Do not remember that nonsense of the hand."	Забудь про свою руку - это все глупости.
She had put that away with all the other things that might do ill to the Republic.	Она хотела отбросить это, как и многое другое, что могло повредить Республике.
Robert Jordan said nothing.	Роберт Джордан промолчал.

He was looking at Maria putting away the dishes inside the cave.	Он смотрел, как Мария убирает в пещере посуду.
She wiped her hands and turned and smiled at him.	Она вытерла руки, повернула голову и улыбнулась ему.
She could not hear what Pilar was saying, but as she smiled at Robert Jordan she blushed dark under the tawny skin and then smiled at him again.	Ей не было слышно, что говорила Пилар, но, улыбнувшись Роберту Джордану, она покраснела так густо, что румянец проступил сквозь ее смуглую кожу, и снова улыбнулась.
"There is the day also," the woman said.	- Есть еще день, - сказала женщина.
"You have the night, but there is the day, too.	- У вас есть ночь, но еще есть, и день.

Clearly, there is no such luxury as in Valencia in my time.	Конечно, такой роскоши, какая была в мое время в Валенсии, вам не видать.
But you could pick a few wild strawberries or something."	Но землянику или другую лесную ягоду и здесь можно найти.
She laughed.	- Она засмеялась.
Robert Jordan put his arm on her big shoulder.	Роберт Джордан положил руку на ее широкое плечо.
"I care for thee, too," he said.	- Тебя я тоже люблю, - сказал он.
"I care for thee very much."	- Я тебя очень люблю.
"Thou art a regular Don Juan Tenorio," the woman said, embarrassed now with affection.	- Ты настоящий Дон-Жуан, - сказала женщина, стараясь не показать, что она растрогана.

"There is a commencement of caring for every one.	- Так недолго и всех полюбить.
Here comes Agustin."	А вон идет Агустин.
Robert Jordan went into the cave and up to where Maria was standing.	Роберт Джордан вошел в пещеру и направился прямо к Марии.
She watched him come toward her, her eyes bright, the blush again on her cheeks and throat.	Она смотрела на него, и глаза у нее блестели, а лицо и шея снова залились краской.
"Hello, little rabbit," he said and kissed her on the mouth.	- Здравствуй, зайчонок, - сказал он и поцеловал ее в губы.

She held him tight to her and looked in his face and said,	Она крепко прижала его к себе, посмотрела ему в лицо и сказала:

"Hello.	- Здравствуй!
Oh, hello.	Ох, здравствуй!
Hello."	Здравствуй!
Fernando, still sitting at the table smoking a cigarette, stood up, shook his head and walked out, picking up his carbine from where it leaned against the wall.	Фернандо, все еще покуривавший за столом, теперь встал, покачал головой и вышел из пещеры, захватив по дороге свой карабин, приставленный к стене.
"It is very unformal," he said to Pilar.	- По-моему, это очень неприлично, - сказал он Пилар.
"And I do not like it.	- И мне это не нравится.
You should take care of the girl."	Ты должна следить за девушкой.
"I am," said Pilar.	-Я и слежу, - сказала Пилар.

"That comrade is her novio ."	- Этот товарищ - ее novio.
"Oh," said Fernando.	-О, - сказал Фернандо.
"In that case, since they are engaged, I encounter it to be perfectly normal."	- Ну, раз они помолвлены, тогда это в порядке вещей.
"I am pleased," the woman said.	- Рада слышать, - сказала женщина.
"Equally," Fernando agreed gravely. "_Salud_, Pilar."	- Я тоже очень рад, - важно сказал Фернандо. - Salud, Пилар.
"Where are you going?"	-Ты куда?
"To the upper post to relieve Primitivo."	- На верхний пост, сменить Примитиво.

"Where the hell are you going?" Agustin asked the grave little man as he came up.	- Куда тебя черти несут? - спросил важного маленького человечка Агустин.
"To my duty," Fernando said with dignity.	- Исполнять свой долг, - с достоинством сказал Фернандо.
"Thy duty," said Agustin mockingly.	- Долг! - насмешливо проговорил Агустин.
"I besmirch the milk of thy duty."	- Плевать на твой долг!
Then turning to the woman, "Where the un-nameable is this vileness that I am to guard?"	- Потом, повернувшись к женщине: - Где же это дерьмо, которое я должен караулить?
"In the cave," Pilar said.	- В пещере, - сказала Пилар.
"In two sacks.	- Два мешка.

And I am tired of thy obscenity." "I obscenity in the milk of thy tiredness," Agustin said. "Then go and befoul thyself," Pilar said to him without heat.	И сил моих больше нет слушать твою похабщину.
"Thy mother," Agustin replied.	- Твою мать, - сказал Агустин.

"Thou never had one," Pilar told him, the insults having reached the ultimate formalism in Spanish in which the acts are never stated but only implied.	- Своей-то у тебя никогда и не было, - беззлобно сказала Пилар, поскольку этот обмен любезностями уже дошел до той высшей ступени, на которой в испанском языке действия никогда не констатируются, а только подразумеваются.

"What are they doing in there?" Agustin now asked confidentially.	- Что это они там делают? - теперь уже вполголоса спросил Агустин.
"Nothing," Pilar told him. "_Nada_.	- Ничего, - ответила ему Пилар. - Nada.
We are, after all, in the spring, animal."	Ведь как-никак, а сейчас весна, скотина.
"Animal," said Agustin, relishing the word.	- Скотина, - повторил Агустин, смакуя это слово.
"Animal.	- Скотина.
And thou.	А ты сама-то?
Daughter of the great whore of whores.	Отродье самой что ни на есть сучьей суки.
I befoul myself in the milk of the springtime."	И плевал я на весну, так ее и так!

Pilar slapped him on the shoulder.	Пилар хлопнула его по плечу.
"You," she said, and laughed that booming laugh.	- Эх ты, - сказала она и засмеялась своим гулким смехом.
"You lack variety in your cursing.	- Все ругательства у тебя на один лад.
But you have force.	Но выходит крепко.
Did you see the planes?"	Ты видал самолеты?
"I un-name in the milk of their motors," Agustin said, nodding his head and biting his lower lip.	- Наблевал я в их моторы, - сказал Агустин, утвердительно кивнув головой, и закусил нижнюю губу.
"That's something," Pilar said.	- Здорово! - сказала Пилар.
"That is really something.	- Это здорово!

But really difficult of execution."	Только сделать трудно.
"At that altitude, yes," Agustin grinned. "_Desde luego_.	- Да, слишком высоко добираться. - Агустин ухмыльнулся. - Desde luego.
But it is better to joke."	Но почему не пошутить?
"Yes," the woman of Pablo said.	- Да, - сказала жена Пабло.
"It is much better to joke, and you are a good man and you joke with force."	- Почему не пошутить? Человек ты хороший, и шутки у тебя крепкие.
"Listen, Pilar," Agustin said seriously.	- Слушай, Пилар, - серьезно сказал Агустин.
"Something is preparing.	- Что-то готовится.
It is not true?"	Ведь верно?

"How does it seem to you?"	- Ну, и что ты на это скажешь?
"Of a foulness that cannot be worse.	- Скажу, что хуже некуда.
Those were many planes, woman.	Самолетов было много, женщина.
Many planes."	Очень много.

"And thou hast caught fear from them like all the others?"	- И ты испугался их, как все остальные?
"_Que va_," said Agustin.	- Que va, - сказал Агустин.
"What do you think they are preparing?"	- Как ты думаешь, что там готовится?
"Look," Pilar said.	- Слушай, - сказала Пилар.

"From this boy coming for the bridges obviously the Republic is preparing an offensive.	- Судя по тому, что этот Ingles пришел сюда взрывать мост, Республика готовит наступление.
From these planes obviously the Fascists are preparing to meet it.	Судя по этим самолетам, фашисты готовятся отразить его.
But why show the planes?"	Но зачем показывать самолеты раньше времени?
"In this war are many foolish things," Agustin said.	- В этой войне много бестолочи, - сказал Агустин.
"In this war there is an idiocy without bounds."	- В этой войне деваться некуда от глупости.
"Clearly," said Pilar.	- Правильно, - сказала Пилар.

"Otherwise we could not be here."	- Иначе мы бы здесь не сидели.
"Yes," said Agustin.	- Да, - сказал Агустин.
"We swim within the idiocy for a year now.	- Мы барахтаемся в этой глупости вот уже целый год.
But Pablo is a man of much understanding.	Но Пабло - он не дурак.
Pablo is very wily."	Пабло - он изворотливый.
"Why do you say this?"	- Зачем ты это говоришь?
"I say it."	- Говорю - и все.
"But you must understand," Pilar explained.	- Но пойми ты, - старалась втолковать ему Пилар.

"It is now too late to be saved by wiliness and he has lost the other."	- Изворотливостью теперь уже не спасешься, а у него ничего другого не осталось.
"I understand," said Agustin.	- Я понимаю, - сказал Агустин.
"I know we must go.	- Я знаю, что нам пути назад нет.
And since we must win to survive ultimately, it is necessary that the bridges must be blown.	А раз уцелеть мы можем, только если выиграем войну, значит, надо взрывать мосты.
But Pablo, for the coward that he now is, is very smart."	Но Пабло хоть и стал трусом, а все-таки он хитрый.
"I, too, am smart."	- Я тоже хитрая.
"No, Pilar," Agustin said.	- Нет, Пилар, - сказал Агустин.

"You are not smart.	- Ты не хитрая.
You are brave.	Ты смелая.
You are loyal.	Ты верный человек.
You have decision.	Решимость у тебя есть.
You have intuition.	Чутье у тебя есть.
Much decision and much heart.	Решимость у тебя большая и сердце большое.

But you are not smart."	Но хитрости в тебе нет.
"You believe that?" the woman asked thoughtfully.	- Ты в этом уверен? - задумчиво спросила женщина.
"Yes, Pilar."	- Да, Пилар.
"The boy is smart," the woman said.	- А Ingles хитрый, - сказала женщина.

"Smart and cold.	- Хитрый и холодный.
Very cold in the head."	Голова у него холодная.
"Yes," Agustin said.	- Да, - сказал Агустин.
"He must know his business or they would not have him doing this.	- Он свое дело знает, иначе его не прислали бы сюда.
But I do not know that he is smart.	Но хитер ли он, я не берусь судить.
Pablo I _know_ is smart."	А Пабло хитрый - это я знаю.
"But rendered useless by his fear and his disinclination to action."	- Но теперь он ни на что не пригоден и от страху с места не сдвинется.
"But still smart."	- Но все-таки хитрый.
"And what do you say?"	- Ну, что ты скажешь еще?

"Nothing.	- Ничего.
I try to consider it intelligently.	Тут надо подойти с умом.
In this moment we need to act with intelligence.	Сейчас такое время, что действовать надо с умом.
After the bridge we must leave at once.	После моста нам придется уходить из этих мест.
All must be prepared.	Нужно все подготовить.
We must know for where we are leaving and how."	Мы должны знать, куда уходить и как уходить.
"Naturally."	- Правильно.
"For this--Pablo.	- Для этого - Пабло.
It must be done smartly."	Тут нужна хитрость.

"I have no confidence in Pablo."	-Я не доверяю Пабло.
"In this, yes."	- В этом можно на него положиться.
"No.	- Нет.
You do not know how far he is ruined."	Ты не знаешь, какой он стал.
"_Pero es muy vivo_.	- Pero es muy vivo.
He is very smart.	Он очень хитрый.
And if we do not do this smartly we are obscenitied."	А если тут не схитрить, будем сидеть по уши в дерьме.
"I will think about it," Pilar said.	-Я об этом подумаю, - сказала Пилар.
"I have the day to think about it."	- У меня целый день впереди.

"For the bridges; the boy," Agustin said.	- Мосты - это пусть иностранец, - сказал Агустин.
"This he must know.	- Они это дело знают.

Look at the fine manner in which the other organized the train."	Помнишь, как тот все ловко устроил с поездом?
"Yes," Pilar said.	- Да, - сказала Пилар.
"It was really he who planned all."	- Он тут был всему голова.
"You for energy and resolution," Agustin said.	- Где нужна сила и решимость - это уж по твоей части, - сказал Агустин.
"But Pablo for the moving.	- Но что касается ухода - это пусть Пабло.

Pablo for the retreat.	Отступление - это пусть Пабло.
Force him now to study it."	Заставь его подумать об этом.
"You are a man of intelligence."	- А ты не дурак.
"Intelligent, yes," Agustin said.	- Да, я не дурак, - сказал Агустин.
"But _sin picardia_.	- Только sin picardia.
Pablo for that."	Где нужна picardia, там пусть Пабло.
"With his fear and all?"	- Несмотря на все его страхи?
"With his fear and all."	- Несмотря на все его страхи.
"And what do you think of the bridges?"	- А что ты думаешь про мост?
"It is necessary.	- Это нужно.

That I know.	Я знаю.
Two things we must do.	Мы должны сделать две вещи.
We must leave here and we must win.	Мы должны уйти отсюда, и мы должны выиграть войну.
The bridges are necessary if we are to Win."	А чтобы выиграть войну, без этого дела с мостом не обойдешься.
"If Pablo is so smart, why does he not see that?"	- Если Пабло такой хитрый, почему он сам этого не понимает?
"He wants things as they are for his own weakness.	- Он слаб и хочет, чтобы все оставалось так, как есть.
He wants tO stay in the eddy of his own weakness.	Ему бы крутиться на месте, как в водовороте.

But the river is rising. Forced to a change, he will be smart in the change. _Es muy vivo_."	Но вода прибывает, его сорвет с места, и он волей-неволей пустит в ход свою хитрость.
"It is good that the boy did not kill him."	- Хорошо, что Ingles не убил его.
"_Que va_.	- Que va.
The gypsy wanted me to kill him last night.	Вчера вечером цыган пристал ко мне, чтобы я его убил.
The gypsy is an animal."	Цыган - скотина.
"You're an animal, too," she said.	-Ты тоже скотина, - сказала она.
"But intelligent."	- Но не дурак.
"We are both intelligent," Agustin said.	- Да, мы с тобой оба не дураки, - сказал Агустин.

"But the talent is Pablo!"	- Но Пабло - у него дар.
"But difficult to put up with.	- Только поладить с Пабло нелегко.
You do not know how ruined."	Ты не знаешь, каким он стал.
"Yes.	-Да.
But a talent.	Но у него дар.
Look, Pilar. To make war all you need is intelligence.	Слушай, чтобы воевать - достаточно не быть дураком.
But to win you need talent and material."	Но чтобы выиграть войну - нужен дар и средства.
"I will think it over," she said.	- Я это все обдумаю, - сказала она.
"We must start now.	- А теперь нам пора идти.

We are late."	Мы и так уже запаздываем.
Then, raising her voice, "English!" she called. "_Ingles!_ Come on! Let us go."	- Потом, повысив голос, крикнула: - Англичанин! Ingles! Пойдем, нам пора!
10	10
"Let us rest," Pilar said to Robert Jordan.	- Давайте отдохнем, - сказала Пилар Роберту Джордану.
"Sit down here, Maria, and let us rest."	- Садись, Мария, отдохнем.
"We should continue," Robert Jordan said.	- Нет, пойдемте дальше, - сказал Роберт Джордан.
"Rest when we get there.	- Отдыхать будем на месте.
I must see this man."	Мне надо поговорить с этим человеком.

"You will see him," the woman told him.	- И поговоришь, - сказала ему женщина.
"There is no hurry.	- Торопиться некуда.
Sit down here, Maria."	Садись, Мария.
"Come on," Robert Jordan said.	- Пошли, - сказал Роберт Джордан.
"Rest at the top."	- Отдохнем наверху.
"I rest now," the woman said, and sat down by the stream.	- А я хочу отдыхать сейчас, - сказала женщина, садясь у ручья.
The girl sat by her in the heather, the sun shining on her hair.	Девушка опустилась рядом с ней в густой вереск, и солнце заиграло у нее в волосах.

Only Robert Jordan stood looking across the high mountain meadow with the trout brook running through it.	Один Роберт Джордан все еще стоял, глядя на горный луг и пересекавший его ручей, где, наверно, водились форели.
There was heather growing where he stood.	Здесь вереск доходил Роберту Джордану до колен.
There were gray boulders rising from the yellow bracken that replaced the heather in the lower part of the meadow and below was the dark line of the pines.	Дальше он уступал место желтому дроку, среди которого торчали большие валуны, а еще дальше шла темная линия сосен.
"How far is it to El Sordo's?" he asked.	- Далеко нам еще до лагеря Эль Сордо? - спросил Роберт Джордан.

"Not far," the woman said.	- Нет, недалеко, - сказала женщина.

"It is across this open country, down into the next valley and above the timber at the head of the stream.	- Пройдем этот луг, спустимся в долину, а потом вон в тот лес, что выше по ручью.
Sit thee down and forget thy seriousness."	Садись и забудь свои серьезные мысли.
"I want to see him and get it over with."	- Я хочу поговорить с ним, и чтобы с этим было покончено.
"I want to bathe my feet," the woman said and, taking off her rope-soled shoes and pulling off a heavy wool stocking, she put her right foot into the stream.	-А я хочу вымыть ноги, - сказала женщина и, сняв сандалии и толстый шерстяной чулок, сунула правую ногу в ручей.

"My God, it's cold."	- Ух, как холодно!
"We should have taken horses," Robert Jordan told her.	- Надо было ехать верхом, - сказал Роберт Джордан.
"This is good for me," the woman said.	- А мне полезно прогуляться, - сказала женщина.
"This is what I have been missing.	- Мне этого как раз недоставало.
What's the matter with you?"	Чего ты?
"Nothing, except that I am in a hurry."	- Ничего, просто тороплюсь.
"Then calm yourself.	- Тогда успокойся.
There is much time.	Времени у нас много.
What a day it is and how I am contented not to be in pine trees.	А день-то какой хороший, и как я рада, что здесь нет сосен.

You cannot imagine how one can tire of pine trees.	Ты даже не знаешь, как эти сосны могут надоесть.
Aren't you tired of the pines, _guapa?_"	Тебе не надоели сосны, guapa?
"I like them," the girl said.	- Я люблю их, - сказала девушка.
"What can you like about them?"	- За что же ты их любишь?
"I like the odor and the feel of the needles under foot.	- Люблю запах, люблю, когда под ногами сосновые иглы.
I like the wind in the high trees and the creaking they make against each other."	Люблю, когда ветер качает высокие сосны, а они поскрипывают.
"You like anything," Pilar said.	-Ты все любишь, - сказала Пилар.

"You are a gift to any man if you could cook a little better.	- Такая жена прямо клад, особенно если еще подучится стряпать.
But the pine tree makes a forest of boredom.	В сосновом лесу скука смертная.
Thou hast never known a forest of beech, nor of oak, nor of chestnut.	Ты не видела ни дубняка, ни бука, ни каштанов.
Those are forests.	Вот это леса!
In such forests each tree differs and there is character and beauty.	В таких лесах все деревья разные, каждое дерево само по себе, и у каждого своя красота.
A forest of pine trees is boredom.	А в сосновом - смертная скука.
What do you say, Ingles?"	Ты как скажешь, Ingles?
"I like the pines, too."	- Я тоже люблю сосны.

"_Pero, venga_," Pilar said.	- Pero venga? - сказала Пилар.
"Two of you.	- Будто сговорились.
So do I like the pines, but we have been too long in these pines.	Я и сама люблю сосны. Но мы слишком засиделись здесь, в этих соснах.
Also I am tired of the mountains.	И горы мне надоели.
In mountains there are only two directions. Down and up and down leads only to the road and the towns of the Fascists."	В горах есть только два пути - вверх да вниз, а вниз - это только к дороге и к фашистским городам.
"Do you ever go to Segovia?"	-Ты когда-нибудь ходишь в Сеговию?
"_Que va_.	- Que va.
With this face?	С моим-то лицом?

This is a face that is known.	Такое лицо раз увидишь, навсегда запомнишь.
How would you like to be ugly, beautiful one?" she said to Maria.	Хотела бы ты быть уродиной, моя красавица? -спросила она Марию.
"Thou art not ugly."	-Ты не уродина.
"_Vamos_, I'm not ugly.	- Vamos, не уродина.
I was born ugly.	Я уродиной родилась.
All my life I have been ugly.	И всю жизнь была уродиной.
You, _Ingles_, who know nothing about women.	Ты, Ingles, ничего не понимаешь в женщинах.
Do you know how an ugly woman feels?	Ты знаешь, каково это женщине - быть безобразной?

Do you know what it is to be ugly all your life and inside to feel that you are beautiful?	Знаешь, каково это - быть уродиной всю жизнь, а чувствовать себя красивой?
It is very rare," she put the other foot in the stream, then removed it.	Чудное это чувство. - Она сунула в воду другую ногу и тут же отдернула ее.
"God, it's cold.	- Ух, как холодно!
Look at the water wagtail," she said and pointed to the gray ball of a bird that was bobbing up and down on a stone up the stream.	А вон трясогузка. - Она показала на серую пичужку, прыгавшую на камне выше по ручью.
"Those are no good for anything.	- Что за птица!
Neither to sing nor to eat.	И петь не поет, и в пищу не годится.

Only to jerk their tails up and down.	Дергает хвостом, только и всего.
Give me a cigarette, _Ingles_," she said and taking it, lit it from a flint and steel lighter in the pocket of her skirt.	Дай мне покурить, Ingles, - сказала она, взяла папиросу, вынула из кармана кофты кремень и огниво и закурила.
She puffed on the cigarette and looked at Maria and Robert Jordan.	Она попыхивала папиросой и смотрела на Марию и на Роберта Джордана.
"Life is very curious," she said, and blew smoke from her nostrils.	- Чудная штука жизнь, - сказала она и выпустила дым через ноздри.

"I would have made a good man, but I am all woman and all ugly.	- Из меня бы получился хороший мужчина, а я женщина, и к тому же уродливая.

Yet many men have loved me and I have loved many men.	Но меня многие любили, и я многих любила.
It is curious.	Чудно!
Listen, _Ingles_, this is interesting.	Слушай, Ingles, это интересно.
Look at me, as ugly as I am.	Посмотри на меня, на уродину.
Look closely, _Ingles_."	Смотри внимательней.
"Thou art not ugly."	-Ты не уродина.
" Que no? Don't lie to me.	- Que no? Не лги.
Or," she laughed the deep laugh. "Has it begun to work with thee?	Или... - она засмеялась своим грудным смехом, -или тебя тоже начинает пронимать?
No.	Нет.

That is a joke.	Я пошутила.
No.	Нет.
Look at the ugliness.	Смотри, ведь я уродина.
Yet one has a feeling within one that blinds a man while he loves you.	А все же и в уродине бывает что-то такое, от чего мужчина слепнет, когда полюбит.
You, with that feeling, blind him, and blind yourself.	Слепнет и он, и ты сама тоже.

Then one day, for no reason, he sees you ugly as you really are and he is not blind any more and then you see yourself as ugly as he sees you and you lose your man and your feeling.	А потом приходит день, когда ни с того ни с сего он вдруг видит, что ты уродина, как оно и есть на самом деле, и перестает быть слепым, и тогда ты тоже видишь себя такой, какой он тебя видит, и то, что в тебе было, уходит, а вместе с этим уходит и мужчина.
Do you understand, _guapa?_" She patted the girl on the shoulder.	Поняла, guapa? - Она погладила девушку по плечу.
"No," said Maria.	- Нет, - сказала Мария.
"Because thou art not ugly."	- Потому что ты не уродина.
"Try to use thy head and not thy heart, and listen," Pilar said.	- Ты головой рассуди, а не сердцем, и слушай, -сказала Пилар.

"I am telling you things of much interest.	- Я рассказываю интересные вещи.
Does it not interest you, _Ingles?_"	Ведь тебе интересно, Ingles?
"Yes.	-Да.
But we should go."	Но нам нужно идти.
"_Que va_, go.	- Que va, идти.
I am very well here.	Мне и здесь хорошо.

Then," she went on, addressing herself to Robert Jordan now as though she were speaking to a classroom; almost as though she were lecturing. "After a while, when you are as ugly as I am, as ugly as women can be, then, as I say, after a while the feeling, the idiotic feeling that you are beautiful, grows slowly in one again.	Потом... - продолжала она, обращаясь теперь к Роберту Джордану, точно учительница к классу, точно читая лекцию, - потом проходит немного времени, и вот у тебя, даже если ты такая уродина, как я, такая, что хуже и не придумаешь, опять появляется и потихоньку растет это "что-то" - дурацкое чувство, будто ты красивая.
It grows like a cabbage.	Растет и растет, точно кочан капусты.

And then, when the feeling is grown, another man sees you and thinks you are beautiful and it is all to do over.	А потом, когда оно уже совсем окрепнет, попадаешься на глаза другому мужчине, и ему кажется, что ты красивая, и все начинается с самого начала.
Now I think I am past it, but it still might come.	Теперь уж, я думаю, у меня это прошло навсегда, но кто знает, может быть, и еще раз так случится.
You are lucky, _guapa_, that you are not ugly."	Тебе повезло, guapa, что ты не уродина.
"But I _am_ ugly," Maria insisted.	- Нет, я уродина, - возразила Мария.
"Ask _him_," said Pilar.	- Спроси его, - сказала Пилар.
"And don't put thy feet in the stream because it will freeze them."	- И не лезь в воду, ноги застудишь.

"If Roberto says we should go, I think we should go," Maria said.	- Если Роберто говорит, что нужно идти, лучше пойдем, - сказала Мария.
"Listen to you," Pilar said.	- Подумаешь! - сказала Пилар.
"I have as much at stake in this as thy Roberto and I say that we are well off resting here by the stream and that there is much time.	- Для меня это так же важно, как для твоего Роберто, но я говорю: мы можем спокойно отдохнуть здесь, у ручья, потому что впереди времени много.
Furthermore, I like to talk.	Кроме того, мне хочется поговорить.
It is the only civilized thing we have.	Это единственное, что у нас осталось от цивилизации.
How otherwise can we divert ourselves?	Чем же нам еще развлекаться?

Does what I say not hold interest for you, _Ingles?_"	Разве тебе не интересно меня послушать, Ingles?
"You speak very well.	-Ты очень хорошо говоришь.
But there are other things that interest me more than talk of beauty or lack of beauty."	Но есть многое другое, что меня интересует больше, чем разговоры о красоте и об уродстве.
"Then let us talk of what interests thee."	- Тогда давай говорить о том, что тебя интересует.
"Where were you at the start of the movement?"	-Где ты была, когда началось движение?
"In my town."	- В своем родном городе.
"Avila?"	- В Авиле?
"_Que va_, Avila."	- Que va, в Авиле!

"Pablo said he was from Avila."	- Пабло сказал, что он из Авилы.
"He lies.	- Он врет.

He wanted to take a big city for his town.	Ему хочется, чтобы ты думал, будто он из большого города.
It was this town," and she named a town.	Нет, я вот откуда. - И она назвала город.
"And what happened?"	- Что же там у вас было?
"Much," the woman said.	- Много чего, - сказала женщина.
"Much.	- Много.
And all of it ugly.	И все страшное.
Even that which was glorious."	Даже то, чем мы прославились.

"Tell me about it," Robert Jordan said.	- Расскажи, - попросил Роберт Джордан.
"It is brutal," the woman said.	- Это все очень жестоко, - сказала женщина.
"I do not like to tell it before the girl."	- Мне не хочется рассказывать при девушке.
"Tell it," said Robert Jordan.	- Расскажи, - повторил Роберт Джордан.
"And if it is not for her, that she should not listen."	- А если ей не годится слушать, пусть не слушает.
"I can hear it," Maria said.	- Я все могу выслушать, - сказала Мария.
She put her hand on Robert Jordan's.	Она положила свою руку на руку Роберта Джордана.
"There is nothing that I cannot hear."	- Нет такого, чего мне нельзя было бы слушать.

"It isn't whether you can hear it," Pilar said.	- Не в том дело, можно или нельзя, - сказала Пилар.
"It is whether I should tell it to thee and make thee bad dreams."	- А вот следует ли говорить об этом при тебе, чтобы ты потом видела дурные сны.
"I will not get bad dreams from a story," Maria told her.	- От одних рассказов мне ничего не приснится, -ответила ей Мария.
"You think after all that has happened with us I should get bad dreams from a story?"	- Ты думаешь, после всего того, что с нами было, мне приснится дурной сон от одного твоего рассказа?
"Maybe it will give the _Ingles_ bad dreams."	- А может быть, тебе, Ingles, будут сниться дурные сны?
"Try it and see."	- Давай проверим.

"No, _Ingles_, I am not joking.	- Нет, Ingles, я не шучу.
Didst thou see the start of the movement in any small town?"	Тебе приходилось видеть, как все начиналось в маленьких городках?
"No," Robert Jordan said.	- Нет, - сказал Роберт Джордан.
"Then thou hast seen nothing.	- Ну, значит, ты ничего не знаешь.
Thou hast seen the ruin that now is Pablo, but you should have seen Pablo on that day."	Ты видишь, во что превратился Пабло, но поглядел бы ты, какой он был тогда!
"Tell it."	- Расскажи!
"Nay.	- Нет.
I do not want to."	Не хочу!

"Tell it."	- Расскажи.
"All right, then.	- Ну, хорошо.
I will tell it truly as it was.	Расскажу всю правду, все как было.
But thee, _guapa_, if it reaches a point that it molests thee, tell me."	А ты, если тебе будет тяжело, останови меня.
"I will not listen to it if it molests me," Maria told her.	- Если мне будет тяжело, я перестану слушать, - ответила ей Мария.
"It cannot be worse than many things."	- Хуже того, что я знаю, ведь не может быть.
"I believe it can," the woman said.	- Думаю, что может, - сказала женщина.
"Give me another cigarette, _Ingles_, and _vamonos_."	- Дай мне еще одну сигарету, Ingles, и начнем.

The girl leaned back against the heather on the bank of the stream and Robert Jordan stretched himself out, his shoulders against the ground and his head against a clump of the heather.	Девушка прилегла на поросшем вереском берегу ручья, а Роберт Джордан вытянулся рядом, положив под голову пучок вереска.
He reached out and found Maria's hand and held it in his, rubbing their two hands against the heather until she opened her hand and laid it flat on top of his as they listened.	Он нашел руку Марии и, держа ее в своей, стал водить ею по вереску; потом Мария высвободила свою руку и ладонью накрыла руку Роберта Джордана, и так они лежали и слушали.
"It was early in the morning when the _civiles_ surrendered at the barracks," Pilar began.	- Рано утром civiles, которые сидели в казармах, перестали отстреливаться и сдались,- начала Пилар.

"You had assaulted the barracks?" Robert Jordan asked.	- А вы брали казармы приступом? - спросил Роберт Джордан.
"Pablo had surrounded it in the dark, cut the telephone wires, placed dynamite under one wall and called on the _guardia civil_ to surrender.	- Пабло со своими окружил их еще затемно, перерезал телефонные провода, заложил динамит под одну стену и крикнул guardia civil, чтобы сдавались.
They would not.	Они не захотели.
And at daylight he blew the wall open.	И на рассвете он взорвал эту стену.
There was fighting.	Завязался бой.
Two _civiles_ were killed. Four were wounded and four surrendered.	Двое civiles были убиты, четверо ранены и четверо сдались.

"We all lay on roofs and on the ground and at the edge of walls and of buildings in the early morning light and the dust cloud of the explosion had not yet settled, for it rose high in the air and there was no wind to carry it, and all of us were firing into the broken side of the building, loading and firing into the smoke, and from within there was still the flashing of rifles and then there was a shout from in the smoke not to fire more, and out came the four _civiles_ with their hands up.	Мы все залегли, кто на крышах, кто прямо на земле, кто на каменных оградах или на карнизах, а туча пыли после взрыва долго не рассеивалась, потому что на рассвете ветра совсем не было, и мы стреляли в развороченную стену, заряжали винтовки и стреляли прямо в дым, и гам, в дыму, все еще раздавались выстрелы, а потом оттуда крикнули, чтобы мы прекратили стрельбу, и четверо civiles вышли на улицу, подняв руки вверх.

A big part of the roof had fallen in and the wall was gone and they came out to surrender.	Большой кусок крыши обвалился вместе со стеной, вот они и вышли сдаваться.

"'Are there more inside?' Pablo shouted.	"Еще кто-нибудь остался там?" - крикнул им Пабло.
"'There are wounded.'	"Только раненые". -
"'Guard these,' Pablo said to four who had come up from where we were firing.	"Постерегите этих, - сказал Пабло четверым нашим, которые выбежали из засады.
' Stand there.	- Становись сюда.
Against the wall,' he told the _civiles_.	К стене", - велел он сдавшимся.

The four _civiles_ stood against the wall, dirty, dusty, smoke-grimed, with the four who were guarding them pointing their guns at them and Pablo and the others went in to finish the wounded.	Четверо civiles стали к стене, грязные, все в пыли и копоти, и четверо караульных взяли их на прицел, а Пабло со своими пошел приканчивать раненых.
"After they had done this and there was no longer any noise of the wounded, neither groaning, nor crying out, nor the noise of shooting in the barracks, Pablo and the others came out and Pablo had his shotgun over his back and was carrying in his hand a Mauser pistol.	Когда это было сделано и из казарм уже не доносилось ни стона, ни крика, ни выстрела, Пабло вышел оттуда с дробовиком за спиной, а в руках он держал маузер.

"'Look, Pilar,' he said.	"Смотри, Пилар, - сказал он.
'This was in the hand of the officer who killed himself.	- Это было у офицера, который застрелился сам.
Never have I fired a pistol.	Мне еще никогда не приходилось стрелять из револьвера.
You,' he said to one of the guards, 'show me how it works.	Эй, ты! - крикнул он одному из civiles. - Покажи, как с этим обращаться.
No. Don't show me. Tell me.'	Нет, не покажи, а объясни".
"The four _civiles_ had stood against the wall, sweating and saying nothing while the shooting had gone on inside the barracks.	Пока в казармах шла стрельба, четверо civiles стояли у стены, обливаясь потом, и молчали.

They were all tall men with the faces of _guardias civiles_, which is the same model of face as mine is.	Они были рослые, а лица, как у всех guardias civiles, вот такого же склада, как и у меня.
Except that their faces were covered with the small stubble of this their last morning of not yet being shaved and they stood there against the wall and said nothing.	Только щеки и подбородок успели зарасти у них щетиной, потому что в это последнее утро им уже не пришлось побриться, и так они стояли у стены и молчали.
"'You,' said Pablo to the one who stood nearest him.	- Эй, ты, - крикнул Пабло тому, который стоял ближе всех.
' Tell me how it works.'	- Объясни, как с этим обращаться.
"'Pull the small lever down,' the man said in a very dry voice.	- Отведи предохранитель, - сиплым голосом сказал тот.

'Pull the receiver back and let it snap forward.'	- Оттяни назад кожух и отпусти.
"'What is the receiver?' asked Pablo, and he looked at the four _civiles_.	- Какой кожух? - спросил Пабло и посмотрел на четверых civiles.
' What is the receiver?'	- Какой кожух?

"'The block on top of the action.'	- Вон ту коробку, что сверху.
"Pablo pulled it back, but it stuck.	Пабло стал отводить ее, но там что-то заело.
'What now?' he said.	- Ну? - сказал он.
' It is jammed.	- Не идет.
You have lied to me.'	Ты мне соврал.

"'Pull it farther back and let it snap lightly forward,' the _civil_ said, and I have never heard such a tone of voice.	- Отведи назад еще больше и отпусти, он сам станет на место, - сказал civil, и я никогда не слышала такого голоса.
It was grayer than a morning without sunrise.	Серый, серее рассвета, когда солнце встает за облаками.
"Pablo pulled and let go as the man had told him and the block snapped forward into place and the pistol was cocked with the hammer back.	Пабло отвел кожух назад и отпустил, как его учили, кожух стал на место, и курок был теперь на взводе.
It is an ugly pistol, small in the round handle, large and flat in the barrel, and unwieldy.	Эти маузеры уродливые штуки, рукоятка маленькая, круглая, а ствол большой и точно сплюснутый, и слушаются они плохо.

All this time the _civiles_ had been watching him and they had said nothing.	А civiles все это время не спускали с Пабло глаз и молчали.
"'What are you going to do with us?' one asked him.	Потом один спросил: - Что ты с нами сделаешь?
"'Shoot thee,' Pablo said.	- Расстреляю, - сказал Пабло.
"'When?' the man asked in the same gray voice.	- Когда? - спросил тот все таким же сиплым голосом.
"'Now,' said Pablo.	- Сейчас, - сказал Пабло.
"'Where?' asked the man.	- Где? - спросил тот.
"'Here,' said Pablo.	- Здесь, - сказал Пабло.
' Here.	- Здесь.
Now.	Сейчас.

Here and now.	Здесь и сейчас.
Have you anything to say?'	Хочешь что-нибудь сказать перед смертью?
"'_Nada_,' said the _civil_.	- Nada, - ответил civil.
'Nothing.	- Ничего.
But it is an ugly thing.'	Но это мерзость.
"'And you are an ugly thing,' Pablo said.	- Сам ты мерзость, - сказал Пабло.
' You murderer of peasants.	- Сколько крестьян на твоей совести!
You who would shoot your own mother.'	Ты бы и свою мать расстрелял!
"'I have never killed any one,' the _civil_ said.	- Я никогда никого не убивал, - сказал civil.

'And do not speak of my mother.'	- А мою мать не смей трогать.
"'Show us how to die.	- Покажи нам, как надо умирать.

You, who have always done the killing.'	Ты все убивал, а теперь покажи, как надо умирать.
"'There is no necessity to insult us,' another _civil_ said.	- Оскорблять нас ни к чему, - сказал другой civil.
' And we know how to die.'	- А умереть мы сумеем.
"'Kneel down against the wall with your heads against the wall,' Pablo told them.	- Становитесь на колени, лицом к стене, - сказал Пабло.

The _civiles_ looked at one another.	Civiles переглянулись.
"'Kneel, I say,' Pablo said. 'Get down and kneel.'	- На колени, вам говорят! - крикнул Пабло. - Ну, живо!
"'How does it seem to you, Paco?' one _civil_ said to the tallest, who had spoken with Pablo about the pistol.	- Что скажешь, Пако? - спросил один civil другого, самого высокого, который объяснял Пабло, как обращаться с револьвером.
He wore a corporal's stripes on his sleeves and was sweating very much although the early morning was still cool.	У него были капральские нашивки на рукаве, и он весь взмок от пота, хотя было еще рано и совсем прохладно.
"'It is as well to kneel,' he answered.	- На колени так на колени, - ответил высокий.

' It is of no importance.'	- Не все ли равно?
"'It is closer to the earth,' the first one who had spoken said, trying to make a joke, but they were all too grave for a joke and no one smiled.	- К земле ближе будет, - попробовал пошутить первый, но им всем было не до шуток, и никто даже не улыбнулся.

"'Then let us kneel,' the first _civil_ said, and the four knelt, looking very awkward with their heads against the wall and their hands by their sides, and Pablo passed behind them and shot each in turn in the back of the head with the pistol, going from one to another and putting the barrel of the pistol against the back of their heads, each man slipping down as he fired.	- Ладно, станем на колени, - сказал первый civil, и все четверо неуклюже опустились на колени, -руки по швам, лицом к стене. Пабло подошел к ним сзади и перестрелял их всех по очереди -выстрелит одному в затылок и переходит к следующему; так они один за другим и валились на землю.
I can hear the pistol still, sharp and yet muffled, and see the barrel jerk and the head of the man drop forward.	Я как сейчас слышу эти выстрелы, громкие, хотя и приглушенные, и вижу, как дергается ствол револьвера и человек падает.

One held his head still when the pistol touched it.	Первый не пошевелился, когда к его голове прикоснулось дуло.
One pushed his head forward and pressed his forehead against the stone.	Второй качнулся вперед и прижался лбом к каменной стене.
One shivered in his whole body and his head was shaking.	Третий вздрогнул всем телом, и голова у него затряслась.
Only one put his hands in front of his eyes, and he was the last one, and the four bodies were slumped against the wall when Pablo turned away from them and came toward us with the pistol still in his hand.	И только один, последний, закрыл глаза руками. И когда у стены вповалку легли четыре трупа, Пабло отошел от них и вернулся к нам, все еще с револьвером в руке.

"'Hold this for me, Pilar,' he said.	- Подержи, Пилар, - сказал он.
'I do not know how to put down the hammer,' and he handed me the pistol and stood there looking at the four guards as they lay against the wall of the barracks.	- Я не знаю как спустить собачку, - и протянул мне револьвер, а сам все стоял и смотрел на четверых civiles, которые лежали у казарменной стены.

All those who were with us stood there too, looking at them, and no one said anything.	И все, кто тогда был с нами, тоже стояли и смотрели на них, и никто ничего не говорил.

"We had won the town and it was still early in the morning and no one had eaten nor had any one drunk coffee and we looked at each other and we were all powdered with dust from the blowing up of the barracks, as powdered as men are at a threshing, and I stood holding the pistol and it was heavy in my hand and I felt weak in the stomach when I looked at the guards dead there against the wall; they all as gray and as dusty as we were, but each one was now moistening with his blood the dry dirt by the wall where they lay.	Так город стал нашим, а час был еще ранний, и никто не успел поесть или выпить кофе, и мы посмотрели друг на друга и видим, что нас всех запорошило пылью после взрыва казарм, все стоим серые от пыли, будто на молотьбе, и я все еще держу револьвер, и он оттягивает мне руку, и когда я взглянула на мертвых civiles, лежавших у стены, мне стало тошно; они тоже были серые от пыли, но сухая земля под ними уже начинала пропитываться кровью.

And as we stood there the sun rose over the far hills and shone now on the road where we stood and on the white wall of the barracks and the dust in the air was golden in that first sun and the peasant who was beside me looked at the wall of the barracks and what lay there and then looked at us and then at the sun and said, '_Vaya_, a day that commences.'	И пока мы стояли там, солнце поднялось из-за далеких холмов и осветило улицу и белую казарменную стену, и пыль в воздухе стала золотая в солнечных лучах, и крестьянин, который стоял рядом со мной, посмотрел на казарменную стену и на то, что лежало под ней, потом посмотрел на всех нас, на солнце и сказал: "Vaya, вот и день начинается!" -
"'Now let us go and get coffee,' I said.	"А теперь пойдемте пить кофе", - сказала я.
"'Good, Pilar, good,' he said.	"Правильно, Пилар, правильно", - сказал тот крестьянин.

And we went up into the town to the Plaza, and those were the last people who were shot in the village."	И мы пошли на площадь, и после этих четверых у нас в городе никого больше не расстреливали.
"What happened to the others?" Robert Jordan asked.	- А что же случилось с остальными? - спросил Роберт Джордан.
"Were there no other fascists in the village?"	- Разве у вас больше не было фашистов?
"_Que va_, were there no other fascists?	- Que va, не было фашистов!
There were more than twenty.	Их было больше двадцати человек.
But none was shot."	Но никого из них не расстреляли.
"What was done?"	- А что стало с ними?

"Pablo had them beaten to death with flails and thrown from the top of the cliff into the river."	- Пабло сделал так, что их забили насмерть цепами и сбросили с обрыва в реку.
"All twenty?"	- Всех? Двадцать человек?
"I will tell you.	- Сейчас расскажу.
It is not so simple.	Это все не так просто.
And in my life never do I wish to see such a scene as the flailing to death in the plaza on the top of the cliff above the river.	И пусть мне никогда больше не придется видеть, как людей бьют до смерти цепами на городской площади у обрыва.

"The town is built on the high bank above the river and there is a square there with a fountain and there are benches and there are big trees that give a shade for the benches.	Наш городок стоит на высоком берегу, и над самой рекой у нас площадь с фонтаном, а кругом растут большие деревья, и под ними скамейки, в тени.

The balconies of the houses look out on the plaza. Six streets enter on the plaza and there is an arcade from the houses that goes around the plaza so that one can walk in the shade of the arcade when the sun is hot.	Балконы все смотрят на площадь, и на эту же площадь выходят шесть улиц, и вся площадь опоясана аркадами, так что, когда солнце печет, можно ходить в тени.

On three sides of the plaza is the arcade and on the fourth side is the walk shaded by the trees beside the edge of the cliff with, far below, the river.	С трех сторон площади аркады, а с четвертой, вдоль обрыва, идет аллея, а под-обрывом, глубоко внизу, река.
It is three hundred feet down to the river.	Обрыв высокий - триста футов.
"Pablo organized it all as he did the attack on the barracks.	Заправлял всем Пабло, так же как при осаде казарм.
First he had the entrances to the streets blocked off with carts as though to organize the plaze for a _capea_. For an amateur bullfight.	Сначала он велел загородить все проходы на площадь повозками, будто подготовлял ее к капеа - любительскому бою быков.

The fascists were all held in the _Ayuntamiento_, the city hall, which was the largest building on one side of the plaza.	Всех фашистов посадили в Ayuntamiento -городскую ратушу, - самое большое здание на площади.
It was there the clock was set in the wall and it was in the buildings under the arcade that the club of the fascists was.	В стену ратуши были вделаны часы, и тут же под аркадой был фашистский клуб.
And under the arcade on the sidewalk in front of their club was where they had their chairs and tables for their club.	А на тротуаре перед клубом у них были поставлены столики и стулья.
It was there, before the movement, that they were accustomed to take the aperitifs.	Раньше, еще до войны, они пили там свои аперитивы.

The chairs and the tables were of wicker.	Столики и стулья были плетеные.
It looked like a cafe but was more elegant."	Похоже на кафе, только лучше, наряднее.
"But was there no fighting to take them?"	- Неужели они сдались без боя?
"Pablo had them seized in the night before he assaulted the barracks.	- Пабло взял их ночью, перед тем как начать осаду казарм.
But he had already surrounded the barracks.	Но к этому времени казармы были уже окружены.
They were all seized in their homes at the same hour the attack started.	Их всех взяли по домам в тот самый час, когда началась осада.
That was intelligent.	Это было очень умно сделано.
Pablo is an organizer.	Пабло хороший организатор.

Otherwise he would have had people attacking him at his flanks and at his rear while he was assaulting the barracks of the _guardia civil_.	Иначе во время осады казарм guardia civil ему пришлось бы сдерживать натиск с обоих флангов и с тыла.
"Pablo is very intelligent but very brutal.	Пабло умный, но очень жестокий.
He had this of the village well planned and well ordered.	Он тогда все заранее обдумал и обо всем распорядился.
Listen.	Слушай.

After the assault was successful, and the last four guards had surrendered, and he had shot them against the wall, and we had drunk coffee at the cafe that always opened earliest in the morning by the corner from which the early bus left, he proceeded to the organization of the plaza.	Когда казармы были взяты, и последние четверо civiles сдались, и их расстреляли у стены, и мы напились кофе в том кафе на углу, около автобусной станции, которое открывается раньше всех, Пабло занялся подготовкой площади.
Carts were piled exactly as for a _capea_ except that the side toward the river was not enclosed.	Он загородил все проходы повозками, совсем как перед капеа, и только одну сторону оставил открытой - ту, которая выходила к реке.
That was left open.	С этой стороны проход не был загорожен.

Then Pablo ordered the priest to confess the fascists and give them the necessary sacraments."	Потом Пабло велел священнику исповедать фашистов и дать им последнее причастие.
"Where was this done?"	-Где это все происходило?
"In the _Ayuntamiento_, as I said.	-Я же говорю - в Ayuntamiento.

There was a great crowd outside and while this was going on inside with the priest, there was some levity outside and shouting of obscenities, but most of the people were very serious and respectful.	Перед зданием собралась большая толпа, и пока священник молился с фашистами, на площади кое-кто уже начал безобразничать и сквернословить, хотя большинство держалось строго и пристойно.
Those who made jokes were those who were already drunk from the celebration of the taking of the barracks and there were useless characters who would have been drunk at any time.	Безобразничали те, кто уже успел отпраздновать взятие казарм и напиться по этому случаю, да еще всякие бездельники, которым лишь бы выпить, а по случаю, и без случая.

"While the priest was engaged in these duties, Pablo organized those in the plaza into two lines.	Пока священник выполнял свой долг, Пабло выстроил в две шеренги тех, кто собрался на площади.
"He placed them in two lines as you would place men for a rope pulling contest, or as they stand in a city to watch the ending of a bicycle road race with just room for the cyclists to pass between, or as men stood to allow the passage of a holy image in a procession.	Он выстроил их в две шеренги, как для состязания в силе, кто кого перетянет, или как выстраиваются горожане у финиша велосипедного пробега, оставив только узенькую дорожку для велосипедистов, или перед проходом церковной процессии.

Two meters was left between the lines and they extended from the door of the _Ayuntamiento_ clear across the plaza to the edge of the cliff.	Между шеренгами образовался проход в два метра шириной, а тянулись они от дверей Ayuntamiento через всю площадь к обрыву.
So that, from the doorway of the _Ayuntamiento_, looking across the plaza, one coming out would see two solid lines of people waiting.	И всякий выходящий из Ayuntamiento должен был увидеть на площади два плотных ряда людей, которые стояли и ждали.

"They were armed with flails such as are used to beat out the grain and they were a good flail's length apart.	В руках у людей были цепы, которыми молотят хлеб, и они стояли на расстоянии длины цепа друг от друга.
All did not have flails, as enough flails could not be obtained.	Цепы были не у всех, потому что на всех не хватило.
But most had flails obtained from the store of Don Guillermo Martin, who was a fascist and sold all sorts of agricultural implements.	Но большинство все-таки запаслось ими в лавке дона Гильермо Мартина, фашиста, торговавшего сельскохозяйственными орудиями.

And those who did not have flails had heavy herdsman's clubs, or ox-goads, and some had wooden pitchforks; those with wooden tines that are used to fork the chaff and straw into the air after the flailing.	А у тех, кому цепов не хватило, были тяжелые пастушьи дубинки и стрекала, а кое у кого - деревянные вилы, которыми ворошат мякину и солому после молотьбы.
Some had sickles and reaping hooks but these Pablo placed at the far end where the lines reached the edge of the cliff.	Некоторые были с серпами, но этих Пабло поставил в самом дальнем конце, у обрыва.

"These lines were quiet and it was a clear day, as today is clear, and there were clouds high in the sky, as there are now, and the plaza was not yet dusty for there had been a heavy dew in the night, and the trees cast a shade over the men in the lines and you could hear the water running from the brass pipe in the mouth of the lion and falling into the bowl of the fountain where the women bring the water jars to fill them.	Все стояли тихо, и день был ясный, вот такой, как сегодня, высоко в небе шли облака, вот так, как сейчас, и пыли на площади еще не было, потому что ночью выпала сильная роса; деревья отбрасывали тень на людей в шеренгах, и было слышно, как из львиной пасти бежит через медную трубку вода и падает в чашу фонтана, к которому обычно сходятся с кувшинами все женщины города.

"Only near the _Ayuntamiento_, where the priest was complying with his duties with the fascists, was there any ribaldry, and that came from those worthless ones who, as I said, were already drunk and were crowded around the windows shouting obscenities and jokes in bad taste in through the iron bars of the windows.	Только у самого Ayuntamiento, где священник молился с фашистами, слышалась брань, и в этом были повинны те бездельники, которые, как я уже говорила, успели напиться и теперь толпились под решетчатыми окнами, сквернословили и отпускали непристойные шутки.
Most of[1] the men in the lines were waiting quietly and I heard one say to another,	Но в шеренгах люди ждали спокойно, и я слышала, как один спросил другого:
'Will there be women?'	"А женщины тоже будут?"

"And another said,	- И тот ответил ему:
' I hope to Christ, no.'	- Дай бог, чтобы не было!
"Then one said,	Потом первый сказал:
' Here is the woman of Pablo.	-Вот жена Пабло.
Listen, Pilar.	Слушай, Пилар.
Will there be women?'	Женщины тоже будут?
"I looked at him and he was a peasant dressed in his Sunday jacket and sweating heavily and I said,	Я посмотрела на него и вижу - он в праздничной одежде и весь взмок от пота, и тогда я сказала:
'No, Joaquin.	- Нет, Хоакин.
There are no women.	Женщин там не будет.
We are not killing the women.	Мы женщин не убиваем.

Why should we kill their women?'	Зачем нам убивать женщин?
"And he said,	Тогда он сказал:
'Thanks be to Christ, there are no women and when does it start?'	- Слава Христу, что женщин не будет! А когда же это начнет-ся?
"And I said,	Я ответила:
' As soon as the priest finishes.'	- Как только священ-ник кончит.
"'And the priest?'	- А священника - тоже?

"'I don't know,' I told him and I saw his face working and the sweat coming down on his forehead.	- Не знаю, - ответила я ему и увидела, что лицо у него передернулось и на лбу выступил пот.

'I have never killed a man,' he said.	- Мне еще не приходилось убивать людей, - сказал он.
"'Then you will learn,' the peasant next to him said.	- Теперь научишься, - сказал ему сосед.
'But I do not think one blow with this will kill a man,' and he held his flail in both hands and looked at it with doubt.	- Только, я думаю, одного удара будет мало. - И он поднял обеими руками свой цеп и с сомнением посмотрел на него.
"'That is the beauty of it,' another peasant said. 'There must be many blows.'	- Тем лучше, - сказал другой крестьянин, - тем лучше, что с одного удара не убьешь.
"'_They_ have taken Valladolid. _They_ have Avila,' some one said.	- Они взяли Вальядолид. Они взяли Авилу, -сказал кто-то.

' I heard that before we came into town.'	- Я об этом слыхал по дороге сюда.
"'_They_ will never take _this_ town. _This_ town is ours.	- Этот город им не взять. Этот город наш.
We have struck ahead of them,' I said.	Мы их опередили, - сказала я.
'Pablo is not one to wait for them to strike.'	- Пабло не стал бы дожидаться, когда они ударят первые, - он не таковский.
"'Pablo is able,' another said.	- Пабло человек ловкий, - сказал кто-то еще.
'But in this finishing off of the _civiles_ he was egoistic.	- Но нехорошо, что он сам, один прикончил civiles. Не мешало бы о других подумать.
Don't you think so, Pilar?'	Как ты считаешь, Пилар?

"'Yes,' I said.	- Верно, - сказала я.
'But now all are participating in this.'	- Но теперь мы все бу- дем участвовать.
"'Yes,' he said.	- Да, - сказал он.
' It is well organized.	- Это хорошо придума- но.
But why do we not hear more news of the movement?'	Но почему нет никаких известий с фронта?
"'Pablo cut the telephone wires before the assault on the barracks.	- Пабло перерезал теле- фонные провода, перед тем как начать осаду ка- зарм.
They are not yet repaired.'	Их еще не починили.
"'Ah,' he said.	-А, - сказал он.

' It is for this we hear nothing.	- Вот почему до нас ничего не доходит.
I had my news from the roadmender's station early this morning.'	Сам-то я узнал все новости сегодня утром от дорожного мастера.
"'Why is this done thus, Pilar?' he said to me.	А скажи, Пилар, почему решили сделать именно так?
"'To save bullets,' I said.	- Чтобы сберечь пули, - сказала я.
'And that each man should have his share in the responsibility.'	- И чтобы каждый нес свою долю ответственности.

"'That it should start then.	- Пусть тогда начинают.
That it should start.'	Пусть начинают.

And I looked at him and saw that he was crying.	И я взглянула на него и увидела, что он плачет.
"'Why are you crying, Joaquin?' I asked him.	-Ты чего плачешь, Хоакин? - спросила я.
' This is not to cry about'	- Тут плакать нечего.
"'I cannot help it, Pilar,' he said.	- Не могу удержаться, Пилар, - сказал он.
' I have never killed any one.'	- Мне еще не приходилось убивать людей.

"If you have not seen the day of revolution in a small town where all know all in the town and always have known all, you have seen nothing.	Если ты не видел первый день революции в маленьком городке, где все друг друга знают и всегда знали, значит, ты ничего не видел.

And on this day most of the men in the double line across the plaza wore the clothes in which they worked in the fields, having come into town hurriedly, but some, not knowing how one should dress for the first day of a movement, wore their clothes for Sundays or holidays, and these, seeing that the others, including those who had attacked the barracks, wore their oldest clothes, were ashamed of being wrongly dressed.	Большинство людей, что стояли на площади двумя шеренгами, были в этот день в своей обычной одежде, в той, в которой работали в поле, потому что они торопились скорее попасть в город. Но некоторые, не зная, как следует одеваться для такого случая, нарядились по-праздничному, и теперь им было стыдно перед другими, особенно перед теми, кто брал приступом казармы.

But they did not like to take off their jackets for fear of losing them, or that they might be stolen by the worthless ones, and so they stood, sweating in the sun and waiting for it to commence.	На снимать свои новые куртки они не хотели, опасаясь, как бы не потерять их или как бы их не украли. И теперь, стоя на солнцепеке, обливались потом и ждали, когда это начнется.
"Then the wind rose and the dust was now dry in the plaza for the men walking and standing and shuffling had loosened it and it commenced to blow and a man in a dark blue Sunday jacket shouted	Вскоре подул ветер и поднял над площадью облако пыли, потому что земля уже успела подсохнуть под ногами у людей, которые ходили, стояли, топтались на месте, а какой-то человек в темно-синей праздничной куртке крикнул:
' Agua!	"Agua!

Agua!' and the caretaker of the plaza, whose duty it was to sprinkle the plaza each morning with a hose, came and turned the hose on and commenced to lay the dust at the edge of the plaza, and then toward the center.	Agua!" Тогда пришел сторож, который каждое утро поливал площадь, размотал шланг и стал поливать, прибивая водой пыль, сначала по краям площади, а потом все ближе и ближе к середине.

Then the two lines fell back and let him lay the dust over the center of the plaza; the hose sweeping in wide arcs and the water glistening in the sun and the men leaning on their flails or the clubs or the white wood pitchforks and watching the sweep of the stream of water.	Обе шеренги расступились, чтобы дать ему прибить пыль и в центре площади; шланг описывал широкую дугу, вода блестела на солнце, а люди стояли, опершись кто на цеп или дубинку, кто на белые деревянные вилы, и смотрели на нее.
And then, when the plaza was nicely moistened and the dust settled, the lines formed up again and a peasant shouted,	Когда вся площадь была полита и пыль улеглась, шеренги опять сомкнулись, и какой-то крестьянин крикнул:
' When do we get the first fascist?	"Когда же наконец нам дадут первого фашиста?

When does the first one come out of the box?'	Когда же хоть один вылезет из исповедальни?"

"'Soon,' Pablo shouted from the door of the _Ayuntamiento_.	- Сейчас, - крикнул Пабло, показавшись в дверях Ayuntamiento.
' Soon the first one comes out.'	- Сейчас выйдут.
His voice was hoarse from shouting in the assault and from the smoke of the barracks.	Голос у него был хриплый, потому что ему приходилось кричать, и во время осады казарм он наглотался дыма.
"'What's the delay?' some one asked.	- Из-за чего задержка? - спросил кто-то.

"'They're still occupied with their sins,' Pablo shouted.	- Никак не могут покаяться в своих грехах! -крикнул Пабло.
"'Clearly, there are twenty of them,' a man said.	- Ну ясно, ведь их там двадцать человек, - сказал кто-то еще.
"'More,' said another.	- Больше, - сказал другой.
"'Among twenty there are many sins to recount.'	- У двадцати человек грехов наберется порядочно.
"'Yes, but I think it's a trick to gain time.	- Так-то оно так, только, я думаю, это уловка, чтобы оттянуть время.
Surely facing such an emergency one could not remember one's sins except for the biggest.'	В такой крайности хорошо, если хоть самые страшные грехи вспомнишь.

"'Then have patience.	- Тогда запасись терпением.
For with more than twenty of them there are enough of the biggest sins to take some time.'	Их там больше двадцати человек, и даже если они будут каяться только в самых страшных грехах, и то сколько на это времени уйдет.
"'I have patience,' said the other.	- Терпения у меня хватит, - ответил первый.
'But it is better to get it over with.	- А все-таки чем скорей покончим с этим, тем лучше.
Both for them and for us.	И для них и для нас.
It is July and there is much work.	Сейчас июль месяц, работы много.

We have harvested but we have not threshed.	Хлеб мы сжали, но не обмолотили.
We are not yet in the time of fairs and festivals.'	Еще не пришло время праздновать и веселиться.
"'But this will be a fair and festival today,' another said.	- А сегодня все-таки попразднуем, - сказал другой.
'The Fair of Liberty and from this day, when these are extinguished, the town and the land are ours.'	- Сегодня у нас праздник Свободы, и с сегодняшнего дня - вот только разделаемся с этими - и город и земля будут наши.
"'We thresh fascists today,' said one, 'and out of the chaff comes the freedom of this pueblo.'	- Сегодня мы будем молотить фашистов, - сказал кто-то, - а из мякины поднимется свобода нашего pueblo.

"'We must administer it well to deserve it,' said another.	- Только надо сделать все как следует, чтобы заслужить эту свободу, - сказал другой.
'Pilar,' he said to me, 'when do we have a meeting for organization?'	- Пилар, - обратился он ко мне, - когда у нас будет митинг?
"'Immediately after this is completed,' I told him.	- Сейчас же, как только покончим вот с этим, -ответила ему я.

' In the same building of the _Ayuntamiento_.'	- Там же, в Ayuntamiento.

"I was wearing one of the three-cornered patent leather hats of the _guardia civil_ as a joke and I had put the hammer down on the pistol, holding it with my thumb to lower it as I pulled on the trigger as seemed natural, and the pistol was held in a rope I had around my waist, the long barrel stuck under the rope.	Я в шутку надела на голову лакированную треуголку guardia civil и так и разгуливала в ней, а револьвер заткнула за веревку, которой я была подпоясана, но собачку спустила, придержав курок большим пальцем.
And when I put it on the joke seemed very good to me, although afterwards I wished I had taken the holster of the pistol instead of the hat.	Когда я надела треуголку, мне казалось, что это будет очень смешно, но потом я пожалела, что не захватила кобуру от револьвера вместо этой треуголки.
But one of the men in the line said to me,	И кто-то из рядов сказал мне:

'Pilar, daughter. It seems to me bad taste for thee to wear that hat.	- Пилар, дочка, нехорошо тебе носить такую шляпу.
Now we have finished with such things as the _guardia civil_.'	Ведь с guardia civil покончено.
"'Then,' I said, 'I will take it off.' And I did.	- Ладно, - сказала я, - сниму, - и сняла треуголку.
"'Give it to me,' he said.	- Дай мне, - сказал тот человек.
' It should be destroyed.'	- Ее надо выкинуть.

"And as we were at the far end of the line where the walk runs along the cliff by the river, he took the hat in his hand and sailed it off over the cliff with the motion a herdsman makes throwing a stone underhand at the bulls to herd them.	Мы стояли в самом конце шеренги, у обрыва, и он взял у меня треуголку и пустил ее с обрыва из-под руки таким движением, каким пастухи пускают камень в быка, чтобы загнать его в стадо.
The hat sailed far out into space and we could see it smaller and smaller, the patent leather shining in the clear air, sailing down to the river.	Треуголка полетела далеко, у нас на глазах она становилась все меньше и меньше, блестя лаком в прозрачном воздухе, и наконец упала в реку.

I looked back over the square and at all the windows and all the balconies there were people crowded and there was the double line of men across the square to the doorway of the _Ayuntamiento_ and the crowd swarmed Outside against the windows of that building and there was the noise of many people talking, and then I heard a shout and some one said	Я оглянулась и увидела, что во всех окнах и на всех балконах теснятся люди, и увидела две шеренги, протянувшиеся через всю площадь, и толпу под окнами Ayuntamiento, и оттуда доносились громкие голоса, а потом я услышала крики, и кто-то сказал:

'Here comes the first one,' and it was Don Benito Garcia, the Mayor, and he came out bareheaded walking slowly from the door and down the porch and nothing happened; and he walked between the line of men with the flails and nothing happened.	"Вот идет первый!" И это был дон Бенито Гарсиа. Он с непокрытой головой вышел из дверей и медленно спустился по ступенькам, и никто его не тронул; он шел между шеренгами людей с цепами, и никто его не трогал.

He passed two men, four men, eight men, ten men and nothing happened and he was walking between that line of men, his head up, his fat face gray, his eyes looking ahead and then flickering from side to side and walking steadily.	Он миновал первых двоих, четверых, восьмерых, десятерых, и все еще никто не трогал его, и он шел и шел, высоко подняв голову; мясистое лицо его посерело, а глаза то смотрели вперед, то вдруг начинали бегать по сторонам, но шаг у него был твердый.
And nothing happened.	И никто его не трогал.

"From a balcony some one cried out, '_Que pasa, cobardes?_ What is the matter, cowards?' and still Don Benito walked along between the men and nothing happened.	С какого-то балкона крикнули: "Que paba, cobardes? Что же вы, трусы?" Но дон Бенито все шел между двумя шеренгами, и никто его не трогал.

Then I saw a man three men down from where I was standing and his face was working and he was biting his lips and his hands were white on his flail. I saw him looking toward Don Benito, watching him come on. And still nothing happened.	И вдруг я увидела, как у одного крестьянина, стоявшего за три человека от меня, задергалось лицо, он кусал губы и так крепко сжимал свой цеп, что пальцы у него побелели Он смотрел на дона Бенито, который подходил все ближе и ближе, а его все еще никто не трогал.
Then, just before Don Benito came abreast of this man, the man raised his flail high so that it struck the man beside him and smashed a blow at Don Benito that hit him on the side of the head and Don Benito looked at him and the man struck again and shouted,	Потом, не успел дон Бенито поравняться с крестьянином, как он высоко поднял свой цеп, задев соседа, и со всего размаху ударил дона Бенито по голове, и дон Бенито посмотрел на него, а он ударил его снова и крикнул:

'That for you, _Cabron_,' and the blow hit Don Benito in the face and he raised his hands to his face and they beat him until he fell and the man who had struck him first called to others to help him and he pulled on the collar of Don Benito's shirt and others took hold of his arms and with his face in the dust of the plaza, they dragged him over the walk to the edge of the cliff and threw him over and into the river.	"Получай, cabron!" И на этот раз удар пришелся по лицу, и дон Бенито закрыл лицо руками, и его стали бить со всех сторон, и до тех пор били, пока он не упал на землю. Тогда тот, первый, позвал на подмогу и схватил дона Бенито за ворот рубашки, а другие схватили его за руки и поволокли лицом по земле к самому обрыву и сбросили оттуда в реку.
And the man who hit him first was kneeling by the edge of the cliff looking over after him and saying,	А тот человек, который первый его ударил, стал на колени на краю обрыва, смотрел ему вслед и кричал:
' The Cabron!	"Cabron!

The Cabron!	Cabron!
Oh, the Cabron!'	О, cabron!"
He was a tenant of Don Benito and they had never gotten along together.	Он был арендатором дона Бенито, и они никак не могли поладить между собой.
There had been a dispute about a piece of land by the river that Don Benito had taken from this man and let to another and this man had long hated him.	У них был спор из-за одного участка у реки, который дон Бенито отнял у этого человека и сдал в аренду другому, и этот человек уже давно затаил против него злобу.
This man did not join the line again but sat by the cliff looking down where Don Benito had fallen.	Он не вернулся на свое место в шеренгу, а так и остался у края обрыва и все смотрел вниз, туда, куда сбросили дона Бенито.

"After Don Benito no one would come out.	После дона Бенито из Ayuntamiento долго никто не выходил.
There was no noise now in the plaza as all were waiting to see who it was that would come out.	На площади было тихо, потому что все ждали, кто будет следующий.
Then a drunkard shouted in a great voice, '_Que salga el toro!_ Let the bull out!'	И вдруг какой-то пьянчуга заорал во весь голос: "Que saiga el toro! Выпускай быка!"
"Then some one from by the windows of the _Ayuntamiento_ yelled,	Потом из толпы, собравшейся у окон Ayuntamiento, крикнули:
' They won't move!	"Они не хотят идти!

They are all praying!'	Они молятся!"

"Another drunkard shouted,	Тут заорал другой пьянчуга:
'Pull them out.	"Тащите их оттуда!
Come on, pull them out.	Тащите - чего там!
The time for praying is finished.'	Прошло время для молитв!"
"But none came out and then I saw a man coming out of the door.	Но из Ayuntamiento все никто не выходил, а потом я вдруг увидела в дверях человека.
"It was Don Federico Gonzalez, who owned the mill and feed store and was a fascist of the first order.	Это шел дон Федерико Г онсалес, хозяин мельницы и бакалейной лавки, первейший фашист в нашем городе.

He was tall and thin and his hair was brushed over the top of his head from one side to the other to cover a baldness and he wore a nightshirt that was tucked into his trousers.	Он был высокий, худой, а волосы у него были зачесаны с виска на висок, чтобы скрыть лысину. Он был босой, как его взяли из дому, в ночной сорочке, заправленной в брюки.
He was barefooted as when he had been taken from his home and he walked ahead of Pablo holding his hands above his head, and Pablo walked behind him with the barrels of his shotgun pressing against the back of Don Federico Gonzalez until Don Federico entered the double line.	Он шел впереди Пабло, держа руки над головой, а Пабло подталкивал его дробовиком в спину, и так они шли, пока дон Федерико Г онсалес не ступил в проход между шеренгами.

But when Pablo left him and returned to the door of the _Ayuntamiento_, Don Federico could not walk forward, and stood there, his eyes turned up to heaven and his hands reaching up as though they would grasp the sky.	Но когда Пабло оставил его и вернулся к дверям Ayuntamiento, дон Федерико не смог идти дальше и остановился, подняв глаза и протягивая кверху руки, точно думал ухватиться за небо.
"'He has no legs to walk,' some one said.	- У него ноги не идут, - сказал кто-то.
"'What's the matter, Don Federico?	- Что это с вами, дон Федерико?
Can't you walk?' some one shouted to him.	Ходить разучились? - крикнул другой.
But Don Federico stood there with his hands up and only his lips were moving.	Но дон Федерико стоял на месте, воздев руки к небу, и только губы у него шевелились.

"'Get on,' Pablo shouted to him from the steps.	- Ну, живей! - крикнул ему со ступенек Пабло.
' Walk.'	- Иди! Что стал?
"Don Federico stood there and could not move.	Дон Федерико не смог сделать ни шагу.
One of the drunkards poked him in the backside with a flail handle and Don Federico gave a quick jump as a balky horse might, but still stood in the same place, his hands up, and his eyes up toward the sky.	Какой-то пьянчуга ткнул его сзади цепом, и дон Федерико прянул на месте, как норовистая лошадь, но не двинулся вперед, а так и застыл, подняв руки и глаза к небу.
"Then the peasant who stood beside me said,	Тогда крестьянин, который стоял недалеко от меня, сказал:
' This is shameful.	-Нельзя так! Стыдно!

I have nothing against him but such a spectacle must terminate.'	Мне до него дела нет, но это представление нужно кончать.

So he walked down the line and pushed through to where Don Federico was standing and said, 'With your permission,' and hit him a great blow alongside of the head with a club.	- Он прошел вдоль шеренги и, протолкавшись к дону Федерико, сказал: - С вашего разрешения. -И, размахнувшись, ударил его дубинкой по голове.

"Then Don Federico dropped his hands and put them over the top of his head where the bald place was and with his head bent and covered by his hands, the thin long hairs that covered the bald place escaping through his fingers, he ran fast through the double line With flails falling on his back and shoulders until he fell and those at the end of the line picked him up and swung him over the cliff.	Дон Федерико опустил руки и прикрыл ими лысину, так что длинные жидкие волосы свисали у него между пальцами, и, втянув голову в плечи, бросился бежать, а из обеих шеренг его били цепами по спине и по плечам, пока он не упал, и тогда те, кто стоял в дальнем конце шеренги, подняли его и сбросили с обрыва вниз.
Never did he open his mouth from the moment he came out pushed by the shotgun of Pablo.	Он не издал ни звука с той минуты, как Пабло вытолкал его из дверей дробовиком.

His only difficulty was to move forward.	Он только не мог идти.
It was as though he had no command of his legs.	Должно быть, ноги не слушались.
"After Don Federico, I saw there was a concentration of the hardest men at the end of the lines by the edge of the cliff and I left there and I went to the Arcade of the _Ayuntamiento_ and pushed aside two drunkards and looked in the window.	После дона Федерико я увидела, что на краю обрыва, в дальнем конце шеренги, собрались самые отчаянные, и тогда я ушла от них, пробралась под аркаду, оттолкнула двоих пьянчуг от окна Ayuntamiento и заглянула туда сама.

In the big room of the _Ayuntamiento_ they were all kneeling in a half circle praying and the priest was kneeling and praying with them.	Они все стояли полукругом в большой комнате на коленях и молились, и священник тоже стоял на коленях и молился вместе с ними.
Pablo and one named Cuatro Dedos, Four Fingers, a cobbler, who was much with Pablo then, and two others were standing with shotguns and Pablo said to the priest,	Пабло и сапожник по прозванью "Cuatro Dedos", "Четырехпалый", - он в те дни все время был с Пабло, - и еще двое стояли тут же с дробовиками, и я услышала, как Пабло спросил священника:
'Who goes now?' and the priest went on praying and did not answer him.	"Кто следующий?" Но священник молился и ничего не ответил ему.

"'Listen, you,' Pablo said to the priest in his hoarse voice, 'who goes now?	- Слушай, ты! - сказал Пабло священнику охрипшим голосом. - Кто следующий?
Who is ready now?'	Кто готов?
"The priest would not speak to Pablo and acted as though he were not there and I could see Pablo was becoming very angry.	Священник не отвечал Пабло, как будто его тут и не было, и я видела, что Пабло начинает злиться.
"'Let us all go together,' Don Ricardo Montalvo, who was a land owner, said to Pablo, raising his head and stopping praying to speak.	- Пустите нас всех вместе, - перестав молиться и посмотрев на Пабло, сказал помещик дон Рикардо Монтальво.
"'_Que va_,' said Pablo.	- Que va, - сказал Пабло.
' One at a time as you are ready.'	- По одному. Кто готов, пусть выходит!

"'Then I go now,' Don Ricardo said.	- Тогда пойду я, - сказал дон Рикардо.
' I'll never be any more ready.'	- Считай меня готовым.

The priest blessed him as he spoke and blessed him again as he stood up, without interrupting his praying, and held up a crucifix for Don Ricardo to kiss and Don Ricardo kissed it and then turned and said to Pablo,	Пока дон Рикардо говорил с Пабло, священник благословил его, не прерывая молитвы, потом, когда он встал, благословил еще раз и дал ему поцеловать распятие, и дон Рикардо поцеловал распятие, потом повернулся к Пабло и сказал:
'Nor ever again as ready.	- Ну, я совсем готов.
You _Cabron_ of the bad milk. Let us go.'	Пойдем, вонючий козел!

"Don Ricardo was a short man with gray hair and a thick neck and he had a shirt on with no collar.	Дон Рикардо был маленького роста, седой, с толстой шеей, в сорочке без воротничка.
He was bow-legged from much horseback riding.	Ноги у него были кривые от верховой езды.
'Good-by,' he said to all those who were kneeling.	- Прощайте! - сказал он всем остальным, которые стояли на коленях.
'Don't be sad.	- Не печальтесь.
To die is nothing.	Умирать не страшно.
The only bad thing is to die at the hands of this _canalla_.	Плохо только, что мы умрем от рук вот этих каналий.
Don't touch me,' he said to Pablo.	Не смей меня трогать, - сказал он Пабло.

'Don't touch me with your shotgun.'	- Не смей до меня дотрагиваться своим дробовиком.
"He walked out of the front of the _Ayuntamiento_ with his gray hair and his small gray eyes and his thick neck looking very short and angry.	Он вышел из Ayuntamiento - голова седая, глаза маленькие, серые, а толстая шея словно еще больше раздулась от злобы.
He looked at the double line of peasants and he spat on the ground.	Он посмотрел на крестьян, выстроившихся двумя шеренгами, и плюнул.

He could spit actual saliva which, in such a circumstance, as you should know, _Ingles_, is very rare and he said, '_Arriba Espana!_ Down with the miscalled Republic and I obscenity in the milk of your fathers.'	Плюнул по-настоящему, со слюной, а как ты сам понимаешь, Ingles, на его месте не у каждого бы это вышло. И он сказал: "Arriba Espana! Долой вашу так называемую Республику, так и так ваших отцов!"

"So they clubbed him to death very quickly because of the insult, beating him as soon as he reached the first of the men, beating him as he tried to walk with his head up, beating him until he fell and chopping at him with reaping hooks and the sickles, and many men bore him to the edge of the cliff to throw him over and there was blood now on their hands and on their clothing, and now began to be the feeling that these who came out were truly enemies and should be killed.	Его прикончили быстро, потому что он оскорбил всех. Его стали бить, как только он ступил в проход между шеренгами, били, когда он, высоко подняв голову, все еще пытался идти дальше, били, кололи серпами, когда он упал, и нашлось много охотников подтащить его к краю обрыва и сбросить вниз, и теперь у многих была кровь на руках и одежде, и все теперь вдруг почувствовали, что те, кто выходит из Ayuntamiento, в самом деле враги и их надо убивать.

"Until Don Ricardo came out with that fierceness and calling those insults, many in the line would have given much, I am sure, never to have been in the line.	Я уверена, что до того, как дон Рикардо вышел к нам разъяренный и оскорбил всех нас, многие в шеренгах дорого бы дали, чтобы очутиться где-нибудь в другом месте.
And if any one had shouted from the line,	И я уверена, что стоило кому-нибудь крикнуть:
' Come, let us pardon the rest of them.	"Довольно! Давайте отпустим остальных.

Now they have had their lesson,' I am sure most would have agreed.	Они и так получили хороший урок", - и большинство согласилось бы на это.

"But Don Ricardo with all his bravery did a great disservice to the others.	Но своей отвагой дон Рикардо сослужил дурную службу остальным.
For he aroused the men in the line and where, before, they were performing a duty and with no great taste for it, now they were angry, and the difference was apparent.	Он раздразнил людей, и если раньше они только исполняли свой долг, к тому же без особой охоты, то теперь в них разгорелась злоба, и это сейчас же дало себя знать.
"'Let the priest out and the thing will go faster,' some one shouted.	- Выводите священника, тогда дело пойдет быстрее, - крикнул кто-то.
"'Let out the priest.'	- Выводите священника!

"'We've had three thieves, let us have the priest.'	- С тремя разбойниками мы расправились, теперь давайте священника.
"'Two thieves,' a short peasant said to the man who had shouted.	- Два разбойника, - сказал один коренастый крестьянин тому, который это крикнул.
' It was two thieves with Our Lord.'	- Два разбойника было с господом нашим.
"'Whose Lord?' the man said, his face angry and red.	- С чьим господом? - спросил тот, весь красный от злости.
"'In the manner of speaking it is said Our Lord.'	- С нашим господом - уж это так говорится.
"'He isn't my Lord; not in joke,' said the other.	- У меня никаких господ нет, и я так не говорю ни в шутку, ни всерьез, - сказал тот.

'And thee hadst best watch thy mouth if thou dost not want to walk between the lines.'	- И ты лучше придержи язык, если не хочешь сам прогуляться между шеренгами.
"'I am as good a Libertarian Republican as thou,' the short peasant said.	- Я такой же добрый республиканец, как и ты, -сказал коренастый.
' I struck Don Ricardo across the mouth.	- Я ударил дона Рикардо по зубам.
I struck Don Federico across the back.	Я ударил дона Федерико по спине.
I missed Don Benito.	С доном Бенито я промахнулся.
But I say Our Lord is the formal way of speaking of the man in question and that it was two thieves.'	А "господь наш" - это так всегда говорится, и с тем, о ком говорится так, было два разбойника.

"'I obscenity in the milk of thy Republicanism.	- Тоже мне, республиканец!
You speak of Don this and Don that.'	И этот у него "дон", и тот у него "дон".
"'Here are they so called.'	- Здесь их все так зовут.
"'Not by me, the _cabrones_.	- Я этих cabrones зову по-другому.
And thy Lord-- Hi!	А твоего господа... Э-э!
Here comes a new one!'	Еще один вышел!

"It was then that we saw a disgraceful sight, for the man who walked out of the doorway of the _Ayuntamiento_ was Don Faustino Rivero, the oldest son of his father, Don Celestino Rivero, a land owner.	И тут мы увидели позорное зрелище, потому что следующим из дверей Ayuntamiento вышел дон Фаустино Риверо, старший сын помещика дона Селестино Риверо.

He was tall and his hair was yellow and it was freshly combed back from his forehead for he always carried a comb in his pocket and he had combed his hair now before coming out.	Он был высокого роста, волосы у него были светлые и гладко зачесаны со лба. В кармане у него всегда лежал гребешок, и, должно быть, и сейчас, перед тем как выйти, он успел причесаться.

He was a great annoyer of girls, and he was a coward, and he had always wished to be an amateur bullfighter.	Дон Фаусто был страшный бабник и трус и всю жизнь мечтал стать матадором-любителем.
He went much with gypsies and with builfighters and with bull raisers and delighted to wear the Andalucian costume, but he had no courage and was considered a joke.	Он якшался с цыганами, с матадорами, с поставщиками быков и любил покрасоваться в андалузском костюме, но он был трус, и все над ним посмеивались.

One time he was announced to appear in an amateur benefit fight for the old people's home in Avila and to kill a bull from on horseback in the Andalucian style, which he had spent much time practising, and when he had seen the size of the bull that had been substituted for him in place of the little one, weak in the legs, he had picked out himself, he had said he was sick and, some said, put three fingers down his throat to make himself vomit.	Однажды у нас в городе появились афиши, объявлявшие, что дон Фаустино будет участвовать в любительском бое быков в пользу дома для престарелых в Авиле и убьет быка по-андалузски, сидя на лошади, чему его долгое время обучали, но когда на арену выпустили громадного быка вместо того маленького и слабоногого, которого он сам себе подобрал, он сказался больным и, как говорят, сунул два пальца в рот, чтобы вырвало.

"When the lines saw him, they commenced to shout, '_Hola_, Don Faustino.	Когда он вышел, из шеренг послышались крики: - Hola, дон Фаустино!
Take care not to vomit.'	Смотри, как бы тебя не стошнило!
"'Listen to me, Don Faustino.	- Эй, дон Фаустино!
There are beautiful girls over the cliff.'	Под обрывом тебя ждут хорошенькие девочки.
"'Don Faustino.	- Дон Фаустино!
Wait a minute and we will bring out a bull bigger than the other.'	Подожди минутку, сейчас мы приведем быка побольше того, что тебя напугал!
"And another shouted,	А кто-то крикнул:

'Listen to me, Don Faustino.	- Эй, дон Фаустино!
Hast thou ever heard speak of death?'	Ты когда-нибудь слышал, каково умирать?
"Don Faustino stood there, still acting brave.	Дон Фаустино стоял в дверях Ayuntamiento и все еще храбрился.
He was still under the impulse that had made him announce to the others that he was going out.	У него еще не остыл задор, который побудил его вызваться идти следующим.

It was the same impulse that had made him announce himself for the bullfight. That had made him believe and hope that he could be an amateur matador.	Вот так же он вызвался участвовать в бое быков, так же вообразил, что может стать матадором-любителем.
Now he was inspired by the example of Don Ricardo and he stood there looking both handsome and brave and he made his face scornful.	Теперь он воодушевился примером дона Рикардо и, стоя в дверях, приосанивался, храбрился и корчил презрительные гримасы.
But he could not speak.	Но говорить он не мог.

"'Come, Don Faustino,' some one called from the line.	- Иди, дон Фаустино! - кричали ему.

' Come, Don Faustino.	- Иди!
Here is the biggest bull of all.'	Смотри, какой громадный бык тебя ждет!
"Don Faustino stood looking out and I think as he looked, that there was no pity for him on either side of the line.	Дон Фаустино стоял, глядя на площадь, и мне тогда подумалось, что его не пожалеет ни один человек.
Still he looked both handsome and superb; but time was shortening and there was only one direction to g°.	Но он все еще старался держаться молодцом, хотя время шло и путь ему был только один.
"'Don Faustino,' some one called.	- Дон Фаустино! - крикнул-кто-то.

'What are you waiting for, Don Faustino?'	- Чего вы ждете, дон Фаустино?
"'He is preparing to vomit,' some one said and the lines laughed.	- Он ждет, когда его стошнит, - послышался ответ, и в шеренгах засмеялись.
"'Don Faustino,' a peasant called.	- Дон Фаустино, - крикнул какой-то крестьянин.
'Vomit if it will give thee pleasure. To me it is all the same.'	- Ты не стесняйся - стошнит так стошнит, мы не взыщем.

"Then, as we watched, Don Faustino looked along the lines and across the square to the cliff and then when he saw the cliff and the emptiness beyond, he turned quickly and ducked back toward the entrance of the _Ayuntamiento_.	Тогда дон Фаустино обвел глазами шеренги и посмотрел через площадь, туда, где был обрыв, и, увидев этот обрыв и пустоту за ним, он быстро повернулся и юркнул в дверь Ayuntamiento.
"All the lines roared and some one shouted in a high voice,	Все захохотали, а кто-то закричал пронзительным голосом:
' Where do you go, Don Faustino?	- Куда же вы, дон Фаустино?
Where do you go?'	Куда?
"'He goes to throw up,' shouted another and they all laughed again.	- Пошел выблевываться, - крикнул другой, и все опять захохотали.

"Then we saw Don Faustino coming out again with Pablo behind him with the shotgun.	И вот мы опять увидели дона Фаустино, которого подталкивал сзади Пабло своим дробовиком.
All of his style was gone now.	Весь его форс как рукой сняло.
The sight of the lines had taken away his type and his style and he came out now with Pablo behind him as though Pablo were cleaning a Street and Don Faustino was what he was pushing ahead of him.	При виде людей, стоявших в шеренгах, он позабыл и свой форс, и свою осанку; он шел впереди, а Пабло сзади, и казалось, будто Пабло метет улицу, а дон Фаустино - мусор, который Пабло отбрасывает метлой.

Don Faustino came out now and he was crossing himself and praying and then he put his hands in front of his eyes and walked down the steps toward the lines.	Дон Фаустино крестился и бормотал молитвы, а потом закрыл глаза руками и сошел по ступенькам на площадь.
"'Leave him alone,' some one shouted.	- Не трогайте его, - крикнул кто-то.
' Don't touch him.'	- Пусть идет.
"The lines understood and no one made a move to touch Don Faustino and, with his hands shaking and held in front of his eyes, and with his mouth moving, he walked along between the lines.	И все поняли, и никто до него не дотронулся, а он шел между шеренгами, закрыв глаза дрожащими руками и беззвучно шевеля губами.

"No one said anything and no one touched him and, when he was halfway through the lines, he could go no farther and fell to his knees.	Все молчали, и никто не трогал его. Но, дойдя до середины, он не смог идти дальше и упал на колени.
"No one struck him.	Его и тут не ударили.
I was walking along parallel to the line to see what happened to him and a peasant leaned down and lifted him to his feet and said,	Я шла вдоль шеренги справа, стараясь ничего не пропустить, я виде-ла, как один крестьянин наклонился, помог ему подняться и сказал:
' Get up, Don Faustino, and keep walking.	- Вставай, дон Фаустино, не задерживайся.
The bull has not yet come out.'	Быка еще нет.

"Don Faustino could not walk alone and the peasant in a black smock helped him on one side and another peasant in a black smock and herdsman's boots helped him on the other, supporting him by the arms and Don Faustino walking along between the lines with his hands over his eyes, his lips never quiet, and his yellow hair slicked on his head and shining in the sun, and as he passed the peasants would say,	Дон Фаустино не мог идти сам, и тогда один крестьянин в черной блузе подхватил его под правую руку, а другой, тоже в черной блузе и пастушьих сапогах, подхватил под левую, и дон Фаустино шел между шеренгами, закрыв глаза и не переставая шевелить губами, а его прилизанные светлые волосы блестели на солнце, и крестьяне, мимо которых он шел, говорили:
' Don Faustino, _buen provecho_.	"Дон Фаустино, buen provecho.

Don Faustino, that you should have a good appetite,' and others said,	Приятного аппетита, дон Фаустино", - или:
' Don Faustino, _a sus ordenes_.	"Дон Фаустино, a sus ordenes.
Don Faustino at your orders,' and one, who had failed at bullfighting himself, said,	К вашим услугам, дон Фаустино!" - а один, тоже из незадачливых матадоров, сказал:
'Don Faustino. _Matador, a sus ordenes_,' and another said,	"Дон Фаустино! Матадор, a sus ordenes", - а еще кто-то крикнул:
'Don Faustino, there are beautiful girls in heaven, Don Faustino.'	"Дон Фаустино! А сколько на небесах хорошеньких девочек, дон Фаустино!"

And they walked Don Faustino through the lines, holding him close on either side, holding him up as he walked, with him with his hands over his eyes.	Так дона Фаустино провели сквозь строй, крепко держа его с двух сторон и не давая ему упасть, а он все закрывал глаза руками.
But he must have looked through his fingers, because when they came to the edge of the cliff with him, he knelt again, throwing himself down and clutching the ground and holding to the grass, saying,	Но ему, вероятно, кое-что было видно сквозь пальцы, потому что, когда его подвели к самому обрыву, он опять упал на колени, бросился на землю и, цепляясь за траву, начал кричать:
'No.	"Нет.
No.	Нет.
No.	Нет.

Please. NO.	Ради бога. Нет.
Please.	Ради бога.
Please.	Ради бога.
No.	Нет.
No.'	Нет".

"Then the peasants who were with him and the others, the hard ones of the end of the line, squatted quickly behind him as he knelt, and gave him a rushing push and he was over the edge without ever having been beaten and you heard him crying loud and high as he fell.	Тогда те крестьяне, которые шли с ним, и еще двое из самых отчаянных, что стояли в дальнем конце шеренги, быстро присели позади него на корточки и толкнули его что есть силы, и он полетел с обрыва вниз, так и не получив ни единого удара, и только пронзительно вскрикнул на лету.

"It was then I knew that the lines had become cruel and it was first the insults of Don Ricardo and second the cowardice of Don Faustino that had made them so.	И вот тут-то я поняла, что народ ожесточился, и виной этому сначала были оскорбления дона Рикардо, а потом трусость дона Фаустино.
"'Let us have another,' a peasant called out and another peasant slapped him on the back and said,	- Давай следующего! - крикнул один крестьянин, а другой хлопнул его по спине и сказал:
' Don Faustino!	- Дон Фаустино!
What a thing!	Вот это я понимаю!
Don Faustino!'	Дон Фаустино!
"'He's seen the big bull now,' another said.	- Дождался он своего быка, - сказал третий.

' Throwing up will never help him, now.'	- Теперь никакая рвота ему не поможет.
"'In my life,' another peasant said, 'in my life I've never seen a thing like Don Faustino.'	- Дон Фаустино! - опять сказал первый. - Сколько лет на свете живу, а такого еще не видал, как дон Фаустино!
"'There are others,' another peasant said.	- Подожди, есть и другие, - сказал еще кто-то.
'Have patience.	- Потерпи немножко.
Who knows what we may yet see?'	Мы еще не такое увидим!

"'There may be giants and dwarfs,' the first peasant said. 'There may be Negroes and rare beasts from Africa. But for me never, never will there be anything like Don Faustino.	- Что бы мы ни увидели, - сказал первый, -великанов или карликов, негров или диковинных зверей из Африки, а такого, как дон Фаустино, не было и не будет.
But let's have another one!	Ну, следующий!
Come on. Let's have another one!'	Давай, давай следующего!

"The drunkards were handing around bottles of anis and cognac that they had looted from the bar of the club of the fascists, drinking them down like wine, and many of the men in the lines were beginning to be a little drunk, too, from drinking after the strong emotion of Don Benito, Don Federico, Don Ricardo and especially Don Faustino.	У пьянчуг ходили по рукам бутылки с анисовой и коньяком из фашистского клуба, и они пили это, как легкое вино, и в шеренгах многие тоже успели приложиться, и выпитое сразу ударило им в голову после всего, что было с доном Бенито, доном Федерико, доном Рикардо и особенно с доном Фаустино.

Those who did not drink from the bottles of liquor were drinking from leather wineskins that were passed about and one handed a wineskin to me and I took a long drink, letting the wine run cool down my throat from the leather _bota_ for I was very thirsty, too.	Те, у кого не было анисовой и коньяка, пили из бурдюков, которые передавались из рук в руки, и один крестьянин дал такой бурдюк мне, и я сделала большой глоток, потому что меня мучила жажда, и вино прохладной струйкой побежало мне в горло из кожаной bota.
"'To kill gives much thirst,' the man with the wineskin said to me.	- После такой бойни пить хочется, - сказал крестьянин, который дал мне бурдюк.

"'_Que va_,' I said.	- Que va, - сказала я.
'Hast thou killed?'	- А ты убил хоть одного?

"'We have killed four,' he said, proudly.	- Мы убили четверых, - с гордостью сказал он.
'Not counting the _civiles_.	- Не считая civiles.
Is it true that thee killed one of the _civiles_, Pilar?'	А правда, что ты застрелила одного civil, Пилар?
"'Not one,' I said.	- Ни одного не застрелила, - сказала я.
'I shot into the smoke when the wall fell, as did the others.	- Когда стена рухнула, я стреляла в дым вместе с остальными.
That is all.'	Только и всего.
"'Where got thee the pistol, Pilar?'	-Где ты взяла револьвер, Пилар?
"'From Pablo.	- У Пабло.

Pablo gave it to me after he killed the _civiles_.'	Пабло дал его мне, после того как расстрелял civiles.
"'Killed he them with this pistol?'	- Из этого револьвера расстрелял?
"'With no other,' I said.	- Вот из этого самого, - сказала я.
' And then he armed me with it.'	- А потом дал его мне.
"'Can I see it, Pilar?	- Можно посмотреть, какой он, Пилар?
Can I hold it?'	Можно мне подержать его?
"'Why not, man?' I said, and I took it out from under the rope and handed it to him.	- Конечно, друг, - сказала я и вытащила револьвер из-за веревочного пояса и протянула ему.

But I was wondering why no one else had come out and just then who should come out but Don Guillermo Martin from whose store the flails, the herdsman's clubs, and the wooden pitchforks had been taken.	Но почему больше никто не выходит, подумала я, и как раз в эту минуту в дверях появился сам дон Гильермо Мартин, в лавке которого мы взяли цепы, пастушьи дубинки и деревянные вилы.
Don Guillermo was a fascist but otherwise there Was nothing against him.	Дон Г ильермо был фашист, но кроме этого ничего плохого за ним не знали.

"It is true he paid little to those who made the flails but he charged little for them too and if one did not wish to buy flails from Don Guillermo, it was possible to make them for nothing more than the cost of the wood and the leather.	Правда, тем, кто поставлял ему цепы, он платил мало, но цены в лавке у него были тоже невысокие, а кто не хотел покупать цепы у дона Гильермо, мог почти без затрат делать их сам: дерево и ремень - вот и весь расход.

He had a rude way of speaking and he was undoubtedly a fascist and a member of their club and he sat at noon and at evening in the cane chairs of their club to read _El Debate_, to have his shoes shined, and to drink vermouth and seltzer and eat roasted almonds, dried shrimps, and anchovies.	Он был очень груб в обращении и заядлый фашист, член фашистского клуба, и всегда приходил в этот клуб в полдень и вечером и, сидя в плетеном кресле, читал "Эль дебате", или подзывал мальчишку почистить башмаки, или пил вермут с сельтерской и ел поджаренный миндаль, сушеные креветки и анчоусы.

But one does not kill for that, and I am sure if it had not been for the insults of Don Ricardo Montalvo and the lamentable spectacle of Don Faustino, and the drinking consequent on the emotion of them and the others, some one would have shouted,	Но за это не убивают, и если бы не оскорбления дона Рикардо Монтальво, не жалкий вид дона Фаустино и не опьянение, которое люди уже почувствовали, хватив лишнего, я уверена, что нашелся бы кто-нибудь, кто крикнул бы:
' That Don Guillermo should go in peace.	"Пусть дон Гильермо идет с миром.
We have his flails.	Мы и так попользовались его цепами.
Let him go.'	Отпустите его".

"Because the people of this town are as kind as they can be cruel and they have a natural sense of justice and a desire to do that which is right.	Потому что люди в нашем городе хоть и способны на жестокие поступки, но душа у них добрая, и они хотят, чтобы все было по справедливости.
But cruelty had entered into the lines and also drunkenness or the beginning of drunkenness and the lines were not as they were when Don Benito had come out.	Но те, что стояли в шеренгах, уже успели поддаться опьянению и ожесточились, а потому следующего ждали теперь по-другому, не как дона Бенито, который вышел первым.

I do not know how it is in other countries, and no one cares more for the pleasure of drinking than I do, but in Spain drunkenness, when produced by other elements than wine, is a thing of great ugliness and the people do things that they would not have done.	Я сама лучше всякого умею ценить удовольствие, что нам доставляет вино, но не знаю, как в других странах, а в Испании опьянение страшная вещь, особенно если оно не только от вина, и пьяные люди делают много такого, чего нельзя делать.
Is it not so in your country, _Ingles?_"	А в твоей стране не так, Ingles?
"It is so," Robert Jordan said.	- Точно так же, - сказал Роберт Джордан.

"When I was seven years old and going with my mother to attend a wedding in the state of Ohio at which I was to be the boy of a pair of boy and girl who carried flowers--"	- Когда мне было семь лет, мать взяла меня с собой на свадьбу в штат Огайо. Я должен был нести цветы в паре с одной девочкой.
"Did you do that?" asked Maria.	- И ты правда нес цветы? - спросила Мария.
"How nice!"	- Как это, наверно, было красиво.
"In this town a Negro was hanged to a lamp post and later burned.	- В этом городе повесили негра, повесили на фонарном столбе, а потом подожгли.
It was an arc light. A light which lowered from the post to the pavement.	Фонарь был на блоке: чтобы зажечь, его спускали вниз, а потом опять поднимали.

And he was hoisted, first by the mechanism which was used to hoist the arc light but this broke--"	И негра хотели вздернуть при помощи этого блока, но он оборвался...
"A Negro," Maria said.	- Негра! - сказала Мария.
"How barbarous!"	- Вот звери!
"Were the people drunk?" asked Pilar.	- Они были пьяные? - спросила Пилар.
"Were they drunk thus to burn a Negro?"	- Неужели до того допились, что сожгли негра?

"I do not know," Robert Jordan said. "Because I saw it only looking out from under the blinds of a window in the house which stood on the corner where the arc light was.	- Я не знаю, - сказал Роберт Джордан, - потому что я подглядывал из-за опущенной занавески. Дом стоял на углу, где был этот фонарь.

The street was full of people and when they lifted the Negro up for the second time--"	Народу набралось - полна улица, и когда негра вздернули во второй раз...
"If you had only seven years and were in a house, you could not tell if they were drunk or not," Pilar said.	- В семь лет, да еще из-за оконной занавески, понятно, ты не мог разобрать, пьяные они были или трезвые, - сказала Пилар.

"As I said, when they lifted the Negro up for the second time, my mother pulled me away from the window, so I saw no more," Robert Jordan said.	- Так вот, когда негра вздернули во второй раз, мать оттащила меня от окна, и больше я уже ничего не видел, - сказал Роберт Джордан.
"But since I have had experiences which demonstrate that drunkenness is the same in my country.	- Но с тех пор мне часто приходилось убеждаться в том, что и в моей стране пьяные люди не лучше, чем в вашей.
It is ugly and brutal."	Они страшны и жестоки.
"You were too young at seven," Maria said.	- Ты был тогда совсем маленький, - сказала Мария.
"You were too young for such things.	- В семь лет смотреть на такое!

I have never seen a Negro except in a circus.	Я никогда не видела настоящих негров, только в цирке.
Unless the Moors are Negroes."	Разве что марокканцы тоже негры.
"Some are Negroes and some are not," Pilar said.	- Которые негры, а которые - нет, - сказала Пилар.
"I can talk to you of the Moors."	- Про марокканцев я кое-что могу порассказать.
"Not as I can," Maria said.	- Это я могу порассказать, - сказала Мария.
"Nay, not as I can."	- Не ты, а я.
"Don't speak of such things," Pilar said.	- Не надо об этом говорить, - сказала Пилар.
"It is unhealthy.	- Только расстраиваться.

Where were we?"	На чем мы остановились?
"Speaking of the drunkenness of the lines," Robert Jordan said.	- Ты говорила, что люди почувствовали опьянение, - сказал Роберт Джордан.
"Go on."	- Ну, дальше.
"It is not fair to say drunkenness," Pilar said. "For, yet, they were a long way from drunkenness.	- Я неправильно назвала это опьянением, - сказала Пилар, - потому что до настоящего опьянения было еще далеко.

But already there was a change in them, and when Don Guillermo came out, standing straight, near-sighted, gray-headed, of medium height, with a shirt with a collar button but no collar, standing there and crossing himself once and looking ahead, but seeing little without his glasses, but walking forward well and calmly, he was an appearance to excite pity.	Но люди стали уже не те. Когда дон Гильермо вышел из дверей Ayuntamiento - небольшого роста, близорукий, седой, в рубашке без воротничка, только запонка торчала в петличке - и перекрестился, и посмотрел прямо перед собой, ничего не видя без очков, а потом двинулся вперед, спокойно и с достоинством, его можно было пожалеть.
But some one shouted from the line,	Но из шеренги кто-то крикнул:
'Here, Don Guillermo.	- Сюда, дон Гильермо.
Up here, Don Guillermo.	Вот сюда, дон Гильермо.

In this direction.	Пожалуйте к нам.
Here we all have your products.'	Все ваши товары у нас!
"They had had such success joking at Don Faustino that they could not see, now, that Don Guillermo was a different thing, and if Don Guillermo was to be killed, he should be killed quickly and with dignity.	Очень им понравилось издеваться над доном Фаустино, и они не понимали, что дон Гильермо совсем другой человек, и если уж убивать его, так надо убивать быстро и без шутовства...
"'Don Guillermo,' another shouted.	- Дон Гильермо, - крикнул кто-то.
' Should we send to the house for thy spectacles?'	- Может, послать в ваш особняк за очками?

"Don Guillermo's house was no house, since he had not much money and was only a fascist to be a snob and to console himself that he must work for little, running a wooden-implement shop.	У дона Гильермо особняка не было, потому что он был человек небогатый, а фашистом стал просто так, из моды и еще в утешение себе, что приходится пробавляться мелочами, держать лавку сельскохозяйственных орудий.
He was a fascist, too, from the religiousness of his wife which he accepted as his own due to his love for her.	Жена у него была очень набожная, а он ее так любил, что не хотел ни в чем от нее отставать, и это тоже привело его к фашистам.

He lived in an apartment in the building three houses down the square and when Don Guillermo stood there, looking near-sightedly at the lines, the double lines he knew he must enter, a woman started to scream from the balcony of the apartment where he lived.	Дон Г ильермо жил через три дома от Ayuntamiento, снимал квартиру, и когда он остановился, глядя подслеповатыми глазами на двойной строй, сквозь который ему надо было пройти, на балконе того дома, где он жил, пронзительно закричала женщина.
She could see him from the balcony and she was his wife.	Это была его жена, она увидела его с балкона.
"'Guillermo,' she cried.	- Гильермо! - закричала она.
'Guillermo.	- Гильермо!

Wait and I will be with thee.'	Подожди, я тоже пойду с тобой!
"Don Guillermo turned his head toward where the shouting came from.	Дон Гильермо обернулся на голос женщины.
He could not see her.	Он не мог разглядеть ее.
He tried to say something but he could not.	Он хотел сказать что-то и не мог.
Then he waved his hand in the direction the woman had called from and started to walk between the lines.	Тогда он помахал рукой в ту сторону, откуда неслись крики, и шагнул вперед.
"'Guillermo!' she cried.	- Гильермо! - кричала его жена.

' Guillermo!	- Гильермо!
Oh, Guillermo!'	О, Гильермо!
She was holding her hands on the rail of the balcony and shaking back and forth.	- Она вцепилась в балконные перила и тряслась всем телом.
' Guillermo!'	- Гильермо!
"Don Guillermo waved his hand again toward the noise and walked into the lines with his head up and you would not have known what he was feeling except for the color of his face.	Дон Гильермо опять помахал рукой в ту сторону и пошел между шеренгами, высоко подняв голову, и о том, каково у него на душе, можно было судить только по бледности его лица.

"Then some drunkard yelled,	И тут какой-то пьяный крикнул, передразнивая пронзительный голос его жены:

'Guillermo!' from the lines, imitating the high cracked voice of his wife and Don Guillermo rushed toward the man, blindly, with tears now running down his cheeks and the man hit him hard across the face with his flail and Don Guillermo sat down from the force of the blow and sat there crying, but not from fear, while the drunkards beat him and one drunkard jumped on top of him, astride his shoulders, and beat him with a bottle.	"Гильермо!" И дон Гильермо бросился на него, весь в слезах, ничего не видя перед собой, и пьяный ударил его цепом по лицу с такой силой, что дон Гильермо осел на землю и так и остался сидеть, обливаясь слезами, но плакал он не от страха, а от ярости, и пьяные били его, и один уселся ему верхом на плечи и стал колотить его бутылкой.

After this many of the men left the lines and their places were taken by the drunkards who had been jeering and saying things in bad taste through the windows of the _Ayuntamiento_.	После этого многие вышли из шеренг, а их место заняли пьяные, из тех, что с самого начала безобразничали и выкрикивали непристойности в окна Ayuntamiento.
"I myself had felt much emotion at the shooting of the _guardia civil_ by Pablo," Pilar said.	- Мне было очень не по себе, когда Пабло расстреливал guardia civil, - сказала Пилар.

"It was a thing of great ugliness, but I had thought if this is how it must be, this is how it must be, and at least there was no cruelty, only the depriving of life which, as we all have learned in these years, is a thing of ugliness but also a necessity to do if we are to win, and to preserve the Republic.	- Это было скверное дело, но я подумала тогда: если так должно быть, значит, так должно быть, и, по крайней мере, там обошлось без жестокости -просто людей лишили жизни, и хоть это и скверно, но за последние годы все мы поняли, что иначе нельзя, если хочешь выиграть войну и спасти Республику.

"When the square had been closed off and the lines formed, I had admired and understood it as a conception of Pablo, although it seemed to me to be somewhat fantastic and that it would be necessary for all that was to be done to be done in good taste if it were not to be repugnant.	Когда Пабло загородил площадь со всех сторон и выстроил людей двумя шеренгами, мне это хоть и показалось чудно, а все-таки понравилось, и я решила: раз Пабло что-то задумал, значит, так и нужно, потому что все, что мы должны сделать, должно быть сделано пристойно, чтобы никому не претило.
Certainly if the fascists were to be executed by the people, it was better for all the people to have a part in it, and I wished to share the guilt as much as any, just as I hoped to share in the benefits when the town should be ours.	Если уж народ должен покончить с фашистами, то пусть весь народ участвует в этом, и я тоже хотела принять на себя часть вины, раз я собиралась получить и часть тех благ, которые ждали нас тогда, когда город станет нашим.

But after Don Guillermo I felt a feeling of shame and distaste, and with the coming of the drunkards and the worthless ones into the lines, and the abstention of those who left the lines as a protest after Don Guillermo, I wished that I might disassociate myself altogether from the lines, and I walked away, across the square, and sat down on a bench under one of the big trees that gave shade there.	Но после дона Г ильермо мне сделалось стыдно и гадко, и когда пьянчуги и всякая шваль стали на место тех, кто возмутился и вышел из шеренг после дона Гильермо, мне захотелось уйти от всего этого подальше, и я прошла через площадь и села на скамейку под большим деревом, которое отбрасывало густую тень.

"Two peasants from the lines walked over, talking together, and one of them called to me,	К скамейке, переговариваясь между собой, подошли двое крестьян, и один из них окликнул меня:
'What passes with thee, Pilar?'	- Что с тобой, Пилар?
"'Nothing, man,' I told him.	- Ничего, hombre, - ответила я ему.
"'Yes,' he said.	- Неправду говоришь, - сказал он.

' Speak. What passes.'	- Ну, признавайся, что с тобой?
"'I think that I have a belly-full,' I told him.	- Кажется, я сыта по горло, - ответила я ему.
"'Us, too,' he said and they both sat down on the bench.	- Мы тоже, - сказал он, и они оба сели рядом со мной на скамью.

One of them had a leather wineskin and he handed it to me.	У одного из них был бурдюк с вином, и он протянул его мне.
"'Rinse out thy mouth,' he said and the other said, going on with the talking they had been engaged in,	- Прополощи рот, - сказал он, а другой продолжал начатый раньше разговор:
'The worst is that it will bring bad luck.	- Плохо, что это принесет нам несчастье.
Nobody can tell me that such things as the killing of Don Guillermo in that fashion will not bring bad luck.'	Никто не разубедит меня в том, что такая расправа, как с доном Г ильермо, должна принести нам несчастье.
"Then the other said,	Тогда первый сказал:

'If it is necessary to kill them all, and I am not convinced of that necessity, let them be killed decently and without mockery.'	- Если убивать их всех - а я еще не знаю, нужно ли это, - так уж убивали бы попросту, без издевки.
"'Mockery is justified in the case of Don Faustino,' the other said.	- Пусть бы издевались над доном Фаустино, это я понимаю, - сказал другой.
'Since he was always a farcer and was never a serious man.	- Он всегда был шутом гороховым, его никто не принимал всерьез.
But to mock such a serious man as Don Guillermo is beyond all right.'	Но когда издеваются над таким человеком, как дон Гильермо, это нехорошо.

"'I have a belly-full,' I told him, and it was literally true because I felt an actual sickness in all of me inside and a sweating and a nausea as though I had swallowed bad sea food.	- Я сыта по горло, - опять сказала я, и так оно и было на самом деле; внутри у меня все болело, я вся взмокла от пота, и меня мутило, будто я наелась тухлой рыбы.
"'Then, nothing,' the one peasant said.	- Значит, кончено, - сказал первый крестьянин.
' We will take no further part in it.	- Больше мы к этому делу не причастны.
But I wonder what happens in the other towns.'	А любопытно знать, что делается в других городах.

"'They have not repaired the telephone wires yet,' I said.	- Телефон еще не починили, - сказала я.
' It is a lack that should be remedied.'	- И это очень плохо, его надо починить.
"'Clearly,' he said.	- Правильно, - сказал он.
'Who knows but what we might be better employed putting the town into a state of defense than massacring people with this slowness and brutality.'	- Кто знает, может, нам полезнее было бы готовить город к обороне, чем заниматься смертоубийством, да еще таким медленным и жестоким.

"'I will go to speak with Pablo, I told them and I stood up from the bench and started toward the arcade that led to the door of the _Ayuntamiento_ from where the lines spread across the square.	- Пойду поговорю с Пабло, - сказала ему я, встала со скамейки и пошла к аркаде перед входом в Ayuntamiento, откуда через площадь тянулись шеренги.

The lines now were neither straight nor orderly and there was much and very grave drunkenness.	Строя теперь никто не держал, порядка в шеренгах не было, и опьянение давало себя знать уже не на шутку.
Two men had fallen down and lay on their backs in the middle of the square and were passing a bottle back and forth between them.	Двое пьяных валялись на земле посреди площади и по очереди прикладывались к бутылке, передавая ее друг другу.

One would take a drink and then shout, '_Viva la Anarquia!_' lying on his back and shouting as though he were a madman.	Один после каждого глотка орал как сумасшедший: "Viva la Anarquia!"
He had a red-and-black handkerchief around his neck.	Вокруг шеи у него был повязан красный с черным платок.
The other shouted, '_Viva la Libertad!_' and kicked his feet in the air and then bellowed, '_Viva Ia Libertad!_' again.	Другой орал: "Viva la Libertad!" - дрыгал ногами в воздухе и опять орал: "Viva la Libertad!"
He had a red-andblack handkerchief too and he waved it in one hand and waved the bottle with the other.	У него тоже был красный с черным платок, и он размахивал этими платком и бутылкой, которую держал в другой руке.

"A peasant who had left the lines and now stood in the shade of the arcade looked at them in disgust and said,	Один крестьянин вышел из шеренги, остановился в тени аркады, посмотрел на них с отвращением и сказал:
' They should shout,	- Уж лучше бы кричали:
"Long live drunkenness."	"Да здравствует пьянство!"
That's all they believe in.'	Больше ведь они ни во что не верят.
"'They don't believe even in that,' another peasant said.	- Они и в это не верят, - сказал другой крестьянин.
' Those neither understand nor believe in anything.'	- Такие ничего не понимают и ни во что не верят.

"Just then, one of the drunkards got to his feet and raised both arms with his fists clenched over his head and shouted,	Тут один из пьяниц встал, сжал кулаки, поднял их над головой и заорал:
'Long live Anarchy and Liberty and I obscenity in the milk of the Republic!'	"Да здравствует анархия и свобода, так и так вашу Республику!"

"The other drunkard who was still lying on his back, took hold of the ankle of the drunkard who was shouting and rolled over so that the shouting drunkard fell with him, and they rolled over together and then sat up and the one who had pulled the other down put his arm around the shouter's neck and then handed the shouter a bottle and kissed the red-and-black handkerchief he wore and they both drank together.	Другой, все еще валяясь на земле, схватил горлана за ногу, и тот упал на него, и они несколько раз перекатились один через другого, а потом сели, и тот, который свалил своего дружка, обнял теперь его за шею, протянул ему бутылку, поцеловал его красный с черным платок, и оба выпили.

"Just then, a yelling went up from the lines and, looking up the arcade, I could not see who it was that was coming out because the man's head did not show above the heads of those crowded about the door of the _Ayuntamiento_.	В эту минуту в шеренгах закричали, и я оглянулась, но мне не было видно, кто выходит, потому что его загораживала толпа у дверей Ayuntamiento.

All I could see was that some one was being pushed out by Pablo and Cuatro Dedos with their shotguns but I could not see who it was and I moved on close toward the lines where they were packed against the door to try to see.	Я увидела только, что Пабло и Четырехпалый выталкивают кого-то прикладами дробовиков, но кого - мне не было видно, и, чтобы разглядеть, я подошла вплотную к толпе, сгрудившейся у дверей.

"There was much pushing now and the chairs and the tables of the fascists' cafe had been overturned except for one table on which a drunkard was lying with his head hanging down and his mouth open and I picked up a chair and set it against one of the pillars and mounted on it so that I could see over the heads of the crowd.	Все там толкались и шумели, столы и стулья фашистского кафе были опрокинуты, и только один стол стоял на месте, но на нем развалился пьяный, свесив запрокинутую голову и разинув рот. Тогда я подняла стул, приставила его к колонне аркады и взобралась на него, чтобы заглянуть поверх голов.

"The man who was being pushed out by Pablo and Cuatro Dedos was Don Anastasio Rivas, who was an undoubted fascist and the fattest man in the town.	Тот, кого выталкивали Пабло и Четырехпалый, оказался доном Анастасио Ривасом; это был ярый фашист и самый толстый человек у нас в городе.
He was a grain buyer and the agent for several insurance companies and he also loaned money at high rates of interest.	Он занимался скупкой зерна и, кроме того, служил агентом в нескольких страховых компаниях, и еще давал ссуды под высокие проценты.

Standing on the chair, I saw him walk down the steps and toward the lines, his fat neck bulging over the back of the collar band of his shirt, and his bald head shining in the sun, but he never entered them because there was a shout, not as of different men shouting, but of all of them.	Стоя на стуле, я видела, как он сошел со ступенек и приблизился к шеренгам, его жирная шея выпирала сзади из воротничка рубашки, и лысина блестела на солнце. Но сквозь строй ему пройти так и не пришлось, потому что все вдруг закричали разом, - казалось, крик шел не из многих глоток, а из одной.

It was an ugly noise and was the cry of the drunken lines all yelling together and the lines broke with the rush of men toward him and I saw Don Anastasio throw himself down with his hands over his head and then you could not see him for the men piled on top of him.	Под этот безобразный пьяный многоголосый рев люди, ломая строй, кинулись к дону Анастасио, и я увидела, как он бросился на землю, обхватил голову руками, а потом уже ничего не было видно, потому что все навалились на него кучей.
And when the men got up from him, Don Anastasio was dead from his head being beaten against the stone flags of the paving of the arcade and there were no more lines but only a mob.	А когда они поднялись, дон Анастасио лежал мертвый, потому что его били головой о каменные плиты, и никакого строя уже не было, а была орда.

"'We're going in,' they commenced to shout.	- Пошли туда! - раздались крики.
'We're going in after them.'	- Пошли за ними сами!
"'He's too heavy to carry,' a man kicked at the body of Don Anastasio, who was lying there on his face.	- Он тяжелый - не дотащишь, - сказал один и пнул ногой тело дона Анастасио, лежавшее на земле.
' Let him stay there.'	- Пусть валяется!
"'Why should we lug that tub of tripe to the cliff?	- Очень надо тащить эту бочку требухи к обрыву!
Let him lie there.'	Пусть тут и лежит.
"'We are going to enter and finish with them inside,' a man shouted.	- Пошли туда, прикончим их всех разом, -закричал какой-то человек.
'We're going in.'	- Пошли!

"'Why wait all day in the sun?' another yelled.	- Чего тут весь день печься на солнце! - подхватил другой.
' Come on. Let us go.'	- Идем, живо!
"The mob was now pressing into the arcade.	Толпа повалила под аркады.
They were shouting and pushing and they made a noise now like an animal and they were all shouting	Все толкались, орали, шумели, как стадо животных, и кричали:
' Open up!	"Открывай! Открывай!
Open up!' for the guards had shut the doors of the Ayuntamiento when the lines broke.	Открывай!" -потому что, когда шеренги распались, Пабло велел караульным запереть дверь Ayuntamiento на ключ.

"Standing on the chair, I could see in through the barred window into the hail of the _Ayuntamiento_ and in there it was as it had been before.	Стоя на стуле, я видела через забранное решеткой окно, что делается в зале Ayuntamiento. Там все было по-прежнему.
The priest was standing, and those who were left were kneeling in a half circle around him and they were all praying.	Те, кто не успел выйти, полукругом стояли перед священником на коленях и молились.
Pablo was sitting on the big table in front of the Mayor's chair with his shotgun slung over his back. His legs were hanging down from the table and he was rolling a cigarette.	Пабло с дробовиком за спиной сидел на большом столе перед креслом мэра и свертывал сигарету. Ноги у него висели, не доставая до полу.

Cuatro Dedos was sitting in the Mayor's chair with his feet on the table and he was smoking a cigarette.	Четырехпалый сидел в кресле мэра, положив ноги на стол, и курил.
All the guards were sitting in different chairs of the administration, holding their guns.	Все караульные сидели в креслах членов муниципалитета с ружьями в руках.
The key to the big door was on the table beside Pablo.	Ключ от входных дверей лежал на столе перед Пабло.
"The mob was shouting,	Толпа орала:
' Open up!	"Открывай!
Open up!	Открывай!

Open up!' as though it were a chant and Pablo was sitting there as though he did not hear them.	Открывай!" - точно припев песни, а Пабло сидел на своем месте и как будто ничего не слышал.
He said something to the priest but I could not hear what he said for the noise of the mob.	Он что-то сказал священнику, но из-за криков толпы нельзя было разобрать что.
"The priest, as before, did not answer him but kept on praying.	Священник, как и раньше, не ответил ему и продолжал молиться.
With many people pushing me, I moved the chair close against the wall, shoving it ahead of me as they shoved me from behind.	Меня теснили со всех сторон, и я со своим стулом передвинулась к самой стене; меня толкали, а я толкала стул.

I stood on the chair with my face close against the bars of the window and held on by the bars.	Теперь, став на стул, я очутилась у самого окна и взялась руками за прутья решетки.
A man climbed on the chair too and stood with his arms around mine, holding the wider bars.	Какой-то человек тоже влез на мой стул и стоял позади меня, ухватившись руками за два крайних прута решетки.

"'The chair will break,' I said to him.	- Стул не выдержит, - сказала я ему.
"'What does it matter?' he said.	- Велика важность, - ответил он.
' Look at them.	- Смотри.
Look at them pray.'	Смотри, как они молятся!

"His breath on my neck smelled like the smell of the mob, sour, like vomit on paving stones and the smell of drunkenness, and then he put his mouth against the opening in the bars with his head over my shoulder, and shouted,	Он дышал мне прямо в шею, и от него несло винным перегаром и запахом толпы, кислым, как блевотина на мостовой, а потом он вытянул голову через мое плечо и, прижав лицо к прутьям решетки, заорал:
' Open up!	"Открывай!
Open!' and it was as though the mob were on my back as a devil is on your back in a dream.	Открывай!" И мне показалось, будто вся толпа навалилась на меня, как вот иногда приснится во сне, будто черт на тебе верхом скачет.

"Now the mob was pressed tight against the door so that those in front were being crushed by all the others who were pressing and from the square a big drunkard in a black smock with a red-and-black handkerchief around his neck, ran and threw himself against the press of the mob and fell forward onto the pressing men and then stood up and backed away and then ran forward again and threw himself against the backs of those men who were pushing, shouting,	Теперь толпа сгрудилась и напирала на дверь, так что напиравшие сзади совсем придавили передних, а какой-то пьяный, здоровенный детина в черной блузе, с черно-красным платком на шее, разбежался с середины площади, налетел на тех, кто стоял позади, и упал, а потом встал на ноги, отошел назад, и опять разбежался, и опять налетел на стоявших позади, и заорал:
'Long live me and long live Anarchy.'	"Да здравствую я и да здравствует анархия!"

"As I watched, this man turned away from the crowd and went and sat down and drank from a bottle and then, while he was sitting down, he saw Don Anastasio, who was still lying face down on the stones, but much trampled now, and the drunkard got up and went over to Don Anastasio and leaned over and poured out of the bottle onto the head of Don Anastasio and onto his clothes, and then he took a matchbox out of his pocket and lit several matches, trying to make a fire with Don Anastasio.	Потом этот самый пьянчуга вышел из толпы, уселся посреди площади и стал пить из бутылки, и тут он увидел дона Анастасио, который все еще лежал ничком на каменных плитах, истоптанный множеством ног. Тогда пьяница поднялся, подошел к дону Анастасио, нагнулся и стал лить из бутылки ему на голову и на одежду, а потом вынул из кармана спички и принялся чиркать одну за другой, решив запалить костер из дона Анастасио.

But the wind was blowing hard now and it blew the matches out and after a little the big drunkard sat there by Don Anastasio, shaking his head and drinking out of the bottle and every once in a while, leaning over and patting Don Anastasio on the shoulders of his dead body.	Но сильный ветер задувал спички, и спустя немного пьяница бросил это занятие, качая головой, уселся рядом с доном Анастасио и то прикладывался к бутылке, то наклонялся и хлопал по плечу мертвого дона Анастасио.

"All this time the mob was shouting to open up and the man on the chair with me was holding tight to the bars of the window and shouting to open up until it deafened me with his voice roaring past my ear and his breath foul on me and I looked away from watching the drunkard who had been trying to set fire to Don Anastasio and into the hall of the _Ayuntamiento_ again; and it was just as it had been.	А толпа все кричала, требуя, чтобы открыли двери, и человек, стоявший со мной на стуле, изо всех сил дергал прутья решетки и тоже орал у меня над самым ухом, оглушая меня своим ревом и обдавая своим вонючим дыханием. Я перестала смотреть на пьяницу, который пытался поджечь дона Анастасио, и опять заглянула в зал Ayuntamiento; там все было как и раньше.

They were still praying as they had been, the men all kneeling, with their shirts open, some with their heads down, others with their heads up, looking toward the priest and toward the crucifix that he held, and the priest praying fast and hard and looking Out over their heads, and in back of them Pablo, with his cigarette now lighted, was sitting there on the table swinging his legs, his shotgun slung over his back, and he was playing with the key.	Они по-прежнему молились, стоя на коленях, в расстегнутых на груди рубашках, одни - опустив голову, другие - подняв ее кверху и устремив глаза на распятие, которое держал в руках священник, а он быстро и отчетливо шептал слова молитвы, глядя поверх их голов, а позади, на столе, сидел Пабло с сигаретой во рту, с дробовиком за спиной и болтал ногами, поигрывая ключом, который он взял со стола.

"I saw Pablo speak to the priest again, leaning forward from the table and I could not hear what he said for the shouting.	Потом Пабло опять заговорил со священником, наклонившись к нему со стола, но что он говорил - нельзя было разобрать из-за крика.
But the priest did not answer him but went on praying.	Священник не отвечал ему и продолжал молиться.
Then a man stood up from among the half circle of those who were praying and I saw he wanted to go out.	Тогда из полукруга молящихся встал один человек, и я поняла, что он решился выйти.

It was Don Jose Castro, whom every one called Don Pepe, a confirmed fascist, and a dealer in horses, and he stood up now small, neat-looking even unshaven and wearing a pajama top tucked into a pair of gray-striped trousers.	Это был дон Хосе Кастро, которого все звали дон Пепе, барышник и заядлый фашист; он стоял теперь посреди зала, низенький, аккуратный, даже несмотря на небритые щеки, в пижамной куртке, заправленной в серые полосатые брюки.
He kissed the crucifix and the priest blessed him and he stood up and looked at Pablo and jerked his head toward the door.	Он поцеловал распятие, и священник благословил его, и он оглянулся на Пабло и мотнул головой в сторону двери.
"Pablo shook his head and went on smoking.	Пабло покачал головой и продолжал курить.

I could see Don Pepe say something to Pablo but could not hear it.	Я видела, что дон Пепе что-то говорит Пабло, но не могла разобрать что.
Pablo did not answer; he simply shook his head again and nodded toward the door.	Пабло не ответил, только опять покачал головой и кивнул на дверь.
"Then I saw Don Pepe look full at the door and realized that he had not known it was locked.	Тут дон Пепе опять посмотрел на дверь, и я поняла: до сих пор он не знал, что она заперта.
Pablo showed him the key and he Stood looking at it an instant and then he turned and went and knelt down again.	Пабло показал ему ключ, и он с минуту постоял, глядя на этот ключ, а потом повернулся, отошел и снова стал на колени.

I saw the priest look around at Pablo and Pablo grinned at him and showed him the key and the priest seemed to realize for the first time that the door was locked and he seemed as though he started to shake his head, but he only inclined it and went back to praying.	Священник оглянулся на Пабло, а Пабло осклабился и показал ему ключ, и священник словно только тут уразумел, что дверь заперта, и мне показалось было, что он качает головой, но нет, он только опустил голову и снова стал молиться.

"I do not know how they could not have understood the door was locked unless it was that they were so concentrated on their praying and their own thoughts; but now they certainly understood and they understood the shouting and they must have known now that all was changed.	Не знаю, как это они не догадывались, что дверь заперта, разве что уж очень были заняты своими мыслями и своими молитвами; но теперь-то они уже поняли все, и поняли, почему на площади так кричат, и, должно быть, им стало ясно, что там теперь все по-другому.

But they remained the same as before.	Но они не поднимались с колен и молились, как прежде.

"By now the shouting was so that you could hear nothing and the drunkard who stood on the chair with me shook with his hands at the bars and yelled, 'Open up! Open up!' until he was hoarse.	Крик теперь стоял такой, что ничего нельзя было расслышать, а пьянчуга, который забрался на мой стул, обеими руками тряс решетку окна и до хрипоты орал: "Открывай! Открывай!"
"I watched Pablo speak to the priest again and the priest did not answer.	Тут Пабло снова заговорил со священником, но священник ему не ответил.
Then I saw Pablo unsling his shotgun and he reached over and tapped the priest on the shoulder with it.	Потом я увидела, что Пабло снял свой дробовик с плеча, нагнулся и потрогал священника прикладом.

The priest paid no attention to him and I saw Pablo shake his head.	Священник словно и не заметил этого, и я увидела, что Пабло покачал головой.
Then he spoke over his shoulder to Cuatro Dedos and Cuatro Dedos spoke to the other guards and they all stood up and walked back to the far end of the room and stood there with their shotguns.	Потом он что-то сказал через плечо Четырехпалому, а Четырехпалый что-то сказал остальным караульным, и они все встали и отошли в дальний угол зала.

"I saw Pablo say something to Cuatro Dedos and he moved over two tables and some benches and the guards stood behind them with their shotguns. It made a barricade in that corner of the room.	Я увидела, как Пабло опять сказал что-то Четырехпалому, и тот сдвинул вместе два стола и нагородил на них несколько скамеек. Получилась баррикада, отделявшая угол зала, а за баррикадой стояли караульные со своими ружьями.
Pablo leaned over and tapped the priest on the shoulder again with the shotgun and the priest did not pay attention to him but I saw Don Pepe watching him while the others paid no attention but went on praying.	Пабло потянулся вперед и опять тронул священника прикладом дробовика, но священник словно ничего не заметил, и другие тоже не заметили и продолжали молиться, и только дон Пепе оглянулся и посмотрел на Пабло.

Pablo shook his head and, seeing Don Pepe looking at him, he shook his head at Don Pepe and showed him the key, holding it up in his hand.	Пабло покачал головой, а потом, увидев, что дон Пепе смотрит на него, кивнул ему и показал ключ, высоко подняв его в руке.
Don Pepe understood and he dropped his head and commenced to pray very fast.	Дон Пепе понял и, уронив голову на грудь, стал быстро-быстро шептать молитву.
"Pablo swung his legs down from the table and walked around it to the big chair of the Mayor on the raised platform behind the long council table.	Пабло соскочил со стола и, обойдя кругом, подошел к высокому креслу мэра, стоявшему на возвышении во главе длинного стола для заседаний.

He sat down in it and rolled himself a cigarette, all the time watching the fascists who were praying with the priest.	Он уселся в это кресло и стал свертывать себе сигарету, не спуская глаз с фашистов, которые молились вместе со священником.
You could not see any expression on his face at all.	По его лицу нельзя было понять, что он думает.
The key was on the table in front of him.	Ключ лежал на столе перед ним.
It was a big key of iron, over a foot long.	Это был большой железный ключ длиною с фут.
Then Pablo called to the guards something I could not hear and one guard went down to the door.	Потом Пабло что-то крикнул караульным, что - я не могла расслышать, и один караульный пошел к двери.

I could see them all praying faster than ever and I knew that they all knew now.	Я увидела, что губы у фашистов, шептавших молитвы, зашевелились быстрей, и догадалась, что они поняли.
"Pablo said something to the priest but the priest did not answer.	Пабло сказал что-то священнику, но священник ему не ответил.
Then Pablo leaned forward, picked up the key and tossed it underhand to the guard at the door.	Тогда Пабло потянулся за ключом, взял его и швырнул караульному, стоявшему у дверей.
The guard caught it and Pablo smiled at him.	Тот поймал ключ на лету, и Пабло одобрительно ухмыльнулся.

Then the guard put the key in the door, turned it, and pulled the door toward him, ducking behind it as the mob rushed in.	Потом караульный вставил ключ в замок, повернул, дернул дверь и спрятался за нее, потому что толпа сразу ворвалась.
"I saw them come in and just then the drunkard on the chair with me commenced to shout	Я видела, как они вбежали, но тут пьяный, который стоял со мной на стуле, завопил:
' Ayee!	"Ай!
Ayee!	Ай!
Ayee!' and pushed his head forward so I could not see and then he shouted 'Kill them!	Ай! - и, высунувшись вперед, заслонил мне все окно, а потом принялся кричать: - Бей их!

Kill them!	Бей их!
Club them!	Лупи!
Kill them!' and he pushed me aside with his two arms and I could see nothing.	Колоти!" - и отпихнул меня в сторону, так что мне совсем уж ничего не стало видно.
"I hit my elbow into his belly and I said,	Я ткнула его локтем в живот и сказала:
' Drunkard, whose chair is this?	"Пьяница, это чей стул!
Let me see.'	Пусти, дай мне посмотреть!"
"But he just kept shaking his hands and arms against the bars and shouting,	Но он все тряс решетку, вцепившись в нее обеими руками, и вопил:
' Kill them!	"Бей их!

Club them!	Лупи!
Club them! that's it.	Колоти! Вот так!
Club them!	Бей их!
Kill them! _Cabrones!__Cabrones!__Cabrones!_'	Бей! Cabrones! Cabrones! Cabrones!"
"I hit him hard with my elbow and said, '_Cabron!_ Drunkard!	Я ткнула его локтем еще сильней и сказала: "Cabron! Пьянчуга!
Let me see.'	Пусти посмотреть".

"Then he put both his hands on my head to push me down and so he might see better and leaned all his weight on my head and went on shouting,	Тут он обеими руками пригнул мою голову, чтобы ему было виднее, и всей своей тяжестью навалился на меня, а сам все орет:
' Club them! that's it. Club them!'	"Бей их! Лупи! Вот так!"

"'Club yourself,' I said and I hit him hard where it would hurt him and it hurt him and he dropped his hands from my head and grabbed himself and said. '_No hay derecho, mujer_.	"А я тебя вот так!" -сказала я и изо всех сил ударила его в пах, и ему стало так больно, что он отпустил мою голову, схватился за это место и говорит: "No hay derecho, mujer.
This, woman, you have no right to do.'	Не имеешь права, женщина".

And in that moment, looking through the bars, I saw the hail full of men flailing away with clubs and striking with flails, and poking and striking and pushing and heaving against people with the white wooden pitchforks that now were red and with their tines broken, and this was going on all over the room while Pablo sat in the big chair with his shotgun on his knees, watching, and they were shouting and clubbing and stabbing and men were screaming as horses scream in a fire.	А я тем временем заглянула в окно и вижу, что в комнату полным-полно набилось людей, и они молотят дубинками и цепами, и лупят, и колют, и тычут куда ни попало деревянными вилами, которые из белых уже стали красными и зубья растеряли, и вся комната ходит ходуном, а Пабло сидит и смотрит, положив дробовик на колени, а вокруг все ревут, и колотят, и режут, и люди кричат, как лошади на пожаре.

And I saw the priest with his skirts tucked up scrambling over a bench and those after him were chopping at him with the sickles and the reaping hooks and then some one had hold of his robe and there was another scream and another scream and I saw two men chopping into his back with sickles while a third man held the skirt of his robe and the Priest's arms were up and he was clinging to the back of a chair and then the chair I was standing on broke and the drunkard and I were on the pavement that smelled of spilled wine and vomit and the drunkard was shaking his finger at me and saying, '_No	И я увидела, как священник, подобрав полы, лезет на стол, а сзади его колют серпами, а потом кто-то ухватил его за подол сутаны, и послышался крик, и потом еще крик, и я увидела, что двое колют священника, а третий держит его за полы, а он вытянул руки и цепляется за спинку кресла, но тут стул, на котором я стояла, подломился, и мы с пьяным свалились на тротуар, где пахло вином и блевотиной, а пьяный все грозил мне пальцем и говорил: "No hay derecho, mujer, no hay derecho.

You could have done me an injury,' and the people were trampling over us to get into the hall of the _Ayuntamiento_ and all I could see was legs of people going in the doorway and the drunkard sitting there facing me and holding himself where I had hit him.	Ты меня покалечить могла", - а люди, пробегая мимо, спотыкались и наступали на нас, и большей уже ничего не видела, только ноги людей, теснившихся ко входу в Ayuntamiento, да пьяного, который сидел напротив меня, зажимая то место, куда я его ударила.
"That was the end of the killing of the fascists in our town and I was glad I did not see more of it and, but for that drunkard, I would have seen it all. So he served some good because in the _Ayuntamiento_ it was a thing one is sorry to have seen.	Так кончилась расправа с фашистами в нашем городе, и я бы досмотрела все до конца, если бы не мой пьянчуга, но я даже рада, что он помешал мне, так как то, что творилось в Ayuntamiento, лучше было не видеть.

"But the other drunkard was something rarer still.	Другой пьяный, которого я заметила раньше на площади, был еще похуже моего.
As we got up after the breaking of the chair, and the people were still crowding into the _Ayuntamiento_, I saw this drunkard of the square with his red-and-black scarf, again pouring something over Don Anastasio.	Когда мы поднялись на ноги после того, как сломался стул, и выбрались из толпы, теснившейся у дверей, я увидела, что он сидит на прежнем месте, обмотав шею своим красно-черным платком, и что-то льет на дона Анастасио.

He was shaking his head from side to side and it was very hard for him to sit up, but he was pouring and lighting matches and then pouring and lighting matches and I walked over to him and said,	Голова у него моталась из стороны в сторону, и туловище валилось вбок, но он все лил и чиркал спичками, лил и чиркал спичками, и я подошла к нему и сказала:

'What are you doing, shameless?'	-Ты что делаешь, бессовестный?
"'_Nada, mujer, nada_,' he said.	- Nada, mujer, nada, - сказал он.
'Let me alone.'	- Отстань от меня.

"And perhaps because I was standing there so that my legs made a shelter from the wind, the match caught and a blue flame began to run up the shoulder of the coat of Don Anastasio and onto the back of his neck and the drunkard put his head up and shouted in a huge voice,	И тут, может быть потому, что, встав перед ним, я загородила его от ветра, спичка разгорелась, и синий огонек побежал по рукаву дона Анастасио вверх, к его затылку, и пьяница задрал голову и завопил во все горло:
' They're burning the dead!	"Мертвецов жгут!
They're burning the dead!'	Мертвецов жгут!"
"'Who?' somebody said.	- Кто? - крикнул голос из толпы.
"'Where?' shouted some one else.	- Где? - подхватил другой.

"'Here,' bellowed the drunkard.	- Здесь! - надрывался пьяница.
' Exactly here!'	- Вот здесь, вот!
"Then some one hit the drunkard a great blow alongside the head with a flail and he fell back, and lying on the ground, he looked up at the man who had hit him and then shut his eyes and crossed his hands on his chest, and lay there beside Don Anastasio as though he were asleep.	Тут кто-то с размаху огрел пьяного цепом по голове, и он свалился, вскинул глаза на того, кто его ударил, и тут же закрыл их, потом скрестил на груди руки и вытянулся на земле рядом с доном Анастасио, будто заснул.

The man did not hit him again and he lay there and he was still there when they picked up Don Anastasio and put him with the others in the cart that hauled them all over to the cliff where they were thrown over that evening with the others after there had been a cleaning up in the _Ayuntamiento_.	Больше его никто не трогал, и так он и остался лежать там, после того как дона Анастасио подняли и взвалили на телегу вместе с другими и повезли к обрыву; вечером, когда в Ayuntamiento все уже было убрано, их всех сбросили с обрыва в реку.
It would have been better for the town if they had thrown over twenty or thirty of the drunkards, especially those of the red-and-black scarves, and if we ever have another revolution I believe they should be destroyed at the start.	Жаль, что заодно туда же не отправили десяток-другой пьяниц, особенно из тех, с черно-красными платками; и если у нас еще когда-нибудь будет революция, их, я думаю, надо будет ликвидировать с самого начала.

But then we did not know this.	Но тогда мы этого не знали.
But in the next days we were to learn.	Нам еще предстояло это узнать.
"But that night we did not know what was to come.	Но в тот вечер мы еще не знали, что нас ожидает.
After the slaying in the _Ayuntamiento_ there was no more killing but we could not have a meeting that night because there were too many drunkards.	После бойни в Ayuntamiento убивать больше никого не стали, но митинг в тот вечер так и не удалось устроить, потому что слишком много народу перепилось.
It was impossible to obtain order and so the meeting was postponed until the next day.	Невозможно было установить порядок, и потому митинг отложили на следующий день.

"That night I slept with Pablo.	В ту ночь я спала с Пабло.
I should not say this to you, _guapa_, but on the other hand, it is good for you to know everything and at least what I tell you is true.	Не надо бы рассказывать об этом при тебе, guapa, но, с другой стороны, тебе полезно узнать все как есть, и ведь я говорю только чистую правду.

Listen to this, _Ingles_.	Ты послушай, Ingles.
It is very curious.	Это очень любопытно.
"As I say, that night we ate and it was very curious.	Так вот, значит, вечером мы сидели и ужинали, и все было как-то по-чудному.
It was as after a storm or a flood or a battle and every one was tired and no one spoke much.	Так бывает после бури или наводнения или после боя, все устали и говорили мало.

I, myself, felt hollow and not well and I was full of shame and a sense of wrongdoing and I had a great feeling of oppression and of bad to come, as this morning after the planes.	Мне тоже было не по себе, внутри сосало, было стыдно и казалось, что мы сделали что-то нехорошее, и еще было такое чувство, что надвигается большая беда, вот как сегодня утром, когда летели самолеты.
And certainly, bad came within three days.	И так оно и вышло через три дня.
"Pablo, when we ate, spoke little.	Пабло за ужином говорил немного.
"'Did you like it, Pilar?' he asked finally with his mouth full of roast young goat.	- Понравилось тебе, Пилар? - спросил он, набив рот жарким из молодого козленка.

We were eating at the inn from where the buses leave and the room was crowded and people were singing and there was difficulty serving.	Мы ужинали в ресторанчике при автобусной станции. Народу было полно, пели песни, и официанты с трудом управлялись.
"'No,' I said.	- Нет, - сказала я.
'Except for Don Faustino, I did not like it.'	- Не понравилось, если не считать дона Фаустино.
"'I liked it,' he said.	- А мне понравилось, - сказал он.
"'All of it?' I asked him.	- Все? - спросила я.
"'All of it,' he said and cut himself a big piece of bread with his knife and commenced to mop up gravy with it.	- Все, - сказал он и, отрезав своим ножом большой ломоть хлеба, стал подбирать им соус с тарелки.

' All of it, except the priest.'	- Все, если не считать священника.
"'You didn't like it about the priest?' because I knew he hated priests even worse than he hated fascists.	- Тебе не понравилось то, что сделали со священником? - Я удивилась, так как знала, что священники ему еще ненавистней фашистов.
"'He was a disillusionment to me,' Pablo said sadly.	- Он меня разочаровал, - печально сказал Пабло.
"So many people were singing that we had to almost shout to hear one another.	Кругом так громко пели, что нам приходилось почти кричать, иначе не слышно было.
"'Why?'	- Как так?
"'He died very badly,' Pablo said.	- Он плохо умер, - сказал Пабло.

'He had very little dignity.'	- Проявил мало достоинства.
"'How did you want him to have dignity when he was being chased by the mob?' I said.	- Какое уж тут могло быть достоинство, когда на него набросилась толпа? - сказала я.
'I thought he had much dignity all the time before.	- А до того он, по-моему, держался с большим достоинством.
All the dignity that one could have.'	Большего достоинства и требовать нельзя.
"'Yes,' Pablo said.	- Да, - сказал Пабло.

' But in the last minute he was frightened.'	- Но в последнюю минуту он струсил.
"'Who wouldn't be?' I said.	- Еще бы не струсить, - сказала я.

'Did you see what they were chasing him with?'	- Ты видел, что они с ним сделали?
"'Why would I not see?' Pablo said.	-Я не слепой, - сказал Пабло.
'But I find he died badly.'	- Но я считаю, что он умер плохо.
"'In such circumstances any one dies badly,' I told him.	- На его месте каждый умер бы плохо, - сказала я ему.
' What do you want for your money?	- Чего тебе еще нужно за твои деньги?
Everything that happened in the _Ayuntamiento_ was scabrous.'	Если хочешь знать, все, что там творилось, в Ayuntamiento, просто гнусность!
"'Yes,' said Pablo.	- Да, - сказал Пабло.
' There was little organization.	- Порядку было мало.

But a priest.	Но ведь это священник.
He has an example to set.'	Он должен был показать пример.
"'I thought you hated priests.'	- Я думала, ты не любишь священников.
"'Yes,' said Pablo and cut some more bread.	- Да, - сказал Пабло и отрезал себе еще хлеба.
'But a _Spanish_ priest.	- Но ведь это испанский священник.
A _Spanish_ priest should die very well.'	Испанский священник должен умирать как следует.
"'I think he died well enough,' I said.	- По-моему, он совсем неплохо умер, - сказала я.
'Being deprived of all formality.'	- Ведь что творилось!

"'No,' Pablo said.	- Нет, - сказал Пабло.
' To me he was a great disillusionment.	- Он меня совсем разочаровал.
All day I had waited for the death of the priest.	Целый день я ждал смерти священника.
I had thought he would be the last to enter the lines.	Я решил, что он последним пройдет сквозь строй.
I awaited it with great anticipation.	Просто дождаться этого не мог.
I expected something of a culmination.	Думал - вот будет зрелище!
I had never seen a priest die.'	Я еще никогда не видел, как умирает священник.
"'There is time,' I said to him sarcastically.	- Успеешь еще, - язвительно сказала я.
' Only today did the movement start.'	- Ведь сегодня только начало.

"'No,' he said.	- Нет, - сказал Пабло.
' I am disillusioned.'	- Он меня разочаровал.
"'Now,' I said.	-Вот как! - сказала я.
' I suppose you will lose your faith.'	- Чего доброго, ты и в бога верить перестанешь.
"'You do not understand, Pilai' he said.	- Не понимаешь ты, Пилар, - сказал он.
'He was a _Spanish_ priest.'	- Ведь это же испанский священник.

"'What people the Spaniards are,' I said to him.	- Что за народ испанцы! - сказала я ему.
And what a people they are for pride, eh, _Ingles?_ What a people."	И верно, Ingles, что за гордый народ! Правда? Что за народ!

"We must get on," Robert Jordan said.	- Нам надо идти, - сказал Роберт Джордан.
He looked at the sun.	Он взглянул на солнце.
"It's nearly noon."	- Скоро полдень.
"Yes," Pilar said.	- Да, - сказала Пилар.
"We will go now.	- Сейчас пойдем.
But let me tell you about Pablo.	Вот только докончу про Пабло.
That night he said to me,	В тот вечер он мне сказал:
'Pilar, tonight we will do nothing.'	- Пилар, сегодня у нас с тобой ничего не будет.
"'Good,' I told him.	- Ладно, - сказала я.
' That pleases me.'	- Очень рада.

"'I think it would be bad taste after the killing of so many people.'	- Я думаю, это было бы нехорошо в день, когда убили столько народу.
"'_Que va_,' I told him.	- Que va, - ответила я ему.
'What a saint you are.	- Подумаешь, какой праведник!
You think I lived years with bullfighters not to know how they are after the Corrida?'	Я не зря столько лет жила с матадорами, знаю, какие они бывают после корриды.
"'Is it true, Pilar?' he asked me.	- Это верно, Пилар? - спросил он.
"'When did I lie to you?' I told him.	- А когда я тебе лгала? - сказала я ему.

"'It is true, Pilar, I am a finished man this night.	- В самом деле, Пилар, я сегодня никуда не гожусь.
You do not reproach me?'	Ты на меня не в обиде?
"'No, _hombre_,' I said to him.	- Нет, hombre, - сказала я ему.
'But don't kill people every day, Pablo.'	- Но каждый день ты людей не убивай.

"And he slept that night like a baby and I woke him in the morning at daylight but I could not sleep that night and I got up and sat in a chair and looked out of the window and I could see the square in the moonlight where the lines had been and across the square the trees shining in the moonlight, and the darkness of their shadows, and the benches bright too in the moonlight, and the scattered bottles shining, and beyond the edge of the cliff where they had all been thrown.	И он спал всю ночь как младенец, пока я его не разбудила на рассвете, а я так и не могла уснуть и в конце концов поднялась и села у окна, откуда видна была площадь в лунном свете, та самая, где днем стояли шеренги, и деревья на краю площади, блестевшие в лунном свете, и черные тени, которые от них падали, и скамейки, тоже облитые лунным светом, и поблескивавшие осколки бутылок, а дальше обрыв, откуда всех сбросили, и за ним пустота.

And there was no sound but the splashing of the water in the fountain and I sat there and I thought we have begun badly.	Кругом было тихо, только в фонтане плескалась вода, и я сидела и думала: как же скверно мы начинаем.
"The window was open and up the square from the Fonda I could hear a woman crying.	Окно было раскрыто, и со стороны Фонды мне вдруг послышался женский плач.

I went out on the balcony standing there in my bare feet on the iron and the moon shone on the faces of all the buildings of the square and the crying was coming from the balcony of the house of Don Guillermo.	Я вышла на балкон, босыми ногами ступая по железу; фасады домов вокруг площади были освещены луной, а плач доносился с балкона дона Гильермо.
It was his wife and she was on the balcony kneeling and crying.	Это его жена стояла там на коленях и плакала.
"Then I went back inside the room and I sat there and I did not wish to think for that was the worst day of my life until one other day."	Тогда я вернулась в комнату и снова села у окна, и мне не хотелось ни о чем думать, потому что это был самый плохой день в моей жизни, если не считать еще одного дня.

"What was the other?" Maria asked.	- А когда был этот другой день? - спросила Мария.
"Three days later when the fascists took the town."	- Три дня спустя, когда город взяли фашисты.
"Do not tell me about it," said Maria.	- Про это не говори, - сказала Мария.
"I do not want to hear it.	- Я не хочу слушать.
This is enough.	Довольно.
This was too much."	И так слишком много.
"I told you that you should not have listened," Pilar said.	- Я ведь говорила, что тебе не надо этого слушать, - сказала Пилар.
"See.	- Видишь!
I did not want you to hear it.	Я не хотела, чтоб ты слушала.

Now you will have bad dreams."	Вот теперь тебе приснятся дурные сны.
"No," said Maria.	- Нет, - сказала Мария.
"But I do not want to hear more."	- Но больше я не хочу.
"I wish you would tell me of it sometime," Robert Jordan said.	- А мне бы хотелось как-нибудь еще послушать, -сказал Роберт Джордан.
"I will," Pilar said.	- Ладно, - сказала Пилар.
"But it is bad for Maria."	- Но Марии это вредно.
"I don't want to hear it," Maria said pitifully.	-Я не хочу, - жалобно сказала Мария.
"Please, Pilar.	- Не надо, Пилар.
And do not tell it if I am there, for I might listen in spite of myself."	Не рассказывай при мне, а то я волей-неволей буду слушать.

Her lips were working and Robert Jordan thought she would cry.	Губы у нее тряслись, и Роберт Джордан подумал, что она сейчас заплачет.
"Please, Pilar, do not tell it."	- Не надо, Пилар, не говори.
"Do not worry, little cropped head," Pilar said.	- Не бойся, стригунок, - сказала Пилар.
"Do not worry.	- Не бойся.
But I will tell the _Ingles_ sometime."	Но тебе я расскажу, Ingles, как-нибудь в другой раз.

"But I want to be there when he is there," Maria said.	- Но я хочу всегда быть там, где он, - сказала Мария.

"Oh, Pilar, do not tell it at all."	- Нет, Пилар, не рассказывай ты этого совсем.
"I will tell it when thou art working."	- Я расскажу, когда ты будешь занята.
"No.	- Нет.
No.	Нет.
Please.	Не надо.
Let us not tell it at all," Maria said.	Не будем совсем говорить про это, - попросила Мария.
"It is only fair to tell it since I have told what we did," Pilar said.	- Раз уж я рассказала про то, что делали мы, надо и это рассказать, иначе несправедливо, - ответила Пилар.
"But you shall never hear it."	- Но я расскажу так, что ты не услышишь.

"Are there no pleasant things to speak of?" Maria said.	- Неужели нельзя говорить о чем-нибудь приятном? - сказала Мария.
"Do we have to talk always of horrors?"	- Неужели нужно всегда говорить про эти ужасы?
"This afternoon," Pilar said, "thou and _Ingles_.	- Вот после обеда, - сказала Пилар, - останетесь вы вдвоем, ты и Ingles.
The two of you can speak of what you wish."	Тогда будете говорить о чем хотите.
"Then that the afternoon should come," Maria said.	- Ну так пускай скорей придет после обеда, -сказала Мария.
"That it should come flying."	- Пусть оно прилетит.
"It will come," Pilar told her.	- Придет, придет, - сказала ей Пилар.

"It will come flying and go the same way and tomorrow will fly, too."	- Прилетит, а потом и улетит, и завтрашний день тоже улетит.
"This afternoon," Maria said.	- После обеда, - сказала Мария.
"This afternoon.	- После обеда.
That this afternoon should come."	Пускай скорей придет после обеда.
11	11

As they came up, still deep in the shadow of the pines, after dropping down from the high meadow into the wooden valley and climbing up it on a trail that paralleled the stream and then left it to gain, steeply, the top of a rim-rock formation, a man with a carbine stepped out from behind a tree.	Они спустились с плато в лесистую долину и снова поднялись по тропке, которая сначала вилась вдоль ручья, а потом сворачивала и сразу круто забирала в гору, и когда они достигли вершины склона, поросшей все тем же густым сосняком, навстречу им выступил из-за дерева человек с карабином наперевес.
"Halt," he said.	- Стой, - сказал он.
Then, "_Hola_, Pilar.	И потом: - Hola, Пилар.
Who is this with thee?"	Кто это с тобой?
"An _Ingles_," Pilar said.	- Это один Ingles, - сказала Пилар.

"But with a Christian name--Roberto.	- Но имя у него христианское. - Роберто.
And what an obscenity of steepness it is to arrive here."	На какую распохабную высоту надо лезть, чтобы к вам добраться!
"_Salud, Camarada_," the guard said to Robert Jordan and put out his hand.	- Salud, camarada, - сказал часовой и протянул руку Роберту Джордану.
"Are you well?"	- Что скажешь хорошего?
"Yes," said Robert Jordan.	- Все хорошо, - ответил Роберт Джордан.
"And thee?"	- А у тебя?
"Equally," the guard said.	- Тоже, - сказал часовой.

He was very young, with a light build, thin, rather hawk-nosed face, high cheekbones and gray eyes.	Он был очень молод; узкоплечий, худой, лицо скуластое, нос с горбинкой и серые глаза.
He wore no hat, his hair was black and shaggy and his handclasp was strong and friendly. His eyes were friendly too.	Шапки на нем не было, и взлохмаченные черные волосы падали на лоб; в его сильном пожатии чувствовалось дружелюбие, и глаза тоже смотрели дружелюбно.
"Hello, Maria," he said to the girl.	- Здравствуй, Мария, - сказал он девушке.
"You did not tire yourself?"	- Ты не устала?
"_Que va_, Joaquin," the girl said.	- Que va, Хоакин, - сказала девушка.

"We have sat and talked more than we have walked."	- Мы не столько шли, сколько сидели и разговаривали.
"Are you the dynamiter?" Joaquin asked.	-Ты - новый динамитчик? - спросил Хоакин.
"We have heard you were here."	- Мы уже про тебя слышали.
"We passed the night at Pablo's," Robert Jordan said.	- Я ночевал у Пабло, - сказал Роберт Джордан.
"Yes, I am the dynamiter."	- Да, я новый динамитчик.
"We are glad to see you," Joaquin said.	- Мы рады тебе, - сказал Хоакин.
"Is it for a train?"	- Что, опять поезд?
"Were you at the last train?" Robert Jordan asked and smiled.	- А ты был в том деле? - спросил Роберт Джордан с улыбкой.

"Was I not," Joaquin said.	- Еще бы, - сказал Хоакин.
"That's where we got this," he grinned at Maria.	- Там мы нашли вот эту. - Он лукаво кивнул на Марию.
"You are pretty now," he said to Maria.	- Ты теперь красивая стала, - сказал он Марии.
"Have they told thee how pretty?"	- Говорили уже тебе, какая ты красивая?
"Shut up, Joaquin, and thank you very much," Maria said.	- Спасибо, Хоакин, но все-таки замолчи, - сказала Мария.
"You'd be pretty with a haircut."	- Тебя бы вот остричь наголо да посмотреть, какой ты будешь красивый.
"I carried thee," Joaquin told the girl.	- Я тебя нес, - сказал Хоакин девушке.

"I carried thee over my shoulder."	- Я тебя нес на плечах.

"As did many others," Pilar said in the deep voice.	- Не ты один, - сказала Пилар своим низким голосом.
"Who didn't carry her?	- Все ее несли.
Where is the old man?"	Где старик?
"At the camp."	- В лагере.
"Where was he last night?"	- А вчера вечером где он был?
"In Segovia."	- В Сеговии.
"Did he bring news?"	- Новости есть?
"Yes," Joaquin said, "there is news."	- Да, - сказал Хоакин. - Есть новости.

"Good or bad?"	- Хорошие или плохие?
"I believe bad."	- Кажется, плохие.
"Did you see the planes?"	- Вы самолеты видели?
"Ay," said Joaquin and shook his head.	- Ох, - сказал Хоакин и покачал головой.
"Don't talk to me of that.	- Лучше и не говори!
Comrade Dynamiter, what planes were those?"	Товарищ динамитчик, что это были за самолеты?
"Heinkel one eleven bombers.	- Бомбардировщики "хейнкель-сто одиннадцать".
Heinkel and Fiat pursuit," Robert Jordan told him.	Истребители "хейнкель" и "фиат", - ответил ему Роберт Джордан.

"What were the big ones with the low wings?"	- Большие с низкими крыльями как называются?
"Heinkel one elevens."	- "Хейнкель-сто одиннадцать".
"By any names they are as bad," Joaquin said.	- Как бы ни назывались, от этого не легче, - сказал Хоакин.
"But I am delaying you.	- Но я задерживаю вас.
I will take you to the commander."	Пойдемте, я вас провожу к командиру.
"The commander?" Pilar asked.	- К командиру? - спросила Пилар.
Joaquin nodded seriously.	Хоакин кивнул с серьезным видом.
"I like it better than 'chief," he said.	- Мне так больше нравится, чем "вожак", - сказал он.

"It is more military."	- Звучит по-военному.
"You are militarizing heavily," Pilar said and laughed at him.	- Ты скоро совсем солдатом станешь, - сказала Пилар и засмеялась.
"No," Joaquin said.	- Нет, - сказал Хоакин.
"But I like military terms because it makes orders clearer and for better discipline."	- Но мне нравятся военные термины, с ними приказы яснее и дисциплина крепче.
"Here is one according to thy taste, _Ingles_," Pilar said.	- Вот этот придется тебе по душе, Ingles, - сказала Пилар.
"A very serious boy."	- Он у нас серьезный.

"Should I carry thee?" Joaquin asked the girl and put his arm on her shoulder and smiled in her face.	- Может, понести тебя? - спросил Хоакин девушку, обняв ее за плечи и с улыбкой заглядывая ей в глаза.
"Once was enough," Maria told him.	- Одного раза хватит, - ответила ему Мария.
"Thank you just the same."	- Но и за то спасибо.
"Can you remember it?" Joaquin asked her.	- А ты помнишь, как это было? - спросил ее Хоакин.
"I can remember being carried," Maria said.	- Я помню, что меня несли, - сказала Мария.
"By you, no.	- А тебя не помню.
I remember the gypsy because he dropped me so many times.	Цыгана помню, потому что он меня то и дело бросал.

But I thank thee, Joaquin, and I'll carry thee sometime."	Но все равно спасибо тебе, Хоакин, как-нибудь в другой раз я сама тебя понесу.
"I can remember it well enough," Joaquin said.	-А я хорошо помню, - сказал Хоакин.
"I can remember holding thy two legs and thy belly was on my shoulder and thy head over my back and thy arms hanging down against my back."	- Помню, как я держал тебя за обе ноги, а животом ты лежала у меня на плече, а твоя голова свешивалась мне на спину, и руки тоже там болтались.
"Thou hast much memory," Maria said and smiled at him.	- У тебя хорошая память, - сказала Мария и улыбнулась ему.
"I remember nothing of that.	- Я вот ничего не помню.

Neither thy arms nor thy shoulders nor thy back."	Ни твоих рук, ни твоего плеча, ни твоей спины.
"Do you want to know something?" Joaquin asked her.	- А сказать тебе одну вещь? - спросил ее Хоакин.
"What is it?"	- Ну, говори.
"I was glad thou wert hanging over my back when the shots were coming from behind us."	- Я тогда очень радовался, что вы висишь у меня на спине, потому что стреляли-то сзади!
"What a swine," Maria said.	- Вот свинья, - сказала Мария.
"And was it for this the gypsy too carried me so much?"	- Верно, от того и цыган меня долго нес.

"For that and to hold onto thy legs."	- Ну да, и еще от того, что ему приятно было подержать тебя за ноги.
"My heroes," Maria said.	- Мои герои, - сказала Мария.
"My saviors."	- Мои спасители.
"Listen, _guapa_," Pilar told her.	- Слушай, guapa, - сказала ей Пилар.
"This boy carried thee much, and in that moment thy legs said nothing to any one.	- Этот мальчик нес тебя очень долго, и в то время им было вовсе не до твоих ног.
In that moment only the bullets talked clearly.	В то время на уме у всех были только пули.

And if he would have dropped thee he could soon have been out of range of the bullets."	А если б он тебя бросил, он быстро добежал бы до такого места, куда пули уже не достига-ли.
"I have thanked him," Maria said.	- Я ему благодарна, - сказала Мария.

"And I will carry him sometime.	- И как-нибудь в другой раз я сама его понесу.
Allow us to joke.	Дай нам пошутить, Пи-лар.
I do not have to cry, do I, because he carried me?"	Не плакать же мне от то-го, что он меня нес.
"I'd have dropped thee," Joaquin went on teasing her.	- Я бы тебя тогда охотно бросил, - продолжал драз-нить ее Хоакин.

"But I was afraid Pilar would shoot me."	- Да боялся, что Пилар меня пристрелит.
"I shoot no one," Pilar said.	- Я еще никого не пристрелила, - сказала Пилар.
"_No hace falta_," Joaquin told her. "You don't need to.	- No hace falta. А это и не требуется, - ответил ей Хоакин.
You scare them to death with your mouth."	- Из-за твоего языка тебя и так боятся до смерти.
"What a way to speak," Pilar told him.	- Что это за разговоры, - сказала ему Пилар.
"And you used to be such a polite little boy.	- Ты всегда был таким вежливым мальчуганом.

What did you do before the movement, little boy?"	Что ты делал до войны, мальчуган?
"Very little," Joaquin said.	- А что я мог делать? - сказал Хоакин.
"I was sixteen."	- Мне тогда было шестнадцать лет.
"But what, exactly?"	- Но все-таки?
"A few pairs of shoes from time to time."	- Так, случалось иногда заработать на чужих башмаках.
"Make them?"	- Чинил, что ли?
"No. Shine them."	- Нет, чистил.
"_Que va_," said Pilar.	- Que va, - сказала Пилар.
"There is more to it than that."	- Чего-то ты недоговариваешь.

She looked at his brown face, his lithe build, his shock of hair, and the quick heel-and-toe way that he walked.	- Она оглядела его смуглое лицо, гибкую фигуру, копну-черных волос, вспомнила его походку с каблука на носок.
"Why did you fail at it?"	- Почему же у тебя не вышло?
"Fail at what?"	- Что не вышло?
"What?	-Что?
You know what.	Ты знаешь что.
You're growing the pigtail now."	Ты и сейчас косичку отращиваешь.
"I guess it was fear," the boy said.	- Должно быть, страх помешал, - сказал юноша.
"You've a nice figure," Pilar told him.	- Фигура у тебя подходящая, - сказала ему Пилар.

"But the face isn't much.	- Но лицо так себе.
So it was fear, was it?	Значит, страх помешал?
You were all right at the train."	А в деле с поездом ты держался молодцом.
"I have no fear of them now," the boy said.	- Теперь у меня страха нет, - сказал юноша.
"None.	- Прошло.

And we have seen much worse things and more dangerous than the bulls.	Мы насмотрелись такого, что похуже и пострашнее быков.
It is clear no bull is as dangerous as a machine gun.	Какой бык может сравниться с пулеметом?

But if I were in the ring with one now I do not know if I could dominate my legs."	Но все-таки, очутись я теперь на арене, не знаю, станут ли меня слушаться ноги.
"He wanted to be a bullfighter," Pilar explained to Robert Jordan.	- Он хотел быть матадором, - объяснила Пилар Роберту Джордану.
"But he was afraid."	- Но струсил.
"Do you like the bulls, Comrade Dynamiter?" Joaquin grinned, showing white teeth.	- Ты любишь бой быков, товарищ динамитчик? -спросил Хоакин, открывая в улыбке белые зубы.
"Very much," Robert Jordan said.	- Очень, - сказал Роберт Джордан.
"Very, very much."	- Очень, очень люблю.

"Have you seen them in Valladolid?" asked Joaquin.	- А ты когда-нибудь видел его в Вальядолиде? -спросил Хоакин.
"Yes.	-Да.
In September at the feria."	В сентябре, во время ярмарки.
"That's my town," Joaquin said.	- Я сам из Вальядолида, - сказал Хоакин.
"What a fine town but how the _buena gente_, the good people of that town, have suffered in this war."	- Замечательный город, и люди там хорошие, но сколько же им пришлось вытерпеть в эту войну!
Then, his face grave,	- Лицо его потемнело.
"There they shot my father.	- Там у меня убили отца.
My mother.	И мать.

My brother-in-law and now my sister."	И зятя, а вот теперь, недавно, сестру.
"What barbarians," Robert Jordan said.	- Звери, - сказал Роберт Джордан.
How many times had he heard this?	Сколько раз уже он это слышал.
How many times had he watched people say it with difficulty?	Сколько раз видел, как люди с усилием выговаривают эти слова.
How many times had he seen their eyes fill and their throats harden with the difficulty of saying my father, or my brother, or my mother, or my sister?	Сколько раз наблюдал, как глаза наполняются слезами и голос становится хриплым, когда нужно произнести простое слово - отец, брат, мать, сестра.

He could not remember how many times he had heard them mention their dead in this way.	Разве сосчитаешь, сколько пришлось встретить людей, вспоминавших о своих близких именно так.
Nearly always they spoke as this boy did now; suddenly and apropos of the mention of the town and always you said,	И почти всегда это бывает неожиданно, как вот сейчас, с этим мальчиком, когда разговор вдруг коснется родного города, и при этом всегда отвечаешь:
"What barbarians."	"Звери!"
You only heard the statement of the loss.	Но ты только слышал о том, что случилось.

You did not see the father fall as Pilar made him see the fascists die in that story she had told by the stream.	Ты не видел, как падал убитый отец. Перед тобой не возникала картина его смерти, как возникала картина смерти фашистов, когда Пилар вела свой рассказ у ручья.
You knew the father died in some courtyard, or against some wall, or in some field or orchard, or at night, in the lights of a truck, beside some road.	Ты знал: отца расстреляли где-нибудь на дворе, или у стены дома, или в поле, или на огороде, или ночью на дороге при свете автомобильных фар.

You had seen the lights of the car from the hills and heard the shooting and afterwards you had come down to the road and found the bodies.	Порой тебе случалось сверху, с гор, видеть их огни и слышать выстрелы, а потом спускаться на дорогу и находить тела.
You did not see the mother shot, nor the sister, nor the brother.	Но ты не видел, как убивали мать, или сестру, или брата.
You heard about it; you heard the shots; and you saw the bodies.	Ты только слышал об этом; и ты слышал выстрелы и видел тела.
Pilar had made him see it in that town.	Пилар своим рассказом заставила его увидеть.
If that woman could only write.	Если б эта женщина умела писать!

He would try to write it and if he had luck and could remember it perhaps he could get it down as she told it.	Он попробует записать все так, как она рассказывала, если только ему удастся все вспомнить.
God, how she could tell a story.	Ах, черт, какой она рассказчик!
She's better than Quevedo, he thought.	Посильней Кеведо, подумал он.
He never wrote the death of any Don Faustino as well as she told it.	Кеведо не сумел бы так описать смерть какого-нибудь дона Фаустино, как это вышло у нее.
I wish I could write well enough to write that story, he thought.	Если бы у меня хватило таланта написать такой рассказ, подумал он.
What we did.	Именно про то, что мы делали.

Not what the others did to us.	Не про то, что делали с нами.
He knew enough about that.	Об этом он знал достаточно.
He knew plenty about that behind the lines.	Он немало наслышался таких рассказов во вражеском тылу.
But you had to have known the people before.	Но нужно знать людей, о которых идет речь.
You had to know what they had been in the village.	Нужно знать, что это были за люди, как они жили раньше.

Because of our mobility and because we did not have to stay afterwards to take the punishment we never knew how anything really ended, he thought.	от того, что мы постоянно переходим с места на место, от того, что нам не приходится задерживаться и самим нести расплату, мы, в сущности, не знаем, что бывает потом, подумал он.
You stayed with a peasant and his family.	Ты приходишь в дом к крестьянину.
You came at night and ate with them.	Ты приходишь под вечер, ужинаешь с ним и его семьей и ложишься спать.

In the day you were hidden and the next night you were gone.	Днем тебя прячут, а на следующую ночь тебя там уже нет.

You did your job and cleared out.	Ты сделал свое дело и ушел.
The next time you came that way you heard that they had been shot.	Когда тебе снова случится попасть в те места, ты узнаешь, что твоих хозяев расстреляли.
It was as simple as that.	Вот и все.
But you were always gone when it happened.	Но это всегда происходило уже без тебя.
The _partizans_ did their damage and pulled out.	Партизаны разрушали то, что нужно было разрушить, и шли дальше.
The peasants stayed and took the punishment.	Крестьяне оставались и расплачивались за все.

I've always known about the other, he thought.	Я и раньше знал о том, о чем рассказывала Пилар, подумал он.
What we did to them at the start I've always known it and hated it and I have heard it mentioned shamelessly and shamefully, bragged of, boasted of, defended, explained and denied.	О том, что на первых порах мы делали с ними. Я всегда знал это, и мне было противно; я слышал, как об этом говорили со стыдом и без стыда, хвастались, гордились, оправдывали, объясняли или отрицали.
But that damned woman made me see it as though I had been there.	Но эта проклятая баба заставила меня увидеть все так, как будто я сам был при этом.
Well, he thought, it is part of one's education.	Ну что ж, подумал он, это тоже необходимо для твоего воспитания.

It will be quite an education when it's finished.	А воспитание ты здесь получаешь хорошее, это ты почувствуешь потом, когда все кончится.
You learn in this war if you listen.	Здесь, на войне, учишься, если только умеешь слушать.
You most certainly did.	Ты, во всяком случае, научился многому.
He was lucky that he had lived parts of ten years ifl Spain before the war.	Хорошо, что в последние десять лет перед войной ты почти каждый год бывал в Испании.
They trusted you on the language, principally.	Если удается заслужить доверие, это главным образом из-за языка.

They trusted you on understanding the language completely and speaking it idiomatically and having a knowledge of the different places.	Тебе доверяют потому, что ты отлично понимаешь язык и говоришь без запинки и во многих местах побывал в этой стране.
A Spaniard was only really loyal to his village in the end.	Испанец в конечном счете предан только родной деревне.
First Spain of course, then his own tribe, then his province, then his village, his family and finally his trade.	То есть прежде всего, разумеется, Испании, потом своему народу, потом своей провинции, потом своей деревне, своей семье и своему ремеслу.

If you knew Spanish he was prejudiced in your favor, if you knew his province it was that much better, but if you knew his village and his trade you were in as far as any foreigner ever could be.	Если вы знаете испанский язык, это сразу располагает испанца в вашу пользу, если вы знаете его провинцию, расположение усиливается, но если вы знаете его деревню и его ремесло, вы становитесь для него своим в той мере, в какой это вообще возможно для иностранца.

He never felt like a foreigner in Spanish and they did not really treat him like a foreigner most of the time; only when they turned on you.	Для Роберта Джордана испанский язык никогда не был чужим, и потому эти люди редко обращались с ним как с иностранцем; разве только, когда вдруг ополчались против него.

Of course they turned on you.	Конечно, бывает, что они ополчаются против тебя.
They turned on you often but they always turned on every one.	Это случается даже часто, но ведь они готовы ополчиться против кого угодно.
They turned on themselves, too. If you had three together, two would unite against one, and then the two would start to betray each other. Not always, but often enough for you to take enough cases and start to draw it as a conclusion.	Даже против самих себя.
This was no way to think; but who censored his thinking?	Нехорошо было так думать, но кто контролировал его мысли?

Nobody but himself.	Никто, кроме него самого.
He would not think himself into any defeatism.	Он не боялся, что эти мысли приведут его в конце концов к пораженчеству.
The first thing was to win the war.	Самое главное было выиграть войну.
If we did not win the war everything was lost.	Если мы не выиграем войны - кончено дело.
But he noticed, and listened to, and remembered everything.	Но он замечал все, и ко всему прислушивался, и все запоминал.

He was serving in a war and he gave absolute loyalty and as complete a performance as he could give while he was serving.	Он принимал участие в войне и, покуда она шла, отдавал ей все свои силы, храня непоколебимую верность долгу.
But nobody owned his mind, nor his faculties for seeing and hearing, and if he were going to form judgments he would form them afterwards.	Но разума своего и своей способности видеть и слышать он не отдавал никому; что же до выводов из виденного и слышанного, то этим, если потребуется, он займется позже.
And there would be plenty of material to draw them from.	Материала для выводов будет достаточно.
There was plenty already.	Его уже достаточно.
There was a little too much sometimes.	Порой даже кажется, что слишком много.

Look at the Pilar woman, he thought.	Посмотреть только на эту женщину, Пилар, подумал он.
No matter what comes, if there is time, I must make her tell me the rest of that story.	Как бы там ни сложилось дальше, но если будет время, надо упросить ее, чтобы она досказала мне эту историю.
Look at her walking along with those two kids.	Посмотреть только, как она шагает рядом с этими двумя младенцами.
You could not get three better-looking products of Spain than those.	Трудно подобрать трех более прекрасных детей Испании.
She is like a mountain and the boy and the girl are like young trees.	Она похожа на гору, а юноша и девушка точно два молодых деревца.

The old trees are all cut down and the young trees are growing clean like that.	Старые деревья уже все срублены, а молодые растут здоровыми, вот как эти.
In spite of what has happened to the two of them they look as fresh and clean and new and untouched as though they had never heard of misfortune.	Несмотря на все, что им пришлось перенести, они кажутся такими свежими, и чистыми, и здоровыми, и нетронутыми, как будто никогда не знали несчастья.
But according to Pilar, Maria has just gotten sound again.	А ведь, по словам Пилар, Мария только-только пришла в себя.
She must have been in an awful shape.	Верно, совсем была плоха.

He remembered a Belgian boy in the Eleventh Brigade who had enlisted with five other boys from his village.	Ему вспомнился один паренек, бельгиец, в Одиннадцатой бригаде. Их было шестеро добровольцев из одной деревни.
It was a village Of about two hundred people and the boy had never been away froni the village before.	Вся деревня состояла из двух сотен жителей, и этот парень раньше ни разу из нее не выезжал.
When he first saw the boy, out at Hans' Brigade Staff, the other five from the village had all been killed and the boy was in very bad shape and they were using him as an orderly to wait on table at the staff.	Когда Роберт Джордан впервые встретил его в штабе бригады Ганса, все пятеро его товарищей уже погибли, он один уцелел; он был словно не в себе, и его взяли в штаб прислуживать за столом.

He had a big, blond, ruddy Flemish face and huge awkward peasant hands and he moved, with the dishes, as powerfully and awkwardly as a draft horse.	У него были светлые волосы, широкое, румяное фламандское лицо и громадные неуклюжие руки крестьянина, и с подносом в руках он казался могучим и неуклюжим, как ломовая лошадь.
But he cried all the time.	И все время плакал.
All during the meal he cried with no noise at all.	Весь обед или ужин он плакал, беззвучно, но неудержимо.
You looked up and there he was, crying.	Когда ни взглянешь на него, он плачет.
If you asked for the wine, he cried and if you passed your plate for stew, he cried; turning away his head.	Попросишь налить вина - плачет, протянешь тарелку за жарким - плачет, только лицо отворачивает.

Then he would stop; but if you looked up at him, tears would start coming again.	Потом вдруг он переставал; но стоило взглянуть на него, и у него снова набегали на глаза слезы.
Between courses he cried in the kitchen.	Он плакал и на кухне, ожидая очередного блюда.
Every one was very gentle with him.	Все были очень ласковы с ним.
But it did no good.	Но ничто не помогало.
He would have to find out what became of him and whether he ever cleared up and was fit for soldiering again.	Надо будет узнать, что с ним сталось, прошло ли это у него и смог ли он опять пойти на фронт.
Maria was sound enough now.	А Мария, видно, теперь вполне оправилась.

She seemed so anyway.	Так, по крайней мере, кажется.
But he was no psychiatrist.	Он, правда, плохой психиатр.
Pilar was the psychiatrist.	Вот Пилар - та настоящий психиатр.
It probably had been good for them to have been together last night.	Наверно, для них обоих хорошо, что они были вместе этой ночью.

Yes, unless it stopped.	Да, если только на том не оборвется.
It certainly had been good for him.	Для него это очень хорошо.
He felt fine today; sound and good and unworried and happy.	У него сегодня легко на душе: спокойно и радостно и никакой тревоги.

The show looked bad enough but he was awfully lucky,too.	Дело у моста выглядит довольно рискованным, но ведь ему везет.
He had been in others that announced themselves badly.	Бывал он не раз в таких делах, которые обещали быть рискованными.
Announced themselves; that was thinking in Spanish.	Обещали быть; он уже и думает по-испански.
Maria was lovely.	Мария - прелесть.
Look at her, he said to himself.	Смотри на нее, сказал он себе.
Look at her.	Смотри на нее.
He looked at her striding happily in the sun; her khaki shirt open at the neck.	Он смотрел, как она весело шагает в солнечных лучах, распахнув ворот своей серой рубашки.

She walks like a colt moves, he thought.	У нее поступь, как у молодого жеребенка, подумал он.
You do not run onto something like that.	Не каждый день встретишь такую.
Such things don't happen.	Не часто это бывает.
Maybe it never did happen, he thought.	Может быть, этого и не было, подумал он.
Maybe you dreamed it or made it up and it never did happen.	Может быть, это тебе приснилось или ты все выдумал и на самом деле этого вовсе не было.
Maybe it is like the dreams you have when some one you have seen in the cinema comes to your bed at night and is so kind and lovely.	Может быть, это вот как иногда тебе снится, что героиня фильма, который ты видел, пришла к тебе ночью, такая ласковая и чудесная.

He'd slept with them all that way When he was asleep in bed.	Он всех их обнимал во сне.
He could remember Garbo still, and Harlow.	Гарбо он до сих пор помнит, и Харлоу.
Yes, Harlow many times.	Да, Харлоу была много раз.
Maybe it was like those dreams.	Может быть, и это такой же сон.

But he could still remember the time Garbo came to his bed the flight before the attack at Pozoblanco and she was wearing a soft silky wool sweater when he put his arm around her and when she leaned forward her hair swept forward and over his face and she said why had he never told her that he loved her when she had loved him all this time?	Но он до сих пор помнит, как Г арбо приходила к нему во сне накануне атаки у Пособланко; на ней был шерстяной свитер, мягкий и шелковистый на ощупь, и когда он обнял ее, она наклонилась, и ее волосы упали ему на лицо, и она спросила, почему он никогда не говорил ей о своей любви, ведь она любит его уже давно.
She was not shy, nor cold, nor distant.	Она не казалась застенчивой, холодной и далекой.

She was just lovely to hold and kind and lovely and like the old days with Jack Gilbert and it was as true as though it happened and he loved her much more than Harlow though Garbo was only there once while Harlow--maybe this was like those dreams.	Так чудесно было обнимать ее, и она была такая ласковая и чудесная, как в дни Джека Гилберта, и все было совсем как на самом деле, и он любил ее гораздо больше, чем Харлоу, хотя Гарбо приходила только раз, а Харлоу... Может быть, и это такой же сон?

Maybe it isn't too, he said to himself.	А может быть, и не сон, сказал он себе.
Maybe I could reach over and touch that Maria now, he said to himself.	Может быть, вот протяну сейчас руку и дотронусь до этой самой Марии.

Maybe you are afraid to he said to himself.	Может быть, ты просто боишься, сказал он себе.
Maybe you would find out that it never happened and it was not true and it was something you made up like those dreams about the people of the cinema or how all your old girls come back and sleep in that robe at night on all the bare floors, in the straw of the haybarns, the stables, the _corrales_ and the _cortijos_, the woods, the garages, the trucks and all the hills of Spain.	А вдруг окажется, что этого не было и это неправда, как все твои сны про киноактрис или про то, как твои прежние любовницы возвращаются и спят с тобой в этом самом спальном мешке, на голых досках, на сене, на земле, во всех сараях, конюшнях, corrales и cortijos, в грузовиках, в гаражах, в лесах и во всех горных ущельях Испании.

They all came to that robe when he was asleep and they were all much nicer than they ever had been in life.	Все они приходили к нему, когда он спал в этом мешке, и все они были с ним гораздо нежнее, чем когда-то на самом деле.
Maybe it was like that.	Может быть, и тут тоже так.
Maybe you would be afraid to touch her to see if it was true.	Может быть, ты боишься дотронуться до нее, боишься проверить.
Maybe you would, and probably it is something that you made up or that you dreamed.	Вдруг дотронешься, а это ты только выдумал и видел во сне.
He took a step across the trail and put his hand on the girl's arm.	Он шагнул к девушке и положил руку на ее плечо.

Under his fingers he felt the smoothness of her arm in the worn khaki.	Сквозь потертую ткань его пальцы ощутили гладкость кожи.
She looked at him and smiled.	Девушка взглянула на него и улыбнулась.
"Hello, Maria," he said.	- Hola, Мария, - сказал он.
"Hello, _Ingles_," she answered and he saw her tawny brown face and the yellow-gray eyes and the full lips smiling and the cropped sun-burned hair and she lifted her face at him and smiled in his eyes.	- Hola, Ingles, - ответила она, и он увидел ее золотисто-смуглое лицо, и коричневато-серые глаза, и улыбающиеся полные губы, и короткие, выгоревшие на солнце волосы, и она чуть откинула голову и с улыбкой посмотрела ему в глаза.

It was true all right.	Это все-таки была правда.
Now they were in sight of El Sordo's camp in the last of the pines, where there was a rounded gulch-head shaped like an upturned basin.	Они уже подходили к лагерю Эль Сордо; сосны впереди поредели, и за ними показалась круглая выемка в склоне горы, похожая на поставленную боком миску.
All these limestone upper basins must be full of caves, he thought.	Тут в известняке, наверно, кругом полно пещер, подумал он.
There are two caves there ahead.	Вон две прямо на пути.
The scrub pines growing in the rock hide them well.	Их почти не видно за мелким сосняком, разросшимся по склону.

This is as good or a better place than Pablo's.	Хорошее место для лагеря, не хуже, чем у Пабло, а то и лучше.

"How was this shooting of thy family?" Pilar was saying to Joaquin.	- Расскажи, как убили твоих родных, - говорила Пилар Хоакину.
"Nothing, woman," Joaquin said.	- Нечего рассказывать, женщина, - отвечал Хоакин.
"They were of the left as many others in Valladolid.	- Они все были левые, как и многие другие в Вальядолиде.
When the fascists purified the town they shot first the father.	Когда фашисты устроили чистку в городе, они сперва расстреляли отца.
He had voted Socialist.	Он голосовал за социалистов.

Then they shot the mother.	Потом они расстреляли мать.
She had voted the same.	Она тоже голосовала за социалистов.
It was the first time she had ever voted.	Это ей первый раз в жизни пришлось голосовать.
After that they shot the husband of one of the sisters.	Потом расстреляли мужа одной из сестер.
He was a member of the syndicate of tramway drivers.	Он состоял в профсоюзе вагоновожатых.
Clearly he could not drive a tram without belonging to the syndicate.	Ведь он не мог бы работать на трамвае, если бы не был членом профсоюза.
But he was without politics.	Но политикой он не занимался.
I knew him well.	Я его хорошо знал.

He was even a little hit shameless.	Это был человек не очень порядочный.
I do not think he was even a good comrade.	И даже товарищ неважный.
Then the husband of the other girl, the other sister, who was also in the trams, had gone to the hills as I had.	Потом муж другой сестры, тоже трамвайщик, ушел в горы, как и я.
They thought she knew where he was.	Они думали, что сестра знает, где он.
But she did not.	Но она не знала.
So they shot her because she would not tell them where he was."	Тогда они ее расстреляли за то, что она не сказала им, где он.
"What barbarians," said Pilar.	- Вот звери, - сказала Пилар.

"Where is El Sordo?	- Но где же Эль Сордо?
I do not see him."	Я его не вижу.
"He is here.	- Он здесь.
He is probably inside," answered Joaquin and stopping now, and resting the rifle butt on the ground, said, "Pilar, listen to me.	Наверно, в пещере, - ответил Хоакин, потом остановился, упер ружье прикладом в землю и сказал: - Слушай, Пилар.
And thou, Maria.	И ты, Мария.
Forgive me if I have molested you speaking of things of the family.	Простите, если я причинил вам боль рассказом про своих близких.

I know that all have the same troubles and it is more valuable not to speak of them."	Я знаю, теперь у всех много горя, и лучше не говорить об этом.

"That you should speak," Pilar said.	- Надо говорить, - сказала Пилар.
"For what are we born if not to aid one another?	- Зачем же мы живем на свете, если не для того, чтобы помогать друг другу.
And to listen and say nothing is a cold enough aid."	Да и не велика помощь - слушать и молчать.
"But it can molest the Maria.	- Но Марии это, может быть, тяжело.
She has too many things of her own."	У нее довольно своих несчастий.

"_Que va_," Maria said.	- Que va, - сказала Мария.
"Mine are such a big bucket that yours falling in will never fill it.	- У меня их такая куча, что твои много не прибавят.
I am sorry, Joaquin, and I hope thy sister is well."	Мне тебя очень жаль, Хоакин, и я надеюсь, что с твоей другой сестрой ничего не случится.
"So far she's all right," Joaquin said.	- Сейчас она жива, - сказал Хоакин.
"They have her in prison and it seems they do not mistreat her much."	- Она в тюрьме. Но как будто ее там не очень мучают.
"Are there others in the family?" Robert Jordan asked.	- Есть у тебя еще родные? - спросил Роберт Джордан.

"No," the boy said.	- Нет, - сказал юноша.
"Me. Nothing more.	- Больше никого.
Except the brother-inlaw who went to the hills and I think he is dead."	Только зять, который ушел в горы, но я думаю, что его тоже нет в живых.
"Maybe he is all right," Maria said.	- А может быть, он жив, - сказала Мария.
"Maybe he is with a band in other mountains."	- Может быть, он с каким-нибудь отрядом в другом месте.
"For me he is dead," Joaquin said.	- Я считаю, что он умер, - сказал Хоакин.
"He was never too good at getting about and he was conductor of a tram and that is not the best preparation for the hills.	- Он всегда был не слишком выносливый, и работал он трамвайным кондуктором, а это плохая подготовка для жизни в горах.

I doubt if he could last a year.	Едва ли он мог выдержать год.
He was Somewhat weak in the chest too."	Да и грудь у него слабая.
"But he may be all right," Maria put her arm on his shoulder.	- А все-таки, может быть, он жив. - Мария положила ему руку на плечо.
"Certainly, girl.	- Кто знает.
Why not?" said Joaquin.	Все может быть, - сказал Хоакин.
As the boy stood there, Maria reached up, put her arms around his neck and kissed him. Joaquin turned his head away because he was crying.	Мария вдруг потянулась к нему, обняла его за шею и поцеловала, Хоакин отвернул лицо в сторону, потому что он плакал.
"That is as a brother," Maria said to him.	- Это как брата, - сказала ему Мария.

"I kiss thee as a brother."	- Я тебя целую, как брата.
The boy shook his head, crying without making any noise.	Хоакин замотал головой, продолжая беззвучно плакать.

"I am thy sister," Maria said.	- Я твоя сестра, - сказала Мария.
"And I love thee and thou hast a family.	- И я тебя люблю, и у тебя есть родные.
We are all thy family."	Мы все твои родные.
"Including the _Ingles_," boomed Pilar.	- И даже Ignles, - прогудела Пилар.
"Isn't it true, _Ingles?_"	- Верно, Ingles?

"Yes," Robert Jordan said to the boy, "we are all thy family, Joaquin."	- Да, - сказал Роберт Джордан юноше. - Мы все твои родные, Хоакин.
"He's your brother," Pilar said.	- Он твой брат, - сказала Пилар.
"Hey _Ingles?_"	- А, Ingles?
Robert Jordan put his arm around the boy's shoulder. "We are all brothers," he said.	Роберт Джордан положил Хоакину руку на плечо.
The boy shook his head.	Хоакин замотал головой.
"I am ashamed to have spoken," he said.	- Мне стыдно, что я заговорил, - сказал он.
"To speak of such things makes it more difficult for all.	- Нельзя говорить о таких вещах, потому что от этого всем делается еще труднее.

I am ashamed of molesting you."	Мне стыдно, что я причинил вам боль.
"I obscenity in the milk of my shame," Pilar said in her deep lovely voice.	- Так тебя и так с твоим стыдом, - сказала Пилар своим красивым грудным голосом.
"And if the Maria kisses thee again I will commence kissing thee myself.	- А если эта Мария опять поцелует тебя, так я и сама полезу целоваться.
It's years since I've kissed a bullfighter, even an unsuccessful one like thee, I would like to kiss an unsuccessful bullfighter turned Communist.	Давно мне не приходилось целовать матадоров, хотя бы и таких незадачливых, как ты, и я с удовольствием поцелую незадачливого матадора, который записался в коммунисты.
Hold him, _Ingles_, till I get a good kiss at him."	Ну-ка, подержи его, Ingles, пока я его буду целовать.

"_Deja_," the boy said and turned away sharply.	- Deja, - сказал юноша и резко отвернулся.
"Leave me alone.	- Оставь меня в покое.
I am all right and I am ashamed."	Все уже прошло, и теперь мне стыдно.
He stood there, getting his face under control.	Он стоял к ним спиной, силясь унять слезы.
Maria put her hand in Robert Jordan's.	Мария вложила свою руку в руку Роберта Джордана.
Pilar stood with her hands on her hips looking at the boy mockingly now.	Пилар подбоченилась и насмешливо разглядывала юношу.

"When I kiss thee," she said to him, "it will not be as any sister.	- Уж если я тебя поцелую, - сказала она ему, - это будет не по-сестрински.
This trick of kissing as a sister."	Знаем мы эти сестринские поцелуи.
"It is not necessary to joke," the boy said.	- Ни к чему твои шутки, - ответил Хоакин.
"I told you I am all right, I am sorry that I spoke."	- Я ведь сказал, все уже прошло и я жалею, что заговорил.

"Well then let us go and see the old man," Pilar said.	- Ладно, пошли тогда к старику, - сказала Пилар.
"I tire myself with such emotion."	- Надоели мне все эти переживания.
The boy looked at her.	Юноша посмотрел на нее.

From his eyes you could see he was suddenly very hurt.	Видно было по его глазам, что он вдруг почувствовал острую обиду.
"Not thy emotion," Pilar said to him.	- Не о твоих переживаниях речь, - сказала ему Пилар.
"Mine.	- О моих.
What a tender thing thou art for a bullfighter."	Очень ты чувствительный для матадора.
"I was a failure," Joaquin said.	- Матадора из меня не вышло, - сказал Хоакин.
"You don't have to keep insisting on it."	- И нечего напоминать мне об этом каждую минуту.
"But you are growing the pigtail another time."	- А косичку опять отращиваешь?
"Yes, and why not?	- Ну и что ж тут такого?

Fighting stock serves best for that purpose economically.	Бой быков - очень полезное дело.
It gives employment to many and the State will control it.	Он многим дает работу, и теперь этим будет ведать государство.
And perhaps now I would not be afraid."	И, может быть, теперь я уже не буду бояться.
"Perhaps not," Pilar said.	- Может быть, - сказала Пилар.
"Perhaps not."	- Может быть.
"Why do you speak in such a brutal manner, Pilar?" Maria said to her.	- Зачем ты с ним так грубо разговариваешь, Пилар? - сказала Мария.
"I love thee very much but thou art acting very barbarous."	- Я тебя очень люблю, но сейчас ты прямо зверь, а не человек.

"It is possible that I am barbarous," Pilar said.	-Я и есть зверь, - сказала Пилар.
"Listen, _Ingles_.	- Слушай, Ingles.
Do you know what you are going to say to El Sordo?"	Ты обдумал, о чем будешь говорить с Эль Сордо?
"Yes."	-Да.
"Because he is a man of few words unlike me and thee and this sentimental menagerie."	- Имей в виду, он слов тратить не любит, не то что я, или ты, или вот эти слезливые щенята.
"Why do you talk thus?" Maria asked again, angrily.	- Зачем ты так говоришь? - уже сердито спросила Мария.
"I don't know," said Pilar as she strode along.	- Не знаю, - сказала Пилар и зашагала вперед.
"Why do you think?"	- А ты как думаешь?

"I do not know."	-И я не знаю.
"At times many things tire me," Pilar said angrily.	- Есть вещи, которые меня иногда очень злят, -сердито сказала Пилар.
"You understand?	- Понятно?

And one of them is to have forty-eight years.	Вот, например, то, что мне сорок восемь лет.
You hear me?	Слышишь?
Forty-eight years and an ugly face.	Сорок восемь лет и безобразная рожа в придачу.
And another is to see panic in the face of a failed bullfighter of Communist tendencies when I say, as a joke, I might kiss him."	Или то, что вот такой горе-матадор с коммунистическим уклоном шарахается с испугу, когда я в шутку говорю, что поцелую его.

"It's not true, Pilar," the boy said.	- Это неправда, Пилар, - сказал Хоакин.
"You did not see that."	- Не было этого.
"_Que va_, it's not true.	- Que va, не было!
And I obscenity in the milk of all of you.	Но мне плевать на вас всех.
Ah, there he is. _Hola_, Santiago! _Que tal?_"	А вон он. Hola, Сантья-го! Как дела?

The man to whom Pilar spoke was short and heavy, brownfaced, with broad cheekbones; gray haired, with wide-set yellowbrown eyes, a thin-bridged, hooked nose like an Indian's, a long Upper lip and a wide, thin mouth.	Человек, которого окликнула Пилар, был приземистый, плотный, с очень смуглым, скуластым лицом; у него были седые волосы, широко расставленные желтокарие глаза, тонкий у переносья, крючковатый, как у индейца, нос и большой узкий рот с длинной верхней губой.
He was clean shaven and he walked toward them from the mouth of the cave, moving with the bow-legged walk that went with his cattle herdsman's breeches and boots.	Он был чисто выбрит, его кривые ноги казались под стать сапогам для верховой езды. Он вышел из пещеры им навстречу.

The day was warm but he had on a sheep's-wool-lined short leather jacket buttoned up to the neck.	День был жаркий, но его кожаная куртка на овечьем меху была застегнута до самого горла.
He put out a big brown hand toPilar. "_Hola_, woman," he said. "_Hola_," he said to Robert Jordan and shook his hand and looked him keenly in the face.	Он протянул Пилар большую коричневую руку. - Hola, женщина, - сказал он. - Hola, - сказал он Роберту Джордану, и поздоровался с ним, и пытливо заглянул ему в лицо.
Robert Jordan saw his eyes were yellow as a cat's and flat as reptile's eyes are. "_Guapa_," he said to Maria and patted her shoulder.	Роберт Джордан увидел, что у него глаза желтые, как у кошки, и тусклые, как у пресмыкающегося. - A, guapa, - сказал он Марии и потрепал ее по плечу.
"Eaten?" he asked Pilar.	- Ела? - спросил он Пилар.

She shook her head.	Она покачала головой.
"Eat," he said and looked at Robert Jordan.	- Поешь, - сказал он и посмотрел на Роберта Джордана.
"Drink?" he asked, making a motion with his hand decanting his thumb downward.	- Выпьешь? - И, сжав кулак, отогнул большой палец вниз и сделал движение, как будто наливая что-то.
"Yes, thanks."	- Спасибо, охотно.
"Good," El Sordo said.	- Хорошо, - сказал Эль Сордо.
"Whiskey?"	- Виски?
"You have whiskey?"	- У тебя есть виски?
El Sordo nodded. "_Ingles?_" he asked.	Эль Сордо кивнул. - Ingles? - спросил он.

"Not _Ruso?_"	- He Ruso?

" Americano ."	- Amerijano.
"Few Americans here," he said.	- Американцев здесь мало, - сказал он.
"Now more."	- Теперь стало больше.
"Less bad.	-Тем лучше.
North or South?"	Северный или Южный?
"North."	- Северный.
"Same as _Ingles_.	- Все равно что Ingles.
When blow bridge?"	Когда взрываешь мост?
"You know about the bridge?"	-Ты уже знаешь про мост?
El Sordo nodded.	Эль Сордо кивнул.
"Day after tomorrow morning."	- Послезавтра утром.
"Good," said El Sordo.	- Хорошо, - сказал он.

"Pablo?" he asked Pilar.	- Пабло? - спросил он Пилар.
She shook her head.	Она покачала головой.
El Sordo grinned.	Эль Сордо усмехнулся.
"Go away," he said to Maria and grinned again.	- Ступай, - сказал он Марии и опять усмехнулся.
"Come back," he looked at a large watch he pulled out on a leather thong from inside his coat. "Half an hour."	- Вернешься, - он достал из внутреннего кармана куртки большие часы на кожаном ремешке, -через полчаса.
He motioned to them to sit down on a flattened log that served as a bench and looking at Joaquin, jerked his thumb down the trail in the direction they had come from.	Он знаком предложил им сесть на стесанное бревно, служившее скамейкой, потом взглянул на Хоакина и ткнул большим пальцем в сторону тропинки, по которой они пришли.

"I'll walk down with Joaquin and come back," Maria said.	- Я погуляю с Хоакином и через полчаса вернусь, - сказала Мария.
El Sordo went into the cave and came out with a pinch bottle of Scotch whiskey and three glasses.	Эль Сордо пошел в пещеру и принес бутылку шотландского виски и три стакана.
The bottle was under one arm, and three glasses were in the hand of that arm, a finger in each glass, and his other hand was around the neck of an earthenware jar of water.	Бутылку он держал под мышкой, стаканы нес в той же руке, прихватив пальцем каждый стакан, а другой рукой сжимал горлышко глиняного кувшина с водой.
He put the glasses and the bottle down on the log and set the jug on the ground.	Он поставил бутылку и стаканы на бревно, а кувшин пристроил рядом на земле.

"No ice," he said to Robert Jordan and handed him the bottle.	- Льда нет, - сказал он Роберту Джордану и протянул ему бутылку.
"I don't want any," Pilar said and covered her glass with her hand.	- Я не хочу, - сказала Пилар и накрыла свой стакан рукой.
"Ice last night on ground," El Sordo said and grinned.	- Лед негде брать, - сказал Эль Сордо и усмехнулся.

"All melt.	- Весь растаял.
Ice up there," El Sordo said and pointed to the snow that showed on the bare crest of the mountains.	Лед вон там. - Он указал на снег, блестевший на голых греблях гор.
"Too far."	- Далеко, не достанешь.

Robert Jordan started to pour into El Sordo's glass but the deaf man shook his head and made a motion for the other to pour for himself.	Роберт Джордан хотел наполнить стакан Эль Сордо, но тот покачал головой и жестом показал, чтоб он налил себе.
Robert Jordan poured a big drink of Scotch into the glass and El Sordo watched him eagerly and when he had finished, handed him the water jug and Robert Jordan filled the glass with the cold water that ran in a stream from the earthenware spout as he tipped up the jug.	Роберт Джордан налил виски почти до половины стакана, и тотчас же Эль Сордо, внимательно следивший за ним, передал ему кувшин с водой, и Роберт Джордан подставил стакан под холодную струю, плеснувшую из глиняного носика, как только он наклонил кувшин.

El Sordo poured himself half a glassful of whiskey and filled the glass with water.	Эль Сордо тоже налил себе полстакана виски и долил доверху водой.
"Wine?" he asked Pilar.	- Вина? - спросил он Пилар.
"No.	- Нет.
Water."	Воды.
"Take it," he said.	- Бери, - усмехнулся он.
"No good," he said to Robert Jordan and grinned.	- Нехорошо, - сказал он Роберту Джордану и усмехнулся.
"Knew many English.	- Знал много англичан.
Always much whiskey."	Всегда много виски.
"Where?"	-Где?

"Ranch," El Sordo said.	- На ранчо, - сказал Эль Сордо.
"Friends of boss."	- Хозяйские гости.
"Where do you get the whiskey?"	-Где ты достаешь виски?
"What?" he could not hear.	- Что? - Он не расслышал.
"You have to shout," Pilar said.	-Ты погромче, - сказала Пилар.
"Into the other ear."	- В то ухо, в другое.
El Sordo pointed to his better ear and grinned.	Глухой указал на свое здоровое ухо и усмехнулся.
"Where do you get the whiskey?" Robert Jordan shouted.	- Где ты достаешь виски? - закричал Роберт Джордан.

"Make it," El Sordo said and watched Robert Jordan's hand check on its way to his mouth with the glass.	- Делаю, - сказал Эль Сордо и увидел, как рука Роберта Джордана, подносившая стакан ко рту, остановилась на полдороге.
"No," El Sordo said and patted his shoulder.	- Нет, - сказал Эль Сордо и похлопал его по плечу.
"Joke.	- Шучу.
Comes from La Granja.	Из Ла-Гранхи.

Heard last night comes English dynamiter.	Услышал вчера - английский динамитчик идет.
Good.	Хорошо.
Very happy.	Очень рад.
Get whiskey.	Достал виски.

For you.	Для тебя.
You like?"	Нравится?
"Very much," said Robert Jordan.	- Очень, - сказал Роберт Джордан.
"It's very good whiskey."	- Это очень хорошее виски.
"Am contented," Sordo grinned.	- Рад слышать, - усмехнулся Эль Сордо.
"Was bringing tonight with information"	- Принес виски и новости тоже.
"What information?"	- Какие новости?
Much troop movement."	- Большое передвижение войск.
Where?	-Где?
"Segovia.	- Сеговия.
Planes you saw."	Самолеты ты видел?

"Yes."	-Да.
"Bad, eh?"	- Скверно, а?
"Bad."	- Скверно.
"Troop movement?"	А где именно передвижение войск?
"Much between Villacastin and Segovia.	- Много между Вильякастин и Сеговией.
On Valladolid road.	На вальядолидской дороге.
Much between Villacastin and San Rafael.	Много между Вильякастин и Сан-Рафаэлем.
Much.	Много.
Much."	Много.
"What do you think?"	- Что же ты об этом думаешь?

"We prepare something?"	- Мы что-то готовим?
"Possibly."	- Может быть.
"They know.	- Они знают.
Prepare too."	Тоже готовят.
"It is possible."	- Возможно.
"Why not blow bridge tonight?"	- Почему не взорвать мост сегодня ночью?
"Orders."	- Приказ.
"Whose orders?"	- Чей приказ?
"General Staff."	- Генерального штаба.
"So."	- Так.

"Is the time of the blowing important?" Pilar asked.	- Это важно, когда именно взорвать? - спросила Пилар.

"Of all importance."	- Чрезвычайно важно.
"But if they are moving up troops?"	- А если там уже войска?
"I will send Anselmo with a report of all movement and concentrations.	- Я пошлю Ансельмо с точным донесением о том, какие именно части передвигаются и сосре-доточиваются.
He is checking the road."	Он сейчас наблюдает за дорогой.
"You have some one at road?" Sordo asked.	- У тебя кто-то на дороге?
Robert Jordan did not know how much he had heard.	Роберт Джордан не знал, что Эль Сордо расслы-шал и что нет.
You never know with a deaf man.	С этими глухими нико-гда не знаешь наверня-ка.

"Yes," he said.	- Да, - сказал он.
"Me, too.	- У меня тоже.
Why not blow bridge now?"	Почему не взорвать мост сегодня?
"I have my orders."	- Я должен действовать согласно приказу.
"I don't like it," El Sordo said.	- Не нравится мне, - сказал Эль Сордо.
"This I do not like."	- Это мне не нравится.
"Nor I," said Robert Jordan.	- Мне тоже, - сказал Роберт Джордан.
El Sordo shook his head and took a sip of the whiskey.	Эль Сордо покачал головой и глотнул виски из стакана.
"You want of me?"	- Что нужно от меня?
"How many men have you?"	- Сколько у тебя всего людей?

"Eight."	- Восемь.
"To cut the telephone, attack the post at the house of the roadmenders, take it, and fall back on the bridge."	- Надо перерезать связь, ликвидировать пост в домике дорожного мастера и отойти к мосту.
"It is easy."	- Это нетрудно.
"It will all be written out."	- Инструкции будут даны письменно.
"Don't trouble.	- Ни к чему.
And Pablo?"	А Пабло?
"Will cut the telephone below, attack the post at the sawmill, take it and fall back on the bridge."	- Перережет связь по эту сторону, ликвидирует пост у лесопилки и отойдет к мосту.

"And afterwards for the retreat?" Pilar asked.	- А как будем уходить? - спросила Пилар.
"We are seven men, two women and five horses.	- У нас семеро мужчин, две женщины и пять лошадей.
You are," she shouted into Sordo's ear.	А у тебя? - прокричала она в ухо Эль Сордо.
"Eight men and four horses. _Faltan caballos_," he said.	- Восемь мужчин и четыре лошади. Faltan caballos, - сказал он.

"Lacks horses."	- Лошадей не хватает.
"Seventeen people and nine horses," Pilar said.	- Девять лошадей на семнадцать человек, - сказала Пилар.
"Without accounting for transport."	- Да еще кладь.

Sordo said nothing.	Эль Сордо промолчал.
"There is no way of getting horses?" Robert Jordan said into Sordo's best ear.	- Нельзя достать еще лошадей? - спросил Роберт Джордан, наклонясь к здоровому уху Эль Сордо.
"In war a year," Sordo said.	-Год воюю, - сказал Эль Сордо.
"Have four."	- Имею четырех.
He showed four fingers. "Now you want eight for tomorrow."	- Он показал четыре пальца; - А ты хочешь до завтра - восемь.
"Yes," said Robert Jordan.	- Да, - сказал Роберт Джордан.
"Knowing you are leaving.	- Не забывай, что ты отсюда уходишь.
Having no need to be careful as you have been in this neighborhood.	Тебе не нужно соблюдать прежнюю осторожность.

Not having to be cautious here now.	Не нужно думать о каждом шаге.
You could not cut out and steal eight head of horses?"	Неужели нельзя сделать вылазку и увести восемь лошадей?
"Maybe," Sordo said.	- Может быть, - сказал Эль Сордо.
"Maybe none.	- Может быть - ни одной.
Maybe more."	Может быть - больше.
"You have an automatic rifle?" Robert Jordan asked.	- У вас тут есть ручной пулемет? - спросил Роберт Джордан.
Sordo nodded.	Эль Сордо кивнул.
"Where?"	-Где?
"Up the hill."	- Наверху.
"What kind?"	- Какой системы?

"Don't know name.	- Не знаю названия.
With pans."	С дисками.
"How many rounds?"	- С дисками? А сколько дисков?
"Five pans."	- Пять.
"Does any one know how to use it?"	- Кто-нибудь из вас умеет обращаться с ним?
"Me.	-Я.
A little.	Немножко.
Not shoot too much.	Стреляем мало.
Not want make noise here.	Не хотим поднимать шум.
Not want use cartridges."	Не хотим изводить патроны.

"I will look at it afterwards," Robert Jordan said.	- Я потом пойду взгляну, - сказал Роберт Джордан.
"Have you hand grenades?"	- А ручные гранаты у вас есть?
Plenty.	- Много.
"How many rounds per rifle?"	- А патронов сколько на винтовку?
"Plenty."	- Много.
"How many?"	- Сколько?
"One hundred fifty.	- Сто пятьдесят.
More maybe."	Может быть, больше.
"What about other people?"	- А людей можно достать еще?
"For what?"	- Зачем?

"To have sufficient force to take the posts and cover the bridge While I am blowing it.	- Надо будет захватить посты и прикрывать мост, пока я буду подготовлять взрыв.
We should have double what we have."	А для этого нужно вдвое больше людей, чем у нас есть.
"Take posts don't worry.	- Насчет постов не беспокойся.
What time day?"	Время?
"Daylight."	- На рассвете.
"Don't worry."	- Не беспокойся.
"I could use twenty more men, to be sure," Robert Jordan said.	- Еще бы человек двадцать - вот это бы меня вполне устроило, - сказал Роберт Джордан.
"Good ones do not exist.	- Надежных нет.

You want undependables?"	Ненадежных - надо?
"No.	- Нет.
How many good ones?"	А сколько есть надежных?
"Maybe four."	- Может быть, четверо.
"Why so few?"	- Почему так мало?
"No trust."	- Верить нельзя.
"For horseholders?"	- А если только на то, чтобы держать лошадей?
"Must trust much to be horseholders."	- Держать лошадей - надо очень надежных.
"I'd like ten more good men if I could get them."	- Может быть, хоть десять человек наберется?

"Four."	- Четверо.
"Anselmo told me there were over a hundred here in these hills."	- Ансельмо говорил мне, здесь, в горах, больше сотни.
"No good."	- Все ненадежны.
"You said thirty," Robert Jordan said to Pilar.	- Ты сказала - трид-цать, - повернулся Роберт Джордан к Пилар.

"Thirty of a certain degree of dependability."	- Тридцать, на которых более или менее мож-но положиться.
"What about the people of Elias?" Pilar shouted to Sordo.	- А как люди Элиаса? - крикнула Пилар в ухо Глухому.
He shook his head.	Он покачал головой.
"No good."	- Ненадежны.

"You can't get ten?" Robert Jordan asked.	- Значит, даже десятка нельзя набрать? - спросил Роберт Джордан.
Sordo looked at him with his flat, yellow eyes and shook his head.	Эль Сордо посмотрел на него своими тусклыми желтыми глазами и покачал головой.
"Four," he said and held up four fingers.	- Четверо, - сказал он и выставил четыре пальца.
"Yours are good?" Robert Jordan asked, regretting it as he said it.	- А твои надежны? - спросил Роберт Джордан и тут же пожалел, что спросил.
Sordo nodded.	Эль Сордо кивнул.
"_Dentro de la gravedad_," he said in Spanish.	- Dentro de la gravedad, - сказал он по-испански.
"Within the limits of the danger."	- В меру опасности.

He grinned.	- Он усмехнулся.
"Will be bad, eh?"	- Что, скверно будет?
"Possibly."	- Возможно.
"Is the same to me," Sordo said simply and not boasting.	- Мне все равно, - сказал Эль Сордо просто и без хвастовства.
"Better four good than much bad.	- Лучше четверо хороших, чем много плохих.
In this war always much bad, very little good.	В этой войне много плохих, мало хороших.
Every day fewer good.	С каждым днем меньше хороших.
And Pablo?" he looked at Pilar.	А Пабло? - Он посмотрел на Пилар.
"As you know," Pilar said.	-Ты сам знаешь, - сказала Пилар.

"Worse every day."	- С каждым днем хуже.
Sordo shrugged his shoulders.	Эль Сордо пожал плечами.
"Take drink," Sordo said to Robert Jordan.	- Пей, - сказал он Роберту Джордану.
"I bring mine and four more.	- Я даю своих и еще четверых.
Makes twelve.	Всего двенадцать.
Tonight we discuss all.	Сегодня все обсудим.
I have sixty sticks dynamite.	У меня динамит - шестьдесят брусков.
You want?"	Надо?
"What per cent?"	- Какой состав?
"Don't know.	- Не знаю.
Common dynamite.	Обыкновенный динамит.

I bring."	Принесу.
"We'll blow the small bridge above with that," Robert Jordan said.	- Этим мы взорвем маленький мостик, верхний, -сказал Роберт Джордан.
"That is fine.	- Очень хорошо.
You'll come down tonight?	Ты сегодня вечером придешь?
Bring that, will you?	Тогда захвати с собой.
I've no orders for that but it should be blown."	В приказе о том мостике ничего не сказано, но его тоже придется взорвать.
"I come tonight.	- Вечером приду.
Then hunt horses."	Потом - за лошадьми.
"What chance for horses?"	-Ты думаешь, удастся достать лошадей?
"Maybe.	- Может быть.

Now eat."	Теперь пойдем есть.
Does he talk that way to every one? Robert Jordan thought. Or is that his idea of how to make foreigners understand?	Что он, со всеми так разговаривает, подумал Роберт Джордан, или воображает, что так иностранцу легче понимать?
"And where are we going to go when this is done?" Pilar shouted into Sordo's ear.	- А куда мы подадимся потом, когда с этим будет кончено? - прокричала Пилар в ухо Эль Сордо.
He shrugged his shoulders.	Он пожал плечами.
"All that must be arranged," the woman said.	- Все это надо подготовить, - сказала Пилар.
"Of course," said Sordo.	- Надо, - сказал Эль Сордо.

"Why not?"	- Конечно. Он пожал плечами.
"It is bad enough," Pilar said.	- Это дело трудное, - сказала Пилар.
"It must be planned very well."	- Нужно все обдумать до тонкости.
"Yes, woman," Sordo said.	- Да, женщина, - сказал Эль Сордо.
"What has thee worried?"	- Что тебя тревожит?
"Everything," Pilar shouted.	- Все! - прокричала Пилар.
Sordo grinned at her.	Эль Сордо усмехнулся.
"You've been going about with Pablo," he said.	- Это ты от Пабло набралась, - сказал он.

So he does only speak that pidgin Spanish for foreigners, Robert Jordan thought.	Значит, таким кургузым языком он говорит только с иностранцами, подумал Роберт Джордан.
Good.	Ладно.
I'm glad to hear him talking straight.	Очень рад, что наконец услышал от него нормальную человеческую речь.
"Where do you think we should go?" Pilar asked.	- Куда же надо идти, по-твоему? - спросила Пилар.
"Where?"	- Куда?
"Yes, where?"	- Да, куда?

"There are many places," Sordo said.	- Есть много мест, - сказал Эль Сордо.
"Many places.	- Много мест.

You know Gredos?"	Ты знаешь Гредос?
"There are many people there.	-Там слишком много народу.
All these places will be cleaned up as soon as they have time."	Вот увидишь, скоро за все эти места примутся, дай только срок.
"Yes.	-Да.
But it is a big country and very wild."	Но это обширный край и очень дикий.
"It would be very difficult to get there," Pilar said.	- Трудно будет добраться туда, - сказала Пилар.
"Everything is difficult," El Sordo said.	- Все трудно, - сказал Эль Сордо.

"We can get to Gredos as well as to anywhere else.	- Добираться одинаково, что до Гредоса, что до другого места.
Travelling at night.	Надо идти ночью.
Here it is very dangerous now.	Здесь теперь очень опасно.
It is a miracle we have been here this long.	Чудо, что мы до сих пор здесь продержались.
Gredos is safer country than this."	В Гредосе спокойнее.
"Do you know where I want to go?" Pilar asked him.	- Знаешь, куда бы я хотела? - сказала Пилар.
"Where?	- Куда?
The Paramera?	В Парамеру?

That's no good."	Туда не годится.
"No," Pilar said.	- Нет, - сказала Пилар.
"Not the Sierra de Paramera.	- Я не хочу в Сьерра-Парамеру.
I want to go to the Republic."	Я хочу туда, где Республика.
"That is possible."	- Это можно.
"Would your people go?"	- Твои люди пойдут?
"Yes.	-Да.
If I say to."	Если я скажу.
"Of mine, I do not know," Pilar said.	- А мои - не знаю, - сказала Пилар.
"Pablo would not want to although, truly, he might feel safer there.	- Пабло не захочет, хотя там он мог бы себя чувствовать в безопасности.

He is too old to have to go for a soldier unless they call more classes.	Служить ему не надо, года вышли, разве что будут призывать из запаса.
The gypsy will not wish to go.	Цыган ни за что не пойдет.
I do not know about the others."	Не знаю, как другие.
"Because nothing passes her for so long they do not realize the danger," El Sordo said.	- Здесь уже так давно тихо, что они забыли про опасность, - сказал Эль Сордо.

"Since the planes today they will see it more," Robert Jordan said.	- Сегодняшние самолеты им напомнили, - сказал Роберт Джордан.

"But I should think you could operate very well from the Gredos."	- Но, по-моему, даже удобнее действовать из Гредоса.
"What?" El Sordo said and looked at him with his eyes very flat.	- Что? - спросил Эль Сордо и посмотрел на него совсем уже тусклыми глазами.
There was no friendliness in the way he asked the question.	Вопрос прозвучал не слишком дружелюбно.
"You could raid more effectively from there," Robert Jordan said.	- Оттуда вам было бы удобнее делать вылазки, -сказал Роберт Джордан.
"So," El Sordo said.	-Вот как! - сказал Эль Сордо.
"You know Gredos?"	- Ты знаешь Гредос?
"Yes.	-Да.

You could operate against the main line of the railway from there.	Там можно действовать на железнодорожной магистрали.
You could keep cutting it as we are doing farther south in Estremadura.	Можно разрушать пути, как мы делаем южнее, в Эстремадуре.
To operate from there would be better than returning to the Republic," Robert Jordan said.	Это лучше, чем вернуться на территорию Республики, - сказал Роберт Джордан.
"You are more useful there."	- Там от вас больше пользы.
They had both gotten sullen as he talked. Sordo looked at Pilar and she looked back at him.	Слушая его, Глухой и женщина все больше мрачнели. Когда он кончил, они переглянулись.

"You know Gredos?" Sordo asked.	-Так ты знаешь Гредос? - спросил Эль Сордо.
"Truly?"	- Верно?
"Sure," said Robert Jordan.	- Ну да, - сказал Роберт Джордан.
"Where would you go?"	- И куда бы ты направился?
"Above Barco de Avila.	- За Барко-де-Авила.
Better places than here.	Там лучше, чем здесь.
Raid against the main road and the railroad between Bejar and Plasencia."	Можно совершать вылазки на шоссе и на железную дорогу между Бехаром и Пласенсией.
"Very difficult," Sordo said.	- Очень трудно, - сказал Эль Сордо.

"We have worked against that same railroad in much more dangerous country in Estremadura," Robert Jordan said.	- Мы действовали на этой самой дороге в Эстремадуре, где гораздо опаснее, - сказал Роберт Джордан.
"Who is we?"	- Кто это мы?
"The _guerrilleros_ group of Estremadura."	- Отряд guerrilleros из Эстремадуры.
"You are many?"	- Большой?
"About forty."	- Человек сорок.
"Was the one with the bad nerves and the strange name from there?" asked Pilar.	- А тот, у которого слабые нервы и чудное имя, тоже был оттуда? - спросила Пилар.

"Yes."	-Да.

"Where is he now?"	-Где он теперь?
"Dead, as I told you."	- Умер, я ведь говорил тебе.
"You are from there, too?"	- И ты тоже оттуда?
"Yes."	-Да.
"You see what I mean?" Pilar said to him.	- Ты не догадываешься, что я хочу сказать? -спросила Пилар.
And I have made a mistake, Robert Jordan thought to himself.	Я допустил ошибку, подумал Роберт Джордан.
I have told Spaniards we can do something better than they can when the rule is never to speak of your own exploits or abilities.	Сказал испанцам, что мы делали что-то лучше их, а у них не полагается говорить о своих заслугах и подвигах.

When I should have flattered them I have told them what I think they should do and now they are furious.	Вместо того чтобы польстить им, стал указывать, что нужно делать, и теперь они оба рассвирепели.
Well, they will either get over it or they will not.	Ну что ж, либо они переварят это, либо нет.
They are certainly much more useful in the Gredos than here.	А пользы от них, конечно, будет гораздо больше в Гредосе, чем тут.
The proof is that here they have done nothing since the train that Kashkin organized.	Доказательством хотя бы то, что они ничего тут не сделали после того взрыва эшелона, который организовал Кашкин.
It was not much of a show.	Тоже не бог весть что за операция была.

It cost the fascists one engine and killed a few troops but they all talk as though it were the high point of the war.	Фашисты потеряли паровоз и несколько десятков солдат, а тут говорят об этом как о самом значительном событии за всю войну.
Maybe they will shame into going to the Gredos.	Ну, может быть, им теперь станет стыдно и они все-таки уйдут в Гредос.
Yes and maybe I will get thrown out of here too.	А может быть, они меня вышвырнут отсюда.
Well, it is not a very rosy-looking dish anyway that you look into it.	Во всяком случае, картина получается не особенно веселая.
"Listen _Ingles_," Pilar said to him.	- Слушай, Ingles, - сказала ему Пилар.
"How are your nerves?"	- Как у тебя нервы?

"All right," said Robert Jordan.	- Ничего, - сказал Роберт Джордан.
"O.K."	- Довольно крепкие.
"Because the last dynamiter they sent to work with us, although a formidable technician, was very nervous."	- А то последний динамитчик, которого сюда присылали, хоть и знал свое дело, но нервы у него были никуда.
"We have nervous ones," Robert Jordan said.	- Бывают и среди нас нервные люди, - сказал Роберт Джордан.
"I do not say that he was a coward because he comported himself very well," Pilar went on.	- Я не говорю, что он трус, держался он молодцом, - продолжала Пилар.

"But he spoke in a very rare and windy way."	- Но только уж очень много говорил - и все как-то по-чудному.

She raised her voice.	- Она повысила голос.
"Isn't it true, Santiago, that the last dynamiter, he of the train, was a little rare?"	- Верно, Сантьяго, последний динамитчик, тот, что взрывал поезд, был немного чудной?
"_Algo raro_," the deaf man nodded and his eyes went over Robert Jordan's face in a way that reminded him of the round opening at the end of the wand of a vacuum cleaner. "_Si, algo raro, pero bueno_."	- Algo raro, - кивнул Эль Сордо, и уставился на Роберта Джордана круглыми, как отверстие пылесоса, глазами. - Si, algo raro, pero bueno .
"_Murio_," Robert Jordan said into the deaf man's ear.	- Murio, - сказал Роберт Джордан прямо в ухо Глухому.

"He is dead."	- Он умер.
"How was that?" the deaf man asked, dropping his eyes down from Robert Jordan's eyes to his lips.	- Как он умер? - спросил Глухой, переводя взгляд с глаз Роберта Джордана на его губы.
"I shot him," Robert Jordan said.	- Я его застрелил, - сказал Роберт Джордан.
"He was too badly wounded to travel and I shot him."	- Он был тяжело ранен и не мог идти, и я его застрелил.
"He was always talking of such a necessity," Pilar said.	- Он всегда толковал об этом, - сказала Пилар.
"It was his obsession."	- Ему эта мысль прямо покоя не давала.
"Yes," said Robert Jordan.	- Да, - сказал Роберт Джордан.

"He was always talking of such a necessity and it was his obsession."	- Он всегда толковал об этом, и эта мысль не давала ему покоя.
"_Como fue?_" the deaf man asked.	- Gomo fue? - спросил Глухой.
"Was it a train?"	- Вы взрывали поезд?
"It was returning from a train," Robert Jordan said.	- Мы возвращались после взрыва поезда, - сказал Роберт Джордан.
"The train was successful.	- Операция прошла удачно.
Returning in the dark we encountered a fascist patrol and as we ran he was shot high in the back but without hitting any bone except the shoulder blade.	Возвращаясь в темноте, мы наткнулись на фашистский патруль, и, когда мы побежали, пуля угодила ему в спину, но кости не задела ни одной и засела под лопаткой.

He travelled quite a long way, but with the wound was unable to travel more.	Он еще долго шел с нами, но в конце концов обессилел от раны и не мог идти дальше.
He was unwilling to be left behind and I shot him."	Оставаться он не хотел ни за что, и я застрелил его.
"_Menos mal_," said El Sordo.	- Menos mal, - сказал Глухой.
"Less bad."	- Из двух зол меньшее.
"Are you sure your nerves are all right?" Pilar said to Robert Jordan.	- Ты уверен, что у тебя крепкие нервы? - спросила Пилар Роберта Джордана.
"Yes," he told her.	- Да, - ответил он.

"I am sure that my nerves are all right and I think that when we terminate this of the bridge you would do well to go to the Gredos."	- Я уверен, что нервы у меня в порядке, и я думаю, что, когда мы кончим это дело с мостом, вам лучше всего будет уйти в Гредос.
As he said that, the woman started to curse in a flood of obscene invective that rolled over and around him like the hot white water splashing down from the sudden eruption of a geyser.	Не успел он это сказать, как женщина разразилась потоком непристойной брани, который забушевал вокруг него, точно кипящая белая пена, разлетающаяся во все стороны при внезапном извержении гейзера.
The deaf man shook his head at Robert Jordan and grinned in delight.	Глухой закачал головой и радостно ухмыльнулся, глядя на Роберта Джордана.

He continued to shake his head happily as Pilar went on vilifying and Robert Jordan knew that it was all right again now.	Он долго качал головой, а Пилар ругалась не переставая, и Роберт Джордан понял, что все уладилось.
Finally she stopped cursing, reached for the water jug, tipped it up and took a drink and said, calmly,	Наконец она умолкла, потянулась за кувшином с водой, запрокинула голову, напилась и сказала как ни в чем не бывало:
"Then just shut up about what we are to do afterwards, will you, _Ingles?_ You go back to the Republic and you take your piece with you and leave us others alone here to decide what part of these hills we'll die in."	- Уж ты нас не учи, Ingles, что нам делать дальше. Возвращайся туда, где Республика, девчонку бери с собой, а мы тут сами решим, в какой стороне нам умирать.

"Live in," El Sordo said.	- Жить, - сказал Эль Сордо.
"Calm thyself, Pilar."	- Успокойся, Пилар.
"Live in and die in," Pilar said.	- И жить и умирать, - сказала Пилар.
"I can see the end of it well enough.	- Я-то знаю, чем все это кончится.
I like thee, _Ingles_, but keep thy mouth off of what we must do when thy business is finished."	Ты славный малый, Ingles, но зря ты вздумал учить нас, как нам быть потом, когда ты сделаешь свое дело.
"It is thy business," Robert Jordan said.	- А это уж твое дело, - сказал Роберт Джордан.
"I do not put my hand in it."	- Я в это не вмешиваюсь.
"But you did," Pilar said.	- Но ты вмешался, - сказала Пилар.

"Take thy little cropped-headed whore and go back to the Republic but do not shut the door on others who are not foreigners and who loved the Republic when thou wert wiping thy mother's milk off thy chin."	- Бери свою стриженую потаскушку и уходи туда, где Республика, но не смей закрывать дверь перед другими, которые в этой стране родились и Республике были преданы еще тогда, когда у тебя молоко на губах не обсохло.
Maria had come up the trail while they were talking and she heard this last sentence which Pilar, raising her voice again, shouted at Robert Jordan.	Мария поднималась по тропинке и услышала последние слова Пилар, которые та, снова обозлившись, выкрикнула Роберту Джордану.

Maria shook her head at Robert Jordan violently and shook her finger warningly.	Мария энергично замотала головой, глядя на Роберта Джордана, и подняла палец в знак предостережения.
Pilar saw Robert Jordan looking at the girl and saw him smile and she turned and said,	Увидев, что Роберт Джордан смотрит на девушку и улыбается, Пилар повернулась к ней лицом и сказала:

"Yes.	-Да.
I said whore and I mean it.	Именно потаскуха.
And I suppose that you'll go to Valencia together and we can eat goat crut in Gredos."	И можете ехать вдвоем в Валенсию, а мы будем сидеть в Гредосе и есть козье дерьмо.

"I'm a whore if thee wishes, Pilar," Maria said.	- Пусть я потаскуха, если тебе угодно, Пилар, -сказала Мария.
"I suppose I am in all case if you say so.	- Раз ты так говоришь, значит, это правда.
But calm thyself.	Но только успокойся.
What passes with thee?"	Что с тобой случилось?
"Nothing," Pilar said and sat down on the bench, her voice calm now and all the metallic rage gone out of it.	- Ничего, - сказала Пилар и села на бревно; голос ее упал, и в нем уже не звенела металлом ярость.
"I do not call thee that.	- Вовсе я тебя не называла потаскухой.
But I have such a desire to go to the Republic."	Но мне так хочется туда, где Республика.

"We can all go," Maria said.	- Вот и пойдем все вместе, - сказала Мария.
"Why not?" Robert Jordan said.	- В самом деле, - сказал Роберт Джордан.
"Since thou seemest not to love the Gredos."	- Раз уж тебе так не по душе Гредос.
Sordo grinned at him.	Эль Сордо ухмыльнулся.
"We'll see," Pilar said, her rage gone now.	- Ладно, посмотрим, - сказала Пилар; ее гнев совсем улегся.
"Give me a glass of that rare drink.	- Дай мне стакан этого чудного напитка.
I have worn my throat out with anger.	У меня от злости горло пересохло.
We'll see.	Посмотрим.

We'll see what happens."	Посмотрим, что еще будет.
"You see, Comrade," El Sordo explained.	- Видишь ли, товарищ, - объяснил Эль Сордо.
"It is the morning that is difficult."	- Самое трудное то, что это утром.
He was not talking the pidgin Spanish now and he was looking into Robert Jordan's eyes calmly and explainingly; not searchingly nor suspiciously, nor with the flat superiority of the old campaigner that had been in them before.	- Он перестал говорить кургузыми фразами и смотрел Роберту Джордану в глаза спокойно и вразумляюще, не пытливо и не подозрительно и без той равнодушной снисходительности старого вояки, которая раньше сквозила в его взгляде.

"I understand your needs and I know the posts must be exterminated and the bridge covered while you do your work.	- Я понимаю твой план и знаю, что нужно ликвидировать посты и потом прикрывать мост, пока ты будешь делать свое дело.
This I understand perfectly.	Это все я отлично понимаю.
This is easy to do before daylight or at daylight."	Это все было бы легко до рассвета или ближе к сумеркам.
"Yes," Robert Jordan said.	- Да, - сказал Роберт Джордан.
"Run along a minute, will you?" he said to Maria without looking at her.	- Ступай погуляй еще немножко, ладно? - сказал он Марии, не глядя на нее.

The girl walked away out of hearing and sat down, her hands clasped over her ankles.	Девушка отошла настолько, что разговор уже не долетал до нее, и села, обхватив руками колени.
"You see," Sordo said.	- Вот, - сказал Эль Сордо.
"In that there is no problem.	- Сделать это все - невелика задача.
But to leave afterward and get out of this country in daylight presents a grave problem"	Но чтобы потом при дневном свете уйти отсюда и добраться до другого места - это уже задача потруднее.
"Clearly," said Robert Jordan.	- Правильно, - сказал Роберт Джордан.
"I have thought of it.	- Я об этом думал.

It is daylight for me also."	Ведь и мне придется уходить при дневном свете.
"But you are one," El Sordo said.	-Ты один, - сказал Эль Сордо.
"We are various."	- А нас много.
"There is the possibility of returning to the camps and leaving from there at dark," Pilar said, putting the glass to her lips and then lowering it.	- А что, если вернуться в лагерь и ждать темноты, а потом уже уходить? - сказала Пилар, отхлебнув из стакана и снова отставив его.
"That is very dangerous, too," El Sordo explained.	- Это тоже очень опасно, - возразил Эль Сордо.
"That is perhaps even more dangerous."	- Это, пожалуй, еще опаснее.

"I can see how it would be," Robert Jordan said.	- Представляю себе, - сказал Роберт Джордан.
"To do the bridge in the night would be easy," El Sordo said.	- Сделать это ночью было бы пустое дело, - сказал Эль Сордо.
"Since you make the condition that it must be done at daylight, it brings grave consequences."	- Но раз ты ставишь условие, что это надо днем, все осложняется.
"I know it."	- Я знаю.
"You could not do it at night?"	- А если ты все-таки сделаешь это ночью?
"I would be shot for it."	- Меня расстреляют.
"It is very possible we will all be shot for it if you do it in the daytime."	- Если ты сделаешь это днем, тебя скорей всего тоже расстреляют, а заодно и всех нас.

"For me myself that is less important once the bridge is blown," Robert Jordan said.	- Для меня это уже не так важно, поскольку мост будет взорван, - сказал Роберт, Джордан.
"But I see your viewpoint.	- Но я понимаю теперь, в чем вся загвоздка.
You cannot work Out a retreat for daylight?"	При дневном свете вы не можете организовать отход.
"Certainly," El Sordo said.	-Вот то-то и есть, - сказал Эль Сордо.
"We will work out such a retreat.	- Нужно будет - так сможем.
But I explain to you why one is preoccupied and why one is irritated.	Но я хочу, чтоб ты понял, чем люди озабочены и почему сердятся.

You speak of going to Gredos as though it were a military manceuvre to be accomplished.	Ты так говоришь о переходе в Гредос, как будто это военные маневры, которые ничего не стоит выполнить.
To arrive at Gredos would be a miracle."	Нам попасть в Гредос можно только чудом.

Robert Jordan said nothing.	Роберт Джордан молчал.
"Listen to me," the deaf man said.	- Выслушай меня, - сказал Эль Сордо.
"I am speaking much.	- Я сегодня много говорю.
But it is so we may understand one another.	Но это для того, чтобы лучше можно было понять друг друга.
We exist here by a miracle.	Мы здесь вообще держимся чудом.

By a mixacle of laziness and stupidity of the fascists which they will remedy in time.	Сделали это чудо лень и глупость фашистов, но все это только до поры до времени.
Of course we are very careful and we make no disturbance in these hills."	Правда, мы очень осторожны, никого и ничего здесь, в горах, не трогаем.
"I know."	- Я знаю.
"But now, with this, we must go.	- Но после дела с мостом нам придется уходить.
We must think much about the manner of our going."	Надо крепко подумать над тем, как уходить.
"Clearly."	- Понятно.
"Then," said El Sordo.	- Вот, - сказал Эль Сордо.
"Let us eat now.	- А теперь надо поесть.

I have talked much."	Я очень много говорил.
"Never have I heard thee talk so much," Pilar said.	- Никогда не слышала, чтоб ты так много разговаривал, - сказала Пилар.
"Is it this?" she held up the glass.	- Может, от этого? - Она приподняла стакан.
"No," El Sordo shook his head.	- Нет, - Эль Сордо покачал головой.
"It isn't whiskey.	- Это не от виски.
It is that never have I had so much to talk of."	Это от того, что у меня еще никогда не было о чем так много говорить.
"I appreciate your aid and your loyalty," Robert Jordan said.	- Я оценил твою помощь и твою верность Республике, - сказал Роберт Джордан.

"I appreciate the difficulty caused by the timing of the blowing of the bridge."	- Я оценил трудность, которую создает время, назначенное для взрыва.
"Don't talk of that," El Sordo said.	- Не будем говорить об этом, - сказал Эль Сордо.
"We are here to do what we can do.	- Мы здесь для того, чтобы сделать все, что можно.
But this is complicated."	Но это нелегко.
"And on paper very simple," Robert Jordan grinned.	- А на бумаге все очень просто, - усмехнулся Роберт Джордан.

"On paper the bridge is blown at the moment the attack starts in order that nothing shall come up the road.	- На бумаге взрыв моста производится в момент начала наступления, для того чтобы отрезать дорогу за мостом.
It is very simple."	Очень просто.
"That they should let us do something on paper," El Sordo said.	- Пусть бы они нам дали что-нибудь сделать на бумаге, - сказал Глухой.

"That we should conceive and execute something on paper."	- И подумать и выполнить - все на бумаге.
"Paper bleeds little," Robert Jordan quoted the proverb.	- Бумага все терпит, - вспомнил Роберт Джордан поговорку.

"But it is very useful," Pilar said. "_Es muy util_.	- И на многое годится, - сказала Пилар. - Es muy util.
What I would like to do is use thy orders for that purpose."	Хотела бы я употребить твой приказ для этой надобности.
"Me too," said Robert Jordan.	-Я и сам хотел бы, - сказал Роберт Джордан.
"But you could never win a war like that."	- Но так никогда не выиграешь войну.
"No," the big woman said.	- Да, - сказала женщина.
"I suppose not.	- Пожалуй, это верно.
But do you know what I would like?"	А знаешь, чего бы я еще хотела?
"To go to the Republic," El Sordo said.	- Уйти туда, где Республика, - сказал Глухой.

He had put his good ear close to her as she spoke. "_Ya iras, mujer_.	Он повернулся к ней здоровым ухом, когда она заговорила. -Ya iras, mujer.
Let us win this and it will all be Republic."	Вот выиграем войну, и тогда везде будет Республика.
"All right," Pilar said.	- Ладно, - сказала Пилар.
"And now, for God's sake let us eat."	- А теперь, ради бога, давайте есть.
12	12
They left El Sordo's after eating and started down the trail.	После обеда они вышли из лагеря Эль Сордо и стали спускаться по той же крутой тропинке.
El Sordo had walked with them as far as the lower post.	Эль Сордо проводил их до нижнего сторожевого поста.

"_Salud_," he said.	- Salud, - сказал он.
"Until tonight."	- Вечером увидимся.
"_Salud, Camarada_," Robert Jordan had said to him and the three of them had gone on down the trail, the deaf man standing looking after them.	- Salud, camarada, - ответил ему Роберт Джордан, и все трое пошли по тропинке дальше, а Глухой стоял и смотрел им вслед.
Maria had turned and waved her hand at him and El Sordo waved disparagingly with the abrupt, Spanish upward flick of the forearm as though something were being tossed away which seems the negation of all salutation which has not to do with business.	Мария оглянулась и помахала ему, и Эль Сордо ответил ей тем принятым у испанцев коротким движением руки вверх, которое выглядит так, будто человек отмахивается от чего-то, и меньше всего на свете похоже на приветствие.

Through the meal he had never unbuttoned his sheepskin coat and he had been carefully polite, careful to turn his head to hear and had returned to speaking his broken Spanish, asking Robert Jordan about conditions in the Republic politely; but it was obvious he wanted to be rid of them.	За столом он сидел в той же овчинной куртке, даже не расстегнув ее, и все время был подчеркнуто вежлив, заботливо поворачивал голову, чтобы лучше слышать, и, снова перейдя на кургузый язык, расспрашивал Роберта Джордана о положении в Республике; но было ясно, что он хочет поскорее отделиться от них.
As they had left him, Pilar had said to him,	Когда они уходили, Пилар спросила:

"Well, Santiago?"	- Ну, так как же, Сантьяго?
"Well, nothing, woman," the deaf man said.	- Никак, женщина, - сказал Глухой.

"It is all right.	- Все в порядке.
But I am thinking."	Я буду думать.
"Me, too," Pilar had said and now as they walked down the trail, the walking easy and pleasant down the steep trail through the pines that they had toiled up, Pilar said nothing.	- Я тоже, - сказала тогда Пилар, и во все время спуска по крутой тропинке между соснами, по которой спускаться было легко и приятно, не то что подниматься, она не вымолвила ни слова.
Neither Robert Jordan nor Maria spoke and the three of them travelled along fast until the trail rose steeply out of the wooded valley to come up through the timber, leave it, and come out into the high meadow.	Роберт Джордан и Мария тоже молчали, и так они быстро дошли до того места, откуда начинался последний крутой подъем в гору и тропинка уходила в густую чащу, чтобы прорезать ее насквозь и выйти на горный луг.

It was hot in the late May afternoon and halfway up this last steep grade the woman stopped.	День клонился к вечеру, но майское солнце уже сильно припекало, и на половине подъема женщина вдруг остановилась.
Robert Jordan, stopping and looking back, saw the sweat beading on her forehead.	Роберт Джордан тоже остановился и, оглянувшись назад, увидел капли пота, выступившие у нее на лбу.
He thought her brown face looked pallid and the skin sallow and that there were dark areas under her eyes.	Ее смуглое лицо как будто побледнело, кожа приняла желтоватый оттенок, и под глазами обозначились темные круги.
"Let us rest a minute," he said.	- Отдохнем немного, - сказал он.
"We go too fast."	- Мы идем слишком быстро.

"No," she said.	- Нет, - сказала она.
"Let us go on."	- Пошли дальше.
"Rest, Pilar," Maria said.	- Отдохни, Пилар, - сказала Мария.
"You look badly."	- У тебя измученный вид.
"Shut up," the woman said.	- Замолчи, - сказала женщина.
"Nobody asked for thy advice."	- Тебя не спрашивают.
She started on up the trail but at the top she was breathing heavily and her face was wet with perspiration and there was no doubt about her pallor now.	Она снова полезла в гору, но, когда они добрались до перевала, она дышала тяжело, все лицо у нее взмокло, и его бледность теперь бросалась в глаза.
"Sit down, Pilar," Maria said.	- Сядь, посиди, Пилар, - сказала Мария.

"Please, please sit down."	- Ну прошу тебя, пожа- луйста, посиди.
"All right," said Pilar and the three of them sat down under a pine tree and looked across the mountain meadow to where the tops of the peaks seemed to jut out from the roll of the high country with snow shining bright on them now in the early afternoon sun.	- Ладно, - сказала Пилар, и они уселись втроем под сосной, лицом ту- да, где за лугом темнела вся гряда Сьерры и от- дельные вершины как будто выпирали из нее, сверкая снегом в лучах предвечернего солнца.

"What rotten stuff is the snow and how beautiful it looks," Pilar said.	- Такая дрянь этот снег, а как красиво, - сказала Пилар.
"What an illusion is the snow."	- Один обман этот снег.

She turned to Maria.	- Она повернулась к Марии.
"I am sorry I was rude to thee, _guapa_.	- Не сердись, что я тебя выругала, guapa.
I don't know what has held me today.	Сама не знаю, что на меня нашло сегодня.
I have an evil temper."	Характер скверный.
"I never mind what you say when you are angry," Maria told her.	- Я на твои слова не обращаю взимания, когда ты злишься, - сказала ей Мария.
"And you are angry often."	- А злишься ты часто.
"Nay, it is worse than anger," Pilar said, looking across at the peaks.	- Нет, это не злость, это хуже, - сказала Пилар, глядя на снеговые вершины.
"Thou art not well," Maria said.	- Тебе нездоровится, - сказала Мария.

"Neither is it that," the woman said.	-И не это, - сказала женщина.
"Come here, guapa, and put thy head in my lap."	- Иди сюда, guapa, положи голову ко мне на колени.
Maria moved close to her, put her arms out and folded them as One does who goes to sleep without a pillow and lay with her head on her arms.	Мария придвинулась к ней поближе, вытянула руки, сложила их так, как складывают, когда спят без подушки, и улеглась на них головой.
She turned her face up at Pilar and smiled at her but the big woman looked on across the meadow at the mountains.	Лицо она повернула к Пилар и улыбнулась ей, но женщина все смотрела на луг, на горы.

She stroked the girl's head without looking down at her and ran a blunt finger across the girl's forehead and then around the line of her ear and down the line where the hair grew on her neck.	Не глядя, она погладила голову девушки, потом повела толстым коротким пальцем по ее лбу, вокруг уха и вниз вдоль кромки волос на шее.
"You can have her in a little while, _Ingles_," she said.	- Сейчас я тебе ее отдам, Ingles, - сказала она.
Robert Jordan was sitting behind her.	Роберт Джордан сидел позади нее.
"Do not talk like that," Maria said.	- Не надо так говорить, - сказала Мария.
"Yes, he can have thee," Pilar said and looked at neither of them.	- Да, пусть берет тебя, - сказала Пилар, не глядя на них обоих.

"I have never wanted thee.	- Ты мне никогда не была нужна.
But I am jealous."	Но я ревную.
"Pilar," Maria said.	- Пилар, - сказала Мария.
"Do not talk thus."	- Не говори так.
"He can have thee," Pilar said and ran her finger around the lobe of the girl's ear.	- Пусть берет тебя, - сказала Пилар и обвела пальцем вокруг мочки ее уха.
"But I am very jealous."	- Но я очень ревную.
"But Pilar," Maria said.	- Но, Пилар, - сказала Мария.

"It was thee explained to me there was nothing like that between us."	- Ты ведь сама говорила мне, что у нас с тобой ничего такого нет.

"There is always something like that," the woman said.	- Что-нибудь такое всегда есть, - сказала женщина.
"There is always something like something that there should not be.	- Всегда есть что-нибудь такое, чего не должно быть.
But with me there is not.	Но у меня нет.
Truly there is not.	Правда, нет.
I want thy happiness and nothing more."	Я тебе желаю счастья, вот и все.
Maria said nothing but lay there, trying to make her head rest lightly.	Мария промолчала, лежа все в той же позе и стараясь держать голову так, чтобы Пилар не было тяжело.

"Listen, _guapa_," said Pilar and ran her finger now absently but tracingly over the contours of her cheeks.	- Слушай, guapa, - сказала Пилар и стала рассеянно обводить пальцами овал ее лица.
"Listen, _guapa_, I love thee and he can have thee, I am no _tortillera_ but a woman made for men.	- Слушай, guapa, я тебя люблю, но пусть он берет тебя. Я не tortillera, я женщина, созданная для мужчин.
That is true.	Это правда.
But now it gives me pleasure to say thus, in the daytime, that I care for thee."	Но мне приятно так вот, при солнечном свете, говорить, что я тебя люблю.
"I love thee, too."	- Я тебя тоже люблю.
"_Que va_.	- Que va.
Do not talk nonsense.	Не болтай глупостей.

Thou dost not know even of what I speak."	Ты даже не понимаешь, о чем я говорю.
"I know."	- Я понимаю.
"_Que va_, that you know.	- Que va, что ты понимаешь!
You are for the _Ingles_.	Ты пара этому Ingles.
That is seen and as it should be.	Это сразу видно, и пусть так и будет.
That I would have.	И я на это согласна.
Anything else I would not have.	На что другое я бы не согласилась.
I do not make perversions.	Я глупостями не занимаюсь.
I only tell you something true.	Я просто говорю тебе то, что есть.

Few people will ever talk to thee truly and no women.	Немного найдется людей, а особенно женщин, которые будут говорить тебе то, что есть.
I am jealous and say it and it is there. And I say it."	Я ревную, и так и говорю, и так оно и есть, и так я и говорю.
"Do not say it," Maria said.	- Перестань, - сказала Мария.
"Do not say it, Pilar."	- Перестань, Пилар.
"_Por que_, do not say it," the woman said, still not looking at either of them.	- Por que перестань? - сказала женщина, по-прежнему не глядя на них обоих.

"I will say it until it no longer pleases me to say it.	- Не перестану, пока мне не захочется перестать.

And," she looked down at the girl now, "that time has come already.	Ну, - она наконец взглянула на девушку, - вот теперь мне захотелось.
I do not say it more, you understand?"	И я уже перестала, понятно?
"Pilar," Maria said.	- Пилар, - сказала Мария.
"Do not talk thus."	- Не надо так говорить.
"Thou art a very pleasant little rabbit," Pilar said.	- Ты очень славный маленький зайчонок, - сказала Пилар.
"And lift thy head now because this silliness is over."	- А теперь убери свою голову, потому что блажь у меня уже прошла.
"It was not silly," said Maria.	- Это вовсе не блажь, - сказала Мария.
"And my head is well where it is."	- А моей голове очень удобно здесь.

"Nay.	- Нет.
Lift it," Pilar told her and put her big hands under the girl's head and raised it.	Вставай, - сказала Пилар и, подложив свои большие руки под голову девушки, приподняла ее.
"And thou, _Ingles?_" she said, still holding the girl's head as she looked across at the mountains.	- Ну, а ты что, Ingles? - спросила она и, не выпуская головы девушки из рук, посмотрела на дальние горы.
"What cat has eaten thy tongue?"	- Тебе что, кошка язык отъела?
"No cat," Robert Jordan said.	- Не кошка, - ответил ей Роберт Джордан.
"What animal then?"	- А какой же зверь тебе его отъел?
She laid the girl's head down on the ground.	- Ока опустила голову девушки на землю.

"No animal," Robert Jordan told her.	- Не зверь, - сказал Роберт Джордан.
"You swallowed it yourself, eh?"	- Сам, значит, проглотил?
"I guess so," Robert Jordan said.	- Должно быть, - сказал Роберт Джордан.
"And did you like the taste?"	- Ну и как, вкусно было?
Pilar turned now and grinned at him.	- Пилар с усмешкой повернулась к нему.
"Not much."	- Не очень.
"I thought not," Pilar said.	- Я так и думала, - сказала Пилар.
"I _thought_ not.	- Так я и думала.
But I give you back our rabbit.	А теперь я отдам тебе твоего зайчонка.

Nor ever did I try to take your rabbit.	Я и не собиралась отнимать у тебя твоего зайчонка.
That's a good name for her.	Это хорошее прозвище, подходит к ней.
I heard you call her that this morning."	Я утром слышала, как ты ее называл так.
Robert Jordan felt his face redden.	Роберт Джордан почувствовал, что краснеет.
"You are a very hard woman," he told her.	- Трудная ты женщина, - сказал он ей.

"No," Pilar said.	- Нет, - сказала Пилар.
"But so simple I am very complicated.	- Но я такая простая, - не сразу поймешь.
Are you very complicated, _Ingles?_"	А тебя, Ingles?

"No. Nor not so simple."	- Вероятно, тоже. Хоть я и не слишком прост.
"You please me, _Ingles_," Pilar said.	- Ты мне нравишься, Ingles, - сказала Пилар.
Then she smiled and leaned forward and smiled and shook her head.	Потом улыбнулась, наклонилась вперед, опять улыбнулась и покачала головой.
"Now if I could take the rabbit from thee and take thee from the rabbit."	- Вот если б я могла отнять у тебя зайчонка или тебя отнять у зайчонка.
"You could not."	- Ничего бы не вышло.
"I know it," Pilar said and smiled again.	- Знаю, - сказала Пилар и снова улыбнулась.
"Nor would I wish to.	- Да я бы и не захотела.
But when I was young I could have."	А в молодые годы - отняла бы.

"I believe it."	- Это я верю.
"You believe it?"	- Веришь?
"Surely," Robert Jordan said.	- Конечно, - сказал Роберт Джордан.
"But such talk is nonsense."	- Но к чему весь этот разговор?
"It is not like thee," Maria said.	- Это так на тебя не похоже, - сказала Мария.
"I am not much like myself today," Pilar said.	- Я сама на себя не похожа сегодня, - сказала Пилар.
"Very little like myself.	- Совсем не похожа.
Thy bridge has given me a headache, _Ingles_."	От твоего моста у меня голова разболелась, Ingles.
"We can tell it the Headache Bridge," Robert Jordan said.	- Что ж, можно назвать его Мост головной боли, -сказал Роберт Джордан.

"But I will drop it in that gorge like a broken bird cage."	- Но он у меня полетит в теснину, как сломанная птичья клетка.
"Good," said Pilar.	- Вот это хорошо, - сказала Пилар.
"Keep on talking like that."	- Ты еще так поговори.
"I'll drop it as you break a banana from which you have removed the skin."	- Он у меня разломится пополам, как очищенный банан.
"I could eat a banana now," said Pilar.	- Я бы сейчас съела банан, - сказала Пилар.
"Go on, _Ingles_.	- Ну, еще, Ingles.
Keep on talking largely."	Говори еще.
"There is no need," Robert Jordan said.	- Незачем, - сказал Роберт Джордан.
"Let us get to camp."	- Идем в лагерь.

"Thy duty," Pilar said.	- Твой мост, - сказала Пилар.
"It will come quickly enough.	- Не убежит он от тебя.

I said that I would leave the two of you."	Я ведь обещала, что дам тебе побыть с ней вдвоем.
"No.	- Нет.
I have much to do."	У меня еще много дел.
"That is much too and does not take long."	- Это тоже дело и много времени не займет.
"Shut thy mouth, Pilar," Maria said.	- Замолчи, Пилар, - сказала Мария.
"You speak grossly."	- Как ты грубо говоришь.
"I am gross," Pilar said.	-А я грубая, - сказала Пилар.

"But I am also very delicate. _Soy muy delicada_.	- Но я и очень деликатная тоже. Soy muy delicada.
I will leave the two of you.	Я вас оставлю вдвоем.
And the talk of jealousness is nonsense.	А про ревность это все пустой разговор.
I was angry at Joaquin because I saw from his look how ugly I am.	Меня разозлил Хоакин, потому что по его глазам я увидела, какая я уродина.
I am only jealous that you are nineteen. It is not a jealousy which lasts.	И я не ревную. Я только завидую. Завидую, что тебе девятнадцать лет. Но эта зависть пройдет.
You will not be nineteen always.	Тебе не всегда будет девятнадцать.
Now I go."	Ну, я иду.

She stood up and with a hand on one hip looked at Robert Jordan, who was also standing.	Она встала и, подбоченившись одной рукой, взглянула на Роберта Джордана, который тоже встал.
Maria sat on the ground under the tree, her head dropped forward.	Мария сидела на земле под деревом, низко опустив голову.
"Let us all go to camp together," Robert Jordan said.	- Мы все идем, - сказал Роберт Джордан.
"It is better and there is much to do."	- Пора возвращаться в лагерь, впереди еще много дела.
Pilar nodded with her head toward Maria, who sat there, her head turned away from them, saying nothing.	Пилар кивнула в сторону Марии. Та сидела с опущенной головой и молчала.

Pilar smiled and shrugged her shoulders almost imperceptibly and said,	Пилар улыбнулась, едва заметно пожала плечами и спросила:
"You know the way?"	-Ты дорогу знаешь?
"I know it," Maria said, not raising her head.	- Я знаю, - сказала Мария, не поднимая головы.
"_Pues me voy_," Pilar said.	- Pues me voy, - сказала Пилар.
"Then I am going.	- Тогда я пошла.
We'll have something hearty for you to eat, _Ingles_."	Мы тебе приготовим что-нибудь вкусное на ужин, Ingles.

She started to walk off into the heather of the meadow toward the stream that led down through it toward the camp.	Она повернулась и пошла через заросший вереском луг к ручью, который вел к лагерю.
"Wait," Robert Jordan called to her.	- Погоди, - окликнул ее Роберт Джордан.

"It is better that we should all go together."	- Мы пойдем все вместе.
Maria sat there and said nothing.	Мария сидела и молчала.
Pilar did not turn.	Пилар не оглянулась.
"_Que va_, go together," she said.	- Que va, все вместе, - сказала она.
"I will see thee at the camp."	- Увидимся в лагере.

Robert Jordan stood there.	Роберт Джордан смотрел ей вслед.
"Is she all right?" he asked Maria.	- С ней ничего не случится? - спросил он Марию.
"She looked ill before."	- У нее вид совсем больной.
"Let her go," Maria said, her head still down.	- Пусть идет, - сказала Мария, все еще не поднимая головы.
"I think I should go with her."	- Не надо бы ее отпускать одну.
"Let her go," said Maria.	- Пусть идет, - сказала Мария.
"Let her go!"	- Пусть идет!
13	13

They were walking through the heather of the mountain meadow and Robert Jordan felt the brushing of the heather against his legs, felt the weight of his pistol in its holster against his thigh, felt the sun on his head, felt the breeze from the snow of the mountain peaks cool on his back and, in his hand, he felt the girl's hand firm and strong, the fingers locked in his.	Они шли по заросшему вереском горному лугу, и Роберт Джордан чувствовал, как вереск цепляется за его ноги, чувствовал тяжесть револьвера, оттянувшего ему пояс, и тепло солнечных лучей на лице, и холодок, пробегающий по спине от ветра со снежных вершин, и руку девушки в своей руке, крепкую и сильную, с тонкими пальцами, которые он захватил своими.

From it, from the palm of her hand against the palm of his,
from their fingers locked together, and from her wrist across his wrist something came from her hand, her fingers and her wrist to his that was as fresh as the first light air that moving toward you over the sea barely wrinkles the glassy surface of a calm, as light as a feather
moved across one's lip, or a leaf falling when there is no breeze; so light that it could be felt with the touch of their fingers alone, but that was so strengthened,
so intensified, and made so urgent, so aching and so strong

От того, что ее ладонь лежала на его ладони, что их пальцы были сплетены, что ее запястье прижималось к его запястью, от этой близости ее ладони, и пальцев, и запястья шло в его руку что-то свежее, как первый порыв ветра, который рябит гладь застывшего в штиле моря, что-то легкое, как прикосновение перышка к губам, как листок, в тихую погоду падающий на землю; такое легкое, что достаточно было бы прикосновения пальцев, чтобы его почувствовать, но тесное пожатие руки настолько усиливало, настолько углубляло это "что-то", делало его таким острым,

With the sun shining on her hair, tawny as wheat, and on her gold-brown smooth-lovely face and on the curve of her throat he bent her head back and held her to him and kissed her.	Солнце отсвечивало на ее волосах цвета спелой пшеницы, на золотисто-смуглом нежном лице, на изгибе шеи, и он запрокинул ей голову, притянул ее к себе и поцеловал.

He felt her trembling as he kissed her and he held the length of her body tight to him and felt her breasts against his chest through the two khaki shirts, he felt them small and firm and he reached and undid the buttons on her shirt and bent and kissed her and she stood shivering, holding her head back, his arm behind her.	Она задрожала от его поцелуя, и он крепко прижал к себе все ее тело и почувствовал ее маленькие крепкие груди, почувствовал их сквозь ткань двух рубашек, и он поднял руку, и расстегнул пуговицы на ее рубашке, и нагнулся, и поцеловал ее, а она стояла, дрожа, откинув голову назад.
Then she dropped her chin to his head and then he felt her hands holding his head and rocking it against her.	Потом ее подбородок коснулся его головы, и тотчас же он почувствовал, что она обхватила его голову и прижала к себе.

He straightened and with his two arms around her held her so tightly that she was lifted off the ground, tight against him, and he felt her trembling and then her lips were on his throat, and then he put her down and said,	Он выпрямился и обнял ее обеими руками так крепко, что она отделилась от земли, и, чувствуя, как она дрожит, он поцеловал ее шею и потом опустил ее на землю и сказал:
"Maria, oh, my Maria."	- Мария, о моя Мария.
Then he said,	Потом он сказал:
"Where should we go?"	- Куда нам пойти?

She did not say anything but slipped her hand inside of his shirt and he felt her undoing the shirt buttons and she said,	Она ничего не ответила, только ее пальцы скользнули ему за ворот, и он почувствовал, как она расстегивает пуговицы его рубашки, и она сказала:
"You, too.	-Ты тоже.
I want to kiss, too."	Я тебя тоже хочу поцеловать.
"No, little rabbit."	- Не надо, зайчонок.
"Yes. Yes.	- Нет, надо.
Everything as you."	Что ты, то и я.
"Nay.	- Нет.
That is an impossibility."	Так не бывает.
"Well, then.	- Ну и пусть.
Oh, then.	И пусть.

Oh, then. Oh."	Пусть.

Then there was the smell of heather crushed and the roughness of the bent stalks under her head and the sun bright on her closed eyes and all his life he would remember the curve of her throat with her head pushed back into the heather roots and her lips that moved smally and by themselves and the fluttering of the lashes on the eyes tight closed against the sun and against everything, and for her everything was red, orange, gold- red from the sun on the closed eyes, and it all was that color, all of it, the filling, the possessing, the	Потом был запах примятого вереска, и колкие изломы стеблей у нее под головой, и яркие солнечные блики на ее сомкнутых веках, и казалось, он на всю жизнь запомнит изгиб ее шеи, когда она лежала, запрокинув голову в вереск, и ее чуть-чуть шевелившиеся губы, и дрожание ресниц на веках, плотно сомкнутых, чтобы не видеть солнца и ничего не видеть, и мир для нее тогда был красный, оранжевый, золотисто-желтый от солнца, проникавшего сквозь сомкнутые веки, и такого же цвета было все - полнота, обладание, радость, - все такого же цвета, все в такой же яркой слепоте.

For him it was a dark passage which led to nowhere, then to nowhere, then again to nowhere, once again to nowhere, always and forever to nowhere, heavy on the elbows in the earth to nowhere, dark, never any end to nowhere, hung on all time always to unknowing nowhere, this time and again for always to nowhere, now not to be borne once again always and to nowhere, now beyond all bearing up, up, up and into nowhere, suddenly, scaldingly, holdingly all nowhere gone and time absolutely still and they were both	А для него был путь во мраке, который вел никуда, и только никуда, и опять никуда, и еще, и еще, и снова никуда, локти вдавлены в землю, и опять никуда, и беспредельно, безвыходно, вечно никуда, и уже больше нет сил, и снова никуда, и нестерпимо, и еще, и еще, и еще, и снова никуда, и вдруг в неожиданном, в жгучем, в последнем весь мрак разлетелся и время застыло, и только они двое существовали в неподвижном остановившемся времени, и земля под ними качнулась и поплыла.

Then he was lying on his side, his head deep in the heather, smelling it and the smell of the roots and the earth and the sun came through it and it was scratchy on his bare shoulders and along his flanks and the girl was lying opposite him with her eyes still shut and then she opened them and smiled at him and he said very tiredly and from a great but friendly distance,	Потом он лежал на боку, зарыв голову в вереск, пронизанный солнцем, вдыхая его запах и запах корней и земли, и жесткие стебли царапали ему плечи и бока, а девушка лежала напротив него, и ее глаза все еще были закрыты, а потом она открыла их и улыбнулась ему, и он сказал очень устало и хоть и ласково, но откуда-то издалека:
"Hello, rabbit."	- Ау, зайчонок.
And she smiled and from no distance said,	А она засмеялась и сказала совсем не издалека:

"Hello, my _Ingles_."	- Ау, мой Ingles.
"I'm not an _Ingles_," he said very lazily.	-Я не Ingles, - сказал он лениво.
"Oh yes, you are," she said.	- Нет, ты Ingles, - сказала она.
"You're my _Ingles_," and reached and took hold of both his ears and kissed him on the forehead.	- Ты мой Ingles. - И она потянулась и взяла его за оба уха и поцеловала в лоб.
"There," she said.	- Вот, - сказала она.
"How is that?	- Ну как?
Do I kiss thee better?"	Научилась я целоваться?
Then they were walking along the stream together and he said,	Потом они вместе шли вдоль ручья, и он сказал:

"Maria, I love thee and thou art so lovely and so wonderful and so beautiful and it does such things to me to be with thee that I feel as though I wanted to die when I am loving thee."	- Я тебя люблю, Мария, и ты такая чудесная, и такая красивая, и такая удивительная, что, когда я с тобой, мне хочется умереть, так я тебя люблю.
"Oh," she said. "I die each time.	- Я каждый раз умираю, - сказала она.
Do you not die?"	- А ты не умираешь?
"No.	- Нет.
Almost.	Почти.
But did thee feel the earth move?"	А ты чувствовала, как земля поплыла?
"Yes.	-Да.
As I died.	Когда я умирала.

Put thy arm around me, please."	Обними меня, пожалуйста.

"No.	- Не надо.
I have thy hand.	Я держу тебя за руку.
Thy hand is enough."	Мне довольно твоей руки.
He looked at her and across the meadow where a hawk was hunting and the big afternoon clouds were coming now over the mountains.	Он взглянул на нее, а потом перевел взгляд дальше, туда, где кончался луг, и увидел ястреба, высматривавшего добычу, и большие вечерние облака, наползавшие из-за гор.

"And it is not thus for thee with others?" Maria asked him, they now walking hand in hand.	- А с другими у тебя не бывает так? - спросила Мария, шагая с ним рядом, рука в руку.
"No.	- Нет.
Truly."	И это правда.
"Thou hast loved many others."	-Ты многих женщин любил?
"Some.	- Любил.
But not as thee."	Но не так, как тебя.
"And it was not thus?	-И с ними так не было?
Truly?"	Правда?
"It was a pleasure but it was not thus."	- Было приятно, но так не было.

"And then the earth moved.	- И земля поплыла.
The earth never moved before?"	А раньше земля никогда не плыла?
"Nay.	- Нет.
Truly never."	Никогда.
"Ay," she said.	- Да, - сказала Мария.
"And this we have for one day."	- А ведь у нас всего только один день.
He said nothing.	Он ничего не сказал.
"But we have had it now at least," Maria said.	- Но все-таки это было, - сказала Мария.
"And do you like me too?	- А я тебе нравлюсь?
Do I please thee?	Скажи, нравлюсь?

I will look better later."	Я потом похорошею.
"Thou art very beautiful now."	-Ты и сейчас очень красивая.
"Nay," she said.	- Нет, - сказала она.
"But stroke thy hand across my head."	- Но ты меня погладь по голове.
He did that feeling her cropped hair soft and flattening and then rising between his fingers and he put both hands on her head and turned her face up to his and kissed her.	Он погладил и почувствовал, как ее короткие мягкие волосы, примятые его рукой, тотчас же снова встают у него между пальцами, и он положил обе руки ей на голову и повернул к себе ее лицо и поцеловал ее.
"I like to kiss very much," she said.	- Мне очень нравится целоваться, - сказала она.

"But I do not do it well."	- Но я еще не умею.

"Thou hast no need to kiss."	- Тебе это и не нужно.
"Yes, I have.	- Нет, нужно.
If I am to be thy woman I should please thee in all ways."	Раз я твоя жена, я хочу нравиться тебе во всем.
"You please me enough.	-Ты мне и так нравишься.
I would not be more pleased.	Мне не надо, чтоб ты мне больше нравилась.
There is no thing I could do if I were more pleased."	Это бы ничего не изменило, если б ты мне еще больше нравилась.

"But you will see," she said very happily.	- А вот увидишь, - сказала она радостно.
"My hair amuses thee now because it is odd.	- Теперь мои волосы просто забавляют тебя, потому что они не как у всех.
But every day it is growing.	Но они растут с каждым днем.
It will be long and then I will not look ugly and perhaps you will love me very much."	Скоро они будут длинные, и тогда я перестану быть уродиной, и, может быть, тогда ты меня в самом деле очень полюбишь.
"Thou hast a lovely body," he said.	- У тебя чудесное тело, - сказал он.
"The loveliest in the world."	- Самое чудесное на свете.
"It is only young and thin."	- Оно как у девочки и очень худое.

"No.	- Нет.
In a fine body there is magic.	В красивом теле есть какая-то волшебная сила.
I do not know what makes it in one and not in another.	Но не всегда. У одного она есть, а у другого нет.
But thou hast it."	Вот у тебя есть.
"For thee," she said.	- Для тебя, - сказала она.
"Nay."	- Нет.
"Yes.	-Да.
For thee and for thee always and only for thee.	Для тебя, и только для тебя, и всегда будет для тебя.
But it is littie to bring thee.	Но это еще очень мало, мне хотелось бы дать тебе больше.

I would learn to take good care of thee.	Я научусь хорошо заботиться о тебе.
But tell me truly.	Только скажи мне правду.
Did the earth never move for thee before?"	Никогда раньше земля не плыла?
"Never," he said truly.	- Никогда, - сказал он, и это была правда.
"Now am I happy," she said.	- Вот теперь я счастлива, - сказала она.
"Now am I truly happy.	- Теперь я в самом деле счастлива.
"You are thinking of something else now?" she asked him.	- Ты сейчас думаешь о чем-то другом? - спросила она его.

"Yes.	-Да.
My work."	О моей работе.

"I wish we had horses to ride," Maria said.	- Вот если бы у нас были лошади, - сказала Мария.
"In my happiness I would like to be on a good horse and ride fast with thee riding fast beside me and we would ride faster and faster, galloping, and never pass my happiness."	- Я так счастлива, что хотела бы скакать на хорошей лошади, быстро-быстро, и чтобы ты скакал рядом со мной, и мы бы скакали все быстрей и быстрей, галопом, а счастья моего все равно не могли бы догнать.
"We could take thy happiness in a plane," he said absently.	- Мы могли бы догнать твое счастье на самолете, -сказал он рассеянно.
"And go over and over in the sky like the little pursuit planes shining in the sun," she said.	- И лететь высоко-высоко в небе, как те маленькие истребители, что так блестят на солнце, - сказала она.

"Rolling it in loops and in dives. _Que bueno!_" she laughed.	- И петлять и кувыркаться. Que bueno . - Она засмеялась.
"My happiness would not even notice it."	- Мое счастье даже не заметило бы этого.
"Thy happiness has a good stomach," he said half hearing what she said.	- У твоего счастья крепкое здоровье, - сказал он, почти не слыша, о чем она говорит.
Because now he was not there.	Потому что он уже был далеко.
He was walking beside her but his mind was thinking of the problem of the bridge now and it was all clear and hard and sharp as when a camera lens is brought into focus.	Он шел рядом с ней, но голова его была занята проблемой моста, и все рисовалось ему так ясно, и четко, и рельефно, как в объективе фотоаппарата при хорошей наводке на фокус.

He saw the two posts and Anselmo and the gypsy watching.	Он видел оба поста, откуда Ансельмо и цыган ведут наблюдение.
He saw the road empty and he saw movement on it.	Он видел пустую дорогу и видел, как по ней проходят войска.
He saw where he would place the two automatic rifles to get the most level field of fire, and who will serve them, he thought, me at the end, but who at the start?	Он видел место, где он установит оба ручных пулемета, чтобы получить наиболее удобное поле обстрела. А кто будет стрелять из них? - подумал он. Под конец я сам, а вначале кто?

He placed the charges, wedged and lashed them, sunk his caps and crimped them, ran his wires, hooked them up and got back to where he had placed the old box of the exploder and then he started to think of all the things that could have happened and that might go wrong.	Он заложил динамитные шашки, закрепил и соединил их, вставил капсюли, провел шнур, сцепил концы и вернулся туда, где остался старый ящик с детонатором; и тут он стал думать обо всем, что могло случиться, и что могло помешать делу.
Stop it, he told himself.	Перестань, сказал он себе.
You have made love to this girl and now your head is clear, properly clear, and you start to worry.	Только что ты целовал эту девушку, и голова у тебя теперь ясная, совершенно ясная, а ты уже начинаешь тревожиться.

It is one thing to think you must do and it is another thing to worry.	Одно дело думать о том, что нужно, а другое дело - тревожиться.
Don't worry.	Не тревожься.

You mustn't worry.	Нечего тебе тревожиться.
You know the things that you may have to do and you know what may happen.	Ты знаешь, что тебе, быть может, придется сделать, и ты знаешь, что может случиться.
Certainly it may happen.	Конечно, это может случиться.
You went into it knowing what you were fighting for.	Ты пошел на это, зная, за что борешься.

You were fighting against exactly what you were doing and being forced into doing to have any chance of winning.	Ты борешься как раз против того, что ты делаешь, что тебе приходится делать ради одной лишь возможности победы.
So now he was compelled to use these people whom he liked as you should use troops toward whom you have no feeling at all if you were to be successful.	Вот и теперь ты должен использовать этих симпатичных тебе людей так, как используют в интересах дела солдат, к которым не испытывают никаких чувств.
Pablo was evidently the smartest.	Видно, все-таки Пабло умнее всех.
He knew how bad it was instantly.	Он сразу смекнул, чем это пахнет.

The woman was all for it, and still was; but the realization of what it really consisted in had overcome her steadily and it had done plenty to her already.	Женщина - та всей душой за это, с самого начала; но постепенно и она начинает понимать, о чем, в сущности, идет речь, и это уже сказалось на ней.
Sordo recognized it instantly and would do it but he did not like it any more than he, Robert Jordan, liked it.	Эль Сордо сразу во всем разобрался и готов сделать, что нужно, но приятного для него в этом мало, так же как и для тебя, Роберт Джордан.
So you say that it is not that which will happen to yourself but that which may happen to the woman and the girl and to the others that you think of.	Значит, ты думаешь не о том, что будет с тобой, а о том, что будет с женщиной, с девушкой и с остальными, - ты это хочешь сказать?
All right.	Хорошо.

What would have happened to them if you had not come?	А что было бы с ними, если бы ты не пришел сюда?
What happened to them and what passed with them before you were ever here?	Что было с ними и как они жили до того, как ты сюда пришел?
You must not think in that way.	Нет, так думать не нужно.
You have no responsibility for them except in action.	Ты за них не в ответе, разве только за то, как они выполнят свою часть задачи.
The orders do not come from you.	Не ты давал приказ.
They come from Golz.	Его дал Гольц.
And who is Golz?	А кто такой Гольц?
A good general.	Хороший командир.

The best you've ever served under.	Лучший из всех, под чьим началом тебе приходилось служить.
But should a man carry out impossible orders knowing what they lead to?	Но должен ли человек выполнять невыполнимый приказ, зная, к чему это поведет?
Even though they come from Golz, who is the party as well as the army?	Даже если этот приказ дал Г ольц, который представляет не только армию, но и партию?
Yes.	Да.

He should carry them out because it is only in the performing of them that they can prove to be impossible.	Выполнять нужно, потому что, лишь выполняя приказ, можно убедиться, что он невыполним.

How do you know they are impossible until you have tried them?	Откуда ты знаешь, что он невыполним, когда ты еще не пробовал выполнить его?
If every one said orders were impossible to carry out when they were received where Would you be?	Если каждый, получив приказ, станет говорить, что он невыполним, к чему это приведет?
Where would we all be if you just said, "Impossible," when orders came?	К чему мы все придем, если вместо того, чтобы выполнять приказы, будем всякий раз говорить "невыполнимо"?
He had seen enough of commanders to whom all orders were impossible.	Он видел достаточно командиров, для которых все приказы были невыполнимы.
That swine Gomez in Estremadura.	Эта свинья Гомес в Эстремадуре.

He had seen enough attacks when the flanks did not advance because it was impossible.	Он видел достаточно атак, в которых фланги не пытались наступать, считая, что это невыполнимо.
No, he would carry out the orders and it was bad luck that you liked the people you must do it with.	Нет, он будет делать то, что приказано, а если люди, которые должны помогать ему в этом, ему симпатичны, тем хуже для него.
In all the work that they, the _partizans_, did, they brought added danger and bad luck to the people that sheltered them and worked with them.	Такова уж эта партизанская работа - всегда навлекаешь несчастье и двойную опасность на тех, у кого находишь приют и помощь.
For what?	Но ради чего?

So that, eventually, there should be no more danger and so that the country should be a good place to live in.	Ради того, чтобы в конце концов перестала существовать всякая опасность и чтобы всем хорошо было жить в этой стране.
That was true no matter how trite it sounded.	Звучит трюизмом, но это не важно. Важно, что это правда.
If the Republic lost it would be impossible for those who believed in it to live in Spain.	Если Республика потерпит поражение, тем, кто стоял за нее, не будет житья в Испании.
But would it?	А может быть, это не так?
Yes, he knew that it would be, from the things that happened in the parts the fascists had already taken.	Нет, именно так, он знает, он достаточно всего насмотрелся в местностях, уже занятых фашистами.

Pablo was a swine but the others were fine people and was it not a betrayal of them all to get them to do this?	Пабло скотина, но все остальные - замечательные люди, и разве не предательство - втянуть их в это?
Perhaps it was. But if they did not do it two squadrons of cavalry would come and hunt them out of these hills in a week.	Может быть, но если это не будет сделано, через неделю сюда, в горы, придут два кавалерийских эскадрона и разгромят их лагерь.
No.	Да.
There was nothing to be gained by leaving them alone.	Ничего не выиграешь, решив не мешаться в их жизнь.

Except that all people should be left alone and you should interfere with no one.	Только будет соблюден принцип, что каждый человек живет сам по себе и нельзя вмешиваться ни в чью жизнь.
So he believed that, did he?	Ага, значит, он придерживается этого принципа?
Yes, he believed that.	Да, придерживается.
And what about a planned society and the rest of it?	Ну, а как же плановое общество и все прочее?
That was for the others to do.	Этим пусть занимаются другие.
He had something else to do after this war.	У него есть свои дела, которыми он займется после этой войны.

He fought now in this war because it had started in a country that he loved and he believed in the Republic and that if it were destroyed life would be unbearable for all those people who believed in it.	Он участвует в этой войне потому, что она вспыхнула в стране, которую он всегда любил, и потому, что он верит в Республику и знает, что, если Республика будет разбита, жизнь станет нестерпимой для тех, кто верил в нее.
He was under Communist discipline for the duration of the war.	На время войны он подчинил себя коммунистической дисциплине.
Here in Spain the Communists offered the best discipline and the soundest and sanest for the prosecution of the war.	Здесь, в Испании, коммунисты показали самую лучшую дисциплину и самый здравый и разумный подход к ведению войны.

He accepted their discipline for the duration of the war because, in the conduct of the war, they were the only party whose program and whose discipline he could respect.	Он признал их дисциплину на это время, потому что там, где дело касалось войны, это была единственная партия, чью программу и дисциплину он мог уважать.
What were his politics then?	Каковы ж тогда его политические убеждения?
He had none now, he told himself.	Нет у него теперь никаких, сказал он себе.
But do not tell any one else that, he thought.	Но об этом никому нельзя говорить, подумал он.
Don't ever admit that.	Нельзя даже мысли такой допускать.

And what are you going to do afterwards?	А чем ты хочешь заняться после войны?
I am going back and earn my living teaching Spanish as before, and I am going to write a true book.	Вернусь в Штаты и опять буду преподавать для заработка испанский язык и напишу правдивую книгу.
I'll bet, he said.	Обязательно напишу, сказал он себе.
I'll bet that will be easy.	И это будет нетрудно.
He would have to talk with Pablo about politics.	Надо поговорить о политике с Пабло.

It would certainly be interesting to see what his political development had been.	Любопытно, как шло его политическое развитие?
The classical move from left to right, probably; like old Lerroux.	Слева направо, вероятно; классический путь в духе старика Лерру.
Pablo was quite a lot like Lerroux.	У Пабло много общего с Лерру.
Prieto was as bad.	Да и Прието не лучше.
Pablo and Prieto had about an equal faith in the ultimate victory.	Пабло и Прието одинаково верят в конечную победу.

They all had the politics of horse thieves.	У всех у них политика конокрадов.

He believed in the Republic as a form of government but the Republic would have to get rid of all of that bunch of horse thieves that brought it to the pass it was in when the rebellion started.	Я стою за Республику как форму правления, но Республика должна будет выгнать вон всю эту шайку конокрадов, которая завела ее в тупик перед началом мятежа.
Was there ever a people whose leaders were as truly their enemies as this one?	Можно ли найти еще народ, вожди которого были бы такими истинными его врагами?
Enemies of the people.	Враги народа.

That was a phrase he might omit.	Выражение, без которого можно обойтись.
That was a catch phrase he would skip.	Да, это ходячее выражение не стоит употреблять.
That was one thing that sleeping with Maria had done.	Вот что сделала с ним ночь с Марией.

He had gotten to be as bigoted and hidebound about his politics as a hard-shelled Baptist and phrases like enemies of the people came into his mind without his much criticizing them in any way.	Он уже успел стать политическим фанатиком и ханжой, похожим на какого-нибудь твердолобого баптиста, и словечки вроде "враги народа" сами собой приходят ему в голову.
Any sort of _cliches_ both revolutionary and patriotic.	Революционно-патриотические штампы.

His mind employed them without criticism.	Его разум приучился некритически воспринимать и употреблять их.
Of course they were true but it was too easy to be nimble about using them.	Конечно, в них заключена правда, но слишком уж легко они слетают с языка.
But since last night and this afternoon his mind was much clearer and cleaner on that business.	Но после того, что было ночью и сегодня днем, все это предстало перед ним более ясно и отчетливо.
Bigotry is an odd thing.	Странная вещь фанатизм.

To be bigoted you have to be absolutely sure that you are right and nothing makes that surety and righteousness like continence.	Чтоб быть фанатиком, нужно быть абсолютно, непререкаемо уверенным, что ты прав, а ничто так не укрепляет эту уверенность, как воздержание.
Continence is the foe of heresy.	Воздержание лучшее средство против ереси.
How would that premise stand up if he examined it?	Любопытно, выдержит ли этот тезис дальнейшее углубление.

That was probably why the Communists were always cracking down on Bohemianism. When you were drunk or when you committed either fornication or adultery you recognized your own personal fallibility of that so mutable substitute for the apostles' creed, the party line.	Вероятно, именно потому коммунисты так воюют с духом богемы.

Down with Bohemianism, the sin of Mayakovsky.	Долой богему, то, чем грешил Маяковский.
But Mayakovsky was a saint again.	Но ведь Маяковский теперь снова причислен к лику святых.
That was because he was safely dead.	Да, потому что он уже покойник.
You'll be safely dead yourself, he told himself.	Ты и сам скоро будешь покойником.

Now stop thinking that sort of thing.	Ну, нечего думать о таких вещах.

Think about Maria.	Думай лучше о Марии.
Maria was very hard on his bigotry.	Мария была тяжелым испытанием для его фанатизма.
So far she had not affected his resolution but he would much prefer not to die.	Решимости его она не поколебала, но ему теперь очень не хотелось умирать.
He would abandon a hero's or a martyr's end gladly.	Он охотно отказался бы от геройской или мученической кончины.
He did not want to make a Thermopylae, nor be Horatius at any bridge, nor be the Dutch boy With his finger in that dyke.	Он не хотел повторять Фермопилы, не собирался разыгрывать Г орация на этом мосту или соперничать с тем голландским мальчиком, который заткнул пальцем дырку в плотине.
No.	Нет.

He would like to spend some time With Maria.	Он хотел подольше побыть с Марией.
That was the simplest expression of it.	Вот, собственно говоря, и все.
He would like to spend a long, long time with her.	Он хотел очень, очень долго быть с Марией.
He did not believe there was ever going to be any such thing as a long time any more but if there ever was such a thing he would like to spend it with her.	Едва ли для него еще существует то, что называется очень долго, но если бы оно существовало, он хотел бы провести его с Марией.

We could go into the hotel and register as Doctor and Mrs. Livingstone I presume, he thought.	Мы могли бы поселиться в отеле, ну, скажем, под именем доктора и миссис Ливингстон, подумал он.
Why not marry her?	А почему бы ему не жениться на ней?
Sure, he thought.	Ну конечно, подумал он.
I will marry her. Then we will be Mt and Mrs. Robert Jordan of Sun Valley, Idaho.	Мы поженимся и будем тогда мистер и миссис Роберт Джордан из Сан-Вэлли, штат Айдахо.
Or Corpus Christi, Texas, or Butte, Montana.	Или из Корпус-Кристи, штат Техас, или из Бютта, штат Монтана.
Spanish girls make wonderful wives.	Испанки - прекрасные жены.

I've never had one so I know.	У меня никогда не было жены испанки, так что я это знаю.

And when I get my job back at the university she can be an instructor's wife and when undergraduates who take Spanish IV come in to smoke pipes in the evening and have those so valuable informal discussions about Quevedo, Lope de Vega, Galdos and the other always admirable dead, Maria can tell them about how some of the blue-shirted crusaders for the true faith sat on her head while others twisted her arms and pulled her skirts up and stuffed them in her mouth.	А когда я опять начну вести занятия в университете, из нее выйдет отличная преподавательская супруга, и если студенты, изучающие испанский язык, зайдут как-нибудь вечерком выкурить трубочку и потолковать в неофициальной обстановке о Кеведо, Лопе де Вега, Гальдосе и других славных покойниках, Мария сможет рассказать им о том, как один из крестоносцев в синих рубашках, поборников правой веры, сел ей на голову, а другие скрутили ей руки за спину, задрали юбку и подолом заткнули рот.

I wonder how they will like Maria in Missoula, Montana?	Интересно, как примут Марию в Миссуле, штат Монтана.
That is if I can get a job back in Missoula.	Если, конечно, мне удастся вернуться на мою старую службу в Миссуле.
I suppose that I am ticketed as a Red there now for good and will be on the general blacklist.	Боюсь, что я там окончательно прослыл красным и меня занесли в черный список.
Though you never know.	Хотя кто его знает.
You never can tell.	Может быть, и нет.

They've no proof of what you do, and as a matter of fact they would never believe it if you told them, and my passport was valid for Spain before they issued the restrictions.	Ведь они понятия не имеют, что я здесь делаю, да и не поверили бы никогда, если б им рассказать, а испанскую визу я получил еще до того, как ввели ограничения.
The time for getting back will not be until the fall of thirtyseven.	Мой срок истекает только осенью тридцать седьмого года.
I left in the summer of thirty-six and though the leave is for a year you do not need to be back until the fall term opens in the following year.	Я уехал летом тридцать шестого, и хотя отпуск у меня ровно на год, вернуться я должен к началу осеннего семестра, не раньше.

There is a lot of time between now and the fall term.	До начала осеннего семестра времени еще много.
There is a lot of time between now and day after tomorrow if you want to put it that way.	И до послезавтра времени еще много, если уж на то пошло.
No.	Нет.
I think there is no need to worry about the university.	Насчет университета, я думаю, можно не беспокоиться.
Just you turn up there in the fall and it will be all right.	Нужно только вернуться к началу осеннего семестра, и все будет в порядке.
Just try and turn up there.	Только постараться вернуться к началу осеннего семестра.

But it has been a strange life for a long time now.	А все-таки странной жизнью я живу вот уже долгое время.
Damned if it hasn't.	Черт его знает, до чего странной.
Spain was your work and your job, so being in Spain was natural and sound.	С Испанией связана твоя профессия и твоя служба, и нет ничего удивительного в том, что ты поехал в Испанию.
You had worked summers on engineering projects and in the forest service building roads and in the park and learned to handle powder, so the demolition was a sound and normal job too.	Летом тебе не раз приходилось работать на строительстве различных технических сооружений, или на прокладке лесных дорог, или в артиллерийском парке, и ты научился обращаться с динамитом, поэтому в том, что ты взялся за работу подрывника, тоже ничего удивительного нет.

Always a little hasty, but sound.	Работа как работа, вот только всегда нужно торопиться.
Once you accept the idea of demolition as a problem it is only a problem.	Как только работа подрывника становится для тебя технической задачей, ты больше ничего, кроме технической задачи, в ней не видишь.

But there was plenty that was not so good that went with it although God knows you took it easily enough.	Но тут есть еще много другого, что совсем не так просто, хотя, по правде сказать, ты довольно легко с этим свыкся.

There was the constant attempt to approximate the conditions of successful assassination that accompanied the demolition.	Например, тут всегда старательно ищешь наиболее благоприятные условия для убийства, неизбежно связанного с работой подрывника.
Did big words make it more defensible?	Разве громкие слова делают убийство более оправданным?
Did they make killing any more palatable?	Разве от этих громких слов оно становится более приятным делом?
You took to it a little too readily if you ask me, he told himself.	Ты что-то уж очень охотно взялся за это, если хочешь знать.

And what you will be like or just exactly what you will be suited for when you leave the service of the Republic is, to me, he thought, extremely doubtful.	И на что ты будешь похож, или, точнее сказать, на что ты будешь годен, когда окончится твоя служба Республике, предвидеть довольно трудно.
But my guess is you will get rid of all that by writing about it, he said.	Но, вероятно, ты от всего этого освободишься, написав про это, подумал он.
Once you write it down it is all gone.	Как только ты про это напишешь, все пройдет.
It will be a good book if you can write it.	И книга будет хорошая, если тебе удастся написать ее.
Much better than the other.	Гораздо лучше той.

But in the meantime all the life you have or ever will have is today, tonight, tomorrow, today, tonight, tomorrow, over and over again (I hope), he thought and so you had better take what time there is and be very thankful for it.	Но пока что в жизни ты можешь рассчитывать только на сегодня и завтра, сегодня и завтра, и так будет и дальше (надеюсь), подумал он, и поэтому используй то время, которое у тебя есть, и будь благодарен.
If the bridge goes bad.	А если с мостом кончится плохо?
It does not look too good just now.	Не похоже, чтобы кончилось хорошо.
But Maria has been good.	Зато с Марией все было хорошо.
Has she not?	Разве нет?
Oh, has she not, he thought.	Ну разве нет, подумал он.

Maybe that is what I am to get now from life.	Может быть, это все, что я еще могу взять от жизни.
Maybe that is my life and instead of it being threescore years and ten it is fortyeight hours or just threescore hours and ten or twelve rather.	Может быть, это и есть моя жизнь, и вместо того, чтобы длиться семьдесят лет, она будет длиться только сорок восемь часов или семьдесят часов, вернее, семьдесят два.
Twenty-four hours in a day would be threescore and twelve for the three full days.	Трое суток по двадцать четыре часа - это как раз и будет семьдесят два часа.

I suppose it is possible to live as full a life in seventy hours as in seventy years; granted that your life has been full up to the time that the seventy hours start and that you have reached a certain age.	Вероятно, за семьдесят часов можно прожить такую же полную жизнь, как и за семьдесят лет; если только жил полной жизнью раньше, до того, как эти семьдесят часов начались, и если уже достиг известного возраста.

What nonsense, he thought.	Что за чушь, подумал он.
What rot you get to thinking by yourself.	До чего можно дойти, когда вот так разговариваешь сам с собой.
That is _really_ nonsense.	Самая настоящая чушь.
And maybe it isn't nonsense too.	А может быть, и не такая уж чушь.
Well, we will see.	Ладно, там видно будет.

The last time I slept with a girl was in Madrid.	Последний раз я спал с женщиной в Мадриде.
No it wasn't. It was in the Escorial and, except that I woke in the night and thought it was some one else and was excited until I realized who it really was, it was just dragging ashes; except that it was pleasant enough.	Нет, не в Мадриде, а в Эскуриале. И если не считать того, что среди ночи я проснулся и мне вдруг показалось, будто это кто-то другой, и я был счастлив, пока не вспомнил, кто это на самом деле; это было все равно что ворошить пепел, только приятнее.
And the time before that was in Madrid and except for some lying and pretending I did to myself as to identity while things were going on, it was the same or something less.	А предпоследний раз это произошло в Мадриде, и если не считать того, что я все время сам себя старался обмануть, все было так же или даже еще хуже.

So I am no romantic glorifier of the Spanish Woman nor did I ever think of a casual piece as anything much other than a casual piece in any country.	Так что я не принадлежу к романтикам, воспевающим испанскую женщину, и никогда не придаю здесь случайной встрече большего значения, чем случайным встречам в любой другой стране.
But when I am with Maria I love her so that I feel, literally, as though I would die and I never believed in that nor thought that it could happen.	Но когда я с Марией, я люблю ее до того, что мне вправду хочется умереть, а я никогда раньше не верил, что так бывает и что это может случиться со мной.
So if your life trades its seventy years for seventy hours I have that value now and I am lucky enough to know it.	Так что, если придется семьдесят лет жизни променять на семьдесят часов, мне есть чем произвести обмен, и я рад, что знаю об этом.

And if there is not any such thing as a long time, nor the rest of your lives, nor from now on, but there is only now, why then now is the thing to praise and I am very happy with it.	И если для меня не существует того, что называется очень долго, или до конца дней, или на веки вечные, а есть только сейчас, что ж, значит, надо ценить то, что сейчас, и я этим счастлив.
Now, _ahora_, _maintenant_, _heute_. _Now_, it has a funny sound to be a whole world and your life. _Esta noche_, tonight, _ce soir_, _heute abend_.	Сейчас, ahora, maintenant, heute. Странно, что такое слово, как "сейчас", теперь означает весь мир, всю твою жизнь. Esta noche, сегодня вечером, ce soir, heute abend.
Life and wife, _Vie_ and _Mari_.	Страна и жена. Pays et mari.
No it didn't work out.	Нет, не выходит.

The French turned it into husband.	По-французски вместо жены получается муж.
There was now and _frau_; but that did not prove anything either.	А к Frau и вовсе не подберешь рифмы.
Take dead, _mort_, _muerto_, and _todt_. _Todt_ was the deadest of them all.	Взять слово "смерть", mort, muerte и Tod. Tod - самое мертвое из всех.

War, _guerre_, _guerra_, and _krieg_. _Krieg_ was the most like war, or was it?	Война, guerre, guerra и Krieg. Krieg больше всего подходит к войне - а может быть, нет.
Or was it only that he knew German the least well?	Может быть, это просто кажется, потому что немецкий язык знаешь хуже других.

Sweetheart, _cherie_, _prenda_, and _schatz_.	Милая, cherie, prenda, Schatz.
He would trade them all for Maria.	Все никуда не годится против Марии.
There was a name.	Мария - вот это имя.
Well, they would all be doing it together and it would not be long now.	Ну что ж, они это сделают все вместе, и теперь уже недолго осталось ждать.
It certainly looked worse all the time.	Правда, успех кажется все более и более сомнительным.
It was just something that you could not bring off in the morning.	Такое дело нельзя делать утром.

In an impossible situation you hang on until night to get away. You try to last out until night to get back in. You are all right, maybe, if you can stick it out until dark and then get in.	Ведь уходить можно только с наступлением темноты, а продержаться здесь целый день немыслимо. Но если бы удалось дождаться наступления темноты, то можно было бы пробраться назад, в лагерь. А тогда все еще, может быть, обойдется.
So what if you start this sticking it out at daylight?	Ну хорошо, а если все-таки попытаться уйти при дневном свете?
How about that?	Что тогда?
And that poor bloody Sordo abandoning his pidgin Spanish to explain it to him so carefully.	Бедный Эль Сордо, он даже заговорил обыкновенным человеческим языком ради того, чтобы объяснить мне это все как следует.

As though he had not thought about that whenever he had done any particularly bad thinking ever since Golz had first mentioned it.	Как будто я сам об этом не думал всякий раз, когда оставался наедине со своими мыслями после разговора с Гольцем.
As though he hadn't been living with that like a lump of undigested dough in the pit of his stomach ever since the night before the night before last.	Как будто это не застряло у меня в голове с позапозавчерашнего вечера, точно непереваренный кусок теста в желудке.
What a business.	Удивительная вещь!
You go along your whole life and they seem as though they mean something and they always end up not meaning anything.	Каждый раз решаешь, что вот это настоящее, а под конец оказывается, что ничего настоящего в этом нет, и так всю жизнь.

There was never any of what this is.	Ведь никогда еще такого, как сейчас, не было.
You think that is one thing that you will never have.	И ты уже решил, что этого у тебя никогда и не будет.
And then, on a lousy show like this, coordinating two chicken-crut guerilla bands to help you blow a bridge under impossible conditions, to abort a counteroffensive that will probably already be started, you run into a girl like this Maria.	И вот, придя на такое гиблое дело, взявшись с помощью двух жалких горсточек партизан взорвать при невыполнимых условиях мост, чтобы предотвратить контрнаступление, которое, вероятно, уже началось, встречаешь такую девушку, как Мария.
Sure.	Ну и что ж?

That is what you would do.	Это на тебя похоже.

You ran into her rather late, that was all.	Все дело только в том, что слишком поздно ты ее встретил.
So a woman like that Pilar practically pushed this girl into your sleeping bag and what happens?	И тут эта женщина, эта Пилар, буквально втолкнула девушку в твой спальный мешок, и что тогда случилось?
Yes, what happens?	Да, что случилось?
What happens?	Что случилось?
You tell me what happens, please.	Скажите мне, пожалуйста, что случилось?
Yes.	Да.
That is just what happens.	Именно это и случилось.
That is exactly what happens.	Как раз это самое и случилось.

Don't lie to yourself about Pilar pushing her into your sleeping robe and try to make it nothing or to make it lousy.	Нечего выдумывать, будто Пилар толкнула ее в твой спальный мешок, и нечего делать вид, будто это что-то незначительное или что-то грязное.
You were gone when you first saw her.	Ты пропал, как только увидел ее.
When she first opened her mouth and spoke to you it was there already and you know it.	Как только она открыла рот и впервые заговорила с тобой, ты уже почувствовал это, сам знаешь.

Since you have it and you never thought you would have it, there is no sense throwing dirt at it, when you know what it is and you know it came the first time you looked at her as she came out bent over carrying that iron cooking platter.	Раз это пришло, - а ты уже думал, что оно никогда не придет, - нечего бросать в это грязью, потому что ты знаешь, что это оно и есть, и ты знаешь, что оно пришло в ту самую минуту, когда ты первый раз увидел ее с тяжелой железной сковородой в руках.
It hit you then and you know it and so why lie about it?	Тогда оно тебя и сразило, и ты это знаешь, так зачем же выдумывать?
You went all strange inside every time you looked at her and every time she looked at you.	У тебя внутри все переворачивается как только ты на нее взглянешь или она взглянет на тебя.

So why don't you admit it?	Так почему же не признать это?
All right, I'll admit it.	Хорошо, я признаю.
And as for Pilar pushing her onto you, all Pilar did was be an intelligent woman.	А насчет того, что Пилар будто бы толкнула ее к тебе, так Пилар только показала себя умной женщиной, и больше ничего.
She had taken good care of the girl and she saw what was coming the minute the girl came back into the cave with the cooking dish.	Она заботливо следила за девушкой, и она сразу поняла все, когда девушка вернулась в пещеру с пустой сковородой.
So she made things easier. She made things easier so that there was last night and this afternoon.	И она ускорила дело, Пилар ускорила дело, и благодаря ей была вчерашняя ночь и сегодняшний час после обеда.

She is a damned sight more civilized than you are and she knows what time is all about.	Она гораздо разумнее тебя, и она понимает, что такое время.
Yes, he said to himself, I think we can admit that she has certain notions about the value of time.	Да, сказал он себе, пожалуй, надо признать, что она в известной мере знает Цену времени.

She took a beating and all because she did not want other people losing what she'd lost and then the idea of admitting it was lost was too big a thing to swallow.	Ей нелегко пришлось там, на горе, потому что она не хотела, чтобы другие лишились того, чего лишилась она, но признать, что она этого лишилась, оказалось выше ее сил.

So she took a beating back there on the hill and I guess we did not make it any easier for her.	И ей пришлось нелегко, а мы, боюсь, только подливали масла в огонь.
Well, so that is what happens and what has happened and you might as well admit it and now you will never have two whole nights with her.	Но так или иначе, это случилось, и это есть, и можно смело признаться в этом, а теперь тебе не осталось и двух ночей с Марией.
Not a lifetime, not to live together, not to have what people were always supposed to have, not at all.	Ни коротать век, ни жить вместе, ни иметь то, что положено иметь людям, - ничего.
One night that is past, once one afternoon, one night to come; maybe.	Одна ночь, которая уже миновала, один час сегодня днем, одна ночь впереди - может быть.

No, sir.	Так-то.
Not time, not happiness, not fun, not children, not a house, not a bathroom, not a clean pair of pajamas, not the morning paper, not to wake up together, not to wake and know she's there and that you're not alone.	Ни жизни, ни счастья, ни легких радостей бытия, ни детей, ни дома, ни ванной, ни чистой пижамы, ни утренней газеты, ни просыпаться вместе, чувствуя, что она рядом и ты не один.
No.	Нет.
None of that.	Ничего этого не будет.
But why, when this is all you are going to get in life of what you want; when you have found it; why not just one night in a bed with sheets?	Но если это все, что еще может сбыться в жизни из твоих желаний, если ты наконец нашел это, так неужели нельзя провести хоть одну ночь в настоящей постели?

You ask for the impossible.	Ты просишь невозможного.
You ask for the ruddy impossible.	Ты просишь совершенно невозможного.
So if you love this girl as much as you say you do, you had better love her very hard and make up in intensity what the relation will lack in duration and in continuity.	И если ты в самом деле любишь эту девушку так, как говоришь, постарайся любить ее очень крепко, и пусть будет хотя бы сильным то, что не может быть ни долгим, ни прочным.
Do you hear that?	Слышишь?
In the old days people devoted a lifetime to it.	В старину у людей уходила на это вся жизнь.

And now when you have found it if you get two nights you wonder where all the luck came from.	А ты, если тебе выпадет две ночи, будешь считать, что тебе необыкновенно повезло.
Two nights.	Две ночи.
Two nights to love, honor and cherish.	Целых две ночи на то, чтобы любить, лелеять и чтить.
For better and for worse.	В горе и в счастье.
In sickness and in death.	В болезни и в смерти.
No that wasn't it.	Нет, не так.
In sickness and in health.	В болезни и в здравии.
Till death do us part.	Покуда не разлучит нас смерть.

In two nights.	Две ночи.
Much more than likely.	Более чем вероятно.
Much more than likely and now lay off that sort of thinking.	Более чем вероятно, а теперь довольно думать об этом.
You can stop that now.	Хватит.
That's not good for you.	Это тебе может повредить.
Do nothing that is not good for you.	Не делай того, что тебе может повредить.
Sure that's it.	Вот-вот.
This was what Golz had talked about.	Именно об этом говорил Гольц.
The longer he was around, the smarter Golz seemed.	Чем дольше он здесь, тем умнее кажется ему Гольц.

So this was what he was asking about; the compensation of irregular service.	Именно это Гольц и подразумевал, когда говорил о компенсации за нерегулярную службу.
Had Golz had this and was it the urgency and the lack of time and the circumstances that made it?	Может быть, и у Г ольца это было, и все дело тут в обстоятельствах, в том, что нет времени и торопишься взять свое от жизни.
Was this something that happened to every one given comparable circumstances? And did he only think it was something special because it was happening to him?	Может быть, в таких обстоятельствах это бывает у каждого, и ему только кажется, что в этом есть что-то особенное, кажется, потому что это случилось с ним?

Had Golz slept around in a hurry when he was commanding irregular cavalry in the Red Army and had the combination of the circumstances and the rest of it made the girls seem the way Maria was?	Может быть, и Г ольцу случалось наспех переспать с девушкой, когда он командовал нерегулярными кавалерийскими частями Красной Армии, и от сочетания обстоятельств и всего остального те девушки казались ему такими же, какой сейчас Роберту Джордану кажется Мария?

Probably Golz knew all about this too and wanted to make the point that you must make your whole life in the two nights that are given to you; that living as we do now you must concentrate all of that which you should always have into the short time that you can have it.	Вероятно, Г ольцу все это было знакомо, и именно это он и хотел сказать: умей прожить целую жизнь за две ночи, которые тебе отпущены; вместить все, что надо было бы иметь всегда, в тот короткий срок, когда ты можешь это иметь.
It was a good system of belief.	Философия правильная.
But he did not believe that Maria had only been made by the circumstances.	Но он не верил, что Мария - только порождение обстоятельств.
Unless, of course, she is a reaction from her own circumstance as well as his.	Разве что сыграли роль не только его, но и ее обстоятельства.

Her one circumstance is not so good, he thought.	Ее единственное обстоятельство не очень приятно, подумал он.
No, not so good.	Да, не очень приятно.
If this was how it was then this was how it was.	Что ж, если это так, значит, это так.
But there was no law that made him say he liked it.	Но нет закона, который заставил бы его сказать, что это хорошо.

I did not know that I could ever feel what I have felt, he thought.	Я не знал, что способен чувствовать то, что я теперь почувствовал, думал он.
Nor that this could happen to me.	Что со мной может случиться такое.
I would like to have it for my whole life.	Я бы хотел, чтобы так было всю жизнь.

You will, the other part of him said.	Так оно и будет, сказала другая половина его существа.
You will.	Так оно и будет.
You have it _now_ and that is all your whole life is; now.	Ты это чувствуешь сейчас, а это и есть вся твоя жизнь - сейчас.
There is nothing else than now.	Больше ничего нет, кроме сейчас.
There is neither yesterday, certainly, nor is there any tomorrow.	Нет ни вчера, ни завтра.
How old must you be before you know that?	Сколько времени тебе потребуется на то, чтобы уразуметь это?

There is only now, and if now is only two days, then two days is your life and everything in it will be in proportion.	Есть только сейчас, и если сейчас - это для тебя два дня, значит, два дня - это вся твоя жизнь, и все должно быть сообразно этому.
This is how you live a life in two days.	Вот это и называется прожить целую жизнь за два дня.
And if you stop complaining and asking for what you never will get, you will have a good life.	И если ты перестанешь жаловался и просить о том, чего не может быть, это будет очень хорошая жизнь.
A good life is not measured by any biblical span.	Хорошая жизнь не измеряется библейскими периодами времени.

So now do not worry, take what you have, and do your work and you will have a long life and a very merry one.	А потому не тревожься, бери то, что есть, и делай свое дело, и у тебя будет очень долгая жизнь и очень веселая.
Hasn't it been merry lately?	Разве не весело было последнее время?
What are you complaining about?	Чего ты жалуешься?
That's the thing about this sort of work, he told himself, and was very pleased with the thought, it isn't so much what you learn as it is the people you meet.	Такая уж это работа, сказал он себе, и ему очень понравилась эта мысль; главное - не те новые истины, которые узнаешь, а те люди, с которыми приходится встречаться.

He was pleased then because he was joking and he came back to the girl.	Он был доволен, что сумел пошутить, и он снова вернулся к девушке.
"I love you, rabbit," he said to the girl.	- Я тебя люблю, зайчонок, - сказал он ей.
"What was it you were saying?"	- Что ты такое говорила сейчас?
"I was saying," she told him, "that you must not worry about your work because I will not bother you nor interfere. If there is anything I can do you will tell me."	- Я говорила, что тебе незачем беспокоиться о своей работе, потому что я не буду вмешиваться и не буду тебе надоедать Ты мне только скажи, если я чем-нибудь могу помочь тебе.
"There's nothing," he said.	- Ничего не нужно, - сказал он.
"It is really very simple."	- Это очень простое дело.

"I will learn from Pilar what I should do to take care of a man well and those things I will do," Maria said.	- Я расспрошу Пилар, как надо заботиться о мужчине, и буду делать все, что она велит, -сказала Мария.
"Then, as I learn, I will discover things for myself and other things you can tell me."	- А потом я и сама научусь видеть, что нужно, а чего не увижу, ты мне можешь сказать.
"There is nothing to do."	- Мне ничего не нужно.
"_Que va_, man, there is nothing!	- Que va, ничего не нужно!
Thy sleeping robe, this morning, should have been shaken and aired and hung somewhere in the sun.	Вот хотя бы твой спальный мешок, его сегодня утром надо было вытрясти, и проветрить, и повесить где-нибудь на солнце.

Then, before the dew comes, it should be taken into shelter."	А вечером убрать до того, как выпадет роса.
"Go on, rabbit."	- Ну, дальше, зайчонок.
"Thy socks should be washed and dried.	- Носки твои надо выстирать и высушить.
I would see thee had two pair."	Я буду следить, чтобы у тебя всегда было в запасе две пары.
"What else?"	- А еще что?
"If thou would show me I would clean and oil thy pistol."	- Я могу чистить и смазывать твой револьвер, если ты покажешь мне, как это делается.
"Kiss me," Robert Jordan said.	- Поцелуй меня, - сказал Роберт Джордан.
"Nay, this is serious.	- Постой, это ведь серьезное дело.

Wilt thou show me about the pistol?	Ты мне покажешь, как чистить револьвер?
Pilar has rags and oil.	У Пилар есть тряпки и масло.
There is a cleaning rod inside the cave that should fit it."	И шомпол у нас в пещере есть, - по-моему, он как раз подойдет.
"Sure.	- Ну конечно.
I'll show you."	Я тебе непременно пока-жу.
"Then," Maria said.	- И вот еще что, - сказала Мария.
"If you will teach me to shoot it either one of us could shoot the other and himself, or herself, if one were wounded and it were necessary to avoid capture."	- Ты меня научи стрелять из него, и тогда каждый из нас сможет застре-лить себя или другого, чтобы не попасться в плен, если будет ранен.

"Very interesting," Robert Jordan said.	- Очень интересно, - сказал Роберт Джордан.
"Do you have many ideas like that?"	- И много у тебя таких идей?
"Not many," Maria said.	- Немного, - сказала Мария.
"But it is a good one.	- Но это очень хорошая идея.
Pilar gave me this and showed me how to use it," she opened the breast pocket of her shirt and took out a cut-down leather holder such as pocket combs are carried in and, removing a wide rubber band that closed both ends, took out a Gem type, single-edged razor blade.	Пилар дала мне вот эту штуку и показала, как с ней обращаться. - Она расстегнула нагрудный карман рубашки, вынула небольшой кожаный футляр, такой, как для карманного гребешка, сняла перетягивавшую его резинку и вынула бритвенное лезвие.

"I keep this always," she explained.	- Я всегда ношу это с собой, - объяснила она.
"Pilar says you must make the cut here just below the ear and draw it toward here."	- Пилар говорит, нужно сделать надрез вот здесь, под самым ухом, и провести до сих пор.
She showed him with her finger.	- Она показала пальнем.
"She says there is a big artery there and that drawing the blade from there you cannot miss it.	- Она говорит, что тут проходит большая артерия и если так провести, то непременно заденешь ее.
Also, she says there is no pain and you must simply press firmly below the ear and draw it downward.	И она говорит, что это не больно, нужно только крепко нажать под ухом и сейчас же вести вниз.

She says it is nothing and that they cannot stop it if it is done."	Она говорит, это очень просто, и если уж так сделаешь, то помешать нельзя.
"That's right," said Robert Jordan.	- Правильно, - сказал Роберт Джордан.
"That's the carotid artery."	- Здесь сонная артерия.
So she goes around with that all the time, he thought, as a definitely accepted and properly organized possibility.	Значит, она все время с этим ходит, подумал он. Решение принято, и все подготовлено на тот случай, если надо будет его осуществить.
"But I would rather have thee shoot me," Maria said.	- Но лучше, если ты меня застрелишь, - сказала Мария.

"Promise if there is ever any need that thou wilt shoot me."	- Обещай, если когда-нибудь случится так, что это будет нужно, ты возьмешь и застрелишь меня.
"Sure," Robert Jordan said.	- Конечно, - сказал Роберт Джордан.
"I promise."	- Обещаю.
"Thank thee very much," Maria told him.	- Ну вот, спасибо, - сказала Мария.
"I know it is not easy to do."	- Я знаю, что это не так легко.
"That's all right," Robert Jordan said.	- Ничего, - сказал Роберт Джордан.
You forget all this, he thought.	Обо всем этом забываешь, подумал он.

You forget about the beauties of a civil war when you keep your mind too much on your work.	Забываешь обо всех прелестях гражданской войны, когда слишком много думаешь о своей работе.
You have forgotten this.	Ты совсем забыл об этом.
Well, you are supposed to.	Что ж, так и нужно.
Kashkin couldn't forget it and it spoiled his work.	Вот Кашкин не мог забыть, и это мешало его работе.
Or do you think the old boy had a hunch?	А может быть, у бедняги с самого начала было предчувствие?
It was very strange because he had experienced absolutely no emotion about the shooting of Kashkin.	Странно, что он без всякого волнения думал о том, как пришлось застрелить Кашкина.

He expected that at some time he might have it.	Когда-нибудь, вероятно, он почувствует волнение от этой мысли.
But so far there had been absolutely none.	Но пока не чувствует никакого.

"But there are other things I can do for thee," Maria told him, walking close beside him, now, very serious and womanly.	- Я еще много чего могу для тебя сделать, -сказала Мария, шагая рядом с ним, очень серьезная и по-женски озабоченная.
"Besides shoot me?"	- Кроме того, что застрелить меня?
"Yes.	-Да.
I can roll cigarettes for thee when thou hast no more of those with tubes.	Я могу свертывать для тебя сигареты, когда твои с трубочками все выйдут.

Pilar has taught me to roll them very well, tight and neat and not spilling."	Меня Пилар научила, и я очень хорошо умею их свертывать - туго и ровно, и табак не просыпается.
"Excellent," said Robert Jordan.	- Великолепно, - сказал Роберт Джордан.
"Do you lick them yourself?"	- И ты сама заклеиваешь их языком?
"Yes," the girl said, "and when thou art wounded I will care for thee and dress thy wound and wash thee and feed thee--"	- Да, - сказала девушка. - А когда ты будешь ранен, я буду за тобой ухаживать, и перевязывать тебя, и кормить...
"Maybe I won't be wounded," Robert Jordan said.	- А если я не буду ранен? - спросил Роберт Джордан.

"Then when you are sick I will care for thee and make thee soups and clean thee and do all for thee.	- Ну, я буду ухаживать за тобой, когда ты заболеешь, и варить тебе бульон, и умывать тебя, и все для тебя делать.
And I will read to thee."	И буду тебе читать вслух.
"Maybe I won't get sick."	- А если я не заболею?
"Then I will bring thee coffee in the morning when thou wakest--"	- Ну, я буду приносить тебе кофе по утрам, как только ты проснешься...
"Maybe I don't like coffee," Robert Jordan told her.	- А если я не люблю кофе? - спросил Роберт Джордан.
"Nay, but you do," the girl said happily.	- Нет, любишь, - радостно сказала девушка.
"This morning you took two cups."	- Сегодня утром ты выпил две кружки.

"Suppose I get tired of coffee and there's no need to shoot me and I'm neither wounded nor sick and I give up smoking and have only one pair of socks and hang up my robe myself.	- А представь себе, что мне вдруг надоел кофе, а застрелить меня не понадобилось, и я не ранен, и не болею, и бросил курить, и носков у меня только одна пара, и я сам научился вытряхивать свой спальный мешок.
What then, rabbit?" he patted her on the back.	Что тогда, зайчонок? - Он потрепал ее по плечу.
"What then?"	- Что тогда?
"Then," said Maria, "I will borrow the scissors of Pilar and cut thy hair."	- Тогда, - сказала Мария, - я попрошу у Пилар ножницы и подстригу тебя покороче.
"I don't like to have my hair cut."	- Мне не нравится короткая стрижка.

"Neither do I," said Maria.	- Мне тоже, - сказала Мария.
"And I like thy hair as it is.	- Мне нравится, как у тебя сейчас.
So.	Вот.

If there is nothing to do for thee, I will sit by thee and watch thee and in the nights we will make love."	А если тебе совсем ничего не нужно будет, я буду сидеть и смотреть на тебя, а ночью мы будем любить друг друга.
"Good," Robert Jordan said.	- Отлично, - сказал Роберт Джордан.
"The last project is very sensible."	- Последняя часть проекта заслуживает особенного одобрения.
"To me it seems the same," Maria smiled.	- По-моему, тоже. Это лучше всего, - улыбнулась Мария.

"Oh, _Ingles_," she said.	- Ах, Ingles, - сказала она.
"My name is Roberto."	- Меня зовут Роберто.
"Nay.	- Я знаю.
But I call thee _Ingles_ as Pilar does."	Но мне больше нравится Ingles, как зовет тебя Пилар.
"Still it is Roberto."	- А все-таки мое имя Роберто.
"No," she told him.	- Нет, - сказала она.
"Now for a whole day it is _Ingles_.	- Теперь твое имя Ingles, уже второй день.
And _Ingles_, can I help thee with thy work?"	Скажи мне, Ingles, я тебе не могу помочь в твоей работе?
"No.	- Нет.

What I do now I do alone and very coldly in my head."	То, что я делаю, нужно делать одному и с ясной головой.
"Good," she said.	- Хорошо, - сказала она.
"And when will it be finished?"	- А когда ты это кончишь?
"Tonight, with luck."	- Если все пойдет гладко, то сегодня вечером.
"Good," she said.	- Хорошо, - сказала она.
Below them was the last woods that led to the camp.	Внизу под ними темнел последний перелесок, за которым был лагерь.
"Who is that?" Robert Jordan asked and pointed.	- Кто это? - спросил, указывая, Роберт Джордан.
"Pilar," the girl said, looking along his arm.	- Пилар, - сказала девушка, глядя по направлению его руки.

"Surely it is Pilar."	- Ну конечно, это Пилар.
At the lower edge of the meadow where the first trees grew the woman was sitting, her head on her arms.	На краю луга, у самой лесной опушки, сидела женщина, опустив голову на руки.
She looked like a dark bundle from where they stood; black against the brown of the tree trunk.	Оттуда, где они стояли, она была похожа на большой темный узел, выделяющийся на рыжине стволов.
"Come on," Robert Jordan said and started to run toward her through the knee-high heather.	- Идем, - сказал Роберт Джордан и пустился бегом через луг.

It was heavy and hard to run in and when he had run a little way, he slowed and walked.	В высоком, до колен, вереске бежать было очень трудно, и он вскоре замедлил ход и пошел шагом.

He could see the woman's head was on her folded arms and she looked broad and black against the tree trunk.	Теперь он видел, что женщина уткнулась головой в сложенные на коленях руки, и ее очень широкая фигура казалась черной на фоне сосны.
He came up to her and said, "Pilar!" sharply.	Он подошел и резко окликнул: -Пилар!
The woman raised her head and looked up at him. "Oh," she said.	-А! - сказала она.
"You have terminated already?"	- Намиловались?

"Art thou ill?" he asked and bent down by her.	- Тебе нездоровится? - спросил он, наклоняясь над ней.
"_Que va_," she said.	- Que va, - сказала она.
"I was asleep."	- Просто я спала.
"Pilar," Maria, who had come up, said and kneeled down by her.	- Пилар, - сказала Мария, подойдя и опускаясь на колени рядом с ней.
"How are you?	- Что с тобой?
Are you all right?"	Ты себя плохо чувствуешь?
"I'm magnificent," Pilar said but she did not get up.	- Я себя чувствую замечательно, - сказала Пилар, но продолжала сидеть.
She looked at the two of them.	Она оглядела их обоих.

"Well, _Ingles_," she said.	- Ну как, Ingles, - спросила она.
"You have been doing manly tricks again?"	- Еще раз показал свою прыть?
"You are all right?" Robert Jordan asked, ignoring the words.	- Ты правда хорошо себя чувствуешь? - спросил Роберт Джордан, не обращая внимания на ее слова.
"Why not?	- А чего мне делается?
I slept.	Я спала.
Did you?"	А вы?
"No."	- Нет.
"Well," Pilar said to the girl.	- Ну, - сказала Пилар девушке.
"It seems to agree with you."	- Тебе, я вижу, это пришлось по душе.

Maria blushed and said nothing.	Мария покраснела и ничего не ответила.
"Leave her alone," Robert Jordan said.	- Оставь ее в покое, - сказал Роберт Джордан.
"No one spoke to thee," Pilar told him.	- Тебя не спрашивают, - ответила ему Пилар.
"Maria," she said and her voice was hard.	- Мария, - сказала она, и голос ее прозвучал сурово.
The girl did not look up.	Девушка не подняла глаз.
"Maria," the woman said again.	- Мария, - повторила женщина.
"I said it seems to agree with thee."	- Я сказала, что тебе это, видно, пришлось по душе.
"Oh, leave her alone," Robert Jordan said again.	- Оставь ее в покое, - повторил Роберт Джордан.

"Shut up, you," Pilar said without looking at him.	- Молчи ты, - сказала Пилар, не глядя на него.
"Listen, Maria, tell me one thing."	- Слушай, Мария, скажи мне одну вещь.
"No," Maria said and shook her head.	- Нет, - сказала Мария и покачала головой.
"Maria," Pilar said, and her voice was as hard as her face and there was nothing friendly in her face.	- Мария, - сказала Пилар, и голос у нее был такой же суровый, как ее лицо, а в лице не было дружелюбия.
"Tell me one thing of thy own volition."	- Скажи мне одну вещь, по своей воле скажи.
The girl shook her head.	Девушка покачала головой.

Robert Jordan was thinking, if I did not have to work with this woman and her drunken man and her chicken-crut outfit, I would slap her so hard across the face that--.	Роберт Джордан думал: если б только мне не нужно было работать с этой женщиной, и ее пьяницей-мужем, и ее жалким отрядом, я бы ей сейчас закатил такую пощечину, что...
"Go ahead and tell me," Pilar said to the girl.	- Ну, говори, - сказала Пилар девушке.
"No," Maria said.	- Нет, - сказала Мария.
"No."	- Нет.
"Leave her alone," Robert Jordan said and his voice did not sound like his own voice.	- Оставь ее в покое, - сказал Роберт Джордан каким-то чужим голосом.

I'll slap her anyway and the hell with it, he thought.	Все равно дам ей пощечину, и черт с ними со всеми, подумал он.
Pilar did not even speak to him.	Пилар даже не ответила ему.
It was not like a snake charming a bird, nor a cat with a bird.	Это не напоминало змею, гипнотизирующую птицу, или кошку, играющую с птицей.
There was nothing predatory. Nor was there anything perverted about it.	В ней не было ничего хищного или коварного.
There was a spreading, though, as a cobra's hood spreads.	Но она вся была напряжена, как кобра, приподнявшая голову и раздувшая шею.
He could feel this.	Напряжение это чувствовалось.

He could feel the menace of the spreading.	Чувствовалась угроза, скрытая в этом напряжении.
But the spreading was a domination, not of evil, but of searching.	Однако злости не было, только властное желание знать.
I wish I did not see this, Robert Jordan thought.	Лучше бы мне не видеть этого, подумал Роберт Джордан.
But it is not a business for slapping.	Но пощечину тут давать не за что.
"Maria," Pilar said.	- Мария, - сказала Пилар.
"I will not touch thee.	- Я тебя не трону.
Tell me now of thy own volition."	Ты мне скажи по своей воле.

"_De tu propia voluntad_," the words were in Spanish.	De tu propia voluntad, - так это звучало по-испански.
The girl shook her head.	Девушка покачала головой.

"Maria," Pilar said.	- Мария, - сказала Пилар.
"Now and of thy own volition.	- Ну, по своей воле.
You hear me?	Ты меня слышишь?
Anything at all."	Скажи что-нибудь.
"No," the girl said softly.	- Нет, - тихо ответила девушка.
"No and no."	- Нет и нет.

"Now you will tell me," Pilar told her.	-Ты ведь мне скажешь, - сказала ей Пилар.
"Anything at all.	- Что-нибудь, все равно что.
You will see.	Вот увидишь.
Now you will tell me."	Ты должна сказать.
"The earth moved," Maria said, not looking at the woman.	- Земля плыла, - сказала Мария, не глядя на женщину.
"Truly.	- Правда.
It was a thing I cannot tell thee."	Но этого не расскажешь.
"So," Pilar said and her voice was warm and friendly and there was no compulsion in it.	- Так, - сказала Пилар, и ее голос прозвучал тепло и ласково, и в нем не было принуждения.

But Robert Jordan noticed there were small drops of perspiration on her forehead and her lips.	Но Роберт Джордан заметил мелкие капли пота, проступившие у нее на лбу и над верхней губой.
"So there was that.	- Вот оно что.
So that was it."	Вот оно, значит, как было.
"It is true," Maria said and bit her lip.	- Это правда, - сказала Мария и закусила губу.
"Of course it is true," Pilar said kindly.	- Конечно, это правда, - ласково сказала Пилар.
"But do not tell it to your own people for they never will believe you.	- Только не говори об этом людям, потому что они никогда не поверят тебе.
You have no _Cali_ blood, _Ingles?_"	Скажи, Ingles, в тебе нет цыганской крови?

She got to her feet, Robert Jordan helping her up.	Роберт Джордан помог ей подняться.
"No," he said.	- Нет, - сказал он.
"Not that I know of."	- Насколько я знаю.
"Nor has the Maria that she knows of," Pilar said. "_Pues es muy raro_.	- В Марии тоже нет, насколько она знает, - сказала Пилар. - Pues es muy raro.
It is very strange."	Это очень странно.
"But it happened, Pilar," Maria said.	- Но это было, Пилар, - сказала Мария.
"_Como que no, hija?_" Pilar said.	- Como que no, hija? - сказала Пилар.
"Why not, daughter?	- Почему же не быть, дочка?

When I was young the earth moved so that you could feel it all shift in space and were afraid it would go out from under you.	Когда я была молодая, у меня так плыла земля, что даже страшно было, вдруг она вся уйдет из-под меня.
It happened every night."	Каждую ночь это бывало.

"You lie," Maria said.	- Лжешь ты, - сказала Мария.
"Yes," Pilar said.	- Да, - сказала Пилар.
"I lie.	- Лгу.
It never moves more than three times in a lifetime.	Это бывает только три раза в жизни.
Did it really move?"	Она у тебя в самом деле плыла?

"Yes," the girl said.	- Да, - сказала девушка.
"Truly."	- Это правда.
"For you, _Ingles?_" Pilar looked at Robert Jordan.	- А у тебя, Ingles? - Пилар посмотрела на Роберта Джордана.
"Don't lie."	- Только не лги!
"Yes," he said.	- Да, - сказал он.
"Truly."	- Это правда.
"Good," said Pilar.	- Ладно, - сказал Пилар.
"Good.	- Ладно.
That is something."	Это хорошо.
"What do you mean about the three times?" Maria asked.	- Что это ты такое говорила про три раза? -спросила Мария.
"Why do you say that?"	- Что это такое значит?

"Three times," said Pilar.	-Три раза, - сказала Пилар.
"Now you've had one."	- Один у тебя уже был.
"Only three times?"	- Только три раза?
"For most people, never," Pilar told her.	-А у многих людей ни разу, - сказала ей Пилар.
"You are sure it moved?"	- Ты точно помнишь, что она плыла?
"One could have fallen off," Maria said.	- Удержаться трудно было, - сказала Мария.
"I guess it moved, then," Pilar said.	- Значит, верно, плыла, - сказала Пилар.
"Come, then, and let us get to camp."	- Ну, раз так, вставай и идем в лагерь.

"What's this nonsense about three times?" Robert Jordan said to the big woman as they walked through the pines together.	- Что это за вздор про три раза? - спросил Роберт Джордан у женщины, когда они шли через сосновый лес.
"Nonsense?" she looked at him wryly.	- Вздор? - Она искоса глянула на него.
"Don't talk to me of nonsense, little English."	- Это совсем не вздор, мой маленький англичанин.
"Is it a wizardry like the palms of the hands?"	- Что же это, колдовство, вроде гаданья по руке?
"Nay, it is common and proven knowledge with _Gitanos_."	- Это так и есть, все gitanos это по себе знают.
"But we are not _Gitanos_."	- Но мы не gitanos.
"Nay.	-Да.

But you have had a little luck.	Но тебе повезло.

Non-gypsies have a little luck sometimes."	Бывает иногда, что везет не только цыганам.
"You mean it truly about the three times?"	- Значит, ты это всерьез сказала про три раза?
She looked at him again, oddly.	Она как-то странно посмотрела на него.
"Leave me, _Ingles_," she said.	- Оставь меня в покое, Ingles, - сказала она.
"Don't molest me.	- Не приставай ко мне.
You are too young for me to speak to."	Ты еще слишком молод, чтобы я с тобой разговаривала.
"But, Pilar," Maria said.	- Но, Пилар... - сказала Мария.

"Shut up," Pilar told her.	- Молчи, - ответила ей Пилар.
"You have had one and there are two more in the world for thee."	- Один раз у тебя уже было, еще тебе осталось два.
"And you?" Robert Jordan asked her.	- А у тебя сколько было? - спросил ее Роберт Джордан.
"Two," said Pilar and put up two fingers.	- Два, - сказала Пилар и подняла два пальца.
"Two.	- Два.
And there will never be a third."	И третьего уже не будет.
"Why not?" Maria asked.	- Почему? - спросила ее Мария.
"Oh, shut up," Pilar said.	- Да замолчи ты, - сказала Пилар.

"Shut up. _Busnes_ of thy age bore me."	- Молчи. Ох, уж эти мне молокососы!
"Why not a third?" Robert Jordan asked.	- Почему не будет третьего? - спросил Роберт Джордан.
"Oh, shut up, will you?" Pilar said.	- И ты тоже молчи, понятно? - сказала Пилар.
"Shut up!"	- Молчи.
All right, Robert Jordan said to himself.	Ладно, сказал себе Роберт Джордан.
Only I am not having any.	Меня на это не возьмешь.
I've known a lot of gypsies and they are strange enough.	Я знаю немало цыган, и все они с причудами.
But so are we.	Да, впрочем, и мы тоже.

The difference is we have to make an honest living.	Разница только в том, что мы честно зарабатываем свой хлеб.
Nobody knows what tribes we came from nor what our tribal inheritance is nor what the mysteries were in the woods where the people lived that we came from.	Никто не знает, от какого племени мы происходим, и что мы унаследовали от него, и какие тайны скрывались в дремучих лесах, где жили наши прародители.
All we know is that we do not know.	Мы знаем только, что мы ничего не знаем.
We know nothing about what happens to us in the nights.	Мы ничего не знаем о том, что с нами случается по ночам.
When it happens in the day though, it is something.	Впрочем, когда это случается днем, это очень хорошо.

Whatever happened, happened and now this woman not only has to make the girl say it when she did not want to; but she has to take it over and make it her own.	Что случилось - случилось, но вот этой женщине не только непременно нужно было заставить девушку сказать, хотя та этого не хотела, - ей нужно взять это себе и сделать своим.
She has to make it into a gypsy thing.	Ей нужно примешать к этому какую-то цыганскую чертовщину.
I thought she took a beating up the hill but she was certainly dominating just now back there.	Может быть, ей и нелегко пришлось там, на горе, но только что, на опушке, она одержала верх.
If it had been evil she should have been shot.	Если б то, что она сделала, было сделано со зла, ее стоило бы застрелить.
But it wasn't evil.	Но это было не со зла.

It was only wanting to keep her hold on life.	Это было только желание сохранить свою хватку жизни.
To keep it through Maria.	Сохранить ее через Марию.
When you get through with this war you might take up the study of women, he said to himself.	Когда с этой войной будет покончено, ты можешь взяться за изучение женской психологии, сказал он себе.
You could start with Pilar.	Начнешь хотя бы с Пилар.
She has put in a pretty complicated day, if you ask me.	Правду сказать, у нее сегодня был трудный день.
She never brought in the gypsy stuff before.	До сих пор она ни разу еще не пускала в ход цыганских фокусов.

Except the hand, he thought.	Вот разве только гаданье по руке.
Yes, of course the hand.	Да, верно, гаданье по руке.
And I don't think she was faking about the hand.	И я не думаю, что она просто дурачила меня с этим гаданьем.
She wouldn't tell me what she saw, of course.	Она действительно не хочет говорить, что она прочла у меня на руке.
Whatever she saw she believed in herself.	Она в это поверила и молчит.
But that proves nothing.	Но это еще ничего не доказывает.
"Listen, Pilar," he said to the woman.	- Послушай, Пилар, - сказал он женщине.
Pilar looked at him and smiled.	Пилар взглянула на него и улыбнулась.

"What is it?" she asked.	- Чего тебе? - спросила она.
"Don't be so mysterious," Robert Jordan said.	- Брось ты эту таинственность, - сказал Роберт Джордан.
"These mysteries tire me very much."	- Не люблю я этого.
"So?" Pilar said.	- Да? - сказала Пилар.
"I do not believe in ogres, soothsayers, fortune tellers, or chicken-crut gypsy witchcraft."	- Я не верю в людоедов, прорицателей, гадалок и во всякие цыганские бредни.
"Oh," said Pilar.	- Вот как? - сказала Пилар.
"No.	-Да.

And you can leave the girl alone."	И девушку ты, пожалуйста, оставь в покое.

"I will leave the girl alone."	- Хорошо. Я оставлю ее в покое.
"And leave the mysteries," Robert Jordan said.	- И таинственность свою тоже оставь, - сказал Роберт Джордан.
"We have enough work and enough things that will be done without complicating it with chicken-crut.	- У нас достаточно серьезной работы, и нечего осложнять все разными глупостями.
Fewer mysteries and more work."	Поменьше тайн, побольше дела.
"I see," said Pilar and nodded her head in agreement.	- Понятно, - сказала Пилар и кивнула головой в знак согласия.
"And listen, _Ingles_," she said and smiled at him. "Did the earth move?"	- Но скажи мне, Ingles, - она улыбнулась ему, - плыла земля?

"Yes, God damn you.	- Да, черт тебя возьми!
It moved."	Плыла!
Pilar laughed and laughed and stood looking at Robert Jordan laughing.	Пилар засмеялась, и, смеясь, смотрела на Роберта Джордана.
"Oh, _Ingles_. _Ingles_," she said laughing.	- Ох, Ingles, Ingles, - сказала она сквозь смех.
"You are very comical.	- Очень ты смешной.
You must do much work now to regain thy dignity."	Придется тебе крепко потрудиться, чтобы вернулась вся твоя важность.
The Hell with you, Robert Jordan thought.	Ну тебя к черту, подумал Роберт Джордан.
But he kept his mouth shut.	Но промолчал.

While they had spoken the sun had clouded over and as he looked back up toward the mountains the sky was now heavy and gray.	Пока они разговарива-ли, солнце заволокло тучами, и, оглянувшись назад, он увидел, что небо над горами серое и тяжелое.
"Sure," Pilar said to him, looking at the sky.	- Так и есть, - сказала ему Пилар, посмотрев на небо.
"It will snow."	- Будет снег.
"Now?	- Теперь?
Almost in June?"	Чуть не в июне?
"Why not?	- Что ж тут такого?
These mountains do not know the names of the months.	Горы не ведут счет меся-цам.

We are in the moon of May."	Да и луна сейчас еще майская.
"It can't be snow," he said.	- Снега не может быть, - сказал он.
"It _can't_ snow."	- Невозможно, чтобы пошел снег.
"Just the same, _Ingles_," she said to him, "it will snow."	- А все-таки он пойдет, Ingles, - сказала она.

Robert Jordan looked up at the thick gray of the sky with the sun gone faintly yellow, and now as he watched gone completely and the gray becoming uniform so that it was soft and heavy; the gray now cutting off the tops of the mountains.	Роберт Джордан поглядел на серую толщу неба, и у него на глазах солнце, едва просвечивавшее сквозь тучи, скрылось совсем, и все кругом стало серое, тяжелое и плотное; даже вершины гор отрезала серая туча.
"Yes," he said.	- Да, - сказал он.
"I guess you are right."	- Кажется, ты права.
14	14

By the time they reached the camp it was snowing and the flakes were dropping diagonally through the pines.	Когда они добрались до лагеря, снег уже шел, наискось пересекая просветы между соснами.
They slanted through the trees, sparse at first and circling as they fell, and then, as the cold wind came driving down the mountain, they came whirling and thick and Robert Jordan stood in front of the cave in a rage and watched them.	Сначала он падал медленно, большими редкими хлопьями, кружившимися среди стволов, потом, когда налетел холодный ветер с гор, повалил густо и беспорядочно, и Роберт Джордан, стоя у входа в пещеру, смотрел на это с безмолвным бешенством.
"We will have much snow," Pablo said.	- Много снега выпадет, - сказал Пабло.

His voice was thick and his eyes were red and bleary.	Голос у него был хриплый, глаза мутные и налитые кровью.
"Has the gypsy come in?" Robert Jordan asked him.	- Цыган вернулся? - спросил его Роберт Джордан.
"No," Pablo said.	- Нет, - сказал Пабло.
"Neither him nor the old man."	- Ни цыган, ни старик.
"Will you come with me to the upper post on the road?"	- Проводишь меня к верхнему посту у дороги?
"No," Pablo said.	- Нет, - сказал Пабло.
"I will take no part in this."	- Я в это мешаться не стану.
"I will find it myself."	- Не надо, найду сам.

"In this storm you might miss it," Pablo said.	- В такую метель можно и заблудиться, - сказал Пабло.
"I would not go now."	- Я бы на твоем месте не ходил.
"It's just downhill to the road and then follow it up."	- Нужно только спуститься вниз по склону, а потом идти вдоль дороги.
"You could find it.	- Найти, может быть, ты и найдешь.
But thy two sentries will be coming up now with the snow and you would miss them on the way."	Но твои постовые наверняка вернутся, раз такой снег, и ты разминешься с ними.
"The old man is waiting for me."	- Старик без меня не вернется.
"Nay.	- Вернется.

He will come in now with the snow.	В такой снег он не будет там сидеть.
Pablo looked at the snow that was blowing fast now past the mouth of the cave and said,	Пабло посмотрел на снежные хлопья, которые ветер гнал мимо входа в пещеру, и сказал:
"You do not like the snow, _Ingles?_"	-Ты недоволен, что пошел снег, Ingles?

Robert Jordan swore and Pablo looked at him through his bleary eyes and laughed.	Роберт Джордан выругался, а Пабло посмотрел на него своими мутными глазами и засмеялся.
"With this thy offensive goes, _Ingles_," he said.	- Лопнуло теперь твое наступление, Ingles, - сказал он.

"Come into the cave and thy people will be in directly."	- Входи в пещеру, твои люди сейчас явятся.
Inside the cave Maria was busy at the fire and Pilar at the kitchen table.	Мария раздувала огонь в очаге, а Пилар возилась у кухонного стола.
The fire was smoking but, as the girl worked with it, poking in a stick of wood and then fanning it with a folded paper, there was a puff and then a flare and the wood was burning, drawing brightly as the wind sucked a draft out of the hole in the roof.	Очаг дымил, но девушка поворошила в нем палкой, помахала сложенной в несколько раз газетой, и пламя загудело, вспыхнуло и яркими языками потянулось вверх, к отверстию в своде пещеры.
"And this snow," Robert Jordan said.	- Чертов снег, - сказал Роберт Джордан.

"You think there will be much?"	- Ты думаешь, много выпадет?
"Much," Pablo said contentedly.	- Много, - весело сказал Пабло.
Then called to Pilar, "You don't like it, woman, either?	Потом он крикнул Пилар: - Ты тоже недовольна, что снег, женщина?
Now that you command you do not like this snow?"	Ты ведь теперь командир, так ты тоже должна быть недовольна.
"_A mi que?_" Pilar said, over her shoulder.	-A mi que? - сказала Пилар через плечо.
"If it snows it snows."	- Снег так снег.
"Drink some wine, _Ingles_," Pablo said.	- Выпей вина, Ingles, - сказал Пабло.

"I have been drinking all day waiting for the snow."	- Я целый день пил вино, дожидаясь, когда пойдет снег.
"Give me a cup," Robert Jordan said.	- Дай мне кружку, - сказал Роберт Джордан.
"To the snow," Pablo said and touched cups with him.	- За снег, - сказал Пабло и потянулся к нему со своей кружкой.
Robert Jordan looked him in the eyes and clinked his cup.	Роберт Джордан чокнулся с ним, глядя ему прямо в глаза.
You bleary-eyed murderous sod, he thought.	А ты, мутноглазая пьяная скотина, подумал он.
I'd like to clink this cup against your teeth. _Take it easy_, he told himself, _take it easy_.	С каким наслаждением я бы треснул тебя этой кружкой по зубам. Но, но, спокойнее, сказал он себе, спокойнее.

"It is very beautiful the snow," Pablo said.	- Красиво, когда снег, - сказал Пабло.
"You won't want to sleep outside with the snow falling."	- В такую погоду уже нельзя спать под открытым небом.
So _that's_ on your mind too is it? Robert Jordan thought.	Ах, так тебе и это не дает покоя, подумал Роберт Джордан.
You've a lot of troubles, haven't you, Pablo?	Много у тебя забот, Пабло, очень много.
"No?" he said, politely.	- Нельзя? - вежливо переспросил он.
"No.	- Нельзя.

Very cold," Pablo said.	Холодно очень, - сказал Пабло.
"Very wet."	- И сыро.

You don't know why those old eiderdowns cost sixty-five dollars, Robert Jordan thought.	Не знаешь ты, почему я отдал за свой пуховичок шестьдесят пять долларов, подумал Роберт Джордан.
I'd like to have a dollar for every time I've slept in that thing in the snow.	Хотел бы я иметь сейчас столько долларов, сколько ночей я в нем проспал на снегу.
"Then I should sleep in here?" he asked politely.	- Значит, ты мне советуешь лечь здесь? - вежливо спросил он.
"Yes."	-Да.
"Thanks," Robert Jordan said.	- Спасибо, - сказал Роберт Джордан.
"I'll be sleeping outside."	- Я все-таки лягу снаружи.
"In the snow?"	- На снегу?

"Yes" (damn your bloody, red pig-eyes and your swine-bristly swines-end of a face). "In the snow." (In the utterly damned, ruinous, unexpected, slutting, defeat-conniving, bastard-cessery of the snow.)	- Да! (Черт бы тебя побрал с твоими свинячьими красными глазками и свинячьим рылом, заросшим свинячьей щетиной!) На снегу. (На этом подлом, неожиданном, предательском, сволочном, все дело испортившем дерьме, которое называется снег.)
He went over to where Maria had just put another piece of pine on the fire.	Он подошел к Марии, только что подбросившей еще одно сосновое полено в очаг.
"Very beautiful, the snow," he said to the girl. "But it is bad for the work, isn't it?" she asked him.	- Но для твоего дела это плохо, да? - спросила она.
"Aren't you worried?"	- Ты огорчен?

"_Que va_," he said.	- Que va, - сказал он.
"Worrying is no good.	- Что толку огорчаться.
When will supper be ready?"	Скоро ужин?
"I thought you would have an appetite," Pilar said.	- Я так и думала, что у тебя аппетит разыграется, -сказала Пилар.
"Do you want a cut of cheese now?"	- Хочешь кусок сыру пока?
"Thanks," he said and she cut him a slice, reaching up to unhook the big cheese that hung in a net from the ceiling, drawing a knife across the open end and handing him the heavy slice.	- Спасибо, - сказал он, и она достала круг сыра, который висел в сетке на крюке, вбитом в свод пещеры, отрезала толстый, увесистый ломоть с начатого уже края и протянула Роберту Джордану.

He stood, eating it.	Он съел его стоя.
It was just a little too goaty to be enjoyable.	Сыр был бы вкусней, если б чуть поменьше отдавал козлом.
"Maria," Pablo said from the table where he was sitting.	- Мария, - позвал Пабло из-за стола.
"What?" the girl asked.	- Что? - спросила девушка.

"Wipe the table clean, Maria," Pablo said and grinned at Robert Jordan.	- Вытри почище стол, Мария, - сказал Пабло и ухмыльнулся Роберту Джордану.
"Wipe thine own spillings," Pilar said to him.	- Сам вытри, где пролил, - сказала ему Пилар.
"Wipe first thy chin and thy shirt and then the table."	- Только сначала вытри подбородок и рубашку, а потом уже стол.

"Maria," Pablo called.	- Мария, - снова позвал Пабло.
"Pay no heed to him.	- Не обращай на него внимания.
He is drunk," Pilar said.	Он пьян, - сказала Пилар.
"Maria," Pablo called.	- Мария, - сказал Пабло.
"It is still snowing and the snow is beautiful."	- Снег все еще идет, и это очень красиво.
He doesn't know about that robe, Robert Jordan thought.	Не знает он, какой у меня мешок, подумал Роберт Джордан.
Good old pig-eyes doesn't know why I paid the Woods boys sixty-five dollars for that robe.	Не знают маленькие свинячьи глазки, почему я заплатил Вудсу шестьдесят пять долларов за этот мешок.

I wish the gypsy would come in though.	А все-таки скорей бы уже возвращался цыган.
As soon as the gypsy comes I'll go after the old man.	Как только он вернется, сейчас же пойду за стариком.
I should go now but it is very possible that I would miss them.	Я бы сейчас пошел, но боюсь, как бы и в самом деле не разминуться.
I don't know where he is posted.	Я еще не знаю, где он себе выбрал место для поста.
"Want to make snowballs?" he said to Pablo.	- Хочешь поиграть в снежки? - сказал он Пабло.
"Want to have a snowball fight?"	- Хочешь снежками покидаться?
"What?" Pablo asked.	- Что? - спросил Пабло.

"What do you propose?"	- Что ты там такое выдумал?
"Nothing," Robert Jordan said.	- Ничего, - сказал Роберт Джордан.
"Got your saddles covered up good?"	- Твои седла хорошо укрыты?
"Yes."	-Да.
Then in English Robert Jordan said,	Тогда Роберт Джордан сказал по-английски:
"Going to grain those horses or peg them out and let them dig for it?"	- Что ж, теперь придется кормить лошадей зерном. Или выпустить их, и пусть откапывают корм из-под снега?
"What?"	-Что?
"Nothing.	- Ничего.
It's your problem, old pal.	Это твоя забота, дружище.

I'm going out of here on my feet."	Я отсюда пешком уйду.
"Why do you speak in English?" Pablo asked.	- Почему ты заговорил по-английски? - спросил Пабло.

"I don't know," Robert Jordan said.	- Не знаю, - сказал Роберт Джордан.
"When I get very tired sometimes I speak English.	- Если я очень устал, я иногда говорю по-английски.
Or when I get very disgusted.	Или если очень зол на что-нибудь.
Or baffled, say.	Или если, скажем, у меня какая-нибудь неудача.

When I get highly baffled I just talk English to hear the sound of it.	Когда у меня большая неудача, я говорю по-английски, просто чтобы услышать звук английской речи.
It's a reassuring noise.	Она очень успокоительно звучит.
You ought to try it sometime."	Советую тебе попробовать при случае.
"What do you say, _Ingles?_" Pilar said.	- Что ты там говоришь, Ingles? - спросила Пилар.
"It sounds very interesting but I do not understand."	- Как будто что-то интересное, только понять нельзя.
"Nothing," Robert Jordan said.	- Ничего, - сказал Роберт Джордан.

"I said, 'nothing' in English."	- Я сказал по-английски "ничего".
"Well then, talk Spanish," Pilar said.	- Ну, так ты лучше говори по-испански, - сказала Пилар.
"It's shorter and simpler in Spanish."	- По-испански и короче и проще.
"Surely," Robert Jordan said.	- Верно, - сказал Роберт Джордан.
But oh boy, he thought, oh Pablo, oh Pilar, oh Maria, oh you two brothers in the corner whose names I've forgotten and must remember, but I get tired of it sometimes.	Но ах, черт, подумал он, ах, Пабло, ах, Мария и вы, двое братьев там, в углу, чьи имена я позабыл и должен буду припомнить, если бы вы знали, как я иногда устаю от этого.

Of it and of you and of me and of the war and why in all why did it have to snow now?	От этого, и от вас, и от себя, и от войны, и вот надо же было, ну надо же было, чтобы вдруг пошел снег.
That's too bloody much. No, it's not. Nothing is too bloody much.	Честное слово, это уже слишком.
You just have to take it and fight out of it and now stop prima-donnaing and accept the fact that it is snowing as you did a moment ago and the next thing is to check with your gypsy and pick up your old man.	Нужно принять все, как оно есть, и перебороть это, а теперь прекрати свои драматические переживания и примирись с тем, что снег идет, ведь ты уже как будто примирился с этим несколько минут назад, и думай о том, что ты должен выяснить, как там с цыганом, и пойти снять старика.
But to snow!	А все-таки надо же!

Now in this month.	Снег в конце мая!
Cut it out, he said to himself.	Ладно, хватит, сказал он себе.
Cut it out and take it.	Хватит, наконец.
It's that cup, you know.	Это ведь твоя чаша, сказал он себе.
How did it go about that cup?	Как там говорится про чашу?

He'd either have to improve his memory or else never think of quotations because when you missed one it hung in your mind like a name you had forgotten and you could not get rid of it.	Нужно будет либо укрепить память, либо никогда не приводить цитат, потому что, когда не можешь точно вспомнить цитату, она неотступно преследует тебя, как забытое имя, и ты не можешь от нее отделаться.
How did it go about that cup?	Да, как же там говорится про чашу?

"Let me have a cup of wine, please," he said in Spanish.	- Налей мне чашу вина, - сказал он Пабло по-испански.
Then, "Lots of snow? Eh?" he said to Pablo. " Mucha nieve ."	Потом: - А снегу навалило много. Верно?
The drunken man looked up at him and grinned.	Пьяный посмотрел на него и ухмыльнулся.
He nodded his head and grinned again.	Потом опять кивнул головой и ухмыльнулся.
"No offensive.	- Ни тебе наступления.
No _aviones_.	Ни тебе aviones.
No bridge.	Ни тебе моста.
Just snow," Pablo said.	Только снег, - сказал Пабло.

"You expect it to last a long time?" Robert Jordan sat down by him.	- Что ж, по-твоему, это, надолго? - спросил Роберт Джордан, сев рядом с ним.
"You think we're going to be snowed in all summer, Pablo, old boy?"	- Что ж, так все лето и будет идти, а, Пабло?
"All summer, no," Pablo said.	- Все лето не будет, - сказал Пабло.
"Tonight and tomorrow, yes."	- А сегодня и завтра будет.
"What makes you think so?"	- Почему ты так думаешь?
"There are two kinds of storms," Pablo said, heavily and judiciously.	- Метель бывает разная, - сказал Пабло веско и наставительно.
"One comes from the Pyrenees.	- Иногда метель приходит с Пиренеев.

With this one there is great cold.	Тогда жди холодов.
It is too late for this one."	Но для такой теперь уже поздно.
"Good," Robert Jordan said.	-Так, - сказал Роберт Джордан.
"That's something."	- Ну, и то хорошо.
"This storm comes from the Cantabrico," Pablo said.	- А эта метель из Кантабрико, - сказал Пабло.
"It comes from the sea.	- Она идет с моря.
With the wind in this direction there will be a great storm and much snow."	Когда ветер дует в эту сторону, всегда бывает сильная метель и много снегу.
"Where did you learn all this, old timer?" Robert Jordan asked.	- Откуда ты все это знаешь, приятель? - спросил Роберт Джордан.

Now that his rage was gone he was excited by this storm as he was always by all storms.	Теперь, когда бешенство в нем улеглось, метель пьянила его, как всегда пьянила всякая буря.

In a blizzard, a gale, a sudden line squall, a tropical storm, or a summer thunder shower in the mountains there was an excitement that came to him from no other thing.	Буран, шторм, внезапно налетевший ливневый шквал, тропический ураган, летний грозовой ливень в горах оказывали на него ни с чем не сравнимое действие.
It was like the excitement of battle except that it was clean.	Это было как опьянение боем, только чище.

There is a wind that blows through battle but that was a hot wind; hot and dry as your mouth; and it blew heavily; hot and dirtily; and it rose and died away with the fortunes of the day.	И в бою тоже бушует ветер, но горячий, сухой и горячий, ветер, от которого пересыхает и жжет во рту, и дует он резкими порывами - горячий, с пылью; то налетает, то замирает, изменчивый, как боевая удача.
He knew that wind well.	Да, он хорошо знал этот ветер.
But a snowstorm was the opposite of all of that.	Но метель - это совсем другое дело.
In the snowstorm you came close to wild animals and they were not afraid.	В метель можно близко подойти к лесному зверю, и он не испугается тебя.

They travelled across country not knowing where they were and the deer stood sometimes in the lee of the cabin.	Звери вслепую блуждают по лесу, и бывает, что олень подойдет к самой хижине и стоит у стены, прячась от ветра.
In a snowstorm you rode up to a moose and he mistook your horse for another moose and trotted forward to meet you.	В метель, случается, наезжаешь прямо на лося, и он принимает твою лошадь за другого лося и мирно трусит тебе навстречу.
In a snowstorm it always seemed, for a time, as though there were no enemies.	В метель всегда начинает казаться, будто на свете нет врагов и вражды.

In a snowstorm the wind could blow a gale; but it blew a white cleanness and the air was full of a driving whiteness and all things were changed and when the wind stopped there would be the stillness.	В метель ветер может дуть с ураганной силой, но он чистый и белый, и воздух полон вихревой белизны, и все кругом меняет свой облик, а когда ветер стихнет, наступает тишина и неподвижность.
This was a big storm and he might as well enjoy it.	Вот сейчас разыгралась настоящая метель, и ею можно наслаждаться.
It was ruining everything, but you might as well enjoy it.	Она погубила все дело, но ею можно наслаждаться.
"I was an _arroyero_ for many years," Pablo said.	- Я много лет был погонщиком, - сказал Пабло.

"We trucked freight across the mountains with the big carts before the camions came into use.	- Мы перевозили на больших подводах груз через горы, еще до того, как появились грузовики.
In that business we learned the weather."	Тогда-то я и научился распознавать погоду.
"And how did you get into the movement?"	- А как ты примкнул к движению?
"I was always of the left," Pablo said.	- Я всегда был левым, - сказал Пабло.
"We had many contacts with the people of Asturias where they are much developed politically.	- У нас многие были из Астурии, а там народ политически очень развитой.
I have always been for the Republic."	Я всегда был за Республику.

"But what were you doing before the movement?"	- А что ты делал до начала движения?
"I worked then for a horse contractor of Zaragoza.	- Работал у одного коннозаводчика в Сарагосе.

He furnished horses for the bull rings as well as remounts for the army.	Он поставлял лошадей для корриды и в армию.
It was then that I met Pilar who was, as she told you, with the matador Finito de Palencia."	Там я и Пилар встретил, она тогда была с матадором Финито де Паленсиа - помнишь, она рассказывала.
He said this with considerable pride.	Он сказал это с явной гордостью.

"He wasn't much of a matador," one of the brothers at the table said looking at Pilar's back where she stood in front of the stove.	- Неважный был матадор, - сказал один из братьев и покосился на спину Пилар, стоявшей у очага.
"No?" Pilar said, turning around and looking at the man.	- Вот как? - сказала Пилар, быстро повернувшись к нему лицом.
"He wasn't much of a matador?"	- Неважный был матадор?

Standing there now in the cave by the cooking fire she could see him, short and brown and sober-faced, with the sad eyes, the cheeks sunken and the black hair curled wet on his forehead where the tightfitting matador's hat had made a red line that no one else noticed.	Стоя здесь, в пещере у очага, она вдруг увидела его, маленького, смуглого, с бесстрастным лицом, увидела его печальные глаза, и ввалившиеся щеки, и взмокшие черные завитки волос надо лбом, на котором слишком тесная шляпа оставила красную полоску, незаметную для других.

She saw him stand, now, facing the five-year-old bull, facing the horns that had lifted the horses high, the great neck thrusting the horse up, up, as that rider poked into that neck with the spiked pole, thrusting up and up until the horse went over with a crash and the rider fell against the wooden fence and, with the bull's legs thrusting him forward, the big neck swung the horns that searched the horse for the life that was in him.	Вот он стоит перед быком-пятилетком, который только что вскинул на рога лошадь и всей силой напруженной шеи поднимает ее выше, выше, вместе с всадником, колющим эту шею острым наконечником пики, все выше и выше, пока наконец лошадь не грохнулась оземь с глухим стуком, отбросив всадника к деревянному барьеру, и бык, пригнув могучую шею и выставив рога, рванулся вперед, чтобы ее прикончить.

She saw him, Finito, the not-so- good matador, now standing in front of the bull and turning sideways toward him.	Вот он, Финито, матадор не из лучших, стоит напротив быка, повернувшись к нему боком.

She saw him now clearly as he furled the heavy flannel cloth around the stick; the flannel hanging blood-heavy from the passes where it had swept over the bull's head and shoulders and the wet streaming shine of his withers and on down and over his back as the bull raised into the air and the banderillas clattered.	Она увидела ясно, как он наматывает на древко тяжелую ткань мулеты - ткань, тяжело обвисшую от крови, которой она пропиталась, когда он проводил ею над головой быка, и над мокрым, лоснящимся загривком, и дальше, вдоль спины, когда бык бросился и бандерильи зазвенели.

She saw Finito stand five paces from the bull's head, profiled, the bull standing still and heavy, and draw the sword slowly up until it was level with his shoulder and then sight along the dipping blade at a point he could not yet see because the bull's head was higher than his eyes.	Она увидела, как Финито стоит в пяти шагах от головы быка, словно вросшего в землю, стоит вполоборота к быку, и медленно поднимает шпагу до уровня его лопатки, и нацеливает острие клинка в точку, которую не может еще увидеть, потому что голова быка приходится выше его глаз.

He would bring that head down with the sweep his left arm would make with the wet, heavy cloth; but now he rocked back a little on his heels and sighted along the blade, profiled in front of the splintered horn; the bull's chest heaving and his eyes watching the cloth.	Сейчас взмахом тяжелой, мокрой ткани в левой руке он заставит быка пригнуть голову; но пока он только чуть покачивается на каблуках и нацеливает острие клинка, стоя вполоборота к расщепленному на конце рогу; а бык тяжело дышит и не сводит с мулеты глаз.

She saw him very clearly now and she heard his thin, clear voice as he turned his head and looked toward the people in the first row of the ring above the red fence and said,	Она видела его теперь совсем ясно и слышала его тонкий, высокий голос, когда он повернул голову и оглядел публику, сидевшую в первом ряду над красным барьером, и сказал:
"Let's see if we can kill him like this!"	"Посмотрим, удастся ли нам убить его вот так!"

She could hear the voice and then see the first bend of the knee as he started forward and watch his voyage in onto the horn that lowered now magically as the bull's muzzle followed the low swept cloth, the thin, brown wrist controlled, sweeping the horns down and past, as the sword entered the dusty height of the withers.	Она услышала голос и потом увидела, как согнулось его колено, и он пошел вперед, прямо на рог, который, словно по волшебству, опустился, следуя за движением мулеты в смуглой худой руке, уводящим рога вниз и мимо, и как острие вонзилось в пыльный бугор загривка.

She saw its brightness going in slowly and steadily as though the bull's rush plucked it into himself and out from the man's hand and she watched it move in until the brown knuckles rested against the taut hide and the short, brown man whose eyes had never left the entry place of the sword now swung his sucked-in belly clear of the horn and rocked clear from the animal, to stand holding the cloth on the stick in his left hand, raising his right hand to watch the bull die.	Она видела, как блестящий клинок погружался медленно и верно, будто бык, напирая, сам вбирал его в себя, и она следила за ним, пока смуглый кулак не прикоснулся к натянутой шкуре, и тогда маленький смуглый человек, ни разу не оторвавший глаз от места, куда входила шпага, весь подобрался, отводя подальше от рога свой плоский втянутый живот, а потом, отскочив назад, стал в позу - в левой руке древко мулеты, правая поднята вверх - и приготовился смотреть, как умирает бык.

She saw him standing, his eyes watching the bull trying to hold the ground, watching the bull sway like a tree before it falls, watching the bull fight to hold his feet to the earth, the short man's hand raised in a formal gesture of triumph.	Вот он стоит и смотрит, как бык силится удержаться на ногах, как он качается, точно подрубленное дерево, перед тем как упасть, как ловит уходящую из-под ног землю, а он стоит и смотрит, подняв правую руку в жесте, знаменующем торжество.

She saw him standing there in the sweated, hollow relief of it being over, feeling the relief that the bull was dying, feeling the relief that there had been no shock, no blow of the horn as he came clear from it and then, as he stood, the bull could hold to the earth no longer and crashed over, rolling dead with all four feet in the air, and she could see the short, brown man walking tired and unsmiling to the fence.	И она знала, что он испытывает приятное расслабляющее чувство облегчения от того, что все уже кончено, что бык умирает, что рог не ударил, не вонзился, когда он изогнулся всем телом, пропуская его, и пока он стоял и думал об этом, колени у быка подогнулись, и он рухнул, свалился замертво, задрав все четыре ноги в воздух, и она увидела, как маленький смуглый человек устало, без улыбки зашагал к барьеру.

She knew he could not run across the ring if his life depended on it and she watched him walk slowly to the fence and wipe his mouth on a towel and look up at her and shake his head and then wipe his face on the towel and start his triumphant circling of the ring.	Она знала, что он не мог бы сейчас побежать, даже если б его жизнь зависела от этого, и она смотрела, как он медленным шагом подошел к барьеру, вытер рот полотенцем, и взглянул на нее, и покачал головой, а потом вытер полотенцем лицо и начал свое триумфальное шествие вокруг арены.

She saw him moving slowly, dragging around the ring, smiling, bowing, smiling, his assistants walking behind him, stooping, picking up cigars, tossing back hats; he circling the ring sad-eyed and smiling, to end the circle before her.	Вот он медленным, волочащимся шагом обходит арену, улыбается, раскланивается, улыбается, а за ним идут его помощники, нагибаются, подбирают сигары, бросают обратно в публику шляпы; а он продолжает свое шествие, улыбающийся, с печальными глазами, и, закончив круг, останавливается перед ней.

Then she looked over and saw him sitting now on the step of the wooden fence, his mouth in a towel.	Потом она еще раз взглянула и увидела его уже сидящим на приступке деревянного барьера с полотенцем у рта.
Pilar saw all this as she stood there over the fire and she said,	Все это Пилар увидела, стоя у очага, и, увидев, сказала:

"So he wasn't a good matador?	- Так, значит, он не был хорошим матадором?
With what class of people is my life passed now!"	С какими людьми я теперь должна проводить свою жизнь!
"He was a good matador," Pablo said.	- Он был хорошим матадором, - сказал Пабло.
"He was handicapped by his short stature."	- Ему мешал его маленький рост.
"And clearly he was tubercular," Primitivo said.	- А потом он, видно, был чахоточный, - сказал Примитиво.
"Tubercular?" Pilar said.	- Чахоточный? - сказала Пилар.
"Who wouldn't be tubercular from the punishment he received?	- А как ему было не нажить чахотки после всего, что досталось на его долю?

In this country where no poor man can ever hope to make money unless he is a criminal like Juan March, or a bullfighter, or a tenor in the opera?	В этой стране, где бедный человек так и умрет бедняком, если только он не преступник вроде Хуана Марча, не матадор и не оперный тенор!
Why wouldn't he be tubercular?	Как ему было не нажить чахотки?
In a country where the bourgeoisie over-eat so that their stomachs are all ruined and they cannot live without bicarbonate of soda and the poor are hungry from their birth till the day they die, why wouldn't he be tubercular?	В стране, где капиталисты обжираются до катара желудка, так что уже не могут жить без соды, а бедняки голодают с первого до последнего дня своей жизни, как ему было не нажить чахотки?

If you travelled under the seats in third-class carriages to ride free when you were following the fairs learning to fight as a boy, down there in the dust and dirt with the fresh spit and the dry spit, wouldn't you be tubercular if your chest was beaten out by horns?"	Когда с малых лет шатаешься по ярмаркам, чтобы научиться искусству боя быков, и ездишь зайцем в вагонах третьего класса, прячась под скамейками, потому что нет денег на билет, и лежишь там, в грязи и пыли, среди свежих плевков и высохших плевков, как тут не нажить чахотки, особенно если грудь у тебя измята рогами быка?
"Clearly," Primitivo said.	- Я ничего и не говорю, - сказал Примитиво.
"I only said he was tubercular."	- Я только сказал, что он был чахоточный.

"Of course he was tubercular," Pilar said, standing there with the big wooden stirring spoon in her hand.	- Конечно, он был чахоточный, - сказала Пилар, размахивая большой деревянной ложкой.
"He was short of stature and he had a thin voice and much fear of bulls.	- Он был маленького роста, и у него был тонкий голос, и он очень боялся быков.
Never have I seen a man with more fear before the bullfight and never have I seen a man with less fear in the ring.	Никогда я не встречала человека, который бы так боялся перед выходом на арену, и никогда я не видела человека, который был бы так бесстрашен во время боя.
"You," she said to Pablo.	Эй, ты! - сказала она Пабло.
"You are afraid to die now.	- Ты вот боишься смерти.

You think that is something of importance.	Носишься со своим страхом.
But Finito was afraid all the time and in the ring he was like a lion."	А вот Финито боялся, может, больше тебя, а на арене был храбр как лев.
"He had the fame of being very valiant," the second brother said.	- Он славился как очень отважный матадор, - сказал один из братьев.
"Never have I known a man with so much fear," Pilar said.	- Никогда не встречала человека, который бы так боялся, - сказала Пилар.
"He would not even have a bull's head in the house.	- Он даже ни одной бычьей головы не держал в доме.

One time at the feria of Valladolid he killed a bull of Pablo Romero very well--"	Один раз на ярмарке в Вальядолиде он убил быка Пабло Ромеро, и очень хорошо убил...
"I remember," the first brother said.	- Я помню, - сказал старший из братьев.
"I was at the ring.	- Я был на этом бое.
It was a soap-colored one with a curly forehead and with very high horns.	Бык был желто-бурый, крутолобый, с очень длинными рогами.
It was a bull of over thirty arrobas.	Он весил больше тридцати arrobas.
It was the last bull he killed in Valladolid."	Это был последний бык, которого Финито убил в Вальядолиде.
"Exactly," Pilar said.	- Правильно, - сказала Пилар.

"And afterwards the club of enthusiasts who met in the Cafe Colon and had taken his name for their club had the head of the bull mounted and presented it to him at a small banquet at the Cafe Colon.	- А под конец ярмарки любители боя быков, которые всегда собирались в кафе "Колон" и называли себя клубом имени Финито, устроили банкет в его честь, и они сделали из головы этого быка чучело и решили на банкете преподнести ему.
During the meal they had the head on the wall, but it was covered with a cloth.	Во время ужина голова уже висела на стене кафе "Колон", но была покрыта материей.
I was at the table and others were there, Pastora, who is uglier than I am, and the Nina de los Peines, and other gypsies and whores of great category.	Я тоже была на этом банкете, а кроме меня, была Пастора, которая еще более уродлива, чем я, и Нинья де лос Пейнес, и много других цыганок и самых первоклассных девиц.

It was a banquet, small but of great intensity and almost of a violence due to a dispute between Pastora and one of the most significant whores over a question of propriety.	Банкет получился хоть и небольшой, но очень оживленный и даже бурный, потому что за ужином Пастора с другой очень известной девицей затеяли спор о приличиях.
I, myself, was feeling more than happy and I was sitting by Finito and I noticed he would not look up at the bull's head, which was shrouded in a purple cloth as the images of the saints are covered in church duing the week of the passion of our former Lord.	Я была всем очень довольна, но, сидя рядом с Финито, я заметила, что он ни разу не взглянул на бычью голову, которая висела на стене, обернутая пурпурной материей, как статуи святых в церквах на той неделе, когда поминают страсти нашего бывшего господа бога.

"Finito did not eat much because he had received a _palotaxo_, a blow from the flat of the horn when he had gone in to kill in his last corrida of the year at Zaragoza, and it had rendered him unconscious for some time and even now he could not hold food on his stomach and he would put his handkerchief to his mouth and deposit a quantity of blood in it at intervals throughout the banquet.	Финито ел очень мало, потому что в последнюю корриду сезона в Сарагосе бык, которого он убивал, нанес ему удар рогом наотмашь, от которого он долгое время был без памяти, и с тех пор его желудок не удерживал пищи, а потому за ужином он то и дело подносил ко рту платок и сплевывал в него кровь.
What was I going to tell you?"	Да, так про что это я говорила?
"The bull's head," Primitivo said.	- Про бычью голову, - сказал Примитиво.

"The stuffed head of the bull."	- Про чучело головы быка.
"Yes," Pilar said.	- Да, - сказала Пилар.
"Yes.	- Да
But I must tell certain details so that you will see it.	Но я должна рассказать некоторые подробности, чтоб вы себе ясно могли все представить.
Finito was never very merry, you know.	Финито, как известно, никогда весельчаком не был.
He was essentially solemn and I had never known him when we were alone to laugh at anything.	Он был человек очень мрачный, и я не припомню случая, чтоб он смеялся над чем-нибудь, когда мы бывали одни.

Not even at things which were very comic.	Даже если случалось что-нибудь очень смешное.
He took everything with great seriousness.	Он на все смотрел очень, очень серьезно.
He was almost as serious as Fernando.	Он был почти такой же серьезный, как Фер- нандо.
But this was a banquet given him by a club of _aficionados_ banded together into the _Club Finito_ and it was necessary for him to give an appearance of gaiety and friendliness and merriment.	Но этот банкет давал- ся в его честь клубом любителей, который носил его имя, и пото- му он должен был по- казать себя там любез- ным, и общительным, и веселым.

So all during the meal he smiled and made friendly remarks and it was only I who noticed what he was doing with the handkerchief.	За ужином он все время улыбался и говорил разные любезности, и, кроме меня, никто не видел, что он делал со своим носовым платком.
He had three handkerchiefs with him and he filled the three of them and then he said to me in a very low voice,	У него было с собой три платка, но скоро он их все три извел, и вот он говорит мне очень тихо:
' Pilar, I can support this no further.	- Пилар, я больше не могу.
I think I must leave.'	Я должен уйти.
"'Let us leave then,' I said.	- Что ж, пойдем, - сказала я.

For I saw he was suffering much.	Потому что я видела, что ему очень худо.
There was great hilarity by this time at the banquet and the noise was tremendous.	Кругом веселье было в полном разгаре, и шум стоял такой, что в ушах звенело.
"'No.	- Нет.
I cannot leave,' Finito said to me.	Не могу я уйти, - говорит Финито.
'After all it is a club flamed for me and I have an obligation.'	- Все-таки этот клуб носит мое имя, и я с этим должен считаться.

"'If thou art ill let us go,' I said.	- Если ты болен, давай уйдем, - сказала я.
"'Nay,' he said.	- Нет, - сказал он.
' I will stay.	- Я останусь.

Give me some of that manzanilla.'	Налей мне бокал мансанильи.
"I did not think it was wise of him to drink, since he had eaten nothing, and since he had such a condition of the stomach; but he was evidently unable to support the merriment and the hilarity and the noise longer without taking something.	Я подумала, что лучше бы ему не пить, раз он ничего не ел и раз у него такое дело с желудком, но, видно, он уже больше не мог выносить весь этот шум и веселье, не подкрепившись чем-нибудь.
So I watched him drink, very rapidly, almost a bottle of the manzanilla.	И вот он схватил бутылку мансанильи и очень быстро выпил ее почти всю.

Having exhausted his handkerchiefs he was now employing his napkin for the use he had previously made of his handkerchiefs.	Платков у него больше не было, и он теперь употреблял свою салфетку для той же надобности, что раньше платки.
"Now indeed the banquet had reached a stage of great enthusiasm and some of the least heavy of the whores were being paraded around the table on the shoulders of various of the club members.	Между тем участники банкета разошлись вовсю. Некоторые члены клуба посадили себе на плечи девиц, из тех, что были полегче, и бегали с ними вокруг стола.

Pastora was prevailed upon to sing and El Nino Ricardo played the guitar and it was very moving and an occasion of true joy and drunken friendship of the highest order.	Пастору уговорили спеть, а Эль Ниньо Рикардо играл на гитаре, и просто отрадно было глядеть, как все веселились, хоть и спьяну, но дружно и от души.
Never have I seen a banquet at which a higher pitch of real _flamenco_ enthusiasm was reached and yet we had not arrived at the unveiling of the bull's head which was, after all, the reason for the celebration of the banquet.	Никогда мне еще не случалось бывать на банкете, где царило бы такое настоящее цыганское веселье, а ведь дело еще не дошло до открытия бычьей головы, ради чего, собственно говоря, и было все затеяно.

"I was enjoying myself to such an extent and I was so busy clapping my hands to the playing of Ricardo and aiding to make up a team to clap for the singing of the Nina de los Peines that I did not notice that Finito had filled his own napkin by now, and that he had taken mine.	Мне самой было очень весело, я хлопала в ладоши, когда играл Рикардо, собирала компанию, чтобы хлопать, когда будет петь Нинья де лос Пейнес, и за всем этим даже не заметила, что Финито уже извел свою салфетку и теперь взялся за мою.
He was drinking more manzanilla now and his eyes were very bright, and he was nodding very happily to every one.	Он все пил и пил мансанилью, и глаза у него заблестели, и он весело кивал головой во все стороны.

He could not speak much because at any time, while speaking, he might have to resort to his napkin; but he was giving an appearance of great gayety and enjoyment which, after all, was what he was there for.	Говорить много он не мог из страха, как бы посреди разговора не пришлось хвататься за салфетку; но он делал вид, что очень доволен и весел, а это, в конце концов, от него и требовалось.
"So the banquet proceeded and the man who sat next to me had been the former manager of Rafael el Gallo and he was telling me a story, and the end of it was,	Все шло хорошо, пока мой сосед по столу, бывший импресарио Рафаэля эль Г альо, не вздумал рассказать мне историю, которая кончалась так:
'So Rafael came to me and said, "You are the best friend I have in the world and the noblest.	"И вот Рафаэль приходит ко мне и говорит: "Вы самый мой лучший друг на свете и самый благородный.

I love you like a brother and I wish to make you a present."	Я вас люблю, как родного брата, и хочу вам сделать подарок".
So then he gave me a beautiful diamond stick pin and kissed me on both cheeks and we were both very moved.	И тут он мне подает роскошную бриллиантовую булавку для галстука и целует меня в обе щеки, и мы оба даже прослезились от умиления.

Then Rafael el Gallo, having given me the diamond stick pin, walked out of the cafe and I said to Retana who was sitting at the table, "That dirty gypsy had just signed a contract with another manager."'.....What do you mean?" Retana asked.' "'I'vemanaged him for ten years and he has never given me a present before,' the manager of El Gallo had said. 'That's the only thing it can mean.'	Потом Рафаэль эль Гальо, отдав мне бриллиантовую булавку для галстука, уходит из кафе, и тогда я говорю Ретане, который сидел со мной: "Этот подлый цыган только что подписал контракт с другим импресарио". - "С чего ты это взял?" - говорит Ретана. "Я с ним работаю десять лет, - отвечаю я, - и никогда он мне не делал подарков", - так рассказывал импресарио Эль Гальо. "Ничего другого это не может означать".
And sure enough it was true and that was how El Gallo left him.	И так оно и было, именно тогда Эль Г альо и ушел от него.

"But at this point, Pastora intervened in the conversation, not perhaps as much to defend the good name of Rafael, since no one had ever spoken harder against him than she had herself, but because the manager had spoken against the gypsies by employing the phrase, 'Dirty gypsy.'	Но тут в разговор вмешалась Пастора, не столько для того, чтобы заступиться за доброе имя Рафаэля, потому что никто не мог бы сказать о нем хуже, чем говорила она сама, сколько потому, что импресарио обидел весь цыганский народ, назвав Рафаэля "подлый цыган".
She intervened so forcibly and in such terms that the manager was reduced to silence.	И она вмешалась с таким пылом и так выражалась при этом, что импресарио должен был замолчать.

I intervened to quiet Pastora and another _Gitana_ intervened to quiet me and the din was such that no one could distinguish any words which passed except the one great word 'whore' which roared out above all other words until quiet was restored and the three of us who had intervened sat looking down into our glasses and then I noticed that Finito was staring at the bull's head, still draped in the purple cloth, with a look of horror on his face.	Пришлось тогда мне вмешаться, чтобы унять Пастору, а еще другая gitana вмешалась, чтобы унять меня, и шум поднялся такой, что нельзя было разобрать даже слов, кроме одного слова "шлюха", которое выкрикивалось громче всех, но в конце концов порядок водворили, и мы трое, с которых все и началось, уселись на места и взялись за свои бокалы, и тут вдруг я увидела, что Финито смотрит на бычью голову, все еще обернутую пурпурной материей, и в глазах у него ужас.

"At this moment the president of the Club commenced the speech which was to precede the unveiling of the head and all through the speech which was applauded with shouts of '_Ole!_' and poundings on the table I was watching Finito who was making use of his, no, my, napkin and sinking further back in his chair and staring with horror and fascination at the shrouded bull's head on the wall opposite him.	В эту самую минуту президент клуба начал речь, после которой с бычьей головы должны были снять покрывало, и все время, пока он говорил, а кругом кричали "ole!" и стучали по столу кулаками, я следила за Финито, а он, забившись в кресло, уткнул рот в свою, нет, уже в мою салфетку и, точно завороженный, с ужасом смотрел на бычью голову на стене.
"Toward the end of the speech, Finito began to shake his head and he got further back in the chair all the time.	К концу речи Финито стал трясти головой и все старался поглубже забиться в кресло.

"'How are you, little one?' I said to him but when he looked at me he did not recognize me and he only shook his head and said,	"Ты что, малыш?" - спросила я его, но он меня не узнавал и только тряс головой и твердил:

'No.	"Нет.
No.	Нет.
No.'	Нет".

"So the president of the Club reached the end of the speech and then, with everybody cheering him, he stood on a chair and reached up and untied the cord that bound the purple shroud over the head and slowly pulled it clear of the head and it stuck on one of the horns and he lifted it clear and pulled it off the sharp polished horns and there was that great yellow bull with black horns that swung Way out and pointed forward, their white tips sharp as porcupine quills,	Между тем президент клуба, кончив свою речь под одобрительные возгласы остальных, встал на стул, развязав шнур, которым пурпурное покрывало было обвязано вокруг бычьей головы, и медленно стал стягивать покрывало вниз, а оно зацепилось за один рог, но он дернул, и оно соскользнуло с отполированных острых рогов, и огромный желтый бык глянул на всех, выставив выгнутые черные рога с белыми кончиками, острыми, как иглы дикобраза; голова была совсем как живая, тот же крутой лоб, и ноздр-

"Every one shouted and applauded and Finito sunk further back in the chair and then every one was quiet and looking at him and he said,	Все закричали и захлопали в ладоши, а Финито еще глубже забился в кресло, и тут все стихли и оглянулись на него, а он только повторял:
'No. No,' and looked at the bull and pulled further back and then he said,	"Нет, нет", - и старался уйти в кресло еще глубже, а потом вдруг очень громко выкрикнул:
'No!' very loudly and a big blob of blood came out and he didn't even put up the napkin and it slid down his chin and he was still looking at the bull and he said,	"Нет!" - и большой сгусток черной крови выскочил у него изо рта, но он даже не поднес салфетку, и сгусток скатился по его подбородку, а он все смотрел на быка и наконец сказал:

' All season, yes.	"Весь сезон, да.
To make money, yes.	Ради денег, да.
To eat, yes.	Ради хлеба, да.
But I can't eat.	Но я не могу есть хлеб.
Hear me?	Вы слышите?
My stomach's bad.	Мой желудок не варит.
But now with the season finished! No!	А теперь, когда сезон окончен, - нет!
No! No!'	Нет!"

He looked around at the table and then he looked at the bull's head and said, 'No,' once more and then he put his head down and he put his napkin up to his mouth and then he just sat there like that and said nothing and the banquet, which had started so well, and promised to mark an epoch in hilarity and good fellowship was not a success."	Он оглядел всех сидевших за столом, потом опять взглянул на быка и еще раз сказал "нет", а потом опустил голову на грудь и закрылся салфеткой и долго сидел так, молча, и банкет, который начался так хорошо и должен был стать образцом веселья и дружеского общения, окончился неудачно.
"Then how long after that did he die?" Primitivo asked.	- И скоро после того он умер? - спросил Примитиво.

"That winter," Pilar said.	- Зимой, - сказала Пилар.
"He never recovered from that last blow with the flat of the horn in Zaragoza.	- Он так и не поправился после сарагосского быка.

They are worse than a goring, for the injury is internal and it does not heal.	Такие удары хуже, чем когда рог вонзается острием, потому что они повреждают внутренности и выздороветь уже нельзя.
He received one almost every time he went in to kill and it was for this reason he was not more successful.	Финито потом получал их чуть не каждый раз, когда убивал быка, и от того-то успех изменил ему.

It was difficult for him to get out from over the horn because of his short stature. Nearly always the side of the horn struck him.	Из-за своего маленького роста он не мог вовремя увертываться от рога, и рог почти всегда ударял его плашмя.
But of course many were only glancing blows."	Но, понятно, по большей части удары бывали легкие.
"If he was so short he should not have tried to be a matador," Primitivo said.	- Не надо бы ему совсем идти в матадоры при таком росте, - сказал Примитиво.
Pilar looked at Robert Jordan and shook her head.	Пилар посмотрела на Роберта Джордана и покачала головой.
Then she bent over the big iron pot, still shaking her head.	Потом, все еще качая головой, она нагнулась над большим чугунным котлом.

What a people they are, she thought.	Что за народ, думала она.
What a people are the Spaniards, "and if he was so short he should not have tried to be a matador."	Что за народ эти испанцы. "Не надо бы ему совсем идти в матадоры при таком росте".
And I hear it and say nothing.	А я слушаю это и ничего не говорю.
I have no rage for that and having made an explanation I am silent.	Меня это даже не злит, я объяснила и теперь молчу.
How simple it is when one knows nothing. _Que sencillo!_ Knowing nothing one says,	Как это просто для того, кто ничего не понимает. Que sencillo! Один, ничего не понимая, говорит:
"He was not much of a matador."	"Он был неважный матадор".

Knowing nothing another says,	Другой, ничего не понимая, говорит:
"He was tubercular."	"Он был чахоточный".
And another says, after one, knowing, has explained,	А третий, после того как тот, кто понимает, объяснил ему, встает и говорит:
"If he was so short he should not have tried to be a matador."	"Не надо бы ему совсем идти в матадоры при таком росте".
Now, bending over the fire, she saw on the bed again the naked brown body with the gnarled scars in both thighs, the deep, seared whorl below the ribs on the right side of the chest and the long white welt along the side that ended in the armpit.	Склонившись над очагом, она видела распростертое на кровати обнаженное смуглое тело с узловатыми шрамами на обеих ляжках, глубоким следом от рога справа, под нижним ребром, и длинным белым рубцом, на боку, уходящим под мышку.

She saw the eyes closed and the solemn brown face and the curly black hair pushed back now from the forehead and she was sitting by him on the bed rubbing the legs, chafing the taut muscles of the calves, kneading them, loosening them, and then tapping them lightly with her folded hands, loosening the cramped muscles.	Она видела закрытые глаза, и мрачное смуглое лицо, и курчавые черные волосы, откинутые со лба, и сама она сидела рядом с ним на кровати и растирала ему ноги, разминала пальцами икры и потом легонько похлопывала ребрами ладоней, ослабляя сводившее мускулы напряжение.

"How is it?" she said to him.	- Ну как? - спрашивала она.
"How are the legs, little one?"	- Как ноги, малыш?

"Very well, Pilar," he would say without opening his eyes.	- Хорошо, Пилар, хорошо, - отвечал он, не открывая глаз.
"Do you want me to rub the chest?"	- Может быть, растереть тебе грудь?
"Nay, Pilar.	- Нет, Пилар.
Please do not touch it."	Грудь не трогай.
"And the upper legs?"	- А ноги выше колен?
"No.	- Нет.
They hurt too badly."	Там очень болит.
"But if I rub them and put liniment on, it will warm them and they will be better."	- Так ведь если я разотру их и смажу мазью, они разогреются и боль станет легче.
"Nay, Pilar.	- Нет, Пилар.

Thank thee.	Спасибо тебе.
I would rather they were not touched."	Мне лучше, когда они лежат спокойно.
"I will wash thee with alcohol."	- Я оботру тебя спиртом.
"Yes.	- Хорошо.
Do it very lightly."	Только очень осторожно.
"You were enormous in the last bull," she would say to him and he would say,	- Последнего быка ты убил просто великолепно, -говорила она ему, и он отвечал:
"Yes, I killed him very well."	- Да, я его хорошо убил.

Then, having washed him and covered him with a sheet, she would lie by him in the bed and he would put a brown hand out and touch her and say,	Потом, обтерев его спиртом и накрыв простыней, она ложилась рядом с ним на кровать, и он высовывал смуглую руку, и дотрагивался до нее, и говорил:
"Thou art much woman, Pilar."	"Ты женщина из женщин, Пилар".
It was the nearest to a joke he ever made and then, usually, after the fight, he would go to sleep and she would lie there, holding his hand in her two hands and listening to him breathe.	И для него это уже была шутка, потому что шутить по-настоящему он не умел; потом он засыпал, как всегда после боя, а она лежала рядом, держа его руку в своих, и прислушивалась к его дыханию.

He was often frightened in his sleep and she would feel his hand grip tightly and see the sweat bead on his forehead and if he woke, she said,	Он часто пугался во сне, и она чувствовала, как его пальцы тесней сжимают ее руку, и видела капли пота, выступавшие у него на лбу, и, если он просыпался, она говорила:
"It's nothing," and he slept again.	"Ничего, ничего", - и он снова засыпал.

She was with him thus five years and never was unfaithful to him, that is almost never, and then after the funeral, she took up with Pablo who led picador horses in the ring and was like all the bulls that Finito had spent his life killing.	Пять лет она прожила с ним и никогда ему не изменяла, то есть почти никогда, а когда его схоронили, она сошлась с Пабло, который водил под уздцы лошадей пикадоров на арене и сам был как бык, вроде тех, на которых Финито положил всю свою жизнь.

But neither bull force nor bull courage lasted, she knew now, and what did last?	Но бычья сила, как и бычья храбрость, держится недолго, теперь она узнала это, да и что вообще долго держится на свете?
I last, she thought.	Я держусь, подумала она.

Yes, I have lasted.	Да, я держусь долго.
But for what?	Но кому это нужно?
"Maria," she said.	- Мария, - сказала она.
"Pay some attention to what you are doing.	- Надо смотреть, что делаешь.
That is a fire to cook with. Not to burn down a city."	Для чего тебе огонь - сварить ужин или сжечь целый город?
Just then the gypsy came in the door.	И тут у входа в пещеру показался цыган.
He was covered with snow and he stood there holding his carbine and stamping the snow from his feet.	Он весь был засыпан снегом и, остановившись у входа с карабином в руке, принялся топать ногами, сбивая снег.
Robert Jordan stood up and went over to the door,	Роберт Джордан встал и пошел ему навстречу.

"Well?" he said to the gypsy.	- Ну, что? - спросил он цыгана.
"Six-hour watches, two men at a time on the big bridge," the gypsy said.	- На большом мосту смена каждые шесть часов, по два человека, - сказал цыган.
"There are eight men and a corporal at the roadmender's hut.	- В домике дорожного мастера восемь рядовых и капрал.
Here is thy chronometer."	Вот тебе твой хронометр.
"What about the sawmill post?"	-А на лесопилке?
"The old man is there.	- Это тебе старик скажет.
He can watch that and the road both."	Он наблюдает за дорогой, ему и лесопилку видно.

"And the road?" Robert Jordan asked.	- А что на дороге? - спросил Роберт Джордан.
"The same movement as always," the gypsy said.	- Движение такое же, как всегда, - сказал цыган.
"Nothing out of the usual.	- Ничего необыкновенного нет.
Several motor cars."	Несколько машин, вот и все.
The gypsy looked cold, his dark face was drawn with the cold and his hands were red.	У цыгана был замерзший вид, его темное лицо скривилось от холода, руки покраснели.
Standing in the mouth of the cave he took off his jacket and shook it.	Не входя в пещеру, он снял свою куртку и встряхнул ее.

"I stayed until they changed the watch," he said.	- Я дождался смены караула, - сказал он.
"It was changed at noon and at six.	- Смена была в двенадцать и потом в шесть.
That is a long watch.	Долго все-таки.
I am glad I am not in their army."	Не хотел бы я служить в этой армии.
"Let us go for the old man," Robert Jordan said, putting on his leather coat.	- Надо сходить за стариком, - сказал Роберт Джордан, надевая свою кожаную куртку.
"Not me," the gypsy said.	- Ну уж нет, - сказал цыган.

"I go now for the fire and the hot soup.	- Мне сейчас надо только миску горячего супу и местечко поближе к огню.

I will tell one of these where he is and he can guide you.	Пусть кто-нибудь из них тебя проводит, я расскажу, как найти.
Hey, loafers," he called to the men who sat at the table.	Эй, вы, лодыри, - крикнул он сидевшим у стола.
"Who wants to guide the _Ingles_ to where the old man is watching the road?"	- Кто пойдет с Ingles за стариком?
"I will go," Fernando rose.	- Я пойду, сказал Фернандо.
"Tell me where it is."	- А где он?
"Listen," the gypsy said.	- Вот слушай, - сказал цыган.

"It is here--" and he told him where the old man, Anselmo, was posted.	- Нужно идти так. - И он объяснил ему, где старик Ансельмо устроил себе пост для наблюдения за дорогой.
15	15
Anselmo was crouched in the lee of the trunk of a big tree and the snow blew past on either side.	Ансельмо, съежившись, сидел за деревом, толстый ствол которого защищал его от снега.
He was pressed close against the tree and his hands were inside of the sleeves of his jacket, each hand shoved up into the opposite sleeve, and his head was pulled as far down into the jacket as it would go.	Он крепко прижимался к стволу, руки у него были засунуты в рукава куртки, правая рука в левый рукав, левая - в правый, голова по самые уши втянута в воротник.

If I stay here much longer I will freeze, he thought, and that will be of no value.	Если придется сидеть здесь долго, я замерзну, думал он, и, главное, без толку.
The _Ingles_ told me to stay until I was relieved but he did not know then about this storm.	Ingles велел мне дожидаться смены, но ведь он не мог знать, что поднимется метель.
There has been no abnormal movement on the road and I know the dispositions and the habits of this post at the sawmill across the road.	На дороге ничего необычного не заметно, а все, что делается на том посту и на лесопилке, я уже хорошо знаю.
I should go now to the camp.	Надо возвращаться в лагерь.
Anybody with sense would be expecting me to return to the camp.	Каждый, у кого есть голова на плечах, сказал бы, что мне пора возвращаться в лагерь.

I will stay a little longer, he thought, and then go to the camp.	Побуду здесь еще немножко и пойду, решил он.
It is the fault of the orders, which are too rigid.	С приказами всегда так, слишком уж они строгие.
There is no allowance for a change in circumstance.	Если что изменится, это в расчет не принимают.
He rubbed his feet together and then took his hands out of the jacket sleeves and bent over and rubbed his legs with them and patted his feet together to keep the circulation going.	Он потер ногой об ногу, потом высвободил руки из рукавов, нагнулся, растер себе икры и постучал ногой об ногу, чтобы разогнать кровь.

It was less cold there, out of the wind in the shelter of the tree, but he would have to start walking shortly.	Здесь, за деревом, не так холодно, оно укрывает от ветра, но все-таки скоро надо будет встать и уйти, а то замерзнешь.

As he crouched, rubbing his feet, he heard a motorcar on the road.	Как раз в ту минуту, когда он, согнувшись, растирал себе ноги, на дороге послышался шум автомобиля.

It had on chains and one link of chain was slapping and, as he Watched, it came up the snow-covered road, green and brown painted, in broken patches of daubed color, the windows blued over so that you could not see in, with only a half circle left clear in the blue for the occupants to look out through.	На колеса были надеты цепи, и одна ослабевшая цепь шлепала. Он посмотрел в ту сторону и увидел на заснеженной дороге машину, раскрашенную неровными мазками в зеленый и коричневый цвета; стекла у нее были замазаны синим, чтобы ничего нельзя было увидеть снаружи, а для тех, кто сидел внутри, был оставлен небольшой полукруглый просвет.
It was a two-year-old Rolls-Royce town car camouflaged for the use of the General Staff but Anselmo did not know that.	Это была машина Г енерального штаба, замаскированный "роллс-ройс" выпуска тридцать пятого года, но Ансельмо не знал этого.

He could not see into the car where three officers sat wrapped in their capes. Two were on the back seat and one sat on the folding chair.	Он не мог увидеть, что в "роллс-ройсе" сидят трое офицеров, закутанных в плащи, двое - на заднем сиденье, третий - на откидном.
The officer on the folding chair was looking out of the slit in the blue of the window as the car passed but Anselmo did not know this.	Офицер, сидевший на откидном сиденье, смотрел на дорогу сквозь просвет в закрашенном синей краской стекле. Но Ансельмо не знал этого.
Neither of them saw the other.	Они не увидели друг друга.
The car passed in the snow directly below him.	Машина промелькнула сквозь снег как раз под тем местом, где сидел Ансельмо.

Anselmo saw the chauffeur, red-faced and steel- helmeted, his face and helmet projecting out of the blanket cape he wore and he saw the forward jut of the automatic rifle the orderly who sat beside the chauffeur carried.	Он разглядел шофера в наброшенном на плечи пончо, его красное лицо и стальной шлем; разглядел торчащий ствол ручного пулемета, который держал сидевший рядом с шофером ординарец.
Then the car was gone up the road and Anselmo reached into the inside of his jacket and took out from his shirt pocket the two sheets torn from Robert Jordan's notebook and made a mark after the drawing of a motorcar.	Как только машина скрылась за поворотом, Ансельмо сунул руку за пазуху, вынул из нагрудного кармана рубашки два листка, вырванные из записной книжки Роберта Джордана, и сделал пометку под рисунком, который обозначал легковые машины.

It was the tenth car up for the day.	Это была десятая по счету.
Six had come down.	Шесть уже прошли обратно.
Four were still up.	Четыре еще там.
It was not an unusual amount of cars to move upon that road but Anselmo did not distinguish between the Fords, Fiats, Opels, Renaults, and Citroens of the staff of the Division that held the passes and the line of the mountain and the Rolls-Royces, Lancias, Mercedes, and Isottas of the General Staff.	Это было не больше, чем обычно проезжало по этой дороге, но Ансельмо не умел отличать "форды", "фиаты", "оппели", "рено" и "ситроены" штаба дивизии, которая действовала в этом районе, от "роллс-ройсов", "ланчий", "мерседесов" и "изотто" Генерального штаба.

This was the sort of distinction that Robert Jordan should have made and, if he had been there instead of the old man, he would have appreciated the significance of these cars which had gone up.	Будь здесь на месте старика Роберт Джордан, он подметил бы, какие именно машины шли в ту сторону, и сумел бы оценить все значение этого факта.

But he was not there and the old man simply made a mark for a motorcar going up the road, on the sheet of note paper.	Но Роберта Джордана здесь не было, а старик попросту отметил на листке из блокнота, что вверх по дороге прошла еще одна машина.

Anselmo was now so cold that he decided he had best go to camp before it was dark.	К этому времени Ансельмо уже окончательно продрог и решил идти в лагерь, не дожидаясь, когда стемнеет.
He had no fear of missing the way, but he thought it was useless to stay longer and the wind was blowing colder all the time and there was no lessening of the snow.	Он не боялся сбиться с пути, а просто решил, что сидеть здесь бесполезно, тем более что ветер становился все холоднее и метель не утихала.
But when he stood up and stamped his feet and looked through the driving snow at the road he did not start off up the hillside but stayed leaning against the sheltered side of the pine tree.	Но, встав и потоптавшись на месте и посмотрев сквозь снег на дорогу, он не пошел вверх по склону, а прислонился к сосне с подветренной стороны и так и остался стоять там.

The _Ingles_ told me to stay, he thought.	Мне велено ждать, думал он.
Even now he may be on the way here and, if I leave this place, he may lose himself in the snow searching for me.	Может быть, Ingles уже идет сюда, и, если я уйду, он заплутается, разыскивая меня в такую метель.
All through this war we have suffered from a lack of discipline and from the disobeying of orders and I will wait a while still for the _Ingles_.	Мало ли нам приходилось страдать в этой войне из-за отсутствия дисциплины и нарушения приказов, так что лучше уж я подожду его еще немного.

But if he does not come soon I must go in spite of all orders for I have a report to make now, and I have much to do in these days, and to freeze here is an exaggeration and without utility.	Но если он скоро не придет, я уйду отсюда и не посмотрю ни на какой приказ, потому что мне надо доставить донесение и замерзать насмерть сейчас не время - дел слишком много, и нечего перегибать палку в другую сторону.
Across the road at the sawmill smoke was coming out of the chimney and Anselmo could smell it blown toward him through the snow.	Напротив, через дорогу, из трубы лесопилки шел дым, и его запах доносился до Ансельмо сквозь снег.
The fascists are warm, he thought, and they are comfortable, and tomorrow night we will kill them.	Фашистам хорошо там, думал он, им тепло и уютно, а завтра ночью мы их убьем.

It is a strange thing and I do not like to think of it.	Странно все получается, и лучше об этом не думать.
I have watched them all day and they are the same men that we are.	Я наблюдал за ними весь день и вижу, что они такие же люди, как и мы.
I believe that I could walk up to the mill and knock on the door and I would be welcome except that they have orders to challenge all travellers and ask to see their papers.	Я мог бы подойти сейчас к лесопилке, постучаться в дверь, и они приняли бы меня радушно, вот разве что им приказано опрашивать всех неизвестных людей и требовать от них документы.
It is only orders that come between us.	Значит, между нами стоят только приказы.
Those men are not fascists.	Эти люди не фашисты.

I call them so, but they are not.	Я называю их так, но они не фашисты.
They are poor men as we are.	Они такие же бедняки, как и мы.

They should never be fighting against us and I do not like to think of the killing.	Не надо им было воевать против нас, а мне лучше не думать о том, что их придется убить.
These at this post are Gallegos.	Эти постовые - галисийцы.
I know that from hearing them talk this afternoon.	Я как только услышал их сегодня днем, так сразу узнал это по их говору.
They cannot desert because if they do their families will be shot.	Они не могут дезертировать, потому что это значит подвести семью под расстрел.

Gallegos are either very intelligent or very dumb and brutal.	Галисийцы бывают или очень умные, или совсем тупицы и скоты.
I have known both kinds.	Я знавал и таких и других.
Lister is a Gallego from the same town as Franco.	Листер тоже галисиец, они с Франко из одного города.
I wonder what these Gallegos think of this snow now at this time of year.	А любопытно, как этим постовым нравится, что в такое время года идет снег?
They have no high mountains such as these and in their country it always rains and it is always green.	У них ведь нет высоких гор, как у нас, и там всегда дожди и всегда все зелено.

A light showed in the window of the sawmill and Anselmo shivered and thought, damn that _Ingles!_ There are the Gallegos warm and in a house here in our country, and I am freezing behind a tree and we live in a hole in the rocks like beasts in the mountain.	В окне лесопилки засветился огонь, и Ансельмо зябко поежился и подумал: черт бы побрал этого Ingles. У нас, в нашем краю, галисийцы сидят в тепле и под крышей, а я должен жаться тут за деревом и мерзнуть, а ютимся мы в какой-то норе среди скал, будто дикие звери.
But tomorrow, he thought, the beasts will come out of their hole and these that are now so comfortable will die warm in their blankets.	Но завтра, подумал он, звери вылезут из норы, и вот эти, кому сейчас так уютно живется, умрут, закутанные в свои теплые одеяла.

As those died in the night when we raided Otero, he thought.	Как те, которым пришлось умереть в ночь налета на Отеро, подумал он.
He did not like to remember Otero.	Ему было неприятно вспоминать Отеро.
In Otero, that night, was when he first killed and he hoped he would not have to kill in this of the suppressing of these posts.	Той ночью, в Отеро, он убивал в первый раз, и теперь он надеялся, что ему не придется убивать, когда наступит время разделаться с этими постовыми.

It was in Otero that Pablo knifed the sentry when Anselmo pulled the blanket over his head and the sentry caught Anselmo's foot and held it, smothered as he was in the blanket, and made a crying noise in the blanket and Anselmo had to feel in the blanket and knife him until he let go of the foot and was still.	Там, в Отеро, Пабло ударил ножом часового, которому Ансельмо набросил одеяло на голову, и тот, почти задохшийся, ухватил его за ногу и всхлипывал там, под одеялом, и Ансельмо пришлось на ощупь тыкать его ножом до тех пор, пока он не отпустил ногу и не затих.

He had his knee across the man's throat to keep him silent and he was knifing into the bundle when Pablo tossed the bomb through the window into the room where the men of the post were all sleeping.	Ансельмо прижал его горло коленкой, чтобы не было крику, и все тыкал ножом, а Пабло тем временем швырнул гранату в окно караульного помещения, где спали постовые.
And when the flash came it was as though the whole world burst red and yellow before your eyes and two more bombs were in already.	И когда вспыхнуло пламя, а глазах стало так, точно весь мир пошел желтыми и красными пятнами, и тут в окно караульной полетели еще две гранаты.

Pablo had pulled the pins and tossed them quickly through the window, and those who were not killed in their beds were killed as they rose from bed when the second bomb exploded.	Пабло успел выдернуть обе чеки и швырнул гранаты в окно одну за другой, и тех, кого не убило в постели, убило, как только они вскочили с постели, при взрыве второй гранаты.
That was in the great days of Pablo when he scourged the country like a tartar and no fascist post was safe at night.	Это было в те славные для Пабло дни, когда он точно дьявол, носился по всей провинции и ни на одном фашистском посту не могли спокойно спать по ночам.

And now, he is as finished and as ended as a boar that has been altered, Anselmo thought, and, when the altering has been accomplished and the squealing is over you cast the two stones away and the boar, that is a boar no longer, goes snouting and rooting up to them and eats them.	А теперь его песенка спета, крышка ему, он точно выложенный кабан, думал Ансельмо. Когда операция окончена и визг прекратился, семенники выкидывают, и кабан, который теперь уже не кабан, идет искать их, уткнувшись рылом в землю, находит и съедает.
No, he is not that bad, Anselmo grinned, one can think too badly even of Pablo.	Нет, до этого у Пабло еще не дошло, усмехнулся Ансельмо. Ведь вот, оказывается, и на Пабло можно возвести напраслину.
But he is ugly enough and changed enough.	Но что он стал совсем не тот - это верно, и что мерзости в нем достаточно - это тоже верно.

It is too cold, he thought.	Как холодно, думал он.
That the _Ingles_ should come and that I should not have to kill in this of the posts.	Хорошо бы, Ingles пришел поскорее, и хорошо бы, мне никого не надо было убивать в этом деле.
These four Gallegos and their corporal are for those who like the killing.	Пусть эти четыре галисийца с капралом достанутся на долю тех, кто любит убивать.
The _Ingles_ said that.	Так сказал Ingles.
I will do it if it is my duty but the _Ingles_ said that I would be with him at the bridge and that this would be left to others.	Если потребуется, я выполню свой долг, но Ingles сказал, что я буду при нем, на мосту, а этим займутся другие.

At the bridge there will be a battle and, if I am able to endure the battle, then I will have done all that an old man may do in this war.	На мосту будет бой, и если я вытерплю и не убегу, значит, я сделал все, чего можно требовать в этой войне от старика.
But let the _Ingles_ come now, for I am cold and to see the light in the mill where I know that the Gallegos are warm makes me colder still.	Но пусть Ingles приходит поскорее, потому что мне холодно, а когда я вижу огонь в окне лесопилки и знаю, что галисийцам тепло, мне становится еще холоднее.
I wish that I were in my own house again and that this war were over.	Хорошо бы сейчас опять очутиться у себя дома и чтобы война кончилась.
But you have no house now, he thought.	Но у тебя больше нет дома, подумал он.

We must win this war before you can ever return to your house.	Сначала надо выиграть войну, раньше этого домой не вернешься.
Inside the sawmill one of the soldiers was sitting on his bunk and greasing his boots.	В лесопилке один из солдат сидел на своей койке и смазывал башмаки.
Another lay in his bunk sleeping.	Другой спал.
The third was cooking and the corporal was reading a paper.	Третий что-то стряпал, а капрал читал газету.

Their helmets hung on nails driven into the wall and their rifles leaned against the plank wall.	Их каски висели на гвоздях, вбитых в стену, винтовки стояли у дощатой стены.

"What kind of country is this where it snows when it is almost June?" the soldier who was sitting on the bunk said.	- Что это за места такие, что снег идет здесь чуть ли не в июне? - сказал солдат, сидевший на койке.
"It is a phenomenon," the corporal said.	- Это игра природы, - ответил ему капрал.
"We are in the moon of May," the soldier who was cooking said.	- Сейчас еще майская луна, - сказал солдат, занимавшийся стряпней.
"The moon of May has not yet terminated."	- Она еще не кончилась.
"What kind of a country is it where it snows in May?" the soldier on the bunk insisted.	- Что это за места такие, что снег идет здесь в мае? - твердил солдат на койке.

"In May snow is no rarity in these mountains," the corporal said.	- В горах снег в мае не редкость, - сказал капрал.
"I have been colder in Madrid in the month of May than in any other month."	- Я никогда так не мерз в Мадриде, как в мае!
"And hotter, too," the soldier who was cooking said.	- И никогда так не парился, - сказал солдат, занимавшийся стряпней.
"May is a month of great contrasts in temperature," the corporal said.	- В мае погода всегда неустойчивая, - сказал капрал.
"Here, in Castile, May is a month of great heat but it can have much cold."	- Здесь, в Кастилии, в мае бывает сильная жара, но бывает и холодно.

"Or rain," the soldier on the bunk said.	- Или дожди заладят, - сказал солдат, сидевший на койке.
"In this past May it rained almost every day."	- Прошлый год в мае месяце почти каждый день шел дождь.
"It did not," the soldier who was cooking said.	- Неправда, - сказал солдат, занимавшийся стряпней.
"And anyway this past May was the moon of April."	- Кроме того, хоть это был май, но еще не кончилась апрельская луна.
"One could go crazy listening to thee and thy moons," the corporal said.	- Рехнуться можно от твоих лун, - сказал капрал.
"Leave this of the moons alone."	- Перестань ты твердить про свою луну.

"Any one who lives either by the sea or by the land knows that it is the moon and not the month which counts," the soldier who was cooking said.	- Кого кормит море или земля, те знают, что важно не то, какой сейчас месяц, важно, какая луна, - сказал солдат, занимавшийся стряпней.
"Now for example, we have just started the moon of May.	- Вот, например, сейчас майская луна только началась.
Yet it is coming on June."	А по календарю скоро июнь.
"Why then do we not get definitely behind in the seasons?" the corporal said.	- Почему же тогда времена года остаются всегда на своем месте? - спросил капрал.
"The whole proposition gives me a headache."	- Прямо голова лопается от этой чепухи!
"You are from a town," the soldier who was cooking said.	- Ты горожанин, - сказал солдат, занимавшийся стряпней.

"You are from Lugo. What would you know of the sea or of the land?"	- Ты из Луго, откуда тебе знать про море и про землю!
"One learns more in a town than you _analfabetos_ learn in thy sea or thy land."	- В городе народ больше знает, чем всякие analfabetos, которые всю жизнь торчат в море или на земле.
"In this moon the first of the big schools of sardines come," the soldier who was cooking said.	- В эту луну появляются первые косяки сардин, -сказал солдат, занимавшийся стряпней.
"In this moon the sardine boats will be outfitting and the mackerel will have gone north."	- В эту луну снастят лодки, а скумбрия уходит на север.

"Why are you not in the navy if you come from Noya?" the corporal asked.	- Почему же тебя не взяли во флот, если ты из Нойи? - спросил капрал.
"Because I am not inscribed from Noya but from Negreira, where I was born.	- Потому что по спискам я значусь не в Нойе, а в Негрейре, по месту рождения.
And from Negreira, which is up the river Tambre, they take you for the army."	А из Негрейры, которая стоит на реке Тамбре, берут в армию.
"Worse luck," said the corporal.	-Тем хуже для вас, - сказал капрал.
"Do not think the navy is without peril," the soldier who was sitting on the bunk said.	- А ты не думай, что во флоте так уж безопасно, -сказал солдат, сидевший на койке.

"Even without the possibility of combat that is a dangerous coast in the winter."	- Даже если не попадешь в морской бой, то в береговой охране в зимние месяцы тоже всякое бывает.
"Nothing can be worse than the army," the corporal said.	- Хуже армии ничего нет, - сказал капрал.
"And you a corporal," the soldier who was cooking said.	- Эх, ты, а еще капрал, - сказал солдат, занимавшийся стряпней.
"What a way of speaking is that?"	- Разве можно так говорить?
"Nay," the corporal said. "I mean for dangers.	- Да нет, - сказал капрал, - я про то, где всего опасней.
I mean the endurance of bombardments, the necessity to attack, the life of the parapet."	Про бомбежки, атаки, про окопную жизнь.

"Here we have little of that," the soldier on the bunk said.	- Здесь ничего такого нет, - сказал солдат, сидевший на койке.
"By the Grace of God," the corporal said.	- Да, милостью божией, - сказал капрал.
"But who knows when we will be subject to it again?	- Но кто знает, может, нас это еще не минует.
Certainly we will not have something as easy as this forever!"	Не век же нам будет так вольготно, как здесь.
"How much longer do you think we will have this detail?"	- А как ты думаешь, скоро нас отсюда откомандируют?
"I don't know," the corporal said.	- Не знаю, - сказал капрал.
"But I wish we could have it for all of the war."	- Хорошо бы здесь отсиживаться всю войну.

"Six hours is too long to be on guard," the soldier who was cooking said.	- По шесть часов на посту - это слишком долго, -сказал солдат, занимавшийся стряпней.

"We will have three-hour watches as long as this storm holds," the corporal said.	- Пока метель не кончится, будем сменяться через каждые три часа, - сказал капрал.
"That is only normal."	- Это можно.
"What about all those staff cars?" the soldier on the bunk asked.	- А почему сегодня столько проехало штабных машин? - спросил солдат, сидевший на койке.
"I did not like the look of all those staff cars."	- Не нравятся мне эти штабные машины.
"Nor I," the corporal said.	- Мне тоже, - сказал капрал.

"All such things are of evil omen."	- Такие штуки - плохой признак.
"And aviation," the soldier who was cooking said.	- И самолеты, - сказал солдат, занимавшийся стряпней.
"Aviation is another bad sign."	- Самолеты тоже плохой признак.
"But we have formidable aviation," the corporal said.	- Ну, авиация у нас мощная, - сказал капрал.
"The Reds have no aviation such as we have.	- У красных такой авиации нет.
Those planes this morning were something to make any man happy."	На сегодняшние самолеты прямо сердце радовалось.

"I have seen the Red planes when they were something serious," the soldier on the bunk said.	- Мне приходилось видеть красные самолеты в бою, и это тоже не шутка, - сказал солдат, сидевший на койке.
"I have seen those two motor bombers when they were a horror to endure."	- Мне приходилось видеть их двухмоторные бомбардировщики в бою, и это страшное дело.
"Yes. But they are not as formidable as our aviation," the corporal said.	- Но все-таки у них не такая мощная авиация, как у нас, - сказал капрал.
"We have an aviation that is insuperable."	- Наша авиация непобедима.

This was how they were talking in the sawmill while Anselmo waited in the snow watching the road and the light in the sawmill window.	Так они говорили, пока Ансельмо, стоя у дерева, поглядывал сквозь снег на дорогу и на огонь в окне лесопилки.
I hope I am not for the killing, Anselmo was thinking.	Хорошо, если бы мне не пришлось убивать, думал Ансельмо.
I think that after the war there will have to be some great penance done for the killing.	Наверно, после войны наложат тяжелую кару за все эти убийства.

If we no longer have religion after the war then I think there must be some form of civic penance organized that all may be cleansed from the killing or else we will never have a true and human basis for living.	Если у нас не будет религии после войны, тогда, наверно, придумают какое-нибудь гражданское покаяние, чтобы все могли очиститься от стольких убийств, а если нет, тогда у нас не будет хорошей, доброй основы для жизни.
The killing is necessary, I know, but still the doing of it is very bad for a man and I think that, after all this is over and we have won the war, there must be a penance of some kind for the cleansing of us all.	Убивать нужно, я знаю, но человеку нехорошо это делать, и, наверно, когда все это кончится и мы выиграем войну, на всех наложат какое-нибудь покаяние, чтобы мы все могли очиститься.

Anselmo was a very good man and whenever he was alone for long, and he was alone much of the time, this problem of the killing returned to him.	Ансельмо был очень добрый человек, и когда ему приходилось подолгу оставаться наедине с самим собой, а он почти все время бывал один, подобные мысли об убийстве не покидали его.

I wonder about the _Ingles_, he thought.	Любопытно, как думает Ingles на самом-то деле.
He told me that he did not mind it. Yet he seems to be both sensitive and kind.	Он сказал, что ему это нетрудно, а ведь он, кажется, отзывчивый, мягкий.
It may be that in the younger people it does not have an importance.	Может быть, те, кто помоложе, смотрят на это проще.

It may be that in foreigners, or in those who have not had our religion, there is not the same attitude.	Может быть, иностранцы и люди не нашей религии по-другому относятся к этому.
But I think any one doing it will be brutalized in time and I think that even though necessary, it is a great sin and that afterwards we must do something very strong to atone for it.	Но, по-моему, в конце концов убийства ожесточают человека, и если даже без этого нельзя обойтись, то все равно убивать - большой грех, и когда-нибудь нам придется приложить много сил, чтобы искупить его.
It was dark now and he looked at the light across the road and shook his arms against his chest to warm them.	Было уже совсем темно, и он снова посмотрел через дорогу на огонь в окне лесопилки и стал размахивать руками, стараясь согреться.

Now, he thought, he would certainly leave for the camp; but something kept him there beside the tree above the road.	Вот теперь уже можно идти в лагерь, подумал он, и все-таки что-то удерживало его у этого дерева над дорогой.
It was snowing harder and Anselmo thought: if only we could blow the bridge tonight.	Снег пошел сильнее, и Ансельмо подумал: эх, если бы взорвать этот мост сегодня ночью.
On a night like this it would be nothing to take the posts and blow the bridge and it would all be over and done with.	В такую ночь ничего бы не стоило захватить оба поста и взорвать мост, и дело с концом.
On a night like this you could do anything.	В такую ночь можно сделать все, что угодно.

Then he stood there against the tree stamping his feet softly and he did not think any more about the bridge.	Потом он прислонился к дереву и легонько потопал ногами, уже не думая больше о мосте.
The coming of the dark always made him feel lonely and tonight he felt so lonely that there was a hollowness in him as of hunger.	Наступление темноты всегда вызывало у него чувство одиночества, а сегодня ему было так одиноко, что он даже ощущал какую-то пустоту внутри, как от голода.
In the old days he could help this loneliness by the saying of prayers and often coming home from hunting he would repeat a great number of the same prayer and it made him feel better.	В прежнее время от одиночества помогали молитвы, и часто бывало так, что, вернувшись с охоты, он бессчетное количество раз повторял какую-нибудь одну молитву, и от этого становилось легче.

But he had not prayed once since the movement.	Но с тех пор, как началась война, он не молился ни разу.
He missed the prayers but he thought it would be unfair and hypocritical to say them and he did not wish to ask any favors or for any different treatment than all the men were receiving.	Ему недоставало молитвы, но он считал, что молиться теперь будет нечестно и лицемерно, и он не хотел испрашивать себе каких-нибудь особых благ или милостей в отличие от остальных людей.
No, he thought, I am lonely.	Пусть я одинок, думал он.
But so are all the soldiers and the Wives of all the soldiers and all those who have lost families or parents.	Но так же одиноки все солдаты, и все солдатские жены, и все те, кто потерял родных или близких.

I have no wife, but I am glad that she died before the movement.	Жены у меня нет, но я рад, что она умерла до войны.
She would not have understood it.	Она бы не поняла ее.
I have no children and I never will have any children.	И детей у меня нет и никогда не будет.
I am lonely in the day when I am not working but when the dark comes it is a time of great loneliness.	Я и днем чувствую себя одиноким, если я ничем не занят, но больше всего мне бывает одиноко, когда наступает темнота.
But one thing I have that no man nor any God can take from me and that is that I have worked well for the Republic.	И все-таки есть одно, чего у меня никто не отнимет, ни люди, ни бог, - это то, что я хорошо потрудился для Республики.

I have worked hard for the good that we will all share later.	Я много труда положил для того, чтобы потом, когда кончится война, все мы зажили лучшей жизнью.
I have worked my best from the first of the movement and I have done nothing that I am ashamed of.	Я отдавал все свои силы войне с самого ее начала, и я не сделал ничего такого, чего следовало бы стыдиться.
All that I am sorry for is the killing.	Только об одном я жалею - что приходится убивать.
But surely there will be an opportunity to atone for that because for a sin of that sort that so many bear, certainly some just relief will be devised.	Но ведь будет же у нас возможность искупить этот грех, потому что его приняли на душу многие люди, и, значит, надо придумать справедливую кару для всех.

I would like to talk with the _Ingles_ about it but, being young, it is possible that he might not understand.	Мне бы очень хотелось поговорить об этом с Ingles, но он молод и, наверно, не поймет меня.
He mentioned the killing before.	Он уже заводил об этом разговор.
Or was it I that mentioned it?	Или я сам его заводил?
He must have killed much, but he shows no signs of liking it.	Ingles, должно быть, много убивал, но не похоже, чтобы ему это было по душе.
In those who like it there is always a rottenness.	В тех, кто охотно идет на убийство, всегда чувствуешь что-то мерзкое.

It must really be a great sin, he thought.	Все-таки убивать - большой грех, думал он.
Because certainly it is the one thing we have no right to do even though, as I know, it is necessary.	Потому что это есть то самое, чего мы не имеем права делать, хоть это и необходимо.
But in Spain it is done too lightly and often without true necessity and there is much quick injustice which, afterward, can never be repaired.	Но в Испании убивают слишком легко, и не всегда в этом есть необходимость, а сколько у нас под горячую руку совершается несправедливого, такого, чего потом уже не исправишь.
I wish I did not think about it so much, he thought.	Хорошо бы отделаться от таких мыслей, подумал он.

I wish there were a penance for it that one could commence now because it is the only thing that I have done in all my life that makes me feel badly when I am alone.	Хорошо бы, назначили какое-нибудь искупление за это и чтобы его можно было начать сейчас же, потому что это то единственное, о чем мне тяжело вспоминать наедине с самим собой.

All the other things are forgiven or one had a chance to atone for them by kindness or in some decent way.	Все остальное людям прощается, или они искупают свои грехи добром или какими-нибудь достойными делами.
But I think this of the killing must be a very great sin and I would like to fix it up.	Но убийство, должно быть, очень большой грех, и мне бы хотелось, чтобы все это было как-то улажено.

Later on there may be certain days that one can work for the state or something that one can do that will remove it.	Может, потом назначат дни, когда надо будет работать на государство, или придумают еще что-нибудь, чтобы люди могли снять с себя этот грех.
It will probably be something that one pays as in the days of the Church, he thought, and smiled.	Например, платить, как мы раньше платили церкви, подумал он и улыбнулся.
The Church was well organized for sin.	Церковь умела управляться с грехами.
That pleased him and he was smiling in the dark when Robert Jordan came up to him.	Эта мысль понравилась ему, и он улыбался в темноте, когда подошел Роберт Джордан.
He came silently and the old man did not see him until he was there.	Он подошел совсем тихо, и старик увидел его, когда он уже стоял у дерева.

"_Hola, viejo_," Robert Jordan whispered and clapped him on the back.	- Hola, viejo, - шепотом сказал Роберт Джордан и хлопнул его по плечу.
"How's the old one?"	- Ну как, старик?
"Very cold," Anselmo said.	- Очень холодно, - сказал Ансельмо.
Fernando was standing a little apart, his back turned against the driving snow.	Фернандо остановился чуть поодаль от них, повернувшись спиной к ветру и снегу.
"Come on," Robert Jordan whispered.	- Пошли, - все так же шепотом сказал Роберт Джордан.
"Get on up to camp and get warm.	- Пошли в лагерь, там обогреешься.

It was a crime to leave you here so long."	Просто преступление, что тебя здесь продержали столько времени.
"That is their light," Anselmo pointed.	- Вон свет, это у них, - показал Ансельмо.
"Where's the sentry?"	- А где часовой?
"You do not see him from here.	- Его отсюда не видно.
He is around the bend."	Он за поворотом.
"The hell with them," Robert Jordan said.	- Ну и черт с ними, - сказал Роберт Джордан.
"You tell me at camp.	- Расскажешь все, когда будем в лагере.
Come on, let's go."	Пошли, пошли.
"Let me show you," Anselmo said.	- Подожди, я тебе покажу, - сказал Ансельмо.

"I'm going to look at it in the morning," Robert Jordan said.	- Утром все посмотрим, - сказал Роберт Джордан.
"Here, take a swallow of this."	- Вот, возьми, выпей.
He handed the old man his flask.	Он протянул старику свою флягу.
Anselmo tipped it up and swallowed.	Ансельмо запрокинул голову и сделал глоток.

"_Ayee_," he said and rubbed his mouth.	- Ух ты! - сказал он и вытер губы рукой.
"It is fire."	- Как огонь.
"Come on," Robert Jordan said in the dark. "Let us go."	- Ну, - сказал в темноте Роберт Джордан, - пошли.

It was so dark now you could only see the flakes blowing past and the rigid dark of the pine trunks.	Стало уже так темно, что кругом ничего не было видно, кроме быстро мчавшихся снежных хлопьев и неподвижной черноты сосен.
Fernando was standing a little way up the hill.	Фернандо стоял немного выше по склону.
Look at that cigar store Indian, Robert Jordan thought.	Полюбуйтесь на этот манекен, подумал Роберт Джордан.
I suppose I have to offer him a drink.	Пожалуй, его тоже надо угостить.
"Hey, Fernando," he said as he came up to him.	- Эй, Фернандо, - сказал он, подходя к нему.
"A swallow?"	- Хочешь выпить?
"No," said Fernando.	- Нет, - сказал Фернандо.
"Thank you."	- Спасибо.

Thank _you_, I mean, Robert Jordan thought.	Это тебе спасибо, подумал Роберт Джордан.
I'm glad cigar store Indians don't drink.	Какое счастье, что манекены не потребляют спиртного.
There isn't too much of that left.	У меня совсем немного осталось.
Boy, I'm glad to see this old man, Robert Jordan thought.	Как же я рад видеть этого старика, подумал Роберт Джордан.
He looked at Anselmo and then clapped him on the back again as they started up the hill.	Он посмотрел на Ансельмо, шагая рядом с ним вверх по склону, и опять хлопнул его по спине.
"I'm glad to see you, _viejo_," he said to Anselmo.	- Я рад тебя видеть, viejo, - сказал он ему.

"If I ever get gloomy, when I see you it cheers me up.	- Когда я не в духе, стоит мне только посмотреть на тебя, и сразу легче делается.
Come on, let's get up there."	Ну, пойдем, пойдем.
They were going up the hill in the snow.	Они поднимались в гору сквозь метель.
"Back to the palace of Pablo," Robert Jordan said to Anselmo.	- Возвращение в чертоги Пабло, - сказал Роберт Джордан.
It sounded wonderful in Spanish.	По-испански это прозвучало великолепно.
"_El Palacio del Miedo_," Anselmo said.	- El Palacio del Miedo, - сказал Ансельмо.
"The Palace of Fear."	- Чертоги Страха.

"_La cueva de los huevos perdidos_," Robert Jordan capped the other happily. "The cave of the lost eggs."	- Чертоги Бессилия, - подхватил Роберт Джордан.
"What eggs?" Fernando asked.	- Какого бессилия? - спросил Фернандо.
"A joke," Robert Jordan said. "Just a joke.	- Это я так, - сказал Роберт Джордан.
Not eggs, you know. The others."	- Того самого.
"But why are they lost?" Fernando asked.	- А почему? - спросил Фернандо.

"I don't know," said Robert Jordan.	- Кто его знает, - сказал Роберт Джордан.

"Take a book to tell you.	- В двух словах не расскажешь.
Ask Pilar," then he put his arm around Anselmo's shoulder and held him tight as they walked and shook him.	Спроси Пилар. - Он обнял Ансельмо за плечи, притянул его к себе и крепко встряхнул.
"Listen," he said.	- Знаешь что? - сказал он.
"I'm glad to see you, hear?	- Я рад тебя видеть.
You don't know what it means to find somebody in this country in the same place they were left."	Ты даже представить себе не можешь, что это значит - в этой стране найти человека на том же самом месте, где его оставил.

It showed what confidence and intimacy he had that he could say anything against the country.	- Вот какое он чувствовал доверие и близость к нему, если решился сказать хоть слово против страны.
"I am glad to see thee," Anselmo said.	- Мне тоже приятно тебя видеть, - сказал Ансельмо.
"But I was just about to leave."	- Но я уже собирался уходить.
"Like hell you would have," Robert Jordan said happily.	- Черта с два! - радостно сказал Роберт Джордан.
"You'd have frozen first."	- Ты замерз бы, а не ушел.
"How was it up above?" Anselmo asked.	- Ну как там, наверху? - спросил Ансельмо.

"Fine," said Robert Jordan.	- Замечательно, - сказал Роберт Джордан.
"Everything is fine."	- Все совершенно замечательно.
He was very happy with that sudden, rare happiness that can come to any one with a command in a revolutionary arm; the happiness of finding that even one of your flanks holds.	Он радовался той внезапной радостью, которая так редко выпадает на долю человека, которому приходится командовать в революционной армии; такая радость вспыхивает, когда видишь, что хотя бы один твой фланг держится крепко.
If both flanks ever held I suppose it would be too much to take, he thought.	Если бы оба фланга держались крепко, это было бы уж слишком, подумал он.

I don't know who is prepared to stand that.	Не знаю, кто бы мог вынести такое.
And if you extend along a flank, any flank, it eventually becomes one man.	А если разобраться в том, что такое фланг, любой фланг, то можно свести его к одному человеку.
Yes, one man.	Да, к одному человеку.
This was not the axiom he wanted.	Не такая аксиома было ему нужна.
But this was a good man.	Но этот человек - надежен.
One good man.	Один надежный человек.
You are going to be the left flank when we have the battle, he thought.	Ты будешь моим левым флангом, когда начнется бой, думал он.

I better not tell you that yet.	Говорить тебе об этом сейчас, пожалуй, не стоит.
It's going to be an awfully small battle, he thought.	Бой будет очень короткий, думал он.
But it's going to be an awfully good one.	Но и очень славный бой.

Well, I always wanted to fight one on my own.	Ну что ж, мне всегда хотелось самостоятельно провести хоть один бой.
I always had an opinion on what was wrong with everybody else's, from Agincourt down.	Я всегда находил погрешности в тех боях, где командовали другие, начиная с Азенкура и до наших дней.

I will have to make this a good one.	Свой собственный бой надо провести как следует.
It is going to be small but very select.	Это будет бой короткий, но безупречный.
If I have to do what I think I will have to do it will be very select indeed.	Если все сложится так, как оно должно сложиться по моим расчетам, то этот бой будет действительно безупречен.
"Listen," he said to Anselmo.	- Нет, правда, - сказал он Ансельмо.
"I'm awfully glad to see you."	- Я ужасно рад тебя видеть.
"And me to see thee," the old man said.	-И я рад видеть тебя, - сказал старик.

As they went up the hill in the dark, the wind at their backs, the storm blowing past them as they climbed, Anselmo did not feel lonely.	Сейчас, когда они взбирались по склону в темноте, и ветер дул им в спину, и их заносило снегом, Ансельмо уже не чувствовал себя одиноким.
He had not been lonely since the _Ingles_ had clapped him on the shoulder.	Он перестал чувствовать свое одиночество с той минуты, как Ingles хлопнул его по плечу.
The _Ingles_ was pleased and happy and they joked together.	Ingles был веселый, довольный, они шутили друг с другом.
The _Ingles_ said it all went well and he was not worried.	Ingles сказал, что все идет хорошо и тревожиться не о чем.

The drink in his stomach warmed him and his feet were warming now climbing.	Глоток абсента согрел Ансельмо, и ноги у него тоже начали согреваться от ходьбы.
"Not much on the road," he said to the _Ingles_.	- На дороге ничего особенного, - сказал он.
"Good," the _Ingles_ told him.	- Ладно, - ответил ему Ingles.
"You will show me when we get there."	- Покажешь мне, когда придем.
Anselmo was happy now and he was very pleased that he had stayed there at the post of observation.	Ансельмо шел радостный, и ему было очень приятно думать, что он не покинул своего наблюдательного поста.
If he had come in to camp it would have been all right.	Если бы он вернулся в лагерь, ничего бы плохого в этом не было.

It would have been the intelligent and correct thing to have done under the circumstances, Robert Jordan was thinking.	Это был бы вполне разумный и правильный поступок, принимая во внимание обстоятельства, думал Роберт Джордан.
But he stayed as he was told, Robert Jordan thought. That's the rarest thing that can happen in Spain.	Но он остался, выполняя приказ, думал Роберт Джордан.
To stay in a storm, in a way, corresponds to a lot of things.	Выстоять на посту в такую снежную бурю. Это о многом говорит.
It's not for nothing that the Germans call an attack a storm.	Недаром по-немецки буря и атака называются одним и тем же словом - "Sturm".

I could certainly use a couple more who would stay.	Я бы, конечно, мог подобрать еще одного-двоих, которые остались бы на посту.
I most certainly could.	Конечно, мог бы.
I wonder if that Fernando would stay.	Интересно, остался бы Фернандо?
It's just possible.	Вполне вероятно.
After all, he is the one who suggested coming out just now.	В конце концов, он сам вызвался проводить меня сюда.
Do you suppose he would stay?	Ты думаешь, он остался бы?
Wouldn't that be good?	А как бы это было хорошо!

He's just about stubborn enough.	Упорства у него хватит.
I'll have to make some inquiries.	Надо будет прощупать его.
Wonder what the old cigar store Indian is thinking about now.	Интересно знать, о чем сейчас думает этот манекен.
"What are you thinking about, Fernando?" Robert Jordan asked.	- О чем ты думаешь, Фернандо? - спросил Роберт Джордан.
"Why do you ask?"	- А почему ты спрашиваешь?
"Curiosity," Robert Jordan said.	- Из любопытства, - сказал Роберт Джордан.
"I am a man of great curiosity."	- Я очень любопытный.

"I was thinking of supper," Fernando said.	- Я думаю об ужине, - сказал Фернандо.
"Do you like to eat?"	- Любишь поесть?
"Yes.	-Да.
Very much."	Очень.
"How's Pilar's cooking?"	- А как ты находишь - Пилар стряпает вкусно?
"Average," Fernando answered.	-Так себе, - ответил Фернандо.
He's a second Coolidge, Robert Jordan thought.	Прямо второй Кулидж, подумал Роберт Джордан.
But, you know, I have just a hunch that he would stay.	А все-таки мне кажется, что он бы остался.

The three of them plodded up the hill in the snow.	Они медленно взбирались по склону сквозь метель.
16	16
"El Sordo was here," Pilar said to Robert Jordan.	- Эль Сордо был здесь, - сказала Пилар Роберту Джордану.
They had come in out of the storm to the smoky warmth of the cave and the woman had motioned Robert Jordan over to her with a nod of her head.	Они вошли с холода в дымное тепло пещеры, и женщина кивком подозвала Роберта Джордана к себе.
"He's gone to look for horses."	- Он пошел насчет лошадей.
"Good.	- Хорошо.
Did he leave any word for me?"	А мне он ничего не просил передать?

"Only that he had gone for horses."	- Вот только то, что пойдет насчет лошадей.
"And we?"	- А как дела у нас?
"_No se_," she said.	- No se, - сказала она.
"Look at him."	- Полюбуйся на него.
Robert Jordan had seen Pablo when he came in and Pablo had grinned at him.	Роберт Джордан увидел Пабло сразу, как только вошел, и Пабло ухмыльнулся ему.
Now he looked over at him sitting at the board table and grinned and waved his hand.	Сейчас Роберт Джордан опять посмотрел на Пабло, сидевшего за столом, и с улыбкой помахал ему рукой.
"_Ingles_," Pablo called.	- Ingles! - крикнул Пабло.
"It's still falling, _Ingles_."	- А снег-то все еще идет, Ingles.

Robert Jordan nodded at him.	Роберт Джордан кивнул.
"Let me take thy shoes and dry them," Maria said.	- Сними сандалии, я их посушу, - сказала Мария.
"I will hang them here in the smoke of the fire."	- Повешу вот тут, перед очагом.
"Watch out you don't burn them," Robert Jordan told her.	- Смотри не сожги, - сказал ей Роберт Джордан.
"I don't want to go around here barefoot.	- Я босиком не хочу расхаживать.
What's the matter?" he turned to Pilar.	В чем дело? - повернулся он к Пилар.
"Is this a meeting?	- Что это у вас - собрание?
Haven't you any sentries out?"	А разве часовых не выставили?

"In this storm? _Que va_."	- В такую метель? Que va!
There were six men sitting at the table and leaning back against the wall.	За столом, прислонясь к стене, сидели шестеро мужчин.
Anselmo and Fernando were still shaking the snow from their jackets, beating their trousers and rapping their feet against the wall by the entrance.	Ансельмо и Фернандо все еще стряхивали снег с курток и штанов и постукивали ногами о стену у входа в пещеру.
"Let me take thy jacket," Maria said.	- Сними куртку, - сказала Мария.
"Do not let the snow melt on it."	- А то снег растает, и она намокнет.

Robert Jordan slipped out of his jacket, beat the snow from his trousers, and untied his shoes.	Роберт Джордан стащил с себя куртку, стряхнул снег с брюк и развязал шнурки своих альпаргат.
"You will get everything wet here," Pilar said.	- Намочишь тут все кругом, - сказала Пилар.
"It was thee who called me."	-Ты же сама меня позвала.
"Still there is no impediment to returning to the door for thy brushing."	- Ну и что же? Вернись ко входу и стряхни снег там.
"Excuse me," Robert Jordan said, standing in his bare feet on the dirt floor.	- Прошу прощения, - сказал Роберт Джордан, становясь босыми ногами на земляной пол.
"Hunt me a pair of socks, Maria."	- Разыщи-ка мне носки, Мария.

"The Lord and Master," Pilar said and poked a piece of wood into the fire.	- Господин и повелитель, - сказала Пилар и сунула полено в огонь.

"_Hay que aprovechar el tiempo_," Robert Jordan told her.	- Hay que aprovechar el tiempo, - ответил ей Роберт Джордан.
"You have to take advantage of what time there is."	- Надо пользоваться тем временем, которое еще есть.
"It is locked," Maria said.	- Тут заперто, - сказала Мария.
"Here is the key," and he tossed it over.	- Возьми ключ. - И он бросил ключ Марии.
"It does not fit this sack."	- К этому замку не подходит.
"It is the other sack.	- Не в этом мешке, в другом.

They are on top and at the side."	Они там наверху, сбоку.
The girl found the pair of socks, closed the sack, locked it and brought them over with the key.	Девушка вынула носки, затянула завязки у рюкзака, заперла замок и подала Роберту Джордану носки вместе с ключом.
"Sit down and put them on and rub thy feet well," she said.	- Садись, надень носки и разотри ноги как следует, - сказала она.
Robert Jordan grinned at her.	Роберт Джордан усмехнулся, глядя на нее.
"Thou canst not dry them with thy hair?" he said for Pilar to hear.	- Может, ты мне их волосами осушишь? - спросил он специально для Пилар.
"What a swine," she said.	- Вот свинья, - сказала Пилар.

"First he is the Lord of the Manor. Now he is our ex-Lord Himself.	- Сначала корчил из себя властелина, теперь на место самого бывшего господа бога метит.
Hit him with a chunk of wood, Maria."	Стукни его поленом, Мария.
"Nay," Robert Jordan said to her.	- Не надо, - сказал ей Роберт Джордан.
"I am joking because I am happy."	- Я шучу, потому что я доволен.
"You are happy?"	-Ты доволен?
"Yes," he said.	- Да, - сказал он.
"I think everything goes very well."	- По-моему, все идет прекрасно.
"Roberto," Maria said.	- Роберто, - сказала Мария.

"Go sit down and dry thy feet and let me bring thee something to drink to warm thee."	- Садись вот сюда, посуши ноги, а я дам тебе чего-нибудь выпить, чтобы ты согрелся.
"You would think that man had never dampened foot before," Pilar said.	- Можно подумать, что до него никому не случалось промочить ноги, - сказала Пилар.
"Nor that a flake of snow had ever fallen."	- Что с неба ни разу ни одной снежинки не упало.
Maria brought him a sheepskin and put it on the dirt floor of the cave.	Мария принесла овчину и бросила ее на земляной пол.
"There," she said.	- Вот, - сказала она.
"Keep that under thee until thy shoes are dry."	- Подложи себе под ноги, пока сандалии не просохнут.

The sheepskin was fresh dried and not tanned and as Robert Jordan rested his stocking feet on it he could feel it crackle like parchment.	Овчина была недавно высушенная и недубленая, и когда Роберт Джордан стал на нее, она захрустела, как пергамент.

The fire was smoking and Pilar called to Maria,	Очаг дымил, и Пилар крикнула Марии:
"Blow up the fire, worthless one.	- Раздуй огонь, дрянная девчонка.
This is no smokehouse."	Что тут, коптильня, что ли?
"Blow it thyself," Maria said.	- Сама раздуй, - сказала Мария.

"I am searching for the bottle that El Sordo left."	- Я ищу бутылку, которую принес Эль Сордо.
"It is behind his packs," Pilar told her.	- Вон она, за мешками, - сказала Пилар.
"Must you care for him as a sucking child?"	- Что ты с ним нянчишься, как с грудным младенцем?
"No," Maria said.	- Вовсе нет, - сказала Мария.
"As a man who is cold and wet.	- Не как с младенцем, а как с мужчиной, который озяб и промок.
And a man who has just come to his house.	И который пришел к себе домой.
Here it is."	Вот, нашла.
She brought the bottle to where Robert Jordan sat.	- Она протянула бутылку Роберту Джордану.

"It is the bottle of this noon.	- Это то, что ты пил днем.
With this bottle one could make a beautiful lamp.	Из такой бутылки можно сделать хорошую лампу.
When we have electricity again, what a lamp we can make of this bottle."	Когда мы опять будем жить при электричестве, какая из нее лампа получится!
She looked at the pinch-bottle admiringly.	- Она с восхищением посмотрела на плоскую бутылку.
"How do you take this, Roberto?"	- Это как пьют, Роберто?
"I thought I was _Ingles_," Robert Jordan said to her.	- Разве я не Ingles? - сказал ей Роберт Джордан.

"I call thee Roberto before the others," she said in a low voice and blushed.	- На людях я называю тебя Роберто, - тихо сказала она и покраснела.
"How do you want it, Roberto?"	- Как ты будешь пить, Роберто?
"Roberto," Pablo said thickly and nodded his head at Robert Jordan.	- Роберто, - хриплым голосом проговорил Пабло и мотнул головой в сторону Роберта Джордана.
"How do you want it, Don Roberto?"	- Как ты будешь пить, дон Роберто?
"Do you want some?" Robert Jordan asked him.	- А ты хочешь? - спросил Роберт Джордан.
Pablo shook his head.	Пабло покачал головой.

"I am making myself drunk with wine," he said with dignity.	- Я напиваюсь вином, - с достоинством ответил он.
"Go with Bacchus," Robert Jordan said in Spanish.	- Ну и ступай к своему Бахусу, - сказал по-испански Роберт Джордан.
"Who is Bacchus?" Pablo asked. "A comrade of thine," Robert Jordan said. "Never have I heard of him," Pablo said heavily.	- Первый раз про такого слышу, - с трудом выговорил Пабло.
"Never in these mountains."	- Здесь, в горах, такого нет.

"Give a cup to Anselmo," Robert Jordan said to Maria.	- Налей Ансельмо, - сказал Роберт Джордан Марии.

"It is he who is cold."	- Вот кто действительно прозяб.
He was putting on the dry pair of socks and the whiskey and water in the cup tasted clean and thinly warming.	Он надевал сухие носки, ощущая во рту чистый и чуть обжигающий вкус виски с водой.
But it does not curl around inside of you the way the absinthe does, he thought.	Но это не то что абсент, это не обволакивает все внутри, думал он.
There is nothing like absinthe.	Лучше абсента ничего нет.
Who would imagine they would have whiskey up here, he thought.	Кто бы мог представить себе, что здесь найдется виски, думал он.

But La Granja was the most likely place in Spain to find it when you thought it over.	Но если уж на то пошло, так единственное место во всей Испании, где можно рассчитывать на виски, - это Ла-Гранха.
Imagine Sordo getting a bottle for the visiting dynamiter and then remembering to bring it down and leave it.	Но каков Эль Сордо - мало того что расстарался достать бутылку виски для гостя-динамитчика, он еще не забыл захватить ее с собой и оставил здесь.
It wasn't just manners that they had.	Это у них не простая любезность!

Manners would have been producing the bottle and having a formal drink.	Любезность - это выставить бутылку и церемонно выпить с гостем.
That was what the French would have done and then they would have saved what was left for another occasion.	Так и сделал бы француз и приберег бы оставшееся для другого случая.

No, the true thoughtfulness of thinking the visitor would like it and then bringing it down for him to enjoy when you yourself were engaged in something where there was every reason to think of no one else but yourself and of nothing but the matter in hand- -that was Spanish.	Но проявить неподдельное внимание к гостю, в своей предупредительности не только достать то, что ему может быть приятно, но принести и оставить, в то время как сам занят чем-то таким, что дает все основания думать лишь о самом себе и о своем деле, - на это способны только испанцы.
One kind of Spanish, he thought.	Лучшие из них.

Remembering to bring the whiskey was one of the reasons you loved these people.	Не забывают захватить с собой виски - вот одна из тех особенностей, за которые ты любишь этот народ.
Don't go romanticizing them, he thought.	Не надо романтизировать их, подумал он.
There are as many sorts of Spanish as there are Americans.	Испанцы бывают разные, так же как и американцы.
But still, bringing the whiskey was very handsome.	Но все-таки захватить с собой виски - это просто великолепно.
"How do you like it?" he asked Anselmo.	- Ну как, нравится? - спросил он Ансельмо.

The old man was sitting by the fire with a smile on his face, his big hands holding the cup.	Старик сидел у очага и улыбался, держа кружку своими большими руками.
He shook his head.	Он покачал головой.
"No?" Robert Jordan asked him.	- Нет? - спросил его Роберт Джордан.

"The child put water in it," Anselmo said.	- Девочка налила сюда воды, - сказал Ансельмо.
"Exactly as Roberto takes it," Maria said.	- Роберто так пьет, - сказала Мария.
"Art thou something special?"	- Ты что, какой-нибудь особенный, что тебе надо по-другому?
"No," Anselmo told her.	- Нет, - ответил ей Ансельмо.

"Nothing special at all. But I like to feel it burn as it goes down."	- Я не особенный. Но я люблю, когда оно жжет.
"Give me that," Robert Jordan told the girl, "and pour him some of that which burns."	- Дай это мне, - сказал Роберт Джордан девушке, -а ему налей так, чтобы жгло.
He tipped the contents of the cup into his own and handed it back empty to the girl, who poured carefully into it from the bottle.	Он слил оставшееся у Ансельмо виски себе и вернул пустую кружку девушке, а она осторожно налила в нее из бутылки.
"Ah," Anselmo took the cup, put his head back and let it run down his throat.	- А-а. - Ансельмо взял кружку, запрокинул голову и залпом выпил все.

He looked at Maria standing holding the bottle and winked at her, tears coming from both eyes.	Потом посмотрел на Марию, которая стояла возле него с бутылкой, и подмигнул ей заслезившимися глазами.
"That," he said.	- Вот, - сказал он.
"That."	- Вот это так.
Then he licked his lips.	- Потом облизнул губы.
"That is what kills the worm that haunts us."	- Вот чем надо убивать червячка, который нас точит.
"Roberto," Maria said and came over to him, still holding the bottle.	- Роберто, - сказала Мария и подошла к нему, все еще держа бутылку.
"Are you ready to eat?"	- Теперь можно тебе подавать?
"Is it ready?"	- А готово?

"It is ready when you wish it."	- Готово, дело за тобой.
"Have the others eaten?"	- Все уже поели?
"All except you, Anselmo and Fernando."	- Все, кроме тебя, Ансельмо и Фернандо.
"Let us eat then," he told her.	- Что ж, будем ужинать, - сказал он ей.
"And thou?"	- А ты?
"Afterwards with Pilar."	- Потом, вместе с Пилар.
"Eat now with us."	- Садись с нами.
"No.	- Нет.
It would not be well."	Это нехорошо.
"Come on and eat.	- Садись и ешь.

In my country a man does not eat before his woman."	В моей стране муж не станет есть прежде жены.
"That is thy country.	- Это в твоей стране.

Here it is better to eat after."	А здесь лучше потом.
"Eat with him," Pablo said, looking up from the table.	- Ешь с ним, - сказал Пабло, взглянув на нее.
"Eat with him.	- Ешь с ним.
Drink with him.	Пей с ним.
Sleep with him.	Спи с ним.
Die with him.	Умирай с ним.
Follow the customs of his country."	Делай все, как делают в его стране.

"Are you drunk?" Robert Jordan said, standing in front of Pablo.	- Ты пьян? - сказал Роберт Джордан, подойдя к столу.
The dirty, stubble-faced man looked at him happily.	Пабло, грязный, небритый, с блаженным видом уставился на него.
"Yes," Pablo said.	- Да, - сказал Пабло.
"Where is thy country, _Ingles_, where the women eat with the men?"	- А из какой ты страны, Ingles? Где это женщины едят вместе с мужчинами?
"In _Estados Unidos_ in the state of Montana."	- В Estados Unidos, штат Монтана.
"Is it there that the men wear skirts as do the women?"	- Это у вас мужчины ходят в юбках, как женщины?
"No.	- Нет.
That is in Scotland."	Это в Шотландии.

"But listen," Pablo said.	- Послушай, Ingles, - сказал Пабло.
"When you wear skirts like that, _Ingles_--"	- Когда ты ходишь в юбке...
"I don't wear them," Robert Jordan said.	-Я не хожу в юбке, - сказал Роберт Джордан.
"When you are wearing those skirts," Pablo went on, "what do you wear under them?"	- Когда ты ходишь в юбке, - продолжал Пабло, -что у тебя надето под низом?
"I don't know what the Scotch wear," Robert Jordan said.	- Я не знаю, что шотландцы носят под юбкой, -сказал Роберт Джордан.
"I've wondered myself."	- Меня самого это всегда интересовало.
"Not the _Escoceses_," Pablo said.	- При чем тут Escoceses? - сказал Пабло.

"Who cares about the _Escoceses?_ Who cares about anything with a name as rare as that?	- Кому какое дело до Escoceses? Кому какое дело до людей, которые так чудно называются.
Not me. I don't care.	Мне на них наплевать.
You, I say, _Ingles_.	Я спрашиваю про тебя, Ingles.
You.	Про тебя.
What do you wear under your skirts in your country?"	Что ты носишь под низом, когда ходишь в юбке.
"Twice I have told you that we do not wear skirts," Robert Jordan said.	- Я тебе уже два раза сказал, что у нас в юбках не ходят, - ответил ему Роберт Джордан.
"Neither drunk nor in joke."	- Ни спьяну, ни для смеха.

"But under your skirts," Pablo insisted.	- Нет, а под юбкой-то что? - твердил свое Пабло.

"Since it is well known that you wear skirts.	- Ведь все знают, что у вас ходят в юбках.
Even the soldiers.	Даже солдаты.
I have seen photographs and also I have seen them in the Circus of Price.	Я видел на картинках и в цирке Прайса тоже видал.
What do you wear under your skirts, _Ingles?_"	Что у тебя под юбкой, Ingles?
"_Los cojones_," Robert Jordan said.	- Все, что нужно, - сказал Роберт Джордан.

Anselmo laughed and so did the others who were listening; all except Fernando.	Ансельмо рассмеялся, и остальные, прислушивавшиеся к разговору, тоже рассмеялись - все, кроме Фернандо.
The sound of the word, of the gross word spoken before the women, was offensive to him.	Ему было неприятно, что такой грубый разговор завели при женщинах.
"Well, that is normal," Pablo said.	- Ну что ж, так и должно быть, - сказал Пабло.
"But it seems to me that with enough _cojones_ you would not wear skirts."	- Но у кого все, что нужно, на месте, тот, мне кажется, юбку не надевает.

"Don't let him get started again, _Ingles_," the flat-faced man with the broken nose who was called Primitivo said.	- Не связывайся с ним, Ingles, - сказал плосколицый, со сломанным носом, которого звали Примитиво.
"He is drunk.	- Он пьян.
Tell me, what do they raise in your country?"	Лучше расскажи, что у вас разводят, в вашей стране.
"Cattle and sheep," Robert Jordan said.	- Рогатый скот и овец, - сказал Роберт Джордан.
"Much grain also and beans.	- Хлеба и бобов у нас тоже много.
And also much beets for sugar."	И сахарная свекла есть.

The three were at the table now and the others sat close by except Pablo, who sat by himself in front of a bowl of the wine.	Роберт Джордан, Ансельмо и Фернандо теперь сидели за столом, и остальные придвинулись к ним - все, кроме Пабло, который сидел один перед миской с вином.
It was the same stew as the night before and Robert Jordan ate it hungrily.	Подали тушеное мясо, такое же, как накануне, и Роберт Джордан с жадностью накинулся на еду.
"In your country there are mountains?	- А горы у вас есть?
With that name surely there are mountains," Primitivo asked politely to make conversation.	Судя по названию, в такой стране должны быть горы, - вежливо сказал Примитиво, стараясь поддержать разговор.

He was embarrassed at the drunkenness of Pablo.	Ему было стыдно за пьяного Пабло.
"Many mountains and very high."	-Гор много, и есть очень высокие.
"And are there good pastures?"	- А пастбища хорошие?
"Excellent; high pasture in the summer in forests controlled by the government.	- Замечательные! Летние высокогорные пастбища, которые принадлежат государству.
Then in the fall the cattle are brought down to the lower ranges."	А осенью скот перегоняют с гор вниз.
"Is the land there owned by the peasants?"	- А земля у вас кому принадлежит - крестьянам?

"Most land is owned by those who farm it.	- Земля большей частью принадлежит тем, кто ее обрабатывает.
Originally the land was owned by the state and by living on it and declaring the intent~on of improving it, a man could obtain a title to a hundred and fifty hectares."	Сначала она принадлежала государству, но если человек выбирал себе участок и делал заявку, что он будет его обрабатывать, ему давалось право владения на сто пятьдесят гектаров.
"Tell me how this is done," Agustin asked.	- Расскажи, как это делалось, - попросил Агустин.
"That is an agrarian reform which means something."	- Такая аграрная реформа мне нравится.
Robert Jordan explained the process of homesteading.	Роберт Джордан объяснил сущность гомстед-акта.

He had never thought of it before as an agrarian reform.	Ему никогда не приходило в голову, что это можно счесть аграрной реформой.
"That is magnificent," Primitivo said.	- Здорово! - сказал Примитиво.
"Then you have a communism in your country?"	- Значит, у вас в стране коммунизм.
"No.	- Нет.
That is done under the Republic."	У нас республика.
"For me," Agustin said, "everything can be done under the Republic.	- Я считаю, - сказал Агустин, - что при республике всего можно добиться.

I see no need for other form of government."	По-моему, никакого другого правительства и не надо.
"Do you have no big proprietors?" Andres asked.	- А крупных собственников у вас нет? - спросил Андрес.
"Many."	- Есть, и очень много.
"Then there must be abuses."	- Значит, несправедливости тоже есть.
"Certainly.	- Ну, еще бы!
There are many abuses."	Несправедливостей много.
"But you will do away with them?"	- Но вы с ними боретесь?
"We try to more and more.	- Стараемся, все больше и больше.

But there are many abuses still."	Но все-таки несправедливостей много.
"But there are not great estates that must be broken up?"	- А есть у вас большие поместья, которые надо разделить на части?
"Yes.	-Да.
But there are those who believe that taxes will break them up."	Но есть люди, которые думают, что такие поместья сами по себе разобьются на части, если облагать их высоким налогом.
"How?"	- Как же это?
Robert Jordan, wiping out the stew bowl with bread, explained how the income tax and inheritance tax worked.	Подбирая хлебом соус, Роберт Джордан объяснил систему подоходных налогов и налогов на наследство.

"But the big estates remain. Also there are taxes on the land," he said.	- Впрочем, крупные поместья стоят как ни в чем не бывало, - сказал он, - хотя у нас есть еще и поземельный налог.

"But surely the big proprietors and the rich will make a revolution against such taxes.	- Но ведь когда-нибудь крупные собственники и богачи восстанут против таких налогов?
Such taxes appear to me to be revolutionary.	По-моему, такие налоги могут вызвать переворот.
They will revolt against the government when they see that they are threatened, exactly as the fascists have done here," Primitivo said.	Недовольные восстанут против правительства, когда поймут, чем это грозит им, вот как у нас сделали фашисты, - сказал Примитиво.
"It is possible."	- Очень возможно.

"Then you will have to fight in your country as we fight here."	- Тогда вам придется воевать, так же как нам.
"Yes, we will have to fight."	- Да, нам придется воевать.
"But are there not many fascists in your country?"	- А много в вашей стране фашистов?
"There are many who do not know they are fascists but will find it out when the time comes."	- Много таких, которые еще сами не знают, что они фашисты, но придет время, и им станет это ясно.
"But you cannot destroy them until they rebel?"	- А разве нельзя расправиться с ними, пока они еще не подняли мятеж?
"No," Robert Jordan said.	- Нет, - сказал Роберт Джордан.

"We cannot destroy them.	- Расправиться с ними нельзя.
But we can educate the people so that they will fear fascism and recognize it as it appears and combat it."	Но можно воспитывать людей так, чтобы они боялись фашизма и сумели распознать его, когда он проявится, и выступить на борьбу с ним.
"Do you know where there are no fascists?" Andres asked.	- А знаешь, где нет ни одного фашиста? - спросил Андрес.
"Where?"	-Где?
"In the town of Pablo," Andres said and grinned.	- В том городе, откуда Пабло, - сказал Андрес и усмехнулся.
"You know what was done in that village?" Primitivo asked Robert Jordan.	- Ты знаешь, что у них там было? - спросил Роберта Джордана Примитиво.

"Yes.	-Да.
I have heard the story."	Я слышал об этом.
"From Pilar?"	- Тебе Пилар рассказывала?
"Yes."	-Да.
"You could not hear all of it from the woman," Pablo said heavily. "Because she did not see the end of it because she fell from a chair outside of the window."	- Всего она не могла тебе рассказать, - тяжело выговорил Пабло.
"You tell him what happened then," Pilar said.	- Тогда ты сам расскажи, - сказала Пилар.
"Since I know not the story, let you tell it."	- Если я ничего не знаю, расскажи сам.
"Nay," Pablo said.	- Нет, - сказал Пабло.

"I have never told it."	- Я никому об этом не рассказывал.
"No," Pilar said.	- Да, - сказала Пилар.

"And you will not tell it.	- И никогда не расскажешь.
And now you wish it had not happened."	И ты дорого бы дал, чтобы этого не было.
"No," Pablo said.	- Нет, - сказал Пабло.
"That is not true.	- Неправда.
And if all had killed the fascists as I did we would not have this war.	Если бы повсюду расправились с фашистами, как я расправился, война бы у нас не началась.
But I would not have had it happen as it happened."	Но я бы хотел, чтобы все это было сделано по-другому.

"Why do you say that?" Primitivo asked him.	- Почему ты так говоришь? - спросил его Примитиво.
"Are you changing your politics?"	- Разве ты теперь иначе смотришь на политику?
"No.	- Нет.
But it was barbarous," Pablo said.	Но там было много зверства, - сказал Пабло.
"In those days I was very barbarous."	- В те дни я был злой, как зверь.
"And now you are drunk," Pilar said.	- А сейчас ты пьяный, - сказала Пилар.
"Yes," Pablo said.	- Да, - сказал Пабло.
"With your permission."	- С вашего разрешения, я пьяный.

"I liked you better when you were barbarous," the woman said.	- Зверем ты мне больше нравился, - сказала женщина.
"Of all men the drunkard is the foulest.	- Пьяница - это гаже всего.
The thief when he is not stealing is like another.	Вор, когда он не ворует, - человек как человек.
The extortioner does not practise in the home.	Мошенник не станет обманывать своих.
The murderer when he is at home can wash his hands.	Убийца придет домой и вымоет руки.
But the drunkard stinks and vomits in his own bed and dissolves his organs in alcohol."	Но пьяница смердит и блюет в собственной постели и сжигает себе все нутро спиртом.

"You are a woman and you do not understand," Pablo said equably.	- Ты женщина, и ты ничего не понимаешь, -спокойно сказал Пабло.
"I am drunk on wine and I would be happy except for those people I have killed.	- Я пьян от вина, и у меня было бы хорошо на душе, если б не люди, которых я убил.
All of them fill me with sorrow."	Мне горько о них думать.
He shook his head lugubriously.	- Он мрачно покачал головой.
"Give him some of that which Sordo brought," Pilar said.	- Дайте ему того, что Эль Сордо принес, - сказала Пилар.
"Give him something to animate him.	- Дайте ему, пусть приободрится хоть немного.
He is becoming too sad to bear."	А то так загрустил, что мочи нет смотреть.

"If I could restore them to life, I would," Pablo said.	- Если бы я мог вернуть им жизнь, я бы вернул, -сказал Пабло.
"Go and obscenity thyself," Agustin said to him.	- Иди ты, так тебя и так, - сказал Агустин.

"What sort of place is this?"	- Ты где это говоришь?
"I would bring them all back to life," Pablo said sadly.	- Я бы их всех-воскресил, - грустно сказал Пабло.
"Every one."	- Всех до единого!
"Thy mother," Agustin shouted at him.	- Заткни глотку! - заорал на него Агустин.
"Stop talking like this or get out.	- Заткни глотку или убирайся отсюда вон.
Those were fascists you killed."	Ведь ты фашистов убивал!

"You heard me," Pablo said.	-Ты меня слышал, - сказал Пабло.
"I would restore them all to life."	- Я бы воскресил их всех.
"And then you would walk on the water," Pilar said.	- А потом пошел бы по водам, как посуху, -сказала Пилар.
"In my life I have never seen such a man.	- В жизни не видела другого такого человека!
Up until yesterday you preserved some remnants of manhood.	Вчера в тебе еще было немного мужества.
And today there is not enough of you left to make a sick kitten.	А сегодня ничего не осталось, и на полудохлого котенка не хватит.
Yet you are happy in your soddenness."	И он еще радуется собственной мерзости.

"We should have killed all or none," Pablo nodded his head.	- Надо было или всех убить, или никого не убивать. - Пабло мотнул головой.
"All or none."	- Всех или никого.
"Listen, _Ingles_," Agustin said.	- Слушай, Ingles, - сказал Агустин.
"How did you happen to come to Spain?	- Как это случилось, что ты приехал в Испанию?
Pay no attention to Pablo.	Не обращай внимания на Пабло.
He is drunk."	Он пьян.
"I came first twelve years ago to study the country and the language," Robert Jordan said.	- Первый раз я приехал двенадцать лет тому назад, хотел изучить страну и язык, - сказал Роберт Джордан.
"I teach Spanish in a university."	- Я преподаю испанский в университете.

"You look very little like a professoi" Primitivo said.	- А ты ничуть не похож на профессора, - сказал Примитиво.
"He has no beard," Pablo said.	- У него нет бороды, - сказал Пабло.
"Look at him. He has no beard."	- Вы смотрите, у него нет бороды.
"Are you truly a professor?"	-Ты правда профессор?
"An instructor."	- Преподаватель.
"But you teach?"	- Но ты учишь кого-то?
"Yes."	-Да.
"But why Spanish?" Andres asked.	- Но почему испанскому языку? - спросил Андрес.

"Would it not be easier to teach English since you are English?"	- Ведь ты англичанин, тебе было бы проще учить английскому.
"He speaks Spanish as we do," Anselmo said.	- Он говорит по-испански не хуже нас, - сказал Ансельмо.
"Why should he not teach Spanish?"	- Почему же ему не учить других испанскому языку.
"Yes.	-Да-
But it is, in a way, presumptuous for a foreigner to teach Spanish," Fernando said.	Но все-таки не много ли на себя берет тот иностранец, который учит испанскому языку? -сказал Фернандо.
"I mean nothing against you, Don Roberto."	- Я тебя ничем не хочу обидеть, дон Роберто.

"He's a false professor," Pablo said, very pleased with himself.	- Он не настоящий профессор, - сказал Пабло, очень довольный собой.
"He hasn't got a beard."	- У него нет бороды.
"Surely you know English better," Fernando said.	- Ведь английский язык ты знаешь лучше, -продолжал Фернандо.
"Would it not be better and easier and clearer to teach English?"	- По-моему, учить по-английски тебе было бы и легче и проще.
"He doesn't teach it to Spaniards--" Pilar started to intervene.	- Ведь он не испанцев учит, - перебила его Пилар.
"I should hope not," Fernando said.	- Надеюсь, что не испанцев, - сказал Фернандо.

"Let me finish, you mule," Pilar said to him.	- Дай договорить, упрямый мул, - сказала ему Пилар.
"He teaches Spanish to Americans.	- Он учит испанскому языку американцев.
North Americans."	Северных американцев.
"Can they not speak Spanish?" Fernando asked.	- Разве они не говорят по-испански? - спросил Фернандо.
"South Americans can."	- Южные американцы говорят.
"Mule," Pilar said.	- Упрямый мул, - сказала Пилар.
"He teaches Spanish to North Americans who speak English."	- Она учит испанскому языку северных американцев, которые говорят по-английски.

"Still and all I think it would be easier for him to teach English if that is what he speaks," Fernando said.	- А все-таки ему легче было бы учить английскому языку, раз он сам говорит по-английски, - сказал Фернандо.
"Can't you hear he speaks Spanish?"	- Разве ты не слышишь, что он говорит по-испански?
Pilar shook her head hopelessly at Robert Jordan.	- Пилар посмотрела на Роберта Джордана и с безнадежным видом покачала головой.
"Yes.	- Да, говорит.
But with an accent."	Но с акцентом.
"Of where?" Robert Jordan asked.	- С каким? - спросил Роберт Джордан.

"Of Estremadura," Fernando said primly.	- С эстремадурским, - чопорно ответил Фернандо.
"Oh my mother," Pilar said.	- Ох, мать родимая! - сказала Пилар.
"What a people!"	- Что за народ!
"It is possible," Robert Jordan said.	- Очень возможно, - сказал Роберт Джордан.
"I have come here from there."	- Я как раз оттуда и приехал.
"As he well knows," Pilar said.	-И он это знает, - сказала Пилар.
"You old maid," she turned to Fernando.	- Эй, ты, старая дева. - Она повернулась к Фернандо.
"Have you had enough to eat?"	- Наелся? Хватило тебе?

"I could eat more if there is a sufficient quantity," Fernando told her.	- Я бы ел еще, если бы знал, что еды у нас достаточно, - ответил ей Фернандо.
"And do not think that I wish to say anything against you, Don Roberto--"	- А ты, пожалуйста, не думай, дон Роберто, я против тебя ничего не имею.
"Milk," Agustin said simply.	-Так тебя, - коротко сказал Агустин.
"And milk again.	- И еще раз так тебя.
Do we make the revolution in order to say Don Roberto to a comrade?"	- Для того ли мы делали революцию, чтобы называть товарища доном Роберто?

"For me the revolution is so that all will say Don to all," Fernando said.	- По-моему, теперь, после революции, мы все можем называть друг друга "дон", - сказал Фернандо.
"Thus should it be under the Republic."	- Так оно и должно быть при Республике.
"Milk," Agustin said.	-Так тебя, - сказал Агустин.
"Black milk."	- Так и так!
"And I still think it would be easier and clearer for Don Roberto to teach English."	- И я стою на своем: дону Роберто было бы гораздо легче и проще учить английскому языку.
"Don Roberto has no beard," Pablo said.	- У дона Роберто нет бороды, - сказал Пабло.
"He is a false professor."	- Он не настоящий профессор.

"What do you mean, I have no beard?" Robert Jordan said.	- То есть как так нет бороды? - сказал Роберт Джордан.
"What's this?"	- А это что?
He stroked his chin and his cheeks where the threeday growth made a blond stubble.	- Он погладил себя по щекам и подбородку, покрытым трехдневной светлой щетиной.
"Not a beard," Pablo said. He shook his head.	- Какая же это борода? - сказал Пабло.
"That's not a beard."	- Это не борода.
He was almost jovial now.	- Пабло почти развеселился.
"He's a false professor."	- Он дутый профессор.

"I obscenity in the milk of all," Agustin said, "if it does not seem like a lunatic asylum here."	- Так и так вас всех, - сказал Агустин. - Тут прямо какой-то сумасшедший дом.
"You should drink," Pablo said to him.	- А ты выпей, - сказал ему Пабло.

"To me everything appears normal.	- Мне, например, кажется, что все так, как оно и должно быть.
Except the lack of beard of Don Roberto."	Вот только у дона Роберто нет бороды.
Maria ran her hand over Robert Jordan's cheek.	Мария провела ладонью по щеке Роберта Джордана.
"He has a beard," she said to Pablo.	- У него есть борода, - сказала она Пабло.

"You should know," Pablo said and Robert Jordan looked at him.	- Тебе лучше знать, - сказал Пабло, и Роберт Джордан взглянул на него.
I don't think he is so drunk, Robert Jordan thought.	Я не верю, что он так уж пьян, подумал Роберт Джордан.
No, not so drunk.	Нет, он не пьян.
And I think I had better watch myself.	И с ним надо быть начеку.
"Thou," he said to Pablo.	- Слушай, ты, Пабло, - сказал он.
"Do you think this snow will last?"	- Как по-твоему, снег долго будет идти?
"What do you think?"	- А по-твоему как?
"I asked you."	- Я тебя спрашиваю.
"Ask another," Pablo told him.	- Спрашивай других, - ответил ему Пабло.

"I am not thy service of information.	- Я тебе не разведка.
You have a paper from thy service of information.	У тебя ведь бумажка от вашей разведки.
Ask the woman.	Спрашивай женщину.
She commands."	Теперь она командует.
"I asked thee."	- Я спрашиваю тебя.
"Go and obscenity thyself," Pablo told him.	- Иди ты, так тебя и так, - ответил ему Пабло.
"Thee and the woman and the girl."	- И тебя, и женщину, и девчонку.
"He is drunk," Primitivo said.	- Он пьян, - сказал Примитиво.
"Pay him no heed, _Ingles_."	- Не обращай на него внимания, Ingles.

"I do not think he is so drunk," Robert Jordan said.	- По-моему, он не так уж пьян, - сказал Роберт Джордан.
Maria was standing behind him and Robert Jordan saw Pablo watching her over his shoulder.	Мария стояла позади Роберта Джордана, и он видел, что Пабло смотрит на нее через его плечо.

The small eyes, like a boar's, were watching her out of the round, stubble-covered head and Robert Jordan thought: I have known many killers in this war and some before and they were all different; there is no common trait nor feature; nor any such thing as the criminal type; but Pablo is certainly not handsome.	Маленькие кабаньи глазки смотрели на нее с круглого, заросшего щетиной лица, и Роберт Джордан подумал: многих убийц приходилось мне видеть и за эту войну, и раньше, и все они разные - один на другого не похож. Нет каких-то общих признаков или особенностей, и преступный тип - это тоже выдумка. Но Пабло, да, Пабло, конечно, не красавец!
"I don't believe you can drink," he said to Pablo.	- Я не верю, что ты умеешь пить, - сказал он Пабло.

"Nor that you're drunk."	- И не верю, что ты пьян.

"I am drunk," Pablo said with dignity.	- Я пьян, - с достоинством сказал Пабло.
"To drink is nothing.	- Пить - это пустяки.
It is to be drunk that is important. _Estoy muy borracho_."	Все дело в том, чтобы уметь напиваться. Estoy muy borracho.
"I doubt it," Robert Jordan told him.	- Сомневаюсь, - ответил ему Роберт Джордан.
"Cowardly, yes."	- Трус ты - вот это верно.
It was so quiet in the cave, suddenly, that he could hear the hissing noise the wood made burning on the hearth where Pilar cooked.	В пещере вдруг стало так тихо, что он услышал, как шипят дрова в очаге, около которого возилась Пилар.
He heard the sheepskin crackle as he rested his weight on his feet.	Он слышал, как захрустела овчина, когда он стал на нее всей своей тяжестью.

He thought he could almost hear the snow falling outside.	Ему казалось, что он даже слышит, как падает снег.
He could not, but he could hear the silence where it fell.	Этого не могло быть, но тишину там, где падал снег, он слышал.
I'd like to kill him and have it over with, Robert Jordan was thinking.	Надо убить его и покончить со всем этим, думал Роберт Джордан.
I don't know what he is going to do, but it is nothing good.	Не знаю, что у него на уме, но ничего хорошего я от него не жду.
Day after tomorrow is the bridge and this man is bad and he constitutes a danger to the success of the whole enterprise.	Послезавтра мост, а этот человек ненадежен, и он может сорвать мне все дело.
Come on.	Нечего тянуть.

Let us get it over with.	Надо покончить с этим!
Pablo grinned at him and put one finger up and wiped it across his throat.	Пабло ухмыльнулся, поднял указательный палец и провел им себе по горлу.
He shook his head that turned only a little each way on his thick, short neck.	Потом покачал головой, еле-еле поворачивавшейся на его короткой, толстой шее.
"Nay, _Ingles_," he said.	- Нет, Ingles, - сказал он.
"Do not provoke me."	- Я на эту удочку не попадусь.
He looked at Pilar and said to her,	Он посмотрел на Пилар и сказал ей:
"It is not thus that you get rid of me."	-Так от меня не отделаешься.

"_Sinverguenza_," Robert Jordan said to him, committed now in his own mind to the action. "_Cobarde_."	- Sinverguenza, - сказал ему Роберт Джордан, уже окончательно решивший действовать. - Cabarde.
"It is very possible," Pablo said.	- Что ж, может быть, - сказал Пабло.
"But I am not to be provoked.	- А все-таки я на эту удочку не попадусь.
Take something to drink, _Ingles_, and signal to the woman it was not successful."	Выпей, Ingles, и мигни женщине, что, мол, ничего у нее не вышло.

"Shut thy mouth," Robert Jordan said.	- Заткнись, - сказал Роберт Джордан. - Она тут ни при чем.
"I provoke thee for myself."	Я сам хочу тебя раззадорить.

"It is not worth the trouble," Pablo told him.	- Не стоит трудиться, - ответил ему Пабло.
"I do not provoke."	- Я не поддамся.
"Thou art a _bicho raro_," Robert Jordan said, not wanting to let it go; not wanting to have it fail for the second time; knowing as he spoke that this had all been gone through before; having that feeling that he was playing a part from memory of something that he had read or had dreamed, feeling it all moving in a circle.	- Ты bicho raro, - сказал ему Роберт Джордан, не желая упускать случай, не желая дать маху во второй раз; ему казалось, что все это когда-то уже было, что круг замкнулся, что он будто повторяет на память то ли вычитанное из книг, то ли приснившееся во сне.
"Very rare, yes," Pablo said.	- Да, я подлый, - сказал Пабло.

"Very rare and very drunk.	- Очень подлый и очень пьяный.
To your health, _Ingles_."	За твое здоровье, Ingles.
He dipped a cup in the wine bowl and held it up. "_Salud y cojones_."	- Он зачерпнул вина из миски и поднял кружку. -Salud!
He's rare, all right, Robert Jordan thought, and smart, and very complicated.	Да, ты подлый, думал Роберт Джордан, и хитрый, и далеко не простой.
He could no longer hear the fire for the sound of his own breathing.	Он дышал так громко, что уже не слышал шипенья дров в очаге.
"Here's to you," Robert Jordan said, and dipped a cup into the wine.	- За твое здоровье, - сказал Роберт Джордан и зачерпнул вина из миски.

Betrayal wouldn't amount to anything without all these pledges, he thought.	Без тостов и предательство не предательство, подумал он.
Pledge up. "_Salud_," he said. "_Salud_ and _Salud_ again," you _salud_, he thought. _Salud_, you _salud_.	Не отставай и ты. - Salud, - сказал он. - Salud и еще раз salud. - Ах ты, salud, подумал он. Вот тебе, salud, получай!
"Don Roberto," Pablo said heavily.	- Дон Роберто, - тяжело выговорил Пабло.
"Don Pablo," Robert Jordan said.	- Дон Пабло, - сказал Роберт Джордан.
"You're no professor," Pablo said, "because you haven't got a beard.	- Ты не профессор, - сказал Пабло, - потому что у тебя нет бороды.

And also to do away with me you have to assassinate me and, for this, you have not _cojones_."	А чтобы разделаться со мной, ты должен меня убить, а на это у тебя кишка тонка.
He was looking at Robert Jordan with his mouth closed so that his lips made a tight line, like the mouth of a fish, Robert Jordan thought.	Он смотрел на Роберта Джордана, так крепко сжав губы, что они превратились в узкую полоску. Рыбий рот, подумал Роберт Джордан.
With that head it is like one of those porcupine fish that swallow air and swell up after they are caught.	И голова круглая, как у тех рыб, которые заглатывают воздух, когда их вытаскивают из воды, и раздуваются шаром.
"_Salud_, Pablo," Robert Jordan said and raised the cup up and drank from it.	- Salud, Пабло, - сказал Роберт Джордан, поднял кружку и отхлебнул виски.

"I am learning much from thee."	- Я от тебя многому научился.

"I am teaching the professor," Pablo nodded his head.	- Я, значит, учу профессора. - Пабло кивнул.
"Come on, Don Roberto, we will be friends."	- Мы с тобой будем друзьями, дон Роберто.
"We are friends already," Robert Jordan said.	- Мы и так друзья, - сказал Роберт Джордан.
"But now we will be good friends."	- Нет, мы будем добрыми друзьями.
"We are good friends already."	- Мы и так добрые друзья.
"I'm going to get out of here," Agustin said.	- Уйду-ка я отсюда, - сказал Агустин.

"Truly, it is said that we must eat a ton of it in this life but I have twenty-five pounds of it stuck in each of my ears this minute."	- Ведь вот, говорят, будто человек должен съесть за свою жизнь тонну этого добра, а у меня уже сейчас по двадцать пять фунтов в каждом ухе застряло.
"What is the matter, _negro?_" Pablo said to him.	- А ты чего взъерепенился, черномазый? - сказал ему Пабло.
"Do you not like to see friendship between Don Roberto and me?"	- Не нравится, что мы подружились с доном Роберто?
"Watch your mouth about calling me _negro_."	-Ты поосторожнее насчет черномазых.
Agustin went over to him and stood in front of Pablo holding his hands low.	- Агустин подошел к Пабло и остановился перед ним, низко держа стиснутые кулаки.

"So you are called," Pablo said.	-Так тебя называют, - сказал Пабло.
"Not by thee."	- Не тебе меня так называть.
"Well, then, _blanco_--"	- Ну, назову белый...
"Nor that, either."	- И так не позволю.
"What are you then, Red?"	- Какой же ты - красный?
"Yes.	-Да.
Red. _Rojo_.	Красный. Rojo.
With the Red star of the army and in favor of the Republic.	Ношу красную звезду и стою за Республику.
And my name is Agustin."	А зовут меня Агустин.
"What a patriotic man," Pablo said.	- Какой патриот, - сказал Пабло.

"Look, _Ingles_, what an exemplary patriot."	- Посмотри, Ingles, какой примерный патриот.
Agustin hit him hard across the mouth with his left hand, bringing it forward in a slapping, backhand sweep.	Агустин ударил его по губам тыльной стороной левой руки.
Pablo sat there.	Пабло не двинулся.
The corners of his mouth were wine-stained and his expression did not change, but Robert Jordan watched his eyes narrow, as a cat's pupils close to vertical slits in a strong light.	Уголки губ у него были мокрые от вина, выражение лица не изменилось, но Роберт Джордан заметил, что глаза Пабло сузились, точно у кошки на ярком свету, когда от зрачка остается только вертикальная щелочка.
"Nor this," Pablo said.	- И так не выйдет, - сказал Пабло.

"Do not count on this, woman."	- На это не рассчитывай, женщина.

He turned his head toward Pilar.	- Он повернул голову к Пилар.
"I am not provoked."	- Я не поддамся.
Agustin hit him again.	Агустин ударил Пабло еще раз.
This time he hit him on the mouth with his closed fist.	Теперь он ударил его кулаком.
Robert Jordan was holding his pistol in his hand under the table.	Роберт Джордан держал руку под столом на револьвере.
He had shoved the safety catch off and he pushed Maria away with his left hand.	Он спустил предохранитель и левой рукой оттолкнул Марию.

She moved a little way and he pushed her hard in the ribs with his left hand again to make her get really away.	Она отступила на шаг, и тогда он сильно толкнул ее в бок, чтобы она отошла совсем.
She was gone now and he saw her from the corner of his eye, slipping along the side of the cave toward the fire and now Robert Jordan watched Pablo's face.	На этот раз Мария послушалась, и он увидел уголком глаза, как она скользнула вдоль стены пещеры к очагу, и тогда Роберт Джордан перевел взгляд на Пабло.
The round-headed man sat staring at Agustin from his flat little eyes.	Круглая голова Пабло была повернута к Агустину, маленькие тусклые глазки смотрели на него в упор.
The pupils were even smaller now.	Зрачки у Пабло сузились еще больше.

He licked his lips then, put up an arm and wiped his mouth with the back of his hand, looked down and saw the blood on his hand.	Он облизнул губы, поднял руку, вытер рот и, опустив глаза, увидел кровь на руке.
He ran his tongue over his lips, then spat.	Он провел языком по губам и сплюнул.
"Nor that," he said.	- И так не выйдет, - сказал он.
"I am not a fool.	- Нашли дурака.
I do not provoke."	Я на это не поддамся.
"_Cabron_," Agustin said.	- Cabron, - сказал Агустин.
"You should know," Pablo said.	- Ну, еще бы, - сказал Пабло.
"You know the woman."	- Ты ведь знаешь, какого этой женщине нужно.

Agustin hit him again hard in the mouth and Pablo laughed at him, showing the yellow, bad, broken teeth in the reddened line of his mouth.	Агустин в третий раз ударил его, и Пабло засмеялся, показав гнилые, желтые, искрошенные зубы в покрасневшей полоске рта.
"Leave it alone," Pablo said and reached with a cup to scoop some wine from the bowl.	- Брось, - сказал Пабло и, взяв кружку, зачерпнул вина из миски.
"Nobody here has _cojones_ to kill me and this of the hands is silly."	- Кишка у вас тонка, чтобы убить меня, а давать волю рукам глупо.
"_Cobarde_," Agustin said.	- Cobarde, - сказал Агустин.
"Nor words either," Pablo said and made a swishing noise rinsing the wine in his mouth.	- И ругаться тоже глупо, - сказал Пабло и громко забулькал вином, прополаскивая им рот.

He spat on the floor.	Он сплюнул на пол.
"I am far past words."	- Руганью меня теперь не проймешь.

Agustin stood there looking down at him and cursed him, speaking slowly, clearly, bitterly and contemptuously and cursing as steadily as though he were dumping manure on a field, lifting it with a dung fork out of a wagon.	Агустин стоял, глядя на Пабло сверху вниз, и ругал его, выговаривая слова медленно, раздельно, злобно и презрительно, ругал с упорной размеренностью, точно захватывал вилами пласты навоза с телеги и шлепал их в борозду.
"Nor of those," Pablo said.	- И так не выйдет, - сказал Пабло.
"Leave it, Agustin.	- Брось, Агустин.
And do not hit me more.	И больше не дерись.

Thou wilt injure thy hands."	Руки отобьешь.
Agustin turned from him and went to the door.	Агустин круто повернулся и пошел к выходу из пещеры.
"Do not go out," Pablo said.	- Не уходи, - сказал Пабло.
"It is snowing outside.	- Снег идет.
Make thyself comfortable in here."	Устраивайся здесь поудобнее.
"And thou!	-Ты!
Thou!"	Ты!
Agustin turned from the door and spoke to him, putting all his contempt in the single, "_Tu_."	- Агустин закричал на него, стараясь выразить все свое презрение одним этим словом.
"Yes, me," said Pablo.	- Да, я, - сказал Пабло.

"I will be alive when you are dead."	- И я-то останусь жить, а вы все умрете.
He dipped up another cup of wine and raised it to Robert Jordan.	Он зачерпнул вина и поднял кружку, повернувшись к Роберту Джордану.
"To the professor," he said.	- За здоровье профессора, - сказал он.
Then turned to Pilar.	Потом повернулся к Пилар.
"To the Senora Commander."	- За здоровье сеньоры командирши.
Then toasted them all,	- Потом обвел кружкой всех остальных.
"To all the illusioned ones."	- За ваше здоровье, легковеры.

Agustin walked over to him and, striking quickly with the side of his hand, knocked the cup out of his hand.	Агустин подошел к нему и, ударив по кружке ребром ладони, вышиб ее у него из рук.
"That is a waste," Pablo said. "That is silly."	- Ну и глупо, - сказал Пабло. - Зря добро пропало.
Agustin said something vile to him.	Агустин ответил грубым ругательством.
"No," Pablo said, dipping up another cup.	- Нет, - сказал Пабло, зачерпывая себе вина.
"I am drunk, seest thou?	- Разве ты не видишь, что я пьян?
When I am not drunk I do not talk.	Трезвый я больше молчу.
You have never heard me talk much.	Много ты от меня разговоров слышал?

But an intelligent man is sometimes forced to be drunk to spend his time with fools."	Но умному человеку иной раз приходится выпить, чтобы не так скучно было с дураками.

"Go and obscenity in the milk of thy cowardice," Pilar said to him.	- Иди ты, так тебя и так, - сказала ему Пилар.
"I know too much about thee and thy cowardice."	- Я тебя, труса, наизусть знаю.
"How the woman talks," Pablo said.	- Вот язык у женщины! - сказал Пабло.
"I will be going out to see the horses."	- Ладно, иду - надо лошадей посмотреть.
"Go and befoul them," Agustin said.	- Иди, милуйся со своими лошадьми, кобылятник, - сказал Агустин.

"Is not that one of thy customs?"	- Для тебя это дело привычное.
"No," Pablo said and shook his head.	- Нет, - сказал Пабло и покачал головой.
He was taking down his big blanket cape from the wall and he looked at Agustin.	Он взглянул на Агустина, снимая со стены свой плащ.
"Thou," he said, "and thy violence."	- Эх ты, - сказал он. - Сквернослов.
"What do you go to do with the horses?" Agustin said.	- А что ты будешь делать со своими лошадьми? - спросил Агустин.
"Look to them," Pablo said.	- Пойду посмотрю их, - сказал Пабло.
"Befoul them," Agustin said. "Horse lover." "I care for them very much," Pablo said.	- Я их очень люблю.

"Even from behind they are handsomer and have more sense than these people.	Они даже сзади красивее, чем вот такие люди, и ума у них больше.
Divert yourselves," he said and grinned.	Ну, не скучайте, - добавил он и ухмыльнулся.
"Speak to them of the bridge, _Ingles_. Explain their duties in the attack.	- Расскажи им про мост, Ingles, объясни, кто что должен делать во время атаки.
Tell them how to conduct the retreat.	Растолкуй, как провести отступление.
Where will you take them, _Ingles_, after the bridge?	Куда ты их поведешь, Ingles, после моста?
Where will you take your patriots?	Куда ты поведешь этих патриотов?

I have thought of it all day while I have been drinking."	Я об этом целый день думал, пока пил.
"What have you thought?" Agustin asked.	- Ну, и что ты надумал? - спросил Агустин.
"What have I thought?" Pablo said and moved his tongue around exploringly inside his lips. "_Que te importa_, what have I thought."	- Что надумал? - сказал Пабло и, не открывая рта, ощупал десны языком. - Какое тебе дело, что я надумал?
"Say it," Agustin said to him.	- Говори, - сказал ему Агустин.
"Much," Pablo said.	- Я много о чем думал, - сказал Пабло.

He pulled the blanket coat over his head, the roundness of his head protruding now from the dirty yellow folds of the blanket.	Он закутался в грязно-желтый плащ, оставив непокрытой свою круглую голову.
"I have thought much."	- Много о чем.
"What?" Agustin said.	- О чем же? - сказал Агустин.
"What?"	- О чем?

"I have thought you are a group of illusioned people," Pablo said.	- Я думал о том, что все вы легковеры, - сказал Пабло.
"Led by a woman with her brains between her thighs and a foreigner who comes to destroy you."	- Идете на поводу у иностранца, который вас погубит, и у женщины, у которой мозги под юбкой.

"Get out," Pilar shouted at him.	- Уходи! - крикнула на него Пилар.
"Get out and fist yourself into the snow.	- Уходи!
Take your bad milk out of here, you horse exhausted maricon ."	Чтобы твоего поганого духу тут не было, кобылятник проклятый.
"Thus one talks," Agustin said admiringly, but absent-mindedly.	- Вот язык! - восхитился Агустин, но мысли его были заняты другим.
He was worried.	Он все еще не успокоился.
"I go," said Pablo.	- Я иду, - сказал Пабло.
"But I will be back shortly."	- Но скоро вернусь.

He lifted the blanket over the door of the cave and stepped out.	- Он приподнял попону, закрывавшую вход в пещеру, и вышел.
Then from the door he called, "It's still falling, _Ingles_."	Потом крикнул снаружи: - А снег-то все идет, Ingles.
17	17
The only noise in the cave now was the hissing from the hearth where snow was falling through the hole in the roof onto the coals of the fire.	Теперь в пещере стало тихо, было слышно только, как шипит снег, падая сквозь отверстие в своде на горячие угли.
"Pilar," Fernando said.	- Пилар, - сказал Фернандо.
"Is there more of the stew?"	- Мяса там не осталось?

"Oh, shut up," the woman said.	- А, отвяжись, - сказала женщина.
But Maria took Fernando's bowl over to the big pot set back from the edge of the fire and ladled into it.	Но Мария взяла миску Фернандо, подошла с ней к котлу, отставленному с огня, и ложкой зачерпнула жаркого.
She brought it over to the table and set it down and then patted Fernando on the shoulder as he bent to eat.	Потом оставила миску перед Фернандо и погладила его по плечу, когда он нагнулся над столом.
She stood for a moment beside him, her hand on his shoulder.	С минуту она постояла около Фернандо, не снимая руки с его плеча.
But Fernando did not look up.	Но Фернандо даже не взглянул на нее.

He was devoting himself to the stew.	Он был занят едой.
Agustin stood beside the fire.	Агустин стоял около очага.
The others were seated.	Остальные сидели за столом.
Pilar sat at the table opposite Robert Jordan.	Пилар села напротив Роберта Джордана.
"Now, _Ingles_," she said, "you have seen how he is."	- Ну, Ingles, - сказала она, - вот ты и увидел его во всей красе.

"What will he do?" Robert Jordan asked.	- Что он теперь сделает? - спросил Роберт Джордан.
"Anything," the woman looked down at the table.	- Все, что угодно, может сделать. - Женщина опустила глаза.

"Anything.	- Все, что угодно.
He is capable of doing anything."	Он теперь на все способен.
"Where is the automatic rifle?" Robert Jordan asked.	-Где у вас пулемет? - спросил Роберт Джордан.
"There in the corner wrapped in the blanket," Primitivo said.	- Вон там, в углу, завернут в одеяло, - сказал Примитиво.
"Do you want it?"	- Он тебе нужен?
"Later," Robert Jordan said.	- Пока нет, - сказал Роберт Джордан.
"I wished to know where it is."	- Я только хотел знать, где он.
"It is there," Primitivo said.	- Он здесь, - сказал Примитиво.

"I brought it in and I have wrapped it in my blanket to keep the action dry.	- Я внес его сюда и завернул в свое одеяло, чтобы механизм не заржавел.
The pans are in that sack."	Диски вон в том мешке.
"He would not do that," Pilar said.	- На это он не пойдет, - сказала Пилар.
"He would not do anything with the _maquina_."	- С maquina он ничего не сделает.
"I thought you said he would do anything."	-Ты же сама говоришь, что он способен на все.
"He might," she said.	- Да, - сказала она.
"But he has no practice with the _maquina_.	- Но он не умеет обращаться с maquina.
He could toss in a bomb.	Швырнуть бомбу - это он может.

That is more his style."	Это на него больше похоже.
"It is an idiocy and a weakness not to have killed him," the gypsy said.	- Дураки мы и слюнтяи, что его не убили, - сказал цыган.
He had taken no part in any of the talk all evening.	До сих пор он не принимал участия в разговоре.
"Last night Roberto should have killed him."	- Надо было, Роберто, убить его вчера вечером.
"Kill him," Pilar said.	- Убей его, - сказала Пилар.
Her big face was dark and tired looking.	Ее большое лицо потемнело и осунулось.
"I am for it now."	- Теперь я тоже за это.
"I was against it," Agustin said.	- Я был против, - сказал Агустин.

He stood in front of the fire, his long arms hanging by his sides, his cheeks, stubble-shadowed below the cheekbones, hollow in the firelight.	Он стоял возле очага, опустив свои длинные руки, и его щеки, затененные ниже скул щетиной, в отблеске огня казались ввалившимися.
"Now I am for it," he said.	- Но теперь я тоже за это, - сказал Агустин.
"He is poisonous now and he would like to see us all destroyed."	- Он гнусный человек, и он нам всем хочет погибели.

"Let all speak," Pilar said and her voice was tired.	- Пусть все скажут. - Голос у Пилар был усталый.
"Thou, Andres?"	- Ты, Андрес?

"_Matarlo_," the brother with the dark hair growing far down in the point on his forehead said and nodded his head.	- Matarlo, - кивнув головой, сказал старший из двух братьев, тот, у которого темные волосы узким мысом росли на лбу.
"Eladio?"	- Эладио?
"Equally," the other brother said.	- Тоже, - сказал младший брат.
"To me he seems to constitute a great danger.	- Он очень опасный человек.
And he serves for nothing."	И пользы от него мало.
"Primitivo?"	- Примитиво?
"Equally."	- Тоже.
"Fernando?"	- Фернандо?

"Could we not hold him as a prisoner?" Fernando asked.	- А нельзя ли его арестовать? - спросил Фернандо.
"Who would look after a prisoner?" Primitivo said.	- А кто будет стеречь арестованного? - сказал Примитиво.
"It would take two men to look after a prisoner and what would we do with him in the end?"	- Для этого надо, по крайней мере, двух человек. И что с ним делать дальше?
"We could sell him to the fascists," the gypsy said.	- Продать фашистам, - сказал цыган.
"None of that," Agustin said.	- Еще чего не хватало, - сказал Агустин.
"None of that filthiness."	- Не хватало нам такой мерзости!

"It was only an idea," Rafael, the gypsy, said.	- Я только предлагаю, - сказал цыган Рафаэль.
"It seems to me that the _facciosos_ would be happy to have him."	- По-моему, фашисты с радостью за него уцепятся.
"Leave it alone," Agustin said.	- Довольно, перестань, - сказал Агустин.
"That is filthy."	- Мерзость какая!
"No filthier than Pablo," the gypsy justified himself.	- Уж не мерзостнее, чем сам Пабло, -оправдывался цыган.
"One filthiness does not justify another," Agustin said.	- Одной мерзостью другую не оправдаешь, -сказал Агустин.
"Well, that is all.	- Ну, все высказались.

Except for the old man and the _Ingles_."	Остались только старик и Ingles.
"They are not in it," Pilar said.	- Они тут ни при чем, - сказала Пилар.
"He has not been their leader."	- Он их вожаком не был.
"One moment," Fernando said.	- Подождите, - сказал Фернандо.
"I have not finished."	- Я еще не кончил.
"Go ahead," Pilar said.	- Ну, говори, - сказала Пилар.

"Talk until he comes back.	- Говори, пока он не вернулся.

Talk until he rolls a hand grenade under that blanket and blows this all up. Dynamite and all."	Говори, пока он не швырнул сюда ручную гранату и мы не взлетели на воздух вместе с динамитом и со всем, что тут есть.
"I think that you exaggerate, Pilar," Fernando said.	- По-моему, Пилар, ты преувеличиваешь, - сказал Фернандо.
"I do not think that he has any such conception."	- Я не думаю, чтобы у него были такие намерения.
"I do not think so either," Agustin said.	- Я тоже не думаю, - сказал Агустин.
"Because that would blow the wine up too and he will be back in a little while to the wine."	- Потому что тогда и вино взлетит на воздух, а на вино его скоро опять потянет.

"Why not turn him over to El Sordo and let El Sordo sell him to the fascists?" Rafael suggested.	- А что, если его отдать Эль Сордо, а Эль Сордо пусть продает его фашистам, - предложил Рафаэль.
"You could blind him and he would be easy to handle."	- Выколем ему глаза, тогда с ним легко будет справиться.
"Shut up," Pilar said.	- Замолчи, - сказала Пилар.
"I feel something very justified against thee too when thou talkest."	- Когда я тебя слушаю, у меня такое в душе поднимается, - а всему виной твоя мерзость.
"The fascists would pay nothing for him anyway," Primitivo said.	- Фашисты все равно гроша ломаного за него не дадут, - сказал Примитиво.

"Such things have been tried by others and they pay nothing.	- Это уже другие пробовали, и ничего не выходило.
They will shoot thee too."	Расстреляют заодно и тебя, только и всего.
"I believe that blinded he could be sold for something," Rafael said.	- А по-моему, за слепого сколько-нисколько, а дадут, - сказал Рафаэль.
"Shut up," Pilar said.	- Замолчи, - сказала Пилар.
"Speak of blinding again and you can go with the other."	- И если ты хоть раз заикнешься об этом, можешь убираться отсюда вместе с ним, с Пабло.

"But, he, Pablo, blinded the _guardia civil_ who was wounded," the gypsy insisted.	- А ведь сам Пабло выколол глаза раненому guardia civil, - стоял на своем цыган.
"You have forgotten that?"	- Ты что, забыла?
"Close thy mouth," Pilar said to him.	- Перестань, - сказала ему Пилар.
She was embarrassed before Robert Jordan by this talk of blinding.	Ей было неприятно, что об этом говорят при Роберте Джордане.
"I have not been allowed to finish," Fernando interrupted.	- Мне не дали договорить, - перебил их Фернандо.
"Finish," Pilar told him.	- Говори, - ответила ему Пилар.

"Go on. Finish."	- Говори, кончай.
"Since it is impractical to hold Pablo as a prisoner," Fernando commenced, "and since it is repugnant to offer him--"	- Поскольку арестовывать Пабло не имеет смысла, - начал Фернандо, - и поскольку использовать его для каких-либо сделок...
"Finish," Pilar said.	- Кончай, - сказала Пилар.

"For the love of God, finish."	- Кончай, ради господа бога!

"--in any class of negotiation," Fernando proceeded calmly, "I am agreed that it is perhaps best that he should be eliminated in order that the operations projected should be insured of the maximum possibility of success."	- ...было бы постыдно, - спокойно продолжал Фернандо, - я склоняюсь к тому мнению, что Пабло надо ликвидировать, чтобы обеспечить успешное проведение намеченной операции.
Pilar looked at the little man, shook her head, bit her lips and said nothing.	Пилар посмотрела на маленького человечка, покачала головой, закусила губу, но промолчала.
"That is my opinion," Fernando said.	- Таково мое мнение, - сказал Фернандо.

"I believe we are justified in believing that he constitutes a danger to the Republic--"	- Полагаю, есть основания видеть в Пабло опасность для Республики...
"Mother of God," Pilar said.	- Матерь божия! - сказала Пилар.
"Even here one man can make a bureaucracy with his mouth."	- Вот язык у человека! Даже здесь умудрился бюрократизм развести!
"Both from his own words and his recent actions," Fernando continued.	- ...ибо это явствует как из его слов, так и из его недавних действий, - продолжал Фернандо.
"And while he is deserving of gratitude for his actions in the early part of the movement and up until the most recent time--"	- И хотя он заслуживает благодарности за свои действия в начале движения и вплоть до последних дней...

Pilar had walked over to the fire.	Не вытерпев, Пилар отошла к очагу.
Now she came up to the table.	Через минуту она снова вернулась на прежнее место.
"Fernando," Pilar said quietly and handed a bowl to him.	- Фернандо, - спокойно сказала она и поставила перед ним миску.
"Take this stew please in all formality and fill thy mouth with it and talk no more.	- Вот тебе мясо, сделай милость, заткни им себе рот чинно и благородно и молчи.
We are in possession of thy opinion."	Мы твое мнение уже знаем.
"But, how then--" Primitivo asked and paused without completing the sentence.	-Но как же... - начал Примитиво и запнулся, не кончив фразу.

"_Estoy listo_," Robert Jordan said.	- Estoy listo, - сказал Роберт Джордан.
"I am ready to do it.	- Я готов сделать это.
Since you are all decided that it should be done it is a service that I can do."	Поскольку вы все решили, что так нужно, я согласен оказать вам эту услугу.
What's the matter? he thought.	Что за дьявол, подумал он.
From listening to him I am beginning to talk like Fernando.	Наслушавшись Фернандо, я и сам заговорил на его лад.
That language must be infectious.	Должно быть, это заразительно.
French, the language of diplomacy.	Французский - язык дипломатии.
Spanish, the language of bureaucracy.	Испанский - язык бюрократизма.

"No," Maria said.	- Нет, - сказала Мария.
"No."	- Нет.

"This is none of thy business," Pilar said to the girl.	- Это не твое дело, - сказала девушке Пилар.
"Keep thy mouth shut."	- Держи язык на привязи.
"I will do it tonight," Robert Jordan said.	- Я сделаю это сегодня, - сказал Роберт Джордан.
He saw Pilar looking at him, her fingers on her lips.	Он увидел, что Пилар смотрит на него, приложив палец к губам.
She was looking toward the door.	Она указывала глазами на вход.

The blanket fastened across the opening of the cave was lifted and Pablo put his head in.	Попона, которой был завешен вход, отодвинулась, и в пещеру просунулась голова Пабло.
He grinned at them all, pushed under the blanket and then turned and fastened it again.	Он ухмыльнулся им всем, пролез под попоной и опять приладил ее над входом, повернувшись к ним спиной.
He turned around and stood there, then pulled the blanket cape over his head and shook the snow from it.	Потом стащил с себя плащ через голову и стряхнул с него снег.
"You were speaking of me?" he addressed them all.	- Обо мне говорили? - Он обратился с этим вопросом ко всем.
"I am interrupting?"	- Я помешал?!

No one answered him and he hung the cape on a peg in the wall and walked over to the table.	Никто не ответил ему, и, повесив свой плащ на колышек, вбитый в стену, он подошел к столу.
"_Que tal?_" he asked and picked up his cup which had stood empty on the table and dipped it into the wine bowl.	- Que tal? - спросил он, взял свою кружку, которая стояла на столе пустая, и хотел зачерпнуть из миски вина.
"There is no wine," he said to Maria.	- Тут ничего нет, - сказал он Марии.
"Go draw some from the skin."	- Пойди налей из бурдюка.

Maria picked up the bowl and went over to the dusty, heavily distended, black-tarred wineskin that hung neck down from the wall and unscrewed the plug from one of the legs enough so that the wine squirted from the edge of the plug into the bowl.	Мария взяла миску, подошла с ней к пыльному, сильно растянутому, просмоленному до черноты бурдюку, который висел на стене шеей вниз, и вытащила затычку из передней ноги, но не до конца, а так, чтобы вино лилось в миску тонкой струйкой.
Pablo watched her kneeling, holding the bowl up and watched the light red wine flooding into the bowl so fast that it made a whirling motion as it filled it.	Пабло смотрел, как она стала на колени, смотрел, как прозрачная красная струя быстро льется в миску, закручиваясь в ней воронкой.
"Be careful," he said to her.	-Ты потише, - сказал он ей.

"The wine's below the chest now."	- Там теперь ниже лопаток.
No one said anything.	Все молчали.
"I drank from the belly-button to the chest today," Pablo said.	- Я сегодня выпил от пупка до лопаток, - сказал Пабло.
"It's a day's work.	- На целый день хватило работы.
What's the matter with you all?	Что это с вами?
Have you lost your tongues?"	Язык проглотили?
No one said anything at all.	Все по-прежнему молчали.

"Screw it up, Maria," Pablo said.	- Заткни покрепче, Мария, - сказал Пабло.

"Don't let it spill."	- Как бы не пролилось.
"There'll be plenty of wine," Agustin said.	- Теперь вина у тебя будет много, - сказал Агустин.
"You'll be able to be drunk."	- Хватит напиться.
"One has encountered his tongue," Pablo said and nodded to Agustin.	- У одного язык нашелся, - сказал Пабло и кивнул Агустину.
"Felicitations.	- Поздравляю.
I thought you'd been struck dumb."	Я думал, вы все онемели от этого.
"By what?" Agustin asked.	- От чего от этого? - спросил Агустин.
"By my entry."	- От того, что я пришел.

"Thinkest thou that thy entry carries importance?"	- Думаешь, нам так уж важно, что ты пришел?
He's working himself up to it, maybe, Robert Jordan thought.	Может быть, Агустин подхлестывает себя, думал Роберт Джордан.
Maybe Agustin is going to do it.	Может быть, он хочет сделать это сам.
He certainly hates him enough.	Ненависти у него достаточно.
I don't hate him, he thought.	Я ничего такого к Пабло не чувствую, думал он.
No, I don't hate him.	Да, ненависти у меня нет.
He is disgusting but I do not hate him.	Он омерзителен, но ненависти к нему у меня нет.
Though that blinding business puts him in a special class.	Хотя эта история с выкалыванием глаз говорит о многом.

Still this is their war.	Впрочем, это их дело - их война.
But he is certainly nothing to have around for the next two days.	Но в ближайшие два дня ему здесь не место.
I am going to keep away out of it, he thought.	Пока что я буду держаться в стороне, думал он.
I made a fool of myself with him once tonight and I am perfectly willing to liquidate him.	Я уже свалял сегодня дурака из-за него и готов разделаться с ним.
But I am not going to fool with him beforehand.	Но заводить эту предварительную дурацкую игру я не стану.

And there are not going to be any shooting matches or monkey business in here with that dynamite around either. Pablo thought of that, of course.	И никаких состязаний в стрельбе, и никаких других глупостей здесь, около динамита, тоже не будет, Пабло, конечно, подумал об этом.
And did you think of it, he said to himself?	А ты подумал? - спросил он самого себя.
No, you did not and neither did Agustin.	Нет, ни ты не подумал, ни Агустин.
You deserve whatever happens to you, he thought.	Значит, так вам и надо.
"Agustin," he said.	- Агустин, - сказал он.
"What?"	-Что?

Agustin looked up sullenly and turned his head away from Pablo.	- Агустин отвернулся от Пабло и хмуро взглянул на Роберта Джордана.

"I wish to speak to thee," Robert Jordan said.	- Мне надо поговорить с тобой, - сказал Роберт Джордан.
"Later."	- Потом.
"Now," Robert Jordan said. "_Por favor_."	- Нет, сейчас, - сказал Роберт Джордан. - Por favor.
Robert Jordan had walked to the opening of the cave and Pablo followed him with his eyes.	Роберт Джордан отошел к выходу, и Пабло проводил его взглядом.
Agustin, tall and sunken cheeked, stood up and came over to him.	Агустин, высокий, с ввалившимися щеками, встал и тоже пошел к выходу.

He moved reluctantly and contemptuously.	Он шел неохотно, и вид у него был презрительный.
"Thou hast forgotten what is in the sacks?" Robert Jordan said to him, speaking so low that it could not be heard.	- Ты забыл, что в мешках? - тихо, так, чтобы другие не расслышали, сказал ему Роберт Джордан.
"Milk!" Agustin said.	- А, туда твою! - сказал Агустин.
"One becomes accustomed and one forgets."	- Привыкнешь и не вспоминаешь.
"I, too, forgot."	- Я сам забыл.
"Milk!" Agustin said. "_Leche!_ What fools we are."	- Туда твою! - сказал Агустин. - Ну и дураки мы!

He swung back loose-jointedly to the table and sat down.	- Он размашистой походкой вернулся назад и сел за стол.
"Have a drink, Pablo, old boy," he said.	- Выпей вина, Пабло, друг, - сказал он.
"How were the horses?"	- Ну, как лошади?
"Very good," Pablo said.	- Очень хорошо, - сказал Пабло.
"And it is snowing less."	- И метель начала затихать.
"Do you think it will stop?"	- Думаешь, совсем затихнет?
"Yes," Pablo said.	- Да, - сказал Пабло.
"It is thinning now and there are small, hard pellets.	- Сейчас уже не так метет и пошла крупа.
The wind will blow but the snow is going.	Ветер не уляжется, но снег перестанет.

The wind has changed."	Ветер переменился.
"Do you think it will clear tomorrow?" Robert Jordan asked him.	- Думаешь, прояснится к утру? - спросил его Роберт Джордан.
"Yes," Pablo said.	- Да, - сказал Пабло.
"I believe it will be cold and clear.	- Погода будет холодная и ясная.
This wind is shifting."	Ветер еще не раз переменится.
Look at him, Robert Jordan thought.	Полюбуйтесь на него, думал Роберт Джордан.
Now he is friendly.	Теперь он само дружелюбие.
He has shifted like the wind.	Тоже переменился вместе с ветром.

He has the face and the body of a pig and I know he is many times a murderer and yet he has the sensitivity of a good aneroid.	Он закоренелый убийца и с виду свинья свиньей, но чувствителен, как хороший барометр.
Yes, he thought, and the pig is a very intelligent animal, too.	Да, думал он, свинья тоже умное животное.

Pablo has hatred for us, or perhaps it is only for our projects, and pushes his hatred with insults to the point where you are ready to do away with him and when he sees that this point has been reached he drops it and starts all new and clean again.	Пабло ненавидит нас, а может быть, только наши планы, и оскорблениями доводит дело до того, что мы готовы его убить. Но тут он останавливается, и все начинается сначала.
"We will have good weather for it, _Ingles_," Pablo said to Robert Jordan.	- Нам повезет с погодой, Ingles, - сказал Пабло Роберту Джордану.
"_We_," Pilar said. "_We?_"	- Нам? - сказала Пилар. - Нам?

"Yes, we," Pablo grinned at her and drank some of the wine.	- Да, нам. - Пабло ухмыльнулся, взглянув на нее, и отпил вина из кружки.
"Why not?	- А почему нет?
I thought it over while I was outside.	Я все обдумал, пока ходил к лошадям.
Why should we not agree?"	Почему бы нам не столковаться?
"In what?" the woman asked.	- В чем? - спросила женщина.
"In what now?"	- В чем?
"In all," Pablo said to her.	- Во всем, - сказал ей Пабло.
"In this of the bridge.	- Вот, например, насчет моста.
I am with thee now."	Я теперь с тобой заодно.

"You are with us now?" Agustin said to him.	- Теперь ты с нами заодно? - сказал Агустин.
"After what you have said?"	- После всего, что наговорил?
"Yes," Pablo told him.	- Да, - ответил ему Пабло.
"With the change of the weather I am with thee."	- После того, как погода переменилась, я с вами заодно.
Agustin shook his head.	Агустин покачал головой.
"The weather," he said and shook his head again.	- Погода, - сказал он и опять покачал головой.
"And after me hitting thee in the face?"	- И после того, как я бил тебя по зубам?

"Yes," Pablo grinned at him and ran his fingers over his lips.	- Да. - Пабло ухмыльнулся, глядя на него, и потрогал пальцами губы.
"After that too."	- И после этого.
Robert Jordan was watching Pilar.	Роберт Джордан наблюдал за Пилар.
She was looking at Pablo as at some strange animal.	Она смотрела на Пабло, точно это был какой-то диковинный зверь.
On her face there was still a shadow of the expression the mention of the blinding had put there.	С ее лица все еще не сошло то выражение, которое появилось на нем, когда заговорили о выколотых глазах.

She shook her head as though to be rid of that, then tossed it back.	Она покачала головой, словно стараясь отделаться от этого, потом откинула голову назад.

"Listen," she said to Pablo.	- Слушай, ты, - сказала она Пабло.
"Yes, woman."	- Да, женщина?
"What passes with thee?"	- Что с тобой творится?
"Nothing," Pablo said.	- Ничего, - сказал Пабло.
"I have changed my opinion.	- Я передумал.
Nothing more."	Вот и все.
"You were listening at the door," she told him.	-Ты подслушивал, - сказала она.
"Yes," he said.	- Да, - ответил он.
"But I could hear nothing."	- Только ничего не расслышал.
"You fear that we will kill thee."	-Ты боишься, что мы убьем тебя.

"No," he told her and looked at her over the wine cup.	- Нет, - ответил он и посмотрел на нее поверх кружки с вином.
"I do not fear that.	- Этого я не боюсь.
You know that."	Ты сама знаешь.
"Well, what passes with thee?" Agustin said.	- Тогда что же с тобой делается? - сказал Агустин.
"One moment you are drunk and putting your mouth on all of us and disassociating yourself from the work in hand and speaking of our death in a dirty manner and insulting the women and opposing that which should be done--"	- То ты, пьяный, накидываешься на нас всех, отступаешься от дела, недостойно говоришь о нашей смерти, оскорбляешь женщин, мешаешь нам сделать то, что нужно сделать...

"I was drunk," Pablo told him.	- Я был пьян, - сказал Пабло.
"And now--"	- А теперь...
"I am not drunk," Pablo said.	- Теперь я не пьян, - сказал Пабло.
"And I have changed my mind."	- И я передумал.
"Let the others trust thee.	- Пусть тебе другие верят.
I do not," Agustin said.	Я не поверю, - сказал Агустин.
"Trust me or not," Pablo said.	- Верь не верь - твое дело, - сказал Пабло.
"But there is no one who can take thee to Gredos as I can."	- Но, кроме меня, до Гредоса тебя никто не проведет.
"Gredos?"	-До Гредоса?

"It is the only place to go after this of the bridge."	- После моста только туда и можно будет податься.
Robert Jordan, looking at Pilar, raised his hand on the side away from Pablo and tapped his right ear questioningly.	Вопросительно глядя на Пилар, Роберт Джордан поднял руку, но так, что Пабло этого не видел, и постучал пальцем по своему правому уху.
The woman nodded.	Женщина кивнула.

Then nodded again.	Потом кивнула еще раз.
She said something to Maria and the girl came over to Robert Jordan's side.	Она сказала что-то Марии, и девушка подошла к Роберту Джордану.

"She says, 'Of course he heard," Maria said in Robert Jordan's ear.	- Она говорит: конечно, слышал, - сказала Мария на ухо Роберту Джордану.
"Then Pablo," Fernando said judicially. "Thou art with us now and in favor of this of the bridge?"	- Значит, Пабло, - степенно заговорил Фернандо, -ты теперь с нами заодно и согласен принять участие во взрыве моста?
"Yes, man," Pablo said.	- Да, друг, - сказал Пабло.
He looked Fernando squarely in the eye and nodded.	Он посмотрел на Фернандо в упор и кивнул головой.
"In truth?" Primitivo asked.	- Честное слово? - спросил Примитиво.
"_De veras_," Pablo told him.	- Честное слово, - ответил ему Пабло.

"And you think it can be successful?" Fernando asked.	- И ты думаешь, что все сойдет хорошо? - спросил Фернандо.
"You now have confidence?"	- Ты теперь веришь в это?
"Why not?" Pablo said.	- Конечно, - сказал Пабло.
"Haven't you confidence?"	- А ты разве не веришь?
"Yes," Fernando said.	- Верю, - сказал Фернандо.
"But I always have confidence."	- Но я никогда не теряю веры.
"I'm going to get out of here," Agustin said.	- Уйду я отсюда, - сказал Агустин.
"It is cold outside," Pablo told him in a friendly tone.	- Не ходи, холодно, - дружелюбно сказал ему Пабло.

"Maybe," Agustin said.	- Пусть холодно, - сказал Агустин.
"But I can't stay any longer in this _manicomio_."	- Не могу я больше оставаться в этом manicomio.
"Do not call this cave an insane asylum," Fernando said.	- Напрасно ты называешь нашу пещеру сумасшедшим домом, - сказал Фернандо.
"A _manicomio_ for criminal lunatics," Agustin said.	- Manicomio для буйных, - сказал Агустин.
"And I'm getting out before I'm crazy, too."	- И я уйду отсюда, пока не спятил вместе с вами.
18	18
It is like a merry-go-round, Robert Jordan thought.	Это словно карусель, думал Роберт Джордан.

Not a merry-goround that travels fast, and with a calliope for music, and the children ride on cows with gilded horns, and there are rings to catch with sticks, and there is the blue, gas-flare-lit early dark of the Avenue du Maine, with fried fish sold from the next stall, and a wheel of fortune turning with the leather flaps slapping against the posts of the numbered compartments, and the packages of lump sugar piled in pyramids for prizes.	Но не такая карусель, которая кружится быстро под звуки шарманки и детишки сидят верхом на бычках с вызолоченными рогами, а рядом кольца, которые нужно ловить на палку, и синие, подсвеченные газовыми фонарями сумерки на Авеню-дю-Мэн, и лотки с жареной рыбой, и вертящееся колесо счастья, где кожаные язычки хлопают по столбикам с номерами, и тут же сложены пирамидой пакетики пиленого сахару для призов.

No, it is not that kind of a merrygo-round; although the people are waiting, like the men in caps and the women in knitted sweaters, their heads bare in the gaslight and their hair shining, who stand in front of the wheel of fortune as it spins.	Нет, это вовсе не такая карусель, хотя эти люди в своем ожидании очень похожи на тех мужчин в кепках и женщин в вязаных свитерах, с блестящими в свете фонарей волосами, что стоят у колеса счастья и ждут, когда оно остановится.
Yes, those are the people.	Да, люди такие же.
But this is another wheel.	Но колесо другое.
This is like a wheel that goes up and around.	Это вертикальное колесо, и на нем движешься вверх и вниз.
It has been around twice now.	Два оборота оно уже сделало.

It is a vast wheel, set at an angle, and each time it goes around and then is back to where it starts.	Это большое колесо, установленное под прямым углом к земле, и когда его пускают, оно делает один оборот и, вернувшись в исходное положение, останавливается.
One side is higher than the other and the sweep it makes lifts you back and down to where you started.	Вместе с ним описываешь круг и ты и тоже останавливаешься, вернувшись к исходной точке.
There are no prizes either, he thought, and no one would choose to ride this wheel.	Даже призов нет, подумал он, и кому охота кататься на таком колесе!
You ride it each time and make the turn with no intention ever to have mounted.	А всякий раз садишься и делаешь круг, хоть и не собирался.

There is only one turn; one large, elliptical, rising and falling turn and you are back where you have started.	Оборот только один; один большой, долгий круг - сначала вверх, потом вниз, и опять возвращаешься к исходной точке.
We are back again now, he thought, and nothing is settled.	Вот и сейчас мы вернулись к исходной точке, подумал он. Вернулись, ничего не разрешив.
It was warm in the cave and the wind had dropped outside.	В пещере было тепло, ветер снаружи улегся.
Now he was sitting at the table with his notebook in front of him figuring all the technical part of the bridge-blowing.	Роберт Джордан сидел за столом, раскрыв перед собой записную книжку, и набрасывал план минирования моста.

He drew three sketches, figured his formulas, marked the method of blowing with two drawings as clearly as a kindergarten project so that Anselmo could complete it in case anything should happen to himself during the process of the demolition.	Он начертил три схемы, выписал формулы, изобразил при помощи двух рисунков всю технику взрыва предельно просто и наглядно, так, чтобы Ансельмо мог один довершить дело, если бы во время операции что-нибудь случилось с ним самим.
He finished these sketches and studied them.	Закончив все чертежи, он стал проверять их еще раз.
Maria sat beside him and looked over his shoulder while he worked.	Мария сидела рядом и через плечо смотрела на его работу.

He was conscious of Pablo across the table and of the others talking and playing cards and he smelled the odors of the cave which had changed now from those of the meal and the cooking to the fire smoke and man smell, the tobacco, red-wine and brassy, stale body smell, and when Maria, watching him finishing a drawing, put her hand on the table he picked it up with his left hand and lifted it to his face and smelled the coarse soap and water freshness from her washing of the dishes.	Он знал, что Пабло сидит напротив и остальные тоже здесь, разговаривают и играют в карты; он вдыхал воздух пещеры, в котором запах кухни и пищи сменился дымным чадом и запахом мужчин - табак, винный перегар и кислый дух застарелого пота, - а когда Мария, следя за его карандашом, положила на стол руку, он взял ее, поднес к лицу и вдохнул свежий запах воды и простого мыла, исходивший от нее после мытья посуды.

He laid her hand down without looking at her and went on working and he could not see her blush.	Потом он опустил руку Марии и снова взялся за работу, не глядя на девушку и потому не видя, как она покраснела.
She let her hand lie there, close to his, but he did not lift it again.	Она оставила руку на столе, рядом с его рукой, но он ее больше не трогал.
Now he had finished the demolition project and he took a new page of the notebook and commenced to write out the operation orders.	Когда с техникой взрыва было покончено, он перевернул листок и стал писать боевой приказ.
He was thinking clearly and well on these and what he wrote pleased him.	Мысль его работала быстро и четко, и то, что он писал, нравилось ему.

He wrote two pages in the notebook and read them over carefully.	Он исписал две странички, потом внимательно перечитал их.
I think that is all, he said to himself.	Как будто все, сказал он себе.
It is perfectly clear and I do not think there are any holes in it.	Все совершенно ясно, и, кажется, я ничего не упустил.
The two posts will be destroyed and the bridge will be blown according to Golz's orders and that is all of my responsibility.	Оба поста будут уничтожены, а мост взорван согласно приказу Гольца, и это все, за что я отвечаю.
All of this business of Pablo is something with which I should never have been saddled and it will be solved one way or another.	А в эту историю с Пабло мне вовсе не следовало ввязываться, но какой-нибудь выход и тут найдется.

There will be Pablo or there will be no Pablo. I care nothing about it either way.	Будет Пабло или не будет Пабло, мне, в конце концов, все равно.
But I am not going to get on that wheel again.	Но я не намерен лезть на это колесо в третий раз.
Twice I have been on that wheel and twice it has gone around and come back to where it started and I am taking no more rides on it.	Два раза я на него садился, и два раза оно делало полный оборот и возвращалось к исходной точке, и больше я на него не сяду.
He shut the notebook and looked up at Maria. "_Hola, guapa_," he said to her.	Он закрыл записную книжку и оглянулся на Марию. - Мария, - сказал он ей.
"Did you make anything out of all that?"	- Поняла ты тут что-нибудь?

"No, Roberto," the girl said and put her hand on his hand that still held the pencil.	- Нет, Роберто, - сказала девушка и накрыла своей рукой его руку, все еще державшую карандаш.
"Have you finished?"	- А ты уже кончил?
"Yes.	-Да.
Now it is all written out and ordered."	Теперь уже все решено и подписано.

"What have you been doing, _Ingles?_" Pablo asked from across the table.	- Что ты там делаешь, Ingles? - спросил через стол Пабло.
His eyes were bleary again.	Глаза у него опять стали мутные.
Robert Jordan looked at him closely.	Роберт Джордан пристально посмотрел на него.

Stay off that wheel, he said to himself.	Подальше от колеса, сказал он себе.
Don't step on that wheel.	Не лезь на это колесо.
I think it is going to start to swing again.	Оно, кажется, опять начинает вертеться.
"Working on the problem of the bridge," he said civilly.	- Разрабатываю план взрыва, - вежливо сказал он.
"How is it?" asked Pablo.	- Ну и как, выходит? - спросил Пабло.
"Very good," Robert Jordan said.	- Очень хорошо, - сказал Роберт Джордан.
"All very good."	- Выходит очень хорошо.

"I have been working on the problem of the retreat," Pablo said and Robert Jordan looked at his drunken pig eyes and at the wine bowl.	- А я разрабатываю план отступления, - сказал Пабло, и Роберт Джордан посмотрел в его пьяные свиные глазки, а потом на миску с вином.
The wine bowl was nearly empty.	Миска была почти пуста.
Keep off the wheel, he told himself.	Прочь от колеса, сказал он себе.
He is drinking again.	Опять он пьет.
Sure.	Верно.
But don't you get on that wheel now.	Но на колесо ты все-таки не лезь.
Wasn't Grant supposed to be drunk a good part of the time during the Civil War?	Говорят, Грант во время Гражданской войны почти никогда не бывал трезвым.

Certainly he was.	Это факт.
I'll bet Grant would be furious at the comparison if he could see Pablo.	Наверно, Г рант взбесился бы от такого сравнения, если бы увидел Пабло.
Grant was a cigar smoker, too.	Грант еще и сигары курил к тому же.
Well, he would have to see about getting Pablo a cigar.	Что ж, надо будет раздобыть где-нибудь сигару для Пабло.
That was what that face really needed to complete it; a half chewed cigar.	К такому лицу это так и просится: наполовину изжеванная сигара.
Where could he get Pablo a cigar?	Где только ее достать?
"How does it go?" Robert Jordan asked politely.	- Ну и как идет дело?- учтиво спросил Роберт Джордан.

"Very well," Pablo said and nodded his head heavily and judiciously. "_Muy bien_."	- Очень хорошо, - сказал Пабло и покивал головой важно и наставительно. - Muy bien.
"You've thought up something?" Agustin asked from where they were playing cards.	- Что-нибудь надумал? - спросил Агустин, поднимая голову от карт.
"Yes," Pablo said.	- Да, - сказал Пабло.
"Various things."	- У меня мыслей много.

"Where did you find them?	-Где ты их выловил?
In that bowl?" Agustin demanded.	В этой миске? - спросил Агустин.
"Perhaps," Pablo said.	- Может быть, и там, - сказал Пабло.

"Who knows?	- Кто знает.
Maria, fill the bowl, will you, please?"	Мария, подлей в миску вина, сделай милость.
"In the wineskin itself there should be some fine ideas," Agustin turned back to the card game.	- Вот уж в бурдюке, наверно, полным-полно замечательных мыслей. - Агустин вернулся к картам.
"Why don't you crawl in and look for them inside the skin?"	- Ты бы влез туда, поискал их.
"Nay," said Pablo equably. "I search for them in the bowl."	- Зачем, - невозмутимо ответил Пабло, - я их нахожу и в миске.
He is not getting on the wheel either, Robert Jordan thought.	Нет, он тоже не лезет на колесо, подумал Роберт Джордан.

It must be revolving by itself.	Так оно и вертится вхолостую.
I suppose you cannot ride that wheel too long.	Наверно, на нем нельзя долго кататься, на этом колесе.
That is probably quite a deadly wheel.	Это опасная забава.
I'm glad we are off of it.	Я рад, что мы с него слезли.
It was making me dizzy there a couple of times.	У меня и то раза два от него голова кружилась.
But it is the thing that drunkards and those who are truly mean or cruel ride until they die.	Но пьяницы и по-настоящему жестокие или подлые люди катаются на таком колесе до самой смерти.

It goes around and up and the swing is never quite the same and then it comes around down.	Сперва оно несет тебя вверх, и размах у него каждый раз другой, но потом все равно приводит вниз.
Let it swing, he thought.	Ну и пусть вертится, подумал он.
They will not get me onto it again.	Меня на него не заманишь больше.
No sir, General Grant, I am off that wheel.	Нет, сэр, генерал Грант, хватит, повертелся.
Pilar was sitting by the fire, her chair turned so that she could see over the shoulders of the two card players who had their backs to her.	Пилар сидела у огня, повернув свой стул так, чтобы ей можно было заглядывать в карты двух игроков, сидевших спиной к ней.
She was watching the game.	Она следила за игрой.

Here it is the shift from deadliness to normal family life that is the strangest, Robert Jordan thought.	Переход от смертельного напряжения к мирной домашней жизни - вот что самое удивительное, думал Роберт Джордан.
It is when the damned wheel comes down that it gets you.	Когда треклятое колесо идет вниз, вот тут-то и попадешься.
But I am off that wheel, he thought.	Но я с этого колеса слез, подумал он.
And nobody is going to get me onto it again.	И больше меня на него не затащишь.

Two days ago I never knew that Pilar, Pablo nor the rest existed, he thought.	Два дня тому назад я не подозревал о существовании Пилар, Пабло и всех остальных, думал он.

There was no such thing as Maria in the world.	Никакой Марии для меня и на свете не было.
It was certainly a much simpler world.	И, надо сказать, мир тогда был гораздо проще.
I had instructions from Golz that were perfectly clear and seemed perfectly possible to carry out although they presented certain difficulties and involved certain consequences.	Я получил от Г ольца приказ, который был вполне ясен и казался вполне выполнимым, хотя выполнение представляло некоторые трудности и могло повлечь некоторые последствия.

After we blew the bridge I expected either to get back to the lines or not get back and if we got back I was going to ask for some time in Madrid.	Я думал, что после взрыва моста я либо вернусь на фронт, либо не вернусь, а если вернусь, то попрошусь ненадолго в Мадрид.
No one has any leave in this war but I am sure I could get two or three days in Madrid.	В эту войну отпусков не дают никому, но я уверен, что два или три дня мне удалось бы получить.

In Madrid I wanted to buy some books, to go to the Florida Hotel and get a room and to have a hot bath, he thought. I was going to send Luis the porter out for a bottle of absinthe if he could locate one at the MantequerIas Leonesas or at any of the places off the Gran Via and I was going to lie in bed and read after the bath and drink a couple of absinthes and then I was going to call up Gaylord's and see if I could come up there and eat.	В Мадриде я собирался купить кое-какие книги, взять номер в отеле "Флорида" и принять горячую ванну, представлял себе, что пошлю Луиса, швейцара, за бутылкой абсента, - может быть, ему удалось бы достать в Мантекериас Леонесас или в другом месте, - и после ванны полежу на кровати с книгой, попивая абсент, а потом позвоню к Гэйлорду и узнаю, можно ли зайти туда пообедать.

He did not want to eat at the Gran Via because the food was no good really and you had to get there on time or whatever there was of it would be gone.	Обедать в "Гран-Виа" ему не хотелось, потому что кормят там, правду сказать, неважно и нужно приходить очень рано, а то и вовсе ничего не получишь.
Also there were too many newspaper men there he knew and he did not want to have to keep his mouth shut.	И потом, там всегда болтается много знакомых журналистов, а думать все время о том, как бы не сказать лишнего, было очень скучно.

He wanted to drink the absinthes and to feel like talking and then go up to Gaylord's and eat with Karkov, where they had good food and real beer, and find out what was going on in the war.	Ему хотелось выпить абсента, и чтобы потянуло на разговор, и тогда отправиться к Гэйлорду, где отлично кормят и подают настоящее пиво, и пообедать с Карковым и узнать, какие новости на фронтах.
He had not liked Gaylord's, the hotel in Madrid the Russians had taken over when he first went there because it seemed too luxurious and the food was too good for a besieged city and the talk too cynical for a war.	Когда он первый раз попал в отель Гэйлорда - местопребывание русских в Мадриде, ему там не понравилось, обстановка показалась слишком роскошной и стол слишком изысканным для осажденного города, а разговоры, которые там велись, слишком вольными для военного времени.

But I corrupted very easily, he thought.	Но я очень быстро привык, подумал он.
Why should you not have as good food as could be organized when you came back from something like this?	Не так уж плохо иметь возможность вкусно пообедать, когда возвращаешься после такого дела, как вот это.

And the talk that he had thought of as cynicism when he had first heard it had turned out to be much too true.	А в тех разговорах, которые сперва показались ему вольными, как выяснилось потом, было очень много правды.
This will be something to tell at Gaylord's, he thought, when this is over.	Вот найдется о чем порассказать у Гэйлорда, когда все будет кончено, подумал он.
Yes, when this is over.	Да, когда все будет кончено.

Could you take Maria to Gaylord's?	Можно ли явиться к Гэйлорду с Марией?
No.	Нет.
You couldn't.	Нельзя.
But you could leave her in the hotel and she could take a hot bath and be there when you came back from Gaylord's.	Но можно оставить ее в номере, и она примет горячую ванну, и когда ты вернешься от Гэйлорда, она будет тебя ждать.
Yes, you could do that and after you had told Karkov about her, you could bring her later because they would be curious about her and want to see her.	Да, именно так, а потом, когда ты расскажешь о ней Каркову, можно будет и привести ее, потому что все очень заинтересуются и захотят ее увидеть.
Maybe you wouldn't go to Gaylord's at all.	А можно бы и вовсе не ходить к Гэйлорду.

You could eat early at the Gran Via and hurry back to the Florida.	Можно пообедать пораньше в "Гран-Виа" и поспешить обратно, во "Флориду".
But you knew you would go to Gaylord's because you wanted to see all that again; you wanted to eat that food again and you wanted to see all the comfort of it and the luxury of it after this.	Но ты наверняка пойдешь к Г эйлорду, потому что тебе захочется опять вкусно поесть и понежиться среди роскоши и комфорта после всего этого.
Then you would come back to the Florida and there Maria would be.	А потом ты вернешься во "Флориду", и там тебя будет ждать Мария.
Sure, she would be there after this was over.	Конечно, она поедет с ним в Мадрид, когда тут все будет кончено.

After this was over.	Когда тут все будет кончено.
Yes, after this was over.	Да, когда тут все будет кончено.
If he did this well he would rate a meal at Gaylord's.	Если тут все сойдет хорошо, он может считать, что заслужил обед у Гэйлорда.
Gaylord's was the place where you met famous peasant and worker Spanish commanders who had sprung to arms from the people at the start of the war without any previous military training and found that many of them spoke Russian.	Там, у Гэйлорда, можно было встретить знаменитых испанских командиров, которые в самом начале войны вышли из недр народа и заняли командные посты, не имея никакой военной подготовки, и оказывалось, что многие из них говорят по-русски.

That had been the first big disillusion to him a few months back and he had started to be cynical to himself about it.	Это было первое большое разочарование, испытанное им несколько месяцев назад, и оно навело его на горькие мысли.
But when he realized how it happened it was all right.	Но потом он понял, в чем дело, и оказалось, что ничего тут такого нет.
They _were_ peasants and workers.	Это действительно были рабочие и крестьяне.

They had been active in the 1934 revolution and had to flee the country when it failed and in Russia they had sent them to the military academy and to the Lenin Institute the Comintern maintained so they would be ready to fight the next time and have the necessary military education to command. The Comintern had educated them there.	Они участвовали в революции 1934 года, и когда революция потерпела крах, им пришлось бежать в Россию, и там их послали учиться в Военную академию для того, чтобы они получили военное образование, необходимое для командира, и в другой раз были готовы к борьбе.

In a revolution you could not admit to outsiders who helped you nor that any one knew more than he was supposed to know.	Во время революции нельзя выдавать посторонним, кто тебе помогает, или показывать, что ты знаешь больше, чем тебе полагается знать.
He had learned that.	Он теперь тоже постиг это.
If a thing was right fundamentally the lying was not supposed to matter. There was a lot of lying though. He did not care for the lying at first. He hated it. Then later he had come to like it. It was part of being an insider but it was a very corrupting business.	Если что-либо справедливо по существу, ложь не должна иметь значения.

It was at Gaylord's that you learned that Valentin Gonzalez, called El Campesino or The Peasant, had never been a peasant but was an ex-sergeant in the Spanish Foreign Legion who had deserted and fought with Abd el Krim.	Там, у Гэйлорда, он узнал, например, что Валентин Гонсалес, прозванный El Campesino, то есть крестьянин, вовсе и не крестьянин, а бывший сержант Испанского иностранного легиона; он дезертировал и дрался на стороне Абд эль-Керима.
That was all right, too.	Но и в этом ничего такого не было.
Why shouldn't he be?	Почему бы и нет?

You had to have these peasant leaders quickly in this sort of war and a real peasant leader might be a little too much like Pablo.	В подобной войне сразу необходимы крестьянские вожди, а настоящий крестьянский вождь может оказаться чересчур похожим на Пабло.
You couldn't wait for the real Peasant Leader to arrive and he might have too many peasant characteristics when he did.	Ждать, пока появится настоящий крестьянский вождь, некогда, да к тому же в нем может оказаться слишком много крестьянского.
So you had to manufacture one.	А потому приходится таких вождей создавать.

At that, from what he had seen of Campesino, with his black beard, his thick negroid lips, and his feverish, staring eyes, he thought he might give almost as much trouble as a real peasant leader.	Правда, когда он увидел Campesino, его черную бороду, его толстые, как у негра, губы и лихорадочные, беспокойные глаза, он подумал, что такой может причинить не меньше хлопот, чем настоящий крестьянский вождь.
The last time he had seen him he seemed to have gotten to believe his own publicity and think he was a peasant.	В последнюю встречу ему даже показалось, что этот человек сам уверовал в то, что о нем говорили, и почувствовал себя крестьянином.

He was a brave, tough man; no braver in the world.	Это был смельчак, отчаянная голова: трудно найти человека смелее.
But God, how he talked too much.	Но, господи, до чего же он много говорил!
And when he was excited he would say anything no matter what the consequences of his indiscretion.	И в пылу разговора мог сказать что угодно, не задумываясь о последствиях своей неосмотрительности.
And those consequences had been many already.	А последствия эти не раз уже бывали печальны.

He was a wonderful Brigade Commander though in a situation where it looked as though everything was lost.	Но при всем том как бригадный командир он оказывался на высоте даже в самых, казалось бы, безнадежных положениях.
He never knew when everything was lost and if it was, he would fight out of it.	Ему никогда не приходило в голову, что положение может быть безнадежным, и потому, даже когда это так и бывало, он умел найти выход.

At Gaylord's, too, you met the simple stonemason, Enrique Lister from Galicia, who now commanded a division and who talked Russian, too.	Там же, у Гэйлорда, можно было повстречать простого каменщика из Г алисии, Энрике Листера, который теперь был командиром дивизии и тоже говорил по-русски.
And you met the cabinet worker, Juan Modesto from AndalucIa who had just been given an Army Corps.	Туда же приходил столяр из Андалузии, Хуан Модесто, которому только что поручили командование армейским корпусом.

He never learned his Russian in Puerto de Santa Maria although he might have if they had a Berlitz School there that the cabinet makers went to.	Он тоже не в Пуэрто-де-Санта-Мария научился русскому языку, разве только если там были курсы Берлица, которые посещали столяры.
He was the most trusted of the young soldiers by the Russians because he was a true party man, "a hundred per cent" they said, proud to use the Americanism. He was much more intelligent than Lister or El Campesino.	Из всех молодых командиров он пользовался самым большим доверием у русских, потому что он был настоящим партийцем, "стопроцентным", как они любили говорить, щеголяя этим американизмом.

Sure, Gaylord's was the place you needed to complete your education.	Да, без Гэйлорда нельзя было бы считать свое образование законченным.
It was there you learned how it was all really done instead of how it was supposed to be done.	Именно там человек узнавал, как все происходит на самом деле, а не как оно должно бы происходить.
He had only started his education, he thought.	Я, пожалуй, только начал получать образование, подумал он.
He wondered whether he would continue with it long.	Любопытно, придется ли продолжить его?

Gaylord's was good and sound and what he needed.	Все, что удавалось узнать у Гэйлорда, было разумно и полезно, и это было как раз то, в чем он нуждался.
At the start when he had still believed all the nonsense it had come as a shock to him.	Правда, в самом начале, когда он еще верил во всякий вздор, это ошеломило его.
But now he knew enough to accept the necessity for all the deception and what he learned at Gaylord's only strengthened him in his belief in the things that he did hold to be true.	Но теперь он уже достаточно разбирался во многом, чтобы признать необходимость скрывать правду, и все, о чем он узнавал у Гэйлорда, только укрепляло его веру в правоту дела, которое он делал.

He liked to know how it really was; not how it was supposed to be.	Приятно было знать все, как оно есть на самом деле, а не как оно якобы происходит.
There was always lying in a war.	На войне всегда много лжи.
But the truth of Lister, Modesto, and El Campesino was much better than the lies and legends.	Но правда о Листере, Модесто и El Campesino гораздо лучше всех небылиц и легенд.

Well, some day they would tell the truth to every one and meantime he was glad there was a Gaylord's for his own learning of it.	Когда-нибудь эту правду не будут скрывать ни от кого, но пока он был доволен, что существует Гэйлорд, где он может узнать ее.

Yes, that was where he would go in Madrid after he had bought the books and after he had lain in the hot bath and had a couple of drinks and had read awhile.	Туда он и собирался отправиться после того, как купит книги, и полежит в горячей ванне, и выпьет абсента, и почитает немного.
But that was before Maria had come into all this that he had that plan.	Но все эти планы он строил раньше, когда еще не было Марии.
All right. They would have two rooms and she could do what she liked while he went up there and he'd come back from Gaylord's to her.	Ну что ж, они возьмут два номера, и пока он будет у Гэйлорда, она может делать что хочет, а он оттуда придет прямо к ней.

She had waited up in the hills all this time. She could wait a little while at the Hotel Florida.	Ждала же она столько времени здесь, в горах, что ей стоит подождать немножко в отеле "Флорида".
They would have three days in Madrid.	И у них будет целых три дня в Мадриде.
Three days could be a long time.	Три дня - это очень много времени.
He'd take her to see the Marx Brothers at the Opera.	Он поведет ее посмотреть братьев Маркс.
That had been running for three months now and would certainly be good for three months more.	Эта программа держится уже три месяца и, наверно, продержится еще три.

She'd like the Marx Brothers at the Opera, he thought.	Ей понравятся братья Маркс, подумал он.
She'd like that very much.	Ей это очень понравится.
It was a long way from Gaylord's to this cave though.	Но от Гэйлорда до этой пещеры - долгий путь, подумал он.
No, that was not the long way.	Нет, не этот путь долгий.
The long way was going to be from this cave to Gaylord's.	Долгим будет путь из этой пещеры до Гэйлорда.
Kashkin had taken him there first and he had not liked it.	Первый раз он попал к Гэйлорду с Кашкиным, и ему там не понравилось.

Kashkin had said he should meet Karkov because Karkov wanted to know Americans and because he was the greatest lover of Lope de Vega in the world and thought "Fuente Ovejuna" was the greatest play ever written.	Кашкин сказал, что ему непременно нужно познакомиться с Карковым, потому что Карков очень интересуется американцами и потому что он самый ярый поклонник Лопе де Вега и считает, что нет и не было в мире пьесы лучше "Овечьего источника".
Maybe it was at that, but he, Robert Jordan, did not think so.	Может быть, это и верно, но он, Роберт Джордан, не находил этого.
He had liked Karkov but not the place.	У Гэйлорда ему не понравилось, а Карков понравился.
Karkov was the most intelligent man he had ever met.	Карков - самый умный из всех людей, которых ему приходилось встречать.

Wearing black riding boots, gray breeches, and a gray tunic, with tiny hands and feet, puffily fragile of face and body, with a spitting way of talking through his bad teeth, he looked comic when Robert Jordan first saw him.	Сначала он ему показался смешным - тщедушный человечек в сером кителе, серых бриджах и черных кавалерийских сапогах, с крошечными руками и ногами, и говорит так, точно сплевывает слова сквозь зубы.

But he had more brains and more inner dignity and outer insolence and humor than any man that he had ever known. Gaylord's itself had seemed indecently luxurious and corrupt. But why shouldn't the representatives of a power that governed a sixth of the world have a few comforts? Well, they had them and Robert Jordan had at first been repelled by the whole business and then had accepted it and enjoyed it.	Но Роберт Джордан не встречал еще человека, у которого была бы такая хорошая голова, столько внутреннего достоинства и внешней дерзости и такое остроумие.

Kashkin had made him out to be a hell of a fellow and Karkov had at first been insultingly polite and then, when Robert Jordan had not played at being a hero but had told a story that was really funny and obscenely discreditable to himself, Karkov had shifted from the politeness to a relieved rudeness and then to insolence and they had become friends. Kashkin had only been tolerated there. There was	

There were sentries with bayonets downstairs outside the _portecochere_ at Gaylord's and tonight it would be the pleasantest and most comfortable place in all of besieged Madrid.	У ворот отеля Гэйлорда стоят часовые с примкнутыми штыками, и сегодня вечером это самое приятное и самое комфортабельное место в осажденном Мадриде.
He would like to be there tonight instead of here.	Ему захотелось сегодня вечером быть не здесь, а там.
Though it was all right here, now they had stopped that wheel.	Хотя и здесь не так уж плохо сейчас, колесо перестало вертеться.

And the snow was stopping too.	И снегопад тоже стихает.
He would like to show his Maria to Karkov but he could not take her there unless he asked first and he would have to see how he was received after this trip.	Он охотно показал бы Карко-ву свою Марию, но неудоб-но явиться с ней туда, надо раньше спросить, можно ли, да и вообще посмотреть, как его там примут после этого дела.

Golz would be there after this attack was over and if he had done well they would all know it from Golz.	Наступление ведь к то-му времени окончится, и Гольц тоже будет там, и если у него тут все сойдет хорошо, об этом все узнают от Гольца.
Golz would make fun of him, too, about Maria.	Да и насчет Марии Гольц тоже посмеется над ним.

After what he'd said to him about no girls.	После всего, что он ему наговорил о девушках.
He reached over to the bowl in front of Pablo and dipped up a cup of wine.	Он потянулся к миске, стоявшей перед Пабло, и зачерпнул кружку вина.
"With your permission," he said.	- С твоего разрешения, - сказал он.
Pablo nodded.	Пабло кивнул.
He is engaged in his military studies, I imagine, Robert Jordan thought.	Увлекся, видно, своими стратегическими соображениями, подумал Роберт Джордан.

Not seeking the bubble reputation in the cannon's mouth but seeking the solution to the problem in yonder bowl. But you know the bastard must be fairly able to have run this band successfully for as long as he did.	Ищет решение задачи в миске с вином. Но мерзавец, верно, и в самом деле не лишен способностей, если мог так долго верховодить здесь.
Looking at Pablo he wondered what sort of guerilla leader he would have been in the American Civil War.	Глядя на Пабло, Роберт Джордан старался представить себе, какой бы из него вышел партизанский вожак во времена Гражданской войны в Америке.
There were lots of them, he thought.	Их ведь было очень много.
But we know very little about them.	Но мы о них ничего не знаем.

Not the Quantrills, nor the Mosbys, nor his own grandfathei but the little ones, the bushwhackers.	Не о таких, как Куонтрил, как Мосби, как его собственный дед, а о вожаках небольших партизанских отрядов.
And about the drinking.	Кстати, насчет вина.
Do you suppose Grant really was a drunk?	Ты в самом деле думаешь, что Грант был пьяницей?
His grandfather always claimed he was. That he was always a little drunk by four o'clock in the afternoon and that before Vicksburg sometimes during the siege he was very drunk for a couple of days.	Дед всегда уверял, что да, что в четыре часа пополудни Грант всегда бывал немного навеселе и что во время осады Виксбурга он пил мертвую несколько дней.

But grandfather claimed that he functioned perfectly normally no matter how much he drank except that sometimes it was very hard to wake him.	Но дед уверял, что, как бы ни был Грант пьян, он действовал всегда совершенно рассудительно, только вот разбудить его бывало нелегко.
But if you _could_ wake him he was normal.	Но если уж разбудишь, он действовал рассудительно.
There wasn't any Grant, nor any Sherman nor any Stonewall Jackson on either side so far in this war. No.	В этой войне ни одна из сторон не имеет своего Гранта, своего Шермана или своего Слонуолла Джексона.
Nor any Jeb Stuart either.	И Джеба Стюарта тоже не видно.
Nor any Sheridan.	И Шеридана тоже.

It was overrun with McClellans though.	Зато Мак-Клелланов сколько угодно.

The fascists had plenty of McClellans and we had at least three of them.	У фашистов кишмя кишит Мак-Клелланами, а у нас их по меньшей мере трое.
He had certainly not seen any military geniuses in this war. Not a one.	И военных гениев тоже пока не выдвинула эта война, Ни одного.
Nor anything resembling one.	Даже похожего ничего не было.

Kleber, Lucasz, and Hans had done a fine job of their share in the defense of Madrid with the International Brigades and then the old bald, spectacled, conceited, stupid-as-an-owl, unintelligent-in-conversation, brave-- and-as-dumb-as-a-bull, propaganda-build-up defender of Madrid, Miaja, had been so jealous of the publicity Kleber received that he had forced the Russians to relieve Kieber of his command and send him to Valencia.	Клебер, Лукач и Г анс, командуя Интернациональными бригадами, с честью выполнили свою роль в обороне Мадрида, но потом старый, лысый, очкастый, самодовольный, как филин глупый, неинтересный в разговоре, по-бычьи храбрый и тупой, раздутый пропагандой защитник Мадрида Миаха стал так завидовать популярности Клебера, что заставил русских отстранить его от командования и отправить в Валенсию.
Kieber was a good soldier; but limited and he _did_ talk too much for the job he had.	Клебер был хороший солдат, но ограниченный и слишком разговорчивый для того дела, которым занимался.

Golz was a good general and a fine soldier but they always kept him in a subordinate position and never gave him a free hand.	Г ольц был хороший командир и отличный солдат, но его все время держали на положении подчиненного и не давали ему развернуться.
This attack was going to be his biggest show so far and Robert Jordan did not like too much what he had heard about the attack. Then there was Gall, the Hungarian, who ought to be shot if you could believe half you heard at Gaylord's. Make it if you can believe ten per cent of what you hear at Gaylord's, Robert Jordan thought.	Г отовящееся наступление было его первой крупной операцией, и пока Роберту Джордану не очень нравилось все то, что он слышал об этом наступлении.
He wished that he had seen the fighting on the plateau beyond Guadalajara when they beat the Italians.	Он жалел, что не видел сражения на плато за Гвадалахарой, когда итальянцы были разбиты.
But he had been down in Estremadura then.	Он тогда был в Эстремадуре.

Hans had told him about it one night in Gaylord's two weeks ago and made him see it all.	Об этом сражении ему рассказывал Ганс недели две тому назад у Гэйлорда, и так образно, что он словно сам все увидел.
There was one moment when it was really lost when the Italians had broken the line near Trijueque and the Twelfth Brigade would have been cut off if the Torija-Brihuega road had been cut.	Был один момент, когда казалось, что все проиграно, - это когда итальянцы прорвали фронт близ Трихуэке, и если б им тогда удалось перерезатьТориха-Бриуэгскую дорогу, Двенадцатая бригада оказалась бы отрезанной.
"But knowing they were Italians," Hans had said, "we attempted to manoeuvre which would have been unjustifiable against other troops.	Но мы знали, что деремся с итальянцами, сказал Ганс, и мы рискнули на маневр, которому при всяком другом противнике не было бы оправдания.
And it was successful."	И маневр удался.

Hans had shown it all to him on his maps of the battle.	Все это Ганс ему показал на своей карте.

Hans carried them around with him in his map case all the time and still seemed marvelled and happy at the miracle of it.	Г анс повсюду таскал с собой эту карту в полевой сумке и до сих пор восхищался и наслаждался своим чудесным маневром.
Hans was a fine soldier and a good companion.	Ганс был отличный солдат и хороший товарищ.
Lister's and Modesto's and Campesino's Spanish troops had all fought well in that battle, Hans had told him, and that was to be credited to their leaders and to the discipline they enforced.	Испанские части Листера, Модесто и Кампесино тоже очень хорошо показали себя в этом сражении, рассказывал Ганс, и это целиком надо поставить в заслугу их командирам и той дисциплине, которую они сумели ввести.

But Lister and Campesino and Modesto had been told many of the moves they should make by their Russian military advisers.	Но и Листеру, и Модесто, и Кампесино большинство их ходов было подсказано русскими военными консультантами.
They were like students flying a machine with dual controls which the pilot could take over whenever they made a mistake.	Они были похожи на пилотов-новичков, летающих на машине с двойным управлением, так что пилот-инструктор в любую минуту может исправить допущенную ошибку.

Well, this year would show how much and how well they learned. After a while there would not be dual controls and then we would see how well they handled divisions and army corps alone.	Ну что ж, этот год покажет, хорошо ли они усвоили урок.
They were Communists and they were disciplinarians.	Они были коммунистами и сторонниками железной дисциплины.
The discipline that they would enforce would make good troops.	Дисциплина, насаждаемая ими, сделает из испанцев хороших солдат.

Lister was murderous in discipline. He was a true fanatic and he had the complete Spanish lack of respect for life. In a few armies since the Tartar's first invasion of the West were men executed summarily for as little reason as they were under his command. But he knew how to forge a division into a fighting unit.	Листер был особенно строг насчет дисципли-ны, и он сумел выковать из дивизии настоящую боеспособную единицу.

It is one thing to hold positions. It is another to attack positions and take them and it is something very different to manoeuvre an army in the field, Robert Jordan thought as he sat there at the table.	Одно дело - удерживать позиции, другое - пойти на штурм позиций и захватить их, и совсем особое дело - маневрировать войсками в ходе боевых действий, думал Роберт Джордан, сидя в пещере за столом.
From what I have seen of him, I wonder how Lister will be at that once the dual controls are gone?	Интересно, как Листер, такой, каким я его знаю, справится с этим, когда двойное управление будет снято.
But maybe they won't go, he thought.	А может быть, оно не будет снято, подумал он.
I wonder if they will go?	Может быть, они не уйдут.

Or whether they will strengthen?	Может быть, они еще укрепятся.
I wonder what the Russian stand is on the whole business?	Интересно, как относятся русские ко всему этому делу.
Gaylord's is the place, he thought.	Гэйлорд, вот где можно все узнать.
There is much that I need to know now that I can learn only at Gaylord's.	Есть много вопросов, насущных для меня, ответ на которые я могу получить только у Гэйлорда.

At one time he had thought Gaylord's had been bad for him.	Одно время ему казалось, что для него вредно бывать у Гэйлорда.

It was the opposite of the puritanical, religious communism of Velazquez 63, the Madrid palace that had been turned into the International Brigade headquarters in the capital.	Там все было полной противоположностью пуританскому, религиозному коммунизму дома номер 63 по улице Веласкеса, дворца, где помещался Мадридский штаб Интернациональных бригад.

At Velazquez 63 it was like being a member of a religious order--and Gaylord's was a long way away from the feeling you had at the headquarters of the Fifth Regiment before it had been broken up into the brigades of the new army.	На улице Веласкеса, 63, ты чувствовал себя членом монашеского ордена, а уж что касается атмосферы, которая когда-то господствовала в штабе Пятого полка, до того как он был разбит на бригады по уставу новой армии, - у Гэйлорда ее и в помине не было.
At either of those places you felt that you were taking part in a crusade.	В тех обоих штабах ты чувствовал себя участником крестового похода.

That was the only word for it although it was a word that had been so worn and abused that it no longer gave its true meaning.	Это единственное подходящее слово, хотя оно до того истаскано и затрепано, что истинный смысл его уже давно стерся.
You felt, in spite of all bureaucracy and inefficiency and party strife, something that was like the feeling you expected to have and did not have when you made your first communion.	Несмотря на бюрократизм, на неумелость, на внутрипартийные склоки, ты испытывал то чувство, которого ждал и не испытал в день первого причастия.

It was a feeling of consecration to a duty toward all of the oppressed of the world which would be as difficult and embarrassing to speak about as religious experience and yet it was authentic as the feeling you had when you heard Bach, or stood in Chartres Cathedral or the Cathedral at Leon and saw the light coming through the great windows; or when you saw Mantegna and Greco and Brueghel in the Prado.	Это было чувство долга, принятого на себя перед всеми угнетенными мира, чувство, о котором так же неловко и трудно говорить, как о религиозном экстазе, и вместе с тем такое же подлинное, как то, которое испытываешь, когда слушаешь Баха, или когда стоишь посреди Шартрского или Леонского собора и смотришь, как падает свет сквозь огромные, витражи, или когда глядишь на полотна Мантеньи, и Греко, и Брейгеля в Прадо.

It gave you a part in something that you could believe in wholly and completely and in which you felt an absolute brotherhood with the others who were engaged in it.	Оно определяло твое место в чем-то, во что ты верил безоговорочно и безоглядно и чему ты обязан был ощущением братской близости со всеми теми, кто участвовал в нем так же, как и ты.

It was something that you had never known before but that you had experienced now and you gave such importance to it and the reasons for it that your own death seemed of complete unimportance; only a thing to be avoided because it would interfere with the performance of your duty.	Это было нечто совсем незнакомое тебе раньше, но теперь ты узнал его, и оно вместе с теми причинами, которые его породили, стало для тебя таким важным, что даже твоя смерть теперь не имеет значения; и если ты стараешься избежать смерти, то лишь для того, чтобы она не помешала исполнению твоего долга.
But the best thing was that there was something you could do about this feeling and this necessity too.	Но самое лучшее было то, что можно было что-то делать ради этого чувства и этой необходимости.

You could fight.	Можно было драться.
So you fought, he thought.	Вот мы и дрались, думал он.
And in the fighting soon there was no purity of feeling for those who survived the fighting and were good at it.	И для тех, кто дрался хорошо и остался цел, чистота чувства скоро была утрачена.

Not after the first six months.	Даже и полугода не прошло.
The defense of a position or of a city is a part of war in which you can feel that first sort of feeling.	Но когда участвуешь в обороне позиции или города, эта первоначальная чистота возвращается.
The fighting in the Sierras had been that way.	Так было во время боев в Сьерре.

They had fought there with the true comradeship of the revolution.	Там чувствовалась во время боя настоящая революционная солидарность.
Up there when there had been the first necessity for the enforcement of discipline he had approved and understood it.	Там, когда впервые возникла необходимость укрепить дисциплину, он это понял и одобрил.
Under the shelling men had been cowards and had run.	Нашлись трусы, которые побежали под огнем.
He had seen them shot and left to swell beside the road, nobody bothering to do more than strip them of their cartridges and their valuables.	Он видел, как их расстреливали и оставляли гнить у дороги, позаботившись только взять у них патроны и ценности.

Taking their cartridges, their boots and their leather coats was right.	То, что брали патроны, сапоги и кожаные куртки, было совершенно правильно.
Taking the valuables was only realistic.	То, что брали ценности, было просто разумно.
It only kept the anarchists from getting them.	Иначе все досталось бы анархистам.
It had seemed just and right and necessary that the men who ran were shot.	Тогда казалось правильным, необходимым и справедливым, что бежавших расстреливали на месте.
There was nothing wrong about it.	Ничего дурного здесь не было.
Their running was a selfishness.	Они бежали потому, что думали только о себе.

The fascists had attacked and we had stopped them on that slope in the gray rocks, the scrub pines and the gorse of the Guadarrama hillsides.	Фашисты атаковали, и мы остановили их на крутом склоне, среди серых скал, сосняка и терновых кустов Гвадаррамы.
We had held along the road under the bombing from the planes and the shelling when they brought their artillery up and those who were left at the end of that day had counterattacked and driven them back.	Целый день мы удерживали эту дорогу под воздушной бомбежкой и огнем артиллерии, которую они подвели совсем близко, и под конец те, кто уцелел, пошли в контратаку и отогнали фашистов.

Later, when they had tried to come down on the left, sifting down between the rocks and through the trees, we had held out in the Sanitarium firing from the windows and the roof although they had passed it on both sides, and we lived through knowing what it was to be surrounded until the counterattack had cleared them back behind the road again.	Потом, когда они попытались зайти слева, пробираясь небольшими отрядами между скал и деревьев, мы засели в Санитариуме и отстреливались из окон и с крыши, хотя они обошли нас уже с обеих сторон, и, зная, что значит попасть в окружение, мы все-таки продержались, пока контратака не оттеснила их снова назад.

In all that, in the fear that dries your mouth and your throat, in the smashed plaster dust and the sudden panic of a wall falling, collapsing in the flash and roar of a shellburst, clearing the gun, dragging those away who had been serving it, lying face downward and covered with rubble, your head behind the shield working on a stoppage, getting the broken case out, straightening the belt again, you now lying straight behind the shield, the gun searching the roadside again;	Среди всего этого, в страхе, от которого сохнет во рту и в горле, в пыли раскрошенной штукатурки и неожиданном ужасе рушащейся стены, дурея от вспышек и грохота взрывов, прочищаешь пулемет, оттаскиваешь в сторону тех, кто стрелял из него раньше, ничком бросаешься на кучу щебня, головой за щиток, исправляешь поломку, выравниваешь ленту, и вот уже лежишь за щитком, и пулемет снова нащупывает дорогу; ты сделал то, что нужно было сделать, и знаешь, что ты прав.

You learned the dry-mouthed, fear-purged, purging ecstasy of battle and you fought that summer and that fall for all the poor in the world, against all tyranny, for all the things that you believed and for the new world you had been educated into.	Ты узнал иссушающее опьянение боя, страхом очищенное и очищающее, лето и осень ты дрался за всех обездоленных мира, против всех угнетателей, за все, во что ты веришь, и за новый мир, который раскрыли перед тобой.
You learned that fall, he thought, how to endure and how to ignore suffering in the long time of cold and wetness, of mud and of digging and fortifying.	В эту осень, думал он, ты научился не замечать лишений, терпеливо снося холод, и сырость, и грязь бесконечных саперных и фортификационных работ.

And the feeling of the summer and the fall was buried deep under tiredness, sleepiness, and nervousness and discomfort.	И чувство, которое ты испытывал летом и осенью, оказалось погребенным под усталостью, нервным напряжением, маетой недоспанных ночей.
But it was still there and all that you went through only served to validate it.	Но оно не умерло, и все, через что пришлось пройти, только послужило ему оправданием.
It was in those days, he thought, that you had a deep and sound and selfless pride--that would have made you a bloody bore at Gaylord's, he thought suddenly.	Именно в те дни, думал он, ты испытывал глубокую, разумную и бескорыстную гордость, - каким скучным дураком ты показался бы со всем этим у Гэйлорда, подумал он вдруг.

No, you would not have been so good at Gaylord's then, he thought.	Да, тогда ты не пришелся бы ко двору у Гэйлорда, подумал он.
You were too naive.	Ты был слишком наивен.
You were in a sort of state of grace.	Ты был словно осенен благодатью.
But Gaylord's might not have been the way it was now at that time, either.	Но, может быть, и у Гэйлорда тогда все было по-другому, подумал он.
No, as a matter of fact, it was not that way, he told himself.	Да, в самом деле, тогда было по-другому, сказал он себе.
It was not that way at all.	Совсем по-другому.
There was not any Gaylord's then.	Тогда вообще не было Гэйлорда.

Karkov had told him about those days.	Карков рассказывал ему про то время.
At that time what Russians there were had lived at the Palace Hotel.	Тогда все русские, сколько их там было в Мадриде, жили в "Палас-отеле".
Robert Jordan had known none of them then.	Он в те дни никого из них не знал.
That was before the first _partizan_ groups had been formed; before he had met Kashkin or any of the others.	Это было еще до организации первых партизанских отрядов, еще до встречное Кашкиным и другими.

Kashkin had been in the north at Irun, at San Sebastian and in the abortive fighting toward Vitoria.	Кашкин был тогда на севере, в Ируне и Сан-Себастьяне, участвовал в неудачных боях под Виторией.

He had not arrived in Madrid until January and while Robert Jordan had fought at Carabanchel and at Usera in those three days when they stopped the right wing of the fascist attack on Madrid and drove the Moors and the _Tercio_ back from house to house to clear that battered suburb on the edge of the gray, sun-baked plateau and establish a line of defense along the heights that would protect that corner of the city, Karkov had been in Madrid.	Он приехал в Мадрид только в январе, а пока Роберт Джордан дрался в Карабанчеле и Усере и в те три дня, когда они остановили наступление правого крыла фашистов на Мадрид и дом за домом очищали от марокканцев и tercio разрушенное предместье на краю серого, спекшегося на солнце плато и создавали линию обороны для защиты этого уголка города, - все это время Карков был в Мадриде.

Karkov was not cynical about those times either when he talked.	Об этих днях Карков говорил без всякого ци- низма.
Those were the days they all shared when everything looked lost and each man retained now, better than any citation or decoration, the knowledge of just how he would act when everything looked lost.	То было время, когда всем казалось, что все потеряно, и у каждо- го сохранилась более ценная, чем отличия и награды, память о том, как он поступает, когда кажется, что все поте- ряно.
The government had abandoned the city, taking all the motor cars from the ministry of war in their flight and old Miaja had to ride down to inspect his defensive positions on a bicycle.	Правительство бросило город на произвол судь- бы и бежало, захватив с собой все машины во- енного министерства, и старику Миахе прихо- дилось объезжать пози- ции на велосипеде.

Robert Jordan did not believe that one.	Этому Роберт Джордан никак не мог поверить.
He could not see Miaja on a bicycle even in his most patriotic imagination, but Karkov said it was true. But then he had written it for Russian papers so he probably wanted to believe it was true after writing it.	При всем патриотизме он не мог вообразить себе Миаху на велосипеде; но Карков настаивал, что так и было.
But there was another story that Karkov had not written.	Но были и такие вещи, о которых Карков не писал.

He had three wounded Russians in the Palace Hotel for whom he was responsible. They were two tank drivers and a flyer who were too bad to be moved, and since, at that time, it was of the greatest importance that there should be no evidence of any Russian intervention to justify an open intervention by the fascists, it was Karkov's responsibility that these wounded should not fall into the hands of the fascists in case the city should be abandoned.	В "Палас-отеле" находились тогда трое тяжело раненных русских - два танкиста и летчик, оставленные на его попечение. Они были в безнадежном состоянии, и их нельзя было тронуть с места, Каркову необходимо было позаботиться о том, чтобы эти раненые не попали в руки фашистов в случае, если город решено будет сдать.

In the event the city should be abandoned, Karkov was to poison them to destroy all evidence of their identity before leaving the Palace Hotel.	В этом случае Карков, прежде чем покинуть "Палас-отель", обещал дать им яд.

No one could prove from the bodies of three wounded men, one with three bullet wounds in his abdomen, one with his jaw shot away and his vocal cords exposed, one with his femur smashed to bits by a bullet and his hands and face so badly burned that his face was just an eyelashless, eyebrowless, hairless blister that they were Russians.	Глядя на трех мертвецов, из которых один был ранен тремя пулями в живот, у другого была начисто снесена челюсть и обнажены голосовые связки, у третьего раздроблено бедро, а лицо и руки обожжены до того, что лицо превратилось в сплошной безбровый, безресничный, безволосый волдырь, никто не сказал бы, что это русские.

No one could tell from the bodies of these wounded men he would leave in beds at the Palace, that they were Russians.	Никто не мог бы опознать русских в трех израненных телах, оставшихся в номере "Палас-отеля".
Nothing proved a naked dead man was a Russian.	Ничем не докажешь, что голый мертвец, лежащий перед тобой, - русский.
Your nationality and your politics did not show when you were dead.	Мертвые не выдают своей национальности и своих политических убеждений.
Robert Jordan had asked Karkov how he felt about the necessity of performing this act and Karkov had said that he had not looked forward to it.	Роберт Джордан спросил Каркова, как он относится к необходимости сделать это, и Карков ответил, что особенного восторга все это в нем не вызывает.

"How were you going to do it?" Robert Jordan had asked him and had added, "You know it isn't so simple just suddenly to poison people."	- А как вы думали это осуществить? - спросил Роберт Джордан и добавил: - Ведь не так просто дать яд человеку.
And Karkov had said,	Но Карков сказал:
"Oh, yes, it is when you carry it always for your own use."	- Нет, очень просто, если всегда имеешь это в запасе для самого себя.
Then he had opened his cigarette case and showed Robert Jordan what he carried in one side of it.	- И он открыл свой портсигар и показал Роберту Джордану, что спрятано в его крышке.

"But the first thing anybody would do if they took you prisoner would be to take your cigarette case," Robert Jordan had objected.	- Но ведь, если вы попадете в плен, у вас первым делом отнимут портсигар, - возразил Роберт Джордан.
"They would have your hands up."	- Скажут "руки вверх", и все.
"But I have a little more here," Karkov had grinned and showed the lapel of his jacket.	- А у меня еще вот тут есть, - усмехнулся Карков и показал на лацкан своей куртки.
"You simply put the lapel in your mouth like this and bite it and swallow."	- Нужно только взять кончик лацкана в рот, вот так, раздавить ампулу зубами и глотнуть.
"That's much better," Robert Jordan had said.	-Так гораздо удобнее, - сказал Роберт Джордан.

"Tell me, does it smell like bitter almonds the way it always does in detective stories?"	- А скажите, это действительно пахнет горьким миндалем, как пишут в детективных романах?
"I don't know," Karkov said delightedly.	- Не знаю, - весело сказал Карков.
"I have never smelled it.	- Ни разу не нюхал.
Should we break a little tube and smell it?"	Может быть, разобьем одну ампулку, попробуем?
"Better keep it."	- Лучше приберегите.
"Yes," Karkov said and put the cigarette case away.	- Правильно, - сказал Карков и спрятал портсигар.

"I am not a defeatist, you understand, but it is always possible that such serious times might come again and you cannot get this anywhere.	- Понимаете, я вовсе не пораженец, но критический момент всегда может наступить еще раз, а этой штуки вы нигде не достанете.
Have you seen the communique from the Cordoba front?	Читали вы коммюнике с Кордовского фронта?
It is very beautiful.	Оно бесподобно.

It is now my favorite among all the communiques."	Это теперь мое самое любимое из всех коммюнике.
"What did it say?"	- А что в нем сказано?

Robert Jordan had come to Madrid from the Cordoban Front and he had the sudden stiffening that comes when some one jokes about a thing which you yourself may joke about but which they may not. "Tell me?"	Роберт Джордан прибыл в Мадрид с Кордовского фронта, и у него вдруг что-то сжалось внутри, как бывает, когда кто-нибудь подшучивает над вещами, над которыми можете шутить только вы, но никто другой.
"_Nuestra gloriosa tropa siga avanzando sin perder ni una sola palma de terreno_," Karkov said in his strange Spanish.	- Nuestra gloriosa tropa siga avanzando sin perder ni una sola palma de terrene, - процитировал Карков на своем диковинном испанском языке.
"It didn't really say that," Robert Jordan doubted.	- Не может быть, - усомнился Роберт Джордан.

"Our glorious troops continue to advance without losing a foot of ground," Karkov repeated in English.	- Наши славные войска продолжают продвигаться вперед, не теряя ни пяди территории, - повторил Карков по-английски.
"It is in the communique.	- Так сказано в коммюнике.
I will find it for you."	Я вам его разыщу.
You could remember the men you knew who died in the fighting around Pozoblanco; but it was a joke at Gaylord's.	Жива была еще память о людях, которых ты знал и которые погибли в боях под Пособланко; но у Гэйлорда это было предметом шуток.
So that was the way it was at Gaylord's now.	Вот что сейчас представлял собой Гэйлорд.

Still there had not always been Gaylord's and if the situation was now one which produced such a thing as Gaylord's out of the survivors of the early days, he was glad to see Gaylord's and to know about it.	Но было время, когда Гэйлорда не было, и если положение изменилось настолько, что Гэйлорд мог стать тем, чем его сделали уцелевшие после первых дней войны, Роберт Джордан очень рад этому и рад бывать там.

You are a long way from how you felt in the Sierra and at Carabanchel and at Usera, he thought. You corrupt very easily, he thought. But was it corruption or was it merely that you lost the naivete that you started with? Would it not be the same in anything? Who else kept that first chastity of mind about their work that young doctors, young priests, and young soldiers usually started with?	То, что ты чувствовал в Сьерре, и в Карабанчеле, и в Усере, теперь ушло далеко, думал он, Но кому удается сохранить тот первый целомудренный пыл, с каким начинают свою работу молодые врачи, молодые священники и молодые солдаты?

The priests certainly kept it, or they got out. I suppose the Nazis keep it, he thought, and the Communists who have a severe enough selfdiscipline.	Разве что священникам, иначе они должны бросить все.
But look at Karkov.	Но вот если взять Каркова?
He never tired of considering the case of Karkov.	Ему никогда не надоедало думать о Каркове.
The last time he had been at Gaylord's Karkov had been wonderful about a certain British economist who had spent much time in Spain.	В последний раз, когда они встретились у Гэйлорда, Карков великолепно рассказывал об одном английском экономисте, который много времени провел в Испании.

Robert Jordan had read this man's writing for years and he had always respected him without knowing anything about him.	Роберт Джордан в течение долгих лет читал статьи этого человека и всегда относился к нему с уважением, не зная о нем ничего.

He had not cared very much for what this man had written about Spain.	То, что этот человек написал об Испании, ему не очень нравилось.
It was too clear and simple and too open and shut and many of the statistics he knew were faked by wishful thinking.	Это было чересчур просто и ясно и слишком схематично, и многие статистические данные были явно, хоть и непреднамеренно подтасованы.

But he thought you rarely cared for journalism written about a country you really knew about and he respected the man for his intentions.	Но он решил, что когда хорошо знаешь страну, тебе редко нравится то, что о ней пишут в газетах и журналах, и оценил добрые намерения этого человека.
Then he had seen the man, finally, on the afternoon when they had attacked at Carabanchel.They were sitting in the lee of the bull ring and there was shooting down the two streets and every one was nervous waiting for the attack.	Наконец он его однажды увидел. Это было под вечер, перед атакой в Карабанчеле. Они сидели под стенами цирка, где обычно происходил бой быков; на двух соседних улицах шла перестрелка, и люди нервничали в ожидании начала атаки.

A tank had been promised and it had not come up and Montero was sitting with his head in his hand saying,	Им был обещан танк, но он не пришел, и Монтеро сидел, подпе-рев голову рукой, и все повторял:
"The tank has not come.	- Танк не пришел.
The tank has not come."	Танк не пришел.
It was a cold day and the yellow dust was blowing down the street and Montero had been hit in the left arm and the arm was stiffening.	День был холодный, и по улице мело-желтую пыль, а Монтеро был ранен в левую руку, и рука у него немела.
"We have to have a tank," he said.	- Нам нельзя без танка, - говорил он.

"We must wait for the tank, but we cannot wait."	- Придется ждать танка, а ждать мы не можем.
His wound was making him sound petulant.	- От боли голос его звучал раздраженно.
Robert Jordan had gone back to look for the tank which Montero said he thought might have stopped behind the apartment building on the corner of the tramline.	Роберт Джордан пошел посмотреть, не остановился ли танк за углом, у большого многоквартирного дома, мимо которого проходит трамвай, - так думал Монтеро.
It was there all right.	Там он и стоял.
But it was not a tank.	Но это был не танк.
Spaniards called anything a tank in those days.	В то время испанцы называли танком все что угодно.

It was an old armored car.	Это был старый броневик.
The driver did not want to leave the angle of the apartment house and bring it up to the bull ring.	Добравшись до этого места за углом большого дома, водитель не захотел ехать дальше, к цирку.
He was standing behind it with his arms folded against the metal of the car and his head in the leather-padded helmet on his arms.	Он стоял позади своей машины, положив на металлическую обшивку скрещенные руки и уткнув в них голову в мягком кожаном шлеме.
He shook his head when Robert Jordan spoke to him and kept it pressed against his arms.	Когда Роберт Джордан заговорил с ним, он замотал головой, не поднимая ее.
Then he turned his head without looking at Robert Jordan.	Потом он повернул голову, но не взглянул на Роберта Джордана.

"I have no orders to go there," he said sullenly.	- Я не получал приказа ехать туда, - угрюмо сказал он.

Robert Jordan had taken his pistol out of the holster and pushed the muzzle of the pistol against the leather coat of the armored car driver.	Роберт Джордан вынул револьвер из кобуры и приставил дуло к кожаному пальто водителя.
"Here are your orders," he had told him.	- Вот тебе приказ, - сказал он ему.
The man shook his head with the big padded-leather helmet like a football player's on it and said,	Водитель опять замотал головой в мягком кожаном шлеме, как у футболиста, и сказал:
"There is no ammunition for the machine gun."	- Пулемет без патронов.

"We have ammunition at the bull ring," Robert Jordan had told him.	- У нас там есть патроны, - сказал ему Роберт Джордан.
"Come on, let's go.	- Садись, и едем.
We will fill the belts there.	Ленты там зарядим.
Come on."	Садись.
"There is no one to work the gun," the driver said.	- Некому стрелять из пулемета, - сказал водитель.
"Where is he?	- А где он?
Where is your mate?"	Где пулеметчик?
"Dead," the driver had said.	- Убит, - сказал водитель.
"Inside there."	- Там, внутри.
"Get him out," Robert Jordan had said.	- Вытащи его, - сказал Роберт Джордан.

"Get him out of there."	- Вытащи его оттуда.
"I do not like to touch him," the driver had said.	- Я не хочу дотрагиваться до него, - сказал водитель.
"And he is bent over between the gun and the wheel and I cannot get past him."	- А он лежит между пулеметом и рулем, и я не могу сесть за руль.
"Come on," Robert Jordan had said.	- Иди сюда, - сказал Роберт Джордан.
"We will get him out together."	- Мы сейчас вдвоем его вытащим.
He had banged his head as he climbed into the armored car and it had made a small cut over his eyebrow that bled down onto his face.	Он ушиб голову, пролезая в дверцу броневика, и из небольшой ранки над бровью текла кровь, размазываясь по лицу.

The dead man was heavy and so stiff you could not bend him and he had to hammer at his head to get it out from where it had wedged, face down, between his seat and the wheel.	Мертвый пулеметчик был очень тяжелый и уже успел окоченеть, так что разогнуть его было невозможно, и Роберту Джордану пришлось бить кулаком по его голове, чтобы вышибить ее из узкого зазора между сиденьем и рулем, где она застряла.
Finally he got it up by pushing with his knee up under the dead man's head and then, pulling back on the man's waist now that the head was loose, he pulled the dead man out himself toward the door.	Наконец он догадался подтолкнуть ее коленом снизу, и она высвободилась, и, обхватив тело поперек, он стал тянуть его к дверце.

"Give me a hand with him," he had said to the driver.	- Помоги мне, - сказал он водителю.
"I do not want to touch him," the driver had said and Robert Jordan had seen that he was crying.	- Я не хочу прикасаться к нему, - сказал водитель, и Роберт Джордан увидел, что он плачет.

The tears ran straight down on each side of his nose on the powder-grimed slope of his face and his nose was running, too.	Слезы стекали прямыми ручейками по его почерневшему от пыли лицу, и из носа тоже текло.

Standing beside the door he had swung the dead man out and the dead man fell onto the sidewalk beside the tram-line still in that hunched-over, doubled-up position.	Стоя снаружи у дверцы, Роберт Джордан вытащил мертвого пулеметчика из машины, и мертвый пулеметчик упал на тротуар почти у самых трамвайных рельсов, все такой же скрюченный, словно согнутый пополам.
He lay there, his face waxy gray against the cement sidewalk, his hands bent under him as they had been in the car.	Там он и лежал, прижавшись серо-восковой щекой к плитам тротуара, подогнув под себя руки, как в машине.
"Get in, God damn it," Robert Jordan had said, motioning now with his pistol to the driver.	- Садись, черт тебя раздери, - сказал Роберт Джордан, делая водителю знак своим револьвером.
"Get in there now."	- Садись сейчас же!

Just then he had seen this man who had come out from the lee of the apartment house building.	И тут вдруг из-за угла вышел человек.
He had on a long overcoat and he was bareheaded and his hair was gray, his cheekbones broad and his eyes were deep and set close together.	Он был в длинном пальто, без шляпы, волосы у него были седые, скулы выдавались, а глаза сидели глубоко и близко друг к другу.
He had a package of Chesterfields in his hand and he took one out and handed it toward Robert Jordan who was pushing the driver into the armored car with his pistol.	В руке он держал пачку сигарет "Честерфилд" и, вынул одну сигарету, протянул ее Роберту Джордану, который в это время с помощью револьвера подсаживал водителя в броневик.

"Just a minute, Comrade," he had said to Robert Jordan in Spanish.	- Одну минутку, товарищ, - сказал он Роберту Джордану по-испански.
"Can you explain to me something about the fighting?"	- Не можете ли вы дать мне кое-какие разъяснения по поводу этого боя.
Robert Jordan took the cigarette and put it in the breast pocket of his blue mechanic jumper.	Роберт Джордан взял сигарету и спрятал ее в нагрудный карман своей синей рабочей блузы.
He had recognized this comrade from his pictures.	Он узнал этого товарища по фотографиям.
It was the British economist.	Это был английский экономист.

"Go muck yourself," he said in English and then, in Spanish, to the armored car driver. "Down there.	- Иди ты знаешь куда, - сказал он ему по-английски и потом по-испански водителю броневика: - Вперед.
The bull ring.	К цирку.
See?"	Понятно?
And he had pulled the heavy side door to with a slam and locked it and they had started down that long slope in the car and the bullets had commenced to hit against the car, sounding like pebbles tossed against an iron boiler.	- И с силой захлопнул тяжелую боковую дверь и запер ее, и машина понеслась по длинному отлогому спуску, и пули застучали по обшивке, точно камешки по железному котлу.
Then when the machine gun opened on them, they were like sharp hammer tappings.	Потом, когда заработал пулемет, это было точно дробный стук молотка по обшивке.

They had pulled up behind the shelter of the bull ring with the last October posters still pasted up beside the ticket window and the ammunition boxes knocked open and the comrades with the rifles, the grenades on their belts and in their pockets, waiting there in the lee and Montero had said,	Они затормозили у стены цирка, еще обклеенной прошлогодними афишами, там, где близ окошечка кассы стояли вскрытые патронные ящики, и товарищи ждали под прикрытием стены с винтовками за плечом, с гранатами на поясе и в карманах, и Монтеро сказал:
"Good.	- Хорошо.
Here is the tank.	Вот и танк.
Now we can attack."	Теперь можно атаковать.

Later that night when they had the last houses on the hill, he lay comfortable behind a brick wall with a hole knocked in the bricks for a loophole and looked across the beautiful level field of fire they had between them and the ridge the fascists had retired to and thought, with a comfort that was almost voluptuous, of the rise of the hill with the smashed villa that protected the left flank.	В тот же вечер, когда последние дома на холме уже были заняты, он лежал, удобно устроившись за кирпичной стеной у отверстия, пробитого в кладке для бойницы, и смотрел но великолепное поле обстрела, простиравшееся между ними и горной грядой, куда отступили фашисты, и с чувством близким к наслаждению, думал о том, как удачно защищен левый фланг крутым холмом с разрушенной виллой на вершине.

He had lain in a pile of straw in his sweat-soaked clothes and wound a blanket around him while he dried.	Он зарылся в кучу соломы и закутался в одеяло, чтобы не продрогнуть, когда начнет подсыхать насквозь пропотевшая одежда.
Lying there he thought of the economist and laughed, and then felt sorry he had been rude.	Лежа так, он вдруг вспомнил про экономиста и засмеялся, а потом пожалел, что был с ним груб.
But at the moment, when the man had handed him the cigarette, pushing it out almost like offering a tip for information, the combatant's hatred for the noncombatant had been too much for him.	Но когда англичанин протянул ему сигарету, словно сунул ее в виде платы за информацию, ненависть бойца к нестроевику вспыхнула в нем с такой силой, что он не сдержался.

Now he remembered Gaylord's and Karkov speaking of this same man.	Теперь ему вспомнился Гэйлорд и разговор к Карковым об этом человеке.
"So it was there you met him," Karkov had said.	- Так вот вы его где встретили, - сказал тогда Карков.
"I did not get farther than the Puente de Toledo myself on that day.	- Я сам в этот день не был дальше Пуэнте-де-Толедо.
He was very far toward the front.	Он, значит, пробрался очень близко к фронту.
That was the last day of his bravery I believe.	Но-это, кажется, был последний день его подвигов.
He left Madrid the next day.	На следующий день он уехал из Мадрида.

Toledo was where he was the bravest, I believe.	Лучше всего он себя показал в Толедо.
At Toledo he was enormous.	В Толедо он совершил прямо чудеса храбрости.
He was one of the architects of our capture of the Alcazar.	Он был одним из авторов проекта взятия Алькасара.
You should have seen him at Toledo.	Посмотрели бы вы на него в Толедо.
I believe it was largely through his efforts and his advice that our siege was successful.	Мне кажется, успехом этой осады мы во многом обязаны его помощи и его советам.

That was the silliest part of the war.	Это был, между прочим, самый нелепый этап войны.

It reached an ultimate in silliness but tell me, what is thought of him in America?"	Это была просто вершина нелепости. Но скажите мне, что говорят об этом человеке в Америке?
"In America," Robert Jordan said, "he is supposed to be very close to Moscow."	- В Америке, - сказал Роберт Джордан, - считают, что он очень близок к Москве.
"He is not," said Karkov.	- Это неверно, - сказал Карков.
"But he has a wonderful face and his face and his manners are very successful.	- Но у него великолепное лицо, с таким лицом и манерами можно добиться чего угодно.
Now with my face I could do nothing.	Вот с моим лицом ничего не добьешься.

What little I have accomplished was all done in spite of my face which does not either inspire people nor move them to love me and to trust me.	То немногое, чего мне удалось достичь в жизни, было достигнуто несмотря на мое лицо, которое не способно ни вдохновлять людей, ни внушать им любовь и доверие.
But this man Mitchell has a face he makes his fortune with.	А у этого Митчелла не лицо, а клад.
It is the face of a conspirator.	Настоящее лицо заговорщика.
All who have read of conspirators in books trust him instantly.	Всякий, кто знает заговорщиков по литературе, немедленно проникается к нему доверием.
Also he has the true manner of the conspirator.	И манеры у него тоже чисто заговорщицкие.

Any one seeing him enter a room knows that he is instantly in the presence of a conspirator of the first mark.	Стоит вам увидеть, как он входит в комнату, и вы сейчас же чувствуете, что перед вами заговорщик самой высокой марки.
All of your rich compatriots who wish sentimentally to aid the Soviet Union as they believe or to insure themselves a little against any eventual success of the party see instantly in the face of this man, and in his manner that he can be none other than a trusted agent of the Comintern."	Любой из ваших богатых соотечественников, движимый, как ему кажется, великодушным желанием помочь Советскому Союзу или жаждущий застраховать себя хоть чем-нибудь на случай возможного успеха партии, сразу поймет по виду этого человека, что он не может быть никем иным, как доверенным агентом Коминтерна.

"Has he no connections in Moscow?"	- Значит, с Москвой у него нет связей?
"None.	- Никаких.
Listen, Comrade Jordan.	Слушайте, товарищ Джордан.
Do you know about the two kinds of fools?"	Вы знаете, что дураки бывают двух типов?
"Plain and damn?"	- Вредные и безвредные?
"No.	- Нет.
The two kinds of fools we have in Russia," Karkov grinned and began. "First there is the winter fool.	Я говорю о тех двух типах дураков, которые встречаются в России. - Карков усмехнулся и начал: - Первый - это зимний дурак.

The winter fool comes to the door of your house and he knocks loudly.	Зимний дурак подходит к дверям вашего дома и громко стучится.

You go to the door and you see him there and you have never seen him before.	Вы выходите на стук и видите его впервые в жизни.
He is an impressive sight.	Зрелище он собой являет внушительное.
He is a very big man and he has on high boots and a fur coat and a fur hat and he is all covered with snow.	Это огромный детина в высоких сапогах, меховой шубе и меховой шапке, и весь он засыпан снегом.
First he stamps his boots and snow falls from them.	Он сначала топает ногами, и снег валится с его сапог.

Then he takes off his fur coat and shakes it and more snow falls.	Потом он снимает шубу и встряхивает ее, и с шубы тоже валится снег.
Then he takes off his fur hat and knocks it against the door.	Потом он снимает шапку и хлопает ею о косяк двери.
More snow falls from his fur hat.	И с шапки тоже валится снег.
Then he stamps his boots again and advances into the room.	Потом он еще топает ногами и входит в комнату.
Then you look at him and you see he is a fool.	Тут только вам удается как следует разглядеть его, и вы видите, что он дурак.
That is the winter fool.	Это зимний дурак.

"Now in the summer you see a fool going down the street and he is waving his arms and jerking his head from side to side and everybody from two hundred yards away can tell he is a fool.	А летний дурак ходит по улице, размахивает руками, вертит головой, и всякий за двести шагов сразу видит, что он дурак.
That is a summer fool.	Это летний дурак.
This economist is a winter fool."	Митчелл - дурак зимний.
"But why do people trust him here?" Robert Jordan asked.	- Но почему же ему здесь доверяют? - спросил Роберт Джордан.
"His face," Karkov said.	- Лицо, - сказал Карков.
"His beautiful _gueule de conspirateur_.	- Его великолепная gueule de conspirateur .

And his invaluable trick of just having come from somewhere else where he is very trusted and important.	И потом еще очень ловкий трюк - он всегда делает вид, будто только что явился откуда-то, где пользуется большим доверием и уважением.
Of course," he smiled, "he must travel very much to keep the trick working.	Правда, - Карков улыбнулся, - для того чтобы этот его трюк не терял силы, ему приходится все время переезжать с места на место.
You know the Spanish are very strange," Karkov went on.	Знаете, испанцы - удивительный народ, -продолжал Карков.
"This government has had much money.	- У здешнего правительства очень много денег.
Much gold.	Очень много золота.
They will give nothing to their friends.	Друзьям они ничего не дают.

You are a friend.	Вы - друг.
All right.	Отлично.
You will do it for nothing and should not be rewarded.	Вы, значит, сделаете все бесплатно и не нуждаетесь в вознаграждении.

But to people representing an important firm or a country which is not friendly but must be influenced- -to such people they give much.	Но людям, представляющим влиятельную фирму или страну, которая не состоит в друзьях и должна быть обработана, - таким людям они дают щедрой рукой.
It is very interesting when you follow it closely."	Это очень любопытный факт, если в него вникнуть.
"I do not like it.	- Мне это не нравится.

Also that money belongs to the Spanish workers."	Помимо всего, эти деньги принадлежат испанским рабочим.
"You are not supposed to like things.	-И не нужно, чтобы вам это нравилось.
Only to understand," Karkov had told him.	Нужно только, чтобы вы понимали, - сказал ему Карков.
"I teach you a little each time I see you and eventually you will acquire an education.	- При каждой нашей встрече я даю вам небольшой урок, и так постепенно вы приобретете все необходимые знания.
It would be very interesting for a professor to be educated."	Очень занятно, когда преподаватель сам учится.

"I don't know whether I'll be able to be a professor when I get back.	- Вряд ли я теперь буду преподавать, когда вернусь.
They will probably run me out as a Red."	Меня, вероятно, выбросят как красного.
"Well, perhaps you will be able to come to the Soviet Union and continue your studies there.	- Ну что ж, тогда приезжайте в Советский Союз и будете продолжать там свое образование.
That might be the best thing for you to do."	Это, пожалуй, было бы для вас лучше всего.
"But Spanish is my field."	- Но моя специальность - испанский язык.

"There are many countries where Spanish is spoken," Karkov had said.	- Есть много стран, где говорят по-испански, - сказал Карков.
"They cannot all be as difficult to do anything with as Spain is.	- Не везде же так трудно придется, как в Испании.
Then you must remember that you have not been a professor now for almost nine months.	И потом, не забывайте о том, что вы уже почти девять месяцев не занимаетесь преподаванием.
In nine months you may have learned a new trade.	За девять месяцев можно приобрести новую профессию.
How much dialectics have you read?"	Много ли вы читали по диалектике?

"I have read the Handbook of Marxism that Emil Burns edited.	-Я читал "Руководство по марксизму", которое вышло под редакцией Эмиля Бернса.
That is all."	Больше ничего.
"If you have read it all that is quite a little.	- Если вы его прочли до конца, это не так уж мало.
There are fifteen hundred pages and you could spend some time on each page.	Там тысячи полторы страниц, и на каждую надо потратить время.
But there are some other things you should read."	Но есть еще другие книги, которые вам нужно прочесть.
"There is no time to read now."	- Теперь некогда заниматься чтением.

"I know," Karkov had said.	- Я знаю, - сказал Карков.
"I mean eventually.	- Но когда-нибудь потом.
There are many things to read which will make you understand some of these things that happen.	Есть книги, прочтя которые вы поймете многое из того, что сейчас происходит.
But out of this will come a book which is very necessary; which will explain many things which it is necessary to know.	А то, что происходит сейчас, послужит материалом для книги, - очень нужной книги, объясняющей многое, что необходимо знать.
Perhaps I will write it.	Может быть, эту книгу напишу я.
I hope that it will be me who will write it."	Надеюсь, что именно я напишу ее.

"I don't know who could write it better."	- Кому же и написать, как не вам.
"Do not flatter," Karkov had said.	- Не льстите, - сказал Карков.
"I am a journalist.	- Я журналист.
But like all journalists I wish to write literature.	Но, как все журналисты, я мечтаю заниматься литературой.
Just now, I am very busy on a study of Calvo Sotelo.	Сейчас я готовлю материал для очерка о Кальво Сотело.
He was a very good fascist; a true Spanish fascist.	Это был законченный фашист; настоящий испанский фашист.
Franco and these other people are not.	Франко и все остальные совсем не то.
I have been studying all of Sotelo's writing and speeches.	Я изучаю речи Сотело и все его писания.

He was very intelligent and it was very intelligent that he was killed."	Он был очень умен, и это было очень умно, что его убили.
"I thought that you did not believe in political assassination."	- Я думал, что вы против метода политических убийств.
"It is practised very extensively," Karkov said. "Very, very extensively." "But--" "We do not believe in acts of terrorism by individuals," Karkov had smiled.	- Мы против индивидуального террора, -улыбнулся Карков.
"Not of course by criminal terrorist and counterrevolutionary organizations.	- Конечно, мы против деятельности преступных террористических и контрреволюционных организаций.

We detest with horror the duplicity and villainy of the murderous hyenas of Bukharinite wreckers and such dregs of humanity as Zinoviev, Kamenev, Rykov and their henchmen.	Ненависть и отвращение вызывает у нас двурушничество таких, как Зиновьев, Каменев, Рыков и их приспешники.
We hate and loathe these veritable fiends," he smiled again.	Мы презираем и ненавидим этих людей. - Он снова улыбнулся.
"But I still believe that political assassination can be said to be practised very extensively."	- Но все-таки можно считать, что метод политических убийств применяется довольно широко.
"You mean--"	- Вы хотите сказать...
"I mean nothing.	- Я ничего не хочу сказать.

But certainly we execute and destroy such veritable fiends and dregs of humanity and the treacherous dogs of generals and the revolting spectacle of admirals unfaithful to their trust.	Но, конечно, мы казним и уничтожаем выродков, накипь человечества.
These are destroyed.	Их мы ликвидируем.
They are not assassinated.	Но не убиваем.
You see the difference?"	Вы понимаете разницу?
"I see," Robert Jordan had said.	- Понимаю, - сказал Роберт Джордан.

"And because I make jokes sometime: and you know how dangerous it is to make jokes even in joke? Good. Because I make jokes, do not think that the Spanish people will not live to regret that they have not shot certain generals that even now hold commands.	- И если я иногда шучу, - а вы знаете, как опасно шутить даже в шутку, - ну так вот, если я иногда шучу, это еще не значит, что испанскому народу не придется когда-нибудь пожалеть о том, что он не расстрелял кое-каких генералов, которые и сейчас находятся у власти.
I do not like the shootings, you understand."	Просто я не люблю, когда расстреливают людей.
"I don't mind them," Robert Jordan said.	- А я теперь отношусь к этому спокойно, - сказал Роберт Джордан.

"I do not like them but I do not mind them any more."	- Я тоже не люблю, но отношусь к этому спокойно.
"I know that," Karkov had said.	- Знаю, - сказал Карков.
"I have been told that."	- Мне об этом говорили.
"Is it important?" Robert Jordan said.	- Разве это так важно? - сказал Роберт Джордан.
"I was only trying to be truthful about it."	- Я только старался говорить то, что думаю.

"It is regretful," Karkov had said. "But it is one of the things that makes people be treated as reliable who would ordinarily have to spend much more time before attaining that category."	- К сожалению, - сказал Карков, - это одно из условий, позволяющих считать надежным человека, которому при других обстоятельствах понадобилось бы гораздо больше времени, чтобы попасть в этот разряд.
"Am I supposed to be reliable?"	- А разве я непременно должен быть надежным?
"In your work you are supposed to be very reliable.	- При вашей работе вы должны быть абсолютно надежным.
I must talk to you sometime to see how you are in your mind.	Надо мне как-нибудь поговорить с вами, посмотреть, как работает ваш интеллект.

It is regrettable that we never speak seriously."	Жаль, что мы никогда не разговариваем серьезно.
"My mind is in suspension until we win the war," Robert Jordan had said.	- Я свой интеллект законсервировал до победного окончания войны, - сказал Роберт Джордан.
"Then perhaps you will not need it for a long time.	- Тогда боюсь, что он вам еще долго не понадобится.
But you should be careful to exercise it a little."	Но все-таки вы должны его упражнять время от времени.
"I read _Mundo Obrero_," Robert Jordan had told him and Karkov had said,	- Я читаю "Мундо обреро", - сказал тогда Роберт Джордан, а Карков ответил:

"All right. Good.	- Ладно.

I can take a joke too.	Я и шутки понимать умею.
But there are very intelligent things in _Mundo Obrero_.	Но в "Мундо обреро" попадаются очень разумные статьи.
The only intelligent things written on this war."	Самые разумные из всех, которые написаны об этой войне.
"Yes," Robert Jordan had said.	- Да, - сказал Роберт Джордан.
"I agree with you.	- Согласен.
But to get a full picture of what is happening you cannot read only the party organ."	Но все-таки нельзя увидеть полную картину событий, читая только партийный орган.

"No," Karkov had said. "But you will not find any such picture if you read twenty papers and then, if you had it, I do not know what you would do with it.	- Вы все равно не увидите этой картины, - сказал Карков, - даже если будете читать двадцать газет, а если и увидите, мне не совсем ясно, чем это вам поможет.
I have such a picture almost constantly and what I do is try to forget it."	У меня это представление есть все время, и я только и делаю, что стараюсь забыть о нем.
"You think it is that bad?"	- По-вашему, все настолько плохо?
"It is better now than it was.	- Теперь лучше, чем было.
We are getting rid of some of the worst.	Постепенно удается избавиться от самого худшего.
But it is very rotten.	Но до хорошего еще далеко.

We are building a huge army now and some of the elements, those of Modesto, of El Campesino, of Lister and of Duran, are reliable.	Задача теперь создать мощную армию, и некоторые элементы, те, что идут за Модесто, за Кампесино, Листером и Дюраном, вполне надежны.
They are more than reliable.	Более чем надежны.
They are magnificent.	Великолепны.
You will see that.	Вы сами это увидите.
Also we still have the Brigades although their role is changing.	Потом есть еще бригады, хотя их роль изменилась.
But an army that is made up of good and bad elements cannot win a war.	Но армия, в которой есть и хорошие и дурные элементы, не может выиграть войну.

All must be brought to a certain level of political development; all must know why they are fighting, and its importance.	Все бойцы армии должны достигнуть определенного уровня политического развития; все должны знать, за что дерутся и какое это имеет значение.
All must believe in the fight they are to make and all must accept discipline.	Все должны верить в борьбу, которая им предстоит, и все должны подчиняться дисциплине.
We are making a huge conscript army without the time to implant the discipline that a conscript army must have, to behave properly under fire.	Создается мощная регулярная армия, а нет времени для создания дисциплины, необходимой, чтобы такая армия достойно вела себя под огнем.

We call it a people's army but it will not have the assets of a true people's army and it will not have the iron discipline that a conscript army needs.	Мы называем эту армию народной, но ей не хватает основных преимуществ подлинно народной армии, и в то же время ей не хватает железной дисциплины, без которой не может существовать армия регулярная.
You will see.	Увидите сами.
It is a very dangerous procedure."	Это очень рискованное предприятие.
"You are not very cheerful today."	- У вас сегодня настроение не очень хорошее.
"No," Karkov had said.	- Да, - сказал Карков.

"I have just come back from Valencia where I have seen many people.	- Я только что из Валенсии, где я по-видал многих людей.
No one comes back very cheerful from Valencia.	Из Валенсии никто не возвращаете я в хорошем настроении.
In Madrid you feel good and clean and with no possibility of anything but winning.	Когда вы в Мадриде, на душе у вас спокойно и ясно и кажется, что война может окончиться только победой.
Valencia is something else.	Валенсия - совсем другое дело.
The cowards who fled from Madrid still govern there.	Там еще верховодят трусы, которые бежали из Мадрида.

They have settled happily into the sloth and bureaucracy of governing.	Они уютно погрузились в административно-бюрократическую истому.
They have only contempt for those of Madrid.	На тех, кто остался в Мадриде, они смотрят свысока.
Their obsession now is the weakening of the commissariat for war.	Их очередная мания - это ослабление военного комиссариата.
And Barcelona.	А Барселона!
You should see Barcelona."	Посмотрели бы вы, что делается в Барселоне!
"How is it?"	- А что?

"It is all still comic opera.	- Самая настоящая оперетта.
First it was the paradise of the crackpots and the romantic revolutionists.	Сначала это был рай для всяких психов и революционеров-романтиков.
Now it is the paradise of the fake soldier.	Теперь это рай для опереточных вояк.
The soldiers who like to wear uniforms, who like to strut and swagger and wear red-and-black scarves.	Из тех, что любят щеголять в форме, красоваться, и парадировать, и носить красные с черным шарфы.
Who like everything about war except to fight.	Любят все, что связано с войной, не любят только сражаться!

Valencia makes you sick and Barcelona makes you laugh."	От Валенсии становится тошно, а от Барселоны смешно.
"What about the P.O.U.M. putsch?"	- А что вы думаете о путче ПОУМ?
"The P.O.U.M. was never serious.	- Ну, это совершенно несерьезно.

It was a heresy of crackpots and wild men and it was really just an infantilism.	Бредовая затея всяких психов и сумасбродов, в сущности, просто ребячество.
There were some honest misguided people.	Было там несколько честных людей, которых сбили с толку.

There was one fairly good brain and there was a little fascist money.	Была одна неглупая голова и немного фашистских денег.
Not much. The poor P.O.U.M. They were very silly people."	Очень мало, бедный ПОУМ. Дураки все-таки.
"But were many killed in the putsch?"	- Много народу погибло во время этого путча?
"Not so many as were shot afterwards or will be shot. The P.O.U.M. It is like the name. Not serious.	- Меньше, чем потом расстреляли или еще расстреляют. ПОУМ. Это все так же несерьезно, как само название.
They should have called it the M.U.M.P.S. or the MEASLES.	Уж назвали бы КРУП или ГРИПП.
But no. The Measles is much more dangerous.	Хотя нет. ГРИПП гораздо опаснее.

It can affect both sight and hearing.	Он может дать серьезные осложнения.
But they made one plot you know to kill me, to kill Walter, to kill Modesto and to kill Prieto.	Кстати, вы знаете, они собирались убить меня, Вальтера, Модесто и Прието.
You see how badly mixed up they were?	Чувствуете, какая путаница у них в голове?
We are not at all alike.	Ведь все мы совершенно разные люди.
Poor P.O.U.M. They never did kill anybody.	Бедный ПОУМ. Они так никого и не убили.
Not at the front nor anywhere else.	Ни на фронте, ни в тылу.
A few in Barcelona, yes."	Разве только нескольких человек в Барселоне.

"Were you there?"	- А вы были там?
"Yes.	-Да.
I have sent a cable describing the wickedness of that infamous organization of Trotskyite murderers and their fascist machinations all beneath contempt but, between us, it is not very serious, the P.O.U.M. Nin was their only man.	Я послал оттуда телеграмму с описанием этой гнусной организации троцкистских убийц и их подлых фашистских махинаций, но, между нами говоря, это несерьезно, весь этот ПОУМ. Единственным деловым человеком там был Нин.
We had him but he escaped from our hands."	Мы было захватили его, но он у нас ушел из-под рук.
"Where is he now?"	-Где он теперь?
"In Paris.	- В Париже.

We say he is in Paris.	Мы говорим, что он в Париже.
He was a very pleasant fellow but with bad political aberrations."	Он вообще очень неплохой малый, но подвержен пагубным политическим заблуждениям.
"But they were in communication with the fascists, weren't they?"	- Но это правда, что они были связаны с фашистами?
"Who is not?"	- А кто с ними не связан?
"We are not."	- Мы не связаны.

"Who knows?	- Кто знает.
I hope we are not.	Надеюсь, что нет.

You go often behind their lines," he grinned.	Вы ведь часто бываете в их тылу. - Он усмехнулся.
"But the brother of one of the secretaries of the Republican Embassy at Paris made a trip to St. Jean de Luz last week to meet people from Burgos."	- А вот брат одного из секретарей республиканского посольства в Париже на прошлой неделе ездил в Сен-Жан-де-Люс и виделся там с людьми из Бургоса.
"I like it better at the front," Robert Jordan had said.	- Мне больше нравится на фронте, - сказал тогда Роберт Джордан.
"The closer to the front the better the people."	- Чем ближе к фронту, тем люди лучше.
"How do you like it behind the fascist lines?"	-А в фашистском тылу вам не нравится?

"Very much.	- Очень нравится.
We have fine people there."	У нас там есть прекрасные люди.
"Well, you see they must have their fine people behind our lines the same way.	- Да, а у них, вероятно, есть прекрасные люди в нашем тылу.
We find them and shoot them and they find ours and shoot them.	Мы их ловим и расстреливаем, а они ловят и расстреливают наших.
When you are in their country you must always think of how many people they must send over to us."	Когда вы на их территории, думайте всегда о том, сколько людей они засылают к нам.
"I have thought about them."	-Я об этом думаю.

"Well," Karkov had said.	- Ну ладно, - сказал Карков.
"You have probably enough to think about for today, so drink that beer that is left in the pitcher and run along now because I have to go upstairs to see people.	- Сегодня вам, вероятно, еще много о чем надо подумать, а потому допивайте пиво, которое у вас в кружке, и отправляйтесь по своим делам, а я пойду наверх, проведаю кое-кого.
Upstairs people.	Кое-кого из верхних номеров.
Come again to see me soon."	Приходите ко мне еще.
Yes, Robert Jordan thought.	Да, думал Роберт Джордан.
You learned a lot at Gaylord's.	Многому можно научиться у Гэйлорда.

Karkov had read the one and only book he had published.	Карков читал его первую и единственную книгу.
The book had not been a success.	Книга не имела успеха.
It was only two hundred pages long and he doubted if two thousand people had ever read it.	В ней было всего двести страниц, и он сомневался, прочитали ли ее хоть две тысячи человек.
He had put in it what he had discovered about Spain in ten years of travelling in it, on foot, in third-class carriages, by bus, on horse- and mule-back and in trucks.	Он вложил в нее все, что узнал об Испании за десять лет путешествий по ней пешком, в вагонах третьего класса, в автобусах, на грузовиках, верхом на лошадях и мулах.

He knew the Basque country, Navarre, Aragon, Galicia, the two Castiles and Estremadura well.	Он знал Страну Басков, Наварру, Арагон, Галисию, обе Кастилии и Эстремадуру вдоль и поперек.
There had been such good books written by Borrow and Ford and the rest that he had been able to add very little.	Но Борроу, Форд и другие написали уже столько хороших книг, что он почти ничего не сумел добавить.
But Karkov said it was a good book.	Однако Карков сказал, что книга хорошая.
"It is why I bother with you," he said.	- Иначе я бы с вами не возился, - сказал он ему.
"I think you write absolutely truly and that is very rare.	- Я нахожу, что вы пишете абсолютно правдиво, а это редкое достоинство.

So I would like you to know some things."	Поэтому мне хочется, чтоб вы узнали и поняли некоторые вещи.
All right.	Хорошо.
He would write a book when he got through with this.	Пусть все это кончится, и тогда он напишет новую книгу.
But only about the things he knew, truly, and about what he knew.	Но только о том, что он знает. Правдиво, и о том, что он знает.
But I will have to be a much better writer than I am now to handle them, he thought.	Придется только подучиться писательскому мастерству, чтобы справиться с этим.
The things he had come to know in this war were not so simple.	Все, о чем он узнал в эту войну, далеко не так просто.

19	19
"What do you do sitting there?" Maria asked him.	- Что ты делаешь? - спросила его Мария.
She was standing close beside him and he turned his head and smiled at her.	Она стояла рядом с ним. Он повернул голову и улыбнулся ей.
"Nothing," he said.	- Ничего, - сказал он.
"I have been thinking."	- Сижу, думаю.
"What of?	- О чем?
The bridge?"	О мосте?
"No.	- Нет.
The bridge is terminated.	С мостом все решено.

Of thee and of a hotel in Madrid where I know some Russians, and of a book I will write some time."	О тебе и об одном отеле в Мадриде, где живут мои знакомые русские, и о книге, которую я когда-нибудь напишу.
"Are there many Russians in Madrid?"	- В Мадриде много русских?
"No.	- Нет.
Very few."	Очень мало.
"But in the fascist periodicals it says there are hundreds of thousands."	- А в фашистских газетах пишут, что их там сотни тысяч.
"Those are lies.	- Это ложь.

There are very few."	Их очень мало.
"Do you like the Russians?	- А тебе нравятся русские?

The one who was here was a Russian."	Тот, который был здесь до тебя, тоже был русский.
"Did you like him?"	- Тебе он нравился?
"Yes.	-Да-
I was sick then but I thought he was very beautiful and very brave."	Я тогда лежала больная, но он показался мне очень красивым и очень смелым.
"What nonsense, beautiful," Pilar said.	- Выдумает тоже - красивый! - сказала Пилар.
"His nose was flat as my hand and he had cheekbones as wide as a sheep's buttocks."	- Нос плоский, как ладонь, а скулы шириной с овечий зад.

"He was a good friend and comrade of mine," Robert Jordan said to Maria.	- Мы с ним были друзья-товарищи, - сказал Роберт Джордан Марии.
"I cared for him very much."	- Я очень его любил.
"Sure," Pilar said.	- Любить любил, - сказала Пилар.
"But you shot him."	- А потом все-таки пристрелил его.
When she said this the card players looked up from the table and Pablo stared at Robert Jordan.	Когда она сказала это, сидевшие за столом подняли глаза от карт, и Пабло тоже посмотрел на Роберта Джордана.

Nobody said anything and then the gypsy, Rafael, asked,	Все молчали, потом цыган Рафаэль спросил:
"Is it true, Roberto?"	- Это правда, Роберто?
"Yes," Robert Jordan said.	- Да, - сказал Роберт Джордан.
He wished Pilar had not brought this up and he wished he had not told it at El Sordo's.	Ему было неприятно, что Пилар заговорила об этом, неприятно, что он сам рассказал про это у Эль Сордо.
"At his request.	- По его просьбе.
He was badly wounded."	Он был тяжело ранен.
"_Que cosa mas rara_," the gypsy said.	- Que cosa mas rara, - сказал цыган.

"All the time he was with us he talked of such a possibility.	- Он все время беспокоился об этом, пока был с нами.
I don't know how many times I have promised him to perform such an act.	И не запомню, сколько раз я сам ему обещал это сделать.
What a rare thing," he said again and shook his head.	Чудно, - повторил он и покачал головой.
"He was a very rare man," Primitivo said.	- Он был очень чудной, - сказал Примитиво.
"Very singular."	- Не как все.
"Look," Andres, one of the brothers, said.	- Слушай, - сказал один из братьев, Андрес.

"You who are Professor and all.	- Вот ты профессор и все такое.
Do you believe in the possibility of a man seeing ahead what is to happen to him?"	Веришь ты, будто человек может наперед знать, что с ним случится?

"I believe he cannot see it," Robert Jordan said.	- Нет, я в это не верю, - сказал Роберт Джордан.
Pablo was staring at him curiously and Pilar was watching him with no expression on her face.	Пабло с любопытством посмотрел на него, а Пилар наблюдала за ним бесстрастным, ничего не выражающим взглядом.

"In the case of this Russian comrade he was very nervous from being too much time at the front.	- У этого русского товарища нервы были не в порядке, потому что он слишком много времени провел на фронте.
He had fought at Irun which, you know, was bad.	Он участвовал в боях под Ируном, а там, сами знаете, было тяжко.
Very bad.	Очень тяжко.
He had fought later in the north.	Потом он воевал на севере.
And since the first groups who did this work behind the lines were formed he had worked here, in Estremadura and in AndalucIa.	А с тех пор, как были организованы первые группы для работы в фашистском тылу, он находился здесь, в Эстремадуре и Андалузии.

I think he was very tired and nervous and he imagined ugly things."	Я думаю, он просто очень устал, очень изнервничался, и поэтому ему мерещилось бог знает что.
"He would undoubtedly have seen many evil things," Fernando said.	- Я не сомневаюсь, что он видел много страшного, - сказал Фернандо.
"Like all the world," Andres said.	- Как все мы, - сказал Андрес.
"But listen to me, _Ingles_. Do you think there is such a thing as a man knowing in advance what will befall him?"	- Но слушай, Ingles, как ты думаешь, может человек наперед знать, что с ним будет?
"No," Robert Jordan said.	- Нет, - сказал Роберт Джордан.

"That is ignorance and superstition."	- Это все невежество и суеверие.
"Go on," Pilar said.	- Ну, ну, - сказала Пилар.
"Let us hear the viewpoint of the professor."	- Послушаем профессора.
She spoke as though she were talking to a precocious child.	- Она говорила с ним, как с ребенком, который умничает не по летам.
"I believe that fear produces evil visions," Robert Jordan said.	- Я думаю, что дурные предчувствия рождает страх, - сказал Роберт Джордан.
"Seeing bad signs--"	- Когда видишь что-нибудь нехорошее...
"Such as the airplanes today," Primitivo said.	- Вот как сегодняшние самолеты, - сказал Примитиво.

"Such as thy arrival," Pablo said softly and Robert Jordan looked across the table at him, saw it was not a provocation but only an expressed thought, then went on.	- Или такого гостя, как ты, - негромко сказал Пабло, и Роберт Джордан взглянул на него через стол, понял, что это не вызов на ссору, а просто высказанная вслух мысль, и продолжал начатую фразу.
"Seeing bad signs, one, with fear, imagines an end for himself and one thinks that imagining comes by divination," Robert Jordan concluded.	- Когда видишь что-нибудь нехорошее, то со страху начинаешь думать о смерти, и тебе кажется, что дурное предзнаменование неспроста, - закончил Роберт Джордан.

"I believe there is nothing more to it than that.	- Я уверен, что все дело только в этом.

I do not believe in ogres, nor soothsayers, nor in the supernatural things."	Я не верю ни гадалкам, ни прорицателям и вообще не верю ни во что сверхъестественное.
"But this one with the rare name saw his fate clearly," the gypsy said.	- Но тот, прежний, у которого было такое чудное имя, он знал свою судьбу, - сказал цыган.
"And that was how it happened."	- И как он ждал, так все и вышло.
"He did not see it," Robert Jordan said.	- Ничего он не знал, - сказал Роберт Джордан.
"He had a fear of such a possibility and it became an obsession.	- Он боялся, что так будет, и это не давало ему покоя.
No one can tell me that he saw anything."	Вам не удастся убедить меня, будто он что-то знал заранее.

"Not I?" Pilar asked him and picked some dust up from the fire and blew it off the palm of her hand.	- И мне не удастся? - спросила Пилар и, взяв в горсть золы из очага, сдула ее с ладони.
"I cannot tell thee either?"	- И мне тоже не удастся убедить тебя?
"No.	- Нет.
With all wizardry, gypsy and all, thou canst not tell me either."	Ничто не поможет - ни твое колдовство, ни твоя цыганская кровь.
"Because thou art a miracle of deafness," Pilar said, her big face harsh and broad in the candlelight.	- Потому что ты из глухих глухой, - сказала Пилар, повернувшись к нему, и в неровном мерцании свечки черты ее широкого лица показались особенно резкими и грубыми.

"It is not that thou art stupid.	- Я не скажу, что ты глупый.
Thou art simply deaf.	Ты просто глухой.
One who is deaf cannot hear music.	А глухой не слышит музыки.
Neither can he hear the radio.	И радио он тоже не слышит.
So he might say, never having heard them, that such things do not exist. _Que va, Ingles_.	А если он этого не слышит, ему ничего не стоит сказать, что этого нет. Que va, Ingles!
I saw the death of that one with the rare name in his face as though it were burned there with a branding iron."	Я видела смерть на лице этого человека с чудным именем, будто она была выжжена там каленым железом.

"You did not," Robert Jordan insisted.	- Ничего ты не видела, - стоял на своем Роберт Джордан.
"You saw fear and apprehension.	- Это был страх и дурные предчувствия.
The fear was made by what he had been through.	Страх появился у него после всего, что ему пришлось вынести.
The apprehension was for the possibility of evil he imagined."	Дурные предчувствия мучили его потому, что он воображал себе всяческие ужасы.
"_Que va_," Pilar said.	- Que va, - сказала Пилар.
"I saw death there as plainly as though it were sitting on his shoulder.	- Я видела смерть так ясно, будто она сидела у него на плече.
And what is more he smelt of death."	И это еще не все - от него пахло смертью.

"He smelt of death," Robert Jordan jeered.	-Пахло смертью!- передразнил ее Роберт Джордан.
"Of fear maybe.	- Может, не смертью, а страхом?
There is a smell to fear."	У страха есть свой запах.
"_De la muerte_," Pilar said.	- De la muerte, - повторила Пилар.
"Listen.	- Слушай.

When Blanquet, who was the greatest _peon de brega_ who ever lived, worked under the orders of Granero he told me that on the day of Manolo Granero's death, when they stopped in the chapel on the way to the ring, the odor of death was so strong on Manolo that it almost made Blanquet sick.	Бланкет, самый знаменитый из всех peon de brega, работал с Гранеро, и он рассказывал мне, что в день смерти Маноло Гранеро они перед корридой заехали в церковь, и там от Маноло так сильно запахло смертью, что Бланкета чуть не стошнило.
And he had been with Manolo when he had bathed and dressed at the hotel before setting out for the ring.	А ведь он был с Маноло в отеле и видел, как тот принимал ванну и одевался перед боем.

The odor was not present in the motorcar when they had sat packed tight together riding to the bull ring.	И в машине по дороге в цирк они сидели бок о бок и никакого запаха не было.
Nor was it distinguishable to any one else but Juan Luis de la Rosa in the chapel.	В церкви его тоже никто больше не учуял, кроме Хуана Луиса де ла Роса.
Neither Marcial nor Chicuelo smelled it neither then nor when the four of them lined up for the paseo.	И когда они все четверо выстроились перед выходом на арену, Марсиал и Чикуэло тоже ничего не почувствовали.
But Juan Luis was dead white, Blanquet told me, and he, Blanquet, spoke to him saying,	Но Бланкет рассказывал мне, что Хуан Луис был белый как полотно, и Бланкет спросил его:

' Thou also?'	"Ты тоже?" -
"'So that I cannot breathe,' Juan Luis said to him.	"Просто дышать невозможно, - сказал ему Хуан Луис.
'And from thy matador.'	- Это от твоего матадора". -
"'_Pues nada_,' Blanquet said.	"Pues nada, - сказал Бланкет.
' There is nothing to do.	- Ничего не поделаешь.
Let us hope we are mistaken.'	Будем думать, что это нам кажется". -
"'And the others?' Juan Luis asked Blanquet.	"А от других?" - спросил Хуан Луис Бланкета.
"'_Nada_,' Blanquet said. 'Nothing.	"Нет, - сказал Бланкет.
But this one stinks worse than Jose at Talavera.'	- Но от этого несет хуже, чем несло от Хосе в Талавере".

"And it was on that afternoon that the bull _Pocapena_ of the ranch of Veragua destroyed Manolo Granero against the planks of the barrier in front of _tendido_ two in the Plaza de Toros of Madrid.	И в тот же самый день бык Покапена с фермы Верагуа придавил Маноло Гранеро к барьеру перед вторым tendido в мадридской Plaza de Toros.
I was there with Finito and I saw it.	Я была там с Финито, и я все видела.
The horn entirely destroyed the cranium, the head of Manolo being wedged under the _estribo_ at the base of the _barrera_ where the bull had tossed him."	Бык раскроил ему череп рогом, и голова Маноло застряла под estribo, в самом низу барьера, куда швырнул его бык.

"But did you smell anything?" Fernando asked.	- А ты сама что-нибудь учуяла? - спросил Фернандо.
"Nay," Pilar said.	- Нет, - сказала Пилар.
"I was too far away.	- Я была слишком далеко.
We were in the seventh row of the _tendido_ three.	Мы сидели в третьем tendido, в седьмом ряду.
It was thus, being at an angle, that I could see all that happened.	Но оттуда, сбоку, мне все было видно.

But that same night Blanquet who had been under the orders of Joselito when he too was killed told Finito about it at Fornos, and Finito asked Juan Luis de la Rosa and he would say nothing. But he nodded his head that it was true.	В тот же вечер Бланкет, а он работал раньше с Хоселито, который тоже погиб при нем, рассказал об этом Финито, когда они сидели в Форносе, и Финито спросил Хуана Луиса де ла Роса, так ли все было, но Хуан ничего ему не ответил, только кивнул головой, что, мол, правда.
I was present when this happened.	Я сама видела, как это случилось.

So, _Ingles_, it may be that thou art deaf to some things as Chicuelo and Marcial Lalanda and all of their _banderilleros_ and picadors and all of the _gente_ of Juan Luis and Manolo Granero were deaf to this thing on this day.	А ты, Ingles, верно, так же глух к таким вещам, как были глухи в тот день Чикуэло, и Марсиал Лаланда, и все banderilleros, и пикадоры, и все gente Хуана Луиса и Моноло Гранеро.
But Juan Luis and Blanquet were not deaf.	Но сам Хуан Луис и Бланкет не были глухи.
Nor am I deaf to such things."	И я тоже не глуха на такое.
"Why do you say deaf when it is a thing of the nose?" Fernando asked.	- Почему ты говоришь про глухоту, когда тут все дело в чутье? - спросил Фернандо.
"_Leche!_" Pilar said.	-Так тебя и так! - сказала Пилар.

"Thou shouldst be the professor in place of the _Ingles_.	- Вот кому надо быть профессором, а не тебе, Ingles.
But I could tell thee of other things, _Ingles_, and do not doubt what thou simply cannot see nor cannot hear.	Но я могу порассказать и о многом другом, и ты, Ingles, не спорь против того, чего тебе просто не видно и не слышно.
Thou canst not hear what a dog hears.	Ты не слышишь того, что слышит собака.
Nor canst thou smell what a dog smells.	И учуять то, что чует собака, ты тоже не можешь.
But already thou hast experienced a little of what can happen to man."	Но какая доля может выпасть человеку, это тебе уже отчасти известно.

Maria put her hand on Robert Jordan's shoulder and let it rest there and he thought suddenly, let us finish all this nonsense and take advantage of what time we have.	Мария положила руку на плечо Роберту Джордану, и он вдруг подумал: пора кончать эту болтовню, надо пользоваться временем, которого так мало осталось.
But it is too early yet.	Но сейчас еще рано.
We have to kill this part of the evening.	Придется как-то убить остаток вечера.
So he said to Pablo,	И он спросил Пабло:
"Thou, believest thou in this wizardry?"	- А ты веришь в колдовство?
"I do not know," Pablo said.	- Да как тебе сказать, - ответил Пабло.

"I am more of thy opinion.	- Я, пожалуй, думаю так же, как и ты.

No supernatural thing has ever happened to me.	Со мной никогда не случалось ничего сверхъестественного.
But feai yes certainly.	А что такое страх - я знаю.
Plenty.	Очень хорошо знаю.
But I believe that the Pilar can divine events from the hand.	Однако я верю, что Пилар умеет читать судьбу но руке.
If she does not lie perhaps it is true that she has smelt such a thing."	Может быть, она действительно чует этот запах, если только не врет.
"_Que va_ that I should lie," Pilar said.	- С какой стати мне врать! - оказала Пилар.
"This is not a thing of my invention.	- Я, что ли, выдумала это?

This man Blanquet was a man of extreme seriousness and furthermore very devout.	Бланкет - человек серьезный и вдобавок набожный.
He was no gypsy but a bourgeois from Valencia.	Он не цыган, а валенсийский мещанин.
Hast thou never seen him?"	Разве ты никогда его не видел?
"Yes," Robert Jordan said.	- Видел, - сказал Роберт Джордан.
"I have seen him many times.	- Много раз.
He was small, gray-faced and no one handled a cape better.	Он маленький, с серым лицом и владеет мулетой, как никто.

He was quick on his feet as a rabbit."	И на ногу легкий, как заяц.
"Exactly," Pilar said.	- Правильно, - сказала Пилар.
"He had a gray face from heart trouble and gypsies said that he carried death with him but that he could flick it away with a cape as you might dust a table.	- Лицо у него серое из-за больного сердца, и цыгане говорят, будто он всегда носит с собой смерть, но ему ничего не стоит отмахнуться от нее мулетой, все равно как стереть пыль со стола.
Yet he, who was no gypsy, smelled death on Joselito when he fought at Talavera.	Бланкет не цыган, а все-таки он учуял смерть в Хоселито, когда они выступали в Талавере.

Although I do not see how he could smell it above the smell of manzanilla.	Правда, я не знаю, как это ему удалось, ведь запах мансанильи, должно быть, все перешибал.
Blanquet spoke of this afterwards with much diffidence but those to whom he spoke said that it was a fantasy and that what he had smelled was the life that Jose led at that time coming out in sweat from his armpits.	Бланкет рассказывал об этом как-то нехотя, и те, кому он рассказывал, не верили ему, - мол, все это выдумки, Хосе, мол, вел в то время такую жизнь, что это у него просто пахло потом из-под мышек.

But then, later, came this of Manolo Granero in which Juan Luis de la Rosa also participated.	Но через несколько лет то же самое случилось с Маноло Гранеро, и Хуан Луис де ла Роса был тому свидетелем.
Clearly Juan Luis was a man of very little honor, but of much sensitiveness in his work and he was also a great layer of women.	Правда, Хуана Луиса не очень-то уважали, хотя в своем деле он толк знал. Уж очень он был большой бабник.
But Blanquet was serious and very quiet and completely incapable of telling an untruth.	А Бланкет был человек серьезный и скромный и никогда не лгал.

And I tell you that I smelled death on your colleague who was here."	И поверь мне, Ingles, я учуяла смерть в твоем товарище с чудным именем.
"I do not believe it," Robert Jordan said.	- Не может этого быть, - сказал Роберт Джордан.
"Also you said that Blanquet smelled this just before the paseo.	- Вот ты говоришь, что Бланкет учуял это перед самым выходом на арену.
Just before the bullfight started.	Перед самым началом корриды.
Now this was a successful action here of you and Kashkin and the train.	Но ведь операция с поездом прошла у вас удачно.
He was not killed in that.	И Кашкин не был убит.

How could you smell it then?"	Как же ты могла учуять это в то время?
"That has nothing to do with it," Pilar explained.	- Время тут ни при чем, - пояснила Пилар.
"In the last season of Ignacio Sanchez Mejias he smelled so strongly of death that many refused to sit with him in the cafe.	- От Игнасио Санчеса Мехиаса так сильно пахло смертью в последний его сезон, что многие отказывались садиться с ним рядом в кафе.
All gypsies knew of this."	Это все цыгане знали.
"After the death such things are invented," Robert Jordan argued.	- Такие вещи придумывают после того, как человек уже умер, - не сдавался Роберт Джордан.

"Every one knew that Sanchez Mejias was on the road to a _cornada_ because he had been too long out of training, because his style was heavy and dangerous, and because his strength and the agility in his legs were gone and his reflexes no longer as they had been."	- Все прекрасно знали, что Санчесу Мехиасу недолго ждать cornada, потому что он вышел из формы, стиль у него был тяжелый и опасный, ноги потеряли силу и легкость и рефлексы были уже не такие быстрые.
"Certainly," Pilar told him.	- Правильно, - ответила ему Пилар.
"All of that is true.	- Это все правда.

But all the gypsies knew also that he smelled of death and when he would come into the Villa Rosa you would see such people as Ricardo and Felipe Gonzalez leaving by the small door behind the bar."	Но цыгане знали, что от него пахнет смертью, и когда он появлялся в "Вилла-Роса", такие люди, как Рикардо и Фелипе Гонсалес, убегали оттуда через маленькую дверь позади стойки.
"They probably owed him money," Robert Jordan said.	- Они, наверно, задолжали ему, - сказал Роберт Джордан.
"It is possible," Pilar said.	- Возможно, - сказала Пилар.
"Very possible.	- Очень возможно.
But they also smelled the thing and all knew of it."	Но, кроме того, они чуяли в нем смерть, и это все знали.

"What she says is true, _Ingles_," the gypsy, Rafael, said.	- Она правильно говорит, Ingles, - сказал цыган Рафаэль.
"It is a well-known thing among us."	- У нас все об этом знают.
"I believe nothing of it," Robert Jordan said.	- Не верю я ни одному слову, - сказал Роберт Джордан.
"Listen, _Ingles_," Anselmo began.	- Слушай, Ingles, - заговорил Ансельмо.
"I am against all such wizardry.	- Я не охотник до всякого колдовства.

But this Pilar has the fame of being very advanced in such things."	Но Пилар у нас в таких делах славится.

"But what does it smell like?" Fernando asked.	- А все-таки чем же это пахнет? - спросил Фернандо.
"What odor has it?	- Какой он, этот запах?
If there be an odor it must be a definite odor."	Если пахнет чем-то, значит, должен быть определенный запах.
"You want to know, Fernandito?"	-Ты хочешь знать, Фернандито?
Pilar smiled at him.	- Пилар улыбнулась ему.
"You think that you could smell it?"	- Думаешь, тебе тоже удастся учуять его?
"If it actually exists why should I not smell it as well as another?"	- Если он действительно существует, почему бы и мне его не учуять?
"Why not?"	- В самом деле - почему?

Pilar was making fun of him, her big hands folded across her knees.	- Пилар посмеивалась, сложив на коленях свои большие руки.
"Hast thou ever been aboard a ship, Fernando?"	- А ты когда-нибудь плавал по морю на пароходе, Фернандо?
"Nay.	- Нет.
And I would not wish to."	И не собираюсь.
"Then thou might not recognize it. For part of it is the smell that comes when, on a ship, there is a storm and the portholes are closed up.	- Тогда ты ничего не учуешь, потому что в него входит и тот запах, который бывает на пароходе, когда шторм и все иллюминаторы закрыты.

Put your nose against the brass handle of a screwed-tight porthole on a rolling ship that is swaying under you so that you are faint and hollow in the stomach and you have a part of that smell."	Понюхай медную ручку задраенного наглухо иллюминатора, когда палуба уходит у тебя из-под ног и в желудке томление и пустота, и вот тогда ты учуешь одну составную часть этого запаха.
"It would be impossible for me to recognize because I will go on no ship," Fernando said.	- Ничего такого я учуять не смогу, потому что ни на каких пароходах плавать не собираюсь, -сказал Фернандо.
"I have been on ships several times," Pilar said.	- А я несколько раз плавала по морю на пароходе, - сказала Пилар.
"Both to go to Mexico and to Venezuela."	- В Мексику и в Венесуэлу.
"What's the rest of it?" Robert Jordan asked.	- Ну, а что там еще есть, в этом запахе? - спросил Роберт Джордан.

Pilar looked at him mockingly, remembering now, proudly, her voyages.	Пилар насмешливо посмотрела на него, с гордостью вспоминая свои путешествия.
"All right, _Ingles_. Learn.	- Учись, Ingles, учись.
That's the thing.	Правильно делаешь.
Learn. All right.	Учись.

After that of the ship you must go down the hill in Madrid to the Puente de Toledo early in the morning to the _matadero_ and stand there on the wet paving when there is a fog from the Manzanares and wait for the old women who go before daylight to drink the blood of the beasts that are slaughtered.	Так вот, после того, что тебе велено было сделать на пароходе, сойди рано утром вниз, к Толедскому мосту в Мадриде, и остановись около matadero. Стой там на мостовой, мокрой от тумана, который наползает с Мансанареса, и дожидайся старух, что ходят до рассвета пить кровь убитой скотины.

When such an old woman comes out of the _matadero_, holding her shawl around hei with her face gray and her eyes hollow, and the whiskers of age on her chin, and on her cheeks, set in the waxen white of her face as the sprouts grow from the seed of the bean, not bristles, but pale sprouts in the death of her face; put your arms tight around her, _Ingles_, and hold her to you and kiss her on the mouth and you will know the second part that odor is made of."	Выйдет такая старуха из matadero, кутаясь в шаль, и лицо у нее будет серое, глаза пустые, а на подбородке и на скулах торчит пучками старческая поросль, точно на проросшей горошине, - не щетина, а белесые ростки на омертвелой, восковой коже. И ты, Ingles, обними ее покрепче, прижми к себе и поцелуй в губы, и тогда ты узнаешь вторую составную часть этого запаха.

"That one has taken my appetite," the gypsy said.	- У меня даже аппетит отбило, - сказал цыган.
"That of the sprouts was too much."	- Слушать тошно про эти ростки.
"Do you want to hear some more?" Pilar asked Robert Jordan.	- Рассказывать дальше? - спросила Пилар Роберта Джордана.
"Surely," he said.	- Конечно, - сказал он.
"If it is necessary for one to learn let us learn."	- Учиться так учиться.
"That of the sprouts in the face of the old women sickens me," the gypsy said.	- С души воротит от этих ростков на старушечьих лицах, - сказал цыган.
"Why should that occur in old women, Pilar?	- Почему это на старух такая напасть, Пилар?
With us it is not so."	Ведь у нас этого никогда не бывает.

"Nay," Pilar mocked at him.	- Ну еще бы! - насмешливо сказала Пилар.
"With us the old woman, who was so slender in her youth, except of course for the perpetual bulge that is the mark of her husband's favor, that every gypsy pushes always before her--"	- У нас все старухи в молодости были стройные, -конечно, если не считать постоянного брюха, знака мужней любви, с которым цыганки никогда не расстаются...
"Do not speak thus," Rafael said.	- Не надо так говорить, - сказал Рафаэль.
"It is ignoble."	- Нехорошо это.
"So thou art hurt," Pilar said.	- Ах, ты обиделся, - сказала Пилар.
"Hast thou ever seen a _Gitana_ who was not about to have, or just to have had, a child?"	- А тебе приходилось когда-нибудь видеть цыганку, которая не собиралась рожать или не родила только что?

"Thou."	- Вот ты.
"Leave it," Pilar said.	- Брось, - сказала Пилар.
"There is no one who cannot be hurt.	- Обидеть всякого можно.
What I was saying is that age brings its own form of ugliness to all.	Я говорю о том, что в старости каждый бывает уродлив на свой лад.
There is no need to detail it.	Тут расписывать нечего.

But if the _Ingles_ must learn that odor that he covets to recognize he must go to the _matadero_ early in the morning."	Но если Ingles хочет научиться распознавать этот запах, пусть сходит к matadero рано утром.
"I will go," Robert Jordan said.	- Обязательно схожу, - сказал Роберт Джордан.

"But I will get the odor as they pass without kissing one.	- Но я и так его учую, без поцелуев.
I fear the sprouts, too, as Rafael does."	Меня эти ростки на старушечьих лицах напугали не меньше, чем Рафаэля.
"Kiss one," Pilar said.	- Поцелуй старуху, Ingles, - сказала Пилар.

"Kiss one, _Ingles_, for thy knowledge's sake and then, with this in thy nostrils, walk back up into the city and when thou seest a refuse pail with dead flowers in it plunge thy nose deep into it and inhale so that scent mixes with those thou hast already in thy nasal passages."	- Поцелуй для собственной науки, а потом, когда в ноздрях у тебя будет стоять этот запах, вернись в город, и как увидишь мусорный ящик с выброшенными увядшими цветами, заройся в него лицом поглубже и вдохни всей грудью, так, чтобы запах гниющих стеблей смешался с теми запахами, которые уже сидят у тебя в носоглотке.
"Now have I done it," Robert Jordan said.	- Так, сделано, - сказал Роберт Джордан.
"What flowers were they?"	- А какие это цветы?
"Chrysanthemums."	- Хризантемы.

"Continue," Robert Jordan said. "I smell them."	- Так. Я нюхаю хризантемы, - сказал Роберт Джордан. - А дальше что?

"Then," Pilar went on, "it is important that the day be in autumn with rain, or at least some fog, or early winter even and now thou shouldst continue to walk through the city and down the Calle de Salud smelling what thou wilt smell where they are sweeping out the _casas de putas_ and emptying the siop jars into the drains and, with this odor of love's labor lost mixed sweetly with soapy water and cigarette butts only faintly reaching thy nostrils, thou shouldst go on to the JardIn Botanico where at night those girls who can no longer work in the houses do their work against the iron gates of the park and the iron picketed fences and upon the sidewalks	- Дальше нужно еще вот что, - продолжала Пилар. - Чтобы день был осенний, с дождем или с туманом, или чтобы это было ранней зимой. И вот в такой день погуляй по городу, пройдись по Кальье-де-Салюд, когда там убирают casas de putas и опоражнивают помойные ведра в сточные канавы, и как только сладковатый запах бесплодных усилий любви вместе с запахом мыльной воды и окурков коснется твоих ноздрей, сверни к Ботаническому саду, где по ночам те женщины, которые уже не могут работать в домах, делают свое дело у железных ворот парка, и у же-

It is there in the shadow of the trees against the iron railings that they will perform all that a man wishes; from the simplest requests at a remuneration of ten centimos up to a peseta for that great act that we are born to and there, on a dead flower bed that has not yet been plucked out and replanted, and so serves to soften the earth that is so much softer than the sidewalk, thou wilt find an abandoned gunny sack with the odor of the wet earth, the dead flowers, and the doings of that night.	Вот тут, в тени деревьев, у железной ограды они проделывают все то, что от них потребует мужчина, начиная с самого простого за плату в десять сентимо и кончая тем великим, ценой в одну песету, ради чего мы вообще живем на свете. И там, на засохшей клумбе, которую еще не успели перекопать и засеять, на ее мягкой земле, куда более мягкой, чем тротуар, ты найдешь брошенный мешок, и от него будет пахнуть сырой землей, увядшими цветами и всем тем, что делалось на нем ночью.

In this sack will be contained the essence of it all, both the dead earth and the dead stalks of the flowers and their rotted blooms and the smell that is both the death and birth of man.	Этот мешок соединит в себе все - запах земли, и сухих стеблей, и гнилых лепестков, и тот запах, который сопутствует и смерти и рождению человека.

Thou wilt wrap this sack around thy head and try to breathe through it."	Закутай себе голову этим мешком и попробуй дышать сквозь него.
"No."	- Нет.
"Yes," Pilar said.	- Да, - сказала Пилар.

"Thou wilt wrap this sack around thy head and try to breathe and then, if thou hast not lost any of the previous odors, when thou inhalest deeply, thou wilt smell the odor of deathto-come as we know it."	- Закутай себе голову этим мешком и попробуй дышать сквозь него. Вздохни поглубже, и тогда, если все прежние запахи еще остались при тебе, ты услышишь тот запах близкой смерти, который все мы знаем.
"All right," Robert Jordan said.	- Хорошо, - сказал Роберт Джордан.
"And you say Kashkin smelt like that when he was here?"	- И ты говоришь, что так пахло от Кашкина, когда он был здесь?
"Yes."	-Да.
"Well," said Robert Jordan gravely.	- Ну что же, - серьезно сказал Роберт Джордан.

"If that is true it is a good thing that I shot him."	- Если это правда, то я хорошо сделал, что застрелил его.
"_Ole_," the gypsy said.	- Ole, - сказал цыган.
The others laughed.	Остальные засмеялись.
"Very good," Primitivo approved.	- Молодец, - похвалил Роберта Джордана Примитиво.
"That should hold her for a while."	- Это ей острастка.
"But Pilar," Fernando said.	- Слушай. Пилар, - сказал Фернандо.
"Surely you could not expect one of Don Roberto's education to do such vile things."	- Неужели ты думаешь, что такой образованный человек, как дон Роберто, будет заниматься такими гадостями?
"No," Pilar agreed.	- Нет, не думаю, - сказала Пилар.

"All of that is of the utmost repugnance."	- Ведь это же омерзительно.
"Yes," Pilar agreed.	- Да, - согласилась Пилар.
"You would not expect him actually to perform those degrading acts?"	- Неужели ты думаешь, что он будет так себя унижать?
"No," Pilar said.	- Нет, не будет, - сказала Пилар.
"Go to bed, will you?"	- Ложись-ка ты лучше спать, слышишь?
"But, Pilar--" Fernando went on.	- Подожди, Пилар... - не унимался Фернандо.
"Shut up, will you?" Pilar said to him suddenly and viciously.	- Замолчи! - с неожиданной злобой сказала Пилар.

"Do not make a fool of thyself and I will try not to make a fool of myself talking with people who cannot understand what one speaks of."	- Не строй из себя дурака, и я тоже больше не буду, как дура, пускаться в разговоры с людьми, которые ничего не понимают.
"I confess I do not understand," Fernando began.	-Да, признаться, я не понимаю... - начал было Фернандо.

"Don't confess and don't try to understand," Pilar said.	- Оставь свои признания при себе и не ломай голову зря, - сказала Пилар.
"Is it still snowing outside?"	- Снег все еще идет?
Robert Jordan went to the mouth of the cave, lifted the blanket and looked out.	Роберт Джордан подошел к выходу из пещеры, приподнял попону и выглянул наружу.

It was clear and cold in the night outside and no snow was falling.	Ночь была ясная и холодная, и метель утихла.
He looked through the tree trunks where the whiteness lay and up through the trees to where the sky was now clear.	Он посмотрел вдаль - на белизну между стволами, потом вверх - на чистое небо.
The air came into his lungs sharp and cold as he breathed.	У него захватило дыхание от свежего холодного воздуха.
El Sordo will leave plenty of tracks if he has stolen horses tonight, he thought.	Если Эль Сордо отправился сегодня добывать лошадей, сколько будет следов на снегу, подумал он.

He dropped the blanket and came back into the smoky cave.	Потом опустил попону и вернулся в дымную пещеру.
"It is clear," he said.	- Прояснело, - сказал он.
"The storm is over."	- Метель кончилась.
20	20
Now in the night he lay and waited for the girl to come to him.	Ночью он лежал и дожидался, когда девушка придет к нему.
There was no wind now and the pines were still in the night.	Ветра теперь не было, и сосны неподвижно стояли в ночной темноте.

The trunks of the pines projected from the snow that covered all the ground, and he lay in the robe feeling the suppleness of the bed under him that he had made, his legs stretched long against the warmth of the robe, the air sharp and cold on his head and in his nostrils as he breathed.	Стволы их четко выделялись на снегу, укрывшем все кругом, и он лежал в своем спальном мешке, чувствуя пружинящую упругость самодельной постели, и ноги у него были вытянуты во всю длину теплого мешка, бодрящий воздух обвевал ему голову и при каждом вдохе холодил ноздри.

Under his head, as he lay on his side, was the bulge of the trousers and the coat that he had wrapped around his shoes to make a pillow and against his side was the cold metal of the big automatic pistol he had taken from the holster when he undressed and fastened by its lanyard to his right wrist.	Он лежал на боку, а под голову вместо подушки положил сандалии, обернув их брюками и курткой; боком он чувствовал металлический холодок большого увесистого револьвера, который вынул из кобуры, когда раздевался, и привязал шнуром к кисти правой руки.
He pushed the pistol away and settled deeper into the robe as he watched, across the snow, the dark break in the rocks that was the entrance to the cave.	Он отодвинул от себя револьвер и залез поглубже в мешок, не переставая смотреть на черную расщелину в скале где был вход в пещеру.

The sky was clear and there was enough light reflected from the snow to see the trunks of the trees and the bulk of the rocks where the cave was.	Небо очистилось, и отраженного снегом света было вполне достаточно, чтобы видеть стволы деревьев и громаду скалы, где была пещера.
Earlier in the evening he had taken the ax and gone outside of the cave and walked through the new snow to the edge of the clearing and cut down a small spruce tree.	Перед тем как лечь, он взял топор, вышел из пещеры, прошагал по свежевыпавшему снегу в дальний конец просеки и срубил молоденькую елку.

In the dark he had dragged it, butt first, to the lee of the rock wall.	В темноте он подтащил ее к отвесной скале близ пещеры.
There close to the rock, he had held the tree upright, holding the trunk firm with one hand, and, holding the ax-haft close to the head had lopped off all the boughs until he had a pile of them.	Там, выбрав место, защищенное от ветра скалой, он поставил елку стоймя и, держа ее за ствол левой рукой, правой ухватил топор у самого обуха и обрубил одну за другой все ветки, так что на снегу их набралась целая куча.
Then, leaving the pile of boughs, he had laid the bare pole of the trunk down in the snow and gone into the cave to get a slab of wood he had seen against the wall.	Потом он бросил оголенный ствол и пошел в пещеру за доской, которую видел там у стены.

With this slab he scraped the ground clear of the snow along the rock wall and then picked up his boughs and shaking them clean of snow laid them in rows, like overlapping plumes, until he had a bed.	Этой доской он расчистил место у скалы, подобрал ветки и, стряхнув с каждой снег, уложил их пушистыми султанчиками тесно одну к другой в несколько рядов, смастерив таким образом подстилку для своего спального мешка.
He put the pole across the foot of the bough bed to hold the branches in place and pegged it firm with two pointed pieces of wood he split from the edge of the slab.	Обрубленный ствол он положил в ногах поперек этой подстилки, чтобы ветки не топорщились, и с обеих сторон укрепил его, забив в землю деревянные колышки, отщепленные от края доски.

Then he carried the slab and the ax back into the cave, ducking under the blanket as he came in, and leaned them both against the wall.	Потом он пошел обратно, в пещеру, нырнул под попону и поставил доску и топор у стены.
"What do you do outside?" Pilar had asked.	- Что ты делал? - спросила Пилар.
"I made a bed."	- Смастерил себе постель.
"Don't cut pieces from my new shelf for thy bed."	- Я из этой доски полку собиралась сделать, а ты ее изрубил.
"I am sorry."	- Виноват.
"It has no importance," she said.	- Ничего, это не важно, - сказала она.
"There are more slabs at the sawmill.	- На лесопилке доски найдутся.

What sort of bed hast thou made?"	Какую ты себе постель сделал?
"As in my country."	- Такую, как у меня на родине делают.
"Then sleep well on it," she had said and Robert Jordan had opened one of the packs and pulled the robe out and replaced those things wrapped in it back in the pack and carried the robe out, ducking under the blanket again, and spread it over the boughs so that the closed end of the robe was against the pole that was pegged cross-wise at the foot of the bed.	- Ну что ж, спи на ней крепче, - сказала она, а Роберт Джордан открыл один из своих рюкзаков, вытянул оттуда спальный мешок, завернутые в него вещи уложил заново, вынес мешок из пещеры, снова пырнув головой под попону, и разостлал его поверх веток закрытым концом к обрубленному стволу, укрепленному колышками в йогах постели.

The open head of the robe was protected by the rock wall of the cliff.	Открытый конец мешка приходился под самой скалой.
Then he went back into the cave for his packs but Pilar said,	Потом он вернулся в пещеру за рюкзаками, но Пилар сказала ему:
"They can sleep with me as last night."	- Они и эту ночь могут со мной переночевать.

"Will you not have sentries?" he asked.	- А часовых сегодня разве не будет? - спросил он.
"The night is clear and the storm is over."	- Ночь ясная, и метель кончилась.
"Fernando goes," Pilar said.	- Фернандо пойдет, - сказала Пилар.

Maria was in the back of the cave and Robert Jordan could not see her.	Мария стояла в дальнем конце пещеры, и Роберт Джордан не видел ее.
"Good night to every one," he had said.	- Спокойной ночи вам всем, - сказал он.
"I am going to sleep."	- Я иду спать.
Of the others, who were laying out blankets and bedrolls on the floor in front of the cooking fire, pushing back the slab tables and the rawhide-covered stools to make sleeping space, Primitivo and Andres looked up and said, "_Buenas noches_."	Из тех, кто расстилал одеяла и матрацы на земляном полу перед очагом и отставлял подальше дощатые столы и крытые сыромятной кожей табуретки, расчищая место для спанья, только Примитиво и Андрес оглянулись на него и сказали: "Buenas noches".

Anselmo was already asleep in a corner, rolled in his blanket and his cape, not even his nose showing.	Ансельмо уже спал в уголке, завернувшись с головой в одеяло и плащ.
Pablo was asleep in his chair.	Пабло уснул сидя.
"Do you want a sheep hide for thy bed?" Pilar asked Robert Jordan softly.	- Дать тебе овчину для твоей постели? - негромко спросила Роберта Джордана Пилар.
"Nay," he said.	- Нет, - сказал он.
"Thank thee.	- Спасибо.
I do not need it."	Мне ничего не нужно.
"Sleep well," she said.	- Спи спокойно, - сказала она.
"I will respond for thy material."	- Я за твои вещи отвечаю.

Fernando had gone out with him and stood a moment where Robert Jordan had spread the sleeping robe.	Фернандо вышел вместе с Робертом Джорданом и постоял около него, пока он раскладывал спальный мешок.
"You have a curious idea to sleep in the open, Don Roberto," he said standing there in the dark, muffled in his blanket cape, his carbine slung over his shoulder.	- Странная тебе пришла мысль в голову, дон Роберто, спать на воздухе, - сказал он, стоя в темноте, закутанный в плащ и с карабином за плечом.
"I am accustomed to it.	-А я привык так.
Good night."	Спокойной ночи.
"Since you are accustomed to it."	- Если привык, тогда ничего.
"When are you relieved?"	- Когда тебя сменяют?

"At four."	- В четыре часа.
"There is much cold between now and then."	- До четырех еще промерзнешь.
"I am accustomed to it," Fernando said.	- Я привык, - сказал Фернандо.
"Since, then, you are accustomed to it--" Robert Jordan said politely.	- Ну, если привык, тогда ничего, - вежливо сказал Роберт Джордан.
"Yes," Fernando agreed.	- Да, - согласился Фернандо.

"Now I must get up there.	- Ну, надо идти.
Good night, Don Roberto."	Спокойной ночи, дон Роберто.
"Good night, Fernando."	- Спокойной ночи, Фернандо.

Then he had made a pillow of the things he took off and gotten into the robe and then lain and waited, feeling the spring of the boughs under the flannelly, feathered lightness of the robe warmth, watching the mouth of the cave across the snow; feeling his heart beat as he waited.	А потом он устроил себе подушку из снятой одежды, забрался в мешок, улегся там и стал ждать, чувствуя пружинящие еловые ветки сквозь фланелевое пуховое легкое тепло, пристально глядя на вход, в пещеру над снежной белизной, чувствуя, как бьется сердце в эти минуты ожидания.
The night was clear and his head felt as clear and cold as the air.	Ночь была ясная, и голова у него была ясная и холодная, как ночной воздух.

He smelled the odor of the pine boughs under him, the piney smell of the crushed needles and the sharper odor of the resinous sap from the cut limbs.	Он вдыхал аромат еловых веток, хвойный запах примятых игл и более резкий аромат смолистого сока, проступившего в местах среза.
Pilar, he thought. Pilar and the smell of death.	Пилар, думал он, Пилар и запах смерти.
This is the smell I love.	А я люблю такой запах, как вот сейчас.
This and fresh-cut clover, the crushed sage as you ride after cattle, wood-smoke and the burning leaves of autumn.	Такой и еще запах свежескошенного клевера и примятой полыни, когда едешь за стадом, запах дыма от поленьев и горящей осенней листвы.

That must be the odor of nostalgia, the smell of the smoke from the piles of raked leaves burning in the streets in the fall in Missoula.	Так пахнет, должно быть, тоска по родине - запах дыма, встающего над кучами листьев, которые сжигают осенью на улицах в Миссуле.
Which would you rather smell?	Какой запах ты бы выбрал сейчас?
Sweet grass the Indians used in their baskets?	Нежную травку, которой индейцы устилают дно корзин?
Smoked leather?	Прокопченную кожу?
The odor of the ground in the spring after rain?	Запах земли после весеннего дождя?

The smell of the sea as you walk through the gorse on a headland in Galicia?	Запах моря, когда пробираешься сквозь прибрежные заросли дрока в Галисии?
Or the wind from the land as you come in toward Cuba in the dark?	Или бриза, веющего в темноте с берегов Кубы?
That was the odor of the cactus flowers, mimosa and the sea-grape shrubs.	Он пахнет цветущими кактусами и диким виноградом.
Or would you rather smell frying bacon in the morning when you are hungry?	А может быть, выберешь запах поджаренной грудинки утром, когда хочется есть?
Or coffee in the morning?	Или утреннего кофе?

Or a Jonathan apple as you bit into it?	Или надкушенного с жадностью яблока?
Or a cider mill in the grinding, or bread fresh from the oven?	Или сидра в давильне, или хлеба, только что вынутого из печи?
You must be hungry, he thought, and he lay on his side and watched the entrance of the cave in the light that the stars reflected from the snow.	Ты, должно быть, проголодался, подумал он и лег на бок и снова стал смотреть на вход в пещеру при отраженном снегом свете звезд.

Some one came out from under the blanket and he could see whoever it was standing by the break in the rock that made the entrance.	Кто-то вылез из-под попоны, и он видел, что этот человек стал у расщелины скалы, которая служила входом в пещеру.

Then he heard a slithering sound in the snow and then whoever it was ducked down and went back in.	Потом он услышал, как скрипнул снег под ногами, и человек нырнул под попону и снова скрылся в пещере.
I suppose she won't come until they are all asleep, he thought.	Она, должно быть, не придет до тех пор, пока все не уснут, подумал он.
It is a waste of time.	Сколько времени пропадет даром.
The night is half gone.	Полночи уже прошло.
Oh, Maria.	Ох, Мария!
Come now quickly, Maria, for there is little time.	Приходи поскорей, Мария, ведь времени мало.

He heard the soft sound of snow falling from a branch onto the snow on the ground.	Он услышал мягкий шорох снега, упавшего с ветки на землю, покрытую снегом.
A little wind was rising.	Подул легкий ветерок.
He felt it on his face.	Он почувствовал его у себя на лице.
Suddenly he felt a panic that she might not come.	Вдруг ему стало страшно, что она не придет.
The wind rising now reminded him how soon it would be morning.	Поднявшийся ветер напомнил о близости утра.
More snow fell from the branches as he heard the wind now moving the pine tops.	С веток снова посыпался снег, и он услышал, как ветер шевелит верхушки сосен.

Come now, Maria.	Ну же, Мария!
Please come here now quickly, he thought.	Приходи поскорее, думал он.
Oh, come here now.	Приходи.
Do not wait.	Не жди там.
There is no importance any more to your waiting until they are asleep.	Теперь уже не так важно дожидаться, когда они заснут.
Then he saw her coming out from under the blanket that covered the cave mouth.	И тут он увидел, как она показалась из-за попоны, закрывавшей вход в пещеру.
She stood there a moment and he knew it was she but he could not see what she was doing.	Она остановилась там на минутку, и он знал, что это она, но не мог разглядеть, что она делает.

He whistled a low whistle and she was still at the cave mouth doing something in the darkness of the rock shadow.	Он тихо свистнул, а она все еще стояла у входа в пещеру и что-то делала там, скрытая густой тенью, падающей от скалы.
Then she came running, carrying something in her hands and he saw her running long-legged through the snow.	Потом она побежала к нему, держа что-то в руках, и он видел, как она, длинноногая, бежит по снегу.
Then she was kneeling by the robe, her head pushed hard against him, slapping snow from her feet.	Потом она опустилась рядом на колени, стукнувшись об него головой с размаху, и отряхнула снег с босых ног.
She kissed him and handed him her bundle.	И поцеловала его и сунула ему сверток.

"Put it with thy pillow," she said.	- Положи это вместе с твоей подушкой, - сказала она.
"I took these off there to save time."	- Я сняла все там, чтобы не терять времени.
"You came barefoot through the snow?"	- Босая - по снегу?
"Yes," she said, "and wearing only my wedding shirt."	- Да, - сказала она, - и в одной свадебной рубашке.
He held her close and tight in his arms and she rubbed her head against his chin.	Он крепко прижал ее к себе, и она потерлась головой о его подбородок.
"Avoid the feet," she said.	- Не дотрагивайся до ног, - сказала она.
"They are very cold, Roberto."	- Они очень холодные, Роберто.

"Put them here and warm them."	- Давай их сюда, грейся.
"Nay," she said.	- Нет, - сказала она.
"They will warm quickly.	- Они и так скоро согреются.
But say quickly now that you love me."	А ты скажи поскорее, что любишь меня.
"I love thee."	- Я люблю тебя.
"Good.	- Вот так.
Good.	Так.
Good."	Так.
"I love thee, little rabbit."	- Я люблю тебя, зайчонок.
"Do you love my wedding shirt?"	- А мою свадебную рубашку любишь?

"It is the same one as always."	- Это все та же, прежняя?
"Yes.	-Да.
As last night.	Та же, что прошлой ночью.
It is my wedding shirt."	Это моя свадебная рубашка.
"Put thy feet here."	- Дай сюда ноги.
"Nay, that would be abusive.	- Нет. Тебе будет неприятно.
They will warm of themselves.	Они и так согреются.
They are warm to me.	Они теплые.
It is only that the snow has made them cold toward thee.	Это только сверху они холодные от снега.
Say it again."	Скажи еще раз.

"I love thee, my little rabbit."	- Я люблю тебя, зайчонок.
"I love thee, too, and I am thy wife."	- Я тебя тоже люблю, и я твоя жена.
"Were they asleep?"	-Там уже спят?
"No," she said.	- Нет, - сказала она.
"But I could support it no longer.	- Но я больше не могла.
And what importance has it?"	Да и какое это имеет значение?

"None," he said, and felt her against him, slim and long and warmly lovely.	- Никакого, - сказал он, чувствуя ее всем своим телом, тоненькую, длинную, чудесно теплую.
"No other thing has importance."	- Сейчас ничто не имеет значения.

"Put thy hand on my head," she said, "and then let me see if I can kiss thee.	- Положи мне руку на голову, - сказала она, - а я попробую поцеловать тебя.
"Was it well?" she asked.	Так хорошо? - спросила она.
"Yes," he said.	- Да, - сказал он.
"Take off thy wedding shirt."	- Сними свою свадебную рубашку.
"You think I should?"	- Надо снять?
"Yes, if thou wilt not be cold."	- Да, если только тебе не холодно.
"_Que va_, cold.	- Que va, холодно.
I am on fire."	Я как в огне.
"I, too.	- Я тоже.
But afterwards thou wilt not be cold?"	А потом тебе не будет холодно?

"No.	- Нет.
Afterwards we will be as one animal of the forest and be so close that neither one can tell that one of us is one and not the other.	Потом мы будем как лесной зверек, один зверек, и мы будем так близко друг к другу, что не разобрать, где ты и где я.
Can you not feel my heart be your heart?"	Ты чувствуешь? Мое сердце - это твое сердце.
"Yes.	-Да.
There is no difference."	Не различишь.
"Now, feel.	- Ну вот.
I am thee and thou art me and all of one is the other.	Я - это ты, и ты - это я, и каждый из нас - мы оба.
And I love thee, oh, I love thee so.	И я люблю тебя, ох, как я люблю тебя.

Are you not truly one?	Ведь правда, что мы с тобой одно?
Canst thou not feel it?"	Ты чувствуешь это?
"Yes," he said.	- Да, - сказал он.
"It is true."	- Правда.
"And feel now.	- А теперь чувствуешь?
Thou hast no heart but mine."	У тебя нет своего сердца - это мое.
"Nor any other legs, nor feet, nor of the body."	- И своих ног нет, и рук нет, и тела нет.
"But we are different," she said.	- Но мы все-таки разные, - сказала она.
"I would have us exactly the same."	- А я хочу, чтобы мы были совсем одинаковые.
"You do not mean that."	-Ты глупости говоришь.

"Yes I do.	- Да. Хочу.
I do.	Хочу.
That is a thing I had to tell thee."	И я хотела тебе сказать про это.

"You do not mean that."	-Ты глупости говоришь.
"Perhaps I do not," she said speaking softly with her lips against his shoulder.	- Ну, пусть глупости, - тихо сказала она, уткнувшись ему в плечо.
"But I wished to say it.	- Но мне хотелось так сказать.
Since we are different I am glad that thou art Roberto and I Maria.	Если уж мы с тобой разные, так я рада, что ты Роберто, а я Мария.
But if thou should ever wish to change I would be glad to change.	Но если тебе захочется поменяться, я поменяюсь с радостью.

I would be thee because I love thee so."	Я буду тобой, потому что я люблю тебя.
"I do not wish to change.	-Я не хочу меняться.
It is better to be one and each one to be the one he is."	Лучше быть как одно и чтобы каждый оставал-ся самим собой.
"But we will be one now and there will never be a separate one."	- И мы сейчас будем как одно и никогда больше не расстанемся.
Then she said, "I will be thee when thou are not there.	- Потом она сказала: - Я буду тобой, когда тебя не будет здесь.
Oh, I love thee so and I must care well for thee."	Как я люблю тебя, как мне надо заботиться о тебе!
"Maria."	- Мария.
"Yes."	-Да.

"Maria."	- Мария.
"Yes."	-Да.
"Maria."	- Мария.
"Oh, yes.	-Да.
Please."	Да.
"Art thou not cold?"	- Тебе холодно?
"Oh, no.	- Нет.
Pull the robe over thy shoulders."	Натяни мешок на плечи.
"Maria."	- Мария.
"I cannot speak."	-Я не могу говорить.
"Oh, Maria. Maria. Maria."	- О Мария, Мария, Мария!

Then afterwards, close, with the night cold outside, in the long warmth of the robe, her head touching his cheek, she lay quiet and happy against him and then said softly,	Потом, после, тесно прижавшись к нему в длинном теплом мешке, куда не проникал ночной холод, она лежала молча, прижавшись головой к его щеке, счастливая, и потом тихо сказала:
"And thou?"	- А тебе?
"_Como tu_," he said.	- Como tu, - сказал он.
"Yes," she said.	- Да, - сказала она.
"But it was not as this afternoon."	- Но днем было по-другому.

"No."	-Да.
"But I loved it more.	- А мне так лучше.
One does not need to die."	Умирать не обязательно.

"_Ojala no_," he said.	- Ojala no, - сказал он.
"I hope not."	- Надеюсь, что нет.
"I did not mean that."	-Я не об этом.
"I know.	- Я знаю.
I know what thou meanest.	Я знаю, о чем ты думаешь.
We mean the same."	Мы думаем об одном и том же.
"Then why did you say that instead of what I meant?"	- Тогда зачем же ты заговорил не о том, о чем я думала?
"With a man there is a difference."	- У нас, мужчин, мысли идут по-другому.
"Then I am glad that we are different."	- Тогда я рада, что мы с тобой разные.
"And so am I," he said.	- Я тоже рад, - сказал он.

"But I understood about the dying.	- Но я понимаю, о каком умирании ты говорила.
I only spoke thus, as a man, from habit.	Это я просто так сказал, по своей мужской привычке.
I feel the same as thee."	А чувствую я то же, что и ты.
"However thou art and however thou speakest is how I would have thee be."	- Что бы ты ни делал, что бы ты ни говорил, это так и должно быть.
"And I love thee and I love thy name, Maria."	- Я люблю тебя, и я люблю твое имя, Мария.
"It is a common name."	- Оно самое обыкновенное.
"No," he said.	- Нет, - сказал он.
"It is not common."	- Оно не обыкновенное.

"Now should we sleep?" she said.	- А теперь давай спать, - сказала она.
"I could sleep easily."	- Я засну быстро.
"Let us sleep," he said, and he felt the long light body, warm against him, comforting against him, abolishing loneliness against him, magically, by a simple touching of flanks, of shoulders and of feet, making an alliance against death with him, and he said, "Sleep well, little long rabbit."	- Давай спать, - сказал он, чувствуя рядом с собой длинное легкое тело, чувствуя, как оно согревает его своим теплом, успокаивает его, словно по волшебству прогоняет его одиночество одним лишь прикосновением бедер, плеч и ног, вместе с ним ополчается против смерти, и он сказал: - Спи спокойно, длинноногий зайчонок.
She said,	Она сказала:

"I am asleep already."	- Я уже сплю.
"I am going to sleep," he said.	- Я сейчас тоже засну, - сказал он.
"Sleep well, beloved."	- Спи спокойно, любимая.
Then he was asleep and happy as he slept.	Потом он заснул, и во сне он был счастлив.

But in the night he woke and held her tight as though she were all of life and it was being taken from him.	Но среди ночи он проснулся и крепко прижал ее к себе, словно это была вся его жизнь и ее отнимали у него.
He held her feeling she was all of life there was and it was true.	Он обнимал ее, чувствуя, что вся жизнь в ней, и это на самом деле было так.

But she was sleeping well and soundly and she did not wake.	Но она спала крепко и сладко и не проснулась.
So he rolled away onto his side and pulled the robe over her head and kissed her once on her neck under the robe and then pulled the pistol lanyard up and put the pistol by his side where he could reach it handily and then he lay there in the night thinking.	Тогда он лег на бок и натянул край мешка ей на голову и поцеловал ее в шею, а потом подтянул шнур и положил револьвер рядом, чтобы он был под рукой, и так он лежал и думал в ночной темноте.
21	21

A warm wind came with daylight and he could hear the snow melting in the trees and the heavy sound of its falling.	На рассвете подул теплый ветер, и Роберт Джордан слышал, как снег на деревьях подтаивает и тяжело падает вниз.
It was a late spring morning.	Утро было весеннее.
He knew with the first breath he drew that the snow had been only a freak storm in the mountains and it would be gone by noon.	С первым же глотком воздуха он понял, что прошедшая метель - это обычная причуда горного климата и что к полудню снег стает.

Then he heard a horse coming, the hoofs balled with the wet snow thumping dully as the horseman trotted.	Потом он услышал стук лошадиных копыт; забитые мокрым снегом, они глухо топали на рыси.
He heard the noise of a carbine scabbard slapping loosely and the creak of leather.	Он услышал шлепанье карабинного чехла о седло и скрип кожи.
"Maria," he said, and shook the girl's shoulder to waken her.	- Мария, - сказал он и тряхнул девушку за плечо, чтобы она проснулась.

"Keep thyself under the robe," and he buttoned his shirt with one hand and held the automatic pistol in the othet loosening the safety catch with his thumb.	- Спрячься в мешок. - И он застегнул одной рукой ворот рубашки, а другой схватился за револьвер и спустил предохранитель.
He saw the girl's cropped head disappear with a jerk under the robe and then he saw the horseman coming through the trees.	Стриженая голова девушки нырнула в мешок, и в ту же минуту он увидел всадника, выезжающего из-за деревьев.
He crouched now in the robe and holding the pistol in both hands aimed it at the man as he rode toward him.	Он весь сжался в мешке и, держа револьвер обеими руками, прицелился в человека, который приближался к нему.

He had never seen this man before.	Он никогда раньше не видел этого человека.
The horseman was almost opposite him now.	Всадник теперь почти поравнялся с ним.
He was riding a big gray gelding and he wore a khaki beret, a blanket cape like a poncho, and heavy black boots.	Он ехал на крупном сером мерине, и на нем был плащ, накинутый на манер пончо, берет цвета хаки и высокие черные сапоги.
From the scabbard on the right of his saddle projected the stock and the long oblong clip of a short automatic rifle.	Из чехла, висевшего на седле справа, торчал приклад и продолговатый магазин автомата.

He had a young, hard face and at this moment he saw Robert Jordan.	Лицо у всадника было юное, резко очерченное: еще мгновение, и он увидел Роберта Джордана.

He reached his hand down toward the scabbard and as he swung low, turning and jerking at the scabbard, Robert Jordan saw the scarlet of the formalized device he wore on the left breast of his khaki blanket cape.	Его рука потянулась вниз, к чехлу, и когда он низко пригнулся в седле, стараясь одним рывком выхватить автомат из чехла, Роберт Джордан увидел у него слева на плаще красную эмблему.
Aiming at the center of his chest, a little lower than the device, Robert Jordan fired.	Прицелившись ему в середину груди, чуть пониже эмблемы, Роберт Джордан выстрелил.
The pistol roared in the snowy woods.	Выстрел громыхнул в тишине заснеженного леса.

The horse plunged as though he had been spurred and the young man, still tugging at the scabbard, slid over toward the ground, his right foot caught in the stirrup.	Лошадь метнулась, словно пришпоренная, а молодой человек скользнул вниз, все еще цепляясь за чехол автомата, и правая нога у него застряла в стремени.
The horse broke off through the trees dragging him, bumping, face downward, and Robert Jordan stood up holding the pistol now in one hand.	Лошадь понеслась по лесу, волоча его за собой лицом вниз, подкидывая его на неровностях почвы, и тогда Роберт Джордан встал, держа револьвер в правой руке.
The big gray horse was galloping through the pines.	Крупный серый конь галопом мчался между деревьями.

There was a broad swath in the snow where the man dragged with a scarlet streak along one side of it.	Волочившееся тело оставляло за собой широкую полосу примятого снега, окрашенную с одной стороны красным.
People were coming out of the mouth of the cave.	Из пещеры выбегали люди.
Robert Jordan reached down and unrolled his trousers from the pillow and began to put them on.	Роберт Джордан нагнулся, вытащил из свертка брюки и стал натягивать их.
"Get thee dressed," he said to Maria.	- Оденься, - сказал он Марии.
Overhead he heard the noise of a plane flying very high.	Он услышал шум самолета, летевшего высоко в небе.

Through the trees he saw where the gray horse had stopped and was standing, his rider still hanging face down from the stirrup.	Впереди он видел серого коня, остановившегося между деревьями, и всадника, который все еще висел лицом вниз, застряв одной ногой в стремени.
"Go catch that horse," he called to Primitivo who had started over toward him.	- Пойди приведи лошадь, - крикнул он Примитиво, который бежал к нему.
Then, "Who was on guard at the top?"	Потом: - Кто был на верхнем посту?
"Rafael," Pilar said from the cave.	- Рафаэль, - крикнула Пилар из пещеры.
She stood there, her hair still down her back in two braids.	Она стояла у входа, волосы у нее были еще не подобраны и висели двумя косами вдоль спины.

"There's cavalry out," Robert Jordan said.	- Кавалерийский разъезд близко, - сказал Роберт Джордан.
"Get your damned gun up there."	- Где он, ваш пулемет? Давайте его сюда.
He heard Pilar call, "Agustin," into the cave.	Он слышал, как Пилар крикнула, обернувшись назад: "Агустин!"

Then she went into the cave and then two men came running out, one with the automatic rifle with its tripod swung on his shoulder; the other with a sackful of the pans.	Потом она ушла в пещеру, и оттуда выбежали двое - один с ручным пулеметом на плече треногой вперед, другой с мешком, в котором были диски.
"Get up there with them," Robert Jordan said to Anselmo.	- Отправляйся с ними туда, наверх, - сказал Роберт Джордан Ансельмо.

"You lie beside the gun and hold the legs still," he said.	- Ляжешь и будешь держать треногу, - сказал он.
The three of them went up the trail through the woods at a run.	Ансельмо и те двое побежали по тропинке, уходившей вверх между деревьями.
The sun had not yet come up over the tops of the mountains and Robert Jordan stood straight buttoning his trousers and tightening his belt, the big pistol hanging from the lanyard on his wrist.	Солнце еще не вышло из-за гор; Роберт Джордан, выпрямившись, застегивал брюки и затягивал пояс, револьвер все еще был привязан у него к кисти руки.
He put the pistol in its holster on his belt and slipped the knot down on the lanyard and passed the ioop over his head.	Потом он сунул его в кобуру на поясе, распустил петлю и надел ее себе на шею.

Somebody will choke you with that sometime, he thought.	Когда-нибудь тебя удушат вот этой штукой, подумал он.
Well, this has done it.	Ну что ж, револьвер свое дело сделал.
He took the pistol out of the holster, removed the clip, inserted one of the cartridges from the row alongside of the holster and shoved the clip back into the butt of the pistol.	Он вытащил его из кобуры, вынул обойму, вставил в нее один патрон из патронташа на кобуре и вернул обойму на место.
He looked through the trees to where Primitivo, holding the reins of the horse, was twisting the rider's foot out of the stirrup.	Он посмотрел сквозь деревья, туда, где Примитиво, держа лошадь под уздцы, высвобождал ногу кавалериста из стремени.

The body lay face down in the snow and as he watched Primitivo was going through the pockets.	Убитый висел, уткнувшись лицом в снег, и Роберт Джордан увидел, как Примитиво обшаривает его карманы.
"Come on," he called.	- Эй! - крикнул он.
"Bring the horse."	- Веди лошадь сюда.
As he knelt to put on his rope-soled shoes, Robert Jordan could feel Maria against his knees, dressing herself under the robe.	Присев на землю, чтобы надеть свои сандалии на веревочной подошве, Роберт Джордан услышал, как Мария, одеваясь, возится в мешке.
She had no place in his life now.	Сейчас в его жизни уже не было места для нее.
That cavalryman did not expect anything, he was thinking.	Этот кавалерист ничего такого не ждал, думал Роберт Джордан.

He was not following horse tracks and he was not even properly alert, let alone alarmed.	Он ехал вовсе не по следам и не только не был начеку, но не считал нужным соблюдать осторожность.
He was not even following the tracks up to the post.	Он даже не заметил следов, которые ведут к верхнему посту.
He must have been one of a patrol scattered out in these hills.	Он, должно быть, из какого-нибудь кавалерийского разъезда, их много здесь, в горах.

But when the patrol misses him they will follow his tracks here.	Но скоро его хватятся и придут сюда по его же следу.
Unless the snow melts first, he thought.	Если только снег не растает до тех пор, подумал он.

Unless something happens to the patrol.	Если только с самим разъездом ничего не случится.
"You better get down below," he said to Pablo.	-Ты бы пошел вниз, - сказал он Пабло.
They were all out of the cave now, standing there with the carbines and with grenades on their belts.	Теперь все они вышли из пещеры и стояли с карабинами в руках и с гранатами за поясом.
Pilar held a leather bag of grenades toward Robert Jordan and he took three and put them in his pocket.	Пилар протянула Роберту Джордану кожаную сумку с гранатами, он взял три и сунул их в карман.

He ducked into the cave, found his two packs, opened the one with the submachine gun in it and took out the barrel and stock, slipped the stock onto the forward assembly and put one clip into the gun and three in his pockets. He locked the pack and started for the door.	Потом нырнул под по-пону, разыскал свои рюкзаки, открыл тот, в котором был автомат, вынул приклад и ствол, насадил ложу, соединил их, вставил магазин, еще три положил в карман, запер замок рюкзака и шагнул к выходу.
I've got two pockets full of hardware, he thought.	Полны карманы скобяного товара, подумал он.
I hope the seams hold.	Только бы не лопнули по швам.
He came out of the cave and said to Pablo,	Он вышел из пещеры и сказал Пабло:
"I'm going up above.	- Я пойду наверх.

Can Agustin shoot that gun?"	Агустин умеет обращаться с пулеметом?
"Yes," Pablo said.	- Да, - сказал Пабло.
He was watching Primitivo leading up the horse.	Он не сводил глаз с Примитиво, который вел лошадь.
"_Mira que caballo_," he said.	- Mira que caballo, - сказал он.
"Look, what a horse."	- Полюбуйтесь, какой конь!
The big gray was sweating and shivering a little and Robert Jordan patted him on the withers.	Серый весь взмок от пота и чуть дрожал, и Роберт Джордан похлопал его по холке.
"I will put him with the others," Pablo said.	- Я поставлю его вместе с остальными, - сказал Пабло.

"No," Robert Jordan said.	- Нет, - сказал Роберт Джордан.
"He has made tracks into here.	- Его следы ведут сюда.
He must make them out."	Надо, чтобы они вывели обратно.
"True," agreed Pablo.	- Правильно, - согласился Пабло.
"I will ride him out and will hide him and bring him in when the snow is melted.	- Я уеду на нем отсюда и припрячу где-нибудь, а когда снег растает, приведу обратно.
Thou hast much head today, _Ingles_."	У тебя сегодня хорошо работает голова, Ingles.
"Send some one below," Robert Jordan said.	- Пошли кого-нибудь вниз, - сказал Роберт Джордан.

"We've got to get up there."	- А нам надо пойти наверх.
"It is not necessary," Pablo said.	- Это ни к чему, - сказал Пабло.
"Horsemen cannot come that way.	- Туда верхом не проехать.
But we can get out, by there and by two other places.	Но мы сможем выбраться отсюда; кроме этой, я знаю еще две дороги.
It is better not to make tracks if there are planes coming.	А сейчас лучше не оставлять лишних следов, на случай, если появятся самолеты.
Give me the _bota_ with wine, Pilar."	Дай мне bota с вином, Пилар.
"To go off and get drunk," Pilar said.	- Опять напьешься до бесчувствия? - сказала Пилар.
"Here, take these instead."	- Вот возьми лучше это.

He reached over and put two of the grenades in his pockets.	- Она протянула руку и сунула ему в карман две гранаты.
"_Que va_, to get drunk," Pablo said.	- Que va, напьешься, - сказал Пабло.
"There is gravity in the situation.	- Тут положение серьезное.
But give me the _bota_.	Все равно дай мне bota.
I do not like to do all this on water."	Не воду же пить, когда едешь на такое дело.
He reached his arms up, took the reins and swung up into the saddle.	Он поднял руки, взял повод и вскочил в седло.
He grinned and patted the nervous horse.	Потом усмехнулся и погладил беспокоившуюся лошадь.

Robert Jordan saw him rub his leg along the horse's flank affectionately.	Роберт Джордан видел, как он с нежностью сжал бока лошади шенкелями.
"_Que caballo mas bonito_," he said and patted the big gray again. "_Que caballo mas hermoso_.	- Que caballo mas bonito, - сказал Пабло и погладил серого. - Que caballo mas hermoso.
Come on.	Ну, трогай.
The faster this gets out of here the better."	Чем скорее выведу тебя отсюда, тем лучше.

He reached down and pulled the light automatic rifle with its ventilated barrel, really a submachine gun built to take the 9 mm. pistol cartridge, from the scabbard, and looked at it.	Он потянулся вниз, вынул из чехла легкий автомат с предохранительным кожухом, вернее, пистолет-пулемет, приспособленный под девятимиллиметровые патроны, и оглядел его со всех сторон.
"Look how they are armed," he said.	- Вот это вооружение, - сказал он.
"Look at modern cavalry."	- Вот это современная кавалерия.
"There's modern cavalry over there on his face," Robert Jordan said. "_Vamonos_."	- Вот она, современная кавалерия, носом в землю лежит, - сказал Роберт Джордан. - Vamonos.

"Do you, Andres, saddle and hold the horses in readiness.	Андрес, оседлай лошадей и держи их наготове.
If you hear firing bring them up to the woods behind the gap.	Если услышишь стрельбу, подъезжай с ними к просеке.

Come with thy arms and leave the women to hold the horses.	Захвати с собой оружие, а лошадей пусть держат женщины.
Fernando, see that my sacks are brought also.	Фернандо, тебе поручаю мои мешки, их тоже надо захватить.
Above all, that my sacks are brought carefully.	Только, пожалуйста, поосторожнее с ними.

Thou to look after my sacks, too," he said to Pilar.	Ты тоже следи за мешками, - сказал он Пилар.
"Thou to verify that they come with the horses. _Vamonos_," he said.	- На твою ответственность, чтобы захватили их вместе с лошадьми. Vamonos, - сказал он.
"Let us go."	- Пошли.
"The Maria and I will prepare all for leaving," Pilar said.	- Мы с Марией подготовим все к уходу, - сказала Пилар.

Then to Robert Jordan, "Look at him," nodding at Pablo on the gray horse, sitting him in the heavy-thighed herdsman manner, the horse's nostrils widening as Pablo replaced the clip in the automatic rifle.	- Полюбуйся на него, - обратилась она к Роберту Джордану, показав на Пабло, который грузно, как настоящий vaquero, восседал на сером, испуганно раздувавшем ноздри, и вставлял новый магазин в автомат.
"See what a horse has done for him."	- Видишь, какой он стал от этой лошади.
"That I should have two horses," Robert Jordan said fervently.	- Мне бы сейчас двух таких лошадей, - горячо сказал Роберт Джордан.
"Danger is thy horse."	- Опасность - вот твоя лошадь.

"Then give me a mule," Robert Jordan grinned.	- Ну, тогда дайте мне мула, - усмехнулся Роберт Джордан.
"Strip me that," he said to Pilar and jerked his head toward where the man lay face down in the snow.	- Обчисть-ка его, - сказал он Пилар и мотнул головой в сторону убитого, который лежал, уткнувшись лицом в снег.
"And bring everything, all the letters and papers, and put them in the outside pocket of my sack.	- Возьми все - письма, бумаги и положи в рюкзак, в наружный карман.
Everything, understand?"	Все возьми, поняла?
"Yes."	-Да.
"_Vamonos_," he said.	- Vamonos, - сказал он.

Pablo rode ahead and the two men followed in a single file in order not to track up the snow.	Пабло ехал впереди, а двое мужчин шли за ним гуськом, чтобы не оставлять лишних следов.
Robert Jordan carried the submachine gun muzzle down, carrying it by its forward hand grip.	Роберт Джордан нес свой автомат дулом вниз, держа его за переднюю скобу.
I wish it took the same ammunition that saddle gun takes, he thought.	Хорошо бы, если б к нему подошли патроны от автомата убитого, подумал он.
But it doesn't.	Да нет, не подойдут.
This is a German gun.	Это немецкий автомат.
This was old Kashkin's gun.	Это автомат Кашкина.

The sun was coming over the mountains now.	Солнце встало из-за гор.
A warm wind was blowing and the snow was melting.	Дул теплый ветер, и снег таял.

It was a lovely late spring morning.	Было чудесное весеннее утро.
Robert Jordan looked back and saw Maria now standing with Pilar.	Роберт Джордан оглянулся и увидел, что Мария стоит рядом с Пилар.
Then she came running up the trail.	Потом она бросилась бегом вверх по тропинке.
He dropped behind Primitivo to speak to her.	Он пропустил Примитиво вперед и остановился поговорить с ней.
"Thou," she said.	- Слушай, - сказала она.

"Can I go with thee?"	- Можно, я пойду с тобой?
"No.	- Нет.
Help Pilar."	Помоги Пилар.
She was walking behind him and put her hand on his arm.	Она шла за ним, держа его за локоть.
"I'm coming."	- Я пойду с тобой.
"Nay."	- Нет.
She kept on walking close behind him.	Она продолжала идти вплотную за ним.
"I could hold the legs of the gun in the way thou told Anselmo."	- Я буду держать треногу пулемета, как ты учил Ансельмо.
"Thou wilt hold no legs. Neither of guns nor of nothing."	- Никакой тревоги ты держать не будешь.

Walking beside him she reached forward and put her hand in his pocket.	Она поравнялась с ним, протянула руку и сунула ему в карман.
"No," he said.	- Нет, - сказал он.
"But take good care of thy wedding shirt."	- Ты лучше позаботься о своей свадебной рубашке.
"Kiss me," she said, "if thou goest."	- Поцелуй меня, - сказала она, - раз ты уходишь.
"Thou art shameless," he said.	- Стыда в тебе нет, - сказал он.
"Yes," she said.	- Да, - сказала она.
"Totally."	- Совсем нет.
"Get thee back now.	- Уходи.
There is much work to do.	Работы у нас будет много.

We may fight here if they follow these horse tracks."	Если они придут сюда по следам, придется отстреливаться.
"Thou," she said.	- Слушай, - сказала она.
"Didst thee see what he wore on his chest?"	- Ты видел, что у него было на груди?
"Yes.	-Да.
Why not?"	Конечно, видел.
"It was the Sacred Heart."	- Сердце Иисусово.
"Yes. All the people of Navarre wear it."	- Да, его наваррцы носят.

"And thou shot for that?"	- И ты метил в него?
"No.	- Нет.

Below it.	Пониже.
Get thee back now."	А теперь уходи.
"Thou," she said.	- Слушай, - сказала она.
"I saw all."	- Я все видела.
"Thou saw nothing.	- Ничего ты не видела.
One man.	Какой-то человек.
One man from a horse.	Какой-то человек вер- хом на лошади.
Vete. Get thee back."	Уходи.
"Say that you love me."	- Скажи, что любишь меня.
"No.	- Нет.
Not now."	Сейчас нет.
"Not love me now?"	- Не любишь сейчас?
"_Dejamos_.	- Dejamos .

Get thee back.	Уходи.
One does not do that and love all at the same moment."	Нельзя все сразу - и любить, и заниматься этим делом.
"I want to go to hold the legs of the gun and while it speaks love thee all in the same moment."	- Я хочу держать треногу пулемета, и когда он будет стрелять, я буду любить тебя - все сразу.
"Thou art crazy.	-Ты сумасшедшая.
Get thee back now."	Уходи.
"I am crazy," she said.	- Нет, я не сумасшедшая, - сказала она.
"I love thee."	- Я люблю тебя.
"Then get thee back."	- Тогда уходи.
"Good.	- Хорошо.
I go.	Я уйду.

And if thou dost not love me, I love thee enough for both."	А если ты меня не любишь, то я люблю тебя за двоих.
He looked at her and smiled through his thinking.	Он взглянул на нее и улыбнулся, продолжая думать о своем.
"When you hear firing," he said, "come with the horses.	- Когда услышите стрельбу, - сказал он, - уводите лошадей.
Aid the Pilar with my sacks.	Помоги Пилар управиться с моими мешками.
It is possible there will be nothing.	Может, ничего такого и не будет.
I hope so."	Я надеюсь, что не будет.
"I go," she said.	- Я ухожу, - сказала она.

"Look what a horse Pablo rides."	- Посмотри, какая лошадь у Пабло.
The big gray was moving ahead up the trail.	Серый шел вверх по тропе.
"Yes.	-Да.
But go."	Ну, уходи.
"I go."	- Уйду.
Her fist, clenched tight in his pocket, beat hard against his thigh.	Ее рука, стиснутая в кулак у него в кармане, уперлась ему в бедро.
He looked at her and saw there were tears in her eyes.	Он взглянул на нее и увидел, что она плачет.

She pulled her fist out of his pocket and put both arms tight around his neck and kissed him.	Она выдернула кулак из кармана, крепко обняла Роберта Джордана обеими руками за шею и поцеловала.
"I go," she said. "_Me voy_.	- Иду, - сказала она. - Me voy.
I go."	Иду.
He looked back and saw her standing there, the first morning sunlight on her brown face and the cropped, tawny, burned-gold hair.	Он оглянулся и увидел, что она все еще стоит на месте в первых утренних лучах, освещающих ее смуглое лицо и стриженую золотисто-рыжеватую голову.

She lifted her fist at him and turned and walked back down the trail, her head down.	Она подняла кулак, потом повернулась и, понурившись, пошла вниз по тропинке.
Primitivo turned around and looked after her.	Примитиво обернулся и посмотрел ей вслед.
"If she did not have her hair cut so short she would be a pretty girl," he said.	- Хорошенькая была бы девчонка, если бы не стриженые волосы, - сказал он.
"Yes," Robert Jordan said. He was thinking of something else.	- Да, - сказал Роберт Джордан, Он думал о чем-то другом.
"How is she in the bed?" Primitivo asked.	- А как она в постели? - спросил Примитиво.

"What?"	-Что?
"In the bed."	- В постели как?
"Watch thy mouth."	- Придержи язык.
"One should not be offended when--"	- Чего же тут обижаться, когда...
"Leave it," Robert Jordan said.	- Довольно, - сказал Роберт Джордан.
He was looking at the position.	Он оглядывал выбранную позицию.
22	22
"Cut me pine branches," Robert Jordan said to Primitivo, "and bring them quickly."	- Наломай мне сосновых веток, - сказал Роберт Джордан Примитиво, - только поскорее.

"I do not like the gun there," he said to Agustin.	Совсем это не хорошее место для пулемета, -сказал он Агустину.
"Why?"	- Почему?
"Place it over there," Robert Jordan pointed, "and later I will tell thee."	- Ставь его вот сюда, - Роберт Джордан указал пальцем, - объясню потом.
"Here, thus.	Вот так.

Let me help thee.	Давай помогу.
Here," he said, then squatted down.	Вот, - сказал он, присаживаясь на корточки.
He looked out across the narrow oblong, noting the height of the rocks on either side.	Он глянул в узкую, продолговатую расселину, замечая высоту скал с одной и с другой стороны.

"It must be farther," he said, "farther out.	- Надо выдвинуть его дальше, - сказал он, - дальше, сюда.
Good. Here.	Вот. Хорошо.
That will do until it can be done properly.	Ну, пока сойдет, а там надо будет сделать все как следует.
There.	Так.
Put the stones there.	Подложи здесь несколько камней.
Here is one.	Вот, возьми.
Put another there at the side.	Теперь другой, с этой стороны.
Leave room for the muzzle to swing.	Оставь зазор, так, чтобы можно было поворачивать ствол.
The stone must be farther to this side.	Этот камень поближе сюда.

Anselmo.	Ансельмо!
Get thee down to the cave and bring me an ax.	Сходи в пещеру и принеси мне топор.
Quickly."	Побыстрее.
"Have you never had a proper emplacement for the gun?" he said to Agustin.	Неужели у вас не было настоящей огневой точки? - спросил он Агустина.
"We always placed it here."	- Мы всегда его ставили здесь.
"Kashkin never said to put it there?"	- Это вам Кашкин так велел?
"No.	- Нет.
The gun was brought after he left."	Пулемет нам принесли, когда Кашкина уже тут не было.

"Did no one bring it who knew how to use it?"	- А тот, кто принес, не знал разве, как с ним обращаться?
"No.	- Нет.
It was brought by porters."	Принесли носильщики.
"What a way to do things," Robert Jordan said.	- Как это у нас все делается! - сказал Роберт Джордан.
"It was just given to you without instruction?"	- Значит, вам его дали без всяких инструкций?
"Yes, as a gift might be given.	- Ну да, просто в подарок.
One for us and one for El Sordo.	Один нам и один Эль Сордо.
Four men brought them.	Четыре человека их принесли.

Anselmo guided them."	Ансельмо ходил с ними проводником.

"It was a wonder they did not lose them with four men to cross the lines."	- Удивительно, как еще они не попались -вчетвером переходить линию фронта!
"I thought so, too," Agustin said.	-Я и сам думал об этом, - сказал Агустин.
"I thought those who sent them meant for them to be lost.	- Я думал, тот, кто их послал, так и рассчитывал, что они попадутся.
But Anselmo brought them well."	Но Ансельмо провел их благополучно.
"You know how to handle it?"	-Ты умеешь обращаться с пулеметом?
"Yes.	-Да.
I have experimented.	Выучился.

I know.	Я умею.
Pablo knows.	Пабло умеет.
Primitivo knows.	Примитиво умеет.
So does Fernando.	И Фернандо тоже.
We have made a study of taking it apart and putting it together on the table in the cave.	Мы все его разбирали и опять собирали на столе в пещере, так и выучились.
Once we had it apart and could not get it together for two days.	Один раз как разобрали, так два дня собрать не могли.
Since then we have not had it apart."	С тех пор уже больше не разбирали.
"Does it shoot now?"	- Но он действует?
"Yes.	-Да.
But we do not let the gypsy nor others frig with it."	Только мы цыгану и остальным не даем им баловаться.

"You see?	- Вот видишь.
From there it was useless," he said.	Так, как он у вас стоял, от него никакого толку не было, - сказал Роберт Джордан.
"Look. Those rocks which should protect your flanks give cover to those who will attack you.	- Смотри, Эти скалы не столько защищают с флангов, сколько служат прикрытием для тех, кто на тебя нападает.
With such a gun you must seek a flatness over which to fire.	Для такого пулемета нужно ровное поле обстрела.
Also you must take them sideways.	Но нужно, чтобы у тебя была возможность попадать и сбоку.
See?	Понял?
Look now.	Вот смотри.

All that is dominated."	Теперь все это простран- ство простреливается.
"I see," said Agustin.	- Вижу, - сказал Агустин.
"But we have never fought in defense except when our town was taken.	- Нам, понимаешь, нико- гда не приходилось обо- роняться, только разве когда наш город брали.
At the train there were soldiers with the _maquina_."	В деле с эшелоном - там были солдаты с maquina.

"Then we will all learn together," Robert Jordan said.	- Будем учиться все вместе, - сказал Роберт Джордан.
"There are a few things to observe.	- Нужно только соблю- дать главные правила.

Where is the gypsy who should be here?" "I do not know." "Where is it possible for him to be?"	Где же цыган, ведь его пост здесь?
"I do not know."	- Не знаю.
Pablo had ridden out through the pass and turned once and ridden in a circle across the level space at the top that was the field of fire for the automatic rifle.	Пабло проехал по ущелью, повернул и сделал круг на ровной поляне, ставшей полем обстрела для пулемета.
Now Robert Jordan watched him riding down the slope alongside the tracks the horse had left when he was ridden in.	Потом Роберт Джордан увидел, что он спускается по склону, держась вдоль следа, оставленного лошадью, когда она шла вверх.

He disappeared in the trees turning to the left.	Доехав до леса, он свернул влево и исчез за деревьями.
I hope he doesn't run right into cavalry, Robert Jordan thought.	Не наткнулся бы он на кавалерийский разъезд, подумал Роберт Джордан.
I'm afraid we'd have him right here in our laps.	А то прямо поведет на нас.
Primitivo brought the pine branches and Robert Jordan stuck them through the snow into the unfrozen earth, arching them over the gun from either side.	Примитиво натаскал сосновых веток, и Роберт Джордан стал втыкать их сквозь снег в немерзлую землю рядом с пулеметом, так что они прикрыли его с обеих сторон.
"Bring more," he said.	- Неси еще, - сказал он.

"There must be cover for the two men who serve it.	- Надо устроить укрытие для всех, кто будет при пулемете.
This is not good but it will serve until the ax comes.	Не очень это хорошо получается, но пока сойдет, а когда Ансельмо принесет топор, мы еще подправим.
Listen," he said, "if you hear a plane lie flat wherever thou art in the shadows of the rocks.	Теперь вот что, - сказал он. - Если услышишь самолет, ложись сейчас же так, чтобы на тебя падала тень от скалы.
I am here with the gun."	Я буду тут, у пулемета.
Now with the sun up and the warm wind blowing it was pleasant on the side of the rocks where the sun shone.	Солнце уже стояло высоко, дул легкий ветер, и среди скал, на солнце, было тепло и приятно.

Four horses, Robert Jordan thought.	Четыре лошади, думал Роберт Джордан.
The two women and me, Anselmo, Primitivo, Fernando, Agustin, what the hell is the name of the other brother?	Две женщины, я, Ансельмо, Примитиво, Фернандо, Агустин, потом этот, старший из братьев, фу, черт, никак не вспомню, как его зовут.
That's eight.	Уже восемь.
Not counting the gypsy.	Это не считая цыгана.
Makes nine.	Значит, девять.

Plus Pablo gone with one horse makes ten.	Еще Пабло, ну, у того теперь своя лошадь, можно не считать.
Andres is his name. The other brother.	Андрес, вот как его зовут, старшего брата.

Plus the other, Eladio.	Потом еще другой брат. Эладио.
Makes ten.	Десять.
That's not one-half a horse apiece.	Это выходит меньше, чем по половине лошади на человека.
Three men can hold this and four can get away.	Трое, скажем, останутся здесь и будут обороняться, а четверо могут уйти.
Five with Pablo.	Пятеро, считая Пабло.
That's two left over. Three with Eladio.	Остается еще двое, с Эладио даже трое.
Where the hell is he?	Где он, кстати сказать?
God knows what will happen to Sordo today if they picked up the trail of those horses in the snow.	Один бог знает, что будет сегодня с Г лухим, если до него доберутся по следам на снегу.

That was tough; the snow stopping that way.	И надо же было, чтоб снег перестал именно тогда.
But it melting today will even things up.	Но он быстро растает, и это спасет дело.
But not for Sordo.	Только не для Глухого.
I'm afraid it's too late to even it up for Sordo.	Боюсь, что для Глухого дела уже не спасешь.
If we can last through today and not have to fight we can swing the whole show tomorrow with what we have.	Если только сегодня день пройдет спокойно и нам не придется драться, мы завтра управимся - даже теми силами, которые у нас есть.
I know we can.	Я знаю, что управимся.
Not well, maybe.	Может быть, не очень хорошо.

Not as it should be, to be foolproof, not as we would have done; but using everybody we can swing it. _If we don't have to fight today_.	Не так чисто, как следовало бы, не так, как хотелось бы все сделать, но, максимально используя всех, мы управимся. Только бы нам не пришлось драться сегодня.
God help us if we have to fight today.	Не дай бог, чтобы нам пришлось сегодня драться.
I don't know any place better to lay up in the meantime than this.	А пока надо отсиживаться здесь, лучше ничего не придумаешь.
If we move now we only leave tracks.	Если двинуться куда-нибудь, мы только оставим лишние следы.
This is as good a place as any and if the worst gets to be the worst there are three ways out of this place.	Место, в конце концов, подходящее, а если бы дело дошло до самого худшего, здесь есть три дороги.

There is the dark then to come and from wherever we are in these hills, I can reach and do the bridge at daylight.	А там наступит ночь, и в темноте можно откуда угодно добраться до моста, чтоб утром сделать то, что нужно.
I don't know why I worried about it before.	Не знаю, почему меня это все так тревожило раньше.
It seems easy enough now.	Ничего тут трудного нет.

I hope they get the planes up on time for once.	Хоть бы только самолеты вовремя поднялись в воздух.
I certainly hope that.	Хоть бы только это.
Tomorrow is going to be a day with dust on the road.	Завтра на дороге будет пыль столбом.

Well, today will be very interesting or very dull.	Да, а сегодня день будет очень тихий или очень бурный.
Thank God we've got that cavalry mount out and away from here.	Слава богу, что мы спровадили отсюда кавалерийского коня.
I don't think even if they ride right up here they will go in the way those tracks are now.	Даже если разъезд нападет теперь на его след, едва ли они разберутся, куда этот след ведет.
They'll think he stopped and circled and they'll pick up Pablo's tracks.	Подумают, что их головной остановился и повернул назад, и поедут по новому следу Пабло.
I wonder where the old swine will go.	Интересно, куда отправилась эта свинья.

He'll probably leave tracks like an old bull elk spooking out of the country and work way up and then when the snow melts circle back below.	Должно быть, постарается запутать следы, а потом, когда весь снег растает, сделает круг и понизу вернется сюда.
That horse certainly did things for him.	От этой лошади он, правда, сам не свой.
Of course he may have just mucked off with him too.	Может быть, и сбежит с ней вместе.
Well, he should be able to take care of himself.	Ну ладно, пусть сам заботится о себе.
He's been doing this a long time.	Ему не привыкать.
I wouldn't trust him farther than you can throw Mount Everest, though.	А у меня к нему все-таки особенного доверия нет.

I suppose it's smarter to use these rocks and build a good blind for this gun than to make a proper emplacement for it. You'd be digging and get caught with your pants down if they come or if the planes come.	Чем устраивать тут настоящую огневую точку, выгоднее использовать эти скалы и получше замаскировать пулемет там, где он стоит, а то начнешь рыть и копать - и влипнешь, если вдруг наскочит кавалерия или налетят самолеты.
She will hold this, the way she is, as long as it is any use to hold it, and anyway I can't stay to fight.	Можно и так удерживаться здесь до тех пор, пока в этом будет смысл, все равно я не могу здесь долго оставаться.
I have to get out of here with that stuff and I'm going to take Anselmo with me.	Я должен взять свои материалы и двигаться к мосту, и Ансельмо тоже со мной пойдет.

Who would stay to cover us while we got away if we have to fight here?	А если затеять тут бой, кто же тогда останется, чтобы прикрывать нас?
Just then, while he was watching all of the country that was visible, he saw the gypsy coming through the rocks to the left.	И тут, оглядываясь по сторонам, он увидел цыгана, выходившего слева из-за скалы.
He was walking with a loose, high-hipped, sloppy swing, his carbine was slung on his back, his brown face was grinning and he carried two big hares, one in each hand.	Он шел вразвалку, покачивая бедрами, карабин был у него за плечом, его смуглое лицо все расплылось в улыбке, и в каждой руке он нес по большому убитому зайцу.
He carried them by the legs, heads swinging.	Он держал их за ноги, и они раскачивались на ходу.

"_Hola_, Roberto," he called cheerfully.	- Hola, Роберто! - весело крикнул он.
Robert Jordan put his hand to his mouth, and the gypsy looked startled.	Роберт Джордан прикрыл рот рукой, и цыган испуганно осекся.
He slid over behind the rocks to where Robert Jordan was crouched beside the brush-shielded automatic rifle.	Прячась за скалами, он проскользнул к тому месту, где Роберт Джордан сидел на корточках у прикрытого ветками пулемета.
He crouched down and laid the hares in the snow.	Он тоже присел на корточки и положил зайцев в снег.
Robert Jordan looked up at him.	Роберт Джордан взглянул на него.
"You _hijo de la gran puta!_" he said softly.	- Ах ты hijo de la gran puta, - сказал он тихо.

"Where the obscenity have you been?"	- Где ты шляешься, так тебя и так?
"I tracked them," the gypsy said.	- Я шел за ними по следу, - сказал цыган.
"I got them both.	- Вот достал обоих.
They had made love in the snow."	Они свадьбу справляли в лесу.
"And thy post?"	- А твой пост?
"It was not for long," the gypsy whispered.	-Я же совсем недолго, - прошептал цыган.
"What passes?	- А что?
Is there an alarm?"	Что-нибудь случилось?
"There is cavalry out."	- Кавалерийский разъезд был здесь.
"_Redios!_" the gypsy said.	- Redios! - сказал цыган.

"Hast thou seen them?"	- Ты сам их видел?
"There is one at the camp now," Robert Jordan said.	- Один и сейчас в лагере, - сказал Роберт Джордан.
"He came for breakfast."	- Приехал в гости к завтраку.
"I thought I heard a shot or something like one," the gypsy said.	- Мне чудилось, будто я слышал выстрел, - сказал цыган.
"I obscenity in the milk!	- Ах, так и так, в бога, в душу!
Did he come through here?"	Где же он прошел? Здесь?
"Here.	- Здесь.
Thy post."	Через твой пост.
"_Ay, mi madre!_" the gypsy said.	- Ау, mi madre! - сказал цыган.

"I am a poor, unlucky man."	- Бедный я, несчастный человек.
"If thou wert not a gypsy, I would shoot thee."	- Не будь ты цыган, я бы тебя расстрелял.
"No, Roberto.	- Нет, Роберто.
Don't say that.	Не говори так.
I am sorry.	Мне очень жаль.
It was the hares.	Это все зайцы.

Before daylight I heard the male thumping in the snow.	Перед самым рассветом я услышал, как самец топчется на снегу.
You cannot imagine what a debauch they were engaged in.	Ты себе представить не можешь, что они там разделывали.
I went toward the noise but they were gone.	Я сразу бросился на шум, но они удрали.

I followed the tracks in the snow and high up I found them together and slew them both.	Тогда я пошел по следу, и там, высоко, настиг их и убил обоих.
Feel the fatness of the two for this time of year.	Ты пощупай, жиру сколько, и это в такую пору.
Think what the Pilar will do with those two.	Представляешь, что нам Пилар приготовит из них!
I am sorry, Roberto, as sorry as thee.	Мне очень жаль, Роберто, не меньше, чем тебе.
Was the cavalryman killed?"	А этого кавалериста убили?
"Yes."	-Да.
"By thee?"	- Кто, ты?
"Yes."	-Да.

"_Que tio!_" the gypsy said in open flattery.	- Que tio! - сказал цыган, явно желая польстить.
"Thou art a veritable phenomenon."	- Ты просто чудо какое-то.
"Thy mother!" Robert Jordan said.	- Иди ты! - сказал Роберт Джордан.
He could not help grinning at the gypsy.	Он не мог удержать улыбки.
"Take thy hares to camp and bring us up some breakfast."	- Тащи своих зайцев в лагерь, а нам принеси чего-нибудь позавтракать.
He put a hand out and felt of the hares that lay limp, long, heavy, thick-furred, big-footed and long-eared in the snow, their round dark eyes open.	Он протянул руку и пощупал зайцев; они лежали на снегу безжизненные, длинные, тяжелые, пушистые, долгоногие, долгоухие, с открытыми черными глазами.

"They _are_ fat," he said.	-А в самом деле жирные, - сказал он.
"Fat!" the gypsy said.	- Жирные! - сказал цыган.
"There's a tub of lard on the ribs of each one.	- Да у них у каждого бочка сала на ребрах.
In my life have I never dreamed of such hares."	Таких зайцев я и во сне никогда не видел.
"Go then," Robert Jordan said, "and come quickly with the breakfast and bring to me the documentation of that _requete_.	- Ну, ступай, - сказал Роберт Джордан, - и побыстрей возвращайся с завтраком, да захвати мне документы того requete.
Ask Pilar for it."	Пилар тебе их даст.
"You are not angry with me, Roberto?"	-Ты на меня не сердишься, Роберто?

"Not angry.	- Не сердишься!
Disgusted that you should leave your post.	Я возмущен, как это можно было бросить пост.
Suppose it had been a troop of cavalry?"	А что, если бы наехал целый кавалерийский эскадрон?
"_Redios_," the gypsy said.	- Redios, - сказал цыган.

"How reasonable you are."	- Какой ты разумный.
"Listen to me.	- Слушай меня.
You cannot leave a post again like that.	Чтоб ты никогда больше не смел уходить с поста.
Never.	Никогда.

I do not speak of shooting lightly."	Такими словами, как расстрел, я попусту не кидаюсь.
"Of course not.	- Понятно, больше не буду.
And another thing.	А потом, знаешь что?
Never would such an opportunity as the two hares present itself again.	Никогда больше не выпадет случая, чтобы два таких зайца сразу.
Not in the life of one man."	Такое только раз в жизни бывает.
"_Anda!_" Robert Jordan said.	- Anda! - сказал Роберт Джордан.
"And hurry back."	- И скорей приходи.

The gypsy picked up the two hares and slipped back through the rocks and Robert Jordan looked out across the flat opening and the slopes of the hill below.	Цыган подхватил зайцев и скрылся между скалами, а Роберт Джордан опять перевел взгляд на открытую поляну и склон горы за ней.
Two crows circled overhead and then lit in a pine tree below.	Две вороны, описав круг, опустились на сосну, росшую ниже по склону.
Another crow joined them and Robert Jordan, watching them, thought: those are my sentinels.	К ним подлетела третья, и Роберт Джордан подумал: вот мои часовые.

As long as those are quiet there is no one coming through the trees.	Пока они сидят спокойно, можно с этой стороны никого не ждать.
The gypsy, he thought.	Цыган, подумал он.
He is truly worthless.	Ну какой от него толк?
He has no political development, nor any discipline, and you could not rely on him for anything.	Он безграмотен политически, недисциплинирован, и на него ни в чем нельзя положиться.
But I need him for tomorrow.	Но он мне нужен для завтрашнего.
I have a use for him tomorrow.	Завтра у меня для него найдется дело.

It's odd to see a gypsy in a war.	Цыган на войне - это даже как-то не вяжется.
They should be exempted like conscientious objectors. Or as the physically and mentally unfit.	Таких надо бы освобождать от военной службы, как освобождают по моральным убеждениям.
They are worthless.	Все равно от них никакого толку.
But conscientious objectors weren't exempted in this war.	Но в эту войну по моральным убеждениям не освобождали.
No one was exempted.	Никого не освобождали.
It came to one and all alike.	Война захватывала всех одинаково.

Well, it had come here now to this lazy outfit.	Ну вот, теперь она добралась и до этой оравы бездельников.

They had it now.	Она теперь здесь.
Agustin and Primitivo came up with the brush and Robert Jordan built a good blind for the automatic rifle, a blind that would conceal the gun from the air and that would look natural from the forest.	Вернулись Агустин и Примитиво с ветками, и Роберт Джордан тщательно замаскировал пулемет, замаскировал так, что с воздуха ничего нельзя было заметить, а со стороны леса все выглядело вполне естественно.

He showed them where to place a man high in the rocks to the right where he could see all the country below and to the right, and another where he could command the only stretch where the left wall might be climbed.	Он указал им удобное место для наблюдательного поста: на высокой скале справа, откуда видно было все кругом, а единственный подход слева можно было взять под наблюдение с другой точки.
"Do not fire if you see any one from there," Robert Jordan said.	- Только если ты кого-нибудь увидишь оттуда, не стреляй, - сказал Роберт Джордан.

"Roll a rock down as a warning, a small rock, and signal to us with thy rifle, thus," he lifted the rifle and held it over his head as though guarding it.	- Брось сюда камень, маленький камушек, чтобы привлечь внимание, а потом сигнализируй винтовкой, вот так. - Он поднял винтовку над головой, словно защищаясь от чего-то.
"Thus for numbers," he lifted the rifle up and down.	- Сколько их - покажешь так. - Он несколько раз махнул винтовкой вверх и вниз.
"If they are dismounted point thy rifle muzzle at the ground.	- Если пешие, держи винтовку дулом вниз.
Thus.	Вот так.
Do not fire from there until thou hearest the _maquina_ fire.	Но не стреляй оттуда, пока не услышишь пулеметную стрельбу.

Shoot at a man's knees when you shoot from that height.	Целиться с такой высоты надо в колени.
If you hear me whistle twice on this whistle get down, keeping behind cover, and come to these rocks where the _maquina_ is."	Если я два раза свист- ну, спускайся, держась под прикрытием, сюда, к maquina.
Primitivo raised the rifle.	Примитиво поднял вин- товку.
"I understand," he said.	- Я понял, - сказал он.
"It is very simple."	- Это очень просто.

"Send first the small rock as a warning and indicate the direction and the number.	- Значит, сначала ты бросаешь камушек, чтобы обратить внимание, потом показываешь, откуда и сколько человек.
See that you are not seen."	Но смотри, чтобы тебя не заметили.
"Yes," Primitivo said.	- Да, - сказал Примитиво.
"If I can throw a grenade?"	- А гранату тоже нельзя бросать?
"Not until the _maquina_ has spoken.	- Только после того, как заработает пулемет.
It may be that cavalry will come searching for their comrade and still not try to enter.	Может случиться так, что конные проедут мимо, разыскивая своего товарища, а к нам и не заглянут.
They may follow the tracks of Pablo.	Может быть, они поедут по следам Пабло.

We do not want combat if it can be avoided.	Если можно избежать боя, надо его избежать.
Above all that we should avoid it.	Надо всеми силами стараться его избежать.
Now get up there."	Ну, лезь наверх.
"_Me voy_," Primitivo said, and climbed up into the high rocks with his carbine.	- Me voy, - сказал Примитиво и стал карабкаться по крутой скале.
"Thou, Agustin," Robert Jordan said.	- Теперь ты, Агустин, - сказал Роберт Джордан.
"What do you know of the gun?"	- Что ты умеешь делать с пулеметом?

Agustin squatted there, tall, black, stubbly joweled, with his sunken eyes and thin mouth and his big work-worn hands.	Агустин присел на корточки, высокий, черный, обросший щетиной, с провалившимися глазами, с узким ртом и большими, загрубелыми от работы руками.
"_Pues_, to load it.	- Pues, заряжать его умею.
To aim it.	Наводить.
To shoot it.	Стрелять.
Nothing more."	Больше не умею ничего.
"You must not fire until they are within fifty meters and only when you are sure they will be coming into the pass which leads to the cave," Robert Jordan said.	- Помни, стрелять нужно, только подпустив их на пятьдесят метров, и то если ты окончательно убедишься, что они направляются к пещере, -сказал Роберт Джордан.

"Yes.	- Ладно.
How far is that?"	А как я буду знать, где пятьдесят метров?
"That rock."	- Вон у той скалы.
"If there is an officer shoot him first.	Если среди них будет офицер, стреляй в него первого.
Then move the gun onto the others.	Потом переводи на остальных.
Move very slowly.	Переводи медленно.

It takes little movement. I will teach Fernando to tap it. Hold it tight so that it does not jump and sight carefully and do not fire more than six shots at a time if you can help it. For the fire of the gun jumps upward.	Достаточно чуть повернуть, все время придерживая, чтобы ствол у тебя не прыгал, и целься внимательно, и больше шести выстрелов зараз без крайней необходимости не давай, потому что при стрельбе ствол подпрыгивает.
But each time fire at one man and then move from him to another.	Каждый раз стреляй в одного человека, а потом переводи на следующего.
At a man on a horse, shoot at his belly."	Если бьешь по конному, целься в живот.
"Yes."	- Ладно.

"One man should hold the tripod still so that the gun does not jump.	- Кто-нибудь должен держать треногу, для устойчивости.
Thus.	Вот так.
He will load the gun for thee."	Он же тебе и диски будет заряжать.
"And where will you be?"	- А ты куда пойдешь?

"I will be here on the left.	- Я буду вон там, налево.
Above, where I can see all and I will cover thy left with this small _maquina_.	Там повыше и можно видеть все вокруг. Я буду прикрывать тебя слева со своей маленькой maquina.
Here.	Вон там.

If they should come it would be possible to make a massacre.	Если они появятся, можно будет всех их перебить.
But you must not fire until they are that close."	Но не стреляй, пока они не подойдут достаточно близко.
"I believe that we could make a massacre. _Menuda matanza!_"	- А хорошо бы всех перебить. Устроить им бойню. Menuda matanza!
"But I hope they do not come."	- Нет, уж лучше пусть не приходят совсем.
"If it were not for thy bridge we could make a massacre here and get out."	- Если бы не твой мост, мы могли бы их всех перебить и потом уйти отсюда.
"It would avail nothing.	- Никакого смысла.
That would serve no purpose.	Это никому ничего не дало бы.

The bridge is a part of a plan to win the war.	Мост - часть плана, рассчитанного на то, чтобы выиграть войну.
This would be nothing.	А это что?
This would be an incident.	Пустой случай.
A nothing."	Ничего не значит.
"_Que va_, nothing.	- Que va, ничего.
Every fascist dead is a fascist less."	Раз фашист убит, значит, одним фашистом меньше.
"Yes.	-Да.
But with this of the bridge we can take Segovia.	Но этот мост может помочь нам взять Сеговию.
The Capital of a Province.	Главный город провинции.

Think of that.	Ты только подумай.
It will be the first one we will take."	До сих пор нам еще ни одного такого не удалось взять.
"Thou believest in this seriously?	-Ты правда веришь в это?
That we can take Segovia?"	Что мы можем взять Сеговию?
"Yes.	-Да.
It is possible with the bridge blown correctly."	Это возможно, если мы взорвем мост так, как требуется.
"I would like to have the massacre here and the bridge, too."	- Хорошо бы и этих всех перебить, и мост взорвать.
"Thou hast much appetite," Robert Jordan told him.	- У тебя большой аппетит, - сказал Роберт Джордан.

All this time he had been watching the crows.	Все это время он наблюдал за воронами.

Now he saw one was watching something.	И вдруг заметил, что одна как будто насторожилась.
The bird cawed and flew up.	Она каркнула и взлетела.
But the other crow still stayed in the tree.	Но вторая по-прежнему сидела на ветке.
Robert Jordan looked up toward Primitivo's place high in the rocks.	Роберт Джордан оглянулся на Примитиво, угнездившегося высоко на скале.
He saw him watching out over the country below but he made no signal.	Примитиво внимательно смотрел вперед, но сигналов никаких не подавал.

Robert Jordan leaned forward and worked the lock on the automatic rifle, saw the round in the chamber and let the lock down.	Роберт Джордан нагнулся и проверил затвор пулемета.
The crow was still there in the tree.	Ворона все сидела на своей ветке.
The other circled wide over the snow and then settled again.	Вторая облетела широкий круг над снежной поляной и тоже уселась на прежнее место.
In the sun and the warm wind the snow was falling from the laden branches of the pines.	Снег, пригреваемый солнцем и теплым ветром, валился с обвисших под его тяжестью веток.
"I have a massacre for thee for tomorrow morning," Robert Jordan said.	- У тебя завтра будет случай перебить многих, - сказал Роберт Джордан.

"It is necessary to exterminate the post at the sawmill."	- Нужно уничтожить пост на лесопилке.
"I am ready," Agustin said, "_Estoy listo_."	- Я готов, - сказал Агустин. - Estoy listo.
"Also the post at the roadmender's hut below the bridge."	- И второй пост, в домике дорожного мастера, за мостом.
"For the one or for the other," Agustin said.	- Могу тот, могу этот, - сказал Агустин.
"Or for both."	- И оба могу.
"Not for both.	- Оба нельзя.
They will be done at the same time," Robert Jordan said.	Они должны быть уничтожены одновременно, -сказал Роберт Джордан.
"Then for either one," Agustin said.	- Ну, тогда любой, - сказал Агустин.

"Now for a long time have I wished for action in this war.	- Давно уж мне не хватает какого-нибудь дела.
Pablo has rotted us here with inaction."	Пабло тут нас всех в безделье сгноил.
Anselmo came up with the ax.	Вернулся Ансельмо с топором.
"Do you wish more branches?" he asked.	- Тебе надо еще веток? - спросил он.
"To me it seems well hidden."	- По-моему, и так ничего не видно.
"Not branches," Robert Jordan said.	- Не веток, - сказал Роберт Джордан.
"Two small trees that we can plant here and there to make it look more natural.	- Два маленьких деревца. Мы их вроем, и все тогда будет выглядеть естественнее.

There are not enough trees here for it to be truly natural."	А то тут слишком мало деревьев кругом, и эта зелень не кажется естественной.

"I will bring them."	- Сейчас принесу.
"Cut them well back, so the stumps cannot be seen."	- Подрубай пониже, чтобы пней не было видно.
Robert Jordan heard the ax sounding in the woods behind him.	Роберт Джордан услышал стук топора в леске позади.
He looked up at Primitivo above in the rocks and he looked down at the pines across the clearing.	Он посмотрел вверх, на Примитиво, потом вниз, на сосны, черневшие за поляной.

The one crow was still there.	Одна ворона по-прежнему сидела на месте.
Then he heard the first high, throbbing murmur of a plane coming.	И тут он услышал мерный высокий рокот приближающегося самолета.
He looked up and saw it high and tiny and silver in the sun, seeming hardly to move in the high sky.	Он поднял голову и увидел его. Крошечный, серебряный, блестящий на солнце, он как будто неподвижно висел в вышине.
"They cannot see us," he said to Agustin.	- Увидеть нас с такой высоты невозможно, -сказал он Агустину.
"But it is well to keep down.	- Но лучше все-таки лечь.
That is the second observation plane today."	Это уже второй разведывательный самолет сегодня.

"And those of yesterday?" Agustin asked.	- А вчерашние ты забыл? - спросил Агустин.
"They are like a bad dream now," Robert Jordan said.	- Сегодня кажется, что это был дурной сон, -сказал Роберт Джордан.
"They must be at Segovia.	- Они, наверно, в Сеговии.
The bad dream waits there to become a reality."	Дурной сон ждет случая сбыться.
The plane was out of sight now over the mountains but the sound of its motors still persisted.	Самолет уже скрылся за вершинами гор, но гул моторов все еще был слышен.
As Robert Jordan looked, he saw the crow fly up.	Когда Роберт Джордан опустил голову, он увидел, что ворона вспорхнула.

He flew straight away through the trees without cawing.	Она полетела напрямик между деревьями, не каркая.
23	23
"Get thee down," Robert Jordan whispered to Agustin, and he turned his head and flicked his hand _Down, Down_, to Anselmo who was coming through the gap with a pine tree, carrying it over his shoulder like a Christmas tree.	- Ложись, - шепнул Роберт Джордан Агустину, потом повернул голову и замахал рукой - ложись, ложись - старику Ансельмо, который вылез из-за скалы с сосенкой на плече, точно рождественский дед с елкой.

He saw the old man drop his pine tree behind a rock and then he was out of sight in the rocks and Robert Jordan was looking ahead across the open space toward the timber.	Роберт Джордан увидел, как старик бросил свою сосенку за скалу и сам скрылся там же, и теперь уже перед Робертом Джорданом не было ничего, кроме поляны и леса.
He saw nothing and heard nothing but he could feel his heart pounding and then he heard the clack of stone on stone and the leaping, dropping clicks of a small rock falling.	Он ничего не видел и ничего не слышал, но чувствовал, как колотится у него сердце, и потом он услышал стук камня о камень и дробное тарахтенье покатившегося обломка.

He turned his head to the right and looking up saw Primitivo's rifle raised and lowered four times horizontally.	Он повернул голову вправо и, подняв глаза, увидел, как винтовка Примитиво четыре раза вскинулась и опустилась в горизонтальном положении.
Then there was nothing more to see but the white stretch in front of him with the circle of horse tracks and the timber beyond.	Потом опять ничего не стало видно, только белая снежная полоса с круглившимися на ней следами копыт и дальше лес.
"Cavalry," he said softly to Agustin.	- Кавалерия, - тихо сказал он Агустину.
Agustin looked at him and his dark, sunken cheeks widened at their base as he grinned.	Агустин оглянулся, и его смуглые запавшие щеки разъехались в улыбке.

Robert Jordan noticed he was sweating.	Роберт Джордан заметил, что Агустин вспотел.
He reached over and put his hand on his shoulder.	Он протянул руку и положил ему на плечо.
His hand was still there as they saw the four horsemen ride out of the timber and he felt the muscles in Agustin's back twitch under his hand.	Он не успел снять руки, как они увидели четырех всадников, выезжавших из леса, и он почувствовал, как напряглись под его ладонью мускулы Агустина.
One horseman was ahead and three rode behind.	Один всадник ехал впереди, трое других немного отстали.
The one ahead was following the horse tracks.	Головной ехал по следам на снегу.
He looked down as he rode.	Он все время смотрел вниз.

The other three came behind him, fanned out through the timber.	Остальные двигались за ним без всякого строя.
They were all watching carefully.	Все четверо настороженно прислушивались.
Robert Jordan felt his heart beating against the snowy ground as he lay, his elbows spread wide and watched them over the sights of the automatic rifle.	Роберт Джордан лежал на снегу, широко разведя локти, и поверх прицела пулемета следил за приближающимися всадниками, ясно чувствуя удары своего сердца.
The man who was leading rode along the trail to where Pablo had circled and stopped.	Головной доехал по следу до того места, где Пабло сделал круг, и остановился.

The others rode up to him and they all stopped.	Остальные подъехали к нему и тоже остановились.
Robert Jordan saw them clearly over the blued steel barrel of the automatic rifle.	Роберт Джордан теперь ясно видел их за синеватым стальным стволом пулемета.
He saw the faces of the men, the sabers hanging, the sweat-darkened flanks of the horses, and the cone-like slope of the khaki capes, and the Navarrese slant of the khaki berets.	Он видел лица, видел сабли, висящие у пояса, Потемневшие от пота лошадиные бока, конусообразные очертания плащей цвета хаки и такого же цвета береты, сбитые набок по-наваррски.

The leader turned his horse directly toward the opening in the rocks where the gun was placed and Robert Jordan saw his young, sunand wind-darkened face, his close-set eyes, hawk nose and the overlong wedge-shaped chin.	Г оловной повернул свою лошадь прямо на расселину в скале, где был установлен пулемет, и Роберт Джордан мог разглядеть его молодое, потемневшее от ветра и солнца лицо, близко посаженные глаза, нос с горбинкой и длинный треугольный подбородок.

Sitting his horse there, the horse's chest toward Robert Jordan, the horse's head high, the butt of the light automatic rifle projecting forward from the scabbard at the right of the saddle, the leader pointed toward the opening where the gun was.	Сидя на лошади - лошадь грудью повернута прямо к Роберту Джордану, голова ее вздернута, из чехла, притороченного к седлу, торчит приклад автомата, - головной указал пальцем на расселину, в которой был установлен пулемет.
Robert Jordan sunk his elbows into the ground and looked along the barrel at the four riders stopped there in the snow.	Роберт Джордан глубже вдавил локти в землю, не отводя глаз от прицела и от четверых всадников, сгрудившихся на снегу.
Three of them had their automatic rifles out.	У троих автоматы были вынуты из чехлов.

Two carried them across the pommels of their saddles.	Двое держали их поперек седла.
The other sat his horse with the rifle swung out to the right, the butt resting against his hip.	Третий выставил свой вправо, уперев приклад в бедро.
You hardly ever see them at such range, he thought. Not along the barrel of one of these do you see them like this.	Редко случается целиться в противника на таком близком расстоянии, подумал он.

Usually the rear sight is raised and they seem miniatures of men and you have hell to make it carry up there; or they come running, flopping, running, and you beat a slope with fire or bar a certain street, or keep it on the windows; or far away you see them marching on a road.	Обычно люди кажутся маленькими куколками, и правильная наводка стоит большого труда; или же они бегут, рассыпаются, снова бегут, и тогда приходится наугад поливать огнем склон горы, или целую улицу, или просто бить по окнам; а иногда видишь, как они далеко-далеко двигаются по дороге.
Only at the trains do you see them like this.	Только когда имеешь дело с поездом, удается видеть их так, как сейчас.
Only then are they like now, and with four of these you can make them scatter.	Только тогда они такие, как сейчас, и с четырьмя пулеметами можно заставить их разбежаться.

Over the gun sights, at this range, it makes them twice the size of men.	На таком расстоянии они кажутся вдвое больше.
Thou, he thought, looking at the wedge of the front sight placed now firm in the slot of the rear sight, the top of the wedge against the center of the leader's chest, a little to the right of the scarlet device that showed bright in the morning sun against the khaki cape.	Ты, думал он, глядя на кончик мушки, неподвижно остановившейся теперь против прорези прицела и направленной в середину груди головного всадника, чуть правее красной эмблемы, ярко выделяющейся при утреннем свете на фоне плаща.

Though, he thought, thinking in Spanish now and pressing his fingers forward against the trigger guard to keep it away from where it would bring the quick, shocking, hurtling rush from the automatic rifle.	Ты, думал он, теперь уже по-испански, и при этом крепко прижимал предохранитель, чтобы не раздался раньше времени торопливый треск пулеметной очереди.
Thou, he thought again, thou art dead now in thy youth.	Ты, подумал он, вот ты и умер в расцвете молодости.
And thou, he thought, and thou, and thou.	Эх ты, думал он, эх ты, эх ты.
But let it not happen.	Но пока не надо этого.
Do not let it happen.	Пока не надо этого.

He felt Agustin beside him start to cough, felt him hold it, choke and swallow.	Он почувствовал, что Агустин, лежавший рядом, поперхнулся, но сдержал кашель и проглотил подступившую мокроту.

Then as he looked along the oiled blue of the barrel out through the opening between the branches, his finger still pressed forward against the trigger guard, he saw the leader turn his horse and point into the timber where Pablo's trail led.	Потом, продолжая смотреть по направлению жирного от смазки, синеватого ствола пулемета и по-прежнему не спуская пальца с предохранителя, он увидел, как головной повернул лошадь и показал рукой в сторону леса, куда вел след Пабло.

The four of them trotted into the timber and Agustin said softly, "_Cabrones!_"	Все четверо повернули и рысью направились к лесу, и Агустин чуть слышно прошептал: - Cabrones!
Robert Jordan looked behind him at the rocks where Anselmo had dropped the tree.	Роберт Джордан оглянулся назад, туда, где Ансельмо бросил деревцо.
The gypsy, Rafael, was coming toward them through the rocks, carrying a pair of cloth saddlebags, his rifle slung on his back.	Цыган Рафаэль пробирался к ним между скал с винтовкой через плечо и двумя седельными вьюками в руках.

Robert Jordan waved him down and the gypsy ducked out of sight.	Роберт Джордан махнул ему рукой, и цыган нырнул куда-то вниз и скрылся из виду.
"We could have killed all four," Agustin said quietly.	- Мы могли убить всех четверых, - спокойно сказал Агустин.
He was still wet with sweat.	Он все еще был мокрый от пота.
"Yes," Robert Jordan whispered.	- Да, - шепотом отозвался Роберт Джордан.
"But with the firing who knows what might have come?"	- Но если б мы подняли стрельбу, кто знает, к чему это могло бы привести.
Just then he heard the noise of another rock falling and he looked around quickly.	Тут он снова услышал стук упавшего камня и быстро оглянулся.

But both the gypsy and Anselmo were out of sight.	Но ни цыгана, ни Ансельмо не было видно.
He looked at his wrist watch and then up to where Primitivo was raising and lowering his rifle in what seemed an infinity of short jerks.	Он взглянул на свои часы, потом поднял голову и увидел, что Примитиво без конца поднимает и опускает винтовку быстрыми короткими взмахами.
Pablo has forty-five minutes' start, Robert Jordan thought, and then he heard the noise of a body of cavalry coming.	Пабло опередил их на сорок пять минут, подумал Роберт Джордан, и тут он услышал топот приближающегося кавалерийского отряда.
"_No te apures_," he whispered to Agustin.	- No te apures, - шепнул он Агустину.

"Do not worry.	- Не беспокойся.
They will pass as the others."	Они проедут мимо, как и те.
They came into sight trotting along the edge of the timber in column of twos, twenty mounted men, armed and uniformed as the others had been, their sabers swinging, their carbines in their holsters; and then they went down into the timber as the others had.	Отряд показался на опушке леса, двадцать верховых колонной попарно, одетые и вооруженные так же, как первые четверо, - сабля на поясе, автомат в чехле сбоку; они проехали через поляну и снова углубились в лес.
"_Tu ves?_" Robert Jordan said to Agustin.	- Tu ves? - сказал Роберт Джордан Агустину.
"Thou seest?"	- Видишь?

"There were many," Agustin said.	- Много их, - сказал Агустин.

"These would we have had to deal with if we had destroyed the others," Robert Jordan said very softly.	- Если б мы убили тех четверых, нам пришлось бы иметь дело со всеми этими, - тихо сказал Роберт Джордан.
His heart had quieted now and his shirt felt wet on his chest from the melting snow.	Сердце у него теперь билось спокойно, рубашка на груди промокла от тающего снега.
There was a hollow feeling in his chest.	Он ощутил внутри щемящую пустоту.
The sun was bright on the snow and it was melting fast.	Солнце сильно пригревало, и снег таял быстро.

He could see it hollowing away from the tree trunks and just ahead of the gun, before his eyes, the snow surface was damp and lacily fragile as the heat of the sun melted the top and the warmth of the earth breathed warmly up at the snow that lay upon it.	Роберт Джордан видел, как вокруг подножия деревьев образуются ложбинки, а прямо перед ним, у пулемета, снег стал рыхлый и узорчатый, как кружево, потому что солнце нагревало его сверху, а снизу дышала теплом земля.
Robert Jordan looked up at Primitivo's post and saw him signal,	Роберт Джордан взглянул вверх, на Примитиво, и тот со своего поста подал ему сигнал:
"Nothing," crossing his two hands, palms down.	"Ничего", - показав скрещенные руки ладонями вниз.

Anselmo's head showed above a rock and Robert Jordan motioned him up.	Из-за скалы показалась голова Ансельмо, и Роберт Джордан сделал ему знак подойти.
The old man slipped from rock to rock until he crept up and lay down flat beside the gun.	Старик, переползая от скалы к скале, добрался до пулемета и лег возле него ничком.
"Many," he said.	- Много, - сказал он.
"Many!"	- Много.
"I do not need the trees," Robert Jordan said to him.	- Не нужны мне твои деревья, - сказал ему Роберт Джордан.
"There is no need for further forestal improvement."	- Больше лесонасаждений не потребуется.

Both Anselmo and Agustin grinned.	Оба, и Ансельмо и Агустин, осклабились.
"This has stood scrutiny well and it would be dangerous to plant trees now because those people will return and perhaps they are not stupid."	- Обошлись и так, а сажать деревья теперь опасно, потому что эти самые люди поедут обратно, и они, возможно, не такие уж дураки.
He felt the need to talk that, with him, was the sign that there had just been much danger.	Ему хотелось разговаривать, а это всегда служило у него признаком, что только что миновала большая опасность.
He could always tell how bad it had been by the strength of the desire to talk that came after.	Он всегда мог судить, насколько плохо было дело, по тому, как сильно его тянуло потом на разговор.

"It was a good blind, eh?" he said.	- Хорошо у нас вышло с этой маскировкой, верно? - сказал он.
"Good," said Agustin.	- Хорошо, - сказал Агустин.
"To obscenity with all fascism good.	- Хорошо, так и так всех фашистов.
We could have killed the four of them.	Мы могли убить этих четверых.
Didst thou see?" he said to Anselmo.	Ты видел? - спросил он Ансельмо.
"I saw."	- Видел.

"Thou," Robert Jordan said to Anselmo.	- Вот что, - сказал Роберт Джордан старику.

"Thou must go to the post of yesterday or another good post of thy selection to watch the road and report on all movement as of yesterday.	- Тебе придется пойти на вчерашний пост или на другое место, выберешь сам, чтобы понаблюдать за дорогой, как вчера, и отметить, какие происходят передвижения.
Already we are late in that.	Надо было давно это сделать.
Stay until dark.	Сиди там, пока не стемнеет.
Then come in and we will send another."	Потом возвращайся, и мы пошлем кого-нибудь еще.
"But the tracks that I will make?"	- А как же мои следы?
"Go from below as soon as the snow is gone.	- Иди низом, как только сойдет снег.

The road will be muddied by the snow.	На дороге будет грязь от талого снега.
Note if there has been much traffic of trucks or if there are tank tracks in the softness on the road.	Постарайся определить по колеям, много ли грузовиков проехало и не было ли танков.
That is all we can tell until you are there to observe."	Больше нам ничего не удастся выяснить, пока ты не займешь свой пост.
"With your permission?" the old man asked.	-Ты мне разрешишь сказать? - спросил старик.
"Surely."	- Конечно, говори.

"With your permission, would it not be better for me to go into La Granja and inquire there what passed last night and arrange for one to observe today thus in the manner you have taught me?	- С твоего разрешения, не лучше ли будет, если я пойду в Ла-Г ранху, узнаю, что там было ночью, и поручу кому-нибудь следить и записывать так, как ты меня научил?
Such a one could report tonight or, better, I could go again to La Granja for the report."	А вечером нам принесут бумажку, или, еще лучше, я сам пойду за ней в Ла-Гранху.
"Have you no fear of encountering cavalry?"	-Ты не боишься наткнуться на эскадрон?
"Not when the snow is gone."	- Если снег сойдет - нет.

"Is there some one in La Granja capable of this?"	- А есть в Ла-Гранхе человек, который годится для такого дела?
"Yes.	- Есть.
Of this, yes.	Для такого дела есть.
It would be a woman.	Я поручу это женщине.
There are various women of trust in La Granja."	В Ла-Гранхе есть несколько женщин, на которых можно положиться.
"I believe it," Agustin said.	- Должно быть, есть, - сказал Агустин.
"More, I know it, and several who serve for other purposes.	- Даже наверно есть. И такие, которые годятся для другого дела, тоже есть.
You do not wish me to go?"	Может, я пойду вместо старика?

"Let the old man go.	- Нет, уж пусть старик идет.
You understand this gun and the day is not over."	Ты умеешь обращаться с пулеметом, а день еще велик.

"I will go when the snow melts," Anselmo said.	- Я пойду, когда растает снег, - сказал Ансельмо.
"And the snow is melting fast."	- Он быстро тает.
"What think you of their chance of catching Pablo?" Robert Jordan asked Agustin.	- Как ты думаешь, могут они поймать Пабло? -спросил Роберт Джордан Агустина.
"Pablo is smart," Agustin said.	- Пабло хитрый, - сказал Агустин.

"Do men catch a wise stag without hounds?"	- Умного оленя разве без гончих поймаешь?
"Sometimes," Robert Jordan said.	- Случается, - сказал Роберт Джордан.
"Not Pablo," Agustin said.	- С Пабло не случится, - сказал Агустин.
"Clearly, he is only a garbage of what he once was.	- Правда, это теперь только труха от прежнего Пабло.
But it is not for nothing that he is alive and comfortable in these hills and able to drink himself to death while there are so many others that have died against a wall."	Но недаром он жив и сидит как ни в чем не бывало тут, в горах, и хлещет вино, когда столько других погибло у стенки.
"Is he as smart as they say?"	- Он в самом деле такой хитрый, как о нем говорят?

"He is much smarter."	- Еще хитрее.
"He has not seemed of great ability here."	- Особенного ума он тут пока не выказал.
"_Como que no?_ If he were not of great ability he would have died last night.	- Como que no? Не будь у него особенного ума, не уцелеть бы ему вчера.
It seems to me you do not understand politics, _Ingles_, nor guerilla warfare.	Знаешь, Ingles, по-моему, ничего ты не смыслишь ни в политике, ни в партизанской войне.
In politics and this other the first thing is to continue to exist.	И в том и в другом первое дело - это уметь сохранить свою жизнь.
Look how he continued to exist last night.	Вспомни, как он ловко сумел сохранить свою жизнь вчера.

And the quantity of dung he ate both from me and from thee."	А сколько ему пришлось проглотить навозу и от меня и от тебя!
Now that Pablo was back in the movements of the unit, Robert Jordan did not wish to talk against him and as soon as he had uttered it he regretted saying the thing about his ability.	Теперь, когда Пабло снова действовал заодно с отрядом, не следовало ничем порочить его, и Роберт Джордан тотчас же пожалел, что выразил сомнение в его уме.
He knew himself how smart Pablo was.	Он и сам знал, что Пабло умен.
It was Pablo who had seen instantly all that was wrong with the orders for the destruction of the bridge.	Ведь именно Пабло сразу уловил все слабые стороны приказа о разрушении моста.

He had made the remark only from dislike and he knew as he made it that it was wrong.	Он сделал это замечание просто из антипатии к Пабло и, еще не кончив фразы, почувствовал свою ошибку.
It was part of the talking too much after a strain.	Все так вышло из-за его потребности разрядить напряжение в словах.
So now he dropped the matter and said to Anselmo,	Чтобы переменить разговор, он сказал, повернувшись к Ансельмо:

"And to go into La Granja in daylight?"	- А как же ты пойдешь в Ла-Гранху днем?
"It is not bad," the old man said.	- Что ж тут такого, - сказал старик.
"I will not go with a military band."	- Я ведь не с военным оркестром пойду.

"Nor with a bell around his neck," Agustin said.	-И не с колокольчиком на шее, - сказал Агустин.
"Nor carrying a banner."	- И не со знаменем в руках.
"How will you go?"	- Какой дорогой ты пойдешь?
"Above and down through the forest."	- Поверху, а потом вниз, через лес.
"But if they pick you up."	- А если ты попадешься?
"I have papers."	- У меня есть документы.
"So have we all but thou must eat the wrong ones quickly."	- У нас у всех документов много, только кое-какие ты тогда не забудь проглотить.

Anselmo shook his head and tapped the breast pocket of his smock.	Ансельмо покачал головой и похлопал по нагрудному карману своей блузы.
"How many times have I contemplated that," he said.	-Не в первый раз мне попадаться, - сказал он.
"And never did I like to swallow paper."	- А есть бумагу пока еще не приходилось.
"I have thought we should carry a little mustard on them all," Robert Jordan said.	- Надо бы смазывать их горчицей на этот случай, -сказал Роберт Джордан.
"In my left breast pocket I carry our papers.	- Я всегда ношу наши документы в левом кармане рубахи.
In my right the fascist papers.	А фашистские - в правом.

Thus one does not make a mistake in an emergency."	Так, по крайней мере, не ошибешься в спешке.
It must have been bad enough when the leader of the first patrol of cavalry had pointed toward the entry because they were all talking very much.	Должно быть, когда головной первого кавалерийского разъезда указал на расселину в скале, дело было по-настоящему плохо, что-то очень уж они теперь разговорились.
Too much, Robert Jordan thought.	Слишком разговорились, подумал он.
"But look, Roberto," Agustin said.	- Послушай, Роберто, - сказал Агустин.
"They say the government moves further to the right each day.	- Говорят, правительство все правеет и правеет с каждым днем.

That in the Republic they no longer say Comrade but Senor and Senora.	В Республике уже не говорят "товарищ", а говорят "сеньор" и"сеньора".
Canst shift thy pockets?"	Нельзя ли твой карман переставить?
"When it moves far enough to the right I will carry them in my hip pocket," Robert Jordan said, "and sew it in the center."	- Когда оно совсем поправеет, тогда я переложу документы в задний карман брюк, - сказал Роберт Джордан. - И прошью его посередине.
"That they should stay in thy shirt," Agustin said.	- Нет, уж лучше пусть остаются в рубашке, - сказал Агустин.
"Are we to win this war and lose the revolution?"	- Неужели мы выиграем войну и проиграем революцию?
"Nay," Robert Jordan said.	- Нет, - сказал Роберт Джордан.

"But if we do not win this war there will be no revolution nor any Republic nor any thou nor any me nor anything but the most grand _carajo_."	- Но если мы проиграем войну, тогда не будет ни революции, ни Республики, ни тебя, ни меня -ничего, только один большой carajo.
"So say I," Anselmo said.	-Вот и я так говорю, - сказал Ансельмо.
"That we should win the war." "And afterwards shoot the anarchists and the Communists and all this _canalla_ except the good Republicans," Agustin said.	- Лишь бы нам выиграть войну.
"That we should win this war and shoot nobody," Anselmo said.	И хорошо бы выиграть войну и никого не расстреливать.

"That we should govern justly and that all should participate in the benefits according as they have striven for them.	Хорошо бы нам править справедливо и чтобы каждый получил свою долю благ, так нее как каждый боролся за них.
And that those who have fought against us should be educated to see their error."	И пусть бы тем, кто дерется против нас, объяснили, что они ошибались.
"We will have to shoot many," Agustin said.	- Нам многих придется расстрелять, - сказал Агустин.
"Many, many, many."	- Многих, многих, многих.
He thumped his closed right fist against the palm of his left hand.	Он крепко сжал правую руку в кулак и постучал по ладони левой.
"That we should shoot none.	- Лучше бы нам никого не расстреливать.

Not even the leaders.	Даже самых главных.
That they should be reformed by work."	Лучше бы нам исправить их работой.
"I know the work I'd put them at," Agustin said, and he picked up some snow and put it in his mouth.	- Я им нашел бы работу, - сказал Агустин и, набрав пригоршню снега, положил в рот.
"What, bad one?" Robert Jordan asked.	- Какую, злодей? - спросил Роберт Джордан.
"Two trades of the utmost brilliance."	- Два достойнейших занятия.
"They are?"	- Какие же?
Agustin put some more snow in his mouth and looked across the clearing where the cavalry had ridden.	Агустин положил в рот еще снегу и посмотрел в ту сторону, где скрылся кавалерийский отряд.

Then he spat the melted snow out. "_Vaya_.	Потом он выплюнул растаявший снег. - Vaya.
What a breakfast," he said.	Ну и завтрак, - сказал он.
"Where is the filthy gypsy?"	- Где этот вонючий цы- ган?
"What trades?" Robert Jordan asked him.	- Какие занятия? - спро- сил Роберт Джордан.
"Speak, bad mouth."	- Что же ты не гово- ришь, злоязычник?
"Jumping from planes without parachutes," Agustin said, and his eyes shone.	- Прыгать с самолетов без парашюта, - сказал Агустин, и глаза у него заблестели.
"That for those that we care for.	- Это для тех, кого мы пожалеем.

And being nailed to the tops of fence posts to be pushed over backwards for the others."	А остальных - тех просто приколотить к забору гвоздями, и пусть висят.
"That way of speaking is ignoble," Anselmo said.	- Подлые твои слова, - сказал Ансельмо.

"Thus we will never have a Republic."	- Так у нас никогда не будет Республика.
"I would like to swim ten leagues in a strong soup made from the _cojones_ of all of them," Agustin said. "And when I saw those four there and thought that we might kill them I was like a mare in the corral waiting for the stallion."	- Когда я глядел на ту четверку и думал, что мы можем их убить, я был как кобыла, ожидающая жеребца в загоне, - сказал Агустин.

"You know why we did not kill them, though?" Robert Jordan said quietly.	- Но ты знаешь, почему мы их не убили, -спокойно сказал Роберт Джордан.
"Yes," Agustin said.	- Да, - сказал Агустин.
"Yes.	- Да.
But the necessity was on me as it is on a mare in heat.	Но мне не терпелось, как той самой кобыле.
You cannot know what it is if you have not felt it."	Тебе не понять, если ты сам этого не чувствовал.
"You sweated enough," Robert Jordan said.	- С тебя пот градом катался, - сказал Роберт Джордан.
"I thought it was fear."	- Я думал, это от страха.
"Fear, yes," Agustin said.	-И от страха тоже, - сказал Агустин.

"Fear and the other.	- И от страха и от другого.
And in this life there is no stronger thing than the other."	Нет на свете ничего сильней того, про что я сказал.
Yes, Robert Jordan thought.	Да, подумал Роберт Джордан.
We do it coldly but they do not, nor ever have.	Мы идем на это с холодной головой, но у них по-другому, и всегда было по-другому.
It is their extra sacrament.	Это их святейшая вера.

Their old one that they had before the new religion came from the far end of the Mediterranean, the one they have never abandoned but only suppressed and hidden to bring it out again in wars and inquisitions.	Та, в которой они жили до того, как с дальних берегов Средиземного моря пришла к ним новая религия. От старой веры они никогда не отступались, а лишь затаили ее, давая ей выход в войнах и инквизиции.
They are the people of the Auto de Fe; the act of faith.	Это люди аутодафе - акта веры.
Killing is something one must do, but ours are different from theirs.	Убивать приходится всем, но мы убиваем иначе, чем они.
And you, he thought, you have never been corrupted by it?	А ты, подумал он, ты разве никогда не поддавался этому?
You never had it in the Sierra?	С тобой такого не бывало в Сьерре?

Nor at Usera?	И под Усерой?
Nor through all the time in Estremadura?	Ни разу за все время, что ты провел в Эстремадуре?
Nor at any time?	Ни разу вообще?
Que va, he told himself.	Que va, сказал он себе.
At every train.	Это со мной бывало при каждом эшелоне.

Stop making dubious literature about the Berbers and the old Iberians and admit that you have liked to kill as all who are soldiers by choice have enjoyed it at some time whether they lie about it or not.	Прекрати все эти сомнительные литературные домыслы о верберах и древних иберийцах и признайся, что и тебе знакома радость убийства, как знакома она каждому солдату-добровольцу, что бы он ни говорил об этом.
Anselmo does not like to because he is a hunter, not a soldier.	Ансельмо ее не знает, потому что он не солдат, а охотник.
Don't idealize him, either.	И нечего идеализировать старика.

Hunters kill animals and soldiers kill men.	Охотники убивают животных, а солдаты - людей.
Don't lie to yourself, he thought.	Не обманывай самого себя, подумал он.
Nor make up literature about it.	И не разводи литературщины по этому поводу.
You have been tainted with it for a long time now.	Ты теперь заразился, и надолго.
And do not think against Anselmo either.	И не пытайся взвалить что-то на Ансельмо.
He is a Christian.	Он настоящий христианин.

Something very rare in Catholic countries.	Редкое явление для католической страны.
But with Agustin I had thought it was fear, he thought.	Но тогда, с Агустином, я был уверен, что это страх, подумал он.
That natural fear before action.	Естественный страх перед боем.
So it was the other, too.	А оказывается, это было то.
Of course, he may be bragging now.	Может быть, конечно, он теперь просто бахвалится.
There was plenty of fear.	Но и страх тоже был.
I felt the fear under my hand.	Я ощущал это всей ладонью.

Well, it was time to stop talking.	Ладно, пора кончать разговоры.
"See if the gypsy brought food," he said to Anselmo.	- Иди посмотри, принес ли цыган еду, - сказал он Ансельмо.
"Do not let him come up.	- Сюда его не пускай.
He is a fool.	Он дурак.
Bring it yourself.	Возьми у него и принеси сам.
And however much he brought, send back for more.	И сколько бы там ни было, пусть сходит, принесет еще.
I am hungry."	Я проголодался.
24	24

Now the morning was late May, the sky was high and clear and the wind blew warm on Robert Jordan's shoulders.	И вот теперь уже утро стало настоящим майским утром, небо было высокое и ясное, теплый ветер обвевал плечи Роберту Джордану.
The snow was going fast and they were eating breakfast.	Снег быстро таял, а они сидели и завтракали.

There were two big sandwiches of meat and the goaty cheese apiece, and Robert Jordan had cut thick slices of onion with his clasp knife and put them on each side of the meat and cheese between the chunks of bread.	На долю каждого пришлось по два больших сандвича с мясом и козьим сыром, а Роберт Джордан нарезал своим складным ножом толстые кружки лука и положил их с обеих сторон на мясо и на сыр.
"You will have a breath that will carry through the forest to the fascists," Agustin said, his own mouth full.	- У тебя такой дух пойдет изо рта, что фашисты на том конце леса почуют, - сказал Агустин, сам набив полный рот.
"Give me the wineskin and I will rinse the mouth," Robert Jordan said, his mouth full of meat, cheese, onion and chewed bread.	- Дай мне бурдюк с вином, я запью, - сказал Роберт Джордан; рот у него был полон мяса, сыра, лука и пережеванного хлеба.

He had never been hungrier and he filled his mouth with wine, faintly tarry-tasting from the leather bag, and swallowed.	Он был голоден как никогда и, набрав в рот вина, чуть отдававшего дегтем от кожаного меха, сразу проглотил.
Then he took another big mouthful of wine, lifting the bag up to let the jet of wine spurt into the back of his mouth, the wineskin touching the needles of the blind of pine branches that covered the automatic rifle as he lifted his hand, his head leaning against the pine branches as he bent it back to let the wine run down.	Потом он еще выпил вина, приподняв мех так, что струя лилась прямо ему в горло, и при этом низ бурдюка коснулся хвои сосновых ветвей, маскировавших пулемет, и голова Роберта Джордана тоже легла на сосновые ветки, когда он запрокинул ее, чтоб удобнее было пить.

"Dost thou want this other sandwich?" Agustin asked him, handing it toward him across the gun.	- Хочешь еще? - спросил его Агустин, протягивая ему из-за пулемета свой сандвич.
"No.	- Нет.
Thank you.	Спасибо.
Eat it."	Ешь сам.
"I cannot.	- Не могу.
I am not accustomed to eat in the morning."	Не привык есть так рано.
"You do not want it, truly?"	-Ты правда не хочешь?
"Nay.	- Правда, правда.
Take it."	Бери.

Robert Jordan took it and laid it on his lap while he got the onion out of his side jacket pocket where the grenades were and opened his knife to slice it.	Роберт Джордан взял сандвич и положил его на колени, а сам достал луковицу из бокового кармана куртки, того, где лежали гранаты, и раскрыл нож, чтобы нарезать ее.
He cut off a thin sliver of the surface that had dirtied in his pocket, then cut a thick slice.	Он снял верхний тонкий серебристый лепесток, загрязнившийся в кармане, потом отрезал толстый кружок.
An outer segment fell and he picked it up and bent the circle together and put it into the sandwich.	Внешнее колечко отвалилось, и он поднял его, согнул пополам и сунул в сандвич.
"Eatest thou always onions for breakfast?" Agustin asked.	- Ты всегда ешь лук за завтраком? - спросил Агустин.

"When there are any."	- Когда его можно достать.
"Do all in thy country do this?"	- У тебя на родине все его едят?
"Nay," Robert Jordan said.	- Нет, - сказал Роберт Джордан.

"It is looked on badly there."	- Там это совсем не принято.
"I am glad," Agustin said.	- Рад слышать, - сказал Агустин.
"I had always considered America a civilized country."	- Я всегда считал Америку цивилизованной страной.
"What hast thou against the onion?"	- А чем тебе не нравится лук?

"The odor.	- Запахом.
Nothing more.	Больше ничем.
Otherwise it is like the rose."	В остальном он как роза.
Robert Jordan grinned at him with his mouth full.	Роберт Джордан улыбнулся ему с полным ртом.
"Like the rose," he said.	- Как роза, - сказал он.
"Mighty like the rose.	- Совсем как роза!
A rose is a rose is an onion."	Роза - это роза - это лук.
"Thy onions are affecting thy brain," Agustin said.	- У тебя от лука ум за разум заходит, - сказал Агустин.
"Take care."	- Берегись.

"An onion is an onion is an onion," Robert Jordan said cheerily and, he thought, a stone is a stein is a rock is a boulder is a pebble.	- Лук - это лук - это лук, - весело сказал Роберт Джордан и прибавил мысленно: "Камень - это Stein, это скала, это валун, это голыш".
"Rinse thy mouth with wine," Agustin said.	- Прополощи рот вином, - сказал Агустин.
"Thou art very rare, _Ingles_.	- Чудной ты человек, Ingles.
There is great difference between thee and the last dynamiter who worked with us."	Ничем ты не похож на того динамитчика, который раньше работал с нами.
"There is one great difference."	-Я на него одним не похож.

"Tell it to me."	- Чем же, скажи.
"I am alive and he is dead," Robert Jordan said.	- Я жив, а он умер, - сказал Роберт Джордан.
Then: what's the matter with you? he thought.	И подумал: что это такое с тобой?
Is that the way to talk?	Разве можно так говорить?
Does food make you that slap happy?	Неужели это тебя от еды так развезло?
What are you, drunk on onions?	От лука ты пьян, что ли?
Is that all it means to you, now?	Неужели это теперь для тебя ничего не значит?
It never meant much, he told himself truly.	Это никогда много не значило, чистосердечно сказал он себе.

You tried to make it mean something, but it never did.	Ты старался делать вид, будто это значит много, но ты только делал вид.
There is no need to lie in the time that is left.	А теперь так мало осталось времени, что лгать не стоит.
"No," he said, seriously now.	- Нет, - сказал он уже серьезно.
"That one was a man who had suffered greatly."	- Этому человеку тяжело пришлось.

"And thou?	- А ты?
Hast thou not suffered?"	Разве тебе не тяжело приходится?
"No," said Robert Jordan.	- Нет, - сказал Роберт Джордан.

"I am of those who suffer little."	- Я из тех, кому никогда не приходится особенно тяжело.
"Me also," Agustin told him.	- Я тоже, - сказал ему Агустин.
"There are those who suffer and those who do not.	- Одни люди все тяжело переносят, а другие нет.
I suffer very little."	Я все переношу легко.
"Less bad," Robert Jordan tipped up the wineskin again.	- Тем лучше, - Роберт Джордан снова поднял бурдюк с вином.
"And with this, less."	- А вот с этим еще лучше.
"I suffer for others."	- Но за других мне бывает тяжело.
"As all good men should."	- Это как всем добрым людям.

"But for myself very little."	-А за себя нет.
"Hast thou a wife?"	- У тебя есть жена?
"No."	- Нет.
"Me neither."	- У меня тоже нет.
"But now you have the Maria."	- Но у тебя теперь есть Мария.
"Yes."	-Да.
"There is a rare thing," Agustin said.	- Чудно все-таки, - сказал Агустин.
"Since she came to us at the train the Pilar has kept her away from all as fiercely as though she were in a convent of Carmelites.	- После того как мы подобрали ее в том деле с поездом, Пилар никого из нас близко к ней не подпускала, стерегла ее, будто в монастыре кармелиток.

You cannot imagine with what fierceness she guarded her.	Ты даже представить себе не можешь, как она ее свирепо стерегла.
You come, and she gives her to thee as a present.	И вот приходишь ты, и она преподносит ее тебе словно в подарок.
How does that seem to thee?"	Что ты на это скажешь?
"It was not thus."	- Совсем не так было.
"How was it, then?"	- А как же было?
"She has put her in my care."	- Она мне поручила заботиться о ней.
"And thy care is to _joder_ with her all night?"	- А твоя главная забота - любиться с ней всю ночь?
"With luck."	- Если ничего не случится.

"What a manner to care for one."	- Хороша забота.
"You do not understand that one can take good care of one thus?"	- А тебе не понятно, что можно проявлять заботу и таким способом?

"Yes, but such care could have been furnished by any one of us."	- Да ведь так любой из нас мог о ней позаботиться.
"Let us not talk of it any more," Robert Jordan said.	- Не будем больше говорить об этом, - сказал Роберт Джордан.
"I care for her seriously."	- Я ее люблю по-настоящему.
"Seriously?"	- По-настоящему?

"As there can be nothing more serious in this world."	- В мире нет ничего более настоящего.
"And afterwards?	- А потом?
After this of the bridge?"	После моста?
"She goes with me."	- Она уйдет со мной.
"Then," Agustin said. "That no one speaks of it further and that the two of you go with all luck."	- Тогда, - сказал Агустин, - пусть никто больше не скажет об этом ни слова и пусть вам обоим будет много счастья.
He lifted the leather wine bag and took a long pull, then handed it to Robert Jordan.	Он приподнял кожаный мех и долго пил из него, потом передал Роберту Джордану.

"One thing more, _Ingles_," he said.	- Еще одно, Ingles, - сказал он.
"Of course."	-Говори.
"I have cared much for her, too."	- Я сам тоже ее любил.
Robert Jordan put his hand on his shoulder.	Роберт Джордан положил ему руку на плечо.
"Much," Agustin said.	- Очень любил, - сказал Агустин.
"Much.	- Очень.
More than one is able to imagine."	Так, что даже и вообразить нельзя.
"I can imagine."	- Верю.
"She has made an impression on me that does not dissipate."	- Я как ее увидел, так с тех пор только о ней и думал.

"I can imagine."	- Верю.
"Look.	- Слушай.
I say this to thee in all seriousness."	Я с тобой говорю всерьез.
"Say it."	-Говори.
"I have never touched her nor had anything to do with her but I care for her greatly. _Ingles_, do not treat her lightly.	- Я до нее ни разу не дотронулся, ничего у меня с ней не было, но я ее люблю очень сильно. Ты с ней не шути.
Because she sleeps with thee she is no whore."	Хоть она и спит с тобой, не думай, что она шлюха.
"I will care for her."	-Я ее всегда буду любить.
"I believe thee.	- Ну, смотри.
But more.	Но вот еще что.

You do not understand how such a girl would be if there had been no revolution.	Ты не знаешь, какая это была бы девушка, если б не случилась революция.

You have much responsibility.	Ты за нее отвечать должен.
This one, truly, has suffered much.	Ей вот в самом деле тяжело пришлось.
She is not as we are."	Она не такая, как мы.
"I will marry her."	- Я женюсь на ней.
"Nay.	- Нет.
Not that.	Не в этом дело.
There is no need for that under the revolution.	Это ни к чему, раз у нас революция.

But--" he nodded his head--"it would be better."	Но... - он кивнул головой, - пожалуй, так было бы лучше.
"I will marry her," Robert Jordan said and could feel his throat swelling as he said it.	- Я женюсь на ней, - сказал Роберт Джордан и почувствовал, как при этих словах клубок подступил к горлу.
"I care for her greatly."	- Я ее очень сильно люблю.
"Later," Agustin said.	- Это можно потом, - сказал Агустин.
"When it is convenient.	- Когда время будет более подходящее.
The important thing is to have the intention."	Главное, что у тебя есть такое намерение.
"I have it."	- Есть.
"Listen," Agustin said.	- Слушай, - сказал Агустин.

"I am speaking too much of a matter in which I have no right to intervene, but hast thou known many girls of this country?"	- Я, может, говорю о том, что меня вовсе не касается, но много ли ты девушек знал здесь, в Испании?
"A few."	- Не очень много.
"Whores?"	- Кто же они были, шлюхи?
"Some who were not."	- Не только.
"How many?"	- Сколько ж их было?
"Several."	- Несколько.
"And did you sleep with them?"	- А ты спал с ними?
"No."	- Нет.
"You see?"	- Вот видишь!
"Yes."	-Да.

"What I mean is that this Maria does not do this lightly."	- Я только хочу сказать, что для Марии это не баловство.
"Nor I."	- Для меня тоже.
"If I thought you did I would have shot you last night as you lay with her.	- Если б я думал иначе, я бы тебя застрелил еще прошлой ночью, когда ты лежал с ней.
For this we kill much here."	У нас тут за это нередко убивают.
"Listen, old one," Robert Jordan said.	- Слушай, старина, - сказал Роберт Джордан.

"It is because of the lack of time that there has been informality.	- У нас мало времени, и потому все так вышло, не по правилам.
What we do not have is time.	Времени - вот чего нам не хватает.

Tomorrow we must fight.	Завтра нам предстоит бой.
To me that is nothing.	Для меня одного это не имеет значения.
But for the Maria and me it means that we must live all of our life in this time."	Но для нас с Марией это означает, что мы всю свою жизнь должны прожить за то время, что еще осталось.
"And a day and a night is little time," Agustin said.	- А день да ночь - времени немного, сказал Агустин.
"Yes.	-Да.
But there has been yesterday and the night before and last night."	Но у нас было еще вчера, и прошлая ночь, и эта.
"Look," Agustin said.	- Вот что, - сказал Агустин.

"If I can aid thee."	- Если я могу помочь тебе...
"No.	- Нет.
We are all right."	Нам ничего не нужно.
"If I could do anything for thee or for the cropped head--"	- Если я что-нибудь могу сделать для тебя или для стригунка...
"No."	- Нет.
"Truly, there is little one man can do for another."	- Правда, человек для человека мало что может сделать.
"No.	- Нет.
There is much."	Очень много.
"What?"	- Что же?

"No matter what passes today and tomorrow in respect to combat, give me thy confidence and obey even though the orders may appear wrong."	- Как бы дело ни обернулось сегодня или завтра, обещай полностью доверять мне и повиноваться во время боя, даже если приказы покажутся тебе неправильными.
"You have my confidence.	- Я тебе доверяю.
Since this of the cavalry and the sending away of the horse."	Особенно после встречи с кавалерией и после того, как ты спровадил лошадь.
"That was nothing.	- Это все пустяки.
You see that we are working for one thing.	Все, что мы делаем, делается ради одного.

To win the war.	Ради того, чтоб выиграть войну.
Unless we win, all other things are futile.	Если мы ее не выиграем, все остальное не имеет смысла.
Tomorrow we have a thing of great importance.	Завтра нам предстоит очень важное дело.
Of true importance.	По-настоящему важное.
Also we will have combat.	Будет бой.

In combat there must be discipline.	В бою нужна дисципли-на.
For many things are not as they appear.	Потому что многое на самом деле не так, как кажется.

Discipline must come from trust and confidence."	Дисциплина должна основываться на доверии.
Agustin spat on the ground.	Агустин сплюнул на землю.
"The Maria and all such things are apart," he said.	- Это все одно дело, а Мария - другое, - сказал он.
"That you and the Maria should make use of what time there is as two human beings.	- Времени осталось немного, так хоть используйте его по-человечески.
If I can aid thee I am at thy orders.	Если я чем могу помочь тебе, приказывай.
But for the thing of tomorrow I will obey thee blindly.	А в завтрашнем деле можешь на меня рассчитывать целиком.

If it is necessary that one should die for the thing of tomorrow one goes gladly and with the heart light."	Если надо умереть ради завтрашнего дела, - что ж, пойдем охотно и с легкой душой.
"Thus do I feel," Robert Jordan said.	- Я сам так чувствую, - сказал Роберт Джордан.
"But to hear it from thee brings pleasure."	- Но приятно слышать это от тебя...
"And more," Agustin said.	- И вот еще что, - сказал Агустин.
"That one above," he pointed toward Primitivo, "is a dependable value.	- Вот тот, наверху, - он указал туда, где сидел Примитиво, - на него можно положиться.
The Pilar is much, much more than thou canst imagine.	Пилар - о ней и говорить нечего, ты еще ей не знаешь цены.

The old man Anselmo, also.	Старик Ансельмо тоже.
Andres also.	Андрес тоже.
Eladio also.	Эладио тоже.
Very quiet, but a dependable element.	Он человек тихий, но надежный.
And Fernando.	И Фернандо.
I do not know how thou hast appreciated him.	Не знаю, как он тебе кажется.
It is true he is heavier than mercury.	Про него, правда, не скажешь, что он живой, как ртуть.
He is fuller of boredom than a steer drawing a cart on the highroad.	В нем живости не больше, чем в быке, который тащит в гору воз с поклажей.

But to fight and to do as he is told. _Es muy hombre! Thou wilt see."	Но драться и выполнять приказы - es muy hombre! Увидишь сам.
"We are lucky."	- Значит, все хорошо.
"No.	- Нет.
We have two weak elements.	Есть два ненадежных.
The gypsy and Pablo.	Цыган и Пабло.
But the band of Sordo are as much better than we are as we are better than goat manure."	Но отряд Глухого по сравнению с нами - это все равно что мы по сравнению с кучей козьего дерьма.

"All is well then."	-Тем лучше.
"Yes," Agustin said.	- Да, - сказал Агустин.

"But I wish it was for today."	- Но я хотел бы, чтоб все было сегодня.
"Me, too.	- Я тоже.
To finish with it.	Чтоб уже покончить с этим.
But it is not."	Но ничего не поделаешь.
"Do you think it will be bad?"	-Ты думаешь, придется туго?
"It can be."	- Может быть...
"But thou are very cheerful now, _Ingles_."	- Но ты не унываешь, Ingles?
"Yes."	- Нет.
"Me also.	-И я нет.
In spite of this of the Maria and all."	Несмотря на Марию и на все.

"Do you know why?"	- А знаешь почему?
"No."	- Нет.
"Me neither.	-И я нет.
Perhaps it is the day.	Может быть, это от погоды.
The day is good."	Погода очень хорошая.
"Who knows?	- Кто его знает.
Perhaps it is that we will have action."	А может быть, от того, что предстоит дело.
"I think it is that," Robert Jordan said.	- Наверно, так, - сказал Роберт Джордан.
"But not today.	- Но не сегодня.
Of all things; of all importance we must avoid it today."	Самое главное, самое важное - это чтобы ничего не случилось сегодня.

As he spoke he heard something.	И тут он что-то услышал.
It was a noise far off that came above the sound of the warm wind in the trees.	Какой-то шум донесся издалека сквозь шелест теплого ветра в верхушках деревьев.
He could not be sure and he held his mouth open and listened, glancing up at Primitivo as he did so.	Он не был уверен, не показалось ли ему, и стал прислушиваться, открыв рот и поглядывая вверх, на Примитиво.
He thought he heard it but then it was gone.	На мгновение он как будто опять уловил звук, но только на мгновение.
The wind was blowing in the pines and now Robert Jordan strained all of himself to listen.	Ветер шумел в соснах, и Роберт Джордан весь напрягся, вслушиваясь.

Then he heard it faintly coming down the wind.	Опять ветер донес едва слышный отголосок чего-то.
"It is nothing tragic with me," he heard Agustin say.	- Умереть я от этого не умру, - услышал он голос Агустина.
"That I should never have the Maria is nothing.	- Не бывать Марии моей - ну что ж!

I will go with the whores as always."	Буду обходиться шлюхами, как и до сих пор.
"Shut up," he said, not listening, and lying beside him, his head having been turned away.	- Тише, - сказал Роберт Джордан, не слушая его; они лежали рядом, но он смотрел в другую сторону.
Agustin looked over at him suddenly.	Агустин быстро глянул на него.

"_Que pasa?_" he asked.	- Que pasa? - спросил он.
Robert Jordan put his hand over his own mouth and went on listening.	Роберт Джордан прикрыл рот рукой и снова стал вслушиваться.
There it came again.	Опять донесся тот же звук.
It came faint, muted, dry and far away.	Он был слабый, приглушенный, сухой и очень далекий.
But there was no mistaking it now.	Но теперь уже не оставалось сомнений.
It was the precise, crackling, curling roll of automatic rifle fire.	Это был четкий, дробный раскат пулеметной очереди.

It sounded as though pack after pack of miniature firecrackers were going off at a distance that was almost out of hearing.	Казалось, где-то очень далеко взрываются одна за другой пачки крошечных петард.
Robert Jordan looked up at Primitivo who had his head up now, his face looking toward them, his hand cupped to his ear.	Роберт Джордан взглянул на Примитиво. Тот сидел, подняв голову, повернув лицо к ним и приложив к уху согнутую чашечкой ладонь.
As he looked Primitivo pointed up the mountain toward the highest country.	Когда Роберт Джордан посмотрел на него, он показал пальцем в сторону гребня гряды.

"They are fighting at El Sordo's," Robert Jordan said.	- У Эль Сордо идет бой, - сказал Роберт Джордан.
"Then let us go to aid them," Agustin said.	-Так поспешим на помощь, - сказал Агустин.
"Collect the people. _Vamonos_."	- Собирай народ. Vamonos.
"No," Robert Jordan said.	- Нет, - сказал Роберт Джордан.
"We stay here."	- Мы останемся здесь.
25	25
Robert Jordan looked up at where Primitivo stood now in his lookout post, holding his rifle and pointing.	Роберт Джордан посмотрел вверх и увидел, что Примитиво стоит на своем наблюдательном посту, выпрямившись, и делает знаки винтовкой.

He nodded his head but the man kept pointing, putting his hand to his ear and then pointing insistently and as though he could not possibly have been understood.	Роберт Джордан кивнул, но Примитиво продолжал указывать винтовкой, прикладывая к уху руку, и опять настойчиво указывал, как будто боясь, что его не поняли.
"Do you stay with this gun and unless it is sure, sure, sure that they are coming in do not fire.	- Оставайся здесь, у пулемета, но пока ты не будешь совсем, совсем уверен, что они идут на тебя, не стреляй.
And then not until they reach that shrub," Robert Jordan pointed.	Даже и тогда не стреляй, жди, пока они не дойдут вот до тех кустов. - Роберт Джордан показал пальцем.
"Do you understand?"	- Понял?

"Yes.	-Да.
But--"	Но...
"No but.	- Никаких "но".
I will explain to thee later.	Я тебе потом объясню.
I go to Primitivo."	Я иду к Примитиво.
Anselmo was by him and he said to the old man:	Ансельмо был рядом, и он сказал ему:
"_Viejo_, stay there with Agustin with the gun."	-Viejo, ты оставайся тут, с Агустином и пулеметом.
He spoke slowly and unhurriedly.	- Он говорил с расстановкой, не спеша.
"He must not fire unless cavalry is actually entering.	- Стрелять он не должен, разве только если верховые подъедут совсем вплотную.

If they merely present themselves he must let them alone as we did before.	Если они только покажутся, как в тот раз, не надо их трогать.
If he must fire, hold the legs of the tripod firm for him and hand him the pans when they are empty."	Если придется стрелять, держи треногу, чтоб не шаталась, и подавай ему диски.
"Good," the old man said.	- Хорошо, - сказал старик.
"And La Granja?"	- А Ла-Гранха?
"Later."	- Пойдешь позднее.
Robert Jordan climbed up, over and around the gray boulders that were wet now under his hands as he pulled himself up.	Роберт Джордан полез наверх, карабкаясь по серым валунам, мокрым и скользким под рукой, когда он цеплялся за них, подтягиваясь.

The sun was melting the snow on them fast.	Покрывавший их снег быстро таял на солнце.
The tops of the boulders were drying and as he climbed he looked across the country and saw the pine woods and the long open glade and the dip of the country before the high mountains beyond.	Сверху валуны уже подсыхали, и, продолжая карабкаться, он оглянулся и увидел сосновый лес, и длинную прогалину за ним, и долину перед дальней цепью высоких гор.
Then he stood beside Primitivo in a hollow behind two boulders and the short, brownfaced man said to him,	Наконец он добрался до углубления между двумя большими камнями, в котором угнездился Примитиво, и тот сказал ему:
"They are attacking Sordo.	- На Глухого напали.

What is it that we do?"	Что будем делать?
"Nothing," Robert Jordan said.	- Ничего, - сказал Роберт Джордан.
He heard the firing clearly here and as he looked across the country, he saw, far off, across the distant valley where the country rose steeply again, a troop of cavalry ride out of the timber and cross the snowy slope riding uphill in the direction of the firing.	Отсюда стрельба была ясно слышна, и когда он посмотрел вперед, он увидел, как вдалеке за долиной, в том месте, откуда начинался новый крутой подъем, выехал из лесу кавалерийский отряд и стал подниматься по снежному склону, со стороны которого доносилась стрельба.
He saw the oblong double line of men and horses dark against the snow as they forced at an angle up the hill.	Он видел длинную двойную цепочку всадников, темнеющую на снегу.

He watched the double line top the ridge and go into the farther timber.	Он следил за цепочкой, пока она не доползла до гребня гряды и не скрылась в дальнем лесу.
"We have to aid them," Primitivo said.	- Надо идти на помощь, - сказал Примитиво.
His voice was dry and flat.	Голос у него был хриплый и безжизненный.
"It is impossible," Robert Jordan told him.	- Невозможно, - сказал Роберт Джордан.
"I have expected this all morning."	- Я этого ждал с самого утра.
"How?"	- Почему?
"They went to steal horses last night.	- Они вчера увели лошадей из селения.

The snow stopped and they tracked them up there."	Снег перестал, и их нашли по следам.
"But we have to aid them," Primitivo said.	- Но мы должны идти к ним на помощь, - сказал Примитиво.
"We cannot leave them alone to this.	- Нельзя их бросать так.
Those are our comrades."	Это наши товарищи.
Robert Jordan put his hand on the other man's shoulder.	Роберт Джордан положил ему руку на плечо.
"We can do nothing," he said.	- Мы ничего не можем сделать, - сказал он.
"If we could I would do it."	- Если б мы могли, я бы сделал все.
"There is a way to reach there from above.	- Туда можно добраться поверху.

We can take that way with the horses and the two guns.	Мы можем взять лошадей и обе maquina.
This one below and thine.	Ту, что внизу, и твой автомат.
We can aid them thus."	И пойти к ним на помощь.
"Listen--" Robert Jordan said.	- Послушай... - сказал Роберт Джордан.
"_That_ is what I listen to," Primitivo said.	- Я вот что слушаю, - сказал Примитиво.
The firing was rolling in overlapping waves.	Раскаты стрельбы следовали один за другим, без перерыва.
Then they heard the noise of hand grenades heavy and sodden in the dry rolling of the automatic rifle fire.	Потом послышались взрывы ручных гранат, тяжелые и глухие в сухой трескотне пулеметов.

"They are lost," Robert Jordan said.	- Они погибли, - сказал Роберт Джордан.
"They were lost when the snow stopped.	- Они погибли уже тогда, когда перестал идти снег.
If we go there we are lost, too.	Если мы пойдем туда, мы тоже погибнем.
It is impossible to divide what force we have."	Нам нельзя разбивать свои силы.
There was a gray stubble of beard stippled over Primitivo's jaws, his lip and his neck.	Серая щетина небритой бороды покрывала подбородок и часть шеи Примитиво, подбиралась к нижней губе.

The rest of his face was flat brown with a broken, flattened nose and deep-set gray eyes, and watching him Robert Jordan saw the stubble twitching at the corners of his mouth and over the cord of his throat.	Лицо у него было плоское и почти коричневое там, где не было щетины, нос сломанный и приплюснутый, серые глаза сидели глубоко; глядя ему в лицо, Роберт Джордан увидел, как подергивается щетина возле углов его рта и на горле.
"Listen to it," he said.	-Ты только послушай, - сказал Примитиво.
"It is a massacre."	- Там настоящая бойня.
"If they have surrounded the hollow it is that," Robert Jordan said.	- Если окружили лощину со всех сторон, тогда так и есть, - сказал Роберт Джордан.
"Some may have gotten out."	- Но, может, кому-нибудь удалось выбраться.

"Coming on them now we could take them from behind," Primitivo said.	- Мы могли бы подойти и ударить сзади, - сказал Примитиво.
"Let four of us go with the horses."	- Возьмем лошадей и пойдем вчетвером.
"And then what?	- А дальше что?
What happens after you take them from behind?"	Что после того, как ты на них ударишь сзади?
"We join with Sordo."	- Мы соединимся с Глухим.
"To die there?	- Чтобы умереть там?
Look at the sun.	Посмотри на солнце.
The day is long."	До вечера еще далеко.
The sky was high and cloudless and the sun was hot on their backs.	Небо было высокое и безоблачное, солнце палило им в спину.

There were big bare patches now on the southern slope of the open glade below them and the snow was all dropped from the pine trees.	На южном склоне по ту сторону прогалины, лежавшей под ними, обнажились длинные полосы черной земли, на ветвях сосен снега почти совсем не осталось.
The boulders below them that had been wet as the snow melted were steaming faintly now in the hot sun.	Над камнями, которые только что были мокрыми, стлался теперь легкий пар.
"You have to stand it," Robert Jordan said. "_Hay que aguantarse_.	- Придется тебе снести это, - сказал Роберт Джордан. - Hay que aguantar .
There are things like this in a war."	Бывают такие вещи на войне.
"But there is nothing we can do?	- Но неужели мы ничего не можем сделать?

Truly?"	Совсем ничего?
Primitivo looked at him and Robert Jordan knew he trusted him.	- Примитиво смотрел ему в глаза, и Роберт Джордан знал, что он доверяет ему.
"Thou couldst not send me and another with the small machine gun?"	- А если тебе послать только меня и еще кого-нибудь с маленьким пулеметом?
"It would be useless," Robert Jordan said.	- Бесполезно, - сказал Роберт Джордан.

He thought he saw something that he was looking for but it was a hawk that slid down into the wind and then rose above the line of the farthest pine woods.	Ему показалось, что он увидел в небе то, чего ждал, но это был ястреб, подхваченный ветром и выравнивавший теперь свой полет над линией дальнего леса.

"It would be useless if we all went," he said.	- Бесполезно. Даже если мы все пойдем, - сказал он.
Just then the firing doubled in intensity and in it was the heavy bumping of the hand grenades.	Стрельба в это время усилилась, и чаще стало слышаться уханье ручных гранат.
"Oh, obscenity them," Primitivo said with an absolute devoutness of blasphemy, tears in his eyes and his cheeks twitching.	- О, так их и так, - сказал Примитиво в подлинном экстазе богохульства; в глазах у него стояли слезы, щеки подергивались.
"Oh, God and the Virgin, obscenity them in the milk of their filth."	- О господь и пресвятая дева, туды их и растуды!
"Calm thyself," Robert Jordan said.	- Успокойся, - сказал Роберт Джордан.

"You will be fighting them soon enough.	- Скоро и тебе придется драться с ними.
Here comes the woman."	Смотри, вон идет Пилар.
Pilar was climbing up to them, making heavy going of it in the boulders.	Женщина поднималась к ним, с трудом карабкаясь с камня на камень.
Primitivo kept saying.	Примитиво все повторял:
"Obscenity them.	"Так их и так.
Oh, God and the Virgin, befoul them," each time for firing rolled down the wind, and Robert Jordan climbed down to help Pilar up.	О господь и пресвятая дева, туда их!" - каждый раз, когда ветер доносил новый раскат стрельбы. Роберт Джордан спустился пониже, чтобы помочь Пилар.

"_Que tal_, woman," he said, taking hold of both her wrists and hoisting as she climbed heavily over the last boulder.	- Que tal, женщина? - спросил он, взяв ее за обе руки и подтягивая, когда она тяжело перелезала через последний камень.
"Thy binoculars," she said and lifted their strap over her head.	- Бинокль твой, - сказала она и сняла с шеи ремень бинокля.
"So it has come to Sordo?"	- Значит, до Глухого уже добрались?
"Yes."	-Да.
"_Pobre_," she said in commiseration.	- Pobre, - сказала она сочувственно.
"Poor Sordo."	- Бедный Глухой.

She was breathing heavily from the climb and she took hold of Robert Jordan's hand and gripped it tight in hers as she looked out over the country.	Она еще не отдышалась после подъема и, держась за руку Роберта Джордана, крепко сжимая ее в своей, оглядывалась по сторонам.
"How does the combat seem?"	- Как там дела, по-твоему?
"Bad.	- Плохи.
Very bad."	Очень плохи.
"He's _jodido?_"	- Он - jodido?
"I believe so."	- Скорее всего.
"_Pobre_," she said.	- Pobre, - сказала она.

"Doubtless because of the horses?"	- Должно быть, из-за лошадей?
"Probably."	- Вероятно.

"_Pobre_," Pilar said.	- Pobre, - сказала Пилар.
Then, "Rafael recounted me all of an entire novel of dung about cavalry.	И потом: - Рафаэль мне наворотил целую кучу россказней про кавалерию.
What came?"	Кто здесь был?
"A patrol and part of a squadron."	- Сначала разъезд, потом часть эскадрона.
"Up to what point?"	- Где, в каком месте?
Robert Jordan pointed out where the patrol had stopped and showed her where the gun was hidden.	Роберт Джордан показал ей, где останавливались всадники и где был установлен замаскированный пулемет.

From where they stood they could just see one of Agustin's boots protruding from the rear of the blind.	Отсюда, с поста Примитиво, виден был только один сапог Агустина, торчавший из-под прикрытия.
"The gypsy said they rode to where the gun muzzle pressed against the chest of the horse of the leader," Pilar said.	- А цыган уверял, будто они подъехали так близко, что дуло пулемета уткнулось передней лошади в грудь, - сказала Пилар.
"What a race!	- Ну и порода!
Thy glasses were in the cave."	Бинокль ты забыл в пещере.
"Have you packed?"	- Вы уложили вещи?
"All that can be taken.	- Мы уложили все, что можно взять.

Is there news of Pablo?"	Про Пабло ничего не слышно?
"He was forty minutes ahead of the cavalry.	- Он проехал на сорок минут раньше эскадрона.
They took his trail."	Они направились по его следу.
Pilar grinned at him.	Пилар усмехнулась.
She still held his hand.	Она все еще держалась за него.
Now she dropped it.	Потом отпустила его руку.
"They'll never see him," she said.	- Не видать им его, - сказала она.
"Now for Sordo.	- Но как же с Глухим?
Can we do anything?"	Мы ничего не можем сделать?

"Nothing."	- Ничего.
"_Pobre_," she said.	- Pobre, - сказала она.
"I was fond of Sordo.	- Я его очень любила, Глухого.
Thou art sure, _sure_ that he is _jodido?_"	Ты совсем, совсем уверен, что он jodido?
"Yes. I have seen much cavalry."	- Да, я видел много кавалерии.
"More than were here?"	- Больше, чем здесь было?
"Another full troop on their way up there."	- Целый отряд. Я видел, он поднимался в гору.

"Listen to it," Pilar said. "_Pobre, pobre Sordo_."	- Слушай, как стреляют, - сказала Пилар. - Pobre, pobre Сордо.

They listened to the firing.	Они прислушались к звукам стрельбы.
"Primitivo wanted to go up there," Robert Jordan said.	- Примитиво хотел идти к нему туда, - сказал Роберт Джордан.
"Art thou crazy?" Pilar said to the flat-faced man.	- С ума спятил, что ли? - сказала Пилар человеку с плоским лицом.
"What kind of _locos_ are we producing here?"	- Развелось у нас тут locos, прямо деваться некуда.
"I wish to aid them."	- Я хочу помочь им.
"_Que va_," Pilar said.	- Que va, - сказала Пилар.
"Another romantic.	- Нашелся герой.
Dost thou not believe thou wilt die quick enough here without useless voyages?"	Боишься, что не скоро умрешь, если будешь сидеть тут, на месте?

Robert Jordan looked at her, at the heavy brown face with the high Indian cheekbones, the wide-set dark eyes and the laughing mouth with the heavy, bitter upper lip.	Роберт Джордан посмотрел на нее, на ее массивное смуглое, скуластое, как у индианки, лицо, широко расставленные черные глаза и смеющийся рот с тяжелой, скорбно изогнутой верхней губой.
"Thou must act like a man," she said to Primitivo.	-Ты должен рассуждать как мужчина.
"A grown man. You with your gray hairs and all."	У тебя уже седина в волосах.
"Don't joke at me," Primitivo said sullenly.	- Не смейся надо мной, - угрюмо ответил Примитиво.
"If a man has a little heart and a little imagination--"	- Если у человека есть хоть капля сердца и капля воображения...

"He should learn to control them," Pilar said.	- То он должен уметь держать себя в руках, -сказала Пилар.
"Thou wilt die soon enough with us.	- Ты и с нами недолго проживешь.
There is no need to seek that with strangers.	Нечего тебе искать смерти с чужими.
As for thy imagination. The gypsy has enough for all.	А уж насчет воображения, так у цыгана его на всех хватит.
What a novel he told me."	Таких мне тут сказок наворотил.
"If thou hadst seen it thou wouldst not call it a novel," Primitivo said.	- Если б ты была при этом, ты бы не стала называть это сказками, - сказал Примитиво.
"There was a moment of great gravity."	- Дело было очень серьезное.

"_Que va_," Pilar said.	- Que va, - сказала Пилар.
"Some cavalry rode here and they rode away.	- Ну, приехали несколько верховых и опять уехали.
And you all make yourselves a heroism.	А уж вы из себя героев строите.
It is to this we have come with so much inaction."	Давно без дела сидим, вот от того все.

"And this of Sordo is not grave?" Primitivo said contemptuously now.	- А то, что сейчас у Глухого, это тоже несерьезно? - спросил Примитиво, на этот раз презрительно.

He suffered visibly each time the firing came down the wind and he wanted either to go to the combat or have Pilar go and leave him alone.	Видно было, какие мучения доставляет ему каждый залп, доносимый ветром, и ему хотелось или пойти туда, или чтобы Пилар ушла и оставила его в покое.
"_Total, que?_" Pilar said.	- Ладно, - сказала Пилар.
"It has come so it has come.	- Что случилось, то случилось.
Don't lose thy _cojones_ for the misfortune of another."	И нечего самому распускать слюни из-за чужого несчастья.
"Go defile thyself," Primitivo said.	- Иди знаешь куда, - сказал Примитиво.

"There are women of a stupidity and brutality that is insupportable."	- Бывают женщины такие глупые и такие жестокие, что просто сил нет!
"In order to support and aid those men poorly equipped for procreation," Pilar said, "if there is nothing to see I am going."	- Чтобы придать силы мужчинам, не приспособленным для продолжения рода, я ухожу, - сказала Пилар. - Все равно у вас здесь ничего не видно.
Just then Robert Jordan heard the plane high overhead.	И тут Роберт Джордан услышал самолет в вышине.

He looked up and in the high sky it looked to be the same observation plane that he had seen earlier in the morning.	Он поднял голову, и ему показалось, что он узнал тот самый разведывательный самолет, который он уже видел раньше.
Now it was returning from the direction of the lines and it was moving in the direction of the high country where El Sordo was being attacked.	Теперь самолет, должно быть, возвращался с фронта и летел на большой высоте в сторону гребня гряды, где у Эль Сордо шел бой с фашистами.
"There is the bad luck bird," Pilar said.	- Вон она, зловещая птица, - сказала Пилар.
"Will it see what goes on there?"	- Видно с нее, что там делается?
"Surely," Robert Jordan said.	- Конечно, - сказал Роберт Джордан.

"If they are not blind."	- Если только летчик не слепой.
They watched the plane moving high and silvery and steady in the sunlight.	Они смотрели, как самолет скользит ровно и быстро, отливая серебром на солнце.
It was coming from the left and they could see the round disks of light the two propellers made.	Он летел слева, и на месте пропеллеров виден был двойной ореол.
"Keep down," Robert Jordan said.	- Ложись, - сказал Роберт Джордан.
Then the plane was overhead, its shadows passing over the open glade, the throbbing reaching its maximum of portent.	Самолет уже летел над ними, тень его скользила по прогалине, мотор ревел во всю мочь.

Then it was past and headed toward the top of the valley.	Он пронесся над ними и полетел дальше, к устью долины.

They watched it go steadily on its course until it was just out of sight and then they saw it coming back in a wide dipping circle, to circle twice over the high country and then disappear in the direction of Segovia.	Они следили за его ровным, уверенным полетом, пока он не скрылся из виду, потом он появился опять, описывая широкий круг, два раза пролетел над гребнем гряды и окончательно исчез в направлении Сеговии.
Robert Jordan looked at Pilar.	Роберт Джордан взглянул на Пилар.
There was perspiration on her forehead and she shook her head: She had been holding her lower lip between her teeth.	Она покачала головой, на лбу у нее выступили капли пота. Нижнюю губу она закусила.

"For each one there is something," she said.	- У каждого свое, - сказала она.
"For me it is those."	- У меня - вот это.
"Thou hast not caught my fear?" Primitivo said sarcastically.	- Уж не заразилась ли ты от меня страхом? -ехидно спросил Примитиво.
"Nay," she put her hand on his shoulder.	- Нет. - Она положила руку ему на плечо.
"Thou hast no fear to catch.	- От тебя нельзя заразиться, потому что у тебя страха нет.
I know that.	Я это знаю.
I am sorry I joked too roughly with thee.	Мне жаль, что я с тобой так грубо шутила.
We are all in the same caldron."	Все мы в одном котле варимся.

Then she spoke to Robert Jordan. "I will send up food and wine.	- Потом она обратилась к Роберту Джордану: - Я пришлю еды и вина.
Dost need anything more?"	Что-нибудь тебе нужно еще?
"Not in this moment.	- Сейчас ничего.
Where are the others?"	Где остальные?
"Thy reserve is intact below with the horses," she grinned.	- Весь твой резерв цел и невредим, внизу, с лошадьми. - Она усмехнулась.
"Everything is out of sight.	- Все скрыто от чужих глаз.
Everything to go is ready.	Все готово, чтобы уходить.
Maria is with thy material."	Мария стережет твои мешки.

"If by any chance we _should_ have aviation keep her in the cave."	- Если самолеты все-таки нагрянут к нам, смотри, чтоб она не выходила из пещеры.
"Yes, my Lord _Ingles_," Pilar said. "_Thy_ gypsy (I give him to thee) I have sent to gather mushrooms to cook with the hares.	- Слушаю, милорд Ingles, - сказала Пилар. -Твоего цыгана (дарю его тебе) я послала по грибы, хочу сделать подливку к зайцам.
There are many mushrooms now and it seemed to me we might as well eat the hares although they would be better tomorrow or the day after."	Сейчас грибов много, а зайцев, я думаю, надо съесть сегодня, хотя на другой день или на третий они были бы еще вкусней.

"I think it is best to eat them," Robert Jordan said, and Pilar put her big hand on his shoulder where the strap of the submachine gun crossed his chest, then reached up and mussed his hair with her fingers.	- Да, лучше съесть их сегодня, - сказал Роберт Джордан, и Пилар положила свою большую руку ему на плечо, туда, где проходил ремень от автомата, а потом подняла ее и взъерошила ему волосы.

"What an _Ingles_," Pilar said.	-Ну и Ingles, - сказала Пилар.
"I will send the Maria with the _puchero_ when they are cooked."	- Мария принесет тебе жаркое, как только оно будет готово.
The firing from far away and above had almost died out and now there was only an occasional shot.	Стрельба там, на дальней высоте, почти замерла, только время от времени доносились отдельные выстрелы.

"You think it is over?" Pilar asked.	- Как ты думаешь, там все кончено? - спросила Пилар.
"No," Robert Jordan said.	- Нет, - сказал Роберт Джордан.
"From the sound that we have heard they have attacked and been beaten off. Now I would say the attackers have them surrounded. They have taken cover and they wait for the planes."	- Судя по звукам стрельбы, на них напали, но они сумели отбиться, Теперь, вероятно, те окружили их со всех сторон, засели под прикрытием и ждут самолетов.
Pilar spoke to Primitivo,	Пилар обратилась к Примитиво:
"Thou. Dost understand there was no intent to insult thee?"	- Веришь, что я тебя не хотела обидеть?
"_Ya lo se_," said Primitivo.	-Ya lo se,- сказал Примитиво.

"I have put up with worse than that from thee.	- Я от тебя еще не такое слышал, и то не обижался.
Thou hast a vile tongue.	У тебя скверный язык.
But watch thy mouth, woman.	Но теперь ты придержи его, женщина.
Sordo was a good comrade of mine."	Глухой был мне хорошим товарищем.
"And not of mine?" Pilar asked him.	- А мне нет? - спросила его Пилар.
"Listen, flat face.	- Слушай, плосконосый.
In war one cannot say what one feels.	На войне трудно высказать то, что чувствуешь.
We have enough of our own without taking Sordo's."	С нас довольно и своих бед, где тут еще брать на себя чужие.

Primitivo was still sullen.	Примитиво все еще хмурился.
"You should take a physic," Pilar told him.	- Лекарства бы тебе какого-нибудь, - сказала ему Пилар.
"Now I go to prepare the meal."	- Ну, я пойду готовить обед.
"Did you bring the documentation of the _requete?_" Robert Jordan asked her.	- Ты принесла мне документы того requete? -спросил ее Роберт Джордан.
"How stupid I am," she said.	- Ах, дура я, - сказала она.
"I forgot it.	- Совсем забыла про них.
I will send the Maria."	Я пришлю с Марией.
26	26

It was three o'clock in the afternoon before the planes came.	Было уже почти три часа, а самолеты все еще не появились.

The snow had all been gone by noon and the rocks were hot now in the sun.	Снег к полудню стаял весь, и камни накалились на солнце.
There were no clouds in the sky and Robert Jordan sat in the rocks with his shirt off browning his back in the sun and reading the letters that had been in the pockets of the dead cavalryman.	На небе не было ни облачка, и Роберт Джордан сидел на камне без рубашки, подставив спину солнцу, и читал письма, взятые из карманов убитого кавалериста.

From time to time he would stop reading to look across the open slope to the line of the timber, look over the high country above and then return to the letters.	Время от времени он поднимал голову, смотрел на линию леса по ту сторону долины, смотрел на гребень гряды над ним и потом снова брался за письма.
No more cavalry had appeared.	Новых кавалерийских отрядов не было видно.
At intervals there would be the sound of a shot from the direction of El Sordo's camp.	Иногда со стороны лагеря Эль Сордо доносился звук выстрела.
But the firing was desultory.	Но это случалось не часто.

From examining his military papers he knew the boy was from Tafalla in Navarra, twenty-one years old, unmarried, and the son of a blacksmith.	Из воинских документов он узнал, что убитый был родом из Тафальи в Наварре, двадцати одного года, холост, сын кузнеца.
His regiment was the Nth cavalry, which surprised Robert Jordan, for he had believed that regiment to be in the North.	Он был приписан к Энскому кавалерийскому полку, и это удивило Роберта Джордана, так как он считал, что этот полк находится на севере.
He was a Carlist, and he had been wounded at the fighting for Irun at the start of the war.	Молодой человек был карлистом; в начале войны, в боях за Ирун, он получил ранение.

I've probably seen him run through the streets ahead of the bulls at the feria in Pamplona, Robert Jordan thought.	Наверно, я встречал его на feria в Памплоне, в толпе, бежавшей по улицам впереди быков, подумал Роберт Джордан.
You never kill any one that you want to kill in a war, he said to himself.	На войне всегда убиваешь не того, кого хочешь, сказал он себе.
Well, hardly ever, he amended and went on reading the letters.	Почти всегда, поправился он и продолжал читать.
The first letters he read were very formal, very carefully written and dealt almost entirely with local happenings.	Из личных писем первые, попавшиеся ему, были очень церемонны, очень аккуратно написаны, и речь в них шла преимущественно о местных событиях.

They were from his sister and Robert Jordan learned that everything was all right in Tafalla, that father was well, that mother was the same as always but with certain complaints about her back, that she hoped he was well and not in too great danger and she was happy he was doing away with the Reds to liberate Spain from the domination of the Marxist hordes.	Это были письма сестры убитого, и Роберт Джордан узнал, что в Тафалье все хорошо, что отец здоров, что мать такая же, как всегда, жалуется только немного на боль в спине, и она, сестра, надеется, что он тоже здоров и не слишком подвергается опасности, и очень рада, что он бьет красных и помогает освободить Испанию от их владычества.

Then there was a list of those boys from Tafalla who had been killed or badly wounded since she wrote last.	Дальше перечислялись парни из Тафальи, убитые и тяжело раненные за то время, что она ему не писала.
She mentioned ten who were killed.	Убитых было десять.
That is a great many for a town the size of Tafalla, Robert Jordan thought.	Очень много для такого городишка, как Тафалья, подумал Роберт Джордан.

There was quite a lot of religion in the letter and she prayed to Saint Anthony, to the Blessed Virgin of Pilar, and to other Virgins to protect him and she wanted him never to forget that he was also protected by the Sacred Heart of Jesus that he wore still, she trusted, at all times over his own heart where it had been proven innumerable--this was underlined--times to have the power of stopping bullets.	В письме много говорилось о религии, сестра писала, что молится святому Антонию, и пресвятой деве Пиларской, и другим пресвятым девам, чтобы они сохранили его, и просила не забывать о том, что он находится также под защитой святого сердца Иисусова, которое, как она надеется, он постоянно носит на груди, ведь уже бессчетное число раз - это было подчеркнуто - доказано, что оно имеет силу отвращать пули.
She was as always his loving sister Concha.	А затем она остается любящая его сестра Конча.

This letter was a little stained around the edges and Robert Jordan put it carefully back with the military papers and opened a letter with a less severe handwriting.	Письмо было немного замусолено по краям, и, дочитав до конца, Роберт Джордан аккуратно положил его на место, к воинским документам, и развернул другое, написанное таким же старательным почерком.
It was from the boy's _novia_, his fiancee, and it was quietly, formally, and completely hysterical with concern for his safety.	Это письмо было от невесты убитого, его novia, оно тоже было деликатное и церемонное, но в нем чувствовалась лихорадочная тревога за судьбу жениха.

Robert Jordan read it through and then put all the letters together with the papers into his hip pocket.	Роберт Джордан прочел и это письмо, а потом сложил все письма и бумаги вместе и сунул в задний карман брюк.
He did not want to read the other letters.	Ему не захотелось читать остальные.
I guess I've done my good deed for today, he said to himself.	Кажется, одно доброе дело я сегодня сделал, подумал он.
I guess you have all right, he repeated.	Да, видно, сделал, подтвердил он себе.
"What are those you were reading?" Primitivo asked him.	- Что это ты там читаешь? - спросил его Примитиво.
"The documentation and the letters of that _requete_ we shot this morning.	- Тут письма и документы того requete, которого мы подстрелили сегодня утром.

Do you want to see it?"	Хочешь взглянуть?
"I can't read," Primitivo said. "Was there anything interesting?"	- Я не умею читать, - сказал Примитиво, - а есть что-нибудь интересное?
"No," Robert Jordan told him.	- Нет, - ответил ему Роберт Джордан.
"They are personal letters."	- Все личные письма.
"How are things going where he came from?	- А как дела там, откуда он?
Can you tell from the letters?"	Есть про это в письмах?
"They seem to be going all right," Robert Jordan said.	- Дела как будто ничего, - сказал Роберт Джордан.
"There are many losses in his town."	- Среди его земляков много убитых.

He looked down to where the blind for the automatic rifle had been changed a little and improved after the snow melted.	- Он поглядел на маскировку пулемета, которую пришлось немного переделать и подправить после того, как растаял снег.
It looked convincing enough. He looked off across the country.	Сейчас она выглядела довольно естественно, Он отвернулся и стал смотреть по сторонам.

"From what town is he?" Primitivo asked.	- Из какого он города? - спросил Примитиво.
"Tafalla," Robert Jordan told him.	- Из Тафальи.
All right, he said to himself.	Ладно, сказал он себе.

I'm sorry, if that does any good.	Я сожалею, если только от этого кому-нибудь легче.
It doesn't, he said to himself.	Едва ли, сказал он себе.
All right then, drop it, he said to himself.	Ладно, вот и прекрати это, сказал он себе.
All right, it's dropped.	Ладно, прекратил.
But it would not drop that easily.	Но прекратить было не так-то легко.
How many is that you have killed? he asked himself.	Скольких же ты всего убил за это время, спросил он себя.
I don't know.	Не знаю.
Do you think you have a right to kill any one?	А ты считаешь, что ты вправе убивать?
No.	Нет.

But I have to.	Но я должен.
How many of those you have killed have been real fascists?	Сколько из тех, кого ты убил, были настоящие фашисты?
Very few.	Очень немногие.
But they are all the enemy to whose force we are opposing force.	Но они все - неприятельские солдаты, а мы противопоставляем силу силе.
But you like the people of Navarra better than those of any other part of Spain.	Но наваррцы всегда нравились тебе больше всех остальных испанцев.
Yes.	Да.
And you kill them.	А ты вот убиваешь их.
Yes.	Да.

If you don't believe it go down there to the camp.	Не веришь - пойди к лагерю и посмотри.
Don't you know it is wrong to kill?	Ведь ты знаешь, что убивать нехорошо?
Yes.	Да.
But you do it?	И делаешь это?
Yes.	Да.
And you still believe absolutely that your cause is right?	И ты все еще абсолютно убежден, что стоишь за правое дело?
Yes.	Да.
It is right, he told himself, not reassuringly, but proudly.	Так нужно, сказал он себе, и не в утешение, а с гордостью.

I believe in the people and their right to govern themselves as they wish.	Я стою за народ и за его право выбирать тот образ правления, который ему угоден.
But you mustn't believe in killing, he told himself.	Но ты не должен стоять за убийства.

You must do it as a necessity but you must not believe in it.	Ты должен убивать, если это необходимо, но стоять за убийства ты не должен.
If you believe in it the whole thing is wrong.	Если ты стоишь за это, тогда все с самого начала неправильно.
But how many do you suppose you have killed?	Но скольких же ты всего убил, как ты думаешь?

I don't know because I won't keep track.	Не знаю, не хочу вспоминать.
But do you know?	Но ты знаешь?
Yes.	Да.
How many?	Скольких же?
You can't be sure how many.	Точно сказать нельзя.
Blowing the trains you kill many.	При взрыве эшелона убиваешь многих.
Very many.	Очень многих.
But you can't be sure.	Но точно сказать нельзя.
But of those you are sure of?	А про скольких ты знаешь точно?
More than twenty.	Больше двадцати.

And of those how many were real fascists?	И сколько из них было настоящих фашистов?
Two that I am sure of.	Наверняка могу сказать про двоих.
Because I had to shoot them when we took them prisoners at Usera.	Потому что этих мне пришлось расстрелять, когда мы захватили их в плен под Усерой.
And you did not mind that?	И тебе это не было противно?
No.	Нет.
Nor did you like it?	Но и приятно тоже не было?
No.	Нет.
I decided never to do it again.	Я решил никогда больше этого не делать.
I have avoided it.	Я избегал этого.

I have avoided killing those who are unarmed.	Я избегал убивать безоружных.
Listen, he told himself.	Слушай, сказал он себе.
You better cut this out.	Ты это лучше оставь.
This is very bad for you and for your work.	Это очень вредно для тебя и для твоей работы.
Then himself said back to him, You listen, see?	Тут он сам себе возразил: ты у меня смотри.
Because you are doing something very serious and I have to see you understand it all the time.	Ты делаешь важное дело, и нужно, чтоб ты все время все понимал.

I have to keep you straight in your head.	Я должен следить за тем, чтобы в голове у тебя все было ясно.

Because if you are not absolutely straight in your head you have no right to do the things you do for all of them are crimes and no man has a right to take another man's life unless it is to prevent something worse happening to other people.	Потому что, если у тебя не все ясно в голове, ты не имеешь права делать то, что ты делаешь, так как то, что ты делаешь, есть преступление, и никому не дано права отнимать у другого жизнь, если только это не делается ради того, чтобы помешать еще худшему злу.
So get it straight and do not lie to yourself.	А потому постарайся, чтоб все это было ясно у тебя в голове, и не обманывай себя.

But I won't keep a count of people I have killed as though it were a trophy record or a disgusting business like notches in a gun, he told himself.	Но я не желаю вести счет людям, которых я убил, как ведут список трофеев в виде какой-нибудь мерзости, вроде зарубок на прикладе, сказал он себе самому.
I have a right to not keep count and I have a right to forget them.	Я имею право не вести счет, и я имею право забыть.
No, himself said.	Нет, ответил он сам себе.
You have no right to forget anything.	Ты ничего не имеешь права забывать.

You have no right to shut your eyes to any of it nor any right to forget any of it nor to soften it nor to change it.	Ты не имеешь права закрывать глаза на что-либо и не имеешь права забывать что-либо, или смягчать что-либо, или искажать.
Shut up, he told himself.	Замолчи, сказал он себе самому.
You're getting awfully pompous.	Ты становишься слишком напыщенным.
Nor ever to deceive yourself about it, himself went on.	Или обманывать себя в чем-либо, продолжал он возражать сам себе.
All right, he told himself.	Ладно, сказал он себе самому.
Thanks for all the good advice and is it all right for me to love Maria?	Спасибо за добрые советы, ну, а Марию мне можно любить?

Yes, himself said.	Да, ответил он сам себе.
Even if there isn't supposed to be any such thing as love in a purely materialistic conception of society?	Даже если предположить, что в чисто материалистической концепции общества нет места таким вещам, как любовь?
Since when did you ever have any such conception? himself asked.	С каких это пор у тебя завелись такие концепции, спросил он сам себя.
Never.	Нет их у тебя.
And you never could have.	И быть не может.
You're not a real Marxist and you know it.	Ты не настоящий марксист, и ты это знаешь.

You believe in Liberty, Equality and Fraternity. You believe in Life, Liberty and the Pursuit of Happiness.	Ты просто веришь в Свободу, Равенство и Братство, Ты веришь в Жизнь, Свободу и Право на Счастье.
Don't ever kid yourself with too much dialectics.	И не вдавайся в диалектику.
They are for some but not for you.	Это для кого-нибудь, но не для тебя.
You have to know them in order not to be a sucker.	Ты должен знать это настолько, чтобы не быть сосунком.

You have put many things in abeyance to win a war.	Ты от многого временно отказался, для того чтобы выиграть войну.

If this war is lost all of those things are lost.	И если война будет проиграна, все это пропадет впустую.
But afterwards you can discard what you do not believe in.	Но потом ты сможешь отбросить то, во что ты не веришь.
There is plenty you do not believe in and plenty that you do believe in.	Есть немало такого, во что ты не веришь, и немало такого, во что ты веришь.
And another thing.	И еще одно.
Don't ever kid yourself about loving some one.	Никогда не потешайся над любовью.
It is just that most people are not lucky enough ever to have it.	Просто есть люди, которым так никогда и не выпадает счастья узнать, что это такое.

You never had it before and now you have it.	Ты тоже раньше не знал, а теперь узнал.
What you have with Maria, whether it lasts just through today and a part of tomorrow, or whether it lasts for a long life is the most important thing that can happen to a human being.	То, что у тебя с Марией, все равно, продлится ли это полтора дня или многие годы, останется самым главным, что только может случиться в жизни человека.
There will always be people who say it does not exist because they cannot have it.	Всегда будут люди, которые утверждают, что этого нет, потому что им не пришлось испытать что-либо подобное.

But I tell you it is true and that you have it and that you are lucky even if you die tomorrow.	Но я говорю тебе, что это существует и что ты это теперь узнал, и в этом твое счастье, даже если тебе придется умереть завтра.
Cut out the dying stuff, he said to himself.	Хватит разговоров о смерти, сказал он сам себе.
That's not the way we talk.	У нас таких разговоров не ведут.
That's the way our friends the anarchists talk.	Такие разговоры ведут наши друзья анархисты.
Whenever things get really bad they want to set fire to something and to die.	Как только становится совсем плохо, им всегда приходит на ум лишь одно: поджечь что-нибудь и умереть.
It's a very odd kind of mind they have.	Странный все-таки ход мыслей.

Very odd.	Очень странный.
Well, we're getting through today, old timer, he told himself.	Ну что ж, приятель, видно, сегодняшний день так и пройдет, сказал он сам себе.
It's nearly three o'clock now and there is going to be some food sooner or later.	Скоро три часа, недалеко и до обеда.
They are still shooting up at Sordo's, which means that they have him surrounded and are waiting to bring up more people, probably.	Там, у Глухого, все еще постреливают, значит, вернее всего, они окружили его и ждут подкрепления.

Though they have to make it before dark.	Хотя им ведь тоже надо торопиться, чтобы покончить до наступления темноты.
I wonder what it is like up at Sordo's.	Что все-таки делается там, у Глухого?
That's what we all have to expect, given enough time.	То же, что будет делаться и у нас, дайте только срок.

I imagine it is not too jovial up at Sordo's.	Думаю, что там сейчас не очень-то весело.
We certainly got Sordo into a fine jam with that horse business.	Мы здорово подвели его, Глухого, этой затеей с лошадьми.
How does it go in Spanish? _Un callejon sin salida_.	Как это говорится по-испански? Un callejon sin salida.

A passageway with no exit.	Тупик.
I suppose I could go through with it all right.	Мне кажется, я бы мог с этим справиться.
You only have to do it once and it is soon over with.	Взять да сделать, а дальше все очень просто.
But wouldn't it be luxury to fight in a war some time where, when you were surrounded, you could surrender? _Estamos copados_.	Но как приятно, должно быть, участвовать в такой войне, в которой можно сдаться, если тебя окружили. Estamos copados.
We are surrounded.	Мы окружены.
That was the great panic cry of this war.	Вот крик ужаса, который чаще всего слышится в эту войну.

Then the next thing was that you were shot; with nothing bad before if you were lucky.	За этим криком обычно следует расстрел; и если только расстрел, можно считать, что тебе повезло.
Sordo wouldn't be lucky that way.	Глухому так не повезет.
Neither would they when the time ever came.	Так же как и нам, если придет наш черед.
It was three o'clock.	Было ровно три часа.
Then he heard the far-off, distant throbbing and, looking up, he saw the planes.	Тут он услышал далекий, приглушенный гул и, подняв голову, увидел самолеты.
27	27
El Sordo was making his fight on a hilltop.	Эль Сордо принимал бой на вершине высокого холма.

He did not like this hill and when he saw it he thought it had the shape of a chancre.	Ему не очень нравился этот холм; когда он увидел его, то подумал, что он похож на шанкр.
But he had had no choice except this hill and he had picked it as far away as he could see it and galloped for it, the automatic rifle heavy on his back, the horse laboring, barrel heaving between his thighs, the sack of grenades swinging against one side, the sack of automatic rifle pans banging against the other, and Joaquin and Ignacio halting and firing, halting and firing to give him time to get the gun in place.	Но у него не было выбора, он высмотрел его еще издали и помчался к нему во весь опор, пригнувшись под тяжестью пулемета, мешок с гранатами на одном боку, мешок с дисками на другом, ствол пулемета колотил по спине напрягавшую все силы лошадь, а сзади скакали Игнасио и Хоакин, то и дело останавливаясь и стреляя, останавливаясь и стреляя, чтобы дать ему время добраться до места и установить пулемет.

There had still been snow then, the snow that had ruined them, and when his horse was hit so that he wheezed in a slow, jerking, climbing stagger up the last part of the crest, splattering the snow with a bright, pulsing jet, Sordo had hauled him along by the bridle, the reins over his shoulder as he climbed.	Тогда снег еще не сошел, тот самый снег, который погубил их, и когда в лошадь угодила пуля и она, тяжело, с присвистом дыша, в судорожных усилиях пыталась одолеть последний подъем, обрызгивая этот снег горячей, яркой струей, Глухой соскочил, перекинул повод через плечо и, карабкаясь сам, потащил лошадь за собой.

He climbed as hard as he could with the bullets spatting on the rocks, with the two sacks heavy on his shoulders, and then, holding the horse by the mane, had shot him quickly, expertly, and tenderly just where he had needed him, so that the horse pitched, head forward down to plug a gap between two rocks.	Он карабкался так быстро, как только мог с двумя тяжелыми мешками на плечах, среди сыпавшихся кругом пуль, и наконец, подтянув лошадь за гриву к себе, застрелил ее быстро, ловко и бережно, точно рассчитав место ее падения, так что она, рухнув головой вперед, завалила просвет между двумя скалами.

He had gotten the gun to firing over the horse's back and he fired two pans, the gun clattering, the empty shells pitching into the snow, the smell of burnt hair from the burnt hide where the hot muzzle rested, him firing at what came up to the hill, forcing them to scatter for cover, while all the time there was a chill in his back from not knowing what was behind him.	Потом он приладил сзади пулемет так, чтобы стрелять через спину лошади, и расстрелял два диска один за другим; пулемет трещал, пустые гильзы зарывались в снег, от шкуры, примятой накалившимся стволом, шел запах паленого волоса, а он все стрелял по каждому, кто бы ни показался на склоне холма, чтобы заставить их отступить, и по спине у него все время бежал холодок от того, что он не знал, что делается позади.

Once the last of the five men had reached the hilltop the chill went out of his back and he had saved the pans he had left until he would need them.	Когда последний из его пятерых людей взобрался на вершину холма, холодок исчез, и он прекратил огонь, чтобы поберечь оставшиеся диски.
There were two more horses dead along the slope and three more were dead here on the hilltop.	Еще две убитые лошади лежали на склоне и три - здесь, на вершине холма.
He had only succeeded in stealing three horses last night and one had bolted when they tried to mount him bareback in the corral at the camp when the first shooting had started.	Вчера им удалось увести трех лошадей, но одна сорвалась и убежала утром, когда кто-то хотел вскочить на нее без седла при первой тревоге в лагере.

Of the five men who had reached the hilltop three were wounded.	Из пятерых людей, добравшихся до вершины холма, трое были ранены.
Sordo was wounded in the calf of his leg and in two places in his left arm.	Глухому одна пуля попала в мякоть ноги и две в левую руку.
He was very thirsty, his wounds had stiffened, and one of the wounds in his left arm was very painful.	Его мучила жажда, раненая нога затекла, одна рана в руке нестерпимо ныла.
He also had a bad headache and as he lay waiting for the planes to come he thought of a joke in Spanish.	Кроме того, у него сильно болела голова, и, лежа в ожидании самолетов, он вспомнил испанскую шутку:

It was, "_Hay que tomar la muerte como si fuera aspirina_," which means,	"Hay que tomar la muerte como si fuera aspirina", что означает:
"You will have to take death as an aspirin."	"Смерть нужно принимать, как таблетку аспирина".
But he did not make the joke aloud.	Но вслух он эту шутку не повторил.
He grinned somewhere inside the pain in his head and inside the nausea that came whenever he moved his arm and looked around at what there was left of his band.	Он усмехнулся где-то внутри сковывавшей голову боли, внутри тошноты, подступавшей к горлу, едва он шевелил рукой или оглядывался на то, что осталось от его отряда.
The five men were spread out like the points of a five-pointed star.	Все пятеро расположились на вершине, как зубцы пятиконечной звезды.

They had dug with their knees and hands and made mounds in front of their heads and shoulders with the dirt and piles of stones.	Коленями и руками они рыли землю и делали из глины и камней бугорки, за которыми можно было спрятать голову и плечи.
Using this cover, they were linking the individual mounds up with stones and dirt.	Потом, пользуясь этим прикрытием, они принялись соединять отдельные бугорки вместе.
Joaquin, who was eighteen years old, had a steel helmet that he dug with and he passed dirt in it.	У восемнадцатилетнего Хоакина был стальной шлем, которым он рыл землю и набирал ее, чтобы передавать другим.

He had gotten this helmet at the blowing up of the train.	Этот шлем достался ему, когда взрывали эшелон.
It had a bullet hole through it and every one had always joked at him for keeping it.	Он был продырявлен пулей, и все смеялись над Хоакином за то, что он не бросил его.
But he had hammered the jagged edges of the bullet hole smooth and driven a wooden plug into it and then cut the plug off and smoothed it even with the metal inside the helmet.	Но Хоакин молотком разровнял зазубренные края отверстия, потом вогнал в него деревянную пробку и отрезал торчавший кусок вровень с поверхностью шлема.

When the shooting started he had clapped this helmet on his head so hard it banged his head as though he had been hit with a casserole and, in the last lung-aching, leg-dead, mouth-dry, bulletspatting, bullet-cracking, bullet- singing run up the final slope of the hill after his horse was killed, the helmet had seemed to weigh a great amount and to ring his bursting forehead with an iron band.	Когда началась стрельба, он с размаху нахлобучил шлем на голову с такой силой, что в голове у него зазвенело, как от удара медной кастрюлей, и потом, когда лошадь под ним была убита, в этом последнем, свистом пуль, треском пуль, пеньем пуль подгоняемом беге, от которого сохло во рту, подгибались колени и перехватывало дыхание в груди, шлем давил его невероятной тяжестью и точно железным обручем стягивал готовый расколоться лоб.
But he had kept it.	Но он его не сбросил.

Now he dug with it in a steady, almost machinelike desperation.	И теперь рыл им землю, работая с исступленным упорством автомата.
He had not yet been hit.	Он еще не был ранен.
"It serves for something finally," Sordo said to him in his deep, throaty voice.	- Пригодился-таки наконец, - сказал ему Глухой своим низким, сиплова-тым голосом.
"_Resistir y fortificar es vencer_," Joaquin said, his mouth stiff with the dryness of fear which surpassed the normal thirst of battle.	- Resistir y fortificar es veneer, - сказал Хоакин, с трудом ворочая языком во рту, пересохшем больше от страха, чем от обычной в бою жажды.

It was one of the slogans of the Communist party and it meant, "Hold out and fortify, and you will win."	Это был один из лозунгов Испанской коммунистической партии, и значил он: сопротивляйся и укрепляйся, и ты победишь.
Sordo looked away and down the slope at where a cavalryman was sniping from behind a boulder.	Глухой отвернулся и глянул вниз, где один из кавалеристов, укрывшись за большим валуном, готовился открыть огонь.
He was very fond of this boy and he was in no mood for slogans.	Глухой очень любил мальчика, но ему сейчас было не до лозунгов.
"What did you say?"	- Что ты такое сказал?

One of the men turned from the building that he was doing.	Один из партизан повернул голову от сооружения, которое возводил.

This man was lying flat on his face, reaching carefully up with his hands to put a rock in place while keeping his chin flat against the ground.	Он лежал все время ничком и, не поднимая подбородка с земли, осторожно укладывал камни.
Joaquin repeated the slogan in his dried-up boy's voice without checking his digging for a moment.	Хоакин, не отрываясь от работы, повторил лозунг своим ломающимся мальчишеским голосом.
"What was the last word?" the man with his chin on the ground asked.	- Какое последнее слово? - переспросил партизан, не поднимавший подбородка с земли.

"_Vencer_," the boy said.	- Veneer, - сказал мальчик.
"Win."	- Победишь.
"_Mierda_," the man with his chin on the ground said.	- Mierda, - сказал партизан, не поднимавший подбородка с земли.
"There is another that applies to here," Joaquin said, bringing them out as though they were talismans,	- Есть еще один, который к нам подходит, - сказал Хоакин, выкладывая лозунги так, как будто это были талисманы.
"Pasionaria says it is better to die on your feet than to live on your knees."	- Пасионария говорит: лучше умереть стоя, чем жить на коленях.
"_Mierda_ again," the man said and another man said, over his shoulder,	- И все равно mierda, - сказал тот, а другой партизан бросил через плечо:

"We're on our bellies, not our knees."	- А мы не на коленях, а на брюхе.
"Thou. Communist.	- Эй, ты, коммунист!
Do you know your Pasionaria has a son thy age in Russia since the start of the movement?"	А ты знаешь, что у твоей Пасионарии сын, такой, как ты, в России с самого начала движения?
"It's a lie," Joaquin said.	- Это неправда, - сказал Хоакин.
"_Que va_, it's a lie," the other said.	- Que va, неправда, - сказал партизан.
"The dynamiter with the rare name told me.	- Мне это говорил динамитчик, которого так по-чудному звали.
He was of thy party, too.	Он был той же партии, что и ты.
Why should he lie?"	Чего ему врать.

"It's a lie," Joaquin said.	- Это неправда, - сказал Хоакин.
"She would not do such a thing as keep a son hidden in Russia out of the war."	- Не станет она прятать сына в России от войны.
"I wish I were in Russia," another of Sordo's men said.	- Хотел бы я сейчас быть в России, - сказал другой партизан из отряда Глухого.
"Will not thy Pasionaria send me now from here to Russia, Communist?"	- Может, твоя Пасионария и меня послала бы в Россию, а, коммунист?
"If thou believest so much in thy Pasionaria, get her to get us off this hill," one of the men who had a bandaged thigh said.	- Если ты так веришь в свою Пасионарию, попроси ее, чтоб она нас сейчас убрала с этого холма, - сказал третий, с перевязанным бедром.

"The fascists will do that," the man with his chin in the dirt said.	- Тебя фашисты уберут, не беспокойся, - сказал тот, который не поднимал подбородка с земли.
"Do not speak thus," Joaquin said to him.	- Не надо так говорить, - сказал Хоакин.

"Wipe the pap of your mother's breasts off thy lips and give me a hatful of that dirt," the man with his chin on the ground said.	- Оботри материнское молоко с губ и подай мне земли в своей шляпе, - сказал партизан, не поднимавший подбородка.
"No one of us will see the sun go down this night."	- Никому из нас не увидать сегодня, как зайдет солнце.
El Sordo was thinking: It is shaped like a chancre.	Глухой думал: этот холм похож на шанкр.

Or the breast of a young girl with no nipple.	Или на грудь молоденькой девушки с плоским соском.
Or the top cone of a volcano.	Или на вершину вулкана.
You have never seen a volcano, he thought.	А разве ты видал вулкан, подумал он.
Nor will you ever see one.	Не видал и никогда не увидишь.
And this hill is like a chancre.	А этот холм похож просто на шанкр.
Let the volcanos alone.	И оставь вулканы в покое.
It's late now for the volcanos.	Поздно уже теперь думать о вулканах.

He looked very carefully around the withers of the dead horse and there was a quick hammering of firing from behind a boulder well down the slope and he heard the bullets from the submachine gun thud into the horse.	Он очень осторожно выглянул из-за холки убитой лошади, и сейчас же внизу, у самого подножия холма, за валуном застрекотал пулемет и пули с глухим стуком ткнулись в лошадиное брюхо.
He crawled along behind the horse and looked out of the angle between the horse's hindquarters and the rock.	Он отполз в сторону и выглянул в клинообразный просвет между крупом лошади и скалой.

There were three bodies on the slope just below him where they had fallen when the fascists had rushed the crest under cover of the automatic rifle and submachine gunfire and he and the others had broken down the attack by throwing and rolling down hand grenades.	Три мертвых тела лежали на склоне почти у вершины, там, где они упали, когда фашисты под прикрытием пулеметного огня пошли было на приступ, но Глухой и его товарищи отбросили их назад, швыряя и скатывая навстречу ручные гранаты.
There were other bodies that he could not see on the other sides of the hill crest.	Убитых было больше, но остальных он не мог видеть с этой стороны холма.

There was no dead ground by which attackers could approach the summit and Sordo knew that as long as his ammunition and grenades held out and he had as many as four men they could not get him out of there unless they brought up a trench mortar.	Кругом не было такого защищенного пространства, через которое атакующие могли бы добраться до вершины, и Г лухой знал, что, пока у него есть четверо бойцов и достаточно патронов и гранат, его отсюда не снимут, разве что притащат миномет.
He did not know whether they had sent to La Granja for a trench mortar.	Он не знал, может быть, они и послали в Ла-Гранху за минометом.

Perhaps they had not, because surely, soon, the planes would come. It had been four hours since the observation plane had flown over them.	А может быть, и нет, потому что скоро все равно прилетят самолеты, Вот уже четыре часа, как над ними прошел разведчик.
This hill is truly like a chancre, Sordo thought, and we are the very pus of it.	Этот холм и в самом деле похож на шанкр, подумал Эль Сордо.
But we killed many when they made that stupidness.	Но мы немало их перебили, когда они сдуру полезли напрямик.

How could they think that they would take us thus?	Как можно было рассчитывать взять нас так?

They have such modern armament that they lose all their sense with overconfidence.	Знают, что вооружение у них новейшее, вот и решили, что больше и думать не о чем.
He had killed the young officer who had led the assault with a grenade that had gone bouncing and rolling down the slope as they came up it, running, bent half over.	Молодой офицер, командовавший штурмом, погиб от гранаты, которая покатилась, подскакивая и перевертываясь, прямо навстречу фашистам, бежавшим, пригнув голову, вверх по склону.
In the yellow flash and gray roar of smoke he had seen the officer dive forward to where he lay now like a heavy, broken bundle of old clothing marking the farthest point that the assault had reached.	В желтой вспышке и сером ревущем облаке дыма он видел, как офицер рухнул там, где он лежит и сейчас, точно брошенный тяжелый узел старого тряпья, и дальше этого места никто из штурмовавших не дошел.

Sordo looked at this body and then, down the hill, at the others.	Глухой поглядел на тело, потом перевел глаза ниже, на другие тела.
They are brave but stupid people, he thought.	Они храбрые, но дураки, думал он.
But they have sense enough now not to attack us again until the planes come.	Впрочем, теперь уже смекнули, больше не идут на приступ, ждут самолетов.
Unless, of course, they have a mortar coming.	А может быть, миномета.
It would be easy with a mortar.	Лучше, если миномет.

The mortar was the normal thing and he knew that they would die as soon as a mortar came up, but when he thought of the planes coming up he felt as naked on that hilltop as though all of his clothing and even his skin had been removed.	Он знал, что, как только установят миномет, они все погибли, но миномет - это было естественно и просто, а думая о самолетах, он чувствовал себя так, как будто с него сняли одежду и даже кожу и он сидел здесь, на холме, совершенно голый.
There is no nakeder thing than I feel, he thought.	Голее уж быть нельзя, думал он.
A flayed rabbit is as well covered as a bear in comparison.	Освежеванный заяц по сравнению с этим защищен, как медведь.
But why should they bring planes?	И зачем им самолеты?

They could get us out of here with a trench mortar easily.	Гораздо проще покончить с нами при помощи миномета.
They are proud of their planes, though, and they will probably bring them.	Но они гордятся своими самолетами и потому непременно дождутся их.
Just as they were so proud of their automatic weapons that they made that stupidness.	Вот так же они гордятся своим автоматическим оружием и потому так глупо полезли напрямик.
But undoubtedly they must have sent for a mortar too.	Но и за минометом они, наверно, тоже послали.
One of the men fired.	Один из партизан выстрелил.
Then jerked the bolt and fired again, quickly.	Потом щелкнул затвором и торопливо выстрелил еще раз.

"Save thy cartridges," Sordo said.	- Береги патроны, - сказал Глухой.
"One of the sons of the great whore tried to reach that boulder," the man pointed.	- Один сын распоследней шлюхи полез вон на тот камень, - он указал пальцем.

"Did you hit him?" Sordo asked, turning his head with difficulty.	-Ты попал в него? - спросил Глухой, с трудом повернув голову.
"Nay," the man said.	- Нет, - сказал тот.
"The fornicator ducked back."	- Выродок нырнул обратно.
"Who is a whore of whores is Pilar," the man with his chin in the dirt said.	- Вот кто шлюха из шлюх, так это Пилар, - сказал человек, не поднимавший с земли подбородка.

"That whore knows we are dying here."	- Ведь знает, шлюха, что нам здесь конец приходит.
"She could do no good," Sordo said.	- Пилар ничего сделать не может, - сказал Глухой.
The man had spoken on the side of his good ear and he had heard him without turning his head.	Говоривший лежал со стороны его здорового уха, и он расслышал, не поворачивая головы.
"What could she do?"	Что она может сделать?
"Take these sluts from the rear."	- Ударить на это дурачье сзади.
"_Que va_," Sordo said.	- Que va, - сказал Глухой.
"They are spread around a hillside.	- Они рассыпаны по всему склону.

How would she come on them?	Как она может на них ударить?
There are a hundred and fifty of them.	Их тут сотни полторы.
Maybe more now."	Может быть, и больше.
"But if we hold out until dark," Joaquin said.	- Если бы мы могли продержаться до ночи, -сказал Хоакин.
"And if Christmas comes on Easter," the man with his chin on the ground said.	- Если б рождество да пришло на пасху, - сказал тот, кто не поднимал подбородка с земли.
"And if thy aunt had _cojones_ she would be thy uncle," another said to him.	- Если б у твоей тетки было под юбкой кое-что иное, так она была бы не тетка, а дядя, - сказал другой партизан.
"Send for thy Pasionaria.	- Позови свою Пасионарию.

She alone can help us."	Она одна может нам помочь.
"I do not believe that about the son," Joaquin said.	-Я не верю про ее сына, - сказал Хоакин.
"Or if he is there he is training to be an aviator or something of that sort."	- А если он там, значит, учится, чтобы стать летчиком или еще кем-нибудь.
"He is hidden there for safety," the man told him.	- Просто спрятан подальше от опасности, - сказал партизан.
"He is studying dialectics.	- Диалектику изучает.
Thy Pasionaria has been there.	Твоя Пасионария тоже там побывала.
So have Lister and Modesto and others.	И Листер, и Модесто, и все они.

The one with the rare name told me."	Мне динамитчик рассказывал, тот, которого звали по-чудному.
"That they should go to study and return to aid us," Joaquin said.	- Пусть учатся, а потом приедут и будут помогать нам, - сказал Хоакин.

"That they should aid us now," another man said. "That all the cruts of Russian sucking swindlers should aid us now."	- Пусть сейчас помогают, - сказал другой партизан.
He fired and said, "_Me cago en tal_; I missed him again."	Он выстрелил и сказал: - Me cago en tal. Опять не попал.
"Save thy cartridges and do not talk so much or thou wilt be very thirsty," Sordo said.	- Береги патроны и не болтай столько, а то пить захочется, - сказал Глухой.

"There is no water on this hill."	- Тут воды достать неоткуда.
"Take this," the man said and rolling on his side he pulled a wineskin that he wore slung from his shoulder over his head and handed it to Sordo.	- На, - сказал партизан и, перевернувшись на бок, снял через голову веревку, которой был привязан у него на спине мех с вином, и протянул его Глухому.
"Wash thy mouth out, old one.	- Прополощи рот, старик.
Thou must have much thirst with thy wounds."	Тебя, верно, жажда мучит от раны.
"Let all take it," Sordo said.	- Дай всем понемногу, - сказал Глухой.

"Then I will have some first," the owner said and squirted a long stream into his mouth before he handed the leather bottle around.	- Ну, тогда я начну с себя, - сказал хозяин меха и длинной струей плеснул себе в рот вина, прежде чем передать мех другим.
"Sordo, when thinkest thou the planes will come?" the man with his chin in the dirt asked.	- Г лухой, как по-твоему, когда надо ждать самолеты? - спросил тот, который не поднимал подбородка.
"Any time," said Sordo.	- С минуты на минуту, - сказал Глухой.
"They should have come before."	- Им уже давно пора быть здесь.

"Do you think these sons of the great whore will attack again?"	- А ты думаешь, эти сукины сыны еще пойдут на приступ?
"Only if the planes do not come."	- Только если самолеты не прилетят.
He did not think there was any need to speak about the mortar.	Он решил, что про миномет говорить не стоит.
They would know it soon enough when the mortar came.	Успеют узнать, когда он будет здесь.
"God knows they've enough planes with what we saw yesterday."	- Самолетов у них, слава богу, хватает. Вспомни, сколько мы вчера видели.
"Too many," Sordo said.	- Слишком много, - сказал Глухой.

His head hurt very much and his arm was stiffening so that the pain of moving it was almost unbearable.	У него сильно болела голова, а рука онемела, и шевелить ею было нестерпимо мучительно.
He looked up at the bright, high, blue early summer sky as he raised the leather wine bottle with his good arm.	Поднимая здоровой рукой мех с вином, он глянул в высокое, яркое, уже по-летнему голубое небо.
He was fifty-two years old and he was sure this was the last time he would see that sky.	Ему было пятьдесят, два года, и он твердо знал, что видит небо последний раз.

He was not at all afraid of dying but he was angry at being trapped on this hill which was only utilizable as a place to die.	Он ничуть не боялся смерти, но ему было досадно, что он попался в ловушку на этом холме, пригодном только для того, чтоб здесь умереть.

If we could have gotten clear, he thought.	Если б мы тогда пробились, подумал он.
If we could have made them come up the long valley or if we could have broken loose across the road it would have been all right.	Если бы мы смогли заманить их в долину или сами прорваться на дорогу, все бы обошлось.
But this chancre of a hill.	Но этот проклятый холм.

We must use it as well as we can and we have used it very well so far.	Ну что ж, надо по возможности использовать его; до сих пор мы его, кажется, неплохо использовали.
If he had known how many men in history have had to use a hill to die on it would not have cheered him any for, in the moment he was passing through, men are not impressed by what has happened to other men in similar circumstances any more than a widow of one day is helped by the knowledge that other loved husbands have died.	Если б даже он знал, сколько раз в истории человечества людям приходилось использовать высоту только для того, чтобы там умереть, это ему едва ли послужило бы утешением, потому что в такие минуты человек не думает о том, каково приходилось другим в его положении, и женщине, вчера лишь овдовевшей, не легче от мысли, что еще у кого-то погиб любимый муж.

Whether one has fear of it or not, one's death is difficult to accept.	Боишься ты смерти или нет, примириться с ней всегда трудно.
Sordo had accepted it but there was no sweetness in its acceptance even at fifty-two, with three wounds and him surrounded on a hill.	Глухой примирился, но просветленности не было в его примирении, несмотря даже на пятьдесят два года, три раны и сознание, что он окружен.
He joked about it to himself but he looked at the sky and at the far mountains and he swallowed the wine and he did not want it.	Мысленно он подсмеивался над собой, но он смотрел в небо и на дальние горы и глотал вино, и ему не хотелось умирать.
If one must die, he thought, and clearly one must, I can die.	Если надо умереть, думал он, - а умереть надо, - я готов умереть.
But I hate it.	Но не хочется.

Dying was nothing and he had no picture of it nor fear of it in his mind.	Умереть - это слово не значило ничего, оно не вызывало никакой картины перед глазами и не внушало страха.
But living was a field of grain blowing in the wind on the side of a hill.	Но жить - это значило нива, колеблющаяся под ветром на склоне холма.
Living was a hawk in the sky.	Жить - значило ястреб в небе.
Living was an earthen jar of water in the dust of the threshing with the grain flailed out and the chaff blowing.	Жить - значило глиняный кувшин с водой после молотьбы, когда на гумне стоит пыль и мякина разлетается во все стороны.

Living was a horse between your legs and a carbine under one leg and a hill and a valley and a stream with trees along it and the far side of the valley and the hills beyond.	Жить - значило крутые лошадиные бока, сжатые шенкелями, и карабин поперек седла, и холм, и долина, и река, и деревья вдоль берега, и дальний конец долины, и горы позади.
Sordo passed the wine bottle back and nodded his head in thanks.	Глухой передал дальше мех с вином и кивнул в знак благодарности.
He leaned forward and patted the dead horse on the shoulder where the muzzle of the automatic rifle had burned the hide.	Он наклонился вперед и похлопал убитую лошадь по спине в том месте, где ствол пулемета подпалил шкуру.
He could still smell the burnt hair.	Запах паленого волоса чувствовался еще и сейчас.

He thought how he had held the horse there, trembling, with the fire around them, whispering and cracking, over and around them like a curtain, and had carefully shot him just at the intersection of the cross-lines between the two eyes and the ears.	Он вспомнил, как он остановил лошадь здесь, как она дрожала, как свистели и щелкали пули вокруг них, справа, слева, со всех сторон, точно завеса, и как он застрелил ее, безошибочно выстрелив в точку пересечения прямых, идущих от глаз к ушам.
Then as the horse pitched down he had dropped down behind his warm, wet back to get the gun to going as they came up the hill.	Потом, когда лошадь рухнула на землю, он припал сзади к ее теплой, мокрой спине, спеша наладить пулемет, потому что те уже шли на приступ.

"_Eras mucho caballo_," he said, meaning, "Thou wert plenty of horse."	- Eras mucho caballo, - сказал он, что значило: хороший ты был конь!
El Sordo lay now on his good side and looked up at the sky.	Теперь Глухой лежал на здоровом боку и смотрел в небо.
He was lying on a heap of empty cartridge hulls but his head was protected by the rock and his body lay in the lee of the horse.	Он лежал на куче пустых гильз, голова его была защищена скалой, а тело - трупом убитой лошади.
His wounds had stiffened badly and he had much pain and he felt too tired to move.	Раненые нога и рука затекли и очень болели, но от усталости ему не хотелось двигаться.
"What passes with thee, old one?" the man next to him asked.	- Ты что, старик? - спросил партизан, лежавший ближе других.

"Nothing.	- Ничего.
I am taking a little rest."	Отдыхаю.
"Sleep," the other said. "_They_ will wake us when they come."	- Спи, - сказал тот. - Они разбудят, когда придут.
Just then some one shouted from down the slope.	И тут снизу донесся чей-то голос.
"Listen, bandits!" the voice came from behind the rocks where the closest automatic rifle was placed.	- Эй, вы, бандиты! - кричали из-за скалы, где был установлен ближайший к ним пулемет.
"Surrender now before the planes blow you to pieces."	- Сдавайтесь, пока самолеты не разнесли вас в клочья.
"What is it he says?" Sordo asked.	- Что он там говорит? - спросил Глухой.

Joaquin told him.	Хоакин повторил ему.
Sordo rolled to one side and pulled himself up so that he was crouched behind the gun again.	Глухой отполз немного, приподнялся и снова прилег у пулемета.
"Maybe the planes aren't coming," he said.	- Самолеты, может, и не прилетят, - сказал он.
"Don't answer them and do not fire.	- Не отвечайте и не стреляйте.
Maybe we can get them to attack again."	Может, они опять пойдут на приступ.
"If we should insult them a little?" the man who had spoken to Joaquin about La Pasionaria's son in Russia asked.	- А то давай обругаем их как следует, - сказал тот, который говорил про сына Пасионарии.
"No," Sordo said.	- Нет, - сказал Глухой.

"Give me thy big pistol.	- Дай мне твой большой пистолет.
Who has a big pistol?"	У кого есть большой пистолет?

"Here."	- Вот, у меня.
"Give it to me."	- Давай сюда!
Crouched on his knees he took the big 9 mm. Star and fired one shot into the ground beside the dead horse, waited, then fired again four times at irregular intervals.	- Привстав на колени, он взял большой девятимиллиметровый "стар" и выстрелил в землю возле убитой лошади, потом подождал и выстрелил еще четыре раза, через разные промежутки времени.

Then he waited while he counted sixty and then fired a final shot directly into the body of the dead horse.	Потом сосчитал до шести- десяти и сделал последний выстрел - уже прямо в уби- тую лошадь.
He grinned and handed back the pistol.	Он усмехнулся и вернул пи- столет его хозяину.
"Reload it," he whispered, "and that every one should keep his mouth shut and no one shoot."	- Заряди, - сказал он шепо- том, - и пусть все молчат и никто не стреляет.
"_Bandidos!_" the voice shouted from behind the rocks.	- Bandidos! - крикнул голос из-за скалы внизу.

No one spoke on the hill.	На холме было тихо.
"_Bandidos!_ Surrender now before we blow thee to little pieces."	-Bandidos! Сдавайтесь, пока вас не разнесли в клочья!
"They're biting," Sordo whispered happily.	- Клюет, - весело шепнул Глухой.
As he watched, a man showed his head over the top of the rocks.	Он подождал еще, и наконец из-за скалы показалась голова.
There was no shot from the hilltop and the head went down again.	С холма не стреляли, и голова спряталась обратно.

El Sordo waited, watching, but nothing more happened.	Глухой ждал, наблюдая, но больше ничего не произошло.
He turned his head and looked at the others who were all watching down their sectors of the slope.	Он оглянулся на остальных, наблюдавших тоже, каждый со своей стороны.
As he looked at them the others shook their heads.	Увидя, что он смотрит, все покачали головой.
"Let no one move," he whispered.	- Никто не шевелись, - шепнул он.
"Sons of the great whore," the voice came now from behind the rocks again.	- Сыновья последней шлюхи! - крикнул опять голос из-за скалы.

"Red swine. Mother rapers. Eaters of the milk of thy fathers."	- Красная сволочь!
Sordo grinned.	Глухой усмехнулся.
He could just hear the bellowed insults by turning his good ear.	Он лежал, повернувшись к склону здоровым ухом, и бранные выкрики долетали до него.
This is better than the aspirin, he thought.	Это получше аспирина, подумал он.
How many will we get?	Сколько же нам достанется?
Can they be that foolish?	Неужели они такие дураки?

The voice had stopped again and for three minutes they heard nothing and saw no movement.	Голос опять умолк, и минуты три они ничего не слышали и не замечали никакого движения.
Then the sniper behind the boulder a hundred yards down the slope exposed himself and fired.	Потом снайпер, сидевший за валуном в сотне ярдов вниз по склону, высунулся и выстрелил.

The bullet hit a rock and ricocheted with a sharp whine.	Пуля ударилась в скалу и отскочила с резким визгом.

Then Sordo saw a man, bent double, run from the shelter of the rocks where the automatic rifle was across the open ground to the big boulder behind which the sniper was hidden.	Потом Глухой увидел, как от прикрытия, за которым был установлен пулемет, отделился человек и, согнувшись чуть не вдвое, перебежал к валуну, где прятался снайпер.
He almost dove behind the boulder.	Он нырнул в яму за валуном и исчез из виду.
Sordo looked around.	Глухой оглянулся.
They signalled to him that there was no movement on the other slopes.	Ему знаками показали, что с других сторон движения не заметно.
El Sordo grinned happily and shook his head.	Глухой весело усмехнулся и покачал головой.

This is ten times better than the aspirin, he thought, and he waited, as happy as only a hunter can be happy.	Да, это куда лучше аспирина, подумал он и продолжал выжидать, испытывая радость, понятную только охотнику.
Below on the slope the man who had run from the pile of stones to the shelter of the boulder was speaking to the sniper.	Внизу за валуном человек, который только что прибежал, говорил снайперу:
"Do you believe it?"	-Ты как думаешь?
"I don't know," the sniper said.	- Не знаю, - сказал снайпер.
"It would be logical," the man, who was the officer in command, said.	- Это вполне вероятно, - сказал прибежавший; он был офицер и командовал этой частью.

"They are surrounded.	- Они окружены.
They have nothing to expect but to die."	Им нечего ждать, кроме смерти.
The sniper said nothing. "What do you think?" the officer asked. "Nothing," the sniper said.	Снайпер промолчал.
"Have you seen any movement since the shots?"	- Ты замечал какое-ни-будь движение после выстрелов?
"None at all."	- Нет.
The officer looked at his wrist watch.	Офицер посмотрел на свои ручные часы.
It was ten minutes to three o'clock.	Было без десяти три.

"The planes should have come an hour ago," he said.	- Самолетам уже час, как пора быть здесь, - сказал он.
Just then another officer flopped in behind the boulder.	И тут в яму за валуном спрыгнул еще один офицер.
The sniper moved over to make room for him.	Снайпер подвинулся, чтоб дать ему место.
"Thou, Paco," the first officer said.	- Ты, Пако, - сказал первый офицер.
"How does it seem to thee?"	- Что ты на это скажешь?
The second officer was breathing heavily from his sprint up and across the hillside from the automatic rifle position.	Второй офицер не мог отдышаться после бега вверх по крутому склону.

"For me it is a trick," he said.	- По-моему, это уловка, - сказал он.

"But if it is not?	- А если нет?
What a ridicule we make waiting here and laying siege to dead men."	Подумай, какого дурака мы валяем, держа в осаде компанию мертвецов.
"We have done something worse than ridiculous already," the second officer said.	- Мы сегодня хуже дурака сваляли, - сказал второй офицер.
"Look at that slope."	- Посмотри на этот склон.
He looked up the slope to where the dead were scattered close to the top.	Он поднял голову и посмотрел на склон, весь усеянный мертвыми телами.

From where he looked the line of the hilltop showed the scattered rocks, the belly, projecting legs, shod hooves jutting out, of Sordo's horse, and the fresh dirt thrown up by the digging.	С того места, откуда он смотрел, на вершине холма видны были только выступы скал, брюхо и торчащие копытами вперед ноги лошади и кучи свежей земли, выброшенной при копке.
"What about the mortars?" asked the second officer.	- А минометы как? - спросил второй офицер.
"They should be here in an hour.	- Должны быть здесь через час.
If not before."	Может быть, раньше.
"Then wait for them.	- Тогда подождем.

There has been enough stupidity already."	Довольно уже наделали глупостей.
"_Bandidos!_" the first officer shouted suddenly, getting to his feet and putting his head well up above the boulder so that the crest of the hill looked much closer as he stood upright.	-Bandidos!- закричал вдруг первый офицер, вскакивая на ноги и высовывая голову из-за валуна, отчего вершина холма сразу придвинулась ближе.
"Red swine!	- Красная сволочь!
Cowards!"	Трусы!
The second officer looked at the sniper and shook his head.	Второй офицер взглянул на снайпера и покачал головой.
The sniper looked away but his lips tightened.	Снайпер смотрел в сторону, но губы у него сжались плотнее.

The first officer stood there, his head all clear of the rock and with his hand on his pistol butt.	Первый офицер продолжал стоять, высоко подняв голову над валуном, держа руку на рукоятке револьвера.
He cursed and vilified the hilltop.	Он, не умолкая, сыпал бранью и оскорблениями.
Nothing happened.	Но на вершине холма было тихо.
Then he stepped clear of the boulder and stood there looking up the hill.	Тогда он вышел из-за валуна и выпрямился во весь рост на открытом месте лицом к вершине.
"Fire, cowards, if you are alive," he shouted.	- Стреляйте, трусы, если вы живы! - закричал он.

"Fire on one who has no fear of any Red that ever came out of the belly of the great whore."	- Стреляйте в человека, который не боится никаких красных, сколько б их там ни вышло из брюха последней шлюхи.
This last was quite a long sentence to shout and the officer's face was red and congested as he finished.	Такую длинную фразу было довольно трудно прокричать, и у офицера лицо стало совсем багровое и жилы вздулись на лбу.

The second officer, who was a thin sunburned man with quiet eyes, a thin, long-lipped mouth and a stubble of beard over his hollow cheeks, shook his head again.	Второй офицер - это был худой, загорелый лейтенант со спокойным взглядом, с большим тонкогубым ртом и небритой щетиной на впалых щеках - опять покачал головой.
It was this officer who was shouting who had ordered the first assault.	Неудавшаяся попытка штурма была предпринята по приказу того самого офицера, который теперь выкрикивал ругательства.

The young lieutenant who was dead up the slope had been the best friend of this other lieutenant who was named Paco Berrendo and who was listening to the shouting of the captain, who was obviously in a state of exaltation.	Молодой лейтенант, лежавший мертвым на склоне холма, был лучшим другом лейтенанта Пако Беррендо, прислушивавшегося к выкрикам капитана, который все больше входил в азарт.
"Those are the swine who shot my sister and my mother," the captain said.	- Это та самая сволочь, которая расстреляла мою мать и сестру, - сказал капитан.

He had a red face and a blond, British-looking moustache and there was something wrong about his eyes.	У него было красное лицо и рыжеватые, совсем английские усики, и что-то у него было неладно с глазами.
They were a light blue and the lashes were light, too.	Они были светло-голубые, ресницы тоже были светлые.
As you looked at them they seemed to focus slowly.	Если смотреть прямо в эти глаза, казалось, что они никак не могут сосредоточиться на одной точке.
Then "Reds," he shouted.	- Красные! - закричал капитан.
"Cowards!" and commenced cursing again.	- Трусы! - И снова начал ругаться.

He stood absolutely clear now and, sighting carefully, fired his pistol at the only target that the hilltop presented: the dead horse that had belonged to Sordo.	Стоя на открытом, ничем не защищенном месте, он тщательно прицелился и выстрелил из револьвера в единственную мишень, видную на вершине холма, - в убитую лошадь Глухого.
The bullet threw up a puff of dirt fifteen yards below the horse.	Пуля взрыла маленький фонтан земли, не долетев ярдов пятнадцати до цели.
The captain fired again.	Капитан выстрелил еще раз.
The bullet hit a rock and sung off.	Пуля ударилась о скалу и отскочила, жужжа.
The captain stood there looking at the hilltop.	Капитан все стоял и смотрел на вершину холма.

The Lieutenant Berrendo was looking at the body of the other lieutenant just below the summit.	Лейтенант Беррендо смотрел на тело другого лейтенанта, лежавшее у вершины.
The sniper was looking at the ground under his eyes.	Снайпер смотрел себе под ноги.
Then he looked up at the captain.	Потом он поднял голову и посмотрел на капитана.
"There is no one alive up there," the captain said.	-Там нет ни одного живого, - сказал капитан.
"Thou," he said to the sniper, "go up there and see."	- Ты! - сказал он снайперу. - Ступай наверх и посмотри.

The sniper looked down.	Снайпер снова опустил голову.
He said nothing.	Он ничего не говорил.
"Don't you hear me?" the captain shouted at him.	-Ты что, не слышишь? - закричал капитан.

"Yes, my captain," the sniper said, not looking at him.	- Слышу, господин капитан, - ответил снайпер, не глядя на него.
"Then get up and go."	-Так вставай и иди.
The captain still had his pistol out.	- Капитан еще держал револьвер в руке.
"Do you hear me?"	- Слышишь?
"Yes, my captain."	- Слышу, господин капитан.

"Why don't you go, then?"	-Так почему же ты не идешь?
"I don't want to, my captain."	-Я не хочу, господин капитан.
"You don't _want_ to?"	-Ты не хочешь?
The captain pushed the pistol against the small of the man's back.	- Капитан приставил револьвер снайперу к пояснице.
"You don't _want_ to?"	- Ты не хочешь?
"I am afraid, my captain," the soldier said with dignity.	- Я боюсь, господин капитан, - с достоинством ответил солдат.

Lieutenant Berrendo, watching the captain's face and his odd eyes, thought he was going to shoot the man then.	Лейтенант Беррендо взглянул в лицо капитану и в его странные глаза и подумал, что тот способен застрелить снайпера на месте.
"Captain Mora," he said.	- Капитан Мора, - сказал он.
"Lieutenant Berrendo?"	- Лейтенант Беррендо?
"It is possible the soldier is right."	- Может быть, солдат прав.
"That he is right to say he is afraid?	-То есть как прав?
That he is right to say he does not _want_ to obey an order?"	Он заявляет, что боится, он отказывается исполнить приказ - и он прав?
"No.	-Я не об этом.

That he is right that it is a trick."	Я о том, что это уловка.
"They are all dead," the captain said.	-Там одни мертвецы, - сказал капитан.
"Don't you hear me say they are all dead?'	- Разве ты не слышал? Я сказал, что там одни мертвецы.
"You mean our comrades on the slope?" Berrendo asked him.	- Вы говорите о наших товарищах на склоне холма? - спросил Беррендо.
"I agree with you."	- Я согласен с вами.
"Paco," the captain said, "don't be a fool.	- Пако, - сказал капитан. - Не будь дураком.
Do you think you are the only one who cared for Julian?	Ты думаешь, кроме тебя, Хулиан никому не был дорог?
I tell you the Reds are dead.	Я говорю о красных.

Look!"	Смотри.
He stood up, then put both hands on top of the boulder and pulled himself up, kneeing-up awkwardly, then getting on his feet.	Он выпрямился, оперся обеими руками о валун и, подтянувшись, забрался на него - не очень ловко, сначала став на колени, потом уже на ноги.

"Shoot," he shouted, standing on the gray granite boulder and waved both his arms.	- Стреляйте! - закричал он, выпрямившись во весь рост на сером граните, и замахал обеими руками.
"Shoot me!	- Стреляйте в меня!
Kill me!"	Бейте в меня!
On the hilltop El Sordo lay behind the dead horse and grinned.	На вершине холма Глухой лежал за трупом лошади и усмехался.

What a people, he thought.	Ну и народ, думал он.
He laughed, trying to hold it in because the shaking hurt his arm.	Он засмеялся, но сейчас же подавил смех, потому что от сотрясения было больно руке.
"Reds," came the shout from below.	- Сволочь! - надрывался голос внизу.
"Red canaille.	- Красная сволочь!
Shoot me!	Стреляйте в меня!
Kill me!"	Бейте в меня!
Sordo, his chest shaking, barely peeped past the horse's crupper and saw the captain on top of the boulder waving his arms.	Глухой, беззвучно смеясь, осторожно глянул в щелку у крупа лошади и увидел капитана, который стоял на валуне и размахивал руками.

Another officer stood by the boulder.	Второй офицер стоял рядом у валуна.
The sniper was standing at the other side.	С другой стороны стоял снайпер.
Sordo kept his eye where it was and shook his head happily.	Г лухой, не отнимая глаз от щелки, весело покачал головой.
"Shoot me," he said softly to himself.	- Стреляйте в меня! - сказал он тихо самому себе.
"Kill me!"	- Бейте в меня!
Then his shoulders shook again.	- Тут у него опять затряслись плечи.
The laughing hurt his arm and each time he laughed his head felt as though it would burst.	От смеха рука болела сильнее, а голова, казалось, вот-вот расколется.

But the laughter shook him again like a spasm.	Но он не мог удержать душивший его смех.
Captain Mora got down from the boulder.	Капитан Мора слез с валуна.
"Now do you believe me, Paco?" he questioned Lieutenant Berrendo.	- Ну, Пако, теперь убедился? - спросил он лейтенанта Беррендо.
"No," said Lieutenant Berrendo.	- Нет, - сказал лейтенант Беррендо.
"_Cojones!_" the captain said.	- Так-вас и так! - сказал капитан.

"Here there is nothing but idiots and cowards."	- Все вы тут идиоты и трусы.
The sniper had gotten carefully behind the boulder again and Lieutenant Berrendo was squatting beside him.	Снайпер предусмотрительно снова зашел за валун, и лейтенант Беррендо присел на корточки рядом с ним.
The captain, standing in the open beside the boulder, commenced to shout filth at the hilltop.	Капитан, оставаясь на открытом месте, принялся опять выкрикивать ругательства, обращаясь к вершине холма.
There is no language so filthy as Spanish.	Нет в мире языка, более приспособленного для ругани, чем испанский.

There are words for all the vile words in English and there are other words and expressions that are used only in countries where blasphemy keeps pace with the austerity of religion.	В нем есть слова для всех английских ругательств и еще много слов и выражений, которые употребляются только в таких странах, где богохульство сочетается с религиозным пылом.
Lieutenant Berrendo was a very devout Catholic.	Лейтенант Беррендо был очень набожный католик.
So was the sniper.	Снайпер тоже.

They were Carlists from Navarra and while both of them cursed and blasphemed when they were angry they regarded it as a sin which they regularly confessed.	Оба они были карлисты из Наварры, и хотя оба под злую руку ругались и богохульствовали без удержу, оба считали это грехом, в котором регулярно исповедовались.
As they crouched now behind the boulder watching the captain and listening to what he was shouting, they both disassociated themselves from him and what he was saying.	Сейчас, сидя за валуном, глядя на капитана и слушая, что он кричит, они мысленно отмежевывались и от него, и от его слов.

They did not want to have that sort of talk on their consciences on a day in which they might die.	Они не хотели брать на душу подобный грех в день, когда им, может быть, предстояло умереть.
Talking thus will not bring luck, the sniper thought.	Такие речи не приведут к добру, думал снайпер.
Speaking thus of the _Virgen_ is bad luck.	Так поминать пресвятую деву не приведет к добру.
This one speaks worse than the Reds.	Даже от красных такого не услышишь.
Julian is dead, Lieutenant Berrendo was thinking. Dead there on the slope on such a day as this is.	Хулиан убит, думал лейтенант Беррендо, лежит мертвый вон там, на склоне, в такой день.

And this foul mouth stands there bringing more ill fortune with his blasphemies.	А этот стоит и ругается, хочет еще худшее несчастье накликать своим богохульством.
Now the captain stopped shouting and turned to Lieutenant Berrendo.	Тут капитан перестал кричать и повернулся к лейтенанту Беррендо.
His eyes looked stranger than ever.	Взгляд у него был еще более странный, чем обычно.
"Paco," he said, happily, "you and I will go up there."	- Пако, - сказал он восторженно, - мы с тобой пойдем туда.
"Not me."	-Я не пойду.
"What?"	-Что?

The captain had his pistol out again.	- Капитан снова выхватил револьвер.
I hate these pistol brandishers, Berrendo was thinking.	Терпеть не могу этих грозных вояк, думал лейтенант Беррендо.
They cannot give an order without jerking a gun out.	Слова не могут сказать, не потрясая оружием.
They probably pull out their pistols when they go to the toilet and order the move they will make.	Такой, вероятно, даже в уборной вынимает револьвер и сам себе подает команду.
"I will go if you order me to.	- Если вы приказываете, я пойду.
But under protest," Lieutenant Berrendo told the captain.	Но заявляю протест, - сказал лейтенант Беррендо капитану.

"Then I will go alone," the captain said.	- Я пойду один, - сказал капитан.

"The smell of cowardice is too strong here."	- Уж очень тут воняет трусостью!
Holding his pistol in his right hand, he strode steadily up the slope.	С револьвером в правой руке, твердым шагом он стал подниматься по склону.
Berrendo and the sniper watched him.	Беррендо и снайпер следили за ним.

He was making no attempt to take any cover and he was looking straight ahead of him at the rocks, the dead horse, and the fresh-dug dirt of the hilltop.	Он шел прямо, не ища прикрытия, и смотрел вперед, на скалы, на убитую лошадь и свежевзрыхленную землю у вершины холма.
El Sordo lay behind the horse at the corner of the rock, watching the captain come striding up the hill.	Глухой лежал за лошадью у скалы и следил за капитаном, шаг за шагом одолевавшим подъем.
Only one, he thought.	Только один, думал.
We get only one.	Только один нам достался.
But from his manner of speaking he is _caza mayor_.	Но, судя по его разговору, это должен быть caza mayor.

Look at him walking.	Смотри, как он идет.
Look what an animal.	Смотри, какая скотина.
Look at him stride forward.	Смотри, как вышагивает по склону.
This one is for me.	Этот уж будет мой.
This one I take with me on the trip.	Этого уж я с собой захвачу.
This one coming now makes the same voyage I do.	Этот мне будет попутчи-ком в дороге.
Come on, Comrade Voyager.	Иди, друг-попутчик, иди.
Come striding.	Иди поскорее.
Come right along.	Иди прямо сюда.
Come along to meet it.	Иди, здесь тебя ждут.

Come on.	Иди.
Keep on walking.	Шагай веселей.
Don't slow up.	Не задерживайся.
Come right along.	Иди прямо сюда.
Come as thou art coming.	Иди так, как идешь.
Don't stop and look at those.	Не останавливайся, не смотри на тех.
That's right.	Вот так, хорошо.
Don't even look down.	Не смотри вниз.
Keep on coming with your eyes forward.	Незачем тебе опускать глаза.
Look, he has a moustache.	Эге, да он с усами.

What do you think of that?	Как это вам понравится?
He runs to a moustache, the Comrade Voyager.	Он носит усы, мой попутчик.
He is a captain.	И он в чине капитана.
Look at his sleeves.	Вот у него какие нашивки.

I said he was _caza mayor_.	Сказал же я, что он caza mayor.
He has the face of an _Ingles_.	А лицом вылитый англичанин.
Look.	Вон какой.
With a red face and blond hair and blue eyes.	Блондин, лицо красное, а глаза голубые.

With no cap on and his moustache is yellow.	Без кепи, и усы рыжие.
With blue eyes.	Глаза голубые.
With pale blue eyes.	Глаза светло-голубые, и какие-то они странные.
With pale blue eyes with something wrong with them. With pale blue eyes that don't focus.	Глаза светло-голубые и как будто смотрят в разные стороны.
Close enough.	Еще немножко поближе.
Too close.	Так, довольно.
Yes, Comrade Voyager.	Ну, друг-попутчик.
Take it, Comrade Voyager.	Получай, друг-попутчик.

He squeezed the trigger of the automatic rifle gently and it pounded back three times against his shoulder with the slippery jolt the recoil of a tripoded automatic weapon gives.	Он легко нажал на спусковой крючок, и его три раза ударило в плечо; при стрельбе из ручных пулеметов с треноги всегда бывает сильная отдача.
The captain lay on his face on the hillside.	Капитан лежал на склоне лицом вниз.
His left arm was under him.	Левая рука подогнулась под тело.
His right arm that had held the pistol was stretched forward of his head.	Правая, с револьвером, была выброшена вперед.

From all down the slope they were firing on the hill crest again.	Снизу со всех сторон стреляли по вершине холма.
Crouched behind the boulder, thinking that now he would have to sprint across that open space under fire, Lieutenant Berrendo heard the deep hoarse voice of Sordo from the hilltop.	Скорчившись за валуном, думая о том, как ему сейчас придется перебегать открытое пространство под огнем, лейтенант Беррендо услышал низкий, сиплый голос Глухого, несшийся сверху.
"_Bandidos!_" the voice came. "_Bandidos!_ Shoot me!	- Bandidos! - кричал голос. - Bandidos! Стреляйте в меня!
Kill me!"	Бейте в меня!

On the top of the hill El Sordo lay behind the automatic rifle laughing so that his chest ached, so that he thought the top of his head would burst.	На вершине холма Глухой, припав к своему пулемету, смеялся так, что вся грудь у него болела так, что ему казалось, голова у него вот-вот расколется пополам.
"_Bandidos_," he shouted again happily.	- Bandidos! - радостно закричал он опять.
"Kill me, _bandidos!_" Then he shook his head happily.	- Бейте в меня, bandidos! - Потом радостно покачал головой.
We have lots of company for the Voyage, he thought.	Ничего, попутчиков у нас много будет, подумал он.

He was going to try for the other officer with the automatic rifle when he would leave the shelter of the boulder.	Он еще и второго офицера постарается уложить, пусть только тот вылезет из-за валуна.
Sooner or later he would have to leave it.	Рано или поздно ему придется оттуда вылезть.
Sordo knew that he could never command from there and he thought he had a very good chance to get him.	Глухой знал, что командовать из-за валуна офицер не сможет, и ждал верного случая уложить его.
Just then the others on the hill heard the first sound of the coming of the planes.	И тут остальные, кто был на вершине, услышали шум приближающихся самолетов.

El Sordo did not hear them.	Эль Сордо его не услышал.
He was covering the down-slope edge of the boulder with his automatic rifle and he was thinking: when I see him he will be running already and I will miss him if I am not careful.	Он наводил пулемет на дальний край валуна и думал: я буду стрелять в него, когда он побежит, и мне надо приготовиться, иначе я промахнусь.
I could shoot behind him all across that stretch.	Можно стрелять ему в спину, пока он бежит.
I should swing the gun with him and ahead of him.	Можно забирать немного в сторону и вперед.

Or let him start and then get on him and ahead of him. I will try to pick him up there at the edge of the rock and swing just ahead of him.	Или дать ему разбежаться и тогда стрелять, забирая вперед.
Then he felt a touch on his shoulder and he turned and saw the gray, fear-drained face of Joaquin and he looked where the boy was pointing and saw the three planes coming.	Тут он почувствовал, что его кто-то трогает за плечо, и оглянулся, и увидел серое, осунувшееся от страха лицо Хоакина, и посмотрел туда, куда он указывал, и увидел три приближающихся самолета.

At this moment Lieutenant Berrendo broke from behind the boulder and, with his head bent and his legs plunging, ran down and across the slope to the shelter of the rocks where the automatic rifle was placed.	В эту самую минуту лейтенант Беррендо выскочил из-за валуна и, пригнув голову, быстро перебирая ногами, помчался по склону наискосок вниз, туда, где под прикрытием скал был установлен пулемет.
Watching the planes, Sordo never saw him go.	Эль Сордо, занятый самолетами, не видел, как он побежал.
"Help me to pull this out," he said to Joaquin and the boy dragged the automatic rifle clear from between the horse and the rock.	- Помоги мне вытащить его отсюда, - сказал он Хоакину, и мальчик высвободил пулемет, зажатый между лошадью и скалой.

The planes were coming on steadily.	Самолеты все приближались.
They were in echelon and each second they grew larger and their noise was greater.	Они летели эшелонированным строем и с каждой секундой становились больше, а шум их все нарастал.
"Lie on your backs to fire at them," Sordo said.	- Ложитесь на спину и стреляйте в них, - сказал Глухой.
"Fire ahead of them as they come."	- Стреляйте вперед по их лету.
He was watching them all the time. "_Cabrones!_ _Hijos de puta!_" he said rapidly.	Он все время не спускал с них глаз. - Cabrones! Hijos de puta! - сказал он скороговоркой.
"Ignacio!" he said.	- Игнасио, - сказал он.

"Put the gun on the shoulder of the boy.	- Обопри пулемет на плечи мальчика.

Thou!" to Joaquin, "Sit there and do not move.	А ты, - Хоакину, - сиди и не шевелись.
Crouch over.	Ниже пригнись.
More.	Еще.
No. More."	Нет, ниже.
He lay back and sighted with the automatic rifle as the planes came on steadily.	Он лежал на спине и целился в самолеты, которые все приближались.
"Thou, Ignacio, hold me the three legs of that tripod."	- Игнасио, подержи мне треногу.

They were dangling down the boy's back and the muzzle of the gun was shaking from the jerking of his body that Joaquin could not control as he crouched with bent head hearing the droning roar of their coming.	Ножки треноги свисали с плеча Хоакина, а ствол трясся, потому что мальчик не мог удержать дрожи, слушая нарастающий гул.
Lying flat on his belly and looking up into the sky watching them come, Ignacio gathered the legs of the tripod into his two hands and steadied the gun.	Лежа на животе, подняв только голову, чтобы следить за приближением самолетов, Игнасио собрал все три ножки вместе и попытался придать устойчивость пулемету.
"Keep thy head down," he said to Joaquin.	- Наклонись больше! - сказал он Хоакину.

"Keep thy head forward."	- Вперед наклонись!
"Pasionaria says 'Better to die on thy--' " Joaquin was saying to himself as the drone came nearer them.	"Пасионария говорит: лучше умереть стоя... - мысленно повторил Хо- акин, а гул все нарастал.
Then he shifted suddenly into "Hail Mary, full of grace, the Lord is with thee; Blessed art thou among women and Blessed is the fruit of thy womb, Jesus.	Вдруг он перебил себя: - Святая Мария, благо- датная дева, господь с тобой; благословенна ты в женах, и благосло- вен плод чрева твоего, Иисус.
Holy Mary, Mother of God, pray for us sinners now and at the hour of our death.	Святая Мария, матерь божия, молись за нас, грешных, ныне и в час наш смертный.
Amen.	Аминь.

Holy Mary, Mother of God," he started, then he remembered quickly as the roar came now unbearably and started an act of contrition racing in it, "Oh my God, I am heartily sorry for having offended thee who art worthy of all my love--"	Святая Мария, матерь божия, - начал он снова и вдруг осекся, потому что гул перешел уже в оглушительный рев, и, торопясь, стал нанизывать слова покаянной молитвы: - О господи, прости, что я оскорблял тебя в невежестве своем..."
Then there were the hammering explosions past his ears and the gun barrel hot against his shoulder.	Тут у самого его уха загремело, и раскалившийся ствол обжег ему плечо.
It was hammering now again and his ears were deafened by the muzzle blast.	Потом опять загремело, очередь совсем оглушила его.

Ignacio was pulling down hard on the tripod and the barrel was burning his back.	Игнасио изо всех сил давил на треногу, ствол жег ему спину все сильнее.
It was hammering now in the roar and he could not remember the act of contrition.	Теперь все кругом грохотало и ревело, и он не мог припомнить остальных слов покаянной молитвы.
All he could remember was at the hour of our death.	Он помнил только: в час наш смертный.
Amen.	Аминь.
At the hour of our death.	В час наш смертный.

Amen.	Аминь.
At the hour. At the hour.	В час наш.

Amen.	Аминь.
The others all were firing.	Остальные все стреляли.
Now and at the hour of our death.	Ныне и в час наш смертный.
Amen.	Аминь.
Then, through the hammering of the gun, there was the whistle of the air splitting apart and then in the red black roar the earth rolled under his knees and then waved up to hit him in the face and then dirt and bits of rock were falling all over and Ignacio was lying on him and the gun was lying on him.	Потом, за грохотом пулемета, послышался свист, от которого воздух рассекло надвое, и в красно-черном реве земля под ним закачалась, а потом вздыбилась и ударила его в лицо, а потом комья глины и каменные обломки посыпались со всех сторон, и Игнасио лежал на нем, и пулемет лежал на нем.

But he was not dead because the whistle came again and the earth rolled under him with the roar.	Но он не был мертв, потому что свист послышался опять, и земля опять закачалась от рева.
Then it came again and the earth lurched under his belly and one side of the hilltop rose into the air and then fell slowly over them where they lay.	Потом свист послышался еще раз, и земля ушла из-под его тела, и одна сторона холма взлетела на воздух, а потом медленно стала падать и накрыла их.
The planes came back three times and bombed the hilltop but no one on the hilltop knew it.	Три раза самолеты возвращались и бомбили вершину холма, но никто на вершине уже не знал этого.
Then the planes machine-gunned the hilltop and went away.	Потом они обстреляли вершину из пулеметов и улетели.

As they dove on the hill for the last time with their machine guns hammering, the first plane pulled up and winged over and then each plane did the same and they moved from echelon to V-formation and went away into the sky in the direction of Segovia.	Когда они в последний раз пикировали на холм, головной самолет сделал поворот через крыло, и оба других сделали то же, и, перестроившись клином, все три самолета скрылись в небе по направлению к Сеговии.
Keeping a heavy fire on the hilltop, Lieutenant Berrendo pushed a patrol up to one of the bomb craters from where they could throw grenades onto the crest.	Держа вершину под, непрерывным огнем, лейтенант Беррендо направил патруль в одну из воронок, вырытых бомбами, откуда удобно было забросать вершину гранатами.

He was taking no chances of any one being alive and waiting for them in the mess that was up there and he threw four grenades into the confusion of dead horses, broken and split rocks, and torn yellow-stained explosive-stinking earth before he climbed out of the bomb crater and walked over to have a look.	Он не желал рисковать, - вдруг кто-нибудь жив и дожидается их в этом хаосе наверху, - и он сам бросил четыре гранаты в нагромождение лошадиных трупов, камней, и обломков, и взрытой, пахнущей динамитом земли и только тогда вылез из воронки и пошел взглянуть.
No one was alive on the hilltop except the boy Joaquin, who was unconscious under the dead body of Ignacio.	Все-были мертвы на вершине холма, кроме мальчика Хоакина, который лежал без сознания под телом Игнасио, придавившим его сверху.

Joaquin was bleeding from the nose and from the ears.	У мальчика Хоакина кровь лила из носа и ушей.

He had known nothing and had no feeling since he had suddenly been in the very heart of the thunder and the breath had been wrenched from his body when the one bomb struck so close and Lieutenant Berrendo made the sign of the cross and then shot him in the back of the head, as quickly and as gently, if such an abrupt movement can be gentle, as Sordo had shot the wounded horse.	Он ничего не знал и ничего не чувствовал с той минуты, когда вдруг все кругом загрохотало и разрыв бомбы совсем рядом отнял у него дыхание, и лейтенант Беррендо осенил себя крестом и потом застрелил его, приставив револьвер к затылку, так же быстро и бережно, - если такое резкое движение может быть бережным, - как Глухой застрелил лошадь.

Lieutenant Berrendo stood on the hilltop and looked down the slope at his own dead and then across the country seeing where they had galloped before Sordo had turned at bay here.	Лейтенант Беррендо стоял на вершине и глядел вниз, на склон, усеянный телами своих, потом поднял глаза и посмотрел вдаль, туда, где они скакали за Глухим, прежде чем тот укрылся на этом холме.
He noticed all the dispositions that had been made of the troops and then he ordered the dead men's horses to be brought up and the bodies tied across the saddles so that they might be packed in to La Granja.	Он отметил в своей памяти всю картину боя и потом приказал привести наверх лошадей убитых кавалеристов и тела привязать поперек седла так, чтобы можно было доставить их в Ла-Гранху.
"Take that one, too," he said.	- Этого тоже взять, - сказал он.

"The one with his hands on the automatic rifle.	- Вот этого, с пулеметом в руках.
That should be Sordo.	Вероятно, он и есть Глухой.
He is the oldest and it was he with the gun.	Он самый старший, и это он стрелял из пулемета.
No. Cut the head off and wrap it in a poncho."	Отрубить ему голову и завернуть в пончо.
He considered a minute.	- Он с минуту подумал.
"You might as well take all the heads.	- Да, пожалуй, стоит захватить все головы.
And of the others below on the slope and where we first found them.	И внизу и там, где мы на них напали, тоже.

Collect the rifles and pistols and pack that gun on a horse."	Винтовки и револьверы собрать, пулемет приторочить к седлу.
Then he walked down to where the lieutenant lay who had been killed in the first assault.	Потом он пошел к телу лейтенанта, убитого при первой попытке атаки.
He looked down at him but did not touch him.	Он посмотрел на него, но не притронулся.
"_Que cosa mas mala es la guerra_," he said to himself, which meant, "What a bad thing war is."	Que cosa mas mala es la guerra, сказал он себе, что означало: какая нехорошая вещь война.

Then he made the sign of the cross again and as he walked down the hill he said five Our Fathers and five Hail Marys for the repose of the soul of his dead comrade.	Потом он снова осенил себя крестом и, спускаясь с холма, прочитал по дороге пять "Отче наш" и пять "Богородиц" за упокой души убитого товарища.
He did not wish to stay to see his orders being carried out.	Присутствовать при выполнении своего приказа он не захотел.
28	28
After the planes went away Robert Jordan and Primitivo heard the firing start and his heart seemed to start again with it.	Когда самолеты пролетели, Роберт Джордан и Примитиво снова услышали стрельбу, и Роберту Джордану показалось, что он снова услышал удары своего сердца.

A cloud of smoke drifted over the last ridge that he could see in the high country and the planes were three steadily receding specks in the sky.	Облако дыма плыло над кряжем последней видной ему горы, а самолеты казались тремя пятнышками, удалявшимися в небе.
They've probably bombed hell out of their own cavalry and never touched Sordo and Company, Robert Jordan said to himself.	Наверно, свою же кавалерию разбомбили к чертям, а Сордо и его людей так и не тронули, сказал себе Роберт Джордан.
The damned planes scare you to death but they don't kill you.	Эти проклятые самолеты только страх нагоняют, а убить никого не могут.

"The combat goes on," Primitivo said, listening to the heavy firing.	- А они еще дерутся, - сказал Примитиво, прислушиваясь к гулким отзвукам выстрелов.
He had winced at each bomb thud and now he licked his dry lips.	Во время бомбардировки он вздрагивал при каждом ударе и теперь все облизывал пересохшие губы.
"Why not?" Robert Jordan said.	- Конечно, дерутся, - сказал Роберт Джордан.
"Those things never kill anybody."	- Самолеты ведь никого убить не могут.
Then the firing stopped absolutely and he did not hear another shot.	Тут стрельба смолкла, и больше он не услышал ни одного выстрела.

Lieutenant Berrendo's pistol shot did not carry that far.	Револьверный выстрел лейтенанта Веррендо сюда не донесся.
When the firing first stopped it did not affect him.	В первую минуту, когда стрельба смолкла, это его не смутило.
Then as the quiet kept on a hollow feeling came in his chest.	Но тишина длилась, и мало-помалу щемящее чувство возникло у него в груди.
Then he heard the grenades burst and for a moment his heart rose.	Потом он услышал взрывы гранат и на мгновение воспрянул духом.
Then everything was quiet again and the quiet kept on and he knew that it was over.	Но все стихло снова, и тишина длилась, и он понял, что все кончено.

Maria came up from the camp with a tin bucket of stewed hare with mushrooms sunken in the rich gravy and a sack with bread, a leather wine bottle, four tin plates, two cups and four spoons.	Из лагеря пришла Мария, принесла оловянное ведерко с жарким из зайца, приправленным густой грибной подливкой, мешочек с хлебом, бурдюк с вином, четыре оловянные тарелки, две кружки и четыре ложки.
She stopped at the gun and ladled out two plates for Agustin and Eladio, who had replaced Anselmo at the gun, and gave them bread and unscrewed the horn tip of the wine bottle and poured two cups of wine.	Она остановилась у пулемета и положила мясо на две тарелки - для Агустина и Эладио, который сменил Ансельмо, и налила две кружки вина.

Robert Jordan watched her climbing lithely up to his lookout post, the sack over her shoulder, the bucket in one hand, her cropped head bright in the sun.	Роберт Джордан смотрел, как она ловко карабкается к нему, на его наблюдательный пост, с мешочком за плечами, с ведерком в одной руке, поблескивая стриженой головой на солнце.
He climbed down and took the bucket and helped her up the last boulder.	Он спустился пониже, принял у нее ведерко и помог взобраться на последнюю кручу.
"What did the aviation do?" she asked, her eyes frightened.	- Зачем прилетали самолеты? - спросила она, испуганно глядя на него.
"Bombed Sordo."	- Бомбить Глухого.

He had the bucket open and was ladling out stew onto a plate.	Он снял крышку с ведерка и стал накладывать себе в тарелку зайчатины.
"Are they still fighting?"	- Они все еще отстреливаются?
"No.	- Нет.
It is over."	Все кончено.
"Oh," she said and bit her lip and looked out across the country.	- Ох, - сказала она, закусила губу и посмотрела вдаль.
"I have no appetite," Primitivo said.	- Мне что-то есть не хочется, - сказал Примитиво.
"Eat anyway," Robert Jordan told him.	- Все равно ешь, друг, - сказал ему Роберт Джордан.
"I could not swallow food."	- Кусок в горло не идет.

"Take a drink of this, man," Robert Jordan said and handed him the wine bottle.	- Выпей, - сказал Роберт Джордан и протянул ему бурдюк.
"Then eat."	- Потом будешь есть.
"This of Sordo has taken away desire," Primitivo said.	- Всякая охота пропала после Эль Сордо, - сказал Примитиво.
"Eat, thou.	- Ешь сам.
I have no desire."	У меня никакой охоты нет.
Maria went over to him and put her arms around his neck and kissed him.	Мария подошла к нему, обняла его за шею и по-целовала.
"Eat, old one," she said.	- Ешь, старик, - сказала она.

"Each one should take care of his strength."	- Надо беречь силы.
Primitivo turned away from her.	Примитиво отвернулся от нее.
He took the wine bottle and tipping his head back swallowed steadily while he squirted a jet of wine into the back of his mouth.	Он взял бурдюк, запрокинул голову и сделал несколько глотков, вливая себе вино прямо в горло.
Then he filled his plate from the bucket and commenced to eat.	Потом положил на тарелку мяса и принялся за еду.
Robert Jordan looked at Maria and shook his head.	Роберт Джордан взглянул на Марию и покачал головой.

She sat down by him and put her arm around his shoulder.	Она села рядом с ним и обняла его за плечи.
Each knew how the other felt and they sat there and Robert Jordan ate the stew, taking time to appreciate the mushrooms completely, and he drank the wine and they said nothing.	Каждый из них понимал, что чувствует другой, и они сидели так, и Роберт Джордан ел зайчатину не торопясь, смакуя грибную подливку, и запивал еду вином, и они сидели молча.
"You may stay here, guapa, if you want," he said after a while when the food was all eaten.	- Ты можешь остаться здесь, guapa, если хочешь, -сказал он, когда все было съедено.
"Nay," she said.	- Нет, - сказала она.
"I must go to Pilar."	- Надо возвращаться к Пилар.

"It is all right to stay here.	- Можешь и здесь побыть.

I do not think that anything will happen now."	Я думаю, теперь уж ничего такого не будет.
"Nay.	- Нет.
I must go to Pilar.	Надо возвращаться к Пилар.
She is giving me instruction."	Она меня наставляет.
"What does she give thee?"	- Что она делает?
"Instruction."	- Наставляет меня.
She smiled at him and then kissed him.	- Она улыбнулась и потом поцеловала его.

"Did you never hear of religious instruction?"	- Разве ты не знаешь, как наставляют в церкви?
She blushed.	- Она покраснела.
"It is something like that."	- Вот и Пилар так.
She blushed again.	- Она опять покраснела.
"But different."	- Только совсем про другое.
"Go to thy instruction," he said and patted her on the head.	- Ну, иди слушай ее наставления, - сказал он и погладил Марию по голове.
She smiled at him again, then said to Primitivo,	Она опять улыбнулась ему, потом спросила Примитиво:
"Do you want anything from below?"	- Тебе ничего не надо принести оттуда?

"No, daughter," he said.	- Нет, дочка, - сказал он.
They both saw that he was still not yet recovered.	Они видели оба, что он еще не пришел в себя.
"_Salud_, old one," she said to him.	- Salud, старик, - сказала она ему.
"Listen," Primitivo said.	- Послушай, - сказал Примитиво.
"I have no fear to die but to leave them alone thus--" his voice broke.	- Я смерти не боюсь, но бросить их там одних... -Голос у него дрогнул.
"There was no choice," Robert Jordan told him.	- У нас не было другого выхода, - сказал ему Роберт Джордан.
"I know.	- Я знаю.
But all the same."	И все-таки.

"There was no choice," Robert Jordan repeated.	- У нас не было выхода, - повторил Роберт Джордан.
"And now it is better not to speak of it."	- А теперь лучше не говорить об этом.
"Yes.	-Да.
But there alone with no aid from us--"	Но одни, и никакой помощи от нас...
"Much better not to speak of it," Robert Jordan said.	- Лучше не говорить об этом, - сказал Роберт Джордан.
"And thou, _guapa_, get thee to thy instruction."	- А ты, guapa, иди слушать наставления.
He watched her climb down through the rocks.	Он смотрел, как она спускается, пробираясь между большими камнями.

Then he sat there for a long time thinking and watching the high country.	Он долго сидел так и думал и смотрел на вершины.
Primitivo spoke to him but he did not answer.	Примитиво заговорил с ним, но он не ответил ему.
It was hot in the sun but he did not notice the heat while he sat watching the hill slopes and the long patches of pine trees that stretched up the highest slope.	На солнце было жарко, а он не замечал жары и все сидел, глядя на склоны гор и на длинные ряды сосен вдоль самого крутого склона.

An hour passed and the sun was far to his left now when he saw them coming over the crest of the slope and he picked up his glasses.	Так прошел час, и солнце передвинулось и оказалось слева от него, и тут он увидел их на дальней вершине и поднял бинокль к глазам.
The horses showed small and minute as the first two riders came into sight on the long green slope of the high hill.	Когда первые два всадника выехали на пологий зеленый склон, их лошади показались ему совсем маленькими, точно игрушечными.

Then there were four more horsemen coming down, spread out across the wide hill and then through his glasses he saw the double column of men and horses ride into the sharp clarity of his vision.	Потом на широком склоне растянулись цепочкой еще четыре всадника, и наконец он увидел в бинокль двойную колонну солдат и лошадей, четко вырисовывавшуюся в поле его зрения.
As he watched them he felt sweat come from his armpits and run down his flanks.	Глядя на нее, он почувствовал, как пот выступил у него под мышками и струйками побежал по бокам.
One man rode at the head of the column.	Во главе колонны ехал всадник.

Then came more horsemen.	За ним еще несколько человек.
Then came the riderless horses with their burdens tied across the saddles.	Потом шли вьючные лошади с поклажей, привязанной поперек седел.
Then there were two riders.	Потом еще два всадника.
Then came the wounded with men walking by them as they rode.	Потом ехали раненые, а сопровождающие шли с ними рядом.
Then came more cavalry to close the column.	И еще несколько всадников замыкали колонну.

Robert Jordan watched them ride down the slope and out of sight into the timber.	Роберт Джордан смотрел, как они съезжают вниз по склону и скрываются в лесу.
He could not see at that distance the load one saddle bore of a long rolled poncho tied at each end and at intervals so that it bulged between each lashing as a pod bulges with peas.	На таком расстоянии он не мог разглядеть поклажу, взваленную на одну из лошадей, - длинную скатку из пончо, которая была перевязана с обоих концов и еще в нескольких местах и выпирала буграми между веревками, точно полный горошин стручок.

This was tied across the saddle and at each end it was lashed to the stirrup leathers.	Скатка лежала поперек седла, и концы ее были привязаны к стременам.
Alongside this on the top of the saddle the automatic rifle Sordo had served was lashed arrogantly.	Рядом с ней на седле гордо торчал ручной пулемет, из которого отстреливался Глухой.
Lieutenant Berrendo, who was riding at the head of the column, his flankers out, his point pushed well forward, felt no arrogance.	Лейтенант Беррендо, который ехал во главе колонны, выслав вперед дозорных, никакой гордости не чувствовал.

He felt only the hollowness that comes after action.	Он чувствовал только внутреннюю пустоту, которая приходит после боя.

He was thinking: taking the heads is barbarous.	Он думал: рубить головы - это зверство.
But proof and identification is necessary.	Но вещественные доказательства и установление личности необходимы.
I will have trouble enough about this as it is and who knows? This of the heads may appeal to them.	У меня и так будет достаточно неприятностей, и, кто знает, может быть, им понравится, что я привез эти головы?
There are those of them who like such things.	Ведь среди них есть такие, которым подобные штуки по душе.

It is possible they will send them all to Burgos.	Может быть, головы отошлют в Бургос.
It is a barbarous business.	Да, это зверство.
The planes were _muchos_.	И самолеты - это уж muchos.
Much.	Слишком.
Much.	Слишком.
But we could have done it all, and almost without losses, with a Stokes mortar.	Но мы могли бы сделать все сами и почти без потерь, будь у нас миномет Стокса.
Two mules to carry the shells and a mule with a mortar on each side of the pack saddle.	Два мула для перевозки снарядов и один мул с минометом, притороченным к вьючному седлу.

What an army we would be then!	Тогда мы были бы настоящей армией.
With the fire power of all these automatic weapons.	Миномет плюс все это автоматическое оружие.
And another mule. No, two mules to carry ammunition.	И еще один мул, нет, два мула с боеприпасами.
Leave it alone, he told himself.	Перестань, сказал он самому себе.
It is no longer cavalry.	Тогда это уже не кавалерия.
Leave it alone.	Перестань.
You're building yourself an army.	Ты мечтаешь о целой армии.
Next you will want a mountain gun.	Еще немного, и тебе потребуется горная пушка.

Then he thought of Julian, dead on the hill, dead now, tied across a horse there in the first troop, and as he rode down into the dark pine forest, leaving the sunlight behind him on the hill, riding now in the quiet dark of the forest, he started to say a prayer for him again.	Потом он подумал о Хулиане, который погиб на холме, погиб, и теперь его везут поперек седла в первом взводе, и, въехав в сумрачный хвойный лес, оставив позади склон, озаренный солнцем, в тихом сумраке сосен он стал молиться за Хулиана.
"Hail, holy queen mother of mercy," he started.	- Пресвятая матерь, источник милостей, - начал он.
"Our life, our sweetness and our hope.	- Утеха жизни нашей, упование наше.

To thee do we send up our sighs, mournings and weepings in this valley of tears--"	Тебе возносим мы моления, и скорбь нашу, и горести в этой юдоли слез...

He went on with the prayer the horses' hooves soft on the fallen pine needles, the light coming through the tree trunks in patches as it comes through the columns of a cathedral, and as he prayed he looked ahead to see his flankers riding through the trees.	Он молился, а лошади мягко ступали подковами по сосновым иглам, и солнечные лучи падали между стволами, точно между колоннами в соборе, и он молился за Хулиана и смотрел вперед, отыскивая глазами среди деревьев своих дозорных, ехавших впереди.

He rode out of the forest onto the yellow road that led into La Granja and the horses' hooves raised a dust that hung over them as they rode.	Они выехали из лесу на желтую дорогу, которая вела в Ла-Гранху, и поехали дальше в облаке пыли, поднятой лошадиными копытами.
It powdered the dead who were tied face down across the saddles and the wounded, and those who walked beside them, were in thick dust.	Пыль оседала на трупах, которые были привязаны поперек седел лицом вниз, и раненые, и те, кто шел рядом с ними, тоже были покрыты густым слоем пыли.
It was here that Anselmo saw them ride past in their dust.	Здесь, на этой дороге, их и увидел Ансельмо сквозь поднятую ими пыль.
He counted the dead and the wounded and he recognized Sordo's automatic rifle.	Он пересчитал мертвых и раненых и узнал пулемет Глухого.

He did not know what the poncho-wrapped bundle was which flapped against the led horse's flanks as the stirrup leathers swung but when, on his way home, he came in the dark onto the hill where Sordo had fought, he knew at once what the long poncho roll contained.	Он не догадался тогда, что было в этом свертке, привязанном к стременам и колотившем по ногам лошадь, которую вели под уздцы, но позднее, поднявшись в темноте, по дороге в лагерь, на тот холм, где отстреливался Глухой, он сразу понял, что было в длинной скатке из пончо.
In the dark he could not tell who had been up on the hill.	В темноте он не мог распознать, кто был здесь с Глухим.
But he counted those that lay there and then made off across the hills for Pablo's camp.	Но он пересчитал трупы и пошел в обратный путь, к лагерю Пабло.

Walking alone in the dark, with a fear like a freezing of his heart from the feeling the holes of the bomb craters had given him, from them and from what he had found on the hill, he put all thought of the next day out of his mind.	Шагая в темноте совсем один, чувствуя, как страх леденит ему сердце после только что увиденных воронок от бомб, после этих воронок и после того, что предстало перед ним там, на вершине, он отогнял от себя все мысли о завтрашнем дне.
He simply walked as fast as he could to bring the news.	Он шел и шел, стараясь как можно скорей принести эту весть в лагерь.
And as he walked he prayed for the souls of Sordo and of all his band.	И на ходу он молился за душу Г лухого и за души тех, кто был в его отряде.
It was the first time he had prayed since the start of the movement.	Он молился в первый раз с тех пор, как началось движение.

"Most kind, most sweet, most clement Virgin," he prayed.	Пресвятая дева сладчайшая, нет конца милостям твоим, молился он.
But he could not keep from thinking of the next day finally. So he thought: I will do exactly as the _Ingles_ says and as he says to do it.	Но ему не удалось отогнать от себя мысли о завтрашнем дне, и он думал: я буду исполнять все, что мне скажет Ingles, и так, как он скажет.
But let me be close to him, O Lord, and may his instructions be exact for I do not think that I could control myself under the bombardment of the planes.	Но сделай так, господи, чтобы я все время был рядом с ним и чтобы его распоряжения были точные, потому что мне не совладать с собой, если нас будут бомбить с самолетов.

Help me, O Lord, tomorrow to comport myself as a man should in his last hours.	Господи, помоги мне завтра вести себя так, как подобает мужчине в последний час.
Help me, O Lord, to understand clearly the needs of the day.	Господи, помоги мне понять то, что потребуется от меня завтра.
Help me, O Lord, to dominate the movement of my legs that I should not run when the bad moment comes.	Господи, помоги мне совладать с моими ногами, сделай так, чтобы я не побежал в минуту опасности.
Help me, O Lord, to comport myself as a man tomorrow in the day of battle.	Господи, помоги мне завтра вести себя так, как подобает мужчине во время боя.

Since I have asked this aid of thee, please grant it, knowing I would not ask it if it were not serious, and I will ask nothing more of thee again.	И если уж я обратился к тебе за помощью, а ты знаешь, что я не стану просить попусту, исполни мою просьбу, и я больше ни о чем не буду просить тебя.
Walking in the dark alone he felt much better from having prayed and he was sure, now, that he would comport himself well.	Шагая в темноте, он почувствовал облегчение от молитвы, и теперь он верил, что будет вести себя завтра, как подобает мужчине.
Walking now down from the high country, he went back to praying for the people of Sordo and in a short time he had reached the upper post where Fernando challenged him.	Шагая по склону вниз, он снова стал молиться за Глухого и за его людей и вскоре вышел к верхнему посту, где его окликнул Фернандо.

"It is I," he answered,	- Это я, - ответил он.
"Anselmo."	- Ансельмо.
"Good," Fernando said.	- Хорошо, - сказал Фернандо.
"You know of this of Sordo, old one?" Anselmo asked Fernando, the two of them standing at the entrance of the big rocks in the dark.	- Знаешь, что с Глухим? - спросил он Фернандо, когда оба они стояли в темноте у подножия большой скалы.
"Why not?" Fernando said.	- А как же, - ответил Фернандо.
"Pablo has told us."	- Пабло все нам рассказал.
"He was up there?"	- Он был там?
"Why not?" Fernando said stolidly.	- А как же, - с тупым упорством повторил Фернандо.

"He visited the hill as soon as the cavalry left."	- Он пошел туда, как только кавалерия скрылась.
"He told you--"	- Он рассказал про...
"He told us all," Fernando said.	- Он все нам рассказал, - ответил Фернандо.
"What barbarians these fascists are!	- Что за звери эти фашисты!
We must do away with all such barbarians in Spain."	Мы должны сделать так, чтобы в Испании не было таких зверей.
He stopped, then said bitterly, "In them is lacking all conception of dignity."	- Он помолчал, потом сказал с горечью: - Они понятия не имеют о том, что такое человеческое достоинство.
Anselmo grinned in the dark.	Ансельмо усмехнулся в темноте.

An hour ago he could not have imagined that he would ever smile again.	Час назад он даже не мог бы себе представить, что будет когда-нибудь опять улыбаться.

What a marvel, that Fernando, he thought.	Ну и чудак этот Фернандо, подумал он.
"Yes," he said to Fernando.	- Да, - сказал он Фернандо.
"We must teach them.	- Их надо многому научить.
We must take away their planes, their automatic weapons, their tanks, their artillery and teach them dignity."	У них надо отобрать все самолеты, все автоматы, все танки, всю артиллерию и научить их человеческому достоинству.
"Exactly," Fernando said.	- Совершенно верно, - сказал Фернандо.

"I am glad that you agree."	- Я рад, что ты согласен со мной.
Anselmo left him standing there alone with his dignity and went on down to the cave.	Ансельмо оставил Фернандо наедине с его достоинством и пошел вниз, к пещере.
29	29
Anselmo found Robert Jordan sitting at the plank table inside the cave with Pablo opposite him.	Когда Ансельмо вошел в пещеру, Роберт Джордан сидел за дощатым столом напротив Пабло.
They had a bowl poured full of wine between them and each had a cup of wine on the table.	Посреди стола стояла миска с вином, а перед каждым из них по кружке.

Robert Jordan had his notebook out and he was holding a pencil.	Роберт Джордан сидел с записной книжкой и держал карандаш в руке.
Pilar and Maria were in the back of the cave out of sight.	Пилар и Марии не было видно, они ушли в глубь пещеры.
There was no way for Anselmo to know that the woman was keeping the girl back there to keep her from hearing the conversation and he thought that it was odd that Pilar was not at the table.	Ансельмо не мог знать, что Пилар увела туда девушку нарочно, чтобы та не слышала, о чем говорят за столом, и ему показалось странным, что Пилар нет здесь.
Robert Jordan looked up as Anselmo came in under the blanket that hung over the opening.	Роберт Джордан поднял голову и взглянул на Ансельмо, когда тот откинул попону, висевшую над входом.

Pablo stared straight at the table.	Пабло сидел, уставившись прямо перед собой.
His eyes were focused on the wine bowl but he was not seeing it.	Его глаза смотрели на миску с вином, но он не видел ее.
"I come from above," Anselmo said to Robert Jordan.	- Я оттуда, сверху, - сказал Ансельмо Роберту Джордану.
"Pablo has told us," Robert Jordan said.	- Пабло нам все рассказал, - ответил ему Роберт Джордан.
"There were six dead on the hill and they had taken the heads," Anselmo said.	-Там шесть трупов, а головы они увезли с собой, -сказал Ансельмо.
"I was there in the dark."	- Я пришел туда, когда уже было темно.
Robert Jordan nodded.	Роберт Джордан кивнул.

Pablo sat there looking at the wine bowl and saying nothing.	Пабло смотрел на миску с вином и молчал.
There was no expression on his face and his small pig-eyes were looking at the wine bowl as though he had never seen one before.	Его лицо ничего не выражало, а маленькие свиные глазки смотрели на миску с вином так, будто он видел ее впервые в жизни.

"Sit down," Robert Jordan said to Anselmo.	- Садись, - сказал Роберт Джордан Ансельмо.

The old man sat down at the table on one of the hide-covered stools and Robert Jordan reached under the table and brought up the pinch-bottle of whiskey that had been the gift of Sordo.	Старик сел на обитую кожей табуретку, и Роберт Джордан нагнулся и вынул из-под стола бутылку - подарок Глухого.
It was about half-full.	Виски в ней было только до половины.
Robert Jordan reached down the table for a cup and poured a drink of whiskey into it and shoved it along the table to Anselmo.	Роберт Джордан протянул руку за кружкой, налил в нее виски и пододвинул кружку Ансельмо.

"Drink that, old one," he said.	- Выпей, старик, - сказал он.
Pablo looked from the wine bowl to Anselmo's face as he drank and then he looked back at the wine bowl.	Пабло поднял глаза от миски, посмотрел Ансельмо прямо в лицо и, когда тот выпил, снова уставился на миску с вином.
As Anselmo swallowed the whiskey he felt a burning in his nose, his eyes and his mouth, and then a happy, comforting warmth in his stomach.	Глотнув виски, Ансельмо почувствовал жжение в носу, в глазах, во рту, а потом в желудке у него разлилась приятная, успокаивающая теплота.
He wiped his mouth with the back of his hand.	Он вытер рот рукой.

Then he looked at Robert Jordan and said,	Потом взглянул на Роберта Джордана и сказал:
"Can I have another?"	- Можно еще?
"Why not?" Robert Jordan said and poured another drink from the bottle and handed it this time instead of pushing it.	- Конечно, - сказал Роберт Джордан, налил виски и на этот раз не стал двигать кружку по столу, а подал ее Ансельмо.
This time there was not the burning when he swallowed but the warm comfort doubled.	Теперь виски уже не обожгло, но успокаивающая теплота усилилась вдвое.

It was as good a thing for his spirit as a saline injection is for a man who has suffered a great hemorrhage.	Это оживило Ансельмо, как введение физиологического раствора оживляет человека, потерявшего много крови.
The old man looked toward the bottle again.	Старик опять посмотрел на бутылку.
"The rest is for tomorrow," Robert Jordan said.	- Остальное на завтра, - сказал Роберт Джордан.
"What passed on the road, old one?"	- Ну, что ты видел на дороге, старик?
"There was much movement," Anselmo said.	- Много машин, - сказал Ансельмо.
"I have it all noted down as you showed me.	- Я все записал, как ты мне говорил.

I have one watching for me and noting now.	Сейчас там у меня поставлен человек, женщина.
Later I will go for her report."	Немного попозже схожу узнаю.
"Did you see anti-tank guns?	- А противотанковые пушки видел?
Those on rubber tires with the long barrels?"	Они на резиновом ходу, с длинными стволами.
"Yes," Anselmo said.	- Да, - сказал Ансельмо.
"There were four camions which passed on the road.	- Прошли четыре грузовика.
In each of them there was such a gun with pine branches spread across the barrels.	И на каждом была такая пушка, прикрытая сверху сосновыми ветками.

In the trucks rode six men with each gun."	А при каждой пушке по шесть солдат.

"Four guns, you say?" Robert Jordan asked him.	- Значит, четыре пушки? - спросил его Роберт Джордан.
"Four," Anselmo said.	- Четыре, - сказал Ансельмо.
He did not look at his papers.	Он не посмотрел на свою бумажку.
"Tell me what else went up the road."	- Ну, а еще что?
While Robert Jordan noted Anselmo told him everything he had seen move past him on the road.	Роберт Джордан записывал со слов Ансельмо все, что тот видел на дороге.

He told it from the beginning and in order with the wonderful memory of those who cannot read or write, and twice, while he was talking, Pablo reached out for more wine from the bowl.	Ансельмо, обладавший замечательной памятью, свойственной людям, которые не умеют ни читать, ни писать, рассказал все с самого начала и по порядку, и пока он рассказывал, Пабло два раза подливал себе вина из миски.
"There was also the cavalry which entered La Granja from the high country where El Sordo fought," Anselmo went on.	- Еще видал кавалерию, она прошла в Ла-Гранху с той стороны, где был лагерь Г лухого, - продолжал Ансельмо.

Then he told the number of the wounded he had seen and the number of the dead across the saddles.	Потом он сказал, сколько там было раненых и сколько убитых везли на лошадях.
"There was a bundle packed across one saddle that I did not understand," he said.	- Поперек одного седла лежал какой-то сверток, и я тогда не догадался, что в нем, - сказал он.
"But now I know it was the heads."	- Но теперь я знаю, что там были головы.
He went on without pausing. "It was a squadron of cavalry.	- Он продолжал без пауз: - Кавалерийский эскадрон.
They had only one officer left.	Остался только один офицер.

He was not the one who was here in the early morning when you were by the gun.	Не тот, который был здесь утром, когда мы лежали около пулемета.
He must have been one of the dead.	Того, должно быть, убили.
Two of the dead were officers by their sleeves.	Среди мертвых двое офицеров, судя по нашивкам на рукавах.
They were lashed face down over the saddles, their arms hanging.	Они лежали поперек седел, лицом вниз, руки болтались.
Also they had the _maquina_ of El Sordo tied to the saddle that bore the heads.	И на том же седле, на котором везли головы, была привязана maquina Глухого.
The barrel was bent.	Ствол погнут.

That is all," he finished.	Вот и все, - кончил он.
"It is enough," Robert Jordan said and dipped his cup into the wine bowl.	- И этого достаточно, - сказал Роберт Джордан и зачерпнул кружкой вина.
"Who beside you has been through the lines to the side of the Republic?"	- Кто, кроме тебя, переходил через линию фронта на республиканскую территорию?
"Andres and Eladio."	- Андрес и Эладио.
"Which is the better of those two?"	- Который из них надежнее?
"Andres."	- Андрес.

"How long would it take him to get to Navacerrada from here?"	- Сколько ему понадобится, чтобы добраться отсюда до Навасеррады?

"Carrying no pack and taking his precautions, in three hours with luck.	- Без поклажи и соблюдая осторожность - три часа, если повезет.
We came by a longer, safer route because of the material."	Мы с тобой шли другой, более длинной, но более безопасной дорогой, потому что несли твои материалы.
"He can surely make it?"	-А он доберется наверняка?
"No se, there is no such thing as surely."	- No se, наверняка ничего не бывает.
"Not for thee either?"	-И у тебя не бывает?
"Nay."	- Нет.
That decides that, Robert Jordan thought to himself.	Значит, решено, подумал Роберт Джордан.

If he had said that he could make it surely, surely I would have sent him.	Если б он сказал, что доберется наверняка, я бы наверняка его и послал.
"Andres can get there as well as thee?"	- Андрес сделает это не хуже тебя?
"As well or better.	- Не хуже, а может быть, и лучше.
He is younger."	Он моложе.
"But this must absolutely get there."	- Но это надо доставить туда во что бы то ни стало.
"If nothing happens he will get there.	- Если ничего не случится, он доставит.
If anything happens it could happen to any one."	А если случится, так и со всяким может случиться.
"I will write a dispatch and send it by him," Robert Jordan said.	- Я напишу донесение и отправлю с ним, - сказал Роберт Джордан.

"I will explain to him where he can find the General.	- Я объясню ему, где найти генерала.
He will be at the Estado Mayor of the Division."	Он будет в Estado Mayor дивизии.
"He will not understand all this of divisions and all," Anselmo said.	- Он не разберется в этих дивизиях, - сказал Ансельмо.
"Always has it confused me.	- Я сам всегда путаюсь.
He should have the name of the General and where he can be found."	Ему надо сказать фамилию генерала и где его найти.
"But it is at the Estado Mayor of the Division that he will be found."	- Да он там и будет - в Estado Mayor дивизии.

"But is that not a place?"	- А разве это не какое-нибудь определенное место?
"Certainly it is a place, old one," Robert Jordan explained patiently.	- Место определенное, старик, - торопливо разъяснил Роберт Джордан.
"But it is a place the General will have selected.	- Но генерал каждый раз выбирает новое.
It is where he will make his headquarters for the battle."	И устраивает там свою штаб-квартиру перед боем.

"Where is it then?"	- Тогда где же это?
Anselmo was tired and the tiredness was making him stupid.	Ансельмо устал и от усталости никак не мог понять.

Also words like Brigades, Divisions, Army Corps confused him.	Да и такие слова, как "бригада", "дивизия", "армейский корпус", всегда сбивали его с толку.
First there had been columns, then there were regiments, then there were brigades.	Сначала были колонны, потом полки, потом бригады.
Now there were brigades and divisions, both.	А теперь и бригады и дивизии.
He did not understand.	Он ничего не понимал.
A place was a place.	Говорили бы про определенное место.
"Take it slowly, old one," Robert Jordan said.	- Ты не торопись, старик, - сказал Роберт Джордан.

He knew that if he could not make Anselmo understand he could never explain it clearly to Andres either.	Он знал, что если ему не удастся все растолковать Ансельмо, то Андрес тоже ничего не поймет.
"The Estado Mayor of the Division is a place the General will have picked to set up his organization to command.	- Estado Mayor дивизии - это такое место, которое выбирает сам генерал, и оттуда он командует.
He commands a division, which is two brigades.	Он командует дивизией, а она состоит из двух бригад.
I do not know where it is because I was not there when it was picked.	Я не знаю, где сейчас Estado Mayor, потому что я там не был.

It will probably be a cave or dugout, a refuge, and wires will run to it.	По всей вероятности, в какой-нибудь пещере или землянке, - словом, в укрытии, и туда протянуты провода.
Andres must ask for the General and for the Estado Mayor of the Division.	Андрес спросит, где генерал и где Estado Mayor дивизии.
He must give this to the General or to the Chief of his Estado Mayor or to another whose name I will write.	Вот это он отдаст самому генералу, или начальнику его Estado Mayor, или тому человеку, чью фамилию я напишу.
One of them will surely be there even if the others are out inspecting the preparations for the attack.	Один из них должен быть на месте, Даже если остальные наблюдают за подготовкой к наступлению.

Do you understand now?"	Ну, теперь понял?
"Yes."	-Да.
"Then get Andres and I will write it now and seal it with this seal."	- Тогда пришли сюда Андреса, а я все напишу и запечатаю вот этой печатью.
He showed him the small, round, wooden-backed rubber stamp with the seal of the S. I. M. and the round, tin-covered inking pad no bigger than a fifty-cent piece he carried in his pocket.	- Он показал Ансельмо маленькую круглую резиновую печатку СВР с деревянной колодкой и круглую чернильную подушечку в жестяной коробочке размером с пятидесятицентовую монету. И то и другое он всегда носил в кармане.
"That seal they will honor.	- Этой печати поверят.

Get Andres now and I will explain to him.	Ну, пришли сюда Андреса, и я ему все объясню.
He must go quickly but first he must understand."	Надо поторапливаться, но сначала я хочу убедиться, что он все понял.
"He will understand if I do.	- Если я понял, он тоже поймет.
But you must make it very clear.	Только ты растолкуй все как следует.
This of staffs and divisions is a mystery to me.	Я всегда путаюсь в этих штабах, дивизиях.
Always have I gone to such things as definite places such as a house.	До сих пор меня посылали в определенное место, например, в какой-нибудь дом.
In Navacerrada it is in the old hotel where the place of command is.	В Навасерраде место, откуда командуют, было в старой гостинице.

In Guadarrama it is in a house with a garden."	В Гвадарраме - в домике с садом.
"With this General," Robert Jordan said, "it will be some place very close to the lines.	- У этого генерала, - сказал Роберт Джордан, - Estado Mayor будет совсем близко от позиций.
It will be underground to protect from the planes.	Где-нибудь под землей, чтобы не разбомбили с самолетов.
Andres will find it easily by asking, if he knows what to ask for.	Андрес найдет его без всякого труда, если будет знать, что спрашивать.
He will only need to show what I have written.	Пусть только покажет мою записку.

But fetch him now for this should get there quickly."	Ну, ступай, приведи его, это надо доставить как можно скорее.
Anselmo went out, ducking under the hanging blanket.	Ансельмо вышел, нырнув под попону.
Robert Jordan commenced writing in his notebook.	Роберт Джордан принялся писать в своей записной книжке.
"Listen, _Ingles_," Pablo said, still looking at the wine bowl.	- Слушай, Ingles, - сказал Пабло, все еще глядя на миску с вином.
"I am writing," Robert Jordan said without looking up.	- Я пишу, - сказал Роберт Джордан, не поднимая головы.

"Listen, _Ingles_," Pablo spoke directly to the wine bowl.	- Слушай, Ingles. - Пабло обращался непосредственно к миске с вином.
"There is no need to be disheartened in this.	- Унывать нечего.
Without Sordo we have plenty of people to take the posts and blow thy bridge."	Займем посты и взорвем твой мост и без Г лухого, людей у нас хватит.
"Good," Robert Jordan said without stopping writing.	- Хорошо, - сказал Роберт Джордан, не переставая писать.
"Plenty," Pablo said.	- Людей хватит, - сказал Пабло.

"I have admired thy judgment much today, _Ingles_," Pablo told the wine bowl.	- Мне твоя рассудительность сегодня очень понравилась, Ingles, - говорил Пабло миске с вином.
"I think thou hast much _picardia_.	- В тебе много picardia.
That thou art smarter than I am.	Ты хитрее меня.

I have confidence in thee."	Я тебе доверяю.

Concentrating on his report to Golz, trying to put it in the fewest words and still make it absolutely convincing, trying to put it so the attack would be cancelled, absolutely, yet convince them he wasn't trying to have it called off because of any fears he might have about the danger of his own mission, but wished only to put them in possession of all the facts, Robert Jordan was hardly half listening.	Сосредоточившись на своем донесении Гольцу, стараясь уложиться в возможно меньшее количество слов и все-таки быть максимально убедительным, стараясь представить положение дел так, чтобы наступление отменили, и в то же время убедить их, что он не испугался опасности, связанной с выполнением порученной ему задачи, а только хочет довести до их сведения все факты, Роберт Джордан не слушал Пабло.
"_Ingles_," Pablo said.	- Ingles, - сказал Пабло.

"I am writing," Robert Jordan told him without looking up.	- Я пишу, - ответил Роберт Джордан, не поднимая головы.
I probably should send two copies, he thought.	Может быть, послать два экземпляра, думал он.
But if I do we will not have enough people to blow it if I have to blow it.	Но тогда не хватит людей взорвать мост, если все-таки придется его взрывать.
What do I know about why this attack is made?	Почем я знаю, зачем проводится это наступление?
Maybe it is only a holding attack.	Может быть, это всего-навсего маневр.
Maybe they want to draw those troops from somewhere else.	Может быть, они хотят отвлечь войска противника с других позиций.

Perhaps they make it to draw those planes from the North.	Или отвлечь самолеты с севера.
Maybe that is what it is about.	Может быть, все дело в этом.
Perhaps it is not expected to succeed.	И на успех никто не рассчитывает.
What do I know about it?	Почем я знаю?
This is my report to Golz.	Вот мое донесение Гольцу.
I do not blow the bridge until the attack starts.	Я взрываю мост, когда наступление начнется, не раньше.
My orders are clear and if the attack is called off I blow nothing.	Приказ ясен, и если наступление отменят, я ничего не буду взрывать.

But I've got to keep enough people here for the bare minimum necessary to carry the orders out.	Но у меня должен быть тот минимум людей, который необходим, чтобы выполнить данный мне приказ.
"What did you say?" he asked Pablo.	-Ты что говоришь? - спросил он Пабло.
"That I have confidence, _Ingles_."	- Что я во всем уверен, Ingles.
Pablo was still addressing the wine bowl.	- Пабло все еще обращался к миске с вином.
Man, I wish I had, Robert Jordan thought.	Эх, если бы и я мог сказать то же самое, подумал Роберт Джордан.
He went on writing.	Он продолжал писать.
30	30

So now everything had been done that there was to do that night.	Итак, все, что он хотел сделать за вечер, уже сделано.

All orders had been given.	Распоряжения отданы.
Every one knew exactly what he was to do in the morning.	Каждый знает совершенно точно, что ему надо делать утром.
Andres had been gone three hours.	Андрес ушел три часа тому назад.
Either it would come now with the coming of the daylight or it would not come.	Это будет, как только забрезжит день, или этого совсем не будет.

I believe that it will come, Robert Jordan told himself, walking back down from the upper post where he had gone to speak to Primitivo.	Я уверен, что будет, сказал самому себе Роберт Джордан, возвращаясь с верхнего поста, куда он ходил поговорить с Примитиво.
Golz makes the attack but he has not the power to cancel it.	Наступлением руководит Гольц, но отменить его он не может.
Permission to cancel it will have to come from Madrid.	Разрешение на это должно быть получено из Мадрида.
The chances are they won't be able to wake anybody up there and if they do wake up they will be too sleepy to think.	Но вряд ли там удастся разбудить нужных людей, и если даже удастся, то они ничего не разберут со сна.

I should have gotten word to Golz sooner of the preparations they have made to meet the attack, but how could I send word about something until it happened?	Надо было мне раньше известить Гольца о том, что наше наступление готовятся отразить, но как я мог писать об этом, пока еще ничего определенного не было?
They did not move up that stuff until just at dark.	Ведь они двинули эти штуки только под вечер, в темноте.
They did not want to have any movement on the road spotted by planes.	Они не хотели, чтобы передвижения по дороге были замечены с самолетов.
But what about all their planes?	Ну, а их самолеты?
What about those fascist planes?	Те фашистские самолеты, которые пролетали здесь?

Surely our people must have been warned by them.	Наши, наверно, учли это.
But perhaps the fascists were faking for another offensive down through Guadalajara with them.	Но, может быть, фашисты делают вид, что собираются наступать в Гвадалахаре?
There were supposed to be Italian troops concentrated in Soria, and at Siguenza again besides those operating in the North.	По слухам, в Сории и под Сигуэнсой сосредоточены итальянские войска, это не считая тех, которые действуют на севере.

They haven't enough troops or material to run two major offensives at the same time though.	Хотя вряд ли у них хватит людей и боеприпасов на два наступления одновременно.
That is impossible; so it must be just a bluff.	Это невозможно; значит, это просто-напросто блеф.
But we know how many troops the Italians have landed all last month and the month before at Cadiz.	Но мы знаем, какое количество войск Италия высадила в Кадиксе за два последних месяца.

It is always possible they will try again at Guadalajara, not stupidly as before, but with three main fingers coming down to broaden it out and carry it along the railway to the west of the plateau.	Не исключена такая возможность, что они снова сделают попытку в Г вадалахаре, не такую бессмысленную, как в первый раз, и проведут наступление тремя кулаками, охватив большую территорию вдоль железнодорожной линии в западной части плато.

There was a way that they could do it all right.	Это вполне реально.
Hans had shown him.	Ганс показывал ему, как это можно сделать.
They made many mistakes the first time.	На первых порах они допустили много ошибок.

The whole conception was unsound.	Вся их стратегия была порочна.
They had not used any of the same troops in the Arganda offensive against the Madrid-Valencia road that they used at Guadalajara.	В Аргандском наступлении, стремясь перерезать железную дорогу Мадрид - Валенсия, они не использовали тех войск, которые были на Гвадалахарском фронте.
Why had they not made those same drives simultaneously?	Почему же тогда они не начали обе операции одновременно?
Why? Why?	Почему, почему?
When would we know why?	Когда мы будем знать, почему?
Yet we had stopped them both times with the very same troops.	А ведь мы в обоих случаях задержали их одними и теми же войсками.

We never could have stopped them if they had pulled both drives at once.	Нам никогда бы не удалось задержать их, если б они сразу начали обе операции.
Don't worry, he told himself.	Нечего тревожиться, сказал он самому себе.
Look at the miracles that have happened before this.	Вспомни, ведь бывали же чудеса раньше.
Either you will have to blow that bridge in the morning or you will not have to.	Одно из двух: либо тебе придется взрывать этот мост утром, либо не придется.
But do not start deceiving yourself into thinking you won't have to blow it.	Но только не обманывай себя, не надейся, что тебе не придется взрывать его.
You will blow it one day or you will blow it another.	Взрывать придется - не сегодня, так когда-нибудь потом.

Or if it is not this bridge it will be some other bridge.	Не этот мост, так какой-нибудь другой.
It is not you who decides what shall be done.	Не тебе решать, что надо делать.
You follow orders.	Твое дело выполнять приказы.
Follow them and do not try to think beyond them.	Выполняй их и не думай о том, что кроется за ними.
The orders on this are very clear.	Этот приказ вполне ясен.
Too very clear.	Слишком ясен.
But you must not worry nor must you be frightened.	Но тревожиться тебе не следует и бояться тоже не следует.

For if you allow yourself the luxury of normal fear that fear will infect those who must work with you.	Потому что, если ты позволишь себе такую роскошь, как вполне естественное чувство страха, этот страх за- разит тех, кто должен работать с тобой.
But that heads business was quite a thing all the same, he told himself.	Но эта история с от- рубленными головами - это уже слишком, ска- зал он самому себе.
And the old man running onto them on the hilltop alone.	И старик наткнулся на трупы на вершине холма -совсем один.

How would you have liked to run onto them like that?	Что бы ты сказал, если бы тебе пришлось вот так наткнуться на Них?

That impressed you, didn't it?	Это произвело на тебя сильное впечатление, не так ли?
Yes, that impressed you, Jordan.	Да, это сильно взволновало тебя, Джордан.
You have been quite impressed more than once today.	Сегодняшний день вообще богат впечатлениями.
But you have behaved O.K.	Но ты держался молодцом.
So far you have behaved all right.	До сих пор ты держался неплохо.

You do very well for an instructor in Spanish at the University of Montana, he joked at himself.	Для преподавателя испанского языка в Монтанском университете ты вполне на высоте, подшутил он над собой.
You do all right for that.	Ты работаешь неплохо.
But do not start to thinking that you are anything very special.	Только не воображай себя какой-то незаурядной личностью.
You haven't gotten very far in this business.	Не так уж ты преуспел в своем деле.

Just remember Duran, who never had any military training and who was a composer and lad about town before the movement and is now a damned good general commanding a brigade.	Вспомни Дюрана, который не получил специальной военной подготовки, который до начала движения был композитором и светским молодым человеком, а теперь стал блестящим генералом и командует бригадой.
It was all as simple and easy to learn and understand to Duran as chess to a child chess prodigy.	Дюрану все это далось так же просто и легко, как шахматы вундеркинду.

You had read on and studied the art of war ever since you were a boy and your grandfather had started you on the American Civil War.	Ты с детских лет сидел над книгами о войне и изучал военное искусство, дедушка натолкнул тебя на это своими рассказами о Гражданской войне в Америке.
Except that Grandfather always called it the War of the Rebellion.	Дедушка, правда, называл ее войной мятежников.
But compared with Duran you were like a good sound chess player against a boy prodigy.	Но по сравнению с Дюраном ты то же, что хороший, толковый шахматист по сравнению с шахматистом-вундеркиндом.

Old Duran.	Старина Дюран!
It would be good to see Duran again.	Хорошо бы опять повидаться с Дюраном.
He would see him at Gaylord's after this was over.	Когда все это будет кончено, он встретится с ним у Гэйлорда.
Yes.	Да.
After this was over.	Когда все это будет кончено.
See how well he was behaving?	Видишь, каким молодцом ты держишься!

I'll see him at Gaylord's, he said to himself again, after this is over.	Я встречусь с ним у Гэйлорда, опять сказал он себе, когда все это будет кончено.
Don't kid yourself, he said.	Не обманывай самого себя.
You do it all perfectly O.K.	Ты делаешь все как надо.

Cold.	Трезво.
Without kidding yourself.	Без самообмана.
You aren't going to see Duran any more and it is of no importance.	Дюрана ты больше не увидишь, и это совершенно не важно.

Don't be that way either, he told himself.	Так тоже не надо, подумал он.
Don't go in for any of those luxuries.	Не надо позволять себе никакой такой роскоши.
Nor for heroic resignation either.	И геройского самоотречения тоже не надо.
We do not want any citizens full of heroic resignation in these hills.	Здесь, в горах, не нужны граждане, полные геройского самоотречения.
Your grandfather fought four years in our Civil War and you are just finishing your first year in this war.	Твой дед четыре года был участником нашей Гражданской войны, а ты всего-навсего заканчиваешь свой первый год на этой войне.

You have a long time to go yet and you are very well fitted for the work.	У тебя много времени впереди, и ты прекрасно подходишь для такой работы.
And now you have Maria, too.	А теперь у тебя есть еще Мария.
Why, you've got everything.	Да, у тебя есть все.
You shouldn't worry.	И тревожиться нечего.
What is a little brush between a guerilla band and a squadron of cavalry?	Что значит небольшая стычка между партизанским отрядом и эскадроном кавалерии?
That isn't anything.	Ровным счетом ничего.
What if they took the heads?	Отрубили головы - ну и что же?
Does that make any difference?	Разве это имеет какое-нибудь значение?

None at all.	Никакого!
The Indians always took the scalps when Grandfather was at Fort Kearny after the war.	Когда дед был в форте Кирни после войны, индейцы всегда скальпировали пленных.
Do you remember the cabinet in your father's office with the arrowheads spread out on a shelf, and the eagle feathers of the war bonnets that hung on the wall, their plumes slanting, the smoked buckskin smell of the leggings and the shirts and the feel of the beaded moccasins?	Помнишь шкаф в отцовском кабинете с полочкой, на которой были разложены наконечники стрел, и на стене военные головные уборы с поникшими орлиными перьями, запах прокопченной оленьей кожи, исходивший от индейских штанов курток, и расшитые бисером мокасины?

Do you remember the great stave of the buffalo bow that leaned in a corner of the cabinet and the two quivers of hunting and war arrows, and how the bundle of shafts felt when you closed your hand around them?	Помнишь огромную дугу лука, с которым ходили на буйволов? Он тоже стоял в шкафу, и два колчана с охотничьими и боевыми стрелами. Помнишь, какое ощущение было в ладони, когда ты захватывал рукой сразу несколько таких стрел?
Remember something like that.	Вспомни что-нибудь вроде этого.
Remember something concrete and practical.	Вспомни что-нибудь конкретное, какую-нибудь вещь.

Remember Grandfather's saber, bright and well oiled in its dented scabbard and Grandfather showed you how the blade had been thinned from the many times it had been to the grinder's.	Вспомни дедушкину саблю в погнутых ножнах, блестящую и хорошо смазанную маслом, и как дедушка показывал тебе ее лезвие, ставшее совсем тонким, потому что сабля не один раз побывала у точильщика.
Remember Grandfather's Smith and Wesson.	Вспомни дедушкин смит-и-вессон.
It was a single action, officer's model .32 caliber and there was no trigger guard.	Это был тридцатидвухкалиберный револьвер офицерского образца с простым действием и без предохранителя.

It had the softest, sweetest trigger pull you had ever felt and it was always well oiled and the bore was clean although the finish was all worn off and the brown metal of the barrel and the cylinder was worn smooth from the leather of the holster.	Такого легкого, мягкого спуска ты никогда больше не встречал, и револьвер всегда был хорошо смазан, и канал ствола у него был чистый, хотя поверхность его давно стерлась и бурый металл ствола и барабана стал гладким от кожаной кобуры.
It was kept in the holster with a U.S. on the flap in a drawer in the cabinet with its cleaning equipment and two hundred rounds of cartridges.	Револьвер всегда был в кобуре, на клапане которой были вытиснены буквы С.Ш., и хранился он в ящике шкафа вместе с прибором для чистки и двумя сотнями патронов.

Their cardboard boxes were wrapped and tied neatly with waxed twine.	Картонные коробки с патронами были завернуты в бумагу и аккуратно перевязаны вощеной бечевкой.
You could take the pistol out of the drawer and hold it.	Тебе разрешалось вынуть револьвер из ящика и подержать его в руках.
"Handle it freely," was Grandfather's expression.	"Пусть приучается", - говорил дедушка.
But you could not play with it because it was "a serious weapon."	Но играть с ним тебе не позволяли, потому что это "настоящее оружие".

You asked Grandfather once if he had ever killed any one with it and he said,	Как-то раз ты спросил дедушку, убивал ли он кого-нибудь из этого револьвера, и он сказал:
"Yes."	"Да".
Then you said,	И ты спросил:
"When, Grandfather?" and he said,	"Когда, дедушка?" - и он сказал:
"In the War of the Rebellion and afterwards."	"Во время войны мятежников и после".
You said,	Ты сказал:
"Will you tell me about it, Grandfather?"	"Ты мне расскажешь про это, дедушка?"
And he said,	И он ответил:

"I do not care to speak about it, Robert."	"Мне не хочется об этом говорить, Роберт".
Then after your father had shot himself with this pistol, and you had come home from school and they'd had the funeral, the coroner had returned it after the inquest saying,	Потом, когда отец застрелился из этого револьвера и ты приехал в день похорон, коронер вернул его тебе после конца следствия и сказал:
"Bob, I guess you might want to keep the gun.	"Боб, ты, наверно, захочешь сохранить это.

I'm supposed to hold it, but I know your dad set a lot of store by it because his dad packed it all through the War, besides out here when he first came out with the Cavalry, and it's still a hell of a good gun.	Мне, собственно, полагается оставить его у себя, но я знаю, что твой отец дорожил им, потому что его отец прошел с этим револьвером всю войну и с ним же приехал к нам сюда во главе кавалерийского отряда, к тому же это еще хороший револьвер.
I had her out trying her this afternoon.	Я его сегодня пробовал.
She don't throw much of a slug but you can hit things with her."	Не бог весть что, но ты еще из него постреляешь".

He had put the gun back in the drawer in the cabinet where it belonged, but the next day he took it out and he had ridden up to the top of the high country above Red Lodge, with Chub, where they had built the road to Cooke City now over the pass and across the Bear Tooth plateau, and up there where the wind was thin and there was snow all summer on the hills they had stopped by the lake which was supposed to be eight hundred feet deep and was a deep green color, and Chub held the two horses and he climbed out on a rock and leaned over and saw his face in	Он спрятал револьвер в ящик, на прежнее место, но на следующий день вынул его и поехал вместе с Чэбом в горы, к Ред-Лоджу, туда, где теперь проведена дорога через ущелье и через плато Медвежий Клык до самого Кук-Сити, и там, наверху, где дует легкий ветер и снег лежит все лето, они остановились у озера, про которое говорили, что глубиною оно в восемьсот футов, а вода в нем была темно-зеленого цвета, и Чэб держал обеих лошадей, а он залез на скалу, нагнулся и увидел свое лицо в неподвижной воде озера и увидел револьвер у себя

Then he came back off the rock and when he swung up into the saddle he gave old Bess such a clout with the spurs she started to buck like an old rocking horse.	Тогда он слез со скалы, сел в седло и так пришпорил старушку Бесс, что та стала подкидывать задом, как лошадка-качалка.
He bucked her out along the shore Qf the lake and as soon as she was reasonable they went on back along the trail.	Он погнал ее во весь опор вдоль берега, и когда она успокоилась, они повернули и поехали домой.
"I know why you did that with the old gun, Bob," Chub said.	- Боб, я знаю, почему ты так сделал, - сказал Чэб.
"Well, then we don't have to talk about it," he had said.	- Знаешь, так нечего об этом говорить, - сказал он.

They never talked about it and that was the end of Grandfather's side arms except for the saber.	Они никогда больше не заговаривали об этом, и с дедушкиным личным оружием было покончено, если не считать сабли.
He still had the saber in his trunk with the rest of his things at Missoula.	Сабля и сейчас хранится у него в сундуке в Миссуле вместе с остальными вещами.
I wonder what Grandfather would think of this situation, he thought.	Интересно, что бы дедушка сказал про такую вот ситуацию, подумал он.
Grandfather was a hell of a good soldier, everybody said.	Дедушка был отличный солдат, это все говорили.

They said if he had been with Custer that day he never would have let him be sucked in that way.	Еще говорили, что, будь он при Кастере в тот день, он бы не допустил, чтобы Кастер так осрамился.

How could he ever not have seen the smoke nor the dust of all those lodges down there in the draw along the Little Big Horn unless there must have been a heavy morning mist?	Как это он не заметил ни дыма, ни пыли над окопами вдоль Литл-Биг-Хорна? Разве в то утро был густой туман?
But there wasn't any mist.	Нет, никакого тумана не было.
I wish Grandfather were here instead of me.	Я бы хотел, чтобы вместо меня здесь был дедушка.

Well, maybe we will all be together by tomorrow night.	Впрочем, может быть, завтра ночью мы встретимся.
If there should be any such damn fool business as a hereafter, and I'm sure there isn't, he thought, I would certainly like to talk to him.	Если такая нелепость, как будущая жизнь, существует на самом деле (а я уверен, что ничего такого не существует, думал он), я был бы очень рад поговорить с ним.
Because there are a lot of things I would like to know.	Еще многое хочется узнать от него.
I have a right to ask him now because I have had to do the same sort of things myself.	Теперь я имею право спрашивать, потому что мне приходится делать то же самое, что делал он.
I don't think he'd mind my asking now.	Я думаю, теперь он ничего не будет иметь против таких расспросов.

I had no right to ask before.	Раньше я не имел права спрашивать.
I understand him not telling me because he didn't know me.	Я его понимаю: он не знал меня и поэтому не хотел говорить.
But now I think that we would get along all right.	Но теперь мы бы поняли друг друга.
I'd like to be able to talk to him now and get his advice.	Я хотел бы поговорить с ним и получить от него кое-какие советы.
Hell, if I didn't get advice I'd just like to talk to him.	Да к черту советы, я бы и без них с удовольствием поговорил с ним.
It's a shame there is such a jump in time between ones like us.	Какая жалость, что между нами такой разрыв во времени.

Then, as he thought, he realized that if there was any such thing as ever meeting, both he and his grandfather would be acutely embarrassed by the presence of his father.	Потом, раздумывая над этим, он понял, что, доведись им действительно встретиться в загробной жизни, и он и дедушка чувствовали бы себя очень неловко в присутствии его отца.
Any one has a right to do it, he thought.	Каждый имеет право поступить так, думал он.
But it isn't a good thing to do.	Но ничего хорошего в этом нет.
I understand it, but I do not approve of it. _Lache_ was the word.	Я понимаю это, но одобрить не могу. Lache - вот как это называется.
But you _do_ understand it?	Но ты в самом деле понимаешь это?

Sure, I understand it but.	Да, конечно, я понимаю, но.
Yes, but.	Ага, но.
You have to be awfully occupied with yourself to do a thing like that.	Надо уж очень быть занятым самим собой, чтобы пойти на такую вещь.
Aw hell, I wish Grandfather was here, he thought.	А, черт, как бы я хотел, чтобы дедушка был здесь, подумал он.

For about an hour anyway.	Хотя бы на час.

Maybe he sent me what little I have through that other one that misused the gun.	Может быть, то немногое, что во мне есть, он передал мне через того, другого, который использовал револьвер не по назначению.
Maybe that is the only communication that we have.	Может быть, в этом единственная связь между нами.
But, damn it.	А, к черту!
Truly damn it, but I wish the time-lag wasn't so long so that I could have learned from him what the other one never had to teach me.	К черту, и дело с концом, жаль только, что между нами такая большая разница в летах, я мог бы научиться от него тому, чему меня не научил тот, другой.

But suppose the fear he had to go through and dominate and just get rid of finally in four years of that and then in the Indian fighting, although in that, mostly, there couldn't have been so much fear, had made a _cobarde_ out of the other one the way second generation bullfighters almost always are?	А что, если страх, через который деду пришлось пройти и который он подавлял в себе и наконец преодолел за эти четыре года и за войну с индейцами, хотя там, наверно, ничего особенно страшного не было, - что, если этот страх отразился на том, другом, и сделал из него cobarde, как это, например, бывает со вторым поколением матадоров?
Suppose that?	Что, если это так?
And maybe the good juice only came through straight again after passing through that one?	И, может быть, добрая порода сказалась, пройдя через того, другого?

I'll never forget how sick it made me the first time I knew he was a _cobarde_.	Я никогда не забуду, как мне было гадко первое время. Я знал, что он cobarde.
Go on, say it in English.	А ну-ка, скажи это на родном языке.
Coward.	[т]ру[с].
It's easier when you have it said and there is never any point in referring to a son of a bitch by some foreign term.	Когда скажешь, сразу становится легче, и вообще ни к чему подыскивать иностранное слово для сукина сына.
He wasn't any son of a bitch, though.	Нет, он не был сукиным сыном.
He was just a coward and that was the worst luck any man could have.	Он был просто трус, а это самое большое несчастье, какое может выпасть на долю человека.

Because if he wasn't a coward he would have stood up to that woman and not let her bully him.	Потому что, не будь он трусом, он не сдал бы перед этой женщиной и не позволил бы ей заклевать себя.
I wonder what I would have been like if he had married a different woman?	Интересно, какой бы я был, если б он женился на иной женщине?
That's something you'll never know, he thought, and grinned.	Этого ты никогда не узнаешь, подумал он и усмехнулся.
Maybe the bully in her helped to supply what was missing in the other.	Может быть, ее деспотизм дополнил то, чего не хватало в том, другом.
And you.	И в тебе.
Take it a little easy.	Легче, легче.

Don't get to referring to the good juice and such other things until you are through tomorrow.	Нечего болтать о доброй породе и тому подобных вещах, пока ты не прожил завтрашний день.
Don't be snotty too soon.	Нечего задирать нос раньше времени.
And then don't be snotty at all.	И вообще нечего задирать нос.
We'll see what sort of juice you have tomorrow.	Завтра посмотрим, какая она, эта порода, о которой ты говоришь.
But he started thinking about Grandfather again.	Он снова стал думать о дедушке.
"George Custer was not an intelligent leader of cavalry, Robert," his grandfather had said.	"Джорджа Кастера нельзя назвать толковым командиром, - сказал както дедушка.

"He was not even an intelligent man."	- Даже просто толковым человеком и то его не назовешь".
He remembered that when his grandfather said that he felt resentment that any one should speak against that figure in the buckskin shirt, the yellow curls blowing, that stood on that hill holding a service revolver as the Sioux closed in around him in the old Anheuser-Busch lithograph that hung on the poolroom wall in Red Lodge.	Он вспомнил, что, когда дед сказал это, ему было неприятно услышать такие слова, о герое, изображенном на старинной анхейзербушевской литографии, висевшей в бильярдной в Ред-Лодже: развевающиеся светлые кудри, куртка из оленьей кожи, револьвер в руке, а со всех сторон к нему подступают индейцы племени сиу.

"He just had great ability to get himself in and out of trouble," his grandfather went on, "and on the Little Big Horn he got into it but he couldn't get out.	"Он вечно умудрялся попадать в какую-нибудь беду, и каждый раз все обходилось, - продолжал дед. - Однако на Литл-Биг-Хорне беда с ним опять стряслась, а выпутаться из нее он уже не смог.
"Now Phil Sheridan was an intelligent man and so was Jeb Stuart.	Вот Фил Шеридан - тот был очень способный человек, и Джеб Стюарт тоже.
But John Mosby was the finest cavalry leader that ever lived."	Но более блестящего командира кавалерии, чем Джон Мосби, не было и не будет".

He had a letter in his things in the trunk at Missoula from General Phil Sheridan to old Killy-the-Horse Kilpatrick that said his grandfather was a finer leader of irregular cavalry than John Mosby.	Среди его вещей, хранившихся в сундуке в Миссуле, было письмо генерала Фила Шеридана к "Кильке на Коне" Кильпатрику, в котором говорилось, что его дед был куда более блестящим командиром нерегулярной кавалерии, чем Джон Мосби.
I ought to tell Golz about my grandfather, he thought.	Надо было мне сказать Гольцу про деда, подумал он.
He wouldn't ever have heard of him though.	Впрочем, Гольц, наверно, и имени его не слыхал.
He probably never even heard of John Mosby.	Да он вряд ли что знает и про Джона Мосби.

The British all had heard of them though because they had to study our Civil War much more than people did on the Continent.	Англичане хорошо помнят эти имена, потому что в Англии гораздо подробнее изучали нашу Гражданскую войну, чем где бы то ни было на континенте.
Karkov said after this was over I could go to the Lenin Institute in Moscow if I wanted to.	Карков говорил, что, когда эта война кончится, я смогу, если захочу, поехать в Москву, в Ленинскую школу.
He said I could go to the military academy of the Red Army if I wanted to do that.	Он говорил, что при желании я смогу учиться в Военной академии Красной Армии.

I wonder what Grandfather would think of that?	Интересно, что бы сказал дедушка, услышав это?

Grandfather, who never knowingly sat at table with a Democrat in his life.	Дедушка, который никогда в жизни не садился за один стол с демократами.
Well, I don't want to be a soldier, he thought.	Нет, солдатом я быть не хочу, думал он.
I know that.	Это я знаю твердо.
So that's out.	Так что это исключается.
I just want us to win this war.	Я только хочу, чтобы мы выиграли войну.
I guess really good soldiers are really good at very little else, he thought.	Я думаю, что настоящий солдат умеет делать по-настоящему только свое дело и ничего больше, думал он.
That's obviously untrue.	Нет, это неверно.

Look at Napoleon and Wellington.	А Наполеон, а Веллингтон?
You're very stupid this evening, he thought.	Ты что-то поглупел за сегодняшний вечер, сказал он самому себе.
Usually his mind was very good company and tonight it had been when he thought about his grandfather.	Обычно собственные мысли были для него лучшим обществом, так было и в этот вечер, пока он думал о дедушке.
Then thinking of his father had thrown him off.	Но воспоминания об отце выбили его из колеи.
He understood his father and he forgave him everything and he pitied him but he was ashamed of him.	Он понимал своего отца, и прощал ему все, и жалел его, но чувство стыда в себе побороть не мог.

You better not think at all, he told himself.	Ты лучше совсем перестань думать, сказал он самому себе.
Soon you will be with Maria and you won't have to think.	Скоро ты будешь с Марией, и тогда думать тебе не придется.
That's the best way now that everything is worked out.	Теперь, когда все решено, для тебя самое лучшее не думать совсем.
When you have been concentrating so hard on something you can't stop and your brain gets to racing like a flywheel with the weight gone.	Когда сосредоточиваешься на чем-нибудь одном, остановить мысли трудно, и они крутятся, как маховое колесо на холостом ходу.
You better just not think.	Постарайся лучше ни о чем не думать.

But just suppose, he thought.	Но предположим так, думал он.
Just suppose that when the planes unload they smash those anti-tank guns and just blow hell out of the positions and the old tanks roll good up whatever hill it is for once and old Golz boots that bunch of drunks, _clochards_, bums, fanatics and heroes that make up the Quatorzieme Brigade ahead of him, and I _know_ how good Duran's people are in Golz's other brigade, and we are in Segovia tomorrow night.	Предположим, что самолеты сбросят бомбы прямо на эти противотанковые пушки и разнесут их вдребезги, и тогда танки поднимутся на ту высоту, на какую нужно, и наш Гольц выгонит вперед всех этих пьянчуг, clochards, бродяг, фанатиков и героев, из которых состоит Четырнадцатая бригада, а во Второй бригаде Гольца есть замечательный народ Дюрана, я их знаю, - и завтра к вечеру мы будем в Сеговии.

Yes.	Да.
Just suppose, he said to himself.	Предположим, что так, сказал он себе.

I'll settle for La Granja, he told himself.	Я отправлюсь в Ла-Гранху, сказал он себе.
But you are going to have to blow that bridge, he suddenly knew absolutely.	Но тебе придется взрывать этот мост, - внезапно он понял это с абсолютной ясностью.
There won't be any calling off.	Отменять наступление не будут.
Because the way you have just been supposing there for a minute is how the possibilities of that attack look to those who have ordered it.	Потому что твои недавние предположения в точности соответствуют тем надеждам, которые возлагают на эту операцию ее организаторы.

Yes, you will have to blow the bridge, he knew truly.	Да, мост придется взорвать, он знал это.
Whatever happens to Andres doesn't matter.	Что бы ни случилось с Андресом, это не будет иметь никакого значения.
Coming down the trail there in the dark, alone with the good feeling that everything that had to be done was over for the next four hours, and with the confidence that had come from thinking back to concrete things, the knowledge that he would surely have to blow the bridge came to him almost with comfort.	Спускаясь вниз по тропинке в темноте с приятной уверенностью, что все сделано и в ближайшие четыре часа ничего делать не надо, он чувствовал, как подбодрили его мысли о конкретных вещах, и теперь сознание, что мост непременно придется взрывать, принесло ему чуть ли не успокоение.

The uncertainty, the enlargement of the feeling of being uncertain, as when, through a misunderstanding of possible dates, one does not know whether the guests are really coming to a party, that had been with him ever since he had dispatched Andres with the report to Golz, had all dropped from him now.	Чувство неопределенности, которое он растравил в себе, - так бывает, когда из-за путаницы в числах не знаешь, ждать ли тебе гостей сегодня или нет, - и беспокойство, не оставлявшее его с тех пор, как Андрес ушел с донесением Гольцу, теперь исчезло.
He was sure now that the festival would not be cancelled.	Теперь он знал наверняка, что праздник отложен не будет.
It's much better to be sure, he thought.	Так лучше, по крайней мере, знаешь наверняка, думал он.

It's always much better to be sure.	Так гораздо лучше.
31	31
So now they were in the robe again together and it was late in the last night.	И вот они опять вместе в мешке, и наступил уже поздний час последней ночи.
Maria lay close against him and he felt the long smoothness of her thighs against his and her breasts like two small hills that rise out of the long plain where there is a well, and the far country beyond the hills was the valley of her throat where his lips were.	Мария лежала вплотную к нему, он чувствовал всю длину ее гладких ног, прильнувших к его ногам, и ее груди, точно два маленьких холма на равнине, где протекает ручей, а за холмами начинался длинный лог - ее шея, к которой прижимались его губы.

He lay very quiet and did not think and she stroked his head with her hand.	Он лежал не двигаясь и ни о чем не думал, а она гладила его по голове.
"Roberto," Maria said very softly and kissed him.	- Роберто, - сказала Мария совсем тихо и поцеловала его.
"I am ashamed.	- Мне очень стыдно.
I do not wish to disappoint thee but there is a great soreness and much pain.	Мне не хочется огорчать тебя, но мне очень больно и как-то нелад-но внутри.
I do not think I would be any good to thee."	Боюсь, что сегодня тебе не будет хорошо со мной.

"There is always a great soreness and much pain," he said.	- Всегда бывает очень больно и как-то нелад-но, -сказал он.

"Nay, rabbit.	- Ничего, зайчонок.
That is nothing.	Не бойся.
We will do nothing that makes pain."	Мы ничего такого не будем делать, от чего может быть больно.
"It is not that.	- Не в том дело.
It is that I am not good to receive thee as I wish to."	Дело в том, что я не могу быть с тобой так, как мне хочется.
"That is of no importance.	- Это не имеет значения.
That is a passing thing.	Это пройдет.
We are together when we lie together."	Когда мы лежим так рядом, мы все равно вместе.
"Yes, but I am ashamed.	- Да, но мне стыдно.

I think it was from when things were done to me that it comes.	Это, наверно, от того нехорошего, что со мной делали.
Not from thee and me."	Не от того, как ты со мной.
"Let us not talk of that."	- Не будем говорить об этом.
"Nor do I wish to.	-Я не хочу говорить.
I meant I could not bear to fail thee now on this night and so I sought to excuse myself."	Только мне было так обидно, что именно сегодня, в эту ночь, я не могу быть с тобой так, как мне хочется, вот я и сказала, чтобы ты знал почему.
"Listen, rabbit," he said.	- Слушай, зайчонок, - сказал он.
"All such things pass and then there is no problem."	- Это скоро пройдет, и все тогда будет в порядке.

But he thought; it was not good luck for the last night.	- Но он подумал: жаль все-таки, что так вышло в последнюю ночь.
Then he was ashamed and said,	Потом ему стало стыдно, и он сказал:
"Lie close against me, rabbit.	- Прижмись ко мне крепче, зайчонок.
I love thee as much feeling thee against me in here in the dark as I love thee making love."	Когда я чувствую тебя близко, мне так же хорошо, как когда я люблю тебя.
"I am deeply ashamed because I thought it might be again tonight as it was in the high country when we came down from El Sordo's."	- А мне очень стыдно, потому что я думала, сегодня ночью будет так, как было там, на горе, когда мы возвращались от Эль Сордо.
"_Que va_," he said to her.	- Que va, - сказал он ей.

"That is not for every day.	- Не каждый день так бывает.
I like it thus as well as the other."	И сейчас не хуже, чем было тогда.
He lied, putting aside disappointment.	- Он лгал, стараясь не думать о своем разочаровании.
"We will be here together quietly and we will sleep.	- Мы полежим тихонько вместе и так заснем.
Let us talk together.	Давай поговорим.

I know thee very little from talking."	Ведь мы с тобой так мало разговариваем.
"Should we speak of tomorrow and of thy work?	- Может быть, поговорим о твоей работе, о том, что будет завтра.

I would like to be intelligent about thy work."	Мне бы так хотелось знать про твою работу.
"No," he said and relaxed completely into the length of the robe and lay now quietly with his cheek against her shoulder, his left arm under her head.	- Нет, - сказал он, и удобно вытянулся во всю длину мешка, и теперь лежал неподвижно, щекой прижавшись к ее плечу, левую руку подложив ей под голову.
"The most intelligent is not to talk about tomorrow nor what happened today.	- Самое разумное - это не говорить о том, что будет завтра, и о том, что случилось сегодня.
In this we do not discuss the losses and what we must do tomorrow we will do.	В нашем деле потерь не обсуждают, а то, что должно быть сделано завтра, будет сделано.

Thou art not afraid?"	Ты не боишься?
"_Que va_," she said.	- Que va, - сказала она.
"I am always afraid.	- Я всегда боюсь.
But now I am afraid for thee so much I do not think of me."	Но теперь я так сильно боюсь за тебя, что мне некогда думать о себе.
"Thou must not, rabbit.	- Не надо, зайчонок.
I have been in many things.	Я бывал во многих переделках.
And worse than this," he lied.	И похуже этой, - солгал он.
Then suddenly surrendering to something, to the luxury of going into unreality, he said,	Потом вдруг, поддаваясь соблазну уйти от действительности, он сказал:

"Let us talk of Madrid and of us in Madrid."	- Давай говорить про Мадрид и про то, как мы там будем.
"Good," she said. Then, "Oh, Roberto, I am sorry I have failed thee.	- Хорошо, - сказала она и потом: - О Роберто, мне так жаль, что я сегодня такая.
Is there not some other thing that I can do for thee?"	Может быть, я могу сделать для тебя еще что-нибудь?
He stroked her head and kissed her and then lay close and relaxed beside her, listening to the quiet of the night.	Он погладил ее по голове и поцеловал ее, а потом лежал, прижавшись к ней и удобно вытянувшись, и прислушивался к тишине ночи.

"Thou canst talk with me of Madrid," he said and thought: I'll keep any oversupply of that for tomorrow.	- Вот можешь поговорить со мной про Мадрид, - сказал он и подумал: это останется при мне и пригодится мне на завтра.
I'll need all of that there is tomorrow. There are no pine needles that need that now as I will need it tomorrow. Who was it cast his seed upon the ground in the Bible? Onan. How did Onan turn out? he thought. I don't remember ever hearing any more about Onan.	Завтра мне понадобится все, что только у меня есть.
He smiled in the dark.	Он улыбнулся в темноте.

Then he surrendered again and let himself slip into it, feeling a voluptuousness of surrender into unreality that was like a sexual acceptance of something that could come in the night when there was no understanding, only the delight of acceptance.	Потом он опять уступил и дал себе соскользнуть в далекое от действительности, испытывая при этом блаженство, похожее на то, какое дает ночная близость, когда нет понимания, а есть лишь наслаждение этой близостью.
"My beloved," he said, and kissed her.	- Моя любимая, - сказал он и поцеловал ее.
"Listen.	- Слушай.

The other night I was thinking about Madrid and I thought how I would get there and leave thee at the hotel while I went up to see people at the hotel of the Russians.	Вчера вечером я думал про Мадрид и воображал себе, как я приеду туда и оставлю тебя в отеле, а сам пойду повидать кое-кого в другой отель, где живут русские.
But that was false.	Только это все вздор.
I would not leave thee at any hotel."	Ни в каком отеле я тебя не оставлю.
"Why not?"	- Почему?
"Because I will take care of thee.	- Потому что я хочу, чтобы ты была со мной.
I will not ever leave thee.	Я тебя не оставлю ни на минуту.
I will go with thee to the Seguridad to get papers.	Я пойду вместе с тобой в Сегуридад за документами.

Then I will go with thee to buy those clothes that are needed."	Потом я пойду вместе с тобой купить, что тебе нужно из платья.
"They are few, and I can buy them."	- Мне нужно немного, я могу сама купить.
"Nay, they are many and we will go together and buy good ones and thou wilt be beautiful in them."	- Нет, тебе нужно много, и мы пойдем вместе и купим все самое лучшее, и ты будешь очень красивая во всем этом.
"I would rather we stayed in the room in the hotel and sent Out for the clothes.	- А по-моему, лучше останемся в номере в отеле, а за платьями пошлем кого-нибудь.
Where is the hotel?"	Где отель?
"It is on the Plaza del Callao.	- На Пласа-дель-Кальяо.

We will be much in that room in that hotel.	Мы много времени будем проводить там в номере.
There is a wide bed with clean sheets and there is hot running water in the bathtub and there are two closets and I will keep my things in one and thou wilt take the other. And there are tall, wide windows that open, and outside, in the streets, there is the spring.	Там есть широкая кровать с чистыми простынями, и в ванной идет горячая вода из крана, и там есть два стенных шкафа, я развешу свои вещи в одном, а другой будет тебе, и там высокие, широкие окна, которые можно распахнуть настежь, а за окнами, на улице, весна.
Also I know good places to eat that are illegal but with good food, and I know shops where there is still wine and whiskey.	И я знаю такие места, где можно хорошо пообедать, там торгуют из-под полы, но кормят очень хорошо, и я знаю лавки, где можно купить вино и виски.

And we will keep things to eat in the room for when we are hungry and also whiskey for when I wish a drink and I will buy thee manzanilla."	И что-нибудь мы захватим с собой в номер на тот случай, если проголодаемся, и виски тоже захватим на тот случай, если мне захочется выпить, а тебе я куплю мансанильи.

"I would like to try the whiskey."	- А мне хочется попробовать виски.
"But since it is difficult to obtain and if thou likest manzanilla."	- Но ведь его так трудно достать, а мансанилью ты любишь.
"Keep thy whiskey, Roberto," she said.	- Ладно, не надо мне твоего виски, Роберто, -сказала она.
"Oh, I love thee very much.	- О, как я тебя люблю.

Thou and thy whiskey that I could not have.	И тебя, и твое виски, которое ты для меня жалеешь.
What a pig thou art."	Свинья ты все-таки.
"Nay, you shall try it. But it is not good for a woman."	- Я тебе дам попробовать, но женщинам это вредно.
"And I have only had things that were good for a woman," Maria said.	- А я до сих пор знала только то, что женщинам полезно, - сказала Мария.
"Then there in bed I will still wear my wedding shirt?"	- Но как я там лягу в постель? Все в той же свадебной рубашке?
"Nay.	- Нет.
I will buy thee various nightgowns and pajamas too if you should prefer them."	Я куплю тебе разные сорочки и пижамы, если тебе больше понравится спать в пижаме.

"I will buy seven wedding shirts," she said.	- Я куплю себе семь свадебных рубашек, - сказала она.
"One for each day of the week.	- По одной на каждый день недели.
And I will buy a clean wedding shirt for thee.	И тебе я тоже куплю чистую свадебную рубашку.
Dost ever wash thy shirt?"	Ты свою рубашку когда-нибудь стираешь?
"Sometimes."	- Иногда стираю.
"I will keep everything clean and I will pour thy whiskey and put the water in it as it was done at Sordo's.	- Я буду следить, чтоб у тебя было все чистое, и я буду наливать тебе виски и разбавлять его водой, так, как вы делали, когда мы были у Глухого.

I will obtain olives and salted codfish and hazel nuts for thee to eat while thou drinkest and we will stay in the room for a month and never leave it.	И я достану тебе маслин, и соленой трески, и орешков на закуску, и мы просидим там в номере целый месяц и никуда не будем выходить.
If I am fit to receive thee," she said, suddenly unhappy.	Если только я смогу быть с тобой так, как мне хочется, - сказала она, вдруг приуныв.
"That is nothing," Robert Jordan told her.	- Это ничего, - сказал ей Роберт Джордан.
"Truly it is nothing.	- Правда, это ничего.
It is possible thou wert hurt there once and now there is a scar that makes a further hurting.	Может быть, у тебя там была какая-нибудь ссадина и образовался рубец и он теперь болит.

Such a thing is possible.	Это бывает.
All such things pass.	Но это всегда очень быстро проходит.
And also there are good doctors in Madrid if there is truly anything."	Наконец, в Мадриде есть хорошие врачи, на случай, если у тебя что-нибудь серьезное.

"But all was good before," she said pleadingly.	- Но ведь раньше все было хорошо, - жалобно сказала она.
"That is the promise that all will be good again."	-Тем более; значит, все опять будет хорошо.
"Then let us talk again about Madrid."	- Тогда давай опять говорить про Мадрид.

She curled her legs between his and rubbed the top of her head against his shoulder.	- Она переплела свои ноги с его ногами и потерлась макушкой о его плечо.
"But will I not be so ugly there with this cropped head that thou wilt be ashamed of me?"	- А ты там не будешь меня стыдиться, что я такая уродина? Стриженая?
"Nay.	- Нет.
Thou art lovely.	Ты красивая.
Thou hast a lovely face and a beautiful body, long and light, and thy skin is smooth and the color of burnt gold and every one will try to take thee from me."	У тебя красивое лицо и прекрасное тело, длинное и легкое. Кожа у тебя гладкая, цвета темного золота, и всякий, кто тебя увидит, захочет отнять тебя у меня.

"_Que va_, take me from thee," she said.	- Que va, отнять меня у тебя! - сказала она.
"No other man will ever touch me till I die.	- Больше ни один мужчина не прикоснется ко мне до самой смерти.
Take me from thee! Que va ."	Отнять меня у тебя!
"But many will try.	- А многие захотят.
Thou wilt see."	Вот посмотришь.
"They will see I love thee so that they will know it would be as unsafe as putting their hands into a caldron of melted lead to touch me.	- Они увидят, как я тебя люблю, и сразу поймут, что тронуть меня - это все равно что сунуть руку в котел с расплавленным свинцом.
But thou?	А ты?

When thou seest beautiful women of the same culture as thee?	Когда ты увидишь красивых женщин, умных, образованных, под стать тебе?
Thou wilt not be ashamed of me?"	Ты не будешь стыдиться меня?
"Never.	- Никогда.
And I will marry thee."	Я женюсь на тебе.
"If you wish," she said.	- Если хочешь, - сказала она.
"But since we no longer have the Church I do not think it carries importance."	- Но раз у нас теперь церкви нет, это, по-моему, не имеет значения.
"I would like us to be married."	- А все-таки мы с тобой поженимся.
"If you wish.	- Если хочешь.

But listen.	Знаешь что?
If we were ever in another country where there still was the Church perhaps we could be married in it there."	Если мы когда-нибудь попадем в другую страну, где еще есть церковь, может быть, мы там сможем пожениться?
"In my country they still have the Church," he told her.	- У меня на родине церковь еще есть, - сказал он ей.

"There we can be married in it if it means aught to thee.	- Там мы можем пожениться, если для тебя это важно.
I have never been married.	Я никогда не был женат.
There is no problem."	Так что это очень просто сделать.

"I am glad thou hast never been married," she said.	- Я рада, что ты никогда не был женат, - сказала она.
"But I am glad thou knowest about such things as you have told me for that means thou hast been with many women and the Pilar told me that it is only such men who are possible for husbands.	- Но я рада, что ты знаешь все, про что мне говорил, потому что это означает, что ты знал многих женщин, а Пилар говорит, что только за таких мужчин можно выходить замуж.
But thou wilt not run with other women now?	Но теперь ты не будешь бегать за другими женщинами?
Because it would kill me."	Потому что я умру, если будешь.
"I have never run with many women," he said, truly.	- Я никогда особенно много не бегал за женщинами, - сказал он, и это была правда.

"Until thee I did not think that I could love one deeply."	- До тебя я даже не думал, что могу полюбить по-настоящему.
She stroked his cheeks and then held her hands clasped behind his head.	Она погладила его по щеке, потом обняла его.
"Thou must have known very many."	- Ты, наверно, знал очень многих женщин?
"Not to love them."	- Но не любил ни одной.
"Listen.	- Послушай.
The Pilar told me something--"	Мне Пилар сказала одну вещь...
"Say it."	- Какую?
"No.	- Нет.
It is better not to.	Лучше я тебе не скажу.

Let us talk again about Madrid."	Давай говорить про Мадрид.
"What was it you were going to say?"	- А что ты хотела сказать?
"I do not wish to say it."	- Теперь уже не хочу.
"Perhaps it would be better to say it if it could be important."	- А может быть, все-таки лучше скажешь, вдруг это важно?
"You think it is important?"	-Ты думаешь, это может быть важно?
"Yes."	-Да.
"But how can you know when you do not know what it is?"	- Откуда ты знаешь? Ты же не знаешь, что это такое.
"From thy manner."	- Я вижу по тебе.
"I will not keep it from you then.	- Ну хорошо, я не буду от тебя скрывать.

The Pilar told me that we would all die tomorrow and that you know it as well as she does and that you give it no importance.	Пилар сказала мне, что мы завтра все умрем, и что ты это знаешь так же хорошо, как и она, и что тебе это все равно.

She said this not in criticism but in admiration."	Она это не в осуждение тебе сказала, а в похвалу.
"She said that?" he said.	- Она так сказала? - спросил он.
The crazy bitch, he thought, and he said, "That is more of her gypsy manure.	Сумасшедшая баба, подумал он, а вслух сказал: -Это все ее чертовы цыганские выдумки.
That is the way old market women and cafe cowards talk.	Так говорят старые торговки на рынке и трусы в городских кафе.

That is manuring obscenity."	Чертовы выдумки, так ее и так.
He felt the sweat that came from under his armpits and slid down between his arm and his side and he said to himself, So you are scared, eh? and aloud he said, "She is a manure-mouthed superstitious bitch.	- Он почувствовал, как пот выступил у него под мышка-ми и струйкой потек вдоль бока, и он ска-зал самому себе: бо-ишься, да? А вслух сказал:- Она просто суеверная, болтливая баба.
Let us talk again of Madrid."	Давай опять гово-рить про Мадрид.
"Then you know no such thing?"	- Значит, ты ничего такого не знаешь?
"Of course not.	- Конечно, нет.

Do not talk such manure," he said, using a stronger, ugly word.	Не повторяй эту гадость, - сказал он, употребив еще более крепкое, нехорошее слово.
But this time when he talked about Madrid there was no slipping into make-believe again.	Но теперь, когда он заговорил про Мадрид, ему уже не удалось уйти в вымысел целиком.
Now he was just lying to his girl and to himself to pass the night before battle and he knew it.	Он просто лгал своей любимой и себе, чтобы скоротать ночь накануне боя, и знал это.
He liked to do it, but all the luxury of the acceptance was gone.	Ему было приятно, но вся прелесть иллюзий исчезла.
But he started again.	И все-таки он заговорил опять.

"I have thought about thy hair," he said.	- Я уже думал о твоих волосах, - сказал он.
"And what we can do about it.	- И о том, что нам с ними делать.
You see it grows now all over thy head the same length like the fur of an animal and it is lovely to feel and I love it very much and it is beautiful and it flattens and rises like a wheatfield in the wind when I pass my hand over it."	Они сейчас отрастают ровно со всех сторон, как мех у пушистого зверя, и их очень приятно трогать, и мне они очень нравятся, они очень красивые, и так хорошо пригибаются, когда я провожу по ним рукой, и потом опять встают, точно рожь под ветром.
"Pass thy hand over it."	- Проведи по ним рукой.

He did and left his hand there and went on talking to her throat, as he felt his own throat swell.	Он провел и не отнял руки и продолжал говорить, шевеля губами у самого ее горла, а у него самого в горле что-то набухало все больше и больше.
"But in Madrid I thought we could go together to the coiffeur's and they could cut it neatly on the sides and in the back as they cut mine and that way it would look better in the town while it is growing out."	- Но в Мадриде мы можем пойти с тобой к парикмахеру, и тебе подстригут их на висках и на затылке, как у меня, для города это будет лучше выглядеть, пока они не отросли.
"I would look like thee," she said and held him close to her.	- Я буду похожа на тебя, - сказала она и прижала его к себе.
"And then I never would want to change it."	- И мне никогда не захочется изменить прическу.

"Nay.	- Нет.

It will grow all the time and that will only be to keep it neat at the start while it is growing long.	Они будут все время расти, и это нужно только вначале, пока они еще короткие.
How long will it take it to grow long?"	Сколько потребуется времени, чтобы они стали длинные?
"Really long?"	- Совсем длинные?
"No.	- Нет.
I mean to thy shoulders.	Вот так, до плеч.
It is thus I would have thee wear it."	Мне хочется, чтоб они у тебя были до плеч.
"As Garbo in the cinema?"	- Как у Греты Гарбо?

"Yes," he said thickly.	- Да, - сказал он хрипло.
Now the making believe was coming back in a great rush and he would take it all to him.	Теперь вымысел стремительно возвращался, и он спешил поскорее поддаться ему всем существом.
It had him now, and again he surrendered and went on.	И вот он опять оказался в его власти и продолжал:

"So it will hang straight to thy shoulders and curl at the ends as a wave of the sea curls, and it will be the color of ripe wheat and thy face the color of burnt gold and thine eyes the only color they could be with thy hair and thy skin, gold with the dark flecks in them, and I will push thy head back and look in thy eyes and hold thee tight against me--"	- Они будут висеть у тебя до плеч свободно, а на концах немного виться, как вьется морская волна, и они будут цвета спелой пшеницы, а лицо у тебя цвета темного золота, а глаза - того единственного цвета, который подходит к твоим волосам и к твоей коже, золотые с темными искорками, и я буду отгибать тебе голову назад, и смотреть в твои глаза, и крепко обнимать тебя.
"Where?"	-Где?
"Anywhere.	-Где угодно.
Wherever it is that we are.	Везде, где мы будем.

How long will it take for thy hair to grow?"	Сколько времени нужно, чтобы твои волосы отросли?
"I do not know because it never had been cut before.	- Не знаю, я раньше никогда не стриглась.
But I think in six months it should be long enough to hang well below my ears and in a year as long as thou couldst ever wish.	Но я думаю, что за полгода они отрастут ниже ушей, а через год будут как раз такие, как тебе хочется.
But do you know what will happen first?"	Но только раньше будет знаешь что?
"Tell me."	- Нет. Скажи.

"We will be in the big clean bed in thy famous room in our famous hotel and we will sit in the famous bed together and look into the mirror of the armoire and there will be thee and there will be me in the glass and then I will turn to thee thus, and put my arms around thee thus, and then I will kiss thee thus."	- Мы будем лежать на большой, чистой кровати в твоем знаменитом номере, в нашем знаменитом отеле, и мы будем сидеть вместе на знаменитой кровати и смотреть в зеркало гардероба, и там, в зеркале, будешь ты и я, и я обернусь к тебе вот так, и обниму тебя вот так, и потом поцелую тебя вот так.

Then they lay quiet and close together in the night, hot-aching, rigid, close together and holding her, Robert Jordan held closely too all those things that he knew could never happen, and he went on with it deliberately and said,	Потом они лежали неподвижно рядом, прижавшись друг к другу в темноте, оцепенев, замирая от боли, тесно прижавшись друг к другу, и, обнимая ее, Роберт Джордан обнимал все то, чему, он знал, никогда не сбыться, но он нарочно продолжал говорить и сказал:
"Rabbit, we will not always live in that hotel."	- Зайчонок, мы не всегда будем жить в этом отеле.
"Why not?"	- Почему?
"We can get an apartment in Madrid on that street that runs along the Parque of the Buen Retiro.	- Мы можем снять себе квартиру в Мадриде, на той улице, которая идет вдоль парка Буэн-Ретиро.

I know an American woman who furnished apartments and rented them before the movement and I know how to get such an apartment for only the rent that was paid before the movement.	Там одна американка до начала движения сдавала меблированные квартиры, и я думаю, что мне удастся снять такую квартиру не дороже, чем она стоила до начала движения.

There are apartments there that face on the park and you can see all of the park from the windows; the iron fence, the gardens, and the gravel walks and the green of the lawns where they touch the gravel, and the trees deep with shadows and the many fountains, and now the chestnut trees will be in bloom.	Там есть квартиры, которые выходят окнами в парк, и он весь виден из окон: железная ограда, клумбы, дорожки, усыпанные гравием, и зелень газонов, изрезанных дорожками, и тенистые деревья, и множество фонтанов, больших и маленьких, и каштаны, они сейчас как раз цветут.
In Madrid we can walk in the park and row on the lake if the water is back in it now."	Вот приедем в Мадрид - будем гулять по парку и кататься в лодке на пруду, если там уже опять есть вода.

"Why would the water be out?"	- А почему там не было воды?
"They drained it in November because it made a mark to sight from when the planes came over for bombing.	- Ее спустили в ноябре, потому что она служила ориентиром для авиа-ции во время воздушных налетов на Мадрид.
But I think that the water is back in it now.	Но я думаю, что теперь там уже опять есть вода.
I am not sure.	Наверно, я не знаю.

But even if there is no water in it we can walk through all the park away from the lake and there is a part that is like a forest with trees from all parts of the world with their names on them, with placards that tell what trees they are and where they came from."	Но даже если воды нет, мы будем гулять по всему парку, в нем есть одно место, совсем как лес, там растут деревья со всех концов света, и на каждом висит табличка, где сказано, как это дерево называется и откуда оно родом.
"I would almost as soon go the cinema," Maria said.	- Я бы еще хотела сходить в кино, - сказала Мария.
"But the trees sound very interesting and I will learn them all with thee if I can remember them."	- Но деревья - это тоже интересно. И я постараюсь выучить все названия, если только смогу запомнить.

"They are not as in a museum," Robert Jordan said.	- Там не так, как в музее, - сказал Роберт Джордан.
"They grow naturally and there are hills in the park and part of the park is like a jungle.	- Деревья растут на воле, и в парке есть холмы, и одно место в нем настоящие джунгли.

Then below it there is the book fair where along the sidewalks there are hundreds of booths with second-hand books in them and now, since the movement, there are many books, stolen in the looting of the houses which have been bombed and from the houses of the fascists, and brought to the book fair by those who stole them.	А за парком книжный базар, там вдоль тротуара стоят сотни киосков, где торгуют подержанными книгами, и теперь там очень много книг, потому что их растаскивают из домов, разрушенных бомбами, и домов фашистов и приносят на книжный базар.
I could spend all day every day at the stalls of the book fair as I once did in the days before the movement, if I ever could have any time in Madrid."	Я бы мог часами бродить по книжному базару, как в прежние дни, до начала движения, если б у меня только было на это время в Мадриде.

"While thou art visiting the book fair I will occupy myself with the apartment," Maria said.	- А пока ты будешь ходить по книжному базару, я займусь хозяйством, - сказала Мария.
"Will we have enough money for a servant?"	- Хватит у нас денег на прислугу?
"Surely.	- Конечно.
I can get Petra who is at the hotel if she pleases thee.	Можно взять Петру, горничную из отеля, если она тебе понравится.
She cooks well and is clean.	Она чистоплотная и хорошо стряпает.
I have eaten there with newspapermen that she cooks for.	Я там обедал у журналистов, которым она готовила.
They have electric stoves in their rooms."	У них в номерах есть электрические плитки.

"If you wish her," Maria said.	- Можно взять ее, если ты хочешь, - сказала Мария.
"Or I can find some one.	- Или я кого-нибудь сама подыщу.
But wilt thou not be away much with thy work?	Но тебе, наверно, придется очень часто уезжать?
They would not let me go with thee on such work as this."	Меня ведь не пустят с тобой на такую работу.
"Perhaps I can get work in Madrid.	- Может быть, я получу работу в Мадриде.
I have done this work now for a long time and I have fought since the start of the movement.	Я уже давно на этой работе, а бойцом я стал с самого начала движения.
It is possible that they would give me work now in Madrid.	Очень может быть, что теперь меня переведут в Мадрид.

I have never asked for it.	Я никогда не просил об этом.
I have always been at the front or in such work as this.	Я всегда был или на фронте, или на такой работе, как эта.
"Do you know that until I met thee I have never asked for anything?	Знаешь, до того как я встретил тебя, я вообще никогда ни о чем не просил.
Nor wanted anything?	Никогда ничего не добивался.
Nor thought of anything except the movement and the winning of this war?	Никогда не думал о чем-нибудь, кроме движения и кроме того, что нужно выиграть войну.
Truly I have been very pure in my ambitions.	Честное слово, я был очень скромен в своих требованиях.

I have worked much and now I love thee and," he said it now in a complete embracing of all that would not be, "I love thee as I love all that we have fought for.	Я много работал, а теперь вот я люблю тебя, и, - он говорил, ясно представляя себе то, чему не бывать, - я люблю тебя так, как я люблю все, за что мы боремся.
I love thee as I love liberty and dignity and the rights of all men to work and not be hungry.	Я люблю тебя так, как я люблю свободу, и человеческое достоинство, и право каждого работать и не голодать.
I love thee as I love Madrid that we have defended and as I love all my comrades that have died.	Я люблю тебя, как я люблю Мадрид, который мы защищали, и как я люблю всех моих товарищей, которые погибли в этой войне.

And many have died.	А их много погибло.
Many. Many.	Много.
Thou canst not think how many.	Ты даже не знаешь, как много.
But I love thee as I love what I love most in the world and I love thee more.	Но я люблю тебя так, как я люблю то, что я больше всего люблю на свете, и даже сильнее.
I love thee very much, rabbit.	Я тебя очень сильно люблю, зайчонок.
More than I can tell thee.	Сильнее, чем можно рассказать.
But I say this now to tell thee a little.	Но я говорю для того, чтобы ты хоть немного знала.

I have never had a wife and now I have thee for a wife and I am happy."	У меня никогда не было жены, а теперь ты моя жена, и я счастлив.
"I will make thee as good a wife as I can," Maria said.	- Я буду стараться изо всех сил, чтоб быть тебе хорошей женой, - сказала Мария.
"Clearly I am not well trained but I will try to make up for that.	- Правда, я ничего не умею, но я постараюсь, чтобы ты этого не чувствовал.
If we live in Madrid; good.	Если мы будем жить в Мадриде - хорошо.
If we must live in any other place; good.	Если нам придется жить в другом каком-нибудь месте - хорошо.
If we live nowhere and I can go with thee; better.	Если нам нигде не придется жить, но мне можно будет уйти с тобой - еще лучше.

If we go to thy country I will learn to talk _Ingles_ like the most _Ingles_ that there is.	Если мы поедем к тебе на родину, я научусь говорить по-английски, как все Ingles, которые там живут.
I will study all their manners and as they do so will I do."	Я буду присматриваться ко всем их повадкам и буду делать все так, как делают они.
"Thou wilt be very comic."	- Это будет очень смешно.
"Surely.	- Наверно.
I will make mistakes but you will tell me and I will never make them twice, or maybe only twice.	И я буду делать ошибки, но ты меня будешь поправлять, и я никогда не сделаю одну и ту же ошибку два раза. Ну, два раза - может быть, но не больше.

Then in thy country if thou art lonesome for our food I can cook for thee.	А потом, если тебе когда-нибудь там, на твоей родине, захочется поесть наших кушаний, я могу тебе их приготовить.
And I will go to a school to learn to be a wife, if there is such a school, and study at it."	Я поступлю в такую школу, где учат всему, что должна знать хорошая жена, если такие школы есть, и я буду там учиться.
"There are such schools but thou dost not need that schooling."	- Такие школы есть, но тебе это совсем ни к чему.
"Pilar told me that she thought they existed in your country.	- Пилар сказала мне, что они как будто есть в вашей стране.
She had read of them in a periodical.	Она прочитала про них в журнале.

And she told me also that I must learn to speak _Ingles_ and to speak it well so thou wouldst never be ashamed of me."	Она сказала мне, что я должна научиться говорить по-английски, и говорить хорошо, так, чтобы тебе никогда не пришлось меня стыдиться.
"When did she tell you this?"	- Когда она тебе все это сказала?
"Today while we were packing.	- Сегодня, когда мы укладывали вещи.
Constantly she talked to me about what I should do to be thy wife."	Она только про то и говорила, что я должна делать, чтобы быть тебе хорошей женой.
I guess she was going to Madrid too, Robert Jordan thought, and said,	Кажется, и она тоже в Мадрид ездила, подумал Роберт Джордан, а вслух сказал:
"What else did she say?"	- Что она еще говорила?

"She said I must take care of my body and guard the line of my figure as though I were a bullfighter.	- Она сказала, что я должна следить за собой и беречь свою фигуру, как будто я матадор.
She said this was of great importance."	Она сказала, что это очень важно.
"It is," Robert Jordan said.	- Она права, - сказал Роберт Джордан.
"But thou hast not to worry about that for many years."	- Но тебе еще много лет не придется об этом беспокоиться.
"No.	- Нет.
She said those of our race must watch that always as it can come suddenly.	Она сказала, что наши женщины всегда должны помнить об этом, потому что это может начаться вдруг.

She told me she was once as slender as I but that in those days women did not take exercise.	Она сказала, что когда-то она была такая же стройная, как и я, но в те времена женщины не занимались гимнастикой.
She told me what exercises I should take and that I must not eat too much.	Она сказала мне, какую гимнастику я должна делать, и сказала, что я не должна слишком много есть.
She told me which things not to eat.	Она сказала мне, чего нельзя есть.
But I have forgotten and must ask her again."	Только я забыла, придется опять спросить.
"Potatoes," he said.	- Картошку.

"Yes," she went on. "It was potatoes and things that are fried. Also when I told her about this of the soreness she said I must not tell thee but must support the pain and not let thee know.	- Да, картошку и ничего жареного, а когда я ей рассказала, что у меня болит, она сказала, что я не должна говорить тебе, а должна перетерпеть, так, чтобы ты ничего не знал.
But I told thee because I do not wish to lie to thee ever and also I feared that thou might think we did not have the joy in common any longer and that other, as it was in the high country, had not truly happened."	Но я тебе сказала, потому что я никогда ни в чем не хочу тебе лгать и еще потому, что я боялась, вдруг ты подумаешь, что я не могу чувствовать радость вместе с тобой и что то, что было там, на горе, на самом деле было совсем не так.
"It was right to tell me."	- Очень хорошо, что ты мне сказала.

"Truly?	- Правда?
For I am ashamed and I will do anything for thee that thou should wish.	Ведь мне стыдно, и я буду делать для тебя все, что ты захочешь.
Pilar has told me of things one can do for a husband."	Пилар меня научила разным вещам, которые можно делать для мужа.
"There is no need to do anything.	- Делать ничего не нужно.
What we have we have together and we will keep it and guard it.	То, что у нас есть, это наше общее, и мы будем беречь его и хранить.

I love thee thus lying beside thee and touching thee and knowing thou art truly there and when thou art ready again we will have all."	Мне хорошо и так, когда я лежу рядом с тобой, и прикасаюсь к тебе, и знаю, что это правда, что ты здесь, а когда ты опять сможешь, тогда у нас будет все.
"But hast thou not necessities that I can care for?	- Разве у тебя нет потребностей, которые я могла бы удовлетворить?
She explained that to me."	Она мне это тоже объяснила.
"Nay.	- Нет.
We will have our necessities together.	У нас все потребности будут вместе.
I have no necessities apart from thee."	У меня нет никаких потребностей отдельно от тебя.

"That seems much better to me.	- Я очень рада, что это так.
But understand always that I will do what you wish.	Но ты помни, что я всегда готова делать то, что ты хочешь.
But thou must tell me for I have great ignorance and much of what she told me I did not understand clearly.	Только ты мне должен говорить сам, потому что я очень глупая и многое из того, что она мне говорила, я не совсем поняла.
For I was ashamed to ask and she is of such great and varied wisdom."	Мне было стыдно спрашивать, а она такая умная и столько всего знает.
"Rabbit," he said.	- Зайчонок, - сказал он.
"Thou art very wonderful."	- Ты просто чудо.
"_Que va_," she said.	- Que va, - сказала она.

"But to try to learn all of that which goes into wifehood in a day while we are breaking camp and packing for a battle with another battle passing in the country above is a rare thing and if I make serious mistakes thou must tell me for I love thee.	- Но это не легкое дело - научиться всему, что должна знать жена, в день, когда сворачивают лагерь и готовятся к бою, а другой бой уже идет неподалеку, и если у меня что-нибудь выйдет не так, ты мне должен сказать об этом, потому что я тебя люблю.
It could be possible for me to remember things incorrectly and much that she told me was very complicated."	Может быть, я не все правильно запомнила: многое из того, что она мне говорила, было очень сложно.
"What else did she tell thee?"	- Что еще она тебе говорила?
" Pues so many things I cannot remember them.	- Ну, так много, что всего и не упомнишь.

She said I could tell thee of what was done to me if I ever began to think of it again because thou art a good man and already have understood it all.	Она сказала, что если я опять стану думать о том нехорошем, что со мной сделали, то я могу сказать тебе об этом, потому что ты добрый человек и все понимаешь.
But that it were better never to speak of it unless it came on me as a black thing as it had been before and then that telling it to thee might rid me of it."	Но что лучше об этом никогда не заговаривать. Разве только если оно опять начнет мучить меня, как бывало раньше, и еще она сказала, что, может быть, мне будет легче, если я тебе скажу.
"Does it weigh on thee now?"	- А оно мучит тебя сейчас?
"No.	- Нет.

It is as though it had never happened since we were first together.	Мне сейчас кажется, будто этого и не было вовсе. Мне так кажется с тех пор, как я в первый раз побыла с тобой.
There is the sorrow for my parents always.	Только родителей я не могу забыть.
But that there will be always.	Но этого я и не забуду никогда.
But I would have thee know that which you should know for thy own pride if I am to be thy wife.	Но я хотела бы тебе рассказать все, что ты должен знать, чтобы твоя гордость не страдала, если я в самом деле стану твоей женой.
Never did I submit to any one.	Ни разу, никому я не уступила.
Always I fought and always it took two of them or more to do me the harm.	Я сопротивлялась изо всех сил, и справиться со мной могли только вдвоем.

One would sit on my head and hold me.	Один садился мне на голову и держал меня.
I tell thee this for thy pride."	Я говорю это в утешение твоей гордости.
"My pride is in thee.	-Ты - моя гордость.
Do not tell it."	Я ничего не хочу знать.
"Nay, I speak of thy own pride which it is necessary to have in thy wife.	- Нет, я говорю о той гордости, которую муж должен испытывать за жену.
And another thing.	И вот еще что.
My father was the mayor of the village and an honorable man.	Мой отец был мэр нашей деревни и почтенный человек.

My mother was an honorable woman and a good Catholic and they shot her with my father because of the politics of my father who was a Republican.	Моя мать была почтенная женщина и добрая католичка, и ее расстреляли вместе с моим отцом из-за политических убеждений моего отца, который был республиканцем.
I saw both of them shot and my father said, '_Viva la Republica_,' when they shot him standing against the wall of the slaughterhouse of our village.	Их расстреляли при мне, и мой отец крикнул: "Viva la Republica!" - когда они поставили его к стене деревенской бойни.
"My mother standing against the same wall said,	Моя мать, которую тоже поставили к стенке, сказала:

'Viva my husband who was the Mayor of this village,' and I hoped they would shoot me too and I was going to say '_Viva la Republica y vivan mis padres_,' but instead there was no shooting but instead the doing of the things.	"Да здравствует мой муж, мэр этой деревни!" - а я надеялась, что меня тоже расстреляют, и хотела сказать: "Viva la Republica y vivan mis padres!" -но меня не расстреляли, а стали делать со мной нехорошее.
"Listen. I will tell thee of one thing since it affects us.	А теперь я хочу рассказать тебе еще об одном, потому что это и нас с тобой касается.
After the shooting at the _matadero_ they took us, those relatives who had seen it but were not shot, back from the _matadero_ up the steep hill into the main square of the town.	После расстрела у matadero они взяли всех нас - родственников расстрелянных, которые все видели, но остались живы, - и повели вверх по крутому склону на главную площадь селения.

Nearly all were weeping but some were numb with what they had seen and the tears had dried in them.	Почти все плакали, но были и такие, у которых от того, что им пришлось увидеть, высохли слезы и отнялся язык.
I myself could not cry.	Я тоже не могла плакать.
I did not notice anything that passed for I could only see my father and my mother at the moment of the shooting and my mother saying,	Я ничего не замечала кругом, потому что перед глазами у меня все время стояли мой отец и моя мать, такие, как они были перед расстрелом, и слова моей матери:

'Long live my husband who was Mayor of this village,' and this was in my head like a scream that would not die but kept on and on.	"Да здравствует мой муж, мэр этой деревни!" -звенели у меня в голове, точно крик, который никогда не утихнет.
For my mother was not a Republican and she would not say, '_Viva la Republica_,' but only _Viva_ my father who lay there, on his face, by her feet.	Потому что моя мать не была республиканкой, она не сказала: "Viva la Republica", - она сказала "Viva" только моему отцу, который лежал у ее ног, уткнувшись лицом в землю.
"But what she had said, she had said very loud, like a shriek and then they shot and she fell and I tried to leave the line to go to her but we were all tied.	Но то, что она сказала, она сказала очень громко, почти выкрикнула. И тут они выстрелили в нее, и она упала, и я хотела вырваться и побежать к ней, но не могла, потому что мы все были связаны.

The shooting was done by the _guardia civil_ and they were still there waiting to shoot more when the Falangists herded us away and up the hill leaving the _guardias civiles_ leaning on their rifles and leaving all the bodies there against the wall.	Расстреливали их guardia civiles, и они еще держали строй, собираясь расстрелять и остальных, но тут фалангисты погнали нас на площадь, а guardia civiles остались на месте и, опершись на свои винтовки, глядели на тела, лежавшие у стены.

We were tied by the wrists in a long line of girls and women and they herded us up by the hill and through the streets to the square and in the square they stopped in front of the barbershop which was across the square from the city hail.	Все мы, девушки и женщины, были связаны рука с рукой, и нас длинной вереницей погнали по улицам вверх на площадь и заставили остановиться перед парикмахерской, которая помещалась на площади против ратуши.
"Then the two men looked at us and one said,	Тут два фалангиста оглядели нас, и один сказал:
' That is the daughter of the Mayor,' and the other said,	"Вот это дочка мэра", - а другой сказал:
' Commence with her.'	"С нее и начнем".

"Then they cut the rope that was on each of my wrists, one saying to others of them,	Они перерезали веревку, которой я была привязана к своим соседкам, и один из тех двух сказал:
'Tie up the line,' and these two took me by the arms and into the barbershop and lifted me up and put me in the barber's chair and held me there.	"Свяжите остальных опять вместе", - а потом они подхватили меня под руки, втащили в парикмахерскую, силой усадили в парикмахерское кресло, и держали, чтоб я не могла вскочить.

"I saw my face in the mirror of the barbershop and the faces of those who were holding me and the faces of three others who were leaning over me and I knew none of their faces but in the glass I saw myself and them, but they saw only me.	Я увидела в зеркале свое лицо, и лица тех, которые держали меня, и еще троих сзади, но ни одно из этих лиц не было мне знакомо. В зеркале я видела и себя и их, но они видели только меня.
And it was as though one were in the dentist's chair and there were many dentists and they were all insane.	И это было, как будто сидишь в кресле зубного врача, и кругом тебя много зубных врачей, и все они сумасшедшие.

My own face I could hardly recognize because my grief had changed it but I looked at it and knew that it was me.	Себя я едва могла узнать, так горе изменило мое лицо, но я смотрела на себя и поняла, что это я.
But my grief was so great that I had no fear nor any feeling but my grief.	Но горе мое было так велико, что я не чувствовала ни страха, ничего другого, только горе.
"At that time I wore my hair in two braids and as I watched in the mirror one of them lifted one of the braids and pulled on it so it hurt me suddenly through my grief and then cut it off close to my head with a razor.	В то время я носила косы, и вот я увидела в зеркале, как первый фалангист взял меня за одну косу и дернул ее так, что я почувствовала боль, несмотря на мое горе, и потом отхватил ее бритвой у самых корней.

And I saw myself with one braid and a slash where the other had been.	И я увидела себя в зеркале с одной косой, а на месте другой торчал вихор.
Then he cut off the other braid but without pulling on it and the razor made a small cut on my ear and I saw blood come from it.	Потом он отрезал и другую косу, только не дергая, а бритва задела мне ухо, и я увидела кровь.
Canst thou feel the scar with thy finger?"	Вот попробуй пальцами, чувствуешь шрам?
"Yes.	-Да.
But would it be better not to talk of this?"	Может быть, лучше не говорить об этом?
"This is nothing.	- Нет. Ничего.

I will not talk of that which is bad.	Я не будут говорить о самом плохом.

So he had cut both braids close to my head with a razor and the others laughed and I did not even feel the cut on my ear and then he stood in front of me and struck me across the face with the braids while the other two held me and he said,	Так вот, он отрезал мне бритвой обе косы у самых корней, и все кругом смеялись, а я даже не чувствовала боли от пореза на ухе, и потом он стал передо мной - а другие двое держали меня - и ударил меня косами по лицу и сказал:
' This is how we make Red nuns.	"Так у нас постригают в красные монахини.

This will show thee how to unite with thy proletarian brothers.	Теперь будешь знать, как объединяться с братьями- пролетариями.
Bride of the Red Christ!'	Невеста красного Христа!"

"And he struck me again and again across the face with the braids which had been mine and then he put the two of them in my mouth and tied them tight around my neck, knotting them in the back to make a gag and the two holding me laughed.	И он еще и еще раз ударил меня по лицу косами, моими же косами, а потом засунул их мне в рот вместо кляпа и туго обвязал вокруг шеи, затянув сзади узлом, а те двое, что держали меня, все время смеялись.

"And all of them who saw it laughed and when I saw them laugh in the mirror I commenced to cry because until then I had been too frozen in myself from the shooting to be able to cry.	И все, кто смотрел на это, смеялись тоже. И когда я увидела в зеркале, что они смеются, я заплакала в первый раз за все время, потому что после расстрела моих родителей все во мне оледенело и у меня не стало слез.

"Then the one who had gagged me ran a clippers all over my head; first from the forehead all the way to the back of the neck and then across the top and then all over my head and close behind my ears and they held me so I could see into the glass of the barber's mirror all the time that they did this and I could not believe it as I saw it done and I cried and I cried but I could not look away from	Потом тот, который заткнул мне рот, стал стричь меня машинкой сначала от лба к затылку, потом макушку, потом за ушами и всю голову кругом, а те двое держали меня, так что я все видела в зеркале, но я не верила своим глазам и плакала и плакала, но не могла отвести глаза от страшного лица с раскрытым ртом, заткнутым отрезанными косами, и головы, которую совсем оголили.

"And when the one with the clippers was finished he took a bottle of iodine from the shelf of the barber (they had shot the barber too for he belonged to a syndicate, and he lay in the doorway of the shop and they had lifted me over him as they brought me in) and with the glass wand that is in the iodine bottle he touched me on the ear where it had been cut and the small pain of that came through	А покончив со своим делом, он взял склянку с йодом с полки парикмахера (парикмахера они тоже убили - за то, что он был членом профсоюза, и он лежал на дороге, и меня приподняли над ним, когда тащили с улицы) и, смочив йодом стеклянную пробку, он смазал мне ухо там, где был порез, и эта легкая боль дошла до меня сквозь все мое горе и весь мой ужас.

"Then he stood in front of me and wrote U. H. P. on my forehead with the iodine, lettering it slowly and carefully as though he were an artist and I saw all of this as it happened in the mirror and I no longer cried for my heart was frozen in me for my father and my mother and what happened to me now was nothing and I knew it.	Потом он зашел спереди и йодом написал мне на лбу три буквы СДШ, и выводил он их медленно и старательно, как художник. Я все это видела в зеркале, но больше уже не плакала, потому что сердце во мне оледенело от мысли об отце и о матери, и все, что делали со мной, уже казалось мне пустяком.

"Then when he had finished the lettering, the Falangist stepped back and looked at me to examine his work and then he put down the iodine bottle and picked up the clippers and said,	Кончив писать, фалангист отступил на шаг назад, чтобы полюбоваться своей работой, а потом поставил склянку с йодом на место и опять взял в руки машинку для стрижки:

'Next,'
and they took me out
of the barbershop
holding me tight
by each arm and I
stumbled over the
barber lying there
still in the doorway
on his back with his
gray face up, and we
nearly collided with
Concepcion GracIa,
my best friend, that
two of them were
bringing in and when
she saw me she did
not
recognize me, and
then
she recognized me,
and she screamed,
and I could hear her
screaming
all the time they were
shoving me across
the square, and into
the doorway, and
up the stairs of the
city hall and into the

"Следующая!" Тогда меня потащили из парикмахерской, крепко ухватив с двух сторон под руки, и на пороге я споткнулась о парикмахера, который все еще лежал там кверху лицом, и лицо у него было серое, и тут мы чуть не столкнулись с Консепсион Гарсиа, моей лучшей подругой, которую двое других тащили с улицы. Она сначала не узнала меня, но потом узнала и закричала. Ее крик слышался все время, пока меня тащили через площадь, и в подъезд ратуши, и вверх по лестнице, в кабинет моего отца, где меня бросили на диван.

And it was there that the bad things were done."	Там-то и сделали со мной нехорошее.
"My rabbit," Robert Jordan said and held her as close and as gently as he could.	- Зайчонок мой, - сказал Роберт Джордан и прижал ее к себе так крепко и так нежно, как только мог.
But he was as full of hate as any man could be.	Но он ненавидел так, как только может ненавидеть человек.
"Do not talk more about it.	- Не надо больше говорить об этом.
Do not tell me any more for I cannot bear my hatred now."	Не надо больше ничего рассказывать мне, потому что я задыхаюсь от ненависти.
She was stiff and cold in his arms and she said,	Она лежала в его объятиях холодная и неподвижная и немного спустя сказала:

"Nay.	-Да.
I will never talk more of it.	Я больше никогда не буду говорить об этом.
But they are bad people and I would like to kill some of them with thee if I could.	Но это плохие люди, я хотела бы и сама убить хоть нескольких из них, если б можно было.
But I have told thee this only for thy pride if I am to be thy wife.	Но я сказала это тебе, только чтобы твоя гордость не страдала, если я буду твоей женой.
So thou wouldst understand."	Чтобы ты понял все.
"I am glad you told me," he said.	- Хорошо, что ты мне рассказала, - ответил он.
"For tomorrow, with luck, we will kill plenty."	- Потому что завтра, если повезет, мы многих убьем.

"But will we kill Falangists?	- А там будут фаланги-сты?
It was they who did it."	Все это сделали они.
"They do not fight," he said gloomily.	- Фалангисты не сража-ются, - мрачно сказал он.
"They kill at the rear.	- Они убивают в тылу.
It is not them we fight in battle."	В бою мы сражаемся с другими.
"But can we not kill them in some way?	- А тех никак нельзя убить?
I would like to kill some very much."	Я бы очень хотела.
"I have killed them," he said.	- Мне и тех случалось убивать, - сказал он.
"And we will kill them again.	- И мы еще будем их уби-вать.

At the trains we have killed them."	Когда мы взрывали поезда, мы убивали много фалангистов.
"I would like to go for a train with thee," Maria said.	- Как бы мне хотелось пойти с тобой, когда ты еще будешь взрывать поезд, - сказала Мария.
"The time of the train that Pilar brought me back from I was somewhat crazy.	- Когда Пилар привела меня сюда после того поезда, я была немножко не в себе.
Did she tell thee how I was?"	Она тебе рассказывала, какая я была?
"Yes.	-Да.
Do not talk of it."	Не надо говорить об этом.
"I was dead in my head with a numbness and all I could do was cry.	- У меня голова была как будто свинцом налита, и я могла только плакать.

But there is another thing that I must tell thee.	Но есть еще одно, что я должна тебе сказать.
This I must.	Это я должна.
Then perhaps thou wilt not marry me.	Может быть, тогда ты не женишься на мне.
But, Roberto, if thou should not wish to marry me, can we not, then, just be always together?"	Но, Роберто, если ты тогда не захочешь жениться на мне, может быть, можно, чтобы мы просто были всегда вместе.
"I will marry thee."	- Я женюсь на тебе.
"Nay.	- Нет.
I had forgotten this.	Я совсем забыла об этом.
Perhaps you should not.	Наверно, ты не захочешь.

It is possible that I can never bear thee either a son or a daughter for the Pilar says that if I could it would have happened to me with the things which were done.	Понимаешь, я, наверно, не смогу тебе родить сына или дочь, потому что Пилар говорит, если б я могла, это бы уже случилось после того, что со мной делали.
I must tell thee that.	Я должна была тебе это сказать.
Oh, I do not know why I had forgotten that."	Не знаю, как это я совсем забыла об этом.
"It is of no importance, rabbit," he said.	- Это не важно, зайчонок, - сказал он.
"First it may not be true.	- Во-первых, может быть, это и не так.
That is for a doctor to say.	Только доктор может сказать наверняка.

Then I would not wish to bring either a son or a daughter into this world as this world is.	И потом, мне совсем не хочется производить на свет сына или дочь, пока этот свет такой, какой он сейчас.
And also you take all the love I have to give."	И всю любовь, которая у меня есть, я отдаю тебе.
"I would like to bear thy son and thy daughter," she told him.	- А я бы хотела родить тебе сына или дочь, - сказала она ему.
"And how can the world be made better if there are no children of us who fight against the fascists?"	- Как же может мир сделаться лучше, если не будет детей у нас, у тех, кто борется против фашистов.
"Thou," he said.	- Ах, ты, - сказал он.

"I love thee.	- Я люблю тебя.

Hearest thou?	Слышишь?
And now we must sleep, rabbit.	А теперь спать, зайчонок.
For I must be up long before daylight and the dawn comes early in this month."	Мне нужно встать задолго до рассвета, а в этом месяце заря занимается рано.
"Then it is all right about the last thing I said?	- Значит, это ничего - то последнее, что я тебе сказала?
We can still be married?"	Мы все-таки можем пожениться?
"We are married, now.	- Мы уже поженились.
I marry thee now.	Вот сейчас.
Thou art my wife.	Ты моя жена.
But go to sleep, my rabbit, for there is little time now."	А теперь спи, зайчонок, времени осталось совсем мало.

"And we will truly be married?	- А мы правда поженимся?
Not just a talking?"	Это не только слова?
"Truly."	- Правда.
"Then I will sleep and think of that if I wake."	- Тогда я сейчас засну, а если проснусь, буду лежать и думать об этом.
"I, too."	- Я тоже.
"Good night, my husband."	- Спокойной ночи, муж мой.
"Good night," he said.	- Спокойной ночи, - сказал он.
"Good night, wife."	- Спокойной ночи, жена.

He heard her breathing steadily and regularly now and he knew she was asleep and he lay awake and very still not wanting to waken her by moving.	Он услышал ее дыхание, спокойное и ровное, и понял, что она заснула, и лежал совсем тихо, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить ее.
He thought of all the part she had not told him and he lay there hating and he was pleased there would be killing in the morning.	Он думал обо всем том, чего она недосказала, и ненависть душила его, и он был доволен, что утром придется убивать.
But I must not take any of it personally, he thought.	Но я не должен примешивать к этому свои личные чувства, подумал он.
Though how can I keep from it?	А как забыть об этом?

I know that we did dreadful things to them too.	Я знаю, что и мы делали страшные вещи.
But it was because we were uneducated and knew no better.	Но это было потому, что мы были темные, необразованные люди и не умели иначе.
But they did that on purpose and deliberately.	А они делают сознательно и нарочно.
Those who did that are the last flowering of what their education has produced.	Это делают люди, которые вобрали в себя все лучшее, что могло дать образование.
Those are the flowers of Spanish chivalry.	Цвет испанского рыцарства.
What a people they have been.	Что за народ!

What sons of bitches from Cortez, Pizarro, Menendez de Avila all down through Enrique Lister to Pablo.	Что за сукины дети все, от Кортеса, Писарро, Менендеса де Авила и до Пабло!
And what wonderful people.	И что за удивительные люди!
There is no finer and no worse people in the world.	На свете нет народа лучше их и хуже их.
No kinder people and no crueler.	Более доброго и более жестокого.
And who understands them?	А кто понимает их?

Not me, because if I did I would forgive it all.	Не я, потому что, если б я понимал, я бы не простил.
To understand is to forgive.	Понять - значит простить.
That's not true.	Нет, это неверно.
Forgiveness has been exaggerated.	Прощение всегда преувеличивалось.
Forgiveness is a Christian idea and Spain has never been a Christian country.	Прощение - христианская идея, а Испания никогда не была христианской страной.
It has always had its own special idol worship within the Church. _Otra Virgen mas_.	У нее всегда был свой идол, которому она поклонялась в церкви. Otra Virgen mas.

I suppose that was why they had to destroy the virgins of their enemies.	Вероятно, именно потому они так стремятся губить virgens своих врагов.
Surely it was deeper with them, with the Spanish religion fanatics, than it was with the people.	Конечно, у них, у испанских религиозных фанатиков, это гораздо глубже, чем у народа.
The people had grown away from the Church because the Church was in the government and the government had always been rotten.	Народ постепенно отдалялся от церкви, потому что церковь была заодно с правительством, а правительство всегда было порочным.
This was the only country that the reformation never reached.	Это единственная страна, до которой так и не дошла реформация.

They were paying for the Inquisition now, all right.	Вот теперь они расплачиваются за свою инквизицию.
Well, it was something to think about.	Да, тут есть о чем подумать.
Something to keep your mind from worrying about your work.	Есть чем занять свои мысли, чтобы поменьше тревожиться о работе.
It was sounder than pretending.	И это полезнее, чем выдумывать.
God, he had done a lot of pretending tonight.	Господи, сколько же он навыдумывал сегодня.
And Pilar had been pretending all day.	А Пилар - та весь день выдумывала.
Sure.	Ну, ясно!
What if they were killed tomorrow?	Что, если даже их убьют завтра?

What did it matter as long as they did the bridge properly?	Какое это имеет значение, если только удастся во-время взорвать мост?
That was all they had to do tomorrow.	Вот все, что нужно зав-тра.
It didn't. You couldn't do these things indefinitely.	Да, это не имеет значе-ния.
But you weren't supposed to live forever.	Нельзя ведь жить вечно.

Maybe I have had all my life in three days, he thought.	Может быть, в эти три дня я прожил всю свою жизнь.

If that's true I wish we would have spent the last night differently.	Если это так, я хотел бы последнюю ночь провести иначе.
But last nights are never any good.	Но последняя ночь никогда не бывает хороша.
Last nothings are any good.	Ничто последнее не бывает хорошо.
Yes, last words were good sometimes. "_Viva_ my husband who was Mayor of this town" was good.	Нет, последние слова иногда бывают хороши. "Да здравствует мой муж, мэр этой деревни!" -это хорошо сказано.
He knew it was good because it made a tingle run all over him when he said it to himself.	Он знал, что это было хорошо, потому что у него мурашки пробегали по телу, когда он повторял про себя эти слова.

He leaned over and kissed Maria who did not wake.	Он наклонился и поцеловал Марию, и она не проснулась.
In English he whispered very quietly,	Он прошептал очень тихо по-английски:
"I'd like to marry you, rabbit.	-Я с радостью женюсь на тебе, зайчонок.
I'm very proud of your family."	Я очень горжусь твоей семьей.
32	32
On that same night in Madrid there were many people at the Hotel Gaylord.	В тот самый вечер в отеле Гэйлорда в Мадриде собралось большое общество.

A car pulled up under the _porte-cochere_ of the hotel, its headlights painted over with blue calcimine and a little man in black riding boots, gray riding breeches and a short, gray high-buttoned jacket stepped out and returned the salute of the two sentries as he opened the door, nodded to the secret policeman who sat at the concierge's desk and stepped into the elevator.	К воротам подкатила машина с замазанными синей краской фарами, и человек небольшого роста в черных кавалерийских сапогах, серых бриджах и коротком, сером, доверху застегнутом кителе вышел из машины, ответил на салют часовых у дверей, кивнул агенту секретной полиции, сидевшему за конторкой портье, и вошел в кабину лифта.

There were two sentries seated on chairs inside the door, one on each side of the marble entrance hall, and these only looked up as the little man passed them at the door of the elevator.	В мраморном вестибюле тоже было двое часовых, они сидели на стульях по обе стороны входной двери и только оглянулись, когда маленький человек прошел мимо них к лифту.
It was their business to feel every one they did not know along the flanks, under the armpits, and over the hip pockets to see if the person entering carried a pistol and, if he did, have him check it with the concierge.	На их обязанности лежало ощупывать карманы каждого незнакомого лица, входившего в отель, проводить рукой по его бокам и под мышками, чтобы проверить, нет ли у него оружия. Если оружие было, его надлежало сдать портье.

But they knew the short man in riding boots very well and they hardly looked up as he passed.	Но коротенького человечка в бриджах они хорошо знали и только мельком взглянули, когда он проходил мимо них.
The apartment where he lived in Gaylord's was crowded as he entered.	Когда он вошел к себе в номер, оказалось, что там полно народу.

People were sitting and standing about and talking together as in any drawing room and the men and the women were drinking vodka, whiskey and soda, and beer from small glasses filled from great pitchers.	Люди сидели, стояли, беседовали между собой, как в великосветской гостиной; мужчины и женщины пили водку, виски с содовой и пиво, которое наливали в стаканчики из больших графинов.

Four of the men were in uniform.	Четверо мужчин были в военной форме.
The others wore windbreakers or leather jackets.and three of the four women were dressed in ordinary street dresses while the fourth, who was haggardly thin and dark, wore a sort of severely cut militiawoman's uniform with a skirt with high boots under it.	На остальных были замшевые или кожаные куртки с замками-молниями, а из четырех женщин три были в обыкновенных простых платьях, а на четвертой, черной и невероятно худой, было что-то вроде милицейской формы строгого покроя, только с юбкой, и сапоги.
When he came into the room, Karkov went at once to the woman in the uniform and bowed to her and shook hands.	Войдя в комнату, Карков прежде всего подошел к женщине в форме, поклонился ей и пожал руку.

She was his wife and he said something to her in Russian that no one could hear and for a moment the insolence that had been in his eyes as he entered the room was gone.	Это была его жена, и он сказал ей что-то по-русски так, что никто не слышал, и на один миг дерзкое выражение, с которым он вошел в комнату, исчезло из его глаз.
Then it lighted again as he saw the mahoganycolored head and the love-lazy face of the well-constructed girl who was his mistress and he strode with short, precise steps over to her and bowed and shook her hand in such a way that no one could tell it was not a mimicry of his greeting to his wife.	Но оно сейчас же опять вернулось, как только он заметил красновато-рыжие волосы и томно-чувственное лицо хорошо сложенной девушки, и он направился к ней быстрым, четким шагом и поклонился.

His wife had not looked after him as he walked across the room.	Жена не смотрела ему вслед, когда он отошел.
She was standing with a tall, good-looking Spanish officer and they were talking Russian now.	Она повернулась к высокому красивому офицеру-испанцу и заговорила с ним по-русски.
"Your great love is getting a little fat," Karkov was saying to the girl.	- Твой предмет что-то растолстел за последнее время, - сказал Карков девушке.
"All of our heroes are fattening now as we approach the second year."	- Все наши герои стали толстеть с тех пор, как мы вступили во второй год войны.

He did not look at the man he was speaking of. "You are so ugly you would be jealous of a toad," the girl told him cheerfully.	- Он не глядел на человека, о котором шла речь.
She spoke in German. "Can I go with thee to the offensive tomorrow?"	- Ты меня завтра возьмешь с собой в наступление? - спросила девушка. Она говорила по-немецки.
"No.	- Не возьму.
Nor is there one."	И никакого наступления не будет.
"Every one knows about it," the girl said.	- Все знают про это наступление, - сказала девушка.
"Don't be so mysterious.	- Нечего разводить конспирацию.
Dolores is going.	Долорес тоже едет.

I will go with her or Carmen.	Я поеду с ней или с Карменом.

Many people are going."	Масса народу едет.
"Go with whoever will take you," Karkov said.	- Можешь ехать с тем, кто тебя возьмет, - сказал Карков.
"I will not."	- Я не возьму.
Then he turned to the girl and asked seriously,	Потом он внимательно посмотрел на девушку и спросил, сразу став серьезным:
"Who told thee of it?	- Кто тебе сказал об этом?
Be exact."	Только точно!
"Richard," she said as seriously.	- Рихард, - сказала она тоже серьезно.

Karkov shrugged his shoulders and left her standing.	Карков пожал плечами и отошел, оставив ее одну.
"Karkov," a man of middle height with a gray, heavy, sagging face, puffed eye pouches and a pendulous underlip called to him in a dyspeptic voice.	- Карков, - окликнул его человек среднего роста, у которого было серое, обрюзглое лицо, мешки под глазами и отвисшая нижняя губа, а голос такой, как будто он хронически страдал несварением желудка.
"Have you heard the good news?"	- Слыхали приятную новость?
Karkov went over to him and the man said,	Карков подошел к нему, и он сказал:
"I only have it now.	- Я только что узнал об этом.
Not ten minutes ago.	Минут десять, не больше.

It is wonderful.	Новость замечательная.
All day the fascists have been fighting among themselves near Segovia.	Сегодня под Сеговией фашисты целый день дрались со своими же.
They have been forced to quell the mutinies with automatic rifle and machine-gun fire.	Им пришлось пулеметным и ружейным огнем усмирять восставших.
In the afternoon they were bombing their own troops with planes."	Днем они бомбили свои же части с самолетов.
"Yes?" asked Karkov.	- Это верно? - спросил Карков.
"That is true," the puffy-eyed man said.	- Абсолютно верно, - сказал человек, у которого были мешки под глазами.

"Dolores brought the news herself.	- Сама Долорес сообщила эту новость.
She was here with the news and was in such a state of radiant exultation as I have never seen.	Она только что была здесь, такая ликующая и счастливая, какой я ее никогда не видал.
The truth of the news shone from her face. That great face--" he said happily. "That great face," Karkov said with no tone in his voice at all. "If you could have heard her," the puffy-eyed man said. "The news itself shone from her with a light that was not of this world.	Она словно вся светилась от этой новости.
In her voice you could tell the truth of what she said.	Звук ее голоса убеждал в истине того, о чем она говорила.

I am putting it in an article for _Izvestia_.	Я напишу об этом в статье для "Известий".

It was one of the greatest moments of the war to me when I heard the report in that great voice where pity, compassion and truth are blended.	Для меня это была одна из величайших минут этой войны, минута, когда я слушал вдохновенный голос, в котором, казалось, сострадание и глубокая правда сливаются воедино.
Goodness and truth shine from her as from a true saint of the people.	Она вся светится правдой и добротой, как подлинная народная святая.

Not for nothing is she called La Pasionaria." "Not for nothing," Karkov said in a dull voice. "You better write it for _Izvestia_ now, before you forget that last beautiful lead." "That is a woman that is not to joke about. Not even by a cynic like you," the puffy-eyed man said. "If you could have been here to hear her and to see her face." "That great voice," Karkov said. "That great face.	Недаром ее зовут la Pasionaria.
Write it," he said.	- Запишите это, - сказал Карков.
"Don't tell it to me.	- Не говорите все это мне.

Don't waste whole paragraphs on me.	Не тратьте на меня целые абзацы.
Go and write it now."	Идите сейчас же и пишите.
"Not just now."	- Зачем же сейчас?
"I think you'd better," Karkov said and looked at him, and then looked away.	- Я вам советую не откладывать, - сказал Карков и посмотрел на него, а потом отвернулся.
The puffy-eyed man stood there a couple of minutes more holding his glass of vodka, his eyes, puffy as they were, absorbed in the beauty of what he had seen and heard and then he left the room to write it.	Его собеседник постоял еще несколько минут на месте, держа стакан водки в руках, весь поглощенный красотой того, что недавно видели его глаза, под которыми набрякли такие тяжелые мешки; потом он вышел из комнаты и пошел к себе писать.

Karkov went over to another man of about forty-eight, who was short, chunky, jovial-looking with pale blue eyes, thinning blond hair and a gay mouth under a bristly yellow moustache.	Карков подошел к другому гостю, мужчине лет сорока восьми, коренастому, плотному, веселому, с бледно-голубыми глазами, редеющими русыми волосами и смеющимся ртом, оттененным светлой щеточкой усов.
This man was in uniform.	На нем была генеральская форма.
He was a divisional commander and he was a Hungarian.	Он был венгр и командовал дивизией.
"Were you here when the Dolores was here?" Karkov asked the man.	- Вы были тут, когда приходила Долорес? -спросил его Карков.
"Yes."	-Да.

"What was the stuff?"	- В чем там дело?
"Something about the fascists fighting among themselves.	- Будто бы фашисты дерутся со своими же.
Beautiful if true."	Прелестно - если только это правда.
"You hear much talk of tomorrow."	- Кругом много разговоров о завтрашнем.
"Scandalous.	- Безобразие!

All the journalists should be shot as well as most of the people in this room and certainly the intriguing German unmentionable of a Richard.	Всех журналистов надо расстрелять, а заодно большую часть ваших сегодняшних гостей, и в первую очередь это немецкое дерьмо - Рихарда.

Whoever gave that Sunday _fuggler_ command of a brigade should be shot.	Того, кто вверил этому ярмарочному фигляру командование бригадой, уж наверно надо расстрелять.
Perhaps you and me should be shot too.	Может быть, и вас и меня тоже надо расстрелять.
It is possible," the General laughed.	Очень возможно. - Генерал расхохотался.
"Don't suggest it though."	- Только вы все-таки не подавайте никому этой идеи.
"That is a thing I never like to talk about," Karkov said.	- Я о таких вещах вообще не люблю разговаривать, - сказал Карков.

"That American who comes here sometimes is over there.	- Между прочим, там теперь этот американец, который иногда бывает у меня.
You know the one, Jordan, who is with the _partizan_ group.	Знаете, этот Джордан, тот что работает с партизанскими отрядами.
He is there where this business they spoke of is supposed to happen."	Он как раз там, где будто бы произошло то, о чем рассказывала Долорес.
"Well, he should have a report through on it tonight then," the General said.	- Тогда он должен сегодня прислать донесение об этом, - сказал генерал.
"They don't like me down there or I'd go down and find out for you.	- Меня туда не пускают, а то я бы сам поехал и разузнал для вас все.
He works with Golz on this, doesn't he?	Этот американец работает с Гольцем, да?

You'll see Golz tomorrow."	Ну, так Гольца вы ведь завтра увидите?
"Early tomorrow."	- Да, завтра утром.
"Keep out of his way until it's going well," the General said.	- Только не попадайтесь ему на глаза, пока все не пойдет на лад, - сказал генерал.
"He hates you bastards as much as I do.	- Он вашего брата тоже терпеть не может, как и я.
Though he has a much better temper."	Впрочем, у него нрав более кроткий.
"But about this--"	- Но как вы все-таки думаете...
"It was probably the fascists having manoeuvres," the General grinned.	- Наверно, это у фашистов были маневры, -засмеялся генерал.

"Well, we'll see if Golz can manceuvre them a little.	- Вот посмотрите, какие маневры им завтра устроит Гольц.
Let Golz try his hand at it.	Пусть Гольц приложит руку к этому делу.
We manoeuvred them at Guadalajara."	Он им неплохие маневры устроил под Гвадалахарой.
"I hear you are travelling too," Karkov said, showing his bad teeth as he smiled.	- Я слыхал, вы тоже отбываете в дальний путь, -сказал Карков и улыбнулся.
The General was suddenly angry.	Генерал вдруг рассердился.
"And me too.	- Да, я тоже.

Now is the mouth on me.	Теперь уже начали болтать и обо мне.
And on all of us always.	Никто шагу ступить не может без этого.
This filthy sewing circle of gossip.	Вот собралась компания чертовых кумушек!
One man who could keep his mouth shut could save the country if he believed he could."	Хоть бы один человек нашелся, умеющий держать язык за зубами. Он мог бы спасти страну, если б только сам верил в это.
"Your friend Prieto can keep his mouth shut."	- Ваш друг Прието умеет держать язык за зубами.
"But he doesn't believe he can win.	- Но он не верит в то, что можно победить.

How can you win without belief in the people?"	А как победить без веры в народ?
"You decide that," Karkov said.	- Вы правы, - сказал Карков.
"I am going to get a little sleep."	- Ну, я иду спать.
He left the smoky, gossip-filled room and went into the back bedroom and sat down on the bed and pulled his boots off.	Он вышел из полной дыма и сплетен комнаты в смежную маленькую спальню, сел на кровать и стянул с себя сапоги.
He could still hear them talking so he shut the door and opened the window.	Шум голосов слышался и здесь, и, чтобы заглушить его, он запер дверь и распахнул окно.

He did not bother to undress because at two o'clock he would be starting for the drive by Colmenar, Cerceda, and Navacerrada up to the front where Golz would be attacking in the morning.	Раздеваться он не стал, потому что в два часа утра ему предстояло выехать через Кольменар, Серседу и Навасерраду на фронт, где Гольц на рассвете должен был начать наступление.
33	33
It was two o'clock in the morning when Pilar waked him.	Было два часа утра, когда Пилар разбудила его.
As her hand touched him he thought, at first, it was Maria and he rolled toward her and said,	Почувствовав на себе ее руку, он подумал сначала, что это Мария, и повернулся к ней и сказал:
"Rabbit."	"Зайчонок".

Then the woman's big hand shook his shoulder and he was suddenly, completely and absolutely awake and his hand was around the butt of the pistol that lay alongside of his bare right leg and all of him was as cocked as the pistol with its safety catch slipped off.	Но большая рука женщины тряхнула его за плечо, и он проснулся сразу и окончательно, стиснул рукоятку револьвера, лежавшего у его голого бедра, и весь напрягся, словно в нем самом взвели курок.
In the dark he saw it was Pilar and he looked at the dial of his wrist watch with the two hands shining in the short angle close to the top and seeing it was only two, he said,	В темноте он разглядел, что это Пилар, и, взглянув на свои ручные часы с двумя стрелками, поблескивавшими острым углом в самом верху циферблата, увидел, что часы показывают два, и сказал:

"What passes with thee, woman?"	-Ты что, женщина?
"Pablo is gone," the big woman said to him.	- Пабло ушел, - сказала она ему.
Robert Jordan put on his trousers and shoes.	Роберт Джордан надел брюки и сандалии.
Maria had not waked.	Мария не проснулась.
"When?" he asked.	- Когда? - спросил он.

"It must be an hour."	- С час назад.
"And?"	- Дальше что?
"He has taken something of thine," the woman said miserably.	- Он взял что-то из твоих вещей, - жалким голосом сказала женщина.

"So.	- Так.
What?"	Что?
"I do not know," she told him.	-Я не знаю, - ответила она.
"Come and see."	- Пойди посмотри сам.
In the dark they walked over to the entrance of the cave, ducked under the blanket and went in.	Они пошли в темноте ко входу в пещеру, нырнули под попону и вошли внутрь.

Robert Jordan followed her in the dead-ashes, bad-air and sleeping-men smell of the cave, shining his electric torch so that he would not step on any of those who were sleeping on the floor.	Роберт Джордан шел за женщиной, вдыхая спертый воздух, насыщенный запахом холодной золы и спящих мужчин, и светил электрическим фонариком себе под ноги, чтобы не наткнуться на лежащих.
Anselmo woke and said,	Ансельмо проснулся и сказал:
"Is it time?"	- Что, пора?
"No," Robert Jordan whispered.	- Нет, еще, - шепнул Роберт Джордан.
"Sleep, old one."	- Спи, старик.

The two sacks were at the head of Pilar's bed which was screened off with a hanging blanket from the rest of the cave.	Оба рюкзака стояли в головах у постели Пилар, занавешенной сбоку одеялом.
The bed smelt stale and sweat-dried and sickly-sweet the way an Indian's bed does as Robert Jordan knelt on it and shone the torch on the two sacks.	Когда Роберт Джордан опустился на колени рядом с ней и осветил фонариком оба рюкзака, на него пахнуло душным, тошнотворным, приторным запахом пота, каким пахнут постели индейцев.
There was a long slit from top to bottom in each one.	Оба рюкзака были сверху донизу прорезаны ножом.
Holding the torch in his left hand, Robert Jordan felt in the first sack with his right hand.	Взяв фонарик в левую руку, Роберт Джордан сунул правую в первый рюкзак.

This was the one that he carried his robe in and it should not be very full.	В нем он держал свой спальный мешок, и сейчас там должно было быть много свободного места.
It was not very full.	Так оно и оказалось.
There was some wire in it still but the square wooden box of the exploder was gone.	Там все еще лежали мотки проволоки, но квадратного деревянного ящика с взрывателем не было.
So was the cigar box with the carefully wrapped and packed detonators.	Исчезла и коробка из-под сигар с тщательно завернутыми и упакованными детонаторами.
So was the screw-top tin with the fuse and the caps.	Исчезла и жестянка с бикфордовым шнуром и капсюлями.
Robert Jordan felt in the other sack.	Роберт Джордан ощупал второй рюкзак.

It was still full of explosive.	Динамита было много.
There might be one packet missing.	Если и не хватало, так не больше одного пакета.
He stood up and turned to the woman.	Он встал и повернулся к женщине.
There is a hollow empty feeling that a man can have when he is waked too early in the morning that is almost like the feeling of disaster and he had this multiplied a thousand times.	Когда человека поднимают со сна рано утром, у него бывает ощущение томящей пустоты внутри, похожее на ощущение неминуемой катастрофы, и сейчас такое чувство охватило его с десятикратной силой.
"And this is what you call guarding one's materials," he said.	- И это ты называешь караулить? - сказал он.

"I slept with my head against them and one arm touching them," Pilar told him.	- Я спала, положив на них голову, и еще придерживала рукой, - ответила ему Пилар.
"You slept well."	- Крепко же ты спала.
"Listen," the woman said.	- Слушай, - сказала женщина.
"He got up in the night and I said,	- Он встал ночью, и я его спросила:
' Where do you go, Pablo?'	"Куда ты, Пабло?"
'To urinate, woman,' he told me and I slept again.	А он сказал: "Помочиться, женщина", - и я опять заснула.

When I woke again I did not know what time had passed but I thought, when he was not there, that he had gone down to look at the horses as was his custom.	А проснувшись, я не знала, сколько времени прошло с тех пор, и я подумала, раз его нет, значит, он пошел посмотреть лошадей, - он всегда ходит.
Then," she finished miserably, "when he did not come I worried and when I worried I felt of the sacks to be sure all was well and there were the slit places and I came to thee."	Потом, - жалким голосом закончила она, - его все нет и нет, и тогда я забеспокоилась и пощупала, тут ли мешки, все ли в порядке, и нащупала прорезы, и пришла к тебе.
"Come on," Robert Jordan said.	- Пойдем, - сказал Роберт Джордан.

They were outside now and it was still so near the middle of the night that you could not feel the morning coming.	Они вышли из пещеры; стояла глухая ночь, и приближение утра даже еще не чувствовалось.
"Can he get out with the horses other ways than by the sentry?"	- Мог он пробраться с лошадьми каким-нибудь другим путем, минуя часового?
"Two ways."	- Да, есть два пути.
"Who's at the top?"	- Кто на верхнем посту?
"Eladio."	- Эладио.
Robert Jordan said nothing more until they reached the meadow where the horses were staked out to feed.	Роберт Джордан молчал, пока они не дошли до луга, где паслись привязанные лошади.

There were three horses feeding in the meadow.	По лугу ходили три, оставшиеся.
The big bay and the gray were gone.	Гнедого коня и серого среди них не было.
"How long ago do you think it was he left you?"	- Как ты думаешь, когда он уехал?
"It must have been an hour."	- С час назад.
"Then that is that," Robert Jordan said.	- Ну что ж, - сказал Роберт Джордан.

"I go to get what is left of my sacks and go back to bed."	- Пойду перетащу, что осталось, и лягу спать.
"I will guard them."	- Я сама буду карауЛить.

"_Que va_, you will guard them.	- Que va, караулить!
You've guarded them once already."	Ты уже один раз укараулила.
"_Ingles_," the woman said,	- Ingles, - сказала женщина.
"I feel in regard to this as you do.	- Я убиваюсь не меньше тебя.
There is nothing I would not do to bring back thy property.	Я бы все сейчас отдала, чтобы вернуть твои вещи.
You have no need to hurt me.	Зачем ты меня обижаешь?
We have both been betrayed by Pablo."	Пабло предал нас обоих.

As she said this Robert Jordan realized that he could not afford the luxury of being bitter, that he could not quarrel with this woman.	Когда она сказала это, Роберт Джордан понял, что злиться сейчас - это роскошь, которую он не может себе позволить, понял, что ему нельзя ссориться с этой женщиной.
He had to work with this woman on that day that was already two hours and more gone.	Ему предстоит работать с ней весь этот день, два часа которого уже прошли.
He put his hand on her shoulder.	Он положил руку ей на плечо.
"It is nothing, Pilar," he told her.	- Ничего, Пилар, - сказал он.
"What is gone is of small importance.	- Без этого можно обойтись.
We shall improvise something that will do as well."	Мы придумаем, как заменить это.

"But what did he take?"	- Что он взял?
"Nothing, woman.	- Ничего, женщина.
Some luxuries that one permits oneself."	То, что он взял, это роскошь.
"Was it part of thy mechanism for the exploding?"	- Это нужно было для взрыва?
"Yes.	-Да.
But there are other ways to do the exploding.	Но взрывать можно и по-другому.
Tell me, did Pablo not have caps and fuse?	Ты лучше скажи, не было ли у Пабло бикфордова шнура и капсюлей?
Surely they would have equipped him with those?"	Ведь его, наверно, снабдили всем этим?

"He has taken them," she said miserably.	- Он взял их, - жалким голосом сказала она.
"I looked at once for them.	- Я сразу посмотрела.
They are gone, too."	Их тоже нет.
They walked back through the woods to the entrance of the cave.	Они вернулись лесом ко входу в пещеру.
"Get some sleep," he said.	- Ложись спать, - сказал он.
"We are better off with Pablo gone."	- Нам будет лучше без Пабло.
"I go to see Eladio."	- Я пойду к Эладио.

"He will have gone another way."	- Пабло, наверно, уехал другой дорогой.

"I go anyway.	- Все равно пойду.
I have betrayed thee with my lack of smartness."	Нет во мне хитрости, вот я и подвела тебя.
"Nay," he said.	- Чепуха, - сказал он.
"Get some sleep, woman.	- Ложись спать, женщина.
We must be under way at four."	В четыре часа нам надо быть на ногах.
He went into the cave with her and brought out the two sacks, carrying them held together in both arms so that nothing could spill from the slits.	Он вошел вместе с ней в пещеру и вынес оттуда оба рюкзака, держа их обеими руками так, чтобы ничего не вывалилось из прорезов.
"Let me sew them up."	- Дай я зашью.

"Before we start," he said softly.	- Зашьешь перед отходом, - тихо сказал он.
"I take them not against you but so that I can sleep."	- Я уношу их не потому, что не доверяю тебе. Просто я иначе не засну.
"I must have them early to sew them."	- Тогда дай мне их пораньше, я зашью дыры.
"You shall have them early," he told her.	- Хорошо, дам пораньше, - ответил он ей.
"Get some sleep, woman."	- Ложись спать, женщина.
"Nay," she said.	- Нет, - сказала она.
"I have failed thee and I have failed the Republic."	- Я подвела себя, и я подвела Республику.
"Get thee some sleep, woman," he told her gently.	- Ложись спать, женщина, - мягко сказал он ей.

"Get thee some sleep."	- Ложись спать.
34	34
The fascists held the crests of the hills here.	Вершины гор занимали фашисты.
Then there was a valley that no one held except for a fascist post in a farmhouse with its outbuildings and its barn that they had fortified.	Дальше шла долина, никем не занятая, если не считать фашистского поста, расположенного на ферме с надворными постройками и сараем, которые они укрепили.
Andres, on his way to Golz with the message from Robert Jordan, made a wide circle around this post in the dark.	Пробираясь к Г ольцу с донесением Роберта Джордана, Андрес сделал в темноте большой крюк, чтобы не проходить мимо этого поста.

He knew where there was a trip wire laid that fired a set-gun and he located it in the dark, stepped over it, and started along the small stream bordered with poplars whose leaves were moving with the night wind.	Он знал, где там была протянута проволока к спусковой раме пулемета, и он разыскал ее в темноте, перешагнул и пошел дальше вдоль узкого ручья, окаймленного тополями, листья которых шелестели на ночном ветру.
A cock crowed at the farmhouse that was the fascist post and as he walked along the stream he looked back and saw, through the trunks of the poplars, a light showing at the lower edge of one of the windows of the farmhouse.	На ферме, где был фашистский пост, закукарекал петух, и, шагая вдоль ручья, Андрес оглянулся назад и увидел за деревьями полоску света в одном окне фермы, у самого подоконника.

The night was quiet and clear and Andres left the stream and struck across the meadow.	Ночь была тихая и ясная, и он свернул в сторону от ручья и пошел через луг.

There were four haycocks in the meadow that had stood there ever since the fighting in July of the year before.	На лугу вот уже целый год, со времени июльских боев, стояли четыре стога сена.
No one had ever carried the hay away and the four seasons that had passed had flattened the cocks and made the hay worthless.	Никто их не убирал, и в смене времен года они осели, и сено совсем сгнило.

Andres thought what a waste it was as he stepped over a trip wire that ran between two of the haycocks.	Переступив через проволоку, протянутую между двумя стогами, Андрес пожалел пропавшее сено.
But the Republicans would have had to carry the hay up the steep Guadarrama slope that rose beyond the meadow and the fascists did not need it, I suppose, he thought.	Впрочем, республиканцам пришлось бы тащить сено вверх по крутому склону Гвадаррамы, поднимавшемуся за лугом, а фашистам оно, верно, не нужно, подумал он.
They have all the hay they need and all the grain.	У них и сена и хлеба вдоволь.
They have much, he thought.	У них всего вдоволь, думал он.
But we will give them a blow tomorrow morning.	Но завтра утром мы всыплем им как следует.

Tomorrow morning we will give them something for Sordo.	Завтра утром мы отплатим им за Глухого.
What barbarians they are!	Что за звери!
But in the morning there will be dust on the road.	Но завтра утром на дороге будет пыль столбом.
He wanted to get this message-taking over and be back for the attack on the posts in the morning.	Ему хотелось поскорее доставить пакет и поспеть в лагерь к нападению на посты.
Did he really want to get back though or did he only pretend he wanted to be back?	На самом ли деле ему этого хотелось, или он только притворялся перед самим собой?

He knew the reprieved feeling he had felt when the _Ingles_ had told him he was to go with the message.	Он помнил то чувство облегчения, которое охватило его, когда Ingles сказал, что поручает ему доставить пакет.
He had faced the prospect of the morning calmly.	До тех пор он спокойно ждал утра.
It was what was to be done.	Это надо было сделать.
He had voted for it and would do it.	Он сам голосовал за это, и он был готов на все.
The wiping out of Sordo had impressed him deeply.	Гибель отряда Глухого произвела на него глубокое впечатление.
But, after all, that was Sordo.	Но, в конце концов, это случилось с Глухим.

That was not them.	Это случилось не с ними.
What they had to do they would do.	Они свое дело сделают.
But when the _Ingles_ had spoken to him of the message he had felt the way he used to feel when he was a boy and he had wakened in the morning of the festival of his village and heard it raining hard so that he knew that it would be too wet and that the bullbaiting in the square would be cancelled.	Когда Ingles говорил с ним, он почувствовал то же самое, что чувствовал мальчишкой, когда просыпался утром в день деревенского праздника и слышал, что идет сильный дождь, а значит, будет слишком сыро и травлю быков на площади отменят.

He loved the bullbaiting when he was a boy and he looked forward to it and to the moment when he would be in the square in the hot sun and the dust with the carts ranged all around to close the exits and to make a closed place into which the bull would come, sliding down out of his box, braking with all four feet, when they pulled the end-gate up.	Мальчиком он любил травлю быков и ждал этого дня и той минуты, когда он выбежит на площадь, залитую горячим солнцем, пыльную, уставленную по краям телегами, чтобы не было прохода на улицы и чтобы на загороженную со всех сторон площадь можно было выпустить быка, и бык, упираясь всеми четырьмя ногами, заскользит по настилу, как только откроют дверь клетки.

He looked forward with excitement, delight and sweating fear to the moment when, in the square, he would hear the clatter of the bull's horns knocking against the wood of his travelling box, and then the sight of him as he came, sliding, braking out into the square, his head up, his nostrils wide, his ears twitching, dust in the sheen of his black hide, dried crut splashed on his flanks, watching his eyes set wide apart, unblinking eyes under the widespread horns as smooth and solid as driftwood polished by the sand, the sharp tips uptilted so that to see them	С волнением, восторгом и страхом, от которого прошибал пот, он ждал той минуты, когда, выбежав на площадь, услышит стук рогов о деревянную клетку, а потом увидит и самого быка, увидит, как тот, упираясь ногами, сползает по настилу на площадь, высоко подняв голову, раздув ноздри, подергивая ушами, с пыльным налетом на черной шкуре, с пятнами подсохшего навоза на боках, - увидит его широко расставленные глаза, немигающие глаза под разведенными рогами, гладкими и твердыми, как бревна, отполированные прибрежным песком, с острыми концами, при виде которых екает

He looked forward all the year to that moment when the bull would come out into the square on that day when you watched his eyes while he made his choice of whom in the square he would attack in that sudden head-lowering, horn-reaching, quick catgallop that stopped your heart dead when it started.	Весь год ждал он той минуты, когда бык окажется на площади и можно будет следить за его глазами - кого он выберет, на кого бросится, вдруг сорвавшись вприпрыжку, по-кошачьи, низко опустив голову, загребая рогами, - следить с остановившимся сердцем.

He had looked forward to that moment all the year when he was a boy; but the feeling when the _Ingles_ gave the order about the message was the same as when you woke to hear the reprieve of the rain falling on the slate roof, against the stone wall and into the puddles on the dirt Street of the village.	Мальчиком он ждал этой минуты весь год; но чувство, охватившее его, когда Ingles сказал, что ему придется пойти с пакетом, было именно то самое, какое возникало, если он, просыпаясь, с облегчением слышал, как дождь хлещет по черепичной крыше, по каменной стене и по лужам на немощеной деревенской улице.

He had always been very brave with the bull in those village _capeas_, as brave as any in the village or of the other near-by villages, and not for anything would he have missed it any year although he did not go to the _capeas_ of other villages.	Он всегда смело встречал быка на этих деревенских капеа - так же смело, как любой другой мужчина из их деревни или из соседней, и ни за что в жизни не пропустил бы этого удовольствия, хотя на капеа в другие деревни не ходил.
He was able to wait still when the bull charged and only jumped aside at the last moment.	Он умел спокойно выжидать, когда бык бросится, и только в последнюю секунду делал прыжок в сторону.

He waved a sack under his muzzle to draw him off when the bull had some one down and many times he had held and pulled on the horns when the bull had some one on the ground and pulled sideways on the horn, had slapped and kicked him in the face until he left the man to charge some one else.	Он размахивал мешком у быка под самой мордой, чтобы отвлечь его внимание, когда бык валил кого-нибудь на землю, и не раз хватал его за рога и держал его, не давая боднуть упавшего, и оттаскивал за рог в сторону, бил, пинал ногами в морду до тех пор, пока бык не оставлял валявшегося на земле человека и не кидался на другого.

He had held the bull's tail to pull him away from a fallen man, bracing hard and pulling and twisting.	Он хватал быка за хвост и оттаскивал его от упавшего, тянул его изо всех сил, крутил ему хвост.

Once he had pulled the tail around with one hand until he could reach a horn with the other and when the bull had lifted his head to charge him he had run backwards, circling with the bull, holding the tail in one hand and the horn in the other until the crowd had swarmed onto the bull with their knives and stabbed him.	Как-то раз он намотал хвост себе на правую руку, а левой схватился за рог, и когда бык вскинул голову и кинулся на него, он побежал, пятясь, кружа вместе с быком, держа его одной рукой за хвост, другой за рог, и под конец все толпой кинулись на быка и прирезали его ножами.

In the dust and the heat, the shouting, the bull and man and wine smell, he had been in the first of the crowd that threw themselves onto the bull and he knew the feeling when the bull rocked and bucked under him and he lay across the withers with one arm locked around
the base of the horn and his hand holding the other horn tight, his fingers locked as his body tossed and wrenched and his left arm felt as though it would tear from the socket while he lay on the hot, dusty, bristly, tossing slope of muscle, the ear clenched tight in his teeth, and drove his knife again and

В этой пыли, жарище, в смешанном запахе вина, бычьего и людского пота, среди оглушительных криков толпы он всегда был одним из первых, кто кидался на быка, и ему хорошо запомнилось то ощущение, когда бык катался, бился под ним, а он лежал поперек холки, зажав под мышкой один рог у самого основания, другой сжимая пальцами; бык швырял его из стороны в сторону, и он извивался всем телом, чувствуя, что левая рука вот-вот вырвется из плечевого сустава, и, лежа на горячем, пыльном щетинистом, дергающемся бугре мышц, вцепившись зубами в бычье ухо, он снова и снова всаживает

The first time he had bit the ear like that and held onto it, his neck and jaws stiffened against the tossing, they had all made fun of him afterwards.	Когда он первый раз вцепился зубами в ухо, чувствуя, что от мертвой хватки немеют челюсти и шея, его подняли на смех.
But though they joked him about it they had great respect for him.	Но, хоть и смеялись, все же чувствовали к нему уважение.
And every year after that he had to repeat it.	И с тех пор он повторял это каждый раз.
They called him the bulldog of Villaconejos and joked about him eating cattle raw.	Его прозвали Бульдогом Виллаконехоса и говорили в шутку, что он ест быков живьем.

But every one in the village looked forward to seeing him do it and every year he knew that first the bull would come out, then there would be the charges and the tossing, and then when they yelled for the rush for the killing he would place himself to rush through the other attackers and leap for his hold.	Но односельчане всегда ждали этого дня, чтобы посмотреть, как он вцепится быку в ухо, и он знал наперед, что каждый раз будет так: сначала бык выйдет из клетки, потом кинется на кого-нибудь, а потом, когда все закричат, что пора убивать, он пробьется сквозь толпу и одним прыжком бросится на быка.

Then, when it was over, and the bull settled and sunk dead finally under the weight of the killers, he would stand up and walk away ashamed of the ear part, but also as proud as a man could be.	Потом, когда все будет кончено и прирезанный бык затихнет под навалившимися на него людьми, он встанет и пойдет прочь, стыдясь того, что кусал быка за ухо, и вместе с тем гордясь собой, как только может гордиться мужчина.
And he would go through the carts to wash his hands at the stone fountain and men would clap him on the back and hand him wineskins and say,	И он пойдет, пробираясь между телегами, мыть руки у каменного фонтана, и мужчины будут хлопать его по спине, и протягивать ему бурдюки, и кричать:

"Hurray for you, Bulldog.	"Нашему Бульдогу ура!

Long life to your mother."	Дай бог здоровья твоей матери!"
Or they would say,	Или они будут говорить:
"That's what it is to have a pair of _cojones!_ Year after year!"	"Вот удалой парень. Ведь он из года в год это повторяет".

Andres would be ashamed, empty-feeling, proud and happy, and he would shake them all off and wash his hands and his right arm and wash his knife well and then take one of the wineskins and rinse the ear-taste out of his mouth for that year; spitting the wine on the stone flags of the plaza before he lifted the wineskin high and let the wine spurt into the back of his mouth.	Андрес и стыдился, и чувствовал какую-то пустоту внутри, и был горд и счастлив; и он старался поскорее отделаться от всех и вымыть руки, и правую мыл до самого плеча, и отмывал нож, а потом брал чей-нибудь бурдюк и прополаскивал рот, чтобы уничтожить привкус бычьего уха во рту до следующего года. И он выплевывал вино на каменные плиты, прежде чем поднять бурдюк повыше и направить струю вина прямо в самое горло.
Surely.	Все это так.

He was the Bulldog of Villaconejos and not for anything would he have missed doing it each year in his village.	Его звали Бульдогом Виллаконехоса, и он ни за что в жизни не пропустил бы травлю быков у себя в деревне.
But he knew there was no better feeling than that one the sound of the rain gave when he knew he would not have to do it.	И все-таки он помнил, что нет чувства приятнее того, которое появляется при звуках дождя, когда знаешь, что тебе не придется делать это.
But I must go back, he told himself.	Но я должен поспеть назад, сказал он самому себе.
There is no question but that I must go back for the affair of the posts and the bridge.	Тут нечего раздумывать, я должен поспеть назад и принять участие в этой операции с часовыми и с мостом.

My brother Eladio is there, who is of my own bone and flesh. Anselmo, Primitivo, Fernando, Agustin, Rafael, though clearly he is not serious, the two women, Pablo and the _Ingles_, though the _Ingles_ does not count since he is a foreigner and under orders.	Там мой кровный брат Эладио, там Ансельмо, Примитиво, Фернандо, Агустин, Рафаэль, хотя последний, конечно, немногого стоит, две женщины, Пабло и Ingles. Впрочем, Ingles в счет не идет, он иностранец и действует по приказу.
They are all in for it.	Они все будут в этом деле.
It is impossible that I should escape this proving through the accident of a message.	И нельзя, чтобы я был избавлен от этого испытания из-за пакета.

I must deliver this message now quickly and well and then make all haste to return in time for the assault on the posts.	Я должен скорее доставить этот пакет и поспешить назад, чтобы поспеть к самой атаке на посты.
It would be ignoble of me not to participate in this action because of the accident of this message.	Было бы просто позорно не участвовать в деле из-за этого пакета.
That could not be clearer.	Все ясно, раздумывать нечего.

And besides, he told himself, as one who suddenly remembers that there will be pleasure too in an engagement only the onerous aspects of which he has been considering, and besides I will enjoy the killing of some fascists.	А кроме того, спохватился он, как спохватывается человек, сообразив, что предстоящее ему не только дело чести, о чем подумалось в первую очередь, но и удовольствие, - кроме того, мне будет приятно отправить на тот свет несколько фашистов.
It has been too long since we have destroyed any.	Мы уже давно их не убивали.
Tomorrow can be a day of much valid action.	Завтра мы займемся настоящим делом.
Tomorrow can be a day of concrete acts.	Завтра мы не будем сидеть сложа руки.

Tomorrow can be a day which is worth something.	Завтрашний день мы проведем не зря.
That tomorrow should come and that I should be there.	Пусть он поскорее наступит, завтрашний день, и пусть я буду там, вместе со всеми.
Just then, as knee deep in the gorse he climbed the steep slope that led to the Republican lines, a partridge flew up from under his feet, exploding in a whirr of wingbeats in the dark and he felt a sudden breath-stopping fright.	Как раз в эту минуту, когда он, продираясь сквозь высокие заросли дрока, поднимался по крутому склону к месту расположения республиканских частей, из-под ног у него, захлопав в темноте крыльями, вылетела куропатка, и он затаил дыхание от страха.
It is the suddenness, he thought.	Это от неожиданности, подумал он.

How can they move their wings that fast?	Как это они ухитряются так быстро бить крыльями?
She must be nesting now.	Она, наверно, сидела на яйцах.
I probably trod close to the eggs.	А я чуть не наступил на гнездо.

If there were not this war I would tie a handkerchief to the bush and come back in the daytime and search out the nest and I could take the eggs and put them under a setting hen and when they hatched we would have little partridges in the poultry yard and I would watch them grow and, when they were grown, I'd use them for callers.	Не будь войны, привязать бы платок к кусту, а днем на обратном пути разыскать гнездо, взять яйца, подложить их дома под наседку, и у нас были бы маленькие куропатки на птичьем дворе, и я бы следил за ними, а когда подрастут, держал бы их для приманки.
I wouldn't blind them because they would be tame.	Выкалывать им глаза я бы не стал, потому что они и так были бы ручные.
Or do you suppose they would fly off?	А может, на это нельзя полагаться?

Probably.	Пожалуй, нельзя.
Then I would have to blind them.	Тогда глаза придется выколоть.
But I don't like to do that after I have raised them.	Но когда сам вырастил их, это неприятно делать.
I could clip the wings or tether them by one leg when I used them for calling.	Если держать их для приманки, можно еще подрезать крылья или привязать за ногу.
If there was no war I would go with Eladio to get crayfish from that stream back there by the fascist post.	Не будь войны, я бы пошел с Эладио ловить раков вон в том ручье у фашистского поста.
One time we got four dozen from that stream in a day.	Мы с ним как-то за одну ночь наловили в этом ручье сорок восемь штук.

If we go to the Sierra de Gredos after this of the bridge there are fine streams there for trout and for crayfish also.	Если после дела с мостом нам придется уйти в Сьерра-де-Гредос, там есть хорошие ручьи, где и форель водится и раки.
I hope we go to Gredos, he thought.	Уйти бы в Гредос, подумал он.
We could make a good life in Gredos in the summer time and in the fall but it would be terribly cold in winter.	Летом в Гредосе хорошо, да и осенью тоже, а вот зимой там лютые холода.
But by winter maybe we will have won the war.	Но, может быть, к зиме мы выиграем войну.

If our father had not been a Republican both Eladio and I would be soldiers now with the fascists and if one were a soldier with them then there would be no problem.	Если бы наш отец не был республиканцем, мы с Эладио служили бы в армии у фашистов, а фашистскому солдату думать не о чем.
One would obey orders and one would live or die and in the end it would be however it would be.	Выполняй приказы, живи или умирай, а конец какой придет, такой и придет.
It was easier to live under a regime than to fight it.	Подчиняться власти легче, чем воевать с ней.
But this irregular fighting was a thing of much responsibility.	Но партизанская война - дело ответственное.

There was much worry if you were one to worry.	Если ты человек беспокойный, то беспокоиться тебе есть о чем.
Eladio thinks more than I do.	Эладио думает больше, чем я.
Also he worries.	И он беспокоится.
I believe truly in the cause and I do not worry.	Я верю в наше дело, и я ни о чем не беспокоюсь.
But it is a life of much responsibility.	Но ответственность мы несем большую.
I think that we are born into a time of great difficulty, he thought.	Мы родились в трудное время, думал он.
I think any other time was probably easier.	Раньше, наверно, жилось легче.

One suffers little because all of us have been formed to resist suffering.	Но нам не очень тяже- ло, потому что с самых первых дней мы притер- пелись к невзгодам.
They who suffer are unsuited to this climate.	Кто плохо переносит трудности, тому здесь не житье.
But it is a time of difficult decisions.	Наше время трудное, потому что нам надо ре- шать.
The fascists attacked and made our decision for us.	Фашисты напали пер- вые и все решили за нас.
We fight to live.	Мы сражаемся за жизнь.

But I would like to have it so that I could tie a handkerchief to that bush back there and come in the daylight and take the eggs and put them under a hen and be able to see the chicks of the partridge in my own courtyard.	Но мне бы хотелось, чтобы можно было привязать платок к тому кусту, и вернуться сюда днем, и взять яйца, и подложить их под наседку, и потом видеть, как по двору у тебя расхаживают маленькие куропатки.
I would like such small and regular things.	На них даже смотреть приятно - маленькие, аккуратненькие.
But you have no house and no courtyard in your no-house, he thought.	Нет у тебя ни дома, ни двора возле этого дома, подумал он.

You have no family but a brother who goes to battle tomorrow and you own nothing but the wind and the sun and an empty belly.	И семьи у тебя нет, а есть только брат, который завтра пойдет в бой; ничего у тебя нет, кроме ветра, солнца да пустого брюха.
The wind is small, he thought, and there is no sun.	Ветер сейчас слабый, думал он, а солнце зашло.
You have four grenades in your pocket but they are only good to throw away.	В кармане у тебя четыре гранаты, но они только на то и годятся, чтобы швырнуть их.
You have a carbine on your back but it is only good to give away bullets.	У тебя есть карабин за спиной, но он только на то и годится, чтобы посылать пули.
You have a message to give away.	У тебя есть пакет, который нужно отдать.

And you're full of crap that you can give to the earth, he grinned in the dark.	И кишки у тебя полны дерьма, которое ты тоже отдашь земле, усмехнулся он в темноте.
You can anoint it also with urine.	Можешь еще полить ее мочой.
Everything you have is to give.	Все, что ты можешь, - это отдавать.
Thou art a phenomenon of philosophy and an unfortunate man, he told himself and grinned again.	Да ты философ, философ-горемыка, сказал он самому себе и опять усмехнулся.

But for all his noble thinking a little while before there was in him that reprieved feeling that had always come with the sound of rain in the village on the morning of the fiesta.	И все же никакие возвышенные мысли не могли заглушить в нем чувство облегчения, то самое, что, бывало, охватывало его, когда он слышал шум дождя рано утром в день деревенской фиесты.
Ahead of him now at the top of the ridge was the government position where he knew he would be challenged.	Впереди, на гребне горы, были позиции республиканских войск, и он знал, что там его окликнут.
35	35
Robert Jordan lay in the robe beside the girl Maria who was still sleeping.	Роберт Джордан лежал в спальном мешке рядом с девушкой Марией, которая все еще спала.

He lay on his side turned away from the girl and he felt her long body against his back and the touch of it now was just an irony.	Он лежал на боку, повернувшись к девушке спиной, и чувствовал за собой все ее длинное тело, и эта близость была теперь только насмешкой.
You, you, he raged at himself.	Ты, ты, бесновался он внутренне.
Yes, you.	Да ты.
You told yourself the first time you saw him that when he would be friendly would be when the treachery would come.	Ты же сам себе сказал при первом взгляде на него, что, когда он станет проявлять дружелюбие, тогда и надо ждать предательства.
You damned fool.	Болван.
You utter blasted damned fool.	Жалкий болван.

Chuck all that.	Ну, довольно.
That's not what you have to do now.	Сейчас не об этом надо думать.
What are the chances that he hid them or threw them away?	Может быть, он припрятал украденное или забросил куда-нибудь.
Not so good.	Нет, на это надежды мало.

Besides you'd never find them in the dark.	Да все равно в темноте ничего не найдешь.
He would have kept them.	Он будет держать это при себе.
He took some dynamite, too.	Он и динамит прихватил.

Oh, the dirty, vile, treacherous sod.	Проклятый пьянчуга.
The dirty rotten crut.	Дерьмо поганое.
Why couldn't he have just mucked off and not have taken the exploder and the detonators?	Смылся бы просто к чертовой матери - нет, надо еще стащить взрыватель и детонаторы.
Why was I such an utter goddamned fool as to leave them with that bloody woman?	И угораздило же меня, болвана, оставить их у этой чертовой бабы.
The smart, treacherous ugly bastard.	Подлая, хитрая морда.
The dirty _cabron_.	Cabron поганый.
Cut it out and take it easy, he told himself.	Перестань, успокойся, сказал он самому себе.

You had to take chances and that was the best there was.	Ты должен был пойти на риск, и это казалось самым надежным.
You're just mucked, he told himself.	Тебя просто обманули к чертовой матери, сказал он самому себе.
You're mucked for good and higher than a kite.	Обманули дурака на четыре кулака.
Keep your damned head and get the anger out and stop this cheap lamenting like a damned wailing wall.	Не теряй головы, и не злись, и прекрати эти жалкие причитания и это нытье у стен вавилонских.
It's gone.	Нет твоих материалов.
God damn you, it's gone.	Нет - и все тут!

Oh damn the dirty swine to hell.	А, будь проклята эта поганая свинья.
You can muck your way out of it.	Теперь выпутывайся сам, черт тебя побери.
You've got to, you know you've got to blow it if you have to stand there and--cut Out that stuff, too.	Надо выпутываться, ты знаешь, что мост должен быть взорван, пусть даже тебе придется стать там и... Нет, это ты тоже брось.
Why don't you ask your grandfather?	Посоветуйся лучше с дедушкой.

Oh, muck my grandfather and muck this whole treacherous muckfaced mucking country and every mucking Spaniard in it on either side and to hell forever.	К чертовой матери твоего дедушку, и к чертовой матери эту вероломную проклятую страну и каждого проклятого испанца в ней и по ту и по другую сторону фронта.
Muck them to hell together, Largo, Prieto, Asensio, Miaja, Rojo, all of them. Muck every one of them to death to hell.	Пусть все идут к чертовой матери - Ларго, Прието, Асенсио, Миаха, Рохо, - все вместе и каждый в отдельности.
Muck the whole treachery- ridden country. Muck their egotism and their selfishness and their selfishness and their egotism and their conceit and their treachery.	К чертовой матери их эгоцентризм, их себялюбие, их самодовольство и их вероломство.

Muck them to hell and always.	Пусть идут к чертовой матери раз и навсегда.
Muck them before we die for them.	Пусть идут к чертовой матери до того, как мы умрем за них.

Muck them after we die for them.	Пусть идут к чертовой матери после того, как мы умрем за них.
Muck them to death and hell.	Пусть идут к чертовой матери со всеми потрохами.
God muck Pablo.	И Пабло пусть идет к чертовой матери.
Pablo is all of them.	Пабло - это все они, вместе взятые.
God pity the Spanish people.	Господи, сжалься над испанским народом.

Any leader they have will muck them.	Какой бы ни был у него вождь, этот вождь обманет его к чертовой матери.
One good man, Pablo Iglesias, in two thousand years and everybody else mucking them.	Один-единственный порядочный человек за две тысячи лет - Пабло Иглесиас, а все остальные обманщики.
How do we know how he would have stood up in this war?	Но откуда нам знать, как бы он повел себя в этой войне?
I remember when I thought Largo was O.K.	Я помню то время, когда Ларго казался мне неплохим человеком.

Durruti was good and his own people shot him there at the Puente de los Franceses.	Дурутти тоже был хороший, но свои же люди расстреляли его в Пуэнте-де-лос-Франкесес.
Shot him because he wanted them to attack.	Расстреляли, потому что он погнал их в наступление.
Shot him in the glorious discipline of indiscipline. The cowardly swine.	Расстреляли во имя великолепной дисциплины недисциплинированности.
Oh muck them all to hell and be damned.	Да ну их всех к чертовой матери.

And that Pablo that just mucked off with my exploder and my box of detonators.	А теперь Пабло взял да и смылся к чертовой матери с моим взрывателем и детонаторами.
Oh muck him to deepest hell.	Пропади он пропадом ко всем чертям.
But no. He's mucked us instead.	Нет, это он послал нас к чертям.
They always muck you instead, from Cortez and Menendez de Avila down to Miaja.	Все они так делали, начиная с Кертеса и Менендеса де Авила и кончая Миахой.

Look at what Miaja did to Kleber.	Вспомни, что сделал Миаха с Клебером.
The bald egotistical swine.	Себялюбивая лысая свинья.
The stupid egg- headed bastard.	Тупая гадина с головой точно яйцо.
Muck all the insane, egotistical, treacherous swine that have always governed Spain and ruled her armies.	Ну их к чертовой матери, всех этих оголтелых, себялюбивых, вероломных свиней, которые всегда правили Испанией и командовали ее армиями.

Muck everybody but the people and then be damned careful what they turn into when they have power.	К чертовой матери всех - только не народ.
His rage began to thin as he exaggerated more and more and spread his scorn and contempt so widely and unjustly that he could no longer believe in it himself.	Его ярость начала понемногу утихать, по мере того как он преувеличивал все больше и больше, обливая презрением всех без разбора, и так несправедливо, что сам уже перестал верить своим словам.

If that were true what are you here for?	Если это все так, зачем же ты пришел сюда?
It's not true and you know it.	Это не так, и ты прекрасно это знаешь.
Look at all the good ones.	Вспомни, сколько есть настоящих людей.
Look at all the fine ones.	Вспомни, сколько есть замечательных людей.
He could not bear to be unjust.	Ему стало тошно от собственной несправедливости.

He hated injustice as he hated cruelty and he lay in his rage that blinded his mind until gradually the anger died down and the red, black, blinding, killing anger was all gone and his mind now as quiet, empty-calm and sharp, cold-seeing as a man is after he has had sexual intercourse with a woman that he does not love.	Он ненавидел несправедливость не меньше, чем жестокость, и ярость слепила ему глаза, но наконец злоба стала утихать, красная, черная, слепящая, смертоносная злоба исчезла совсем, и в мыслях у него появилась та пустота, спокойствие, четкость, холодная ясность, какая бывает после близости с женщиной, которую не любишь.

"And you, you poor rabbit," he leaned over and said to Maria, who smiled in her sleep and moved close against him.	- А ты, бедный мой зайчонок, - сказал он, повернувшись к Марии, которая улыбнулась во сне и прижалась к нему теснее.
"I would have struck thee there awhile back if thou had spoken.	- Если бы ты заговорила со мной минуту назад, я бы тебя ударил.
What an animal a man is in a rage."	Какие мы, мужчины, скоты, когда разозлимся.

He lay close to the girl now with his arms around her and his chin on her shoulder and lying there he figured out exactly what he would have to do and how he would have to do it.	- Теперь он лежал, тесно прижавшись к девушке, обняв ее, уткнувшись подбородком ей в плечо, и, лежа так, соображал, что ему надо будет сделать и как именно он это сделает.
And it isn't so bad, he thought.	И не так уж все плохо, думал он.
It really isn't so bad at all.	Совсем не так уж плохо.
I don't know whether any one has ever done it before.	Я не знаю, приходилось ли кому-нибудь делать подобные штуки раньше.

But there will always be people who will do it from now on, given a similar jam.	Но после нас это будут делать, и при таких же трудных обстоятельствах, - люди найдутся.
If we do it and if they hear about it.	Если только мы сами сделаем это и другие об этом узнают.
If they hear about it, yes.	Да, если другие узнают.
If they do not just wonder how it was we did it.	Если только им не придется ломать себе голову над тем, как мы это сделали.
We are too short of people but there is no sense to worry about that.	Нас очень мало, но тревожиться из-за этого нечего.
I will do the bridge with what we have.	Я взорву мост и с тем, что у нас осталось.

God, I'm glad I got over being angry.	А как хорошо, что я перестал злиться.
It was like not being able to breathe in a storm.	Ведь я чуть не задохнулся, все равно как от сильного ветра.
That being angry is another damned luxury you can't afford.	Злость - тоже роскошь, которую нельзя себе позволить.

"It's all figured out, _guapa_," he said softly against Maria's shoulder.	- Все рассчитано, guapa, - чуть слышно сказал он Марии в плечо.
"You haven't been bothered by any of it.	- Тебя это не коснулось.
You have not known about it.	Ты даже ничего не знала.

We'll be killed but we'll blow the bridge.	Мы погибнем, но мост взорвем.
You have not had to worry about it.	Тебе ни о чем не пришлось тревожиться.
That isn't much of a wedding present.	Это не бог весть какой свадебный подарок.
But is not a good night's sleep supposed to be priceless?	Но ведь говорят же, что нет ничего дороже крепкого сна.
You had a good night's sleep.	Ты крепко спала всю ночь.
See if you can wear that like a ring on your finger.	Может быть, ты наденешь свой сон на палец как обручальное кольцо.
Sleep, _guapa_.	Спи, guapa.
Sleep well, my beloved.	Спи крепко, любимая.

I do not wake thee.	Я не стану будить тебя.
That is all I can do for thee now."	Это все, что я могу сейчас для тебя сделать.
He lay there holding her very lightly, feeling her breathe and feeling her heart beat, and keeping track of the time on his wrist watch.	Он лежал, легко обнимая ее, чувствуя ее дыхание, чувствуя, как бьется ее сердце, и следил за временем по своим ручным часам.
36	36
Andres had challenged at the government position.	Подойдя к расположению республиканских войск, Андрес окликнул часовых.

That is, he had lain down where the ground fell sharply away below the triple belt of wire and shouted up at the rock and earth parapet.	Точнее, он лег на землю там, где склон крутым обрывом шел вниз от тройного пояса колючей проволоки, и крикнул, подняв голову к валу из камней и земли.
There was no continual defensive line and he could easily have passed this position in the dark and made his way farther into the government territory before running into some one who would challenge him.	Сплошной оборонительной линии здесь не было, и в темноте он мог бы пройти мимо этого пункта в глубь территории, занятой республиканскими войсками, прежде чем его бы остановили.

But it seemed safer and simpler to get it over here.	Но ему казалось, что проделать все это здесь будет безопаснее и проще.
"_Salud!_" he had shouted. "_Salud, milicianos!_"	- Salud! - крикнул он. - Salud, milicianos!
He heard a bolt snick as it was pulled back.	Он услышал щелканье затвора.
Then, from farther down the parapet, a rifle fired.	Потом за валом выстрелили из винтовки.
There was a crashing crack and a downward stab of yellow in the dark.	Раздался оглушительный треск, и темноту прорезало сверху вниз желтой полосой.

Andres had flattened at the click, the top of his head hard against the ground.	Услышав щелканье затвора, Андрес лег плашмя и уткнулся лицом в землю.
"Don't shoot, Comrades," Andres shouted.	- Не стреляйте, товарищи, - крикнул Андрес.
"Don't shoot!	- Не стреляйте.

I want to come in."	Я хочу подняться к вам.
"How many are you?" some one called from behind the parapet.	- Сколько вас? - послышался чей-то голос из-за вала.
"One.	- Один.
Me.	Я.
Alone."	Больше никого.

"Who are you?"	- Кто ты?
"Andres Lopez of Villaconejos.	- Андрес Лопес из Вилла-конехоса.
From the band of Pablo.	Из отряда Пабло.
With a message."	Иду с донесением.
"Have you your rifle and equipment?"	- Винтовка и патроны есть?
"Yes, man."	- Да друг
"We can take in none without rifle and equipment," the voice said.	- Без винтовки и патронов мы сюда никого не пустим, - сказал голос.
"Nor in larger groups than three."	- И больше трех человек сразу тоже нельзя.
"I am alone," Andres shouted.	- Я один, - крикнул Андрес.

"It is important.	- С важным поручением.
Let me come in."	Пустите меня.
He could hear them talking behind the parapet but not what they were saying.	Он услышал, как они переговариваются за валом, но слов не разобрал.
Then the voice shouted again,	Потом тот же голос крикнул опять:
"How many are you?"	- Сколько вас?
"One.	- Один.
Me.	Я.
Alone.	Больше никого.
For the love of God."	Ради господа бога.
They were talking behind the parapet again.	За валом опять стали переговариваться.

Then the voice came,	Потом раздался голос:
"Listen, fascist."	- Слушай, фашист.
"I am not a fascist," Andres shouted.	-Я не фашист, - крикнул Андрес.
"I am a _guerrillero_ from the band of Pablo.	- Я guerrillero из отряда Пабло.
I come with a message for the General Staff."	Я иду с донесением в Генеральный штаб.
"He's crazy," he heard some one say.	- Совсем рехнулся, - услышал он сверху.
"Toss a bomb at him."	- Швырни в него гранату.
"Listen," Andres said.	- Слушайте, - сказал Андрес.

"I am alone.	- Я один.

I am completely by myself.	Со мной больше никого нет.
I obscenity in the midst of the holy mysteries that I am alone.	Вот чтоб мне так и так в святое причастие -говорю вам, я один.
Let me come in."	Пустите меня.
"He speaks like a Christian," he heard some one say and laugh.	- Говорит, как добрый христианин, - сказал кто-то за валом и засмеялся.
Then some one else said,	Потом послышался голос другого:
"The best thing is to toss a bomb down on him."	- Самое лучшее швырнуть в него гранату.

"No," Andres shouted.	- Нет! - крикнул Андрес.
"That would be a great mistake.	- Вы сделаете большую ошибку.
This is important.	Я с важным поручением.
Let me come in."	Пустите меня.
It was for this reason that he had never enjoyed trips back and forth between the lines.	Вот из-за этого он и не любил переходить туда и сюда через линию фронта.
Sometimes it was better than others.	Иной раз все складывалось лучше, иной раз хуже.
But it was never good.	Но совсем хорошо не бывало никогда.
"You are alone?" the voice called down again.	-Ты один? - снова спросили его сверху.

"_Me cago en la leche_," Andres shouted.	- Me cago en la leche, - крикнул Андрес.
"How many times must I tell thee?	- Сколько раз мне повторять?
I AM ALONE."	Я один.
"Then if you should be alone stand up and hold thy rifle over thy head."	- Ну, если один, так встань во весь рост и держи винтовку над головой.
Andres stood up and put the carbine above his head, holding it in both hands.	Андрес встал и поднял карабин, держа его обеими руками.
"Now come through the wire.	- Теперь пробирайся через проволоку.
We have thee covered with the _maquina_," the voice called.	Мы навели на тебя maquina, - сказал тот же голос.

Andres was in the first zigzag belt of wire.	Андрес подошел к первому поясу проволочных заграждений.
"I need my hands to get through the wire," he shouted.	-Я не проберусь без рук, - крикнул он.
"Keep them up," the voice commanded.	- Не смей опускать, - приказал ему голос.
"I am held fast by the wire," Andres called.	- Я зацепился за проволоку, - ответил Андрес.
"It would have been simpler to have thrown a bomb at him," a voice said.	- Швырнуть бы в него гранату, проще всего, -сказал другой голос.
"Let him sling his rifle," another voice said.	- Пусть перекинет винтовку за спину, - сказал еще чей-то голос.

"He cannot come through there with his hands above his head.	- Как он пройдет с поднятыми руками?

Use a little reason."	Соображать надо!
"All these fascists are the same," the other voice said.	- Фашисты все на один лад, - сказал другой голос.
"They demand one condition after another."	- Ставят одно условие за другим.
"Listen," Andres shouted.	- Слушайте, - крикнул Андрес.
"I am no fascist but a _guerrillero_ from the band of Pablo.	- Я не фашист, я guerrillero из отряда Пабло.
We've killed more fascists than the typhus."	Мы поубивали фашистов больше, чем тиф.

"I have never heard of the band of Pablo," the man who was evidently in command of the post said.	- Я что-то не слышал про этого Пабло и про его отряд, - сказал голос, принадлежавший, очевидно, начальнику поста.
"Neither of Peter nor of Paul nor of any of the other saints nor apostles.	- И про Петра и Павла и про других святых и апостолов тоже не слыхал.
Nor of their bands.	И про их отряды не знаю.
Sling thy rifle over thy shoulder and use thy hands to come through the wire."	Перекинь винтовку за плечо и действуй руками.
"Before we loose the _maquina_ on thee," another shouted.	- Пока мы не открыли по тебе огонь из maquina, - крикнул другой.
"_Que poco amables sois!_" Andres said.	- Que poco amables sois! - сказал Андрес.

"You're not very amiable."	- Не очень-то вы любезны!
He was working his way through the wire.	- Он пошел вперед, продираясь через проволоку.
"_Amables_," some one shouted at him.	- Любезны? - крикнул кто-то.
"We are in a war, man."	- Мы на войне, друг.
"It begins to appear so," Andres said.	- Оно и видно, - сказал Андрес.
"What's he say?"	- Что он говорит?
Andres heard a bolt click again.	Андрес опять услышал щелканье затвора.
"Nothing," he shouted.	- Ничего! - крикнул он.
"I say nothing.	- Я ничего не говорю.

Do not shoot until I get through this fornicating wire."	Не стреляйте, пока я не проберусь через эту окаянную проволоку.
"Don't speak badly of our wire," some one shouted.	- Не смей так говорить про нашу проволоку! - крикнул кто-то.
"Or we'll toss a bomb on you."	- Не то гранату швырнем.
"_Quiero decir, que buena alambrada_," Andres shouted.	- Quiero decir, que buena alambrada! - крикнул Андрес.
"What beautiful wire.	- Какая замечательная проволока!
God in a latrine.	Господь в нужнике!
What lovely wire.	Что за проволока!
Soon I will be with thee, brothers."	Скоро я до вас доберусь, братья.

"Throw a bomb at him," he heard the one voice say.	- Швырните в него гранату, - услышал он все тот же голос.
"I tell you that's the soundest way to deal with the whole thing."	- Говорю вам, это самое разумное.
"Brothers," Andres said.	- Братья, - сказал Андрес.
He was wet through with sweat and he knew the bomb advocate was perfectly capable of tossing a grenade at any moment.	Он весь взмок от пота, и он знал, что стороннику решительных действий ничего не стоит швырнуть в него гранату.
"I have no importance."	- Я человек маленький.
"I believe it," the bomb man said.	- Охотно верю, - сказал гранатометчик.

"You are right," Andres said.	- И ты прав, - сказал Андрес.
He was working carefully through the third belt of wire and he was very close to the parapet.	Он осторожно пробирался через третий пояс колючей проволоки и был уже близок к валу.
"I have no importance of any kind.	- Я совсем маленький человек.
But the affair is serious. _Muy, muy serio_."	Но мне поручили важное дело. Muy, muy serio.
"There is no more serious thing than liberty," the bomb man shouted.	- Важнее свободы ничего нет, - крикнул гранатометчик.
"Thou thinkest there is anything more serious than liberty?" he asked challengingly.	- Ты думаешь, есть что-нибудь и поважнее свободы? - спросил он вызывающим тоном.

"No, man," Andres said, relieved.	- Нет, друг, - с облегчением сказал Андрес.
He knew now he was up against the crazies; the ones with the black-and-red scarves. "_Viva la Libertad!_"	Теперь он знал, что имеет дело с самыми оголтелыми, с теми, кто носит красно-черные шарфы. - Viva la Libertad!
"_Viva la F. A. I.	- Viva la FAI!
Viva la C.N.T._," they shouted back at him from the parapet. "_Viva el anarco-sindicalismo_ and liberty."	Viva la CNT! - закричали в ответ из-за вала. - Да здравствует анархо-синдикализм и свобода!
"_Viva nosotros_," Andres shouted.	- Viva nosotros! - крикнул Андрес.
"Long life to us."	- Да здравствуем мы!

"He is a coreligionary of ours," the bomb man said.	- Он из наших, - сказал гранатометчик.
"And I might have killed him with this."	- А ведь я мог уложить его этой штукой.
He looked at the grenade in his hand and was deeply moved as Andres climbed over the parapet.	Он посмотрел на гранату, которую держал в руке, и расчувствовался, когда Андрес перебрался через вал.
Putting his arms around him, the grenade still in one hand, so that it rested against Andres's shoulder blade as he embraced him, the bomb man kissed him on both cheeks.	Обняв его и все еще не выпуская гранаты из рук, так что она легла Андресу на лопатку, гранатометчик расцеловал Андреса в обе щеки.

"I am content that nothing happened to thee, brother," he said.	- Я очень доволен, что все обошлось благополучно, брат, - сказал он.
"I am very content."	- Я очень доволен.
"Where is thy officer?" Andres asked.	-Где твой начальник? - спросил Андрес.

"I command here," a man said.	- Я здесь начальник, - сказал тот.
"Let me see thy papers."	- Покажи свои документы.

He took them into a dugout and looked at them with the light of a candle. There was the little square of folded silk with the colors of the Republic and the seal of the S. I. M. in the center. There was the _Salvoconducto_ or safe-conduct pass giving his name, age, height, birthplace and mission that Robert Jordan had written out on a sheet from his notebook and sealed with the S. I. M. rubber stamp and there were the four folded sheets of the dispatch to Golz which were tied around with a cord and sealed with wax and the impression of the metal S. I. M. seal that was set in the top end of the wooden handle of the rubber stamp	Он пошел в блиндаж и при свече просмотрел документы: сложенный пополам кусочек шелка, трехцветный, как флаг Республики, с печатью СВР в центре, salvoconducto - охранное удостоверение, или пропуск, в котором было проставлено имя Андреса, его возраст, место рождения и указано данное ему поручение (все это Роберт Джордан написал на листке, вырванном из записной книжки, и поставил штамп СВР), и, наконец, четыре сложенных листочка донесения Г ольцу, обвязанные шнурком и запечатанные воском с оттиском металлической печати СВР, которая была вправлена в деревянную руч-

"This I have seen," the man in command of the post said and handed back the piece of silk.	- Такие я уже видел, - сказал начальник поста и вернул Андресу кусочек шелка.
"This you all have, I know.	- Они у вас у всех есть.
But its possession proves nothing without this."	Но без такой бумажки это ничего не значит.
He lifted the _Salvoconducto_ and read it through again.	- Он взял salvoconducto и снова прочел его с начала до конца.
"Where were you born?"	- Откуда ты родом?
"Villaconejos," Andres said.	- Из Виллаконехоса, - сказал Андрес.
"And what do they raise there?"	- Что там у вас растет?

"Melons," Andres said.	- Дыни, - сказал Андрес.
"As all the world knows."	- Это всему свету известно.
"Who do you know there?"	- Кого ты там знаешь?
"Why?	- А что?
Are you from there?"	Ты разве сам оттуда?
"Nay.	- Нет.
But I have been there.	Но я там бывал.
I am from Aranjuez."	Я из Аранхуэса.
"Ask me about any one."	- Спрашивай о ком хочешь.
"Describe Jose Rincon."	- Опиши Хосе Ринкона.
"Who keeps the bodega?"	- Который содержит кабачок?

"Naturally."	- Вот-вот.
"With a shaved head and a big belly and a cast in one eye."	- Бритая голова, толстобрюхий, и глаз немного косит.
"Then this is valid," the man said and handed him back the paper.	- Ну, раз так, значит, эта бумажка действительна, -сказал тот и протянул ему листок.
"But what do you do on their side?"	- А что ты делаешь на их стороне?

"Our father had installed himself at Villacastin before the movement," Andres said.	- Наш отец перебрался в Вильякастин еще до начала движения, - сказал Андрес.
"Down there beyond the mountains on the plain.	- Это на равнине, за горами.

It was there we were surprised by the movement.	Там мы и жили, когда началось движение.
Since the movement I have fought with the band of Pablo.	А с тех пор я в отряде Пабло.
But I am in a great hurry, man, to take that dispatch."	Но я тороплюсь, друг. Надо поскорее доставить это.
"How goes it in the country of the fascists?" the man commanding asked.	- А что там у вас делается, на фашистской территории? - спросил начальник поста.
He was in no hurry.	Он не торопился.
"Today we had much _tomate_," Andres said proudly.	- Сегодня было много tomate, - горделиво сказал Андрес.

"Today there was plenty of dust on the road all day.	- Сегодня на дороге пыль стояла столбом.
Today they wiped out the band of Sordo."	Сегодня перебили весь отряд Глухого.
"And who is Sordo?" the other asked deprecatingly.	- А кто это Глухой? - недоверчиво спросил офицер.
"The leader of one of the best bands in the mountains."	- Вожак одного из самых лучших отрядов в горах.
"All of you should come in to the Republic and join the army," the officer said.	- Не мешало бы вам всем перейти на республиканскую территорию и вступить в армию, - сказал офицер.
"There is too much of this silly guerilla nonsense going on.	- Развели партизанщину, а это чепуха.

All of you should come in and submit to our Libertarian discipline.	Не мешало бы перейти сюда и подчиниться нашей дисциплине.
Then when we wished to send out guerillas we would send them out as they are needed."	А если партизанские отряды понадобятся, мы их сами пошлем.
Andres was a man endowed with almost supreme patience.	Андрес был наделен почти сверхъестественным терпением.
He had taken the coming in through the wire calmly.	Он спокойно продирался через проволоку.
None of this examination had flustered him.	И этот допрос его тоже не взволновал.

He found it perfectly normal that this man should have no understanding of them nor of what they were doing and that he should talk idiocy was to be expected.	И то, что этот человек не понимает ни их, ни того, что они делают, казалось ему в порядке вещей, и ничего неожиданного в этих дурацких разговорах для него не было.
That it should all go slowly should be expected too; but now he wished to go.	И в том, что все так затягивается, тоже не было ничего неожиданного, но теперь ему пора было идти дальше.
"Listen, _Compadre_," he said.	- Слушай, compadre, - сказал он.
"It is very possible that you are right.	- Очень возможно, что ты прав.

But I have orders to deliver that dispatch to the General commanding the Thirty-Fifth Division, which makes an attack at daylight in these hills and it is already late at night and I must go."	Но мне приказано доставить этот пакет командиру Тридцать пятой дивизии, которая на рассвете начнет наступление в этих горах, а сейчас уже ночь, и я должен идти дальше.
"What attack?	- Какое наступление?
What do you know of an attack?"	Что ты знаешь о наступлении?
"Nay. I know nothing.	- Я ничего не знаю.

But I must go now to Navacerrada and go on from there.	Но мне надо добраться в Навасерраду и еще дальше.
Wilt thou send me to thy commander who will give me transport to go on from there?	Отправь меня к своему командиру, может быть, он даст мне какой-нибудь транспорт.
Send one with me now to respond to him that there be no delay."	Пошли кого-нибудь со мной, только поскорее, потому что дело не терпит.
"I distrust all of this greatly," he said.	- Что-то мне все очень сомнительно, - сказал офицер.
"It might have been better to have shot thee as thou approached the wire."	- Лучше бы нам подстрелить тебя, когда ты подошел к проволоке.

"You have seen my papers, Comrade, and I have explained my mission," Andres told him patiently.	- Ты же видел мои документы, товарищ, и я тебе объяснил, зачем иду, - терпеливо ответил ему Андрес.
"Papers can be forged," the officer said.	- Документы можно подделать, - сказал офицер.
"Any fascist could invent such a mission.	- И такое поручение любой фашист себе придумает.
I will go with thee myself to the Commander."	Я сам провожу тебя к начальнику.
"Good," Andres said.	- Хорошо, - сказал Андрес.

"That you should come.	- Пойдем.
But that we should go quickly."	Только давай поскорее.
"Thou, Sanchez.	- Эй, Санчес.
Thou commandest in my place," the officer said.	Прими командование, - сказал офицер.
"Thou knowest thy duties as well as I do.	- Ты не хуже меня знаешь, что надо делать.
I take this so-called Comrade to the Commander."	Я поведу этого так называемого товарища к командиру.

They started down the shallow trench behind the crest of the hill and in the dark Andres smelt the foulness the defenders of the hill crest had made all through the bracken on that slope.	Они двинулись вперед неглубоким окопом за вершиной холма, и в темноте Андрес почувствовал зловоние, которое шло из зарослей дрока, загаженных защитниками этой вершины.

He did not like these people who were like dangerous children; dirty, foul, undisciplined, kind, loving, silly and ignorant but always dangerous because they were armed.	Ему не нравились эти люди, похожие на беспризорных ребят, грязные, недисциплинированные, испорченные, добрые, ласковые, глупые, невежественные и всегда опасные, потому что в их руках было оружие.
He, Andres, was without politics except that he was for the Republic.	Сам Андрес в политике не разбирался, он только стоял за Республику.

He had heard these people talk many times and he thought what they said was often beautiful and fine to hear but he did not like them.	Ему часто приходилось слышать, как говорят эти люди, и они говорили красиво, и слушать их было приятно, но сами они ему не нравились.
It is not liberty not to bury the mess one makes, he thought.	Какая же это свобода, когда человек напакостит и не приберет за собой, думал он.
No animal has more liberty than the cat; but it buries the mess it makes.	Свободнее кошки никого нет, а она и то прибирает.
The cat is the best anarchist.	Кошка - самый ярый анархист.
Until they learn that from the cat I cannot respect them.	Покуда они не научатся этому у кошки, их уважать не будут.

Ahead of him the officer stopped suddenly.	Офицер, шагавший впереди него, вдруг остановился.
"You have your _carabine_ still," he said.	- Карабин все еще при тебе? - сказал он.
"Yes," Andres said.	- Да, - сказал Андрес.
"Why not?"	- А что?
"Give it to me," the officer said.	- Дай его сюда, - сказал офицер.
"You could shoot me in the back with it."	- А то еще выстрелишь мне в спину.
"Why?" Andres asked him.	- Зачем? - спросил его Андрес.
"Why would I shoot thee in the back?"	- Зачем я буду стрелять тебе в спину?
"One never knows," the officer said.	- Кто вас знает, - сказал офицер.

"I trust no one.	- Я никому не доверяю.
Give me the carbine."	Давай сюда карабин.
Andres unslung it and handed it to him.	Андрес сбросил карабин с плеча и передал ему.
"If it pleases thee to carry it," he said.	- Раз уж тебе хочется тащить его, - сказал он.
"It is better," the officer said.	-Так оно лучше, - сказал офицер.
"We are safer that way."	- Спокойнее.
They went on down the hill in the dark.	Они спускались в темноте по склону холма.
37	37
Now Robert Jordan lay with the girl and he watched time passing on his wrist.	Роберт Джордан лежал рядом с девушкой и следил за временем по часам на руке.

It went slowly, almost imperceptibly, for it was a small watch and he could not see the second hand.	Время шло медленно, почти незаметно, потому что часы были маленькие и он не мог разглядеть секундную стрелку.
But as he watched the minute hand he found he could almost check its motion with his concentration.	Но, вглядываясь в минутную, он обнаружил, что если очень сосредоточиться, то почти можно уловить, как она движется.

The girl's head was under his chin and when he moved his head to look at the watch he felt the cropped head against his cheek, and it was as soft but as alive and silkily rolling as when a marten's fur rises under the caress of your hand when you spread the trap jaws open and lift the marten clear and, holding it, stroke the fur smooth.	Он лежал, уткнувшись подбородком в голову девушки, и когда вытягивал шею, чтобы посмотреть на часы, то чувствовал ее коротко стриженные волосы у себя на щеке, и они были мягкие, живые и такие же шелковистые, как мех куницы под рукой, когда открываешь зажимы капкана, вытаскиваешь ее оттуда и, держа одной рукой, другой приглаживаешь мех.

His throat swelled when his cheek moved against Maria's hair and there was a hollow aching from his throat all through him as he held his arms around her; his head dropped, his eyes close to the watch where the lance-pointed, luminous splinter moved slowly up the left face of the dial.	В горле у него вставал ком, когда волосы Марии касались его щеки, и когда он прижимал ее к себе, томящая пустота шла от горла по всему телу; он опустил голову ниже, не сводя глаз с циферблата, по левой стороне которого медленно двигалось похожее на пику светящееся острие.
He could see its movement clearly and steadily now and he held Maria close now to slow it.	Теперь он ясно различал движение стрелки, и он теснее прижал к себе Марию, словно стараясь замедлить это движение.

He did not want to wake her but he could not leave her alone now in this last time and he put his lips behind her ear and moved them up along her neck, feeling the smooth skin and the soft touch of her hair on them.	Ему не хотелось будить ее, но не трогать ее сейчас, в их последний раз, он тоже не мог, и он коснулся губами ее шеи за ухом и повел ими дальше, чувствуя ее гладкую кожу и мягкое прикосновение ее волос.
He could see the hand moving on the watch and he held her tighter and ran the tip of his tongue along her cheek and onto the lobe of her ear and along the lovely convolutions to the sweet, firm rim at the top, and his tongue was trembling.	Он смотрел на стрелку, двигающуюся на циферблате, и еще крепче прижал к себе Марию и повел кончиком языка по ее щеке и по мочке уха и выше, по чудесным извилинам ушной раковины до милого твердого ободка наверху, и язык у него дрожал.

He felt the trembling run through all of the hollow aching and he saw the hand of the watch now mounting in sharp angle toward the top where the hour was.	Он чувствовал, как эта дрожь пронизывает томящую пустоту тела, и видел, что минутная стрелка уже подбирается к трем часам.
Now while she still slept he turned her head and put his lips to hers.	И тогда он повернул к себе голову все еще спящей Марии и нашел ее губы.
They lay there, just touching lightly against the sleep-firm mouth and he swung them softly across it, feeling them brush lightly.	Он не целовал ее, только легко-легко водил губами по ее сонно сомкнутым губам, чувствуя их нежное прикосновение.

He turned himself toward her and he felt her shiver along the long, light lovely body and then she sighed, sleeping, and then she, still sleeping, held him too and then, unsleeping, her lips were against his firm and hard and pressing and he said,	Он повернулся к ней, и по ее длинному, легкому, нежному телу пробежала дрожь, и потом она вздохнула, все еще не просыпаясь, а потом, все еще не просыпаясь, она тоже обняла его и потом проснулась, и ее губы крепко, настойчиво прижались к его губам, и он сказал:
"But the pain."	- Тебе будет больно.
And she said,	И она сказала:
"Nay, there is no pain."	- Нет, не будет.
"Rabbit."	- Зайчонок.
"Nay, speak not."	- Нет. Молчи.

"My rabbit."	- Зайчонок мой.

"Speak not.	- Молчи.
Speak not."	Молчи.
Then they were together so that as the hand on the watch moved, unseen now, they knew that nothing could ever happen to the one that did not happen to the othei that no other thing could happen more than this; that this was all and always; this was what had been and now and whatever was to come.	И потом они были вместе, и хоть стрелка часов продолжала двигаться, невидимая теперь, они знали, что то, что будет с одним, будет и с другим, что больше того, что есть сейчас, ничего не будет, что это все и навсегда; это уже было, и должно было прийти опять, и пришло.
This, that they were not to have, they were having.	То, что не могло прийти, теперь пришло.

They were having now and before and always and now and now and now.	Это пришло, и это было и раньше, и всегда, и вот оно, вот, вот.
Oh, now, now, now, the only now, and above all now, and there is no other now but thou now and now is thy prophet.	О, вот оно, вот оно, вот оно, только оно, одно оно и всегда оно. И нет ничего, кроме тебя, и оно пророк твой.
Now and forever now.	Ныне и вовеки.
Come now, now, for there is no now but now.	Вот оно, вот оно, и другого ничего нет.
Yes, now.	Да, вот оно.

Now, please now, only now, not anything else only this now, and where are you and where am I and where is the other one, and not why, not ever why, only this now; and on and always please then always now, always now, for now always one now; one only one, there is no other one but one now, one, going now, rising now, sailing now, leaving now, wheeling now, soaring now, away now, all the way now, all of all the way now; one and one is one, is one, is one, is one, is still one, is still one, is one descendingly, is one softly, is one longingly, is one kindly, is one happily, is one in goodness,	Оно и только оно, и больше ничего не надо, только это, и где ты, и где я, и мы оба, и не спрашивай, не надо спрашивать, пусть только одно оно; и пусть так теперь и всегда, и всегда оно, всегда оно, отныне всегда только оно; и ничего другого, одно оно, оно; оно выше, оно взлетает, оно плывет, оно уходит, оно расплывается кругами, оно парит, оно дальше, и еще дальше, и все дальше и дальше; и вместе, вместе, вместе, все еще вместе, все еще вместе, и вместе вниз, вместе мягко, вместе тоскливо, вместе нежно, вместе радостно, и дорожить этим вместе,

Then he said, for the other was only in his head and he had said nothing,	Потом он сказал вслух, потому что все остальное было у него только в мыслях и до сих пор он молчал:
"Oh, Maria, I love thee and I thank thee for this."	- О Мария, я люблю тебя, и как я благодарен тебе.
Maria said,	Мария сказала:
"Do not speak.	- Молчи.
It is better if we do not speak."	Давай лучше помолчим.
"I must tell thee for it is a great thing."	- Нет, я буду говорить, потому что это очень важно.
"Nay."	- Нет.
"Rabbit--"	- Зайчонок...

But she held him tight and turned her head away and he asked softly,	Но она крепко прижалась к нему, отворачивая голову, и он тихо спросил:
"Is it pain, rabbit?"	- Больно, зайчонок?
"Nay," she said.	- Нет, - сказала она.
"It is that I am thankful too to have been another time in _la gloria_."	- Я тоже тебе благодарна за то, что опять была в la gloria.
Then afterwards they lay quiet, side by side, all length of ankle, thigh, hip and shoulder touching, Robert Jordan now with the watch where he could see it again and Maria said,	Потом они лежали рядом, тихо, касаясь друг друга всем телом - ногами, бедрами, грудью, плечами, только Роберт Джордан повернулся так, чтобы опять видеть свои часы, и Мария сказала:

"We have had much good fortune."	- Какие мы с тобой счастливые.
"Yes," he said, "we are people of much luck."	- Да, - сказал он. - Нам с тобой грех жаловаться.
"There is not time to sleep?"	- Спать уже некогда?
"No," he said, "it starts soon now."	- Да, - сказал он. - Теперь уже скоро.
"Then if we must rise let us go to get something to eat."	- Тогда давай встанем и поедим чего-нибудь.
"All right."	- Хорошо.
"Thou.	- Слушай.
Thou art not worried about anything?"	Тебя что-то тревожит.
"No."	- Нет.
"Truly?"	- Правда?

"No. Not now."	- Сейчас уже нет.
"But thou hast worried before?"	- Раньше тревожило?
"For a while."	- Какое-то время.
"Is it aught I can help?"	- Я ничем не могу помочь тебе?
"Nay," he said.	- Нет, - сказал он.
"You have helped enough."	- Ты и так мне помогла.
"That?	-Это?
That was for me."	Это было для меня.
"That was for us both," he said.	- Это было для нас обоих, - сказал он.
"No one is there alone.	- В этом человек не бывает один.
Come, rabbit, let us dress."	Вставай, зайчонок, надо одеваться.

But his mind, that was his best companion, was thinking La Gloria.	Но мысль - лучший его товарищ - возвращалась к la gloria.
She said La Gloria.	Она сказала la gloria.
It has nothing to do with glory nor La Gloire that the French write and speak about.	Это совсем не то, что glory, и не то, что la gloire, о которой говорят и пишут французы.

It is the thing that is in the Cante Hondo and in the Saetas.	Это то самое, что есть в андалузских народных песнях.
It is in Greco and in San Juan de la Cruz, of course, and in the others.	Это было, конечно, у Греко, и у Сан-Хуана де ла Крус, и у других.

I am no mystic, but to deny it is as ignorant as though you denied the telephone or that the earth revolves around the sun or that there are other planets than this.	Я не мистик, но отрицать это так же бессмысленно, как отрицать телефон, или то, что Земля вращается вокруг Солнца, или то, что во вселенной существуют другие планеты, кроме Земли.
How little we know of what there is to know.	Как мало мы знаем из того, что нам следует знать.
I wish that I were going to live a long time instead of going to die today because I have learned much about life in these four days; more, I think, than in all the other time.	Я бы хотел, чтобы впереди у меня была долгая жизнь, а не смерть, которая ждет меня сегодня, потому что я много узнал о жизни за эти четыре дня, - гораздо больше, чем за все остальное время.
I'd like to be an old man and to really know.	Я бы хотел дожить до глубокой старости и знать, на самом деле знать.

I wonder if you keep on learning or if there is only a certain amount each man can understand.	Интересно, можно ли учиться до бесконечности, или человек способен усвоить только то, что ему положено?
I thought I knew about so many things that I know nothing of.	Я был уверен, что знаю много такого, о чем я на самом деле и понятия не имел.
I wish there was more time.	Я бы хотел, чтобы впереди у меня было больше времени.
"You taught me a lot, _guapa_," he said in English.	- Ты меня многому научила, зайчонок, - сказал он по-английски.
"What did you say?"	- Что ты говоришь?
"I have learned much from thee."	- Я многому от тебя научился.

"_Que va_," she said, "it is thou who art educated."	- Que va, - сказала она. - Это ты образованный, а не я.
Educated, he thought.	Образованный, подумал он.
I have the very smallest beginnings of an education.	У меня только самые крохи образования.
The very small beginnings.	Самые-самые крохи.
If I die on this day it is a waste because I know a few things now.	Жаль, если я умру сегодня, потому что теперь я уже кое-что знаю.

I wonder if you only learn them now because you are oversensitized because of the shortness of the time?	Интересно, почему ты научился кое-чему именно сейчас? Потому что недостаток времени обострил твою восприимчивость?
There is no such thing as a shortness of time, though.	Недостаток времени - чепуха.
You should have sense enough to know that too.	Тебе следовало это знать.
I have been all my life in these hills since I have been here.	Я прожил целую жизнь в этих горах, с тех пор как пришел сюда.
Anselmo is my oldest friend.	Ансельмо - мой самый старый друг.

I know him better than I know Charles, than I know Chub, than I know Guy, than I know Mike, and I know them well.	Я знаю его лучше, чем знаю Чэба, лучше, чем Чарльза, лучше, чем Гая, лучше, чем Майка, а их я знаю хорошо.
Agustin, with his vile mouth, is my brother, and I never had a brother.	Сквернослов Агустин - это мой брат, а брата у меня никогда не было.
Maria is my true love and my wife.	Мария - моя настоящая любовь, моя жена.
I never had a true love.	А у меня никогда не было настоящей любви.
I never had a wife.	Никогда не было жены.

She is also my sister, and I never had a sister, and my daughter, and I never will have a daughter.	Она и сестра мне, а у меня никогда не было сестры, и дочь, а дочери у меня никогда не будет.
I hate to leave a thing that is so good.	Как не хочется оставлять все такое хорошее.
He finished tying his rope-soled shoes.	Он кончил шнуровать свои сандалии.
"I find life very interesting," he said to Maria.	- По-моему, жизнь очень интересная штука, -сказал он Марии.
She was sitting beside him on the robe, her hands clasped around her ankles.	Она сидела рядом с ним на спальном мешке, обхватив руками ноги пониже колен.

Some one moved the blanket aside from the entrance to the cave and they both saw the light.	Кто-то приподнял попону, висевшую над входом в пещеру, и они оба увидели свет.
It was night still and here was no promise of morning except that as he looked up through the pines he saw how low the stars had swung.	Была все еще ночь, и утро ничем не давало себя знать, разве только когда он поднимал голову и смотрел сквозь сосны на звезды, переместившиеся далеко вниз.
The morning would be coming fast now in this month.	Но в этом месяце утро должно было наступить быстро.
"Roberto," Maria said.	- Роберто, - сказала Мария.
"Yes, _guapa_."	- Да, guapa.
"In this of today we will be together, will we not?"	- Сегодня в этом деле мы будем вместе, да?

"After the start, yes."	- После того как начнется.
"Not at the start?"	-А с самого начала?
"No.	- Нет.
Thou wilt be with the horses."	Ты будешь с лошадьми.
"I cannot be with thee?"	- А разве мне нельзя с тобой?
"No.	- Нет.
I have work that only I can do and I would worry about thee."	У меня дело такое, что только я один и могу его выполнить, и я бы стал беспокоиться из-за тебя.
"But you will come fast when it is done?"	- Но ты придешь сразу, как только кончишь?
"Very fast," he said and grinned in the dark.	- Сразу, - сказал он и усмехнулся в темноте.

"Come, _guapa_, let us go and eat."	- Вставай, guapa, надо поесть перед уходом.
"And thy robe?"	- А спальный мешок?
"Roll it up, if it pleases thee."	- Сверни его, если уж тебе так хочется.

"It pleases me," she said.	- Мне очень хочется, - сказала она.
"I will help thee."	- Дай я помогу.
"Nay.	- Нет.
Let me do it alone."	Пусти, я сама.

She knelt to spread and roll the robe, then changed her mind and stood up and shook it so it flapped.	Она опустилась на колени, чтобы расправить и свернуть спальный мешок, потом передумала, встала с земли и так сильно встряхнула его, что он громко хлопнул в воздухе.
Then she knelt down again to straighten it and roll it.	Потом она снова опустилась на колени, разровняла мешок и свернула.
Robert Jordan picked up the two packs, holding them carefully so that nothing would spill from the slits in them, and walked over through the pines to the cave mouth where the smoky blanket hung.	Роберт Джордан взял оба рюкзака, осторожно держа их так, чтобы ничего не выпало из прорезов, и зашагал между соснами ко входу в пещеру, занавешенному пропахшей дымом попоной.

It was ten minutes to three by his watch when he pushed the blanket aside with his elbow and went into the cave.	Когда он отодвинул попону локтем и вошел в пещеру, на его часах было без десяти минут три.
38	38
They were in the cave and the men were standing before the fire Maria was fanning.	Они были в пещере, и мужчины стояли у очага, в котором Мария раздувала огонь.
Pilar had coffee ready in a pot.	Пилар уже вскипятила кофе в котелке.
She had not gone back to bed at all since she had roused Robert Jordan and now she was sitting on a stool in the smoky cave sewing the rip in one of Jordan's packs.	Она не ложилась с тех самых пор, как разбудила Роберта Джордана, и теперь, сидя на табуретке в дымной пещере, зашивала прорез во втором рюкзаке.

The other pack was already sewed.	Первый был уже зашит.
The firelight lit up her face.	Огонь, горевший в очаге, освещал ее лицо.
"Take more of the stew," she said to Fernando.	- Положи себе еще мяса, - сказала она Фернандо.
"What does it matter if thy belly should be full?	- Набивай брюхо, не стесняйся.
There is no doctor to operate if you take a goring."	Все равно доктора у нас нет, вскрывать никто не будет, если что случится.
"Don't speak that way, woman," Agustin said.	- Зачем ты так говоришь, женщина? - сказал Агустин.
"Thou hast the tongue of the great whore."	- Язык у тебя, как у самой последней шлюхи.

He was leaning on the automatic rifle, its legs folded close against the fretted barrel, his pockets were full of grenades, a sack of pans hung from one shoulder, and a full bandolier of ammunition hung over the other shoulder.	Он стоял, опираясь о ручной пулемет со сложенной и прижатой к стволу треногой, карманы у него были набиты гранатами, через одно плечо висел мешок с дисками, а через другое - сумка, полная патронов.
He was smoking a cigarette and he held a bowl of coffee in one hand and blew smoke onto its surface as he raised it to his lips.	Он курил папиросу и, поднимая кружку с кофе к губам, дул на кофе дымом.

"Thou art a walking hardware store," Pilar said to him.	- Ты прямо скобяная лавка на двух ногах, - сказала ему Пилар.

"Thou canst not walk a hundred yards with all that."	- И ста шагов с этим не пройдешь.
"_Que va_, woman," Agustin said.	- Que va, женщина, - сказал Агустин.
"It is all downhill."	- Дорога-то будет под гору.
"There is a climb to the post," Fernando said. "Before the downward slope commences."	- А верхний пост? Туда надо подниматься, -сказал Фернандо.
"I will climb it like a goat," Agustin said.	- А уж потом под гору. - Взберусь, как козел, - сказал Агустин.
"And thy brother?" he asked Eladio.	- А где твой брат? - спросил он Эладио.
"Thy famous brother has mucked off?"	- Твой прекрасный братец смылся?
Eladio was standing against the wall.	Эладио стоял у стены пещеры.

"Shut up," he said.	- Замолчи, - сказал он.
He was nervous and he knew they all knew it. He was always nervous and irritable before action.	Эладио нервничал и раздражался перед боем.
He moved from the wall to the table and began filling his pockets with grenades from one of the rawhide-covered panniers that leaned, open, against the table leg.	Он подошел к столу и начал набивать карманы гранатами, беря их из обтянутых сыромятной кожей корзин, которые были прислонены к ножке стола.
Robert Jordan squatted by the pannier beside him.	Роберт Джордан присел рядом с ним на корточки.
He reached into the pannier and picked out four grenades.	Он сунул руку в корзину и вытащил оттуда четыре гранаты.

Three were the oval Mill bomb type, serrated, heavy iron with a spring level held down in position by a cotter pin with pulling rig attached.	Три из них были оваль- ные гранаты Милса.
"Where did these come from?" he asked Eladio.	- Откуда они у вас? - спросил он Эладио.
"Those?	- Эти?
Those are from the Republic.	Это республиканские.
The old man brought them."	Их старик принес.
"How are they?"	- Ну, как они?

"_Valen mas que pesan_," Eladio said.	- Valen mas que pesari, - сказал Эладио.
"They are worth a fortune apiece."	- Сокровище, а не гранаты.
"I brought those," Anselmo said.	- Это я их принес, - сказал Ансельмо.
"Sixty in one pack.	- Сразу шестьдесят штук в одном мешке.
Ninety pounds, _Ingles_."	Девяносто фунтов.
"Have you used those?" Robert Jordan asked Pilar.	- Вы ими пользовались? - спросил Роберт Джордан у Пилар.
"Que va have we used them?" the woman said.	- Que va, пользовались, - сказала женщина.

"It was with those Pablo slew the post at Otero."	- С этими самыми Пабло захватил пост в Отеро.

When she mentioned Pablo, Agustin started cursing.	Услышав имя Пабло, Агустин начал ругаться.
Robert Jordan saw the look on Pilar's face in the firelight.	Роберт Джордан увидел при свете очага, какое лицо стало у Пилар.
"Leave it," she said to Agustin sharply.	- Прекрати, - резко сказал он Агустину.
"It does no good to talk."	- Нечего об этом говорить.
"Have they always exploded?"	- Они никогда не отказывают?

Robert Jordan held the graypainted grenade in his hand, trying the bend of the cotter pin with his thumbnail.	- Роберт Джордан держал в руке покрашенную серой краской гранату, пробуя ногтем предохранительную чеку.
"Always," Eladio said.	- Никогда, - сказал Эладио.
"There was not a dud in any of that lot we used."	- Такого еще не бывало, чтоб не взорвалась.
"And how quickly?"	- А быстро взрывается?
"In the distance one can throw it.	- Как упадет, так и взрывается.
Quickly.	Быстро.
Quickly enough."	Довольно быстро.
"And these?"	- А эти?

He held up a soup-tin-shaped bomb, with a tape wrapping around a wire loop.	Он поднял похожую на банку гранату, обмотанную проволокой.
"They are a garbage," Eladio told him.	- Эти дрянь, - ответил ему Эладио.
"They blow. Yes. But it is all flash and no fragments."	- Они хоть и взрываются и огня много, а осколков совсем нет.
"But do they always blow?"	- Но взрываются всегда?
"_Que va_, always," Pilar said.	- Que va, всегда! - сказала Пилар.
"There is no always either with our munitions or theirs."	- Всегда ничего не бывает ни с их снаряжением, ни с нашим.
"But you said the other always blew."	- Но вы сами говорите, что те взрываются всегда.

"Not me," Pilar told him.	-Я не говорила, - ответила ему Пилар.
"You asked another, not me.	- Ты спрашивал других, а не меня.
I have seen no _always_ in any of that stuff."	Я такого не знаю, чтобы эти штуки всегда взрывались.
"They all blew," Eladio insisted.	- Все взрываются, - стоял на своем Эладио.
"Speak the truth, woman."	- Говори правду, женщина.
"How do you know they all blew?" Pilar asked him.	- Откуда ты это знаешь? - спросила его Пилар.
"It was Pablo who threw them.	- Бросал-то их Пабло.
You killed no one at Otero."	Ты в Отеро никого не убил.

"That son of the great whore," Agustin began.	-Это отродье последней шлюхи... - начал Агустин.
"Leave it alone," Pilar said sharply.	- Перестань, - резко оборвала его Пилар.

Then she went on. "They are all much the same, _Ingles_.	Потом продолжала: - Они все одинаковые, Ingles.
But the corrugated ones are more simple."	Но ребристые удобнее.
I'd better use one of each on each set, Robert Jordan thought.	Лучше всего швырять их парами, по одной каждого типа, подумал Роберт Джордан.
But the serrated type will lash easier and more securely.	Но ребристые бросать легче. И они надежнее.

"Are you going to be throwing bombs, _Ingles?_" Agustin asked.	- Ты думаешь, что придется бросать гранаты, Ingles? - спросил Агустин.
"Why not?" Robert Jordan said.	- Может быть, - сказал Роберт Джордан.
But crouched there, sorting out the grenades, what he was thinking was: it is impossible.	Но, сидя на корточках и разбирая гранаты, он думал: это невозможно.
How I could have deceived myself about it I do not know.	Не понимаю, как я мог обмануть самого себя.
We were as sunk when they attacked Sordo as Sordo was sunk when the snow stopped.	Мы пропали, когда они окружили Г лухого, так же как Глухой пропал, когда снег перестал идти.

It is that you can't accept it.	Ты просто не можешь допустить такую мысль.
You have to go on and make a plan that you know is impossible to carry out.	А тебе нужно делать свое дело и составлять план, который, как ты сам знаешь, неосуществим.
You made it and now you know it is no good.	Ты составил его, а теперь ты знаешь, что он никуда не годится.
It's no good, now, in the morning.	Сейчас, утром, он никуда не годится.
You can take either of the posts absolutely O.K. with what you've got here.	Ты вполне можешь захватить любой из постов с теми, кто у тебя есть.
But you can't take them both.	Но оба поста ты захватить не сможешь.

You can't be sure of it, I mean.	Во всяком случае, нельзя ручаться.
Don't deceive yourself.	Не обманывай самого себя.
Not when the daylight comes.	При дневном свете это невозможно.
Trying to take them both will never work.	Попытка захватить сразу оба поста ни к чему не приведет.
Pablo knew that all the time.	Пабло знал это с самого начала.
I suppose he always intended to muck off but he knew we were cooked when Sordo was attacked.	Наверно, он все время собирался смыться, но, когда Глухого окружили, Пабло понял, что наша песенка и вовсе спета.

You can't base an operation on the presumption that miracles are going to happen.	Нельзя готовиться к операции, полагаясь на чудо.
You will kill them all off and not even get your bridge blown if you have nothing better than what you have now.	Ты погубишь их всех и даже не взорвешь моста, если начнешь действовать с теми, кто у тебя есть сейчас.

You will kill off Pilar, Anselmo, Agustin, Primitivo, this jumpy Eladio, the worthless gypsy and old Fernando, and you won't get your bridge blown.	Ты погубишь Пилар, Ансельмо, Агустина, Примитиво, пугливого Эладио, бездельника-цыгана и Фернандо, а моста не взорвешь.

Do you suppose there will be a miracle and Golz will get the message from Andres and stop it?	И ты надеешься, что совершится чудо и что Г ольц получит твое донесение от Андреса и все приостановит?
If there isn't, you are going to kill them all off with those orders.	А если нет, ты убьешь их всех из-за этого приказа.
Maria too.	И Марию тоже.
You'll kill her too with those orders.	Ты убьешь и ее тоже из-за этого приказа.
Can't you even get her out of it?	Неужели ты не можешь уберечь хотя бы Марию?
God damn Pablo to hell, he thought.	Проклятый Пабло, чтоб его черт побрал, думал он.
No.	Нет.
Don't get angry.	Не надо злиться.

Getting angry is as bad as getting scared.	Злоба ничуть не лучше страха.
But instead of sleeping with your girl you should have ridden all night through these hills with the woman to try to dig up enough people to make it work.	Но вместо того, чтобы спать с девушкой, ты бы лучше ночью объездил с Пилар здешние места и попытался раздобыть еще людей.
Yes, he thought.	Да, думал он.
And if anything happened to me so I was not here to blow it.	А если б со мной что-нибудь случилось, некому было бы взрывать мост.
Yes.	Да.

That. That's why you weren't out.	Вот поэтому ты и не поехал.
And you couldn't send anybody out because you couldn't run a chance of losing them and being short one more.	И послать кого-нибудь другого тоже нельзя было, потому что ты не мог пойти на риск и лишиться еще одного человека.
You had to keep what you had and make a plan to do it with them.	Надо было беречь тех, кто есть, и составлять план в расчете только на них.
But your plan stinks.	Но твой план дерьмо.
It stinks, I tell you.	Говорю тебе, дерьмо.
It was a night plan and it's morning now.	Он был составлен ночью, а сейчас утро.

Night plans aren't any good in the morning.	Утром ночные планы никуда не годятся.
The way you think at night is no good in the morning.	Когда думаешь ночью, это одно, а утром все выглядит иначе.
So now you know it is no good.	И ты знаешь, что план никуда не годится.
What if John Mosby did get away with things as impossible as this?	А что, Джон Мосби умел выпутываться из таких же вот невозможных положений?
Sure he did.	Конечно, умел.

Much more difficult.	И положения бывали куда более трудные.

And remember, do not undervaluate the element of surprise.	Ты помни: нельзя недооценивать элемента неожиданности.
Remember that.	Помни это.
Remember it isn't goofy if you can make it stick.	Помни, не так уж это бессмысленно, если только ты сделаешь все, что нужно.
But that is not the way you are supposed to make it.	Но от тебя ждут совсем другого.
You should make it not only possible but sure.	От тебя ждут не возможного успеха, а верного успеха.
But look at how it all has gone.	Но посмотри, как все обернулось.

Well, it was wrong in the first place and such things accentuate disaster as a snowball rolls up wet snow.	Впрочем, с самого начала все пошло не так, как надо, а в таких случаях чем дальше, тем хуже; это как снежный ком, который катится с горы и все больше и больше облипает мокрым снегом.
He looked up from where he was squatted by the table and saw Maria and she smiled at him.	Сидя у стола на корточках, он поднял голову и увидел Марию, и она улыбнулась ему.
He grinned back with the front of his face and selected four more grenades and put them in his pockets.	Он тоже улыбнулся ей одними губами, взял четыре гранаты и рассовал их по карманам.
I could unscrew the detonators and just use them, he thought.	Можно отвинтить детонаторы и использовать только их, подумал он.

But I don't think the fragmentation will have any bad effect.	Но разрыв гранаты вряд ли повредит делу.
It will come instantaneously with the explosion of the charge and it won't disperse it.	Он произойдет одновременно со взрывом заряда и не ослабит силу самого взрыва.
At least, I don't think it will.	По крайней мере, так я думаю.
I'm sure it won't.	Я убежден в этом.
Have a little confidence, he told himself.	Положись хоть немного на самого себя, подумал он.
And you, last night, thinking about how you and your grandfather were so terrific and your father was a coward.	Ведь еще этой ночью ты думал, что вы с девушкой невесть какие герои, а твой отец трус.

Show yourself a little confidence now.	А вот теперь докажи, что хоть немного полагаешься на самого себя.
He grinned at Maria again but the grin was still no deeper than the skin that felt tight over his cheekbones and his mouth.	Он опять улыбнулся Марии, но эта улыбка только стянула кожу на скулах и вокруг рта.
She thinks you're wonderful, he thought.	Она думает, что ты просто гений, сказал он самому себе.
I think you stink.	А по-моему, ты дерьмо.
And the _gloria_ and all that nonsense that you had.	И вся эта gloria, и прочие глупости - тоже.
You had wonderful ideas, didn't you?	Идеи у тебя были замечательные.

You had this world all taped, didn't you?	И весь мир был у тебя как на ладони.
The hell with all of that.	К черту всю эту бели-берду.
Take it easy, he told himself.	Ладно, ладно, сказал он самому себе.
Don't get into a rage.	Не злись.
That's just a way out too.	Это слишком легкий выход из положения.
There are always ways out.	Такие выходы всегда найдутся.
You've got to bite on the nail now.	Тебе только и осталось, что кусать ногти.
There isn't any need to deny everything there's been just because you are going to lose it.	Нечего оплевывать все, что было, только потому, что скоро потеряешь это.

Don't be like some damned snake with a broken back biting at itself; and your back isn't broken either, you hound.	Не уподобляйся змее с перебитым хребтом, которая кусает самое себя; и тебе, собака, никто не перебивал хребта.
Wait until you're hurt before you start to cry.	Тебя еще не тронули, а ты уже скулишь.
Wait until the fight before you get angry.	Сражение еще не началось, а ты уже злишься.
There's lots of time for it in a fight.	Приберегли свою злобу к сражению.
It will be some use to you in a fight.	Она тебе пригодится тогда.
Pilar came over to him with the bag.	Пилар подошла к нему с рюкзаком.
"It is strong now," she said.	- Теперь крепко, - сказала она.

"Those grenades are very good, _Ingles_. You can have confidence in them."	- Эти гранаты очень хорошие, они не подведут.
"How do you feel, woman?"	- Ну, как ты, женщина?
She looked at him and shook her head and smiled.	Она взглянула на него, покачала головой и улыбнулась.
He wondered how far into her face the smile went.	Он подумал: интересно, что это за улыбка - только внешняя или нет?
It looked deep enough.	На вид она была настоящая.
"Good," she said. "_Dentro de la gravedad_."	- Хорошо, - сказала она. - Deritro de la gravedad.

Then she said, squatting by him, "How does it seem to thee now that it is really starting?"	- Потом спросила, присев рядом с ним на корточки: - А что ты сам думаешь теперь, когда уже началось?
"That we are few," Robert Jordan said to her quickly.	- Думаю, что нас мало, - быстро ответил ей Роберт Джордан.
"To me, too," she said.	- Я тоже, - сказала она.
"Very few."	- Нас очень мало.
Then she said still to him alone, "The Maria can hold the horses by herself.	- Потом сказала, опять только ему одному: - Мария и сама управится с лошадьми.
I am not needed for that.	Мне там нечего делать.
We will hobble them.	Мы их стреножим.

They are cavalry horses and the firing will not panic them.	Это кавалерийские лошади, они стрельбы не испугаются.
I will go to the lower post and do that which was the duty of Pablo.	Я пойду к нижнему посту и сделаю все, что должен был сделать Пабло.
In this way we are one more."	Так у тебя будет одним человеком больше.
"Good," he said.	- Хорошо, - сказал он.
"I thought you might wish to."	- Я так и думал, что ты попросишься туда.
"Nay, _Ingles_," Pilar said looking at him closely.	- Слушай, Ingles, - сказала Пилар, пристально глядя на него.
"Do not be worried.	- Ты не тревожься.
All will be well.	Все будет хорошо.

Remember they expect no such thing to come to them."	Помни, ведь они ничего такого не ждут.
"Yes," Robert Jordan said.	- Да, - сказал Роберт Джордан.
"One other thing, _Ingles_," Pilar said as softly as her harsh whisper could be soft.	- И вот еще что, Ingles, - сказала Пилар так тихо, как только позволял ей ее хриплый голос.
"In that thing of the hand--"	- Что я там тебе говорила про твою руку...
"What thing of the hand?" he said angrily.	- Что такое про мою руку? - сердито перебил он.
"Nay, listen.	- Да ты послушай.
Do not be angry, little boy.	Не сердись, мальчик.
In regard to that thing of the hand.	Я про твою руку.

That is all gypsy nonsense that I make to give myself an importance.	Это все цыганские выдумки, это я просто так, для пущей важности.
There is no such thing."	Ничего такого не было.
"Leave it alone," he said coldly.	- Довольно об этом, - холодно сказал он.
"Nay," she said harshly and lovingly.	- Нет, - сказала она голосом хриплым и нежным.
"It is just a lying nonsense that I make.	- Это все мое вранье.
I would not have thee worry in the day of battle."	Я не хочу, чтобы ты тревожился в день боя.

"I am not worried," Robert Jordan said.	-Я не тревожусь, - сказал Роберт Джордан.
"Yes, _Ingles_," she said.	- Нет, Ingles, - сказала она.
"Thou art very worried, for good cause.	- Ты очень тревожишься, и тревожишься за правое дело.
But all will be well, _Ingles_.	Но все будет хорошо.
It is for this that we are born."	Для этого мы и на свет родились.
"I don't need a political commissar," Robert Jordan told her.	- Я не нуждаюсь в политическом комиссаре, - ответил ей Роберт Джордан.

She smiled at him again, smiling fairly and truly with the harsh lips and the wide mouth, and said,	Она опять улыбнулась приятной, искренней улыбкой, раздвинувшей ее широкие обветренные губы, и сказала:

"I care for thee very much, _Ingles_."	- Я тебя очень люблю.
"I don't want that now," he said. "_Ni tu, ni Dios_."	- Мне это ни к чему сейчас, - сказал он. - Ni tu, ni Dios.
"Yes," Pilar said in that husky whisper.	- Да, - хриплым шепотом сказала Пилар.
"I know.	- Я знаю.
I only wished to tell thee.	Мне просто хотелось сказать тебе об этом.
And do not worry.	И не тревожься.

We will do all very well."	Мы сделаем все, как надо.
"Why not?" Robert Jordan said and the very thinnest edge of the skin in front of his face smiled.	- А почему бы и нет? - сказал Роберт Джордан, и кожа на его лице чуть дрогнула от слабой улыбки.
"Of course we will.	- Конечно, сделаем.
All will be well."	Все будет хорошо.
"When do we go?" Pilar asked.	- Когда мы пойдем? - спросила Пилар.
Robert Jordan looked at his watch.	Роберт Джордан посмотрел на часы.
"Any time," he said.	- Хоть сейчас, - сказал он.
He handed one of the packs to Anselmo.	Он подал один рюкзак Ансельмо.
"How are you doing, old one?" he asked.	- Ну, как дела, старик? - спросил он.

The old man was finishing whittling the last of a pile of wedges he had copied from a model Robert Jordan had given him.	Ансельмо достругивал последний клин по тому образцу, который дал ему Роберт Джордан.
These were extra wedges in case they should be needed.	Эти клинья готовились на тот случай, если понадобятся лишние.
"Well," the old man said and nodded.	- Хорошо, - сказал старик и кивнул.
"So far, very well."	- Пока что очень хорошо.
He held his hand out.	- Он вытянул перед собой руку.
"Look," he said and smiled.	- Смотри, - сказал он и улыбнулся.

His hands were perfectly steady.	Протянутая рука не дрогнула.
"_Bueno, y que?_" Robert Jordan said to him.	- Bueno, y que? - сказал ему Роберт Джордан.
"I can always keep the whole hand steady.	- Всю руку я тоже могу.
Point with one finger."	А ты протяни один палец.
Anselmo pointed.	Ансельмо протянул.
The finger was trembling.	Палец дрожал.
He looked at Robert Jordan and shook his head.	Он взглянул на Роберта Джордана и покачал головой.
"Mine too," Robert Jordan showed him.	- У меня тоже. - Роберт Джордан показал.
"Always.	- Всегда.

That is normal."	Это в порядке вещей.

"Not for me," Fernando said.	- Со мной этого не бывает, - сказал Фернандо.
He put his right forefinger out to show them.	Он вытянул вперед правый указательный палец.
Then the left forefinger.	Потом левый.
"Canst thou spit?" Agustin asked him and winked at Robert Jordan.	- А плюнуть можешь? - спросил его Агустин и подмигнул Роберту Джордану.
Fernando hawked and spat proudly onto the floor of the cave, then rubbed it in the dirt with his foot.	Фернандо отхаркнулся и с гордостью плюнул на земляной пол пещеры, потом растер плевок ногой.

"You filthy mule," Pilar said to him.	- Эй, ты, грязный мул, - сказала ему Пилар.
"Spit in the fire if thou must vaunt thy courage."	- Плевал бы в очаг, если уж хочешь показать всем, какой ты храбрый.
"I would not have spat on the floor, Pilar, if we were not leaving this place," Fernando said primly.	- Я бы никогда не стал плевать на пол, Пилар, если б мы не уходили из этого места совсем, -чопорно сказал Фернандо.
"Be careful where you spit today," Pilar told him.	- Осторожнее сегодня с плевками, - ответила ему Пилар.
"It may be some place you will not be leaving."	- Смотри, как бы не плюнуть в такое место, откуда так и не уйдешь.
"That one speaks like a black cat," Agustin said.	- Вот черная кошка, - усмехнулся Агустин.

He had the nervous necessity to joke that is another form of what they all felt.	Нервное напряжение сказывалось у него в том, что ему хотелось шутить, но он чувствовал то же, что чувствовали они все.
"I joke," said Pilar.	- Это я в шутку, - сказала Пилар.
"Me too," said Agustin.	- Я тоже, - сказал Агустин.
"But _me cago en la leche_, but I will be content when it starts."	- Но только me cago en la leche, я буду рад, когда это начнется.
"Where is the gypsy?" Robert Jordan asked Eladio.	- А где цыган? - спросил Роберт Джордан у Эладио.
"With the horses," Eladio said.	- С лошадьми, - сказал Эладио.

"You can see him from the cave mouth."	- Его видно, если стать у входа.
"How is he?"	- Ну как он?
Eladio grinned.	Эладио усмехнулся.
"With much fear," he said.	- Очень боится, - сказал он.
It reassured him to speak of the fear of another.	У него становилось спокойнее на душе, когда он говорил о страхе других.
"Listen, _Ingles_--" Pilar began.	- Слушай, Ingles, - начала Пилар.

Robert Jordan looked toward her and as he did he saw her mouth open and the unbelieving look come on her face and he swung toward the cave mouth reaching for his pistol.	Роберт Джордан взглянул в ее сторону и вдруг увидел, что она открыла рот и смотрит так, будто не верит собственным глазам, и он круто повернулся ко входу в пещеру, схватившись за револьвер.

There, holding the blanket aside with one hand, the short automatic rifle muzzle with its flash-cone jutting above his shoulder, was Pablo standing short, wide, bristly-faced, his small red-rimmed eyes looking toward no one in particular.	Там, придерживая попону одной рукой, с выглядывающим из-за плеча автоматом, стоял Пабло - широкоплечий, приземистый, давно не бритый, - и его маленькие, с красными веками глаза смотрели вперед, ни на ком не останавливаясь.

"Thou--" Pilar said to him unbelieving.	-Ты... - не веря самой себе, сказала Пилар.
"Thou."	- Ты...
"Me," said Pablo evenly.	-Я, - ровным голосом сказал Пабло.
He came into the cave.	Он вошел в пещеру.
"_Hola, Ingles_," he said.	- Hola, Ingles, - сказал он.
"I have five from the bands of Elias and Alejandro above with their horses."	- Я привел пятерых из отрядов Элиаса и Алехандро. Они там наверху с лошадьми.
"And the exploder and the detonators?" Robert Jordan said.	- А взрыватель, а детонаторы? - сказал Роберт Джордан.
"And the other material?"	- А другие материалы?

"I threw them down the gorge into the river," Pablo said still looking at no one.	- Я бросил их со скалы в реку, - сказал Пабло, по-прежнему ни на кого не глядя.
"But I have thought of a way to detonate using a grenade."	- Но вместо детонатора можно взять гранату, я это все обдумал...
"So have I," Robert Jordan said.	- Я тоже, - сказал Роберт Джордан.
"Have you a drink of anything?" Pablo asked wearily.	- Нет ли у вас чего-нибудь выпить? - устало спросил Пабло.
Robert Jordan handed him the flask and he swallowed fast, then wiped his mouth on the back of his hand.	Роберт Джордан протянул ему свою флягу, и он сделал несколько быстрых глотков, потом вытер рот рукой.
"What passes with you?" Pilar asked.	- Что с тобой делается? - спросила Пилар.

"_Nada_," Pablo said, wiping his mouth again.	- Nada, - сказал Пабло, снова вытирая рот.
"Nothing.	- Ничего.
I have come back."	Я вернулся.
"But what?"	- Но что же все-таки с тобой?
"Nothing.	- Ничего.
I had a moment of weakness.	Была минута слабости.
I went away but I am come back."	Я ушел, а теперь опять здесь.
He turned to Robert Jordan. "_En el fondo no soy cobarde_," he said.	- Он повернулся к Роберту Джордану. - En el fondo no soy cobarde, - сказал он.
"At bottom I am not a coward."	- Если разобраться, так трусости во мне нет.

But you are very many other things, Robert Jordan thought.	Но есть многое другое, подумал Роберт Джордан.
Damned if you're not.	На что угодно спорю.

But I'm glad to see you, you son of a bitch.	Но я рад видеть тебя, сукина сына.
"Five was all I could get from Elias and Alejandro," Pablo said.	- Я только пятерых и мог раздобыть у Элиаса и Алехандро, - сказал Пабло.
"I have ridden since I left here.	- Ни минуты не передохнул, все ездил.
Nine of you could never have done it. Never.	Вас девять человек, и одним вам ни за что не управиться.

I knew that last night when the _Ingles_ explained it.	Я еще вчера это понял, когда слушал, как Ingles все объясняет.
Never.	Ни за что.
There are seven men and a corporal at the lower post.	На нижнем посту семеро солдат и капрал.
Suppose there is an alarm or that they fight?"	А если они поднимут тревогу или начнут отстреливаться?
He looked at Robert Jordan now.	- Теперь он взглянул на Роберта Джордана.
"When I left I thought you would know that it was impossible and would give it up.	- Когда я ушел, я думал, что ты сам все поймешь и откажешься от этого дела.

Then after I had thrown away thy material I saw it in another manner."	Потом, когда я выбросил твой материал, я стал думать по-другому.
"I am glad to see thee," Robert Jordan said.	- Я рад тебя видеть, - сказал Роберт Джордан.
He walked over to him.	Он подошел к нему.
"We are all right with the grenades.	- Обойдемся одними гранатами.
That will work.	Все будет хорошо.
The other does not matter now."	Не важно, что нет остального.
"Nay," Pablo said.	- Нет, - сказал Пабло.
"I do nothing for thee.	- Для тебя бы я ничего не сделал.

Thou art a thing of bad omen.	Ты принес нам несчастье.
All of this comes from thee.	Это все из-за тебя.
Sordo also.	И то, что произошло с Глухим, тоже из-за тебя.
But after I had thrown away thy material I found myself too lonely."	Но когда я выбросил твой материал, мне стало очень тягостно одному.
"Thy mother--" Pilar said.	- Иди ты... - сказала Пилар.
"So I rode for the others to make it possible for it to be successful.	- И я поехал искать людей, чтобы можно было рассчитывать на успех дела.
I have brought the best that I could get.	Я привел самых лучших, каких только мог найти.

I have left them at the top so I could speak to you, first.	Они ждут наверху, потому что мне хотелось сначала поговорить с вами.
They think I am the leader."	Они думают, что вожак я.
"Thou art," Pilar said.	-Ты и есть вожак, - сказала Пилар.
"If thee wishes."	- Если сам этого хочешь.

Pablo looked at her and said nothing.	Пабло взглянул на нее и ничего не сказал.
Then he said simply and quietly,	Потом заговорил просто и спокойно:
"I have thought much since the thing of Sordo.	- Я много чего передумал с тех пор, как это случилось с Глухим.
I believe if we must finish we must finish together.	И я решил: если кончать, так кончать всем вместе.

But thou, _Ingles_. I hate thee for bringing this to us."	Но тебя, Ingles, я ненавижу за то, что ты навлек это на нас!
"But Pablo--" Fernando, his pockets full of grenades, a bandolier of cartridges over his shoulder, he still wiping in his pan of stew with a piece of bread, began.	- Но, Пабло, - начал Фернандо. Он все еще подбирал хлебом остатки мясной подливки из котелка, карманы у него были набиты гранатами, через плечо висела сумка с патронами.
"Do you not believe the operation can be successful?	- Разве ты не уверен, что операция пройдет успешно?
Night before last you said you were convinced it would be."	Третьего дня ты говорил, что все будет хорошо.

"Give him some more stew," Pilar said viciously to Maria.	- Дай ему еще мяса, - злобно сказала Пилар Марии.
Then to Pablo, her eyes softening,	Потом она посмотрела на Пабло, и взгляд ее смягчился.
"So you have come back, eh?"	- Значит, ты вернулся?
"Yes, woman," Pablo said.	- Да, женщина, - сказал Пабло.
"Well, thou art welcome," Pilar said to him.	- Ну что ж, добро пожаловать, - сказала ему Пилар.
"I did not think thou couldst be the ruin thou appeared to be."	- Я не верила, что ты такой уж конченый человек, как это казалось с первого взгляда.

"Having done such a thing there is a loneliness that cannot be borne," Pablo said to her quietly.	- После того, что я сделал, мне стало очень тягостно одному, и я не смог этого перенести, -спокойно сказал ей Пабло.
"That cannot be borne," she mocked him.	- Не смог перенести, - передразнила его Пилар.
"That cannot be borne by thee for fifteen minutes."	- Ты такое и пятнадцати минут не сможешь перенести.
"Do not mock me, woman.	- Не дразни меня, женщина.
I have come back."	Я вернулся.
"And thou art welcome," she said.	- И добро пожаловать, - повторила она.

"Didst not hear me the first time?	- Я уже это сказала, ты разве не слышал?
Drink thy coffee and let us go.	Пей кофе, и давайте собираться.
So much theatre tires me."	Устала я от этих представлений.
"Is that coffee?" Pablo asked.	- Это кофе? - спросил Пабло.
"Certainly," Fernando said.	- Конечно, кофе, - сказал Фернандо.
"Give me some, Maria," Pablo said.	- Налей мне, Мария, - сказал Пабло.

"How art thou?"	- Ну, как ты?
He did not look at her.	- Он не смотрел на нее.

"Well," Maria told him and brought him a bowl of coffee.	- Хорошо, - ответила Мария и подала ему кружку кофе.
"Do you want stew?"	- Хочешь мяса?
Pablo shook his head.	Пабло отрицательно покачал головой.
"_No me gusta estar solo_," Pablo went on explaining to Pilar as though the others were not there.	- No me gusta estar solo, - продолжал объяснять Пабло одной Пилар, как будто других здесь и не было.
"I do not like to be alone. _Sabes?_ Yesterday all day alone working for the good of all I was not lonely.	- Нехорошо быть одному. Вчера я весь день ездил один, и мне не было тягостно, потому что я трудился ради общего блага.
But last night. _Hombre!__Que mal lo pase!_"	Но вчерашний вечер! Hombre! Que mal lo pase!

"Thy predecessor the famous Judas Iscariot hanged himself," Pilar said.	- Твой предшественник, знаменитый Иуда Искариот, повесился, - сказала Пилар.
"Don't talk to me that way, woman," Pablo said.	- Не надо так говорить, женщина, - сказал Пабло.
"Have you not seen?	- Разве ты не видишь?
I am back.	Я вернулся.
Don't talk of Judas nor nothing of that.	Не надо говорить про Иуду, и вообще не надо об этом.
I am back."	Я вернулся.
"How are these people thee brought?" Pilar asked him.	- Что это за люди, которых ты привел? - спросила его Пилар.
"Hast brought anything worth bringing?"	- Стоило ли приводить?

"_Son buenos_," Pablo said.	- Son buenos, - сказал Пабло.
He took a chance and looked at Pilar squarely, then looked away.	Он отважился и посмотрел на Пилар в упор, потом отвернулся опять.
"_Buenos y bobos_.	- Buenos y bobos.
Good ones and stupids.	Хорошие и глупые.
Ready to die and all. _A tu gusto_.	Готовые идти на смерть и все такое. A tu gusto.
According to thy taste.	Как раз по твоему вкусу.
The way you like them."	Ты таких любишь.
Pablo looked Pilar in the eyes again and this time he did not look away.	Пабло снова посмотрел Пилар в глаза и на этот раз не стал отворачиваться.

He kept on looking at her squarely with his small, redrimmed pig eyes.	Он смотрел на нее в упор своими маленькими свиными глазками с красным ободком век.
"Thou," she said and her husky voice was fond again.	- Ты, - сказала она, и ее хриплый голос опять прозвучал ласково.
"Thou.	- Ах, ты.

I suppose if a man has something once, always something of it remains."	Я вот что думаю: если в человеке что-то было, так, должно быть, какая-то частица этого всегда в нем останется.
"_Listo_," Pablo said, looking at her squarely and flatly now.	- Listo, - сказал Пабло, твердо глядя на нее в упор.
"I am ready for what the day brings."	- Что бы этот день ни принес, я готов.

"I believe thou art back," Pilar said to him.	- Теперь я верю, что ты вернулся, - сказала ему Пилар.
"I believe it.	- Теперь я верю.
But, hombre, thou wert a long way gone."	Но далеко же ты от нас уходил.
"Lend me another swallow from thy bottle," Pablo said to Robert Jordan.	- Дай мне глотнуть еще раз из твоей бутылки, -сказал Пабло Роберту Джордану.
"And then let us be going."	- И надо собираться в путь.
39	39
In the dark they came up the hill through the timber to the narrow pass at the top.	Они поднялись в темноте по склону и вышли из леса к узкому ущелью.

They were all loaded heavily and they climbed slowly.	Они были тяжело нагружены и подъем одолели медленно.
The horses had loads too, packed over the saddles.	Лошади тоже шли с грузом, навьюченным поверх седел.
"We can cut them loose if it is necessary," Pilar had said.	- В случае чего поклажу можно сбросить, -сказала Пилар, когда они собирались.
"But with that, if we can keep it, we can make another camp."	- Но если придется разбивать лагерь, это все понадобится.
"And the rest of the ammunition?" Robert Jordan had asked as they lashed the packs.	- А где остальные боеприпасы? - спросил Роберт Джордан, увязывая свои рюкзаки.
"In those saddlebags."	- Вот в этих вьюках.

Robert Jordan felt the weight of his heavy pack, the dragging on his neck from the pull of his jacket with its pockets full of grenades, the weight of his pistol against his thigh, and the bulging of his trouser pockets where the clips for the submachine gun were.	Роберт Джордан сгибался под тяжестью рюкзака, воротник куртки, карманы которой были набиты гранатами, давил ему шею. Тяжелый револьвер ерзал по бедру, карманы брюк топорщились от автоматных магазинов.
In his mouth was the taste of the coffee, in his right hand he carried the submachine gun and with his left hand he reached and pulled up the collar of his jacket to ease the pull of the pack straps.	Во рту у него все еще стоял привкус кофе; в правой руке он нес свой автомат, а левой все подтягивал воротник куртки, чтобы ослабить резавшие плечи лямки рюкзака.

"_Ingles_," Pablo said to him, walking close beside him in the dark.	- Ingles, - сказал Пабло, шагавший рядом с ним в темноте.
"What, man?"	- Что скажешь?
"These I have brought think this is to be successful because I have brought them," Pablo said.	- Эти люди, которых я привел, думают, что дело сойдет удачно, потому что их привел сюда я, -сказал Пабло.

"Do not say anything to disillusion them."	- Ты не говори им ничего такого, что могло бы их разуверить.
"Good," Robert Jordan said.	- Хорошо, - сказал Роберт Джордан.
"But let us make it successful."	- Но давай сделаем так, чтобы сошло удачно.
"They have five horses, _sabes?_" Pablo said cautiously.	- У них пять лошадей, sabes? - уклончиво сказал Пабло.

"Good," said Robert Jordan.	- Хорошо, - сказал Роберт Джордан.
"We will keep all the horses together."	- Лошадей будем держать в одном месте.
"Good," said Pablo, and nothing more.	- Хорошо, - ответил Пабло и больше ничего не сказал.
I didn't think you had experienced any complete conversion on the road to Tarsus, old Pablo, Robert Jordan thought.	Вряд ли ты бесповоротно стал на путь обращения, друг мой Пабло, подумал Роберт Джордан.
No.	Да.
Your coming back was miracle enough.	Одно то, что ты вернулся, - это уже чудо.
I don't think there will ever be any problem about canonizing you.	Но вряд ли тебя можно будет когда-нибудь причислить к лику святых.

"With those five I will deal with the lower post as well as Sordo would have," Pablo said.	- С этими пятью я захвачу нижний пост, как должен был сделать Глухой, - сказал Пабло.
"I will cut the wire and fall back upon the bridge as we convened."	- Мы перережем провода и подадимся назад, к мосту, как условлено.
We went over this all ten minutes ago, Robert Jordan thought.	Мы уже переговорили об этом десять минут назад, подумал Роберт Джордан.
I wonder why this now--	Интересно, почему он опять...
"There is a possibility of making it to Gredos," Pablo said.	- Может быть, нам удастся потом уйти в Гредос, -сказал Пабло.
"Truly, I have thought much of it."	- Я много об этом думал.

I believe you've had another flash in the last few minutes, Robert Jordan said to himself.	Тебя, наверно, только что осенила какая-то гениальная мысль, подумал Роберт Джордан.
You have had another revelation.	Еще какое-нибудь откровение.
But you're not going to convince me that I am invited.	Но в то, что ты и меня с собой приглашаешь, я не верю.
No, Pablo.	Нет, Пабло.
Do not ask me to believe too much.	Не пробуй убедить меня.
Ever since Pablo had come into the cave and said he had five men Robert Jordan felt increasingly better.	С тех самых пор, как Пабло появился в пещере и сказал, что с ним пришло еще пять человек, Роберт Джордан воспрянул духом.

Seeing Pablo again had broken the pattern of tragedy into which the whole operation had seemed grooved ever since the snow, and since Pablo had been back he felt not that his luck had turned, since he did not believe in luck, but that the whole thing had turned for the better and that now it was possible.	Возвращение Пабло рассеяло атмосферу трагедии, которая, казалось, нависла над предстоящей им операцией с тех пор, как пошел снег, и, снова увидев Пабло, он хотя и не подумал, что счастье повернулось к нему лицом - в это он не верил, -но, во всяком случае, почувствовал, что все складывается к лучшему и что теперь есть надежда на успех.
Instead of the surety of failure he felt confidence rising in him as a tire begins to fill with air from a slow pump.	Предчувствие неудачи исчезло, и он ощущал теперь, как бодрость прибывает в нем, словно воздух, медленно нагнетаемый в спустившую камеру.

There was little difference at first, although there was a definite beginning, as when the pump starts and the rubber of the tube crawls a little, but it came now as steadily as a tide rising or the sap rising in a tree until he began to feel the first edge of that negation of apprehension that often turned into actual happiness before action.	Сначала как будто ничего не заметно, хотя начало положено и насос медленно работает, а резиновая камера чуть шевелится. Так прибывала в нем бодрость, точно морской прилив или сок в дереве, и он уже чувствовал в себе тот зародыш отрицания всех дурных предчувствий, который перед боем часто вырастал у него в ощущение настоящего счастья.

This was the greatest gift that he had, the talent that fitted him for war; that ability not to ignore but to despise whatever bad ending there could be.	Это был самый большой дар, которым он обладал, талант, уже помогавший ему на войне: способность не игнорировать, а презирать возможность плохого конца.
This quality was destroyed by too much responsibility for others or the necessity of undertaking something ill planned or badly conceived.	Мало-помалу он утрачивал это качество, потому что ему приходилось нести слишком большую ответственность за жизнь других людей, выполнять то, что было плохо задумано с самого начала и плохо налажено.
For in such things the bad ending, failure, could not be ignored.	А при таких обстоятельствах нельзя игнорировать плохой конец, неудачу.

It was not simply a possibility of harm to one's self, which _could_ be ignored.	Тут речь идет не о возможности каких-то осложнений для тебя самого, которые можно игнорировать.
He knew he himself was nothing, and he knew death was nothing.	Сам по себе он - ничто, он знал это, и смерть тоже ничто.
He knew that truly, as truly as he knew anything.	Уж что-что, а это он знал твердо.
In the last few days he had learned that he himself, with another person, could be everything.	Правда, за последние несколько дней он понял, что вместе с другим человеческим существом он может быть всем.
But inside himself he knew that this was the exception.	Но в глубине души он знал, что это исключение.

That we have had, he thought.	Это у нас было, думал он.
In that I have been most fortunate.	И в этом мое великое счастье.
That was given to me, perhaps, because I never asked for it.	Это было даровано мне, может быть, потому, что я никогда этого не просил.
That cannot be taken away nor lost.	Этого у меня никто не отнимет, и это никуда от меня не уйдет.

But that is over and done with now on this morning and what there is to do now is our work.	Но это прошло, и с этим покончено сегодня утром, а впереди ждет дело.

And you, he said to himself, I am glad to see you getting a little something back that was badly missing for a time.	Что ж, сказал он самому себе, я рад, что ты мало-помалу начинаешь накапливать то, чего за последнее время тебе так сильно не хватало.
But you were pretty bad back there.	А то ты совсем было сдал.
I was ashamed enough of you, there for a while.	Мне даже стало стыдно за тебя.
Only I was you.	Но ведь я - это ты.
There wasn't any me to judge you.	И такого "я", который мог бы судить тебя, нет.
We were all in bad shape.	Мы оба сдали.
You and me and both of us.	И ты, и я, и мы оба.

Come on now.	А ну, брось.
Quit thinking like a schizophrenic.	Перестань раздваиваться, как шизофреник.
One at a time, now.	Хватит и одного.
You're all right again now.	Теперь ты опять такой, как нужно.
But listen, you must not think of the girl all day ever.	Но слушай, нельзя думать о девушке весь день.
You can do nothing now to protect her except to keep her out of it, and that you are doing.	Единственное, что ты можешь сейчас сделать для нее, это постараться, чтобы она была в стороне, и ты это сделаешь.

There are evidently going to be plenty of horses if you can believe the signs.	Судя по всему, лошадей, наверно, будет достаточно.
The best thing you can do for her is to do the job well and fast and get out, and thinking of her will only handicap you in this.	Самое лучшее, что ты можешь сделать для нее, это выполнить свою работу как следует и побыстрее и убраться оттуда, а мысли о ней тебе только помешают.
So do not think of her ever.	Так что не думай о ней больше.
Having thought this out he waited until Maria came up walking with Pilar and Rafael and the horses.	Решив все это, он остановился и подождал, когда Мария подойдет к нему вместе с Пилар, Рафаэлем и лошадьми.

"Hi, guapa ," he said to her in the dark, "how are you?"	- Guapa, - сказал он ей в темноте. - Ну, как ты?
"I am well, Roberto," she said.	- Хорошо, Роберто.
"Don't worry about anything," he said to her and shifting the gun to his left hand he put a hand on her shoulder.	- Ты не тревожься, - сказал он ей и, перехватив автомат левой рукой, правой коснулся ее плеча.
"I do not," she said.	-Я не тревожусь, - сказала она.
"It is all very well organized," he told her.	- Мы хорошо все подготовили, - сказал он.
"Rafael will be with thee with the horses."	- Рафаэль тоже будет с тобой держать лошадей.
"I would rather be with thee."	- Я бы лучше хотела быть с тобой.

"Nay.	- Нет.

The horses is where thou art most useful."	Ты всего нужнее там, где лошади.
"Good," she said.	- Хорошо, - сказала она.
"There I will be."	- Там я и буду.
Just then one of the horses whinnied and from the open place below the opening through the rocks a horse answered, the neigh rising into a shrill sharply broken quaver.	Как раз в эту минуту одна из лошадей заржала, и тотчас же из-за скал ей ответила другая пронзительным, дрожащим, резко оборвавшимся ржаньем.
Robert Jordan saw the bulk of the new horses ahead in the dark.	Роберт Джордан разглядел в темноте силуэты новых лошадей.

He pressed forward and came up to them with Pablo.	Он прибавил шагу и подошел к ним вместе с Пабло.
The men were standing by their mounts.	Рядом с лошадьми стояли люди.
"_Salud_," Robert Jordan said.	- Salud, - сказал Роберт Джордан.
"_Salud_," they answered in the dark.	- Salud, - ответили они в темноте.
He could not see their faces.	Он не мог разглядеть их лица.
"This is the _Ingles_ who comes with us," Pablo said.	- Это Ingles, который пойдет вместе с нами, -сказал Пабло.
"The dynamiter."	- Он динамитчик.
No one said anything to that.	Никто ничего не сказал на это.

Perhaps they nodded in the dark.	Может быть, они кивнули в темноте.
"Let us get going, Pablo," one man said.	- Пора идти, Пабло, - сказал один.
"Soon we will have the daylight on us."	- Скоро начнет светать.
"Did you bring any more grenades?" another asked.	- Вы принесли еще гранат? - спросил другой.
"Plenty," said Pablo.	- Много, - сказал Пабло.
"Supply yourselves when we leave the animals."	- Возьмите себе, сколько нужно, когда спешитесь.
"Then let us go," another said.	- Тогда поехали, - сказал кто-то еще.
"We've been waiting here half the night."	- Мы уж и так полночи здесь прождали.

"_Hola_, Pilar," another said as the woman came up.	- Hola, Пилар, - сказал один из них подошедшей женщине.
"_Que me maten_, if it is not Pepe," Pilar said huskily.	- Que me maten, если это не Пепе, - хриплым голосом сказала Пилар.
"How are you, shepherd?"	- Ну, как дела, пастух?
"Good," said the man. "_Dentro de la gravedad_."	- Хорошо, - сказал он. - Dentro de la gravedad.
"What are you riding?" Pilar asked him.	- Что это у тебя за лошадь? - спросила его Пилар.
"The gray of Pablo," the man said.	- Пабло мне дал своего серого, - сказал он.
"It is much horse."	- Хороший конь.
"Come on," another man said.	- Пошли, - сказал другой.

"Let us go.	- Пора.

There is no good in gossiping here."	Нечего тут болтать.
"How art thou, Elicio?" Pilar said to him as he mounted.	- Ну, а ты как, Элисио? - спросила Пилар другого, когда он садился в седло.
"How would I be?" he said rudely.	- А что мне, - грубо ответил он.
"Come on, woman, we have work to do."	- Отстань, женщина, надо дело делать.
Pablo mounted the big bay horse.	Пабло сел на гнедого.
"Keep thy mouths shut and follow me," he said.	- Ну, а теперь молчите и поезжайте за мной, -сказал он.

"I will lead you to the place where we will leave the horses."	- Я покажу, где мы оставим лошадей.
40	40
During the time that Robert Jordan had slept through, the time he had spent planning the destruction of the bridge and the time that he had been with Maria, Andres had made slow progress.	Пока Роберт Джордан спал, пока он обдумывал, как взорвать мост, и пока он был с Марией, Андрес медленно продвигался вперед.

Until he had reached the Republican lines he had travelled across country and through the fascist lines as fast as a countryman in good physical condition who knew the country well could travel in the dark.	До того как выйти к республиканским позициям, он шел быстро, минуя фашистские посты, так быстро, как только может идти в темноте здоровый, выносливый крестьянин, хорошо знающий местность.
But once inside the Republican lines it went very slowly.	Но стоило ему выйти к республиканским позициям, как продвижение его сразу замедлилось.

In theory he should only have had to show the safe-conduct given him by Robert Jordan stamped with the seal of the S. I. M. and the dispatch which bore the same seal and be passed along toward his destination with the greatest speed.	Предполагалось, что достаточно будет показать пропуск, удостоверение с печатью СВР, полученное от Роберта Джордана, и пакет с той же печатью, и все будут помогать ему возможно скорее добраться до места назначения.
But first he had encountered the company commander in the front line who had regarded the whole mission with owlishly grave suspicion.	Но, попав на республиканскую территорию, он сразу же столкнулся с командиром роты, который насупился, словно сыч, и взял под сомнение все с самого начала.

He had followed this company commander to battalion headquarters where the battalion commander, who had been a barber before the movement, was filled with enthusiasm on hearing the account of his mission.	Андрес пошел с этим ротным командиром в штаб батальона, и батальонный командир, который до начала движения был парикмахером, выслушал его и горячо принялся за дело.

This commander, who was named Gomez, cursed the company commander for his stupidity, patted Andres on the back, gave him a drink of bad brandy and told him that he himself, the ex-barber, had always wanted to be a _guerrillero_.	Этот командир, по имени Гомес, отчитал ротного за его глупость, похлопал Андреса по спине, угостил его плохим коньяком и сказал, что он сам, бывший парикмахер, всегда хотел стать guerrillero.
He had then roused his adjutant, turned over the battalion to him, and sent his orderly to wake up and bring his motorcyclist.	Потом он поднял своего спавшего адъютанта, передал ему командование батальоном и послал вестового разбудить мотоциклиста.

Instead of sending Andres back to brigade headquarters with the motorcyclist, Gomez had decided to take him there himself in order to expedite things and, with Andres holding tight onto the seat ahead of him, they roared, bumping down the shell-pocked mountain road between the double row of big trees, the headlight of the motorcycle showing their whitewashed bases and the places on the trunks where the whitewash and the bark had been chipped and torn by shell fragments and bullets during the fighting along this road in the first summer of the movement.	Вместо того чтобы отправить Андреса в штаб бригады с мотоциклистом, Гомес решил, что лучше он отвезет его туда сам; Андрес вцепился в переднее сиденье, и, подскакивая на выбоинах, они с ревом помчались по изрытой снарядами горной дороге, окаймленной с обеих сторон высокими деревьями, и фара мотоцикла вырывала из темноты побеленные стволы, известь на которых облупилась и кора была ободрана осколками снарядов и пулями во время боев, происходивших на этой дороге в первый год после начала движения.

They turned into the little smashed-roofed mountain-resort town where brigade headquarters was and Gomez had braked the motorcycle like a dirt-track racer and leaned it against the wall of the house where a sleepy sentry came to attention as Gomez pushed by him into the big room where the walls were covered with maps and a very sleepy officer with a green eyeshade sat at a desk with a reading lamp, two telephones and a copy of _Mundo Obrero_.	Они въехали в маленький горный курорт, где в домике с развороченной крышей помещался штаб бригады, и Г омес ловко, точно гонщик, затормозив, прислонил свою машину к стене дома, и мимо сонного часового, взявшего на караул, протиснулся в большую комнату, где стены были увешаны картами и совсем сонный офицер с зеленым козырьком над глазами сидел за столом, на котором было два телефона, лампа и номер "Мундо обреро".

This officer looked up at Gomez and said,	Этот офицер взглянул на Гомеса и сказал:
"What doest thou here?	-Ты зачем сюда явился?
Have you never heard of the telephone?"	Разве тебе неизвестно, что существует телефон?
"I must see the Lieutenant-Colonel," Gomez said.	- Я хочу повидать полковника, - сказал Гомес.
"He is asleep," the officer said.	- Он спит, - сказал офицер.
"I could see the lights of that bicycle of thine for a mile coming down the road.	- Я твою фару еще за милю увидел.
Dost wish to bring on a shelling?"	Хочешь, чтобы нас начали бомбить?

"Call the Lieutenant-Colonel," Gomez said.	- Вызови полковника, - сказал Гомес.
"This is a matter of the utmost gravity."	- Дело крайне серьезное.
"He is asleep, I tell thee," the officer said.	- Говорят тебе, он спит, - сказал офицер.
"What sort of a bandit is that with thee?" he nodded toward Andres.	- Что это за бандит с тобой? - Он мотнул головой в сторону Андреса.

"He is a guerrillero from the other side of the lines with a dispatch of the utmost importance for the General Golz who commands the attack that is to be made at dawn beyond Navacerrada," Gomez said excitedly and earnestly.	- Это guerrillero из фашистского тыла, у него очень важный пакет к генералу Гольцу. Генерал командует наступлением, которое должно начаться за Навасеррадой завтра на рассвете, -взволнованно и очень серьезно сказал Гомес.
"Rouse the _Teniente-Coronel_ for the love of God."	- Разбуди полковника, ради господа бога.
The officer looked at him with his droopy eyes shaded by the green celluloid.	Офицер посмотрел на него полузакрытыми глазами, затененными зеленым целлулоидом.
"All of you are crazy," he said.	- Все вы не в своем уме, - сказал он.

"I know of no General Golz nor of no attack.	- Никакого генерала Г ольца и никакого наступления я знать не знаю.

Take this sportsman and get back to your battalion."	Забирай с собой этого спортсмена и возвращайся в свой батальон.
"Rouse the _Teniente-Coronel_, I say," Gomez said and Andres saw his mouth tightening.	- Я тебе говорю, разбуди полковника, - сказал Гомес, и Андрес увидел, что губы у него сжались.
"Go obscenity yourself," the officer said to him lazily and turned away.	- Иди ты знаешь куда, - лениво сказал ему офицер и отвернулся.
Gomez took his heavy 9 mm. Star pistol out of its holster and shoved it against the officer's shoulder.	Г омес вытащил из кобуры тяжелый девятимиллиметровый револьвер и ткнул им офицера в плечо.

"Rouse him, you fascist bastard," he said.	- Разбуди его, фашистская сволочь, - сказал он.
"Rouse him or I'll kill you."	- Разбуди, или я уложу тебя на месте.
"Calm yourself," the officer said.	- Успокойся, - сказал офицер.
"All you barbers are emotional."	- Очень уж вы, парикмахеры, горячий народ.
Andres saw Gomez's face draw with hate in the light of the reading lamp.	Андрес увидел при свете настольной лампы, как у Гомеса перекосило лицо от ненависти.
But all he said was,	Но он только сказал:
"Rouse him."	- Разбуди его.
"Orderly," the officer called in a contemptuous voice.	- Вестовой! - презрительным голосом крикнул офицер.
A soldier came to the door and saluted and went out.	В дверях появился солдат, отдал честь и вышел.

"His fiancee is with him," the officer said and went back to reading the paper.	- У него сегодня невеста в гостях, - сказал офицер и снова взялся за газету.
"It is certain he will be delighted to see you."	- Он, конечно, будет страшно рад повидать тебя.
"It is those like thee who obstruct all effort to win this war," Gomez said to the staff officer.	- Такие, как ты, делают все, чтобы помешать нам выиграть войну, - сказал Гомес штабному офицеру.
The officer paid no attention to him.	Офицер не обратил внимания на эти слова.
Then, as he read on, he remarked, as though to himself,	Потом, продолжая читать газету, он сказал, словно самому себе:
"What a curious periodical this is!"	- Вот чудная газета!
"Why don't you read _El Debate_ then?	- А почему ты не читаешь "Эль Дебате"?

That is your paper," Gomez said to him naming the leading Catholic-Conservative organ published in Madrid before the movement.	Вот газета по тебе. Гомес назвал главный консервативно-католический орган, выходивший в Мадриде до начала движения.
"Don't forget I am thy superior officer and that a report by me on thee carries weight," the officer said without looking up.	- Не забывай, что я старше чином и что мой рапорт о тебе будет иметь вес, - сказал офицер, не глядя на него.
"I never read _El Debate_.	- Я никогда не читал "Эль Дебате".
Do not make false accusations."	Не взводи на меня напраслины.
"No.	- Ну конечно.
You read A. B. C.," Gomez said.	Ведь ты читаешь "АБЦ", - сказал Гомес.

"The army is still rotten with such as thee.	- Армия кишит такими, как ты.
With professionals such as thee.	Такими кадровиками, как ты.
But it will not always be.	Но этому придет конец.
We are caught between the ignorant and the cynical.	Невежды и циники теснят нас со всех сторон.
But we will educate the one and eliminate the other."	Но первых мы обучим, а вторых уничтожим.
"'Purge' is the word you want," the officer said, still not looking up.	- Вычистим - вот правильное слово, - сказал офицер, все еще не глядя на него.
"Here it reports the purging of more of thy famous Russians.	- Вот тут пишут, что твои знаменитые русские еще кое-кого вычистили.

They are purging more than the epsom salts in this epoch."	Так сейчас прочищают, лучше английской соли.
"By any name," Gomez said passionately.	- Любое слово подойдет, - со страстью сказал Гомес.
"By any name so that such as thee are liquidated."	- Любое слово, лишь бы ликвидировать таких, как ты.
"Liquidated," the officer said insolently as though speaking to himself.	- Ликвидировать, - нагло сказал офицер, словно разговаривая сам с собой.
"Another new word that has little of Castilian in it."	- Вот еще одно новое словечко, которого нет в кастильском наречии.
"Shot, then," Gomez said.	- Тогда расстрелять, - сказал Гомес.

"That is Castilian.	- Такое слово есть в кастильском наречии.
Canst understand it?"	Теперь понял?
"Yes, man, but do not talk so loudly.	- Понял, друг, только не надо так кричать.
There are others beside the _Teniente-Coronel_ asleep in this Brigade Staff and thy emotion bores me.	У нас в штабе бригады многие спят, не только полковник, и твоя горячность утомительна.
It was for that reason that I always shaved myself.	Вот почему я всегда бреюсь сам.
I never liked the conversation."	Не люблю разговоров.
Gomez looked at Andres and shook his head.	Гомес посмотрел на Андреса и покачал головой.

His eyes were shining with the moistness that rage and hatred can bring.	Глаза у него были полны слез, вызванных яростью и ненавистью.
But he shook his head and said nothing as he stored it all away for some time in the future.	Но он только покачал головой и ничего не сказал, приберегая все это на будущее.
He had stored much in the year and a half in which he had risen to the command of a battalion in the Sierra and now, as the Lieutenant-Colonel came into the room in his pajamas he drew himself stiff and saluted.	За те полтора года, за которые он поднялся до командира батальона в Сьерре, он хранил в памяти много таких случаев, но сейчас, когда полковник в одной пижаме вошел в комнату, Гомес стал во фронт и отдал ему честь.

The Lieutenant-Colonel Miranda, who was a short, gray-faced man, who had been in the army all his life, who had lost the love of his wife in Madrid while he was losing his digestion in Morocco, and become a Republican when he found he could not divorce his wife (there was never any question of recovering his digestion), had entered the civil war as a Lieutenant-Colonel.	Полковник Миранда, маленький человек с серым лицом, прослужил в армии всю жизнь, расстроил свое семейное счастье, утратив любовь жены, остававшейся в Мадриде, пока он расстраивал свое пищеварение в Марокко, стал республиканцем, убедившись, что развода добиться немыслимо (о восстановлении пищеварения не могло быть и речи), - полковник Миранда начал гражданскую войну в чине полковника.
He had only one ambition, to finish the war with the same rank.	У него было только одно желание: закончить войну в том же чине.

He had defended the Sierra well and he wanted to be left alone there to defend it whenever it was attacked.	Он хорошо провел оборону Сьерры, и теперь ему хотелось, чтобы его оставили там же на тот случай, если опять понадобится обороняться.

He felt much healthier in the war, probably due to the forced curtailment of the number of meat courses, he had an enormous stock of sodium-bicarbonate, he had his whiskey in the evening, his twenty-three-year-old mistress was having a baby, as were nearly all the other girls who had started out as _milicianas_ in the July of the year before, and now he came into the room, nodded in answer to Gomez's salute and put out his hand.	На войне он чувствовал себя гораздо лучше, вероятно, благодаря ограниченному потреблению мяса. У него был с собой огромный запас двууглекислой соды, он пил виски по вечерам, его двадцатитрехлетняя любовница ждала ребенка, как почти все девушки, ставшие milicianas в июле прошлого года, и вот он вошел в комнату, кивнул в ответ на приветствие Гомеса и протянул емуру[к]у.

"What brings thee, Gomez?" he asked and then, to the officer at the desk who was his chief of operation, "Give me a cigarette, please, Pepe."	-Ты по какому делу, Гомес? - спросил он и потом, обратившись к своему адъютанту, сидевшему за столом: - Пеле, дай мне, пожалуйста, сигарету.
Gomez showed him Andres's papers and the dispatch.	Г омес показал ему документы Андреса и донесение.
The Lieutenant-Colonel looked at the _Salvoconducto_ quickly, looked at Andres, nodded and smiled, and then looked at the dispatch hungrily.	Полковник бросил быстрый взгляд на salvoconducto, потом на Андреса, кивнул ему, улыбнулся и с жадным интересом осмотрел пакет.

He felt of the seal, tested it with his forefinger, then handed both the safe-conduct and dispatch back to Andres.	Он пощупал печать пальцем, потом вернул пропуск и донесение Андресу.
"Is the life very hard there in the hills?" he asked.	- Ну как, нелегко вам там живется, в горах? -спросил он.
"No, my Lieutenant-Colonel," Andres said.	- Нет, ничего, - сказал Андрес.
"Did they tell thee where would be the closest point to find General Golz's headquarters?"	- Тебе сообщили, от какого пункта ближе всего должен быть штаб генерала Гольца?
"Navacerrada, my Lieutenant-Colonel," Andres said.	- От Навасеррады, господин полковник, - ответил Андрес.

"The _Ingles_ said it would be somewhere close to Navacerrada behind the lines to the right of there."	- Ingles сказал, что это будет недалеко от Навасеррады, позади позиций, где-нибудь с правого фланга.
"What _Ingles?_" the Lieutenant-Colonel asked quietly.	- Какой Ingles? - спокойно спросил полковник.
"The _Ingles_ who is with us as a dynamiter."	- Ingles, динамитчик, который сейчас там, у нас.

The Lieutenant-Colonel nodded.	Полковник кивнул.
It was just another sudden unexplained rarity of this war.	Это было для него еще одним из совершенно необъяснимых курьезов этой войны.
"The _Ingles_ who is with us as a dynamiter."	"Ingles, динамитчик, который сейчас там, у нас".

"You had better take him, Gomez, on the motor," the Lieutenant-Colonel said.	- Отвези его сам на мотоцикле, Г омес, - сказал полковник.
"Write them a very strong _Salvoconducto_ to the _Estado Mayor_ of General Golz for me to sign," he said to the officer in the green celluloid eyeshade.	- Напиши им внушительное salvoconducto в Estada Mayor генерала Г ольца, только повнушительнее, и дай мне на подпись, - сказал он офицеру с зеленым целлулоидовым козырьком над глазами.
"Write it on the machine, Pepe.	- И лучше напечатай на машинке, Пепе.
Here are the details," he motioned for Andres to hand over his safe-conduct, "and put on two seals."	Что нужно, спиши отсюда, - он знаком велел Андресу дать свой пропуск, - и приложи две печати.

He turned to Gomez.	- Он повернулся к Гомесу.
"You will need something strong tonight.	- Вам сегодня понадобится бумажка повнушительнее.
It is rightly so.	И это правильно.
People should be careful when an offensive is projected.	Когда готовится наступление, надо быть осторожным.
I will give you something as strong as I can make it."	Я постараюсь, чтобы вышло как можно внушительнее.
Then to Andres, very kindly, he said, "Dost wish anything?	- Потом он сказал Андресу очень ласково: - Чего ты хочешь?
To eat or to drink?"	Есть, пить?
"No, my Lieutenant-Colonel," Andres said.	- Нет, господин полковник, - сказал Андрес.

"I am not hungry.	- Я не голоден.
They gave me cognac at the last place of command and more would make me seasick."	Меня угостили коньяком на последнем посту, и если я выпью еще, меня, пожалуй, развезет.
"Did you see any movement or activity opposite my front as you came through?" the Lieutenant-Colonel asked Andres politely.	- Ты, когда шел, не заметил, есть ли какие-нибудь передвижения или подготовка вдоль моего фронта? - вежливо спросил полковник Андреса.
"It was as usual, my Lieutenant-Colonel.	- Все как обычно, господин полковник.
Quiet.	Спокойно.
Quiet."	Все спокойно.

"Did I not meet thee in Cercedilla about three months back?" the Lieutenant-Colonel asked.	- По-моему, я тебя видел в Серседилье месяца три назад, могло это быть? - спросил полковник.
"Yes, my Lieutenant-Colonel."	- Да, господин полковник.
"I thought so," the Lieutenant-Colonel patted him on the shoulder.	- Так я и думал. - Полковник похлопал его по плечу.
"You were with the old man Anselmo.	- Ты был со стариком Ансельмо.

How is he?"	Ну как он, жив?
"He is well, my Lieutenant-Colonel," Andres told him.	- Жив, господин полковник, - ответил ему Андрес.
"Good.	- Хорошо.

It makes me happy," the Lieutenant-Colonel said.	Я очень рад, - сказал полковник.
The officer showed him what he had typed and he read it over and signed it.	Офицер показал ему напечатанный на машинке пропуск, он прочел и поставил внизу свою подпись.
"You must go now quickly," he said to Gomez and Andres.	-Теперь поезжайте, - обратился он к Гомесу и Андресу.
"Be careful with the motor," he said to Gomez.	- Поосторожнее с мотоциклом, - сказал он Гомесу.
"Use your lights.	- Фары не выключай.
Nothing will happen from a single motor and you must be careful.	От одного мотоцикла ничего не будет, а ехать надо осторожно.

My compliments to Comrade General Golz.	Передайте мой привет товарищу генералу Гольцу.
We met after Peguerinos."	Мы с ним встречались после Пегериноса.
He shook hands with them both.	- Он пожал им обоим руки.
"Button the papers inside thy shirt," he said.	- Сунь документы за рубашку и застегнись, -сказал он.
"There is much wind on a motor."	- На мотоцикле ветер сильно бьет в лицо.

After they went out he went to a cabinet, took out a glass and a bottle, and poured himself some whiskey and poured plain water into it from an earthenware crock that stood on the floor against the wall.	Когда они вышли, полковник подошел к шкафчику, достал оттуда стакан и бутылку, налил себе виски и добавил воды из глиняного кувшина, стоявшего на полу у стены.
Then holding the glass and sipping the whiskey very slowly he stood in front of the big map on the wall and studied the offensive possibilities in the country above Navacerrada.	Потом, держа стакан в одной руке и медленно потягивая виски, он остановился у большой карты и стал оценивать шансы на успех наступления под Навасеррадой.
"I am glad it is Golz and not me," he said finally to the officer who sat at the table.	- Как хорошо, что там Г ольц, а не я, - сказал он наконец офицеру, сидевшему за столом.

The officer did not answer and looking away from the map and at the officer the Lieutenant-Colonel saw he was asleep with his head on his arms.	Офицер не ответил ему, и, переведя взгляд с карты на офицера, полковник увидел, что тот спит, положив голову на руки.
The Lieutenant-Colonel went over to the desk and pushed the two phones close together so that one touched the officer's head on either side.	Полковник подошел к столу и переставил телефоны вплотную к голове офицера - один справа, другой слева.
Then he walked to the cupboard, poured himself another whiskey, put water in it, and went back to the map again.	Потом он подошел к шкафчику, налил себе еще виски, добавил воды и снова вернулся к карте.

Andres, holding tight
onto the seat where
Gomez was forking the
motor, bent his head
against the wind as
the motorcycle moved,
noisily exploding, into
the light-split darkness
of the country road that
opened ahead sharp
with the high black of
the poplars beside it,
dimmed
and yellow-soft now as
the road dipped into
the fog along a stream
bed, sharpening hard
again as the road rose
and, ahead of them
at the crossroads, the
headlight showed the
gray bulk of the empty
trucks coming down
from the mountains.

Андрес, крепко уцепившись за сиденье, задрожавшее при пуске мотора, пригнул голову от ветра, когда мотоцикл с оглушительным фырканьем ринулся в рассеченную фарой темь проселочной дороги, которая уходила вперед, в черноту окаймлявших ее тополей, а потом эта чернота померкла, пожелтела, когда дорога нырнула вниз, в туман около ручья, потом опять сгустилась, когда дорога снова поднялась выше, и тогда впереди, у перекрестка, их фара нащупала серые махины грузовиков, спускавшихся порожняком с гор.

41	41
Pablo stopped and dismounted in the dark.	Пабло остановил лошадь и спешился в темноте.
Robert Jordan heard the creaking and the heavy breathing as they all dismounted and the clinking of a bridle as a horse tossed his head.	Роберт Джордан услышал поскрипыванье седел и хриплое дыхание, когда спешивались остальные, и звяканье уздечки, когда одна лошадь мотнула головой.
He smelled the horses and the unwashed and sour slept-in-clothing smell of the new men and the wood-smoky sleep-stale smell of the others who had been in the cave.	На него пахнуло лошадиным потом и кислым запахом давно не стиранной, не снимаемой на ночь одежды, который исходил от новых людей, и дымным, застоявшимся запахом тех, кто жил в пещере.

Pablo was standing close to him and he smelled the brassy, dead-wine smell that came from him like the taste of a copper coin in your mouth.	Пабло стоял рядом с ним, и от него несло медным запахом винного перегара, и у Роберта Джордана было такое ощущение, будто он держит медную монету во рту.
He lit a cigarette, cupping his hand to hide the light, pulled deep on it, and heard Pablo say very softly,	Он закурил, прикрыв папиросу ладонями, чтобы не было видно огня, глубоко затянулся и услышал, как Пабло сказал совсем тихо:
"Get the grenade sack, Pilar, while we hobble these."	"Пилар, отвяжи мешок с гранатами, пока мы стреножим лошадей".
"Agustin," Robert Jordan said in a whisper, "you and Anselmo come now with me to the bridge.	- Агустин, - шепотом сказал Роберт Джордан, - ты и Ансельмо пойдете со мной к мосту.

Have you the sack of pans for the _maquina?_"	Мешок с дисками для maquina у тебя?
"Yes," Agustin said.	- Да, - сказал Агустин.
"Why not?"	- Конечно, у меня.
Robert Jordan went over to where Pilar was unpacking one of the horses with the help of Primitivo.	Роберт Джордан подошел к Пилар, которая с помощью Примитиво снимала поклажу с одной из лошадей.
"Listen, woman," he said softly.	- Слушай, женщина, - тихо сказал он.
"What now?" she whispered huskily, swinging a cinch hook clear from under the horse's belly.	- Ну что? - хрипло шепнула она, отстегивая ремень под брюхом лошади.

"Thou understandest that there is to be no attack on the post until thou hearest the falling of the bombs?"	- Ты поняла, что атаковать пост можно будет только тогда, когда вы услышите бомбежку?
"How many times dost thou have to tell me?" Pilar said.	- Сколько раз ты будешь это повторять? - сказала Пилар.

"You are getting like an old woman, _Ingles_."	- Ты хуже старой бабы, Ingles.
"Only to check," Robert Jordan said.	- Это я для проверки, - сказал Роберт Джордан.
"And after the destruction of the post you fall back onto the bridge and cover the road from above and my left flank."	- А как только с постовыми разделаетесь, бегите к мосту и прикрывайте дорогу и мой левый фланг.

"The first time thou outlined it I understood it as well as I will ever understand it," Pilar whispered to him.	- Я все поняла с первого раза, лучше не втолкуешь, - шепотом ответила Пилар.
"Get thee about thy business."	- Иди, делай свое дело.
"That no one should make a move nor fire a shot nor throw a bomb until the noise of the bombardment comes," Robert Jordan said softly.	- И чтобы никто не двигался с места, и не стрелял, и не бросал гранат до тех пор, пока не услышите бомбежки, - тихо сказал Роберт Джордан.
"Do not molest me more," Pilar whispered angrily.	- Не мучай ты меня, - сердито прошептала Пилар.
"I have understood this since we were at Sordo's."	- Я все поняла, еще когда мы были у Глухого.

Robert Jordan went to where Pablo was tying the horses.	Роберт Джордан пошел туда, где Пабло привязывал лошадей.
"I have only hobbled those which are liable to panic," Pablo said.	- Я только тех стреножил, которые могут испугаться, - сказал Пабло.
"These are tied so a pull of the rope will release them, see?"	- А эти - достаточно потянуть за веревку, вот так, и они свободны.
"Good."	- Хорошо.
"I will tell the girl and the gypsy how to handle them," Pablo said.	- Я объясню девушке и цыгану, как с ними обращаться, - сказал Пабло.

His new men were standing in a group by themselves leaning on their carbines.	Те, кого он привел, кучкой стояли в стороне, опираясь на карабины.
"Dost understand all?" Robert Jordan asked.	-Ты все понял? - спросил Роберт Джордан.
"Why not?" Pablo said.	- А как же, - сказал Пабло.
"Destroy the post.	- Разделаться с постовыми.
Cut the wire.	Перерезать провода.
Fall back on the bridge.	Потом назад, к мосту.
Cover the bridge until thou blowest."	Прикрывать мост, пока ты его не взорвешь.
"And nothing to start until the commencement of the bombardment."	- И не начинать до тех пор, пока не услышите бомбежки.

"Thus it is."	- Правильно.
"Well then, much luck."	- Ну, тогда желаю удачи.
Pablo grunted.	Пабло буркнул что-то.
Then he said,	Потом сказал:
"Thou wilt cover us well with the _maquina_ and with thy small _maquina_ when we come back, eh, _Ingles?_"	- А ты будешь прикрывать нас большой maquina и своей маленькой maquina, когда мы пойдем назад, а, Ingles?
"_Dela primera_," Robert Jordan said.	- Не беспокойся, - сказал Роберт Джордан.

"Off the top of the basket."	- Будет сделано, как надо.
"Then," Pablo said. "Nothing more.	- Тогда все, - сказал Пабло.

But in that moment thou must be very careful, _Ingles_.	- Но надо быть очень осторожным, Ingles.
It will not be simple to do that unless thou art very careful."	Если не соблюдать осторожности, то не так-то просто будет все сделать.
"I will handle the _maquina_ myself," Robert Jordan said to him.	- Я сам буду стрелять из maquina, - сказал ему Роберт Джордан.
"Hast thou much experience?	- А ты умеешь с ней обращаться?
For I am of no mind to be shot by Agustin with his belly full of good intentions."	Я не желаю, чтобы меня подстрелил Агустин, хоть и с самыми добрыми намерениями.

"I have much experience.	- Я умею с ней обращаться.
Truly.	Правда.
And if Agustin uses either _maquina_ I will see that he keeps it way above thee.	И если стрелять будет Агустин, я послежу, чтобы он целился выше ваших голов.
Above, above and above."	Чтобы забирал выше, выше.
"Then nothing more," Pablo said.	- Тогда все, - сказал Пабло.
Then he said softly and confidentially, "There is still a lack of horses."	Потом добавил тихо, словно по секрету: - А лошадей все еще мало!
The son of a bitch, Robert Jordan thought.	Сукин сын, подумал Роберт Джордан.
Or does he think I did not understand him the first time.	Неужели он не догадывается, что я сразу раскусил его?

"I go on foot," he said.	- Я пойду пешком, - сказал он.
"The horses are thy affair."	- Лошади - это твоя забота.
"Nay, there will be a horse for thee, _Ingles_," Pablo said softly.	- Нет, Ingles, лошадь будет и для тебя, - тихо сказал Пабло.
"There will be horses for all of us."	- Лошади найдутся для всех.
"That is thy problem," Robert Jordan said.	- Это твое дело, - сказал Роберт Джордан.
"Thou dost not have to count me.	- Обо мне можешь не беспокоиться.
Hast enough rounds for thy new _maquina?_"	А патронов у тебя хватит для твоей новой maquina?
"Yes," Pablo said.	- Да, - сказал Пабло.

"All that the cavalryman carried.	- Все, что было у кавалериста, все здесь.
I have fired only four to try it.	Я только четыре расстрелял, хотел попробовать.
I tried it yesterday in the high hills."	Я пробовал вчера в горах.
"We go now," Robert Jordan said.	- Ну, мы пошли, - сказал Роберт Джордан.
"We must be there early and well hidden."	- Надо прийти туда пораньше, чтобы залечь до рассвета.

"We all go now," Pablo said. "_Suerte, Ingles_."	- Сейчас все пойдем, - сказал Пабло. - Suerte, Ingles.

I wonder what the bastard is planning now, Robert Jordan said.	Что он, подлец, теперь задумал, спросил самого себя Роберт Джордан.
But I am pretty sure I know.	Кажется, я знаю.
Well, that is his, not mine.	Ну что ж, это его дело, не мое.
Thank God I do not know these new men.	Слава богу, что я впервые вижу этих людей.
He put his hand out and said, "_Suerte_, Pablo," and their two hands gripped in the dark.	Он протянул руку и сказал: - Suerte, Пабло. - И их руки сомкнулись в темноте.

Robert Jordan, when he put his hand out, expected that it would be like grasping something reptilian or touching a leper.	Протягивая руку, Роберт Джордан думал, что это будет все равно как схватить пресмыкающееся или дотронуться до прокаженного.
He did not know what Pablo's hand would feel like.	Он не знал, какая у Пабло рука.
But in the dark Pablo's hand gripped his hard and pressed it frankly and he returned the grip.	Но рука Пабло ухватила в темноте его руку и крепко, смело сжала ее, и он ответил на рукопожатие.
Pablo had a good hand in the dark and feeling it gave Robert Jordan the strangest feeling he had felt that morning.	В темноте рука у Пабло показалась приятной на ощупь, и когда Роберт Джордан сжал ее, у него появилось странное чувство, самое странное за сегодняшнее утро.

We must be allies now, he thought.	Мы теперь союзники, подумал он.
There was always much handshaking with allies.	Союзники всегда очень любят обмениваться рукопожатиями.
Not to mention decorations and kissing on both cheeks, he thought.	Уж не говоря о навешивании друг на друга орденов и о лобызаниях в обе щеки, думал он.
I'm glad we do not have to do that.	Я рад, что у нас обошлось без этого.
I suppose all allies are like this.	А союзники, наверно, все на один лад.
They always hate each other _au fond_.	В глубине души они ненавидят друг друга.
But this Pablo is a strange man.	Но этот Пабло весьма странный субъект.

"_Suerte_, Pablo," he said and gripped the strange, firm, purposeful hand hard.	- Suerte, Пабло, - сказал он и сильно сжал эту странную, крепкую, настойчивую руку.
"I will cover thee well.	- Я прикрою тебя как следует.
Do not worry."	Не беспокойся.
"I am sorry for having taken thy material," Pablo said.	- Я теперь жалею, что взял твои материалы, - сказал Пабло.
"It was an equivocation."	- На меня будто нашло что-то.
"But thou has brought what we needed."	- Но ты привел людей, а нам как раз это и нужно.

"I do not hold this of the bridge against thee, _Ingles_," Pablo said.	- Я больше не стану корить тебя этим мостом, Ingles, - сказал Пабло.
"I see a successful termination for it."	- Теперь я вижу, что все кончится хорошо.
"What are you two doing?	- Чем вы тут занимаетесь?

Becoming _maricones?_" Pilar said suddenly beside them in the dark.	Maricones стали? - раздался вдруг рядом из темноты голос Пилар.
"That is all thou hast lacked," she said to Pablo.	- Тебе только этого и не хватало, - сказала она.
"Get along, _Ingles_, and cut thy good-bys short before this one steals the rest of thy explosive."	- Пойдем, Ingles, довольно тебе прощаться, смотри, как бы он не стащил остатки твоего динамита.

"Thou dost not understand me, woman," Pablo said.	- Ты не понимаешь меня, женщина, - сказал Пабло.
"The _Ingles_ and I understand one another."	- А мы с Ingles друг друга понимаем.
"Nobody understands thee.	- Тебя никто не понимает.
Neither God nor thy mother," Pilar said.	Ни бог, ни твоя собственная мать, - сказала Пилар.
"Nor I either.	- И я тоже не понимаю.

Get along, _Ingles_. Make thy good-bys with thy cropped head and go. _Me cago en tu padre_, but I begin to think thou art afraid to see the bull come out."	Пойдем, Ingles, попрощайся со своим стригунком, и пойдем. Me cago en tu padre, я уже начинаю думать, что ты трусишь перед выходом быка.
"Thy mother," Robert Jordan said.	- Мать твою, - сказал Роберт Джордан.
"Thou never hadst one," Pilar whispered cheerfully.	- А у тебя своей и не было, - весело прошептала Пилар.
"Now go, because I have a great desire to start this and get it over with.	- Но теперь идем, потому что мне хочется поскорей начать все это и поскорее кончить.
Go with thy people," she said to Pablo.	А ты иди со своими, - сказала она Пабло.

"Who knows how long their stern resolution is good for?	- Кто знает, надолго ли их хватит.
Thou hast a couple that I would not trade thee for.	У тебя там есть двое, которых, приплати мне, я бы не взяла.
Take them and go."	Позови их, и уходите.
Robert Jordan slung his pack on his back and walked over to the horses to find Maria.	Роберт Джордан взвалил рюкзак на спину и пошел к лошадям, туда, где была Мария.
"Good-by, _guapa_," he said.	- Прощай, guapa, - сказал он.
"I will see thee soon."	- Скоро увидимся.

He had an unreal feeling about all of this now as though he had said it all before or as though it were a train that were going, especially as though it were a train and he was standing on the platform of a railway station.	У него появилось какое-то странное чувство, будто он уже говорил это когда-то раньше или будто какой-то поезд должен был вот-вот отойти, да, скорее всего, будто это поезд и будто он сам стоит на платформе железнодорожной станции.
"Good-by, Roberto," she said.	- Прощай, Роберто, - сказала она.
"Take much care."	- Береги себя.
"Of course," he said.	- Обязательно, - сказал Роберт Джордан.

He bent his head to kiss her and his pack rolled forward against the back of his head so that his forehead bumped hers hard.	Он нагнул голову, чтобы поцеловать ее, и рюкзак сполз и наподдал ему по затылку, так что они стукнулись лбами.
As this happened he knew this had happened before too.	И ему показалось, будто это тоже было с ним когда-то раньше.
"Don't cry," he said, awkward not only from the load.	- Не плачь, - сказал он, испытывая неловкость не только от тяжелого рюкзака.
"I do not," she said.	-Я не плачу, - сказала она.
"But come back quickly."	- Только возвращайся поскорее.
"Do not worry when you hear the firing.	- Не пугайся, когда услышишь стрельбу.

There is bound to be much firing."	Стрельбы сегодня будет много.
"Nay.	- Нет, не буду.
Only come back quickly."	Только возвращайся поскорей.
"Good-by, _guapa_," he said awkwardly.	- Прощай, guapa, - с какой-то неловкостью сказал он.
"_Salud_, Roberto."	- Salud, Роберто.
Robert Jordan had not felt this young since he had taken the train at Red Lodge to go down to Billings to get the train there to go away to school for the first time.	Роберт Джордан не чувствовал себя таким юным с тех самых пор, как он уезжал поездом из Ред-Лоджа в Биллингс, а в Биллингсе ему предстояла пересадка; он тогда первый раз уезжал в школу учиться.

He had been afraid to go and he did not want any one to know it and, at the station, just before the conductor picked up the box he would step up on to reach the steps of the day coach, his father had kissed him good-by and said,	Он боялся ехать и не хотел, чтобы кто-нибудь догадался об этом, и на станции, за минуту перед тем, как проводник поднял его чемодан с платформы, он хотел уже стать на нижнюю ступеньку вагона, но в это время отец поцеловал его на прощанье и сказал:
"May the Lord watch between thee and me while we are absent the one from the other."	"Да не оставит нас господь, пока мы с тобой будем в разлуке".
His father had been a very religious man and he had said it simply and sincerely.	Его отец был очень религиозный человек, и он сказал это искренне и просто.

But his moustache had been moist and his eyes were damp with emotion and Robert Jordan had been so embarrassed by all of it, the damp religious sound of the prayer, and by his father kissing him good-by, that he had felt suddenly so much older than his father and sorry for him that he could hardly bear it.	Но усы у него были мокрые, и в глазах стояли слезы, и Роберта Джордана так смутило все это - отсыревшие от слез проникновенные слова и прощальный отцовский поцелуй, - что он вдруг почувствовал себя гораздо старше отца, и ему стало так жалко его, что он еле совладал с собой.

After the train started he had stood on the rear platform and watched the station and the water tower grow smaller and smaller and the rails crossed by the ties narrowed toward a point where the station and the water tower stood now minute and tiny in the steady clicking that was taking him away.	Поезд тронулся, а он все стоял на площадке заднего вагона и смотрел, как станция и водокачка становятся меньше и меньше, - вот они уже совсем крохотные, будто игрушечные, - а рельсы, пересеченные шпалами, мало-помалу сходились в одну точку под мерный стук, увозивший его прочь.
The brakeman said,	Тормозной сказал:

"Dad seemed to take your going sort of hard, Bob."	"Отцу, видно, тяжело с тобой расставаться, Боб". -

"Yes," he had said watching the sagebrush that ran from the edge of the road bed between the passing telegraph poles across to the streaming-by dusty stretching of the road.	"Да", - сказал он, глядя на заросли полыни вдоль полотна между телеграфными столбами и бежавшей рядом пыльной проезжей дорогой.
He was looking for sage hens.	Он смотрел, не покажется ли где-нибудь куропатка.
"You don't mind going away to school?"	"А тебе не хочется уезжать в школу?" -
"No," he had said and it was true.	"Нет, хочется", - сказал он, и это была правда.

It would not have been true before but it was true that minute and it was only now, at this parting, that he ever felt as young again as he had felt before that train left.	Если б он сказал это раньше, это была бы неправда, но в ту минуту это была правда, и, прощаясь с Марией, он впервые с тех пор почувствовал себя таким же юным, как тогда, перед отходом поезда.
He felt very young now and very awkward and he was saying good-by as awkwardly as one can be when saying good-by to a young girl when you are a boy in school, saying good-by at the front porch, not knowing whether to kiss the girl or not.	Сей- час он чувствовал себя очень юным и очень неловким, и он прощался с Марией неловко, словно школьник с девочкой на крыльце, не зная, поцеловать ее или нет.

Then he knew it was not the good-by he was being awkward about.	Потом он понял, что чувство неловкости вызывает у него не прощанье.
It was the meeting he was going to.	Чувство неловкости - от той встречи, которая ему предстоит.
The good-by was only a part of the awkwardness he felt about the meeting.	Прощанье только отчасти было виной той неловкости, которую он ощущал при мысли о предстоящей встрече.
You're getting them again, he told himself.	Опять у тебя начинается, сказал он самому себе.
But I suppose there is no one that does not feel that he is too young to do it.	Но я думаю, не найдется человека, который не чувствовал бы себя слишком молодым для этого.

He would not put a name to it.	Он не хотел назвать это так, как следовало назвать.
Come on, he said to himself.	Брось, сказал он самому себе.
Come on.	Брось.
It is too early for your second childhood.	Тебе еще рано впадать в детство.
"Good-by, _guapa_," he said.	- Прощай, guapa, - сказал он.
"Good-by, rabbit."	- Прощай, зайчонок.
"Good-by, my Roberto," she said and he went over to where Anselmo and Agustin were standing and said, "_Vamonos_."	- Прощай, мой Роберто, - сказала она, и он отошел туда, где стояли Ансельмо и Агустин, и сказал: -Vamonos.
Anselmo swung his heavy pack up.	Ансельмо поднял тяжелый рюкзак.

Agustin, fully loaded since the cave, was leaning against a tree, the automatic rifle jutting over the top of his load.	Агустин, навьючивший все на себя еще в пещере, стоял, прислонившись к дереву, и из-за спины у него поверх поклажи торчал ствол пулемета.

"Good," he said, "_Vamonos_."	- Ладно, - сказал он. - Vamonos.
The three of them started down the hill.	Все втроем зашагали вниз по склону.
"_Buena suerte_, Don Roberto," Fernando said as the three of them passed him as they moved in single file between the trees.	- Buena suerte, дон Роберто, - сказал Фернандо, когда они гуськом прошли мимо него.

Fernando was crouched on his haunches a little way from where they passed but he spoke with great dignity.	Фернандо сидел на корточках в нескольких шагах от того места, где они прошли, но сказал он это с большим достоинством.
"_Buena suerte_ thyself, Fernando," Robert Jordan said.	- Тебе тоже buena suerte, Фернандо, - сказал Роберт Джордан.
"In everything thou doest," Agustin said.	- Во всех твоих делах, - сказал Агустин.
"Thank you, Don Roberto," Fernando said, undisturbed by Agustin.	- Спасибо, дон Роберто, - сказал Фернандо, не обратив внимания на Агустина.
"That one is a phenomenon, _Ingles_," Agustin whispered.	- Это не человек, а чудо, Ingles, - шепнул Агустин.

"I believe thee," Robert Jordan said.	-Ты прав, - сказал Роберт Джордан.
"Can I help thee?	- Помочь тебе?
Thou art loaded like a horse."	Ты нагрузился, как вьючная лошадь.
"I am all right," Agustin said.	- Ничего, - сказал Агустин.
"Man, but I am content we are started."	- Зато как я рад, что мы начали.
"Speak softly," Anselmo said.	- Говори тише, - сказал Ансельмо.
"From now on speak little and softly."	- Теперь надо говорить поменьше и потише.

Walking carefully, downhill, Anselmo in the lead, Agustin next, Robert Jordan placing his feet carefully so that he would not slip, feeling the dead pine needles under his rope-soled shoes, bumping a tree root with one foot and putting a hand forward and feeling the cold metal jut of the automatic rifle barrel and the folded legs of the tripod, then working sideways down the hill, his shoes sliding and grooving the forest floor, putting his left hand out again and touching the rough bark of a tree trunk, then as he braced himself his	Вниз по склону, осторожно, Ансельмо впереди, за ним Агустин, потом Роберт Джордан, ступая очень осторожно, чтобы не поскользнуться, чувствуя опавшую хвою под веревочными подошвами; вот споткнулся о корень, протянул руку вперед и нащупал холодный металл пулемета и сложенную треногу, потом боком вниз по склону, сандалии скользят, взрыхляют мягкую землю, и опять левую руку вперед, и под ней шероховатая сосновая кора, и вот наконец рука нащупала гладкую полоску на стволе, и он

Now Anselmo was halted by a pine tree in the dark and he took Robert Jordan's wrist and whispered, so low Jordan could hardly hear him,	Ансельмо наткнулся в темноте на сосну, схватил Роберта Джордана за руку и зашептал так тихо, что Джордан еле расслышал его:
"Look.	- Смотри.
There is the fire in his brazier."	У них огонь в жаровне.

It was a point of light below where Robert Jordan knew the bridge joined the road.	Слабый огонек светился как раз в том месте, где - Роберт Джордан знал - дорога подходила к мосту.
"Here is where we watched," Anselmo said.	- Вот отсюда мы смотрели, - сказал Ансельмо.

He took Robert Jordan's hand and bent it down to touch a small fresh blaze low on a tree trunk.	Он взял руку Роберта Джордана, потянул ее вниз и положил на маленькую свежую зарубку чуть повыше корней.
"This I marked while thou watched.	- Это я зарубил, пока ты смотрел на мост.
To the right is where thou wished to put the _maquina_."	Вот здесь, правее, ты хотел поставить maquina.
"We will place it there."	- Тут и поставим.
"Good."	- Хорошо.

They put the packs down behind the base of the pine trunks and the two of them followed Anselmo over to the level place where there was a clump of seedling pines.	Роберт Джордан и Агустин спустили рюкзаки на землю возле сосны и пошли следом за Ансельмо к небольшой ровной полянке, где росли кучкой молодые сосенки.
"It is here," Anselmo said.	- Здесь, - сказал Ансельмо.
"Just here."	- Вот здесь.
"From here, with daylight," Robert Jordan crouched behind the small trees whispered to Agustin, "thou wilt see a small stretch of road and the entrance to the bridge.	- Вот отсюда, как только рассветет, - зашептал Роберт Джордан Агустину, присев на корточки позади сосен, - ты увидишь небольшой кусок дороги и въезд на мост.

Thou wilt see the length of the bridge and a small stretch of road at the other end before it rounds the curve of the rocks."	Ты увидишь и весь мост, и небольшой кусок дороги по другую сторону, а дальше она поворачивает за скалу.
Agustin said nothing.	Агустин молчал.
"Here thou wilt lie while we prepare the exploding and fire on anything that comes from above or below."	- Ты будешь лежать здесь, пока мы будем готовить взрыв, и кто бы ни появился сверху или снизу - стреляй.
"Where is that light?" Agustin asked.	- Откуда этот свет? - спросил Агустин.
"In the sentry box at this end," Robert Jordan whispered.	- Из будки по ту сторону моста, - прошептал Роберт Джордан.
"Who deals with the sentries?"	- Кто займется часовыми?

"The old man and I, as I told thee.	-Я и старик, я тебе уже говорил.
But if we do not deal with them, thou must fire into the sentry boxes and at them if thou seest them."	Но если мы не справимся с ними, стреляй по обеим будкам и по часовым, если увидишь их.
"Yes.	-Да.
You told me that."	Ты мне уже говорил.
"After the explosion when the people of Pablo come around that corner, thou must fire over their heads if others come after them.	- После взрыва, когда Пабло со своими выбежит из-за скалы, стреляй поверх них, если за ними будет погоня.
Thou must fire high above them when they appear in any event that others must not come.	В любом случае стреляй как можно выше поверх их голов, так чтобы преследующие отстали.

Understandest thou?"	Все понял?
"Why not?	- А как же.
It is as thou saidst last night."	Ты и вчера так объяснял.
"Hast any questions?"	- Вопросы есть?
"Nay.	- Нет.
I have two sacks.	У меня с собой два мешка.
I can load them from above where it will not be seen and bring them here."	Можно набрать в них земли, повыше, где не увидят, и принести сюда.
"But do no digging here.	- Только здесь не копай.
Thou must be as well hid as we were at the top."	Тебе надо укрыться так же тщательно, как мы укрывались наверху.
"Nay.	- Хорошо.

I will bring the dirt in them in the dark.	Я принесу землю еще затемно.
You will see.	Я так прилажу мешки, что их не будет заметно.
They will not show as I will fix them."	Вот увидишь.
"Thou are very close. _Sabes?_ In the daylight this clump shows clearly from below."	- Ты очень близко от моста. Sabes? Днем это место хорошо просматривается снизу.
"Do not worry, _Ingles_.	- Не беспокойся, Ingles.
Where goest thou?"	Ты куда теперь?
"I go close below with the small _maquina_ of mine.	- Я спущусь еще ниже со своей маленькой maquina.

The old man will cross the gorge now to be ready for the box of the other end.	Старик сейчас перебе-рется на ту сторону, так чтобы сразу выбежать к дальней будке.
It faces in that direction."	Она смотрит вон туда.
"Then nothing more," said Agustin. "_Salud, Ingles_.	- Тогда все, - сказал Агу-стин. - Salud, Ingles.
Hast thou tobacco?"	Табак у тебя есть?
"Thou canst not smoke.	- Курить нельзя.
It is too close."	Слишком близко.
"Nay.	-Я не буду.
Just to hold in the mouth.	Только подержу папи-росу во рту.
To smoke later."	Закурю потом.

Robert Jordan gave him his cigarette case and Agustin took three cigarettes and put them inside the front flap of his herdsman's flat cap.	Роберт Джордан протянул ему коробку, и Агустин взял три папиросы и сунул их за передний клапан своей плоской пастушеской шапки.
He spread the legs of his tripod with the gun muzzle in the low pines and commenced unpacking his load by touch and laying the things where he wanted them.	Он расставил ножки пулемета среди мелких сосенок и стал ощупью разбирать свою поклажу и раскладывать все так, чтобы было под руками.
"_Nada mas_," he said.	- Nada mas, - сказал он.

"Well, nothing more."	- Больше ничего.

Anselmo and Robert Jordan left him there and went back to where the packs were.	Ансельмо и Роберт Джордан оставили его там и вернулись на то место, где были рюкзаки.
"Where had we best leave them?" Robert Jordan whispered.	- Где нам их положить лучше всего? - шепотом спросил Роберт Джордан.
"I think here.	- Я думаю, здесь.
But canst thou be sure of the sentry with thy small maquina from here?"	А ты уверен, что попадешь отсюда в часового из маленькой maquina?
"Is this exactly where we were on that day?"	- Это то самое место, где мы лежали в тот день?

"The same tree," Anselmo said so low Jordan could barely hear him and he knew he was speaking without moving his lips as he had spoken that first day.	- То самое дерево, - сказал Ансельмо так тихо, что Джордан с трудом расслышал его и догадался, что старик говорит, не шевеля губами, как тогда, в первый день.
"I marked it with my knife."	- Я сделал зарубку ножом.
Robert Jordan had the feeling again of it all having happened before, but this time it came from his own repetition of a query and Anselmo's answer.	У Роберта Джордана опять появилось такое чувство, будто все это уже было раньше, но теперь оно возникло потому, что он повторил свой собственный вопрос, а старик свой ответ.

It had been the same with Agustin, who had asked a question about the sentries although he knew the answer.	Так же было, когда Агустин спросил его про часовых, хотя заранее уже знал ответ.
"It is close enough.	- Очень близко.
Even too close," he whispered.	Даже чересчур близко, - шепнул он.
"But the light is behind us.	- Но свет будет сзади.
We are all right here."	Ничего, устроимся.
"Then I will go now to cross the gorge and be in position at the other end," Anselmo said.	- Тогда я пойду на ту сторону, - сказал Ансельмо.
Then he said, "Pardon me, _Ingles_.	Потом он сказал: - Ты меня извини, Ingles.

So that there is no mistake.	Но чтобы не было ошибки.
In case I am stupid."	Вдруг я непонятливый.
"What?" he breathed very softly.	- Что? - очень тихо, на одном дыхании.
"Only to repeat it so that I will do it exactly."	-Ты скажи еще раз, чтобы я знал точно.
"When I fire, thou wilt fire.	- Как только я выстрелю, ты тоже стреляй.
When thy man is eliminated, cross the bridge to me.	Когда твой будет убит, беги по мосту ко мне.
I will have the packs down there and thou wilt do as I tell thee in the placing of the charges.	Мешки будут со мной, и ты поможешь мне заложить шашки.
Everything I will tell thee.	Я тебе все скажу.

If aught happens to me do it thyself as I showed thee.	Если со мной что-нибудь случится, сделаешь все сам, как я тебя учил.

Take thy time and do it well, wedging all securely with the wooden wedges and lashing the grenades firmly."	Не торопись, делай все как следует, забей клинья поглубже, привяжи гранаты покрепче.
"It is all clear to me," Anselmo said.	- Мне все ясно, - сказал Ансельмо.
"I remember it all.	- Я все помню.
Now I go.	Теперь пойду.
Keep thee well covered, _Ingles_, when daylight comes."	Ты спрячься получше, Ingles, скоро рассвет.

"When thou firest," Robert Jordan said, "take a rest and make very sure.	- Перед тем как стрелять, - сказал Роберт Джордан, - отдохни и целься наверняка.
Do not think of it as a man but as a target, _de acuerdo?_ Do not shoot at the whole man but at a point.	Не смотри на него как на человека, а как на цель, de acuerdo? Бери на прицел не всего, а какую-нибудь определенную точку.
Shoot for the exact center of the belly—if he faces thee.	Целься в живот, если он будет стоять лицом к тебе.
At the middle of the back, if he is looking away.	Если будет стоять спиной - целься в середину спины.
Listen, old one.	Слушай, старик.

When I fire if the man is sitting down he will stand up before he runs or crouches.	Если он будет сидеть, то как только я начну стрелять, он вскочит, прежде чем побежать или пригнуться к земле.
Shoot then.	Вот в этот момент и стреляй.
If he is still sitting down shoot.	А если он останется сидеть, стреляй сразу.
Do not wait.	Не жди.
But make sure.	Только целься наверняка.
Get to within fifty yards.	Подойди ярдов на пятьдесят.
Thou art a hunter.	Ты же-охотник.
Thou hast no problem."	Для тебя тут нет ничего трудного.

"I will do as thou orderest," Anselmo said.	- Я сделаю, как ты приказываешь, - сказал Ансельмо.
"Yes.	-Да.
I order it thus," Robert Jordan said.	Я так приказываю, - сказал Роберт Джордан.
I'm glad I remembered to make it an order, he thought.	Хорошо, что я не забыл представить это как приказ, подумал он.
That helps him out.	Если так легче.
That takes some of the curse off.	Так для него хоть отчасти снимается проклятие.
I hope it does, anyway.	Во всяком случае, я надеюсь, что он так чувствует.
Some of it.	Хоть немного.

I had forgotten about what he told me that first day about the killing.	Я ведь совсем забыл, как он в первый день говорил со мной про убийство.
"It is thus I have ordered," he said.	-Так я тебе приказываю, - сказал он.
"Now go."	- А теперь иди.
"_Me voy_," said Anselmo.	- Me voy, - сказал Ансельмо.
"Until soon, _Ingles_."	- Ну, скоро увидимся.
"Until soon, old one," Robert Jordan said.	- Скоро увидимся, старик, - сказал Роберт Джордан.

He remembered his father in the railway station and the wetness of that farewell and he did not say _Salud_ nor good-by nor good luck nor anything like that.	Он вспомнил своего отца на железнодорожной станции и влажное от слез прощанье с ним и не сказал старику ни "прощай", ни "желаю удачи".
"Hast wiped the oil from the bore of thy gun, old one?" he whispered.	- Ствол у винтовки прочистил? - шепнул он.
"So it will not throw wild?"	- А то отдача будет слишком сильная.
"In the cave," Anselmo said.	- Еще там, в пещере, - сказал Ансельмо.
"I cleaned them all with the pullthrough."	- Я их все прочистил шомполом.

"Then until soon," Robert Jordan said and the old man went off, noiseless on his rope-soled shoes, swinging wide through the trees.	- Ну, скоро увидимся, - сказал Роберт Джордан, и старик широким, легким шагом скрылся за деревьями, неслышно ступая в сандалиях на веревочной подошве.
Robert Jordan lay on the pine-needle floor of the forest and listened to the first stirring in the branches of the pines of the wind that would come with daylight.	Роберт Джордан лег на устланную сосновыми иглами землю и стал ждать первого шороха сосен на ветру, который всегда налетает с рассветом.
He took the clip out of the submachine gun and worked the lock back and forth.	Он вынул из автомата магазин и несколько раз открыл и закрыл затвор.

Then he turned the gun, with the lock open and in the dark he put the muzzle to his lips and blew through the barrel, the metal tasting greasy and oily as his tongue touched the edge of the bore.	Потом, не закрывая затвора, повернул оружие дулом к себе, поднес в темноте ствол к губам и продул его, чувствуя языком маслянистый, скользкий металл.
He laid the gun across his forearm, the action up so that no pine needles or rubbish could get in it, and shucked all the cartridges out of the clip with his thumb and onto a handkerchief he had spread in front of him.	Он положил автомат на левую руку затвором кверху, так чтобы туда не попали ни сосновые иглы, ни сор, и вытащил большим пальцем все патроны из магазина прямо на носовой платок, который он расстелил перед собой.

Then, feeling each cartridge in the dark and turning it in his fingers, he pressed and slid them one at a time back into the clip.	Потом, нащупывая в темноте патроны, он вставил их один за другим обратно в магазин.
Now the clip was heavy again in his hand and he slid it back into the submachine gun and felt it click home.	Теперь магазин опять стал тяжелый, и он вставил его обратно и услышал, как он щелкнул, став на место.
He lay on his belly behind the pine trunk, the gun across his left forearm and watched the point of light below him.	Он лежал за сосной ничком, положив автомат на левую руку, и смотрел на огонек внизу.

Sometimes he could not see it and then he knew that the man in the sentry box had moved in front of the brazier.	Иногда огонек исчезал, и он догадывался, что это часовой в будке заслонил собою жаровню.
Robert Jordan lay there and waited for daylight.	Роберт Джордан лежал и дожидался рассвета.
42	42
During the time that Pablo had ridden back from the hills to the cave and the time the band had dropped down to where they had left the horses Andres had made rapid progress toward Golz's headquarters.	Пока Пабло возвращался в пещеру и пока отряд сходил вниз по склону, туда, где надо было оставить лошадей, Андрес быстро продвигался вперед на пути к штабу Гольца.

Where they came onto the main highroad to Navacerrada on which the trucks were rolling back from the mountain there was a control.	Они выехали на главную Навасеррадскую дорогу, по которой с гор спускались грузовики.
But when Gomez showed the sentry at the control his safe-conduct from the Lieutenant-Colonel Miranda the sentry put the light from a flashlight on it, showed it to the other sentry with him, then handed it back and saluted.	Там был контрольный пост, но когда Гомес показал часовому пропуск, полученный от полковника Миранды, тот посветил на бумажку карманным фонарем, показал ее другому часовому, потом вернул Гомесу и отдал ему честь.
"_Siga_," he said.	- Siga, - сказал он.
"Continue.	- Поезжайте дальше.
But without lights."	Только без фары.

The motorcycle roared again and Andres was holding tight onto the forward seat and they were moving along the highway, Gomez riding carefully in the traffic.	Мотоцикл снова заревел, и Андрес вцепился в переднее седло, и они поехали дальше, осторожно лавируя среди грузовиков.
None of the trucks had lights and they were moving down the road in a long convoy.	Грузовики шли без света вниз по дороге длинной колонной.
There were loaded trucks moving up the road too, and all of them raised a dust that Andres could not see in that dark but could only feel as a cloud that blew in his face and that he could bite between his teeth.	Встречались груженые машины, шедшие наверх, и все они поднимали пыль, которую Андрес не видел в темноте, но чувствовал, как она бьет ему в лицо и скрипит на зубах.

They were close behind the tailboard of a truck now, the motorcycle chugging, then Gomez speeded up and passed it and another, and another, and another with the other trucks roaring and rolling down past them on the left.	Они подъехали вплотную к заднему борту какого-то грузовика, мотоцикл зафыркал, Гомес прибавил скорость и обогнал этот грузовик, потом второй, третий, четвертый, а встречные с грохотом катились мимо по левой стороне дороги.

There was a motorcar behind them now and it blasted into the truck noise and the dust with its klaxon again and again; then flashed on lights that showed the dust like a solid yellow cloud and surged past them in a whining rise of gears and a demanding, threatening, bludgeoning of klaxoning.	Теперь сзади них шла легковая машина, и ее клаксон то и дело врывался в грохот грузовиков, окутанных пылью; потом на ней зажгли фары, осветившие пыль, висевшую густой желтой тучей, и она пронеслась мимо, со скрежетом перейдя на другую скорость и настойчиво, грозно, одуряюще взвыв клаксоном.

Then ahead all the trucks were stopped and riding on, working his way ahead past ambulances, staff cars, an armored car, another, and a third, all halted, like heavy, metal, gun-jutting turtles in the hot yet settled dust, they found another control where there had been a smash-up.	Потом все движение впереди застопорилось, и, лавируя между санитарными машинами, штабными машинами, броневиками, еще и еще броневиками, похожими на неподвижных, грузных, металлических черепах, со вздыбленными в неосевшей пыли стволами орудий, они выехали ко второму контрольному посту, где, оказывается, произошла авария.

A truck, halting, had not been seen by the truck which followed it and the following truck had run into it smashing the rear of the first truck in and scattering cases of small-arms ammunition over the road.	Один из грузовиков остановился, а следующий, не заметив этого, врезался в него и разнес вдребезги задний борт, и на дорогу вывалились ящики с патронами.

One case had burst open on landing and as Gomez and Andres stopped and wheeled the motorcycle forward through the stalled vehicles to show their safe-conduct at the control Andres walked over the brass hulls of the thousand of cartridges scattered across the road in the dust.	Один из ящиков разбился, и когда Гомес и Андрес слезли с мотоцикла и потащили его вперед, пробираясь среди остановившихся машин к контрольному посту, где надо было предъявить пропуск, Андрес шел, ступая по медным гильзам, тысячами валявшимся в пыли.
The second truck had its radiator completely smashed in.	У наехавшего грузовика был разбит радиатор.
The truck behind it was touching its tail gate.	Следующая машина уткнулась ему носом в задний борт.

A hundred more were piling up behind and an overbooted officer was running back along the road shouting to the drivers to back so that the smashed truck could be gotten off the road.	Десятки других напирали сзади, и офицер в высоких сапогах бежал вдоль колонны, крича шоферам, чтобы те подались назад и дали возможность убрать искалеченную машину с дороги.

There were too many trucks for them to be able to back unless the officer reached the end of the ever mounting line and stopped it from increasing and Andres saw him running, stumbling, with his flashlight, shouting and cursing and, in the dark, the trucks kept coming up.	Но грузовиков было слишком много, и дать задний ход они смогли только тогда, когда офицер, добравшись до конца колонны, остановил напиравшие машины, и Андрес увидел, как он бежит, спотыкаясь, с карманным фонариком в руке, кричит, ругается, а встречные машины все шли и шли в темноте.
The man at the control would not give the safe-conduct back.	Часовой на контрольном посту не отдал им пропуска обратно.

There were two of them, with rifles slung on their backs and flashlights in their hands and they were shouting too.	Часовых было двое, они ходили с карманными фонариками, с винтовками за спиной и тоже кричали.
The one carrying the safe-conduct in his hand crossed the road to a truck going in the downhill direction to tell it to proceed to the next control and tell them there to hold all trucks until his jam was straightened out. The truck driver listened and went on.	Тот, который взял пропуск, подошел к грузовику из встречного потока и велел шоферу сказать на следующем контрольном посту, чтобы задерживали все машины, пока не рассосется затор.

Then, still holding the safeconduct, the control patrol came over, shouting, to the truck driver whose load was spilled.	Потом, все еще держа пропуск в руке, часовой вернулся назад и закричал на шофера того грузовика, с которого упали ящики.
"Leave it and get ahead for the love of God so we can clear this!" he shouted at the driver.	- Брось все и трогай дальше, ради господа бога, иначе мы никогда тут не разберемся! - кричал он шоферу.

"My transmission is smashed," the driver, who was bent over by the rear of his truck, said.	- У меня передача разбита, - сказал шофер, наклонившись над задними колесами.
"Obscene your transmission.	-Так и так твою передачу.
Go ahead, I say."	Тебе говорят - трогай!

"They do not go ahead when the differential is smashed," the driver told him and bent down again.	- С развороченным дифференциалом никуда не тронешь, - сказал шофер, снова наклоняясь над машиной.
"Get thyself pulled then, get ahead so that we can get this other obscenity off the road."	- Тогда пусть кто-нибудь возьмет тебя на прицеп, ведь надо же в конце концов убрать отсюда все это дерьмо.
The driver looked at him sullenly as the control man shone the electric torch on the smashed rear of the truck.	Шофер мрачно смотрел на часового, который осветил электрическим фонарем помятый зад грузовика.
"Get ahead.	- Трогай!
Get ahead," the man shouted, still holding the safeconduct pass in his hand.	Трогай! - кричал часовой, все еще держа пропуск в руке.

"And my paper," Gomez spoke to him.	- Мои документы, - напомнил ему Гомес.
"My safe-conduct.	- Мой пропуск.
We are in a hurry."	Мы торопимся.
"Take thy safe-conduct to hell," the man said and handing it to him ran across the road to halt a down-coming truck.	- Забирай свой пропуск к чертовой матери, -сказал часовой и, сунув ему бумажку, кинулся через дорогу задержать встречный грузовик.
"Turn thyself at the crossroads and put thyself in position to pull this wreck forward," he said to the driver.	- Сворачивай на перекрестке, подъезжай к этой машине, поведешь ее за собой, - сказал он шоферу.
"My orders are--"	- У меня распоряжение...

"Obscenity thy orders.	-Так и так твое распоряжение.
Do as I say."	Слушай, что я говорю.
The driver let his truck into gear and rolled straight ahead down the road and was gone in the dust.	Шофер дал газ, поехал прямо - вперед, никуда не сворачивая, и скрылся в пыли.
As Gomez started the motorcycle ahead onto the now clear right-hand side of the road past the wrecked truck, Andres, holding tight again, saw the control guard halting another truck and the driver leaning from the cab and listening to him.	Г омес свернул позади разбитого грузовика на свободную теперь правую сторону дороги, и Андрес, снова вцепившись в переднее сиденье, увидел, как часовой задержал другой грузовик и заговорил с шофером, который высунулся из кабины и слушал.

Now they went fast, swooping along the road that mounted steadily toward the mountain.	Теперь они быстро мчались по дороге, постепенно поднимаясь все выше и выше в горы.
All forward traffic had been stalled at the control and there were only the descending trucks passing, passing and passing on their left as the motorcycle climbed fast and steadily now until it began to overtake the mounting traffic which had gone on ahead before the disaster at the control.	Колонна машин, двигавшаяся вверх, была задержана у контрольного поста, и только встречные машины пролетали и пролетали по левой стороне дороги мимо их мотоцикла, который быстрым, ровным ходом поднимался вверх и скоро догнал главную часть колонны, успевшую проехать контрольный пост до аварии.

Still without lights they passed four more armored cars, then a long line of trucks loaded with troops.	Все еще не зажигая фары, они обогнали еще четыре броневика, потом вереницу грузовиков с солдатами.
The troops were silent in the dark and at first Andres only felt their presence rising above him, bulking above the truck bodies through the dust as they passed.	Солдаты ехали в темноте молча, и сначала Андрес только чувствовал, что они где-то здесь, у него над головой, плотной массой громоздятся в пыли над бортами машин.

Then another staff came behind them blasting with its klaxon and flicking its lights off and on, and each time the lights shone Andres saw the troops, steel-helmeted, their rifles vertical, their machine guns pointed up against the dark sky, etched sharp against the night that they dropped into when the light flicked off.	Потом их догнала еще одна штабная машина, она непрестанно сигналила, и фары ее то загорались, то гасли и, загораясь, освещали грузовики. Андрес увидел солдат в стальных шлемах, с торчащими за спиной винтовками, стволы пулеметов смотрели вверх, в небо, четко вырисовываясь в ночной темноте, которая поглощала их, как только фары легковой машины гасли.
Once as he passed close to a troop truck and the lights flashed he saw their faces fixed and sad in the sudden light.	Поравнявшись с одним грузовиком в ту минуту, когда фары зажглись, он увидел в короткой вспышке света лица солдат, настороженные и грустные.

In their steel helmets, riding in the trucks in the dark toward something that they only knew was an attack, their faces were drawn with each man's own problem in the dark and the light revealed them as they would not have looked in day, from shame to show it to each other, until the bombardment and the attack would commence, and no man would think about his face.	Солдаты были в стальных шлемах, и они ехали на грузовиках по темной дороге туда, откуда должно было начаться наступление, и в темноте на лицах солдат отражались те мысли, которые каждый таит про себя, и в коротких вспышках света солдаты были такими, какими их не увидишь днем, потому что днем каждому стыдно перед другим, и они крепятся до тех пор, пока не начнется бомбежка или атака, а тогда ни один человек уже не думает о том, какое у него лицо.

Andres now passing them truck after truck, Gomez still keeping successfully ahead of the following staff car, did not think any of this about their faces.	Сидя позади Гомеса, который все еще ухитрялся держаться впереди штабной машины и обгонял один грузовик за другим, Андрес ничего этого не думал о солдатских лицах.
He only thought,	Он думал другое:
"What an army.	"Какая армия.
What equipment.	Какое снаряжение.
What a mechanization. _Vaya gente!_ Look at such people.	Как она механизирована. Vaya gente. Посмотри на этих людей.
Here we have the army of the Republic.	Вот она, республиканская армия.
Look at them.	Посмотри на них.

Camion after camion.	Грузовик за грузовиком.
All uniformed alike.	И у всех одинаковое обмундирование.
All with casques of steel on their heads.	Все в стальных шлемах.
Look at the _maquinas_ rising from the trucks against the coming of planes.	Посмотри на maquinas, которые торчат из грузовиков в ожидании самолетов.
Look at the army that has been builded!"	Посмотри, какая у нас создана армия!"

And as the motorcycle passed the high gray trucks full of troops, gray trucks with high square cabs and square ugly radiators, steadily mounting the road in the dust and the flicking lights of the pursuing staff car, the red star of the army showing in the light when it passed over the tail gates, showing when the light came onto the sides of the dusty truck bodies, as they passed, climbing steadily now, the air colder and the road starting to turn in bends and switchbacks now, the trucks laboring and grinding, some steaming in the light flashes, the motorcycle	И когда мотоцикл обгонял высокие серые грузовики, перевозившие солдат, серые грузовики с высокими квадратными кабинами и квадратными уродливыми радиаторами, обгонял, не сбавляя хода, поднимаясь вверх по дороге, в пыли и в мерцании фар не отставшей штабной машины, которые освещали задний борт грузовика с нарисованной на нем армейской красной звездой и такую же звезду на пыльных боковых бортах, и когда мотоцикл без замедлений брал подъем, и воздух становился все холоднее, и дорога круто петляла из стороны в сторону, и грузовики фыркали и скрежетали, и

He had never been on a motorcycle before and now they were climbing a mountain in the midst of all the movement that was going to an attack and, as they climbed, he knew now there was no problem of ever being back in time for the assault on the posts.	Он никогда раньше не ездил на мотоцикле, а теперь они поднимались в гору в самой гуще машин, которые шли туда, где было назначено наступление, и, поднимаясь с Гомесом по крутой дороге, он знал, что теперь нечего и думать о возвращении в лагерь к нападению на посты.
In this movement and confusion he would be lucky to get back by the next night.	При такой запруженной дороге, при такой сумятице он доберется назад только завтра к вечеру, и то если повезет.

He had never seen an offensive or any of the preparations for one before and as they rode up the road he marvelled at the size and power of this army that the Republic had built.	Он никогда раньше не видел наступления и подготовки к наступлению, и теперь, проезжая по дороге, он дивился размерам и мощи армии, которую создала Республика.
Now they rode on a long slanting, rising stretch of road that ran across the face of the mountain and the grade was so steep as they neared the top that Gomez told him to get down and together they pushed the motorcycle up the last steep grade of the pass.	Теперь они ехали по длинному отрезку дороги, который проходил по самому склону горы, и подъем здесь был такой крутой, что, когда они уже приближались к вершине, Гомес велел ему слезть, и они вдвоем втащили мотоцикл на последний крутой уступ.

At the left, just past the top, there was a loop of road where cars could turn and there were lights winking in front of a big stone building that bulked long and dark against the night sky.	Сразу же за гребнем горы, чуть левее, дорога делала петлю, где разворачивались машины, и там они увидели огоньки, мерцавшие в окнах большого каменного здания, которое длинной темной громадой поднималось к ночному небу.
"Let us go to ask there where the headquarters is," Gomez said to Andres and they wheeled the motorcycle over to where two sentries stood in front of the closed door of the great stone building.	- Пойдем туда, спросим, где штаб, - сказал Гомес Андресу, и они подвели мотоцикл к закрытым дверям большого каменного здания, перед которым стояли двое часовых.

Gomez leaned the motorcycle against the wall as a motorcyclist in a leather suit, showing against the light from inside the building as the door opened, came out of the door with a dispatch case hung over his shoulder, a wooden-holstered Mauser pistol swung against his hip.	Гомес прислонил мотоцикл к стене, и тут дверь отворилась, и в свете, падавшем изнутри, показался мотоциклист в кожаном костюме, с сумкой через плечо и с маузером в деревянной кобуре, ерзавшим по левому боку.

As the light went off, he found his motorcycle in the dark by the door, pushed it until it sputtered and caught, then roared off up the road.	Когда дверь затворилась, он нашел в темноте свой мотоцикл у двери, пробежал с ним несколько шагов, чтобы мотор заработал, и с ревом умчался вверх по дороге.

At the door Gomez spoke to one of the sentries.	Гомес обратился к часовому, стоявшему в дверях.
"Captain Gomez of the Sixty-Fifth Brigade," he said.	- Капитан Г омес из Шестьдесят пятой бригады, -сказал он.
"Can you tell me where to find the headquarters of General Golz commanding the ThirtyFifth Division?"	- Не можешь ли ты мне объяснить, где найти штаб генерала Гольца, командующего Пятой дивизией?
"It isn't here," the sentry said.	- Это не здесь, - сказал часовой.
"What is here?"	- А здесь что?
"The Comandancia."	- Comandancia.

"What comandancia?"	- Какая comandancia?
"Well, the Comandancia."	- Comandancia, и все.
"The comandancia of what?"	- Comandancia какой части?
"Who art thou to ask so many questions?" the sentry said to Gomez in the dark.	- А ты кто такой, чтобы я тебе отвечал на твои вопросы? - сказал ему в темноте часовой.
Here on the top of the pass the sky was very clear with the stars out and Andres, out of the dust now, could see quite clearly in the dark.	Здесь, на вершине горы, небо было очень чистое, все в звездах, и теперь, вырвавшись из пыли, Андрес хорошо все видел даже в темноте.

Below them, where the road turned to the right, he could see clearly the outline of the trucks and cars that passed against the sky line.	Внизу, там, где дорога сворачивала направо, он ясно видел мелькавшие на фоне ночного неба очертания грузовиков и легковых машин.
"I am Captain Rogelio Gomez of the first battalion of the Sixty-Fifth Brigade and I ask where is the headquarters of General Golz," Gomez said.	- Я капитан Рохелио Гомес, первого батальона, Шестьдесят пятой бригады, и я спрашиваю, где помещается штаб генерала Гольца, - сказал Гомес.
The sentry opened the door a little way.	Часовой приоткрыл дверь.
"Call the corporal of the guard," he shouted inside.	- Позовите капрала, - крикнул он.

Just then a big staff car came up over the turn of the road and circled toward the big stone building where Andres and Gomez were standing waiting for the corporal of the guard.	Как раз в эту минуту из-за поворота дороги показалась большая штабная машина, сделала разворот и направилась к большому каменному зданию, где, дожидаясь капрала, стояли Андрес и Гомес.
It came toward them and stopped outside the door.	Она прошла мимо них и остановилась у дверей.

A large man, old and heavy, in an oversized khaki beret, such as _chasseurs a pied_ wear in the French Army, wearing an overcoat, carrying a map case and wearing a pistol strapped around his greatcoat, got out of the back of the car with two other men in the uniform of the International Brigades.	Из машины, в сопровождении двух офицеров в форме Интернациональной бригады, вышел высокий человек, уже пожилой и грузный, в непомерно большом берете цвета хаки, какие носят во французской армии, в пальто, с планшетом и с револьвером на длинном ремне, надетом поверх пальто. Обратившись к шоферу, он велел ему отъехать от дверей и поставить машину под прикрытие.

He spoke in French, which Andres did not understand and of which Gomez, who had been a barber, knew only a few words, to his chauffeur telling him to get the car away from the door and into shelter.	Это было сказано на французском языке, и Андрес не понял, о чем он говорит, а Гомес, который раньше был парикмахером, знал по-французски всего несколько слов.
As he came into the door with the other two officers, Gomez saw his face clearly in the light and recognized him.	Когда он шел к дверям вместе с двумя другими офицерами, Гомес ясно увидел его лицо на свету и узнал этого человека.

He had seen him at political meetings and he had often read articles by him in Mundo Obrero translated from the French.	Он видел его на политических собраниях и часто читал его статьи в "Мундо обреро", переведенные с французского.
He recognized his bushy eyebrows, his watery gray eyes, his chin and the double chin under it, and he knew him for one of France's great modern revolutionary figures who had led the mutiny of the French Navy in the Black Sea.	Он вспомнил эти мохнатые брови, водянисто-серые глаза, двойной подбородок и узнал в этом человеке француза-революционера, в свое время руководившего восстанием во французском флоте на Черном море.

Gomez knew this man's high political place in the International Brigades and he knew this man would know where Golz's headquarters were and be able to direct him there.	Гомес знал, какой высокий политический пост занимает этот человек в Интернациональных бригадах, и он знал, что этому человеку должно быть известно место, где находится штаб Гольца, и он сможет направить его туда.

He did not know what this man had become with time, disappointment, bitterness both domestic and political, and thwarted ambition and that to question him was one of the most dangerous things that any man could do.	Он не знал только, что сделало с этим человеком время, разочарование, недовольство своими личными и политическими делами и неутоленное честолюбие, и он не знал, что нет ничего опаснее, чем обращаться к нему с каким-нибудь вопросом.
Knowing nothing of this he stepped forward into the path of this man, saluted with his clenched fist and said,	Не зная всего этого, он шагнул вперед, наперерез этому человеку, отсалютовал ему сжатым кулаком и сказал:

"Comrade Marty, we are the bearers of a dispatch for General Golz.	- Товарищ Марти, мы везем донесение генералу Гольцу.
Can you direct us to his headquarters?	Не можете ли вы указать нам, где его штаб?
It is urgent."	Это очень спешно.
The tall, heavy old man looked at Gomez with his outthrust head and considered him carefully with his watery eyes.	Высокий, грузный человек повернул голову в сторону Гомеса и внимательно осмотрел его своими водянистыми глазами.

Even here at the front in the light of a bare electric bulb, he having just come in from driving in an open car on a brisk night, his gray face had a look of decay.	Даже здесь, на фронте, после поездки в открытой машине по свежему воздуху, в его сером лице, освещенном яркой электрической лампочкой, было что-то мертвое.
His face looked as though it were modelled from the waste material you find under the claws of a very old lion.	Казалось, будто оно слеплено из той омертвелой ткани, какая бывает под когтями у очень старого льва.
"You have what, Comrade?" he asked Gomez, speaking Spanish with a strong Catalan accent.	- Что вы везете, товарищ? - спросил он Г омеса по-испански с очень заметным каталонским акцентом.

His eyes glanced sideways at Andres, slid over him, and went back to Gomez.	Его глаза скосились на Андреса, скользнули по нему, потом снова вернулись к Гомесу.

"A dispatch for General Golz to be delivered at his headquarters, Comrade Marty."	- Донесение генералу Гольцу, которое приказано доставить в его штаб, товарищ Марти.
"Where is it from, Comrade?"	- Откуда оно, товарищ?
"From behind the fascist lines," Gomez said.	- Из фашистского тыла, - сказал Гомес.

Andre Marty extended his hand for the dispatch and the other papers.	Андре Марти протянул руку за донесением и другими бумагами.
He glanced at them and put them in his pocket.	Он взглянул на них и сунул все в карман.
"Arrest them both," he said to the corporal of the guard.	- Арестовать обоих, - сказал он капралу.
"Have them searched and bring them to me when I send for them."	- Обыскать и привести ко мне, как только я пришлю за ними.
With the dispatch in his pocket he strode on into the interior of the big stone house.	С донесением в кармане он вошел в большое каменное здание.

Outside in the guard room Gomez and Andres were being searched by the guard.	Андреса и Г омеса увели в караульное помещение и стали обыскивать.
"What passes with that man?" Gomez said to one of the guards.	- Что это на него нашло? - сказал Г омес одному из караульных.
"_Esta loco_," the guard said.	- Esta loco, - сказал караульный.
"He is crazy."	- Он сумасшедший.
"No.	- Ну что ты!
He is a political figure of great importance," Gomez said.	Ведь он крупный политический деятель, - сказал Гомес.

"He is the chief commissar of the International Brigades."	- Он главный комиссар Интернациональных бригад.
"_Apesar de eso, esta loco_," the corporal of the guard said.	- Apesar de eso, esta loco, - сказал капрал.
"All the same he's crazy.	- Все равно он сумасшедший.
What do you behind the fascist lines?"	Что вы делаете в фашистском тылу?
"This comrade is a guerilla from there," Gomez told him while the man searched him.	- Вот этот товарищ оттуда, он партизан, - ответил Гомес капралу, который обыскивал его.
"He brings a dispatch to General Golz.	- Он везет донесение генералу Гольцу.

Guard well my papers.	Смотри не потеряй мои документы.
Be careful with that money and that bullet on the string.	И деньги и вот эту пулю на шнурке.
It is from my first wound at Guadarama."	Это мое первое ранение, при Гвадарраме.
"Don't worry," the corporal said.	- Не беспокойся, - сказал капрал.
"Everything will be in this drawer.	- Все будет вот в этом ящике.
Why didn't you ask me where Golz was?"	Почему ты не спросил меня про Гольца?
"We tried to.	- Мы так и хотели.
I asked the sentry and he called you."	Я спросил часового, а он позвал тебя.

"But then came the crazy and you asked him.	- Но в это время подошел сумасшедший, и ты его и спросил?
No one should ask him anything.	Его ни о чем нельзя спрашивать.
He is crazy.	Он сумасшедший.
Thy Golz is up the road three kilometers from here and to the right in the rocks of the forest."	Твой Гольц в трех километрах отсюда. Надо поехать вверх по дороге, а потом свернуть направо в лес.
"Can you not let us go to him now?"	- А ты можешь отпустить нас к нему?
"Nay.	- Нет.
It would be my head.	За это поплатишься головой.
I must take thee to the crazy.	Я должен отвести тебя к сумасшедшему.

Besides, he has thy dispatch."	Да и донесение твое у него.
"Can you not tell some one?"	- Может быть, ты кому-нибудь скажешь про нас?
"Yes," the corporal said.	- Да, - ответил капрал.
"I will tell the first responsible one I see.	- Увижу кого-нибудь из начальства и скажу.
All know that he is crazy."	Что он сумасшедший, это все знают.
"I had always taken him for a great figure," Gomez said.	- А я всегда считал его большим человеком, - сказал Гомес.
"For one of the glories of France."	- Человеком, который поддерживает славу Франции.

"He may be a glory and all," the corporal said and put his hand on Andres's shoulder.	- Все это, может быть, и так, - сказал капрал и положил Андресу руку на плечо.
"But he is crazy as a bedbug.	- Но он сумасшедший.
He has a mania for shooting people."	У него мания расстреливать людей.
"Truly shooting them?"	-И он их в самом деле расстреливает?
"_Como lo oyes_," the corporal said.	- Como lo oyes, - сказал капрал.
"That old one kills more than the bubonic plague. _Mata mas que la peste bubonica_.	- Этот старик столько народу убил, больше, чем бубонная чума. Mato mas que la peste bubonica.
But he doesn't kill fascists like we do. _Que va_.	Но он не как мы, он убивает не фашистов. Que va.

Not in joke. _Mata bichos raros_.	С ним шутки плохи. Mata bichos raros.
He kills rare things.	Он убивает, что поди-ковиннее.
Trotzkyites.	Троцкистов.
Divagationers.	Уклонистов.
Any type of rare beasts."	Всякую редкую дичь.
Andres did not understand any of this.	Андрес ничего не по-нял из этого.
"When we were at Escorial we shot I don't know how many for him," the corporal said.	- Когда мы были в Эс-куриале, так я даже не знаю, скольких там по-убивали по его распо-ряжению, -сказал ка-прал.

"We always furnish the firing party.	- Расстреливать-то приходилось нам.
The men of the Brigades would not shoot their own men.	Интербригадовцы своих расстреливать не хотят.
Especially the French.	Особенно французы.
To avoid difficulties it is always us who do it.	Чтобы избежать неприятностей, посылают нас.
We shot French.	Мы расстреливали французов.
We have shot Belgians.	Расстреливали бельгийцев.
We have shot others of divers nationality.	Расстреливали всяких других.

Of all types. _Tiene mania de fusilar gente_.	Каких только национальностей там не было. Tiene mania cle fusilar gente.
Always for political things.	И все за политические дела.
He's crazy. _Purifica mas que el Salvarsan_.	Он сумасшедший. Purifica mas que el salvarsan.
He purifies more than Salvarsan."	Такую чистку провел, лучше сальварсана.
"But you will tell some one of this dispatch?"	- Но ты кому-нибудь скажешь про донесение?
"Yes, man.	- Да друг.
Surely.	Обязательно.
I know every one of these two Brigades.	Я в этих двух бригадах всех знаю.
Every one comes through here.	Они здесь все бывают.

I know even up to and through the Russians, although only a few speak Spanish.	Я даже русских знаю, только из них редко кто говорит по-испански.
We will keep this crazy from shooting Spaniards."	Мы не дадим этому сумасшедшему расстреливать испанцев.
"But the dispatch."	- А как быть с донесением?
"The dispatch, too.	- С донесением тоже все уладим.
Do not worry, Comrade.	Ты не беспокойся, товарищ.
We know how to deal with this crazy.	Мы знаем, как с ним обращаться, с этим сумасшедшим.

He is only dangerous with his own people.	Он только для своих опасен.
We understand him now."	Мы теперь это поняли.
"Bring in the two prisoners," came the voice of Andre Marty.	- Введите арестованных, - послышался голос Андре Марти.
"_Quereis echar un trago?_" the corporal asked.	- Quereis echar un trago? - спросил капрал.
"Do you want a drink?"	- Хочешь выпить?
"Why not?"	- Что ж, давай.

The corporal took a bottle of anis from a cupboard and both Gomez and Andres drank.	Капрал вынул из шкафчика бутылку анисовой, и Гомес с Андресом выпили.
So did the corporal.	Выпил и капрал.
He wiped his mouth on his hand.	Он вытер губы рукой.

"_Vamonos_," he said.	- Vamonos, - сказал он.

They went out of the guard room with the swallowed burn of the anis warming their mouths, their bellies and their hearts and walked down the hall and entered the room where Marty sat behind a long table, his map spread in front of him, his red-and-blue pencil, with which he played at being a general officer, in his hand.	Они вышли из караульного помещения, чувствуя, как обжигающий глоток анисовой согревает рот, желудок, сердце, и прошли коридором в комнату, где за длинным столом, разложив перед собой карту, держа в руках красно-синий карандаш, который помогал ему играть в полководца, сидел Марти.
To Andres it was only one more thing.	Для Андреса все это было только еще одной лишней задержкой.
There had been many tonight.	Таких задержек уже много накопилось за сегодняшний день.

There were always many.	Их всегда бывает много.
If your papers were in order and your heart was good you were in no danger.	Если документы у тебя в порядке и сердце верное, тогда бояться нечего.
Eventually they turned you loose and you were on your way.	Кончается это всегда тем, что тебя отпускают и ты идешь дальше своей дорогой.
But the _Ingles_ had said to hurry.	Но Ingles велел торопиться.
He knew now he could never get back for the bridge but they had a dispatch to deliver and this old man there at the table had put it in his pocket.	Теперь Андрес знал, что ему не поспеть назад к взрыву моста, но донесение надо доставить, а этот старик, который сидит за столом, положил его себе в карман.

"Stand there," Marty said without looking up.	- Станьте сюда, - сказал Марти, не глядя на них.
"Listen, Comrade Marty," Gomez broke out, the anis fortifying his anger.	- Товарищ Марти, послушайте, - не выдержал Гомес, подкрепивший свой гнев анисовой.
"Once tonight we have been impeded by the ignorance of the anarchists.	- За сегодняшний день мы задержались один раз из-за невежества анархистов.
Then by the sloth of a bureaucratic fascist.	Потом из-за нерадивости бюрократа, фашиста.
Now by the oversuspicion of a Communist."	А теперь нас задерживает излишняя подозрительность коммуниста.
"Close your mouth," Marty said without looking up.	- Молчать, - сказал Марти, не глядя на него.

"This is not a meeting."	- Вы не на митинге.
"Comrade Marty, this is a matter of utmost urgence," Gomez said.	- Товарищ Марти, это очень срочное дело, - сказал Гомес.
"Of the greatest importance."	- И очень важное.
The corporal and the soldier with them were taking a lively interest in this as though they were at a play they had seen many times but whose excellent moments they could always savor.	Капрал и солдат с живейшим интересом наблюдали эту сцену, словно смотрели пьесу, самые увлекательные места которой они всегда смаковали с особенным удовольствием, хоть видели ее не первый раз.

"Everything is of urgence," Marty said.	- Все дела срочные, - сказал Марти.
"All things are of importance."	- И все очень важные.

Now he looked up at them, holding the pencil.	- Теперь он взглянул на них, не выпуская карандаша из рук.
"How did you know Golz was here?	- Откуда вы знаете, что Гольц здесь?
Do you understand how serious it is to come asking for an individual general before an attack?	Вы понимаете, что это значит - являться сюда и спрашивать генерала перед началом наступления и называть его по фамилии?
How could you know such a general would be here?"	Откуда вы знаете, что этот генерал должен быть именно здесь?

"Tell him, _tu_," Gomez said to Andres.	- Объясни ему сам, - сказал Гомес Андресу.
"Comrade General," Andres started--Andre Marty did not correct him in the mistake in rank--"I was given that packet on the other side of the lines--"	- Товарищ генерал, - начал Андрес. Андре Марти не стал поправлять Андреса, наградившего его таким чином. - Этот пакет мне дали по ту сторону фронта...
"On the other side of the lines?" Marty said.	-По ту сторону фронта? - переспросил Марти.
"Yes, I heard him say you came from the fascist lines."	- Да, он говорил, что ты пришел из фашистского тыла.
"It was given to me, Comrade General, by an _Ingles_ named Roberto who had come to us as a dynamiter for this of the bridge.	- Товарищ генерал, мне дал его один Ingles, по имени Роберто, он динамитчик и пришел к нам взрывать мост.

Understandeth?"	Понимаешь?
"Continue thy story," Marty said to Andres; using the term story as you would say lie, falsehood, or fabrication.	- Рассказывай дальше. - Марти употребил слово "рассказывай" в смысле "ври", "сочиняй", "плети".
"Well, Comrade General, the _Ingles_ told me to bring it to the General Golz with all speed. He makes an attack in these hills now on this day and all we ask is to take it to him now promptly if it pleases the Comrade General."	- Так вот, товарищ генерал, Ingles велел мне как можно скорее доставить донесение генералу Г ольцу, Он сегодня начинает наступление здесь, в горах, и мы просим только одного - чтобы нам позволили поскорее доставить пакет, если это угодно товарищу генералу.
Marty shook his head again.	Марти покачал головой.

He was looking at Andres but he was not seeing him.	Он смотрел на Андреса, но не видел его.
Golz, he thought in a mixture of horror and exultation as a man might feel hearing that a business enemy had been killed in a particularly nasty motor accident or that some one you hated but whose probity you had never doubted had been guilty of defalcation.	Гольц, думал он с тем смешанным чувством ужаса и торжества, какое испытывает человек, который услышал, что его конкурент погиб в особенно страшной автомобильной катастрофе или что кто-нибудь, кого ненавидишь, но в чьей порядочности не сомневаешься, совершил растрату.
That Golz should be one of them, too.	Чтобы Гольц тоже был с ними заодно!

That Golz should be in such obvious communication with the fascists.	Чтобы Гольц завязал явные связи с фашистами!
Golz that he had known for nearly twenty years.	Гольц, которого он знает почти двадцать лет.
Golz who had captured the gold train that winter with Lucacz in Siberia.	Гольц, который вместе с Лукачем захватил в ту зиму, в Сибири, поезд с золотом.

Golz who had fought against Kolchak, and in Poland.	Гольц, который сражался против Колчака и в Польше.
In the Caucasus.	И на Кавказе.
In China, and here since the first October.	И в Китае и здесь, с первого октября.

But he _had_ been close to Tukachevsky. To Voroshilov, yes, too.	Но он действительно был близок к Тухачевскому, Правда, и к Ворошилову.
But to Tukachevsky.	Но и к Тухачевскому.
And to who else?	И к кому еще?
Here to Karkov, of course.	Здесь, разумеется, к Каркову.
And to Lucacz.	И к Лукачу.
But all the Hungarians had been intriguers.	А венгры все интриганы.
He hated Gall.	Он ненавидел Галля.
Golz hated Gall.	Гольц ненавидел Галля.
Remember that.	Помни это.
Make a note of that.	Отметь это.

Golz has always hated Gall.	Гольц всегда ненавидел Галля.
But he favors Putz.	А к Путцу относился хорошо.
Remember that.	Помни это.
And Duval is his chief of staff.	И начальником штаба у него Дюваль.
See what stems from that.	Видишь, что получается.
You've heard him say Copic's a fool.	Ты же слышал, как он назвал Копика дураком.
That is definitive.	Это было сказано.
That exists.	Это факт.
And now this dispatch from the fascist lines.	А теперь - донесение из фашистского тыла.

Only by pruning out of these rotten branches can the tree remain healthy and grow.	Дерево будет здоровым и будет расти, только когда у него начисто обрубят гнилые ветки.
The rot must become apparent for it is to be destroyed.	И гниль должна стать очевидной для всех, потому что ее надо уничтожить.
But Golz of all men.	Но Гольц, не кто другой, а Гольц.
That Golz should be one of the traitors.	Чтобы Гольц был предателем!
He knew that you could trust no one.	Он знал, что доверять нельзя никому.
No one.	Никому.
Ever.	И никогда.
Not your wife.	Ни жене.
Not your brother.	Ни брату.

Not your oldest comrade.	Ни самому старому другу.
No one.	Никому.

Ever.	Никогда.
"Take them away," he said to the guards.	- Уведите их, - сказал он караульным.
"Guard them carefully."	- И поставьте надежную охрану.
The corporal looked at the soldier.	Капрал посмотрел на солдата.
This had been very quiet for one of Marty's performances.	На этот раз представление вышло скучнее обычного.
"Comrade Marty," Gomez said. "Do not be insane.	- Товарищ Марти, - сказал Гомес, - не сходите с ума.

Listen to me, a loyal officer and comrade.	Послушайте меня, честного офицера и товарища.
That is a dispatch that must be delivered.	Донесение надо доставить во что бы то ни стало.
This comrade has brought it through the fascist lines to give to Comrade General Golz."	Этот товарищ прошел с ним через фашистские позиции, чтобы вручить товарищу генералу Гольцу.
"Take them away," Marty said, now kindly, to the guard.	- Уведите их, - теперь уже мягко сказал Марти караульным.
He was sorry for them as human beings if it should be necessary to liquidate them.	Ему было жаль, по-человечески жаль этих двоих, если их придется расстрелять.
But it was the tragedy of Golz that oppressed him.	Но его угнетала трагедия с Гольцем.

That it should be Golz, he thought.	Чтобы это был именно Гольц, думал он.
He would take the fascist communication at once to Varloff.	Надо сейчас же показать фашистское донесение Варлову.
No, better he would take it to Golz himself and watch him as he received it.	Нет, лучше показать его самому Г ольцу и посмотреть, как он примет его.
That was what he would do.	Так он и сделает.
How could he be sure of Varloff if Golz was one of them?	Разве можно быть уверенным в Варлове, если Гольц тоже с ними заодно?
No.	Нет.
This was a thing to be very careful about.	Тут надо действовать с большой осторожностью.

Andres turned to Gomez,	Андрес повернулся к Гомесу.
"You mean he is not going to send the dispatch?" he asked, unbelieving.	- Значит, он не хочет отсылать донесение? -спросил Андрес, не веря собственным ушам.
"Don't you see?" Gomez said.	- Ты разве не слышал? - сказал Гомес.
"_Me cago en su puta madre!_" Andres said. "_Esta loco_."	- Me cago en su puta madre! - сказал Андрес. - Esta loco.
"Yes," Gomez said.	- Да, - сказал Гомес.
"He is crazy.	- Он сумасшедший.
You are crazy!	Вы сумасшедший.
Hear!	Слышите?

Crazy!" he shouted at Marty who was back now bending over the map with his red-and-blue pencil.	Сумасшедший! - кричал он на Марти, который снова склонился над картой с красно-синим карандашом в руке.
"Hear me, you crazy murderer?"	- Слышишь, ты? Сумасшедший! Сумасшедший убийца!
"Take them away," Marty said to the guard.	- Уведите их, - сказал Марти караульному.
"Their minds are unhinged by their great guilt."	- У них помутился разум от сознания собственной вины.
There was a phrase the corporal recognized.	Эта фраза была знакома капралу.
He had heard that before.	Он слышал ее не в первый раз.

"You crazy murderer!" Gomez shouted.	- Сумасшедший убийца! - кричал Гомес.
" Hijo de la gran puta ," Andres said to him. "_Loco_."	- Hijo de la gran puta, - сказал Андрес. - Loco.
The stupidity of this man angered him.	Тупость этого человека разозлила Андреса.
If he was a crazy let him be removed as a crazy.	Если он сумасшедший, надо его убрать отсюда как сумасшедшего.
Let the dispatch be taken from his pocket.	Пусть возьмут у него донесение из кармана.
God damn this crazy to hell.	Будь он проклят, этот сумасшедший.
His heavy Spanish anger was rising out of his usual calm and good temper.	Обычное спокойствие и добродушие Андреса уступили место тяжелой испанской злобе.

In a little while it would blind him.	Еще немного, и она могла ослепить его.
Marty, looking at his map, shook his head sadly as the guards took Gomez and Andres out.	Глядя на карту, Марти грустно покачал головой когда караульные вывели Гомеса и Андреса из комнаты.
The guards had enjoyed hearing him cursed but on the whole they had been disappointed in the performance.	Караульные с наслаждением слушали, как его осыпали бранью, но в целом это представление разочаровало их.
They had seen much better ones.	Раньше бывало интереснее.
Andre Marty did not mind the men cursing him.	Андре Марти выслушал ругань спокойно.

So many men had cursed him at the end.	Сколько людей заканчивали беседы с ним руганью.
He was always genuinely sorry for them as human beings.	Он всегда искренне, по-человечески жалел их.
He always told himself that and it was one of the last true ideas that was left to him that had ever been his own.	И всегда думал об этом, и это было одной из немногих оставшихся у него искренних мыслей, которые он мог считать своими собственными.

He sat there, his moustache and his eyes focused on the map, on the map that he never truly understood, on the brown tracing of the contours that were traced fine and concentric as a spider's web.	Он сидел так, уставив глаза и усы в карту, в карту, которую он никогда не понимал по-настоящему, в коричневые линии горизонталей, тонкие, концентрические, похожие на паутину.

He could see the heights and the valleys from the contours but he never really understood why it should be this height and why this valley was the one.	Он знал, что эти горизонтали показывают различные высоты и долины, но никогда не мог понять, почему именно здесь обозначена высота, а здесь долина.

But at the General Staff where, because of the system of Political Commissars, he could intervene as the political head of the Brigades, he would put his finger on such and such a numbered, brown-thin-lined encircled spot among the greens of woods cut by the lines of roads that parallel the never casual winding of a river and say,	Но ему, как политическому руководителю бригад, позволялось вмешиваться во все, и он тыкал пальцем в такое-то или такое-то занумерованное, обведенное тонкой коричневой линией место на карте, расположенное среди зеленых пятнышек лесов, прорезанных полосками дорог, которые шли параллельно отнюдь не случайным изгибам рек, и говорил:
"There.	"Вот.
That is the point of weakness."	Слабое место вот здесь".

Gall and Copic, who were men of politics and of ambition, would agree and later, men who never saw the map, but heard the number of the hill before they left their starting place and had the earth of diggings on it pointed out, would climb its side to find their death along its slope or, being halted by machine guns placed in olive groves would never get up it at all.	Галль и Колик, оба честолюбцы и политиканы, соглашались с ним, и через некоторое время люди, которые никогда не видели карты, но которым сообщали перед атакой номер определенной высоты, поднимались на эту высоту и находили смерть на ее склонах или же, встреченные пулеметным огнем из оливковой рощи, падали еще у ее подножия.
Or on other fronts they might scale it easily and be no better off than they had been before.	А где-нибудь на другом участке фронта подняться на намеченную высоту не стоило труда, хотя результатов это тоже никаких не давало.

But when Marty put his finger on the map in Golz's staff the scarheaded, white-faced General's jaw muscles would tighten and he would think,	Но когда Марти тыкал пальцем в карту в штабе Г ольца, на бескровном лице генерала, голова которого была покрыта рубцами от ран, выступали желваки, и он думал:
"I should shoot you, Andre Marty, before I let you put that gray rotten finger on a contour map of mine.	"Лучше бы мне расстрелять вас, Андре Марти, чем позволить, чтобы этот ваш поганый серый палец тыкался в мою контурную карту.
Damn you to hell for all the men you've killed by interfering in matters you know nothing of.	Будьте вы прокляты за всех людей, погибших только потому, что вы вмешиваетесь в дело, в котором ничего не смыслите.

Damn the day they named tractor factories and villages and co-operatives for you so that you are a symbol that I cannot touch.	Будь проклят тот день, когда вашим именем начали называть тракторные заводы, села, кооперативы и вы стали символом, который я не могу тронуть.
Go and suspect and exhort and intervene and denounce and butcher some other place and leave my staff alone."	Идите, подозревайте, грозите, вмешивайтесь, разоблачайте и расстреливайте где-нибудь в другом месте, а мой штаб оставьте в покое".

But instead of saying that Golz would only lean back away from the leaning bulk, the pushing finger, the watery gray eyes, the graywhite moustache and the bad breath and say,	Но вместо того чтобы сказать все это вслух, Гольц откидывался на спинку стула, подальше от этой наклонившейся над картой туши, подальше от этого пальца, от этих водянистых глаз, седоватых усов и зловонного дыхания, и говорил:
"Yes, Comrade Marty.	"Да, товарищ Марти.

I see your point.	Я вас понял.
It is not well taken, however, and I do not agree.	Но, по-моему, это не убедительно, и я с вами не согласен.
You can try to go over my head if you like.	Можете действовать через мою голову.
Yes.	Да.

You can make it a Party matter as you say.	Можете возбудить этот вопрос в партийном порядке, как вы изволили выразиться.
But I do not agree."	Но я с вами не согласен".

So now Andre Marty sat working over his map at the bare table with the raw light on the unshaded electric light bulb over his head, the overwide beret pulled forward to shade his eyes, referring to the mimeographed copy of the orders for the attack and slowly and laboriously working them out on the map as a young officer might work a problem at a staff college.	А сейчас Андре Марти сидел над картой за непокрытым столом, и электрическая лампочка без абажура освещала его голову в огромном берете, сдвинутом на лоб, чтобы защитить глаза от резкого света, и он то и дело заглядывал в экземпляр размноженного на восковке приказа о наступлении и медленно, старательно, кропотливо разбирал приказ по карте, точно молоденький офицер, разбирающий тактическую задачу в военном училище.
He was engaged in war.	Война поглощала его целиком.

In his mind he was commanding troops; he had the right to interfere and this he believed to constitute command.	Мысленно он сам командовал войсками; он имел право вмешиваться в работу штаба, а по его мнению, это и значило командовать.
So he sat there with Robert Jordan's dispatch to Golz in his pocket and Gomez and Andres waited in the guard room and Robert Jordan lay in the woods above the bridge.	И он сидел так с донесением Роберта Джордана в кармане, а Гомес и Андрес ждали в караульном помещении дальнейших событий, а Роберт Джордан лежал в лесу над мостом.
It is doubtful if the outcome of Andres's mission would have been any different if he and Gomez had been allowed to proceed without Andre Marty's hindrance.	Вряд ли результаты путешествия Андреса были бы другими, если бы Андре Марти не задержал его и Гомеса и они вовремя выполнили бы свою задачу.

There was no one at the front with sufficient authority to cancel the attack.	На фронте не было лиц, облеченных достаточной властью, чтобы приостановить наступление.
The machinery had been in motion much too long for it to be stopped suddenly now.	Машина была пущена в ход слишком давно, и остановить ее сразу было невозможно.
There is a great inertia about all military operations of any size.	Во всех крупных военных операциях действует большая сила инерции.
But once this inertia has been overcome and movement is under way they are almost as hard to arrest as to initiate.	Но как только эту инерцию удается преодолеть и машина приводит в движение, остановить ее почти так же трудно, как было трудно пустить ее в ход.

But on this night the old man, his beret pulled forward, was still sitting at the table with his map when the door opened and Karkov the Russian journalist came in with two other Russians in civilian clothes, leather coats and caps.	Но в этот вечер, когда пожилой человек в надвинутом на глаза берете все еще сидел за картой, разложенной на столе, дверь отворилась, и в комнату вошел русский журналист Карков в сопровождении двух других русских, которые были в штатском - кожаное пальто и кепи.

The corporal of the guard closed the door reluctantly behind them.	Капрал неохотно закрыл дверь за ними.

Karkov had been the first responsible man he had been able to communicate with.	Карков был первым ответственным лицом, с которым ему удалось снестись.
"Tovarich Marty," said Karkov in his politely disdainful lisping voice and smiled, showing his bad teeth.	- Товарищ Марти, - шепелявя, сказал Карков своим пренебрежительно-вежливым тоном и улыбнулся, показав желтые зубы.
Marty stood up.	Марти встал.

He did not like Karkov, but Karkov, coming from _Pravda_ and in direct communication with Stalin, was at this moment one of the three most important men in Spain.	Он не любил Каркова, но Карков, приехавший сюда от "Правды" и непосредственно сносившийся со Сталиным, был в то время одной из самых значительных фигур в Испании.
"Tovarich Karkov," he said.	- Товарищ Карков, - сказал он.
"You are preparing the attack?" Karkov said insolently, nodding toward the map.	- Подготовляете наступление? - дерзко спросил Карков, мотнув головой в сторону карты.

"I am studying it," Marty answered.	- Я изучаю его, - ответил Марти.
"Are you attacking?	- Кто наступает?
Or is it Golz?" Karkov asked smoothly.	Вы или Гольц? - невозмутимым тоном спросил Карков.
"I am only a commissar, as you know," Marty told him.	- Как вам известно, я всегда только политический комиссар, - ответил ему Марти.
"No," Karkov said.	- Ну что вы, - сказал Карков.
"You are modest.	- Вы скромничаете.
You are really a general.	Вы же настоящий генерал.

You have your map and your field glasses.	У вас карта, полевой бинокль.
But were you not an admiral once, Comrade Marty?"	Вы ведь когда-то были адмиралом, товарищ Марти?
"I was a gunner's mate," said Marty.	- Я был артиллерийским старшиной, - сказал Марти.
It was a lie.	Это была ложь.
He had really been a chief yeoman at the time of the mutiny.	На самом деле к моменту восстания он был старшим писарем.

But he thought now, always, that he had been a gunner's mate.	Но теперь он всегда думал, что был артиллерийским старшиной.
"Ah. I thought you were a first-class yeoman," Karkov said.	-А-а... Я думал, что вы были просто писарем,-сказал Карков.
"I always get my facts wrong.	- Я всегда путаю факты.
It is the mark of the journalist."	Характерная особенность журналиста.
The other Russians had taken no part in the conversation.	Двое других русских не принимали участия в разговоре.

They were both looking over Marty's shoulder at the map and occasionally making a remark to each other in their own language.	Они смотрели через плечо Марти на карту и время от времени переговаривались на своем языке.
Marty and Karkov spoke French after the first greeting.	Марти и Карков после первых приветствий перешли на французский.
"It is better not to get facts wrong in _Pravda_," Marty said.	- Для "Правды" факты лучше не путать, - сказал Марти.
He said it brusquely to build himself up again.	Он сказал это резко, чтобы как-то оборониться против Каркова.

Karkov always punctured him. The French word is _degonfler_ and Marty was worried and made wary by him.	Карков всегда "выпускал из него воздух" (французское degonfler), и Марти это не давало покоя и заставляло быть настороже.
It was hard, when Karkov spoke, to remember with what importance he, Andre Marty, came from the Central Committee of the French Communist Party.	Когда Карков говорил с ним, трудно было удержать в памяти, что он, Андре Марти, послан сюда Центральным Комитетом Французской коммунистической партии с важными полномочиями.
It was hard to remember, too, that he was untouchable.	И трудно было удержать в памяти, что личность его неприкосновенна.

Karkov seemed always to touch him so lightly and whenever he wished.	Каркову ничего не стоило в любую минуту коснуться этой неприкосновенности.
Now Karkov said,	Теперь Карков говорил:
"I usually correct them before I send them to _Pravda_, I am quite accurate in _Pravda_.	- Обычно я проверяю факты, прежде чем отослать сообщение в "Правду". В "Правде" я абсолютно точен.
Tell me, Comrade Marty, have you heard anything of any message coming through for Golz from one of our _partizan_ groups operating toward Segovia?	Скажите, товарищ Марти, вы ничего не слышали о каком-то донесении, посланном Гольцу одним из наших партизанских отрядов, действующих в районе Сеговии?

There is an American comrade there named Jordan that we should have heard from.	Там сейчас один американский товарищ, некто Джордан, и от него должны быть известия.
There have been reports of fighting there behind the fascist lines.	У нас есть сведения о стычках в фашистском тылу.
He would have sent a message through to Golz."	Он должен был прислать донесение Гольцу.
"An American?" Marty asked.	- Американец? - спросил Марти.
Andres had said an _Ingles_.	Тот сказал - Ingles.
So that is what it was.	Так вот в чем дело.

So he had been mistaken.	Значит, он ошибся.
Why had those fools spoken to him anyway?"	И вообще, зачем эти дураки заговорили с ним?
"Yes," Karkov looked at him contemptuously, "a young American of slight political development but a great way with the Spaniards and a fine _partizan_ record.	- Да. - Карков посмотрел на него презрительно. - Молодой американец, он не очень развит политически, но прекрасно знает испанцев и очень ценный человек для работы в партизанских отрядах.

Just give me the dispatch, Comrade Marty.	Отдайте мне донесение, товарищ Марти.
It has been delayed enough."	Оно и так слишком задержалось.

"What dispatch?" Marty asked.	- Какое донесение? - спросил Марти.
It was a very stupid thing to say and he knew it.	Задавать такой вопрос было глупо, и он сам понял это.
But he was not able to admit he was wrong that quickly and he said it anyway to delay the moment of humiliation, not accepting any humiliation.	Но он не мог сразу признать свою ошибку и сказал это только для того, чтобы отдалить унизительную минуту.
"And the safe-conduct pass," Karkov said through his bad teeth.	- То, которое лежит у вас в кармане. Донесение Джордана Гольцу, - сквозь зубы сказал Карков.
Andre Marty put his hand in his pocket and laid the dispatch on the table.	Андре Марти вынул из кармана донесение и положил его на стол.

He looked Karkov squarely in the eye.	Он в упор посмотрел на Каркова.
All right.	Ну и хорошо.
He was wrong and there was nothing he could do about it now but he was not accepting any humiliation.	Он ошибся, и с этим уже ничего не поделаешь, но ему не хотелось признать свое унижение.
"And the safe-conduct pass," Karkov said softly.	- И пропуск, - тихо сказал Карков.
Marty laid it beside the dispatch.	Марти положил пропуск рядом с донесением.
"Comrade Corporal," Karkov called in Spanish.	- Товарищ капрал! - крикнул Карков по-испански.
The corporal opened the door and came in.	Капрал отворил дверь и вошел в комнату.

He looked quickly at Andre Marty, who stared back at him like an old boar which has been brought to bay by hounds.	Он быстро взглянул на Андре Марти, который смотрел на него, как старый кабан, затравленный собаками.
There was no fear on Marty's face and no humiliation.	Его лицо не выражало ни страха, ни унижения.
He was only angry, and he was only temporarily at bay.	Он был только зол, и если он был затравлен, то ненадолго.
He knew these dogs could never hold him.	Он знал, что этим собакам с ним не совладать.
"Take these to the two comrades in the guard room and direct them to General Golz's headquarters," Karkov said.	- Отдайте это двум товарищам, которые у вас в караульной, и направьте их в штаб генерала Гольца, - сказал Карков.

"There has been too much delay."	- Их и так достаточно задержали здесь.
The corporal went out and Marty looked after him, then looked at Karkov.	Капрал вышел, и Марти проводил его взглядом, потом перевел глаза на Каркова.
"Tovarich Marty," Karkov said,	- Товарищ Марти, - сказал Карков.
"I am going to find out just how untouchable you are."	- Я еще выясню, насколько ваша особа неприкосновенна.
Marty looked straight at him and said nothing.	Марти смотрел прямо на него и молчал.
"Don't start to have any plans about the corporal, either," Karkov went on.	- И против капрала тоже ничего не замышляйте, -продолжал Карков.

"It was not the corporal.	- Капрал тут ни при чем.

I saw the two men in the guard room and they spoke to me" (this was a lie).	Я увидел этих людей в караульном помещении, и они обратились ко мне (это была ложь).
"I hope all men always will speak to me" (this was the truth although it was the corpora! who had spoken).	Я надеюсь, что ко мне всегда будут обращаться (это была правда, хотя обратился к нему все-таки капрал).

But Karkov had this belief in the good which could come from his own accessibility and the humanizing possibility of benevolent intervention. It was the one thing he was never cynical about.	Карков верил, что его доступность приносит добро, и верил в силу доброжелательного вмешательства.
"You know when I am in the U.S.S.R. people write to me in _Pravda_ when there is an injustice in a town in Azerbaijan.	- Знаете, в СССР мне пишут на адрес "Правды" даже из какого-нибудь азербайджанского городка, если там совершаются несправедливости.
Did you know that?	Вам это известно?
They say 'Karkov will help us."	Люди говорят: Карков нам поможет.

Andre Marty looked at him with no expression on his face except anger and dislike.	Андре Марти смотрел на Каркова, и его лицо выражало только злобу и неприязнь.
There was nothing in his mind now but that Karkov had done something against him.	Он думал об одном: Карков сделал что-то нехорошее по отношению к нему.
All right, Karkov, power and all, could watch out.	Прекрасно, Карков, хоть вы и влиятельный человек, но берегитесь.
"This is something else," Karkov went on, "but it is the same principle.	- Тут дело обстоит несколько по-иному, -продолжал Карков, - но в принципе это одно и то же.

I am going to find Out just how untouchable you are, Comrade Marty. I would like to know if it could not be possible to change the name of that tractor factory."	Я еще выясню, насколько ваша особа неприкосновенна, товарищ Марти.
Andre Marty looked away from him and back to the map.	Андре Марти отвернулся от него и уставился на карту.
"What did young Jordan say?" Karkov asked him.	- Что пишет Джордан? - спросил Карков.
"I did not read it," Andre Marty said. "_Et maintenant fiche moi la paix_, Comrade Karkov."	- Я не читал, - сказал Андре Марти. - Et maintenant fiche-moi la paix , товарищ Карков!

"Good," said Karkov.	- Хорошо, - сказал Карков.
"I leave you to your military labors."	- Продолжайте ваши военные занятия.
He stepped out of the room and walked to the guard room.	Он вышел из комнаты и пошел к караульному помещению.
Andres and Gomez were already gone and he stood there a moment looking up the road and at the mountain tops beyond that showed now in the first gray of daylight.	Андреса и Г омеса там уже не было, и он постоял минуту в пустой караульной, глядя на дорогу и на дальние вершины гор, уже видневшиеся отсюда в серой мгле рассвета.
We must get on up there, he thought.	Нужно подняться туда, думал он.
It will be soon, now.	Ждать осталось недолго.

Andres and Gomez were on the motorcycle on the road again and it was getting light.	Андрес и Гомес опять ехали по дороге на мотоцикле, но теперь уже светало.

Now Andres, holding again to the back of the seat ahead of him as the motorcycle climbed turn after switchback turn in a faint gray mist that lay over the top of the pass, felt the motorcycle speed under him, then skid and stop and they were standing by the motorcycle on a long, down-slope of road and in the woods, on their left, were tanks covered with pine branches.	По-прежнему держась за переднее сиденье мотоцикла, который одолевал поворот за поворотом в сером тумане, окутывающем вершину горы, Андрес чувствовал быстрый бег машины, потом Г омес затормозил, и они сошли с мотоцикла и стали рядом с ним посреди уходившей далеко вниз дороги, и в лесу по левую руку от них были танки, прикрытые сверху сосновыми ветками.
There were troops here all through the woods.	Весь лес был занят войсками.

Andres saw men carrying the long poles of stretchers over their shoulders.	Андрес увидел длинные палки носилок на плечах у проходивших мимо солдат.
Three staff cars were off the road to the right, in under the trees, with branches laid against their sides and other pine branches over their tops.	Правее, под деревьями, неподалеку от дороги, стояли три штабные машины, укрытые с боков и сверху сосновыми ветками.
Gomez wheeled the motorcycle up to one of them.	Гомес подвел мотоцикл к одной из этих машин.
He leaned it against a pine tree and spoke to the chauffeur who was sitting by the car, his back against a tree.	Он прислонил его к сосне и заговорил с шофером, который сидел тут же, у машины, прислонившись спиной к дереву.

"I'll take you to him," the chauffeur said.	- Я проведу вас к нему, - сказал шофер.
"Put thy _moto_ out of sight and cover it with these."	- Спрячь свой мотоцикл и прикрой его вот этим.
He pointed to a pile of cut branches.	- Он показал на груду нарубленных веток.
With the sun just starting to come through the high branches of the pine trees, Gomez and Andres followed the chauffeur, whose name was Vicente, through the pines across the road and up the slope to the entrance of a dugout from the roof of which signal wires ran on up over the wooded slope.	Солнце только что показалось над верхушками сосен, когда Гомес и Андрес пошли за шофером - его звали Висенте - по тропинке меж соснами и вверх по склону ко входу в блиндаж, от крыши которого и дальше, вверх, сквозь деревья, тянулись провода.

They stood outside while the chauffeur went in and Andres admired the construction of the dugout which showed only as a hole in the hillside, with no dirt scattered about, but which he could see, from the entrance, was both deep and profound with men moving around in it freely with no need to duck their heads under the heavy timbered roof.	Они остались у входа, а шофер вошел внутрь, и Андрес с восхищением разглядывал устройство блиндажа, который издали казался простой ямой на склоне холма; вырытой земли поблизости не было, и, стоя у входа, он видел, что блиндаж глубокий, вместительный и люди ходят по нему, не боясь задеть головой о бревенчатый настил потолка.
Vicente, the chauffeur, came out.	Шофер Висенте вышел наружу.

"He is up above where they are deploying for the attack," he said.	- Он там, наверху, где разворачиваются войска, -сказал Висенте.
"I gave it to his Chief of Staff.	- Я отдал пакет начальнику его штаба.
He signed for it.	Он расписался.
Here."	Вот, держи.
He handed Gomez the receipted envelope.	Он протянул Гомесу конверт, на котором стояла подпись.
Gomez gave it to Andres, who looked at it and put it inside his shirt.	Г омес отдал конверт Андресу, и Андрес посмотрел на него и сунул за рубашку.

"What is the name of him who signed?" he asked.	- Как фамилия того, кто подписал? - спросил он.
"Duval," Vicente said.	- Дюваль, - сказал Висенте.
"Good," said Andres.	- Хорошо, - сказал Андрес.
"He was one of the three to whom I might give it."	- Это один из тех трех, кому можно было отдать пакет.
"Should we wait for an answer?" Gomez asked Andres.	- Будем ждать ответа? - спросил Гомес.
"It might be best.	- Надо бы подождать.

Though where I will find the _Ingles_ and the others after that of the bridge neither God knows."	Но где будет Ingles и остальные после моста, где мне их теперь искать - одному богу известно.
"Come wait with me," Vicente said, "until the General returns.	- Пойдем, посидим, - сказал Висенте. - Пока генерал не вернется.
And I will get thee coffee.	Я дам вам кофе.
Thou must be hungry."	Вы, должно быть, проголодались.
"And these tanks," Gomez said to him.	- Сколько танков, - сказал Гомес.

They were passing the branch-covered, mud-colored tanks, each with two deep-ridged tracks over the pine needles showing where they had swung and backed from the road.	Он проходил мимо крытых ветками, окрашенных в грязно-серый цвет танков, от которых по устланной хвоей земле тянулись глубокие колеи, указывавшие, где танки свернули с дороги и задним ходом пошли в лес.

Their 45-mm. guns jutted horizontally under the branches and the drivers and gunners in their leather coats and ridged helmets sat with their backs against the trees or lay sleeping on the ground.	Из-под сосновых веток горизонтально торчали стволы сорокапятимиллиметровых орудий; водители и стрелки в кожаных пальто и жестких ребристых шлемах сидели, прислонившись к деревьям, или спали на земле.
"These are the reserve," Vicente said.	- Это резерв, - сказал Висенте.
"Also these troops are in reserve.	- И эти войска тоже резервные.

Those who commence the attack are above."	Те, кому начинать наступление, наверху.
"They are many," Andres said.	- Много их здесь, - сказал Андрес.
"Yes," Vicente said.	- Да, - сказал Висенте.
"It is a full division."	- Целая дивизия.

Inside the dugout Duval, holding the opened dispatch from Robert Jordan in his left hand, glancing at his wrist watch on the same hand, reading the dispatch for the fourth time, each time feeling the sweat come out from under his armpit and run down his flank, said into the telephone,	А в блиндаже, держа донесение Роберта Джордана в левой руке и глядя на часы на той же левой руке, перечитывая донесение в четвертый раз и каждый раз чувствуя, как пот выступает у него под мышками и струйками сбегает по бокам, Дюваль говорил в телефонную трубку:
"Get me position Segovia, then.	- Тогда дайте позицию Сеговия.
He's left?	Уехал?

Get me position Avila."	Дайте позицию Авила.
He kept on with the phone.	Он не бросил телефонной трубки.
It wasn't any good.	Но толку от этого было мало.

He had talked to both brigades.	Он успел поговорить с обеими бригадами.
Golz had been up to inspect the dispositions for the attack and was on his way to an observation post.	Гольц осматривал диспозицию и сейчас был на пути к наблюдательному посту.
He called the observation post and he was not there.	Он вызвал наблюдательный пост, но Гольца там не было.

"Get me planes one," Duval said, suddenly taking all responsibility.	- Дайте посадочную, - сказал Дюваль, внезапно решив взять всю ответственность на себя.
He would take responsibility for holding it up.	Он приостановит наступление на свою ответственность.
It was better to hold it up.	Надо приостановить.
You could not send them to a surprise attack against an enemy that was waiting for it.	Нельзя посылать людей во внезапное наступление на противника, если противник ждет этого наступления.
You couldn't do it.	Нельзя.
It was just murder.	Это убийство, и больше ничего.
You couldn't.	Так нельзя.

You mustn't.	Немыслимо.
No matter what.	Что бы ни случилось.
They could shoot him if they wanted.	Пусть расстреляют.
He would call the airfield directly and get the bombardment cancelled.	Он немедленно вызовет аэродром и отменит бомбежку.
But suppose it's just a holding attack?	Но если это всего-навсего отвлекающее наступление?
Suppose we were supposed to draw off all that material and those forces?	Что, если мы должны только оттянуть снаряжение и войска?
Suppose that is what it is for?	Что, если только для этого все и начато?

They never tell you it is a holding attack when you make it.	Ведь когда идешь в наступление, тебе никогда не скажут, что оно только отвлекающее.
"Cancel the call to planes one," he told the signaller.	- Отставить посадочную, - сказал он связисту.
"Get me the Sixty-Ninth Brigade observation post."	- Дайте наблюдательный пост Шестьдесят девятой бригады.
He was still calling there when he heard the first sound of the planes.	Он все еще дозванивался туда, когда послышался гул первых самолетов.
It was just then he got through to the observation post.	В ту же минуту его соединили с наблюдательным постом.
"Yes," Golz said quietly.	- Да, - спокойно сказал Гольц.

He was sitting leaning back against the sandbag, his feet against a rock, a cigarette hung from his lower lip and he was looking up and over his shoulder while he was talking.	Он сидел, прислонившись спиной к мешку с песком, упершись ногами в большой валун, с его нижней губы свисала папироса, и, разговаривая, он смотрел вверх, через плечо.

He was seeing the expanding wedges of threes, silver and thundering in the sky that were coming over the far shoulder of the mountain where the first sun was striking.	Он видел-расширяющиеся клинья троек, которые, рокоча и поблескивая серебром в небе, выходили из-за дальней горы вместе с первыми солнечными лучами.

He watched them come shining and beautiful in the sun.	Он следил, как они приближаются, красиво поблескивая на солнце.
He saw the twin circles of light where the sun shone on the propellers as they came.	Он видел двойной ореол там, где лучи солнца падали на пропеллеры.
"Yes," he said into the telephone, speaking in French because it was Duval on the wire. "_Nous sommes foutus.	- Да, - сказал он в трубку по-французски, потому что это был Дюваль. - Nous sommes foutus.
Oui. Comme toujours.	Oui, Comme toujours.
Oui.	Oui.

C'est dommage.	C'est dommage.
Oui_.	Oui.
It's a shame it came too late."	Как досадно, что уже поздно.
His eyes, watching the planes coming, were very proud.	В его глазах, следивших за самолетами, светилась гордость.
He saw the red wing markings now and he watched their steady, stately roaring advance.	Теперь он уже различал красные опознавательные знаки на крыльях и следил за быстрым, величественным, рокочущим полетом машин.
This was how it could be.	Вот как оно могло быть.
These were our planes.	Это наши самолеты.

They had come, crated on ships, from the Black Sea through the Straits of Marmora, through the Dardanelles, through the Mediterranean and to here, unloaded lovingly at Alicante, assembled ably, tested and found perfect and now flown in lovely hammering precision, the V's tight and pure as they came now high and silver in the morning sun to blast those ridges across there and blow them roaring high so that we can	Они прибыли сюда, запакованные, на пароходах, с Черного моря, через Мраморное море, через Дарданеллы, через Средиземное море, и их бережно выгрузили в Аликанте, собрали со знанием дела, испытали и нашли безупречными, и теперь они летели плотным и четким строем, совсем серебряные в утренних лучах, они летели бомбить вон те гребни гор, чтобы обломки с грохотом взлетели на воздух и мы могли бы пройти.

Golz knew that once they had passed overhead and on, the bombs would fall, looking like porpoises in the air as they tumbled.	Гольц знал, что, как только самолеты пройдут у него над головой, вниз полетят бомбы, похожие в воздухе на дельфинов.
And then the ridge tops would spout and roar in jumping clouds and disappear in one great blowing cloud.	И тогда вершины гор с ревом взметнутся вверх, окутанные облаками пыли, а потом эти облака сольются в одно, и все исчезнет из глаз.
Then the tanks would grind clanking up those two slopes and after them would go his two brigades.	Тогда по обоим склонам со скрежетом поползут танки, а за ними двинутся обе его бригады.

And if it had been a surprise they could go on and down and over and through, pausing, cleaning up, dealing with, much to do, much to be done intelligently with the tanks helping, with the tanks wheeling and returning, giving covering fire and others bringing the attackers up then slipping on and over and through and pushing down beyond.	И если бы наступление было внезапным, они бы шли и шли вперед, потом вниз по склонам, потом через перевал на ту сторону, время от времени останавливаясь, расчищая путь, потому что работы много, такой работы, которую надо выполнять толково, а танки помогали бы им, танки заворачивали бы, и возвращались, и прикрывали их своим огнем, а другие стали бы подвозить атакующих, потом, скользя, продвигаться дальше по склонам, через перевал и вниз на ту сторону.

This was how it would be if there was no treason and if all did what they should.	Так должно было быть, если бы не было измены и если бы все сделали то, что им полагалось сделать.
There were the two ridges, and there were the tanks ahead and there were his two good brigades ready to leave the woods and here came the planes now.	Есть две горные гряды, и есть танки, и есть две его славные бригады, которые готовы в любую минуту выступить из леса, и вот только что показались самолеты.
Everything he had to do had been done as it should be.	Все, что должен был сделать он, сделано так, как надо.

But as he watched the planes, almost up to him now, he felt sick at his stomach for he knew from having heard Jordan's dispatch over the phone that there would be no one on those two ridges.	Но, следя за самолетами, которые были теперь почти над самой его головой, он почувствовал, как у него засосало под ложечкой, потому что, услышав по телефону донесение Джордана, он понял, что на вершинах гор никого не будет.

They'd be withdrawn a little way below in narrow trenches to escape the fragments, or hiding in the timber and when the bombers passed they'd get back up there with their machine guns and their automatic weapons and the anti-tank guns Jordan had said went up the road, and it would be one famous balls up more.	Они сойдут вниз и укроются от осколков в узких траншеях или спрячутся в лесу, а как только бомбардировщики пролетят, они снова поднимутся наверх с пулеметами, с автоматами и с теми противотанковыми пушками, которые Джордан видел на дороге, и у нас станет одним позорищем больше.

But the planes, now coming deafeningly, were how it could have been and Golz watching them, looking up, said into the telephone,	Но в оглушительном реве самолетов было то, что должно было быть, и, следя за ними, глядя вверх, Гольц сказал в телефонную трубку:
"No. Rien a faire.	- Нет. Rien a faire.
Rien.	Rien.
Faut pas penser.	Faut pas penser.
Faut accepter_."	Faut accepter.

Golz watched the planes with his hard proud eyes that knew how things could be and how they would be instead and said, proud of how they could be, believing in how they could be, even if they never were, "_Bon.	Гольц смотрел на самолеты суровыми, гордыми глазами, которые знали, как могло бы быть и как будет, и сказал, гордясь тем, как могло бы быть, веря в то, как могло бы быть, даже если так никогда не будет: - Bon.
Nous ferons notre petit possible_," and hung up.	Nous ferons notre petit possible, - и повесил трубку.
But Duval did not hear him.	Но Дюваль не расслышал его.

Sitting at the table holding the receiver, all he heard was the roar of the planes and he thought, now, maybe this time, listen to them come, maybe the bombers will blow them all off, maybe we will get a break- through, maybe he will get the reserves he asked for, maybe this is it, maybe this is the time.	Сидя за столом с телефонной трубкой в руках, он слышал только рев самолетов, и он думал: может быть, сейчас, вот, может быть, на этот раз, прислушайся к ним, может быть, бомбардировщики разбомбят их вдребезги, может быть, пробьемся туда, может быть, он получит резервы, которые просил, может быть, вот оно, вот на этот раз начинается.
Go on. Come on. Go on.	Ну же, ну!
The roar was such that he could not hear what he was thinking.	В воздухе стоял такой рев, что он не слышал собственных мыслей.

43	43
Robert Jordan lay behind the trunk of a pine tree on the slope of the hill above the road and the bridge and watched it become daylight.	Роберт Джордан лежал за сосной на склоне горы, над дорогой, ведущей к мосту, и смотрел, как светает.

He loved this hour of the day always and now he watched it; feeling it gray within him, as though he were a part of the slow lightening that comes before the rising of the sun; when solid things darken and space lightens and the lights that have shone in the night go yellow and then fade as the day comes.	Он всегда любил этот час, и теперь ему приятно было следить за рассветом, чувствовать, будто и внутри у него все наполняется серой мглой, точно и он участвовал в том медленном редении тьмы, которое предшествует солнечному восходу, когда предметы становятся черными, а пространство между ними - светлым, и огни, ночью ярко сиявшие, желтеют и наконец меркнут при свете дня.

The pine trunks below him were hard and clear now, their trunks solid and brown and the road was shiny with a wisp of mist over it.	Очертания сосен ниже по склону выступили уже совсем четко и ясно, стволы сделались плотными и коричневыми, дорога поблескивала в стлавшейся над ней полосе тумана.
The dew had wet him and the forest floor was soft and he felt the give of the brown, dropped pine needles under his elbows.	Все на нем стало влажным от росы, земля в лесу была мягкая, и он чувствовал, как подаются под его локтями вороха бурых опавших сосновых игл.

Below he saw, through the light mist that rose from the stream bed, the steel of the bridge, straight and rigid across the gap, with the wooden sentry boxes at each end.	Сквозь легкий туман, который полз с реки, он видел снизу стальные фермы моста, легко и прямо перекинувшегося через провал, и деревянные будки часовых на обоих концах.
But as he looked the structure of the bridge was still spidery and fine in the mist that hung over the stream.	Но переплеты ферм еще казались тонкими и хрупкими в тумане, висевшем над рекой.

He saw the sentry now in his box as he stood, his back with the hanging blanket coat topped by the steel casque on his head showing as he leaned forward over the hole-punched petrol tin of the brazier, warming his hands.	Он видел часового в будке, его спину, прикрытую плащом, и шею под стальным шлемом, когда он наклонялся погреть руки над жаровней, сделанной из продырявленного керосинового бидона.
Robert Jordan heard the stream, far down in the rocks, and he saw a faint, thin smoke that rose from the sentry box.	Он слышал шум воды, бегущей по камням глубоко внизу, и видел тонкий, реденький дымок над будкой часового.
He looked at his watch and thought, I wonder if Andres got through to Golz?	Он посмотрел на часы и подумал: интересно, добрался ли Андрес до Гольца в конце концов.

If we are going to blow it I would like to breathe very slowly and slow up the time again and feel it.	Если взрывать мост придется, хорошо бы совсем замедлить дыхание, чтобы время тянулось долго-долго и можно было ясно чувствовать его ход.
Do you think he made it?	А все-таки удалось ему или нет?
Andres?	Андресу?
And if he did would they call it off?	А если удалось, отменят они или нет?
If they had time to call it off? _Que va_.	Успеют ли они отменить? Que va.
Do not worry.	Что толку тревожиться?
They will or they won't.	Либо отменят, либо нет.

There are no more decisions and in a little while you will know.	Решение может быть только одно, погоди немного, и ты его узнаешь.
Suppose the attack is successful.	А вдруг наступление будет успешным?
Golz said it could be.	Гольц сказал, что это возможно.
That there was a possibility.	Есть шанс.
With our tanks coming down that road, the people coming through from the right and down and past La Granja and the whole left of the mountains turned.	Если двинуть наши танки по этой дороге, а люди подойдут справа и минуют Ла-Гранху и обогнут всю левую цепь гор.

Why don't you ever think of how it is to win?	Почему ты даже представить себе не можешь, что наступление может быть успешным?
You've been on the defensive for so long that you can't think of that.	Ты настолько привык к обороне, что тебе даже мысли такие не приходят.
Sure.	Так-то так.
But that was before all that stuff went up this road.	Но ведь разговор с Гольцем был до того, как столько людей и орудий прошло по дороге в ту сторону.
That was before all the planes came.	До того, как пролетело столько самолетов.
Don't be so naive.	Не нужно быть наивным.

But remember this that as long as we can hold them here we keep the fascists tied up.	Но помни одно: пока мы удерживаем фашистов здесь, у них связаны руки.
They can't attack any other country until they finish with us and they can never finish with us.	Они не могут напасть на другую страну, не покончив прежде с нами, а с нами они никогда не покончат.
If the French help at all, if only they leave the frontier open and if we get planes from America they can never finish with us.	Если французы захотят помочь, если только они не закроют границы, и если Америка даст нам самолеты, они с нами никогда не покончат.
Never, if we get anything at all.	Никогда, если нам хоть что-нибудь дадут.

These people will fight forever if they're well armed.	Этот народ будет драться вечно, дайте ему только хорошее оружие.
No you must not expect victory here, not for several years maybe.	Нет, победы здесь ждать нельзя еще долго, может быть, еще несколько лет.

This is just a holding attack.	Это лишь стратегическое наступление, чтобы оттянуть силы врага.
You must not get illusions about it now.	Не нужно создавать себе иллюзий.
Suppose we got a break-through today?	А вдруг сегодня нам удастся прорвать фронт?
This is our first big attack.	Ведь это наше первое большое наступление.

Keep your sense of proportion.	Не теряй чувства реальности.
But what if we should have it?	А все-таки - вдруг удастся?
Don't get excited, he told himself.	Не увлекайся, сказал он себе.
Remember what went up the road.	Вспомни, что прошло по дороге в ту сторону.
You've done what you could about that.	Ты сделал все, что мог.
We should have portable short-wave sets, though.	Коротковолновые рации - вот что нам необходимо.
We will, in time.	Ну что же, когда-нибудь они у нас будут.
But we haven't yet.	Но пока их нет.

You just watch now and do what you should.	А ты будь внимателен и делай то, что должен сделать.
Today is only one day in all the days that will ever be.	Сегодня - только один из многих, многих дней, которые еще впереди.
But what will happen in all the other days that ever come can depend on what you do today.	Но, может быть, все эти будущие дни зависят от того, что ты сделаешь сегодня.
It's been that way all this year.	Так было весь этот год.
It's been that way so many times.	Так было уже много раз.
All of this war is that way.	Вся эта война такая.

You are getting very pompous in the early morning, he told himself.	Что за напыщенные рассуждения в такой ранний час, сказал он себе.
Look there what's coming now.	Лучше смотри, что делается там, внизу.
He saw the two men in blanket capes and steel helmets come around the corner of the road walking toward the bridge, their rifles slung over their shoulders.	Он увидел, как два человека в пончо и стальных шлемах, с винтовками за спиной вышли из-за поворота дороги и направились к мосту.
One stopped at the far end of the bridge and was out of sight in the sentry box.	Один вошел в будку часового на дальнем конце моста и исчез из виду.
The other came on across the bridge, walking slowly and heavily.	Другой пошел по мосту медленным, тяжелым шагом.

He stopped on the bridge and spat into the gorge, then came on slowly to the near end of the bridge where the other sentry spoke to him and then started off back over the bridge.	Посредине моста он остановился и сплюнул в реку, потом медленно пошел дальше; второй часовой вышел ему навстречу, поговорил с ним несколько минут и пошел по мосту на другую сторону.
The sentry who was relieved walked faster than the other had done (because he's going to coffee, Robert Jordan thought) but he too spat down into the gorge.	Он шагал быстрее, чем тот, который его сменил (кофе чует, подумал Роберт Джордан), но и он остановился посредине моста и сплюнул в реку.

I wonder if that is superstition? Robert Jordan thought.	Примета у них такая, что ли, подумал Роберт Джордан.
I'll have to take me a spit in that gorge too.	Надо будет и мне тоже плюнуть, когда буду на мосту.
If I can spit by then.	Если я тогда еще смогу плевать.
No.	Нет.
It can't be very powerful medicine.	Едва ли это средство верное.
It can't work.	Едва ли оно помогает.
I'll have to prove it doesn't work before I am out there.	Мне придется доказать, что оно не помогает, прежде чем я попаду на мост.

The new sentry had gone inside the box and sat down.	Новый часовой вошел в будку и сел там.
His rifle with the bayonet fixed was leaning against the wall.	Его винтовка с примкнутым штыком была прислонена к стене.
Robert Jordan took his glasses from his shirt pocket and turned the eyepieces until the end of the bridge showed sharp and gray-painted-metal clear.	Роберт Джордан достал из нагрудного кармана бинокль и стал подкручивать окуляры, пока не сделались четкими металлические конструкции, выкрашенные в серый цвет, и дальний конец моста.
Then he moved them onto the sentry box.	Потом он навел бинокль на будку часового.

The sentry sat leaning against the wall.	Часовой сидел, прислонясь к стене.
His helmet hung on a peg and his face showed clearly.	Шлем его висел рядом на крючке, и его лицо было ясно видно.
Robert Jordan saw he was the same man who had been there on guard two days before in the afternoon watch.	Роберт Джордан узнал в нем того самого солдата, который нес здесь караул два дня тому назад в дневную смену.
He was wearing the same knitted stocking-cap.	На нем была та же похожая на чулок вязаная шапочка.
And he had not shaved.	И он так и не побрился.
His cheeks were sunken and his cheekbones prominent.	Щеки у него были впалые, а скулы выдавались.

He had bushy eyebrows that grew together in the center.	Кустистые брови сходились на переносице.
He looked sleepy and as Robert Jordan watched him he yawned.	Вид у него был сонный, и Роберт Джордан вдруг увидел, как он зевнул.
Then he took out a tobacco pouch and a packet of papers and rolled himself a cigarette.	Потом он достал кисет и пачку курительной бумаги и свернул себе сигарету.

He tried to make a lighter work and finally put it in his pocket and went over to the brazier, leaned over, reached inside, brought up a piece of charcoal, juggled it in one hand while he blew on it, then lit the cigarette and tossed the lump of charcoal back into the brazier.	Он долго возился с зажигалкой, но в конце концов сунул ее в карман, подошел к жаровне, наклонился над ней, вытащил тлеющий уголек, подбросил его несколько раз на ладони, дуя на него, прикурил и кинул обратно, в жаровню.

Robert Jordan, looking through the Zeiss 8-power glasses, watched his face as he leaned against the wall of the sentry box drawing on the cigarette.	Когда он опять уселся, прислонясь к стенке будки и мирно попыхивая сигаретой, Роберт Джордан долго рассматривал его лицо в восьмикратный цейсовский бинокль.

Then he took the glasses down, folded them together and put them in his pocket.	Потом опустил бинокль, сложил его и спрятал в карман.
I won't look at him again, he told himself.	Больше не буду на него смотреть, сказал он себе.
He lay there and watched the road and tried not to think at all.	Он лежал спокойно, и глядел на дорогу, и старался не думать ни о чем.
A squirrel chittered from a pine tree below him and Robert Jordan watched the squirrel come down the tree trunk, stopping on his way down to turn his head and look toward where the man was watching.	На сосне, росшей ниже по склону, зацокала белка, и Роберт Джордан увидел, как она побежала по стволу вниз, а потом остановилась, повернула голову и посмотрела туда, где лежал следивший за ней человек.

He saw the squirrel's eyes, small and bright, and watched his tail jerk in excitement.	Он увидел глаза белки, маленькие и блестящие, и вздрагивающий от волнения хвост.
Then the squirrel crossed to another tree, moving on the ground in long, small-pawed, tail-exaggerated bounds.	Потом белка соскочила на землю и в несколько длинных прыжков - передние лапки поджаты, хвост распушен - очутилась у другого дерева.
On the tree trunk he looked back at Robert Jordan, then pulled himself around the trunk and out of sight.	Прыгнув на ствол, она еще раз оглянулась в ветвях.

Then Robert Jordan heard the squirrel chitter from a high branch of the pine tree and he watched him there, spread flat along the branch, his tail jerking.	Потом Роберт Джордан опять услышал ее цоканье и увидел, что она распласталась на одной из верхних ветвей, а хвост так и ходит ходуном.
Robert Jordan looked down through the pines to the sentry box again.	Роберт Джордан снова перевел глаза вниз, на будку часового, видневшуюся сквозь сосны.
He would like to have had the squirrel with him in his pocket.	Ему захотелось, чтобы белка была тут, у него в кармане.
He would like to have had anything that he could touch.	Ему захотелось, чтобы у него было хоть что-нибудь, что можно потрогать.

He rubbed his elbows against the pine needles but it was not the same.	Он потерся локтями о сосновые иглы, но это было совсем не то.
Nobody knows how lonely you can be when you do this.	Никто не знает, каким одиноким чувствуешь себя, когда выходишь на такое дело.
Me, though, I know.	Почему никто? Вот я знаю.
I hope that Rabbit will get out of this all right.	Надеюсь, хоть зайчонок выберется отсюда благополучно.
Stop that now.	А ну-ка, перестань.
Yes, sure.	Да, да, конечно.
But I can hope that and I do.	Но ведь можно же надеяться, вот я и надеюсь.

That I blow it well and that she gets out all right.	Что я взорву мост как следует и что она выберется благополучно.
Good.	Правильно.

Sure.	Ну конечно.
Just that.	Именно это.
That is all I want now.	Больше мне сейчас ничего не нужно.
He lay there now and looked away from the road and the sentry box and across to the far mountain.	Он лежал и смотрел уже не на дорогу и не на будку часового, а поверх всего, на дальние горы.
Just do not think at all, he told himself.	Совсем не надо думать, сказал он себе.

He lay there quietly and watched the morning come.	Он лежал не двигаясь и смотрел, как наступает утро.
It was a fine early summer morning and it came very fast now in the end of May.	Оно наступало очень быстро - ведь был конец мая, и это было настоящее прекрасное летнее утро.
Once a motorcyclist in a leather coat and all-leather helmet with an automatic rifle in a holster by his left leg came across the bridge and went on up the road. Once an ambulance crossed the bridge, passed below him, and went up the road.	Мотоциклист в кожаной куртке и кожаном шлеме, с автоматом в чехле у левого бедра проехал через мост и направился вверх по дороге: Потом через мост прошла санитарная машина и, проехав как раз под тем местом, где лежал Роберт Джордан, тоже стала подниматься вверх по дороге.
But that was all.	Но больше ничего.

He smelled the pines and he heard the stream and the bridge showed clear now and beautiful in the morning light.	Он вдыхал запах сосен и слышал шум реки, мост теперь вырисовывался совсем четко и очень красиво в ясном утреннем свете.
He lay there behind the pine tree, with the submachine gun across his left forearm, and he never looked at the sentry box again until, long after it seemed that it was never coming, that nothing could happen on such a lovely late May morning, he heard the sudden, clustered, thudding of the bombs.	Он лежал за сосной, положив свой автомат у левого локтя, и больше не смотрел на будку часового, и только много времени спустя, когда уже казалось, что ничего не будет, что ничего не может случиться в такое чудесное майское утро, он вдруг услышал частые, глухие взрывы бомб.

As he heard the bombs, the first thumping noise of them, before the echo of them came back in thunder from the mountain, Robert Jordan drew in a long breath and lifted the submachine gun from where it lay.	Как только он их услышал, как только первые бомбы бухнули вдалеке, раньше даже, чем громовое эхо успело разнестись по горам, он глубоко вздохнул и поднял свой автомат с земли.
His arm felt stiff from its weight and his fingers were heavy with reluctance.	Рука у него онемела от тяжести, а пальцы двигались нехотя и с трудом.
The man in the sentry box stood up when he heard the bombs.	Часовой в будке встал, услышав буханье бомб.
Robert Jordan saw him reach for his rifle and step forward out of the box listening.	Роберт Джордан увидел, как он поднял свою винтовку и вышел из будки, прислушиваясь.

He stood in the road with the sun shining on him.	Он теперь стоял посреди дороги, на самом солнце.
The knitted cap was on the side of his head and the sun was on his unshaved face as he looked up into the sky toward where the planes were bombing.	Вязаная шапочка сбилась набок, и солнце осветило его небритое лицо, когда он поднял голову, повернувшись в ту сторону, где шла бомбежка.
There was no mist on the road now and Robert Jordan saw the man, clearly and sharply, standing there on the road looking up at the sky.	Туман совсем рассеялся, и Роберт Джордан отлично мог разглядеть человека, стоявшего посреди дороги, подняв голову вверх.

The sun shone bright on him through the trees.	Солнечные лучи, пробиваясь сквозь верхушки сосен, бликами ложились на его лицо.
Robert Jordan felt his own breath tight now as though a strand of wire bound his chest and, steadying his elbows, feeling the corrugations of the forward grip against his fingers, he put the oblong of the foresight, settled now in the notch of the rear, onto the center of the man's chest and squeezed the trigger gently.	Роберту Джордану стало трудно дышать, как будто его грудную клетку стянули витком проволоки, и, крепче упершись локтями в землю, чувствуя под пальцами граненую поверхность рукоятки, он навел мушку, приходившуюся точно посредине прорези прицела, на грудь часового и мягко нажал спусковой крючок.

He felt the quick, liquid, spastic lurching of the gun against his shoulder and on the road the man, looking surprised and hurt, slid forward on his knees and his forehead doubled to the road.	Выстрел резким, коротким толчком отдался у него в плече, а человек на дороге с гримасой удивления и боли рухнул на колени, потом скорчился и ткнулся головой в землю.
His rifle fell by him and lay there with one of the man's fingers twisted through the trigger guard, his wrist bent forward.	Его винтовка упала рядом, один палец застрял в спусковой скобе, кисть вывернулась в суставе.
The rifle lay, bayonet forward on the road.	Винтовка лежала на дороге штыком вперед.

Robert Jordan looked away from the man lying with his head doubled under on the road to the bridge, and the sentry box at the other end.	Роберт Джордан отвел глаза от человека, который, скорчившись, лежал у входа на мост, и от будки часового на другом конце.
He could not see the other sentry and he looked down the slope to the right where he knew Agustin was hidden.	Второго часового ему не было видно, и он перевел глаза по склону направо, туда, где, как он знал, прятался Агустин.
Then he heard Anselmo shoot, the shot smashing an echo back from the gorge.	Потом он услышал, как выстрелил Ансельмо, эхо выстрела загрохотало по теснине.
Then he heard him shoot again.	Потом он услышал, как Ансельмо выстрелил еще раз.

With that second shot came the cracking boom of grenades from around the corner below the bridge.	Сейчас же после второго выстрела затрещали гранаты за поворотом дороги недалеко от моста.
Then there was the noise of grenades from well up the road to the left.	Потом послышались разрывы гранат где-то слева.
Then he heard rifle-firing up the road and from below came the noise of Pablo's cavalry automatic rifle spat-spat-spat-spatting into the noise of grenades.	Потом дальше на дороге началась ружейная перестрелка, а внизу заговорил автомат Пабло - так-так-так-так-так, - пронизывая взрывы гранат.

He saw Anselmo scrambling down the steep cut to the far end of the bridge and he slung the submachine gun over his shoulder and picked up the two heavy packs from behind the pine trunks and with one in each hand, the packs pulling his arms so that he felt the tendons would pull out of his shoulders, he ran lurching down the steep slope to the road.	Он увидел Ансельмо, скользившего сверху по круче к дальнему концу моста, и он забросил свой автомат за спину, подхватил оба тяжелых рюкзака, стоявшие за стволами сосен, по одному в каждой руке, и, чувствуя, что от их тяжести руки у него вот-вот оторвутся, пошатываясь, побежал по крутому склону вниз, к дороге.
As he ran he heard Agustin shouting, "_Buena caza, Ingles.	На бегу он услышал голос Агустина, кричавшего ему: "Buena caza, Ingles.
Buena caza!_" and he thought,	Buena caza!" - и подумал:

"Nice hunting, like hell, nice hunting," and just then he heard Anselmo shoot at the far end of the bridge, the noise of the shot clanging in the steel girders.	"Удачной охоты, да, как же, удачной охоты", - и в ту же минуту он услышал у дальнего конца моста третий выстрел Ансельмо, от которого звон пошел по стальным переплетам ферм.
He passed the sentry where he lay and ran onto the bridge, the packs swinging.	Он обогнул тело часового, лежавшего посреди дороги, и побежал на мост, с рюкзаками, раскачивавшимися на бегу.
The old man came running toward him, holding his carbine in one hand. "_Sin novedad_," he shouted.	Старик уже бежал ему навстречу, держа в одной руке карабин. - Sin novedad! - кричал он.

"There's nothing wrong. _Tuve que rematarlo_.	- Ничего не случилось. Tuve que rematarlo.
I had to finish him."	Мне пришлось прикончить его.
Robert Jordan, kneeling, opening the packs in the center of the bridge taking out his material, saw that tears were running down Anselmo's cheeks through the gray beard stubble.	Бросившись на колени посреди моста, раскрывая рюкзаки, вытаскивая материалы, Роберт Джордан увидел, как по щекам Ансельмо в седой щетине бороды текут слезы.
"_Yo mate uno tambien_," he said to Anselmo.	- Ja mate uno tambien, - сказал он Ансельмо.

"I killed one too," and jerked his head toward where the sentry lay hunched over in the road at the end of the bridge.	- Я тоже одного убил, - и мотнул головой в тот конец моста, где, скрючившись, подогнув под себя голову, лежал первый часовой.
"Yes, man, yes," Anselmo said.	- Да, друг, да, - сказал Ансельмо.
"We have to kill them and we kill them."	- Нужно убивать, вот мы и убиваем.
Robert Jordan was climbing down into the framework of the bridge.	Роберт Джордан уже лез по фермам моста.

The girders were cold and wet with dew under his hands and he climbed carefully, feeling the sun on his back, bracing himself in a bridge truss, hearing the noise of the tumbling water below him, hearing firing, too much firing, up the road at the upper post.	Сталь была холодная и мокрая от росы, и он лез осторожно, находя точки опоры между раскосами, чувствуя теплые лучи солнца на спине, слыша шум бурного потока внизу, слыша выстрелы, слишком много выстрелов со стороны верхнего поста.
He was sweating heavily now and it was cool under the bridge.	Он теперь обливался потом, а под мостом было прохладно.

He had a coil of wire around one arm and a pair of pliers hung by a thong from his wrist.	На одну руку у него был надет виток проволоки, у кисти другой висели на ремешке плоскогубцы.
"Hand me that down a package at a time, _viejo_," he called up to Anselmo.	- Давай мне динамит, viejo, только не сразу, а по одной пачке, - крикнул он Ансельмо.
The old man leaned far over the edge handing down the oblong blocks of explosive and Robert Jordan reached up for them, shoved them in where he wanted them, packed them close, braced them,	Старик далеко перегнулся через перила, протягивая ему продолговатые компактные бруски, и Роберт Джордан принимал их, вкладывал в намеченные места, засовывал поглубже, укреплял.

"Wedges, _viejo!_ Give me wedges!" smelling the fresh shingle smell of the new whittled wedges as he tapped them in tight to hold the charge between the girders.	- Клинья, viejo! Клинья давай! - Вдыхая свежий древесный запас недавно выструганных клиньев, туго забивал их, чтобы заряд динамита держался плотнее в переплете ферм.

Now as he worked, placing, bracing, wedging, lashing tight with wire, thinking only of demolition, working fast and skillfully as a surgeon works, he heard a rattle of firing from below on the road.	И вот, делая свое дело, закладывая динамит, укрепляя, забивая клинья, туго прикручивая проволокой, думая только о взрыве, работая быстро и искусно, как опытный хирург, он вдруг услышал треск перестрелки со стороны нижнего поста.

Then there was the noise of a grenade.	Потом ударила граната.
Then another, booming through the rushing noise the water made.	Потом еще одна, покрывая грохот несущейся воды.
Then it was quiet from that direction.	Потом в той стороне все стихло.
"Damn," he thought.	Черт, подумал он.
"I wonder what hit them then?"	Что там стряслось с ними?
There was still firing up the road at the upper post.	На верхнем посту все еще стреляли.

Too damned much firing, and he was lashing two grenades side by side on top of the braced blocks of explosive, winding wire over their corrugations so they would hold tight and firm and lashing it tight; twisting it with the pliers.	И на кой черт столько пальбы, думал он, подвязывая две гранаты, одну возле другой, над скрепленными вместе брусками динамита, обматывая их по ребрам проволокой, чтобы они не шатались и не упали, и туго подтягивая, скручивая проволоку плоскогубцами.
He felt of the whole thing and then, to make it more solid, tapped in a wedge above the grenades that blocked the whole charge firmly in against the steel.	Потом он попробовал, как все вышло, и для большей прочности вогнал над гранатами еще клин, плотно прижавший весь заряд к стальной ферме.

"The other side now, _viejo_," he shouted up to Anselmo and climbed across through the trestling, like a bloody Tarzan in a rolled steel forest, he thought, and then coming out from under the dark, the stream tumbling below him, he looked up and saw Anselmo's face as he reached the packages of explosive down to him.	- Теперь на другую сторону, viejo, - крикнул он Ансельмо и полез через переплеты ферм. Точно Тарзан, продирающийся сквозь стальные дебри, подумал он, и, выбравшись опять из-под темного свода, где грохот был особенно гулким, он поднял голову и увидел лицо Ансельмо и его руку, протягивавшую ему динамит.
Goddamn good face, he thought.	Черт, хорошее лицо у старика, подумал он.
Not crying now.	И уже не плачет.
That's all to the good.	Это все к лучшему.

And one side done.	Одна сторона уже готова.
This side now and we're done.	Теперь вот еще эту сторону - и все.
This will drop it like what all.	Камня на камне не останется.
Come on.	Ладно, ладно.
Don't get excited.	Не увлекайся.
Do it.	Делай свое дело.
Clean and fast as the last one.	Быстро и чисто, как и там.
Don't fumble with it.	Не возись сверх меры.
Take your time.	Но и не торопись.
Don't try to do it faster than you can.	Не старайся сделать все быстрее, чем можно.

You can't lose now.	Сейчас уже дело верное.
Nobody can keep you from blowing one side now.	Одну сторону тебе, во всяком случае, никто не помешает взорвать.
You're doing it just the way you should.	И все идет именно так, как надо.
This is a cool place.	А холодно здесь, под мостом.
Christ, it feels cool as a wine cellar and there's no crap.	Фу, черт, холодно, как в винном погребе, зато хоть дерьма нет.
Usually working under a stone bridge it's full of crap.	Обычно, когда работаешь под каменным мостом, бывает полно дерьма.
This is a dream bridge.	Это сказочный мост.
A bloody dream bridge.	Хороши сказки!

It's the old man on top who's in a bad spot.	Старику там, наверху, хуже, чем мне.
Don't try to do it faster than you can. I wish that shooting would be over up above.	Не старайся сделать все быстрей, чем можно.
"Give me some wedges, _viejo_."	"Еще клиньев, viejo".
I don't like that shooting still.	Не нравится мне, что там еще стреляют.
Pilar has got in trouble there.	Что-то там у Пилар неладно.
Some of the post must have been out.	Наверно, кто-нибудь из постовых оказался снаружи.
Out back; or behind the mill.	На дороге или за лесопилкой.
They're still shooting.	Все еще стреляют.

That means there's somebody still at the mill.	Значит, там еще остался кто-то.
And all that damned sawdust.	И потом, эти проклятые опилки.
Those big piles of sawdust.	Эти огромные кучи опилок.
Sawdust, when it's old and packed, is good stuff to fight behind.	Опилки, когда они слежатся и утрамбуются, очень хорошее прикрытие во время боя.
There must be several of them still.	Да, там, наверно, еще несколько человек осталось.
It's quiet below with Pablo.	А внизу, у Пабло, тихо.
I wonder what that second flare-up was.	Что же это все-таки было, эта вторая вспышка?

It must have been a car or a motorcyclist.	Вероятно, машина или мотоцикл.
I hope to God they don't have any armored cars come up or any tanks.	Только бы не подошли сейчас броневики или танки.
Go on.	Давай, давай.
Put it in just as fast as you can and wedge it tight and lash it fast.	Закладывай заряды как можно быстрей, и забивай клинья, и привязывай покрепче.
You're shaking, like a Goddamn woman.	Трясешься, точно дура-баба какая-то.
What the hell is the matter with you? You're trying to do it too fast. I'll bet that Goddamn woman up above isn't shaking.	Пари держу, та дура-баба там, наверху, вовсе не трясется.

That Pilar.	Та, Пилар.

Maybe she is too.	А может быть, и она тоже.
She sounds as though she were in plenty trouble.	Судя по этой стрельбе, ей сейчас нелегко приходится.
She'll shake if she gets in enough.	Тоже затрясется, когда станет невмочь.
Like everybody bloody else.	Как и все.
He leaned out and up into the sunlight and as he reached his hand up to take what Anselmo handed him, his head now above the noise of the falling water, the firing increased sharply up the road and then the noise of grenades again.	Он высунулся на солнце, и когда он протянул руку за пачкой, которую ему передавал Ансельмо, и шум несущейся воды стал не таким гулким, выстрелы на верхнем посту захлопали гораздо чаще и потом послышались удары гранат.

Then more grenades.	Потом еще удары гранат.
"They rushed the sawmill then."	- Значит, они атаковали пост на лесопилке.
It's lucky I've got this stuff in blocks, he thought.	Хорошо, что у меня динамит в брусках, подумал он.
Instead of sticks.	А не в палочках.
What the hell.	Какого черта.
It's just neater.	Просто удобнее.
Although a lousy canvas sack full of jelly would be quicker.	Хотя холщовый мешок с той дрянью вроде студня был бы еще лучше.
Two sacks.	Два мешка.
No. One of that would do.	Нет, хватило бы и одного.

And if we just had detonators and the old exploder.	Будь еще у меня детонаторы и мой добрый взрыватель.
That son of a bitch threw my exploder in the river.	Эта сволочь бросила мой взрыватель в реку.
That old box and the places that it's been.	И ящик, и все остальное.
In this river he threw it.	Вот в эту реку он и бросил все.
That bastard Pablo.	Скотина Пабло.
He gave them hell there below just now.	Ну ничего, он им там сейчас задал жару.
"Give me some more of that, _viejo_."	- Еще давай, viejo.
The old man's doing very well.	Молодец старик, хорошо справляется.

He's in quite a place up there.	У него тоже положение незавидное там, на мосту.
He hated to shoot that sentry.	Ему было очень тяжело убить человека.
So did I but I didn't think about it.	Мне тоже, но я просто не думал об этом.
Nor do I think about it now.	И сейчас не думаю.
You have to do that.	Так нужно.
But then Anselmo got a cripple.	Но тут еще то, что у Ансельмо простая винтовка.
I know about cripples.	Я знаю, как это бывает.

I think that killing a man with an automatic weapon makes it easier.	Когда убиваешь человека из автомата, это как-то легче.
I mean on the one doing it.	Для того, кто убивает, я хочу сказать.
It is different.	Это совсем другое дело.
After the first touch it is it that does it.	Ты только дотрагиваешься, а потом оно уже делается само.
Not you.	Помимо тебя.
Save that to go into some other time.	Ладно, приберегу эту идею, чтобы развить ее как-нибудь в другой раз.
You and your head.	Ну и голова у тебя.
You have a nice thinking head old Jordan.	Очень уж она склонна к долгим размышлениям, милейший Джордан.

Roll Jordan, Roll! They used to yell that at football when you lugged the ball.	Иордан, так дразнили меня в школе.
Do you know the damned Jordan is really not much bigger than that creek down there below.	А знаешь ли ты, что этот дурацкий Иордан немногим шире той речонки, что бурлит внизу?
At the source, you mean.	Там, где он начинается, конечно.
So is anything else at the source.	Все на свете начинается с малого.
This is a place here under this bridge.	А тут даже уютно, под мостом.
A home away from home.	Как дома, хотя и не дома.

Come on Jordan, pull yourself together.	Ну, Иордан, подтянись.
This is serious Jordan.	Тут дело серьезное, Иордан.
Don't you understand?	Разве ты не понимаешь?
Serious. It's less so all the time.	Дело серьезное.
Look at that other side. _Para que?_ I'm all right now however she goes. As Maine goes, so goes the nation. As Jordan goes so go the bloody Israelites. The bridge, I mean. As Jordan goes, so goes the bloody bridge, other way around, really.	Взгляни на эту сторону. Para que? Теперь, что бы со мной ни случилось, моста не будет. Когда не будет Иордана, не будет и моста, а вернее сказать - наоборот.

"Give me some more of that, Anselmo old boy," he said.	- Еще немножко, Ансельмо, друг, - сказал он.
The old man nodded.	Старик кивнул.
"Almost through," Robert Jordan said.	- Сейчас кончаю, - сказал Роберт Джордан.
The old man nodded again.	Старик опять кивнул.
Finishing wiring the grenades down, he no longer heard the firing from up the road.	Закрепляя проволокой гранаты, он перестал прислушиваться к выстрелам за поворотом дороги.
Suddenly he was working only with the noise of the stream.	Вдруг он заметил, что слышит только шум реки.

He looked down and saw it boiling up white below him through the boulders and then dropping down to a clear pebbled pool where one of the wedges he had dropped swung around in the current.	Он посмотрел вниз и увидел, как вода вскипает белой пеной между камнями и потом разливается прозрачным озерцом на гальке. Посреди озерца, попав в воронку, вертелся на одном месте оброненный им клин.
As he looked a trout rose for some insect and made a circle on the surface close to where the chip was turning.	Вдруг рядом, охотясь за мошкой, плеснула форель, и по воде пошли круги.

As he twisted the wire tight with the pliers that held these two grenades in place, he saw, through the metal of the bridge, the sunlight on the green slope of the mountain.	Туго прикручивая плоскогубцами проволоку, скреплявшую обе гранаты, он увидел сквозь металлическое плетенье зеленевший на солнце горный склон.
It was brown three days ago, he thought.	Два дня назад он был совсем бурый, подумал он.
Out from the cool dark under the bridge he leaned into the bright sun and shouted to Anselmo's bending face,	Из прохладной темноты под мостом он высунулся на яркий солнечный свет и крикнул Ансельмо, склонившемуся над ним сверху:
"Give me the big coil of wire." The old man handed it down.	- Дай мне большой моток проволоки!

For God's sake don't loosen them any yet.	Только не тянуть раньше времени.
This will pull them.	А то сейчас же вырвет кольцо.
I wish you could string them through.	Жаль, что нельзя пропустить проволоку насквозь.
But with the length of wire you are using it's O.K., Robert Jordan thought as he felt the cotter pins that held the rings that would release the levers on the hand grenades.	Ну ничего, проволоки у меня много, обойдется, подумал Роберт Джордан, ощупывая чеки, удерживающие на месте кольца, которые должны были освободить рычажки гранат.

He checked that the grenades, lashed on their sides, had room for the levers to spring when the pins were pulled (the wire that lashed them ran through under the levers), then he attached a length of wire to one ring, wired it onto the main wire that ran to the ring of the outside grenade, paid off some slack from the coil and passed it around a steel brace and then handed the coil up to Anselmo.	Он проверил, хватит ли рычажкам места, куда отскочить, когда чеки будут выдернуты (скрепляющая их проволока проходила под рычажками), потом прикрепил конец проволоки из мотка к одному кольцу, соединил с главной проволокой, которая шла к кольцу второй гранаты, отмотал немного проволоки, провел ее вокруг стальной укосины и передал моток Ансельмо.
"Hold it carefully," he said.	- Держи, только осторожно, - сказал он.

He climbed up onto the bridge, took the coil from the old man and walked back as fast as he could pay out wire toward where the sentry was slumped in the road, leaning over the side of the bridge and paying out wire from the coil as he walked.	Он вылез на мост, взял у старика из рук моток и, отпуская проволоку на ходу, пошел назад, к тому месту, где посреди дороги лежал убитый часовой; он шел, перегнувшись через перила, и вел проволоку за мостом, шагая так быстро, как только поспевал разматывать ее.
"Bring the sacks," he shouted to Anselmo as he walked backwards.	- Неси рюкзаки, - через плечо крикнул он Ансельмо.
As he passed he stooped down and picked up the submachine gun and slung it over his shoulder again.	Проходя мимо своего автомата, он нагнулся, подобрал его и снова перекинул за спину.

It was then, looking up from paying out wire, that he saw, well up the road, those who were coming back from the upper post.	И тогда, подняв глаза от проволоки, он увидел тех, которые возвращались с верхнего поста.
There were four of them, he saw, and then he had to watch his wire so it would be clear and not foul against any of the outer work of the bridge.	Их было четверо, он сразу увидел, но ему пришлось опустить глаза, чтобы проволока не запуталась и не зацепилась за какой-нибудь наружный выступ.
Eladio was not with them.	Эладио не было с ними.

Robert Jordan carried the wire clear past the end of the bridge, took a ioop around the last stanchion and then ran along the road until he stopped beside a stone marker.	Роберт Джордан довел проволоку до конца моста, сделал петлю вокруг последней подпорки и побежал по дороге до первого выкрашенного белой краской камня.
He cut the wire and handed it to Anselmo.	Здесь он перерезал проволоку и отдал конец Ансельмо.
"Hold this, _viejo_," he said.	- Держи, viejo, - сказал он.
"Now walk back with me to the bridge.	- Вот так. Теперь идем со мной обратно, к мосту.
Take up on it as you walk.	Сматывай проволоку на ходу.
No. I will."	Нет, давай я сам.

At the bridge he pulled the wire back out through the hitch so it now ran clear and unfouled to the grenade rings and handed it, stretching alongside the bridge but running quite clear, to Anselmo.	У моста он распустил сделанную раньше петлю так, что теперь проволока шла свободно и прямо до самого кольца гранаты, к которому она была привязана, и передал конец Ансельмо.
"Take this back to that high stone," he said.	- Иди с этим назад, к белому камню, - сказал он.
"Hold it easily but firmly.	- Держи крепко, но свободно.
Do not put any force on it.	Не натягивай.
When thou pullest hard, hard, the bridge will blow. _Comprendes?_"	Если ты потянешь очень, очень сильно, мост взорвется. Comprendes? Понимаешь?

"Yes."	-Да.
"Treat it softly but do not let it sag so it will foul.	- Отпускай понемногу, но смотри, чтобы она у тебя не провисала, а то запутается.
Keep it lightly firm but not pulling until thou pullest. _Comprendes?_"	Держи легко и крепко и, главное, - не тяни, пока не придет время тянуть. Comprendes?
"Yes."	-Да.
"When thou pullest really pull.	- Когда придет время тянуть, то именно тяни.
Do not jerk."	Не дергай.
Robert Jordan while he spoke was looking up the road at the remainder of Pilar's band.	Говоря, Роберт Джордан все время смотрел на дорогу, по которой подвигались остатки отряда Пилар.

They were close now and he saw Primitivo and Rafael were supporting Fernando.	Они были уже совсем близко, и он увидел, что Примитиво и Рафаэль ведут Фернандо.
He looked to be shot through the groin for he was holding himself there with both hands while the man and the boy held him on either side.	Он, видимо, был ранен в пах, потому что шел, прижимая обе руки к этому месту, а старик и юноша поддерживали его с обеих сторон.

His right leg was dragging, the side of the shoe scraping on the road as they walked him.	Правую ногу он волочил, царапая гудрон рантом башмака.
Pilar was climbing the bank into the timber carrying three rifles.	Пилар с тремя винтовками уже карабкалась по откосу вверх.

Robert Jordan could not see her face but her head was up and she was climbing as fast as she could.	Роберт Джордан не видел ее лица, но голову она держала высоко изо всех сил.
"How does it go?" Primitivo called.	- Как тут у вас? - крикнул Примитиво.
"Good.	- Хорошо.
We're almost finished," Robert Jordan shouted back.	Мы почти кончили, - отозвался Роберт Джордан.
There was no need to ask how it went with them.	Как у них - не стоило спрашивать.
As he looked away the three were on the edge of the road and Fernando was shaking his head as they tried to get him up the bank.	Когда он опять оглянулся, все трое стояли на краю дороги и Фернандо качал головой, отказываясь начинать подъем.

"Give me a rifle here," Robert Jordan heard him say in a choky voice.	- Дайте мне винтовку, - услышал Роберт Джордан его сдавленный голос.
"No, hombre.	- Нет, hombre.
We will get thee to the horses."	Мы тебя поведем туда, где лошади.
"What would I do with a horse?" Fernando said.	- На что мне лошадь? - сказал Фернандо.
"I am very well here."	- Мне и здесь хорошо.
Robert Jordan did not hear the rest for he was speaking to Anselmo.	Остального Роберт Джордан не слышал, потому что заговорил с Ансельмо.
"Blow it if tanks come," he said.	- Если подойдут танки - взрывай, - сказал он.
"But only if they come onto it.	- Но только когда они уже вступят на мост.

Blow it if armored cars come.	Если броневики - тоже взрывай.
If they come onto it.	Когда вступят на мост.
Anything else Pablo will stop."	Остальное все Пабло сумеет задержать.
"I will not blow it with thee beneath it."	-Я не буду взрывать, когда ты там, под ним.
"Take no account of me.	- Обо мне не думай.
Blow it if thou needest to.	Если надо будет взрывать - взрывай.
I fix the other wire and come back.	Я закреплю вторую проволоку и приду сюда.
Then we will blow it together."	Тогда мы его вместе взорвем.
He started running for the center of the bridge.	Он пустился бегом к середине моста.

Anselmo saw Robert Jordan run up the bridge, coil of wire over his arm, pliers hanging from one wrist and the submachine gun slung over his back.	Ансельмо видел, как Роберт Джордан взбежал на мост, автомат за спиной, плоскогубцы на ремешке у кисти.
He saw him climb down under the rail of the bridge and out of sight.	Вот он перелез через перила и исчез под мостом.
Anselmo held the wire in his hand, his right hand, and he crouched behind the stone marker and looked down the road and across the bridge.	Ансельмо, держа конец проволоки в руке, в правой руке, присел на корточки за камнем и смотрел вниз, на дорогу и на мост.

Halfway between him and the bridge was the sentry, who had settled now closer to the road, sinking closer onto the smooth road surface as the sun weighed on his back.	На половине пути между ним и мостом лежал часовой, солнце теперь палило ему в спину - и казалось, он совсем сник под напором лучей и распластался на гладком гудроне дороги.
His rifle, lying on the road, the bayonet fixed, pointed straight toward Anselmo.	Его винтовка лежала рядом, штык острием был обращен прямо на Ансельмо.
The old man looked past him along the surface of the bridge crossed by the shadows of the bridge rail to where the road swung to the left along the gorge and then turned out of sight behind the rocky wall.	Старик смотрел мимо него, на плоскость моста, исчерченную тенями перил, и дальше, туда, где дорога вдоль теснины сворачивала влево и скрывалась из виду за выступом отвесной скалы.

He looked at the far sentry box with the sun shining on it and then, conscious of the wire in his hand, he turned his head to where Fernando was speaking to Primitivo and the gypsy.	Он смотрел на будку часового в том конце моста, теперь освещенную солнцем, потом, не забывая о конце проволоки, зажатом в руке, он повернул голову в ту сторону, где Фернандо все еще спорил с Примитиво и цыганом.
"Leave me here," Fernando said.	- Оставьте вы меня здесь, - говорил Фернандо.
"It hurts much and there is much hemorrhage inside.	- Мне очень больно, и кровотечение все не унимается внутри.
I feel it in the inside when I move."	Я его чувствую внутри, когда шевелюсь.
"Let us get thee up the slope," Primitivo said.	- Мы тебя дотащим до верхнего леса, - сказал Примитиво.

"Put thy arms around our shoulders and we will take thy legs."	- Обними нас за шею, а мы возьмем твои ноги.
"It is inutile," Fernando said.	- Бесполезно, - сказал Фернандо.
"Put me here behind a stone.	- Посадите меня за тем камнем.
I am as useful here as above."	Я буду здесь так же полезен, как и наверху.
"But when we go," Primitivo said.	- А как же, когда надо будет уходить? - сказал Примитиво.
"Leave me here," Fernando said.	- Оставьте меня здесь, - сказал Фернандо.
"There is no question of my travelling with this.	- О том, чтобы мне ехать с этой штукой, и думать нечего.
Thus it gives one horse more.	Вот и лошадь лишняя будет.

I am very well here.	А мне тут очень хорошо.
Certainly they will come soon."	Они теперь уже скоро придут.
"We can take thee up the hill," the gypsy said.	- Мы тебя можем донести до леса, - сказал цыган.
"Easily."	- Ничего не стоит.
He was, naturally, in a deadly hurry to be gone, as was Primitivo.	Он, конечно, не чаял, как бы поскорее уйти, и Примитиво тоже.
But they had brought him this far.	Но все же они дотащили его сюда.
"Nay," Fernando said.	- Нет, - сказал Фернандо.
"I am very well here.	- Мне тут очень хорошо.

What passes with Eladio?"	Что с Эладио?

The gypsy put his finger on his head to show where the wound had been.	Цыган приставил палец к голове, чтобы показать, куда попала пуля.
"Here," he said.	- Вот, - сказал он.
"After thee.	- После тебя.
When we made the rush."	Когда мы атаковали пост.
"Leave me," Fernando said.	- Оставьте меня, - сказал Фернандо.
Anselmo could see he was suffering much.	Ансельмо видел, что он очень мучается.

He held both hands against his groin now and put his head back against the bank, his legs straight out before him.	Он обеими руками зажимал рану в паху, голову откинул на склон, ноги вытянул.
His face was gray and sweating.	Лицо у него было серое и потное.
"Leave me now please, for a favor," he said.	- Оставьте вы меня, сделайте милость, - сказал он.
His eyes were shut with pain, the edges of the lips twitching.	Глаза у него были закрыты от боли, углы рта подергивались.
"I find myself very well here."	- Мне тут правда очень хорошо.
"Here is a rifle and cartridges," Primitivo said.	- Вот тебе винтовка и патроны, - сказал Примитиво.

"Is it mine?" Fernando asked, his eyes shut.	- Это моя? - спросил Фернандо, не открывая глаз.
"Nay, the Pilar has thine," Primitivo said.	- Нет, твоя у Пилар, - сказал Примитиво.
"This is mine."	- Это винтовка Эладио.
"I would prefer my own," Fernando said.	- Мне бы лучше мою, - сказал Фернандо.
"I am more accustomed to it."	- Я к ней больше привык.
"I will bring it to thee," the gypsy lied to him.	- Я тебе ее принесу, - солгал цыган.
"Keep this until it comes."	- А пока возьми эту.
"I am in a very good position here," Fernando said.	- Тут у меня очень удобное место, - сказал Фернандо.

"Both for up the road and for the bridge."	- И дорогу видно и мост.
He opened his eyes, turned his head and looked across the bridge, then shut them as the pain came.	- Он открыл глаза, повернул голову и посмотрел на мост, потом опять закрыл глаза, когда подступила боль.
The gypsy tapped his head and motioned with his thumb to Primitivo for them to be off.	Цыган постучал себе по лбу и большим пальцем сделал Примитиво знак, что пора уходить.
"Then we will be down for thee," Primitivo said and started up the slope after the gypsy, who was climbing fast.	- Мы тогда вернемся за тобой, - сказал Примитиво и двинулся вслед за цыганом, который уже проворно взбирался наверх.
Fernando lay back against the bank.	Фернандо откинулся на склон.

In front of him was one of the whitewashed stones that marked the edge of the road.	Перед ним был один из выкрашенных в белую краску камней, отмечавших край дороги.

His head was in the shadow but the sun shone on his plugged and bandaged wound and on his hands that were cupped over it.	Голова его приходилась в тени, но рану, наскоро затампонированную и перевязанную, и руки, кругло сложенные на ней, пригревало солнце.
His legs and his feet also were in the sun.	Ноги тоже были на солнце.

The rifle lay beside him and there were three clips of cartridges shining in the sun beside the rifle.	Винтовка лежала возле него, рядом с винтовкой поблескивали на солнце три обоймы с патронами.
A fly crawled on his hands but the small tickling did not come through the pain.	По рукам ползали мухи, но ощущение щекотки заглушала боль от раны.
"Fernando!" Anselmo called to him from where he crouched, holding the wire.	- Фернандо! - окликнул его Ансельмо с своего места, где он сидел на корточках, сжимая проволоку в руке.
He had made a loop in the end of the wire and twisted it close so he could hold it in his fist.	Он сделал на конце проволоки петлю и туго скрутил ее, чтобы удобнее было держать.

"Fernando!" he called again.	- Фернандо! - окликнул он еще раз.
Fernando opened his eyes and looked at him.	Фернандо открыл глаза и посмотрел на него.
"How does it go?" Fernando asked.	- Как тут у вас? - спросил Фернандо.
"Very good," Anselmo said.	- Все хорошо, - сказал Ансельмо.
"Now in a minute we will be blowing it."	- Сейчас будем взрывать.
"I am pleased.	- Я очень рад.

Anything you need me for advise me," Fernando said and shut his eyes again and the pain lurched in him.	Если от меня что-нибудь потребуется, то скажи, -ответил Фернандо и закрыл глаза, потому что внутри у него заколыхалась боль.
Anselmo looked away from him and out onto the bridge.	Ансельмо повернул голову и снова стал смотреть на мост.
He was watching for the first sight of the coil of wire being handed up onto the bridge and for the _Ingles's_ sunburnt head and face to follow it as he would pull himself up the side.	Он ждал, когда высунется из-под моста моток проволоки, а за ним покажется голова и загорелое лицо и Ingles, подтягиваясь на руках, станет вылезать на мост.

At the same time he was watching beyond the bridge for anything to come around the far corner of the road.	И в то же время он присматривался к дороге за мостом, не появится ли что-нибудь из-за дальнего поворота.
He did not feel afraid now at all and he had not been afraid all the day.	Страха он не чувствовал ни сейчас, ни раньше.
It goes so fast and it is so normal, he thought.	Все идет так быстро, и это так просто, думал он.
I hated the shooting of the guard and it made me an emotion but that is passed now.	Мне не хотелось убивать часового, но теперь уже все прошло.

How could the _Ingles_ say that the shooting of a man is like the shooting of an animal?	Как мог Ingles сказать, что застрелить человека это все равно, что застрелить зверя.
In all hunting I have had an elation and no feeling of wrong.	Когда я охотился, у меня всегда бывало легко на душе и я не чувствовал никакой вины.
But to shoot a man gives a feeling as though one had struck one's own brother when you are grown men.	Но когда выстрелишь в человека, у тебя такое чувство, точно ты родного брата ударил.
And to shoot him various times to kill him.	А если еще не убьешь с одного раза!

Nay, do not think of that.	Нет, не надо думать об этом.
That gave thee too much emotion and thee ran blubbering down the bridge like a woman.	Тебе это было очень тяжело, и ты бежал по мосту и плакал, как женщина.
That is over, he told himself, and thou canst try to atone for it as for the others.	Это уже позади, сказал он себе, и ты потом можешь попытаться искупить это, как и все остальное.
But now thou has what thou asked for last night coming home across the hills.	Но зато ты получил то, о чем просил вчера вечером, возвращаясь горным проходом домой.
Thou art in battle and thou hast no problem.	Ты участвуешь в бою, и все для тебя понятно.

If I die on this morning now it is all right.	Теперь даже если придется умереть сегодня - это ничего.
Then he looked at Fernando lying there against the bank with his hands cupped over the groove of his hip, his lips blue, his eyes tight shut, breathing heavily and slowly, and he thought, If I die may it be quickly.	Он посмотрел на Фернандо, который все еще лежал, прислонясь к откосу, приложив ладони к паху, сжав посиневшие губы, закатив глаза, и дышал тяжело и прерывисто. И, глядя на него, он думал: если я должен умереть, скорей бы.
Nay I said I would ask nothing more if I were granted what I needed for today.	Нет, я ведь зарекся просить о чем-нибудь еще, если сбудется то, что мне больше всего нужно сегодня.
So I will not ask.	Я ни о чем и не прошу.
Understand?	Понятно?

I ask nothing.	Я ни о чем не прошу.
Nothing in any way.	Ни о чем и никак.
Give me what I asked for and I leave all the rest according to discretion.	Пошли мне то, о чем я просил вчера, а дальше будь что будет.
He listened to the noise that came, far away, of the battle at the pass and he said to himself, Truly this is a great day.	Он прислушался к отдаленным звукам боя в ущелье и сказал себе: сегодня и в самом деле большой день.
I should realize and know what a day this is.	Мне бы надо знать и понимать, какой это день.
But there was no lift or any excitement in his heart. That was all gone and there was nothing but a calmness.	Но он не чувствовал ни подъема, ни волнения.

And now, as he crouched behind the marker stone with the looped wire in his hand and another loop of it around his wrist and the gravel beside the road under his knees he was not lonely nor did he feel in any way alone.	Только то, что, скорчившись здесь, за придорожным камнем, с закруженным петлей концом проволоки в руке и еще мотком проволоки, надетым на другую руку, он не чувствовал одиночества и не чувствовал себя оторванным от всего.
He was one with the wire in his hand and one with the bridge, and one with the charges the _Ingles_ had placed.	Он был одно целое с этой проволокой, тянущейся от его руки, и одно целое с мостом, и одно целое с зарядами динамита, которые заложил там Ingles.

He was one with the _Ingles_ still working under the bridge and he was one with all of the battle and with the Republic.	Он был одно целое с Ingles, все еще возившимся под мостом, и он был одно целое со всеми перипетиями боя и с Республикой.
But there was no excitement.	А волнения не было.

It was all calm now and the sun beat down on his neck and on his shoulders as he crouched and as he looked up he saw the high, cloudless sky and the slope of the mountain rising beyond the river and he was not happy but he was neither lonely nor afraid.	Кругом теперь было спокойно, солнце палило ему в спину и в согнутую шею, а когда он поднимал голову, он видел высокое безоблачное небо и склон горы на том берегу, и он не чувствовал радости, но одиночества не было, и страха тоже не было.

Up the hill slope Pilar lay behind a tree watching the road that came down from the pass.	Вверху на склоне, укрывшись за деревом, лежала Пилар и вглядывалась в дорогу, ведущую от перевала.
She had three loaded rifles by her and she handed one to Primitivo as he dropped down beside her.	Рядом с ней лежали три заряженных винтовки, и одну из них она передала Примитиво, когда он опустился на землю рядом с ней.
"Get down there," she said.	- Иди ложись вон там, - сказала она.
"Behind that tree.	- Вон за тем деревом.
Thou, gypsy, over there," she pointed to another tree below.	А ты, цыган, вот здесь. - Она указала на другое дерево, пониже.
"Is he dead?"	- Он умер?

"Nay.	- Нет.
Not yet," Primitivo said.	Жив еще, - сказал Примитиво.
"It was bad luck," Pilar said.	- Не повезло, - сказала Пилар.
"If we had had two more it need not have happened.	- Будь у нас еще хоть двое, этого не случилось бы.
He should have crawled around the sawdust pile.	Ему надо было обогнуть ту кучу опилок ползком.
Is he all right there where he is?"	А там ему удобно, где вы его оставили?
Primitivo shook his head.	Примитиво кивнул головой.

"When the _Ingles_ blows the bridge will fragments come this far?" the gypsy asked from behind his tree.	- Когда Ingles взорвет мост, обломки сюда не долетят? - спросил цыган, выглядывая из-за своего дерева.
"I don't know," Pilar said.	- Не знаю, - сказала Пилар.
"But Agustin with the _maquina_ is closer than thee.	- Агустин с большой maquina еще ближе, чем ты.
The _Ingles_ would not have placed him there if it were too close."	Если б это было слишком близко, Ingles его там не посадил бы.
"But I remember with the blowing of the train the lamp of the engine blew by over my head and pieces of steel flew by like swallows."	- А я вот помню, когда мы взрывали поезд, фонарь с паровоза пролетел у меня над самой головой, а куски железа так и порхали, словно ласточки.

"Thou hast poetic memories," Pilar said.	- Тебе бы стишки сочинять, - сказала Пилар.
"Like swallows. _Joder!_ They were like wash boilers.	- Словно ласточки! Словно лохани для стирки, вот это вернее.
Listen, gypsy, thou hast comported thyself well today.	Слушай, цыган, ты сегодня все время держался молодцом.
Now do not let thy fear catch up with thee."	Так уж теперь не поддавайся страху.

"Well, I only asked if it would blow this far so I might keep well behind the tree trunk," the gypsy said.	- Я ведь только спросил, долетят ли сюда обломки, чтобы в случае чего спрятаться за этот ствол, - сказал цыган.

"Keep it thus," Pilar told him.	- Как сидишь, так и сиди, - сказала ему Пилар.
"How many have we killed?"	- Скольких мы убили?
"_Pues_ five for us.	- Мы - пятерых.
Two here.	Да здесь двое.
Canst thou not see the other at the far end?	Не видишь?
Look there toward the bridge.	Вон на том конце еще один лежит.
See the box?	Туда смотри, на мост, будку видишь?
Look!	Смотри!
Dost see?"	Ну, видишь?
He pointed.	- Он показывал пальцем.

"Then there were eight below for Pablo.	- Да там, на нижнем посту, еще было восьмеро для Пабло.
I watched that post for the _Ingles_."	Я туда ходил на разведку, меня Ingles посылал.
Pilar grunted.	Пилар что-то проворчала.
Then she said violently and raging,	Потом она сказала сердито и резко:
"What passes with that _Ingles?_ What is he obscenitying off under that bridge. _Vaya mandanga!_ Is he building a bridge or blowing one?"	- Что такое с Ingles? Что он там, так его и так, копается под этим мостом? Vaya mandanga! Взрывает он его или наново строить собирается?

She raised her head and looked down at Anselmo crouched behind the stone marker.	Она подняла голову и увидела Ансельмо, скорчившегося за придорожным камнем.
"Hey, _viejo!_" she shouted.	- Эй, viejo! - закричала она.
"What passes with thy obscenity of an _Ingles?_"	- Что такое с твоим, так его и так?
"Patience, woman," Anselmo called up, holding the wire lightly but firmly.	- Наберись терпения, женщина, - отозвался Ансельмо, легко, но крепко придерживая конец проволоки.
"He is terminating his work."	- Он заканчивает свою работу.
"But what in the name of the great whore does he take so much time about?"	- Да почему же так долго, скажи ты мне, ради последней шлюхи?

"Es muy _concienzudo!_" Anselmo shouted.	- Es muy concienzudo! - прокричал Ансельмо.
"It is a scientific labor."	- Это работа научная.
"I obscenity in the milk of science," Pilar raged to thegyp[s]y.	- Так и так всякую науку, - напустилась разъяренная Пилар на старика.
"Let the filth-faced obscenity blow it and be done.	- Пусть эта поганая рожа, так его и так, взрывает скорей, и конец.
Maria!" she shouted in her deep voice up the hill.	Мария! - гаркнула она своим могучим голосом, обернувшись к лесу.

"Thy _Ingles_--" and she shouted a flood of obscenity about Jordan's imaginary actions under the bridge.	- Твой Ingles... - И тут хлынул целый поток непристойной ругани по адресу Джордана и его предполагаемых действий под мостом.
"Calm yourself, woman," Anselmo called from the road.	- Успокойся, женщина! - крикнул Ансельмо с дороги.
"He is doing an enormous work.	- Ты не знаешь, сколько у него там дела.
He is finishing it now."	Но он уже кончает.
"The hell with it," Pilar raged.	- Ко всем чертям, - бушевала Пилар.
"It is speed that counts."	- Тут самое важное - чтоб быстрее.

Just then they all heard firing start down the road where Pablo was holding the post he had taken.	И тут они услышали выстрелы за дальним поворотом дороги, где Пабло удерживал захваченный им пост.
Pilar stopped cursing and listened.	Пилар перестала ругаться и прислушалась.
"Ay," she said.	- Ай-яй, - сказала она.
"Ayee. Ayee.	- Ай-я-яй.
That's it."	Вот оно!
Robert Jordan heard it as he swung the coil of wire up onto the bridge with one hand and then pulled himself up after it.	Роберт Джордан тоже услыхал это в ту минуту, когда он выбросил моток проволоки на мост и, подтягиваясь, стал вылезать сам.

As his knees rested on the edge of the iron of the bridge and his hands were on the surface he heard the machine gun firing around the bend below.	Когда он поставил колено на выступ настила, а руками уже ухватился за верхнюю перекладину, он услышал треск пулемета со стороны нижнего поста.
It was a different sound from Pablo's automatic rifle.	Судя по звуку, это не был автомат Пабло.
He got to his feet, leaned over, passed his coil of wire clear and commenced to pay out wire as he walked backwards and sideways along the bridge.	Роберт Джордан вылез, встал, перегнулся через перила и, быстро разматывая проволоку, пошел по мосту вдоль перил.

He heard the firing and as he walked he felt it in the pit of his stomach as though it echoed on his own diaphragm.	Он шел и слушал выстрелы, и каждый раз ему казалось, что звук отдается у него в животе, словно отражаясь от диафрагмы.
It was closer now as he walked and he looked back at the bend of the road.	Теперь он как будто слышался ближе, но Роберт Джордан все шел и только оглядывался назад через плечо.
But it was still clear of any car, or tank or men.	Но дорога за мостом была пуста, не видно было ни танков, ни машин, ни людей.
It was still clear when he was halfway to the end of the bridge.	Она все еще была пуста, когда он прошел половину пути до будки часового.

It was still clear when he was three quarters of the way, his wire running clear and unfouled, and it was still clear as he climbed around behind the sentry box, holding his wire out to keep it from catching on the iron work.	Она все еще была пуста, когда он прошел три четверти пути, осторожно ведя проволоку-за перилами, и она все еще была пуста, когда он огибал будку, далеко отставив руку, чтобы проволока не зацепилась за железные завитушки перил.

Then he was on the road and it was still clear below on the road and then he was moving fast backwards up the little washed-out gully by the lower side of the road as an outfielder goes backwards for a long fly ball, keeping the wire taut, and now he was almost opposite Anselmo's stone and it was still clear below the bridge.	Потом он повернулся и быстро стал пятиться по дороге вдоль неширокой канавки у края, как футболист, готовящийся принять длинный мяч, и все время понемножку натягивая проволоку, и когда он почти поравнялся с Ансельмо, дорога за мостом все еще была пуста.

Then he heard the truck coming down the road and he saw it over his shoulder just coming onto the long slope and he swung his wrist once around the wire and yelled to Anselmo,	Потом он услышал позади приближающийся шум машины и, оглянувшись, увидел большой грузовик, выезжавший на дорогу сверху, и он намотал конец проволоки на руку и крикнул Ансельмо:

"Blow her!" and he dug his heels in and leaned back hard onto the tension of the wire with a turn of it around his wrist and the noise of the truck was coming behind and ahead there was the road with the dead sentry and the long bridge and the stretch of road below, still clear and then there was a cracking roar and the middle of the bridge rose up in the air like a wave breaking and he felt the blast from the explosion roll back against him as he dove on his face in the pebbly gully with his hands holding tight over his head	"Взрывай!" - и крепко уперся каблуками в землю, и всем телом откинулся назад, преодолевая сопротивление проволоки, и еще раз обвел ее вокруг руки, а шум грузовика сзади все приближался, а впереди была дорога, и убитый часовой на ней, и длинный мост, а за мостом опять дорога, все еще пустая, и вдруг что-то треснуло, загрохотало, и середина моста вздыбилась, как разбивающаяся волна, и струя воздуха, горячего от взрыва, обдала его, когда он бросился ничком в канавку, руками крепко обхватив голову.

His face was down against the pebbles as the bridge settled where it had risen and the familiar yellow smell of it rolled over him in acrid smoke and then it commenced to rain pieces of steel.	Он уткнул лицо в каменистую землю и не видел, как мост опустился опять, только знакомый желтый запах донесся до него с клубами едкого дыма и посыпался дождь стальных обломков.
After the steel stopped falling he was still alive and he raised his head and looked across the bridge.	Потом обломки перестали сыпаться, и он был жив, и поднял голову, и взглянул на мост.
The center section of it was gone.	Середины моста не было.

There were jagged pieces of steel on the bridge with their bright, new torn edges and ends and these were all over the road.	Кругом повсюду валялись иззубренные куски стали, металл блестел на свежих изломах.
The truck had stopped up the road about a hundred yards.	Грузовик остановился в сотне ярдов от моста.
The driver and the two men who had been with him were running toward a culvert.	Шофер и двое солдат, ехавших с ним, бежали к отверстию дренажной трубы, черневшему у дороги.
Fernando was still lying against the bank and he was still breathing.	Фернандо лежал на том же месте и еще дышал.

His arms straight by his sides, his hands relaxed.	Руки его были прижаты к бокам, пальцы растопырены.
Anselmo lay face down behind the white marking stone.	Ансельмо лежал ничком за белым придорожным камнем.
His left arm was doubled under his head and his right arm was stretched straight out.	Левая рука подогнулась под голову, правая была вытянута вперед.

The loop of wire was still around his right fist.	Проволочная петля все еще была зажата у него в кулаке.
Robert Jordan got to his feet, crossed the road, knelt by him and made sure that he was dead.	Роберт Джордан поднялся на ноги, перебежал дорогу, опустился возле старика на колени и удостоверился, что он мертв.

He did not turn him over to see what the piece of steel had done.	Он не стал переворачивать его на спину, чтобы посмотреть, куда попал стальной обломок.
He was dead and that was all.	Старик был мертв, остальное не имело значения.
He looked very small, dead, Robert Jordan thought.	Мертвый он кажется очень маленьким, думал Роберт Джордан.
He looked small and gray-headed and Robert Jordan thought, I wonder how he ever carried such big loads if that is the size he really was.	Он казался маленьким и совсем седым, и Роберт Джордан подумал, как же он справлялся с такими громоздкими ношами, если это его настоящий рост.

Then he saw the shape of the calves and the thighs in the tight, gray herdsman's breeches and the worn soles of the rope-soled shoes and he picked up Anselmo's carbine and the two sacks, practically empty now and went over and picked up the rifle that lay beside Fernando.	Потом он посмотрел на его ноги, его икры, обтянутые узкими пастушьими штанами, на изношенные веревочные подошвы его сандалий и, подняв с земли его карабин и оба рюкзака, теперь уже совсем пустые, подошел к Фернандо и взял и его винтовку.
He kicked a jagged piece of steel off the surface of the road.	По дороге он отбросил ногой обломок стали с изубренными краями.

Then he swung the two rifles over his shoulder, holding them by the muzzles, and started up the slope into the timber.	Потом вскинул обе винтовки на плечо, придерживая их за стволы, и полез вверх по лесистому склону.
He did not look back nor did he even look across the bridge at the road.	Он не оглядывался назад, не смотрел и на дорогу за мостом.
They were still firing around the bend below but he cared nothing about that now.	Из-за дальнего поворота все еще слышалась стрельба, но теперь ему было все равно.
He was coughing from the TNT fumes and he felt numb all through himself.	Он кашлял от запаха тринитротолуола, и внутри у него как будто все онемело.

He put one of the rifles down by Pilar where she lay behind the tree.	Он положил одну винтовку возле Пилар, под деревом, за которым она лежала.
She looked and saw that made three rifles that she had again.	Она оглянулась и увидела, что у нее теперь опять три винтовки.
"You are too high up here," he said.	- Вы слишком высоко забрались, - сказал он.
"There's a truck up the road where you can't see it.	- На дороге стоит грузовик, а вам его и не видно.
They thought it was planes.	Там думают, что это была бомба с самолета.
You better get farther down.	Лучше спуститесь пониже.

I'm going down with Agustin to cover Pablo."	Я возьму Агустина и пойду прикрывать Пабло.
"The old one?" she asked him, looking at his face.	- А старик? - спросила она, глядя ему в лицо.
"Dead."	- Убит.

He coughed again, wrackingly, and spat on the ground.	Он опять мучительно закашлялся и сплюнул на землю.
"Thy bridge is blown, _Ingles_," Pilar looked at him.	- Твой мост взорван, Ingles. - Пилар смотрела прямо на него.
"Don't forget that."	- Не забывай этого.
"I don't forget anything," he said.	- Я ничего не забываю, - сказал он.

"You have a big voice," he said to Pilar.	- У тебя здоровая глотка, - сказал он Пилар.
"I have heard thee bellow.	- Я слышал, как ты тут орала.
Shout up to the Maria and tell her that I am all right."	Крикни Марии, что я жив.
"We lost two at the sawmill," Pilar said, trying to make him understand.	- Двоих мы потеряли на лесопилке, - сказала Пилар, стараясь заставить его понять.
"So I saw," Robert Jordan said.	- Я видел, - сказал Роберт Джордан.
"Did you do something stupid?"	- Вы сделали какую-нибудь глупость?
"Go and obscenity thyself, _Ingles_," Pilar said.	- Иди ты, Ingles, знаешь куда, - сказала Пилар.
"Fernando and Eladio were men, too."	- Фернандо и Эладио тоже были люди.

"Why don't you go up with the horses?" Robert Jordan said.	- Почему ты не уходишь наверх, к лошадям? - сказал Роберт Джордан.
"I can cover here better than thee."	- Я здесь управлюсь лучше тебя.
"Thou art to cover Pablo."	-Ты должен идти прикрывать Пабло.
"The hell with Pablo.	- К черту Пабло!
Let him cover himself with mierda ."	Пусть прикрывается собственным дерьмом.
"Nay, _Ingles_. He came back.	- Нет, Ingles, он ведь вернулся.
He has fought much below there.	И он крепко дрался там, внизу.
Thou hast not listened?	Ты разве не слышал?
He is fighting now.	Он и сейчас дерется.

Against something bad.	Там, видно, дело серьезное.
Do you not hear?"	Послушай сам.
"I'll cover him.	- Я пойду к нему.
But obscenity all of you.	Но так вас и так обоих.
Thou and Pablo both."	И тебя, и твоего Пабло!
"_Ingles_," Pilar said.	- Ingles, - сказала Пилар.
"Calm thyself.	- Успокойся.
I have been with thee in this as no one could be.	Я помогла тебе во всем этом, как никто другой бы не помог.
Pablo did thee a wrong but he returned."	Пабло поступил с тобой нехорошо, но ведь он вернулся.

"If I had had the exploder the old man would not have been killed.	- Если бы у меня был взрыватель, старик не погиб бы.

I could have blown it from here."	Я бы взорвал мост отсюда.
"If, if, if--" Pilar said.	- Если бы, если бы... - сказала Пилар.
The anger and the emptiness and the hate that had come with the let-down after the bridge, when he had looked up from where he had lain and crouching, seen Anselmo dead, were still all through him.	Гнев, ярость, пустота внутри - все то, что пришло вместе с реакцией после взрыва, когда он поднял голову и увидел Ансельмо мертвым у дороги, еще не отпустило его.

In him, too, was despair from the sorrow that soldiers turn to hatred in order that they may continue to be soldiers.	И, кроме всего этого, было отчаяние, которое солдат превращает в ненависть для того, чтобы остаться солдатом.
Now it was over he was lonely, detached and unelated and he hated every one he saw.	Теперь, когда все было кончено, он чувствовал одиночество и тоску и ненавидел всех, кто был рядом.
"If there had been no snow--" Pilar said.	- Если бы снег не пошел... - сказала Пилар.

And then, not suddenly, as a physical release could have been (if the woman would have put her arm around him, say) but slowly and from his head he began to accept it and let the hate go out.	И тут, не сразу, не так, как могла бы наступить физическая разрядка (если бы, например, женщина обняла его), но постепенно, от мысли к мысли, он начал принимать то, что случилось, и ненависть его утихла.
Sure, the snow.	Снег, ну да, конечно.
That had done it.	Он всему виной.
The snow.	Снег.

Done itto others.	Он виной тому, что случилось с другими.
Once you saw it again as it was to others, once you got rid of your own self, the always ridding of self that you had to do in war.	Как только увидишь все глазами других, как только освободишься от самого себя - на войне постоянно приходится освобождаться от себя, без этого нельзя.
Where there could be no self.	Там не может быть своего "я".
Where yourself is only to be lost.	Там можно только потерять свое "я".

Then, from his losing of it, he heard Pilar say, "Sordo--"	И тут, потеряв свое "я", он услышал голос Пилар, говорившей: - Глухой...
"What?" he said.	- Что? - спросил он.
"Sordo--"	- Глухой...
"Yes," Robert Jordan said.	- Да, - сказал Роберт Джордан.
He grinned at her, a cracked, stiff, too-tightened-facial-tendoned grin.	Он усмехнулся ей кривой, неподвижной, тугим напряжением Лицевых мускулов созданной усмешкой.
"Forget it.	- Забудь.

I was wrong.	Я был не прав.
I am sorry, woman.	Извини меня, женщина.
Let us do this well and all together.	Будем кончать свое дело как следует и все со-обща.
And the bridge _is_ blown, as thou sayest."	Ты сказала правду, мост все-таки взорван.

"Yes.	-Да.
Thou must think of things in their place."	Думай о каждой вещи, как она есть.
"Then I go now to Agustin.	- Хорошо, я иду к Агу-стину.

Put thy gypsy much farther down so that he can see well up the road.	Пусть цыган спустится ниже, чтобы ему была видна дорога.
Give those guns to Primitivo and take this _maquina_.	Отдай все винтовки Примитиво, а сама возьми мою maquina.
Let me show thee."	Дай я покажу тебе, как из нее стрелять.
"Keep the _maquina_," Pilar said.	- Оставь свою maquina у себя, - сказала Пилар.
"We will not be here any time.	- Мы тут долго не пробудем.
Pablo should come now and we will be going."	Пабло подойдет, и мы сейчас же тронемся в путь.
"Rafael," Robert Jordan said, "come down here with me.	- Рафаэль, - сказал Роберт Джордан, - иди сюда, за мной.

Here.	Сюда.
Good.	Вот так.
See those coming out of the culvert.	Видишь, вон там, из отверстия дренажной трубы вылезают люди?
There, above the truck? Coming toward the truck?	Вон, за грузовиком, Идут к грузовику, видишь?
Hit me one of those.	Подстрели мне одного из них.
Sit.	Сядь.
Take it easy."	Не торопись.
The gypsy aimed carefully and fired and as he jerked the bolt back and ejected the shell Robert Jordan said,	Цыган тщательно прицелился и выстрелил, и когда он отводил назад рукоятку затвора и выбрасывал пустую гильзу, Роберт Джордан сказал:

"Over.	- Мимо.
You threw against the rock above.	Ты взял слишком высоко и попал в скалу.
See the rock dust?	Вон, видишь, осколки сыплются.
Lower, by two feet.	Целься фута на два ниже.
Now, careful.	Ну, внимание.
They're running.	Они опять побежали.
Good. _Sigue tirando_."	Хорошо!
"I got one," the gypsy said.	- Один есть, - сказал цыган.
The man was down in the road halfway between the culvert and the truck.	Человек упал на полдороге от дренажной трубы к грузовику.

The other two did not stop to drag him.	Остальные двое не остановились, чтобы подхватить его.
They ran for the culvert and ducked in.	Они бросились назад, к отверстию трубы, и скрылись в глубине.

"Don't shoot at him," Robert Jordan said.	- В него больше не стреляй, - сказал Роберт Джордан.
"Shoot for the top part of a front tire on the truck.	- Целься теперь в шину переднего колеса грузовика.
So if you miss you'll hit the engine.	Если промахнешься, попадешь в мотор.
Good."	Хорошо.
He watched with the glasses.	- Он следил в бинокль.
"A little lower.	- Чуть пониже.

Good.	Хорошо.
You shoot like hell. Mucho!	Здорово стреляешь! Mucho!
Mucho!_ Shoot me the top of the radiator.	Mucho! Теперь поста-райся попасть в крышку радиатора.
Anywhere on the radiator.	Даже не в крышку, лишь бы в радиатор.
Thou art a champion.	Да ты просто чемпион!
Look.	Теперь смотри.
Don't let anything come past that point there.	Что бы ни появилось на дороге, не подпускай ближе вон того места.
See?"	Видишь?
"Watch me break the windshield in the truck," the gypsy said happily.	- Гляди, сейчас ветровое стекло пробью, - сказал довольный цыган.

"Nay.	- Не надо.
The truck is already sick," Robert Jordan said.	Грузовик уже достаточно поврежден, - сказал Роберт Джордан.
"Hold thy fire until anything comes down the road.	- Побереги патроны, пока еще что-нибудь не появится на дороге.
Start firing when it is opposite the culvert.	Открывай огонь тогда, когда оно поравняется с дренажной трубой.
Try to hit the driver.	Если это будет машина, старайся попасть в шофера.
That you all should fire, then," he spoke to Pilar who had come farther down the slope with Primitivo.	Только стреляйте тогда все сразу, - сказал он Пилар, которая подошла к ним вместе с Примитиво.

"You are wonderfully placed here.	- У вас тут великолепная позиция.
See how that steepness guards thy flank?"	Видишь, как этот выступ защищает ваш фланг?
"That you should get about thy business with Agustin," Pilar said.	- Шел бы ты делать свое дело с Агустином, -сказала Пилар.
"Desist from thy lecture.	- Кончай свою лекцию.
I have seen terrain in my time."	Я тут местность получше тебя знаю.
"Put Primitivo farther up there," Robert Jordan said.	- Пусть Примитиво заляжет вон там, повыше, -сказал Роберт Джордан.

"There.	- Вон там.

See, man?	Видишь, друг?
This side of where the bank steepens."	С той стороны, где начинается обрыв.
"Leave me," said Pilar.	- Ладно, - сказала Пилар.
"Get along, _Ingles_.	- Ступай, Ingles.
Thou and thy perfection.	Оставь при себе свои умные советы.
Here there is no problem."	Здесь дело ясное.
Just then they heard the planes.	И тут они услышали шум самолетов.
Maria had been with the horses for a long time, but they were no comfort to her.	Мария давно уже была здесь с лошадьми, но ей с ними не было спокойнее.
Nor was she any to them.	И им с ней тоже.

From where she was in the forest she could not see the road nor could she see the bridge and when the firing started she put her arm around the neck of the big white-faced bay stallion that she had gentled and brought gifts to many times when the horses had been in the corral in the trees below the camp.	Отсюда, из леса, не было видно дороги, и моста тоже не было видно, и когда началась стрельба, она обняла за шею гнедого жеребца с белой отметиной, которого она часто ласкала и угощала лакомыми кусками, пока лошади стояли в лесном загоне близ лагеря.
But her nervousness made the big stallion nervous, too, and he jerked his head, his nostrils widening at the firing and the noise of the bombs.	Но ее волнение передавалось гнедому, и он беспокойно мотал головой, раздувая ноздри при звуке стрельбы и разрывов гранат.

Maria could not keep still and she walked around patting and gentling the horses and making them all more nervous and agitated.	Марии не стоялось на месте, и она бродила вокруг лошадей, поглаживая их, похлопывая, и от этого они пугались и нервничали еще больше.
She tried to think of the firing not as just a terrible thing that was happening, but to realize that it was Pablo below with the new men, and Pilar with the others above, and that she must not worry nor get into a panic but must have confidence in Roberto.	Прислушиваясь к стрельбе, она старалась не думать о ней как о чем-то страшном, происходящем на дороге, а просто помнить, что это отстреливается Пабло с новыми людьми и Пилар со своими и что она не должна бояться или тревожиться, а должна твердо верить в Роберто.

But she could not do this and all the firing above and below the bridge and the distant sound of the battle that rolled down from the pass like the noise of a far-off storm with a dried, rolling rattle in it and the irregular beat of the bombs was simply a horrible thing that almost kept her from breathing.	Но ей это не удавалось, и трескотня выстрелов внизу и дальше, за мостом, и глухой шум боя, который долетал из ущелья, точно отголосок далекой бури, то сухим раскатистым треском, то гулким буханьем бомб, - все это было чем-то большим и очень страшным, от чего у нее перехватывало дыханье.
Then later she heard Pilar's big voice from away below on the hillside shouting up some obscenity to her that she could not understand and she thought, Oh, God no, no.	Потом вдруг она услышала могучий голос Пилар снизу, со склона, кричавшей ей что-то непристойное, чего она не могла разобрать, и она подумала: о господи, нет, нет.

Don't talk like that with him in peril.	Не надо так говорить, когда он в опасности.
Don't offend any one and make useless risks.	Не надо никого оскорблять и рисковать без надобности.
Don't give any provocation.	Не надо испытывать судьбу.

Then she commenced to pray for Roberto quickly and automatically as she had done at school, saying the prayers as fast as she could and counting them on the fingers of her left hand, praying by tens of each of the two prayers she was repeating.	Потом она стала молиться за Роберто торопливо и машинально, как, бывало, молилась в школе, бормоча молитвы скороговоркой и отсчитывая их на пальцах левой руки, по десять раз каждую из двух молитв.

Then the bridge blew and one horse snapped his halter when he rose and jerked his head at the cracking roar and he went off through the trees.	Потом раздался взрыв, и одна из лошадей взвилась на дыбы и замотала головой так, что повод лопнул, и лошадь убежала в чащу.
Maria caught him finally and brought him back, shivering, trembling, his chest dark with sweat, the saddle down, and coming back through the trees she heard shooting below and she thought I cannot stand this longer.	Но Марии в конце концов удалось поймать ее и привести назад, дрожащую, спотыкающуюся, с потемневшей от пота грудью, со сбившимся набок седлом, и, ведя ее к месту стоянки, она снова услышала стрельбу внизу и подумала: больше я не могу так.
I cannot live not knowing any longer.	Я не могу жить, не зная, что там.

I cannot breathe and my mouth is so dry.	Я не могу вздохнуть, и во рту у меня пересохло.
And I am afraid and I am no good and I frighten the horses and only caught this horse by hazard because he knocked the saddle down against a tree and caught himself kicking into the stirrups and now as I get the saddle up, Oh, God, I do not know.	И я боюсь, и от меня никакой пользы нет, только пугаю лошадей, и эту лошадь мне удалось поймать только случайно, потому что она сбила набок седло, налетев на дерево, и попала ногой в стремя, но седло я сейчас поправлю и - о господи, как же мне быть!
I cannot bear it.	Я не могу больше.

Oh please have him be all right for all my heart and all of me is at the bridge. The Republic is one thing and we must win is another thing.	Господи, сделай так, чтобы с ним ничего не случилось, потому что вся моя душа и вся я сама там, на мосту, Я знаю, первое - это Республика, а второе - то, что мы должны выиграть войну.
But, Oh, Sweet Blessed Virgin, bring him back to me from the bridge and I will do anything thou sayest ever.	Но, пресвятая, сладчайшая дева, спаси мне его, и я всегда буду делать, что ты велишь.
Because I am not here.	Ведь я не живу.
There isn't any me.	Меня больше нет.
I am only with him.	Я только в нем и с ним.

Take care of him for me and that will be me and then I will do the things for thee and he will not mind.	Сохрани мне его, тогда и я буду жить и буду все делать тебе в угоду, и он мне не запретит.
Nor will it be against the Republic.	И это не будет против Республики.
Oh, please forgive me for I am very confused.	О, прости мне, потому что я запуталась.
I am too confused now.	Я совсем запуталась во всем этом.
But if thou takest care of him I will do whatever is right.	Но если ты мне его сохранишь, я буду делать то, что правильно.
I will do what he says and what you say.	Я буду делать то, что велит он, что велишь ты.
With the two of me I will do it.	Я раздвоюсь и буду делать все.

But this now not knowing I cannot endure.	Но только оставаться здесь и не знать - этого я не могу больше.

Then, the horse tied again, she with the saddle up now, the blanket smoothed, hauling tight on the cinch she heard the big, deep voice from the timber below,	Потом, когда она уже снова привязала лошадь, поправила седло, разгладила попону и нагнулась, чтобы затянуть потуже подпругу, она вдруг услышала могучий голос Пилар:
"Maria!	- Мария!
Maria!	Мария!
Thy _Ingles_ is all right.	Твой Ingles цел.
Hear me?	Слышишь?
All right. _Sin Novedad!_"	Цел. Sin novedad.

Maria held the saddle with both hands and pressed her cropped head hard against it and cried.	Мария ухватилась за седло обеими руками, припала к нему своей стриженой головой и заплакала.
She heard the deep voice shouting again and she turned from the saddle and shouted, choking,	Потом она снова услышала голос Пилар, и оторвалась от седла, и закричала:
"Yes!	- Слышу!
Thank you!"	Спасибо!
Then, choking again, "Thank you!	- И задохнулась, перевела дух и опять закричала: -Спасибо!
Thank you very much!"	Большое спасибо!

When they heard the planes they all looked up and the planes were coming from Segovia very high in the sky, silvery in the high sky, their drumming rising over all the other sounds.	Когда донесся шум самолетов, все посмотрели вверх, и там они летели, высоко в небе, со стороны Сеговии, серебрясь в вышине, и мерный их рокот покрывал все остальные звуки.
"Those!" Pilar said.	- Они, - сказала Пилар.
"There has only lacked those!"	- Только этого еще недоставало.
Robert Jordan put his arm on her shoulders as he watched them.	Роберт Джордан положил ей руку на плечо, продолжая смотреть вверх.
"Nay, woman," he said.	- Нет, женщина, - сказал он.
"Those do not come for us.	- Они не ради нас сюда летят.

Those have no time for us.	У них для нас нет времени.
Calm thyself."	Успокойся.
"I hate them."	- Ненавижу я их!
"Me too.	- Я тоже.
But now I must go to Agustin."	Но мне теперь пора к Агустину.
He circled the hillside through the pines and all the time there was the throbbing, drumming of the planes and across the shattered bridge on the road below, around the bend of the road there was the intermittent hammering fire of a heavy machine gun.	Он стал огибать выступ склона, держась в тени сосен, и все время был слышен мерный, непрерывный рокот моторов, а из-за дальнего поворота дороги по ту сторону разрушенного моста доносился пулеметный треск.

Robert Jordan dropped down to where Agustin lay in the clump of scrub pines behind the automatic rifle and more planes were coming all the time.	Роберт Джордан бросился на землю рядом с Агустином, залегшим со своим пулеметом в молодой поросли сосняка, а самолеты в небе все прибывали и прибывали.
"What passes below?" Agustin said.	- Что там делается, на той стороне? - спросил Агустин.
"What is Pablo doing?	- Почему Пабло не идет?
Doesn't he know the bridge is gone?"	Разве он не знает, что моста уже нет?
"Maybe he can't leave."	- Может быть, он не может уйти.
"Then let us leave.	- Тогда будем уходить одни.

The hell with him."	Черт с ним.
"He will come now if he is able," Robert Jordan said.	- Он придет, как только сможет, - сказал Роберт Джордан.
"We should see him now."	- Мы его сейчас увидим.
"I have not heard him," Agustin said.	- Я что-то его не слышу, - сказал Агустин.
"Not for five minutes.	- Уже давно.
No.	Нет.
There!	Вот!
Listen!	Слушай!
There he is.	Вот он.
That's him."	Это он.

There was a burst of the spot-spot-spotting fire of the cavalry submachine gun, then another, then another.	Застрекотала - так-так-так-так-так - короткая очередь кавалерийского автомата, потом еще одна, потом еще.
"That's the bastard," Robert Jordan said.	- Он, он, черт его побери, - сказал Роберт Джордан.
He watched still more planes coming over in the high cloudless blue sky and he watched Agustin's face as he looked up at them.	Он посмотрел в высокое безоблачное синее небо, в котором шли все новые и новые самолеты, и посмотрел на Агустина, который тоже поднял голову вверх.

Then he looked down at the shattered bridge and across to the stretch of road which still was clear. He coughed and spat and listened to the heavy machine gun hammer again below the bend.	Потом он перевел глаза вниз, на разрушенный мост и на дорогу за ним, которая все еще была пуста, закашлялся, сплюнул и прислушался к треску станкового пулемета, снова раздавшемуся за поворотом.
It sounded to be in the same place that it was before.	Звук шел из того же места, что и раньше...
"And what's that?" Agustin asked.	- А что это? - спросил Агустин.
"What the unnameable is that?"	- Что это еще за дерьмо?
"It has been going since before I blew the bridge," Robert Jordan said.	- Это слышно с тех пор, как я взорвал мост, -сказал Роберт Джордан.

He looked down at the bridge now and he could see the stream through the torn gap where the center had fallen, hanging like a bent steel apron.	Он опять посмотрел вниз, на мост и речку, которая была видна в пролом посредине, где кусок настила висел, точно оборванный стальной фартук.
He heard the first of the planes that had gone over now bombing up above at the pass and more were still coming.	Слышно было, как первые самолеты уже бомбят ущелье, а со стороны Сеговии летели и летели еще.
The noise of their motors filled all the high sky and looking up he saw their pursuit, minute and tiny, circling and wheeling high above them.	Все небо теперь грохотало от их моторов, а вглядевшись попристальнее, он увидел и истребители, сопровождавшие эскадрилью; крохотные, словно игрушечные, они вились и кружили над ней в вышине.

"I don't think they ever crossed the lines the other morning," Primitivo said.	- Наверно, третьего дня они так и не долетели до фронта, - сказал Примитиво.
"They must have swung off to the west and then come back.	- Свернули, должно быть, на запад и потом назад.
They could not be making an attack if they had seen these."	Если на той стороне увидели бы их, не стали бы начинать наступление.
"Most of these are new," Robert Jordan said.	- В тот раз их не было столько, - сказал Роберт Джордан.
He had the feeling of something that had started normally and had then brought great, outsized, giant repercussions.	У него было такое чувство, будто на его глазах что-то началось нормально и естественно, а потом пошло множиться в больших, огромных, исполинских отражениях.

It was as though you had thrown a stone and the stone made a ripple and the ripple returned roaring and toppling as a tidal wave.	Будто бы бросил камешек в воду, а круги от него стали шириться, нарастать и превратились в ревущую громаду приливной волны.
Or as though you shouted and the echo came back in rolls and peals of thunder, and the thunder was deadly.	Или будто ты крикнул, а эхо вернуло твой голос оглушительными раскатами грома, а в громе этом была смерть.
Or as though you struck one man and he fell and as far as you could see other men rose up all armed and armored.	Или будто ты ударил одного человека и тот упал, а кругом, насколько хватал глаз, стали подниматься другие люди, в броне и полном вооружении.
He was glad he was not with Golz up at the pass.	Он был рад, что он сейчас не с Гольцем, там, в ущелье.

Lying there, by Agustin, watching the planes going over, listening for firing behind him, watching the road below where he knew he would see something but not what it would be, he still felt numb with the surprise that he had not been killed at the bridge.	Лежа рядом с Агустином, глядя, как летят самолеты, прислушиваясь, не стреляют ли позади, наблюдая за дорогой, где, он знал, что-нибудь скоро покажется, только не известно, что именно, он все еще не мог прийти в себя от удивления, что не погиб при взрыве.
He had accepted being killed so completely that all of this now seemed unreal.	Он настолько приготовился к гибели, что теперь все происходившее казалось ему нереальным.
Shake out of that, he said to himself.	Надо стряхнуть с себя это, подумал он.
Get rid of that.	Надо от этого избавиться.

There is much, much, much to be done today.	Мне сегодня еще много, много нужно сделать.

But it would not leave him and he felt, consciously, all of this becoming like a dream.	Но избавиться не уда- валось, и все вокруг - он сам сознавал это - было как во сне.
"You swallowed too much of that smoke," he told himself.	Ты слишком наглотал- ся дыма, вот в чем дело, сказал он себе.
But he knew it was not that.	Но он знал, что дело не в этом.

He could feel, solidly, how unreal it all was through the absolute reality and he looked down at the bridge and then back to the sentry lying on the road, to where Anselmo lay, to Fernando against the bank and back up the smooth, brown road to the stalled truck and still it was unreal.	Он упорно ощущал нереальность всего за кажущейся неоспоримой реальностью; он обводил глазами мост, убитого часового на дороге, камень, за которым лежал Ансельмо, Фернандо, вытянувшегося у подножия скалы, и гладкую, темную полосу дороги до неподвижного грузовика, но все по-прежнему оставалось нереальным.

"You better sell out your part of you quickly," he told himself. "You're like one of those cocks in the pit where nobody has seen the wound given and it doesn't show and he is already going cold with it." "Nuts," he said to himself. "You are a little groggy is all, and you have a let-down after responsibility, is all.	Чушь, сказал он себе, просто у тебя немножко мутится в голове, и это реакция после большого напряжения, вот и все.
Take it easy."	Не расстраивайся.
Then Agustin grabbed his arm and pointed and he looked across the gorge and saw Pablo.	Тут Агустин схватил его за плечо и показал пальцем на ту сторону теснины, и он взглянул и увидел Пабло.

They saw Pablo come running around the corner of the bend in the road. At the sheer rock where the road went out of sight they saw him stop and lean against the rock and fire back up the road.	Они увидели, как Пабло выбежал из-за поворота дороги, у крутой скалы, за которой дорога скрывалась из виду, остановился, прислонился к стене и выпустил очередь, повернувшись в ту сторону, откуда бежал.
Robert Jordan saw Pablo, short, heavy and stocky, his cap gone, leaning against the rock wall and firing the short cavalry automatic rifle and he could see the bright flicker of the cascading brass hulls as the sun caught them.	Роберт Джордан видел, как Пабло, невысокий, коренастый, без шапки, стоит, прислонившись к скале, с автоматом в руках, и видел, как сверкают на солнце медные гильзы.

They saw Pablo crouch and fire another burst.	Они видели, как Пабло присел на корточки и выпустил еще одну очередь.
Then, without looking back, he came running, short, bowlegged, fast, his head bent down straight toward the bridge.	Потом он повернулся и, не оглядываясь, пригнув голову, коренастый, кривоногий, проворный, побежал прямо к мосту.
Robert Jordan had pushed Agustin over and he had the stock of the big automatic rifle against his shoulder and was sighting on the bend of the road.	Роберт Джордан оттолкнул Агустина в сторону, упер приклад большого пулемета в плечо и стал наводить его на поворот дороги.
His own submachine gun lay by his left hand.	Его автомат лежал рядом.

It was not accurate enough for that range.	На таком расстоянии он не мог дать достаточную точность прицела.
As Pablo came toward them Robert Jordan sighted on the bend but nothing came.	Пока Пабло бежал к мосту, Роберт Джордан навел пулемет на поворот дороги, но там больше ничего не было видно.

Pablo had reached the bridge, looked over his shoulder once, glanced at the bridge, and then turned to his left and gone down into the gorge and out of sight.	Пабло добежал до моста, оглянулся назад, потом глянул на мост и, отбежав на несколько шагов, полез вниз, в теснину.
Robert Jordan was still watching the bend and nothing had come in sight.	Роберт Джордан не сводил глаз с поворота, но ничего не было видно.

Agustin got up on one knee.	Агустин привстал на одно колено.
He could see Pablo climbing down into the gorge like a goat.	Он смотрел, как Пабло, точно горный козел, прыгает с камня на камень.
There had been no noise of firing below since they had first seen Pablo.	После появления Пабло за поворотом больше не стреляли.
"You see anything up above?	-Ты что-нибудь видишь там, наверху?
On the rocks above?" Robert Jordan asked.	На скале? - спросил Роберт Джордан.
"Nothing."	- Нет, ничего.

Robert Jordan watched the bend of the road.	Роберт Джордан следил за поворотом дороги.
He knew the wall just below that was too steep for any one to climb but below it eased and some one might have circled up above.	Он знал, что сейчас же за поворотом каменная стена слишком крута и влезть на нее невозможно, но дальше были места более пологие, и кто-нибудь мог обойти выступ поверху.
If things had been unreal before, they were suddenly real enough now.	Если до сих пор все казалось ему нереальным, сейчас все вдруг обрело реальность.
It was as though a reflex lens camera had been suddenly brought into focus.	Как будто объектив фотоаппарата вдруг удалось навести на фокус.

It was then he saw the low-bodied, angled snout and squat green, gray and brown-splashed turret with the projecting machine gun come around the bend into the bright sun.	Тогда-то он и увидел, как из-за поворота высунулось на освещенную солнцем дорогу обрубленное, тупое рыльце и приземистая зелено-серо-коричневая башенка, из которой торчал пулемет.
He fired on it and he could hear the spang against the steel.	Он выстрелил и услышал, как пули звякнули о стальную обшивку.
The little whippet tank scuttled back behind the rock wall.	Маленький танк юркнул назад, за выступ скалы.

Watching the corner, Robert Jordan saw the nose just reappear, then the edge of the turret showed and the turret swung so that the gun was pointing down the road.	Продолжая наблюдать, Роберт Джордан увидел, как из-за угла опять показался его тупой нос и край башни, потом башня повернулась, так что ствол пулемета был теперь направлен параллельно дороге.
"It seems like a mouse coming out of his hole," Agustin said.	- Точно мышь из норы вылезла, - сказал Агустин.
"Look, _Ingles_."	- Гляди, Ingles.
"He has little confidence," Robert Jordan said.	- Он не знает, что ему делать, - сказал Роберт Джордан.

"This is the big insect Pablo has been fighting," Agustin said.	- Вот от этой букашки и отстреливался Пабло, -сказал Агустин.

"Hit him again, _Ingles_."	- Ну-ка, Ingles, всыпь ей еще.
"Nay.	- Нет.
I cannot hurt him.	Броню не пробьешь.
I don't want him to see where we are."	И не нужно, чтобы они засекли нас.
The tank commenced to fire down the road.	Танк начал обстреливать дорогу.
The bullets hit the road surface and sung off and now they were pinging and clanging in the iron of the bridge.	Пули ударялись в гудрон и отскакивали с жужжанием, потом стали звякать о металл моста.

It was the same machine gun they had heard below.	Это и был тот пулемет, который они слышали раньше.
"_Cabron!_" Agustin said.	- Cabron! - сказал Агустин.
"Is that the famous tanks, _Ingles?_"	- Так вот они какие, твои знаменитые танки, Ingles?
"That's a baby one."	- Это скорее танкетка.
"_Cabron_.	- Cabron!
If I had a baby bottle full of gasoline I would climb up there and set fire to him.	Будь у меня бутылка бензина, влез бы я туда и поджег его.
What will he do, _Ingles?_"	Что он будет делать дальше?

"After a while he will have another look."	- Подождет немного, потом еще осмотрится.
"And these are what men fear," Agustin said.	- И вот этого-то люди боятся! - сказал Агустин.
"Look, _Ingles!_ He's rekilling the sentries."	- Смотри, Ingles. Он хочет убить убитых!
"Since he has no other target," Robert Jordan said.	- У него нет другой мишени, вот он и стреляет по часовым, - сказал Роберт Джордан.
"Do not reproach him."	- Не брани его.
But he was thinking, Sure, make fun of him.	Но он думал: да, конечно, смеяться легко.

But suppose it was you, way back here in your own country and they held you up with firing on the main road.	Но представь себе, что это ты продвигаешься по шоссе на своей территории, и вдруг тебя останавливают пулеметным огнем.
Then a bridge was blown.	Потом впереди взрывается мост.
Wouldn't you think it was mined ahead or that there was a trap?	Разве не естественно подумать, что он был минирован заранее и что где-то недалеко подстерегает засада.
Sure you would.	Конечно, и ты бы так подумал.
He's done all right.	Он совершенно прав.
He's waiting for something else to come up.	Он выжидает.

He's engaging the enemy.	Он выманивает врага.
It's only us.	Враг - это всего только мы.
But he can't tell that.	Но он этого не может знать.
Look at the little bastard.	Ах ты сволочушка.

The little tank had nosed a little farther around the corner.	Маленький танк выполз немного вперед из-за угла.
Just then Agustin saw Pablo coming over the edge of the gorge, pulling himself over on hands and knees, his bristly face running with sweat.	И тут Агустин увидел Пабло, который вылезал из теснины, подтягиваясь на руках, пот лил по его обросшему щетиной лицу.

"Here comes the son of a bitch," he said.	- Вот он, сукин сын! - сказал он.
"Who?"	- Кто?
"Pablo."	- Пабло.
Robert Jordan looked, saw Pablo, and then he commenced firing at the part of the camouflaged turret of the tank where he knew the slit above the machine gun would be.	Роберт Джордан оглянулся на Пабло, а потом выпустил очередь по тому месту замаскированной башенки танка, где, по его расчетам; должна была находиться смотровая щель.

The little tank whirred backwards, scuttling out of sight and Robert Jordan picked up the automatic rifle, clamped the tripod against the barrel and swung the gun with its still hot muzzle over his shoulder.	Маленький танк, ворча, попятился назад и скрылся за поворотом, и тотчас же Роберт Джордан подхватил пулемет и перекинул его вместе со сложенной треногой за плечо.
The muzzle was so hot it burned his shoulder and he shoved it far behind him turning the stock flat in his hand.	Ствол был накален до того, что ему обожгло спину, и он отвел его, прижав к себе приклад.

"Bring the sack of pans and my little _maquina_," he shouted, "and come running."	- Бери мешок с дисками и мою маленькую maquina, - крикнул он. - И беги за мной.
Robert Jordan ran up the hill through the pines.	Роберт Джордан бежал по склону вверх, пробираясь между соснами.
Agustin was close behind him and behind him Pablo was coming.	Агустин поспевал почти вплотную за ним, а сзади их нагонял Пабло.
"Pilar!" Jordan shouted across the hill.	- Пилар! - закричал Роберт Джордан.
"Come on, woman!"	- Сюда, женщина!

The three of them were going as fast as they could up the steep slope. They could not run any more because the grade was too severe and Pablo, who had no load but the light cavalry submachine gun, had closed up with the other two.	Все трое так быстро, как только могли, взбирались по крутому склону, бежать уже нельзя было, потому что подъем стал почти отвесным, и Пабло, который шел налегке, если не считать кавалерийского автомата, скоро поравнялся с остальными.
"And thy people?" Agustin said to Pablo out of his dry mouth.	- А твои люди? - спросил Агустин, с трудом ворочая пересохшим языком.
"All dead," Pablo said.	- Все убиты, - сказал Пабло.
He was almost unable to breathe.	Он никак не мог перевести дух.

Agustin turned his head and looked at him.	Агустин повернул голову и посмотрел на него.
"We have plenty of horses now, _Ingles_," Pablo panted.	- Теперь у нас лошадей много, Ingles, - задыхаясь, выговорил Пабло.
"Good," Robert Jordan said.	- Это хорошо, - сказал Роберт Джордан.
The murderous bastard, he thought.	Сволочь, убийца, подумал он.
"What did you encounter?"	- Что там у вас было?

"Everything," Pablo said.	- Все, - сказал Пабло.
He was breathing in lunges.	Дыхание вырывалось у него толчками.

"What passed with Pilar?"	- Как у Пилар?
"She lost Fernando and the brother--"	- Она потеряла двоих - Фернандо и этого, как его...
"Eladio," Agustin said.	- Эладио, - сказал Агустин.
"And thou?" Pablo asked.	-А у тебя? - спросил Пабло.
"I lost Anselmo."	- Я потерял Ансельмо.
"There are lots of horses," Pablo said.	- Лошадей, значит, сколько угодно, - сказал Пабло.
"Even for the baggage."	- Даже под поклажу хватит.
Agustin bit his lip, looked at Robert Jordan and shook his head.	Агустин закусил губу, взглянул на Роберта Джордана и покачал головой.

Below them, out of sight through the trees, they heard the tank firing on the road and bridge again.	Они услышали, как танк, невидимый теперь за деревьями, опять начал обстреливать дорогу и мост.
Robert Jordan jerked his head.	Роберт Джордан мотнул головой в ту сторону.
"What passed with that?" he said to Pablo.	- Что у тебя вышло с этим?
He did not like to look at Pablo, nor to smell him, but he wanted to hear him.	- Ему не хотелось ни смотреть на Пабло, ни чувствовать его запах, но ему хотелось услышать, что он скажет.
"I could not leave with that there," Pablo said.	- Я не мог уйти, пока он там стоял, - сказал Пабло.
"We were barricaded at the lower bend of the post.	- Он нам загородил выход с поста.

Finally it went back to look for something and I came."	Потом он отошел зачем-то, и я побежал.
"What were you shooting at, at the bend?" Agustin asked bluntly.	- В кого ты стрелял, когда остановился на повороте? - в упор спросил Агустин.
Pablo looked at him, started to grin, thought better of it, and said nothing.	Пабло посмотрел на него, хотел было усмехнуться, но раздумал и ничего не ответил.
"Did you shoot them all?" Agustin asked.	-Ты их всех перестрелял? - спросил Агустин.
Robert Jordan was thinking, keep your mouth shut.	Роберт Джордан думал: ты молчи.
It is none of your business now.	Это уже не твое дело.

They have done all that you could expect and more.	Для тебя они сделали все, что нужно было, и даже больше.
This is an intertribal matter.	А это уже их междоусобные счеты.
Don't make moral judgments.	И не суди с точки зрения этики.
What do you expect from a murderer?	Чего ты еще ждал от убийцы?
You're working with a murderer.	Ведь ты работаешь с убийцей.
Keep your mouth shut.	А теперь молчи.

You knew enough about him before.	Ты достаточно слышал о нем раньше.
This is nothing new.	Ничего нового тут нет.
But you dirty bastard, he thought.	Но и сволочь же все-таки, подумал он.

You dirty, rotten bastard.	Ох, какая сволочь!
His chest was aching with climbing as though it would split after the running and ahead now through the trees he saw the horses.	От крутого подъема у него так кололо в груди, как будто вот-вот грудная клетка треснет, но впереди, за деревьями, уже виднелись лошади.
"Go ahead," Agustin was saying.	- Чего же ты молчишь? - говорил Агустин.
"Why do you not say you shot them?"	- Почему не скажешь, что это ты перестрелял их?
"Shut up," Pablo said.	- Отвяжись, - сказал Пабло.
"I have fought much today and well.	- Я сегодня много и хорошо дрался.
Ask the _Ingles_."	Спроси Ingles.

"And now get us through today," Robert Jordan said.	- А теперь доведи дело до конца, вытащи нас отсюда, - сказал Роберт Джордан.
"For it is thee who has the plan for this."	- Ведь этот план ты составлял.
"I have a good plan," Pablo said.	- Я составил хороший план, - сказал Пабло.
"With a little luck we will be all right."	- Если повезет, все выберемся благополучно.
He was beginning to breathe better.	Он уже немного отдышался.
"You're not going to kill any of us, are you?" Agustin said.	- А ты никого из нас не задумал убить? - спросил Агустин.
"For I will kill thee now."	- Уж лучше тогда я тебя убью сейчас.
"Shut up," Pablo said.	- Отвяжись, - сказал Пабло.

"I have to look after thy interest and that of the band.	- Я должен думать о твоей пользе и о пользе всего отряда.
This is war.	Это война.
One cannot do what one would wish."	На войне не всегда делаешь, что хочешь.
"_Cabron_," said Agustin.	- Cabron, - сказал Агустин.
"You take all the prizes."	- Ты-то уж не останешься внакладе.
"Tell me what thou encountered below," Robert Jordan said to Pablo.	- Расскажи, что было там, на посту, - сказал Роберт Джордан Пабло.
"Everything," Pablo repeated.	- Все, - повторил Пабло.

He was still breathing as though it were tearing his chest but he could talk steadily now and his face and head were running with sweat and his shoulders and chest were soaked with it.	Он дышал так, как будто ему распирало грудь, но голос уже звучал ровно; пот катился по его лицу и шее, и грудь, и плечи были мокрые от пота.
He looked at Robert Jordan cautiously to see if he were really friendly and then he grinned.	Он осторожно покосился на Роберта Джордана, не зная, можно ли доверять его дружелюбному тону, и потом ухмыльнулся во весь рот.
"Everything," he said again.	- Все, - сказал он опять.

"First we took the post.	- Сначала мы заняли пост.
Then came a motorcyclist.	Потом проехал мотоцикл.

Then another.	Потом еще один.
Then an ambulance.	Потом санитарная машина.
Then a camion.	Потом грузовик.
Then the tank.	Потом танк.
Just before thou didst the bridge."	Как раз перед тем, как ты взорвал мост.
"Then--"	- Потом...
"The tank could not hurt us but we could not leave for it commanded the road.	- Танк нам ничего не мог сделать, но выйти мы не могли, потому что он держал под обстрелом дорогу.
Then it went away and I came."	Потом он отошел куда-то, и я побежал.
"And thy people?" Agustin put in, still looking for trouble.	- А твои люди? - спросил Агустин, все еще вызывая его на ссору.

"Shut up," Pablo looked at him squarely, and his face was the face of a man who had fought well before any other thing had happened.	- Отвяжись! - Пабло круто повернулся к нему, и на лице у него было выражение человека, который хорошо сражался до того, как случилось что-то другое.
"They were not of our band."	- Они не из нашего отряда.

Now they could see the horses tied to the trees, the sun coming down on them through the pine branches and them tossing their heads and kicking against the botflies and Robert Jordan saw Maria and the next thing he was holding her tight, tight, with the automatic rifle leaning against his side, the flash-cone pressing against his ribs and Maria saying,	Теперь уже совсем близко были лошади, привязанные к деревьям, солнце освещало их сквозь ветви сосен, и они мотали головой и лягались, отгоняя слепней, и потом Роберт Джордан увидел Марию, и в следующее мгновение он уже обнимал ее крепко-крепко, сдвинув пулемет на бок, так что пламегаситель вонзился ему под ребро, а Мария все повторяла:
"Thou, Roberto.	- Ты, Роберто.
Oh, thou."	Ах, ты.
"Yes, rabbit.	- Да, зайчонок.

My good, good rabbit.	Мой милый, милый зайчонок.
Now we go."	Теперь мы уйдем.
"Art thou here truly?"	- Это правда, что ты здесь?
"Yes. Yes.	- Да, да.
Truly.	Все правда.
Oh, thou!"	Ах, ты!

He had never thought that you could know that there was a woman if there was battle; nor that any part of you could know it, or respond to it; nor that if there was a woman that she should have breasts small, round and tight against you through a shirt; nor that they, the breasts, could know about the two of them in battle.	Он никогда раньше не думал, что можно помнить о женщине, когда идет бой; что хотя бы частью своего сознания можно помнить о ней и откликаться ей; что можно чувствовать, как ее маленькие круглые груди прижимаются к тебе сквозь рубашку; что они, эти груди, могут помнить о том, что вы оба в бою.
But it was true and he thought, good.	Но это было так, и это было, думал он, очень хорошо.

That's good.	Очень, очень хорошо.
I would not have believed that and he held her to him once hard, hard, but he did not look at her, and then he slapped her where he never had slapped her and said,	Никогда бы я не поверил в это. И он прижал ее к себе еще раз сильно-сильно, но не посмотрел на нее, а потом он шлепнул ее так, как никогда не шлепал раньше, и сказал:
"Mount.	- Садись!
Mount.	Садись!
Get on that saddle, _guapa_."	Прыгай в седло, guapa.

Then they were untying the halters and Robert Jordan had given the automatic rifle back to Agustin and slung his own submachine gun over his back, and he was putting bombs out of his pockets into the saddlebags, and he stuffed one empty pack inside the other and tied that one behind his saddle.	Потом отвязывали лошадей, и Роберт Джордан отдал большой пулемет Агустину, а сам перекинул за спину свой автомат и переложил гранаты из карманов в седельные вьюки, а пустые рюкзаки вложил один в другой и привязал к своему седлу.
Then Pilar came up, so breathless from the climb she could not talk, but only motioned.	Потом подошла Пилар, она так задохнулась от подъема, что не могла говорить, а только делала знаки руками.

Then Pablo stuffed three hobbles he had in his hand into a saddlebag, stood up and said, "_Que tal_, woman?" and she only nodded, and then they were all mounting.	Тогда Пабло засунул в седельный вьюк три веревки, которыми раньше были стреножены лошади, встал и сказал: - Que tal, женщина? - Но она только кивнула, и потом все стали садиться на лошадей.
Robert Jordan was on the big gray he had first seen in the snow of the morning of the day before and he felt that it was much horse between his legs and under his hands.	Роберту Джордану достался тот самый серый, которого он впервые увидел сквозь снег вчера утром, и, сжимая его бока шенкелями, он чувствовал, что это стоящая лошадь.

He was wearing rope-soled shoes and the stirrups were a little too short; his submachine gun was slung over his shoulder, his pockets were full of clips and he was sitting reloading the one used clip, the reins under one arm, tight, watching Pilar mount into a strange sort of seat on top of the duffle lashed onto the saddle of the buckskin.	Он был в сандалиях на веревочной подошве, и стремена были ему коротковаты; автомат торчал за спиной, карманы были полны патронов, и он плотно сидел в седле, захватив поводья под мышку, перезаряжал расстрелянный магазин и смотрел, как Пилар взгромождается на импровизированное сиденье поверх огромного тюка, привязанного к седлу буланой.
"Cut that stuff loose for God's sake," Primitivo said.	- Брось ты это, ради бога, - сказал Примитиво.

"Thou wilt fall and the horse cannot carry it."	- Свалишься оттуда, да и лошади не свезти столько.
"Shut up," said Pilar.	- Заткнись, - сказала Пилар.

"We go to make a life with this."	- Этим мы живы будем.
"Canst ride like that, woman?" Pablo asked her from the _guardia civil_ saddle on the great bay horse.	- Усидишь так, женщина? - спросил Пабло; он сидел в жандармском седле на гнедом жеребце.
"Like any milk peddler," Pilar told him.	- Что я, хуже бродячего торговца, туда его растак, - сказала Пилар.
"How do you go, old one?"	- Как поедем, старик?
"Straight down.	- Прямо вниз.

Across the road.	Через дорогу.
Up the far slope and into the timber where it narrows."	Потом вверх по тому склону и лесом к перевалу.
"Across the road?"	- Через дорогу?
Agustin wheeled beside him, kicking his soft-heeled, canvas shoes against the stiff, unresponding belly of one of the horses Pablo had recruited in the night.	- Агустин подъехал к нему, колотя своими мягкими парусиновыми башмаками по тугому и неподатливому брюху лошади, одной из тех, которые Пабло раздобыл накануне ночью.
"Yes, man.	- Да, hombre.
It is the only way," Pablo said.	Другого пути тут нет, - сказал Пабло.
He handed him one of the lead ropes.	Он передал ему поводья одной из трех вьючных лошадей.

Primitivo and the gypsy had the others.	Двух других лошадей должны были повести Примитиво и цыган.
"Thou canst come at the end if thou will, _Ingles_," Pablo said.	- Ты можешь ехать последним, если хочешь, Ingles, - сказал Пабло.
"We cross high enough to be out of range of that _maquina_.	- Мы пересечем дорогу гораздо ниже, туда их maquina не достанет.
But we will go separately and riding much and then be together where it narrows above."	Но поедем поодиночке и съедемся уже потом, ближе к перевалу.
"Good," said Robert Jordan.	- Ладно, - сказал Роберт Джордан.
They rode down through the timber toward the edge of the road.	Они тронулись лесом по склону вниз, туда, где проходила дорога.

Robert Jordan rode just behind Maria.	Роберт Джордан ехал вплотную за Марией.
He could not ride beside her for the timber.	Ехать рядом с ней он не мог, мешали деревья.
He caressed the gray once with his thigh muscles, and then held him steady as they dropped down fast and sliding through the pines, telling the gray with his thighs as they dropped down what the spurs would have told him if they had been on level ground.	Он один раз ласково сдавил серому бока шенкелями, а потом только сдерживал его на крутом спуске между сосен, шенкелями говоря ему то, что сказали бы шпоры, если бы он ехал по ровному месту.
"Thou," he said to Maria, "go second as they cross the road.	- Guapa, - сказал он Марии. - Когда надо будет пересекать дорогу, ты поезжай вторая.

First is not so bad though it seems bad.	Первым ехать совсем не опасно, хотя кажется, что это опаснее всего.
Second is good.	Вторым еще лучше.

It is later that they are always watching for."	Они всегда выжидают, что дальше будет.
"But thou--"	- А ты...
"I will go suddenly.	- Я поеду потом, когда они перестанут ждать.
There will be no problem.	Это очень просто.
It is the places in line that are bad."	Опаснее всего ехать в строю.

He was watching the round, bristly head of Pablo, sunk in his shoulders as he rode, his automatic rifle slung over his shoulder.	Впереди он видел круглую щетинистую голову Пабло, втянутую в плечи, и торчащий за спиной ствол его автомата.
He was watching Pilar, her head bare, her shoulders broad, her knees higher than her thighs as her heels hooked into the bundles.	Он видел Пилар, ее непокрытую голову, широкие плечи, согнутые колени, приходившиеся выше бедер из-за узлов, в которые она упиралась каблуками.
She looked back at him once and shook her head.	Один раз она оглянулась на него и покачала головой.
"Pass the Pilar before you cross the road," Robert Jordan said to Maria.	- Прежде чем пересекать дорогу, обгони Пилар, -сказал Роберт Джордан Марии.

Then he was looking through the thinning trees and he saw the oiled dark of the road below and beyond it the green slope of the hillside.	Потом деревья впереди поредели, и он увидел внизу темный гудрон дороги, а за ним зелень противоположного склона.
We are above the culvert, he saw, and just below the height where the road drops down straight toward the bridge in that long sweep.	Мы сейчас выше дренажной трубы, подумал он, и чуть ниже того места, откуда дорога покато идет под уклон до самого моста.
We are around eight hundred yards above the bridge.	Мы выедем примерно ярдов на восемьсот выше моста.
That is not out of range for the Fiat in that little tank if they have come up to the bridge.	Это еще раз в радиусе действия пулемета, если танк успел подойти к самому мосту.
"Maria," he said.	- Мария, - сказал он.

"Pass the Pilar before we reach the road and ride wide up that slope."	- Ты обгони Пилар раньше, чем мы выедем на дорогу, а потом прямо забирай по склону вверх!
She looked back at him but did not say anything.	Она оглянулась на него и ничего не сказала.
He did not look at her except to see that she had understood.	Он посмотрел на нее только раз, чтобы увериться, что она поняла.
"_Comprendes?_" he asked her.	- Понимаешь? - спросил он.
She nodded.	Она кивнула.
"Move up," he said.	-Так поезжай вперед, - сказал он.
She shook her head.	Она покачала головой.
"Move up!"	- Поезжай вперед!

"Nay," she told him, turning around and shaking her head. "I go in the order that I am to go."	- Нет, - ответила она и, оглянувшись, покачала головой, - я поеду в свою очередь.

Just then Pablo dug both his spurs into the big bay and he plunged down the last pine-needled slope and cross the road in a pounding, sparking of shod hooves.	И тут как раз Пабло вонзил шпоры в гнедого жеребца, и тот галопом проскочил последний, усыпанный сосновыми иглами откос и перелетел дорогу, меча искры из-под копыт.

The others came behind him and Robert Jordan saw them crossing the road and slamming on up the green slope and heard the machine gun hammer at the bridge.	Остальные поскакали за ним, и Роберт Джордан видел, как они один за другим пересекали дорогу и въезжали на зеленый склон, и слышал, как у моста застрекотал пулемет.
Then he heard a noise come sweeeish-crack-boom!	Потом он услышал новый звук - "суишш-крак-бум!".
The boom was a sharp crack that widened in the cracking and on the hillside he saw a small fountain of earth rise with a plume of gray smoke.	Это "бум" раскатилось по окрестным горам, и он увидел, как на зеленом склоне взметнулся маленький фонтан земли, а над ним заклубилось облако серого дыма.

Sweeish-crack-boom! It came again, the swishing like the noise of a rocket and there was another up-pulsing of dirt and smoke farther up the hillside.	"Суишш-крак-бум!" - опять зашипело, точно ракета, и потом бухнуло, и опять брызги земли и дым, на этот раз ближе к вершине склона.
Ahead of him the gypsy was stopped beside the road in the shelter of the last trees.	Цыган, ехавший впереди, остановился в тени последних сосен над дорогой.
He looked ahead at the slope and then he looked back toward Robert Jordan.	Он посмотрел на ту сторону и потом оглянулся на Роберта Джордана.
"Go ahead, Rafael," Robert Jordan said.	- Скачи, Рафаэль, - сказал Роберт Джордан.
"Gallop, man!"	- Вперед!

The gypsy was holding the lead rope with the pack-horse pulling his head taut behind him.	Цыган держал в руках повод вьючной лошади, которая шла за ним, мотая головой.
"Drop the pack-horse and gallop!" Robert Jordan said.	- Брось вьючную лошадь и скачи! - сказал Роберт Джордан.

He saw the gypsy's hand extended behind him, rising higher and higher, seeming to take forever as his heels kicked into the horse he was riding and the rope came taut, then dropped, and he was across the road and Robert Jordan was kneeing against a frightened packhorse that bumped back into him as the gypsy crossed the hard, dark road and he heard his horse's hooves clumping as he galloped up the slope.	Он увидел, как рука цыгана ушла назад, выше, выше, и веревка натянулась, как струна, и потом упала, и цыган, ударив пятками в бока своей лошади, уже несся через дорогу, и когда Роберт Джордан оттолкнул от себя вьючную лошадь, испуганно прянувшую на него, цыган уже был на той стороне и галопом мчался по склону вверх, и слышен был глухой стук копыт.
Wheeeeeeish-ca-rack!	"Суиишш-ка-рак!"

The flat trajectory of the shell came and he saw the gypsy jink like a running boar as the earth spouted the little black and gray geyser ahead of him.	Снаряд пролетел совсем низко, и Роберт Джордан увидел, как цыган метнулся в сторону, точно затравленный зверь, а впереди него опять забил маленький черно-серый гейзер.
He watched him galloping, slow and reaching now, up the long green slope and the gun threw behind him and ahead of him and he was under the fold of the hill with the others.	Потом он увидел, что цыган снова скачет вверх по длинному зеленому склону, теперь уже медленнее и ровнее, а снаряды ложатся то позади него, то впереди, и потом он скрылся за складкой горы, там, где должны были ждать остальные.

I can't take the damned pack-horse, Robert Jordan thought.	Нет, эту чертову вьючную лошадь я не могу взять с собой, подумал Роберт Джордан.

Though I wish I could keep the son of a bitch on my off side.	А было бы неплохо прикрыться ею со стороны моста.
I'd like to have him between me and that 47 mm. they're throwing with.	Было бы неплохо, если б она шла между мной и той сорокасемимиллиметровкой, из которой они шпарят с моста.
By God, I'll try to get him up there anyway.	Черт подери, попробую ее потащить.

He rode up to the pack-horse, caught hold of the hackamore, and then, holding the rope, the horse trotting behind him, rode fifty yards up through the trees.	Он подъехал к вьючной лошади, подобрал упавший конец веревки и, ведя лошадь за собой, проехал ярдов пятьдесят параллельно дороге в сторону, противоположную мосту.
At the edge of the trees he looked down the road past the truck to the bridge.	Потом он остановился и, подъехав ближе к опушке, оглянулся на дорогу, на темневший на ней грузовик и на мост.

He could see men out on the bridge and behind it looked like a traffic jam on the road.	На мосту копошились люди, а дальше на дороге образовалось нечто напоминавшее уличную пробку.
Robert Jordan looked around, saw what he wanted finally and reached up and broke a dead limb from a pine tree.	Роберт Джордан огляделся по сторонам и, увидев наконец то, что ему нужно было, привстал на стременах и обломал сухую сосновую ветку.

He dropped the hackamore, edged the pack-horse up to the slope that slanted down to the road and then hit him hard across the rump with the tree branch.	Он подвел вьючную лошадь к краю обрыва над дорогой, бросил веревку и, размахнувшись, стегнул лошадь веткой по крупу.

"Go on, you son of a bitch," he said, and threw the dead branch after him as the pack-horse crossed the road and started across the slope.	"Вперед, сучья дочь", - сказал он, и когда лошадь перебежала дорогу и стала взбираться по склону вверх, он швырнул ветку ей вслед.
The branch hit him and the horse broke from a run into a gallop.	Ветка попала в цель, и лошадь с рыси перешла на галоп.

Robert Jordan rode thirty yards farther up the road; beyond that the bank was too steep.	Роберт Джордан проехал еще тридцать ярдов вдоль дороги; дальше склон обрывался слишком круто.
The gun was firing now with the rocket whish and the cracking, dirt-spouting boom.	Орудие стреляло теперь почти беспрерывно: словно шипение ракеты и потом гулкий, взрывающий землю удар.

"Come on, you big gray fascist bastard," Robert Jordan said to the horse and put him down the slope in a sliding plunge. Then he was out in the open, over the road that was so hard under the hooves he felt the pound of it come up all the way to his shoulders, his neck and his teeth, onto the smooth of the slope, the hooves finding it, cutting it, pounding it, reaching, throwing	"Ну, фашистская скотинка, вперед", - сказал Роберт Джордан серому и пустил его стремительным аллюром вниз с горы, и, вылетев на открытое место, вскачь промчался через дорогу, чувствуя, как удары копыт о гудрон отдаются во всем его теле до плеч, затылка и челюстей, а потом вверх, по склону, и копыта нацеливались, ударяли, врезались в мягкую землю, отталкивались, взлетали, неслись, и, оглянувшись назад, он увидел мост в ракурсе, в котором ни разу не видал его раньше.

It crossed in profile now without foreshortening and in the center was the broken place and behind it on the road was the little tank and behind the little tank was a big tank with a gun that flashed now yellow-bright as a mirror and the screech as the air ripped apart seemed almost over the gray neck that stretched ahead of him, and he turned his head as the dirt fountained up the hillside.	Он был виден в профиль, не сокращенный в перспективе, и посредине его зиял пролом, и за ним на дороге стоял маленький танк, а за маленьким танком большой танк с пушкой, дуло которой было направлено прямо на Роберта Джордана, и оно вдруг сверкнуло ослепительно-желтым, точно медное зеркало, и воздух с треском разодрался прямо над шеей серого, и не успел он отвернуть голову, как впереди взметнулся фонтан камней и земли.

The pack-horse was ahead of him swinging too far to the right and slowing down and Robert Jordan, galloping, his head turned a little toward the bridge, saw the line of trucks halted behind the turn that showed now clearly as he was gaining height, and he saw the bright yellow flash that signalled the instant whish and boom, and the shell fell short, but he heard the metal sailing from where the dirt rose.	Вьючная лошадь шла перед ним, но она слишком уклонилась вправо и уже начинала сдавать, а Роберт Джордан все скакал и скакал и, глянув в сторону моста, увидел длинную вереницу грузовиков, остановившуюся за поворотом, -теперь с высоты все было хорошо видно, - и тут опять сверкнула желтая вспышка, предвещая новое "суиишшш" и "бум". И снаряд лег, не долетев, но он услышал, как посыпались металлические осколки вперемежку со взрытой землей.

He saw them all ahead in the edge of the timber watching him and he said, "_Arre caballo!_ Go on, horse!" and felt his big horse's chest surging with the steepening of the slope and saw the gray neck stretching and the gray ears ahead and he reached and patted the wet gray neck, and he looked back at the bridge and saw the bright flash from the heavy, squat, mud-colored tank there on the road and then he did not hear any whish but only a banging acrid smelling	Впереди он увидел остальных, они сгрудились на опушке леса и ждали его, и он сказал: "Arre caballo! Вперед, лошадка!" Он чувствовал, как тяжело дышит лошадь от подъема, который становится все круче, и увидел вытянутую серую шею и серые уши торчком, и он наклонился и потрепал лошадь по серий потной шее, и опять оглянулся на мост, и увидел яркую вспышку над грузным, приземистым, грязного цвета танком там, на дороге, но шипения он не услышал, только грохнуло оглушительно, звонко, с едким запахом, точно разорвало паровой котел, и он оказался на земле, а

He could move all right.	Двигаться он мог.
He could move toward the right.	Он мог двигаться вправо.
But his left leg stayed perfectly flat under the horse as he moved to the right.	Но когда он двигался вправо, его левая нога оставалась неподвижной под лошадью.
It was as though there was a new joint in it; not the hip joint but another one that went sideways like a hinge.	В ней как будто появился новый сустав, не тазобедренный, а другой, на котором бедро поворачивалось, как на шарнире.

Then he knew what it was all right and just then the gray horse knee- ed himself up and Robert Jordan's right leg, that had kicked the stirrup loose just as it should, slipped clear over the saddle and came down beside him and he felt with his two hands of his thigh bone where the left leg lay flat against the ground and his hands both felt the sharp bone and where it pressed against the skin.	Потом он понял, что произошло, и как раз в это время серая лошадь привстала на колени, и правая нога Роберта Джордана, выпроставшись из стремени, скользнула по седлу и легла на землю, и он обеими руками схватился за бедро левой ноги, которая по-прежнему лежала неподвижно, и его ладони нащупали острый конец кости, выпиравший под кожей.

The gray horse was standing almost over him and he could see his ribs heaving.	Серая лошадь стояла почти над ним, и он видел, как у нее ходят ребра.
The grass was green where he sat and there were meadow flowers in it and he looked down the slope across to the road and the bridge and the gorge and the road and saw the tank and waited for the next flash.	Трава под ним была зеленая, и в ней росли луговые цветы, и он посмотрел вниз, увидел дорогу, теснину, мост, и опять дорогу, и увидел танк, и приготовился к новой вспышке.

It came almost at once with again no whish and in the burst of it, with the smell of the high explosive, the dirt clods scattering and the steel whirring off, he saw the big gray horse sit quietly down beside him as though it were a horse in a circus.	Она сейчас же почти и сверкнула, но шипения опять не было слышно, только сразу бухнуло и запахло взрывчаткой, и, когда рассеялась туча взрытой земли и перестали сыпаться осколки, он увидел, как серая лошадь мирно села на задние ноги рядом с ним, точно дрессированная в цирке.
And then, looking at the horse sitting there, he heard the sound the horse was making.	И сейчас же, глядя на сидевшую лошадь, он услышал ее странный хрип.

Then Primitivo and Agustin had him under the armpits and were dragging him up the last slope and the new joint in his leg let it swing any way the ground swung it.	Потом Примитиво и Агустин, подхватив его под мышки, тащили на последний подъем, и левая нога, задевая за землю, проворачивалась в новом суставе.
Once a shell whished close over them and they dropped him and fell flat, but the dirt scattered over them and and the metal sung off and they picked him up again.	Один раз прямо над ними просвистел снаряд, и они бросились на землю, выпустив Роберта Джордана, но их только обсыпало сверху землей, и, когда стих град осколков, они опять подхватили его и понесли.

And then they had him up to the shelter of the long draw in the timber where the horses were, and Maria, Pilar and Pablo were standing over him.	Наконец они добрались с ним до оврага в лесу, где были лошади, и Мария, и Пилар и Пабло окружили его.
Maria was kneeling by him and saying,	Мария стояла возле него на коленях и говорила:
"Roberto, what hast thou?"	- Роберто, что с тобой?
He said, sweating heavily,	Он сказал, обливаясь потом:
"The left leg is broken, _guapa_."	- Левая нога сломана, Мария.
"We will bind it up," Pilar said.	- Мы тебе ее перевяжем, - сказала Пилар.
"Thou canst ride that."	- Поедешь вот на этом.

She pointed to one of the horses that was packed.	- Она указала на одну из вьючных лошадей.
"Cut off the load."	- Снимайте поклажу.
Robert Jordan saw Pablo shake his head and he nodded at him.	Роберт Джордан увидел, что Пабло качает головой, и кивнул ему.
"Get along," he said.	- Собирайтесь, - сказал он.
Then he said, "Listen, Pablo. Come here."	Потом он сказал: - Слушай, Пабло, иди сюда.
The sweat-streaked, bristly face bent down by him and Robert Jordan smelt the full smell of Pablo.	Потное, обросшее щетиной лицо наклонилось над ним, и в нос Роберту Джордану ударил запах Пабло.
"Let us speak," he said to Pilar and Maria.	- Дайте нам поговорить, - сказал он Пилар и Марии.

"I have to speak to Pablo."	- Мне нужно поговорить с Пабло.
"Does it hurt much?" Pablo asked.	- Сильно болит? - спросил Пабло.
He was bending close over Robert Jordan.	Он наклонился совсем близко к Роберту Джордану.
"No.	- Нет.
I think the nerve is crushed.	Вероятно, перерван нерв.
Listen.	Слушай.
Get along.	Вы собирайтесь.
I am mucked, see?	Мое дело табак, понимаешь?
I will talk to the girl for a moment.	Я только скажу несколько слов девушке.

When I say to take her, take her.	Когда я тебе крикну: возьми ее, - ты ее возьми.
She will want to stay.	Она не захочет уйти.
I will only speak to her for a moment."	Я только скажу ей несколько слов.
"Clearly, there is not much time," Pablo said. "Clearly."	- Понятно, времени у нас немного, - сказал Пабло.
"I think you would do better in the Republic," Robert Jordan said.	- По-моему, вам лучше идти на территорию Республики, - сказал Роберт Джордан.
"Nay. I am for Gredos."	- Нет, мы пойдем в Гредос.
"Use thy head."	- Подумай как следует.
"Talk to her now," Pablo said.	- Зови Марию и говори с ней, - сказал Пабло.

"There is little time.	- Времени у нас совсем мало.
I am sorry thou hast this, _Ingles_."	Мне очень жаль, что с тобой это случилось.
"Since I have it--" Robert Jordan said.	- Но оно случилось, - сказал Роберт Джордан.
"Let us not speak of it.	- Не будем говорить об этом.
But use thy head.	Но ты пораскинь мозгами.
Thou hast much head.	У тебя мозги есть.
Use it."	Подумай.
"Why would I not?" said Pablo.	- Я уже подумал, - сказал Пабло.
"Talk now fast, _Ingles_.	- Ну, говори, Ingles, только быстрее.
There is no time."	Времени у нас нет.

Pablo went over to the nearest tree and watched down the slope, across the slope and up the road across the gorge.	Пабло отошел к ближайшему дереву и стал смотреть вниз, в теснину, и на дорогу по ту сторону теснины.
Pablo was looking at the gray horse on the slope with true regret on his face and Pilar and Maria were with Robert Jordan where he sat against the tree trunk.	Потом он перевел глаза на серую лошадь, лежавшую на склоне, и на лице у него появилось огорченное выражение, а Пилар и Мария вернулись к Роберту Джордану, который сидел, прислонясь к стволу сосны.

"Slit the trouser, will thee?" he said to Pilar.	- Разрежь штанину, пожалуйста, - сказал он Пилар.
Maria crouched by him and did not speak.	Мария присела возле него на корточки и не говорила ничего.

The sun was on her hair and her face was twisted as a child's contorts before it cries.	Солнце играло на ее волосах, а лицо у нее было искажено гримасой, как у ребенка, который готовится заплакать.
But she was not crying.	Но она не плакала.
Pilar took her knife and slit his trouser leg down below the lefthand pocket. Robert Jordan spread the cloth with his hands and looked at the stretch of his thigh.	Пилар вынула нож и разрезала его левую штанину от кармана до самого низу, Роберт Джордан руками развел края и наклонился посмотреть.

Ten inches below the hip joint there was a pointed, purple swelling like a sharp-peaked little tent and as he touched it with his fingers he could feel the snapped-off thigh bone tight against the skin.	Дюймов на десять пониже тазобедренного сустава багровела конусовидная опухоль, похожая на маленький островерхий шалаш, и, дотронувшись до нее пальцами, Роберт Джордан ясно почувствовал конец кости, туго упиравшийся в кожу.
His leg was lying at an odd angle.	Нога лежала на земле, неестественно выгнутая.
He looked up at Pilar.	Он поднял глаза и посмотрел на Пилар.
Her face had the same expression as Maria's.	У нее было такое же выражение лица, как у Марии:
"_Anda_," he said to her.	- Anda, - сказал он ей.

"Go."	- Ступай.
She went away with her head down without saying anything nor looking back and Robert Jordan could see her shoulders shaking.	Она ушла, понурив голову, ничего не сказав и не оглянувшись, и Роберт Джордан увидел, что у нее трясутся плечи.
"_Guapa_," he said to Maria and took hold of her two hands.	- Guapa, - сказал он Марии и взял обе ее руки в свои.
"Listen.	- Выслушай меня.
We will not be going to Madrid--"	Мы в Мадрид не поедем...
Then she started to cry.	Тогда она заплакала.
"No, _guapa_, don't," he said.	- Не надо, guapa, - сказал он.

"Listen.	- Выслушай меня.
We will not go to Madrid now but I go always with thee wherever thou goest.	Мы теперь в Мадрид не поедем, но, куда бы ты ни поехала, я везде буду с тобой.
Understand?"	Поняла?
She said nothing and pushed her head against his cheek with her arms around him.	Она ничего не сказала, только прижалась головой к его щеке и обняла его крепче.
"Listen to this well, rabbit," he said.	- Слушай меня хорошенько, зайчонок, - сказал он.
He knew there was a great hurry and he was sweating very much, but this had to be said and understood.	Он знал, что нужно торопиться, и весь обливался потом, но он должен был сказать и заставить ее понять.

"Thou wilt go now, rabbit.	- Сейчас ты отсюда уйдешь, зайчонок.
But I go with thee.	Но и я уйду с тобой.
As long as there is one of us there is both of us.	Пока один из нас жив, до тех пор мы живы оба.
Do you understand?"	Ты меня понимаешь?
"Nay, I stay with thee."	- Нет, я хочу с тобой.
"Nay, rabbit.	- Нет, зайчонок.
What I do now I do alone.	То, что мне сейчас нужно сделать, я сделаю один.
I could not do it well with thee.	При тебе я не могу сделать это как следует.
If thou goest then I go, too.	А если ты уйдешь, значит, и я уйду.
Do you not see how it is?	Разве ты не чувствуешь, что это так?

Whichever one there is, is both."	Где один из нас, там оба.
"I will stay with thee."	- Я хочу с тобой.
"Nay, rabbit.	- Нет, зайчонок.
Listen.	Слушай.
That people cannot do together.	В этом люди не могут быть вместе.
Each one must do it alone.	В этом каждый должен быть один.
But if thou goest then I go with thee.	Но если ты уйдешь, значит, и я пойду тоже.
It is in that way that I go too.	Только так я могу уйти.
Thou wilt go now, I know.	Я знаю, ты уйдешь и не будешь спорить.
For thou art good and kind.	Ты ведь умница, и ты добрая.

Thou wilt go now for us both."	Ты уйдешь за нас обоих, и за себя и за меня.
"But it is easier if I stay with thee," she said.	- Но я хочу остаться с тобой, - сказала она.
"It is better for me."	- Мне так легче.
"Yes.	- Я знаю.
Therefore go for a favor.	Но ты сделай это ради меня.
Do it for me since it is what thou canst do."	Я тебя прошу об этом.
"But you don't understand, Roberto.	-Ты не понимаешь, Роберто.
What about me?	А я?
It is worse for me to go."	Мне хуже, если я уйду.
"Surely," he said.	- Да, - сказал он.

"It is harder for thee.	- Тебе тяжело.
But I am thee also now."	Но ведь ты теперь - это и я тоже.
She said nothing.	Она молчала.
He looked at her and he was sweating heavily and he spoke now, trying harder to do something than he had ever tried in all his life.	Он посмотрел на нее, весь в поту, и снова заговорил, стараясь добиться своего так, как еще никогда не старался в жизни.

"Now you will go for us both," he said.	-Ты сейчас уйдешь за нас обоих, - сказал он.
"You must not be selfish, rabbit.	- Забудь о себе, зайчонок.
You must do your duty now."	Ты должна выполнить свой долг.
She shook her head.	Она покачала головой.

"You are me now," he said.	-Ты теперь - это я, - сказал он.
"Surely thou must feel it, rabbit.	- Разве ты не чувствуешь, зайчонок? Она молчала.
"Rabbit, listen," he said.	- Послушай, зайчонок, - сказал он.
"Truly thus I go too.	- Правда же, если ты уйдешь, это значит, что и я уйду.
I swear it to thee."	Клянусь тебе.
She said nothing.	Она молчала.
"Now you see it," he said.	- Ну вот, теперь ты поняла, - сказал он.
"Now I see it is clear.	- Теперь я вижу, что ты поняла.
Now thou wilt go.	Теперь ты уйдешь.
Good.	Вот и хорошо.

Now you are going.	Сейчас ты встанешь и уйдешь.
Now you have said you will go."	Вот ты уже сама сказала, что уйдешь.
She had said nothing.	Она ничего не говорила.
"Now I thank thee for it.	- Ну вот и спасибо.
Now you are going well and fast and far and we both go in thee.	Теперь ты уйдешь быстро и спокойно и далеко-далеко, и мы оба уйдем в тебе.
Now put thy hand here.	Теперь положи руку сюда.
Now put thy head down.	Теперь положи голову сюда.
Nay, put it down.	Нет, совсем положи.
That is right.	Вот, хорошо.

Now I put my hand there.	Теперь я положу руку вот сюда.
Good.	Хорошо.
Thou art so good.	Ты ведь умница.
Now do not think more.	И не надо больше ни о чем думать.
Now art thou doing what thou should.	Ты делаешь то, что ты должна делать.
Now thou art obeying.	Ты слушаешься.
Not me but us both.	Не меня, нас обоих.
The me in thee.	Того меня, который в тебе.
Now you go for us both.	Теперь ты уйдешь за нас обоих.
Truly.	Правда!

We both go in thee now.	Мы оба уйдем в тебе.
This I have promised thee.	Я ведь тебе так обещал.
Thou art very good to go and very kind."	Ты умница, и ты очень добрая, что уходишь теперь.
He jerked his head at Pablo, who was half-looking at him from the tree and Pablo started over.	Он кивнул Пабло, который посматривал на него из-за дерева, и Пабло направился к нему.
He motioned with his thumb to Pilar.	Потом он пальцем поманил Пилар.
"We will go to Madrid another time, rabbit," he said.	- Мы еще поедем в Мадрид, зайчонок, - сказал он.
"Truly.	- Правда.
Now stand up and go and we both go.	Ну, а теперь встань и иди.

Stand up.	Встань.
See?"	Слышишь?
"No," she said and held him tight around the neck.	- Нет, - сказала она и крепко обхватила его за шею.
He spoke now still calmly and reasonably but with great authority.	Тогда он опять заговорил, все так же спокойно и рассудительно, но очень твердо.
"Stand up," he said.	- Встань, - сказал он.
"Thou art me too now.	- Ты теперь - это и я.
Thou art all there will be of me.	Ты - все, что останется от меня.
Stand up."	Встань.
She stood up slowly, crying, and with her head down.	Она встала, медленно, не поднимая головы, плача.

Then she dropped quickly beside him and then stood up again, slowly and tiredly, as he said,	Потом бросилась опять на землю рядом с ним, но сейчас же встала, медленно и покорно, когда он сказал ей:
"Stand up, guapa."	"Встань, зайчонок!"
Pilar was holding her by the arm and she was standing there.	Пилар держала ее за локоть, и так она стояла перед ним.
"_Vamonos_," Pilar said.	- Идем, - сказала Пилар.
"Dost lack anything, _Ingles?_" She looked at him and shook her head.	- Тебе что-нибудь нужно, Ingles?
"No," he said and went on talking to Maria.	- Нет, - сказал он и продолжал говорить с Марией.

"There is no good-by, _guapa_, because we are not apart.	- Прощаться не надо, guapa, ведь мы не расстаемся.
That it should be good in the Gredos.	Пусть все будет хорошо в Гредосе.
Go now.	Ну, иди.
Go good.	Будь умницей, иди.
Nay," he spoke now still calmly and reasonably as Pilar walked the girl along.	Нет, - продолжал он, все так же спокойно и рассудительно, пока Пилар вела девушку к лошадям.

"Do not turn around.	- Не оглядывайся.
Put thy foot in.	Ставь ногу в стремя.
Yes.	Да, да.
Thy foot in.	Ставь ногу.

Help her up," he said to Pilar.	Помоги ей, - сказал он Пилар.
"Get her in the saddle.	- Подсади ее в седло.
Swing up now."	Вот так.
He turned his head, sweating, and looked down the slope, then back toward where the girl was in the saddle with Pilar by her and Pablo just behind.	Он отвернулся, весь в поту, и взглянул вниз, на дорогу, потом опять на девушку, которая уже сидела на лошади, и Пилар была рядом с ней, а Пабло сзади.
"Now go," he said.	- Ну, ступай, - сказал он.
"Go."	- Ступай.
She started to look around.	- Она хотела оглянуться.
"Don't look around," Robert Jordan said.	- Не оглядывайся, - сказал Роберт Джордан.
"Go."	- Ступай.

And Pablo hit the horse across the crupper with a hobbling strap and it looked as though Maria tried to slip from the saddle but Pilar and Pablo were riding close up against her and Pilar was holding her and the three horses were going up the draw.	Пабло стегнул лошадь по крупу ремнем, и на мгновение показалось, будто Мария вот-вот соскользнет с седла, но Пилар и Пабло ехали вплотную по сторонам, и Пилар держала ее, и все три лошади уже шли в гору.
"Roberto," Maria turned and shouted.	- Роберто! - закричала Мария и оглянулась.
"Let me stay!	- Я хочу к тебе!
Let me stay!"	Я хочу к тебе!
"I am with thee," Robert Jordan shouted.	-Я с тобой, - закричал Роберт Джордан.

"I am with thee now.	- Я там, с тобой.
We are both there.	Мы вместе.
Go!"	Ступай!
Then they were out of sight around the corner of the draw and he was soaking wet with sweat and looking at nothing.	Потом они скрылись из виду за выступом горы, и он лежал, весь мокрый от пота, и ни на что не смотрел.
Agustin was standing by him.	Агустин стоял перед ним.
"Do you want me to shoot thee, _Ingles?_" he asked, leaning down close. "_Quieres?_ It is nothing."	- Хочешь, я тебя застрелю, Ingles? - спросил он, наклоняясь совсем низко. - Хочешь? Я могу.
"_No hace falta_," Robert Jordan said.	- No hace falta, - сказал Роберт Джордан.

"Get along.	- Ступай.
I am very well here."	Мне тут очень хорошо.
"_Me cago en la leche que me han dado!_" Agustin said.	- Me cago en la leche que me ban dado! - сказал Агустин.

He was crying so he could not see Robert Jordan clearly. "_Salud, Ingles_."	Он плакал и потому видел Роберта Джордана как в тумане. - Salud, Ingles.
"_Salud_, old one," Robert Jordan said.	- Salud, друг, - сказал Роберт Джордан.
He was looking down the slope now.	Он теперь смотрел вниз, на дорогу.
"Look well after the cropped head, wilt thou?"	- Не оставляй стригунка, ладно?

"There is no problem," Agustin said.	- Об этом не беспокойся, - сказал Агустин.
"Thou has what thou needest?"	- У тебя все есть, что тебе нужно?
"There are very few shells for this _maquina_, so I will keep it," Robert Jordan said.	- Эту maquina я оставлю себе, тут всего несколько патронов, - сказал Роберт Джордан.
"Thou canst now get more.	- Ты таких не достанешь.
For that other and the one of Pablo, yes."	Для большой и для той, которая у Пабло, можно достать.
"I cleaned out the barrel," Agustin said.	- Я прочистил ствол, - сказал Агустин.
"Where thou plugged it in the dirt with the fall."	- Когда ты упал, туда набилась земля.

"What became of the pack-horse?"	-Где вьючная лошадь?
"The gypsy caught it."	- Цыган поймал ее.
Agustin was on the horse now but he did not want to g°.	Агустин уже сидел верхом, но ему не хотелось уходить.
He leaned far over toward the tree where Robert Jordan lay.	Он перегнулся с седла к дереву, под которым лежал Роберт Джордан.
"Go on, _viejo_," Robert Jordan said to him.	- Ступай, viejo, - сказал ему Роберт Джордан.
"In war there are many things like this."	- На войне это дело обычное.
"_Que puta es Ia guerra_," Agustin said.	- Que puta es la guerra, - сказал Агустин.
"War is a bitchery."	- Война - это гнусность.
"Yes, man, yes.	- Да, друг, да.

But get on with thee."	Но тебе надо спешить.
"_Salud, Ingles_," Agustin said, clenching his right fist.	- Salud, Ingles, - сказал Агустин и потряс в воздухе сжатым кулаком.
"_Salud_," Robert Jordan said.	- Salud, - сказал Роберт Джордан.
"But get along, man."	- Ну, ступай.
Agustin wheeled his horse and brought his right fist down as though he cursed again with the motion of it and rode up the draw.	Агустин круто повернул лошадь, опустил кулак таким движением, точно выбранился при этом, и медленно поехал вперед.
All the others had been out of sight long before.	Остальных давно уже не было видно.
He looked back where the draw turned in the timber and waved his fist.	Доехав до поворота, он оглянулся и помахал Роберту Джордану кулаком.

Robert Jordan waved and then Agustin, too, was out of sight.. . . Robert Jordan looked down the green slope of the hillside to the road and the bridge.	Роберт Джордан тоже помахал в ответ, и Агустин скрылся вслед за остальными... Роберт Джордан посмотрел вниз, туда, где у подножия зеленого склона виднелись дорога и мост.

I'm as well this way as any, he thought.	Так будет хорошо, подумал он.
It wouldn't be worth risking getting over on my belly yet, not as close as that thing was to the surface, and I can see better this way.	Переворачиваться на живот рискованно, слишком эта штука близка к поверхности, да и смотреть так удобнее.

He felt empty and drained and exhausted from all of it and from them going and his mouth tasted of bile.	Он чувствовал усталость, и слабость, и пустоту после всего, что было, и после их ухода, и во рту он ощущал привкус желчи.
Now, finally and at last, there was no problem. however all of it had been and however all of it would ever be now, for him, no longer was there any problem.	Вот теперь и в самом деле ничего трудного нет. Как бы все ни было и как бы ни обернулось дальше, для него уже ничего трудного нет.
They were all gone now and he was alone with his back against a tree.	Все ушли, он один сидит тут, под деревом, прислонясь к стволу спиной.

He looked down across the green slope, seeing the gray horse where Agustin had shot him, and on down the slope to the road with the timber-covered country behind it.	Он посмотрел вниз, на зеленый склон, увидел серую лошадь, которую пристрелил Агустин, а еще ниже дорогу, а за ней другой склон, поросший густым лесом.
Then he looked at the bridge and across the bridge and watched the activity on the bridge and the road.	Потом он перевел глаза на мост и на дорогу за мостом и стал наблюдать за тем, что делается на мосту и на дороге.
He could see the trucks now, all down the lower road.	Отсюда ему видны были грузовики, столпившиеся за поворотом.
The gray of the trucks showed through the trees.	Их серые борта просвечивали сквозь деревья.

Then he looked back up the road to where it came down over the hill.	Потом он посмотрел в другую сторону, где дорога не круто уходила вверх.
They will be coming soon now, he thought.	Отсюда они и придут, теперь уже скоро, подумал он.
Pilar will take care of her as well as any one can.	Пилар позаботится о ней лучше, чем кто бы то ни было.
You know that.	Ты сам знаешь.
Pablo must have a sound plan or he would not have tried it.	У Пабло, вероятно, все обдумано, иначе он бы не рисковал.
You do not have to worry about Pablo.	Насчет Пабло можешь не беспокоиться.
It does no good to think about Maria.	И не надо тебе думать о Марии.

Try to believe what you told her.	Постарайся поверить сам в то, что ты ей говорил.
That is the best.	Так будет лучше.
And who says it is not true?	А кто говорит, что это неправда?
Not you.	Не ты.
You don't say it, any more than you would say the things did not happen that happened.	Ты этого не скажешь, как не скажешь, что не было того, что было.
Stay with what you believe now.	Не теряй своей веры.
Don't get cynical.	Не будь циником.

The time is too short and you have just sent her away.	Времени осталось слишком мало, и ты ведь только что заставил ее уйти.
Each one does what he can.	Каждый делает, что может.
You can do nothing for yourself but perhaps you can do something for another.	Ты ничего уже не можешь сделать для себя, но, может быть, ты сможешь что-нибудь сделать для других.
Well, we had all our luck in four days.	Что ж. Мы все свое счастье пережили за четыре дня.
Not four days.	Нет, не за четыре.
It was afternoon when I first got there and it will not be noon today.	Я пришел сюда в сумерки, а сегодня не успеет наступить полдень.

That makes not quite three days and three nights.	Значит, три ночи и три неполных дня.
Keep it accurate, he said.	Будь точен, сказал он.
Quite accurate.	Абсолютно точен.
I think you better get down now, he thought.	Пожалуй, тебе лучше сползти пониже, подумал он.
You better get fixed around some way where you will be useful instead of leaning against this tree like a tramp.	Лучше пристроиться где-нибудь, где от тебя еще может быть польза, а сидеть под деревом, точно бродяга на привале, - это ни к чему.
You have had much luck.	В конце концов, тебе еще повезло.
There are many worse things than this.	Бывают вещи похуже.

Every one has to do this, one day or another.	А к этому каждый должен прийти рано или поздно.
You are not afraid of it once you know you have to do it, are you?	Ведь ты не боишься, раз уж знаешь, что должен сделать это.
No, he said, truly.	Нет, сказал он себе, и это была правда.
It was lucky the nerve was crushed, though.	Счастье все-таки, что нерв поврежден.
I cannot even feel that there is anything below the break.	Ниже перелома я даже не чувствую ничего.
He touched the lower part of his leg and it was as though it were not part of his body.	Он потрогал ногу, и она как будто не была частью его тела.

He looked down the hill slope again and he thought, I hate to leave it, is all.	Он снова посмотрел вниз, на склон, и подумал: не хочется покидать все это, только и всего.
I hate to leave it very much and I hope I have done some good in it.	Очень не хочется покидать, и хочется думать, что какую-то пользу я здесь все-таки принес.
I have tried to with what talent I had. _Have, you mean.	Старался, во всяком случае, в меру тех способностей, которые у меня были. Ты хочешь сказать - есть.
All right, have_.	Ладно, пусть так - есть.
I have fought for what I believed in for a year now.	Почти целый год я дрался за то, во что верил.
If we win here we will win everywhere.	Если мы победим здесь, мы победим везде.

The world is a fine place and worth the fighting for and I hate very much to leave it.	Мир - хорошее место, и за него стоит драться, и мне очень не хочется его покидать.
And you had a lot of luck, he told himself, to have had such a good life.	И тебе повезло, сказал он себе, у тебя была очень хорошая жизнь.
You've had just as good a life as grandfather's though not as long.	Такая же хорошая, как и у дедушки, хоть и короче.
You've had as good a life as any one because of these last days.	У тебя была жизнь лучше, чем у всех, потому что в ней были вот эти последние дни.
You do not want to complain when you have been so lucky.	Не тебе жаловаться.

I wish there was some way to pass on what I've learned, though.	Жаль только, что уже не придется передать кому-нибудь все, чему я научился.
Christ, I was learning fast there at the end.	Черт, мое учение шло быстро под конец.
I'd like to talk to Karkov.	Хорошо бы еще побеседовать с Карковым.
That is in Madrid.	Там, в Мадриде.
Just over the hills there, and down across the plain.	Вон за теми горами, и еще пересечь долину.
Down out of the gray rocks and the pines, the heather and the gorse, across the yellow high plateau you see it rising white and beautiful.	Там, далеко от серых скал и сосен, от вереска и дрока, по ту сторону желтого плоскогорья стоит Мадрид, белый и красивый.

That part is just as true as Pilar's old women drinking the blood down at the slaughterhouse.	Это такая же правда, как старухи Пилар, которые ходят на бойню пить свежую кровь.
There's no one thing that's true.	Не бывает, чтобы что-нибудь одно было правдой.
It's all true.	Все - правда.
The way the planes are beautiful whether they are ours or theirs.	Ведь самолеты одинаково красивы, наши ли они или их.
The hell they are, he thought.	Как бы не так, подумал он.
You take it easy, now, he said.	Ладно, нечего расстраиваться, сказал он себе.
Get turned over now while you still have time.	Перевернись лучше на живот, пока еще есть время.

Listen, one thing.	Да, вот еще что.
Do you remember? Pilar and the hand?	Помнишь гаданье Пилар по руке?
Do you believe that crap?	Что ж, ты веришь в эту чушь?
No, he said.	Нет, сказал он.
Not with everything that's happened?	Несмотря на все, что случилось?
No, I don't believe it.	Да, все равно не верю.
She was nice about it early this morning before the show started.	Но она сегодня была просто трогательная - утром, перед тем, как мы вышли.
She was afraid maybe I believed it.	Она боялась, вероятно, что я поверил.
I don't, though.	Но я не верю.
But she does.	А она верит.

They see something.	Что-то они все-таки видят.
Or they feel something. Like a bird dog.	Или чуют что-то.
What about extra-sensory perception?	Сверхчувственное восприятие - так это, кажется, называется.
What about obscenity? he said.	Так и так это называется, сказал он.
She wouldn't say good-by, he thought, because she knew if she did Maria would never go.	Она нарочно не простилась, потому что она знала: если начать прощаться, Мария не уйдет.
That Pilar.	Уж эта Пилар.
Get yourself turned over, Jordan.	Ладно, Джордан, давай переворачиваться на живот.

But he was reluctant to try it.	Но ему не хотелось приниматься за это.
Then he remembered that he had the small flask in his hip pocket and he thought, I'll take a good spot of the giant killer and then I'll try it.	Тут он вспомнил, что в заднем кармане у него есть маленькая фляжка, и подумал: глотну победителя великанов, потом попробую перевернуться.
But the flask was not there when he felt for it.	Но когда он ощупал карман, фляжки там не оказалось.
Then he felt that much more alone because he knew there was not going to be even that.	Тогда он почувствовал себя совсем одиноко, потому что узнал, что даже этого не будет.
I guess I'd counted on that, he said.	Видно, я рассчитывал на это, подумал он.

Do you suppose Pablo took it?	Может быть, Пабло взял ее?
Don't be silly.	Что за глупости.
You must have lost it at the bridge.	Ты, вероятно, потерял ее на мосту.
"Come on now, Jordan," he said.	Ну, Джордан, давай, сказал он себе.
"Over you go."	Раз, два, три.
Then he took hold of his left leg with both hands and pulled on it hard, pulling toward the foot while he lay down beside the tree he had been resting his back against.	Он отодвинулся от дерева и лег, потом взялся обеими руками за свою левую ногу и сильно оттянул ее вниз.

Then lying flat and pulling hard on the leg, so the broken end of the bone would not come up and cut through the thigh, he turned slowly around on his rump until the back of his head was facing downhill.	Потом, лежа и продолжая оттягивать ногу, чтобы острый край кости не выскочил и не пропорол кожу изнутри, он медленно повернулся на ягодицах кругом, пока голова у него не оказалась ниже ног.

Then with his broken leg, held by both hands, uphill, he put the sole of his right foot against the instep of his left foot and pressed hard while he rolled, sweating, over onto his face and chest. He got onto his elbows, stretched the left leg well behind him with both hands and a far, sweating, push with the right foot and there he was.	Потом он уперся подошвой правой ноги в подъем левой и с усилием, обливаясь потом, перекатился на живот, затем, приподнявшись на локтях, помогая правой ногой, он выпрямил левую и отвел ее, сколько можно было, назад.
He felt with his fingers on the left thigh and it was all right.	Он пощупал бедро: все было в порядке.

The bone end had not punctured the skin and the broken end was well into the muscle now.	Кость не прорвала кожу, и обломанный край ушел в мышцу.
The big nerve must have been truly smashed when that damned horse rolled on it, he thought.	Должно быть, нерв и в самом деле перервался, когда эта проклятая лошадь придавила ногу, подумал он.
It truly doesn't hurt at all.	Боли в самом деле нет никакой.
Except now in certain changes of positions.	Только вот когда меняешь положение.
That's when the bone pinches something else.	Вероятно, при этом кость задевает что-нибудь еще.
You see? he said.	Вот видишь, сказал он.

You see what luck is?	Видишь, как тебе везет.
You didn't need the giant killer at all.	Даже и без победителя великанов обошлось дело.
He reached over for the submachine gun, took the clip out that was in the magazine, felt in his pocket for clips, opened the action and looked through the barrel, put the clip back into the groove of the magazine until it clicked, and then looked down the hill slope.	Он потянулся за своим автоматом, вынул магазин из коробки, нащупал запасные в кармане, открыл затвор и заглянул в ствол, потом вставил магазин и повернулся лицом к дороге.
Maybe half an hour, he thought.	Может быть, еще полчаса, подумал он.
Now take it easy.	Только не надо волноваться.

Then he looked at the hillside and he looked at the pines and he tried not to think at all.	Он смотрел на склон, и смотрел на сосны, и старался не думать ни о чем.
Then he looked at the stream and he remembered how it had been under the bridge in the cool of the shadow.	Он смотрел на реку и вспоминал, как прохладно было в тени под мостом.
I wish they would come, he thought.	Скорее бы они пришли, подумал он.
I do not want to get in any sort of mixed-up state before they come.	Как бы у меня не начало мутиться в голове раньше, чем они придут.
Who do you suppose has it easier?	Как ты думаешь, кому легче?
Ones with religion or just taking it straight?	Верующим или тем, кто принимает все так, как оно есть?

It comforts them very much but we know there is no thing to fear.	Вера, конечно, служит утешением, но зато мы знаем, что бояться нечего.
It is only missing it that's bad.	Плохо только, что все уходит.
Dying is only bad when it takes a long time and hurts so much that it humiliates you.	Плохо, если умирать приходится долго и если при этом очень больно, потому что это унижает тебя.
That is where you have all the luck, see?	Вот тут тебе особенно повезло.
You don't have any of that.	С тобой этого не случится.
It's wonderful they've got away.	Хорошо, что они ушли.
I don't mind this at all now they are away.	Так гораздо лучше, без них.

It is sort of the way I said.	Я ведь говорю, что мне везет.

It is really very much that way. Look how different it would be if they were all scattered out across that hill where that gray horse is.	Насколько хуже было бы, если б они все были здесь, рассыпаны по этому склону, на котором лежит серая лошадь.
Or if we were all cooped up here waiting for it.	Или сбились бы в кучу вокруг меня, выжидая.
No.	Нет.
They're gone.	Они ушли.
They're away.	Их нет здесь.
Now if the attack were only a success.	Теперь если бы еще наступление оказалось удачным.

What do you want?	Ты чего же хочешь?
Everything.	Всего.
I want everything and I will take whatever I get.	Я хочу всего, но я возьму что можно.
If this attack is no good another one will be.	Пусть даже это наступление окончится неудачей, что ж, другое будет удачным.
I never noticed when the planes came back. _God, that was lucky I could make her go_.	Я не заметил, пролетали самолеты обратно или нет. Господи, вот счастье, что удалось заставить ее уйти.
I'd like to tell grandfather about this one.	Хорошо бы рассказать обо всем этом дедушке.

I'll bet he never had to go over and find his people and do a show like this.	Уж наверно ему никогда не приходилось переходить линию фронта, и отыскивать своих, и выполнять задание вроде того, какое сегодня выполнил я.
How do you know?	Откуда ты знаешь?
He may have done fifty.	Может быть, он пятьдесят раз выполнял такие задания.
No, he said.	Нет, сказал он.
Be accurate.	Будь точен.
Nobody did any fifty like this one.	Такое никому не сделать пятьдесят раз.
Nobody did five.	Даже и пять раз.
Nobody did one maybe not just like this.	Может быть, даже и один раз не так-то просто.

Sure.	Да нет, отчего же.
They must have.	Ты не единственный.
I wish they would come now, he said.	Скорей бы они пришли, сказал он.
I wish they would come right now because the leg is starting to hurt now.	Пришли бы сейчас, а то нога начинает болеть.
It must be the swelling.	Должно быть, распухает.
We were going awfully good when that thing hit us, he thought.	Все шло так хорошо, пока не ударил этот снаряд, подумал он.
But it was only luck it didn't come while I was under the bridge.	Но это еще счастье, что он не ударил раньше, когда я был под мостом.

When a thing is wrong something's bound to happen.	Когда что-нибудь делается не так, рано или поздно должна случиться беда.
You were bitched when they gave Golz those orders.	Твоя песенка была спета, еще когда Гольц получил этот приказ.
That was what you knew and it was probably that which Pilar felt.	И ты это знал, и это же, должно быть, чувствовала Пилар.
But later on we will have these things much better organized.	Со временем все это у нас будет налажено лучше.
We ought to have portable short wave transmitters. _Yes, there's a lot of things we ought to have_.	Походные рации - вот что нам нужно. Да, нам много чего нужно.

I ought to carry a spare leg, too.	Мне бы, например, иметь запасную ногу.
He grinned at that sweatily because the leg, where the big nerve had been bruised by the fall, was hurting badly now.	Он с усилием улыбнулся на это, потому что нога теперь очень болела в том месте, где был задет нерв.
Oh, let them come, he said.	Ох, пусть идут, подумал он.
I don't want to do that business that my father did.	Я не хочу делать то, что сделал мой отец.
I will do it all right but I'd much prefer not to have to.	Я сделаю, если понадобится, но лучше бы не понадобилось.
I'm against that.	Я против этого.
Don't think about that.	Не думай об этом.
Don't think at all.	Не думай об этом.

I wish the bastards would come, he said.	Скорее бы они шли, сволочи, подумал он.
I wish so very much they'd come.	Скорей бы, скорей бы шли.
His leg was hurting very badly now.	Нога теперь болела все сильнее.
The pain had started suddenly with the swelling after he had moved and he said, Maybe I'll just do it now.	Боль появилась внезапно, после того как он перевернулся и бедро стало распухать. И он подумал: может быть, мне сейчас сделать это.
I guess I'm not awfully good at pain.	Я не очень хорошо умею переносить боль.

Listen, if I do that now you wouldn't misunderstand, would you? _Who are you talking to?_ Nobody, he said.	Послушай, если я это сделаю сейчас, ты не поймешь превратно, а? Ты с кем говоришь? Ни с кем, сказал он.
Grandfather, I guess.	С дедушкой, что ли?
No.	Нет.
Nobody.	Ни с кем.
Oh bloody it, I wish that they would come.	Ох, к дьяволу, скорей бы уж они шли.

Listen, I may have to do that because if I pass out or anything like that I am no good at all and if they bring me to they will ask me a lot of questions and do things and all and that is no good.	Послушай, а может быть, все-таки сделать это, потому что, если я потеряю сознание, я не смогу справиться и меня возьмут и будут задавать мне вопросы, всякие вопросы, и делать всякие вещи, и это будет очень нехорошо.
It's much best not to have them do those things.	Лучше не допустить до этого.

So why wouldn't it be all right to just do it now and then the whole thing would be over with?	Так, может быть, все-таки сделать это сейчас, и все будет кончено?
Because oh, listen, yes, listen, _let them come now_.	А то, ох, слушай, да, слушай, пусть они идут скорей.

You're not good at this, Jordan, he said.	Плохо ты с этим справляешься, Джордан, сказал он.
Not so good at this.	Плохо справляешься.
And who is so good at this?	А кто с этим хорошо справляется?
I don't know and I don't really care right now.	Не знаю, да и знать не хочу.
But you are not.	Но ты - плохо.
That's right. You're not at all.	Именно ты - совсем плохо.
Oh not at all, at all.	Совсем плохо, совсем.
I think it would be all right to do it now?	По-моему, пора.
Don't you?	А по-твоему?
No, it isn't.	Нет, не пора.

Because there is something you can do yet.	Потому что ты еще можешь кое-что сделать.
As long as you know what it is you have to do it.	Пока ты еще знаешь, что именно, ты это должен сделать.
As long as you remember what it is you have to wait for that. Come on.	Пока ты еще помнишь об этом, ты должен ждать.
Let them come.	Идите же!
Let them come.	Пусть идут!
Let them come!	Пусть идут!
Think about them being away, he said.	Думай о тех, которые ушли, сказал он.
Think about them going through the timber.	Думай, как они пробираются лесом.

Think about them crossing a creek.	Думай, как они переходят ручей.
Think about them riding through the heather.	Думай, как они едут в зарослях вереска.
Think about them going up the slope.	Думай, как они поднимаются по склону.
Think about them O.K. tonight.	Думай, как сегодня вечером им уже будет хорошо.
Think about them travelling, all night.	Думай, как они едут всю ночь.
Think about them hiding up tomorrow.	Думай, как они завтра приедут в Гредос.
Think about them.	Думай о них.
God damn it, think about them. _That's just as far as I can think about them_, he said.	К черту, к дьяволу, думай о них. Дальше Гредоса я уже не могу о них думать, сказал он.

Think about Montana. I can't .	Думай про Монтану. Не могу.
Think about Madrid. _I can't_.	Думай про Мадрид. Не могу.
Think about a cool drink of water. _All right_.	Думай проглоток холодной воды. Хорошо.

That's what it will be like.	Вот так оно и будет.
Like a cool drink of water. _You're a liar_.	Как глоток холоднойводы. Лжешь.
It will just be nothing.	Оно будет никак.
That's all it will be.	Просто ничего не будет.
Just nothing.	Ничего.

Then do it. Do it .	Тогда сделай это. Сделай.
Do it now.	Вот сделай.
It's all right to do it now.	Теперь уже можно.
Go on and do it now. _No, you have to wait_.	Давай, давай. Нет, ты должен ждать.
What for? You know all right. _Then wait_.	Ты знаешь сам. Вот и жди.
I can't wait any longer now, he said.	Я больше не могу ждать, сказал он.
If I wait any longer I'll pass out.	Если я подожду еще минуту, я потеряю сознание.
I know because I've felt it starting to go three times now and I've held it.	Я знаю, потому что к этому уже три раза шло, но я удерживался.

I held it all right.	Я удерживался, и оно проходило.
But I don't know about any more.	Но теперь я не знаю.
What I think is you've got an internal hemorrhage there from where that thigh bone's cut around inside.	Наверно, там, в ноге, внутреннее кровоизлияние, ведь эта кость все вокруг разодрала.
Especially on that turning business.	Особенно при повороте.
That makes the swelling and that's what weakens you and makes you start to pass.	От этого и опухоль, и слабость, и начинаешь терять сознание.
It would be all right to do it now.	Теперь уже можно это сделать.

Really, I'm telling you that it would be all right.	Я тебе серьезно говорю, уже можно.
_And if you wait and hold them up even a little while or just get the officer that may make all the difference.	Но если ты дождешься и задержишь их хотя бы ненадолго или если тебе удастся хотя бы убить офицера, это может многое решить.
One thing well done can make--_	Одна вещь, сделанная вовремя....
All right, he said.	Ладно, сказал он.

And he lay very quietly and tried to hold on to himself that he felt slipping away from himself as you feel snow starting to slip sometimes on a mountain slope, and he said, now quietly, then let me last until they come.	И он лежал спокойно и старался удержать себя в себе, чувствуя, что на- чинает скользить из се- бя, как иногда чувству- ешь, как снег начина- ет скользить по горно- му склону, и он сказал: теперь надо спокойно, только бы мне продер- жаться, пока они при- дут.
Robert Jordan's luck held very good because he saw, just then, the cavalry ride out of the timber and cross the road.	Счастье Роберта Джор- дана не изменило ему, потому что в эту самую минуту кавалерийский отряд выехал из леса и пересек дорогу.
He watched them coming riding up the slope.	Он следил, как верховые поднимаются по склону.

He saw the trooper who stopped by the gray horse and shouted to the officer who rode over to him.	Он увидел, как головной отряда остановился возле серой лошади и крикнул что-то офицеру и как офицер подъехал к нему.
He watched them both looking down at the gray horse.	Он видел, как оба склонились над серой лошадью.
They recognized him of course.	Узнали ее.
He and his rider had been missing since the early morning of the day before.	Этой лошади и ее хозяина недосчитывались в отряде со вчерашнего утра.

Robert Jordan saw them there on the slope, close to him now, and below he saw the road and the bridge and the long lines of vehicles below it.	Роберт Джордан видел их на половине склона, недалеко от себя, а внизу он видел дорогу, и мост, и длинную вереницу машин за мостом.
He was completely integrated now and he took a good long look at everything.	Он теперь вполне владел собой и долгим, внимательным взглядом обвел все вокруг.
Then he looked up at the sky.	Потом он посмотрел на небо.
There were big white clouds in it.	На небе были большие белые облака.

He touched the palm of his hand against the pine needles where he lay and he touched the bark of the pine trunk that he lay behind.	Он потрогал ладонью сосновые иглы на земле и потрогал кору дерева, за которым лежал.
Then he rested easily as he could with his two elbows in the pine needles and the muzzle of the submachine gun resting against the trunk of the pine tree.	Потом он устроился как можно удобнее, облокотился на кучу сосновых игл, а ствол автомата прижал к сосне.
As the officer came trotting now on the trail of the horses of the band he would pass twenty yards below where Robert Jordan lay.	Поднимаясь рысью по следам ушедших, офицер должен был проехать ярдов на двадцать ниже того места, где лежал Роберт Джордан.

At that distance there would be no problem.	На таком расстоянии тут не было ничего трудного.
The officer was Lieutenant Berrendo.	Офицер был лейтенант Беррендо.
He had come up from La Granja when they had been ordered up after the first report of the attack on the lower post.	Он только что вернулся из Ла-Гранхи, когда пришло известие о нападении на нижний дорожный пост, и ему было предписано выступить со своим отрядом туда.
They had ridden hard and had then had to swing back, because the bridge had been blown, to cross the gorge high above and come around through the timber.	Они мчались во весь опор, но мост оказался взорванным, и они повернули назад, чтобы пересечь ущелье выше по течению и проехать затем лесом.

Their horses were wet and blown and they had to be urged into the trot.	Лошади их были в мыле и даже рысью шли с трудом.
Lieutenant Berrendo, watching the trail, came riding up, his thin face serious and grave. His submachine gun lay across his saddle in the crook of his left arm.	Лейтенант Беррендо поднимался по склону, приглядываясь к следам; его худое лицо было сосредоточенно и серьезно; автомат торчал поперек седла.
Robert Jordan lay behind the tree, holding onto himself very carefully and delicately to keep his hands steady.	Роберт Джордан лежал за деревом, сдерживая себя, очень бережно, очень осторожно, чтобы не дрогнула рука.

He was waiting until the officer reached the sunlit place where the first trees of the pine forest joined the green slope of the meadow.	Он ждал, когда офицер выедет на освещенное солнцем место, где первые сосны леса выступали на зеленый склон.
He could feel his heart beating against the pine needle floor of the forest.	Он чувствовал, как его сердце бьется об устланную сосновыми иглами землю.